

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1891 г.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СЕШЕДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1891.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать второй.

АПРѢЛЬ.

1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Шесть и Казань въ началѣ XIX в. Записки Николая Алексеевича Второва	1	VIII. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой въ 1866—1880 гг. Письмами и записки П. Д. Шостакова (Напечатано)	183
II. Очерки и воспоминанія М. М. Павлинова съ 1816 г. Гл. I.	23	IX. Петръ Александровичъ Степановъ, генералъ-отъ-инфантеріи	211
III. Фельдмаршалъ графъ М. И. Дорго-Забалканскій въ его разсказѣ. Записки въ авг. 1830 г. барона Тиссентгаузенъ. Сообщ. Н. К. Шмаллера.	45	X. Билетъ [Свои люди — сочтемся]. Каштанъ въ 4 дѣлѣтѣ. Сочиненіи А. Н. Островскаго, — собственноручная его рукопись.	319
IV. Записки ректора-профессора императорской академіи художествъ Федора Ивановича Кордана, 1800—1853 гг. Гл. V—IX.	71	XI. Двухрѣзный псаломъ: 84-я годовщина его учрежденія, 1807—1891 гг.	261
V. Записки Николая Фед. Здеснуора, почетнаго члена императорской военно-хирургической академіи. 1833—1843 гг. Главы I—II.	117	XII. Материалы, замѣтки и стихи: П. Ф. Шербана (44). — Гр. А. А. Зарвудскому, стихи П. Ф. Шербана (130). — Ф. Н. и А. П. Глазки (218). — О портретѣ А. Н. Островскаго (249). — Поруцѣтъ Александру Поделки (263).	
VI. Дневникъ академическаго-профессора Александра Васильевича Нишетаца, 1864 глы	131	XIII. Библиографическій списокъ. (На оборотѣ).	
VII. Дневникъ гр. Петра Александровича Валуева, 1847—1860 гг.	167		

ПРИЛОЖЕНІЕ: I. Портретъ Александра Николаевича Островскаго, съ фотографіи, гравированной Николаемъ Николаевичемъ Островскимъ, гравированъ на ильдѣ художникомъ Федоръ Ивановичъ Морозовъ. — II. Записка (записка) — рисунокъ почетнаго члена академіи художествъ, профессора Ф. Г. Солнцева.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цена 9 руб.

Въ Альбомѣ гравюры на ильдѣ, портреты русскихъ деятелей, выпускъ III-й и IV-й напечатаны и раздѣляются ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ портретовъ, художественно выполненная галерея. Цена своего выпуска ОДНЕНЪ руб. и три почтов. марки за порос. (21 к.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1891 г.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціею ген.-лейт. Г. А. Леера, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Сиб., 1883—1890 гг., въ 6. 8 д., въ два столбца, пять томовъ въ 17-ти выпускахъ, буквы: А — Наполеонъ. Цѣна 3 руб. за томъ (по 75 к. выпускъ).

Эта энциклопедія, какъ объяснено въ предисловіи къ ней, представляетъ новое издание «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона», генералъ-лейтенанта барона Зедлера (1852—1858 гг.), существенно переработанное и въ то-же время, съ одной стороны, значительно дополненное описаниемъ всѣхъ военныхъ явленій въ области науки, техники и боевой практики за послѣдніи 25 лѣтъ, а съ другой — въ сильной степени сокращенное, въ видахъ возможнаго удешевленія, чтобы сдѣлать издание по цѣнѣ доступнымъ для каждаго офицера. Изданіе предполагалось въ пяти томахъ, всего 200 печатныхъ листовъ, но обиліе матеріала и невозможность уложить его въ предѣлы пяти томовъ, безъ вреда для дѣла, было причиною, что объемъ Энциклопедіи, какъ можно судить по первымъ 17-ти выпускамъ, значительно превыситъ первоначальныя предположенія редакціи. Высокій авторитетъ въ военныхъ наукахъ, какой представляетъ собою уважаемый профес. г.-л. Г. А. Лееръ и удачный подборъ нѣтъ сотрудниковъ, нѣкоторыхъ уже въ самомъ началѣ дѣла было до 70-ти, поставили это изданіе на высоту его задачи, именно «дать каждому военному, по возможности сокращенно, въ формѣ аналитической, справочной, всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ потребоваться отъ него какъ служебною дѣятельностію, такъ и трудами на поприщѣ — ученій поприщѣ, въ видѣ общаго свѣдѣній и указаній для дальнѣйшей самостоятельной разработки того или другаго вопроса». Жаль только, что матеріальными средствами, предоставленными въ распоряженіе редакціи, слишкомъ скромнымъ, чѣмъ и объясняется отсутствіе при Энциклопедіи чертежей, плановъ и картъ, столь необходимыхъ при чтеніи многихъ статей военно-историческаго содержания.

Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томъ шестой. Исторія академіи наукъ. Г. Ф. Миллеръ, съ продолженіями Г. Г. Штриттера (1725—1743 гг.). Спб. 1890 г., 6. 8 д., стр. 635 (составлено и издано на итѣмецкомъ языкѣ).

Все монументальное изданіе этихъ матеріаловъ представляетъ драгоценный сборникъ не только для исторіи академіи наукъ, этого высшаго разсѣдника просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, но и для политической исторіи Россіи XVIII вѣка, и для исторіи русскаго общества.

Свѣтъ Азии (The light of Asia). Поэма Эдвина Арнольда. Переводъ А. Авнонской, подъ редакціей В. Лесевича. Съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированными имъ-же. Сиб., 1890 г., 8 д., стр. СІІІ+238. Цѣна 2 руб.

«Свѣтъ Азии» есть поэма Эдвина Арнольда, въ которой авторъ «даетъ описаніе жизни и характера основателя буддизма, индійскаго царевича Сиддартхи, и очеркъ его ученія, излагая вѣкъ отъ имени предполагаемаго покровника Будды, строго придерживающагося преданій, извѣстныхъ преданій». Переводу предпослана статья нашего извѣстнаго ученаго и философа Лесевича — «Индія до буддизма», которая, конечно, прочтется съ большимъ интересомъ. Г. Лесевичу-же принадлежитъ дѣя статья въ приложеніи: «Посѣщеніе Эдвиномъ Арнольдомъ цейлонскихъ буддистовъ» и «Буддизмъ по вѣдѣнтію царя Асоки Великаго».

Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности императорскаго вольнаго экономическаго общества, съ 1865 до 1890 г. Составленный по порученію общества секретаремъ его А. П. Бскетовымъ. Сиб. 1890 г., 8 д., стр. 200.

Вотъ содержаніе этой хорошо составленной книги, всесторонне знакомящей съ дѣятельностію отовдцатипятилѣтняго ученаго общества въ Россіи, за время послѣдней четверти вѣка: Исследования и штры, касающіяся экономическаго положенія Россіи. — Звѣдѣніе и почвовѣдѣніе. — Скотоводство и молочное хозяйство. — Пчеловодство. — Лѣноводство. — Шелководство. — Мѣры по улучшенію положенія

А. Островский

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1891 г.

МОСКВА и КАЗАНЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

Записки Ивана Алексѣевича Второва ¹⁾.

I.

Воспоминанія московской жизни моей — Первый слухъ о кончинѣ императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра Павловича. — Его торжественный въѣздъ въ Москву и коронованіе.

[Пишано въ 1822 г.].

Пріятно вспоминать подъ старость юныя лѣта.

Прошло уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ я въ первой разъ пріѣхалъ въ Москву, а теперь еще помню, какъ будто было это вчера; такъ сильно врѣзалось впечатлѣніе въ моей памяти. Тогда былъ я молодецъ, здоровъ, свободенъ и веселъ, но небогатъ.

Одно это пугало меня, какъ я буду жить въ столицѣ, при недостаточномъ состояніи, какія найду знакомства и приобрѣтутъ что для образованія себя по непреодолимой склонности моей отъ самаго дѣтства къ наукамъ и просвѣщенію? Я предполагалъ

¹⁾ Выдержки изъ этого отрывка интересныхъ записокъ И. А. Второва были приведены покойнымъ М. Ф. де-Пуле въ статьѣ: „Отецъ и сынъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1870-хъ годовъ, но въ виду особеннаго интереса этого разсказа мы, по совѣту академика Л. Н. Майкова, печатаемъ вновь эти записки, притомъ въ болѣе полномъ видѣ и по подлинной рукописи автора, сообщенной намъ покойнымъ Александромъ Николаевичемъ Яхонтовымъ.

Ред.

1

пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратиться въ свое жилище къ роднымъ моимъ и знакомымъ, но вмѣсто того прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ два года такъ пріятно и весело, что это время было лучшею эпохою во всю семидесятилѣтнюю жизнь мою.

Въ Москвѣ у меня знакомыхъ было только 4 дома нашихъ симбирскихъ помѣщиковъ: именно Степана Григор. Мельгунова, Николая Алексѣев. Дурасова, Александра Дмитр. Карпова, бывшего въ Симбирскѣ губернатора, и Ивана Петровича Тургенева, которые знали коротко меня и любили, пятого дома хозяина Павла Иванов. Комарова я никогда не видалъ, но по знакомству его съ моею сестрою съ нимъ переписывался.

1801 года января 28 числа утромъ, въ воскресенье, въѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на красивые дома и на толпы людей идущихъ и ѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ, о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія. Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволить-ли состояніе мое завести знакомства? Можетъ быть, никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

Остановился на Тверской улицѣ въ Цареградскомъ трактирѣ (тогда еще не называли гостинницами); на заставѣ при въѣздѣ въ городъ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ, но онъ, возвратясь, сказалъ мнѣ, что должно взять его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицмейстера, къ которому надобно явиться лично самому.

Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицмейстеру Федору Федоровичу Эртелю. Дожидаясь выхода въ его канцеляріи, видѣлъ какъ изъ внутреннихъ комнатъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. За ними тотчасъ вышелъ и г. Эртель, въ полной униформѣ, потребовалъ мой пачпортъ, прочиталъ его и спросилъ меня, долго-ли я пробуду въ Москвѣ? и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавши, чтобъ я изволилъ расписаться. Дѣло кончено.

Я поѣхалъ вновь знакомиться съ извѣстными мнѣ людьми; былъ у господъ: Мельгунова, Дурасова и Карпова, потомъ у Павла Ивановича Комарова, нашелъ въ немъ прекраснаго образованнаго человѣка лѣтъ въ 40. Онъ былъ холостъ, богатъ и жилъ въ собственномъ домѣ съ зятемъ своимъ, несчастнымъ обгорѣлымъ слѣпцомъ, Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который былъ женатъ на сестрѣ его и о которомъ я буду говорить послѣ. Оба они обласкали

меня какъ роднаго, потому болѣе, что оба полюбили сестру мою, бывшую прежде въ Москвѣ съ сестрою Павла Ивановича, бригадиршею Цызыревою, и стояли у него въ домѣ. Я у него обѣдалъ и онъ пригласилъ меня непремѣнно переѣхать къ нему изъ трактира. Вечеромъ пріѣхалъ къ Ивану Петровичу Тургеневу, который жилъ въ университетѣ и былъ его директоромъ.

Здѣсь весь вечеръ провелъ я въ самомъ пріятномъ обществѣ. Хозяинъ самъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни; съ нимъ бесѣдовали другъ бѣдныхъ—Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и лучший поэтъ нашъ—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, которыхъ видѣлъ я первый разъ; но въ комнатахъ дѣтей его, коротко познакомившихся со мною еще въ Симбирскѣ, Андрея Ивановича и Александра Ивановича, нашелъ я многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ; помню только князя Якова Козловскаго и В. А. Жуковскаго, да пожилаго уже Максима Ивановича Невзорова.

Меня пригласили въ театръ университетскаго пансіона, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми г. Тургенева; играли драму „Добрый сынъ“, переведенную питомцами изъ Бергенева „L'ami des enfans“, и прекрасно! Актеры, переодѣтыя актрисы и полный оркестръ музыкантовъ—были всѣ пансіонные воспитанники. Зрители—большая часть родители, родственники и знакомые воспитывающихся въ пансіонѣ дѣтей у гг. Тургеневыхъ, два брата были тутъ-же въ пансіонѣ. И такъ первый день моего пріѣзда въ Москву я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ.

Въ трактирѣ ночевалъ я только одну ночь, а на другой день переѣхалъ на житье къ П. И. Комарову въ домъ его, состоящій близъ Сухаревой башни, въ приходѣ Св. Троицы, въ Троицкой улицѣ.

Пріѣздъ мой въ древнюю нашу столицу былъ въ самомъ началѣ сырной недѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты: театры, маскарады и собранія наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и всѣ ихъ увеселенія.

29 января, во вторникъ, отъ Ст. Григ. Мельгунова присланъ мнѣ визитерной билетъ въ Благородное собраніе. Въ 8 часовъ вечера поѣхали мы туда въ каретѣ съ П. И. Комаровымъ, Елизаветою Матвѣевою Ратьковою и ея дочерью, дѣвицею Елизаветою Михайловною. Входъ въ освѣщенныя комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненные лучшимъ дворянствомъ обоого пола, былъ поразителенъ. Въ тотъ вечеръ до четырехъ тысячъ персонъ, собравшихъ въ одномъ домѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенныя брилліантами и жемчугомъ, составляли

для меня восхитительное зрѣлище, какимъ я никогда не наслаждался. Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елизаветы императрицы, каковы, напримѣръ, двое братьевъ—Федоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и проч.

Кавалеры всѣ, безъ исключенія, въ мундирахъ со шагами и башмакахъ, подъ пудрою. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность!.. Ежели по тѣснотѣ вы кого, или васъ кто нечаянно задѣнете, то всегда съ пріятною миною и уклончивостію извиняются. Французскій языкъ больше въ употребленіи, нежели русскій. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышатъ въ маскарадахъ или другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорокъ отъ движущихся массъ народа. Залъ великолѣпный и обширнѣйшій освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ въ стаканчикахъ огней. На внутреннихъ верхнихъ балконахъ вокругъ всего зала, поддерживаемыхъ множествомъ колонъ, два оркестра музыкантовъ, одинъ инструментальный, а другой роговой музыки; а внизу, возлѣ стѣны, сдѣлано возвышеніе о двухъ ступеняхъ, окруженное перилами, и по обѣимъ сторонамъ мягкіе диваны, для сидящихъ зрителей. Посреди зала въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ между сидящихъ на диванахъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ другихъ комнатахъ играютъ въ карты; въ концѣ зала, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ стоялъ мраморный бюстъ Екатерины Второй, тогда безъ всякаго освѣщенія, а по вступленіи на престолъ Александра Павловича былъ всегда освѣщаемъ.

Конфекты, мороженое, лимонадъ и аршадъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ подносятъ богато-одѣтые офиціанты съ медалями, означающими номеръ. Цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиры, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, не только русскіе, но и другихъ государствъ.

Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами, узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разъѣзда изъ собранія: это были Василій Николаевичъ и Анна Васильевна, Пановы, Федоръ Михайловичъ, его дочери Капитолина и Марья Федоровна Тимашевы. Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урочище дома своей квартиры; всякой день послѣ того я видѣлся съ сею почтенною женщиною. Она имѣетъ въ Москвѣ много знакомыхъ и родныхъ, мы часто ѣздили съ нею къ ея знакомцамъ на обѣды и вечера.

Черезъ нее познакомился я коротко съ четырьмя домами: господъ Ладыженскихъ, Дмитрія Ѳедор. и Андрея Ѳедоровича, тетки ея, любезной старушки Анны Петровны Кроткой, урожденной княжны Волконской, Григорья Борисовича Кошелева и брата Вас. Никол., Алексѣя Николаевича и Елизаветы Борисовны Пановыхъ. У всѣхъ ихъ бывалъ я часто и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны.

Сырная недѣля доставила мнѣ случай видѣть всѣ увеселенія московскихъ жителей; всякой день были спектакли, маскарады и катанья; а былъ вездѣ. На катанья нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ, возковъ и саней тянутся въ два ряда, а на Москвѣ-рѣкѣ катаются на ледяныхъ горахъ. На прощальный день, въ послѣднее воскресенье, въ маскарадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 10-ти часовъ утра, начинается денной маскарадъ, а съ 8-ми часовъ вечера—ночной. Многие остаются въ обоихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семь домѣ. Денной маскарадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго, потому-что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первый залъ съ прихода длинный и большой, освѣщенъ солнечнымъ свѣтомъ, изъ него входишь въ огромный круглый залъ, называемый ротонда; тамъ ночь, ни одного окна, окруженъ колоннадою, поддерживающею оркестры музыкантовъ, внизу кругомъ переходы, между каждой колонны висятъ люстры, которыхъ множество повѣшано съ потолка, сдѣланнаго куполомъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдовательно представляють ночь среди дни. Людей обоихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество разныхъ состояній: дворянства, купечества и иностранцевъ, одѣтыхъ въ разные маскарадные платья и съ разными каррикатурными масками; многие безъ масокъ, но непременно въ доминахъ или венецьянахъ и въ шляпахъ. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ нѣсколько круговъ, а по переходамъ ротонды и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты, ходять изъ однихъ комнатъ въ другія или сидятъ. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разъѣздъ и оканчивается уже часовъ въ шесть утра, когда разсвѣтаетъ. Посему можно заключить, какое бываетъ многочисленное собраніе людей и разныхъ экипажей.

Въ великой постъ уже не бываетъ ни спектаклей, ни маскарадовъ. Въ благородномъ собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлѣ (кромѣ первой и страстной недѣлѣ), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сін великолѣпныя и также многолюдныя собранія называютъ концертомъ. Тутъ играетъ музыка, а члены и визитеры сидятъ, ходять,

разговариваютъ, а большая часть играютъ въ карты. При жизни царствующаго тогда императора Павла запрещены были названія клубовъ, вмѣсто того при мнѣ было два прежніе клуба подъ названіемъ Академій, музыкальной и танцевальной. Первая для дворянства, а вторая для купечества и иностранцевъ. Въ нихъ читаютъ газеты и журналы, играютъ въ карты и на биллиардѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ, иногда бываютъ и балы, на которые съѣзжаются и дамы.

Я былъ въ обѣихъ Академіяхъ визитѣромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ которыхъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшого роста, худощавъ, фізіономія не взрачная, но умная и добрая. Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною Академіи, но я, бывши три раза въ сей Академіи, не видалъ его, и что еще удивительнѣе, ни въ одномъ публичномъ собраніи, ни въ театрѣ, нигдѣ не случилось видѣть сего любимаго мною писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частныя дома. Два раза случалось, что я нѣсколькими минутами не заставалъ его въ домѣ Ивана Петровича Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, сказывалъ ему о желаніи моемъ съ нимъ познакомиться и общалъ вмѣстѣ со мною ѣхать къ нему, однако-же за разными отвлеченіями этого не случилось до тѣхъ поръ, когда я пріѣхалъ къ нему одинъ.

Я часто бывалъ въ домахъ Ст. Григ. Мельгунова, Николая Алексѣевича Дурасова, Александра Дмитріевича Карпова, часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ; наконецъ, увидалъ и любезнаго автора—Николая Михайловича Карамзина.

Февраля 14-го числа въ четвертовъ объявлено было афишами, что первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славную ораторію г. Гайдена: Сотвореніе міра. Въ большомъ кругломъ залѣ Петровскаго театра (ротондѣ) собрано было около трехъ-сотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которыми дирижировали гг. Денглеръ и Керцелли. Кантаты и рецитативы переведены были съ нѣмецкаго Н. М. Карамзинимъ. Купивши билетъ для входа (5 р. ассиг.) пріѣхалъ я въ 5 часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Александромъ Ивановичами Тургеневыми, въ ротонду; тамъ было уже большое собраніе изъ лучшей московской публики кавалеровъ и дамъ. Концертъ еще не начинался; мы ходили по залу, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говорить—хочу-ли я видѣть Николая Михайловича Карамзина?

Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человѣка, стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темно-зеленымъ казимпромъ. Физиономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною, ростомъ около 8 вершковъ. Я долго смотрѣлъ на него, воображалъ себѣ всѣ его творенія, какія читалъ я съ восхищеніемъ, представлялъ себѣ и то, какъ сіе милое лицо улыбалось, съ непріятнымъ ощущеніемъ читая язвительную на него сатиру въ одѣ: Въ честь моему другу ¹⁾).

Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ-же познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ: все собраніе слушателей, которыхъ было около трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, стоялъ или сидѣлъ, тутъ всякой и остановился. Шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ, всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и пѣніемъ; я чувствовалъ пріятную гармонію, но не могу изъяснить моихъ чувствованій.

Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ у г. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23-го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ въ каменномъ домѣ портнаго Шмита, на Никольской улицѣ. Я пріѣхалъ къ нему по утру, часовъ въ 10, и нашелъ его только что возвратившагося съ утренней прогулки, которую обыкновенно дѣлаетъ онъ каждый день. Онъ встрѣтилъ меня ласково, и когда сказалъ я о себѣ, то онъ отвѣчалъ, что уже меня знаетъ по словамъ А. И. Тургенева, и читалъ мои сочиненія, напечатанныя въ двухъ журналахъ. Мы сидѣли съ нимъ въ диванной его комнатѣ, пили кофе, говорили о литературѣ, о Симбирскѣ и о старшемъ его братѣ, Васильѣ Михайловичѣ, знакомомъ мнѣ по Симбирску.

Не изъ лести, а отъ чистаго сердца я сказалъ ему, что, не зная его лично, давно уже почиталъ и любилъ его за сочиненія, которыя всегда читалъ я съ восхищеніемъ. Онъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился? Какъ старшина музыкальной академіи, предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ у него лежали напечатанные листы „Московского Журнала“, издаваемого имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Книгопродавцы перепечатавали его вновь, съ позволенія издателя, и онъ самъ рассматривалъ корректуру. Вдругъ

¹⁾ Эта сатира написана Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, бывшимъ тогда кураторомъ университета, и напечатана въ „Иппокрентѣ“, 4-й части, на страницѣ 17, гдѣ всѣ его сочиненія поименованы какъ развратныя и подвергали автора опасности. Второвъ.

вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ-эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву; начали говорить по французски, и изъ разговоровъ ихъ замѣтилъ я, что они познакомились прежде во время путешествія Н. М. по Европѣ. Я, побывши нѣсколько, раскланялся и вышелъ, удостоясь его привѣтствія, чтобы посѣщать его чаще.

Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣли черезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту-же комнату; на лѣвой сторонѣ, у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, и на моемъ мѣстѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ двери, сидѣлъ хозяинъ, обвязанный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ; возлѣ его стояли два лекаря и готовились выдергивать у него больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня такими словами:

— „Извините меня, милостивый государь, видите въ какомъ я положеніи, прошу васъ въ другое время“.

Такой приѣмъ огорчилъ меня и заставилъ, извинясь ему взаимно, выйти. За дверью слышалъ я, что г. Дмитріевъ спрашивалъ его обо мнѣ, не Урусовъ-ли я? Не успѣлъ я перейти еще чрезъ залъ, какъ Николай Михайловичъ выбѣжалъ за мною и, назвавъ меня по имени, извинялся, что онъ не узналъ меня, что дня чрезъ четыре опъ будетъ здоровъ, и просилъ тогда въ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявлялъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ довольнымъ. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ я не былъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ, потому что весною жилъ онъ на дачѣ, а потомъ уже женился на первой супругѣ его, урожденной Протасовой.

Московская жизнь моя въ первые дни доставила мнѣ много пріятности въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ, но для чувствительнаго сердца, существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды, была отравой одна мысль о будущей безызвѣстности и о бѣдномъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ пышностяхъ. Позволить-ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ, которыми я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды въ отдаленныхъ разстояніяхъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки. Впрочемъ, гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе, когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ, и пеняютъ, что не часто къ нимъ пріѣзжаю, такъ что все-бы время моего проживанія въ Москвѣ могъ я никогда не имѣть своего обѣда, что точно и было со мною.

Часто бывалъ я въ театрѣ, въ маскарадахъ и почти ни одного благороднаго собранія не пропускалъ по визитернымъ билетамъ, всегда легко мнѣ доставляемымъ отъ почтенныхъ членовъ его, особливо посредствомъ С. Г. Мельгунова и любезной Анны Петровны Кроткой. Въ семь собранія, какъ я сказалъ прежде, бываетъ лучшее и блестящее общество, и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости. Здѣсь, между знакомыхъ и незнакомыхъ, наблюдательный философъ можетъ съ любопытствомъ разсматривать разныя фізіономіи, изучать характеры и нравы общества, вслушиваться въ разговоры занимательные, умные и смѣшныя до глупости. Много молодыхъ людей, прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва-ли не больше глупыхъ, вѣтренныхъ шарлатановъ, избалованныхъ счастьемъ и богатствомъ. Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными мальтійскими орденами, выказывая свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны въ очкахъ, не для пособія зрѣнію, а для моды.

Тогда въ общія собранія иначе нельзя было появиться какъ не въ мундирѣ. Были и фраки для частныхъ домовъ, но особаго покроя въ родѣ французскихъ кафтановъ, однобортные и съ стоячимъ воротникомъ, и непременно треугольная шляпа. Въ толпѣ молодыхъ щеголей я рѣдко слыхалъ умные разговоры, вотъ напримѣръ, въ Благородномъ собраніи изъ числа трехъ модниковъ, сидѣвшихъ подъ оркестромъ, одинъ лѣтъ двадцати говорилъ другимъ:

— „Я-бы теперь уже былъ полковникомъ, если-бы батюшка мой не упустилъ случая попросить NN, а онъ съ нимъ очень знакомъ“.

Въ ту минуту проходитъ мимо ихъ молодой блѣдилицы мальтійскій кавалеръ, мечтающій полковникъ вскакиваетъ съ мѣста и почтительно кланяется ему, называя вашимъ сіятельствомъ, а этотъ сіятельный едва удостоилъ его кивнуть головою и прошелъ мимо. Въ другой разъ сѣлъ я возлѣ своего знакомаго Г. Волкова, рядомъ сидѣлъ модный щеголь, съ превеликимъ жабомъ, причесанный и одѣтый довольно каррикатурно; я вслушался въ разговоръ его, онъ ропталъ, для чего такъ долго не умираетъ отецъ его, чтобъ онъ могъ располагать имѣніемъ, жить веселѣе и путешествовать за границу, „что здѣсь увидишь и узнаешь!“

— „Я недавно былъ въ Казани и въ тамошнемъ Благородномъ собраніи, гдѣ было четыре человекъ съ половиною, а нѣкоторые влѣзали на хоры смотрѣть на меня“.

Каковъ молодецъ! И подобныя имъ глупцы роптали на строгость правительства, жаловались на оберъ-полицмейстера Эртеля,

за его дерзости на разныя запрещенія своевольной глупости богатых избалованных шарлатановъ, на треугольныя шляпы, парадныя платья и проч., и проч.

Г. Эртель человекъ благородный; онъ никогда не выходилъ изъ благопристойности, исполнялъ въ точности волю своего монарха и свою обязанность по совѣсти. Что оставалось ему дѣлать, какъ не то, какъ онъ однажды поступилъ? Это случилось при мнѣ въ Благородномъ собраніи; одинъ молодой щеголь, изъ лучшей фамиліи, одѣтъ былъ такъ каррикатурно, что воротникъ у мундира торчалъ выше головы, а жабо его галстука закрывало нижнюю губу. Г. Эртель подходитъ къ нему и съ вѣжливостію напоминаетъ ему о непристойности такого наряда, не говоря уже о воротникѣ мундира, потому что такихъ было еще много, кромѣ его; по крайней мѣрѣ, приказываетъ ему перевязать свой галстукъ; онъ обѣщалъ исполнить, но спустя нѣсколько времени опять встрѣчается съ нимъ и въ томъ-же видѣ, и опять далъ то-же обѣщаніе. Въ третій разъ, уже спустя долго, г. Эртель замѣтилъ то-же и, подойдя къ нему, сказалъ:

— „Вы не хотите меня послушать?“

— „Да помилуйте, ваше превосходительство, со мною здѣсь нѣтъ камердинера, кто будетъ мнѣ перевязывать галстукъ?“

— „А! Такъ у васъ нѣтъ камердинера,“ сказалъ Эртель и, подозвавъ полицейскаго офицера, приказалъ взять ослушника.—Бѣднаго франта вывели подъ-руки изъ собранія. Благоразумные одабривали оберъ-полицмейстера, а глупые роптали на него.

Слухъ о кончинѣ императора Павла I.

14-го числа марта въ четвертокъ, часа въ три пополудни, во всемъ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. Сначала шептали и боялись говорить открыто, что императоръ скончался, потомъ увидали, какъ всѣ поля, стоявшіе въ Москвѣ, повели въ Кремль присягать новому императору Александру I. Я поѣхалъ въ Кремль узнать подробнѣе и на Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ, встрѣтился нечаянно съ симбирскимъ моимъ знакомцемъ, Николаемъ Андреевичемъ Дудинимъ, и въ его каретѣ поѣхали съ нимъ не въ Кремль, а на его квартиру; тутъ читалъ я и манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра Павловича. Г. Дудинъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ у Дмитрія Александровича Гурьева, и при немъ вошелъ къ нему пріѣхавшій изъ Петербурга курьеромъ князь Долгорукой, и первыя слова его были:

— „L'Empereur est mort!“

Весь день и вечеръ говорили только о сей перемѣнѣ, во всѣхъ домахъ, куда ни приѣдешь.

На другой день, 15-го марта, было гулянье въ Кремлѣ, множество каретъ, саней, пѣшихъ и конныхъ наполняли весь Кремль. Это гулянье было издавна въ обыкновеніи и принято отъ того, что прежде ходили туда покупать вербу для будущаго вербаго Воскресенія. Москву можно уподобить республикѣ, по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ.

Чрезвычайнымъ удивительнымъ и страннымъ показалось, что многіе изъ щеголей-шарлатановъ, какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ, были уже на семь гуляній въ круглыхъ шляпахъ, о чемъ прежде боялись и думать, потому что всѣмъ полицейскимъ служителямъ привязано было, не смотря на лица, срывать круглыя шляпы, на комъ увидятъ, и тутъ-же разрывать или изрѣзывать ихъ. Теперь полиція смотрѣла равнодушно на сей запрещенный нарядъ. Надобно сказать, что вмѣстѣ съ курьеромъ, привезшимъ извѣстіе о кончинѣ государя, приѣхалъ и новый оберъ-полицмейстеръ въ Москву, г. Каверинъ, которому велѣно тотчасъ смѣнить прежняго г. Эртеля, кого многіе боялись, какъ строгаго блюстителя строгихъ повелѣній покойнаго государя.

Другой предметъ еще толковъ, разговоровъ, тайныхъ и явныхъ для московскихъ жителей былъ о смѣнѣ господъ оберъ-полицмейстеровъ. Каверинъ, принимая должность отъ Эртеля, требовалъ, подробнаго отчета въ денежной суммѣ, у него находившейся. Эртель не хотѣлъ дать ему и говорилъ, что суммы ввѣрены были ему отъ государя императора по секрету, а потому и отчетъ долженъ онъ дать лично новому императору. Каверинъ прибѣгнулъ съ жалобою къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ивану Петровичу Салтыкову, которому Эртель отзывался тѣмъ-же и принужденъ былъ показать ему свой отчетъ, гдѣ написаны были лица самыя знатныя и почтенныя изъ московскихъ дамъ, которыя получали большія суммы за ихъ шпіонство. Главнокомандующій съ первыхъ строкъ отчета не захотѣлъ далѣе знать сей тайны, и оправдалъ г. Эртеля.

Болѣе недѣли во-всѣхъ домахъ, гдѣ я бывалъ, только и было разговоровъ, толкованій и даже угадываній тайныхъ лицъ. Москва также славится и сплетнями, какія бываютъ въ провинціяхъ.

24-го марта былъ день Святыя Пасхи. Мы были у заутрени въ своей приходской Троицкой церкви. При концѣ службы отъ множества народа и стѣсненнаго воздуха со мною сдѣлался обморокъ, я не помню, какъ вынесли меня изъ церкви. На открытомъ

воздухъ я опомнился и наслаждался прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ: всѣ церкви отъ подошвы до самаго верха снаружи освѣщены были площадками и разноцвѣтными фонарями, особенно глава и крестъ Ивана Великаго казались украшенными брилліантами и разными блестящими цвѣтными каменьями.

Во всю недѣлю Пасхи бываетъ здѣсь гулянье подъ Новинскимъ: множество каретъ, колясокъ и дрожекъ со зрителями туда съѣзжаются, множество пѣшихъ и конныхъ тамъ прогуливается и смотрятъ на простой народъ, качающійся на разныхъ качеляхъ, и заходятъ иногда въ балаганы, гдѣ представляютъ разные фокусы, показываютъ звѣрей и другія рѣдкости; балансируютъ на канатахъ и проч., и проч.

Наступающая весна радовала меня, что я буду имѣть много пріятности и удовольствія въ прогулкахъ по окрестностямъ Москвы. Мое здоровье, молодость и свобода позволяли мнѣ наслаждаться всѣми возможными удовольствіями въ жизни. Я имѣлъ хорошее знакомство, не было большой нужды и въ деньгахъ, потому что игралъ въ коммерческія игры довольно счастливо; любезный хозяинъ мой, Павелъ Ивановичъ, держалъ мнѣ всегда половину. Игры были тогда: бостонъ, три и три и пикетъ, а въ вистъ почти никто не игралъ, кромѣ стариковъ и старухъ. По такимъ достоинствамъ молодые люди здѣсь принимаются лучше, нежели по учености. Знатные и лучшіе дома для нихъ всегда открыты.

Правда, я бывалъ и въ такихъ домахъ, гдѣ болѣе любятъ ученость и свѣдѣнія, напримѣръ, въ домѣ И. П. Тургенева, у дѣтей котораго всегда находилъ благовоспитанныхъ, ученыхъ и скромныхъ молодыхъ людей, и наслаждался съ ними поучительною бесѣдою. Тутъ познакомился еще съ двумя умными молодыми братьями, Писіемъ Сергѣевичемъ и Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровыми, изъ нихъ первый служилъ тогда плацъ-адъютантомъ въ Москвѣ, а другой въ Руничевомъ полку поручикомъ. Ума и остроты сего послѣдняго служить доказательствомъ слѣдующее: разговоръ былъ о г. Карамзинѣ, который тогда женился на первой супругѣ Протасовой. Молодые литераторы шутили надъ женитьбой философа и хотѣли, чтобы изъ нихъ кто-нибудь написалъ стихами или прозою церемоніальную его свадьбу. Андрей Кайсаровъ на другой-же день принесъ къ Тургеневу пьесу, имъ сочиненную, подъ названіемъ: „Бракосочетаніе г. Карамзина“, гдѣ весь обрядъ свадьбы и вѣнчанія написаны собственными словами г. Карамзина, выбранными изъ его сочиненій, стихами и прозою. Шутка острая, но безвредная, надъ которою вѣрно и самъ Карамзинъ отъ души смѣялся. Вездѣ показались списки съ этой пьесы и всѣ забавлялись ею съ удовольствіемъ.

Въ началѣ 1802 года, вышедъ въ отставку, Кайсаровъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ за границу и оба тамъ слушали лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, а возвратясь въ Россію, Андрей Кайсаровъ былъ профессоромъ въ дерптскомъ университетѣ, потомъ въ 1812 году вызвался въ петербургское ополченіе и убитъ подъ Витебскомъ.

Пріятныя и поучительныя бесѣды были также въ домахъ Семена Дмитріевича Ситникова, любезнаго и почтеннаго, умнаго старика, Григорія Борисовича Кошелева, которыхъ я любилъ и уважалъ и они меня любили. А чаще всѣхъ бесѣдовалъ въ уединеніи съ добрымъ, умнымъ и несчастнымъ слѣпцомъ Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который во всю бытность мою въ Москвѣ былъ лучшимъ моимъ другомъ, и съ которымъ по разлукѣ болѣе шести лѣтъ мы переписывались. Я обѣщалъ говорить о немъ, и вотъ часть его биографіи:

Ему было не болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, какъ я съ нимъ познакомился, но въ какомъ ужасномъ положеніи! Лицо его обезображено, огонь выжегъ глаза и волосы, кожа на лицѣ и рукахъ была ничто иное, какъ тонкая плѣна, покрывающая тѣло, еще гниущее отъ обжога; въ сѣмъ мѣстамъ ежедневно прикладывали цѣлительныя примочки, особливо близъ самыхъ глазъ; волосы на бородѣ и головѣ не растутъ уже. Кромѣ слуги, который водить его и прислуживаетъ ему, никто не видитъ лица его; онъ носитъ парикъ и закрываетъ лице до нижней губы; на бородѣ, вмѣсто волосъ, видна тонкая съ румянцемъ бѣлая кожа; и въ сѣмъ положеніи онъ не только не безобразенъ для разговаривающихъ съ нимъ, но по пріятному произношенію его, по уму и свѣдѣніямъ, даже чрезвычайно любезенъ и привлекателенъ.

Изъ три брата: старшій, Иванъ Алексѣевичъ (съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ), былъ ракетмейстеромъ, тайный совѣтникъ; средній—горнымъ офицеромъ, а сей послѣдній въ молодости служилъ въ гвардіи, а потомъ въ межевой канцеляріи землемѣромъ. Лѣтъ за пять передъ симъ, какъ я съ нимъ познакомился, онъ женился на родной сестрѣ П. И. Комарова, имѣлъ свой домъ въ Мѣщанской улицѣ, и не прожилъ года съ любимю женою. Въ день имянинъ было у него много гостей, которые пировали до полуночи, и какъ скоро разѣхались, то хозяева почувствовали въ комнатахъ запахъ дыма. Андрей Алексѣевичъ встревожился, побѣжалъ осмотрѣть, но, вышедши въ сѣни, едва не задохся отъ дыма, вдругъ пламя бросилось въ двери и загорѣлся весь домъ. Онъ въ ужасѣ прибѣжалъ опять въ комнаты, желая спасти жену свою, схватилъ

ее и понесъ на рукахъ изъ покоевъ, но выходя изъ дверей сквозь пламя не могъ вынести на дворъ, упалъ съ нею въ сѣняхъ, уже въ безпамятствѣ. Съ тѣхъ поръ онъ ничего не помнить и не знаетъ, что происходило. Сдѣлалась тревога, сбѣжался народъ и полицейская команда, но весь домъ и вещи, какія были въ немъ, все превратилось въ пепель. Ихъ вытащили уже обгорѣлыхъ, жена его лишилась жизни, а онъ едва дышалъ, не имѣлъ даже подобія чело-вѣческаго: глаза лопнули отъ жара, волосы, лицо и руки обгорѣли, но корпусъ менѣе поврежденъ, видно потому, что на немъ было суконное платье, его перенесли въ домъ къ П. И. Комарову.

Болѣе трехъ дней онъ былъ въ безчувственномъ положеніи, оставался только признакъ жизни; между тѣмъ жену его скоронили и могила была не закрыта, въ ожиданіи его кончины, чтобы поставить и его гробъ съ нею вмѣстѣ. Благодѣтельный и искусный докторъ, г. Фрезъ, поддерживалъ жизнь его разными лекарствами. Болѣе двухъ недѣль отчаявались въ его жизни, но молодость спасла его отъ смерти и оставила надолго еще страдать отъ незаживающихъ ранъ. Здоровье его поправили, а зрѣнія лишился онъ навсегда.

Прежде, сказываютъ, онъ былъ собою прекрасный мужчина, бывалъ всегда въ лучшемъ обществѣ, образованъ ученіемъ и съ обширными свѣдѣніями. Сии качества остались въ немъ понинѣ; надобно прибавить къ тому, что, при его умѣ, онъ имѣлъ доброе, чувствительное сердце, и въ теченіи пяти лѣтъ привыкъ къ бѣдственному своему положенію, нравъ имѣлъ веселый и снисходительный. И никогда не забуду тѣхъ пріятнѣйшихъ вечеровъ, какіе проводилъ я съ нимъ, наслаждаясь умною, поучительною его бесѣдою. О прошедшемъ рассказывалъ онъ съ горестнымъ воспоминаніемъ, но о несчастіи своемъ никогда, такъ больно было ему напоминать!.. Говоря о себѣ, всегда прибавлялъ: тогда я былъ еще живъ. Послѣ несчастія онъ отставленъ отъ службы съ полной пенсіей, жилъ въ домѣ своего шурина Комарова, имѣлъ при себѣ комнатнаго слугу и нанятаго секретаря, который читалъ ему книги и писалъ подъ его диктовку письма, подписывалъ самъ ихъ ошупью. Онъ любилъ меня, какъ искренній другъ, какъ ближній родственникъ, что доказываютъ его умныя, краснорѣчивыя письма, ихъ болѣе 20, храню я какъ рѣдкость. Я столько-же любилъ его, кажется, по сходству нашихъ чувствованій и склонности.

Теперь протекло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я прервалъ съ нимъ переписку, а разстались уже 20 лѣтъ (писано въ 1822 году).

Не знаю, живъ-ли онъ и гдѣ находится. Ежели судьба приве-

деть меня когда въ Москву, то я найду его самого или его могилу и окроплю слезами ¹⁾).

Въ разбѣяніи, праздности и прогулкахъ челоуѣкъ имѣеть болѣе недосуговъ; я рѣдко записывалъ въ журналъ свой всё происшествія, со мною случившіяся, и рѣдкости, мною видѣнныя. Прекрасное время весны и лѣта вызывало меня на прогулки: большую часть Москвы и ея окрестностей обходилъ я пѣшкомъ одинъ, а иногда ѣзжали вмѣстѣ съ семействомъ Елизаветы Матвѣевны Ратьковой или съ П. И. Комаровымъ въ каретѣ. Вотъ помню я нѣкоторыя прогулки:

Весною въ Кремлѣ и по набережной Москвы-рѣки. Тутъ множество бываетъ разнаго званія кавалеровъ и дамъ. Съ Воробьевыхъ Горъ любовался я видомъ всей обширной Москвы, съ ея улицами, огромными зданіями и движущимся народомъ. Зрѣлище прекрасное!.. У Симонова монастыря бывалъ нѣсколько разъ, повѣрялъ описаніе Н. М. Карамзина, искалъ хижины, гдѣ жила его „Бѣдная Лиза“, и видѣлъ только бугры и ямы, признаки бывшихъ жилищъ, видѣлъ и тотъ прудъ или небольшое круглое озеро, осѣненное березами, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза; смотрѣлъ на многія надписи, начертанныя на деревьяхъ по-русски и по французски; ихъ трудно было читать, и потому не могъ разобрать тѣхъ стиховъ, о коихъ мнѣ сказывалъ А. И. Тургеневъ:

Погибла здѣсь въ прудѣ Эрастова невѣста,
Тонятеся, дѣвушки, и вамъ тутъ много мѣста.

Бульваръ среди города, отъ Тверскихъ до Никитскихъ воротъ, гдѣ всякій вечеръ прогуливается лучшая московская публика. Среди широкой улицы сдѣлана перспектива, болѣе версты длиною, укатанная ровно и усыпанная пескомъ; на обѣихъ сторонахъ ея, во всю длину, посажены деревья, а обѣ стороны улицы и площадь заставлены каретами пріѣзжающихъ туда для прогулки дамъ и кавалеровъ, которыхъ всегда бываетъ по нѣскольку тысячъ. Тутъ можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть на разставленныхъ по всему проспекту софахъ, а въ галлерей, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и оршадъ, лакомиться конфетами и мороженымъ.

¹⁾ Я былъ въ Москвѣ въ 1837 и 1839 году, и къ удивленію моему нашелъ его еще живымъ, точно въ такомъ-же темно-зеленомъ сюртукѣ и подъ зонтикомъ. Свиданіе наше было самое пріятное; прежнія раны его на рукахъ превратились уже въ какую-то твердую кору. Онъ не узналъ меня по голосу и едва вспомнилъ прошедшее; въ 70 лѣтъ память его ослабѣла; онъ попрежнему ходитъ по комнатѣ.

И. А. Второвъ.

Въ воскресенье, апрѣля 21-го числа, пользуясь прекрасною погодою, поѣхалъ я съ семействомъ Е. М. Ратьковой въ поле за Тверскую заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу. Это огромный замокъ, построенный возлѣ большой дороги, верстахъ въ трехъ отъ заставы, окруженный стѣнами и башнями въ азіатскомъ вкусѣ. Дворецъ выкрашенъ подъ кирпичный цвѣтъ, съ пробѣлами. Придворный лакей показывалъ намъ всѣ внутреннія комнаты дворца. Я не сосчиталъ, сколько перешли мы всѣхъ покоевъ, скажу только, что около часа безпрестанно переходили мы изъ комнаты въ комнату. Тутъ нѣтъ никакихъ пышныхъ украшеній, кромѣ прекрасной мебели. Огромный круглый залъ, простиравшійся во всю высоту дворца съ куполомъ; украшенъ барельефами лѣнной работы, изображеніемъ всѣхъ русскихъ владѣтельныхъ князей, царей и императоровъ, отъ Рюрика до Александра I.

Близъ самой Тверской заставы, на обширномъ, открытомъ полѣ, по воскресеньямъ бываетъ чрезвычайное множество народа разныхъ состояній смотрѣть на псовыхъ охотниковъ, которые пріѣзжаютъ сюда съ наловленными зайцами и съ борзыми собаками дѣлать такъ называемые сатки, т. е. сажать пойманныхъ зайцевъ и травить ихъ собаками. Тутъ бывають между охотниковъ большіе споры объ отличіи своихъ псовъ, ссорятся, а иногда доходятъ и до драки.

Для меня любопытно было видѣть движеніе огромной массы людей во всѣ тѣ стороны, куда бѣгутъ зайцы, и за ними собаки, толпа людей туда-же, съ восхищеніемъ, крикомъ и восклицаніями. Тутъ глупыя дѣти, разныхъ возрастовъ, отъ 15 до 70 лѣтъ, составляютъ, такъ сказать, одну душу въ тиранскомъ удовольствіи: смотрѣть, какъ бѣдный заяцъ старается избѣгнуть мучительной смерти, какъ его схватываютъ собаки и терзають зубами, какъ иногда онъ вырывается, оставляя кровавые куски плоти своей, его опять догоняють и оканчивають страданіе ножемъ. Такое кровопійственное зрѣлище утѣшаетъ народъ. И это человѣки, одаренные умомъ и чувствами, невѣжды и просвѣщенные!

Мая 1-го числа, среда. Этотъ весенній мѣсяцъ встрѣтилъ я здѣсь съ унылыми, осиротѣвшими чувствами; вспомнилъ прошедшее время, когда въ юности моей встрѣчалъ его на утренней прогулкѣ въ полѣ, при солнечномъ восходѣ.

Послѣ обѣда хозяинъ мой, П. И., далъ мнѣ свою карету и я поѣхалъ одинъ на гулянье въ Нѣмецкіе Станы. Тамъ было до 4 тысячъ каретъ и болѣе ста тысячъ народа, разныхъ состояній. Мѣстоположеніе сихъ Становъ прекрасное, по рощамъ и долинамъ. Тутъ множество надгробныхъ камней съ нѣмецкими надписями;

вездѣ палатки, домики, галлерей и разныя увеселенія для черни; всего лучше надобно гулять тамъ пѣшкомъ или верхомъ, а сидящіе въ каретахъ подобны заключеннымъ въ клѣткахъ невольникамъ, надобно глотать пылъ и ѣхать поневолѣ, гдѣ тихо, гдѣ прытко, и притомъ никто близъ гулянья не можетъ остановиться или выѣхать изъ цѣпи каретъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ; полицейскіе драгуны не пускаютъ и бьютъ кучеровъ, которые отважатся своротить въ сторону. Надобно, не доѣзжая, оставить карету и выйти пѣшкомъ.

Мая 2 числа въ четвертокъ. Праздникъ Вознесенія Господня. У обѣдни былъ я въ церкви Никиты Мученика на Басманной улицѣ, гдѣ славятся лучшіе въ Москвѣ пѣвчіе г. Колокольникова и гдѣ каждое воскресенье бываетъ съѣздъ лучшей московской публики, не для моленія, но болѣе.....

Примѣчаніе. Здѣсь прерывается нѣбющійся у насъ отрывокъ.

Ред.

II.

Мои воспоминанія о Казани.

За тридцать лѣтъ до сего времени (1842 г.), когда я въ первый разъ познакомился съ Казанью, положеніе города было тогда не въ такомъ видѣ, какъ впоследствии. Оно измѣнялось, украшалось и опять упадало отъ разрушительныхъ пожаровъ. Прежде не было проѣзда отъ грязи по Проломной улицѣ; даже самыя лучшія части города, какъ улицы Воскресенская и Покрово-Грузинская, проѣзжающими по нихъ экипажами въ сырую погоду завидывало грязью, а въ сухое время засыпало пылью пѣшеходцевъ. Послѣ ужаснаго пожара 1815 года, уничтожившаго почти половину города, началъ онъ постепенно возрастать и поправляться, воздвигались новыя зданія, срывались крутизны горъ, засыпались овраги, мостылись улицы камнемъ и сосновыми полигонами. До 1842 года нарядилась и украсилась Казань, какъ невѣста, такъ что была первымъ лучшимъ городомъ послѣ столицы; но роковой день 24 августа 1842 года разрушилъ лучшія его зданія и уничтожилъ цѣлыя улицы, превратившіяся въ чистое поле. Это извѣстно всѣмъ; многіе города и обѣ столицы приняли участіе и своими пожертвованіями способствовали казанскимъ жителямъ въ бѣдственномъ ихъ положеніи; извѣстно и то, какія пособія доставилъ сердобольный отецъ-монархъ для дѣтей своихъ, раззорившихся отъ пожара.

1812 года, января 10 числа, прїѣхалъ я въ Казань. Въ Лядкой улицѣ былъ тогда домъ Анны Васильевны П...; кто не зналъ ее изъ старожилыхъ Казани? Кто не любилъ ее за прїятный умъ, ловкость и любезную привѣтливость въ обращеніи? Многіе и теперь помнятъ эту милую женщину. Съ ранней молодости и до старости моей она благодѣтельница была мнѣ и моему семейству, какъ ближайшая родственница, и была мнѣ другомъ до конца жизни своей.

У ней остановился я въ домѣ, и она познакомила меня съ лучшимъ казанскимъ обществомъ, съ домами почтенныхъ Николая Михайловича и Авдотьи Сергѣевны М—П..., Катерины Алексѣевны Б..., Дмитрія Александровича и Варвары Алексѣевны Б..., Ѳедора Ѳедоровича и Анны Николаевны Ж..., Натальи Ипатовны Ю..., Ѳедора Ѳедоровича и Катерины Петровны Г..., Василя Ивановича, Николая Васильевича и Александры Николаевны Ч..., Василя Петровича и Александры Петровны Л...—

Противъ квартиры моей былъ домъ Н. И. Ю..., и первый визитъ мой сдѣланъ къ ней, какъ знакомой со мною только по перепискѣ, а къ тому я прежде познакомился съ ея сыномъ, Николаемъ Ивановичемъ. Второй визитъ былъ къ К. А. Б..., которую, какъ равно и дѣтей, никогда не видалъ, но знакомъ былъ также по перепискѣ заочно съ дочерьми ея, Варварою Александровною и Анною Александровною. Онѣ ввели меня въ комнату, гдѣ увидѣлъ я большую старуху лѣтъ семидесяти, съ азіатскимъ умнымъ лицомъ, которая сидѣла въ нишѣ на своей постелѣ; она приняла меня ласково, благодарила за небольшую услугу, мною оказанную дочерямъ ея. Прїятный разговоръ ея со мною доказывалъ высокую образованность. Мнѣ сказывали, что она была крестница императрицы Екатерины и воспитана при дворѣ ея. Третій визитъ былъ къ В. И. Ч., съ которымъ я за годъ предъ симъ познакомился на сѣрныхъ водахъ и въ деревнѣ дочери его А. В.; ко всѣмъ прочимъ ѣздилъ я вмѣстѣ съ Анною Васильевною, и ею рекомендовавъ былъ; всѣми принятъ и обласканъ, какъ нельзя лучше.

Проживши двѣ недѣли въ Казани, я часто въ сихъ домахъ обѣдалъ и бывалъ на вечерахъ, но чаще всѣхъ посѣщалъ дома К. П. Г... которая была уже знакома со мною до прїѣзда въ Казань, Д. А. Б... и В. И. Ч..., потому что обращеніе ихъ со мною было простѣе и безцеремоннѣе. Впрочемъ всѣми почтенными лицами здѣсь означенными, я былъ обласканъ тогда, какъ завѣзшій гость. Послѣ того неоднократно прїѣзжалъ я въ Казань и пользовался ихъ гостепрїимствомъ; познакомился и съ другими лицами.

Лѣтомъ и весною любовался прелестными окрестностями Казани,

осматривалъ монастыри, древности Кремля и разныя зданія, особенно университетъ казанскій, который не былъ еще доведенъ до такого совершенства, какъ нынѣ. Кабинеты: зоологическій, орнитологійскій, минеральный, нумизматическій и другіе только что начинали приобрѣтати собранія вещей, принадлежащихъ каждому кабинету; но библіотека замѣчательна была уже рѣдкими книгами, присоединеніемъ къ ней двухъ библіотекъ, князя Потемкина и господина Полянскаго.

Попечителемъ университета былъ тогда Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, библіотекаремъ Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ. Знакомство мое съ ними и профессорами К. Ѳ. Фуксомъ, Г. Н. Городчаниновымъ и В. М. Перевощиковымъ доставило мнѣ случай видѣть всѣ рѣдкости тогдашняго университета; особливо подробнѣе разсматривалъ я во время бытности моея въ Казани, 1819 года мая 12 числа. Тогда проѣзжалъ чрезъ Казань въ Сибирь Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, вмѣстѣ съ нимъ и его сопутниками, изъ коихъ помню одного Г. Цейера, пробылъ я болѣе трехъ часовъ въ университетѣ. Всѣ комнаты и заведенія показывали тогда ему господа профессора: Г. И. Солнцевъ, К. Ѳ. Фуксъ, П. С. Кондыревъ, баронъ Е. В. Врангель и Н. И. Лобачевскій. Особенно долго пробыли мы въ библіотекѣ, въ которой, какъ выше сказано, книги были пожертвованы княземъ Потемкинымъ Екатеринославскому училищу, отколѣ переданы въ собственность Казанской гимназіи; другія также пожертвованы той-же гимназіи г. Полянскимъ и потомъ уже поступили въ университетъ. О семъ другомъ благодѣшителѣ, какъ о замѣчательномъ лицѣ и какъ о казанскомъ уроженцѣ и помѣщикѣ, я скажу болѣе.

Василій Ипатовичъ Полянскій былъ родной братъ Н. И. Юшковой, человѣкъ образованный, извѣстный императрицѣ Екатеринѣ и знаменитому фернейскому философу Вольтеру. Онъ путешествовалъ по Европѣ, что въ тогдашнее время почиталось необыкновеннымъ. Выписываю о немъ изъ переписки Вольтера съ императрицею.

1) Ферней, 1771. Мая 25.

„Въ пустынѣ моея теперь находится вашъ подданный г. Полянскій, уроженецъ казанскаго вашего царства. Не могу довольно хвалить его вѣжливость, благоразуміе и признательность къ милостямъ вашего императорскаго величества. Сказываютъ, что и Аттила былъ казанскій-же уроженецъ; если это правда, то надобно полагать,

что сей бичъ Божій былъ прелюбезный человѣкъ! ¹⁾ Я въ томъ и не сомнѣваюсь, ибо Онорія, сестра глупаго императора Валентіана III, въ него влюбилась и очень желала выйти за него замужъ“.

2) Ферней, декабря 3, 1771 года.

„Господинъ Полянскій дѣлаетъ мнѣ иногда честь своими посѣщеніями; онъ приводитъ насъ въ восхищеніе описаніемъ о великолѣпнн двора вашего, о вашей снисходительности, о непрерывныхъ трудахъ и множествѣ великихъ дѣлъ вашихъ, кои вы, такъ сказать, шутя производите..... г. Полянскій имѣетъ большое желаніе увидѣть Италію, гдѣ онъ могъ-бы болѣе научиться служить В. И. В., нежели въ сосѣдствѣ къ Швейцаріи и въ Женевѣ; онъ даже ожидаетъ на то вашего повелѣнія и на сей случай щедротъ. Онъ сколько умный, столько и добрый человѣкъ, коего сердце съ истиннымъ усердіемъ привержено къ вашему величеству“.

Императрица отвѣчаетъ Вольтеру въ письмѣ отъ 30-го января 1772 года:

„Господину Полянскому, принятому подъ ваше покровительство (votre protégé), приказала я доставить деньги для его путешествія въ Италію, думаю, что онъ получилъ ихъ въ самый сей часъ“.

3) Ферней, 11-го декабря 1772 года.

„Я получилъ печальное для меня извѣстіе, что тотъ Полянскій, который, по волѣ вашей, путешествовалъ и котораго я столько любилъ и почиталъ, возвратившись въ Петербургъ, утонулъ въ Невѣ; если это правда, то я очень сожалѣю. Частныя несчастія всегда будутъ случаться, но общее благо вы устроиваете“.

4) 3-го января 1773 года.

„Г. Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ мнѣ о томъ сказывали, но, напротивъ, въ тихомъ пристанищѣ, и что в. в. пожаловали его секретаремъ академіи“.

Императрица пишетъ къ нему отъ 20-го февраля—3-го марта нов. штиля 1773 г. ²⁾:

¹⁾ Si la chose est vraie, il se peut fort bien que le fléau de Dieu ait été un très aimable homme.

²⁾ Вольтеръ не жаловалъ нашего штиля. Онъ говоритъ: „Votre chronologie grecque n'est pas meilleur que la notre: vous comptez vos jours par des victoires“.

„Вашъ баронъ Пеллембергъ въ арміи, а г. Полянскій секретаремъ въ академіи художествъ (des beaux arts); онъ не утонулъ, хотя и часто переѣзжаетъ чрезъ Неву въ каретѣ. У насъ зимою безопасень бываетъ такой переѣздъ“.

Кстати помѣщу я здѣсь странный анекдотъ о кончинѣ г. Полянскаго, слышанный мною отъ В. И. Чемесова, а ему рассказанный самимъ г. Полянскимъ за день до своей смерти.

Во время путешествія его по Европѣ пропало у него ружье, съ надписью на стволѣ его имени; когда онъ возвращался въ Россію, то въ небольшомъ нѣмецкомъ городѣ увидѣлъ нѣсколько экипажей у одного дома, узналъ, что тутъ жила ворожея, старая нѣмка, и изъ любопытства зашелъ къ ней. Она разливала кофейную гущу, и по фигурамъ отливавшагося кофе предсказывала своимъ посѣтителемъ будущую судьбу. Любимецъ Вольтера не вѣрилъ ни пророкамъ, ни колдунамъ, смѣялся внутренно надъ предсказаніями ворожен, однако-жъ, загадалъ, найдется-ли пропавшее ружье его. Ворожея, разливши кофе, сказала ему, что пропавшая у него вещь найдется не прежде, какъ за три дня до его смерти.

Онъ возвратился въ Россію, жилъ въ Петербургѣ, потомъ въ Казани, забылъ о своемъ ружьѣ и о своемъ гаданіи. Спустя много лѣтъ послѣ того, когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, пріѣхалъ къ нему одинъ знакомый изъ казанскихъ жителей, возвратившійся отъ Маварьевской ярмарки, и сказалъ ему, что тамъ въ тульской лавкѣ увидалъ онъ ружье, съ подписью на стволѣ: Василія Полянскаго, купилъ его и привезъ къ нему.

Онъ вспомнилъ давно прошедшее, узналъ свое ружье и, можетъ быть, преслѣдуемый воображеніемъ или по разстроенному уже здорью, точно умеръ чрезъ три дня послѣ находки своей.

Жаль, что нигдѣ не напечатано его біографіи. Я видѣлъ только портретъ Полянскаго, и другой Державина, казанскаго-же уроженца, которые хранятся въ бібліотекѣ университета.

Обращаюсь къ моимъ „Воспоминаніямъ“: пріѣзжая нерѣдко въ Казань, я пользовался учеными бесѣдами, просвѣщенныхъ профессоровъ университета и бывалъ на ихъ лекціяхъ, бывалъ и на литературныхъ вечерахъ Александры Андреевны Фуксъ. Здѣсь воспитывались двое дѣтей моихъ. Я полюбилъ городъ и его почтенное общество, переѣхалъ и самъ на житье въ Казань. Теперь осталось живыхъ здѣсь изъ всѣхъ почтенныхъ людей, съ которыми я познакомился въ 1812 году, не болѣе трехъ человекъ, прочіе всѣ уже переселились въ вѣчность и могилы ихъ, съ надгробными памятниками, разсѣяны по разнымъ монастырямъ и на общемъ кладбищѣ.

Сколько я пережилъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, близкихъ къ моему сердцу!.. И ты, безцѣнный, лучший другъ и благодѣтельница Анна Васильевна, покоишься на петербургскомъ кладбищѣ, Давно-ли ты заботилась обо мнѣ, какъ о ближайшемъ родственникѣ! когда я страдалъ въ Петербургѣ отъ тяжелой болѣзни, и посѣщала умирающаго почти ежедневно? Давно-ли читала я твои умныя, горестныя письма, въ которыхъ ты описывала свою безотрадную жизнь, потерявъ двухъ любимыхъ сыновей своихъ, одного оплакивала смерть, а другаго несчастіе, свои горести и болѣзни? Теперь ты соединилась съ ними обоими, хотя и пережила тебя несчастный.

Благодарныя слезы облагодѣтельствованныхъ тобою и болѣзненные вздохи о твоей кончинѣ свидѣтельствуютъ о превосходныхъ качествахъ твоего сердца. Въ продолженіе сорокалѣтняго знакомства моего съ тобою я былъ свидѣтелемъ, какъ ты помогала втайнѣ бѣднымъ, сострадала и облегчала горести несчастныхъ; но при всемъ томъ и ты имѣла своихъ враговъ при жизни! Превосходство ума и талантовъ предъ другими рождало зависть, злословіе и клевету. Добродѣтели твои приписывали къ корыстнымъ видамъ, а слабости, свойственныя всѣмъ людямъ, низкимъ порокамъ. Кто не зналъ коротко твоихъ достоинствъ, могли вѣрить злословію твоихъ завистниковъ.

Почитаю за долгъ самый священнѣйшій истинною словъ моихъ оправдать твою память. Мертвымъ не льстятъ. Они не услышатъ ни хвалы, ни порицанія. О живыхъ моихъ знакомцахъ я не смѣю ничего сказать, кромѣ душевной благодарности за ласки и благосклонность ихъ ко мнѣ.

Писано въ ноябрѣ 1842 года.

И. А. Второвъ.

Сообщ. 14-го декабря 1889 г. А. Н. Яхонтовъ.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

Печатаемые вслѣдъ за симъ „Очерки и воспоминанія“ принадлежатъ перу тайнаго совѣтника Николая Марковича Колмакова. Читатели „Русской Старины“ уже знакомы съ нѣкоторыми трудами Николая Марковича, напечатанными въ нашемъ журналѣ, начиная съ 1886 года; статьи его суть слѣдующія: „Починъ крестьянскаго дѣла въ 1857 году—разборъ записокъ Я. А. Соловьева“; „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“; „Біографія графа Виктора Никитича Панина и М. И. Топильскаго“ и, наконецъ, „Старый судъ“. Всѣ эти статьи отличаются живостью изложенія, отличною группировкою вполнѣ интересныхъ фактовъ и прочитаны были нашими многочисленными читателями съ несомнѣннымъ любопытствомъ.

Приводимъ нѣсколько данныхъ о жизни и трудахъ Н. М. Колмакова: онъ родился въ 1816 году, 15-го ноября, въ м. Серединая Буда, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Отецъ его, изъ дворянъ Курской губерніи, окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и былъ перваго выпуска изъ сего университета. Авторъ очерковъ первоначально учился въ уѣздныхъ училищахъ гг. Сѣвска, Бѣлгорода и Глухова; по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1829 году, онъ, по отсутствію вакансій въ кадетскихъ корпусахъ поступилъ, по особому высочайшему повелѣнію, въ инженерную роту с.-петербургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, гдѣ и оставался по 1833 г. Засимъ въ слѣдующемъ 1834 году онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ по юридическому факультету, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1838 г.

Въ 1844 году Колмаковъ поступилъ въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ оставался по 1861 годъ, занимая мѣсто въ сенатѣ оберъ-секретаря, и въ департаментѣ начальника отдѣленія, старшаго юрисконсульта и, наконецъ, чиновника особыхъ порученій 5-го класса. Въ 1861 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николай Марковичъ вышелъ въ отставку а въ 1866 году снова былъ опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, председателемъ кіевской палаты и оставался въ этой должности по 1875 г.

Во время службы въ министерствѣ юстиціи онъ принималъ участіе въ разработкѣ многихъ проектовъ по законодательнымъ вопросамъ и въ особенности по начертанію законоположенія о мировыхъ посредникахъ, судебныхъ слѣдователяхъ и полиціи.

Проекты сіи составляли предметъ особой комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, въ составѣ коей участвовали: Я. А. Соловьевъ, Н. И. Стояновскій, К. К. Гротъ, В. А. Арцимовичъ, С. И. Зарудный и другіе.

По жизни и службѣ авторъ очерковъ былъ другомъ покойныхъ М. Н. Любощинскаго и С. И. Заруднаго.

Ред.

I.

Введеніе.—Мѣстечко Серединая Буда.—Корчемство.—Проѣздъ государя Александра Павловича чрезъ Буду.—Сѣвскъ, Дмитріевъ, Бѣлгородъ.—Наказанія въ училищахъ.—Казни по городамъ.—Проѣздъ государя Александра чрезъ Бѣлгородъ.—Графиня Чернышева.—Присяга дѣтей.—Жизнь въ Бѣлгородѣ.—Переѣздъ изъ Бѣлгорода въ Серединую Буду.—Ученіе въ школѣ и игры.—С. Береза.—Семейство Атрѣшковыхъ.—Глуховское училище.—Пискуновъ.—Небесное явленіе.—Сыновья Артемія Яковлевича Терещенко: Николаю, Федору и Семену Терещенко.

Лужебная моя дѣятельность давно кончилась, имущественныя дѣла также приведены къ концу, новаго впереди ничего не представляется, а потому душа моя невольно обращается къ прошедшему и полна воспоминаніями о минувшемъ.

Вотъ почему мнѣ пришло на мысль сдѣлать очеркъ моей жизни съ самаго дѣтства.

Руководить меня этимъ не изображеніе моей дѣятельности въ исключительномъ какомъ-либо смыслѣ, или похвальба самого себя, нѣтъ, мнѣ хочется описать мою жизнь, какъ она была, со всѣми ея невзгодами, и подтвердить извѣстную истину, что Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Да, Провидѣніе Божіе хранило меня при всѣхъ случаяхъ; въ него я постоянно вѣрилъ и обращался къ нему, какъ къ хранителю и защитнику моему.

Послѣдствіемъ сего было то, что бѣдный мальчикъ 12-ти лѣтъ, пришедшій почти пѣшкомъ изъ Черниговской губерніи въ Петербургъ, при обозѣ кладѣ, учился безъ посторонней помощи, окончилъ курсъ въ университетѣ, служилъ долго и замѣтно для сверстниковъ своихъ и теперъ спокойно безъ упрека совѣсти, благодаря Бога, доживаетъ свой вѣкъ, въ качествѣ землевладѣльца Волинской губерніи.

Въ послѣднее-же десятилѣтіе царствованія императора Николая и въ правленіе царя Александра II я, по своей службѣ въ министерствѣ юстиціи, сенатѣ и юго-западномъ краѣ, тоже по судебному

вѣдомству, слыль дѣльцемъ, а потому многое мнѣ было извѣстно и шло чрезъ мои руки.

Собственно говоря, мнѣ не хотѣлось-бы говорить о самомъ себѣ, но, описывая личныя воспоминанія, нѣтъ возможности избѣжать этого, а потому прошу читателя извинить меня въ этомъ.

Итакъ, начнемъ:

Мой отецъ, Маркъ Акимовичъ Колмаковъ, былъ изъ дворянъ Курской губерніи и окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ; кажется, онъ былъ едва-ли не изъ перваго выпуска сего университета, что относится къ первому десятилѣтію текущаго столѣтія, и былъ товарищемъ отца Сергѣя Ивановича Заруднаго, умершаго въ 1888 году, извѣстнаго юриста и писателя. Привожу этотъ фактъ потому, что чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего я жилъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ на одной и той-же квартирѣ и часто, въ бесѣдахъ своихъ, вспоминали нашихъ отцовъ.

Отецъ мой зналъ превосходно древніе языки и многія науки, въ томъ, конечно, объемѣ, въ каковомъ входили таковыя въ составъ тогдашняго университетскаго образованія. По окончаніи курса онъ служилъ сначала по учебному вѣдомству, а потомъ по министерству финансовъ. Ученики отца, которыхъ я, спустя много лѣтъ, встрѣчалъ въ Черниговѣ и Петербургѣ, помнили его и отзывались о немъ, какъ о превосходномъ, знающемъ учителѣ и наставникѣ.

Живя въ Черниговской губерніи, онъ познакомился съ семействомъ протоіерея мѣстечка Серединой Буды, Ивана Лузанова, и женился на его дочери Аннѣ. Это моя мать.

Лузановъ воспитывался въ кіевской духовной академіи, былъ извѣстенъ по своей учености, которая въ то время по преимуществу выражалась въ знаніи древнихъ языковъ и классическихъ писателей. Онъ былъ товарищемъ знаменитаго въ свое время въ Кіевѣ проповѣдника Леванды, состоялъ съ нимъ до самой смерти въ перепискѣ и оставилъ по себѣ порядочную библіотеку, свидѣтельствовавшую о его учености. Въ хроникахъ одного изъ нашихъ историческихъ журналовъ упоминается о протоіерѣ Лузановѣ, какъ объ ученомъ мужѣ. Дѣятельностію Лузанова построена въ Серединой Будѣ церковь, во имя Рождества Богородицы, по плану извѣстнаго въ прошломъ столѣтіи архитектора графа Растрелли. Имя Лузанова донинѣ красуется на внутренней стѣнѣ сего храма, при входѣ въ оный. Храмъ этотъ до сихъ поръ существуетъ и невольно привлекаетъ общее вниманіе. Протоіерей Лузановъ, какъ уроженецъ города Козельца, Черниговской губерніи, былъ близокъ къ графу Разумовскому, который родомъ тоже изъ сего-же уѣзда, села Лемешини.

Графу Разумовскому, какъ гетману, принадлежало много имѣній въ Черниговской губерніи, въ томъ числѣ и мѣстечко Серединая Буда. Этою близостію объясняется, почему въ мѣстечкѣ Серединой Будѣ выстроены храмъ по плану графа Растрелли, строившаго дома въ С.-Петербургѣ для графа Разумовскаго. Храмъ этотъ есть какъ будто копія съ церкви въ г. Козельцѣ, построенной также графомъ Растрелли, и чрезвычайно схожъ съ церковью Никола Морскаго въ Петербургѣ, воздвигнутою тоже имъ.

По отзыву стариковъ, сошедшихъ давно въ могилу, Лузановъ убѣдилъ графа Разумовскаго отказаться отъ крѣпостныхъ правъ на имѣніе Серединая Буда, чѣмъ и оставилъ по себѣ добрую память. Имѣніе Серединая Буда, кажется, въ числѣ прочихъ, принадлежало къ тѣмъ имуществамъ, которыя опредѣлялись на гетманскую булаву, т. е. на содержаніе самого гетмана. Въ знакъ благодарности жители Серединой Буды поднесли Лузанову наполненный червонцами золотой кубокъ, который хранится у меня до сихъ поръ.

Братъ моей матери, Павелъ, служилъ въ гвардіи, а подъ конецъ жизни былъ, кажется, сначала городничимъ въ Глуховѣ, а потомъ тамошнимъ предводителемъ дворянства; женатъ онъ былъ на Елисаветѣ Михайловнѣ Марковичъ, которая принадлежала къ почетнымъ фамиліямъ Черниговской губерніи.

Второй братъ матери, Герасимъ, служилъ казакомъ при атаманѣ Платовѣ и женатъ былъ на дочери извѣстнаго въ свое время въ С.-Петербургѣ скульптора, Ивана Петровича Мартосъ. Мартосъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ; произведенія-же его до сихъ поръ украшаютъ паркъ въ Павловскѣ, Александровскую колонну въ Петербургѣ, Казанскій соборъ и многія другія мѣста.

Самъ дядя, Герасимъ Лузановъ, былъ писателемъ и даже баснописцемъ. Написанныя имъ басни были когда-то въ ходу и отличались остроуміемъ; басни эти въ настоящее время составляютъ библиографическую рѣдкость, но тѣмъ не менѣе, въ свое время, ихъ читали и восхищались. Первое ихъ изданіе, кажется, было въ г. Орлѣ и вотъ почему онѣ исчезли изъ числа книгъ, обращающихся въ книжной торговлѣ.

15 ноября 1816 года въ м. Серединой Будѣ я появился на свѣтъ Божій. Имущество моихъ родителей состояло въ небольшомъ деревянномъ домикѣ съ садомъ, огородомъ и винокурнею. Въ прежнее время въ Малороссіи всѣ имѣли право на свободное винокуренье, а потому у каждаго, мало-мальски зажиточнаго, хозяина была своя винокурня. Вино тогда составляло предметъ свободнаго

винокуренья и торговли и продавалось, сколько помню, не дороже 40 копеекъ за ведро, и не мудрено: цѣна хлѣба за пудъ тогда не превышала 10 копеекъ.

Черниговская губ., какъ извѣстно, окружена плодородными мѣстами, а потому и при бездорожьѣ вывозить хлѣбъ было некуда, и вотъ почему хлѣбъ, по нуждѣ, обращался въ водку, а остатками отъ винокуренья, бардой, кормили скоть. Правомъ свободнаго винокуренья Малороссія сильно дорожила и право это было выговорено даже въ трактатахъ при соединеніи Малороссіи съ Россією, — но время все измѣнило.

Такъ было во всей Черниговской губерніи или, лучше сказать, въ Малороссіи, но за чертой ея, въ Орловской и Курской губерніяхъ, существовала сначала казенная, а потомъ откупная продажа, гдѣ цѣна на водку превышала много разъ цѣну, чѣмъ въ Малороссіи. Мѣстечко Середина Буда лежитъ какъ разъ на самой границѣ Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи. Разность въ цѣнѣ на водку въ Россіи и Малороссіи производила бездну неурядиць, убійствъ и вообще преступленій. Откупщики, державшіе въ Россіи откупъ, имѣли на границѣ губерніи многочисленную стражу вооруженныхъ людей. Каждый путешественникъ и вообще проѣзжій изъ Малороссіи въ Россію подвергался осмотру и при этомъ перерывалось все, что было у него въ повозкѣ, безъ всякаго снисхожденія; но всѣ эти осмотры не остававляли русскихъ крестьянъ провозить водку въ болшемъ или меньшемъ количествѣ, а иногда цѣлыми боченками и бочками. Для этого они собирались цѣлыми толпами, вооружались чѣмъ попало: топорами, косами, дубинками, и, набравши водки, пробирались окольными путями въ мѣста русскихъ уѣздовъ; тутъ происходили встрѣчи, кровавое избіеніе или стражи, или крестьянъ, смотря по тому, кто былъ сильнѣе. Цѣлые десятки людей исчезали безслѣдно; присутственныя мѣста завалены были уголовными дѣлами по провозу водки изъ Малороссіи въ Россію. Преступленія сіи назывались корчемствомъ и правительство или, лучше сказать, чины откупнаго вѣдомства усердно служили этому дѣлу, поощряемые къ тому щедрыми взятками отъ откупщиковъ. Кстати сказать, что Орловская губернія въ былое время вообще не отличалась тишинокъ: разбои по дорогамъ и особенно въ Брянскихъ гѣсахъ почасту оглашались звѣрскими убійствами. Въ разбояхъ замѣшаны были даже и сами помѣщики. Да, было такое время!

Народная поговорка: „Орель да Кромы первые воры, а Карачевъ на поддачу, а Елецъ—всѣмъ отецъ“, слышится еще и теперь въ устахъ тамошнихъ жителей.

Въ Кіевѣ, гдѣ я теперь живу, очень много извозчиковъ изъ Орловской губерніи; разъ я напомнилъ одному изъ нихъ: а знаешь-ли, что говорятъ про Орель?—при этомъ напомнилъ ему поговорку: Орель да Кромы и т. д.

— Какъ не знать, отвѣчалъ извозчикъ, у насъ ее всѣ знаютъ. Да люди-то не тѣ стали, что прежде. Вотъ оно что, прибавилъ онъ.

И дѣйствительно такъ, все проходитъ своимъ чередомъ, устраняются причины, исчезаютъ и послѣдствія.

Право Малороссіи на свободное винокуренье мало-по-малу ограничивалось и кончилось тѣмъ, что въ 1860-хъ годахъ права эти совсѣмъ уничтожены, наступила акцизная система.

Долго потомъ, да и теперь еще старыя паны указываютъ на нарушеніе сихъ правъ Россією. А было время, когда въ Малороссіи при дешевизнѣ водки откармливался скотъ, вырабатывались разныя наливки, прославившія свою родину, — и пили-же здѣсь здорово, а пьяницами не считались. Доходами отъ винокурений многіе кормили свою семью и казались не бѣдными. Такихъ панковъ въ Серединой Будѣ, да и по другимъ сосѣднимъ мѣстамъ было не мало. Я помню семейства Долголевскихъ, Калугинныхъ, Даровскихъ и другихъ — всѣ они имѣли сыновей, которые, не смотря на скудость своихъ фамилныхъ средствъ, отправлялись въ столицу, поступали въ университетъ и впоследствии оказывались полезными дѣятелями.

Вотъ почему въ 1820-хъ годахъ по присутственнымъ мѣстамъ, а въ особенности въ сенатѣ, лучшими служаками были хохлы.

Въ 1825 году чрезъ Серединую Буду, по дорогѣ въ г. Таганрогъ, проѣзжалъ государь императоръ Александръ Павловичъ. Въ какихъ видахъ и почему безъ всякаго предувѣдомленія онъ выбралъ эту совершенно глухую дорогу, для жителей оной было необъяснимо, но не въ томъ дѣло. Во время проѣзда государя чрезъ мѣстечко на обывательскихъ лошадяхъ какой-то ошалѣлый мѣстный пѣтухъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ дорогу, гдѣ ѣхалъ государь, и попалъ какъ разъ подъ колесо коляски, — разумѣется, голова его отлетѣла. Видѣвшіе это ахнули и начали говорить, что это не къ добру! Впоследствии времени, когда смерть государя 19-го ноября 1825 г. огласилась въ Россіи, жители Серединой Буды вспоминали происшествіе съ пѣтухомъ.

— „Это была вѣрная примѣта, — говорили простодушные будлянцы: что съ паремъ случится бѣда — такъ оно и вышло!“

Вообще Серединая Буда, какъ уголокъ Малороссіи, тогда, а пожалуй и теперь, полна была разныхъ суевѣрій. Повѣрья о домовыхъ, всѣхъ возможныхъ чертихъ, вѣдьмахъ и лѣшихъ принимались здѣсь за чистую правду.

Во время малолѣтства моего, одна наша сосѣдка, по имени Козлова, а тамъ по мѣстному называвшаяся Козлихой, слыла за вѣдьму и никакія увѣренія не могли убѣдить никого въ томъ, что это сущій вздоръ.

Всѣ отъ нея отстранялись, она и сама знала, что о ней думаютъ и говорятъ, и какъ будто сознавала, да не вѣдьма-ли она на самомъ дѣлѣ? На бѣду позади ея сада было когда-то кладбище, откуда время отъ времени появлялись фосфорическіе огоньки, вотъ они-то и служили главными неопровержимыми доказательствами того, что она дѣйствительно вѣдьма и что къ ней летаютъ нечистые духи. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это была трудолюбивая женщина, но не яшавшаяся съ сосѣдами въ выпивкѣ варенухи и разныхъ наливокъ.

Пребываніе моего семейства въ Серединой Будѣ, въ началѣ моего дѣтства, было непродолжительно. Мы переѣхали въ г. Сѣвскъ, Орловской губерніи, отстоящій въ 30-ти верстахъ отъ Серединой Буды.

Г. Сѣвскъ — небольшой городокъ на рѣкѣ Марицѣ: въ немъ я помню гору съ разными провалами и ямами, наполненными человѣческими костями. Это остатки воиновъ, павшихъ въ битвѣ, полчищъ Дмитрія Самозванца съ московскою ратью въ 1605 году. По громадной массѣ костей можно было судить о числѣ павшихъ. То было начало смутнаго времени. Тогдашніе жители едва-ли знали о томъ, что происходило за два вѣка предъ симъ.

Городъ Сѣвскъ остался мнѣ памятнымъ по нѣкоторымъ другимъ событіямъ. Сгорѣлъ винный казенный подвалъ, и такъ какъ, по тогдашнимъ понятіямъ, казенное не тонетъ и не горитъ, то всѣ сѣвскіе чиновники, служившіе по министерству финансовъ, въ томъ числѣ и мой отецъ, были подвергнуты взысканію на возмѣщеніе убытковъ казны. Вотъ по этому случаю имущество моего отца подвергнуто было продажѣ и въ числѣ этого имущества всѣ наши крѣпостные люди, вучера, лакеи и вообще дворовые, попали подъ молотокъ.

Мы, дѣти, привыкшіе къ нимъ, когда ихъ увели, плакали навзрыдъ и слезамъ нашимъ не было конца. Прошло много лѣтъ, торги эти были признаны неправильными, люди, кои были живы, намъ возвращены; но я уже былъ кончившимъ курсъ въ университетѣ и счелъ своимъ святымъ долгомъ дать имъ всѣмъ свободу.

Я радовался, что дожилъ до такого момента, но люди плакали, говоря: „Мы ваши; зачѣмъ вы насъ покидаете“. Нужно было много словъ, чтобы убѣдить ихъ принять отпускныя.

Потомъ въ г. Сѣвскѣ случилось другое событіе, оставшееся въ

моей памяти на всю жизнь. Тамъ около церкви Вознесенія былъ скатъ съ горы въ рѣкѣ, но не по прямой линіи внизъ, а дугообразный, по сторонамъ коего былъ провалъ необычайной глубины.

Старшій мой братъ, Александръ, усадилъ меня и другаго еще мальчика съ собой въ салазки и покатались по скользкому спуску. При быстротѣ бѣга и при неумѣнн управлять салазками, мы быстро покатались внизъ по прямой линіи и, въ концѣ концовъ, полетѣли въ провалы. Къ счастью, снѣгъ былъ глубокой и мы, съ высоты нѣсколькихъ саженъ, врѣзались въ него и исчезли въ немъ. Я былъ между двумя сѣдоками и удивительно, какъ я не былъ расплюснутъ при паденіи, но Богъ спасъ насъ всѣхъ—мы отдѣлались только крупными ушибами. Думали, что послѣ этого паденія я буду горбатымъ или калѣкой, но ничего этого не случилось,—я остался крѣпкимъ и здоровымъ мальчикомъ.

Въ Сѣвскѣ я уже ходилъ въ училище и на бывшемъ тамъ экзаменѣ, помню, сказалъ стихи, оставшіеся до сихъ поръ въ моей памяти. Стихи были слѣдующіе:

Къ Тебѣ, Всевышній, я взываю!
 Подай, Всещедрый, мнѣ
 Не то, что я желаю,
 Но то, что Самъ восхощешь Ты!

Похваламъ не было конца: отецъ меня обнялъ, а мать плакала отъ умиленія; мнѣ тогда было около 6-ти лѣтъ, а теперь свыше 70 лѣтъ. Стихи сами по себѣ не важны, но то замѣчательно, какъ я ихъ удержалъ въ памяти въ теченіи столь долгаго времени.

Другое для меня сильное впечатлѣніе въ Сѣвскѣ было слѣдующее: я разъ видѣлъ, какъ одинъ маляръ, красившій куполъ одной церкви, оборвался съ веревки, за которую онъ держался, и полетѣлъ внизъ; не забуду никогда, какъ въ воздухѣ, на полетѣ, онъ дѣлалъ судорожныя движенія и какъ, наконецъ, онъ грохнулся о землю и распластался. Впечатлѣніе это такъ было сильно, что оно и теперь не изгладилось изъ моей памяти и часто во снѣ я вижу того падающаго человѣка, просыпаюсь и кричу...

А кажется, послѣ столь долгаго времени можно было забыть, но нѣтъ—помню.

Итакъ, жизнь въ Сѣвскѣ не оставила по себѣ особыхъ пріятныхъ воспоминаній.

Мы переѣхали въ городъ Дмитріевку. Это тоже маленький городокъ, лежащій въ недалекомъ разстояніи отъ Сѣвска. Квартира наша, къ несчастью, была около самой бойни городского мясника;

каждый день мы слышали раздрающіе стоны разныхъ животныхъ, умирающихъ подъ ножемъ или обухомъ варварскаго мясника. Это терзало насъ всѣхъ. Рогатый скоть, овцы и свиньи чутко слышать запахъ крови и вообще стenanія себѣ подобныхъ.

Городъ Дмитріевка оставилъ у меня еще другое воспоминаніе: на площади этого города выстроена была церковь, съ довольно высокою колокольнею, но не успѣли ее кончить, какъ она всею своею массою разрушилась до самаго основанія. Обстоятельство это оставило по себѣ тяжелое впечатлѣніе у жителей. Одни говорили, что будто-бы подъ фундаментомъ оказались водяные ключи, а другіе, что подъ онымъ обрѣли могилы святыхъ.

Впослѣдствіи времени, лѣтъ чрезъ 25, я проѣзжала чрезъ Дмитріевку и, глядя на вновь отстроенную колокольню на томъ-же мѣстѣ, я спросилъ своего ямщика: знаетъ-ли онъ, что когда-то вотъ эта колокольня упала?

— „Это правда“, сказалъ ямщикъ, „но это было давно, лѣтъ сто тому назадъ“. Тщетно я увѣрялъ его въ противномъ, онъ остался при своемъ убѣжденіи.

Но, главное, я помнилъ Дмитріевку по другому обстоятельству: здѣсь я, будучи мальчикомъ, захворалъ жестокою болѣзною, названія которой я не знаю.

Всѣ отчаялись въ моей жизни, дошло до того, какъ мнѣ говорила мать впослѣдствіи, что даже для меня заказанъ былъ гробикъ для моего погребенія. Меня спасъ огородный лукъ: нянька моя, подъ влияніемъ любви ко мнѣ, давала мнѣ все, къ чему протягивались мои рученки. Лукъ былъ въ изобиліи и на глазахъ и вотъ я ѣлъ его съ пожирающею жадностію. Болѣзнь уступила и, по увѣренію докторовъ, спасеніе мое обязано этому огородному луку. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ я спрашивалъ ихъ относительно цѣлебности лука и они подтвердили то-же. Итакъ, жизнь моя была спасена и бѣдный мальчикъ, благодаря Бога, остался живъ.

Въ 1824 году семейство наше переѣхало въ г. Бѣлгородъ. Это городъ Курской губерніи и находится теперь на Харьковской желѣзной дорогѣ. Въ прежнее время, да и теперь, онъ поражаетъ взоры своею бѣлизною, и немудрено: около него находится мѣловая гора, дающая обильный матерьялъ, чтобы быть бѣлымъ. Рѣка Донецъ и другая рѣчка, кажется, Синявка, даютъ жителямъ много удобствъ. Городское училище, куда я вскорѣ поступилъ, отличалось тогда своимъ благоустройствомъ, но что возмущаетъ мои воспоминанія,—это наказанія, практиковавшіяся въ семъ училищѣ. Лѣнивыхъ учениковъ облакали въ ветхую и совершенно оборванную

солдатскую шинель, навязывали на нее разные куски бумаги и тряпки и, сверхъ того, надѣвали на голову бумажный колпакъ и въ такомъ нарядѣ, который весьма не кстати называли порфирю, водили ученика на веревкѣ по городу, преимущественно-же по базару и лавкамъ. Такое уродливое наказаніе было постоянно въ ходу и никого не смущало.

Училищныя занятія начинались обыкновенно перекличкою учениковъ, кто на лицо и кого нѣтъ. Иногда получались отвѣты на вопросъ, почему такого нѣтъ, откликомъ: сапогъ нѣтъ. Оправданіе въ неимѣніи сапогъ тогда принималось за весьма уважительное, и не удивительно: мастера сапожники не были многочисленны и часто приходилось бѣгать босикомъ, пока появятся сапоги.

Потомъ дѣлалась расправа съ лѣнивыми; учитель смотрѣлъ списки аудиторювъ о томъ, кто изъ учениковъ зналъ урокъ и кто не зналъ. Подъ именемъ аудиторювъ разумѣлись тѣ ученики, кои прослушивали уроки другихъ и дѣлали о нихъ свои отмѣтки. Надъ всѣми аудиторями былъ еще аудиторъ аудиторювъ: это былъ первый изъ учениковъ. Учитель, смотря на отмѣтки аудиторювъ, наказывалъ незнающихъ уроковъ палами, т. е. ударами линейки по ладонямъ. Это было дѣло или, лучше сказать, расправа самая обыкновенная. Думаю, что тогдашніе учителя, воспитанные сами въ подобной школѣ, не безъ удовольствія и со всею жестокостью наносили удары мальчишкамъ по ладонямъ. Криковъ со стороны ихъ не было, слышно было только лясканье. Лѣнивые ученики, не знавшіе своихъ уроковъ, предъ приходомъ учителя терли свои крошечныя ладони руку объ руку до красна или, лучше сказать, до онемѣнія, а потомъ, когда предъ ними появлялся съ линейкой суровый учитель, быстро подставляли ему свои дѣтскія ладони. Число ударовъ зависѣло отъ учителя; кажись это, повторяю, тѣшило ихъ.

Въ недавнее время я встрѣтилъ въ Кіевѣ одного весьма почтеннаго старца, учившагося вмѣстѣ со мною когда-то въ Глуховскомъ уѣздномъ училищѣ. Мы съ ужасомъ вспоминали о такъ называемыхъ палаяхъ или ударахъ линейкою по рукамъ, кои съ искусствомъ награждалъ одинъ изъ учителей, по имени Величко.

Я самъ старецъ, бывшій аудиторъ-аудиторювъ, подвергся этой-же пыткѣ, но не за незнаніе уроковъ, нѣтъ, а потому, что ученики въ классѣ, бывшіе подъ моимъ надзоромъ, на шумѣли и вотъ въ этотъ разъ я подвергся сему наказанію. Ладони мои послѣ ударовъ были красны и точно какъ будто ихъ колоди тысячами иголокъ. Все это я помню, какъ будто вчера случилось.

Да, было время, наказывали безъ сожалѣнія и звѣрски. Впро-

чемъ, казни и вообще тѣлесныя наказанія въ прежнее время были зауряднымъ дѣломъ.

Всякаго рода учебныя заведенія и торговныя площади, гдѣ производились, по обыкновенію, казни уголовныхъ преступниковъ, потому полеовныя ученія на улицахъ, гдѣ солдатъ послѣ и во время ученія тутъ-же наказывали по произволу командира то палками, то палашами, почасту оглашались крикомъ: „помиосердствуйте, кто въ Бога вѣруеть!“

И все это кончилось съ указомъ блаженной памяти милосерднаго императора Александра II, 17-го апрѣля 1863 года!

Да, велика заслуга этого государя предъ челоуѣчествомъ уничтоженіемъ тѣлесныхъ казней!

Событіе это еще недостаточно оцѣнено у насъ и только недавно маститый князь Н. С. Голицынъ („Русская Старина“, апрѣль мѣсяцъ 1890 г.) посвятилъ этому предмету прекрасную прочувствованную статью; при этомъ скажемъ, что первая записка объ отмѣнѣ тѣлесныхъ истязаній, послужившая началомъ обсуждения сего предмета, принадлежитъ князю Николаю Алексѣевичу Орлову („Русская Старина“, 1881 г., томъ XXXI, стр. 75—102).

Читая все это, нельзя не удивляться терпѣливости сносившихъ казни и любви въ старину властей къ нимъ.

Въ прежнее время, по городамъ, обыкновенно передъ казнію, барабанщикъ, съ извѣстнымъ числомъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу и барабанилъ, давая тѣмъ знать, что на площади будетъ совершаться казнь. Я говорю о гражданскихъ казняхъ. Народъ бѣжалъ на площадь и его очамъ представлялось слѣдующее: деревянный станокъ, называемый кобыла, приспособленный такъ, чтобы преступникъ могъ быть связанъ по рукамъ и ногамъ, въ полустоячемъ положеніи; около него стоялъ палачъ или, какъ его именовали въ Малороссіи, кать, съ кнутомъ въ рукахъ.

И вотъ, по прочтеніи приговора, онъ, отступая отъ станка нѣсколько шаговъ, потомъ быстро приближаясь къ наказуемому, который былъ съ открытою спиною, наносилъ ему со всего размаха удары. Раздавались стоны и народъ имъ болѣзненно вторилъ.

Чѣмъ оправдать такіа казни?

Ничего другаго нельзя сказать, какъ то, что было такое время.

Если принять во вниманіе, что только дворяне и купцы первыхъ двухъ гильдій избавлены были отъ сего позорнаго наказанія, то можно себя вообразить, какъ многочисленны были по городамъ такіа казни. Сводъ нашихъ уголовныхъ наказаній до изданія

уложенія 1845 г. по преимуществу состоялъ въ присужденіи извѣстнаго числа ударовъ плетей или кнута.

Помню, иногда катъ съ разрѣшенія властей, при особой стражѣ, ходилъ по городу и въ особенности около лавокъ; лавочники съ трепетомъ въ рукахъ и отвращеніемъ въ лицѣ кидали ему монеты въ подставленную шапку, молясь, вѣроятно, въ душѣ: Боже, избавь меня отъ его рукъ! — Вотъ эти сцены поражали меня въ дѣтствѣ, чего, конечно, я никогда не забуду.

Но будемъ продолжать далѣе. Лѣтомъ 1825 года императоръ Александръ I, при проѣздѣ въ Таганрогъ, посѣтилъ г. Бѣлгородъ. Коляска его была желтая, это былъ любимый цвѣтъ его царствованія, а при императорѣ Николаѣ цвѣтъ этотъ замѣненъ синимъ.

По приѣздѣ въ Бѣлгородъ, государь прямо направился въ женскій монастырь, гдѣ въ то время жила на старости лѣтъ двора Екатерины II-й штатсъ-дама, восприемница его, императора Александра, отъ купели, — Анна Иродіоновна Чернышева — супруга генералъ-фельдмаршала графа Захарія Григорьевича Чернышева. О ней въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. II, и 1874 г., т. XI, помѣщены любопытныя свѣдѣнія; но независимо отъ сего, въ зрѣлыхъ лѣтахъ я слышалъ о ней нѣсколько анекдотовъ изъ устъ ея родственницы графини Софій Владиміровны Строгоновой, умершей въ 1845 году. По ея описанію — Анна Иродіоновна была иногда богомолка, а иногда грозная и своенравная женщина. Она умерла въ Смоленскѣ въ 1830 г., 85 лѣтъ отъ роду, и погребена въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ.

Зимой того-же года жители города Бѣлгорода встрѣчали уже государя Александра мертваго: печальная колесница его направлялась изъ Таганрога въ Петербургъ, а гробъ съ останками его оставленъ былъ въ мѣстномъ соборѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ сего, жители г. Бѣлгорода, а равно и ученики мѣстнаго училища, не смотря на ихъ малолѣтство, присягали императору Константину Павловичу, а немного спустя — насъ, учениковъ, снова повели въ церковь присягать императору Николаю Павловичу. Само собою, мы не понимали этой перемѣны; насъ, мальчугановъ, привели въ церковь, поставили предъ алтаремъ, велѣли поднять кверху два пальца правой руки и повторять вслѣдъ за священникомъ слова присяги. Теперь причина перемѣны въ престолонаслѣдіи ясна, а тогда была очень темною. Немудрено, что, такъ называемые, декабристы воспользовались этимъ и погубили массу невинныхъ солдатъ, говоря, что цесаревича Константина заставили насильно отказаться отъ престола.

Жизнь моей семьи въ Бѣлгородѣ была безъ особаго достатка. И вотъ среди такой скудной обстановки отецъ мой, почти скоропостижно, умираетъ 28 января 1827 года, успѣвъ только, за нѣсколько часовъ до смерти, помолиться вмѣстѣ съ нами Богу и благословить насъ.

Мы остались сиротами. Къ счастью, мы, какъ дѣти, не чувствовали тяжелаго этого положенія; но констинѣ можно сказать: свѣтъ не безъ добрыхъ людей! явились какія-то лица, вѣроятно, товарищи по службѣ отца, распорядились его похоронами, а насъ троицхъ отправили съ старою нянькою къ матери въ Серединую Буду, снабдивъ на дорогу самымъ необходимымъ.

Въ тотъ самый годъ, день и часъ, когда отецъ въ г. Бѣлгородѣ испускалъ свой послѣдній вздохъ, въ Петербургѣ у Полицейскаго моста, въ домѣ Строгонова, родился младенецъ, князь Александръ Васильевичъ Голицынъ. Это былъ сынъ княгини Англиды Павловны Голицыной, рожденной графини Строгоновой.

Впослѣдствіи времени я былъ приглашенъ къ нему въ качествѣ первоначальнаго учителя, а потомъ, по окончаніи мною университетскаго курса, сдѣлался уже его наставникомъ.

Такое положеніе дало мнѣ возможность обставить всю мою жизнь и обезпечить мою семью возможнымъ благополучіемъ.

Да, Господь Богъ милосердъ былъ ко мнѣ.

Можно думать, что все это было дѣло случая; пожалуй, но случай этотъ ниспосланъ былъ Господомъ Богомъ, по Его милости и милосердію ко мнѣ, и въ этомъ я вижу Провидѣніе Божіе.

Путешествіе изъ Бѣлгорода въ Серединую Буду продолжалось нѣсколько дней. На пути, въ лѣсахъ, намъ повстрѣчался человекъ свирѣпый на видъ и весьма невзрачный. Онъ повелительно остановилъ насъ, задалъ намъ нѣсколько вопросовъ, кто мы и откуда, осмотрѣлъ нашу скудную обстановку и наши испуганныя дѣтскія лица, попросилъ хлѣба и денегъ и отпустилъ насъ съ Богомъ. Разумѣется, все ему дано было, что онъ просилъ, и самая передача совершалась трепетными нашими дѣтскими руками.

Послѣ ямщикъ съ испугомъ объявилъ намъ, что это былъ, навѣрно, разбойникъ, но побоялся Бога и не зарѣзалъ насъ, дѣтей.

Вспоминая это событіе, я видѣлъ въ немъ новое проявленіе милости Божіей. По пріѣздѣ въ Серединую Буду, матушка поручила мое дальнѣйшее обученіе одной барышнѣ, по имени Надеждѣ Михайловнѣ Подобѣдовой. Но увы, я, бывши въ Бѣлгородскомъ училищѣ, едва-ли не болѣе зналъ моей воспитательницы. Обученіе мое у ней ограничивалось тѣмъ, что она, раскрывъ какую-либо книгу,

задавала мнѣ прочесть изъ нея, говоря: отсюда — досюда. Само собою это, при умѣннн читать бойко и быстро, не составляло для меня никакого труда. Она обучала и другихъ мальчиковъ; ея квартира была чѣмъ-то въ родѣ школы; насъ, мальчиковъ, было человѣкъ десять. Къ ней мы являлись рано утромъ, поѣвши сначала хорошо дома. На дорогу матушка снабжала меня разными съѣдомыми продуктами, въ родѣ яицъ, хлѣба, огурцовъ и кюшоковъ или кукурузы.

Вотъ этими продуктами набивши карманы шароваръ, мы являлись въ школу Надежды Михайловны. Ученіе наше начиналось и продолжалось чтеніемъ вслухъ, во всю гортань, заданныхъ уроковъ. Намъ казалось, что мы, читая громко, вовсе не мѣшаемъ другъ другу и что наши уши не были оглушены общимъ гамомъ. Чтеніе состояло въ повтореніи одного и того-же заданнаго урока.

Часовъ въ школѣ не было, — мѣриломъ времени служилъ гвоздь, воткнутый въ подоконникъ: это было что-то въ родѣ солнечныхъ часовъ. Тѣнь отъ гвоздя, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по ходу солнца, служила указаніемъ времени. Всѣ мы зорко слѣдили за тѣнью отъ гвоздя и вдругъ, съ неописанною радостію, ближайшій къ мѣрилу времени ученикъ кричалъ: вже. Это значило, что тѣнь отъ гвоздя дошла уже до замѣтки, т. е. времени завтрака. Ученіе быстро прекращалось; мальчики, вскочивъ изъ-за скамеекъ, быстро доставали принесенное ими съѣдомое и пожирали, — затѣмъ начинались игры: кувырканье, борьба другъ съ другомъ, игра въ шаръ, мячъ и бабки. Эта послѣдняя была что-то въ родѣ азартной игры.

Ловкіе мальчики, къ коимъ я и себя безспорно причислялъ, выигрывая у другихъ бабочныя кости и тутъ-же продавая, скопляли тѣмъ капиталы изъ нѣсколькихъ грошей, а иногда и цѣлаго мѣднаго пятака, или много, много десяти копеекъ. Тѣмъ не менѣе взоръ счастливца игрока мальчика сіялъ неописанною радостію, когда въ карманѣ своихъ шароваръ онъ ощупывалъ нѣсколько выигранныхъ грошей. Игра эта мнѣ въ особенности задалась, и я, действительно, обладалъ ею въ совершенствѣ. Промаховъ почти не было и правая моя рука наловчилась съ дѣтства до того, что я и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и даже до сего времени чувствую крѣпость и ловкость въ ней.

Увѣряю, что въ теченіи многолѣтней моей жизни мнѣ по разнымъ дѣламъ случалось зарабатывать и класть въ свой карманъ даже тысячи рублей, но я не былъ такъ радъ, какъ тогда, когда выигрывалъ въ дѣтствѣ нѣсколько грошей въ бабки. Такъ времена переменчивы.

Я не знаю другой игры, болѣе распространенной въ Россіи,

какъ игра въ бабки. Эту игру между русскими мальчиками можно встрѣтить вездѣ: и въ столицахъ, и въ городахъ, и по деревнямъ. Скажу болѣе, что, бывши въ Петербургѣ и служа тамъ по Министерству Юстиціи, въ чинѣ чуть-ли не статскаго совѣтника, я позади Казанскаго собора случайно увидѣлъ цѣлую толпу мальчиковъ, игравшихъ въ бабки. Смотри на нихъ, я невольно вспомнилъ бывшее, остановился, вмѣшался въ ихъ говоръ и условился съ ними такъ: если я дамъ промахъ,—плачу имъ гривенникъ, а если собью съ кона бабки, то выдеру за чубъ кого-либо изъ нихъ. Условіе принято. Каждый изъ нихъ соваль мнѣ въ руки свой битокъ; я взялъ его сначала у одного, потомъ у другаго и кончилось тѣмъ, что мнѣ пришлось, разувѣтая шути и съ любовію, выдрать за чубъ многихъ изъ нихъ и только для потѣхи я сдѣлалъ нарочно нѣсколько промаховъ и заплатилъ мальчикамъ условленные гривенники, чѣмъ они, конечно, остались крайне довольны, а въ головѣ моей промелькнуло цѣлыхъ 30, если не болѣе, лѣтъ. Пожалуй кто-либо, видя меня играющимъ въ бабки, причислитъ бы меня къ сумасшедшимъ, но это было только живое воспоминаніе дѣтства.

Ученіе мое у Подобѣдовой продолжалось около года, а между тѣмъ въ это время многіе изъ насъ, учениковъ, кончали свои книги. Обстоятельство это сопровождалось непремѣнно особымъ празднествомъ.

Родители окончившаго книгу приносили въ школу горшокъ медовой каши, съ нѣсколькими воткнутыми въ нее мѣдными монетами; все это ставилось на столъ въ учительницѣ и всѣ ученики коштовали или пробовали ложкою эту кашу, поздравляя и учительницу, и ученика. Этотъ обычай, кажется, былъ общимъ въ Малороссіи и едва-ли онъ не существуетъ и до сихъ поръ, особенно въ школахъ у дячковъ и священниковъ.

Мнѣ не привелось, однако-жъ, приносить медовую кашу къ ней, такъ какъ я читалъ всѣ русскія книги одинаково бойко, безъ всякаго приготовленія.

Я оставилъ школу Подобѣдовой; тетушка моя, сестра матери моей, Марія Ивановна Атрѣшкова, жившая въ селѣ Березѣ, что около города Глухова, взяла меня къ себѣ. Семью ея и вообще домъ, по своей обстановкѣ, я считалъ барскими.

Марія Ивановна имѣла четырехъ сыновей. Одинъ изъ нихъ, Наркизъ Ивановичъ Атрѣшковъ, извѣстенъ былъ, въ свое время, въ Петербургѣ, 1830—1860 гг., по своей суетливости, изобрѣтенію разныхъ нововведеній, изданію журналовъ общепользныхъ свѣдѣній и сочиненій Пушкина по смерти его, пріобрѣтенію Батюшевскихъ

имѣній и, наконецъ, отчасти по учрежденію „Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита“. О немъ даже Пушкинъ при жизни упоминалъ, но только умышленно коверкалъ его имя, называя его Отрыжковымъ („Сочиненія Пушкина“, изданіе г. Суворина, книга VIII, стр. 387).

Атрѣшковъ, дѣйствительно, прославившаяся личность, однако-жь—не въ хвалебномъ смыслѣ, а въ обратномъ.

Когда-нибудь о немъ мы расскажемъ особенно, а теперь, упомянувъ, что онъ умеръ въ крайней бѣдности, будемъ продолжать свою исторію.

Марія Ивановна Атрѣшкова, кромѣ сына Наркиза, имѣла еще трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Одну изъ нихъ называли Елизаветой и вотъ подѣ ея-то ближайшее вѣдѣніе я и поступилъ.

Дѣвушка эта, преисполненная романтизма, занялась въ особенноти мною,—я въ самое короткое время прочелъ съ нею всѣ тогдашніе романы, бывшіе въ домѣ тетушки, а равнымъ образомъ изучилъ и пѣсни того времени. Романъ „Викторъ“ или дитя въ лѣсу; пѣсни „Гусарь, на саблю опираясь“ и другія, все это было разучено. Однимъ словомъ, мы читали, восхищались, вздыхали, глядя на луну, дѣлали свои лица блѣдными, выпивая для сего порядочныя дозы увсуса, и щурили глаза. Румяный цвѣтъ лица тогда былъ не въ модѣ. Я, разумѣется, самъ, бывши 12-ти лѣтъ, не сочувствовалъ всему этому, но невольно долженъ былъ подражать Елизаветѣ Ивановнѣ. Загорѣлое отъ солнца лицо тогда считалось признакомъ мужицкой натуры и дурнаго воспитанія, поэтому лицо мое Елизавета Ивановна иногда приказывала мыть сывороткой и огуречнымъ рассоломъ. Часто мнѣ хотѣлось отъ нея шмыгнуть къ мальчишкамъ или на конюшню къ лошадямъ; иногда это удавалось, но она настойчиво требовала, чтобы я былъ около нея. Съ меня она брала письменныя и словесныя клятвы о томъ, что я не буду убѣгать отъ нея; разумѣется, клятвы безпрестанно нарушались и натура мальчика брала свое.

Въ 1828 году чрезъ с. Березу проходили въ турецкую войну гвардейскіе гусары. Гг. офицеры сочли своимъ долгомъ посѣтить домъ тетушки и очаровать моихъ кузинъ Атрѣшковыхъ. Помню—въ числѣ гусаръ былъ одинъ изъ Муравьевыхъ. Все время стоянки въ селѣ Березѣ гусары почти не выходили изъ дома тетушки. Музыка, пѣсни, романсы, писаніе стиховъ въ альбомы, общанія извѣщать съ дороги, намеки на теплую дружбу и любовь—все было въ ходу. Наконецъ, настало время разлуки; гусары удалились, кузины мои загрустили и зачитывались стихами, оставленными имъ

въ альбомахъ, даже втихомолку вздыхали и плакали и что-то про себя писали. Я, мальчикъ, за время стояннн гусарь былъ забыть мою Елизаветю Ивановною. Долго потомъ мои барышни не забывали гусарь, вспоминая и разбирая между собою: кто изъ нихъ былъ лучше и красивѣе; всякая хвалила своего избраннаго.

Кузинъ этихъ давно нѣтъ на свѣтѣ, остались дѣти ихъ и внуки, но я не забылъ ихъ и помню рассказанное мною, какъ будто недавно все это случилось.

Лѣтъ сорокъ послѣ сего, я, проѣздомъ изъ Глухова въ с. Локотки, заѣзжалъ въ с. Березу и само-собою я, съ замираніемъ сердца, подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ была усадьба Атрѣшковой; моимъ глазамъ представилось слѣдующее: вмѣсто обширнаго дома была куча мусора, такъ какъ домъ ея сгорѣлъ до тла лѣтъ десять предъ симъ,—и только въ одномъ углу бывшаго двора стояла полуразрушенная небольшая избушка.

Я вошелъ въ нее. Тамъ сидѣлъ старецъ. „Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ я его.—„Микита,“ отвѣчалъ онъ.—„А, ты былъ вучеромъ у Марьи Ивановны Атрѣшковой?“—„Да,“ сказалъ онъ, устремивъ на меня пытливый свой взоръ.—„Ты меня не знаешь?“ продолжалъ я, „а помнишь-ли Миколашу-панича, котораго ты возилъ въ Глуховъ въ классы? Вотъ я и есть Миколаша, посмотри-ка хорошенько,—авось узнаешь“. Микита испуганными глазами началъ въ меня всматриваться, потомъ, схвативъ мои руки, припалъ къ нимъ устами и началъ горько навзрыдъ плавать. Скажу, что я и самъ былъ тогда уже сѣдой, а, вспоминая минувшее, заплакалъ вмѣстѣ съ Микитой слезно. Мы обнялись и разстались.

Засимъ я побывалъ на могилѣ Маріи Ивановны, поклонился ея праху и поѣхалъ далѣе.

Глуховское уѣздное училище въ мое время ничѣмъ не отличалось отъ Бѣлгородскаго училища: то же задаваніе уроковъ ученикамъ отсюда—досюда по книгамъ, безъ всякаго объясненія со стороны учителя, тѣ же наказанія по рукамъ линейкою практиковались и въ Глуховѣ. Но здѣсь были, однако-жъ, и свои особенности: это поднесеніе учениками учителямъ подарковъ послѣ каждаго каникулярнаго времени и праздниковъ. Каждый ученикъ мало-мальски состоятельныхъ родителей, являясь въ училище, непременно заходилъ къ учителю на домъ и подносилъ ему подарки, говоря: „вотъ это отъ папеньки или маменьки, или отъ дяди“ и т. п. Подарки состояли преимущественно въ разной живности: одинъ подносилъ нѣтуха, другой—куруцу, индюшку и т. д. Все это впускалось въ комнату, гдѣ жилъ учитель, и служило залогомъ преуспѣянія ученика въ будущемъ въ наукахъ.

Экзамены въ Глуховѣ были торжественны; собирались родители и интересующаяся публика. Ученикамъ задавались мудренныя задачи, по преимуществу изъ ариметики, такъ, напримѣръ, я помню задачу изъ одного ариметическаго учебника въ стихахъ; она начиналась такъ: „Одной новопріѣзжей французской мадамъ вздумалось цѣнить свое богатство въ чемоданѣ“. Затѣмъ исчислялись ея наряды, въ томъ числѣ какое-то фуру и т. д., и упускались только нѣкоторыя вещи изъ ея нарядовъ, стоящія копейки. Требовалось опредѣлить всю сумму и по частямъ. Ученики, изучившіе эту задачу, заблаговременно, быстро и съ улыбкой ее разрѣшали, чѣмъ въ особенности приводили въ восторгъ своихъ родителей.

Все это возбуждало смѣхъ въ публикѣ, а національное чувство при насмѣшкѣ надъ француженкой, льстило самолюбію русскихъ матерей.

Извѣстная задача: летѣло стадо гусей, а на встрѣчу ему одинъ гусь, также была предметомъ изумленія публики.

Преподавался въ училищѣ нѣмецкій языкъ, изученіе котораго ограничивалось знаніемъ членовъ: *der, die, das* и глаголовъ *ich liebe*; предъявлялись на экзаменъ и рисунки, состоявшіе въ изображеніи глазъ, ушей, носа и ногъ, но цѣлаго лица или корпуса человѣка не обрѣталось,—это было выше знанія учителя рисованія.

Помню, въ мое время (1828 г.) смотрителемъ училища былъ Казанскій, учителемъ ариметики Алексѣй Филипповичъ Величко, а попечителемъ Александръ Михайловичъ Марковичъ, бывшій впоследствии (1832—1838 гг.) губернскимъ предводителемъ дворянства.

Самъ я въ Глуховскомъ училищѣ былъ въ родѣ главнаго репетитора и назывался аудиторъ аудиторовъ. Я каждый день прослушивалъ аудиторовъ, которые въ свою очередь слѣдили за уроками другихъ учениковъ. Учитель просматривалъ списки и затѣмъ, вооружась линейкою, снабжалъ ладони лѣнивыхъ учениковъ палаями. Однимъ словомъ, повторялся обиходъ Бѣлгородскаго училища.

Знаніе мною ариметики обратило на себя вниманіе учителя Величко, онъ предложилъ мнѣ быть въ его пансіонѣ въ родѣ репетитора его учениковъ. Мнѣ было 12 лѣтъ и само-собою я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и поселился у него.

Прежде-же сего я жилъ въ квартирѣ у купца Фомы Павловича Пискунова. Фигура его была замѣчательна: это былъ невообразимый толстякъ; жена его, по своей корпораціи, была совершенная ему пара; руки свои они носили не иначе, какъ на животѣ. Пискуновъ торговалъ хлѣбными продуктами и всякимъ зерномъ; скупая продукты

въ осеннее время, когда все было дешево, и продавая оныя зимою и по веснѣ, онъ нажилъ себѣ значительное состояніе. Я помню, у него видѣлъ весьма порядочной величины сундукъ, наполненный серебряными рублями.

Бывало, онъ отворить сундукъ и, показывая мнѣ монеты, говоритъ: бачишь, хочешь? и увидѣвъ мою утвердительную улыбку, произносилъ: а другаго не хочешь? Подъ другимъ онъ разумѣлъ не совсѣмъ удобное слово для употребленія въ печати. То же самое бывало и съ медомъ или съ саломъ: показывая мнѣ ложку мѣду или кусъ сала, говорилъ: хочешь? — а затѣмъ: а того не хочешь? и т. д. Были и варіаціи шутокъ Ѳомы Ивановича. Иногда онъ настойчиво требовалъ, чтобы я непремѣнно протянулъ къ нему руку, для полученія отъ него монеты, но лишь только я протягивалъ свою руку къ его рукѣ, какъ кулакъ его превращался въ кукишъ, поднесенный имъ къ самому моему носу. Очевидно, Ѳома Павловичъ былъ большой шутникъ или комикъ своего рода.

Каждое утро, вставая, онъ начиналъ свой день чтеніемъ вслухъ житія святыхъ и, слушая его, я познакомился смолоду съ чудесами святыхъ угодниковъ.

У него была дочь Меланія и сынъ Григорій; послѣдній былъ дурковать, а дочь—чувствительная и толстая дѣва. Къ несчастію, она была малограмотна и на бѣду влюбилась въ какого-то парня. Получивъ отъ него любовную цидулку, ей нужно было отвѣтить ему; что дѣлать? она обратилась ко мнѣ и я, подъ ея диктовку, написалъ нѣжный отвѣтъ.

Переписка эта вскорѣ была обнаружена отцомъ; я получилъ строгій выговоръ, но сама она подверглась болѣе внушительнымъ вразумленіямъ. А чрезъ нѣсколько дней ворота дома моего Ѳомы Павловича оказались вымазанными дегтемъ: это по обычаю хохловъ означало, что домъ его обезчещенъ. Можетъ быть, это было дѣло негодяя и гнусной клеветы, но тѣмъ не менѣе обстоятельство это крѣпко огорчило моихъ хозяевъ, супруговъ Пискуновыхъ.

Я переѣхалъ на квартиру Величко; у него былъ пансіонъ, учились дѣвочки и мальчики, послѣдніе ходили въ классы, а дѣвочки оставались дома и брали уроки. Здѣсь, кромѣ научныхъ предметовъ, обучали танцамъ. Одинъ изъ танцевъ назывался митродура, а казачекъ былъ въ большомъ ходу.

Глуховъ въ 1825 году былъ малымъ городкомъ. По самой главной улицѣ были развалины нѣкогда малороссійскихъ коллегій, оставшихся отъ упраздненнаго гетманства; церковь Троицы, какъ и нынѣ, была любимымъ храмомъ этого города.

Сами жители были очень религіозны, соблюдали строго посты и вѣрили всѣмъ знаменіямъ и примѣтамъ. Разъ зимою въ 1828 г., надъ самымъ Глуховымъ, на небѣ виденъ былъ радужный большой кругъ, въ срединѣ его ясный полный мѣсяцъ и отъ него лучами образовался, широкими полосами, громадный крестъ, а по сторонамъ круга, въ углахъ креста, видны были четыре огненныхъ большихъ шара.

Всѣ жители города выбѣжали съ испугомъ на улицу, стали на колѣни, падали ницъ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, заголосили навзрыдъ, полагая, что пришелъ конецъ міра и вотъ, вотъ Ангель Божій вострубитъ въ рогъ, призывая грѣшниковъ стать ошую, а праведниковъ одесную. Былъ общій раздирающій плачь. Ревѣли и мы, дѣти. Небесное это явленіе продолжалось около часу и затѣмъ, мало по малу блѣднѣя, исчезло. Жители, измученные страхомъ, не скоро успокоились: молились всю ночь и на другой день правили молебны о Божескомъ милосердіи, ожидая печальныхъ событій.

Немудрено, была турецкая война.

Явленіе это осталось надолго въ памяти жителей города Глухова и еще недавно въ г. Кіевѣ я вспомнилъ объ этомъ съ однимъ моимъ сверстникомъ, видѣвшимъ тоже это знаменіе. Онъ глубоко вѣрилъ, что это было чудное, Божеское явленіе, предвѣщавшее народное бѣдствіе, но теплыми молитвами вѣрующихъ жителей г. Глухова оно было отклонено.

Одинъ только учитель А. Ф. Величко, знатокъ ариметики и физики, объяснялъ это явленіе законами отраженія лунныхъ лучей въ сгущенной зимней атмосферѣ, но ему нието не вѣрилъ, называя его безбожникомъ.

Насталъ 1829 годъ и мнѣ представилась возможность отправиться въ Петербургъ.

Въ заключеніе о г. Глуховѣ скажу, что изъ среды его вышли замѣчательныя личности, именно дѣти Артемія Яковлевича, сыновья Никола, Ѳеодоръ и Семенъ Артемьевичи Терещенко.

Отецъ ихъ, Артемій, былъ скромный торговецъ хлѣбныхъ продуктовъ и крестьянскихъ принадлежностей, но сыновья, въ особенности Никола и Ѳеодоръ Артемьевичи, въ теченіи четырехъ съ небольшимъ послѣднихъ десятилѣтій, изъ скупщиковъ хлѣба и сахара возросли до небывалыхъ размѣровъ крупнѣйшихъ торговцевъ, землевладѣльцевъ, заводчиковъ, благотворителей и, наконецъ, любителей и покровителей искусствъ. Никола Артемьевичъ былъ мой сверстникъ, ибо воспитывался со мною въ Глуховскомъ училищѣ въ одно и то-же время.

Города Глуховъ, Кіевъ и другія мѣста преисполнены пожертвованіями братьевъ Терещенко въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но г. Глуховъ, какъ родина ихъ, остался священнымъ мѣстомъ для нихъ. Въ память сего они въ настоящее время въ этомъ городѣ создаютъ великолѣпный храмъ, и въ нижнемъ подвальномъ этажѣ онаго устраиваютъ для всей фамиліи своей мѣсто вѣчнаго упокоенія. Городъ этотъ, можно сказать, облагодѣтельствованъ ими.

Упомянувъ объ этомъ, я еще могу засвидѣтельствовать о томъ, что ни они, братья Терещенко, ни дѣти ихъ, идущія по слѣдамъ ихъ, ни другіе члены ихъ фамиліи, никогда не говорятъ, а тѣмъ болѣе не хвалятся своими пожертвованіями, — черта рѣдкая въ людяхъ, которые сами себя пробили дорогу. Описаніе дѣятельности этой почтенной фамиліи заслуживало бы особаго изложенія, тѣмъ болѣе, что это было бы отчасти и исторія развитія русскаго землевладѣнія за послѣдніа десятилѣтія не только въ юго-западномъ краѣ, но и въ сопредѣльныхъ къ нему губерніяхъ, именно: Курской, Черниговской и Могилевской. Въ подтвержденіе сего скажемъ, что, по слухамъ, фамилією Терещенко въ пяти губерніяхъ, за послѣдніа десятилѣтія, приобрѣтено болѣе ста пятидесяти тысячъ десятинъ земли.

За полезную дѣятельность Артемій Яковлевичъ Терещенко съ сыновьями возведенъ былъ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II въ дворянское достоинство. Нынѣ всѣ сыновья его состоятъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и украшены, по заслугамъ, звѣздами. Вообще, фамилія Терещенко — по своей любви къ благотворительности и развитію заводской и торговой промышленности — занимаетъ первое мѣсто въ юго-западномъ краѣ и Малороссіи.

Н. М. Козмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Н. О. Щербина¹⁾.

Ужасающая догадка.

Зачѣмъ-бы Гербелю въ отставку выходить:—
Вѣдь не мѣшаетъ Марсъ стихикамъ и корректурѣ?...
Но,—Боже!—неужель грозить онъ посвятить
Всего себя литературѣ!

Н. О. Фонъ-Крузе.

Пугая стаю ястребную,
Съ рѣки ценаурной онъ слетѣлъ,—
Какую-жъ пѣсню лебединую
За то на „Парусѣ“ онъ спѣлъ!

Издателямъ „Искры“.

За нашу соль, за русскій умъ я
Стыжусь, краснѣю иногда:—
Вѣдь даже искры остроумья
Нѣтъ въ вашей „Искрѣ“, господа!...

Д. Д. Минаеву.

У русской гласности прося
Грѣшкамъ мизернымъ воздаянья,
Онъ „обличаетъ“ всѣхъ и вся,
Не обличая дарованья.

Спб. 1859.

¹⁾ См. „Собраніе сочиненій Н. О. Щербина“. Спб., 1873 г.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВ. ИВ. ДИБИЧЪ - ЗАБАЛКАНСКІЙ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ ¹⁾.

азговоръ коснулся до положенія государства. Фельдмаршалъ сказалъ, между прочимъ: „эта держава представляется мнѣ въ видѣ великана, ослабѣвшаго въ старости лѣтъ, которому нынѣ сдѣлали операцію, отнявъ ему одну руку—Грецію. Султанъ Махмудъ слишкомъ рано принялся за преобразованіе своего государства по системѣ Петра Великаго; но недостатокъ рѣшимости или душевной твердости, но недостатокъ силы препятствуетъ ему кончить начатое съ успѣхомъ. У Петра Великаго не было въ Россіи пашалыковъ, почти независимыхъ, въ которыхъ господа и паша, какъ въ Турціи, пользовались-бы всякимъ случаемъ, чтобы отложиться. Махмудъ оскорбилъ своими нововведеніями духовенство и народную вѣру. Петръ Великій не имѣлъ подъ скипетромъ своимъ провинцій, всегда готовыхъ къ возмущенію, какъ, напримѣръ, Боснія и Албанія, не имѣлъ соперникомъ вице-короля Египетскаго, который, порицая нововведенія султана, нѣкогда можетъ сдѣлаться ему опаснымъ, оспаривая у него права на калифатъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1891 г., томъ LXIX, маргъ, стр. 511—536.

Притомъ-же послѣдняя война турокъ съ Россією истощила государственную казну, отдѣлила отъ Турціи богатыя области: Молдавію и Валахію, сдѣлала Сербію независимою и уничтожила идею о невозможности перехода черезъ Балканы. Поэтому самое перерожденіе Турціи по желанію Махмуда на долгое время останется невозможнымъ, и ежели европейскія державы могли-бы въ понятіяхъ своихъ уничтожить предрасудки о необходимости равновѣсія въ силахъ европейскихъ державъ, то нынѣ, при появленіи нашихъ войскъ предъ Константинополемъ, наступила-бы рѣшительная эпоха нанести Турціи смертельный ударъ, но я предвижу, что это случиться можетъ чрезъ 20 лѣтъ ¹⁾. Если планы преобразованія Турціи не исполнятся, то навѣрное самое управленіе государства ослабнетъ еще болѣе, до совершеннаго изнеможенія. Для европейскихъ державъ Турція перестала быть опасною, но ежели просвѣщеніе распространитъ благотѣльное свое вліяніе и по ту сторону Босфора и Дарданелль, то Турція вступитъ въ общій составъ всѣхъ прочихъ державъ на основаніи одной и той-же политики, которая нынѣ уже не имѣетъ въ виду новыми завоеваніями увеличивать власть побѣдоносной силы, но занимается единственно распространеніемъ благосостоянія. Войны истребительныя не могутъ болѣе потрясать спокойствіе Европы, но если нынѣ существующій духъ революціи противъ всѣхъ законныхъ правительствъ расплодится еще болѣе, то борьба мнѣній между монархическимъ и конституціоннымъ правленіемъ потрясетъ спокойствіе Европы, какъ это было въ 30-ти-лѣтней войнѣ, и статься можетъ, что опять загорится подобная война со всѣми ужасами истребленія самихъ народовъ. Послѣ этого Турція, не участвовавъ въ такихъ побоищахъ, скрѣпясь силами, опять начнетъ имѣть вліяніе на дѣла Европы“

¹⁾ Графъ Дибичъ оказался хорошимъ пророкомъ. Дѣйствительно, черезъ 20 лѣтъ Россія могла-бы почти безнаказанно приступить къ исполненію своей исторической миссіи на Востокъ. Но мы снова въ 1849 году приступили къ любимой и неблагодарной задачѣ: спасать Европу. Н. III.

О графѣ М. С. Воронцовѣ, графѣ Кочубеѣ, Канкринѣ, князѣ Меншиковѣ, Дашковѣ и Дм. Ник. Блудовѣ.

Графъ продолжалъ чрезъ нѣсколько времени: „Я сегодня писалъ графу Воронцову — и просилъ его, ежели возможно, сократить твой карантинъ въ Сатуновѣ, такъ чтобы тебѣ тамъ оставаться не болѣе 24 часовъ, увѣривъ его, что ты во время твоего пребыванія здѣсь безпрестанно находился при мнѣ, не имѣвъ случая заразиться чумою. Если графъ Воронцовъ уважить мою просьбу, какъ это уже случалось нѣсколько разъ въ подобныхъ случаяхъ, то мнѣ желательно, чтобы ты на святой недѣлѣ отправился въ Варшаву, гдѣ ты найдешь государя и можешь имѣть счастье представиться его величеству лично. Ежели-же графу Воронцову невозможно будетъ для тебя сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, то ты останешься при мнѣ, и мы въ первыхъ числахъ мая переправимся обратно чрезъ Балканы въ Россію, гдѣ проживемъ вмѣстѣ, пока его величество дозволитъ мнѣ на нѣсколько недѣль поѣхать въ Силезію. Я весьма желаю, чтобы ты могъ поспѣть въ Варшаву, пока его величество еще будетъ тамъ. Можетъ быть, я тебѣ этимъ самымъ доставлю случай, что государь удостоитъ тебя видѣть и разспрашивать обо всемъ, что ты здѣсь видѣлъ и слышалъ отъ меня. Таковыя случаи всегда бывають пріятны и государь, можетъ быть, узнаетъ въ тебѣ человѣка, способнаго къ такимъ занятіямъ, которыя полезны для службы, чѣмъ мѣсто, которое ты занимаешь теперь“. По причинѣ такихъ лестныхъ видовъ, я желалъ предварительно узнать могу-ли я надѣяться, что они сбудутся, и потому я спросилъ графа, въ какихъ онъ отношеніяхъ къ графу Воронцову. „По наружности мы въ пріязненныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, но не въ короткихъ. Я надѣюсь, что онъ просьбу мою на счетъ твоего проѣзда безъ соблюденія двухнедѣльнаго карантина исполнитъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, кои въ обхожденіи съ высшими, съ равными и низшими себя умѣютъ приобрести общее хорошее расположеніе къ себѣ, но сблизиться съ нимъ въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ трудно. Я считаю его человѣкомъ отличнѣйшихъ правилъ; онъ снисходителенъ къ подчиненнымъ, щедръ и благороденъ; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ему возможно быть полезнымъ, будучи очень

богатымъ, онъ съ удовольствіемъ отыскиваетъ таковыя случаи. Это богатство, кажется мнѣ, привело его къ убѣжденію, что служба, приносимая имъ государю и отечеству, есть жертва и самоотверженіе, потому что онъ могъ обойтись и безъ нея и наслаждаться всѣми пріятностями жизни въ совершенной независимости, но онъ гордится, и не безъ причины, заслугами патріота, и это достоинство нието у него оспаривать не имѣетъ повода, ибо онъ въ исполненіи своихъ обязанностей не щадитъ ни дѣятельности, ни труда; сужденія его, при рѣдкой образованности ума и приобрѣтенной опытности, справедливы и доказываютъ его способность къ занятію первыхъ должностей государственныхъ. Нельзя отнять у него заслуги, что онъ и въ военномъ отношеніи имѣетъ рѣдкія познанія, и въ случаѣ нужды можетъ вступить въ званіе полководца. Скромность характера дѣлаетъ его чрезвычайно снисходительнымъ къ подчиненнымъ; противъ равныхъ себѣ онъ очень вѣжливъ, но не знаю—назвать-ли это застѣнчивостію или расчетливою формою,—что онъ отклоняетъ отъ себя всякую близкую связь, короткость въ обхожденіи. Теперь, можетъ быть, соперничество и нѣкотораго рода зависть удалила его отъ меня болѣе, чѣмъ прежде, но враждебныя намѣренія благородная его душа не въ состояніи питать ко мнѣ, не подавшему къ тому ни малѣйшаго повода, и потому я почти увѣренъ, что ты безъ задержанія благополучно доѣдешь до Варшавы. Впрочемъ, продолжалъ фельдмаршалъ,—я полагаю, что графъ Воронцовъ по части администраціи какаго-либо министерства, смѣло можетъ равняться съ графомъ Кочубеемъ, Канкринимъ, съ княземъ Меншиковымъ, Дашковымъ и Блудовымъ, между которыми Кочубей болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ навыкъ и опытность въ дѣлахъ государственныхъ; Канкринъ—мастеръ своего дѣла, а князь Меншиковъ приобрѣлъ такое сокровище въ свѣдѣніяхъ и наукахъ даже многихъ отвлеченныхъ предметовъ, что его можно причестъ къ числу ученыхъ; Блудова я искренно уважаю, какъ человѣка рѣдкаго добронравія, мягкаго характера при большихъ способностяхъ; Дашкова я ставлю на ряду съ Блудовымъ по достоинствамъ, добродѣтелямъ и правотѣ, равно и по познаніямъ государственнаго человѣка. Оба они, ежели нѣкогда займутъ мѣста министерскія, навѣрное оправдаютъ выборъ и ожиданія государя“.

Открывшійся въ Бургасѣ случай моровой язвы. — Лейбъ-медикъ Шлегель.

На 3 день Святой недѣли генераль Обручевъ сообщилъ мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ, что недалеко отъ квартиры фельдмаршала обнаружилась чума и что, по распоряженію его, домъ обставленъ цѣпью часовыхъ. Графъ Иванъ Ивановичъ чрезмѣрно равнодушенъ къ этой болѣзни или только показывается, что онъ ея не считаетъ столь опасною, какъ вообще думаютъ, и ежели я ему доложу о случившемся, то онъ самъ пойдетъ въ зараженный чумою домъ.

Вечеромъ того-же дня, когда лейбъ-медикъ Шлегель, находившійся при фельдмаршалѣ, донесъ ему о чумномъ случаѣ, графъ отвѣчалъ хладнокровно: „я ожидалъ этого, но желаю, чтобы о томъ не разглашали въ главной моей квартирѣ, между тѣмъ, я одобряю всѣ мѣры предосторожности“. По удаленіи доктора Шлегеля, графъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „этому рѣдкому человѣку я обязанъ чрезвычайною благодарностію за всѣ оказанныя мнѣ попеченія и медицинскую помощь; но я его почитаю душевно также какъ добродѣтельнаго и благонамѣреннаго врача, подвергающагося всѣмъ опасностямъ чумной заразы, безъ уваженія лица, чина и званія, которому его пособія необходимы; съ этимъ самоотверженіемъ соединяетъ онъ совершенное безкорыстіе и обижается, ежели ему предлагаютъ возмездія за оказанную помощь, говоря, что за исполненіе своихъ обязанностей, какъ врачъ, онъ отъ государя императора получаетъ и жалованье, и награды“.

Разсужденія фельдмаршала о религіи и вѣроисповѣданіяхъ. — Чувствительность графа по случаю приобщенія Святыхъ тайнъ.

Въ Страстную пятницу фельдмаршалъ и я приобщались св. тайнъ, для чего вытребованъ былъ лютеранскій пасторъ изъ одной изъ Бессарабскихъ колоній. Графъ всею душею приверженъ былъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, исполнялъ всѣ обряды своей церкви, никогда не оспаривалъ таинствъ священнаго писанія; въ отношеніи-же къ другимъ исповѣданіямъ христіанской вѣры онъ убѣжденъ былъ, что они всѣ безъ изыятія клонятся къ благосостоянію людей, къ распространенію нравственности

и къ успокоенію души при переходѣ въ будущую жизнь; что исполненіе 10 заповѣдей и Евангелія, распространеннаго по всему свѣту апостолами, ведетъ человѣка по разнымъ направленіямъ въ единой цѣли, къ блаженству послѣ смерти. Онъ нѣкогда изъяснялся на счетъ вѣры въ слѣдующихъ словахъ: „Я никогда не дозволю себѣ размышлять о вѣрѣ и таинственнѣйшемъ покрывалѣ, облегающемъ ее; я вѣрую во все то, что мнѣ передано въ священныхъ книгахъ, и не дерзаю силою ума и разсудка проникать въ тѣ предметы, которые съ молодыхъ лѣтъ моихъ служили мнѣ утѣшеніемъ во всѣхъ злополучныхъ случаяхъ жизни, тѣмъ болѣе, что они обѣщаютъ мнѣ милосердіе и прощеніе творца, меня создавшаго, даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ я вольно или невольно провинился противъ божественныхъ его законовъ, если я только въ нихъ раскаиваюсь, даруя душѣ моей безсмертіе“. Въ день принятія Св. таинъ мы болѣе часа молились вмѣстѣ; графъ былъ растерзанъ печалію, что въ этотъ торжественный день не было съ нимъ супруги, что онъ лишился ея навсегда; онъ, казалось, въ молитвѣ искалъ утѣшенія. Во все время моего пребыванія при немъ въ Бургасѣ, онъ въ первый разъ опять вспоминалъ объ этомъ постигшемъ его несчастіи и, проливая слезы предъ распятіемъ, просилъ Бога соединить его вскорѣ съ супругою.

О состояніи Турціи предъ заключеніемъ Адрианопольскаго мира. — Политическія обстоятельства, бывшія побудительными причинами сего мира. — Составъ Россійской дѣйствовавшей арміи при заключенія онаго.

Вечеромъ за чаемъ мы опять были вмѣстѣ, разговоръ коснулся до Адрианопольскаго мира. Графъ изъяснялся въ слѣдующихъ словахъ: „При моемъ движеніи съ войсками къ Константинополю, я воспользовался счастливымъ моментомъ, въ который Диванъ высокой Порты, убѣжденный въ большомъ числѣ нашихъ войскъ и непобѣдимой ихъ храбрости, опасался, что наша армія займетъ Царьградъ. Мои отдѣльные партизанские отряды справа приблизились къ берегамъ Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ на лѣвомъ флангѣ, на берегу Босфора, появились наши казаки. Другой отрядъ прямо двинулся на Константинополь. Въ этихъ раздѣленныхъ отрядахъ состояла вся

сила моей арміи, но, къ счастью нашему, турки были еще малочисленнѣе. Если я и сосредоточилъ-бы всѣ отряды въ одну массу, то и тогда я не могъ-бы занять Константинополь. Это обстоятельство не было извѣстно ни Дивану, ни чужестраннымъ посламъ, бывшимъ въ Царьградъ, и всѣ они опасались, что я займу столицу Махмуда, а болѣе всего, что это взятіе Константинополя преобразуетъ всѣ политическія отношенія между европейскими державами. Я употреблялъ всевозможныя средства этимъ опасеніямъ тѣмъ болѣе вѣроятности и предположеніе объ огромномъ числѣ нашихъ войскъ подкрѣплялъ появленіемъ отдѣльныхъ отрядовъ во многихъ мѣстахъ. Посредствомъ этихъ мѣръ удалось мнѣ заключить Адрианопольскій миръ на выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ намѣренія его императорскаго величества и данное мнѣ полномочіе того требовало.

„Выгоды, которыя Россіи доставилъ Адрианопольскій миръ, доставятъ мнѣ всегда пріятнѣйшія воспоминанія. Рѣшеніе будущей участи Греціи и Сербіи, приобрѣтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ въ турецкой Азіи, обязанность платить порядочную денежную сумму изъ сокровищъ Махмуда, залогомъ которой останутся у насъ Молдавія и Валахія, были событія, содѣйствовавшія моему счастью и моей славѣ, между тѣмъ какъ судьба готовила мнѣ жестокій ударъ, потерю той, которая мнѣ, для благополучія моей жизни, была необходима“.

— Но если султанъ, — возразилъ я графу (чтобы отклонить разговоръ отъ предмета, разстраивавшаго его всегда), — при извѣстной твердости своего характера и при участіи чужестранныхъ пословъ, къ нему расположенныхъ, отважился бы на самую крайность, то при малочисленности твоей арміи ты не былъ бы въ состояніи занять Константинополя и выказалъ бы настоящее свое положеніе.

„Нисколько“, — прервалъ меня графъ, — „я рассчиталъ также возможность такого оборота дѣлъ, но въ такомъ случаѣ я вступилъ-бы въ Константинополь не для того, чтобы тамъ удержаться, но чтобы моимъ появленіемъ рѣшить вопросъ: возстанетъ-ли народонаселеніе Царьграда на защиту города или на пагубу самого султана; въ первомъ случаѣ я бы отступилъ, оставивъ отрядъ противъ Константинополя, но занялъ-бы военнымъ распоряженіемъ все, что въ европейской Турціи оставалось

не занятымъ, не перемѣнивъ въ этихъ областяхъ прежняго образа правленія, отдалъ-бы пашалыки такимъ пашамъ, которые, соглашаясь на предложенныя мною условія, управляли-бы пашалыками въ зависимости отъ Россіи, на правилахъ человеколюбія и справедливости, ибо въ областяхъ, въ которыхъ господствовала незаконная и произвольная власть насилія,—тамъ легко расторгнуть узы зависимости народа отъ правительства и соединить ихъ вновь подъ защитою завоеванія, предоставляя народу нѣкоторыя облегченія, обѣщающія ему благосостояніе. Въ подобномъ положеніи находятся всѣ турецкія области въ Европѣ и потому султанъ, при появленіи моемъ предъ вратами столицы своей, опасался съ моей стороны подобныхъ мѣръ и не осмѣлился отложить заключеніе мира, но отдался на великодушіе нашего монарха безусловно, предполагая, что высочесердіе нашего государя доставитъ ему въ этомъ несчастномъ положеніи болѣе выгодъ, чѣмъ посредничество другихъ дворовъ. Махмудъ въ этомъ отношеніи не ошибся. Но ежели я въ пашалыкахъ европейской Турціи устроилъ-бы при соблюденіи старыхъ формъ новое управленіе посредствомъ пашей или аяновъ въ зависимости отъ Россіи, то Константинополь вскорѣ палъ-бы безъ пушечнаго выстрѣла къ стопамъ самодержавнаго государя Россіи, и прочія державы европейскія съ признательностію къ нашему монарху довольствовались-бы каждая порознь частицами этого завоеванія. Я увѣренъ, что если въ теченіи будущихъ временъ державы европейскія, завидующія величію Россіи, опять, какъ это такъ часто случалось, возбудятъ Турцію къ войнѣ противъ насъ и войска наши перейдутъ опять черезъ вершины Балканъ, то государь Россіи рѣшится на упомянутыя мною мѣры и послѣдствія оправдаютъ тогда предположеніе мое. Восстаніе-же народоваселенія Константинополя противъ султана, во время занятія этой столицы нашими войсками, рѣшило-бы навсегда участь европейской Турціи и подчинило-бы ее Европѣ, ибо въ противномъ случаѣ, при восстановленіи тамъ турецкой власти, жестокость турецкаго правленія истребила-бы болѣе половины жителей Царьграда. Я надѣюсь имѣть случай объ этомъ предположеніи моемъ лично доложить Его Императорскому Величеству, но ежели мнѣ это не удастся, то сохрани мое мнѣніе тайною въ сердцѣ своемъ, а ежели дѣйствительно настанетъ время, что

опять возгорится война между Россією и Портою и ты еще будешь живъ, то найди случай довести до свѣдѣнія Государя содержание этого нашего разговора“.

Сообщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ при открытіи заговора послѣ смерти императора Александра и при изслѣдованіи онаго. — О военномъ поселеніи.

Дружеское сообщеніе фельдмаршала, основанное на неограниченномъ довѣрїи ко мнѣ, побудило меня узнать отъ него объ участи преступнаго моего брата, страдающаго справедливо въ изгнаніи въ Ялуторовскѣ, и спросить, предвидится-ли возможность, чтобы участь его перемѣнилась когда-либо. Графъ мнѣ отвѣчалъ: „Ты знаешь, что я брата твоего, когда онъ былъ моимъ адъютантомъ, осыпалъ доказательствами благосклоннаго моего къ нему расположенія. Мое близкое родство съ тобою, во всякомъ другомъ случаѣ, сдѣлало-бы мени снисходительнымъ противъ него, хотя я поставилъ себѣ правиломъ связи родственныя не смѣшивать никогда съ обязанностями моей службы, и въ непростительномъ поступкѣ твоего брата дѣйствовалъ по этимъ правиламъ. Я никогда не рѣшусь содѣйствовать къ облегченію его судьбы. Онъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ, ибо имѣлъ время при посредничествѣ моемъ спасти себя, открывъ преступную тайну этого крамольнаго заговора. Мнѣ удалось,—продолжалъ графъ,—слѣдить за всѣми этими (лицами) и постигнуть совершенно наготу ихъ правилъ дерзости и трусости. Мои мнѣнія и понятія о нихъ суть слѣдствіемъ постоянного наблюденія за всѣми презрѣнными средствами, къ которымъ они прибѣгали для того, чтобы оправдаться въ злоумышленномъ предпріятіи. Уже въ Таганрогѣ, тотчасъ послѣ кончины въ Бозѣ почивающаго государя Александра, я по найденнымъ мною бумагамъ государя узналъ о преступномъ замыслѣ, вслѣдствіе чего я немедленно приступилъ къ истребленію и къ дальнѣйшему открытію этого заговора, не зная и не предвидѣвъ событія 14-го декабря въ Петербургѣ. Въ Таганрогѣ мнѣ по этому поводу удалось удостовѣриться еще болѣе въ непреложныхъ правилахъ и чувствахъ искренней преданности графа Чернышева къ престолу; въ немъ я нашелъ усерднаго сподвижника и товарища въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ противъ этихъ влятво-

преступныхъ злодѣевъ. Мѣры, которыя онъ предлагалъ для открытія и задержанія ихъ, онъ самъ исполнялъ съ рѣшительностію и неутомимою дѣятельностію. Мы тамъ сдружились навсегда и я никогда не нарушу этой связи, основанной на взаимномъ уваженіи. Мы оба тогда еще не знали, кто будетъ нашимъ государемъ; я не былъ посвященъ въ тайну престолонаслѣдія. Будучи все еще начальникомъ штаба моего монарха я, по обязанностямъ моего званія, отправилъ депеши какъ о смерти государя императора, такъ и объ открытіи крамольнаго заговора противъ престола въ Варшаву къ его императорскому высочеству Константину Павловичу, какъ къ законному наслѣднику Россійской имперіи. Но только въ Петербургѣ я былъ вознагражденъ за исполненіе моего долга новымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, который утвердилъ меня въ прежнемъ званіи начальника штаба и осчастливилъ меня такими доказательствами своего благоволенія и довѣрія ко мнѣ, что я тогда-же, тронутый этими милостями, посвятилъ всю мою жизнь служенію его величеству. Вслѣдъ затѣмъ, я въ званіи начальника его штаба вступилъ въ слѣдственную комиссію, учрежденную для розыска этихъ преступниковъ, и къ крайнему моему прискорбію въ числѣ ихъ нашелъ твоего брата. Богъ сердцевидецъ и знаетъ, что я не жестокъ, но въ изслѣдованіи и въ приговорахъ этихъ преступниковъ, унижающихъ самое человѣчество, я былъ строгъ и неумолимъ, потому что, заботясь о благосостояніи Россіи и объ исполненіи святости присяги и законовъ, я счелъ необходимымъ подавить чувства жалости и состраданія въ сердцѣ своемъ, предоставивъ единственно законамъ опредѣлять мѣру взысканія и наказанія. Я не нуждался въ томъ, чтобы излишнею строгостію снискать себѣ благоволеніе Монарха, ибо я уже тогда пользовался этимъ счастьемъ, но преданность и любовь къ нему требовали отъ меня, чтобы я внимательнымъ и зоркимъ взглядомъ проникалъ въ самую глубину изрытой неблагодарностію, дерзостію, жестокостію, безуміемъ и низостію развращенныхъ страстей пропасти, угрожавшей поглотить и престолъ, и благоденствіе государства. Я старался открыть самые сокровенные корни этого ядовитаго дерева, коего вѣтви разрослись такъ обширно; но мнѣ не удалось это. Причины неудачи, однако-же, не могу приписать себѣ. Милосердіе монарха ограничилось

обреченными жертвами и, открывая впоследствии еще большее число участниковъ, удовольствовался этимъ открытіемъ и не предавало ихъ суду и наказаніямъ. Хотя разспросы уличенныхъ въ преступленіи открывали еще болѣе и болѣе участниковъ, но самый зародышъ, изъ котораго возникъ заговоръ, не могли открыть, ибо на событія въ Петербургѣ и судорожныя движенія близъ Кіева и во 2-й арміи можно смотрѣть только какъ на попытку главныхъ бунтовщиковъ: открыть общій духъ въ народѣ и по результатамъ этихъ опытовъ разсчитать, настало-ли удобное время къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ пружинъ этой адской машины. Я желаю отъ всей души, чтобы отсѣченіе нѣкоторыхъ вѣтвей этого ядовитаго дерева подѣис.вовало-бы на совершенное истребленіе пня и корней, такъ чтобы оно не пустило новыхъ острововъ. Довольно странно, что въ протяженіи и въ объемѣ военнаго поселенія никто не оказался участникомъ въ этомъ крамольномъ предпріятіи, исключая одного Батенкова, присоединившагося къ обществу бунтовщиковъ, когда онъ оставилъ военное поселеніе. Поэтому общій упрекъ несправедливъ, будто-бы графъ Аракчеевъ излишнею строгостью и чрезмѣрною военною дисциплиною по военнымъ поселеніямъ подалъ первый поводъ къ бунту. Это неучастіе въ раскрывшемся заговорѣ, по моему убѣжденію, составляетъ, впрочемъ, единственное достоинство военнаго поселенія, потому что вообще это учрежденіе вредно государству уже теперь, а со временемъ можетъ сдѣлаться опаснымъ. Не принимая въ разсчетъ того, что дальнѣйшее существованіе военныхъ поселеній на томъ основаніи, какъ они были учреждены, весьма чувствительно для финансовъ государства, мнѣ кажется, что въ нѣдрахъ поселенія кроется также возможность развитія духа янычаръ и римскихъ преторіанцевъ. Поселеніе, не подчиненное общему вліянію гражданскихъ законовъ, образуетъ само по себѣ небольшое государство въ государствѣ, не доставляя правительству никакихъ особенныхъ выгодъ. По моему убѣжденію, для правительства было-бы выгодно привести все военное поселеніе въ первобытное состояніе, тогда содержаніе, которое идетъ на управленіе поселенія, доставляло-бы казнѣ явный доходъ“.

Генералы: Ротъ, графъ Петръ Паленъ и Красовскій.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія пріѣхалъ въ Бургасъ къ фельдмаршалу генералъ Ротъ. Я былъ свидѣтелемъ ихъ разговора и примѣтилъ, что графъ при всей вѣжливости, сохранялъ необыкновенное достоинство своего сана противъ подчиненнаго ему генерала, устраняющее нарушеніе этикета или должнаго къ нему уваженія. Визитъ продолжался не болѣе получаса. Послѣ отъѣзда генерала Рота, графъ сказалъ мнѣ: „генералъ Ротъ строго поддерживаетъ военную дисциплину и субординацію между солдатами, офицерами и генералами своего корпуса; въ прежнихъ войнахъ хвалили его храбрость, но я не предполагаю въ немъ способности главнокомандующаго. Въ частной своей жизни онъ подверженъ нѣкоторымъ слабостямъ, которыя вредятъ ему въ глазахъ его подчиненныхъ. Къ другому корпусному командиру въ арміи моей графу Петру Палену я питаю полное уваженіе во всѣхъ отношеніяхъ и совершенное довѣріе, какъ къ генералу, знающему свое дѣло, хотя онъ въ Кулевчинскомъ сраженіи могъ-бы развить болѣе дѣятельности. Но я полагаю, что онъ опасался обратить на себя всю турецкую армію, которой противустоять онъ не имѣлъ довольно силы. И если-бы онъ ранѣе занялъ позицію на лѣвомъ флангѣ непріятеля, то можетъ быть и самое сраженіе получило-бы другое направленіе и кончилось-бы не столь блистательно для насъ. Генералъ Красовскій командуетъ третьимъ корпусомъ моей арміи, человѣкъ также достойный всякой похвалы. Къ подчиненнымъ своимъ онъ чрезвычайно снисходителенъ и милостивъ, такъ что онъ послѣ всякаго сраженія съ непріателемъ представляетъ такое множество къ наградамъ за оказанныя отличія, что я всегда чрезвычайно затрудняюсь выборомъ тѣхъ, которые дѣйствительно заслужили награды; но такъ какъ я самъ лично знаю всѣхъ почти офицеровъ моей арміи, то мнѣ и удается въ этомъ отношеніи быть справедливымъ“.

День Пасхи въ Бургасѣ.—Щедрость фельдмаршала, оказываемая родственникамъ своимъ.—Сообщенія о графѣ Канкринѣ и о замѣнѣ его въ случаѣ крайней необходимости.—О дѣйств. ст. сов. Пейкерѣ.—Замѣчаніе фельдмаршала о недостаткѣ способныхъ генераловъ въ арміи.—Мнѣніе его о составѣ нашей гвардіи и производствѣ офицеровъ въ семь корпусѣ.—О нашей артиллеріи и объ особенныхъ преимуществахъ ея.—О пушкахъ, изобрѣтенныхъ отцемъ фельдмаршала.

Свѣтлое Воскресенье для всей главной квартиры фельдмаршала праздновано было обычнымъ порядкомъ, при которомъ графъ присутствовалъ во всемъ блескѣ своихъ орденовъ посреди корпуса своихъ генераловъ и офицеровъ. На дворѣ графской квартиры раскинута была большая калмыцкая будка, обитая войлокомъ. Въ ней священникъ благословилъ св. Пасху и фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ выпить задравный кубокъ въ честь, въ благодарность и во славу всемилостивѣйшаго нашего государя, что исполнено было съ восторгомъ. Погода въ тотъ день была прелестна, всѣ деревья красовались въ полномъ цвѣтѣ (это было 6-го апрѣля); къ обѣденному столу фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ при освященіи пасхи. Вечеромъ графъ опять бесѣдовалъ со мною, начавъ разговоръ этими словами: „Сегодня или завтра поутру ожидаю я отвѣта отъ графа Воронцова, который рѣшить твое отправленіе въ Варшаву. Я надѣюсь, что этотъ отвѣтъ соотвѣтствуетъ моей просьбѣ о твоёмъ пропускѣ чрезъ Сатуново. Каковы твои финансы, любезный другъ?“ Я отвѣчалъ, что щедрость его императорскаго величества достаточно снабдила меня деньгами и на обратный проѣздъ въ Петербургъ. „А для проѣзда въ Варшаву позволь мнѣ, кромѣ прогоновъ, вручить тебѣ эту незначительную сумму на особенные расходы и на гостинцы для твоего семейства“. Графъ вручилъ мнѣ приготовленный имъ пакетъ, въ которомъ находилось 2,000 руб. ассигнаціями.—„Да еще позволь мнѣ передать тебѣ нѣкоторые подарки, которые я назначилъ для твоего семейства въ память моего похода въ Турцію“. Подарки эти состояли въ четырехъ турецкихъ шальяхъ, въ брилліантовыхъ серьгахъ для старшей и въ двухъ браслетахъ для второй моей дочери. „Но смотри“,—прибавилъ графъ, улыбаясь.—„заплати на границѣ пошлины; а не то, ты поссорись съ Канкринымъ. Скажи мнѣ, бываешь ты еще иногда у него? Мнѣ помнится, что вы

старые знакомые и пріятели съ 1813 года, когда ты былъ квартир-геромъ государевымъ, а онъ генераль-интендантомъ арміи; въ всегда останавливались вмѣстѣ на одной квартирѣ". — Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — застѣнчивость моя удаляетъ меня отъ всѣхъ тѣхъ, которые опередили меня далеко на поприщѣ знатности и почестей; я опасаюсь докучать имъ или возбудить подозрѣніе, что ищущу протекціи себѣ и другимъ, или, по связямъ близкаго родства съ тобою, присвоиваю себѣ право вкрадываться въ близкое знакомство ихъ. Графъ отвѣчалъ: „въ нѣкоторомъ отношеніи ты правъ, но на счетъ Канкрина, кажется, виноватъ; онъ былъ старымъ другомъ нашему семейству съ 1805 года и правила жизни его не позволили-бы ему перемѣниться противъ тебя. Не знаю, кѣмъ государь его замѣнитъ, если онъ умретъ. Чтобы быть министромъ финансовъ, надобно имѣть отличныя къ тому способности, быть воспитаннымъ къ тому и съ перваго шага службы вступить въ это министерство, чтобы обогатиться опытомъ въ этомъ важномъ званіи и дослужиться до чина соотвѣтственнаго, съ возможностью занять мѣсто предшественника. Если Иванъ Устиновичъ Пейкеръ, нашъ общій другъ, мой бывший товарищъ по генеральному штабу, посвятилъ-бы себя и нынѣ еще этой части, то, зная его очень хорошо, я полагаю, что онъ могъ-бы съ пользою для государства замѣнить Канкрина: у него министерская голова; даже занимая мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ (если занятіе этого мѣста нѣмцемъ не представляло-бы нѣчто необычайное), или генераль кригсъ-коммисаромъ, онъ-бы находился на своемъ мѣстѣ. Вообще, у насъ, по моему убѣжденію, чувствителенъ недостатокъ въ лицахъ для занятія мѣстъ въ высшихъ степеняхъ государственнаго управленія; даже по военной части этотъ недостатокъ примѣтенъ, хотя число нашихъ генераловъ очень значительно, но въ отношеніи способностей, необходимыхъ для занятія высшихъ мѣстъ, число ихъ, повторяю я, весьма ограничено. Еще сегодня я проходилъ списокъ генераловъ для назначенія одного изъ нихъ начальникомъ дивизіи, и только на 14-й страницѣ нашелъ одного, именно моего Обручева, которому можно было ввѣрить дивизію.

„Бывши долгое время начальникомъ штаба 1-й арміи, я имѣлъ случай близко познакомиться со всѣми почти нашими генералами, которыхъ прежде зналъ оберъ- и штабъ-офицерами,

а потому я въ правѣ полагать, что мнѣніе мое о нихъ справедливо. Даже въ штабъ-офицерахъ, способныхъ командовать полками, оказывается недостатокъ, такъ что его величество часто поручаетъ командованіе полками подполковникамъ. Причиною всему этому большое число нашихъ гвардейскихъ полковъ; изъ нихъ въ короткое время поступаютъ на службу въ армію полковники, которыхъ при вакансіяхъ генеральскихъ нельзя обходить производствомъ въ чинъ, не оказывая несправедливости; потому я и считаю несовмѣстнымъ, даже вреднымъ, что гвардейскій корпусъ входитъ по производству въ чины въ составъ армейскій. Выгоднѣе для службы, по моему убѣжденію, было-бы ограничить производство единственно составомъ гвардейскаго корпуса, дозволяя исключенія изъ этого правила только по крайней необходимости съ переводомъ ихъ въ армію; тогда производство въ чины по гвардейскому корпусу шло-бы медленнѣе и армія не наводнялась-бы молодыми полковниками, неопытными въ военномъ дѣлѣ лицами, изъ которыхъ большая часть, не побывавъ въ сраженіяхъ, заграждаютъ путь заслуженнымъ подполковникамъ, посѣдѣвшимъ въ бояхъ противъ непріятеля. По моему мнѣнію, было-бы полезно назначать шефовъ гвардейскихъ полковъ изъ числа генераловъ древняго родоваго русскаго дворянства, а командировъ этихъ (т. е. армейскихъ?) полковъ—изъ полковниковъ, переведенныхъ изъ гвардіи, какъ изъ русскихъ дворянъ, такъ и изъ дворянъ остзейскихъ провинцій. Впослѣдствіи-же времени званіе шефовъ и командировъ полковъ гвардейскихъ, равно бригадныхъ и дивизионныхъ командировъ, въ случаѣ вакансій, пополнялось-бы изъ тѣхъ-же полковъ, производствомъ потребнаго числа капитановъ въ полковники, и такъ далѣе отъ прапорщиковъ въ подпоручики. Но если тогда по необходимости нужно-бы было перевести полковниковъ въ армію изъ гвардейскаго корпуса, то это должно-бы послѣдовать не иначе какъ только изъ вѣдомствъ гвардейской артиллеріи, инженернаго и генеральскаго штаба, потому что по этимъ вѣдомствамъ производство бываетъ медленнѣе и, во-вторыхъ, армія снабжалась-бы полковниками свѣдущими по части наукъ. Ихъ, въ случаѣ надобности въ военное время, можно-бы было опять употреблять по тѣмъ частямъ, въ которыхъ они служили до полковничьяго чина. Что-же касается до нашей артиллеріи, то достоинство и

лава этого оружія нашей арміи признаны на опытѣ, въ продолженіе многихъ кампаній, превосходными; одно неудобство, которое было при ней, именно употребленіе большихъ лошадей, отмѣнено нынѣшнимъ государемъ, послѣ чего должно сознаться, что артиллерія наша первая въ Европѣ. При всемъ томъ я-бы желалъ, чтобы при арміи нашей заведены были пушки, изобрѣтенныя отцомъ моимъ; онѣ въ 1807 году были испытаны въ Систербекѣ, причемъ оказалось, что онѣ выдерживали 50 выстрѣловъ сряду до разгоряченія и въ цѣль стрѣляли очень хорошо. Графъ Аракчеевъ опровергалъ ихъ пользу, но я убѣдился, что онѣ съ рѣшительною пользою могли-бы быть употребляемы въ полевыхъ сраженіяхъ въ большомъ числѣ, отъ 100 до 200 на одномъ мѣстѣ, при атакахъ и оборонахъ, въ каковомъ случаѣ необыкновенная разрушительная сила ихъ дѣйствія должна опрокинуть все поставленное на встрѣчу. Въ гористыхъ мѣстахъ на Кавказѣ онѣ также могутъ служить съ пользою, ибо легкость ихъ вѣса безъ конной упряжи, дешевизна заготовленія и удобство переправы ихъ чрезъ болота и вершины горъ на рукахъ, представляютъ большія выгоды. Шестъ человѣкъ у каждой пушки съ лафетомъ достаточны въ движенію ихъ на походѣ и въ дѣйствію въ сраженіяхъ. По моему мнѣнію, одинъ таковой артиллерійскій полкъ, состоящій изъ 4,000 человѣкъ и снабженный 400 пушекъ, долженъ въ каждомъ полевомъ сраженіи рѣшить успѣхъ дѣла въ пользу нашу, потому что ядра и картечи, пуценныя изъ нихъ, падаютъ столь-же далеко, какъ изъ обыкновенныхъ 3-хъ фунтовыхъ орудій ¹⁾. Не будь я сыномъ изобрѣтателя этихъ пушекъ, я-бы утруждалъ государя настоятельною просьбою завести для опыта на первый случай хотя только 50 такихъ орудій. Если ты переживешь меня, то прошу тебя употребить всевозможное стараніе довести до свѣдѣнія государя императора предположеніе мое насчетъ этого предмета ²⁾. Въ

¹⁾ Въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано: „Dreipfundigen Kanonen von Latium“

²⁾ Примѣчаніе барона Тизенгаузена. При назначеніи генералъ-адъютанта Нейдгардта главнокомандующимъ на Кавказѣ я ему сообщалъ мнѣніе фельдмаршала; впоследствии времени я объ этомъ-же предметѣ обратился къ начальнику моему, директору департамента военныхъ поселеній, генералу Корфу, съ просьбою довести о томъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, но онъ отсвѣтовалъ мнѣ.

петербургскомъ арсеналѣ находится нѣсколько такихъ орудій, которыя могли-бы служить образцами къ приготовленію другихъ“.

О вѣроятности скорого моего отправленія съ деньгами къ его величеству въ Варшаву и возвращенія арміи нашей въ предѣлы Россіи

На второй день святой недѣли полученъ былъ отвѣтъ графа Воронцова на счетъ моего пропуска чрезъ Сатуновскій карантинъ съ задержаніемъ и окурениемъ меня въ продолженіе только 24 часовъ, вслѣдствіе чего отъѣздъ мой въ Варшаву назначенъ былъ черезъ два дня. Фельдмаршалъ цѣлый тотъ день занимался письменными дѣлами до самаго вечера, когда онъ меня позвалъ къ себѣ и мнѣ сказалъ: „Послѣ завтра ты пойдешь съ Богомъ! Я цѣлый день писалъ письма, которыя ты долженъ доставить: въ Варшавѣ—его императорскому величеству, въ Петербургѣ—графу Чернышеву и другимъ лицамъ, предполагая, что государь тебя немедленно отправитъ туда. И Воронцову я писалъ и благодарилъ его за уваженіе моея просьбы на счетъ твоего пропуска чрезъ Сатуновскій карантинъ. Письмо къ нему ты можешь тамъ отдать инженерному подполковнику Ковореву. Въ Варнѣ заѣзжай къ генералу Красовскому и доставь ему бумаги, писанныя на его имя. На обратномъ пути въ Россію, на вершинѣ Балканъ, я надѣюсь 1-го мая ¹⁾ проститься съ моими военными товарищами, которые храбростію и мужествомъ своимъ возвели меня на эту вершину чести и славы. Довольно странно, что на мнѣ сбылись пророчества юности моей, имѣвшія предметомъ фельдмаршальскій жезлъ; сбылись мечты, которыя я тогда при поэтическомъ возрѣніи на міръ изложилъ въ стихахъ, но когда я возмужалъ и позналъ свѣтъ съ прозаической стороны его, борьбу жизни съ судьбою и случаями, поэзія потеряла для меня свою прелесть, тѣмъ болѣе, что я на поприщѣ дѣятельнаго военнаго сужденія примѣтилъ, что стихотворцы рѣдко бываютъ дѣловыми людьми“.

¹⁾ День рожденія графа Дибича, 1-го (12-го мая) 1785 года.

Переселеніе румеліотовъ изъ-за Балканъ въ Россію. — Извѣстныя порученія фельдмаршала для доклада государю императору. — Объ обстоятельствахъ тогдашняго положенія фельдмаршала по службѣ.

Разговоръ нашъ прерванъ былъ жалостнымъ крикомъ одного изъ жителей Румелии, которымъ, по мирнымъ трактатамъ адрианопольскимъ, дозволено было переселиться въ Россію. Этотъ бѣднякъ просилъ подъ окномъ фельдмаршальской комнаты о денежномъ пособіи, чтобы имѣть возможность слѣдовать за своими собратьями, которые уже отправились въ походъ, предавъ жилища свои пламени. Фельдмаршалъ, узнавъ о причинѣ просьбы, взялъ со стола свертокъ золотыхъ турецкихъ монетъ, выбросилъ его румеліоту и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „около 20,000 семействъ нашихъ единовѣрцевъ христіанъ румеліотовъ переселяются черезъ Дунай въ Бессарабію, люди прилежные, винодѣльцы, хлѣбопашцы и ремесленники, которые, страдавъ подъ гнетомъ жестокаго правительства турецкаго, изъ рода въ родъ будутъ благословлять великодушіе, щедрость и милосердіе русскаго монарха, спасаго ихъ отъ угнетенія. Они въ полной мѣрѣ замѣнятъ тотъ убытокъ народонаселенія, который произошелъ у насъ отъ моровой язвы, холеры и самой войны. Ты, проѣзжая чрезъ Балканы, догонишь ихъ и увидишь, какъ они съ радостью спѣшатъ въ обѣтованную вновь землю; мнѣ донесено, что они со всѣмъ своимъ имуществомъ, при пѣсняхъ и музыкѣ, безъ усталы и отдохновъ тянутся къ Дунаю. Обращаясь къ твоему отѣзду, я прошу тебя, любезный другъ, доложить его величеству, что смерть моей жены произвела совершенную перемѣну во всѣхъ предположеніяхъ будущей моей жизни, что я потому службу мою посвящаю навсегда его величеству и Россіи, что я въ отношеніи этой службы не питаю никакихъ желаній и единственно ожидаю съ нетерпѣніемъ повелѣніе его величества, которое осчастливитъ меня совершенно, если доставитъ мнѣ вновь возможность лично изъявить предъ нимъ тѣ-же чувства искренней благодарности и преданности, одушевлявшія меня всегда. Скажи даже, что я охотно откажусь отъ желанія побывать въ Силезіи, если государю императору благоугодно будетъ употребить меня на службу; что я съ привычнымъ усердіемъ неусыпно готовъ представить его величеству новыя доказательства моей вѣрности.

Что-же касается до причинъ, побудившихъ меня утруждать государя просьбами чрезъ графа Чернышева, на которыя монархъ съ благосклоннымъ великодушіемъ соизволилъ согласиться, то я, буде его величеству благоугодно будетъ ихъ узнать, я изустно буду имѣть счастье довести ихъ до свѣдѣнія государя императора.

„Признаюсь тебѣ, любезный другъ“ — продолжалъ фельдмаршалъ, — „что нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, какъ я чрезъ графа Чернышева просьбы мои доставилъ его величеству, наступилъ моментъ, въ который я убѣдился, что злонамѣренныя дѣйствія нѣкоторыхъ особъ, которымъ я никогда не подавалъ повода содѣлаться моими врагами, старались интриговать противъ меня; что это обстоятельство побуждало меня оставить Россію на нѣкоторое время, я считалъ ниже достоинства правилъ моихъ оставаться далѣе предметомъ коварныхъ противъ меня замысловъ или быть поставленнымъ въ крайнюю необходимость защищаться или жаловаться. Меня оскорбляли въ то время, когда я оказалъ Россіи новыя услуги, и хотя я былъ увѣренъ, что государю императору осталось неизвѣстнымъ все, что противъ меня предпринимали, но эти интриги были такъ хитро сплетены, что я ни письменно, ни словесно не могъ упомянуть о нихъ предъ его величествомъ, не подвергаясь упреку сдѣлаться неблагодарнымъ. Далѣе-же оставаться въ такомъ затруднительномъ положеніи я не имѣлъ охоты, и потому рѣшился, послѣ многотрудныхъ заботъ кампаніи, на нѣкоторое время уѣхать за границу, чтобы отдохнуть въ спокойствіи, и моимъ удаленіемъ изъ Россіи обезоружить моихъ враговъ, предполагая, что самое время безъ моей помощи выяснитъ все, что могло бросить тѣнь на образъ моихъ дѣйствій. Притомъ я по чувству благодарности къ государю императору хранилъ въ душѣ всегдашнюю готовность, по первому приказанію его величества, тотчасъ возвратиться и принять всякую должность, назначенную мнѣ его величествомъ.

„Степень, на которую я возведенъ былъ милостію моего монарха, довѣренность, которою онъ удостоивалъ меня, вѣроятность, что я опять вступлю въ званіе начальника главнаго штаба его величества, и успѣхи оконченной кампаніи породили противъ меня тѣму завистниковъ и недоброжелателей, числомъ равнымъ тѣмъ, которыхъ я обошелъ при производствѣ въ чинъ

фельдмаршала. Посредственные и непосредственные нападки ихъ на меня обнаруживались при всякомъ случаѣ, но оставались сокрытыми отъ свѣдѣнія государя. Вступить съ ними въ оборонительный бой не согласовалось съ моими правилами и чувствомъ достоинства, ибо, не враждуя ни съ кѣмъ, я въ случаѣ успѣха снова вваливалъ на свои плечи бремя прежнихъ трудовъ и заботъ, которые рѣшился принять не иначе, какъ по призыву моего монарха, и потому я намѣревался добровольно уступить мѣсто боя тѣмъ, которые ради этой цѣли отнеслись ко мнѣ враждебно. Это намѣреніе я и нынѣ полагаю еще привести въ исполненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняю въ вѣрномъ сердцѣ своемъ для моего государя ту непреложную благодарность, которая послѣ потери жены принадлежитъ всецѣло ему одному.

„Припомни себѣ, любезный другъ, эти слова мои и тогда, если меня можетъ быть уже не станетъ, и сохрани у себя это письмо и приложенный къ нему листъ; я послалъ ихъ въ женѣ въ Петербургъ, но ея уже не было въ живыхъ. Приложение же заключаетъ статью изъ гамбургскихъ газетъ, отъ 7-го августа 1829 года, № 125“.

Эти документы находятся понынѣ въ моихъ рукахъ; они для потомства фельдмаршала заключаютъ много любопытнаго и потому я здѣсь изъ нихъ упоминаю слѣдующее:

Въ письмѣ отъ 29-го февраля 1830 года фельдмаршалъ писалъ супругѣ своей: „Удоставившись, что уплата денежной суммы со стороны Оттоманской порты послѣдуетъ въ назначенный первый срокъ, я съ послѣднимъ фельдъегеремъ писалъ къ графу Чернышеву (съ тѣмъ, чтобы онъ это письмо могъ показать государю) подробно насчетъ моихъ намѣреній и желаній въ продолженіе этого и будущаго года. Я надѣюсь, что его величество, изъявлявшій почти въ каждомъ рескриптѣ ко мнѣ рѣдкую милость, благоволитъ дозволить мнѣ съ тобою въ скоромъ времени пользоваться спокойствіемъ. Если поѣздка государя въ Варшаву состоится въ нынѣшнее лѣто, то я по сердечному желанію моему избѣгну необходимости быть въ Петербургѣ въ теченіи зимы, ибо я чувствую, что присутствіе мое въ столицѣ уже по случаю благосклоннаго приѣма моего со стороны государя возбудитъ зависть и ревнивыя страсти многихъ изъ моихъ соперниковъ, что не ускользнетъ отъ опытнаго

взгляда моего въ теченіи 30-ти лѣтняго служенія въ кругу государственныхъ вельможъ, и тѣмъ самымъ подасть мнѣ поводъ въ новымъ неприятнымъ открытіямъ, хотя я, благодаря Бога, не кичливъ. По истеченіи-же годичнаго срока, тысяча случаевъ и разныя отличія, оказанныя другимъ лицамъ, ослабить чувства зависти ко мнѣ и намъ легче будетъ свыкнуться другъ къ другу, особливо если самоотверженіе, смиреніе, возложенное на насъ религіею, будутъ способствовать въ кругу семейнаго счастья найти спокойствіе души и благополучіе жизни. Въ этомъ предположеніи заключаются мои желанія на ближайшую будущность. Я увѣренъ, что ты ихъ раздѣляешь со мною, а можешь быть желаешь, чтобы срокъ, назначенный мною, продолжался-бы болѣе, чѣмъ это допускають чувства долга и обязанности“.

Статья изъ гамбургскихъ газетъ была слѣдующая:

„Изъ Валахія отъ 10-го іюля 1829 года.

„Славою увѣнчанные успѣхи оружія русскихъ въ теченіи этой кампаніи сдѣлали полководца идоломъ его арміи, ему приписываютъ всѣ искусныя военныя распоряженія и самая зависть овѣмѣла при заключеніи о немъ и его достоинствахъ, по которымъ его сравниваютъ съ прославившимися полководцами Россіи, которые со временъ Петра Великаго указывали русскимъ войскамъ путь къ побѣдамъ надъ невѣрными; его даже сравниваютъ съ тѣмъ героемъ, который двадцать лѣтъ сряду французскими легионами пожиналъ себѣ и имъ лавры побѣдъ. Особы, находившіяся при фельдмаршалѣ графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ, рассказываютъ о его неутомимой дѣятельности, присутствіи духа и томъ глубокомъ и вѣрномъ взглядѣ, съ которымъ онъ при каждомъ случаѣ открываетъ малѣйшія ошибки своего противника и ими пользуется, въ чемъ, по общему мнѣнію, заключается первое достоинство полководца. По большей части онъ ночью занимается дѣлами и послѣ четырехчасоваго покоя его опять видятъ на лошади. За нероскошнымъ обѣдомъ проводитъ онъ весьма короткое время. Во всѣхъ обстоятельствахъ общежитія и частной жизни онъ представляется человѣкомъ усовершенствованнаго образованія; снисхожденіе его привлекаетъ къ нему всѣ сердца, и въ войскахъ господствуетъ убѣжденіе, что генераль Дибичъ рѣшитъ великую задачу государя своего“.

На другой день, послѣдній моего пребыванія въ Бургасѣ, фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ разныя порученія насчетъ собственныхъ его дѣлъ, возложивъ на меня управление его имѣніемъ, сказавъ притомъ: „Я желаю, чтобы ты адъютанта моего Баратынскаго взялъ съ собою, онъ, Будбергъ и князь Голицынъ— мои главные лучшіе адъютанты, по образованію ихъ и способностямъ. Я затрудняюсь отпустить большую часть ихъ, потому что увѣренъ въ усердіи и привязанности ихъ ко мнѣ и полагаю означенныхъ трехъ и Крузенштерна оставить“.

День моего отпращиванія изъ Бургаса, и сообщенія фельдмаршала насчетъ Польши.

День отъѣзда моего насталъ; графъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ: „Вѣроятно, ты сегодня не уѣдешь, потому что прибывшій ночью фельдъегерь привезъ мнѣ депеши, изъ которыхъ видно, что государь навѣрное будетъ въ Варшавѣ; весьма сожалѣю, что и я не могу быть тамъ. Положеніе дѣлъ въ Польшѣ такого рода, что они во мнѣ порождаютъ нѣкоторыя опасенія, но подобныя замѣчанія съ моей стороны имѣли всегда отвѣтомъ, что я всё предметы вижу въ мрачномъ видѣ; но я боюсь, что другіе, находящіеся вблизи государя, смотрятъ на дѣла Польши слишкомъ поверхностно и въ томъ весьма ошибаются. Хотя справедливо, что благосостояніе, порядокъ и даже богатство не только по наружности въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ въ Польшѣ распространились между всеми классами тамошняго народонаселенія; армія щегольски вооружена и кипитъ желаніемъ сражаться, вообще поляки народъ храбрый; но борьба мнѣнній о необходимости конституціоннаго правленія, предпочитаемаго законному монархическому, неограниченная свобода книгопечатанія, которая въ лживыхъ софизмахъ излагаетъ, что достоинство человѣчества состоитъ въ достиженіи вольности, попирающей всё формы прежняго законодательства, стремится къ необузданному напряженію своеволія, разрушающаго счастье, спокойствіе и благосостояніе народовъ. Эта свобода книгопечатанія—губительный демонъ (!) нашего времени—приводитъ въ восторгъ воображеніе пылкаго юношества, воспламеняетъ въ немъ духъ до изступленія и фанатизма, угрожаетъ Европѣ общимъ потрясеніемъ, низвергая въ прахъ прежнія законоположенія, основанныя на нравственности и христіанской вѣрѣ. Этотъ де-

монъ разврата (!) со всѣми спутниками нравственнаго преобразованія (!) является подъ видомъ ангела спасителя въ убѣжденіяхъ такихъ народовъ, которые прежде этого имѣли самостоятельность, потому что слова: вольность, вѣротерпимость, человѣколюбіе, естественное право, человѣческое достоинство возбуждаютъ въ нихъ надежды на будущее благополучіе, достиженіе котораго соединено съ совершеннымъ разрушеніемъ нынѣшняго порядка вещей. Польскій народъ, по справедливости называемый сѣверными французами, преимущественно принадлежитъ къ этому разряду восторженныхъ, которымъ усладительный ядъ обманчивой надежды на возстановленіе національности доставляется изъ Франціи, изъ нѣдръ вулкана, въ которомъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ накопились всѣ матеріалы къ политическимъ потрясеніямъ Европы, изливавшіяся повсюду губительнымъ пламенемъ. Австрія, Пруссія и Россія, по своей отдаленности отъ Франціи, не тронуты еще этимъ пожаромъ; на ихъ границахъ образовался валъ сопротивленія, воздвигнутый нравственными качествами ихъ жителей и благосостояніемъ этихъ народовъ“.

Особенности въ выраженіяхъ и разказахъ фельдмаршала.—Сужденія его о Россіи, нравственномогуществѣ сей державы, о духѣ народномъ, сохраненіи древнихъ обычаевъ и вѣры, о любви къ Монарху, о русскомъ дворянствѣ.—О губерніяхъ Остзейскихъ и о дворянствѣ того края.

Фельдмаршалъ въ разговорахъ своихъ по дѣламъ службы изъяснялся обыкновенно отрывисто, пылкость воображенія его не позволяла ему продолжительныхъ изложеній, но въ разговорахъ частныхъ, въ которыхъ онъ непринужденно излагалъ мнѣнія свои или сообщалъ событія своей жизни, онъ съ большою подробностію не упускалъ ни малѣйшаго обстоятельства, служащаго къ поясненію его разказа. Въ бесѣдахъ со мною его отзывы состояли въ отвѣтахъ на мои вопросы, возраженія или сомнѣнія. И о нихъ здѣсь не упомянуль, но представилъ только то, что потомству фельдмаршала могло быть интересно. Въ продолженіе вышеупомянутаго разговора графъ продолжалъ:

— „До Россіи этотъ губительный ядъ лжемудрія еще не проникъ и полстолѣтія протечетъ, пока онъ здѣсь станетъ извѣстенъ. Подъ названіемъ Россіи я здѣсь понимаю общую массу народонаселенія, за исключеніемъ части высшаго дворянства,

иностранцевъ и богатѣйшаго купечества. За этимъ исключеніемъ, общая масса народа вполне искренно предана еще добродѣтелямъ своей вѣры, святости древняго быта и обрядовъ, равно и національнымъ обычаямъ русскаго народа, въ особенности вѣрности, приверженности и любви къ своему Монарху. Поворствуя законамъ и волѣ государя безъ малѣйшаго прекословія или возраженія, народъ считаетъ себя благополучнымъ, наслаждаясь своимъ благосостояніемъ въ безопасности имущества и личной свободы, а если онъ иногда подверженъ случаямъ притѣсненія или несправедливости, то здравый смыслъ и природный умъ приписываютъ таковыя отступленія отъ общаго порядка личности противузаконно дѣйствующихъ чиновниковъ, которые въ каждомъ большомъ государствѣ и при лучшемъ государственномъ управленіи всегда встрѣчаются. Умѣренные денежные подати не тягостны простонародью, источники промышленности у насъ еще не исчерпнуты, народонаселеніе въ отношеніи къ пространству земли посредственно, такъ что еще 50 милліоновъ жителей могли-бы умѣститься въ Россіи, находить въ хлѣбопашествѣ достаточное пропитаніе. Россія втрое больше Европы и каждый членъ этой огромной державы, отъ государственнаго вельможи до крестьянина, убѣжденъ, что онъ подъ скипетромъ самодержавнаго государя единственно можетъ найти свое благополучіе. Даже всякій русскій дворянинъ, за исключеніемъ весьма малаго числа, которое воспитывалось въ чужихъ краяхъ, купечество, промышленники и даже хлѣбопашцы, способствуютъ всѣ вмѣстѣ русскому колоссу дать болѣе и болѣе твердости, такъ что этотъ исполинъ, на подобіе пирамидъ египетскихъ, можетъ устоять противъ бурь временъ въ теченіе тысячелѣтій“.

Я напомнилъ графу о заговорѣ, обнаружившемся въ 1826 г. „Нарывъ на здоровомъ тѣлѣ нашей державы“, — возразилъ графъ, — „который слѣдовало вырѣзать совершенно, чтобы навсегда истребить слѣды его. Конечно, подобный случай можетъ опять появиться, но не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ, т. е. послѣ новаго поколѣнія; но мудрость и твердость правительства и тогда легко уничтожатъ его, какъ въ первый разъ. Цѣлыя династіи могутъ исчезнуть на престолѣ, Равальяки и Анкарштремы могутъ появляться, но монархическое правленіе въ Россіи продолжится на многія столѣтія. Благословенія подданныхъ оста-

нутса навсегда оборонительною защитою противъ руки свято-татца, измѣны и возмущенія“.

— „Чистѣйшими перлами въ коронѣ русскаго государя являются провинціи Остзейскія. Дворянство тамошнее гордится правомъ принадлежать къ Россіи и отличается вѣрностію и преданностію къ монарху. Съ мужествомъ и храбростію служить оно въ рядахъ русской арміи, стараясь пламеннымъ усердіемъ во всякомъ случаѣ доказать на дѣлѣ искреннюю свою приверженность къ престолу и уподобиться во всемъ похвальному коренному русскому дворянству. Къ общему присворбію, теперь породилась еще ревность со стороны послѣднихъ къ остзейскому дворянству. Причина этому, вѣроятно, состоитъ въ томъ, что остзейцы на службѣ коронной остаются постоянно до старости лѣтъ и, возвысившись до званія государственнаго сановника первыхъ двухъ степеней, продолжаютъ свою службу до тѣхъ поръ, пока она еще полезна правительству. Въ этихъ случаяхъ они, признавая самихъ себя пасынками одной и той-же державы, переносятъ безъ ропота всѣ непріятности и даже несправедливости своихъ главныхъ начальниковъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ въ той увѣренности, что правительство имъ отдастъ нѣкогда заслуженную справедливость. Потому и нынѣ многія отрасли государственнаго управленія находятся въ рукахъ чужестранныхъ и остзейскихъ нѣмцевъ, которые не подвергаются перемѣнѣ въ своихъ званіяхъ. Но для уничтоженія этой ревности я полагаю не бесполезнымъ, ежели правительство предоставляло-бы остзейскому дворянству право принимать русскія фамильныя наименованія, особливо тѣмъ, которые, происходя отъ смѣшанныхъ браковъ, исповѣдуютъ православную вѣру. Въ теченіи пятидесяти до ста лѣтъ тогда по большей части исчезли-бы нѣмецкія прозванія и исчезли-бы причины, вызывающія ревность и интриги, и даже ненависть и преслѣдованіе“.

Отъѣздъ мой изъ Бургаса и пріѣздъ въ Сатуново; неожиданное задержаніе мое тамъ. — Письмо фельдмаршала, писанное мнѣ по сему случаю.

Къ графу принесли депеши, приготовленныя къ отправленію со мною. „Отъ тебя зависитъ уѣхать еще сегодня (была уже полночь) или завтра поутру по раньше“, — сказалъ графъ, передавъ мнѣ всѣ бумаги запечатанными.

Я зналъ, что графъ по дѣламъ службы не дѣлалъ исключенія изъ общаго правила заведеннаго порядка и потому я не хотѣлъ отступить отъ обыкновенія. Я отвѣчалъ графу: „Экипажъ мой готовъ, ночь свѣтла, и такъ позволь мнѣ отправиться сейчасъ“. Мы съ нимъ простились.

Когда я пріѣхалъ въ Сатуновскій карантинъ, меня и все, что было при мнѣ, подвергли сильному окуриванію. Командиръ дунайскаго тегъ-де-пона, полковникъ Кокоревъ, объявилъ мнѣ, что я на другое утро могу отправиться далѣе по дорогѣ въ Варшаву. Квартуру, отведенную мнѣ въ карантинѣ, обставили часовыми, изъ чего я заключилъ, что меня считали зараженнымъ чумою, и я опасался, что меня задержатъ, въ чемъ я не ошибся. Въ полночь полковникъ Кокоревъ явился ко мнѣ съ адъютантомъ графа Воронцова, привезшимъ ко мнѣ письмо отъ его сіятельства изъ Одессы, въ которомъ графъ Воронцовъ весьма вѣжливо сообщилъ мнѣ о полученномъ чрезъ графа Чернышева Высочайшемъ повелѣніи не пропускать никого чрезъ Сатуновскій карантинъ, не подвергнувъ его строжайшимъ карантиннымъ постановленіямъ и задержанію въ теченіи 14 дней. И такъ, исчезли предо мною всѣ лестныя надежды представиться лично Его Императорскому Величеству въ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого я отправилъ въ Бургасъ къ фельдмаршалу по эстафетѣ всѣ полученныя отъ него депеши, извѣстивъ его о случившемся, и просилъ о присылкѣ мнѣ палатки и съѣстныхъ припасовъ. На третій день получилъ я отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Любезный другъ, сердечно сожалью, что распоряженіе, изъ Петербурга полученное, вслѣдствіе недовѣрчивости нашихъ высшихъ властей, доставитъ тебѣ на нѣсколько дней въ Сатуновѣ скуку и непріятности. Я надѣюсь, что ты тамъ не заболѣешь и къ пріѣзду моему къ тебѣ приготовишься, чтобы со мною отправиться въ крѣпость Тирасполь, назначенную мнѣ мѣстомъ карантина. Ежели мостъ черезъ Дунай у Сатунова будетъ наведенъ, то я къ тебѣ пріѣду 1-го или 2 мая. Бургасъ 21 апрѣля“.

Гр. Дибичь-Забалканскій.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА И РЕКТОРА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ЮРДАНА

1800 13-го АВГУСТА РОД. 1883 ГГ.
УМ. 19-го СЕНТЯВРЯ

V ¹⁾.

Несмотря на несчастія наводненія 1824 г. и смуту 14-го декабря 1825 г., я продолжалъ свою работу на первую золотую медаль, которую гравюру и кончилъ къ 1827-му году и получилъ желаемую награду, оставаясь жить въ академіи какъ пенсіонеръ и выжидая время быть послану въ чужіе края. Нашъ трудолюбивый президентъ А. Н. Оленинъ, любившій искусства какъ настоящій художникъ, не любилъ чужіе края, и я былъ въ отчаяніи, что мнѣ не придется въ нихъ побывать и поучиться, тѣмъ болѣе, что, встрѣтившись однажды со мною, онъ открыто сказалъ мнѣ: „У меня имѣется для тебя много работъ“.

Предчувствуя изъ этихъ словъ, что мнѣ не быть въ чужихъ краяхъ, какъ пенсіонеръ Академіи Художествъ, т. е. быть послану на казенный счетъ, я рѣшился изъ заработанныхъ денегъ составить

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 601—634.

себѣ изъ экономіи малыя средства и ѣхать на свой счетъ за-границу. Имѣлъ работу для Аладына, его альманаха „Сѣверные Цвѣты“ ¹⁾, портретъ извѣстнаго трагика Каратыгина, затѣмъ явилась работа, хотя не интересная по искусству, но выгодная для моей цѣли собрать деньги для путешествія—то была работа для академіи наукъ, профессора Френа, гравированіе восточныхъ монетъ, въ которыхъ я такъ привыкъ, что, несмотря на ихъ ветхость, умѣлъ угадывать ихъ слова; моей способности г. Френъ не разъ удивлялся. Эта работа, при неусыпномъ стараніи, позволяла мнѣ дѣлать малый запасъ для будущаго путешествія.

Наконецъ, насталъ неожиданно мой счастливый для меня 1829 годъ, и второй день Пасхи. Продолжая заниматься моими восточными монетами, совершенно упавши духомъ, такъ какъ дорогое время молодости уходило и тратилось на ничтожную работу, я на второй день Пасхи иду съ поздравленіями къ моему дорогому профессору Н. И. Уткину.

Онъ встрѣчаетъ меня съ распростертыми руками и, расцѣловавъ по обычаю праздника, говорить:

— „Теперь позвольте еще разъ васъ расцѣловать и поздравить съ радостнымъ рѣшеніемъ Совѣта, вчерашняго нашего вечерняго засѣданія, въ которомъ рѣшено этимъ лѣтомъ послать васъ въ Парижъ, какъ пенсіонера, на казенный счетъ, на три года“.

Отъ радости у меня замеръ голосъ, я не зналъ, чтò говорить, и, наконецъ, весь въ слезахъ, началъ его благодарить и цѣловать. Достойный мой профессоръ самъ чуть не плакалъ, видя мою сердечную радость, и я едва внятнымъ, отъ преисполнявшей меня радости, голосомъ просилъ его рассказать, какъ могла столь неожиданно рѣшиться моя участь. Онъ въ краткихъ словахъ рассказалъ слѣдующее:

— „Вчерашняго дня, несмотря на первый день Пасхи, Совѣту были разсланы повѣстия, къ шести часамъ всѣмъ быть въ залѣ совѣта. По случаю великаго дня Пасхи и разговѣнья, всѣ члены были въ веселомъ настроеніи духа, равно и президентъ, который объявилъ совѣту, что вчерашняго дня, т. е. въ страстную субботу, государь оказалъ академіи свое царское вниманіе и милость.“

¹⁾ Это ошибка: „Сѣверные Цвѣты“ издавалъ баронъ А. И. Дельвигъ, Аладынъ изд. альманахъ—„Букетъ“ 1829 г.

подаривъ намъ копии съ фресокъ Рафаэля, находящихся въ Ватиканѣ подъ Санціо Рафаэля, труды пенсионеровъ Бруни и Басина, и что слѣдуетъ немедленно составить благодарственный адресъ, на что всѣ съ удовольствіемъ и согласились.

— „Вида“, продолжалъ свой рассказъ г. Уткинъ, „на всѣхъ лицахъ радость и удовольствіе, я вспомнилъ о васъ, сказавъ себѣ: вотъ минута, которою я могу воспользоваться для вашего дѣла, и попросилъ г. конференцъ-секретаря позвонить; когда тотъ позвонилъ, всѣ обратили на меня вниманіе, я же, вставъ, начинаю говорить: мой ученикъ Ѡ. И. Іорданъ, извѣстный своимъ поведеніемъ и стараніемъ, имѣя всѣ медали, имѣетъ право быть посланнымъ въ чужіе края, то и прошу г. президента и совѣтъ рѣшить его дѣло и тѣмъ уважить мою просьбу“.

„Президентъ былъ вначалѣ удивленъ неожиданнымъ предложеніемъ; совѣтъ-же немедленно порѣшилъ, что Іорданъ этой милости достоинъ и имѣетъ на то полное право, тогда и президентъ присоединился къ ихъ мнѣнію. Приказано составить протоколъ и внести его въ журналъ правленія, что и было исполнено, значить это фактъ совершившійся. Побѣждайте къ президенту благодарить и готовьтесь этимъ лѣтомъ къ отъѣзду, конечно въ Парижъ“.

Поблагодаривъ вновь (Уткина), того-же утра я отправился къ президенту, жившему тогда на Гагаринской набережной, въ домѣ Гагарина, и когда я началъ благодарить его (А. Н. Оленина), то онъ замѣтилъ:

— „Не слѣдуетъ оставаться (за границей), что болѣею частью дѣлаютъ наши художники; мы не намѣрены заселять своими художниками чужіе края“.

Затѣмъ я пошелъ сообщить моимъ друзьямъ объ ожидавшей меня счастливой будущности.

Изъ всѣхъ моихъ друзей, самыми искренними было семейство Горайновыхъ, принадлежавшее къ купеческому сословію; оно состояло изъ престарѣлаго отца, трехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ одна была мила собой, простосердечна и съ розовымъ румянцемъ весенней дѣвственности. Ее звали Марією Михайловною, и я былъ, какъ говорится, исподтишка влюбленъ, но не успѣлъ еще уѣхать въ Парижъ, какъ она была выдана замужъ за достаточнаго человѣка, П. А. Безцѣннаго. Доброта этого

семейства жила въ моей памяти во все долгое время моего отсутствія изъ отечества. Кромѣ того, мнѣ былъ близокъ домъ моего сотоварища Брейтгорна, котораго участь была самая горькая: потерявъ отца, ему пришлось пещись и содержать мать свою, трехъ сестеръ и малолѣтняго брата. Одна изъ его сестеръ была въ замужествѣ за моимъ братомъ Александромъ. Тѣ времена были самыя счастливыя; все было молодо, все цвѣло, никакая грусть не врѣзывалась глубоко въ сердце; если когда-нибудь и были непріятности, то молодые годы скоро давали случаи ихъ забывать.

Такъ и пять лѣтъ моего пенсіонерства, кромѣ труда и развлеченій, оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Не долженъ умолчать (только для немногихъ) о случаѣ потери моей невинности ¹⁾...

Я посѣщалъ, когда могъ, душевно уважаемую мною матушку; она мало раздѣляла мою радость по случаю поѣздки за границу, предчувствуя, что наше разставаніе можетъ быть послѣднимъ, такъ какъ она была въ преклонныхъ годахъ и кромѣ того страдала отъ паралича, постигшаго ее при взятіи французами Москвы, въ 1812 году; параличъ нѣсколько разъ повторился, и силы ея ослабѣвали. Видъ моей матушки наводилъ на меня грусть; но быть за границую веселило меня и не рождало во мнѣ сомнѣнія, что моя разлука съ нею можетъ быть вѣчною, что дѣйствительно случилось два года спустя. Съ матушкою была почти неразлучна моя младшая сестрица Анна, воспитанная въ Маріинскомъ институтѣ; она была ангелъ душою для родныхъ и друзей, особенно для меня. Будучи оба воспитаны въ казенныхъ заведеніяхъ, мы имѣли совершенно одинакіе взгляды на жизнь: натерпѣвшись всего, и худаго и хорошаго, которое всюду встрѣчается при воспитаніи въ закрытыхъ заведеніяхъ, мы были всеѣмъ довольны, что радовало нашу бѣдную родительницу: мы веселили ее своими разсказами о походеженіяхъ нашего дѣтства, о нашихъ шалостяхъ и неповиновеніи гувернерамъ и гувернанткамъ, и она отъ души смѣялась, угощая насъ скромнымъ обѣдомъ и съ отличными сливками кофеемъ.

¹⁾ Здѣсь мы опускаемъ нѣкоторыя эротическаго содержанія подробности.
Ред.

Всѣ жители Павловска имѣли своихъ коровъ, всѣ пили кофе, ибо Павловскъ почти весь былъ заселенъ нѣмцами, а нѣмецъ и въ особенности нѣмка безъ кофе и хорошихъ сливокъ едва-ли могутъ существовать.

Приближался іюль мѣсяць; слѣдовало начать думать объ отъѣздѣ; я началъ хлопотать о пріисканіи себѣ капитана корабля, началъ посѣщать биржу, гдѣ обыкновенно собираются капитаны для полученія фрахта, и наконецъ нашелъ одного, который обѣщалъ въ концѣ іюля получить фрахтъ и отправиться въ Штетинъ. Дѣлаю съ нимъ условіе имѣть мѣсто для спанья на диванѣ, завтракъ, обѣдъ и стаканъ портвейна ежедневно, при обязательствѣ, съ его стороны, доставить меня въ Штетинъ. Временемъ своего отъѣзда онъ измучилъ меня; наконецъ, послѣ тщетнаго ожиданія, онъ назначилъ нашъ отъѣздъ окончательно черезъ три дня и просилъ ожидать его въ Кронштадтѣ. Эти три дня я употребилъ на поѣздку съ братомъ Александромъ въ Павловскъ, гдѣ дорогая матушка встрѣтила меня со слезами.

У насъ была нанята карета въ четверку лошадей. День былъ воскресный и мы всѣ пошли въ лютеранскую церковь, гдѣ пасторъ Зейдель, послѣ проповѣди, просилъ помолиться за отъѣзжающаго въ дальній путь, который оставлялъ престарѣлую мать, просилъ помолиться о его благополучномъ путешествіи и о его родительницѣ, чтобы Господь помогъ ей вновь увидѣть его. Моя старушка горько плакала; многіе изъ присутствующихъ, по окончаніи службы, со мною прощались, а затѣмъ утѣшали мою маменьку, которую трудно было, впрочемъ, утѣшить. Она только и повторяла:

— „Я рада счастію Оеди, но болѣе мнѣ его не видать“.

Возвратившись домой, я старался развеселить ее, изыскивалъ все въ своей головѣ, что могло ее утѣшить, повторялъ нѣсколько разъ, что три года скоро пройдутъ. Она на минуту успокоится, затѣмъ вновь еачинаетъ задумываться.

Къ обѣду столь торжественнаго дня — сынъ ѣдетъ въ Парижъ! — сынъ бѣднаго мастераго ѣдетъ въ Парижъ! — и вѣстѣ съ тѣмъ для дня разлуки, можетъ быть вѣчной, кухарка Настасья изготовила въ двумъ блюдамъ: супъ и вареное мясо, — еще блины. При блинахъ матушка развеселилась; затѣмъ явился кофе съ чудными сливками; собрана была изъ нашего малаго

сада смородина и малина, натолели нѣсколько кусковъ сахару въ видѣ роскоши,—она никогда не могла себѣ позволить по бѣдности своей; сжимая вѣрно мою руку и умильно смотря на меня, маменька жалкимъ голосомъ говорила: „Больше не увидимся“.

Какъ ни было грустно, но время становилось позднимъ, я съ братомъ собрался въ путь и, получивъ матушкины поцѣлуй и благословеніе, выбѣжалъ изъ комнаты и сѣлъ въ карету весь въ слезахъ; карета такъ сильно повернулась во дворѣ, что чуть не испортила ворота; заворачивая въ другую улицу, я увидѣлъ, оглянувшись, что старушка все еще стояла за воротами съ платкомъ въ рукахъ.

Вопреки желанію, наконецъ, я облегчилъ свои чувства; простился я затѣмъ съ моимъ профессоромъ Уткинымъ, который далъ мнѣ письмо въ Кронштадтъ къ своему знакомому, простился и съ моимъ братомъ, который проводилъ меня до парохода.

Пріѣхавъ въ Кронштадтъ и отыскавъ знакомаго г. Уткина, вручилъ ему рекомендательное письмо; былъ принятъ самымъ радушнымъ образомъ, и очень сожалѣю, что не могу припомнить фамилію этихъ добрейшихъ людей, бездѣтныхъ. Я прожилъ у нихъ до восьми дней, справляясь въ гавани ежедневно о прибытіи моего корабля; тремъ обѣщаннымъ днямъ конца не было, наконецъ черезъ восемь дней капитанъ прибылъ.

VI.

Поблагодаривъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, я отправился вечеромъ на корабль, гдѣ встрѣтилъ еще двухъ пассажировъ: одного баварца и какого-то тщедушнаго молодого нѣмца; ознакомившись съ каютою и моимъ диваномъ, я отлично поужиналъ со стаканомъ портвейна и ѣлъ съ аппетитомъ. Вскорѣ мы улеглись спать, каждый на свои мѣста; я былъ между ними аристократъ и первое лицо. Капитанъ хлопоталъ болѣе обо мнѣ, нежели о нихъ, предполагая, что съ меня онъ возьметъ двойную или тройную плату. Мои спутники спали на полу, другаго мѣста не было, кромѣ какъ за занавѣсью, гдѣ помѣщалась отличная постель самого капитана. Ночью послышался на палубѣ

шумъ, вытягивали якорь, и мы тронулись въ путь. Утромъ я позавтракалъ съ аппетитомъ, но не прошло и часа, какъ я началъ чувствовать всѣ признаки морской болѣзни, и весь мой аппетитный ужинъ и утренній завтракъ сдѣлались добычею моря или Финскаго залива; послѣ чего всѣ условія, заключенныя мною съ капитаномъ, обратились въ его пользу, ибо, перекусивъ въ теченіи цѣлаго дня кое-что, я боялся воспользоваться обѣдомъ, ужиномъ или завтракомъ, такъ какъ, не успѣвъ ихъ покончить, я бѣжалъ уже на палубу и тамъ, среди страданій, вновь возвращалъ все, какъ и въ первое утро, водамъ Финскаго залива.

Нѣсколько дней мы плыли на нашемъ eupеческомъ кораблѣ по Финскому заливу; но когда мы вступили въ предѣлы моря, то насъ стало качать примѣтно сильнѣе. Никто изъ насъ, кромѣ самого капитана, не пользовался удовольствіями нашего морскаго путешествія. Съ отличнымъ аппетитомъ онъ истреблялъ за троихъ обѣдъ, ужинъ и завтракъ, спалъ непробуднымъ сномъ съ девяти часовъ вечера до восьми утра, имѣя отличные пуховики и подушки,—роскошь, которую скрывала отъ насъ его занавѣсъ.

Каждое утро являлся въ завтраку старикъ лощманъ (штурманъ) и доносилъ капитану: какова погода, сколько узловъ дѣлаетъ судно и гдѣ мы находимся.

Одинъ день, во время нашего путешествія, былъ (особенно) восхитителенъ: небо было безъ облачка и солнце жгло насъ. Судно едва подвигалось впередъ, паруса, не надуваемые вѣтромъ, такъ сказать колыхались, и сотни дельфиновъ играли въ морѣ около судна, нѣкоторые изъ нихъ даже высказывали на поверхность воды. Зрѣлище было великолѣпное, и мы тихо скользили по морю, какъ по стеклу; мы всѣ находились цѣлый день на палубѣ, восхищались всѣмъ окружающимъ, точно сновидѣніемъ, и, наконецъ, совершенно счастливые и усталые отъ восхищенія, спокойно предались сну, не смотря на то, что матросы говорили намъ, что очаровательная тишина моря есть зловѣщій предвѣстникъ бури, тѣмъ болѣе, что и капитанъ не раздѣлялъ нашего удовольствія при видѣ этого очаровательнаго дня, и я замѣтилъ, что онъ, посматривая на висячіе безъ дѣйствія паруса, насвистывалъ, засунувъ руки въ боковые карманы, точно призывая къ намъ вѣтеръ. Что намъ предсказывали, то и случилось.

Къ завтраку, по обыкновенію, явился нашъ старикъ лоцманъ и капитанъ, за своею занавѣсью спрашиваетъ: „какова погода?“ — „Виднѣются лебеди“, былъ отвѣтъ. Любопытство требовало истолкованія этихъ загадочныхъ словъ. Я по лѣсенкѣ поднимаюсь на палубу и вижу совершенно противоположное вчерашнему дню. Небо приняло пасмурный, желѣзоподобный видъ, по немъ несутся, въ видѣ изорванныхъ тучъ, облака, на морѣ зыбь, а вдали являются и исчезаютъ, бѣлою пѣною покрытыя, волны въ видѣ бѣлыхъ лебедей, къ тому же дуетъ довольно холодный вѣтеръ. Спускаюсь съ палубы въ каюту и рассказываю видѣнное; капитанъ съ ироническою улыбкою замѣчаетъ на это: „вчера вы восхищались тишиной дня, сегодня потанцуемъ съ боку на бокъ“.

Такъ и случилось. Вѣтеръ становился сильнѣе; къ четыремъ часамъ послѣ обѣда явилась, во всемъ ужасѣ, буря. Море казалось кипящимъ отъ волнъ, которыя вздымались подобно громаднымъ скаламъ, и на нихъ несло наше судно, казавшееся при этой ужасной обстановкѣ ничтожною щепкою. Я ужаснулся, когда не вдалекѣ отъ нашего судна увидѣлъ другое, несшееся со всею силою; его подбрасывало какъ-будто на гору, затѣмъ оно исчезало точно въ пропасть. Мы могли стоять только на верхушкѣ лѣстницы, на палубѣ вѣтеръ сшибалъ съ ногъ, шелъ сильный дождь и къ вечеру стало очень свѣжо. Наше судно везло большое количество бочекъ съ поташемъ, которыя, не знаю почему, съ грохотомъ ударялись въ ту сторону, куда клонило судно. На насъ напалъ страхъ. Мы старались узнать причину этого ужаснаго шума; только и капитанъ, и матросы были молчаливы и не отвѣчали на наши вопросы. Буря становилась каждый часъ страшнѣе. Капитанъ надѣялся, что въ восемь часовъ вечера будетъ перемиѣна, и точно перемиѣна была, только къ худшему. На лицѣ капитана явилось отчаяніе. Онъ переодѣлся простымъ матросомъ и сталъ у руля; неожиданно онъ началъ молиться вслухъ, читая „Отче нашъ“. Вокругъ насъ зги не видать, вѣтеръ воетъ клокоча, корабль трещитъ, бочки съ шумомъ бьютъ внутренность его то въ одну, то въ другую сторону. Мы въ страхѣ стоимъ и смотримъ другъ другу въ лицо; отъ ужаса и отчаянія не можемъ вымолвить ни одного слова. Спасенія нѣтъ. Безграничное пространство воздуха и воды не даютъ ни

малѣйшей надежды къ спасенію, мы ее видимъ только въ молитвѣ и надѣмся, авось Богъ спасетъ насъ.

Въ положенный часъ, капитанъ явился весь мокрый и усталый въ каюту и, не смотря на ужасы бури, онъ отлично поуживалъ за насъ троицъ и порядкомъ выпилъ: и нашего простячка, и портвейна. Мальчуганъ, прислуживавшій ему, съ печальнымъ лицомъ убирая посуду и ложки, получилъ для насъ зловѣщій приказъ: „посуды не мыть, можетъ быть она не будетъ намъ нужна“. Мальчишка заплакалъ, а мы перепугались, и между нами начались какъ-будто предсмертные разговоры.

— Вотъ, господа, жизнь моряка, говоритъ капитанъ. Съ малыхъ лѣтъ я трудился въ морской службѣ, экономіею скопилъ столько, что выстроилъ новое судно. Второй годъ оно у меня въ дѣлѣ; меня ожидаетъ невѣста, и вотъ въ одинъ или въ два часа я могу все потерять.

Нашъ спутникъ, старикъ-баварецъ, прерывая его, говоритъ:

— Я — отецъ шестерыхъ дѣтей, ружейный мастеръ, выдумалъ новое орудіе, рѣшился ѣхать въ Россію, чтобы продать свое изобрѣтеніе. Послѣ многихъ трудностей у меня пожелали купить его съ тѣмъ условіемъ, чтобы я показалъ секретъ изобрѣтенія; я отказался, боясь, что коль скоро открою его, они могутъ сказать, что онъ имъ не нуженъ и затѣмъ сами сдѣлаютъ по показанному имъ секрету. Теперь я возвращаюсь бѣднякомъ, издержавъ сбереженную копейку, не наживъ хотя малаго состоянія, на которое я рассчитывалъ.

Тощій, исхудалый, малаго роста нѣмецъ, перестрадавшій отъ морской болѣзни, молчалъ. Онъ былъ похожъ болѣе на мертвеца, нежели на живаго человѣка. Я также молчалъ. Они знали, что я художникъ и обезпеченъ въ издержкахъ своимъ правительствомъ.

Въ то время, когда шли эти прискорбные разговоры, въ каютѣ безъ умолку трещало во всѣхъ концахъ, и становилось страшнѣе, чѣмъ на палубѣ; мы поднялись всѣ на палубу; шумъ моря, сильный дождь и вѣтеръ болѣе не страшили насъ; мы какъ-будто сроднились со всѣми ужасами. Носъ корабля спустился почти въ море; нѣсколько боковыхъ перилъ отъ палубы оторвало волнами; собака, бывшая спутница матросовъ, опустивъ хвостъ, съ понижшею головою искала между нашихъ ногъ себѣ

спасенія. Матросы съ угрюмыми лицами сидѣли тамъ и сямъ и не отвѣчали на наши вопросы. Я замѣтилъ, что матросовъ на суднѣ какъ-будто не стало; затѣмъ вижу, они выходятъ на палубу по одиночкѣ, въ опрятномъ видѣ. На нихъ чистыя рубашки, они выбриты и вообще какъ-будто собрались въ гости; мало по малу они всѣ явились въ опрятномъ видѣ, тогда какъ прежде они были грязны, въ грязномъ бѣльѣ и съ неумытыми лицами. Вдругъ мы слышимъ крикъ и узнаемъ, что нашъ лодманъ, видя или предчувствуя, что судно не будетъ спасено отъ этой ужасной бури, точно помѣшался, началъ молиться и посылать благословеніе своимъ дѣтямъ, крича во все горло, что мы погибаемъ! Капитанъ въ отчаяніи, велитъ увести его въ каюту, жалуясь намъ на него, что онъ, вмѣсто пользы въ столь трудное время, бросаетъ самое важное мѣсто и приходитъ въ отчаяніе, тогда какъ ему приходилось уже видѣть во время его долголѣтней службы, можетъ быть, бури и посильнѣе нашей.

Капитанъ бросаетъ управленіе рулемъ, занимаетъ мѣсто лодмана у компаса, не переставая ругать его по временамъ и общается, по возвращеніи на родину, выгнать его изъ службы. Между тѣмъ вокругъ свирѣпствовала буря и мы, уставши стоять на палубѣ и продрогши, спустились въ каюту и я было прилегло на свой диванъ, какъ вдругъ слышимъ трескъ стеколъ въ нашемъ маленькомъ окнѣ, затѣмъ стекла падаютъ на полъ и огромная струя воды врывается въ нашу каюту.

Мы въ ужасѣ соскакиваемъ съ своихъ мѣстъ, въ кромѣшной темнотѣ, такъ какъ вода загасила нашу свѣчу; схватываемся другъ за друга, кричимъ: „Прощайте!“ предполагая, что тонемъ и лишъ спасенія. Въ это время въ торопяхъ спускается къ намъ капитанъ и, вбѣгая въ каюту, кричитъ: „Это ничего не значитъ, волну перебросило черезъ судно!“ Проситъ выливать воду чѣмъ можемъ. Тутъ спустились къ намъ и матросы съ ведрами, и начали выливать воду.

Какъ скоро зажгли свѣчу, которая затухла было отъ этой массы воды, нахлынувшей въ нашу каюту, мы всѣ были блѣдны, какъ смерть, и радовались, что мы еще живы.

Къ утру и весь послѣдующій день буря мало по малу стихла, и я узналъ причину опрятности, которую я замѣтилъ въ матросахъ наканунѣ.

Намъ сказали, что матросы во время неминуемой опасности готовятся какъ-будто къ смерти, и желаютъ лечь въ глубину морскую въ томъ видѣ, какъ если бы имъ случилось лечь въ могилу на сушѣ, когда родные обыкновенно хоронятъ покойника въ опрятномъ видѣ; на морѣ имъ самимъ приходится о себѣ подумать, поэтому они брѣютъ себѣ бороду, моются и одѣваютъ чистую сорочку. Бываетъ-ли этотъ обычай на всѣхъ судахъ и у всѣхъ матросовъ—не знаю, но то, что было у насъ, мнѣ очень понравилось.

Какъ ни бушевало море, но намъ стало повеселѣе, видя, что капитанъ успокоился. Черезъ два дня море успокоилось; вѣтеръ дулъ попутный; наконецъ, обрадовалъ насъ шедшій къ намъ на встрѣчу катеръ, съ лоцманомъ, изъ Свинемюнда, съ предложениемъ втянуть наше судно въ ту же ночь въ портъ. Долго устанавливали они между собою цѣну и толковали о нашей бурѣ, осматривая сильныя поврежденія, причиненныя ею нашему судну. Лоцманъ сообщилъ, что буря была такъ сильна, что нѣсколько судовъ погибло въ эти два дня. Нашъ капитанъ поилъ его русскою водкою и на закуску далъ нашей икры съ хлѣбомъ. Въ цѣнѣ они не сошлись, лоцманъ отчалилъ, и намъ пришлось лавировать два дня въ виду города Свинемюнде, пока на третій день, среди шума и крика, насъ втянули вечеромъ въ портъ, и мы всѣ обрадовались, увидавъ землю послѣ восемнадцати дней морскаго путешествія, во время котораго, кромѣ необъятнаго пространства воды и неба, мы ничего не видали.

Вдругъ показался берегъ, окаймленный домами; въ окнахъ виденъ былъ свѣтъ; до насъ доносился шумъ экипажей и всюду видѣлся спящій народъ. Радость нашу трудно описать, особенно мнѣ, не видавшему до тѣхъ поръ ничего, кромѣ Павловска и Царскаго Села. Такъ какъ наше судно стояло спокойно, безъ качки, то капитанъ предложилъ намъ хорошей ужинъ, просилъ поранѣе лечь спать, ибо завтра рано утромъ придутъ таможенные чиновники осматривать нашъ багажъ.

Мы послушались капитана. Вставши рано, побрились, помылись, причесались и едва успѣли одѣть чистое бѣлье, видимъ, является къ намъ нѣсколько личностей, предводимыхъ какимъ-то старичкомъ съ предобрими манерами. Онъ привѣтствовалъ насъ съ счастливымъ прїѣздомъ, слегка и весьма осторожно осматрѣлъ

наши чемоданы и попросил нас послѣдовать за ними, говоря: „Мы скоро васъ отпустимъ“. Онъ ввелъ въ домъ, въ сильно накуренную комнату, гдѣ за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ съ длинными чубуками во рту; они тотчасъ предложили намъ взять трубки, которыхъ въ углу стояло порядочное количество, разсмотрѣли и засвидѣтельствовали наши виды и, затѣмъ распростились съ нами весьма учтиво; мы-же пошли гулять по улицамъ малаго городка Свинемюнде.

Не смотря на ничтожность этого городка, меня все въ немъ поражало. Кромѣ домовъ и костюмовъ, мнѣ казалось, что даже деревья и самое небо иные, нежели у насъ; я зашелъ въ малую кофейню, отыскалъ незавидный трактиръ, гдѣ закусилъ, ибо послѣ восемнадцати-дневнаго морскаго путешествія, которое своею морскою болѣзнію совершенно очищаетъ желудокъ, я почувствовалъ себя вполне здоровымъ и съ отличнымъ аппетитомъ, почему скромный обѣдъ въ Свинемюнде показался мнѣ изысканнымъ и я истребилъ порядочную порцію. За обѣдомъ явился ко мнѣ какой-то человѣкъ и предложилъ мнѣ мѣсто въ своей крытой большой лодкѣ, говоря: „Съ вашимъ судномъ потребуется гораздо болѣе времени до Штетина, нежели на моей лодкѣ. Мы поѣдемъ сегодня вечеромъ и завтра къ утру вы будете въ Штетинѣ“,—на что я и согласился.

Въ лодкѣ нашелъ я другихъ пассажировъ, веселыхъ молодыхъ людей; большую часть дороги они пѣли симпатичныя нѣмецкія пѣсни, были веселы и разговорчивы. Наконецъ, мы уснули и на другой день прибыли въ Штетинъ, гдѣ понравились мнѣ дома набережной и отличная гавань со множествомъ купеческихъ кораблей. Пробывъ здѣсь день, я отправился съ лонкутшеромъ (т. е. на долгихъ) въ Берлинъ, гдѣ также пробылъ малое время. Посѣтилъ затѣмъ Дрезденъ, гдѣ встрѣтилъ земляка, русскаго, фамиліи его не помню, и онъ показалъ мнѣ восхитительныя окрестности города; я отдалъ письмо Н. И. Уткина г. Френцелю, граверу и смотрителю Дрезденской богатой картинной галлерей; отсюда я уже отправился въ Парижъ чрезъ Франкфуртъ - на - Майнѣ.

VII.

Пріѣхавъ на французскую границу въ Саарбрюкенъ, я увидалъ новую касту людей—французскихъ жандармовъ, богато и чисто одѣтыхъ, изъ коихъ одинъ что-то у меня спросилъ; я не могъ его понять, сосѣди-же мои мнѣ съ улыбкою отвѣтили: „онъ спрашиваетъ вашъ паспортъ“. Передавъ ему свой паспортъ, я былъ крайне изумленъ, что подъ-инспекторъ нашей академіи, французъ Неваль, называлъ (меня) французомъ, здѣсь-же я не могъ понять самаго простаго вопроса и рѣшилъ, что я полный неучъ во французскомъ языкѣ и что придется мнѣ много терять времени на его изученіе.

Проѣзжая мимо Шампаньи, дилижансъ остановился и намъ изъ кабачка вынесли предряннаго шампанскаго вина, по случаю принятаго здѣсь обычая—волею-неволею пить своимъ знаменитымъ виномъ. Наконецъ, насталъ вечеръ и было довольно поздно, когда мы вѣхали въ предмѣстье Парижа.

Все мнѣ казалось бѣдно и печально. Грязные заборы и улицы грязны; даже вѣхавъ въ самый городъ, отъ поздняго-ли часа или отъ тусклости фонарей и общей грязи, Парижъ, послѣ нашего чистоплотнаго Петербурга, мнѣ крайне не понравился; взявъ номеръ недалеко отъ конторы дилижансовъ, въ улицѣ Du Mail, я потребовалъ что-нибудь перекусить, но, не будучи знакомъ, какъ я уже сказалъ, съ французскимъ языкомъ, не могъ много требовать или вести разговоръ; пріѣдя въ свой номеръ, я удивился алькову и круглымъ головнымъ подушкамъ, кое-какъ улегся и долго думалъ, какъ придется во всему новому привыкать, и, разсуждая и думая, преспокойно уснулъ. Утромъ всталъ и началъ бродить по улицамъ. Меня удивила въ то время нечистота парижскихъ улицъ: водосточныхъ трубъ еще не было и посреди улицы протекалъ ручей грязной, воючей воды; около домовъ валялась всякая нечистота; очистив зелени, тутъ были и капустные листья, гнилая морковь и скорлупа отъ яицъ; всюду сырость, тротуаровъ же и помину не было.

Поворачивая въ новую улицу, я замѣчалъ ея названіе и чѣмъ дальше шелъ, всюду представлялись мнѣ неопрятные дома съ грязными улицами. Ноги уставали, шагая отъ грязи съ одного

круглаго камня на другой, такой-же формы. Голодъ заставилъ меня подумать о завтракѣ; войдя въ первый кофейный домъ, вижу бездну молодыхъ людей, болтающихъ съ веселыми лицами, другая же половина занята газетами, а половой, благообразной наружности, съ чисто выбритымъ лицомъ, въ бѣломъ передникѣ, держалъ въ каждой рукѣ по огромному кофейнику, изъ коихъ въ одномъ было кофе, а въ другомъ молоко, и съ большою ловкостью, на порядочной высотѣ, вливалъ въ стаканъ сначала кофе, а затѣмъ молоко; отличный бѣлый хлѣбъ находился уже на подносѣ, на которомъ лежала также порядочная порція колотатаго сахара, изъ коего половина идетъ для услащенія кофея, а другая кладется въ пустой стаканъ и наливается холодною водою, въ которой сахаръ распускается; послѣ питья кофею его запиваютъ подслащенною водою. Это я замѣтилъ, какъ общій законъ при кофепитиі.

Увидавъ, какъ другіе пьютъ и заказываютъ свой кофе „*café au lait, s'il vous plait*“, и я заказалъ половому и позавтракалъ отлично; платить-же пришлось дамѣ, сидящей на возвышенномъ мѣстѣ, кокетливо одѣтой и занимающейся чѣмъ-то, имѣя передъ собою цѣлую батарею блюдечекъ съ колотымъ сахаромъ; для каждой порціи кофе половой приходитъ къ ней за порціею сахара и эти-то порціи дама считаетъ и знаетъ, сколько порцій кофе выпито. Къ этой-то дамѣ я подошелъ и, не зная счета на французскомъ языкѣ, далъ ей крупную серебряную монету, и она дала мнѣ сдачи, при чемъ я видѣлъ, что другіе, уплативъ за кофе, клали въ вазу мелкую монету въ пользу прислуги.

Такимъ образомъ я жилъ въ своемъ отелѣ около восьми дней, не зная, гдѣ найду посланника и какъ отдамъ письмо къ профессору Ал. Тардье, къ которому имѣлъ письмо отъ нашего президента А. Н. Оленина и другія письма отъ моего профессора Н. И. Уткина къ граверу Денойе и знаменитому живописцу Жерарду.

Изъ этого труднаго положенія вывелъ меня портной, жившій въ нашемъ-же домѣ. Мнѣ понадобился сюртукъ и я рѣшился зайти къ нему. Видя, что я иностранецъ, русскій, и не знаю ихъ языка, онъ съ рѣдкою добротою, свойственною этому удивительному народу, началъ объяснять, что я, какъ художникъ, живу въ дорогомъ отелѣ, что художники живутъ въ латинскомъ квар-

талѣ, по ту сторону Сены, и что онъ готовъ сегодня же послѣ обѣда идти со мною и прискаты мнѣ квартиру; снялъ съ меня мѣрку, а послѣ обѣда я зашелъ къ нему въ магазинъ.

Онъ бросилъ свою работу, далъ женѣ какія-то порученія и мы вышли. Дорогою онъ толковалъ мнѣ очень много о Парижѣ, къ несчастію я мало что могъ понять. Тутъ увидалъ я рѣку Сену съ грязною желтоватою, отъ песка, водою, бездну на ней купаленъ и довольно длинный каменный мостъ; перейдя его, мы вошли въ улицу Дофина и на углу улицы Медицинской школы онъ нанялъ мнѣ отличную комнату съ альковомъ, съ двумя окнами на улицу, за 30 фр. въ мѣсяць; затѣмъ, просилъ хозяина завтра же дать мнѣ слугу, чтобы проводить меня въ Елисейскія поля, къ русскому послу Поццо-ди-Борго, и вообще просилъ его взять меня подъ свое попеченіе, какъ иностранца, особенно русскаго. Затѣмъ, я возвратился съ нимъ въ мой отель, онъ помогъ уложить мои вещи въ чемоданъ, помогъ расплатиться съ хозяиномъ отеля, нанялъ носильщика снести мои вещи и чемоданъ, объяснилъ, что мнѣ слѣдуетъ ему заплатить, и къ вечеру я былъ уже въ Латинскомъ кварталѣ и въ самой шумной улицѣ.

Помаленьку я началъ понимать французскій языкъ, ибо французъ говорливъ и радуется иностранцу, говорящему на его языкѣ, и съ удовольствіемъ помогаетъ ему въ изученіи его.

На другой день я отправился въ наше посольство, гдѣ меня принялъ самъ посолъ, графъ Поццо-ди-Борго, и разговорился со мною объ упадкѣ французской скульптуры, ставя въ примѣръ статуи, которыя только что были окончены и поставлены на мосту Людовика XV: всѣ онѣ были высѣчены изъ бѣлаго мрамора въ своихъ костюмахъ и нѣкоторыя поражали своею трагическою позою, какъ, на примѣръ, великій Конде, работы лучшаго въ то время скульптора Давида. Графъ былъ очень ласковъ, будучи по происхожденію французъ, а обходительность составляетъ, какъ извѣстно, отличительную черту этого великаго народа, который всюду поражаетъ своимъ пріятнымъ и ласковымъ обхожденіемъ. Затѣмъ мнѣ слѣдовало явиться къ профессору гравированія г. Тардье, жившему по близости отъ моей новой квартиры, къ которому я имѣлъ письма отъ президента А. Н. Оленина и отъ Н. И. Утеина и къ которому мнѣ слѣдовало поступить въ ученики.

Отыскавъ квартиру Тардье и явившись въ нему, я вручилъ ему письма. Пока онъ читалъ, я могъ разсмотрѣть его. Это былъ маленькій старичекъ, худенькій, подозрительный, ибо, читая письмо, онъ посматривалъ на меня, а-же обрадовался, увидавъ у него на стѣнѣ, среди эстамповъ, на лучшемъ мѣстѣ, гравюру моего земляка Берсенева съ Тиціана „Искушеніе Спасителя“, гравированную для коллекціи дюка Орлеанскаго и которая составляетъ лучшее украшеніе этого богатаго изданія.

Мой старичекъ это замѣтилъ и говоритъ мнѣ: „Ага, вы увидели и узнали своего земляка. Да, это былъ талантливый молодой человѣкъ, только любилъ гулять въ Пале-Роялѣ, отъ этого рано и умеръ“. Потомъ онъ началъ толковать о будущихъ моихъ занятіяхъ, заявилъ мнѣ, что къ себѣ не можетъ помѣстить меня, такъ какъ у него молодая жена и это возбудитъ толки, „но я вамъ прищу квартиру въ нашемъ домѣ, сказалъ онъ, — и займу васъ копированіемъ съ лучшей академической преміи нашихъ граверовъ нынѣшняго года“. Это меня озадачило, ибо я думалъ, что пріѣхалъ въ Парижъ, съ первою золотою медалью, не для начала ученья, а чтобы продолжать свои занятія гравированіемъ съ какой-нибудь знаменитой картины. Онъ началъ говорить даже о будущей своей наградѣ, говоря, что Бервикъ получилъ за Н. Уткина брилліантовый перстень.

По слабому знанію французскаго языка, я мало что могъ понять, но наше академическое ученіе, какъ ни было слабо, но очень помогло мнѣ потомъ на практикѣ. Старичекъ пригласилъ меня на другой день обѣдать, и тутъ я увидалъ его премилую молодую жену, только она, зная, вѣроятно, ревнивый характеръ мужа и слыша мой честный французскій выговоръ, мало говорила со мною. Тутъ сидѣла и его дочь, маленькаго роста, о которой онъ мнѣ потомъ сказалъ, что она умомъ слаба.

По окончаніи обѣда профессоръ проводилъ меня до моего дома, и видно было, что онъ радовался будущей своей добчѣ и чести, которая была ему оказана нашею академіею, поручившею ему своего пенсіонера. Продолжая разговаривать, онъ сказалъ, что учениковъ не имѣетъ, поэтому я буду заниматься возлѣ него въ его мастерской, и что онъ нашелъ мнѣ квартиру въ его домѣ въ аттикѣ, т. е. въ шестомъ этажѣ, куда я и переехалъ на слѣдующій день; подымаясь въ свое помѣщеніе, по

нескончаемымъ лѣстницамъ, я едва переводилъ духъ, пока, наконецъ, вошелъ въ маленькую комнату, гдѣ моя голова касалась потолка; плата за нее была 70 фр. въ годъ.

Швейцаръ или портъе, который есть главная личность каждаго дома во Франціи,—народъ самый честный и вѣрный; онъ утѣшалъ меня, что квартира спокойная и что его жена будетъ мнѣ прислуживать за два франка въ мѣсяцъ. Я молчалъ и удивлялся, осматривая мое новое жилище, и съ шумной улицы Дофина попалъ въ будку, гдѣ, кромѣ безмовныхъ черепитчатыхъ крышъ и неба, ничего не видать; но какъ новичекъ, притомъ не знавшій французскаго языка, я безмолвствовалъ и удивлялся, думая: „вотъ тебѣ и Парижъ, и мой неуспынный трудъ дома, чтобы попасть въ чужіе края, чтобы жить между небомъ и крышами!“ Затѣмъ купили мнѣ простой столъ, деревянную кровать и два соломенныхъ стула, принесли кувшинъ воды для мытья, стаканъ и графинъ.

Добрый старикъ швейцаръ съ улыбкою передалъ мнѣ ключъ отъ комнаты съ номеромъ, сказавъ, что, при уходѣ со двора, ключъ оставляется въ швейцарской и что слѣдуетъ замѣтить номеръ на ключѣ, и „когда по возвращеніи домой вы спросите номеръ, его вамъ тотчасъ вручатъ“; какъ припомню, мой номеръ былъ 72-й.

Довольно скучнымъ отправился я къ г. Тардье и сказалъ ему, что переѣхалъ,—это было въ пятницу; въ субботу-же, на другой день, онъ обѣщался идти со мною въ картинную галерею Лувра. Выйдя отъ него, я началъ отыскивать моего товарища Антона Казиміровича Олещинскаго; адресъ его былъ у меня, но мнѣ хотѣлось прежде представиться послу и вручить письма г. Тардье, а тотъ не далъ мнѣ времени одуматься, тотчасъ схватилъ меня какъ бѣдную муху, понавшую въ паутину и затѣмъ въ лапы паука.

Съ трудомъ отыскалъ я, наконецъ, моего сотоварища; онъ съ распростертыми объятіями принялъ меня, пошли разговоры на русскомъ языкѣ, и я до слезъ былъ обрадованъ, чувствуя себя какъ-бы въ Россіи, съ которою я разстался вотъ уже три мѣсяца. Пошли разговоры о старой счастливой жизни, дошли, наконецъ, и до профессора, къ которому я желалъ поступить. Я разсказалъ, что недавно былъ принятъ въ нашу академію

почетнымъ членомъ г. Тардье, въ которому меня отрекомендовали Оленинъ и Уткинъ, и что я былъ уже у Тардье; тутъ я разсказалъ мое посѣщеніе къ нему, что онъ желаетъ начать свое обученіе меня довольно обиднымъ для меня образомъ и уже помѣстилъ меня въ своемъ домѣ, таеъ сказать, въ свѣтелѣ.

Со смѣхомъ начинаетъ Олецинскій описывать мнѣ достоинства Тардье, что онъ граверъ отжившей уже старой школы, безъ учениковъ, и что мнѣ слѣдуетъ поступить къ лучшему нынѣшнему граверу Ришому. „Его ученики теперь считаются лучшими граверами и получаютъ римскія золотыя медали; вамъ слѣдуетъ тотчасъ отъ Тардье отказаться, продолжалъ г. Олецинскій, — одного боюсь, найдете-ли вы у Ришомы мѣсто въ его мастерской, она мала и у него шесть учениковъ“.

Наговорившись, онъ проводилъ меня до дома и, поднимаясь въ мою свѣтелку, дойдя только до половины лѣстницы, захыхался и не могъ идти далѣе. Простившись, я обѣщався быть у него рано утромъ, что и сдѣлалъ.

Тогда-же мы пошли къ г. Ришому; г. Олецинскій отрекомендовалъ меня и просилъ его принять меня въ свои ученики. Ришомъ былъ радъ, но боялся, что не найдется мѣста, и таеъ какъ его мастерская была возлѣ его комнаты, то мы и вошли въ нее, и онъ указалъ мнѣ мѣсто довольно дальнее отъ окна; я увидѣлъ, что на два окна у него работаетъ шесть учениковъ; Ришомъ согласился меня взять съ платою по 25 франковъ въ мѣсяць.

Теперь предстоялъ мнѣ ужасъ, какъ высказать г. Тардье перемену моихъ мыслей, что я перехожу къ г. Ришому, но Олецинскій совѣтывалъ быть смѣлымъ и сразу сказать, что я желаю поступить въ мастерскую, гдѣ имѣются ученики, чтобы, съ усовершенствованіемъ въ гравированіи, вмѣстѣ выучить и французскій языкъ.

Въ 11 час. утра я былъ у г. Тардье, и мы отправились, по сдѣланному условію, въ Лувръ. Онъ былъ очень веселъ и не ожидалъ приближающейся неприяности, которая его постигла, именно когда мы были на Pont Neuf; тогда я началъ описывать ему мои затрудненія въ незнаніи языка, и что мнѣ было-бы гораздо пріятнѣе находиться въ мастерской съ молодыми людьми, въ обществѣ которыхъ я могу скорѣе познакомиться со старою

и обычаями здѣшнихъ художниковъ. Мой старичекъ совершенно измѣнился.

— „Какъ, вы желаете поступить въ студию къ другому профессору?“

— „Да“, рѣшился я отвѣтить ему.

— „Къ кому-же?“

— „Къ г. Ришому“, былъ мой отвѣтъ.

— „Да, онъ хорошъ, только я не веду съ нимъ дружбы, такъ дѣлайте, какъ желаете“.

Всю дорогу и въ Луврѣ, несмотря на то, что я восхищался этимъ рѣдкимъ собраніемъ самыхъ замѣчательныхъ картинъ, онъ оставался молчаливымъ. По выходѣ изъ Лувра, я съ нимъ разстался.

Я желалъ всѣми мѣрами усовершенствоваться въ моемъ искусствѣ, ознакомиться со страной и изучить французскій народъ, что было-бы очень трудно, если-бы я водворился у г. Тардье въ полномъ одиночествѣ, гдѣ знакомился-бы только съ небомъ и крышами домовъ.

Разыскавъ, какъ я уже сказалъ, моего сотоварища по академіи г. Олещинскаго, который жилъ въ Парижѣ болѣе пяти лѣтъ, я продолжалъ съ нимъ видѣться. Я разстался съ нимъ въ академіи въ 1824 г., съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался совершенно парижаниномъ и былъ знакомъ со всѣми тайнами Парижа; его-то дружба очень скоро познакомила меня съ этимъ шумнымъ городомъ.

Въ своей мастерской г. Ришомъ занялъ меня копіею съ своего рисунка двухъ головъ, въ натуральную величину, портретовъ Рафаэля и Перуджино, и просилъ сдѣлать ихъ въ уменьшенномъ видѣ; по окончаніи-же головъ начать гравировать, говоря, что теперь зима, а потому въ Луврѣ для занятій, т. е. для рисованія, время почти невозможное, почему и совѣтовалъ, въ ожиданіи весенней погоды, начать ихъ гравировать.

Я согласился и началъ гравировать.

Теперь скажу два слова о мастерской. Это была маленькая комната и въ этой-то комнатѣ насъ, учениковъ, помѣщалось со мною, семь человѣкъ.

У оконъ висѣли спущенныя шторы, изъ коленкора, засаленныя, грязныя, немытыя, я думаю, лѣтъ пять. Весь полъ былъ покрытъ

на четверть аршина шелухою отъ жареныхъ каштановъ, ибо завтракъ учениковъ состоялъ большею частью изъ большого куска бѣлаго хлѣба и порядочнаго количества жареныхъ каштановъ; у другихъ-же учениковъ—изъ куска колбасы и чего-либо съѣдомаго, что сопровождалось всегда истребленіемъ огромнаго куска бѣлаго хлѣба, который въ Парижѣ превосходнаго достоинства; всѣ остатки, какъ-то шелуха отъ каштановъ, бумаги отъ сосисекъ, валялись у того стула, на которомъ кто сидѣлъ и завтракалъ, и этотъ, удрученный всякою нечистотою, полъ въ продолженіе цѣлаго года при мнѣ ни разу не выметался.

Вся учащаяся молодежь были добрые и веселые товарищи; между ними находился пенсіонеръ изъ Берлина г. Лидеритцъ, отличавшійся отъ всѣхъ достойнымъ своимъ талантомъ и образованіемъ. Ихъ болтовня скоро ознакомила меня съ французскимъ языкомъ.

Отъ ихъ шума и ходьбы, въ столь узкой комнатѣ, по временамъ приходилось сердиться; добрый Лидеритцъ познакомилъ меня съ характеромъ французовъ, которымъ нужно узнать слабую струну каждаго новичка, что именно его обижаетъ; узнавъ се, они радуются и не перестаютъ васъ мучить какимъ-нибудь словомъ, за которое вы сердитесь или которое васъ смѣшитъ. Такъ случилось и со мною. Они начали звать меня „казакъ“, что показалось мнѣ страннымъ и неумѣстнымъ; это они замѣтили, и съ чисто-дѣтскою радостью ежечашно начали звать меня „казакъ“.

Совѣтъ Лидеритца мнѣ помогъ, и я началъ вмѣстѣ съ ними смѣяться. Видя мое равнодушіе къ слову—„казакъ“ или Юрданъ, они оставили меня въ покоѣ. Тутъ попался имъ другой товарищъ, самый простосердечный молодой французъ; въ несчастію, онъ ничего не работалъ и затѣмъ вскорѣ, при мнѣ, умеръ. Онъ былъ крайне довѣрчивъ и вѣрилъ каждому слову, что и было французамъ по душѣ. Его товарищи, видя мерзкую осеннюю погоду, вѣтеръ, дождь и холодъ, и замѣтивъ, что онъ, любя праздность, приходилъ довольно поздно въ мастерскую, сговаривались какъ-бы его обмануть.

Случалось, что когда онъ входилъ, то другой, такой-же лѣнтяй, исчезалъ, затѣмъ, явившись обратно, подходилъ прямо къ легковѣрному и шепотомъ, на ухо, передавалъ ему, что онъ

видѣлъ его милую (bonne amie) въ саду, она гуляетъ около фонтана съ нерѣшительнымъ видомъ, какъ будто кого-то ожидаетъ. Тотъ измѣняется въ лицѣ, въ немъ рождается ревность, онъ тотчасъ оставляетъ мастерскую и черезъ часа полтора возвращается раздосадованный, весь промокшій и иззябшій; къ нему усердно всѣ подходятъ, узнаютъ причину его неудовольствія и начинаютъ утѣшать; узнавъ-же, что онъ съ часъ ходилъ около фонтана, не встрѣтивъ никого, пока весь не промокъ и не прозябъ, радуются, говоря, что она, вѣрно, сидитъ дома, а та, вѣрно, была другая. Между тѣмъ, его товарищи, скрываясь за работами, отъ души надъ нимъ смѣются.

Другая шутка была посерьознѣе. Имѣя подобнаго простосердечнаго молодого человѣка, зная его довѣрчивость и вмѣстѣ гордость (молодой человѣкъ также былъ граверъ и также лѣвша), товарищамъ хотѣлось позавтракать на его счетъ; думали, думали и выдумали слѣдующую продѣлку: между нашими товарищами былъ одинъ примѣрный лѣвша, но человѣкъ очень серьезный; его-то и подговорили сказать, что онъ далъ тому пощечину въ вечернихъ классахъ. Явившись въ мастерскую, всѣ въ одинъ голосъ твердятъ ему: „какъ, тебѣ дали оплеуху, какой неслыханный срамъ, какая обида товарищамъ!“ Онъ удивляется подобной неожиданной новости. Всѣ въ одинъ голосъ ему твердятъ: „ахъ, какой срамъ, спроси объясненія у виновника этого слуха“. Онъ спрашиваетъ, и тотъ прехладнокровно отвѣчаетъ: „развѣ вы не помните, какъ я вамъ далъ пощечину въ такомъ-то мѣстѣ“. Тотъ остолбенѣлъ, а товарищи говорятъ ему въ глаза:

— „Боже, какая обида, какой стыдъ, какой позоръ всѣмъ намъ, твоимъ товарищамъ!“

Наконецъ, г. Ле съ гордостью рѣшаетъ смыть это пятно и требовать удовлетворенія. Его противникъ соглашается, и тотчасъ рѣшено быть дуэли на пистолетахъ черезъ двѣ недѣли. Пистолеты были общаны, и мѣсто дуэли назначено за Люксембургскимъ садомъ. Несчастный, смущенный юноша, отнюдь не предполагавшій, что тутъ кроется невинная шутка, эти двѣ недѣли ходилъ какъ потерянный, исхудалъ, и дома въ немъ замѣчали перемену и не знали чему приписать ее. Наконецъ, насталъ этотъ знаменательный день. На дворѣ было холодно,

темно, и шелъ дождь; въ 8 часовъ утра всѣ собрались въ мастерскую, куда принесли, наконецъ, два старыхъ заржавленныхъ пистолета. Всѣ, закутавшись въ свои плащи и пальто, послѣдовали къ назначенному мѣсту, боялись одного, чтобы профессоръ не зашелъ въ классъ и, не заставши никого, могъ заподозрить какое-нибудь неожиданное происшествіе; боялись также, чтобы не повстрѣчаться съ нимъ (съ г. Ришомомъ) на улицѣ. Но ничего подобнаго, къ счастью, не случилось.

Прозябнувъ и измокнувъ до костей, пришли мы на избранное роковое мѣсто, занялись пистолетами и, стараясь прежде всего отвлечь вниманіе нашего героя, стали заряжать ихъ, такъ какъ зарядъ былъ пустой, безъ пули; затѣмъ, отсчитали шаги и довѣрчивому пришлось первому стрѣлять. Онъ очень старательно, намѣтивъ какъ можно вѣрнѣе, цѣлилъ въ грудь своего противника, выстрѣлилъ, а тотъ стоитъ неподвижно, стрѣлявшій же сдѣлался блѣдень, какъ полотно.

Противникъ ему говоритъ: „Теперь моя очередь стрѣлять“, и, видя, что онъ положилъ руку съ пистолетомъ къ груди, противникъ кричитъ ему: „Долой руку отъ груди, мнѣ твоя грудь нужна!“ Тотъ спустилъ руку. Противникъ, намѣтивъ дуло ему въ грудь, вдругъ поднимаетъ пистолетъ вверхъ и стрѣляетъ на воздухъ, говоря: „Дарую тебѣ жизнь“. Тотъ, не подозрѣвая, что все это была дурная шутка, бѣжитъ къ нему, обнимаетъ, цѣлуетъ и благодаритъ его за благородный поступокъ, а другіе ему шепчутъ: „Теперь надобно дать завтракъ“. Онъ съ радостію согласился. Явилось хорошее вино, устрицы, сыръ и т. п. Завтракъ былъ оживленъ весельемъ и разговорами; деньгами онъ запасся и шутникъ говорилъ бѣдному довѣрчивому юношѣ: „Твоя пуля чуть не попала мнѣ въ голову, она просвистала мимо ушей моихъ“. Онъ всему вѣрилъ и, когда нѣсколько лѣтъ спустя ему твердили, что то была шутка и что его товарищамъ хотѣлось позавтракать на его счетъ, онъ не вѣрилъ и говорилъ всѣмъ, что выдержалъ дуэль и былъ счастливъ, что остался живъ, благодаря великодушію своего противника, съ которымъ послѣ вѣчной ссоры былъ въ неразлучной дружбѣ.

Былъ у насъ третій сотоварищъ, талантливый г. Ланглоа—предобрый молодой французъ, искудалый. Онъ, во время работы, рассказывалъ намъ иной разъ о предыдущей ночи, какъ онъ

пробирался къ своей возлюбленной и, часто рискуя быть застигнутымъ ея родителями, которые спали возлѣ своей молодой дочери, онъ счастливо проводилъ почти всѣ ночи съ нею, не будучи никогда ими застигнутъ. Онъ съ особеннымъ французскимъ сладострастіемъ толковалъ о своихъ приключеніяхъ, говоря: „Вчера ночью старикъ долго кашлялъ“, или: „мать пугала насъ своими разговорами во снѣ, мы же не переставали быть счастливыми въ объятіяхъ другъ друга“. Эти свиданія совершались, главнымъ образомъ, съ помощью дочери. Какъ скоро старики засыпали, она отворяла дверь, зная время, когда ея возлюбленный придетъ, что и повторялось раза два, три въ недѣлю, по обоюдному ихъ согласію.

Иной разъ, видя, что Лонглоа присмирѣлъ, зайдешь, бывало, къ его работѣ и, о ужасы! ¹⁾... Мой другъ Лидеритцъ часто замѣчалъ, что французы талантливый, умный и добрый народъ, но большія и непростительныя с.....!

Лидеритцу, какъ пруссаку, которыхъ французы терпѣть не могли, товарищи дѣлали всякія волкости на счетъ наполеоновской войны съ Россією въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, когда русскіе оказывали всюду снисхожденіе Франціи, Пруссія-же, напротивъ, ихъ обижала и даже хотѣла низвергнуть Вандомскую колонну; но характеръ Лидеритца былъ такъ скромнень (что онъ отмалчивался), а его образованіе ставило ихъ весьма часто въ тупикъ, такъ какъ они были большія невѣжды во всемъ, что выходило изъ предѣловъ Франціи.

Затѣмъ, явился къ намъ пожилой человекъ М-г Воин, неуловимый болтунъ и патриотъ-самохвалъ, чѣмъ и смѣшилъ всѣхъ, даже французовъ. Товарищи узнали, что въ его домѣ и семействѣ имѣется сестра, ради которой отецъ запретилъ ему приносить рисунки съ обнаженною грудью... Вслѣдствіе сего, рисуя съ натуры, онъ оставлялъ причинное мѣсто пустымъ, чрезъ что рисунокъ съ натуры казался смѣшнымъ, и это веселило не только насъ, но и самого профессора. Воин носилъ толстое, желтаго цвѣта пальто, ибо зима 1829 года была холодная. Шинелей у учениковъ я не видалъ, и, по окончаніи занятій, они, обыкновенно, пѣшкомъ шли по домамъ, особенно м-г Воин. Передъ

¹⁾ Тутъ мы пропускаемъ строку.

озончаніемъ классовъ, по сдѣланному уговору, иной разъ кто-нибудь становился возлѣ Воин, смотрѣлъ его работу, заинтересовывалъ его разговоромъ, а другіе въ то же время, изподтишка, рисовали на толстомъ сюртукѣ его, на спинѣ, что-то nepозво-лительное съ крыльями и круглою головою. Когда чертежъ бывалъ конченъ, прекращался и разговоръ, и ш-г Воин, простившись съ нами, чувствуя холодъ, бѣжалъ опрометью домой.

Какъ только что онъ уходилъ, начинался общій хохотъ, при мысли о томъ, что станетъ съ нимъ, когда его сестра или отецъ увидятъ на его спинѣ подобнаго пѣтуха. На другой день, придя въ мастерскую, онъ ругалъ своихъ товарищей наповаль, рассказывая, какъ его сестра-дѣвица съ ужасомъ увидала это срамное изображеніе. Всѣмъ подобнымъ продѣлкамъ былъ затѣйникомъ всегда Ланглоа, вполне добрый и умный малый.

Былъ между нами вздорный, вѣчно недовольный и завистливый М-г Geil, всѣми нелюбимый, старавшійся заслужить особенное вниманіе г. Ришомъ, но онъ его не жаловалъ. По окончаніи своего ученья, онъ вскорѣ умеръ.

Какъ ни старался я сойтись со своими новыми товарищами и друзьями, но видѣлъ съ ихъ стороны какую-то холодность и недовѣрчивость, о чемъ я и замѣтилъ моему другу Олещинскому. Тотъ мнѣ сообщилъ, что во Франціи, въ мастерскихъ профессоровъ, имѣется обычай, что всякій вновь поступающій ученикъ обязанъ угостить своихъ товарищей. Я былъ безъ денегъ и ожидалъ своей пенсіи. Какъ скоро она пришла, я назначилъ имъ день и при самыхъ скромныхъ издержкахъ они позавтракали устрицами съ виномъ, сыромъ и кофеемъ. По окончаніи моего угощенія они объявили мнѣ, что я теперь вполне ихъ сотоварищъ. Меня удивило, что такая бездѣлица, которую по незнанію я могъ забыть, могла лишить меня дружбы столь пріятныхъ, дѣтски - простодушныхъ людей, какихъ я увидалъ въ французяхъ.

Занятія мои, не смотря на шумъ и болтовню въ мастерской, возбуждавшую часто во мнѣ досаду, шли своимъ порядкомъ. Рисунокъ, въ уменьшенномъ видѣ, портретъ Рафаэля съ Перуджино, я кончилъ, и г. Ришомъ остался доволенъ; тогда я обзавелся мѣдною доскою и началъ гравировать.

Метода профессоровъ-французовъ прескучная. Они вамъ го-

ворять: „дѣлайте по своимъ чувствамъ“, а когда кончишь работу, дѣлають такія затрудненія, что отъ ихъ толковъ и поправокъ въ расположеніи штриховъ выходитъ, наконецъ, чисто механическая работа; на счетъ этого, въ бытность мою въ Лондонѣ, у Раймбаха, объ этой странности французской школы много было толковъ и критики.

Г. Ришомъ отличался въ этомъ. Чистота его работы и правильность его штриховъ были изумительны. Мнѣ же его метода была досадна, зная, что я столько уже работалъ и вступилъ въ мастерскую скорѣе для совѣтовъ, но отнюдь не для рабской подражательности своему профессору. На себѣ я угадалъ причину тактики моего профессора Уткина; онъ, въ свое время, какъ пенсионеръ, долженъ былъ также поступить къ французу, ученому наставнику, и не смотря на приказанія нашего Совѣта, пробылъ нѣсколько недѣль въ мастерской у Бервика и, видя, что съ нимъ поступаютъ какъ съ простымъ ученикомъ, и, не желая видѣть всѣ шалости молодыхъ французовъ, онъ удалялся въ свою комнату и спускался разъ въ недѣлю къ Бервику, работая совершенно другимъ манеромъ въ сравненіи съ профессоромъ.

У Ришомы было иначе: онъ, бывало, измучаетъ васъ въ пустомъ дѣлѣ расположенія штриховъ, что видѣлъ я, какъ надъ собою, такъ и надъ г. Лидеритцомъ. Кромѣ дневныхъ занятій у Ришомы, я вступилъ, по приѣздѣ, въ частную академію рисованія, которую содержалъ прекрасной наружности и стана M-g Boudin, бывший прежде самъ натурщикомъ, и мнѣ приходилось съ него рисовать.

Каждый понедѣльникъ ученики Ришомы обязаны были показывать ему рисунки прошедшей недѣли; для сего протягивалась веревка, на ней висѣли рисунки, и онъ каждому дѣлалъ свои замѣчанія. Въ рисовальныхъ классахъ былъ слѣдующій порядокъ: плата въ мѣсяць была пять франковъ; три недѣли стояла мужская модель, четвертая недѣля была женская. Каждую недѣлю, въ субботу, когда рисунки были кончены, m-g Boudin спрашивалъ рисовальщиковъ, кого желаютъ они имѣть моделью на будущую недѣлю, и послѣ многихъ споровъ рѣшали. Собравшись въ понедѣльникъ вечеромъ, одинъ изъ рисовальщиковъ, по очереди, ставитъ модель при запертыхъ дверяхъ, между тѣмъ

другіе рисовальщики находятся въ особой комнатѣ. Какъ скоро поставлена модель, двери отворяются и всѣ идутъ занимать свои мѣста.хлопоты были когда наступала четвертая недѣля для женской модели: тутъ всякій изъ рисовальщиковъ рекомендовалъ свою; ованчивалось одною, которая уже всѣмъ извѣстна.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось рисовать съ очень хорошей женской модели, хорошо сложенной, но некрасивой собою; она носила названіе „Tête du cheval“, и точно—длинная ея голова походила на лошадиную.

Не могу забыть случая, когда къ намъ явилась молодая дѣвушка съ матерью, желая позировать на слѣдующую недѣлю. Мать просила, чтобы молодежь держала себя благопристойно, такъ какъ ея дочь никогда нагою не позировала. У французовъ, какъ я замѣтилъ, если рѣшился дѣло дѣлать, такъ дѣлай. Г-нъ Boudin объяснилъ ей:

— „Если вы желаете работать и деньги получать, то надобно позировать; я могу только предупредить молодыхъ людей быть сдержанными, но приказывать не могу“.

Французы тряслись, можно сказать, отъ восхищенія, когда Boudin просилъ дѣвушку раздѣться и показаться. Она долго мѣшкала и не рѣшалась; а хозяинъ класса понуждалъ ее, говоря: „не заставляйте молодыхъ людей терять время“. Помаленьку она начала снимать съ себя платье. Молодежь, смотря на нее, дрожала отъ восхищенія. Наконецъ, дошло до сорочки, тутъ она должна была встать и сбросить ее съ себя, чтобы можно было видѣть ея тѣлосложеніе. Долго она не рѣшалась, наконецъ, разомъ спустила и, повернувшись задомъ и передомъ, тотчасъ бросилась накидывать и одѣвать свое бѣлье. Молодежь въ одинъ голосъ закричала: „Une semaine, une semaine!“ Въ слѣдующій понедѣльникъ она явилась. Французы всѣ вѣв себя. Повторилась та же исторія, какъ въ субботу вечеромъ. Ей дали скромную позу. Отъ непривычки позировать, когда слѣдуетъ стоять въ одной позѣ цѣлый часъ, съ нею сдѣлалось дурно, что дало еще случай восхищаться. Затѣмъ вся недѣля прошла почти потерянно: французы съ нею болтали, она не обращала вниманія на то, что другіе просятъ, чтобы она позировала, какъ слѣдуетъ, но затѣмъ стала съ каждымъ вечеромъ смѣлѣе и нахальнѣе, даже, когда въ слѣдующій понедѣльникъ стояла

мужская модель, она явилась, не стыдась ея наготы, и сѣла возлѣ французовъ, шумѣла и смѣялась. Mieur Boudin былъ принужденъ удалить ее изъ классовъ. Затѣмъ слышали, что она совершенно растерялась въ своемъ поведеніи, что очень легко бываетъ съ дѣвушкою, которая рѣшится быть моделью. За недѣлю она страшилась показать свою наготу, но, показавши, чрезъ недѣлю дѣлается проституткою.

Любопытно было видѣть въ этой частной вечерней академіи рисованія, между художниками, большую часть мастеровыхъ. Разъ возлѣ меня сидѣлъ печникъ, весьма чисто одѣтый, съ хорошими манерами, и, когда я его спросилъ: „неужели вы имѣете время заниматься рисованіемъ?“ онъ отвѣчалъ, что всѣ почти мастеровые въ Парижѣ занимаются рисованіемъ, болѣею частью только зимою, „лѣтомъ же мы заняты своимъ мастерствомъ, и рисунокъ намъ очень полезенъ, онъ развиваетъ намъ вкусъ, наше дѣло отъ этого выигрываетъ, и по этой причинѣ французы-мастеровыхъ предпочитаютъ мастеровымъ другихъ странъ“.

Впослѣдствіи я увидалъ, что это замѣчаніе было совершенно справедливо. Всѣ мосты и углы улицъ Парижа переполнены продавцами всякаго рода бездѣлушекъ, которыя всѣ сдѣланы со вкусомъ: будь это ящичекъ или копеечная галантерейная вещьца, разсматриваешь ихъ съ удовольствіемъ и всякій разъ вещьца вовсе ненужная манитъ васъ приобрѣсть ее, по причинѣ ея вкуса и дешевизны. Эта дешевизна бываетъ часто хуже дорогизны, такъ эти вещьчки хрупки; прежде чѣмъ съ ними придешь домой, онѣ уже сломались. И много терялъ я времени на эти покупки и прогулки по вечерамъ по улицамъ Парижа; всего чаще заходилъ въ Пале-Рояль, чтобы видѣть гулявшихъ тѣсною массою французовъ и людей всѣхъ странъ свѣта.

Между гулявшими и среди богатства магазиновъ меня поразила одна личность съ благородными чертами лица и гордою походкою, но весь въ лохмотьяхъ; его шаги были едва слышны, ибо сапоги не имѣли подошвы, по крайней мѣрѣ бока ихъ были изорваны. Публика относилась къ нему съ какимъ-то почтеніемъ, никто изъ встрѣчавшихся даже не улыбался. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, ни съ кѣмъ не раскланивался и представлялъ собою какую-то тайну. Одни говорили мнѣ, что это былъ игрокъ, потерявшій все свое состояніе въ рулетку, и что онъ

гулялъ въ это время въ Пале-Рояль, желая показать до какой бѣдности можетъ довести позорная игра въ рулетку; вслѣдствіе чего онъ поставилъ объѣтомъ въ лучшую пору дня показывать избранной публикѣ несчастное свое положеніе. Милостыни онъ не просилъ; изъ дырвевъ его сюртука выглядывала чистая сорочка. Онъ завтракалъ и обѣдалъ въ ресторанахъ очень прилично, что и давало поводъ къ другому предположенію. Многіе говорили, что онъ сдѣлалъ спекуляцію изъ своего капитала, отдавъ его на извѣстные годы съ полученіемъ, на прожитіе, большихъ процентовъ; по прошествіи же извѣстныхъ лѣтъ, капиталъ остается собственностью банкира. Въ расчетахъ жизни своей онъ ошибся; на старости же лѣтъ, послѣ расточительной жизни, потерявъ свой капиталъ, онъ сталъ бѣднякомъ, даже нищимъ.—Эти рассказы передаю, какъ слышалъ, за истину ихъ не ручаюсь.

Обѣдалъ я въ обществѣ Лидеритца, его брата и другихъ иностранцевъ на улицѣ St. Honoré, у м-мъ Chaillot, близъ улицы l'Arbre sec; прислуживала намъ m-lle Justine, которая звала насъ по номеру салфетки; г. Лидеритцъ званъ былъ № 16, а я № 28-й, что часто смѣшило насъ. За 25 су мы имѣли супъ, три блюда, десертъ, $\frac{1}{4}$ бут. вина, а хлѣба—сколько душѣ угодно. Всѣ кушанья были вкусны, и на видъ мясное было очень обманчиво. Спросишь, бывало, бифштексъ съ щавелью, приносятъ чудный кусокъ, думаешь большой, перевернешъ и видишь снизу впадину, наверху-же выпуклость, и найдешь, что это не бифштексъ, а тоненькая пластинка жаренаго мяса. Бывало ихъ заказываешь по три, одинъ за другимъ, а все голоденъ; утоляешь свой аппетитъ бѣлымъ хлѣбомъ, коего достоинство выше всякой похвалы. Странное дѣйствіе имѣлъ на меня французскій обѣдъ: встаешь изъ-за стола и кажется, что сытъ, но, пройдя сто шаговъ, чувствуешь совершившееся уже пищевареніе, ищешь для сего имѣющіеся возлѣ ресторановъ роскошные закрытые кабинеты; у каждаго изъ нихъ, въ предверіи, сидитъ почтенная дама, которая, зная вашу неотъемлемую нужду, идетъ съ ключемъ въ комнату, гдѣ все чисто, и утѣшаетъ васъ словами: „все необходимое вы здѣсь найдете!“ Выходя, вы ей платите три су, она-же продолжаетъ шить воротники или нарукавники; выйдя изъ этого тайнаго кабинета, вновь чувствуешь голодъ, ибо обѣдъ былъ

такъ обманчивъ, что, хотя онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ съ гарниромъ, близкій голодъ слѣдитъ за вами, и шатаешься по грязнымъ улицамъ Парижа, такъ какъ водосточныхъ трубъ тогда еще не было. Бывало, воротиться домой весь въ грязи и не знаешь, гдѣ и какъ могло это случиться. Причина-же та, что, гуляя по улицамъ, любопытствуешь интересными выставками магазиновъ, отъ нихъ-же не вдалькѣ собраны кучи всякой нечистоты и въ нихъ-то и попадаетъ ваша нога. Кромѣ того, на улицахъ идутъ разныя представленія фокусниковъ и другихъ развлеченій для народа, гдѣ всякій среди смѣха жертвуетъ своею желкою монетою. Бывало, видишь массу народа, а на тумбочкѣ стоитъ человѣкъ, болтающій безъ всякой цѣли и безъ усталости какой-нибудь вздоръ и, наболтавшись вдоволь, съ простосердечіемъ объявляетъ, что болтовня есть его мастерство, что ею онъ содержитъ себя, что онъ съ утра ничего не ѣлъ, и проситъ у каждаго хотя малосильной помощи, и добрые французы и иностранцы бросаютъ ему мелкую монету. Поблагодаривъ, онъ отправляется въ другую улицу, тамъ вновь повторяетъ то-же самое, и тѣмъ поддерживаетъ свое существованіе.

Иной разъ видишь, лежитъ человѣкъ среди улицы, и вокругъ него собралась бездна любопытствующихъ, всѣ спрашиваютъ: „что такое случилось?“—отвѣчаютъ, что съ нимъ сдѣлался припадокъ. Тотчасъ ищутъ доктора, въ Парижѣ ихъ на каждомъ шагу довольно; докторъ немедленно является, осматриваетъ больного, требуетъ стаканъ холодной воды, затѣмъ больной что-то шепчетъ доктору на ухо. Докторъ снимаетъ съю шляпу, кладетъ въ нее мелкую монету и говоритъ присутствующимъ:

— „Господа, больной съ утра ничего не ѣлъ, дайте бѣдному посильную помощь“, и летятъ въ шляпу доктора со всѣхъ сторонъ пятаки, копейки, которые онъ и отдаетъ мнимобольному. Затѣмъ „больной“ отправляется въ другую улицу и повторяетъ тотъ-же фокусъ.

Бывало, видишь издали человѣка съ огромнымъ чупомъ волосъ и, подойдя, находишь экипажъ, обставленный весь помадными банками, а продавецъ ораторствуетъ, что его помада имѣетъ удивительное достоинство, что у него въ одну ночь выросли подобные волосы, и народъ съ какою-то наивною добротою, съ улыбкою, покупаетъ у него. Сидимъ, бывало, въ мастерской,

слышимъ отчаянное, но самоувѣренное пѣніе во дворѣ какого-нибудь пѣвца или отчаянную шарманку. Наши товарищи французы первые даютъ поводъ оказать имъ помощь, для чего они дѣлаютъ изъ бумаги фунтикъ, въ который и собирается съ каждаго мелкая монета, затѣмъ фунтикъ свертывается и бросается внизъ съ осторожностью; дѣлая это, они не судятъ, а философствуютъ, что всякій трудъ, всякая бѣдность требуютъ помощи.

Конечно, для сего нуженъ Парижъ, гдѣ французъ своему труду и своей изобрѣтательности находитъ поощреніе отъ тысячи богатыхъ иностранцевъ, изъ коихъ всѣ проживаютъ въ немъ большею частью для своего удовольствія. И эти иностранныя богатства наполняютъ всѣ атомы Парижа; эта-то доброта, веселость и трудъ француза привлекаютъ народъ со всѣхъ странъ свѣта, и нѣтъ образованнаго человѣка, который не свезъ-бы свою малую лепту въ Парижъ, гдѣ днемъ онъ восхищается богатыми собраніями, замѣчаетъ и учится и, пробывъ весь день въ трудѣ, вечеромъ развлекаетъ себя сценами на улицахъ или каламбурами веселаго француза; этихъ иностранцевъ не сосчитатъ во Франціи, какъ и повсюду, исключая Россіи и Англіи (эти страны къ иностранцамъ вообще хладнокровны), въ Англіи по ихъ богатству и гордости національнаго характера, въ Россіи потому, что каждаго иностранца считаютъ спекуляторомъ, который на свои 100 руб. пріѣхалъ нажить 1000 р., а можетъ и болѣе. Зато въ Парижѣ иностранецъ, чѣмъ болѣе тратитъ, тѣмъ болѣе его величаютъ, и вотъ слабоумный, особенно непрактичный человѣкъ, окруженный милымъ женскимъ поломъ и словоохотливыми французами, которые весьма часто превозносятъ глупаго гостя до небесъ, съ вскруженною отъ мнимыхъ похвалъ головою, выбрасываетъ изъ кармана послѣднюю копейку, что и случилось мнѣ видѣть въ лицѣ пріѣхавшаго, въ мое время, въ Парижъ нашего богача Яковлева. Его пріѣздъ былъ ожидаемъ въ Парижѣ и газеты говорили, что ѣдетъ въ Парижъ князь Яковлевъ. Онъ пріѣхалъ и помѣстился, какъ слѣдуетъ, а когда онъ отказалъ явившейся безднѣ разной прислуги, а взялъ только тѣхъ, которые ему были необходимы, то его начали звать графомъ; но, видя, что и графское званіе не льститъ богачу дѣлать писаніе издержекъ (выставлять большіе счета), его начали звать своимъ именемъ M-ieur Яковлевъ.

VIII.

Любопытно мнѣ было видѣть, можно сказать въ послѣдній разъ, французскаго короля Карла X-го. Я имѣлъ счастье увидѣть его въ 1830 году, во время процессіи *Cogrus Domini*. Онъ мнѣ показался худенькимъ старичкомъ, съ длиннымъ носомъ Бурбоновъ, въ синемъ мундирѣ и со свѣчею въ рукахъ. День былъ палачій, солнце жгло и блестящіе его лучи едва позволяли смотрѣть на предметы открытымъ глазомъ.

Итакъ, весна была въ полной силѣ. Я рѣшился начать рисунокъ въ картинной галлерей Лувра; для сего г. Ришомъ просилъ меня сдѣлать нѣсколько набросковъ тѣхъ картинъ, которыя мнѣ понравятся. Хотя я ихъ сдѣлалъ, но, наконецъ, самъ рѣшилъ остановиться на картинѣ Рафаэля „Лоретская Божья Матерь съ просыпающимся младенцемъ“. Ришомъ похвалилъ мой выборъ, и я употребилъ на этотъ рисунокъ, отъ начала до полного окончанія его, около двухъ мѣсяцевъ. Когда я рисовалъ съ картины, многіе изъ посѣтителей и художниковъ дѣлали мнѣ свои замѣчанія, что это не есть оригиналъ Рафаэля. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось быть въ Лорето и увидѣть предполагаемый оригиналъ, то мнѣ показалось гораздо правдоподобнѣе, что парижская картина есть произведение Рафаэля, нежели та, которая находится въ Лорето, тѣмъ болѣе, (что) въ обоихъ картинахъ имѣются измѣненія.

Время, проведенное въ Луврѣ за рисованіемъ съ Рафаэля, было для меня самое полезное и пріятное; я могъ ознакомиться съ богатствомъ оригиналовъ великихъ мастеровъ Италіи, Голландіи, Германіи и Франціи, которые представлены здѣсь въ лучшихъ образцахъ своихъ работъ.

Множество художниковъ, можно сказать, всѣхъ странъ заняты изученіемъ этихъ рѣдкихъ оригиналовъ. Избранная публика, гости и художники по временамъ развлекаютъ васъ и своими умными замѣчаніями радуютъ и рождаютъ въ васъ болѣе любви къ занятіямъ, которыя безъ посторонняго взгляда и сужденія весьма часто охлаждають чувства художника.

Пользовался я весьма часто совѣтами нашего соотечественника, извѣстнаго въ Парижѣ и любимаго ученика Жерарда,

г. Штейбенъ (впослѣдствіи баронъ,—живописецъ). Онъ съ малыхъ лѣтъ поселился въ Парижѣ и тамъ приобрѣлъ своимъ трудолюбіемъ и талантомъ уваженіе французскихъ художниковъ и совершенно сроднился съ Франціею. Онъ мнѣ далъ вѣрное понятіе о Парижѣ, говоря, что истые ученые и художники, живущіе въ латинскомъ кварталѣ, едва когда-либо перешагаютъ Pont-neuf, ибо за этимъ мостомъ начинается веселый Парижъ, который мало извѣстенъ труженникамъ латинскаго квартала. Въ этомъ кварталѣ живутъ всѣ профессора, тутъ всѣ ихъ огромныя мастерскія съ учениками, которые съѣзжаются со всѣхъ странъ свѣта и даютъ или приносятъ имъ, профессорамъ, большія средства за ихъ преподаваніе; каждый ученикъ платитъ по 300 франковъ, и у иныхъ профессоровъ ихъ имѣется свыше ста.

Съ каждою мастерскою связано много исторій, разныхъ шутокъ, какъ, напримѣръ: ученики, видя полицію, гуляющую по близости ихъ, начинаютъ кричать, отчаянно звать на помощь. Полиція входитъ въ мастерскую, находитъ что-то покрытое полотномъ съ красными пятнами, изъ-подъ полотна торчатъ волоса, осторожно приближается полиція къ этому предмету, осторожно вскрываетъ его и находитъ, къ общему смѣху учениковъ, лежащій манекенъ или куклу въ ростъ человѣка, которая служитъ художникамъ для набрасыванія драпировокъ.

Въ мое время, императоръ Николай Павловичъ не любилъ чужихъ краевъ, особенно Франціи, поэтому русскіе художники всѣ жили и занимались въ Италіи. Въ Парижѣ, кромѣ Олещинскаго, я встрѣтилъ Алекс. Андреевича Тона; онъ занимался изученіемъ литографіи, получая отъ правительства хорошее содержаніе, и жилъ сибаритомъ въ хорошей части города, около Вандомской площади, занимался съ какою-то деликатностью и въ манерахъ имѣлъ какую-то женственность, вѣчно вздыхалъ и вѣчно былъ боленъ. Въ мое время онъ готовился къ отъѣзду. Его изученіе литографіи ни къ чему не послужило. Правительство даромъ передавало ему много денегъ безъ всякой, кому-либо, отъ сего пользы. Возвратившись домой, Тонъ прежде всего опять занялся архитектурою, которой обучался, будучи ученикомъ академіи, и занялъ, благодаря сильной протекціи своего брата, Константина Андреевича Тона, мѣсто профессора, ничего не дѣлалъ и отли-

чался изысканіемъ у себя всѣхъ родовъ болѣзни, которые, наконецъ, и покончили съ нимъ и свели его въ гробъ.

Мнѣ нравились добрыя качества французовъ, ихъ откровенность въ совѣтахъ. Они совѣтывали избѣгать ихъ игорныхъ домовъ, игры въ рулетку и не имѣть сообщенія съ публичными женщинами, но завестись милымъ другомъ (*bonne amie*). Что касается игорныхъ домовъ, то я, имѣя во главѣ друга моего Лидеритца, въ компаніи съ другими иностранцами, съ которыми мы обѣдали вмѣстѣ почти ежедневно, согласились составить кассу, въ которую каждый далъ бы по пяти франковъ. Насъ собралось до шести человекъ и мы отправились въ одно воскресенье въ игорный домъ въ Пале-Рояль. Игорные дома отличались тѣмъ, что на входныхъ дверяхъ виденъ былъ номеръ, какъ-будто, въ красномъ фонарикѣ, и ихъ было, кажется, числомъ три. Мы вошли, какъ мнѣ помнится, въ двери № 105. Войдя въ корридоръ, приходилось подняться по двумъ лѣстницамъ во второй этажъ; тутъ учтиво снимали съ васъ верхнее платье; вы входили и видѣли двѣ комнаты, довольно тускло освѣщенныя. Въ обѣихъ комнатахъ красовались длинныя столы, покрытыя зеленымъ сукномъ, и на сукнѣ разныя подраздѣленія съ надписью, какъ-то: четъ, нечетъ, бѣлый, красный и т. д. Столы были окружены сидѣвшими и стоявшими за ними игроками. Никто изъ нихъ вниманія не обращалъ на вновь пришедшихъ, всѣ были заняты тѣмъ, когда упадетъ вертящійся шарикъ въ маленькое углубленіе или блузу; когда шарикъ зацѣплялся въ одно изъ углубленій, тогда банкومترъ объявлялъ и номеръ и цвѣтъ того углубленія и тотчасъ лопаточкою, на длинной ручкѣ, забиралъ деньги потерявшихъ и платилъ выигравшимъ, сосчитавъ прежде ихъ ставку.

Тутъ одинъ изъ нашей компаніи, которому были вручены наши тридцать франковъ, началъ ставить и играть. Не прошло и десяти минутъ, какъ наши тридцать франковъ были проиграны. Мертвая тишина царствуетъ въ сей юдоли рѣдкой радости и неисчислимыхъ несчастій. Прохаживаясь то въ одну, то въ другую комнату, я смотрѣлъ и думалъ: „вотъ здѣсь находится видимая скала столькихъ несчастій, гдѣ столько состояній, столько надеждъ семейнаго счастья разбились объ утесы этой скалы, и всѣ, всѣ эти бѣдствія исчезли бы, если бы жадность и порокъ фран-

цузскаго правительства могли бы запретить существованіе подобныхъ труппъ, дѣлающихъ позоръ просвѣщенной націи!“

Вѣчная благодарность достанется на долю французскаго короля, Людовика Филиппа, который нашелъ средства замѣнить въ государственномъ бюджетѣ шесть милліоновъ франковъ, которые платились игорными домами, и тѣмъ далъ спокойствіе семейнымъ людямъ во Франціи и главамъ семействъ иностранныхъ гостей, которые, вмѣсто радости, съ плачемъ возвращались къ семейному очагу.

Что же касается совѣта достать себѣ милаго друга въ городѣ Парижѣ... (то среди этой націи, преданной любви,) въ подобномъ сообществѣ продажной любви я не могъ оставаться хладнокровнымъ; даже мой другъ Олещинскій началъ мнѣ замѣчать и твердить, что безъ „милаго друга“ въ Парижѣ совѣстно жить. Издержки же на „милаго друга“, по его словамъ, самыя ничтожныя: ей нужно покупать по временамъ перчатки и башмаки, въ которыхъ по воскресеньямъ вы дѣлаете ей удовольствіе съ нею погулять; вечеромъ же ведете ее потанцевать и платите за входъ въ извѣстныя въ Парижѣ, за бульварами, танцевальныя классы, называемыя „à la Ghingastes“, гдѣ находите полный разгулъ молодежи, работавшей всю недѣлю; въ воскресенье же вечеромъ отправляются съ своими „милыми друзьями“ въ танцелассъ и тамъ танцуютъ до упада, до самаго ранняго утра. Тутъ и студентъ-юристъ, и сапожникъ, и художникъ, богачъ и бѣдный, всѣ равны, и, Боже избави, если бы кто-нибудь сталъ претендовать на свое происхожденіе или на свое родство. Здѣсь всѣ равны, какъ я сказалъ, такъ какъ всѣ носятъ человѣчскій видъ. Тутъ вы должны угостить своего „друга“ кофеемъ или пивомъ. Вотъ и всѣ ваши съ ней издержки. Она же, вашъ другъ, хлопочетъ о вашемъ здоровьѣ, васъ обшиваетъ и сама себя содержитъ и кормитъ; только воскреснымъ днемъ слѣдуетъ ей жертвовать. Въ итогѣ часто выходитъ, что молодежь, привыкши къ нимъ, къ прискорбію своихъ родителей, на нихъ женится, что случилось впоследствии и съ моимъ другомъ Олещинскимъ; будучи вполне образованнымъ человѣкомъ и имѣя хорошее знакомство, онъ сочетался изъ того же источника съ самою простою необразованною француженкою, что было видно съ первыхъ же словъ, и, любя деньги, она сама носила дрова и колола ихъ.

Разсуждалъ я объ этомъ теплою дѣлѣ съ Олещинскимъ, такъ какъ предполагалъ долго жить въ Парижѣ, и онъ обѣщался познакомить меня съ одною M-elle Rosalie; посѣщая его, какъ новичокъ Парижа, я зашелъ къ нему въ одно воскресенье и вижу у него статную высокаго роста M-elle Rosalie и, по дурной своей привычкѣ, хотѣлъ помять у ней верхнюю часть руки; она испугалась и просила ее не трогать.

И точно не слѣдовало трогать, ибо рука казалась кругленькая и мясистая, но, тронувъ, почувствовалъ подъ матерію что-то хрупкое; оказалось, что рука была подправлена писчею бумагою, и на тронутомъ мѣстѣ оказалась сильная впадина, которую она, пожавъ, и выдвинула впередъ. Рука вновь приняла свой кругленькій прежній видъ. Знала она дѣль моего прихода и желаніе познакомиться, а потому M-elle Rosalie (она лицомъ была очень невзрачна) порѣшила со мною того же вечера имѣть rendez-vous на моей квартирѣ.

Даже Федоръ Ивановичъ съ его добродушнымъ юморомъ рассказываетъ о случаѣ, ознаменовавшемъ это единственное для него rendez-vous, и заканчиваетъ свой веселый, во вкусѣ Поль-де-Кока, рассказъ словами:

..... Тѣмъ и кончилась моя любовь въ Парижѣ.

Окончивъ свой рисунокъ въ Луврѣ, я приступилъ къ гравированію, но механическая школа г. Ришона, который изъ свободнаго художества дѣлалъ гравированіе мастерствомъ, къ которому я не могъ привыкнуть, шумъ и болтовня не переставали злить меня; на счетъ этого, г. Ришомъ, видя мое неудовольствіе, замѣтилъ мнѣ, что его „земляки—молодые люди безъ этого не могутъ жить и, когда пройдетъ ихъ ученье, они дѣлаются самыми прилежными тружениками, и что вы не найдете ни одной мастерской, гдѣ бы ученики не шумѣли и не рѣзались, ибо мы говоримъ, что молодымъ дважды не быть“.

Около этого времени мы потеряли одного товарища, юнго молодой докторъ, другъ его, какъ-то залѣчилъ. Намъ пригласили на похороны; мы отправились въ церковь, и, когда у гроба началась панихида, его товарищи, особенно Ланглоа, смѣялись почти вслухъ надъ священниками; какъ вдругъ,

неожиданно, старшій священникъ, обернувшись къ нимъ, учтивымъ тономъ говоритъ: „Господа, если вы не уважаете святость церкви Господней, то уважьте память покойнаго вашего сотоварища, которому вы пришли отдать послѣдній долгъ“.

Эти слова поразили ихъ какъ громомъ; куда дѣвались смѣшки и веселость, они стояли и поглядывали другъ на друга. Затѣмъ мы пошли за гробомъ и бросили послѣднюю дань смертному—горсть земли, съ мыслию: „почій до общаго утра“.

Дорогою я замѣчалъ, что г. Ришомъ, несмотря на примѣрное свое стараніе (къ работѣ), присоединился къ намъ и проводилъ своего ученика до самой могилы. Онъ, г. Ришомъ, не переставалъ толковать съ презрѣніемъ и насмѣшками на счетъ глупаго правленія Карла X-го. Кромѣ того, я замѣчалъ, что наши товарищи французы за работою тихо напѣвали какую-то пѣснь, и уже послѣ узналъ, что это была знаменитая республиканская пѣснь „Марсельеза“. Напѣвая, они сдерживались, боясь, что ее услышитъ г. Ришомъ. Она была строго запрещена.

Я забылъ сказать о моемъ главномъ знакомцѣ, 70-ти лѣтнемъ старикѣ г. Лорье. Онъ былъ близкій родственникъ нашего извѣстнаго профестора гравированія Клаубера. Сестра г. Лорье была женою Клаубера и мой профессоръ Уткинъ, уѣзжая въ Парижъ, имѣлъ письмо къ г. Лорье и заслужилъ вполнѣ его дружбу. У старичка Лорье была премилая старушка жена, которая отзывалась объ Уткинѣ, какъ о своемъ сынѣ. Мужъ былъ вѣкогда слабый, безталанный граверъ, жена-же, его занималась раскрашиваніемъ дешевыхъ гравюръ. У старика были кое-какія деньги; жена своимъ трудомъ также приобрѣтала. Ихъ бесѣда была весьма любопытна, такъ какъ г. Лорье былъ живымъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ первой республики, видалъ Робеспьера, Дантона и другихъ фанатиковъ кроваваго деспотизма, подъ названіемъ равенства, свободы и братства. Его рассказы, какъ очевидца, производили на меня ужасъ. Онъ пророчествовалъ, что дѣло Бурбоновъ будетъ имѣть плохой исходъ, что затѣмъ и осуществилось.

IX.

Работая въ мастерской, ученики въ послѣднее время собирались, бывало, въ кучи, работа оставалась праздною, и шли толки о политикѣ. Я былъ еще слабъ во французскомъ языкѣ, но Лидеритцъ мнѣ объяснилъ, что французы возбуждены противъ короля и духовенства.

Въ это время отправилась экспедиція противъ алжирскаго бея и совершилось непріятное происшествіе. Бурбоны были врагами дюка Орлеанскаго, который желалъ показать примиреніе старшей и младшей линіи царствующей отрасли Бурбоновъ. Дюкъ Орлеанскій задалъ Карлу X-му большое торжество въ своемъ дворцѣ, въ Пале-Роялѣ. Пале-Рояль былъ полонъ народа; во дворцѣ вмѣстѣ съ королемъ была приглашена вся французская аристократія. Всюду иллюминація, шумная музыка, толкотня народа; тысячи стульевъ были заняты любопытствующими, но въ народѣ жило подозрѣніе, что готовится что-то недоброе.

Какъ ни восхищался я этою богатою живою декораціею, но старался поранѣе уйти. На другой день разнесся слухъ, что изъ свободныхъ стульевъ сдѣлали костеръ, и злоумышленники подожгли его, что вызвало суматоху, и многіе потерпѣли отъ оной. Все это было сдѣлано (для того, дабы) показать неуваженіе къ королю и дать ему почувствовать, что его присутствіе есть несчастіе, а не радость для Франціи, и что къ его личности нѣтъ сочувствія. Надъ этимъ происшествіемъ пришлось придуматься народу. Не долго это продолжалось, какъ пришла радостная вѣсть, что генераль Мармонъ взялъ Алжиръ, и французы ободрились, услыхавъ о новой побѣдѣ и приобрѣтеніи богатой страны. Тутъ пошли толки, что эта побѣда примиритъ Карла X съ народомъ. Даже самъ старикъ Лоріе сказалъ, что эта побѣда заставитъ полюбить Бурбоновъ.

Всюду раздается колокольный звонъ, церковь Notre Dame богато украшается и сочиняется музыка для торжественнаго молебствія. Для этого торжества назначается воскресный день. При отличной погодѣ, въ виду праздничнаго дня, весь Парижъ былъ на ногахъ, и все спѣшило занять мѣста: видѣть поѣздъ

короля въ церковь Notre Dame. На другой день пробѣгаетъ молва, что архіепископъ, говоривши рѣчь, обратился къ королю: „Ваше величество, вы сдѣлали великое дѣло, Алжиръ покоренъ, теперь вашему величеству предстоитъ совершить еще другое дѣло“. Всѣ слушатели стали втупикъ, что это означаетъ и въ чемъ состоитъ это другое дѣло.

Парижъ зашевелился; въ мастерскую являлись молодые люди, о чемъ-то толковали и уходили; Ришомъ также съ нами бесѣдовалъ и все про политику, въ которой, по трудности языка и разныхъ терминовъ о какой-то картѣ [la charte¹⁾], я ничего не понималъ и продолжалъ работать.

Наступаетъ среда, кажется, 26-го или 27-го іюля 1830 г. Тутъ вижу общую суматоху на улицахъ и, придя въ мастерскую, вижу, что та же суматоха продолжается и здѣсь. Одни приходятъ, другіе уходятъ, всѣ толкуютъ съ озабоченными лицами, слышится часто имя Тьера. Не понимаю, что это значитъ; добрый Лидеритцъ объяснилъ мнѣ: „Вчера въ Сень-Клу подписанъ указъ о томъ, что вопреки данной (Людовикомъ XVIII) конституціи, въ которой сказано, что печать свободна, король новымъ указомъ ее уничтожаетъ, т. е. свободу печати, вслѣдствіе чего хозяева закрыли всѣ типографіи; въ нихъ работниковъ бездна и всѣмъ имъ отказано. Всѣ они сдѣлались теперь гулящимъ народомъ, безъ газетъ-же, изъ коихъ ни одна не вышла, французы не могутъ жить. Вчера было послано въ королю въ Сень-Клу, чтобы отмѣнить этотъ указъ, пагубный для всей Франціи: министръ Тьеръ не отвѣчаетъ за послѣдствія. Король, окруженный своими приверженцами-министрами, во главѣ коихъ тогда стоялъ Полиньякъ, и слышать не хочетъ, и что произойдутъ непременно непріятности“. Это были слова друга моего Лидеритца.

Проработавъ до четырехъ часовъ, я отправился въ обѣду (въ) Rue Nonogé. Идя дорогою, вижу всѣ окна полны лицами женскаго пола, какъ будто ждутъ какой-нибудь процессіи; вхожу въ мой трактиръ, вижу нашу прислужницу m-lle Justine, и, кромѣ меня, ни единой души; спрашиваю у нея: „что все это значитъ? Всюду народъ въ окнахъ, а здѣсь никого нѣтъ?“ Она съ озабоченнымъ испуганнымъ лицомъ говорить:

¹⁾ Харгін.

— „У насъ будетъ революція. Вотъ что сдѣлалъ король! Идите къ Пале-Роялю, тамъ увидите!“

Отобѣдалъ я одинъ, въ то время, какъ бывало, въ этотъ часъ всегда всѣ столы были полны, теперь-же все пусто. Мнѣ слѣдовало идти къ А. А. Тону, онъ увѣждалъ на слѣдующій день въ Россію. Къ нему идти необходимо было мимо Пале-Рояля, тѣмъ болѣе, что слова m-lle Justine меня подстрекали увидать Пале-Рояль. Подходя къ нему, я увидалъ огромную массу народа, заслонявшую проходъ по улицѣ; мальчишки видны были выше всѣхъ, они стояли на бочкахъ. Между тѣмъ, по обѣимъ сторонамъ всѣ окна были полны лицами женскаго пола. Пожелалъ я узнать причину скопленія этой массы народа у Пале-Рояля; мнѣ говорить, что на площадяхъ у Пале-Рояля стоитъ взводъ жандармовъ. Ихъ французы не долюбливали. Окольными улицами я пришелъ къ А. А. Тону; нахожу его также въ страхѣ. Онъ говоритъ, что по близости отъ его квартиры имѣется военное министерство, что ночью перебили въ немъ стекла.

Поговоривъ, мы пошли вмѣстѣ по Итальянскому бульвару взглянуть, что тамъ происходитъ. Видимъ: всѣ магазины заперты, народъ стоитъ кучами; въ числѣ ихъ самые почтенные граждане; всѣ стоятъ съ недоумѣвающими лицами, болѣею частію спокойными, какъ-будто предчувствующими что-то недоброе. Простой-же народъ, радостно что-то толкующій, также стоялъ массами, размахивая руками. Свучные мы шли оба, и мой спутникъ, зная, что я мало знакомъ съ Парижемъ и что время опасное, совѣтывалъ мнѣ идти домой. Не прощаясь, я обѣщался быть у него утромъ, проститься и дать нѣсколько писемъ домой и въ академію. Я направился къ Pont-Neuf, въ мой Латинскій кварталъ, гдѣ я уже нѣсколько времени помѣстился въ Rue du Cloitre St.-Benoit; тамъ жила моя почтенная чета Logieux. Идя по Pont-Neuf, слышу по набережной нашего квартала барабанный бой, и при спускѣ съ моста встрѣтилъ входившій на Pont-Neuf армейскій полкъ, называемый у французовъ la Ligne. Солдаты шли съ геройскимъ видомъ, мальчишки толпились около нихъ впереди, крича: „Какіе молодцы, вы вѣрно не будете стрѣлять въ народъ?“ Солдаты идутъ своимъ порядкомъ, а народъ, качая головами, думаетъ: „Боже мой, революція!“

Приближаясь къ дому, въ моей малой улицѣ вижу всѣ окна,

унизанными головами женщинъ, которыя съ болѣзненнымъ и вопросительнымъ взглядомъ смотрѣли внизъ на проходящихъ; какъ вдругъ послышался ружейный залпъ. Бѣдныя женщины, стоявшія въ окнахъ, перепугались; можетъ быть, это были жены жандармовъ или онѣ вообще оставались дома безъ мужей; всѣ въ одинъ почти голосъ, съ плачемъ, закричали: „Боже мой, вотъ уже начали стрѣлять, ахъ, Боже мой!“ Въ то-же время бѣжала по улицѣ разная чернь; мастеровые, имѣя что-то въ рукахъ, ломали замки у фонарей, фонарь летѣлъ внизъ и его со злостью растаптывали. Этой участи подверглась сперва одна часть фонарей, наконецъ, были всѣ уничтожены, ибо революціонеры хотѣли, чтобы Парижъ и его улицы оставались темными, изъ боязни, что король можетъ среди ночи ввести войско для своей защиты.

Я возвратился домой, зашелъ къ Лорье и рассказалъ все видѣнное и слышанное; онъ-же съ грустью качалъ головою, говоря, что „это худо, очень худо“.

На другой день, довольно рано, въ 7 часовъ утра, зашелъ я въ мастерскую, и спросилъ у консьержа или привратника: „г. Ришомъ пришелъ?“ Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ еще. Это меня удивило, ибо Ришомъ былъ всегда первый въ мастерской. Погода стояла удивительная и весьма жаркая и я, обѣщавъ наканунѣ А. А. Тону придти проститься съ нимъ, отправился отъ Quai des Grands Augustins, гдѣ была наша мастерская, къ Pont-Neuf. Вижу ѣдетъ человекъ двѣнадцать конныхъ жандармовъ. Должно быть это былъ обзоръ или объѣздъ. Они уже стали спускаться съ моста, какъ вдали, съ другой стороны Сены, показался бѣгущій, въ рассыпную, всякаго рода народъ, нѣкоторые были даже на костыляхъ; раздаются выстрѣлы, вновь вижу летятъ фонари, какъ это было въ нашей улицѣ вчерашній вечеръ, и вся эта толпа на мосту стремилась догнать ѣхавшій объѣздъ. Жандармы, не теряя присутствія духа и бодрости, прищипорили лошадей, помаленьку въѣхали въ ворота префектуры и скрылись. Я не посмѣлъ идти далѣе къ Тону, воротился домой, зашелъ къ г. Лорье и вновь рассказалъ ему, что мнѣ случилось увидѣть. „Бурбоны не могутъ спокойно сидѣть на тронѣ, говорила старушка,—попы ихъ погубить“. Старикъ былъ грустенъ, старушка-же продолжала рабо-

татъ, раскрашивая свои литографіи. Вдругъ она говоритъ: „что это значить, начали уже звонить къ обѣднѣ?“ и остановилась. Не прошло и десяти минутъ, какъ слышимъ глухой, но сильный звонъ колокола; удары были неровные, лучше сказать, звонили какъ попало. Старикъ испугался, у старушки выпала кисть изъ рукъ и они, знакомые съ ужасами первой революціи, въ одинъ почти голосъ сказали мнѣ: „Voilà le tocsin (набатъ), nous sommes en révolution!“ Признаюсь, и меня передернуло. „Теперь начнется война, кто кого пересилить: король и его войско или революція и народъ? Если король одержитъ верхъ, то все придетъ въ порядокъ; если-же народъ—то одному Богу извѣстно, что съ нами будетъ“.

— „Надобно, сказала m-me Logieux,—обзавестись хлѣбомъ, сыромъ, виномъ и еще чѣмъ-нибудь“, что и купилъ намъ нашъ консьержъ. На улицахъ началась бѣготня мастерового люда съ крикомъ: „à l'Hôtel de Ville!“—это мѣсто было всегда сборищемъ всѣхъ революціонеровъ, когда они слышали се tocsin.

Большой-же колоколъ, подъ названіемъ „Бурдомъ“, звонитъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ-то: когда городъ находится въ опасности или въ день смерти короля, т. е. при выдающихся изъ ряда событіяхъ. Онъ не звонилъ, а ревѣлъ своимъ ужаснымъ гуломъ, и все бѣжавшее на улицахъ кричало: „à l'Hôtel de ville, à l'Hôtel de ville!“ Съ часъ спустя, началась вдали перестрѣлка; сперва раздался одинъ сильный выстрѣлъ, затѣмъ врознь множество мелкихъ выстрѣловъ, немного спустя вновь сильный густой выстрѣлъ, за нимъ въ безпорядкѣ мелкіе, и это продолжалось съ 11½ час. дня до 7 час. вечера безъ умолка или промежутковъ. Въ домѣ у насъ все было назаперти. По временамъ мы слышали стукъ у воротъ, насъ брала страхъ, слышимъ затѣмъ разговоръ съ нашимъ консьержемъ, сбѣгали внизъ и старались узнать причину стука, и оказывалось, что приходилъ кто-нибудь или жилецъ возвратился домой. Обѣдали кускомъ хлѣба съ сыромъ и старались узнать, что происходитъ въ городѣ, выйти-же я оберегался, а главное боялся.

Послѣ семи часовъ вечера слышимъ крики и шумъ и смотримъ, спрятавшись за окнами. Сражавшіеся возвращались домой. Это былъ почти все простой, мастеровой народъ, они устали, потъ лилъ съ нихъ градомъ, они точно вышли всѣ изъ

ванны, всё были безъ галстука, жилетовъ, а день былъ несносно жаркій. Многие несли въ видѣ трофеевъ, кто пуговицу, кто солдатскую эполету, крича: „это я сорвалъ съ убитаго мною швейцарца!“ Затѣмъ слышались дребезжащіе звуки гитары. Наигрывающій кричитъ: „эта гитара принцессы Берри“. Эта принцесса или герцогиня до революціи была первою меценаткою художниковъ и изящныхъ искусствъ. Ея имя изучилъ я прежде другихъ, и всё труженники восхищались ея любовью къ искусствамъ и щедростью по отношенію къ художникамъ.

Что-же касается швейцарскаго войска въ Парижѣ, то у короля Карла X было его до 20-ти тысячъ наемнаго. Эти швейцарцы были вѣрные и отличные солдаты, получали хорошее содержаніе, но французы, видя въ нихъ народъ, продающій себя и свое отечество за извѣстную сумму денегъ, и къ тому-же войско, которое французскимъ правительствомъ предпочиталось французскому, презирали ихъ и ненавидѣли.

На ночь вышелъ приказъ, чтобы свѣчи были поставлены на окнахъ. Мы тотчасъ все изготовили, всю ночь не спали, боясь общаго грабежа; свои малые десятки франковъ я спряталъ по всёмъ угламъ моей комнаты.

На второй день мы встали, уставши отъ страха и бессонницы. Съ 10 час. утра началось повтореніе вчерашняго дня. Тотъ-же потрясающій гулъ колокола „Бурдомъ“ созывалъ народъ на площадь Ратуши. Вновь спѣвать вчерашніе революціонеры съ дубинами на плечахъ и съ крикомъ: „къ ратушѣ, къ ратушѣ!“ Вновь начинается перестрѣлка и длится весь день подъ палящимъ солнцемъ. Второй день былъ для насъ менѣе ужасенъ, чѣмъ вчерашній, мы какъ-будто попривыкли. Въ улицѣ царилъ смертная тишина; въ окнахъ ни души, все попряталось. Колоколъ „Бурдомъ“ и пушечная пальба, слышанные нами на второй день, насъ не страшили. Ко всёмъ этимъ ужасамъ мы какъ-будто попривыкли. Настаетъ вечеръ, тотъ-же шумъ возвращавшихся домой революціонеровъ; всё они большею частью полупьяные, ибо жажда, возбуждаемая палящею жарою, можетъ быть утолена только виномъ. Всё возвращавшіеся имѣли крайне усталый видъ; многие изъ нихъ украшены были трофеями убитыхъ солдатъ, оставшихся вѣрными своему королю; у кого каска на головѣ, у кого изорванный солдатскій мундиръ. О своихъ трофеяхъ,

они съ крикомъ давали знать, что все это взято съ убитыхъ швейцарцевъ. Ночь прошла покойна: въ ворота не стучали, и я, какъ могъ, приуснулъ.

Насталъ третій день (суббота). Утромъ слышится вновь сильная пальба и перестрѣлка.

Къ 12 часамъ все смолкло. На улицѣ виденъ народъ, слышенъ спокойный говоръ, появились лица въ окнахъ, и нашъ консьержъ входитъ къ намъ и объявляетъ, что все кончено, либералы одержали верхъ! Мои старики все еще недоумѣвали, чѣмъ все это кончится. „Фабриканты и хозяева магазиновъ долго еще не примутся торговать какъ слѣдуетъ. Что станетъ съ монархистами, королемъ и его министрами, чѣмъ станетъ кормить новое правительство народъ, который сражался за новый порядокъ, остался побѣдителемъ, а его хозяева, можетъ быть, будутъ банкротами“.

Такъ толковали мои хозяева, имѣя небольшой капиталъ, отданный на проценты, боясь на старости лѣтъ остаться ни съ чѣмъ.

Такъ какъ было скучно слышать всѣ эти печальныя предсказанія, то я, просидѣвъ дома день и ночь въ продолженіе почти трехъ дней и видя, что на улицѣ появилась вновь жизнь, простился со старичками и общался принести, разумѣется, печальныя вѣсти этихъ пагубныхъ трехъ дней.

Прежде всего зашелъ въ кофейную. Она была полна молодежи, которая вслухъ и съ восторгомъ рассказывала о своей побѣдѣ, о потерѣ нѣкоторыхъ друзей и съ неистовствомъ, ругая, произносила имя короля Карла X-го, проклинала его министерство, особенно Полиньяка, предсказывая имъ уголовный судъ какъ измѣнникамъ отечества и виновникамъ пролитой крови.

Изъ кафѣ я направился по Quaiе Voltaire къ Pont des arts. Тутъ вижу насколько всѣ дома пострадали, особенно l'Institut de France, коего фасадъ весь былъ испещренъ картечью. Ему досталось отъ швейцарцевъ, которые заняли Лувръ, имѣя при себѣ пушки.

Народъ съ набережной „Quaiе Voltaire“ беспокоилъ швейцарцевъ своимъ огнемъ, а они сильно отстрѣливались. Здѣсь много пало народа съ обѣихъ сторонъ. У швейцарцевъ, въ Лувръ противъ Pont des arts, на балконѣ дворца поставлена была пушка.

Лувръ былъ сильно защищаемъ со всѣхъ сторонъ швейцарцами, вслѣдствіе чего его можно было взять только со стороны Pont des arts; осаждавшій народъ только что дойдетъ до середины моста, какъ съ балкона Лувра пушечный выстрѣлъ не позволяетъ ему идти далѣе. Народъ отступалъ, пока наконецъ одинъ ученикъ политехнической школы, съ обнаженною въ рукѣ шпагою, бодро взялся вести народъ по мосту; новый выстрѣлъ съ балкона Лувра ранилъ его опасно, но его поддерживали подъ руки, и онъ велъ народъ все впередъ и впередъ. И тѣмъ кончилось дѣло. Швейцарцы сдались и народъ бросился во дворецъ, здѣсь все переломалъ и, безчинствуя, добрался, наконецъ, до королевскаго погреба съ рѣдкими винами.

Тутъ многіе сильно перепились; раненаго-же ученика политехнической школы, дорогою умершаго отъ раны, народъ принесть въ тронную залу, трупъ его посадили на тронъ Карла X-го, прикрыли крепомъ, и въ такомъ видѣ пригласили его родителей съ нимъ проститься. Этотъ трогательный эпизодъ передалъ мнѣ нашъ фельдъегерь Вильде, который по службѣ былъ въ Парижѣ: онъ былъ при взятіи Лувра, видѣлъ эту трогательную сцену и въ погребкѣ Карла X-го пилъ отличное его вино, которымъ многіе перепились и отошли въ вѣчность.

Швейцарцевъ отправили въ видѣ военноплѣнныхъ въ ихъ казармы и, боясь мести народа, ихъ казармы охранялись народною военною силою.

Прекрасныя стекла были всѣ перебиты пулями, и древняя церковь возлѣ Лувра „St. Germain l'Auxerrois“ сильно пострадала. Улицы вокругъ Лувра были изрыты и наставлено много баррикадъ, у коихъ въ одномъ концѣ дѣлалось отверстіе для прохода публики.

Насмотрѣвшись въ этой части города, я отправился къ Пале-Роялю, гдѣ началась, тому три дня, революція, и увидалъ тутъ также сильныя поврежденія: чудныя огромныя зеркальныя стекла, которыя въ то время была довольно рѣдкость, всѣ были испещрены пулями; будка-же часоваго пронизана была пулями въ такомъ количествѣ, что ея стѣнки имѣли видъ кружевъ.

На улицѣ St. Honoré, на которой стоитъ Пале-Рояль, дома большею частью пострадали, и во всѣхъ окнахъ часть стеколъ была перебита.

Идя далѣе, я попалъ на Италіанскій бульваръ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тянулись высочія деревья; онѣ лежали теперь на землѣ срубленными, чтобы помѣщать кавалеріи и артиллеріи понасть въ городъ и защитить павшаго Карла X-го. По всему бульвару, при входѣ въ улицу, возведены были баррикады, и у каждой баррикады стоялъ часовой, импровизированный изъ мужика или мастераваго; въ рукѣ у него было ружье, а въ шапкѣ, фуражкѣ или шляпѣ вотенута вѣточка зелени. Всѣ, кого я ни видалъ дежурными, имѣли видъ изнуренный и сильно загорѣлый. Идя по улицамъ, я встрѣчалъ такую толпу народа, что, казалось, всѣ жители Парижа, просидѣвъ дома взаперти три дня, какъ-будто стремились перехватить свѣжаго воздуха. Многихъ встрѣчалъ я съ озабоченнымъ лицомъ, какъ-будто искали кого-то; многіе, прождавъ три дня своихъ дѣтей и не вида ихъ возвратившимися, съ какимъ-то трепетомъ, встрѣтивъ на улицѣ знакомыхъ, спрашивали кто про сына, кто про мужа или дядю. Признаюсь, было чему безпокоиться, послѣ столь ужасной трехдневной битвы.

Продолжая свою грустную прогулку среди баррикадъ и перебитыхъ стеколъ, я дошелъ до набережной рѣки Сены къ мосту St. Michel. На мосту стоитъ въ одномъ легкомъ нижнемъ платьѣ часовой съ вѣткою, въ изорванной шляпѣ и съ ружьемъ. Мнѣ слышится сильный запахъ мертвечины и я учтиво спрашиваю его: „Что это за непріятный запахъ?“ Онъ мнѣ довольно сильнымъ голосомъ отвѣчаетъ:

— „Идите къ госпиталю Hôtel Dieu, тамъ увидите, какъ и сколько перебито швейцарцами французскаго народа“.

День былъ безоблачный и жара душила человѣка; встрѣчавшихся я всѣхъ видѣлъ съ платками въ рукахъ, ежеминутно отиравшихъ потъ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше иду, тѣмъ болѣе чувствую невыносимый запахъ. Подходя къ собору „Notre Dame“, вижу, за нимъ стоитъ знаменитое зданіе больницы, подъ названіемъ „Hôtel Dieu“. Тутъ обоняю невыносимый,—не запахъ, а смрадь, захватывающій дыханіе. Приближаясь къ набережной рѣки Сены, вижу огромную барку, покрытую соломой, наполненную голыми трупами, которые виднѣлись изъ-подъ соломы, и человѣка, ходящаго поверхъ соломы и чѣмъ-то спрыскивающего трупы. Между тѣмъ, изъ больницы идутъ гуськомъ носиль-

щипки и держать каждый тачку, имѣя на нихъ по одному трупу. Они висѣтъ руками, головою и ногами внизъ, туловище-же покоится на среднѣй тачкѣ. Тутъ я видѣлъ на тачкахъ трупы бѣлыхъ и черныхъ, молодыхъ и стариковъ, и очень много женщинъ съ распущенными волосами. Всѣ трупы были нагѣ съ прикрытыми половыми частями и всѣ съ смертельными ранами. Признаюсь, это зрѣлище приводило меня въ ужасъ. Тѣла многихъ были уже попорчены отъ стоявшихъ въ эти три дня сильныхъ жаровъ. Носильщики спускались къ набережной и сбрасывали трупъ въ барку, гдѣ ихъ лежало множество, и такъ за одною тачкою слѣдовала другая. Множество родителей, особенно женскаго пола, можетъ быть матери или сестры, стояли у спуска и, каждый осматривая трупъ, подымалъ его голову и старался узнать своего пропавшаго родственника. Иныя находили своихъ и кричали: „Ахъ, это мой Люи“, или „Антоній“, цѣловали, благословляли и плакали. У другихъ были въ рукахъ цвѣты, онѣ бросали вѣтку—другую на трупъ своего родственника.

Когда родители, послѣ окончанія революціи, не могли дождаться своихъ взрослыхъ сыновей или кого другаго, то имъ совѣтовали идти въ госпиталь „Hôtel Dieu“, говоря, что со всѣхъ дворовъ собирали убитыхъ, вслѣдствіе того, что трупы сильно разлагались отъ жары. Это и были тѣ несчастные, которыхъ я видѣлъ на набережной у Hôtel Dieu.

Ф. И. Юрданъ.

Сообщ. В. А. Юрданъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Примѣч. къ стр. 72. Портретъ В. А. Каратыгина былъ награвированъ, дѣйствительно, для Аладина, въ его альманахъ „Букетъ“ 1829, а не въ „Сѣв. Цвѣты“—которые издавалъ баронъ Дельвицъ; для Френа гравированы были Ф. И. Юрданомъ ханскія монеты, къ сочиненію Френа: „de H. Clavogium numis“ 1828.

Н. П. Собко.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.-П.-Б. МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ 1833—1863 ГГ.

ЗАПИСКИ

НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА ЗДЕКАУЕРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.-П.-Б. МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1833—1863 гг.

Записки Николая Федоровича Здекауера.

I.

намѣренъ на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ изложить прожитыя мною за время 1833—1863 гг. событія, насколько они касаются исторіи развитія и бытовой стороны всѣмъ намъ дорогой академіи, при чемъ постараюсь быть по возможности правдивымъ и объективнымъ.

Какъ извѣстно, наша медицинская академія относитъ свое основаніе къ царствованію императора Павла Петровича; она возникла изъ основанныхъ еще Петромъ Великимъ врачебныхъ школъ, при военныхъ госпиталяхъ, сухопутномъ и морскомъ; но собственно подробный планъ для полнаго курса врачебныхъ наукъ, съ логическою послѣдовательностью ихъ преподаванія, былъ начертанъ знаменитымъ Петромъ Франкомъ, бывшимъ короткое время лейбъ-медикомъ императора Александра I, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и съ малыми измѣненіями, вызванными требованіями современной науки, остался понынѣ въ томъ-же видѣ.

Первымъ президентомъ медико-хирургической академіи былъ любимецъ и лейбъ-медикъ государя Александра Павловича, баронъ Як. Вас. Виліе. Первыми вице-президентами ея были профессора Иванъ Ивановичъ Бушъ и Данилъ Михайловичъ Веланскій. Теперь я буду говорить о пережитомъ только мною времени,

отъ вступленія моего въ 1833 году въ студенты мед.-хирург. академіи и до моего выхода изъ числа профессоровъ ея въ 1863 году.

Не смотря на то, что я предъявилъ свидѣтельство, какъ студентъ втораго курса физико-математическаго факультета императорскаго с.-петербургскаго университета, меня подвергли повѣрочному экзамену, который вышелъ очень оригинальнымъ. Изъ латинскаго меня экзаменовалъ адъюнктъ физики Молчановъ; оказалось, что я, какъ ученикъ Гримма и знаменитаго латинскаго университет. профес. Грефе, зналъ больше своего экзаменатора; изъ исторіи экзаменовалъ адъюнктъ ботаники, а изъ географіи адъюнктъ по кафедрѣ фармаціи—тоже съ грѣхомъ пополамъ, написавъ латинскую статейку на тему de amoenitatibus naturae (о красотахъ природы),— я вполнѣ удовлетворилъ своихъ добродушныхъ экзаменаторовъ и оказался своекоштнымъ студентомъ императ. мед.-хирург. академіи.

Отецъ мой, медикъ, снабдилъ меня подходящими книгами изъ своей богатой бібліотеки и я страстно принялся за ученіе ¹⁾. Считаю не лишнею интереса характеристику тогдашнихъ моихъ профессоровъ.

Анатомію преподавалъ извѣстный болѣе какъ хирургъ профессоръ Ілія Васильевичъ Буяльскій по руководству академика Загорскаго, почти бувально, съ предъявленіемъ студентамъ всѣхъ костей скелета и раздачею нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ демонстраціями въ аудиторіи, внутренностей, мышцъ, нервовъ, кровеносныхъ сосудовъ и связокъ на трупахъ. Два тома сочиненія Загорскаго выучивались наизусть. Хорошо еще, что я съ шестью или семью товарищами покупали бывало въ складчину—рублей за 10 ассигнаціями—одинъ или два трупа и по вечерамъ, при сальной свѣчѣ, съ руководствами въ рукахъ, самоучками препарируя, отыскивали мышцы, нервы, артеріи и вены,—и такимъ образомъ хотя нѣсколько покрывали эти пробѣлы. Изъ экономіи мы занимались надъ однимъ трупомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно сгнивалъ—и я до сихъ поръ дивлюсь, какъ изъ насъ тогда никто не заразился трупнымъ ядомъ! Каедрa физиологіи была соединена съ патологіею и ее занималъ извѣстный въ свое время русской натуръ-философъ, ученикъ Шеллинга и Окена, заслуженный профессоръ Даніилъ Михайловичъ

¹⁾ Отецъ Н. Ф. Здекауера—Федоръ Яковлевичъ—былъ врачъ, вызванный въ числѣ семи другихъ докторовъ, въ царствованіе императора Александра Павловича, княземъ В. П. Кочубеемъ, и основался на русской службѣ главнымъ врачомъ морскаго госпиталя въ Свеаборгѣ (гдѣ и родился Николай Фед.). Скончался Ф. Я. Здекауеръ въ Спб., 1836 г., января 2-го, будучи главнымъ врачомъ придворнаго конюшеннаго госпиталя.

Веланскій. Въмѣсто физиологіи Д. М. читалъ намъ свою умозрительную физіку, которая, не смотря на свою туманность, а можетъ быть и по этой именно причинѣ, намъ очень импонировала. Патологическія лекціи состояли въ краткомъ объясненіи латинскихъ терминовъ на русскомъ языкѣ ¹⁾. Ботанику преподавалъ весьма начитанный профессоръ П. Ф. Горяниновъ по рисункамъ и только рѣдко по растеніямъ. Зато химію краснорѣчиво и при томъ съ опытами, при которыхъ помогалъ ему бывший тогда адъюнктъ-лаборантомъ, нынѣ извѣстный заслуженный профессоръ Юлій Карловичъ Трапцъ, профессоръ Ст. Яковл. Нечаевъ.

Фармакологию въ 3-мъ курсѣ читалъ заслуженный профес. Ив. Тимоф. Спасскій, владѣющій даромъ слова и многосторонне образованный ученый и хорошій латинистъ. Онъ къ своимъ лекціямъ примѣшивалъ много изреченій изъ древнихъ классиковъ; но и много хотя и разбросанныхъ свѣдѣній изъ физиологіи, патологіи и терапіи. Онъ же читалъ и общую терапію. Нечаевъ и Спасскій были лучшіе изъ русскихъ профессоровъ, у которыхъ студенты того времени многому научались. Профес. Осипъ Игнатьевичъ Калининскій читалъ довольно монотонно частную терапію по своимъ запискамъ, составленнымъ преимущественно по извѣстному сочиненію Петра Франка *De cognoscendis et curandis hominum morbis*. Профес. Чаруковский при мнѣ, когда я былъ въ 3-мъ курсѣ, послѣдній годъ завѣдывалъ академическою клинкою. Это былъ начитанный эмпирикъ, преподававшій на семинарскомъ латинскомъ языкѣ, дѣлавшій гадательныя діагнозы, только по краткимъ разспросамъ больныхъ безъ ихъ изслѣдованія, если исключить щупаніе пульса и осмотръ языка, хотя онъ въ свое время имѣлъ здѣсь значительную практику. Терапія его была односторонняя. Во всѣхъ грудныхъ болѣзняхъ и въ такъ назыв. *febris gastrico catarrhalis* прописывалась неизмѣнно *Mixtura muriatis ammonii stibiata*, изъ которой, какъ говорили тогда шута, онъ выстроилъ себѣ каменный домъ въ столицѣ. Я посѣщалъ клинику профессора Чаруковского въ качествѣ субкуратора, т. е. помощника куратора, съ которымъ я наблюдалъ двухъ больныхъ, одного съ діагнозомъ *febris gastrico catarrhalis*, который, однако же, почему-то умеръ, а другаго съ грознымъ діагнозомъ *Pleuroperipneumonia*, который очень скоро выздоровѣлъ; оба получили знаменитую *mixturam muriatis ammonii stibiata*; какъ я

¹⁾ Ее преподавалъ адъюнктъ Веланскаго, Александръ Петровичъ Загорскій. Н. З.

теперь соображаю, у перваго былъ брюшной тифъ, а у втораго простой бронхитъ. Не думаю, чтобы профес. Чаруковскій могъ образовывать хорошихъ практическихъ врачей и еще менѣе такъ называемую собственную высшую школу, отличныхъ терапевтовъ врачей. У проф. Чаруковскаго былъ тогда адъюнктомъ Пав. Фед. Шипулинскій, болѣе современно образованный и хорошій практическій врачъ. Онъ въ 1848 году, съ званіемъ ординарнаго профессора, сдѣлался директоромъ академической терапевтической клиники.

1837-й годъ долженъ быть памятнымъ для нашей академіи. Терапевтическую клинику принялъ тогда въ свое завѣдываніе, по приглашенію баронета Виліе, главный докторъ морскаго госпиталя Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. Этотъ гениальный учитель, далеко опередившій свое время, имѣлъ огромное вліяніе на поднятіе уровня образовательнаго ценза слушателей имп. медико-хирургической академіи и русскихъ врачей вообще.

Многосторонне образованный, ученый, лично знакомый съ знаменитостями того времени Германіи и Франціи, близкій другъ академика Бара, съ которымъ разрабатывалъ исторію развитія плода, профессоръ Зейдлицъ не только стоялъ на современной высотѣ науки, но и опередилъ ее собственными трудами. Онъ впервые читалъ намъ прикладную Семіотику; первый познакомилъ насъ съ объективными способами изслѣдованія посредствомъ выслушиванія, постукиванія, измѣренія и химическаго изслѣдованія выдѣлений и отбросовъ организма, — первый показалъ намъ въ микроскопѣ кровяные шарики, мочевянные кристаллы, объяснилъ значеніе объективныхъ признаковъ болѣзни, училъ дифференціальнымъ диагнозамъ, — объяснялъ при вскрытіяхъ умершихъ анатомическій характеръ болѣзней и въ своемъ классическомъ отчетѣ „Klinischer Bericht 1846 г.“ оставилъ неподражаемый образецъ учено-практическаго труда. Ему мы были обязаны здравыми понятіями объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, о ихъ циклическомъ ходѣ. Онъ употреблялъ тогда уже гидротерапію въ тифозныхъ болѣзняхъ. Его терапія была высоконаучная, основанная на рациональныхъ показаніяхъ и на зрѣломъ опытѣ и близкомъ знакомствѣ съ дѣйствіемъ главнѣйшихъ врачебныхъ средствъ. Общую терапію, какъ послѣдній выводъ изъ частной терапіи, читалъ онъ въ 5-мъ курсѣ, гдѣ знакомилъ насъ и съ эмбриологіею. Новый духъ повѣялъ въ нашей академіи. Студенты того времени, сознавая, чѣмъ они обязаны Зейдлицу, носили его на рукахъ. Онъ былъ любимый профессоръ, но, къ сожалѣнію, разстроенное многотрудными занятіями его здоровье слишкомъ рано лишило академію такого драгоценнаго пре-

подавателя. Уже въ 1844 году профессоръ Зейдлицъ оставилъ академію и поселился въ своемъ имѣніи около Дерпта. Я имѣлъ счастье быть не только его ученикомъ, но въ теченіи четырехъ лѣтъ его клиническимъ ассистентомъ и адъюнктомъ. Зейдлицъ создалъ въ нашей академіи пропедевтическую или пріуготовительную клинику, гдѣ преподавались различные способы изслѣдованія больныхъ и прикладная семіотика и которою я въ 1848 г. впервые завѣдывалъ.

Изъ прочихъ профессоровъ я упомяну здѣсь еще профессора Саломона, бывшаго адъюнктомъ у знаменитаго профес. Буша, котораго я уже не засталъ въ академической хирургической клиникѣ, но вице-президентомъ м.-х. академіи. Саломонъ былъ хороший хирургъ и завѣдывалъ хирургическою клинкою, дѣльный, ученый и рациональный профессоръ, у котораго мы охотно занимались и многому выучились. Онъ оставилъ для своего времени прекрасное руководство.

Ив. Вас. Релицкій былъ адъюнктомъ при клиникѣ профессора Саломона, а потомъ и профессоромъ. Безъ особенной учености, на которую онъ и не претендовалъ, онъ обладалъ замѣчательными ловкостью и проворствомъ при операціяхъ. Онъ при мнѣ сдѣлалъ пятилѣтнему ребенку литотомію въ 3 минуты и показалъ изумленнымъ студентамъ извлеченный имъ камень, за что былъ покрытъ бурными рукоплесканіями. Ампутацію голени, съ однимъ ассистентомъ и перевязкою сосудовъ, онъ кончалъ въ 10 минутъ. Это было несомнѣнное достоинство, въ то время, когда еще не знали никакихъ анестезирующихъ средствъ. Этимъ онъ сокращалъ мученія оперируемаго больнаго.

Упомяну также профессора Пелехина, который намъ при клиникѣ Саломона читалъ о глазныхъ болѣзняхъ и былъ, безспорно, лучшимъ латинистомъ въ академіи, и проф. Хатовицкаго, читавшаго гинекологию и акушерство, по руководству Каруса, которое онъ перевелъ въ крѣпости, гдѣ онъ полгода просидѣлъ, за то, что, будучи городовымъ акушеромъ, не пошелъ къ женѣ гофъ-фурьера, по случаю родовъ собственной своей жены. Но лекціи его читались безъ женской клиники, съ упражненіями на фантомѣ, которыми руководилъ адъюнктъ его, нынѣ скончавшійся, заслуженный профессоръ физиологии Александръ Петровичъ Загорскій ¹⁾.

¹⁾ А. П. былъ профессоромъ физиологии въ медико-хирург. академіи и читалъ лекціи изъ судебной медицины воспитанникамъ имп. училища правовѣднія. Проф. Загорскій былъ не только совѣдат. членомъ, но въ теченіи 25-ти лѣтъ—ученымъ секретаремъ медицинскаго совѣта. Н. З.

Загорскій первымъ въ нашей академіи преподавалъ физиологію, по современному состоянію этой важной науки—хотя и безъ опытовъ надъ животными.

Проф. Гр. Гр. Прозоровъ читалъ намъ объ эпизоотіяхъ,—онъ былъ одно время ученымъ секретаремъ академіи и состоялъ совѣтательнымъ членомъ медицинскаго совѣта.

О прочихъ профессорахъ и адъюнтахъ того времени не упоминаю, по пословицѣ: *de mortuis nil nisi bene*.

Президента нашего, баронета Я. В. Виліе, я, въ теченіи пятилѣтняго моего студенчества, видѣлъ всего четыре раза—на публичныхъ актахъ; тѣмъ не менѣе онъ обо всемъ зналъ, что происходило въ академіи и былъ могущественнымъ ея защитникомъ. За то его столь рѣдкое появленіе производило на насъ и на нашихъ профессоровъ глубокое впечатлѣніе.

Скажу еще нѣсколько словъ о духѣ и направленіи, господствовавшихъ тогда въ академіи, и о взаимныхъ отношеніяхъ между студентами и преподавателями.

Студенты дѣлились на казенно-коштныхъ, проживавшихъ въ стѣнахъ академіи, и своекоштныхъ или волонтеровъ. За лекціи не полагалось никакой платы. Существовали полугодовыя репетиціи, возлагаемыя на адъюнтовъ, и курсовые экзамены. Вообще учились прилежно, но бывали примѣры, что нерадивые своекоштные студенты оставались по три и даже по четыре года въ одномъ курсѣ. Профессора, особенно упомянутые мною, пользовались большимъ уваженіемъ, но большею частью держали себя недоступными. Похвальное исключеніе составляли профессора: Спасскій и Зейдлицъ, которыхъ зато студенты просто обожали.

Лекціи начинались 1-го сентября, экзамены кончались къ Иванову дню. Рѣдко манкировали профессора, развѣ только при сильномъ ледоходѣ. Бывало, И. В. Буяльскій говаривалъ, если мы его спрашивали—будеть-ли онъ при распутицѣ на лекціи?—„Буду-съ, господа, хоть на льдиночкѣ-съ переѣду“.—и въ самомъ дѣлѣ приѣзжалъ.

Въ 1838 году я кончилъ курсъ въ академіи и отправился за границу въ Берлинъ, Дрезденъ, Прагу и Вѣну—для усовершенствованія себя въ наукахъ.

Въ Берлинѣ я у Іоанна Мюллера впервые слушалъ курсъ физиологіи, у профессора Буша видѣлъ первую роженицу и раза три принималъ ребенка, — у профессора Барэ встрѣтилъ первую дѣтскую клинику, у Руста и Диффенбаха посѣщалъ хирургическую клинику и оперативный курсъ, наконецъ, у знаменитаго Ромберга,

кроме курса нервной патологии, бралъ еще *privatissimum* въ изученіи аускультаци и перкуссіи, съ немногими иностранными врачами,—и гдѣ-же?—за городомъ, въ арестантскомъ госпиталѣ, почти тайкомъ, ибо тогда, въ 1838 году, въ Берлинѣ професс. Вольфъ и другіе подымали Ромберга за это на смѣхъ, а берлинскіе студенты подшучивали надъ нашей небольшой группой.

Тутъ только я оцѣнилъ вполне огромную заслугу Зейдлица, который за два года передъ моимъ отъѣздомъ за границу училъ насъ публично техническимъ приемамъ, при объективной діагностикѣ.

Въ Дрезденѣ я слушалъ 6-ти-недѣльный курсъ антропологии у знаменитаго Каруса. Въ Прагѣ я познакомился съ молодымъ еще докторомъ Опольцеромъ, который былъ тогда клиническимъ ассистентомъ у стараго профессора Кромбгольца и предсказалъ ему блестящую будущность. Въ Вѣнѣ я сосредоточилъ все свое вниманіе на изученіи патологической анатоміи и взялъ *privatissimi* у д-ра Шкоды, который въ одной палатѣ Большаго вѣнскаго госпиталя (*Allgemeines Krankenhaus*), по протекціи прото-медика Богеміи, Надгерни, получилъ дозволеніе, за два года передъ тѣмъ, читать прикладной курсъ аускультаци и перкуссіи, напечатанной имъ въ 1839 году, и который у меня былъ цѣликомъ записанъ. Докторъ Шкода тогда былъ младшимъ ординаторомъ (*Sekundararzt*) помянутаго госпиталя и только гораздо позже получалъ профессуру. Онъ также, какъ и Ромбергъ, въ то время подвергался язвительнымъ насмѣшкамъ многихъ своихъ вѣнскихъ коллегъ. Вмѣстѣ со мною, у него тогда было 14 слушателей изъ иностранныхъ врачей, кроме меня, еще одинъ русскій врачъ д-ръ Бреме, но ни одного австрійца. *Nemo propheta in patria*.

Патологическую анатомію превосходно и демонстративно преподавалъ знаменитый профессоръ Рокитанскій, въ старомъ анатомическомъ институтѣ, близъ стараго психіатрическаго отдѣленія, такъ называемаго *Narrenturm*. Ничогда не встрѣчалъ я ученаго профессора, который-бы, при такой научной славѣ, заслуженной имъ, какъ реформаторомъ своей науки, какъ создателемъ точной и опредѣлительной нѣмецкой терминологіи, былъ-бы такъ простъ въ обращеніи и такъ радѣлъ-бы въ отношеніяхъ своихъ къ слушателямъ объ усвоеніи ими своего предмета. Имя Рокитанскаго останется бессмертнымъ въ лѣтописяхъ врачебной науки и, въ особенности, патологической анатоміи, наравнѣ съ Морганьи и Вирховомъ, но что въ моихъ глазахъ дѣлаетъ ему наибольшую честь, это то, что онъ, уже увѣнчанный европейскою славой, на склонѣ жизни, принялъ и усвоилъ себѣ, какъ рѣшительный прогрессъ въ его

наукѣ, целлулярную патологию Вирхова и отрекся при этомъ отъ любимой своей теоріи кразовъ (Crasenlehre), которую онъ такъ краснорѣчиво излагалъ, преклоняясь своею лаврами увѣнчанною главою передъ гениемъ тогда еще молодаго своего преемника по наукѣ. Мнѣ кажется, что ученіе о болѣзняхъ крови и послѣ ученія Вирхова не потеряло своего права гражданства въ наукѣ и что целлулярная патологія даетъ намъ ключъ къ болѣзнямъ тканей или къ патологической морфологіи организма.

Нѣсколькими словами позволю себѣ сравнительно охарактеризовать профессоровъ берлинскаго и вѣнскаго университетовъ того времени, т. е. 1838—1839 годовъ.

Берлинъ изобиловалъ тогда знаменитостями, Рустъ, Дифенбахъ, I. Мюллеръ, Ромбергъ, Юнкенъ, Барэ составляли славу медицинскаго факультета, но, за исключеніемъ Барэ и Ромберга, берлинскіе профессора держали себя въ гордомъ, недоступномъ отдаленіи отъ своихъ слушателей и даже отъ иностранныхъ врачей. Съ другой стороны вліяніе берлинскихъ студентовъ, весьма склонныхъ тогда къ резонерству и критикѣ на своихъ профессоровъ, было таково, что послѣдніе, за исключеніемъ Мюллера, Ромберга и Барэ—аффектировали тонъ какихъ-то непогрѣшимыхъ жрецовъ и пророковъ—дѣлая, напр., діагнозы даже хирургическихъ или глазныхъ болѣзней на разстояніи,—при чемъ выходили иногда довольно странныя и даже забавныя ошибки. Такъ, напр., въ клиникѣ знаменитаго Руста при полной аудиторіи ассистентъ привелъ двухъ больныхъ—одного страдавшаго *ischiaede*, а другаго оглушеннаго ударомъ молніи. Профессоръ Рустъ тотъ часъ указалъ на одного изъ нихъ съ нетвердою походкой, туповатою фізіономіей и краснорѣчиво доказывалъ, что нельзя было не узнать съ перваго взгляда, что это *fulminatus* (пораженный молніей) и что въ такихъ случаяхъ нечего терять напрасно время на разспросы.

Сконфуженный ассистентъ робко доложилъ Русту, что *fulminatus* то другой, а что у этого *ischias* (т. е. боль сѣдалищнаго нерва).

У профессора Юнкена діагнозы тоже дѣлались ходульно, и хотя изрѣдка, но встрѣчались *quid pro quo*. Надо замѣтить, что Рустъ читалъ свою знаменитую гелкологию (т. е. ученіе о язвахъ) и управлялъ хирургическою клинкою послѣдній семестръ и уже плохо видѣлъ, отчего и оставилъ потомъ свою кафедру—хотя для германскихъ профессоровъ не существовали, да и теперь не существуютъ ни предѣльный возрастъ, ни извѣстный срокъ для преподаванія.

II.

Вернувшись въ ноябрѣ 1839 года, я поступилъ сверхкомплектнымъ младшимъ ординаторомъ въ старый сухопутный госпиталь и вмѣстѣ съ тѣмъ ассистентомъ въ клинику профессора Зейдлица.

По возвращеніи своемъ я нашелъ большую переměну въ нашей академіи.

Она изъ министерства внутреннихъ дѣлъ перешла въ министерство военное. Студенты всѣ носили форму военнаго покроя. Профессорамъ и адъюнктамъ обязательно предписано было носить мундиръ тоже военнаго покроя. Инспекторомъ студентовъ былъ полковникъ Шенрокъ, президентомъ академіи бывший главный докторъ московскаго военнаго госпиталя, дѣйствит. статск. совѣтникъ Ив. Богд. Шлегель ¹⁾.

Послѣ Шлегеля президентомъ м.-х. академіи назначенъ былъ В. В. Целиканъ, самый ученый изъ всѣхъ ея президентовъ, но самый плохой изъ нихъ администраторъ. За нимъ слѣдовали: П. А. Дубовицкій, Я. А. Чистовичъ, Никол. Иларіон. Козловъ и, наконецъ, Александръ Михайлов. Быковъ. Послѣдніе три уже не назывались президентами, а начальниками академіи, которая сама изъ медико-хирургической переименована въ военно-медицинскую.

Передача академіи въ военное министерство произошла по слѣдующему грустному случаю:

На курсовомъ экзаменѣ въ іюнѣ 1839 года бѣдный студентъ фармаціи, для котораго кончить курсъ и получить мѣсто аптекарскаго помощника былъ жизненный вопросъ, выдержалъ экзаменъ удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ химіи, и только по настоятельнымъ просьбамъ получилъ дозволеніе передержать экзаменъ изъ химіи.

Готовясь днемъ и ночью къ экзамену, онъ съ трепетомъ явился къ профессору Нечаеву, который, не соглашаясь на переэкзаменовку, уступилъ только ходатайству вице-президента, добродушнаго Д. М. Веланскаго, и черезъ пять минутъ срѣзалъ несчастнаго фармацевта. Блѣдный, съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ едва могъ выйти изъ конференцъ-залы. По окончаніи экзамена началась конференція. Вдругъ входитъ въ изступленномъ видѣ несчастный фармацевтъ

¹⁾ Подробная біографія Ив. Богд. Шлегеля описана Я. А. Чистовичемъ въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ 1852 г., ч. 59, I.

и быстрыми шагами направляется къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ ученый секретарь, т. е. Нечаевъ, который, узнавъ его, вскочилъ съ своего мѣста, а обезумѣвшій студентъ бросился на рядомъ сидящаго, довольно тучнаго, профессора Калинскаго и нанесъ ему рану перогиннымъ ножомъ въ животъ. Его тотчасъ схватили безъ всякаго, съ его стороны, сопротивленія, узнали, что онъ передъ своимъ преступленіемъ принялъ, для отравленія себя, унцію свинцоваго сахара, дали ему рвотное и противуядіе и отправили его въ арестантское отдѣленіе сухопутнаго госпиталя. Рана профессора Калинскаго оказалась не опасною. Назначили, по высочайшему повелѣнію, военный судъ и несчастнаго фармацевта, въ присутствіи студентовъ академіи, прогнали сквозь строй, при чемъ многіе изъ невольныхъ зрителей падали въ обморокъ. Наказанный не вынесъ этого истязанія и умеръ отъ послѣдствій наказанія. Академію же, для восстановленія въ ней дисциплины, отдали подѣ ведомство военнаго министерства. Грозный и строгій графъ П. А. Клейнмихель былъ назначенъ ея попечителемъ.

Мы ниже увидимъ, какъ этотъ всемогущій любимецъ императора Николая I-го сдѣлался истиннымъ благодѣтелемъ академіи.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя важныя перемѣны въ составѣ профессоровъ академіи.

Изъ казанскаго университета перешли въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію профессора П. А. Дубовицкій, Н. Н. Зининъ и А. А. Китеръ. Первый изъ нихъ, сынъ богатаго помѣщика, дворянской фамиліи, по собственной охотѣ посвятилъ себя изученію медицины и уже 23-хъ лѣтъ былъ ординарнымъ профессоромъ. При нѣкоторой эрудиціи и большой независимости характера, онъ, однако-же, въ наукѣ своей былъ не болѣе какъ дилеттантъ, съ претензіями на непогрѣшимость. Посвятивъ себя хирургіи, онъ имѣлъ несчастіе, доставая книгу, упасть съ лѣстницы и повредить себѣ правую руку, такъ что не въ состояніи былъ дѣлать операціи. Но въ послѣдствіи П. А. Дубовицкій выказалъ необыкновенныя административныя способности и, въ качествѣ президента академіи, при значительномъ вѣсѣ, который давали ему честный и настойчивый характеръ, независимое положеніе богатаго помѣщика и его связи съ высшими слоями общества, оказалъ любимой имъ нашей академіи огромную пользу, заслужилъ этимъ вѣчную ея благодарность, бывъ, безспорно, послѣ баронета Виліе, лучшимъ ея президентомъ.

Николай Николаевичъ Зининъ, первоклассный химикъ, замѣнилъ профессора Нечаева и образовалъ школу отличныхъ русскихъ хи-

миковъ, въ которой первое мѣсто занималъ ученикъ и талантливый преемникъ его Александръ Порфиріевичъ Бородинъ. Слава Зинина быстро возрастала и онъ послѣ смерти академика Фришше былъ избранъ членомъ академіи наукъ. По нраву, характеру и мировоззрѣнію Зининъ былъ циникъ.

Профессоръ А. А. Китеръ былъ солидно образованный ученый. Онъ въ дерптскомъ университетѣ кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ и былъ въ такъ называемомъ профессорскомъ дерптскомъ институтѣ; посвятивъ себя преимущественно хирургіи и акушерству, онъ потомъ былъ профессоромъ хирургіи въ казанскомъ университетѣ. У насъ онъ занялъ сперва кафедрѣ акушерства, а потомъ хирургіи. Съ многосторонними, весьма основательными познаніями, профессоръ Китеръ соединялъ нѣмецкую аккуратность, доходившую иногда до мелочности и до педантизма. Онъ относился одинаково строго къ себѣ и къ своимъ слушателямъ, которые часто на него роптали, но сознавали, что у него многому выучивались. Онъ оставилъ хорошее руководство по акушерству и безспорно принадлежалъ къ весьма хорошимъ и полезнымъ профессорамъ нашей академіи.

Кромѣ этихъ трехъ замѣчательныхъ профессоровъ опредѣлился еще адъюнктъ-профессоромъ бывший военный врачъ и гофъ-медикъ д-ръ медицины Павелъ Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій. Вывши въ Персію и на Кавказѣ, онъ интересовался естественными науками, особенно ботаникой, и привезъ замѣчательныя коллекціи изъ своихъ путешествій. Въ нашей академіи онъ, въ началѣ 1842 года, занялъ мѣсто адъюнкта, но кафедрѣ теоретической хирургіи, которую онъ впоследствии и занималъ съ пользою для учащихся и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ сифилитическимъ отдѣленіемъ академическаго госпиталя. Заблоцкій былъ многосторонне образованный человекъ, талантливый преподаватель и оставилъ нѣсколько цѣнныхъ сочиненій и переводовъ.

Теперь поневолѣ долженъ возвратиться къ себѣ. Складъ моего ума побуждалъ меня преимущественно къ изученію прикладныхъ наукъ, поэтому, какъ я уже сказалъ, я въ заграничномъ путешествіи сосредоточилъ всѣ свои усилія на изученіи діагностической техники и патологической анатоміи. Счастливый случай способствовалъ мнѣ быть однимъ изъ первыхъ, по времени, преподавателей по этимъ двумъ отраслямъ въ нашей академіи. Состоя ассистентомъ при терапевтической клиникѣ профессора Зейдлица, я, по порученію его, производилъ вскрытія умершихъ въ клиникѣ, и, зная подробно прижизненную исторію ихъ болѣзней, читалъ

лекціи казуистически (т. е. основываясь на случаяхъ, какіе являли вскрытія въ клиникѣ), лекціи изъ патологической анатоміи, которую прилежно изучалъ у Рокитанскаго. Съ 1846 по 1848 годъ завѣдывалъ я послѣ Зейдлица терапевтическою клинкою, а съ 1848 по 1860 годъ—діагностическою клинкою, которая была соединена съ общою патологіею и терапіею въ одну каведру; а въ послѣдніе три года я занималъ каведру госпитальной клиники. Ниному лучше, какъ мнѣ самому, извѣстны мои недостатки.

Они были двоякаго рода: физическіе и нравственные.

Посѣщая еще студентомъ 5-го курса глазное отдѣленіе сухопутнаго госпиталя, я заразился бленноройнымъ воспаленіемъ обоихъ глазъ (*ophthalmia egyptiaca*), свирѣпствовавшимъ тогда въ нашихъ войскахъ; меня лечили сильновяжущими средствами. Наружный процессъ при этомъ скоро прекратился, но образовалась *cataracta capsulo-lenticularis* (бѣльмо) на обоихъ глазахъ, которая, медленно назрѣвая болѣе десяти лѣтъ, лишила меня возможности заниматься микроскопическими изслѣдованіями, что оставило незамѣнимый пробѣлъ въ области моихъ знаній. Заболѣлъ я мѣсяца за два передъ выпускнымъ экзаменомъ, и, конечно, чтеніе и всякое напряженіе глазъ были мнѣ строжайше запрещены. Но меня вывезла хорошая память.

Я только могъ слышать, какъ мои товарищи готовились вслухъ къ экзамену и съ этимъ выдержалъ его хорошо. Впослѣдствіи я занимался съ помощью искусственнаго расширенія зрачковъ *infuso belladonnae*. Атропинъ тогда еще не знали—пока въ 1850 г. незабвенный другъ мой Николай Ивановичъ Пироговъ не избавилъ меня отъ этого тягостнаго недуга чрезъ операцію катаракты *per discissionem et reclinacionem*. Съ тѣхъ поръ я могъ и могу неутомимо заниматься, просиживая часто за полночь за книгами.

Къ нравственнымъ недостаткамъ моимъ я долженъ отнести вспыльчивость, излишнюю довѣрчивость и склонность къ увлеченію, которыхъ побороть стоило мнѣ много времени и труда. Увлеченный новымъ для меня ученіемъ Ромберга и въ особенности гениальнаго Шкоды, видя съ какимъ мастерствомъ послѣдній опредѣлялъ самыя скрытныя болѣзни сосудистой и дыхательной системы, я вообразилъ, что усвоилъ себѣ, вмѣстѣ съ его лекціями и техникою, его талантъ и опытность.

Вернувшись изъ Вѣны, я выпросилъ себѣ палату съ грудными больными въ госпиталѣ и съ страстнымъ увлеченіемъ сталъ заниматься изслѣдованіемъ моихъ больныхъ всѣми тогда извѣстными способами объективно-діагностическаго изслѣдованія, какъ - то:

аускультациею, перкуссіею, мензураціею, спирометромъ Гудчисона (кромя микроскопа и химическаго анализа выдѣленій); писалъ подробнѣйшія исторіи болѣзней, дѣлалъ, повидимому, тончайшіе диагнозы и проводилъ почти все мое время въ госпиталѣ. Но при первыхъ-же вскрытіяхъ съ ужасомъ и не малымъ разочарованіемъ долженъ былъ сознать свои ошибки въ распознаваніи болѣзней, принявъ, напр., бронхіэктазію за каверну-аортныя атеромы, за недостаточность двустворчататаго клапана, ожиреніе съ расширеніемъ сердца за водянку околосердія и т. п. на основаніи однихъ объективныхъ признаковъ. Но профессоръ Зейдлицъ ободрялъ меня и совѣтывалъ во всѣхъ случаяхъ сличать функциональныя разстройства и ихъ явленія съ объективными признаками и жалобами больного, при распознаваніи каждаго отдѣльнаго случая, — что я затѣмъ постоянно дѣлалъ по его совѣту и грубыя ошибки стали рѣже встрѣчаться; но только съ 1842—1844 годовъ я окончательно изучилъ возможно точное примѣненіе методовъ объективнаго изслѣдованія къ диагностическимъ цѣлямъ, слѣдовательно только черезъ пять лѣтъ неустанныхъ трудовъ, послѣ того, какъ я слушалъ лекціи профессора Шкоды.

Въ 1842 году изъ Дерпта былъ приглашенъ въ нашу академію, на новую кафедру госпитальной хирургической клиники и патологической анатоміи, извѣстный тогда уже своими классическими сочиненіями по хирургіи и анатоміи, гениальный профессоръ Н. И. Пироговъ. Онъ вскорѣ сталъ завѣдывать всѣми вскрытіями по госпиталю. Къ нему поступали на секцію (вскрытіе) и умершіе въ моемъ отдѣленіи больные, съ весьма подробными исторіями болѣзней и въ началѣ не рѣдко проблематическими диагнозами, которые тотчасъ обратили на себя его вниманіе. Такъ какъ я присутствовалъ при всякомъ вскрытіи, то мнѣ не трудно было сообщить подробный и правдивый перечень прижизненныхъ функциональных разстройствъ и объективныхъ явленій — но только мои заключенія о значеніи послѣднихъ и связи ихъ съ органическими разстройствами далеко не всегда были вѣрными. При этихъ провѣркахъ мы скоро познакомились и строгій разборъ моихъ ошибокъ, съ указаніемъ причины, отчего онѣ произошли, сдѣлался для меня драгоценнымъ источникомъ хотя медленнаго, но основательнаго усовершенствованія не столько въ диагностической технику, которую я себѣ давно усвоилъ, сколько въ умѣніи узнавать извѣстныя органическія разстройства, по выдающимся при нихъ группамъ объективныхъ признаковъ и функциональныхъ разстройствъ. Въ этомъ направленіи и я имѣлъ счастье быть ученикомъ Пирогова.

При этихъ взаимныхъ повѣрочныхъ занятіяхъ, продолжавшихся болѣе двухъ лѣтъ, завязалось не только близкое знакомство, но и болѣе тѣсная дружба между нами, я сдѣлался домашнимъ врачомъ у Пироговыхъ и оставался таковымъ до отъѣзда его изъ Петербурга. Дѣятельность Пирогова въ нашей академіи составляетъ вторую эпоху переобразования ея, еще болѣе плодотворную, чѣмъ слишкомъ кратковременное ученіе Зейдлица. Анатомическіе разрѣзы Пирогова замороженныхъ труповъ, первое эфированіе на театрѣ военныхъ дѣйствій, классическая военно-полевая хирургія, — патологическая анатомія холеры и проч., и проч. давно уже обезсмертили имя знаменитаго анатома-хирурга. Онъ былъ не только реформаторомъ хирургіи и анатоміи, но основателемъ новой школы отличныхъ хирурговъ. Анатомическій институтъ, основанный по его инициативѣ и плану, хотя первоначально въ скромной обстановкѣ, сдѣлался источникомъ громадныхъ и разнообразнѣйшихъ, научныхъ матеріаловъ подъ его руководствомъ. Въ немъ положено основаніе рациональнаго преподаванія патологической анатоміи; тутъ возникли разрѣзы замороженныхъ труповъ, пролившіе новый свѣтъ на взаимное положеніе органовъ человѣческаго тѣла: Тутъ слушатели изучали анатомію описательную, топографическую, хирургическую, проходили курсъ операціи на трупахъ. Тутъ возникъ богатый музей разнообразнѣйшихъ анатомическихъ и патологическихъ препаратовъ. Наконецъ, Пироговъ избралъ себѣ въ помощники, въ качествѣ прозектора, иностраннаго ученаго анатома, впоследствии столь извѣстнаго профессора Венчеслава Венчеславича Грубера († 1889 г.) Считаю излишнимъ здѣсь далѣе распространяться о великихъ научныхъ заслугахъ Н. И. Пирогова. Онѣ слишкомъ извѣстны каждому образованному врачу, но я здѣсь хотѣлъ только въ нѣсколькихъ словахъ указать на значеніе его для нашей академіи, въ которой онъ, безъ сомнѣнія, былъ лучшимъ, знаменитѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ профессоромъ.

Теперь я вернусь къ новому попечителю и вліянію его на академію.

Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель въ то время былъ дежурнымъ генераломъ и пользовался, какъ человѣкъ дѣла, заслуженнымъ полнѣйшимъ довѣріемъ императора Николая Павловича. Клейнмихель былъ истинно государственный человѣкъ; хотя безъ особеннаго образованія, съ непреклоннымъ и суровымъ нравомъ, онъ одаренъ былъ высокимъ здравымъ смысломъ, необыкновенною понятливостью, замѣчательнымъ талантомъ выбирать способныхъ людей, широкимъ взглядомъ на вещи, требуя настойчиво существенное и пренебрегая мелочами, и съ желѣзною энергією.

Къ медико-хирургической академіи графъ П. А. въ началѣ относился недоувѣрчиво и не вполне дружелюбно, угрожая испуганному президенту Шлегелю, что при малѣйшихъ беспорядкахъ онъ виновныхъ подвергнетъ строжайшимъ наказаніямъ. Но судьба устроила совсѣмъ иныя отношенія грознаго попечителя къ медицинсой академіи.

Младшій сынъ чадолюбиваго графа, полуторагодовой мальчикъ Владиміръ, въ послѣдствіи свиты е. и. в. генераль-маіоръ и командиръ л.-гв. Семеновскаго полка, † 1880 г. былъ тогда золотушный и малокровный ребенокъ, у котораго образовалась большая опухоль между нижней челюстью и ключицею, съ лѣвой стороны шеи, которая начинала сильно беспокоить больнаго ребенка и его родителей. Графъ созвалъ консилиумъ, въ которомъ участвовали: лейбъ-медикъ Мандтъ, профессора: Дубовицкій, Саломонъ, д-ръ Мюллеръ (домашній врачъ семьи графа Клейнмихеля) и а. Д-ръ Мандтъ и хирурги рѣшили, что это холодный лимфатическій абсцессъ, вѣроятно въ связи съ каріознымъ пораженіемъ ключицы или перваго ребра и совѣтовали больнаго съ матерью и всей семьей отправить въ Ревель подъ моиѣ наблюденіемъ, но съ сомнительнымъ предсказаніемъ. Подъ вліяніемъ грѣтыхъ морскихъ ваннъ, іодистаго желѣза, рыбьяго жира и хинныхъ препаратовъ лимфатическій абсцессъ не только самопроизвольно вскрылся, но и послѣ продолжительнаго и обильнаго нагноенія окончательно зажилъ, при чемъ общее состояніе ребенка до такой степени поправилось, что обрадованный и благодарный отецъ едва узналъ въ немъ прежнаго своего хилаго, едва жизнеспособнаго сына. Съ тѣхъ поръ я пользовался неограниченнымъ довѣріемъ графа Клейнмихеля, которое непрерывно продолжалось до самой его кончины и которое я могъ употребить съ пользою для блага нашей академіи, сдѣлавшись нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между конференціею и попечителемъ ея. Послѣдствія такихъ благопріятныхъ отношеній не замедлили оказаться и были самыми плодотворными для академіи: по ходатайству конференціи и могучимъ предстательствомъ графа П. А.: 1) перестроены всѣ пришедшія въ ветхость части академическихъ и госпитальныхъ зданій; 2) на обогащеніе бібліотеки отпущено около 25,000 руб. сер.; 3) открыты четыре новыя кафедръ, для которыхъ приглашены на особыхъ условіяхъ извѣстные ученые: а) кафедра госпитальной хирургической клиники и патологической анатоміи, на которую приглашенъ былъ дерптскій профессоръ Н. И. Пироговъ; б) кафедра госпитальной терапевтической клиники, на которую пригласили виленаго профессора О. И. Мяновскаго,

который послѣ завѣдывалъ женскою и дѣтскою клиниками; в) каѳедра минералогіи и палеонтологіи, которую предложили извѣстному виленскому профессору Э. И. Эйхвальду, и г) каѳедра сравнительной анатоміи и фізіологіи, которую занялъ знаменитый академикъ Карлъ Максимовичъ Баръ. Сверхъ того попечитель щедрою рукою снабжалъ, по представленію конференціи, кабинеты и лабораторію медико-хирургической академіи всѣмъ необходимымъ; постоянно соглашался на посылку талантливыхъ молодыхъ врачей за границу; при немъ же оставались желающіе изъ лучшихъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ академіи, на шестой годъ при академіи или госпиталѣ, для усовершенствованія въ наукахъ. Къ сожалѣнію, графъ Клейнмихель, призванный на высокій постъ главноуправляющаго путями сообщенія, черезъ три года оставилъ должность попечителя академіи ¹⁾.

Гр. П. А. Клейнмихеля замѣнилъ, въ званіи попечителя медицинской академіи, новый дежурный генераль, генераль-адъютантъ П. Ф. Веймарнъ. При немъ открылся, задуманный еще Пироговымъ при графѣ Клейнмихелѣ, анатомическій институтъ. Будучи гораздо образованнѣе графа П. А., какъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, генераль-адъютантъ Веймарнъ, принесъ, однако же, гораздо менѣе пользы нашей академіи, чѣмъ его предшественникъ. Не имѣя ни того широкаго взгляда, ни способности выбирать дѣльныхъ людей, которыми такъ отличался графъ, Веймарнъ поддался вліянію своего домашняго врача, желчнаго, отсталаго мизантропа и формалиста штабъ-лекаря Крубера, который при немъ игралъ довольно важную роль и своими мелочными придирками скорѣе тормазилъ, нежели поощрялъ преуспѣваніе и развитіе нашей академіи.

Я долженъ упомянутьъ еще о двухъ талантливыхъ преподавателяхъ, Евгеніи Венцеславичѣ Пеликанѣ и Петрѣ Юліевичѣ Неммертѣ.

Первый изъ нихъ, сынъ извѣстнаго виленскаго профессора хирургіи В. В. Пеликана, который послѣдовательно былъ ректоромъ

¹⁾ Онъ и на новомъ посту изумительною дѣятельностью своею принесъ громадную пользу: онъ переобразовалъ институтъ корпуса инженеровъ путемъ сообщенія, снабдивъ его замѣчательнымъ физическимъ и механическимъ кабинетами и лучшими преподавателями; выстроилъ первую и лучшую желѣзную дорогу въ Россіи (Николаевскую), первый постоянный мостъ черезъ Неву (Николаевскій), 80,000 верстъ-шоссейныхъ дорогъ въ Россіи, закончилъ постройку Исаакіевскаго собора, вывелъ, справедливо оцѣнивъ ихъ, лучшихъ нашихъ инженеровъ: Кербедза, Герстфельда, Крафта, Мельникова, барона Дельвига, Серебрякова и другихъ.

виленской академіи, главнымъ докторомъ московскаго военнаго госпиталя, директоромъ военно-медицинскаго департамента, президентомъ медико-хирург. академіи и председателемъ медицинскаго совѣта, шелъ почти по слѣдамъ отца своего. Бывъ сначала адъюнктомъ при женской и дѣтской клиникѣ профессора Мяновскаго, Евг. Венц. Пеликанъ перешелъ на кафедру судебной медицины, при которой состоялъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ; но оставилъ замѣчательныя токсикологическія и судебно-медицинскія работы, — затѣмъ скоро сдѣлался вице-директоромъ, а потомъ и директоромъ медицинскаго департамента, а за смертію отца своего занялъ высокій постъ председателя медицинскаго совѣта. Къ сожалѣнію, послѣднія пять или шесть лѣтъ своей жизни, страдая прогрессивнымъ параличемъ, онъ почти безучастно занималъ председательскія кресла, на которыхъ его оставили изъ уваженія къ его прежнимъ заслугамъ.

П. Ю. Неммертъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ и ассистентовъ профессора Пирогова. Онъ его сопровождалъ на кавказскую экспедицію, въ которой впервые введено было Пироговымъ зонированіе оперируемыхъ на полѣ брани.

Профессоръ Неммертъ написалъ диссертацию *de ligatura arteriae Carotidis internaе*. Онъ былъ отличный хирургъ и талантливый профессоръ. Его постигла почти та-же участь, какъ и товарища его, Е. В. Пеликана, только гораздо раньше. Онъ умеръ, едва доживъ до 40 лѣтъ, отъ размягченія мозга.

Профессоръ О. И. Мяновскій, о которомъ выше упомянуто, былъ отличный практикъ съ хорошимъ общимъ образованіемъ. Его приглашали особенно дамы высшаго круга и нѣкоторые члены царской семьи; онъ прекрасно говорилъ по латынѣ и завѣдывалъ первою женскою госпитальною клинкою въ нашей академіи. Адъюнктомъ его былъ д-ръ Г. К. Кулаковскій, впоследствии занявшій кафедру фармакологіи и завѣдывавшій отдѣленіемъ кожныхъ болѣзней въ госпиталѣ.

ГРАФУ А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Ты не молодъ, не глупъ, и ты не безъ души.
 Зачѣмъ же въ городѣ и толки и волненіе,
 Зачѣмъ же роль играть російскаго паши
 И объявлять Москву въ осадномъ положеніи?
 Ты нами править могъ легко на старый ладъ,
 Не трата времени въ бессмысленной работѣ;
 Мы люди смиренные, не строимъ баррикадъ
 И гниемъ въ своемъ болотѣ.
 Что-жъ въ насъ не хорошо? Къ чему весь этотъ шумъ,
 Все это страшное употребленіе силы?
 Безъ гвалту могъ бы здѣсь твой дѣятельный умъ
 Бумаги не щадить и проливать чернила:
 Какой же учреждать ты думаешь законъ,
 Какіе новые устанавливать порядки?
 Ужъ не мечтаешь-ли, гордыней ослѣпленъ,
 Воровъ перевести и посагнуть на взятки?
 За это не берись; остынетъ грозный пылъ
 И сокрушится власть, подобно крупной стали.
 Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
 Вѣдь это на груди мы матерей сосали;
 За то скажу спасибо я теперь,
 Что кучеръ Беринга ¹⁾ не мчится своевольный
 И не реветъ уже какъ разъяренный звѣрь
 По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной,
 Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ,
 Закутанный въ шинель, ужъ онъ съ отвагой дикой
 На дрожжахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ,
 Несомый бурей на лодкѣ, Петръ Великій.

Николай Фил. Павловъ.

Примѣчаніе. Объ этомъ стихотвореніи говоритъ въ своихъ интерес-
 ныхъ замѣткахъ Н. В. Бергъ. См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXIX.
 Н. А. О.

Полиціймейстеръ въ Москвѣ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ПИКИТЕНКО

1864 г. ¹⁾.

январь 1. Среда. За необходимостью вслѣдствіе простуды сидѣть дома, принялся убирать свой кабинетъ и приводить въ нѣкоторый порядокъ книги, находящіяся у меня въ ужаснѣйшемъ хаосѣ. Къ сожалѣнію, мѣсто въ кабинетѣ моемъ не допускаетъ расположить мою бібліотеку такъ, чтобы я могъ свободно пользоваться ею. Теперь яную нужную книгу ищешь, ищешь, да такъ и не найдешь совсѣмъ: все свалено въ шкафахъ въ кучѣ. Хочу хоть одинъ шкафъ очистить и собрать въ немъ тѣ книги, которыя всего необходимѣе имѣть подъ рукою. Непріятная работа, сильно меня утомившая. Затѣмъ кое-кто приходилъ: Барановскій, дядя Маркъ (Любоцинскій), Глѣбовъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—384; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761.

2. Четвергъ. Иногда мысль должна быть обставлена иглами, чтобы она отбивала охоту нападать на нее.

3. Пятница. Гриппъ проходитъ. Гулялъ передъ обѣдомъ около часа, но за работою голова опять сильно отяжелѣла.

Что ты не очень умный человѣкъ, я узнаю это изъ того, что ты считаешь себя очень умнымъ.

6. Понедѣльникъ. Никогда, кажется, въ Петербургѣ не совершалось столько м—тей, какъ нынѣ, въ управленіе гуманнѣйшаго генераль-губернатора Суворова. Воровство дневное и ночное совершается въ огромныхъ размѣрахъ чуть не каждый день и каждую ночь — разбой, пьянство, безпримѣрное даже въ Россіи, такъ что пьяные толпами бродятъ по улицамъ, валяются гдѣ попало и часто даже въ такомъ видѣ умираютъ. Между пьяными встрѣчаются мальчики лѣтъ пятнадцати-шестнадцати; а сегодня извозчикъ рассказывалъ мнѣ, что видѣлъ недавно четырехлѣтняго ребенка, опоеннаго своими родителями. На улицахъ всевозможные беспорядки: скорая ѣзда, сломя голову, вслѣдствіе которой безпрестанно случаются несчастія, стаи собакъ бродятъ какъ въ Константинополѣ и проч., и проч. Полиція до того распушена и обезсилена, что или ничего не дѣлаетъ, или никто ее не слушается. Не разъ случалось видѣть, какъ извозчикъ или какой-нибудь мужикъ барахтается и отпихивается отъ городского, который за какое-нибудь безчинство хочетъ вести его въ часть. Воровъ, которые уже раза по три сидѣли за воровство въ тюрьмахъ, по приказанію генераль-губернатора отпускаютъ немедленно, хотя-бы они были пойманы съ поличнымъ. Недавно И. И. Домонтовичъ самъ слышалъ отъ городскихъ и другихъ полицейскихъ служителей, что воровъ и поджигателей не стоитъ и ловить, потому что начальство приказываетъ (?) немедленно ихъ выпускать. Одни и тѣ-же лица по нѣсколько разъ попадаютъ въ однихъ и тѣхъ-же преступленіяхъ—и это на самомъ короткомъ разстояніи времени. Полиціймейстеръ Банашъ, мнѣ знакомый, говоритъ, что у него руки опускаются что-нибудь дѣлать, потому что генераль-губернаторъ явно поддерживаетъ воровъ и мошенниковъ, разумѣется, изъ гуманныхъ видовъ. Вотъ какъ у насъ передѣлываютъ и примѣняютъ на свой ладъ высшіе европейскіе принципы.

7. Вторникъ. Для человѣка мужественнаго и съ характе-

ромъ нѣтъ въ жизни эпохи, когда-бы онъ могъ сказать: „Теперь я уже ничего не могу дѣлать“.

Одна изъ самыхъ трудныхъ для меня вещей—это сражаться съ иными антипатіями, съ внутреннимъ нерасположеніемъ въ тому или другому дѣлу. Однако, надо не только сражаться съ этимъ, но и побѣждать это.

Отвезъ письмо къ Срезневскому объ увольненіи меня изъ университета, такъ какъ 17-го числа нынѣшняго мѣсяца оканчивается мое пятилѣтіе. У Срезневскаго просидѣлъ часа два. Не знаю искренно или нѣтъ, но онъ очень жалѣлъ, что я выхожу изъ университета. Впрочемъ, я не знаю, почему-бы ему не быть искреннимъ въ настоящемъ случаѣ. Я видѣлся также съ ректоромъ по тому-же поводу: тѣже сожалѣнія.

8. Среда. Не ѣздилъ уже въ университетъ. Не стоитъ начинать новый семестръ.

9. Четвергъ. Правительству въ извѣстныхъ обстоятельствахъ бываютъ нужны цѣпныя (М. и К.). Оно и спускаетъ ихъ съ цѣпи, а потомъ не знаетъ, какъ ихъ унять. Сегодня въ засѣданіи совѣта (по дѣламъ печати), между прочимъ, была доложена ругательнѣйшая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ на Петербургъ. Я при этомъ случаѣ сказалъ, что о Катковѣ совѣтъ ничего не можетъ постановлять: пусть министръ вѣдается съ нимъ какъ считаетъ за удобнѣйшее, а совѣтъ былъ-бы только смѣшное, выслушивая и бесплодно заноса въ свои протоколы то, противъ чего онъ возстаетъ, но чего остановить не въ силахъ. Предсѣдатель объявилъ, что министръ, дѣйствительно, сдѣлалъ свое распоряженіе. Ну и ладно! Хотя я увѣренъ, что это вздоръ и что изъ этого ничего не выйдетъ.

Сегодня я долго разговаривалъ съ товарищемъ министра и онъ, между прочимъ, сказалъ, что Милютинская партія начинаетъ сильно расти.

10. Пятница. Бѣда намъ съ нашими доморощенными доктринами. Россія могла-бы легко еще, по крайней-мѣрѣ теперь, обойтись безъ примѣненія этихъ ученій, которыя на западѣ выдвинуты исторіей. Намъ не нужно преобладанія ни аристократовъ, ни демократовъ; намъ нужно одно: расширять и усиливать права класса образованнаго, не держась никакихъ сословныхъ принциповъ. Но мы искусственно и

насилъственно возбуждаемъ антагонизмъ сословій, и, глядя по головѣ и возвышая грубую полуварварскую массу, не видимъ какое опасное и дикое господство въ ней приготовляемъ. Не слѣдуетъ-ли прежде позаботиться о воспитаніи этой массы—воспитаніи, которое, умѣривъ ея дикіе инстинкты, сдѣлало-бы ее способною во всему тому, что теперь ей навязываютъ, не имѣя никакого обезпеченія, что она это не употребитъ во зло? Мнѣ кажется, что господство у насъ массы можетъ отозваться только великою бѣдою для Россіи.

12. Воскресенье. Подписался на „Голосъ“.

Надняхъ разнесся слухъ, что Герценъ умеръ, а теперь говорятъ, что это ложь. Умеръ-ли, живъ-ли онъ, впрочемъ, теперь—на мой взглядъ—рѣшительно все равно для Россіи. Врядъ-ли отнынѣ отъ него можетъ быть для нея польза или вредъ. Съ польскаго возстанія онъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что о его существованіи можно почти и забыть.

13. Понедѣльникъ. Отдалъ мою статью „Молодое поколѣніе“ для напечатанія редактору „Сѣверной Почты“.

15. Среда. Природа сильно мститъ за обиды, наносимыя ей или неразуміемъ нашимъ или страстями. Но что всего хуже: она мститъ дѣтямъ за проступки отцовъ.

„Взбаломученное море“ Писемскаго—это море безвкусія, въ немъ-же нѣсть числа гадовъ.

Герценъ, говорятъ, не умеръ, но здравствуетъ и благоденствуетъ. Будь онъ дѣйствительно полезный человѣкъ и живи въ своемъ отечествѣ, онъ былъ-бы давно тѣмъ или другимъ способомъ затертъ, а то и совсѣмъ пропалъ-бы.

Вывѣской честнаго человѣка служить: бѣдность и ограниченный кругъ дѣйствій.

16. Четвергъ. Жизнь—тревога; моя—архитревога. Былъ-ли въ жизни моей случай, которому-бы я имѣлъ право серьезно порадоваться, который-бы, сначала, повидимому, благопріятствуя мнѣ, не обратился потомъ въ горе или, по крайней-мѣрѣ, не умалилъ-бы значительной части своего благопріятства. Жаловаться на это, конечно, и глупо, и малодушно: это значило-бы жаловаться на самого себя, потому что человѣкъ въ большей части своихъ неудачъ и несчастій виноватъ самъ. Я и не жалуясь, а только, бесѣдуя съ самимъ собою, говорю о фактѣ.....

У насъ въ гимназіяхъ пресъверно учать (1864 г.). Всего больше хотять взять не качествомъ ученія, а количествомъ. Въ низшихъ классахъ, напримѣръ, въ головы десяти-и двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ ежедневно вѣчаютъ по пяти предметовъ и какъ каждый учитель заботится о томъ, чтобы пройти больше, а не о томъ, чтобы пройти лучше, то дѣти ходять отуманенные словами безъ настоящаго уразумѣнія ихъ смысла и не въ состояніи ничего порядочно себѣ усвоить.

17. Пятница. Надняхъ встрѣтилъ (Ив. Серг.) Тургенева, недавно пріѣхавшаго сюда изъ Парижа по вызову правительства для очной ставки съ нѣкоторыми заключенными въ крѣпости. Тургеневъ долго не вѣхаль, ссылаясь то на свою болѣзнь, то на болѣзнь своей дочери. Главная же причина была въ опасеніяхъ, чтобы его какъ нибудь не сопричислили къ бунтовщикамъ. Сенаторъ Пинскій, наконецъ, написалъ ему, что его присутствіе здѣсь необходимо для рѣшенія дѣла и что ему совершенно нечего опасаться: онъ дастъ только два, три показанія — и все. Такъ, дѣйствительно, и было. Миѣ Тургеневъ сказалъ, что послѣ двухъ призывовъ въ сенатъ ему объявили, что онъ теперь можетъ отправляться куда угодно.

18. Суббота. Факультетъ изъявилъ желаніе, чтобы я остался, по крайней мѣрѣ на этотъ академическій годъ въ университетѣ, и просилъ меня продолжать лекціи. Объ этомъ пойдетъ представленіе къ министру.

Вечеръ у Клеванова. Тамъ были, между прочимъ, одинъ разанскій помѣщикъ и одинъ тамошній же посредникъ. Послѣдній очень порядочный и образованный молодой человекъ. Онъ учился въ московскомъ университетѣ. Разговоръ касался преимущественно нашихъ нынѣшнихъ финансовыхъ затрудненій, отъ которыхъ сильно терпитъ провинція. Денегъ нигдѣ нѣтъ; сбыта сельскихъ продуктовъ также нѣтъ. Цѣны на хлѣбъ такъ низки, что его не стоитъ сбывать, и т. д.

20. Понедѣльникъ. Совершенная оттепель, дождь.

Умеръ 19-го числа А. В. Дружининъ, который уже давно былъ боленъ чахоткой.

21. Вторникъ. Распутица продолжается.

Засѣданіе въ совѣтѣ попечителя. Пренія о разныхъ спеціальныхъ вопросахъ гимназической администраціи. Я въ нихъ не участвовалъ.

Любопытно въ этомъ засѣданіи было только то, что начинаютъ чувствовать необходимость въ восстановленіи Педагогическаго института. Хотя теперь по спб. округу существуетъ болѣе двадцати человѣкъ готовящихся въ учительскому званію, но никто ими не занимается. Руководители ихъ университетскіе профессора, которые для того даже получаютъ дополнительное жалованье. Но они даже въ глаза не видали никого изъ этихъ молодыхъ людей, а тѣ, ничѣмъ незанятые. находятъ для себя очень пріятною эту милую праздность на иждивеніи правительства. Когда одного изъ нихъ спросили: „Подъ чьимъ руководствомъ онъ занимается?“ Онъ отвѣчалъ: „Подъ руководствомъ профессора Курторги“. А Курторги и въ Петербургѣ съ мая мѣсяца совсѣмъ нѣтъ. Удивительно, какъ мы, русскіе люди, равнодушны ко всякому общественному дѣлу и какъ насъ нужно принуждать что-нибудь дѣлать.

22. Среда. По желанію факультета я продолжаю лекціи въ университетѣ.

У Марка (Николаевича Любощинскаго) сгорѣлъ новый домъ въ его витебскомъ имѣніи Лосведа — и сгорѣлъ до гла. Не крестьяне-ли это пошаливаютъ? При нынѣшнихъ обстоятельствахъ не мудрено, если демократическая дикость у насъ такъ разгуливается. И въ Петербургѣ безнаказанность производитъ много печальныхъ явленій.

24. Пятница. Статья моя „Молодое поколѣніе“ напечатана въ № 20 „Сѣверной Почты“.

Итакъ, война началась съ Даніей. Едва-ли она сдѣлаетъ честь Германіи: это война слона противъ мыши.

25. Суббота. Засѣданіе въ факультетѣ. Послѣ магистерскаго экзамена изъ политической экономіи кому-то, чье имя я позабылъ, (послѣдовалъ сегодня) выборъ въ доценты: Астафьева, Бауера и Люгибеля. Избраны единогласно. Потомъ я прочелъ мое предложеніе объ избраніи въ почетные доктора Сидонскаго. Записка моя возбудила такое громкое одобреніе, что въ факультетѣ положено изъявить мнѣ благодарность. Раздались такія выраженія: что это мастерское изложеніе, что это не только вѣрная, но и художественная характеристика. Вотъ не ожидалъ! Посмотримъ, что скажетъ совѣтъ.

Въ засѣданіи былъ и Курторга, который недавно пріѣхалъ. Онъ рѣшился подвергнуться баллотировкѣ.

Признаюсь, грустно мнѣ оставить университетъ! Большая и лучшая часть моей жизни посвящена была ему. Но, можетъ быть, я, дѣйствительно, не въ состояніи буду дальше приносить той пользы слушателямъ, какую можетъ принести имъ новое лицо со свѣжими силами? Настоящее мое значеніе въ нашей университетской наукѣ было нравственно-философское, а теперь требуютъ преимущественно фактовъ. Фактами по русской словесности и я, конечно, могу быть не бѣденъ. Но мнѣ не достаетъ возможности сравнительнаго способа по незнанію моему иностранныхъ языковъ. Вотъ гдѣ настоящій для меня камень преткновенія. Я чувствую мои силы въ философской и эстетической сферѣ; знаю, что мои слушатели могутъ получить отъ меня, можетъ быть, вѣрныя основныя начала, могутъ развиться подъ моимъ руководствомъ въ высшихъ соображеніяхъ по литературѣ и особенно утвердиться въ сочувствіи къ великимъ истинамъ науки и жизни, потому что я самъ этимъ глубоко проникнуть, имѣю для подобнаго руководства достаточный запасъ опытности, пожалуй, и способностей. Но этого недостаточно при нынѣшнихъ требованіяхъ науки. На это было время, и я могу безъ всякаго глупаго жеманства и мелочнаго самолюбія по совѣсти сказать, что тогда приносилъ и принесъ свою долю пользы. На этомъ я и долженъ успокоиться. Истинно честный дѣятель не только честно служить своему дѣлу, но еще и умѣетъ, ради пользы этого любимаго своего дѣла, своевременно и добровольно отъ него отказаться и передать его въ болѣе сильныя руки.

Все это взвѣсивъ и искренно разобравшись въ самомъ себѣ, я окончательно отказываюсь отъ баллотировки для выбора меня на новое пятилѣтіе, даже если-бъ я былъ увѣренъ въ большинствѣ голосовъ за меня моихъ товарищей, чего, конечно, нѣтъ: почему? — не берусь рѣшать. Впрочемъ, теперь это для меня уже второстепенный вопросъ.

26. Воскресенье. Если вамъ случилось оказать мнѣ услугу, то не дерите-же съ меня процентовъ сто на сто, какъ какой-нибудь жидъ-ростовщикъ! Вотъ, напримѣръ, господинъ Катковъ сдѣлалъ нѣчто хорошее своей газетой и теперь считаетъ, что онъ купилъ этимъ право дѣлать всевозможныя гадости. Съ несмысленною дерзостью онъ всякаго несогласнаго или хоть сколько-

нибудь расходящагося съ его мнѣніемъ клеймить названіемъ измѣнника, врага отечества, невѣжды и пр., и пр. Но вѣдь это значитъ имѣть слабую голову, чтобы такъ скоро опьянѣть отъ успѣха и надуться такимъ непомѣрнымъ количествомъ спѣси и самохвальства.

Утромъ у Л. Она предложила мнѣ быть членомъ учреждающагося „Общества Женскаго Труда“. Я согласился не прежде, однако, какъ разсмотрѣвъ проектъ устава, который тутъ-же и былъ данъ мнѣ.

Не порывайтесь казацкой удалью овладѣть истинною въ укрѣпленіяхъ, доступныхъ только натиску тяжелыхъ и побѣдоносныхъ орудій артиллеріи науки.

То выраженіе особенно хорошо, которое, съ точностью передавая опредѣленную мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ вамъ чувствовать и отношеніе ея къ другимъ мыслямъ, болѣе или менѣе къ ней близкимъ или отдаленнымъ, но которыя не входятъ непосредственно въ цѣпь излагаемыхъ вами понятій.

27. Понедѣльникъ. Записка моя о Сидонскомъ была читана въ Совѣтѣ университета. Я никакъ не ожидалъ такого блистательнаго успѣха: онъ былъ избранъ двадцатью тремя головами противъ трехъ. Многіе изъ членовъ Совѣта мнѣ лично выразили самыя любезныя привѣтствія по поводу моего изложенія и пр. Я, мимо ѣдучи изъ Совѣта, заѣхалъ къ Сидонскому поздравить его. Старикъ былъ очень доволенъ.

Въ доценты гражданскаго права избранъ Вицынъ. Варадиновъ выбирался въ профессора и получилъ хорошіе баллы: семнадцать противъ десяти. Но Вицынъ былъ избранъ двадцатью четырьмя противъ двухъ.

Вѣднй Куторга (Михаилъ) потерпѣлъ пораженіе. Нужно было двѣ трети голосовъ, чтобы избрать его на пятилѣтіе: ему недодано было двухъ. Люгибель и Бауеръ избраны въ доценты.

29. Среда. Какая-то сплетня была причиною, что Куторга не избранъ. Кто-то распространилъ между членами совѣта мнѣніе, что Куторга не будетъ читать лекцій, о чемъ будто-бы онъ объявилъ въ факультетскомъ собраніи въ субботу. Тамъ, правда, была рѣчь о нечтеніи лекцій, но только до того дня, когда рѣшится вопросъ объ его избраніи. Словомъ, сплетня—и такъ-то рѣшаются у насъ дѣла. Теперь нѣкоторые изъ членовъ

совѣта и говорятъ, что, вѣроятно, законное большинство осталось-бы за Куторгою—если-бы то и то. Все ложь и пустяки. Приходится только повторять старые стихи Карамзина изъ Эклезіаста:

„Не судить ни о комъ разсудокъ безпристрастный,
„Лишь страсти говорить...

30. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи—ничего; въ факультетѣ—дѣло о Куторгѣ. Положено просить о томъ, чтобы его сдѣлали почетнымъ членомъ университета и оставили еще хоть на нѣсколько времени преподавателемъ исторіи за немѣнимъ для этого предмета, надлежащаго опытнаго лица. Остался одинъ начинающій доцентъ Бауреръ.

Февраль 1. Суббота. Кажется, слѣдующее опредѣленіе человѣка будетъ довольно вѣрно: человѣкъ есть существо физическое, разумное и гадающее своему ближнему.

Какой злой духъ надоумилъ Пирогова оставить науку, гдѣ онъ завоевалъ себѣ такое прекрасное мѣсто, и прилѣпиться къ отверженному племени бюрократовъ, гдѣ онъ едва можетъ приобрѣсти посредственное значеніе и привести весьма мало существенной пользы!

2. Воскресенье. Подражательность и воспріимчивость составляютъ два различные и послѣдовательные фазиса въ исторіи нашего умственного развитія. Сначала, съ легкой руки Петра Великаго, мы подражали, т. е. становились передъ предметами, заносимыми къ намъ съ запада, и какъ неподвижное зеркало механически или, если угодно, оптически отражали ихъ въ себѣ безъ малѣйшаго принятія ихъ внутрь, безъ всякаго измѣненія, кромѣ того, что предметъ былъ существенъ, а отраженіе прозрачно. Съ теченіемъ времени до нѣкоторой степени начали мы не только отражать, но и усваивать себѣ чужія понятія, воспринимать ихъ внутрь, но не перерабатывая, не анализируя, оставляя ихъ почти такими, какими они приняты, и въ этомъ видѣ мы стремимся распространять ихъ, не заботясь о томъ, должны-ли они быть распространяемы и могутъ-ли они ужиться въ нашемъ русскомъ мірѣ. Въ обоихъ случаяхъ немного самостоятельности, но во второмъ, конечно, больше движенія, больше жизни. Видно, что мы стараемся напитать себя принятымъ матеріаломъ; но такъ какъ мы не думаемъ ни о добровачествен-

ности принятой пищи, ни о томъ, въ какой мѣрѣ она свойственна нашему организму и нашему возрасту, то нерѣдко пища эта производитъ въ насъ тошноту и вмѣсто того, чтобы дѣйствительно насъ питать, она намъ вредитъ и отравляетъ насъ. Мы похожи на богача, который вмѣсто того, чтобы употребить свой капиталъ на удобреніе и обработку своей собственной земли или на заведеніе у себя для собственнаго потребленія полезныхъ фабрикъ, тратитъ этотъ капиталъ на добываніе изъ чужихъ рукъ того, что ему нужно и что не нужно, и такимъ образомъ непроизводительно проматываетъ свое достояніе. Немудрено, что послѣ перваго удовлетворенія своимъ нуждамъ и прихотямъ, мы разоряемся и становимся нищими.

Годичное собраніе въ Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ. Была прочитана небольшая статья Тургенева въ память Дружинина. Избранъ президентомъ баронъ М. А. Корфъ.

Я предложилъ старшую пенсію, выдаваемую Обществомъ, назвать въ память Дружинина — Дружининскою. Всѣ единогласно одобрили это и согласились.

А нѣкоторые изъ членовъ явились, чтобы насолить Корфу, снабдивъ его отрицательными голосами. Но это не удалось.

Тутъ я побесѣдовалъ съ княземъ Щербатовымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ и проч. Въ пять часовъ мы сошлись на тризну по Дружининѣ въ отель-де-франсъ. Тутъ были кромѣ меня: Тургеневъ, Анненковъ, Г., Ковалевскій (Егоръ), Григоровичъ, Гаевскій, Боткинъ и братъ Дружинина. Послѣдній очень благодарилъ меня за поданную въ Обществѣ мысль о Дружининской пенсіи. Обѣдъ былъ роскошный, но бесѣда за обѣдомъ совершенно пустая. Къ концу обѣда собесѣдники ударились даже въ разные скандальные разговоры. Неужели наши передовые умы не умѣютъ найти лучшихъ предметовъ для дружеской бесѣды?

3. Понедѣльникъ. Что такое, наконецъ, это волнующееся общество и что изъ него должно выйти?

Всякій непременно хочетъ составить около себя особый кружокъ, чтобы первенствовать въ немъ.

Все надо сводить къ одному центру—къ самоукрѣпленію, къ самоусовершенствованію, къ самообладанію.

6. Четвергъ. Вьюга. То, что человѣкъ самъ собою и для себя дѣлаетъ, ровно ничего не значить. Тутъ онъ наравнѣ со всякимъ животнымъ: онъ ѣсть, пьетъ, плодится, заботится о своемъ благосостояніи, наслаждается болѣе или менѣе, страдаетъ и умираетъ. Важно только то, что онъ вноситъ въ общую сокровищницу человѣческаго развитія и образованія, чѣмъ онъ содѣйствуетъ построенію общаго зданія человѣчности.

Вотъ такъ мнѣ достанется и умереть, не только не выполнивъ моей задачи, занимавшей меня со дней отрочества, но и никакой. Главный недостатокъ и бѣдствіе моего существованія въ томъ, что я задалъ себѣ задачу слишкомъ большихъ размѣровъ: я не сумѣлъ остановиться на одномъ предметѣ, я не сумѣлъ быть специальнымъ. Каждый отдѣльный предметъ казался мнѣ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы я могъ всего себя ему обречь. Цѣлое, общее, человѣческое—вотъ что меня занимало, что влекло меня къ себѣ. Правда, я не пренебрегалъ ни однимъ, сколько нибудь важнымъ, предметомъ, но я не хотѣлъ заняться имъ исключительно. Правда, во всѣхъ моихъ стремленіяхъ проглядывала наклонность къ политической дѣятельности; но какъ у насъ она была невозможна, то я ничего и не достигалъ и не могъ достигнуть въ этой сферѣ. И вотъ каждая брѣска изъ специалистовъ, грызущая свой лоскутикъ съ полусгнившаго стараго пергамента или засушенный стебель казого-нибудь растенія, можетъ съ гордостью встать передо мною и спросить: „вотъ ты мыслитель и краснорѣчивый вѣщатель, а ничего не сдѣлалъ. Посмотри, вотъ я сколько нагрмыз сору—какъ ты это называешь, но этотъ соръ пойдетъ хоть на замазку чего-нибудь, а ты и самъ-то врядъ-ли на нее годишься“.

Управлять людьми самое скучное и неблагодарное ремесло, и одни только сентиментальные мечтатели или рыаные честолюбцы способны добровольно обречь ему себя на жертву. Если вы не чувствуете призванія ни быть жертвою, ни дѣлать другихъ жертвами, то заботьтесь единственно о первомъ, а другихъ людей оставьте быть тѣмъ, чѣмъ они хотятъ и могутъ сдѣлаться.

Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Пржецлавскій читалъ свою записку о сильномъ распространеніи у насъ матеріализма и полагалъ, что достаточно выбрать хорошихъ цензоровъ, чтобы остановить этотъ пагубный потокъ. Я испросилъ у пред-

сѣдателя разрѣшенія говорить. Прежде всего я похвалилъ записку г-на Пржецлавскаго, назвавъ ее трактатомъ, что, однако, кажется, не понравилось ея сочинителю, который видитъ въ ней официальный документъ. Потомъ я обратился къ вопросу: какія же мѣры думаетъ авторъ принять противъ этого зла, ибо нельзя же серьезно думать, чтобы выборъ нѣсколькихъ хорошихъ цензоровъ былъ достаточною для этого мѣрою? Да и самый этотъ выборъ вещь не легкая. Матеріалистическое настроеніе есть настроеніе времени; оно не только врывается въ печать, оно сидитъ на кафедрахъ университетскихъ, проникаетъ въ воспитаніе. Естественная наука овладѣла духомъ времени и вмѣстѣ съ утилитарнымъ направленіемъ образуетъ нравы нашего времени. Если это зло, то противъ него надо ополчиться силами равными: сюда надо призвать на помощь ужъ, конечно, не одну полицію, т. е. цензуру, а все, что есть лучшаго въ вѣрованіяхъ человѣческихъ, въ разумѣ, въ воспитаніи. Но какъ это сдѣлать? Въ заключеніе я показалъ, что записка г. Пржецлавскаго есть весьма почтенный трактатъ, но не ведущій ни къ какимъ практическимъ результатамъ въ административномъ отношеніи. Въ такомъ же духѣ оспаривали Пржецлавскаго предсѣдатель, Г. и Туруновъ. Прочіе молчали. Авторъ записки защищался съ своимъ обычнымъ неумѣніемъ. Чтобы, однако, нѣсколько его утѣшить, да и не оставить безъ вниманія такого важнаго дѣла, какъ матеріализмъ, предсѣдатель предложилъ отправить записку въ спб. цензурный комитетъ для прочтенія. Тѣмъ и кончилось длинное преніе.

Въ „Днѣ“ учинены сильныя нападки на управленіе въ Кіевѣ. Въ томъ краѣ готовятся ужасы по милости неспособности и крайней слабости нашей тамошней администраціи. Совѣтъ не призналъ нужнымъ принять какую-нибудь мѣру противъ „Дня“. А. Г. Тройницкій, между прочимъ, сказалъ, что все излагаемое въ „Днѣ“, къ сожалѣнію, совершенно справедливо: это ему, какъ товарищу министра, очень хорошо извѣстно.

Есть-ли у насъ патриотизмъ? Въ такъ называемомъ образованномъ классѣ его нѣтъ.

7. Пятница. Обѣдъ у Григорія Васильевича Дружинина, брата умершаго недавно Александра Васильевича. Обѣдъ черезчуръ роскошный. Я пробылъ часовъ до девяти вечера въ бесѣдѣ съ

нѣкоторыми литераторами: Тургеневымъ, Г., Анненковымъ, Григоровичемъ и пр. Интересенъ былъ особенно Тургеневъ. Онъ рассказывалъ много любопытнаго о сношеніяхъ своихъ съ заграничными писателями, между прочимъ съ Диккенсомъ.

Вообще разговоръ за нынѣшнимъ обѣдомъ и послѣ обѣда былъ и занимательнѣе, и приличнѣе. Можетъ быть, оттого, что съ нами были неразлучны дамы—старушка мать Дружинина и жена его. Да и дѣти тутъ безпрестанно вертѣлись.

Тургеневъ держитъ себя, какъ настоящій джентльменъ. Онъ пріятенъ безъ усилий, простъ и благороденъ. Съ нимъ пріятно быть и говорить.

9. Воскресенье. Я говорю: какое право имѣеть общество (клубъ), избирая кого-либо въ свои члены, контролировать его убѣжденія? Оно не можетъ и не должно принять безчестнаго человѣка—на это оно имѣеть право, но на большее не должно претендовать. Есть двѣ нравственности у человѣка: нравственность общественная и нравственность совѣсти. Пусть общество осуждаетъ поступки, противные первой—но опять-таки не на основаніи страстныхъ партійныхъ порывовъ, а на твердыхъ основахъ безпристрастныхъ законовъ чести. Но кто судья вторыхъ? Богъ и развѣ..... третье отдѣленіе.

10. Понедѣльникъ. Въ субботу 8-го умеръ Востокъвъ, на восемьдесятъ третьемъ году жизни.

Да и президентъ нашъ (графъ Блудовъ) тоже плохъ. Онъ, кажется, тѣхъ-же лѣтъ. Я вчера заходилъ справиться о его здоровьѣ. Миѣ сказали, что ему стало хуже.

11. Вторникъ. Смерть собственно не есть зло—она ничего. Зло—умираніе и предумираніе.

Медики утверждаютъ, что каждая эпоха, кромѣ общихъ обыкновенныхъ недуговъ, имѣеть еще свои собственные, происходящіе изъ обстоятельствъ времени. Таковы нынѣ нервныя болѣзни и размягченіе мозга. Любопытно было-бы изслѣдовать психологическія причины этихъ болѣзней, сдѣлавшихся нынѣ столь обыкновенными. Миѣ кажется, это есть слѣдствіе—по крайней мѣрѣ отчасти, плохо перевареннаго образованія и происходящаго отсюда страшнаго усиленія честолюбія, которое напрягаетъ душевныя силы каждаго въ замыслахъ и предпріятіяхъ, выходящихъ изъ предѣловъ его силъ и возможности. Въ

самомъ дѣлѣ, кто нынѣ не честолюбивъ? Кто не желаетъ отличиться, обратити на себя общее вниманіе, сдѣлаться популярнымъ? Стремленіе къ популярности уже само по себѣ является болѣзнью нашего времени. Желаніе пріобрѣсти ее напрягаетъ мозгъ выше мѣры, а отсюда и до размягченія мозга не далеко.

Самое важное въ Востоковѣ—пожалуй, даже важнѣе его науки—это то, что онъ былъ истинно честный человѣкъ.

12. Среда. Похороны Востокова. Изъ Петропавловской лютеранской церкви мы проводили его на Волково кладбище, гдѣ намъ предложенъ былъ завтракъ, до котораго я, впрочемъ, не дотронулся. Изъ церкви гробъ вынесли и поставили на дроги мы, академики. Провожавшихъ до могилы было довольно много. На могилѣ Срезневскій сказалъ коротенькую, но весьма приличную рѣчь въ честь покойнаго, который, дѣйствительно, былъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ и одинъ изъ честнѣйшихъ людей. Я, правду сказать, не питаю очень большой вѣры въ такъ называемую славянскую науку, но Востокова нельзя было не цѣнить, не уважать, не любить за его сердце. За завтракомъ сказано было еще маленькое слово Биларскимъ. Борисъ Ѳедоровъ, бывший членъ бывшей Россійской академіи, прочиталъ старыя стихи Востокова въ доказательство, что онъ былъ не только ученый, но и поэтъ. Вдругъ изъ среды провожавшихъ исторгся редакторъ педагогическаго журнала „Учитель“ и съ достаточною яростью произнесъ нѣсколько словъ въ укоризну чиновникамъ и литераторамъ, изъ которыхъ никто не захотѣлъ отдать послѣдней почести знаменитому ученому. Это и правда.

13. Четвергъ. Засѣданіе въ факультетѣ. Окончательный экзамень на магистра (Юлію Эдуардовичу) Янсону, который во всѣхъ предметахъ оказалъ превосходныя знанія и умѣніе излагать. Главный его предметъ—политическая экономія.

15. Суббота. Засѣданіе въ академіи. Читаны были записки покойнаго А. Х. Востокова. Ихъ не много. Онѣ заключаютъ въ себѣ только дѣтство академика и его воспитаніе сперва въ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи художествъ. Записки эти очень любопытны и отличаются тою искренностью и простотою, какія вообще были свойственны характеру этого почтеннаго и благороднаго академика. С., по своему обыкновенію, какъ пѣвчая птичка разливался въ преувеличеніяхъ объ ученыхъ

достоинствахъ Востокова. По его словамъ, Востоковъ не уступаетъ Гумбольдту, Ньютону; онъ нашъ Яковъ Гриммъ и пр. Востоковъ былъ, неоспоримо, очень достойный ученый и достойнѣйшій человекъ. Но зачѣмъ-же стулья-то ломать? Похвалы черезъ край всегда только вредятъ дѣлу. Тутъ, между прочимъ, досталось всѣмъ, кто не былъ на похоронахъ. Дѣйствительно, странно было-бы, что для отдавiя послѣдняго долга знаменитому ученому не явился ни одинъ литераторъ, если-бы мы не знали, что наши литераторы не только не учены, но и невѣжды. Гораздо страннѣе, что московскiй университетъ не отвѣчалъ на посланную ему телеграмму о смерти Востокова. Харьковский отвѣчалъ очень любовно.

16. Воскресенье. Спектакль въ театрѣ пассажа. Здѣшнiе малороссiяне рѣшились сыграть на своемъ языкѣ двѣ пьесы Основьяненко „Щира любовь“ и „Сватанне на Гончаривцѣ“. Игра была очень недурна, особенно отличилась г-жа Гудима-Левковичъ. Она прекрасно изобразила малороссiйскую влюбленную дивчину. Все въ ней: манеры, произношенiе, игра ея прiятной, умной и одушевленной фiзиономiи—все было чисто народное. И при всемъ этомъ въ игрѣ ея не было недостатка и въ художественной отдѣлкѣ. Другая дѣвица Квитченко тоже весьма недурно сыграла ея подругу. Жаль только, что пьеса „Щира любовь“ плоховата: въ ней пропасть несообразностей и перехитренная сентиментальность, какъ вообще у Основьяненки. Театръ былъ довольно полнъ. Спектакль этотъ вообще удался. Онъ былъ данъ въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ войны. Въ антрактахъ нѣкто Майскiй говорилъ свои рассказы недурно, хотя самые рассказы довольно пусты.

17. Понедѣльникъ. Дрянное расположенiе духа. Во всѣ эти дни одинъ пароксизмъ слѣдуетъ за другимъ.

Зачѣмъ, срѣзывая мнѣ на носу бородавку, вы хотите отрѣзать мнѣ и носъ?

Засѣданiе въ совѣтѣ (факультета). Сильныя пренiя по случаю опредѣленiя Куторги преподавателемъ за плату... Отчего это у насъ всякiя изъясненiя чувства смѣшны? Не оттого-ли, что чувство это фальшиво и натянато и что ему никто не вѣритъ, начиная съ того самаго, кто его выражаетъ.

18. Вторникъ. Я на мѣстѣ Куторги никакъ не согласился-бы

быть преподавателемъ по найму въ корпораціи, гдѣ я имѣлъ голосъ и теперь не буду его имѣть. Что это—любовь къ наукѣ? Но вѣдь эту любовь можно питать и иначе, кромѣ преподаванія. къ которому Куторга и не показывалъ особенной ревности. Нужды въ деньгахъ онъ не имѣеть, потому что онъ съ достаткомъ. Развѣ показать университету, что вотъ какъ онъ отлично преподаетъ, а университетъ отвергъ его? Конечно, это-бы самое положительное, но успѣеть-ли онъ сдѣлать это?

Какъ часто становлюсь я жертвою внутренней неурядицы-недовольства самимъ собою. Во всемъ этомъ огромный недостатокъ мужества и самообладанія.

19. Среда. Обѣдалъ у Владимірскаго. За обѣдомъ произошла ссора у Б. съ Д..... Тутъ былъ еще (Александръ) Лохвицкій, съ которымъ я и познакомился. Господинъ не очень привлекательный. Въ немъ непобѣдимая самоувѣренность и духъ нетерпимости. Диктаторскіе приговоры текутъ изъ устъ его рѣвкою и, кажется, онъ никому не позволяетъ подняться до высоты его полета.

20. Четвергъ. Поутру, приготовляя доклады въ совѣту въ министерствѣ, неожиданно получилъ отъ вице-президента академіи наукъ увѣдомленіе, что я назначенъ дежурнымъ при гробѣ графа Д. Н. Блудова. Итакъ, Блудовъ умеръ. Это уже давно ожидалось. Я немедленно далъ знать Тройницкому, что въ засѣданіи не буду, облекся въ мундиръ и поѣхалъ на квартиру покойнаго. Въ часъ была панихида. Тутъ было видимо-невидимо чиновнаго люда. Былъ Государь съ Государынею и со всемъ своимъ семействомъ. Я видѣлъ здѣсь Княжевича, Ковалевскаго, Корфа. Я пробылъ здѣсь до трехъ часовъ. Завтра я опять дежурнымъ. Сегодня по настоящему не мнѣ слѣдовало. Я не знаю кого замѣнилъ, но охотно согласился отдать эту почеть благородному усопшему, котораго я искренно уважалъ.

Графъ Блудовъ умеръ вчера около четырехъ часовъ полудни. Въ двѣнадцать часовъ онъ еще принималъ какой-то докладъ, а за полчаса до смерти говорилъ о манифестѣ для польскихъ крестьянъ, о государѣ и собирался одѣться, чтобы, какъ онъ говорилъ, помолиться Богу за государя. Эти подробности сообщила мнѣ А. А. Воейкова, бывшая неотлучно при немъ съ его дочерью.

21. Пятница. Дежурилъ у гроба Блудова. Былъ тамъ въ половинѣ одиннадцатаго, вернулся домой къ тремъ. Панихиду служилъ митрополитъ. Ждали государя, но на этотъ разъ онъ не пріѣхалъ. Сановниковъ опять великое множество. Сегодня былъ и Валуевъ. Чудо какъ великолѣпенъ въ своей синей по жилету лентѣ!

22. Суббота. Въ произведеніяхъ искусства мало того, чтобы не было неправды: надо, чтобы въ нихъ была правда.

Вчера былъ у меня С. и рассказалъ мнѣ, что происходило въ экстренномъ засѣданіи совѣта въ университетѣ въ четвергъ, когда я не могъ тамъ быть. Ректоръ прочиталъ секретное къ нему отношеніе попечителя, который увѣдомляетъ его, что до его свѣдѣнія дошло слѣдующее: въ университетѣ находятся три поляка, явившіеся туда съ намѣреніемъ подстрекать молодежь къ безпорядкамъ и опять довести университетъ до закрытія. Юношество, дѣйствительно, уже нѣсколько дней какъ снова волнуется и, кажется, рѣшительно предпринимаетъ опять учредить сходки.

На похороны графа Блудова сегодня не поѣду. Хотя я и не особенно усталъ за два прошедшіе дня, но сегодня тамъ предстоитъ много стоянія и суматохи и я съ утра ощущаю приближеніе сильнѣйшаго пароксизма.

Нынѣшняя естественная наука устремилась со скальпелемъ и микроскопомъ на открытія глубочайшихъ тайнъ творенія. Она, дѣйствительно, дошла до изученія мельчайшихъ подробностей въ составѣ вещей; но дошла-ли она до главнаго—до той силы, которая этимъ подробностямъ даетъ жизнь и движенія? Объяснить эту силу отношеніями нѣтъ никакой возможности, потому что отношенія суть только послѣдствія, а не причина движенія и жизни. Положите камень на камень, травку на травку, нервъ на нервъ, каплю крови, на каплю крови, вы ничего тутъ не достигнете, кромѣ мертваго сопребыванія. Чтобы тутъ явились жизнь и движеніе, нужно что-то другое, чего никакъ нельзя разсмотрѣть сквозь микроскопъ или достать скальпелемъ. Нуженъ возбудитель, отъ котораго-бы вещи пришли въ движеніе и каждая стала въ извѣстныя отношенія къ другой. Возбужденіе предшествуетъ отношеніямъ, а не отношенія производятъ возбужденіе.

23. Воскресенье. Да, Европѣ грозитъ всеобщая нравственно-

соціальная революція. Дѣло не въ томъ, чтобы ей противиться, но чтобы по возможности устранить крайности, въ которыя впадаетъ всякая революція, и сдѣлать ее менѣе пагубною, а болѣе для людей полезною.

Надобно, чтобы горячность не превращалась въ горячку съ бредомъ.

24. Поведѣльничь. Въ университетѣ опять начинаются беспорядки между студентами. Вотъ оно молодое поколѣніе! На какомъ основаніи хотеть оно первенствовать? Чтѣ оно уже сдѣлало такого, чтобы возбудить къ себѣ сочувствіе и довѣріе? Какія надежды оно подаетъ? Вѣдь одно, чѣмъ оно можетъ и чѣмъ должно увѣрить въ своемъ превосходствѣ—это учиться, готовить изъ себя лучшихъ дѣятелей, чѣмъ предшественники его. А оно, какъ пьяное, стремится—куда? само не знаетъ, кричить, замахивается на заводъ и порядокъ, науку посылаетъ къ чорту, замѣняя ее газетными статьями и легкимъ поверхностнымъ чтеніемъ..... и это будущность Россіи! Господа, да сдѣлайте-же такъ, чтобы намъ, старикамъ, не стыдно и не страшно было передать ея судьбы изъ нашихъ ослабѣвающихъ въ ваши крѣпкія руки и мы охотно, съ радостью отдадимъ вамъ должное и признаемъ ваше превосходство.

Вчера услышалъ я отъ Д., что въ президенты академіи наукъ назначенъ Литке. О немъ извѣстно, что онъ хороший морякъ, но онъ слыветъ за человѣка неуживчиваго и за большаго покровителя своихъ соотечественниковъ нѣмцевъ. Впрочемъ, не будемъ предрѣшать, посмотримъ.

25. Вторникъ. Много приходится терпѣть отъ внутренней неурядицы.

Не перестану повторять, какъ одинаково ненавистны мнѣ и эвзальтированные безумныя стремленія нашихъ прогрессистовъ „очертя и сломя голову“, такъ и оцѣпенѣлость тѣхъ бюрократическихъ холоповъ, которымъ дѣла нѣтъ до общественныхъ улучшеній, лишь-бы они исправно получали свое жалованье, чины, ордена, аренды.

26. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе, что бѣдный мой старинный другъ Викторъ Ивановичъ Барановскій умеръ.

27. Четвергъ. Многіе очень хорошо знаютъ науку жизни, но имъ не знакомо искусство жить—и они очень дурно, т. е. несчастливо, живутъ.

Былъ у Барановскаго. Въ отдаленнѣйшей части города, въ Галерной гавани, въ осунувшемся, полуразвалившемся домикѣ, который играетъ роль кожевенной фабрики (мой бѣдный другъ послѣднее время занимался выдѣлкою овчинокъ по какому-то особенному, имъ самимъ изобрѣтенному, способу), въ бѣднѣйшей и неопрятной комнатѣ лежало на столѣ, покрытое церковнымъ покровомъ, убогое тѣло Виктора Ивановича. Тутъ была какая-то дама очень приличнаго вида и два молодыхъ человѣка. Между ними вертѣлась дѣвочка лѣтъ четырнадцати, очень хорошенькая, но слишкомъ бойкая для этой грустной обстановки. Все вокругъ было въ высшей степени убого и нерадиво. Сынъ и дочь уѣхали на кладбище и я не дождался ихъ, хотя пробылъ у тѣла больше часа.

Викторъ Ивановичъ обошелся со смертью чрезвычайно просто, чтобы не сказать фамилярно, не дѣлая изъ нея ничего особеннаго. Онъ какъ будто вовсе не хотѣлъ признать въ ней страшилища, какое обыкновенно дѣлаютъ изъ нея люди. Еще за двѣ недѣли до ея посѣщенія онъ въ какомъ-то предчувствіи говорилъ, что ему скоро придется сдѣлать путешествіе на Смоленское кладбище. За два или за три часа до кончины онъ спросилъ у дочери: „въ которомъ часу умерла младшая дочь его лѣтъ десять тому назадъ?“ — „Въ восемь часовъ вечера“, отвѣчала спрошенная. — „А я такъ вотъ не доживу и до восьми часовъ утра“, сказалъ онъ и такъ спокойно, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи. Но, кажется, Викторъ Ивановичъ самъ много виноватъ въ своей смерти—если въ такихъ случаяхъ можно быть виноватымъ. Рядомъ съ его жилищемъ случился пожаръ и онъ въ одномъ сюртукѣ часа полтора стоялъ на сквозномъ вѣтрѣ въ какомъ-то полуразвалившемся сараѣ. Потомъ онъ и слышать не хотѣлъ о докторѣ, а когда наконецъ, по крайнему настоянію дочери и сына согласился позвать его, было уже поздно: у него въ легкихъ уже начался автоновъ огонь. Ему хотѣли поставить пивви; пришелъ фельдшеръ. — „Зачѣмъ ты?“—спросилъ онъ у него. — „Поставить вамъ пивви“. — „Поставь ихъ къ своему носу, убирайся!“

Утромъ былъ на панихидѣ по графѣ Блудовѣ въ Невскомѣ.

29. Суббота. Похороны Виктора Ивановича на Смоленскомъ

кладбищѣ. Изъ такъ называемыхъ друзей никого кромѣ меня не было—ни Гебгардтовъ, ни Деля.

Мартъ 1. Воскресенье. Проработалъ до двухъ часовъ надъ рѣчью, которую академія (наукъ) поручила мнѣ произнести 6-го марта въ общемъ собраніи.

Ѣздилъ къ Глѣбову, отъ котораго узналъ подробности безпорядка, бывшего между студентами медицинской академіи. Первоначальный поводъ къ этому подала конференція, которая раздѣлена на двѣ партіи: вслѣдствіе интригъ одной изъ этихъ партій и былъ назначенъ профессоромъ ботаники Мерклинъ вмѣсто Бекетова и Фаминцына..... Прочія подробности происшествія довольно вѣрно рассказывались въ публикѣ.

2. Понедѣльникъ. Совѣтъ въ университетѣ по случаю суда надъ студентами. Осуждены шесть: трехъ изъ нихъ опредѣлили исключить, остальные приговорены къ меньшимъ наказаніямъ. Что тутъ дѣлать? Какъ вразумить эту неразумную молодежь, которая не хочетъ учиться, а хочетъ управлять? Такъ и пахнетъ фонъ-Визинскимъ Митрофаномъ: не хочу учиться, а хочу жениться. Главное, чего они добиваются—это сходки, а сходки они тотчасъ превращаютъ въ политическій клубъ.

6. Суббота. Засѣданіе въ академіи (наукъ) въ присутствіи новаго президента Литке. Онъ открылъ засѣданіе весьма приличною и скромною рѣчью. Потомъ я прочиталъ слово въ память графа Блудова. Успѣхъ былъ огромный. Послѣ засѣданія всѣ руки протянулись ко мнѣ, чтобы пожать мою, всѣ окружили меня съ изъявленіями сочувствія и благодарности. Мнѣ пріятно было видѣть, что мои товарищи заодно со мною поняли и оцѣнили заслуги и качества покойнаго президента. Новый президентъ тоже благодарилъ меня съ большимъ достоинствомъ и тактомъ, не смотря на то, что многое въ рѣчи онъ могъ принять за урокъ себѣ.

8. Воскресенье. Недѣли три тому назадъ началъ замѣчать что-то неладное въ глазахъ. Это заставило меня обратиться къ совѣту глазнаго доктора Блессига.... Блессигъ очень пріятный молодой человекъ, возбуждающій къ себѣ довѣріе.

Не все то дурно, что старо, не все то хорошо, что ново.

9. Понедѣльникъ. Послѣ совѣта университетскаго вечеръ у Литке, гдѣ были всѣ академики и еще много постороннихъ

лицъ. Тутъ я, между прочимъ, встрѣтилъ давно не видѣннаго мною Бутовскаго, который нынѣ состоитъ директоромъ департамента мануфактуръ. Нечего сказать, лицо важное. Встрѣтилъ также Б., который извинялся, что не можетъ бывать у меня по пятницамъ по причинѣ засѣданія въ какой-то комиссiи, въ чемъ, конечно, я его извинилъ и проч.

12. Четвергъ. Получилъ отъ Устрялова въ подарокъ четвертый томъ его Исторiи Петра Великаго. Богатое изданiе.

Засѣданiе въ академiи и въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднемъ Пржецлавскiй читалъ пространную записку о способахъ оградить въ печати личную честь. Много словъ, дѣла очень мало.

13. Пятница. Лавровъ учитъ философию женщинъ, которыя гдѣ-то собираются слушать его лекцiи. Сегодня прямо съ его лекцiи заѣхала къ намъ милая умная молодая дѣвушка К. С. С. Она сама посмѣивается надъ философіею Лаврова. Вотъ одна изъ его фразъ: „Человѣка составляютъ чувственныя впечатлѣнiя и образуемыя изъ нихъ механически понятiя; что касается до ума, то это есть только географическое наименованiе“. Вотъ какой великiй философъ—Петръ Лаврычъ!

Вотъ эти растлѣнные умы! Прежде, чѣмъ научиться мыслить самостоятельно, они дѣлаются апостолами материализма, который составляетъ грустное, но далеко не единственное приобрѣтенiе науки тамъ, гдѣ она живетъ уже давною и богатою жизнью. У насъ-же что значить въ настоящую минуту это философствованiе, какъ не преждевременная похоть, порождающая хлыла болѣзненныхъ созданiя, способныя только бредить и заниматься сладострастными мечтами, а не строго мыслить и дѣйствовать.

14. Суббота. Въ вашихъ либеральныхъ ученiяхъ есть одна нехорошая особенность: это то, что вы не допускаете ничьей свободы мнѣнiй кромѣ вашихъ.

Одинъ журналистъ сказалъ одному знакомому мнѣ лицу въ отвѣтъ на упрекъ его, что онъ помѣщаетъ въ журналѣ статьи вреднаго направленiя:—„Какъ вы хотите, чтобы я не печаталъ забористыхъ и скандальныхъ статей? Вѣдь тогда-бы журнала моего никто не выписывалъ“.

19. Четвергъ. Великолѣпный парадъ въ память взятiя Парижа. Говорятъ, что празднiеъ этотъ совпадаетъ съ праздно-

ваніемъ въ Парижѣ годовщины взятія Севастополя—въ чемъ видать не слишкомъ благоприятные признаки нашихъ отношеній съ Франціей. Впрочемъ, пугало всеобщей европейской войны вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ постоянно грозитъ Европѣ. Надо-же этой грозѣ, наконецъ, когда нибудь разразиться.

Говорять также, что французское посольство уѣхало на этотъ день въ Москву, чтобы не присутствовать на торжествѣ въ память взятія Парижа.

Выйдя изъ Академіи Наукъ въ двѣнадцать часовъ, я попалъ въ самый разгаръ парада. Исаакіевская площадь была залита войсками и я волей неволей долженъ былъ остановиться и смотрѣть парадъ. Впрочемъ, я на этотъ разъ не особенно жалѣлъ о потери времени. Зрѣлище было блестящее и не лишнее величія.

20. Пятница. Прошедшій вторникъ я выбранъ въ члены „Сельскаго Общества“.

21. Суббота. Много должно уничтожиться изъ того, что люди принимали за правило и истину; много должно установиться новаго хотя-бы только по одному тому, что оно ново. Но не должно отнимать у разума права устранять вещи съ его участіемъ, такъ какъ то, что дѣлается безъ его участія, не бываетъ ни лучшимъ, ни справедливѣйшимъ.

Я придерживаюсь охранительныхъ началъ—но какихъ? Нѣтъ, которыя противодѣйствуютъ реформамъ и всякому движенію впередъ, а тѣхъ, которыя противодѣйствуютъ насилію и деспотизму, съ какииъ иные хотятъ производить эти реформы. Деспотизмъ одинаково ненавистенъ, дѣйствуетъ-ли онъ по внушенію страсти или теоріи.

По утру у Д. познакомился съ книгопродавцемъ Вольфомъ. Мужикъ бойкій и сильно пл й. На упрекъ мой: „зачѣмъ онъ издаетъ такую пустошь, какъ „Заграничный Вѣстникъ“, вмѣсто хорошаго и доброякаственного періодическаго изданія, которое знакомо-бы насъ съ важнѣйшими явленіями иностранной науки и жизни?“—онъ отвѣчалъ, что для этого у насъ не найдется ни литературныхъ дѣятелей, ни читателей. Тутъ онъ произнесъ цѣлую длинную филиппику противъ русскихъ литераторовъ: какъ они мало грамотны, мало свѣдуши и безстыдно недобросовѣстны. Онъ привелъ нѣсколько тому примѣровъ—и

такихъ, которые на самомъ дѣлѣ немного чести дѣлаютъ нашей интеллигенціи. Меня въ краску бросило. Вотъ этотъ книгопродавецъ рассказываетъ всѣ эти мерзости во всеуслышаніе: онъ рассказываетъ ихъ и за границей, куда часто ѣздитъ. Мудрено-ли, что о насъ составляется такое недестное для нашего національнаго достоинства мнѣніе. Всему виновато проклятое какъ-нибудь и отсутствіе честности.

Былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ. Его назначили членомъ совѣта по дѣламъ печати и онъ хотѣлъ со мною посовѣтоваться на счетъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что вв. Горчаковъ сильно совѣтовалъ Государю не дѣлать праздника по поводу взятія Парижа 19-го марта. Тютчевъ опять думаетъ, что война неизбежна.

23. Понедѣльникъ. Вчера въ № 66 „Спб. Вѣдомостей“ напечатана моя рѣчь о графѣ Блудовѣ.

Взялъ билетъ на входъ въ „Общество сельскихъ хозяевъ“. Внесъ 60 руб.

Главная ошибка новыхъ ученій о радикальныхъ измѣненіяхъ въ общественномъ порядкѣ состоитъ въ томъ, что они хотятъ построить зданіе прежде, чѣмъ успѣлъ заготовиться нужный для того матеріалъ. Матеріалъ—это человѣкъ съ его природою, исторіей, выработанными нравственными и умственными наклонностями и стремленіями. Для предполагаемаго новаго порядка вещей матеріалъ этотъ рѣшительно негодится. Надо, чтобы онъ совершенно измѣнился, чтобы дерево стало желѣзомъ, вода камнемъ, или камень водою и т. д. Какая сила можетъ произвести это чудесное измѣненіе? Защитники новыхъ ученій говорятъ, что это измѣненіе совершится, когда установится новый порядокъ вещей и человѣкъ сдѣлается лучшимъ и способнымъ держаться новыхъ общественныхъ началъ. Но вѣдь это значитъ начинать съ конца. Вѣдь въ томъ-то и состоитъ задача, что самое устройство общества на новыхъ началахъ предполагаетъ такія условія, какихъ нѣтъ.—Но наука, говорятъ, сдѣлаетъ возможными эти условія. Бокль проповѣдуетъ знаніе, какъ единственное къ тому средство. Ну, такъ отложите-же по крайней мѣрѣ ваши радикальныя реформы до того времени, пока эта подготовка будетъ выполнена. Не начинайте съ послѣдствія, вмѣсто того, чтобы начать съ причины.

Вы хотите основать все на началахъ разумнаго эгоизма, на вѣшнихъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Какая негѣпость! Разумный эгоизмъ состоитъ въ избѣжаніи наказанія. Величайшимъ мудрецомъ по этому ученію будетъ тотъ, кто сдумѣетъ подчинить себѣ безъ опасности для себя всѣ чужіе интересы—сдумѣетъ всѣхъ сдѣлать орудіями своей воли, своихъ выгодъ. Нѣтъ, говорятъ, это будетъ противно образованному духу, противно внутреннему самодовольству, это будетъ не благо, а зло для насъ самихъ, сдѣлаетъ насъ внутренне несчастными. Почему-же? Вы значить признаете какого-то внутренняго судью надъ самимъ эгоизмомъ. Выходить, что ваша теорія разумнаго эгоизма есть совершенный мыльный пузырь: она несамостоятельна, она разбивается о какую-то другую силу, о какое-то другое требованіе.

Получилъ очень милую записку отъ графини А. Д. Блудовой съ изъявленіями благодарности за мою рѣчь въ академіи.

24. Вторникъ. Вчера отправлено письмо въ Архангельскъ въ Смольяну о Ломоносовѣ.

Въ первый разъ былъ въ „Сельскомъ Обществѣ“. Встрѣтилъ много знакомыхъ. Опять комплименты за мою рѣчь. Обѣдъ съ музыкой. Я сидѣлъ между Г. и Струговщиковымъ: оба усердно угощали меня, одинъ хересомъ, другой шампанскимъ. Послѣ обѣда открылось засѣданіе. Въ большой залѣ, гдѣ оно происходило, было такъ холодно, что я, боясь простудиться, постыдно предался бѣгству.

25. Среда. Я вчера узналъ въ „Сельскомъ Обществѣ“, что меня избрали въ члены очень хорошо: изъ ста тридцати голосовъ противъ меня было только четыре.

Попутру у графини А. Д. Блудовой. Она говоритъ, что я совершенно понялъ и съ любовью изобразилъ ея покойнаго отца. Послѣ графа остались записки, которыя она хочетъ печатать, хоть въ извлеченіяхъ, если ихъ по цензурнымъ соображеніямъ нельзя будетъ напечатать цѣликомъ. Записки должны быть очень интересны. А. В. Головинъ взялся доложить о нихъ государю.

Разсказъ о дуэли между Шадурскимъ и другимъ какимъ-то офицеромъ. Они поссорились въ трактирѣ изъ-за камелій. Шадурскій убитъ.

26. Четвергъ. Рѣчь моя (о графѣ Блудовѣ), какъ оказывается, имѣла большой успѣхъ.

27. Пятница. На юбилейномъ обѣдѣ генералу Медему въ честь пятидесятилѣтія его службы. Я приглашенъ былъ участвовать въ этомъ торжествѣ. Юбилей, какъ большинство подобныхъ ему, съ довольно плохимъ обѣдомъ, съ музыкою, съ похвальными тоже плохими рѣчами, съ тостами и проч. Рѣчи, которыхъ было безчисленное множество, въ самомъ дѣлѣ не отличались краснорѣчіемъ, вертѣлись на общихъ мѣстахъ и на увѣреніяхъ въ искренности и т. д. Да и произнесены онѣ были не блистательно. Ко мнѣ подходило нѣсколько генераловъ и спрашивали: не скажу-ли и я чего-нибудь. Я отвѣчалъ, что очень уважаю генерала Медема, но что я служилъ съ нимъ слишкомъ недолго и что для рѣчи у меня нѣтъ матеріала. Послѣ обѣда я тотчасъ уѣхалъ домой.

30. Понедѣльникъ. Великая княгиня Елена Павловна пожелала прочесть мою рѣчь (о гр. Блудовѣ).

Совѣтъ въ университетѣ. Сильное преніе о Вернадскомъ. Факультетъ не хотѣлъ избрать его въ профессора финансовъ.

31. Вторникъ. Вечеромъ въ собраніи „Общества сельскихъ хозяевъ“. Опять встрѣтилъ много знакомыхъ.

Иная статья стѣбитъ книги, а иная книга не стѣбитъ статьи.

Апрѣль 2. Четвергъ. Засѣданія въ академіи наукъ, въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ совѣтѣ попечителя. Въ совѣтѣ министерства опять побить Пржецлавскій по вопросу объ усиленномъ надзорѣ за нападенія на личности, за каррикатуры и проч. Пржецлавскій желалъ, чтобы для этого даны были опредѣленныя инструкціи цензорамъ.

Норовъ изъявилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не могъ прочесть моей рѣчи о графѣ Блудовѣ и просилъ меня прислать ему экземпляръ. Я не питаю къ нему никакой злобы, хотя вѣра моя въ его добродѣтель — какъ, впрочемъ, и вообще въ человеческую добродѣтель — сильно подорвана. Все обманъ, ложь и пустота. Но не должно ни удерживать въ себѣ негодованія на ту или другую личность, ни плѣняться ея мнимою добротою.

3. Пятница. Цивилизація ведетъ за собою всестороннее и наиболѣе развитіе человѣка, а слѣдовательно и развитіе въ немъ страстей. И потому необходимость сдерживающей, огра-

ничивающей власти духа нигдѣ не ощущается такъ сильно, какъ на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Если вы не хотите имѣть враговъ, такъ не старайтесь сдѣлать что-нибудь лучше другихъ.

9. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ и потомъ въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новое пораженіе Пржецлавскаго по поводу одного его донесенія, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы цензура наблюдала за тономъ выраженій въ полемикѣ журналистовъ между собою, такъ какъ они грубо и пошло ругаютъ другъ друга. Но какъ цензура можетъ учить вкусу и приличію людей, незнакомыхъ съ ними ни по чувству, ни по образованію?

Видѣлъ депутатовъ Царства Польскаго, ѣхавшихъ во дворецъ. Всѣ они были въ живописныхъ національныхъ костюмахъ.

Въ сегодняшнемъ № (81) „Сѣверной Почты“ напечатанъ рескриптъ, читанный при закрытіи финляндскаго сейма. Онъ содержитъ въ себѣ выговоръ сейму за его неприязнь въ Россіи, обнаруженную во время преній. Это заслужено. Россія кромѣ добра ничего имъ не сдѣлала, а они, получая отъ нея все благое, на каждомъ шагѣ готовы ей вредить.

Сеймъ выразилъ тоже свое противодѣйствіе законамъ о печати.

10. Пятница. Прусская палата общинъ стремится къ нивелированію сословій во имя демократическаго принципа, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы захватить власть въ свои руки и управлять страной на основаніи какой-то представительной олигархіи. Бисмаркъ это очень хорошо понимаетъ и вотъ откуда весь антагонизмъ.

Самая консервативная страна въ мірѣ, безъ сомнѣнія, Англія.

Дѣло не въ стремленіи остановить движеніе во всеобщей реформѣ, а въ томъ, чтобы сдѣлать это стремленіе: во 1-хъ, не столь разрушительнымъ, какимъ оно угрожаетъ быть, а во 2-хъ, подчиняя его въ извѣстной мѣрѣ закону постепенности, тѣмъ самымъ обезпечить благія его послѣдствія. Это борьба, но безъ борьбы никакая истина, никакой успѣхъ не могутъ быть прочными. Вотъ почему я, въ моихъ либеральныхъ тенденціяхъ, придерживаюсь начала постепенности. Настоящее и будущее должны имѣть связь съ прошедшимъ. Не перестроить планеты, нельзя

радикально перестроить ни человѣка, ни общества. Всякія крайнія и абсолютныя покушенія въ этомъ родѣ ведутъ къ рабству, бѣдствіямъ и гибели. Зачѣмъ это?

Нева прошла.

11. Суббота. Вчера и сегодня прекрасная погода. Поутру 9° тепла. Несмѣтныя толпы гуляющихъ около вербъ и по всему Невскому проспекту.

13. Понедѣльникъ. Между понятіемъ о вещи и усвоеніемъ себѣ этого понятія большая разница. Одно послѣднее только составляетъ наше настоящее приобрѣтеніе — знаніе, истину и чувство истины.

14. Вторникъ. Обѣдъ въ клубѣ. Встрѣтился тамъ съ Левшинымъ, попечителемъ московскаго университета. Продолжительный разговоръ о нашемъ просвѣщеніи и воспитаніи. Къ намъ присоединился еще одинъ господинъ, съ которымъ я часто встрѣчаюсь и раскланиваюсь, но имени котораго не знаю. Левшинъ обманулъ мои ожиданія; я думалъ, что онъ будетъ плохимъ попечителемъ: онъ казался мнѣ недалководнымъ, а на дѣлѣ вышло, что онъ теперь чуть не лучшій попечитель. Простой здравый смыслъ и доброе сердце замѣнили ему всѣ прочія качества. Главное-же, онъ не имѣетъ начальническихъ претензій все знать и знать именно то, чего не знаетъ. Зачѣмъ, онъ принимаетъ совѣты, не дѣлаясь рабомъ совѣтчиковъ.

15. Среда. Не хлопочите понапрасно, говоритъ партія ярыхъ реформаторовъ: вамъ не остановить мощныхъ пружинъ и вѣчно вращающагося колеса того ткацкаго станка, на которомъ время тчетъ безконечно длинную и широкую ткань жизни съ ея безчисленными узорами. Мы не хотимъ остановить ихъ; мы знаемъ, что законъ жизни есть законъ измѣненія. Все течетъ и измѣняется, давно сказалъ еще Гераклитъ. Но мы хотимъ сдерживать, чтобы пружины и колеса двигались не такъ порывисто быстро, потому что тутъ важно не одно измѣненіе ради измѣненія, а потому что въ вихрѣ этого вращенія живутъ и движутся существа, которыя чувствуютъ и должны имѣть время вздохнуть и сознать свое существованіе. Мы хотимъ, чтобы эти вихри не сносили, не сталкивали мгновенно людей въ пропасть. Словомъ, мы хотимъ, чтобы на этомъ пути измѣненной были стадіи, пункты, остановки и отдохновенія, а не сплошное треніе обра-

чивающагося катка. Пусть будетъ лихорадка, но перемежающаяся, а не постоянная. Притомъ если, какъ вы говорите, настанетъ время, когда этими переворотами достигнется лучшее состояніе человѣчества, то развѣ это лучшее можетъ состояться не иначе, какъ только на основаніи совершеннаго истребленія прошлаго и всего нынѣ живущаго? Развѣ это лучшее можетъ быть сколько-нибудь прочнымъ, если оно совершится не по закону постепеннаго органическаго развитія?

19. Воскресенье. Праздникъ Пасхи. Заутреня и обѣдня въ Исаакіевскомъ соборѣ. Насилу продрались къ алтарю, хотя и имѣли билеты. Служилъ архіерей. Нельзя сказать, чтобы тутъ было лучше, чѣмъ въ другихъ приходскихъ церквахъ. Толкотня и суматоха такія-же. Пѣніе хорошее. Но особенно несносна непрерывная прогулка по церкви какихъ-то господъ мимо вашего носа.

Холодно, градуса два. По временамъ проглядывало солнце, но скверный вѣтеръ. Нева, впрочемъ, была чиста отъ льда. Я отправился пѣшкомъ, зашелъ въ Екатерининскій институтъ поздравить начальницу (Екатерину Владиміровну Родзянко) съ ея вчерашнимъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, завернулъ тутъ-же къ класснымъ дамамъ Араловой, Петровой и Погонато. Потомъ заходилъ еще къ графинѣ Блудовой, которую не засталъ дома, и къ президенту Литке. Вотъ и всѣ мои парадные визиты.

21. Вторникъ. Государь отказалъ въ наградѣ президенту медицинской академіи Дубовицкому и вице-президенту, моему пріятелю, Ив. Тим. Глѣбову за то, что они распустили академію.

Военный министръ велѣлъ не допускать дѣвушекъ на лекціи въ медицинскую академію. Ихъ сперва явилось три или четыре, и онѣ, говорятъ, дѣйствительно, серьезно занимались наукой. Но потомъ число ихъ увеличилось до шестидесяти и болѣе, и тутъ между ними появились нигилисты въ круглыхъ шапочкахъ и съ остриженными волосами. Эти послѣднія уже больше занимались расхаживаніемъ со студентами по корридорамъ и куреніемъ папиросъ.

Наши нигилисты требуютъ жизни безъ всякихъ нравственныхъ опоръ и вѣрованій.

23. Четвергъ. Сегодня утромъ на крышахъ домовъ и на улицахъ лежитъ порядочный снѣгъ.

Надо написать мнѣніе на проектъ новаго устава академіи наукъ, который стремится слить II-е отдѣленіе съ III-мъ. Я возстаю противъ этого. По моему мнѣнію, II-му отдѣленію должно предоставить извѣстную самостоятельность, т. е. ту самую, какую оно уже имѣетъ, и только кое-что измѣнить въ его устройствѣ.

26. Воскресенье. Праздниками я не воспользовался, какъ слѣдуетъ; они прошли какъ-то вяло и непроизводительно. Только съ четверга началъ я пробуждаться и духъ дѣятельности снова охватилъ меня. Послѣдніе дни я работалъ надъ мнѣніемъ по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія академіи съ III-мъ. Я уже объявилъ себя противникомъ этого сліянія и теперь долженъ представить свой протестъ въ сколь возможно убѣдительномъ видѣ: приходится сражаться со многими, чуть не со всѣми, членами академіи. Надо приготовить это къ четвергу, чтобы прочесть въ отдѣленіи.

Диспутъ въ университетѣ на званіе магистра по части всеобщей исторіи. Диссертация была о реформаціонномъ движеніи въ Чехіи въ четырнадцатомъ столѣтіи. Диспутантъ защищался слабо. Однако, его поздравили магистромъ.

30. Четвергъ. Въ воскресенье пріѣхалъ Мих. Ник. Муравьевъ.

Читалъ записку мою противъ сліянія II-го отдѣленія съ III-мъ. Она, кажется, произвела недурное впечатлѣніе на моихъ сочленовъ по отдѣленію.

Май 1. Пятница. Мнѣ рассказывали, какъ въ день пріѣзда Муравьева въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Суворовъ послалъ на желѣзную дорогу чиновника объявить ея администраціи, чтобы она не допускала стеченія народа на дебаркадеръ во время выхода Муравьева изъ вагона. Администрація, однако, отвѣчала, что сдѣлать этого не въ состояніи и не въ правѣ: потому что народъ этотъ состоитъ изъ отцовъ, мужей, женъ, братьевъ, сестеръ и пр., являющихся встрѣчать своихъ пріѣзжающихъ родныхъ.

Вечеръ у Чевелева. Насъ было только трое: онъ, я и одинъ москвичъ, недавно пріѣхавшій. Есть-ли на свѣтѣ существо болѣе непріятное, чѣмъ иной московскій ученый, литераторъ или московскій, такъ называемый, передовой человекъ? Дѣтская

заносчивость, бабье умничанье, духъ нетерпимости, хвастовство и дерзость ихъ нестерпимы—чуть-ли не еще нестерпимѣе петербургской распущенности и глупаго западничанья.

3. Воскресенье. Вчера у меня былъ сильный споръ съ Чевелевымъ—о чемъ-же?—о свободѣ воли. Онъ придерживается новѣйшей философіи и отрицаетъ свободу воли. Главное его доказательство: мысли намъ даются не нами, отъ нихъ зависятъ побужденія въ рѣшимости, слѣдовательно воля повинуется необходимому сцѣпленію понятій. Онъ полагаетъ, что для ума человѣческаго нѣтъ ничего недоступнаго, и что знаніе должно разоблачить всѣ тайны вещей. Свобода воли есть иллюзія. Отчего-же и знанія наши, возразилъ я, между прочимъ,—не иллюзія также? Почему-же мысль, что вы все знаете, не такая-же иллюзія, какъ моя увѣренность, что я могу хотѣть и не хотѣть по выбору моего разсудка и проч., и пр.—Потомъ зашла рѣчь о Муравьевѣ. Чевелевъ раздѣляетъ мнѣніе „Голоса“, что Муравьевъ ничего не сдѣлалъ для укрощенія бунта и для утвержденія русскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Поправка. Въ 1860-мъ году „Дневника А. В. Никитенко“, напечатанномъ въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 года, на страницѣ 392-й, строкѣ пятой сверху, слова: „Послѣ подвиговъ Огрызко все кажется возможнымъ“, по недосмотру, попали въ текстъ, тогда какъ мѣсто ихъ въ выпускѣ—и отъ этого вышелъ анахронизмъ. Покойный А. В. иногда возвращался въ своемъ Дневникѣ назадъ и дѣлалъ на поляхъ знаки, замѣтки, подтверждая или опровергая, а иногда и комментируя для себя слухи и слова, туда раньше занесенные. Одна изъ такихъ оговорокъ и напечатана въ Дневникѣ за 1859 г. Въ данномъ случаѣ переписчица помѣстила такую, послѣ прибавленную, замѣтку прямо въ текстъ: правда, что она была написана почти въ строку и отдѣлена лишь небольшимъ знакомъ. Мало того: въ корректурѣ я еще сочла нужнымъ объяснить отсутствіе дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Огрызко, которымъ тутъ и мѣста вовсе не было. Вышеупомянутыя слова занесены авторомъ на поляхъ „Дневника“ 1860 г. позже: должно быть въ 1865-мъ году, потому, между прочимъ, что написаны синими чернилами, какъ написанъ, большею частью, весь 1865 годъ, тогда какъ 1860-й годъ писанъ черными.

С. А. Никитенко.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

Въ началѣ 1880-хъ годовъ покойный графъ П. А. Валуевъ передалъ намъ въ копіи выдержки изъ своего „Дневника“ за время съ 1847 по 1860 г. включительно.

Какъ увидятъ читатели, графъ Петръ Александровичъ уже въ 1847 г. былъ недоволенъ своимъ дневникомъ. Въ позднѣйшіе-же годы графъ передалъ уничтоженію значительную часть прежняго дневника. Мы имѣли случай видѣть оригиналъ, писанный въ переплетенныхъ томахъ небольшого in-quarto. Вырваны и сожжены были графомъ П. А. Валуевымъ не только начало (за 1845 и 1846 гг.), но и многіе десятки листовъ изъ всей остальной первой части дневника, т. е. по 1861 г.

Ред.

1847 г.

Steinsee, June the 20-th 1847. More than six months are over since J wrote the preceding lines. J had nothing worth relating. For my own part J can only remark that the foresaid six months were rather dull. But J have experienced that dull times are much better than some others, J have lived through. Thanks to Him, Whose mercy bestowed upon me some serene and quiet days after a long and dangerous illness, and Who did allow a whole half year of my life to pass without new misfortunes and without new pains.

(Переводъ). Штейнзеэ (Курляндск. губ., въ 15 в. отъ Калкунъ), 20-го іюня 1847 г. Прошло болѣе нежели шесть мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, когда писаны предъидущія строки. Не случилось ничего достойнаго записи. Лично о себѣ могу только замѣтить, что эти шесть мѣсяцевъ были для меня довольно монотонны. Но я испыталъ, что такіе однообразные дни гораздо лучше многихъ другихъ, мною пережитыхъ. Благодарю Того, Чье милосердіе ниспослало мнѣ рядъ ясныхъ и спокойныхъ дней послѣ продолжительной и тяжелой

болѣзни и Кто даровалъ мнѣ прожить полгода безъ новыхъ несчастій и новаго горя.

Рига, 1-го ноября 1847 г. Въ предпринятой мною лифляндской современной хроникѣ снова пробѣлъ, и пробѣлъ годовой. Перелистывая прежнія мои замѣтки, я сознаю обязанность предпослать всему послѣдующему нѣкоторыя извинительныя объясненія.

Сознаю, что не только въ писанномъ, но и въ думанномъ мною нѣтъ надлежащей послѣдовательности. Многое обсуждено поверхностно, многое односторонне; во многомъ встрѣчаю какія-то лишнія оговорки, какъ будто выторгованныя безмолвными упреками разсудка въ неудовлетворительности или незрѣлости моихъ сужденій. Разность обстоятельствъ и событій слишкомъ отражается въ высказанныхъ мнѣніяхъ. Хотя я и могу нѣсколько оправдывать себя, во-первыхъ, тѣмъ, что смотрѣлъ на дѣло болѣе en homme préoccupé d'affaires personnelles, чѣмъ en homme occupé d'affaires publiques, во вторыхъ, тѣмъ, что дѣла постоянно шли безсвязно или сбивчиво, но при всемъ томъ стоило лишь подливать по временамъ поболѣе холоднаго разсудка въ чашу мгновенныхъ впечатлѣній, чтобы не дать нѣсколькихъ промаховъ, мною данныхъ. Напримѣръ, въ концѣ 1845 г. не слѣдовало придавать такой важности личностямъ Опочинина и гр. Толстаго и лабрійерствовать черезъ мѣру; въ началѣ 1846 г. не слѣдовало повторять за г. Г - мъ, что нѣмцы погибли, а въ концѣ того-же года не слѣдовало считать чѣмъ-то значительнымъ дѣло о кирхенконвентахъ и т. п.

5-го ноября. Итальянцы-композиторы черпаютъ звуки изъ моря чувствъ, но чтобы уразумѣть нѣмецкую оперу, недостаточно слуха и сердца, нужна умственная работа. Мнѣ всегда кажется, что нѣмцы-лирики искусно и замысловато придумываютъ, какъ-бы принарядить чувство такъ, чтобы съ перваго взгляда его не узнали. Они пишутъ оперы für wenige. Это нерассудительно. Симфоніи, квартеты и т. п. пишите, какъ хотите и для кого хотите; но театральная для массъ, а не для немногихъ. Слѣдовательно, и лирическая музыка должна быть писана для массъ, а не исключительно для знатоковъ генераль-баса.

7-го ноября. Изобрѣтать изобрѣтенное есть лишній трудъ, — однако, къ тому нѣсколько склонны славянофилы.

9-го ноября. Недавно въ Палермо были шумные беспорядки въ театрѣ, во время представленія. Публика негодовала на дирекцію: наборъ плохихъ primi. Дирекція пожаловалась начальству и представила засвидѣтельствованный полиціею списокъ зачинщиковъ беспорядка. Luogotenente duca di Majo просмотрѣлъ списокъ, вписалъ

свое собственное имя и внушилъ дирекціи озаботиться лучшимъ выборомъ театральнoй труппы. Весьма дѣльное различеніе безпорядковъ не политическихъ и политическихъ.

10-го ноября. День рожденія старика Фелькерзама. Быстро проходитъ время и быстро перемѣняются или, лучше, смѣняются обстоятельства. Для него съ прошлагодняго 10-го ноября перемѣнились всѣ условія вѣдшей жизни.

Для меня три 10-хъ ноября могутъ служить заглавіями или вывѣсками различныхъ жизненныхъ моментовъ. Въ 1845 году я былъ еще новъ въ здѣшнемъ краѣ, развѣзжалъ на перекладныхъ по дѣламъ религіознаго переворота, и именно къ 10-му ноября только что успѣлъ вырваться изъ дерптской западни, извѣстною рукою мнѣ сстроенной. Довольно странный и продолжительный эпизодъ моего рижскаго быта еще былъ въ первоначальномъ разгулѣ. Въ 1846 г. эпизодъ былъ конченъ, и въ самомъ ноябрѣ мѣсяцѣ, принимая дѣятельное участіе въ движеніи официальныхъ ничтожностей, я съ трудомъ пересиливалъ начало болѣзни, вскорѣ затѣмъ меня на долгое время пересилившей. Въ 1847 г. кака-то тишь въ моихъ служебныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Передъ ненастьемъ-ли тихо, передъ яснымъ-ли днемъ? Увидимъ!

Вечеромъ видѣлъ M-me Schröder-Devrient въ Romeo ¹⁾.

О пѣніи и рѣчи нѣтъ, но игра превосходна.

11-го ноября. Обѣдалъ у гражд. губернатора. Кромѣ меня, были А. Фелькерзамъ, ландрихтеръ Унгернъ, А. Криденеръ, полицмейстеръ, прокуроръ и Фегезакъ. *Essen pousse jusqu'à la bonhomie ses voisins à faire les honneurs de chez lui.* У него былъ какой-то комитетъ послѣ обѣда. Мнѣ забавно было встрѣчать, выходя отъ него, съ докуриваемой сигарой, членовъ комитета, съѣзжавшихся въ мундирныхъ фракахъ и безъ сигаръ. У нихъ, особливо у Кубе и у Лиліенфельда (гос. имущ.), на лицѣ написано было: „Какъ это онъ меня не позвалъ?“

12-го ноября. Сегодня я слышалъ отъ Ханькова, что экспедиція Обручева въ киргизскую степь имѣла полный успѣхъ. Онъ устроилъ при Сырь-Дарьѣ крѣпость на 1,000 чел. гарнизона и возвратился, не потерявъ ни одного солдата. Необыкновенно влажная весна содѣйствовала успѣху. Войска вездѣ находили воду и подножный кормъ для лошадей. Не знаю, напечатано-ли чтонибудь о реченой экспедиціи. Я давно не читаю полицейско-отечественныхъ газетъ.

¹⁾ Т. е. Montechi e Capuletti, опера Bellini.

Н. В.

Слышалъ о ней въ первый разъ отъ Языкова, который писалъ о томъ ко мнѣ въ Штейнзэ, въ юнѣ мѣсяцѣ.

23-го ноября. Безразсудные поступки понятны. Въ нихъ есть произволь и сознание. Но глупость невольна и безсознательна. Можетъ ли безсознательно аномальное быть столь общимъ? Можетъ ли оно быть принадлежностью большинства? Если нѣтъ, то оно не аномально. Если же не аномально, то почти выходитъ, что слѣдовало бы переставить, въ каталогъ нашихъ понятій, понятие объ умѣ и о глупости, и считать недугомъ не глупость, а умъ. Глупостью я называю здѣсь не совершенную непонятливость, но плоскость умственную,—тотъ уровень, на которомъ никогда ничего не замѣтишь, ничего не подберешь и ничего своего не оставишь.

29-го ноября. Большой обѣдъ у гражд. губернатора. Всѣ власти, даже духовная, въ лицахъ епископа и ген.-суперинтендента. Ландратъ Симсонъ рассказывалъ за обѣдомъ, что Наполеонъ всегда смѣшивалъ слова *armistice* и *amnistie*. Я отвѣчалъ, что это довольно понятно: *toute amnistie n'est qu'un armistice*.

Кончилъ записку объ опредѣленіяхъ лифляндскаго ландтага вчера по утру, а сегодня, до обѣда, отправилъ ее къ ген.-губернатору.

Madame de Manderstjerna est morte dans la nuit, presque subitement. Cela m'a fait une peine sincère. J'ai été voir le général quand j'ai appris que d'autres y étaient allés. Il pleure à faire pleurer avec lui. Les filles ont une douleur plus calme. La faculté de la douleur est, comme celle de l'affection, d'une intensité inégale selon les individus, et presque toujours l'une est directement en rapport avec l'autre.

Quelle que soit la part qu'un étranger prenne à un événement pareil, une visite de condoléance est presque une profanation de la douleur. J'en ai fait une cependant et j'en ferai d'autres. Je blesserais, si je m'en abstenais. Mais cela ne me froisse pas moins de me croiser, dans une maison de deuil, avec d'autres étrangers. Il y a toujours plus ou moins de contrainte, d'expression composée dans les traits du visage, d'hypocrisie, —pour nommer la chose par son nom véritable. Ceux qui montent et ceux qui descendent l'escalier sont presque comme les augures romains et presque plus faux que les augures, car ils sesidsimulent, même entr'exu, leur pensée intime.

(Переводъ). Г-жа Мандерштернъ скончалась сегодня ночью, почти скоропостижно. Я искренно опечаленъ. Навѣстилъ сегодня генерала, когда узналъ, что другіе у него побывали. Онъ плачетъ такъ, что самому плакать хочется. Скорбь дочерей его спокойнѣе. Способность горевать, какъ и способность любить, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ, не у всѣхъ одинаково развита, но почти въ каждомъ изъ насъ степень интенсивности одного изъ этихъ чувствъ прямо пропорціональна степени интенсивности дру-

гаго,—кто искреннѣе умѣетъ любить, тотъ болѣе страдаетъ въ скорби.

Какъ бы искренне ни было участіе, принятое лицомъ постороннимъ въ семейномъ горѣ, „соболюбъновальный“ визитъ является все-таки почти оскверненіемъ чистоты печали. Однако, я такой визитъ сдѣлалъ, и не разъ еще придется выражать солюбънованіе въ такой же формѣ. Воздержаться — значило бы обидѣть. Тѣмъ не менѣе меня коробитъ встрѣча съ другими посторонними посѣтителями въ домѣ, гдѣ покойникъ. Каждый придаетъ своему лицу какое-то неестественное, сочиненное, или—чтобъ сказать правду—лицемерное выраженіе. Подымающіеся по лѣстницѣ, встрѣчаясь съ уходящими, приводятъ на память римскихъ авгуровъ. Они кривятъ душею даже болѣе, нежели авгуры, потому что и въ разговорѣ между собою скрываютъ то, что у нихъ дѣйствительно на умѣ.

30 ноября. „Но речеть кто: ты вѣру имаши, азъ же дѣла имамъ; покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, и азъ тебѣ покажу отъ дѣлъ моихъ вѣру мою“.

Соборное посланіе Іаковле, 2, 18.

Жаль, что на ряду съ цитатами изъ Четвероевангелія намъ рѣдко напоминаютъ сказанное въ другихъ Писаніяхъ Новаго Завѣта.

1 декабря. Читаю въ „Times“ какія удобства даютъ желѣзныя дороги. Недавно въ одномъ изъ вагоновъ, прибывшихъ на какую-то станцію между Лондономъ и Ланкастромъ, нашли 4-хъ лѣтняго ребенка съ ярлыкомъ to be left till called for (до востребованія). Ребенка оставили при одномъ изъ служащихъ. Вечеромъ явился отецъ, пріѣхавшій съ другимъ поѣздомъ.

Тамъ же читаю про political measures of a parenthetical character. Не знаю какъ перевести это на нашъ канцелярскій языкъ, но многія изъ нашихъ правительственныхъ мѣръ мнѣ кажутся „междускобочными“.

2 декабря. Прочелъ записку ландрата Симсона, поданную мнѣ, анонимно, въ опроверженіе принятыхъ ландтагомъ опредѣленій. Кое-что есть дѣльнаго, но не много. Записка писана не только желчно, но даже avec emportement. Странно, что нѣтъ русскаго вѣрнаго переводнаго слова, — въ самой вещи у насъ нѣтъ недостатка. Достойно замѣчанія, что Симсонъ нападаетъ на нѣкоторыя положенія ландтага, имъ же самимъ предложенныя и проведенныя. Это лишь въ доказательство любви къ прямымъ дорогамъ.

3 декабря. Вчера генераль-губернаторскій обѣдъ у Вѣрмана. Не даромъ упоминаю такъ часто объ обѣдахъ. Это чисто рижская

черта. Общественность здѣсь начинается съ закуски и кончается карточнымъ столомъ. There is conviviality, no sociability. Женская стихія рѣдко переступаетъ за домашній порогъ. Блѣдна жизнь общественная, гдѣ всѣ краски налиты въ графины или разложены на блюдахъ. Миѣ вѣтъ холодомъ отъ камня, обсаженного пищеварящими торговыми фирмами. Онѣ миѣ чужды; онѣ для меня замнутый кругъ. Я смотрю на нихъ, но извнѣ ихъ области, и смотрю одинъ, съ тѣмъ же чувствомъ одинокаго особненія, съ которымъ одинъ, у себя дома, пишу эти строки. Я сказалъ: дома! Развѣ я дома? Я тамъ былъ когда-то. Теперь кочевье мой домъ, и даже кочевье не привольное, не вольно избранное, но указанное.

4 декабря. Пять дней тому назадъ началъ переводъ проекта „Положенія о крестьянахъ“, составленнаго лифляндскимъ ландтагомъ, но дѣло медленно идетъ впередъ ¹⁾). Ханьковъ пишетъ всеподданнѣйшій рапортъ о положеніяхъ Эстляндскаго и Лифляндскаго ландтаговъ. Говорилъ съ нимъ объ этомъ. Не понимаетъ дѣла. Онъ все привыкъ улаживать на рысяхъ. А этихъ вопросовъ на рысяхъ не раскусить. У него въ головѣ рѣшительно каша.

1848 г.

С.-Петербургъ, 10 марта. Встрѣтился у моего хозяина съ Шуваловыми, В. Голицынымъ, Воронцовымъ и принцемъ Гессенскимъ. Сей послѣдній quite a gentleman, что рѣдко для германскихъ принцевъ.

16 марта. Событія идутъ такъ быстро, что всѣ догадки, ожиданія и расчеты на будущее остаются далеко назади. Третьяго дня въ 7 ч. утра гр. Віельгорскій привезъ извѣстіе о Берлинской катастрофѣ. Вверху всѣ въ крайнемъ смущеніи. Наши псевдогосударственные мужи не знаютъ за что взяться. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Д. П. Бутурлинъ, напр., совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи. Въ городѣ разносятъ уже безчисленныя нелѣпости о дальнихъ областяхъ самой имперіи. Вчера утверждали, что Тифлисъ и Варшава вспыхнули и что въ Ригѣ въ какомъ-то клубѣ изъ мебели состроили баррикады!

¹⁾ Собственноручный оригиналъ этого капитальнаго переводнаго труда гр. П. А. Валувъ незадолго передъ смертю принесъ въ даръ бібліотекѣ Кодификаціоннаго отдѣла, состоящаго при Государственномъ совѣтѣ.

Кн. Суворовъ внезапно уѣхалъ по приказанію государя. Приходится и мнѣ торопиться за нимъ на свое мѣсто.

О будущемъ не загадываю. Всякія догадки, всѣ толки о сбывшемся въ Европѣ также не могутъ быть довольно отчетливы. Отсрочиваю тѣ и другіе. Но занимательно слѣдить за разнообразіемъ впечатлѣній, ими производимыхъ. Власти будто не могутъ еще опомниться отъ изумленія при видѣ безсилія другихъ властей и при ежедневныхъ доказательствахъ ошибочности своихъ предположеній. Между сановниками и политиками одни въ безмолвномъ страхѣ,—говорю безмолвномъ потому, что они ничего не сказываютъ толковитаго, хотя и говорятъ много,—другіе въ озлобленіи думаютъ лишь о способахъ давить все, что смѣетъ думать о нихъ и не льстить имъ. Внутренніе якобинцы, каковъ, напр., Скрипицынъ, душевно радуются объ ураганѣ, поднявшемся на привилегированныя сословія, и не безъ удовольствія замѣчаютъ, что со дня на день можно перерѣзать или дать перерѣзать горло нѣмецкихъ и польскихъ помѣщиковъ. *Que deviendront les honnêtes gens!* говоритъ кн-ня Варшавская, сложивъ руки крестомъ. *Il faut écraser ses scélérats*, говоритъ гр. Нессельродъ, нахмуривъ еще болѣе вѣчно нахмуренное лицо.

Рига, 24 марта. Вчера вечеромъ около 9 часовъ до 10 тыс. чел. зрителей собрались передъ замкомъ. Здѣшняя *Liedertafel* привѣтствовала кн. Суворова фавельцугомъ, пѣснями и рѣчью, произнесенною отъ имени общества однимъ изъ старшинъ, адвокатомъ Бинеманомъ, бывшимъ студентомъ въ геттингенскомъ университетѣ въ одно время съ княземъ.

С.-Петербургъ, 14 декабря. Ёдучи сюда, кн. Суворовъ говорилъ, что далъ бы себя изрубить на куски, дабы отстоять свой взглядъ на Балтику, но что его голова не послужитъ благимъ совѣтомъ въ тотъ часъ, когда благіе совѣты нужны. Теперь онъ ликуетъ. Всѣ (въ высшихъ сферахъ въ С.-Петербургѣ) одинаково отзываются въ его духъ о балтійскихъ дѣлахъ. Съ наибольшою горячностью говорила великая княгиня Елена Павловна. Замѣчательно сказанное сею послѣднею: *„Il n'y a rien d'aussi peu monarchique que le despotisme; l'Empereur est démocrate sans s'en douter“*.

Такія фразы и блистательный приемъ сильно подѣйствовали на кн. Суворова. Онъ уже не на землѣ и парить выше седьмого неба. Этого улетучиванія крайне жаль. Побѣда въ рукахъ князя, а онъ въ состояніи ее выпустить изъ рукъ, если не предостережется отъ преждевременныхъ побѣдныхъ возгласовъ и чрезмѣрнаго

самодовольствія, всегда сопряженнаго съ неразумительными ожиданиями и требованіями. М-ръ внутрен. дѣлъ l'a comblé de prévenances, а князь въ отвѣтъ говорилъ ему о тѣхъ misérables, которые причиной ихъ несогласій. Гр. Пратасову князь писалъ, что онъ позже объяснитъ се qu'il veut, se qu'il exige etc., и тутъ же не забылъ о „влючарѣ“. Все это ирраціонально.

16 декабря. Седьмое небо спускается на землю. Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, когда кн. Суворовъ представлялся, ограничился тѣмъ, что упрекнулъ его въ ношеніи сардинской аннунциады, о которой князь, при настоящихъ обстоятельствахъ, говорить, что онъ носитъ ее „en l'honneur de la maison d'Este“, хотя получилъ ее отъ Карла Альберта, son cousin de Carignan.

Впрочемъ, дѣла до сихъ поръ идутъ хорошо, т. е. не идутъ вовсе. Я не выхожу изъ дому и перевозу заключеніе ландтага по дѣлу Будденброка. Что дѣлаетъ легконогіи Торнау—не знаю.

Кн. Чернышевъ и гр. Блудовъ недовольны, говорятъ, вводящею частью всеподданнѣйшаго рапорта. Сначала я думалъ, что догматика не понравилась, et il y aurait eu du vrai, car l'introduction est positivement doctrinaire. Обстоятельства, по моему мнѣнію, того требовали. Но выходитъ, что эти господа недовольны тѣмъ, что рапортъ n'est pas assez antithèse avec le compte rendu Golovine etc. Князь также сожалѣетъ, повидимому, что призналъ предъ государемъ долю правды въ отчетѣ своего предмѣстника и не напалъ на сего послѣдняго à outrance. En vérité je ne savais pas qu'il s'agissait de faire un paroli à rebours sur Golovine. J'ai pensé qu'il fallait seulement déplier la carte.

22 декабря. Я каждый день удостоверяюсь въ томъ, что кн. Суворовъ и на этотъ разъ, какъ всегда, перехлынулъ черезъ край благоразумія. Онъ принятъ прекрасно, какъ генераль-адъютантъ. Но какъ генераль-губернаторъ не замѣтно, чтобы онъ пользовался большимъ значеніемъ. Адресъ дворянства даже оставленъ безъ отвѣта. Горою защищаемое представленіе о вдовѣ Фелькерзама увѣнчалось лишь ничтожною пенсією въ 1,500 р. и т. п. Князь, видно, ослабилъ своими рѣчами и свойствомъ этихъ рѣчей то, что въ его рапортѣ и въ этихъ самыхъ рѣчахъ заключалось правды. Онъ говорилъ надвяхъ: je regrette plus que jamais que je ne fasse plus mon ancien service d'aide de camp général auprès des princes étrangers“. Можно-ли такъ зло самого себя обсуживать и осуждать!

1849 г.

5 января. Являлся министру внутренних дѣлъ, его товарищу и былъ, кромѣ того, у гр. Орлова и гр. Блудова. Гр. Орловъ былъ любезенъ и сказалъ мнѣ *que j'avais beaucoup d'ennemis*. Министръ и Сенявинъ приняли меня учтиво, но сухо. *Ils font au prince Souvoroff le petit honneur de le walouiéviser*. Гр. Блудовъ изволилъ почивать.

2 февраля. Князя Суворова опять постигъ маленькій провалъ. Былъ составленъ планъ необходимыхъ гидротехническихъ работъ въ Ригѣ, сообщенъ мною, частнымъ образомъ (черезъ Кубе), биржевому комитету, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложенъ ген.-губернатору. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній, комитетъ облекъ мой проектъ въ форму официальной просьбы и представилъ оную ген.-губернатору. Сей послѣдній, съ своей стороны одобрилъ проектъ, еще прежде того сносился полуофициально съ министрами финансовъ и путей сообщенія. Теперь выяснилось *qu'ils n'ont pas mordu à l'hameçon*. Денегъ нѣтъ и дѣло, видно, отложено будетъ до слѣдующаго года.

18 февраля. D'Israëli сказалъ: *english manners save England from its laws*, но это изреченіе не помѣшало мнѣ выписать Влекстона комментарий къ англійскимъ законамъ.

15 марта. Еще до прибытія въ Спб., кн. Суворовъ поручилъ правителю канцеляріи составить особую записку о разныхъ противодѣйствіяхъ и непріязненномъ направленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Записка была составлена, но не весьма удачно. Ее читали здѣсь гр. Блудовъ и гр. А. Г. Строгановъ, а затѣмъ самъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Вчера его высочество прислалъ за кн. Суворовымъ и по приказанію государя императора сказалъ князю, что его величеству угодно, чтобы эта записка была подана ему непосредственно, и что по долгу ген.-губернатора кн. Суворовъ къ тому обязанъ.

Въ этотъ рѣшительный моментъ и слѣдуя правилу *e meglio tardi che mai*, у насъ возникли нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ удовлетворительности записки въ настоящемъ ея видѣ. Князь прислалъ Торнау ко мнѣ со всѣми *pièces justificatives* и съ самою запискою, которой я дотолѣ не читалъ. Вчера вечеромъ, на скорую руку, мы пересмотрѣли и переправили эту работу, по возможности. Нѣсколько статей исключено; кромѣ того, составлена препроводная докладная записка. Завтра все это будетъ представлено. Я вообще недоволенъ

этой работой и весьма не увѣренъ въ благопріятныхъ послѣдствіяхъ. Но поздно было передумывать, а передѣлывать основательно было некогда.

30 марта. Записка подана. Результатъ слѣдующій. Кн. Чернышеву поручено убѣдить кн. Суворова, съ которымъ самъ государь, на прощальной аудіенціи, былъ очень любезенъ,--въ преимуществахъ мирнаго житія передъ бранью (не даромъ пишу здѣсь „брань“ вмѣсто „войны“). Кн. Суворовъ, убѣдившись, что государь императоръ смотритъ на вещи иначе, чѣмъ дѣйств. стат. совѣтникъ Торнау, въ одно мгновеніе ока забылъ все прежде думанное и говоренное его свѣтлостію о непримиримой враждѣ съ м-ромъ внутреннихъ дѣлъ, о невозможности продолжать службу вмѣстѣ, и т. п. Онъ поѣхалъ къ министру и чрезъ нѣсколько минутъ они очутились попрежнему лучшими друзьями, на „ты“, и т. д. *Political men of old England, take a lesson at this!*

Между тѣмъ Торнау уѣхалъ, оставя канцелярію въ хаотическомъ положеніи, а слабоголовый Т***ль пишетъ ко мнѣ изъ Риги, что онъ ожидаетъ „zu Ostern, als Fortsetzung der affaire Samarinn, die allendliche Verurtheilung des Peroffskischen Systems und das Einläuten unseres Auferstehungsfestes!“

3-го апрѣля. Я читалъ вообще довольно многое о Нилѣ. На сихъ дняхъ я прочелъ еще путешествіе къ верховьямъ Нила и далѣе нашего инженерно-горнаго офицера Егора Петров. Ковалевскаго. Странно, что много рѣчи, со стороны путешественниковъ, о Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ и о томъ, который изъ двухъ вообще надлежитъ признавать главнымъ Ниломъ, но при этомъ, сколько мнѣ помнится, не обращается вниманія на лучший способъ къ рѣшенію вопроса. Периодическія наводненія суть отличительная черта Нила. Который изъ двухъ верхнихъ Ниловъ, Голубой или Бѣлый, главный при томъ дѣятель? Не можетъ быть, чтобы не замѣчено было разницы въ массѣ водъ и въ порядкѣ постепеннаго возрастанія ихъ, въ томъ и другомъ, при началѣ періодическихъ наводненій.

8-е апрѣля. Министръ внутр. дѣлъ и кн. Суворовъ sont comme deux tourterelles. En attendant le premier est élevé au titre de comte, ce qui prouve qu'il est loin d'être en disgrâce. Voilà où ont mené tous les béliers et toutes les catapultes épistolaires et orales, mis en mouvement par le prince Souvoroff et par son principal acolyte. Le prince se bat les flancs pour prouver à tout le monde et pour se démontrer à lui-même, que le pied de nez qu'il a reçu se trouve être un compliment. Il m'a dit l'autre jour, à propos de Tornauw, qu'il le trouvait tel, qu'il le lui fallait, et qu'il en était très satisfait, parceque lui, prince Souvoroff, „lui était supérieur!“ C'est un aveu de médiocrité pas mal naïf. Si chaque chef doué d'une tête à la douzaine tenait en effet à ne prendre

pour bras droit que quelqu'un de plus médiocre que lui-même, les choses se simplifieraient de beaucoup. Миѣ хотѣлось напомнить ему басню Крылова о бритвахъ.

(Переводъ). Перовскій возведенъ въ графское достоинство. Это доказываетъ, что онъ весьма далекъ отъ бытія въ немилости. Вотъ къ чему привели всѣ письменные и устные тараны и метательныя снаряды, приведенные въ дѣйствіе кн. Суворовымъ и его главнымъ соратникомъ. Князь всѣми силами старается доказать какъ другимъ, такъ и самому себѣ, что онъ остался не съ носомъ, а въ прибыли. Онъ сказалъ мнѣ намедни, что находить Торнау вполне подходящимъ и что имъ очень доволенъ, потому что онъ, кн. Суворовъ, на голову выше. Довольно откровенное признаніе собственной посредственности. Если каждый начальникъ, одаренный дюжиннымъ умомъ, будетъ стараться подбирать себѣ помощника еще болѣе посредственнаго склада, то вопросъ о выборѣ помощника весьма упростится.

Рига, 23-го апрѣля. Je me tiens à l'écart et me mêle le moins possible de tout ce qui se passe au château. Je retombe, en définitive, dans le rôle d'opposition constitutionnelle que j'ai soutenu en 1847. Au fait il est tout aussi impossible de s'identifier avec l'administration du Prince Souvoroff, qu'il était impossible de le faire avec celle du général Golovine. On ne saurait prendre au sérieux la première; on ne pouvait trouver l'autre assez honorable pour ne pas tenir à s'en isoler.

(Переводъ). Держусь въ сторонѣ и какъ можно меньше вмѣшиваюсь во все творящееся въ генераль-губернаторскомъ замкѣ. Пришлось, въ концѣ концовъ, снова оказаться въ той-же роли конституціонной оппозиціи, которую я разыгрывалъ въ 1847 году. Въ самомъ дѣлѣ, съ администраціею кн. Суворова также невозможно себя отождествлять, какъ то было и съ управленіемъ генерала Головина. Нельзя относиться съ почтеніемъ къ первой, а послѣднее не могло не казаться въ такомъ родѣ почтеннымъ, чтобы не стараться отъ него быть подальше.

6-го декабря. Князь Суворовъ продолжаетъ писать невѣроятно-подобныя четырехстраничныя посланія къ епископу. Преосвященный отписывается, и тогда вдохновеніе уступаетъ мѣсто какому-то полурубяческому, полувизирскому бѣшенству, коего проявленія, по крайней мѣрѣ, столь-же жалки, сколь они досадны. На-дняхъ, послѣ полученія какого-то отвѣтнаго письма отъ его преосвященства, la moutarde est montée au nez du cousin des Este et des Carignan. Выходя со мною изъ церкви, онъ остановился въ комнатѣ,

прилегающей къ казенной палатѣ, и почти во всеуслышаніе собранныхъ тамъ чиновниковъ съ четверть часа подъ-рядъ обзывалъ епископа эпитетами, вспоминалъ о его темномъ происхожденіи и о своей княжеской мантии и т. п.,—потомъ поручилъ мнѣ написать отзывъ его преосвященству по другой бумагѣ, и когда этотъ отвѣтъ, черезъ два дня, произвелъ желанное дѣйствіе, т. е. что епископъ на него не нашелъ удобнымъ возражать, тогда княжеская мантия помирилась съ панагіей. Оба (по выраженію Васильева) поплакали вмѣстѣ и князь написалъ мнѣ, *qu'il était enchanté d'avoir fait la paix avec l'évêque, parcequ'il aimait cet „excellent homme“ (sic)!*

Здѣсь, между прочимъ, можно-бы замѣтить, что лихорадочныя сношенія съ княземъ нѣсколько сбиваютъ съ панталыку и того „добрѣшаго человѣка“, котораго онъ любитъ. Наше духовенсво вообще не гораздо на счетъ гражданской премудрости. Такимъ образомъ чувство состраданія епископа къ православнымъ крестьянамъ, лишаящимся своихъ усадьбъ въ частныхъ имѣніяхъ, выразилось предложеніемъ поселять ихъ на казенныхъ земляхъ, „въ жилищахъ изъ глины или земли“, т. е. въ родѣ египетскихъ феллаховъ, или-же разищать ихъ въ арендаторскихъ домахъ, т. е. en forme de phalanstères agricoles.

1855 г.

Митава, 29-го апрѣля. Съ января 1850 года я прекратилъ бѣглыя замѣтки о мѣстныхъ дѣлахъ. Промолчавъ пять лѣтъ и снова принимаясь за перо, я начинаю съ вопроса: случилось-ли у насъ, въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, многое, о чемъ впоследствии желательно было-бы имѣть въ виду точное, современное повѣствованіе? Конечно, случилось, но болѣе внѣ Балтійскаго края, нежели въ немъ. Здѣсь монотонно продолжались лихорадочныя непослѣдовательности кн. Суворова, война съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, преувеличеніе малыхъ мѣстныхъ вопросовъ и пренебреженіе важнѣйшими. Въ настоящій моментъ министерство на второмъ планѣ, епископъ или архіепископъ на тридевятомъ, раскольники будто исчезли съ горизонта, крестьянскія дѣла переданы Тидебелю, т. е. ихъ даже и подъ горизонтомъ не сыщешь. На первомъ планѣ современные военные вопросы, слегка озаряемые или отбѣняемые цитадельнымъ солнцемъ или цитадельными облаками. Не счастливится князю. Генераль Сиверсъ, съ тяжестью подсемидесятаго возраста, начальникъ штаба его, съ прыткостью

молодости, посажены князю на голову. Онъ въ постоянной борьбѣ съ неотразимымъ фактомъ своей подчиненности. Его поддерживаютъ, раззадариваютъ, ему подсказываютъ и пересказываютъ, за него пишутъ и будто-бы мыслятъ: гг. Ивановъ и Ключковъ. По инструментамъ работа. По художнику инструменты.

Сегодня получено съ фельдъегеромъ объявленіе о новомъ рекрутскомъ наборѣ, по 12 съ тысячи.

Вчера я получилъ самый дружескій отвѣтъ отъ Скарятина (В. Я.). Желаю продолжать эту переписку. Годы постепенно налегаютъ на мою голову; охотно подаю руку сверстникамъ, съ которыми вмѣстѣ былъ молодъ и вмѣстѣ старѣю. Кромѣ того, въ наше время вообще подобаешь подавать голосъ другъ другу, изъ края въ край Россіи, дабы предугадать, что намъ готовить будущность.

9-го мая. Вчера полученъ указъ правительствующаго сената объ измѣненіи формы мундировъ гражданскаго вѣдомства. Недавно гр. Толстой (Дмитрій Николаевичъ) писалъ мнѣ: „наши новости ограничиваются пока переменною одеждою (военной); ждемъ чего-нибудь и еще“. Это „еще“ пока также ограничивается одеждою. Добро-бы къ лучшему, но однорортные писарскіе полукафтаны едва-ли кому придутся по вкусу.

Видѣлъ сегодня ген.-адъют. графа Палена. Онъ ѣдетъ въ Дрезденъ пить карлсбадскую воду. До Карлсбада онъ не доѣдетъ, чтобы не коснуться австрійской земли.

Вчера былъ день рожденія генерала Тотлебена, митавскаго уроженца. Объ этомъ какъ-то узнали и по подпискѣ устроили въ честь ему обѣдъ въ клубѣ. Послѣ обѣда всѣми присутствовавшими, въ томъ числѣ и мною, подписано поздравительное письмо къ нему, вслѣдъ затѣмъ отправленное въ Севастополь.

26-го мая. Не пишется. Я боленъ Севастополемъ. Лихорадочно думаю съ вечера о предстоящемъ на слѣдующее утро приходѣ почты. Лихорадочно ожидаю утромъ принесенія газетъ. Иду на встрѣчу тому, кто ихъ несетъ въ мой кабинетъ. Стараюсь получать ихъ на перепутьи, въ моей уборной, чтобы пробѣжать ихъ безъ свидѣтелей, чтобы тѣ лица, которыя въ это время обыкновенно бываютъ въ моемъ кабинетѣ, того не замѣтили и мнѣ не помѣшали встрѣтиться, такъ сказать, наединѣ съ вѣстью изъ края, куда постоянно стремится, гдѣ на половину живетъ моя мысль. Развертываю „Neue Preussische Zeitung“, гдѣ могу найти новѣйшія телеграфическія извѣстія. Съ жадною торопливостью пробѣгаю роковую страничку. Ничего! Если-же есть что-нибудь, то не на радость! Такъ проходятъ дни за днями! Истинной жизни у меня полминуты

въ день. Остальное время я ожидаю этой полминуты или о ней думаю. Ко всему другому, кромѣ молитвы, у меня сердце черствѣть. Всему другому хочется сказать: теперь не время ¹⁾!

Три дня тому назадъ, я былъ въ Ригѣ, куда меня вызвали въ засѣданіе особаго комитета, обсуживавшаго вопросъ о поставкѣ подводъ на случай чрезвычайнаго передвиженія войскъ. Предсѣдательствовалъ кн. Суворовъ. Участвовали въ совѣщаніи гр. Гейденъ, лифляндскій губернаторъ, тамошній представитель дворянства, ландратъ Лиліенфельдъ, управляющій палатою государств. имущества—другой Лиліенфельдъ, Массоніусъ и еще кое-кто. Толку не много.

5-е іюня. Въ томъ-же номерѣ „Инвалида“, гдѣ рѣчь о кровопролитномъ дѣлѣ подъ Севастополемъ, стоявшемъ намъ трехъ редутовъ и 2,500 человекъ, называется „дѣломъ“ забраніе въ плѣнъ экипажа англійской лодки. Генераль Бергъ, сочинитель о томъ донесенія, говоритъ, что „непріятель положилъ оружіе“, а ихъ всего было 15 человекъ, и что онъ „защищался слабо“, а изъ 15-ти убито 5 и ранено 4.

Сегодня, въ церкви, священникъ Клястицкаго гусарскаго полка, служившій обѣдню, сказалъ Реннгартену, подошедшему ко кресту безъ снятія перчатки съ правой руки: „Что ты, болванъ, молишься перчаткой?“—Нечего сказать, пастырскій и евангельскій упрекъ. И можно-ли „молиться“ перчаткой или съ перчаткой, или въ перчаткахъ? Креститься развѣ, а молиться можно только духомъ, которому нѣтъ дѣла до перчатокъ.

9-го іюня. Вчера, въ 3 часа утра, меня разбудили для принятія конверта отъ фельдъегера. Въ конвертѣ было росписаніе рекрутъ по нынѣшнему набору. Съ этими бумагами этотъ фельдъегерь посланъ въ нѣсколько губерній и вездѣ будить губернаторовъ или ихъ правителей канцелярій. Отчего подобныхъ обрядныхъ сообщеній не посылать просто по почтѣ. Для чего тратить деньги, утомлять человека, загонять лошадей на дорогѣ, не только безъ нужды и пользы, но даже и безъ всякаго разсудительнаго къ тому предлога?

Сегодня получено официальное извѣстіе объ оставленіи нами Анапы. Странно. Зачѣмъ теперь, зачѣмъ не прежде, или вообще зачѣмъ? Въ реляціи сказано, что мѣра принята ген. Хомутовымъ послѣ совѣта, т. е. по опредѣленію собраннаго имъ военнаго совѣта. Что-нибудь да не такъ, какъ должно было быть. Или мы не имѣли

¹⁾ Этими-же строками начинается П. А. Валуевымъ написанная въ 1865 г. „Дума Русскаго“ (см. въ концѣ его „Дневника“).

провіанта и военныхъ запасовъ, и тогда почему не имѣли? Или вообще Анапа была развалившеюся крѣпостью, и тогда зачѣмъ ее запустили? Или заранѣе не было принято въ соображеніе надлежащихъ, весьма вѣроятныхъ, éventualités, и тогда отчего не было принято? Или, наконецъ, мы испугались англо-французскаго флота и упали духомъ, а это всего хуже.

Теперь всѣ непріятельскія экспедиціонныя силы пресъ окойно могутъ вернуться въ Крымъ или быть брошены въ Азію.

15-го іюня (среда). Въ прошлое воскресенье получено здѣсь извѣстіе объ отбитіи штурма, предпринятаго союзниками въ годовщину Ватерлооскаго сраженія (6—18-го). Первая утѣшительная вѣсть послѣ столь долгаго ожиданія и послѣ столькихъ прискорбныхъ вѣстей.

Вчера были здѣсь гр. Гейденъ и кн. Суворовъ. Первый привезъ мнѣ записку о мѣрахъ къ поставкѣ подводъ и т. п., на случай высадки непріятели въ западной Курляндіи. Ген. Сиверсъ боленъ, и слабъ, и старъ. Гр. Гейденъ командуетъ. И*** его правая рука. Молодъ командиръ; его рука еще моложе.

Кн. Суворовъ—прежній кн. Суворовъ. Впрочемъ, вчера онъ былъ въ духѣ. Изъ сообщеннаго имъ мнѣ письма ген.-адъютанта Ливена видно, что князь подъ рукою все хлопочетъ о возстановленіи его независимаго командирства въ Лифляндіи, и, что „на случай выступленія ген. Сиверса“ Ливенъ обѣщался „поговорить съ кн. Долгоруковымъ“.

...Прискорбно. Многое въ послѣднихъ событіяхъ и внутреннемъ бытѣ нашемъ напоминаетъ конецъ царствованія Людовика XIV во Франціи.

Ливенъ говоритъ объ Анапѣ: *je crois que Хомутовъ s'est trop pressé de l'évacuer*, но не присовокупляетъ никакого объясненія. О крымской арміи онъ говоритъ: „Горчаковъ va être renforcé par Luders et alors j'espère qu'il pourra se soutenir“. Все это такъ вяло, неопредѣлительно, какъ-то малодушно. Далѣе Ливенъ говоритъ мелодраматически: „*cela ne suffit pas; il faut chasser l'ennemi qui ose fouler le sol sacré de notre patrie. Pour cela il faut de nouveaux efforts, et on s'y prépare*“. Ah! l'on s'y prépare! A la bonne heure. Il y a tantôt 9 mois que cela dure.

25-го августа. Дѣло 4-го числа и депеша кн. Горчакова „верки наши страдаютъ“, показываютъ comment on s'y préparait.

Министръ внутр. дѣлъ Бибииковъ уволенъ, т. е. отставленъ, 20-го числа, т. е. на другой день по окончаніи 6-ти мѣсячнаго траура по покойномъ государѣ. Его преемникомъ, говорятъ, назна-

чень Ланской. Объ этомъ выборѣ ничего не скажу. Я Ланскаго зналъ только въ тѣ годы, когда я не могъ оцѣнивать людей. Но помню, что ему теперь должно быть подъ 70 лѣтъ. Богаты мы кандидатами въ министры. Кромѣ Ланскаго, временно уже управлявшаго министерствомъ, никого и на мысль не приходитъ.

21-го августа. Ancien dicton français, du temps d'Henri IV:

Lever à six, dîner à dix,
Souper à six, coucher à dix,
Fait vivre l'homme dix fois dix.

Въ августовской книжкѣ „Библиотеки для чтенія“ послѣднiй стихъ переведенъ: „вдесятеро болѣе обыкновеннаго!“ Отсюда получается непредвидѣнный выводъ, что нормальная продолжительность человѣческой жизни—10 лѣтъ, или-же еще болѣе неожиданный выводъ, что при регулярномъ образѣ жизни человѣкъ можетъ достигъ трехсотлѣтняго возраста (полагая „обыкновенную“, т. е. среднюю продолжительность жизни въ 30 лѣтъ).

30 августа. Сегодня получено по телеграфу извѣстiе, что мы оставили Севастополь, послѣ убiйственнаго бомбардированiя и нѣсколькихъ отбитыхъ приступовъ. Изъ одного только Корнилова бастиона не могли выбить неприятеля. Итакъ свершилось то, что ради славы Россiи не должно было свершиться. Кровь Корнилова, Истомина, Нахимова и тысячи тысячъ другихъ не спасло Севастополя. Неужели вся эта кровь пролилась всуе?

2 сентября. Сегодня прочелъ въ „Инвалидѣ“ „Приказъ Россiйскимъ армiямъ“, по случаю паденiя Севастополя. Этотъ приказъ огорчилъ меня почти столько же, сколько самый поводъ къ его изданiю. Если не умѣли (составить) ничего лучшаго, если (это) нашли достаточнымъ и удачнымъ, то надежды передъ нами немного. Холодно, вяло, пусто, сѣро какъ зимнiй день въ Петербургѣ, безъ солнца, но за то при казенныхъ фонаряхъ.

4 сентября. Поѣздка Государя въ Варшаву и приѣздъ оттуда сюда—отмѣнены. Государь ѣдетъ въ Николаевъ. Объ этомъ сегодня получено секретное извѣстiе. Слава Богу.

Петръ Александр. Валуевъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

ГРАФЪ ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

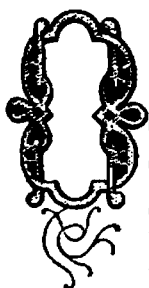
министръ народнаго просвѣщенія.

Посмертныя Записки бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа

Петра Дмитриевича Шестакова

1866—1880.

III ¹⁾.

Собѣхавъ учебныя округа и познакомившись на мѣстѣ съ ходомъ дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ, графъ Д. А. Толстой предпринялъ преобразование гимназій и прогимназій и установленіе системы образованія инородцевъ.

Послѣднее дѣло было совершенно новое. До министерства графа мы заявляли о необходимости обратить вниманіе на образованіе инородцевъ, въ 1865 году, въ отчетѣ, который былъ напечатанъ по распоряженію А. В. Головнина и представленъ имъ Государю Императору. Но наше заявленіе осталось безъ послѣдствій, вѣроятно потому, что А. В. Головнинъ вскорѣ сошелъ со своего поста. Дѣло образованія инородцевъ весьма заинтересовало графа Д. А. Толстаго еще въ Казани и онъ принялся за него энергично. Приведемъ касающееся этого дѣла собственноручное

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 387—405.

письмо къ намъ министра отъ 9 іюня 1869 года изъ Рязанской его деревни Лѣвсищъ:

„Въ началѣ зимы, писалъ графъ, будетъ разсматриваться въ совѣтѣ М-ва Н. Пр. вопросъ объ образованіи инородцевъ, и я предполагаю просить васъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ этомъ засѣданіи. Потому потрудитесь прочесть со вниманіемъ „Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ“. Конечно, все тамъ напечатанное вамъ уже извѣстно, но при чтеніи сего въ совокупности являются новыя мысли—возникаютъ новыя вопросы.

„Ничего не предрѣшая, я не могъ однако же не составить себѣ нѣкоторыхъ убѣжденій по этому важному дѣлу. Такъ, по моему, прежде всего, и по возможности безотлагательно слѣдовало бы подготовить учителей изъ самихъ инородцевъ, и для того, не теряя времени, учредить инородческія учительскія школы, для каждаго инородческаго племени, именно: для 1) татаръ, 2) башкировъ, 3) чувашей, 4) черемисовъ, 5) мордвы и 6) вотяковъ.

„Поэтому позвольте просить васъ теперь же заняться болѣе развитіемъ проекта устройства инородческихъ учительскихъ школъ, исчислить ихъ стоимость, имѣя въ виду, что онѣ должны содержаться на счетъ правительства, и придумать мѣры для надежнаго привлеченія въ нихъ учащихся.

„Въ этихъ видахъ нельзя-ли привлечь на службу въ вѣдомство М-ва Н. Пр. по Черемисскимъ училищамъ священника Рождественскаго и черемиса Тита Игнатѣева изъ деревни Ильпетъ (недалеко отъ Елабуги).

„По моему мнѣнію, слѣдуетъ прекратить отпускъ 12.000 р. изъ башкирскихъ суммъ на обученіе башкирскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а употребить тѣ деньги частію на содержаніе башкирской учительской школы, частію на вознагражденіе учителей русскаго языка въ башкирскихъ школахъ. Потрудитесь составить подробное по этому предмету соображеніе и, для выигранія времени, сдѣлайте сношеніе съ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ.

„Очень было-бы полезно, если-бы вы привезли съ собою въ Петербургъ предположеніе: въ какихъ главныхъ пунктахъ слѣдуетъ завести въ началѣ инородческія школы и во что обойдется содержаніе каждой со смѣною для дѣвочекъ. Я предполагаю отнести содержаніе этихъ школъ на счетъ казны.

„Помнится мнѣ, что въ вашемъ округѣ составлялись карты разселенія инородческихъ племенъ. Если я не ошибаюсь и если эта карта существуетъ, то захватите ее съ собой. Необходимы также статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ. Въ ожиданіи имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Петербургѣ въ началѣ зимы, остаюсь навсегда искренно преданнымъ слугою“.

Это письмо, представляющее чуть не полный планъ дѣйствій по инородческому образованію, свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности графа Дмитрія Андреевича, какъ министра: онъ не забывалъ о дѣлахъ даже и тогда, когда отдыхалъ въ деревнѣ послѣ многосложныхъ своихъ трудовъ по управленію двумя весьма важными вѣдомствами народнаго просвѣщенія и духовнымъ.

Въ эпоху преобразованія по этимъ двумъ вѣдомствамъ энергическій министръ, ежегодно объѣзжавшій одинъ изъ учебныхъ округовъ и употреблявшій на каждый объѣздъ отъ 1½ до 2 мѣсцевъ, находилъ время писать длинныя собственноручныя многосодержательныя письма по служебнымъ дѣламъ и не оставлялъ при этомъ занятій учено-литературныхъ, такъ что онъ, по справедливости, можетъ служить образцомъ трудовой умственной дѣятельности, а здоровья былъ онъ слабаго и, смотря на его блѣдное, изнуренное лицо, утомленные, задумчивые, лишь по временамъ оживлявшіеся глаза, на его худобу и мишьяковость, никакъ нельзя было ожидать такой твердости и устойчивости въ планахъ, такой желѣзной усидчивости въ работѣ, такой энергіи во всей дѣятельности. Онъ самъ дѣлалъ все быстро, на столахъ его кабинета рѣдко увидишь бывало бумаги, все очищалось своевременно; такую же быстроту любилъ онъ и въ своихъ сослуживцахъ. Получивъ письмо отъ 9 іюня, мы принялись за составленіе записки по инородческому дѣлу и работали до самаго нашего вызова въ Петербургъ. Плодомъ той работы были напечатанныя, по распоряженію министра, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, „соображенія о системѣ образованія инородцевъ, обитающихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа“. Тутъ были приложены собранныя нами прежде статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ и изготовленныя карты ихъ разселенія по нѣкоторымъ губерніямъ.

2 февраля 1870 года состоялось засѣданіе совѣта министра народнаго просвѣщенія по этому вопросу. На этомъ совѣтѣ

присутствовали и попечители Казанскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ.

Протоколомъ этого засѣданія опредѣлены и указаны были главныя мѣры для инородческаго образованія и принята система первоначальнаго образованія инородцевъ при помощи ихъ роднаго языка и начальныхъ учебниковъ на этомъ языкѣ и при учителяхъ-единоплеменникахъ.

Засѣданіе длилось съ 7 часовъ вечера до 12 часовъ.

Къ этому времени относится эпизодъ, характеризующій какъ образцовую внимательность графа Д. А. Толстаго въ сослуживцамъ, такъ и близость и довѣріе, которыми онъ пользовался у императора.

По возвращеніи нашемъ изъ Петербурга послѣ разсмотрѣнія вопроса объ образованіи инородцевъ, мы черезъ мѣсяцъ получили отъ министра увѣдомленіе о всемилостивѣйшемъ назначеніи намъ добавочнаго содержанія по 1800 рублей въ годъ. На это увѣдомленіе 18 марта 1870 года мы отвѣчали графу частнымъ письмомъ, въ которомъ, поблагодаривъ его за исходатайствованіе монаршей милости, мы писали:

„При этомъ почитаю долгомъ донести в. с., что къ великому моему удовольствію разладъ въ средѣ университетской корпораціи видимо стихаетъ, и я надѣюсь все мало по-малу придеть въ спокойное положеніе.

Студенты, какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться, ведутъ себя по прежнему хорошо, по прежнему усердно посѣщаютъ лекціи, внимательно слушаютъ профессоровъ и съ полнымъ уваженіемъ относятся къ начальству. Я невыразимо былъ бы счастливъ, если бы нашъ Всемилоствѣйшій Государь Императоръ соизволилъ убѣдиться, что въ Казанскомъ университетѣ нѣтъ людей, солидарныхъ съ распространителями прокламацій, что юношество, воспитывающееся въ Казанскомъ учебномъ округѣ, преисполнено горячей преданности къ тому, котораго вся жизнь посвящена благу Россіи.

Въ продолженіе Великаго поста я посѣтилъ нѣсколько разъ университетъ и позондировалъ профессоровъ и студентовъ, и промавелъ подробный осмотръ обѣихъ Казанскихъ мужскихъ гимназій, гимназіи женской и уѣднаго училища; о результатахъ моего осмотра я буду имѣть честь представить отчетъ.

Въ началѣ мая я предполагаю отправиться по округу и обревизовать учебныя заведенія въ Самарѣ, Оренбургѣ, Уфѣ и Перми, на что потребуются около двухъ мѣсяцевъ. Одно меня останавливаетъ: въ Казани разнесся слухъ, будто бы Государь Императоръ осчастливитъ нашъ городъ посѣщеніемъ къ 15 іюню. Если это справедливо, я полагаю, объ этомъ будетъ дано знать предварительно, такъ чтобы я могъ ко времени прибытія Его Императорскаго Величества возвратиться въ Казань.

Въ августѣ и сентябрѣ я предполагаю осмотрѣть Пензенскія, Саратовскія и Симбирскія учебныя заведенія“.

На это письмо 2 апрѣля я получилъ отъ графа Димитрія Андреевича слѣдующее собственноручное письмо отъ 25 марта 1870 года.

„Я имѣлъ счастье прочитать его императорскому величеству письмо во мнѣ в. пр. отъ 18 марта. Государь императоръ изволилъ выслушать его съ удовольствіемъ, а относительно распространягося въ Казани слуха о прибытіи туда его величества къ 15 іюня сказалъ, что предполагаетъ быть въ Казани въ началѣ августа“.

Графъ Д. А. Толстой, какъ мы видѣли, самъ весьма внимательно вдумывался въ вопросы по инородческому образованію; но и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, онъ не увлекался тотчасъ-же своими собственными сложившимися у него взглядами, но желалъ слышать откровенное мнѣніе сотрудниковъ, близкихъ къ этому дѣлу.

28-го января 1872 года графъ собственноручно писалъ намъ: „Представленіе мое объ учрежденіи инородческихъ учительскихъ семинарій, пройдя черезъ соединенные департаменты законовъ и экономіи, съ незначительными измѣненіями вошло въ общее собраніе государственнаго совѣта. Предсѣдатель совѣта в. кн. Константинъ Николаевичъ имѣлъ со мною по этому предмету объясненіе, при чемъ высказалъ сомнѣніе въ пользѣ учрежденія одной общей учительской семинаріи какъ для русскихъ, такъ и для разныхъ инородцевъ, и выразилъ мысль, что полезнѣе было-бы учредить двѣ отдѣльныя семинаріи: одну для русскихъ по уставу Молодечненской, другую для инородцевъ — христіанъ. Въ подкрѣпленіе этого великій князь указалъ на то, что, напримѣръ, для инородцевъ не нуженъ славянскій языкъ, тогда какъ для русскихъ онъ необходимъ.“

„Но главное возраженіе его высочества состоитъ въ томъ, что онъ опасается, что совмѣстное обученіе съ русскими можетъ быть принято инородцами за мѣру стѣснительную, и что они потому неохотно будутъ поступать въ семинаріи. Я объяснялъ его высочеству, что министерство народнаго просвѣщенія намѣренно соединяетъ инородцевъ съ русскими въ видахъ скорѣйшаго обрусѣнія первыхъ и съ этою цѣлію опредѣляетъ такое число учениковъ русскихъ, которое равнялось-бы всѣмъ инородческимъ ученикамъ вмѣстѣ взятымъ. Его высочеству угодно

было поручить мнѣ передать вамъ этотъ разговоръ съ тѣмъ, чтобы вы предложили г-ну Ильминскому написать свое мнѣніе и доставили-бы его ко мнѣ съ вашимъ заключеніемъ для представленія великому князю.

„Съ своей-же стороны я просилъ-бы васъ и г. Ильминскаго нисколько не стѣсняться моимъ представленіемъ и откровенно выразить свои убѣжденія, такъ какъ я имѣю въ виду одну пользу дѣла.

„Для ближайшаго соображенія прилагаю экземпляръ моего представленія“.

Къ дѣлу объ образованіи инородцевъ относится и другое собственноручное письмо графа отъ 2 марта 1871 г., могущее служить доказательствомъ заботъ графа о привлеченіи къ этому дѣлу лицъ знающихъ и опытныхъ. Вотъ это письмо: „Познакомившись съ г. Радловымъ, я пришелъ къ убѣжденію, что онъ былъ-бы весьма полезенъ для татарскихъ школъ и что потому весьма желательно приобрѣсть его для Казани. Но университетъ его не выбралъ, на лекторство-же нѣмецкаго языка съ 1 т. р. содержанія онъ не соглашается, потому что нуждается въ двухъ тысячахъ. Не придумаєте-ли какимъ образомъ можно было-бы его пристроить. Если нѣтъ свободнаго подходящаго для него мѣста, то я готовъ ходатайствовать о созданіи для него новой должности, только чтобы не потерять его для казанскаго учебнаго округа. Не сдѣлать-ли его помощникомъ инспектора татарскихъ школъ? Предоставляю вамъ самимъ рѣшить, въ какой формѣ можно это устроить, моя цѣль одна—удержать его при занятіи татарскими нарѣчїями и извлечь пользу изъ его знаній для образованія инородцевъ. Я знаю, что вы раздѣляете мой взглядъ о приобрѣтеніи такого ученаго для вашего округа, почему и увѣренъ, что не откажетесь указать мнѣ, какимъ образомъ это можно сдѣлать. Если способъ исполненія будетъ приисканъ, то потрудитесь войти ко мнѣ съ официальнымъ представленіемъ“.

Вслѣдствіе этого письма создана была новая должность инспектора татарскихъ башкирскихъ и киргизскихъ школъ съ окладомъ въ 2 т. рублей, на которую и назначенъ В. В. Радловъ, нынѣ ординарный академикъ академіи наукъ, избранный академикомъ въ президентство графа Д. А. Толстаго. Кромѣ должности, которую занялъ г. Радловъ, открыта была еще одна новая должность

инспектора чувашскихъ школъ, тоже съ тою цѣлю, чтобы приоб- рѣсти для инородческаго дѣла знатока чувашскаго языка Н. И. Золотницкаго. Теперь эту должность (сент. 1889 г.) занимаетъ, назначенный по нашему представленію послѣ Золотницкаго, окончившій курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета природный чувашинъ И. Я. Яковлевъ, безгранично преданный дѣлу просвѣщенія своихъ единоплеменниковъ.

Для образованія инородцевъ графомъ Д. А. Толстымъ сдѣ- лано очень много: упрочено положеніе центральной крещено- татарской школы постройкой дома съ церковью и назначеніемъ ежегодной суммы на содержаніе; учреждена въ Казани русско- инородческая учительская семинарія, для которой построенъ большой домъ съ домовою церковью на историческомъ мѣстѣ, гдѣ существовали въ былое время новокрещенскія школы; от- крыты въ Уфѣ и Казани татарскія учительскія школы для образованія учителей русскаго языка для магометанскихъ учи- лищъ; въ Симбирскѣ учреждена и обезпечена домомъ и со- держаніемъ центральная чувашская школа; созданы должности инспекторовъ татарскихъ школъ въ Казани и Оренбургѣ и ин- спектора чувашскихъ школъ казанскаго учебнаго округа; устроены многочисленныя школы для инородцевъ христіанъ, школы для инородцевъ магометанъ съ русскимъ языкомъ. При немъ и подъ его покровительствомъ инородцы-христіане услы- шали богослуженіе на родныхъ языкахъ.

Чуть-ли не въ то-же самое время, когда разрѣшился вопросъ объ образованіи инородцевъ, дѣйствовала въ Петербургѣ ко миссія для распредѣленія учебныхъ занятій въ гимназіяхъ, со- стоявшая подъ предсѣдательствомъ П. М. Леонтьева. Министру угодно было частнымъ образомъ спросить нашего мнѣнія по этому вопросу.

Мы назначили въ представленномъ нами распредѣленіи нѣ- сколько увеличенное противъ Уваровскихъ гимназій число часовъ для древнихъ языковъ, такое, которое, по нашему убѣжденію, совершенно достаточно для усвоенія этихъ языковъ при надле- жащемъ правильномъ преподаваніи и при хорошо подготовлен- ныхъ преподавателяхъ, и которое составляло достаточное число уроковъ и для русскаго языка, и для исторіи и давало ученикамъ

возможность, при четырехъ ежедневныхъ часовыхъ урокахъ, заниматься двумя новыми языками.

Но наше распредѣленіе, конечно, не было принято, — взяло верхъ мнѣніе П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова. — и древнимъ языкамъ въ повомъ уставѣ гимназій отведено такое значительное число уроковъ, что другіе предметы, особенно русскій языкъ и исторія, должны были пострадать, а занятіе двумя новыми языками сдѣлалось для учащихся физически невозможнымъ.

30-го іюля 1871 года высочайше утверждень уставъ гимназій и прогимназій, внесшій въ нихъ исключительное преобладаніе древнихъ языковъ и давшій доступъ въ университетъ только ученикамъ, окончившимъ курсъ гимназій съ аттестатомъ зрѣлости. За уставомъ послѣдовали министерскія предписанія и разъясненія, правила объ экзаменахъ, давшія рѣшающее значеніе письменнымъ отвѣтамъ на испытаніяхъ зрѣлости, изъ древнихъ языковъ письменные отвѣты состояли въ переводахъ на латинскій и греческій языка русскаго текста, вслѣдствіе чего ученики должны были исполнять весьма много письменныхъ работъ въ продолженіе года, особенно въ высшихъ классахъ; заведено задаваніе вакаціонныхъ работъ; вслѣдствіе экзаменныхъ требованій на изученіе грамматики древнихъ языковъ и переводы съ русскаго обращено большое вниманіе. Все вмѣстѣ представляло не мало затрудненій, усиливавшихся тѣмъ, что для такой высокой постановки древнихъ языковъ учителя были далеко не подготовлены, а приглашаемымъ въ преподаватели славянамъ важнымъ препятствіемъ для успѣховъ преподаванія служило плохое знаніе ими русскаго языка.

Во всѣхъ мѣрахъ по установленію учебнаго порядка въ гимназіяхъ сильно проглядывала рука Леонтьева и Каткова; но и М. Н. Катковъ въ послѣдніе годы былъ противъ излишествъ, допущенныхъ въ проведеніи классической системы. („Русскій Вѣстникъ“, іюль 1889 года, стр. 325).

Мы убѣждены, что графъ Д. А. Толстой при своемъ всестороннемъ развитіи, при своемъ глубокомъ прозорливомъ умѣ, не допустилъ-бы этихъ излишествъ, если-бы самъ прошелъ классическую школу, если-бы самъ на себѣ испыталъ какимъ путемъ можно достигнуть достаточнаго знакомства съ древнимъ міромъ и его образцами, изученіе которыхъ, по его собственнымъ словамъ,

болѣ всего способствуетъ развитію всего человѣка. Всѣмъ извѣстно обратившееся въ поговорку изреченіе Овидія: *medio tutissimus ibis* (*Metamorph.*); но какъ было графу найти эту среднюю дорогу, по которой идти всего безопаснѣе, когда собственнаго опыта не было, а такой знатокъ классическаго міра, какъ *Б. М. Леонтьевъ*, указывалъ ему иной путь, къ которому вело и изученіе уставовъ, учебныхъ плановъ и всевозможныхъ регламентовъ иностранныхъ гимназій.

Графъ ревниво охранялъ неприкосновенность проведеннаго имъ устава гимназій и слѣдилъ, чтобы классическая система устанавливалась крѣпко, чтобы не было никакихъ послабленій при ея осуществленіи. Когда въ ноябрѣ 1873 года мы пріѣхали по дѣламъ службы въ Петербургъ, директоръ департамента предупредилъ насъ въ такихъ словахъ: „графъ Димитрій Андреевичъ имѣетъ противъ васъ зубокъ за то, что изъ гимназій вашего округа выпущено много съ аттестатомъ зрѣлости: онъ приписываетъ это излишнему снисхожденію, такъ какъ изъ гимназій другихъ округовъ выпущено гораздо менѣе, а изъ одной даже ни одного не выпущено“.

На другой день мы видѣлись съ министромъ. Графъ, разспросивъ о гимназіяхъ, сказалъ: „А я имѣю противъ васъ зубокъ: за большой выпускъ изъ вашихъ гимназій съ аттестатами зрѣлости“.

Мы отвѣтили, что слышали объ этомъ вчера отъ директора департамента, и отвѣтили ему, что мы были увѣрены въ противномъ, что графъ скажетъ намъ за это большое спасибо, такъ какъ плохую услугу оказываютъ классической системѣ тѣ начальники учебныхъ заведеній, которые теперь-же, на первыхъ порахъ, съ аттестатомъ зрѣлости выпускаютъ одного или двухъ или даже нѣкого не выпускаютъ.

Этимъ возбуждается лишь ненависть къ классицизму. „Это правда, замѣтилъ графъ, но я полагаю, не было-ли послабленій у васъ“. Послабленій не было, отвѣчали мы. Но мы требовали отъ учениковъ лишь того, что имъ давалось, требовать большаго считали несправедливостью: мы обязаны были обратить вниманіе на то, что новый уставъ существуетъ только два академическихъ года и потому на теперешнее *testimonium maturitatis* нельзя смотрѣть какъ на истинное. Теперь мы выпускаемъ еще менѣе,

чѣмъ въ половину зрѣлыхъ, такихъ, которые латинскому языку учились въ 5 классахъ не по 6-ти, а по 4 урока въ недѣлю, а греческому и совѣмъ не научились.

— „Да, это вѣрно, сказалъ графъ, я съ вами совершенно согласенъ“, а все-же прибавилъ: „пожалуйста, наблюдайте, чтобы нивакихъ послабленій и впредь не было“.

Особенно налегъ М. Н. Катковъ на университетскій уставъ 1863 года. Отъ этого устава подъ управленіемъ „самодержавной профессорской коллегіи“, по его мнѣнію, происходили всѣ университетскія нестроенія, имъ вызывались студенческія увлеченія молодежи нигилизмомъ, социализмомъ и т. п.

Въ дѣйствіяхъ М. Н. Каткова противъ университетовъ проглядывало, видимо, личное раздраженіе. Онъ не могъ забыть того оскорбленія, которое, по его мнѣнію, нанесено было его другу, Леонтьеву, Московскимъ университетомъ. Но справедливость требуетъ сказать, что П. М. Леонтьевъ, бесспорно выдающійся знатокъ латинскаго языка и римской литературы и древностей, бесспорно былъ замѣчательнымъ профессоромъ до тѣхъ поръ, пока не окунулся весь въ завѣдываніе хозяйственною частью „Московскихъ Вѣдомостей“ и типографіи Каткова и К°. Съ тѣхъ поръ университетъ и занятія наукою отошли для него на дальній планъ. Друзья его соболѣзновали и неоднократно приступали къ нему съ просьбами оставить „Вѣдомости“ и типографію и возвратиться къ университету и наукѣ. Но тщетно. Понятно, что профессорская корпорація не могла и не должна была отнестись къ такому отчужденію отъ университета равнодушно. Въ дѣлѣ П. М. Леонтьева не университетъ и профессора, а самъ онъ былъ виноватъ, и стоять за него въ этомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе возводить изъ-за него всевозможныя нареканія не только на Московскій, но и на другіе университеты было-бы явною несправедливостью.

Подъ напоромъ вліятельнаго публициста, при нерѣдко повторявшемся разладѣ профессоровъ въ различныхъ университетахъ, университетскому уставу 1863 года предстояло измѣненіе, о которомъ и сталъ хлопотать графъ Д. А. Толстой. По вопросу о преобразованіи университетовъ затребованы были мнѣнія попечителей.

Мы, 30-го ноября 1875 г., послали министру довольно по-

дробную записку, и въ отвѣтъ скоро получили телеграмму: „Можно-ли напечатать ваше мнѣніе въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія?“ Мы отвѣтили утвердительно, но записка наша не была напечатана, полагаемъ потому, что наше мнѣніе допускало лишь поправки и видоизмѣненія въ уставѣ 1863 г., но не коренную ломку. Понятно, что такое умѣренное мнѣніе не могло найти благоволенія у лицъ, желавшихъ радикальнаго измѣненія университетскаго устава, сокрушенія всѣхъ корпоративныхъ привилегій профессорской коллегіи.

Графъ Д. А. Толстой, какъ видно изъ его телеграммы, не принадлежалъ къ этимъ лицамъ, иначе онъ не изъявлялъ-бы желанія напечатать наше мнѣніе, иначе онъ не поддерживалъ-бы выборнаго начала въ духовныхъ академіяхъ. Но и тутъ, какъ и въ дѣлѣ преобразованія гимназій, вѣроятно, взяло верхъ мнѣніе Каткова и Леонтьева, какъ специалистовъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ университетовъ. Впрочемъ, университетскій уставъ, какъ извѣстно, не успѣлъ подвергнуться измѣненію въ министерство графа Д. А. Толстаго.

Составлена была комиссія для изслѣдованія положенія нашихъ университетовъ и собранія матеріаловъ.

Комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта гр. И. Д. Делянова, посѣтила всѣ университетскіе города, лично спрашивала каждого профессора отдѣльно, дѣлала словесные вопросы и попечителю округа, посѣтила и университетскія аудиторіи, между дѣломъ отбиранія, записыванія и составленія свода устныхъ показаній. Составили сводъ. Собразась опять подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова новая комиссія изъ членовъ совѣта министра и ректоровъ университета, составила проектъ университетскаго устава, но этому проекту не суждено было осуществиться. Утвержденіе новаго университетскаго устава въ особой редакціи, а не въ той, которую разработала комиссія, послѣдовало въ 1884 году, при нынѣшнемъ (1889 г.) министрѣ народнаго просвѣщенія.

Графъ Д. А. Толстой поднялъ вопросъ объ учрежденіи университета въ Сибири, и его предположеніе удостоилось высочайшаго утвержденія, но самый университетъ Томскій открытъ только въ 1888 году. Строго державшійся законности, графъ Д. А. Толстой, пока имѣлъ силу уставъ 1863 года, свято под-

держивалъ автономію университетовъ и права профессорской корпораціи. Разъ послѣ извѣстной казанской профессорской исторіи, на вопросъ графа— „какъ избѣжать подобныхъ исторій“— мы высказались лично за предоставленіе попечителямъ права присутствовать въ совѣтѣ университета, когда они найдутъ это полезнымъ. Попечитель, какъ мы думали, будетъ являться въ совѣтъ въ исключительныхъ случаяхъ, когда грозитъ какая-нибудь исторія, какое-нибудь столкновение между профессорами. Этимъ присутствіемъ попечителя, по нашему мнѣнію, нисколько не нарушалась-бы автономія совѣта, а только могли-бы предупреждаться злоупотребленія автономіею. На наши доводы графъ отвѣтилъ:— „Нѣтъ, не могу, вы знаете, что по уставу относительно университета я—конституціонный король“.

Графъ постоянно съ заботливостью относился къ чести и спокойствію университета, всегда отстаивалъ его интересы.

Особенно въ тяжелую пору 1870-хъ годовъ, когда такъ часты были нареканія на университеты и обвиненія учащейся молодежи въ неблагонадежномъ духѣ и направленіи, графъ всегда готовъ былъ ходатайствовать предъ государемъ, когда дѣло шло объ обѣленіи студентовъ отъ падавшихъ на нихъ несправедливыхъ нареканій.

Такъ, когда въ 1872 г. въ прессѣ появился слухъ, будто между казанскими студентами сохраняется анатомическій атласъ съ собственноручною подписью Каракозова, и когда возмущенные этимъ зло-тенденціознымъ слухомъ студенты просили попечителя о снятіи съ нихъ этого пятна, министръ тотчасъ-же доложилъ государю подробное донесеніе о томъ попечителя округа и государь на докладѣ министра соизволилъ положить такую лестную для студентовъ резолюцію: „желаю вѣрить благороднымъ чувствамъ учащейся молодежи“.

Когда, въ эту пору частныхъ арестовъ и обысковъ, былъ сдѣланъ обыскъ у одного изъ профессоровъ казанскаго университета и въ университетскомъ кабинетѣ, состоявшемъ подъ вѣдѣніемъ этого профессора, и когда совѣтъ университета обратился въ попечителя съ ходатайствомъ объ огражденіи достоинства и чести университета и профессоровъ отъ такихъ позорящихъ репутацію дѣйствій, графъ Д. А. Толстой принялъ сердечное участіе

въ ходатайствѣ совѣта и энергично отстаивалъ честь университета и профессора, у котораго сдѣлали обыскъ ¹⁾).

Памятенъ еще случай: высокопоставленное въ губернской администраціи лицо обидѣлось за то, что ректоръ университета обратился къ нему по одному дѣлу письменно, помимо попечителя округа. Губернскій администраторъ, находя, что съ нимъ въ непосредственную служебную переписку имѣеть право входить одинъ попечитель, а остальные лица учебнаго вѣдомства должны съ нимъ сношаться только черезъ посредство попечителя, жаловался министру на неумѣстный, по его мнѣнію, поступокъ ректора. Графъ отвѣчалъ ему, что онъ „не находитъ въ данномъ случаѣ никакого нарушенія служебныхъ отношеній, что ректора университетовъ такъ высоко поставлены, что онъ самъ считаетъ за особенную честь вступать съ ними въ непосредственныя письменныя сношенія“.

Графъ Д. А. Толстой съ не меньшимъ вниманіемъ и участіемъ относился къ гимназіямъ и къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, всегда сердечно тревожился, когда получалъ дурныя свѣдѣнія о какомъ-либо учебномъ заведеніи, и тотчасъ-же, иногда собственноручнымъ письмомъ, просилъ обыкновенно попечителя округа удостовѣриться лично на мѣстѣ въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ о неудовлетворительномъ состояніи учебнаго

¹⁾ Приведемъ лично извѣстный намъ фактъ: въ скоромъ времени по учрежденіи въ Петербургѣ отдѣленія „московскаго славянскаго благотворительнаго общества“, предсѣдатель этого отдѣленія, А. Ѳ. Гильфердингъ, внезапно былъ приглашенъ графомъ Д. А. Толстымъ и тотъ сообщилъ ему, что шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ, подозрительно взглянувшій на дѣйствія комитета, испросилъ высочайшее повелѣніе повести точнѣйшіе розыски по этому предмету. Графъ Д. А. Толстой, отлично знавшій высокопатріотическую и во всѣхъ отношеніяхъ благотворную дѣятельность „Славянскаго комитета“, и его петербургскаго отдѣленія, зная о секретномъ порученіи, данномъ графу Шувалову, успѣвши дать совѣтъ А. Ѳ. Гильфердингу безотлагательно составить записку вообще объ основаніяхъ и образѣ дѣйствій помянутаго комитета и отвезти эту записку графу П. А. Шувалову. Записка была мастерски составлена покойнымъ Гильфердингомъ, человекомъ обширнаго ума и безпредѣльно преданнымъ славяно-русскому дѣлу, отвезена шефу жандармовъ, доложена съ надлежащими объясненіями и петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета былъ спасенъ, и спасенъ высокодобродетельнымъ предупрежденіемъ гр. Д. А. Толстаго.

Ред.

13*

заведенія, и всегда крѣпко отстаивалъ своихъ сослуживцевъ и не давалъ никакой посторонней власти въ обиду безвиннаго.

Кому извѣстно, какъ часто падаютъ несправедливыя и совершенно незаслуженныя нареканія на начальниковъ и наставниковъ учебныхъ заведеній, какъ нерѣдко посылаются на нихъ къ попечителю округа и въ министру именныя жалобы и безыменные доносы отъ недовольныхъ, тотъ пойметъ, какъ важно для служащихъ по педагогической части, чтобы главные начальники не вѣрили слухамъ и доносамъ на слово, провѣряли ихъ тщательно и не допускали, чтобы безвинно страдали педагоги, имѣвшіе несчастіе навлечь неблаговоленіе хотя-бы и лица сильнаго.

Кромѣ устава гимназій и прогимназій графъ Д. А. Толстой провелъ уставъ реальныхъ училищъ, которыя быстро стали открываться съ пособіемъ отъ мѣстныхъ обществъ, а нынѣ и вполнѣ на городскія или земскія суммы; открыто при немъ 57 реальныхъ училищъ ¹⁾). Всѣ поступающія на его имя представленія графъ имѣлъ обыкновеніе читать самъ, не смотря на ослабѣвшее зрѣніе. Доказательствомъ служитъ слѣдующее письмо къ намъ тогдашняго директора департамента М. Е. Брадке отъ 8-го ноября 1876 года:

„Графъ Димитрій Андреевичъ, читая постоянно самъ съ большимъ вниманіемъ всѣ входящія бумаги, жаловался мнѣ надняхъ, что ему весьма затруднительно читать поступающія изъ Казани бумаги, такъ какъ онѣ переписаны весьма блѣдными, какъ онъ выразился, бѣлыми, а не черными чернилами, что для его сіятельства составляетъ теперь, при значительно ослабѣвшихъ глазахъ, большое неудобство“.

Директоръ департамента спросилъ: „не изволите-ли признать возможнымъ распорядиться по вашей канцеляріи, чтобы бумаги переписывались самага чернаго цвѣта чернилами“. Разумѣется, наша непростительная небрежность была тотчасъ исправлена, и въ письмѣ отъ 13 декабря того-же года директоръ департамента между прочимъ писалъ: „весьма благодаренъ за сдѣланное вами чернильное распоряженіе; графъ выразилъ надняхъ свое удовольствіе, что онъ теперь можетъ читать ваше представленіе безъ затрудненія“.

¹⁾ Гимназій при графѣ вновь открыто 20, прогимназій 63.

IV.

Въ началѣ нашего очерка мы передали о первомъ посѣщеніи графомъ Д. А. Толстымъ казанскаго учебнаго округа въ 1866 году, вскорѣ послѣ назначенія его министромъ народнаго просвѣщенія. Въ это посѣщеніе, между прочимъ, было предрѣшено отдѣленіе казанскаго учебнаго округа и образованіе особаго округа.

Тогда графъ былъ еще неопытенъ въ педагогическомъ дѣлѣ, и потому только вслушивался и всматривался, знакомился съ новымъ для него дѣломъ. Съ инымъ характеромъ представляется второе его посѣщеніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній округа въ 1878 году.

Въ бытность нашу въ Петербургѣ въ январѣ 1878 года, графъ сказалъ намъ, что въ маѣ онъ собирается въ Вятку и Сарапуль, но отнюдь не желаетъ быть въ Казани, чтобы не потерять много времени. Поэтому онъ просилъ насъ, въ первыхъ числахъ мая, увѣдомить его телеграммой въ Петербургъ, когда ему выѣхать изъ Москвы, чтобы попасть прямо на вятскій пароходъ въ Нижнемъ или въ Казани, что нами, конечно, въ свое время и сдѣлано.

Съ 18 по 21 мая мы плыли съ графомъ на вятскомъ пароходѣ отъ Казани до Вятки. Это плаваніе было для насъ пріятно, полезно и поучительно. Мы могли въ это время сдѣлать подробный докладъ объ округѣ и получить разрѣшеніе министра на многіе затруднительные вопросы. Теперь мы имѣли уже дѣло съ министромъ опытнымъ, твердо и увѣренно говорящимъ. Эту твердость и увѣренность дали ему его ежегодныя путешествія по Россіи для осмотра учебныхъ заведеній.

Онъ по праву могъ называть себя „всероссійскимъ путешественникомъ“.

Осмотръ учебныхъ округовъ всей Россіи (за исключеніемъ Сибири и Вятки) ознакомилъ министра на дѣлѣ съ ходомъ и положеніемъ учебнаго и воспитательнаго дѣла и его взгляды теперь коренились уже на практикѣ и отличались многосторонностію и крѣпостію. Теперь у него можно было унотому поучиться. Вотъ что значитъ дѣлать дѣло, окунуться въ глубь его, смотрѣть своими, а не чужими глазами.

Теперь графъ не говорилъ, какъ въ 1866 году: „я полагаю“, „я думаю“, а болѣе сильное и вѣское: „я видѣлъ это самъ“, „я на дѣлѣ убѣдился“.

Съ такимъ министромъ дѣла, а не фразъ, не только пріятно, но и полезно и поучительно побесѣдовать.

Видно, 18 лѣтъ, въ которыя онъ занималъ министерскій постъ, не прошли для него даромъ: наблюденіе во многихъ учебныхъ заведеніяхъ надъ многими лицами учащими и воспитывающими, сравненіе однихъ съ другими дали ему основательность въ сужденіи и въ оцѣнѣ педагогической дѣятельности начальниковъ и воспитателей.

На отдаленныхъ пристаняхъ, гдѣ къ министру не являлось никакихъ депутацій, онъ обыкновенно дѣлалъ прогулку; ходить онъ любилъ и болшею частію ходилъ пѣшкомъ и въ городахъ, потому что боялся лошадей, и когда ему подавали отличную, приготовленную для него, пару заводскихъ коней, онъ отказывался ѣхать, говоря: „на этакихъ-то звѣряхъ ѣхать, нѣтъ, благодарю покорно, я лучше извозчика возьму или пѣшкомъ дойду“.

Въ Жерновогорскѣ противъ Кукарки, извѣстной торговой слободы Вятской губерніи, графъ получилъ двѣ депеши: одна— важная для всей Россіи, а особенно для Сибири о всемилостивѣйшемъ соизволеніи начать постройку сибирскаго университета въ Томскѣ. Императоръ Александръ II согласился съ мнѣніемъ меньшинства государственнаго совѣта, въ числѣ этого меньшинства былъ, конечно, и графъ Д. А. Толстой. — „Это для меня большая радость, сказалъ онъ, прочитавъ телеграмму и подавая ее намъ. Это историческій моментъ“. Другая телеграмма была важна для Вятской губерніи, преимущественно для города Елабуги, — въ ней министръ извѣщался о послѣдовавшемъ разрѣшеніи на открытіе двухъ первыхъ классовъ елабужскаго реальнаго училища.

21-го мая, послѣ обѣда, мы прибыли въ Вятку. Министръ пробылъ въ Вяткѣ три дня: 22-го, 23-го и 24-го мая 1878 г. 22-го мая графъ посѣтилъ вятскую гимназію, которая въ первый разъ увидѣла въ своихъ стѣнахъ министра народнаго просвѣщенія. Понятно, что не только ученики, но и учителя были нѣсколько смущены, особенно потому, что незадолго передъ тѣмъ на вятскую гимназію былъ сдѣланъ доносъ.

Графъ съ одобреніемъ отозвался объ общей молитвѣ передъ ученіемъ. Онъ присутствовалъ на урокахъ латинскаго языка у трехъ преподавателей, удостовѣрялся самъ, хорошо-ли заучиваютъ ученики слова, просматривалъ тетради, въ которыя они слова записываютъ, и самъ спрашивалъ; послѣ урока въ VII классѣ поручилъ директору Жеренскому привлечь одного ученика, выдававшася своими отвѣтами, къ поступленію въ лейпцигскую учительскую семинарію. Затѣмъ былъ на урокахъ математики, русскаго языка, греческаго, нѣмецкаго и французскаго, гдѣ замѣчалъ недостатки въ произношеніи. Въ заключеніе этого дня осмотра графъ сказалъ, что ученики вятской гимназій произвели на него пріятное впечатлѣніе и преподаваніемъ онъ доволенъ.

То-же самое и съ тою-же ласкою министръ высказалъ и въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ онъ слушалъ ариметику, русскій языкъ, пѣніе и былъ на урокѣ чистописанія. О штатномъ смотрителѣ Кочкинѣ отозвался съ похвалою. Отчетомъ, поданнымъ ему директоромъ народныхъ училищъ Нурминскимъ, остался весьма доволенъ. Въ тотъ-же день послѣ обѣда мы ходили смотрѣть вятскій соборъ, построенный академикомъ Витбергомъ въ 1839 году. Витбергъ жилъ здѣсь въ ссылке. „Что за грандіозное зданіе этотъ соборъ, замѣтилъ графъ: громадный куполь его такъ легко и строенъ, такъ полно симметріи и цѣльности все зданіе, вокругъ котораго идетъ прекрасная, изящная галерея, поддерживаемая стрѣльчатыми сводами и прелестными колоннами. Это поистинѣ мастерское художественное произведеніе великаго таланта,—таланта, до подробностей обдумавшаго свой планъ“. Изъ собора мы зашли въ училище дѣвицъ духовнаго званія, а оттуда насъ пригласилъ къ себѣ на чай попечитель духовнаго училища Я. А. Прозоровъ, домъ котораго противъ епархіальнаго училища,—домъ прекрасной постройки и роскошно отдѣланный.

Посѣщеніе министромъ Прозорова дало богатые результаты: купецъ Прозоровъ на другой день заявилъ, что онъ, „въ память этого дорогаго и для его правнуковъ посѣщенія“, жертвуетъ подъ городское училище домъ, оцѣниваемый имъ въ 31,000 рублей. 23-го мая графъ осматривалъ женскую гимназію и земское училище для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и образованія учителей. Въ женской гимназій министръ присутствовалъ

на урокахъ математики, физики, русскаго языка, исторіи и арифметики, остался доволенъ и начальницей, и учителями, и ученицами. Въ земскомъ училищѣ графъ былъ на экзаменѣ изъ русской словесности, успѣхами остался доволенъ, подробно осмотрѣлъ всѣ хозяйственныя заведенія, кабинеты и мастерскія. Отдалъ справедливость значительнымъ затратамъ земства, но на ходатайство о дарованіи училищу правъ рѣшительно отказалъ. признавая училище въ настоящемъ видѣ не цѣлесообразнымъ по его двойной цѣли и по многопредметности, вслѣдствіе того существующей въ училищѣ.

24-го мая графъ присутствовалъ въ мужской гимназіи на урокъ законоучителя Попова и на экзаменѣ учениковъ VIII класса изъ греческаго и латинскаго. Министръ съ удовольствіемъ выслушалъ прекрасный рассказъ законоучителя о св. Тихонѣ Задонскомъ, о которомъ, по словамъ графа, ему тѣмъ пріятнѣе было слушать, что дядя (дѣдъ?) его, графъ Толстой, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ Тихономъ и даже пожелалъ, чтобы его похоронили подлѣ могилы святителя. Весьма доволенъ былъ графъ познаніями учениковъ VIII класса изъ древнихъ языковъ, троихъ изъ нихъ лучшихъ графъ поздравилъ съ аттестатами зрѣлости, освободивъ ихъ отъ испытанія въ остальныхъ предметахъ.

Этимъ днемъ окончился осмотръ вятскихъ учебныхъ заведеній, учащихся которыхъ министръ отпустилъ на слѣдующій день. 25-го мая мы отправились изъ Вятки на Булычевскомъ пароходѣ въ Сарапулъ, куда прибыли 28 числа вечеромъ. Въ Сарапулѣ министръ пробылъ два дня, 29 и 30 мая. 29 мая графъ обозрѣвалъ реальное училище, которое помѣщается въ большомъ домѣ, уступленномъ подлѣ училище земствомъ, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на краю города, близъ сосновой роши. Графъ присутствовалъ на урокахъ геометрическаго черченія и землѣвѣрія, географіи, естественной исторіи, физики, русскаго языка, русской словесности, Закона Божія, нѣмецкаго и французскаго языковъ.

Ему очень понравилось, что на урокъ физики ученики сами дѣлали опыты; съ похвалою отвеся онъ къ тому, что каждый классный наставникъ велъ кондуктнуну книгу учениковъ ввѣреннаго ему класса. Преподаваніемъ вообще графъ былъ доволенъ,

объ ученикахъ отозвался, что онъ не замѣтилъ въ нихъ дурнаго нравственнаго направленія, но что „на ихъ внѣшность мало обращалось вниманія; ученики одѣваются и держатъ себя, какъ хотятъ. Бѣдность тутъ не причеъ, потому что есть юноши франтовски одѣтые, но не въ форменныхъ панталонахъ, растегнутые, въ разноцвѣтныхъ жабо. Если ученикъ носитъ цвѣтную рубашку, онъ долженъ ее прятать; ранцевъ очень мало“.

При выходѣ изъ училища онъ все-же благодарилъ директора и даже зашелъ къ нему на чашку чаю.

30-го мая министръ посѣтилъ сарапульскую женскую прогимназію, о которой онъ говорилъ намъ еще на пароходѣ такъ: „Въ Сарапульской-то прогимназіи у васъ, я думаю, дѣло идетъ не важно; тамъ у васъ все учительницы, а я, признаюсь, не ожидаю отъ нихъ многого“.

Сарапульская женская прогимназія по осмотрѣ произвела на него очень пріятное впечатлѣніе, не смотря на то, что въ ней преподавали все учительницы. Графъ присутствовалъ на урокахъ ариметики, исторіи, географіи, русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, и нашель, что преподаваніе ведется разумно, усердно и съ пользою, — успѣхи ученицъ хорошіе.

Дѣвочки одѣты въ формѣ (коричневое платье и бѣлая перелинна и фартукъ), что графу очень понравилось; держать себя весьма скромно. Замѣчено министромъ, что есть обыкновеніе ученицъ въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгать къ поднесенію рукъ къ губамъ. Графъ благодарилъ начальницу, директора и учительницъ и освободилъ, какъ и въ Вяткѣ, всѣхъ учащихся на слѣдующій день отъ уроковъ.

30-го мая мы поплыли изъ Сарепуля въ Сызрань, гдѣ министръ желалъ осмотрѣть учебныя заведенія и оттуда отправиться по желѣзной дорогѣ въ Пензу.

На пристани въ Казани намъ передана была непріятная телеграмма съ извѣстіемъ, что нѣкто Т—въ нанесъ въ Сызрани на улицѣ оскорбленіе дѣйствиельно директору тамошняго реальнаго училища. Мы сообщили содержаніе телеграммы министру, при чемъ отрекомендовали директора сызранскаго съ отличной стороны.

1-го іюня на симбирской пристани министра ожидали учительскій составъ классической гимназіи и чувашская центральная

школа въ полномъ составѣ: инспекторъ чувашскихъ школъ, учителя и ученики.

Графъ слушалъ пѣніе чувашь, поговорилъ съ нѣсколькими учениками и отозвался о чувашской школѣ съ большою похвалою. Съ учительскимъ персоналомъ Симбирской гимназіи онъ обошелся съ обычною своею привѣтливостію.

Утромъ втораго іюня мы прибыли въ Сызрань. Прямо съ пристани графъ поѣхалъ въ женскую прогимназію. Здѣсь онъ присутствовалъ на урокахъ Закона Божія, русскаго языка, нѣмецкаго и французскаго, слушалъ чтеніе на церковно-славянскомъ языкѣ въ приготовительномъ классѣ. Вообще успѣхами ученицъ остался доволенъ и нашелъ, что онѣ держатъ себя прилично.

Еще разъ онъ убѣдился на дѣлѣ, что „учительницы могутъ вести и ведутъ дѣло преподаванія хорошо“.

Избившій директора Т—въ скрылся, какъ оказалось, изъ Сызрани, думаютъ, что уѣхалъ въ Саратовъ. Графъ очень былъ недоволенъ, что его не арестовали тотчасъ-же.

До совершенія своего преступленія Т—въ справлялся у адвокатовъ, что за это будетъ, и узнавъ, что только трехмѣсячное заключеніе въ острогѣ, рѣшился на публичное буйство: въ три часа дня онъ напалъ на директора на улицѣ и избилъ его палкой и кулаками такъ, что тотъ возвратился домой окровавленный. Городская дума прислала директору весьма сочувственное письмо. Всѣ въ городѣ жалѣли директора и говорили, что онъ пострадалъ невинно. Графъ принялъ теплое участіе въ несчастіи, постигшемъ директора, отнесся къ нему чрезвычайно ласково и внимательно.

3-го іюня министръ осматривалъ реальное училище, былъ на урокахъ русскаго языка и словесности, Закона Божія, физики, нѣмецкаго языка, коммерческаго вычисленія, геометріи, разсматривалъ рисунки и чертежи учениковъ, былъ на урокѣ гимнастики и на экзаменѣ изъ математики въ VI классѣ основнаго отдѣленія. Вообще остался доволенъ ходомъ дѣла. Въ большую переѣзную пилъ чай у директора въ бесѣдкѣ вновь разведеннаго сада. Въ женской прогимназіи былъ въ этотъ день у двухъ учительницъ: на урокѣ русскаго языка и на экзаменѣ изъ исторіи. Послѣ урока про учительницу русскаго языка А—ву выразился:

„молодецъ у васъ эта учительница“. Успѣхами ученицъ изъ исторіи тоже остался доволенъ.

Графъ благодарилъ директора за реальное училище, начальницу за прогимназію, насъ расцѣловаль, сказавши: „сердечно благодарю васъ, и давно благодаренъ за округъ и надѣюсь, что мы еще долго будемъ служить вмѣстѣ“.

На станціи Пензенской желѣзной дороги министра ожидали весь составъ реального училища и женской прогимназіи, всѣ ученики и ученицы. Графъ очень привѣтливо говорилъ съ директоромъ и при прощаніи сказалъ ему: „Не тревожьтесь случившимся, помните—все равно, что бѣшеная собака васъ укусила“. Министръ благодарилъ всѣхъ преподавателей и каждому подаль руку, благодарилъ начальницу, учительницъ, учениковъ и ученицъ. Съ нами еще разъ расцѣловался при входѣ въ вагонъ и сказалъ: „безъ васъ скучно уѣзжать“. Приготовленный ему директорскій (т. е. начальника жел. дороги) вагонъ ученицы прогимназіи украсили внутри гирляндами изъ цвѣтовъ. Это было послѣднее наше путешествіе съ графомъ.

V.

Въ министерство графа Д. А. Толстого открыто много мужскихъ учительскихъ семинарій, и на счетъ казны, и на счетъ земствъ, именно 60 учительскихъ семинарій.

Казенныя учительскія семинаріи графъ болѣе охотно соглашался учредить въ селахъ или, если невозможно въ нихъ, то въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, съ цѣлью не отрывать отъ сельскаго быта лицъ, которымъ суждено дѣйствовать въ сельскихъ школахъ, и желалъ, чтобы контингентъ учащихся для учительскихъ семинарій избирался преимущественно изъ крестьянъ. „Крестьянинъ, говорилъ графъ, — съ большимъ довѣріемъ относится къ своему брату крестьянину“.

Женскія учительскія школы и семинаріи устраивались исключительно на счетъ земства. Этимъ земскимъ начинаніямъ графъ, на основаніи нѣкоторыхъ неудачныхъ и печальныхъ опытовъ, не особенно сочувствовалъ. Относительно устройства женскихъ учительскихъ семинарій у него была особая мысль: онъ желалъ

связать эти учебныя заведенія съ женскими епархіальными училищами, но, вѣроятно, отвлеченный другими дѣлами, не успѣлъ осуществить этой весьма счастливой, по нашему мнѣнію, мысли: въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ болѣею частію воспитываются дочери сельскаго духовенства, привыкшія къ сельской жизни; изъ нихъ, конечно, могли-бы образоваться любящія сельскую школу учительницы.

Графъ провелъ положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, давшее значительное вліяніе на училища представителямъ дворянства, этого передоваго служилаго сословія, которое онъ, основательно изучившій русскую исторію, всегда признавалъ главною и надежнѣйшею опорою престола и которое потому считалъ нужнымъ всячески привлекать къ дѣламъ внутренняго управленія.

При немъ устроены на счетъ казны образцовыя двухклассныя и одноклассныя училища и открыта масса училищъ земскихъ; при немъ-же были устраиваемы учительскіе сѣзды. Уѣздныя училища стали въ его время преобразовываться въ городскія четырехклассныя, трехклассныя, двухклассныя и одноклассныя (при немъ преобразовано около 100 училищъ). Такъ какъ въ этихъ новыхъ училищахъ учителя назначались не предметные, какъ въ училищахъ уѣздныхъ, а классные, т. е. преподающіе въ извѣстномъ классѣ всѣ предметы, то старые предметные учителя уѣздныхъ училищъ оказались непригодными, и для образованія классныхъ учителей, предварительно преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія, открыто было 10 учительскихъ институтовъ. Женскимъ училищамъ 1-го и 2-го разряда при графѣ Д. А. Толстомъ дана новая организація и они получили названіе женскихъ гимназій и прогимназій. Эти женскія учебныя заведенія въ его управленіе министерствомъ очень размножились (до 76 женскихъ гимназій и 154 прогимназій) и, что весьма замѣчательно, существовали и существуютъ почти исключительно на свои средства, именно на деньги, получаемыя за ученіе съ ученицъ съ самыми незначительными пособіями отъ казны и отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ.

Съ разрѣшенія графа Д. А. Толстого учреждены были, по частной иниціативѣ, высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ.

Въ министерство графа изъ высшихъ учебныхъ заведеній открыты: варшавскій университетъ, два историко-филологическихъ института въ Петербургѣ и Нѣжинѣ и ветеринарные институты.

Отъ состоявшаго изъ 11 губерній казанскаго учебнаго округа отдѣлены учебныя заведенія Нижегородской губерніи къ московскому, пензенскія — къ харьковскому учебному округу, а изъ губерній Пермской, Уфимской, Оренбургской, областей Уральской и Тургайской образованъ особый учебный округъ, чѣмъ, конечно, обезпечился болѣе правильный контроль за учебными заведеніями.

Графъ Д. А. Толстой, какъ справедливо уже было замѣчено въ печати, въ какія-нибудь четырнадцать лѣтъ сдѣлалъ для народнаго просвѣщенія Россіи гораздо болѣе, чѣмъ было сдѣлано до него въ цѣлое полстолѣтіе. Цифры краснорѣчиво подтверждаютъ справедливость этихъ словъ: въ 14-лѣтнее управление графа министерствомъ народнаго просвѣщенія суммы, ассигнуемыя на это министерство, увеличились болѣе чѣмъ вдвое: въ 1866 году на содержаніе министерства народнаго просвѣщенія ассигновалось—7.066,150 руб., въ 1880 году—16.785,972 руб.; число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній почти утроилось: въ 1866 году было 222, въ 1880 году—620, число начальныхъ училищъ увеличилось, благодаря заботливости земства, въ 24 раза, въ 1866 году было 1,005, въ 1880-мъ—24,856.

Къ 1-му января 1878 г. городскихъ двухклассныхъ училищъ было 241, сельскихъ—308, одноклассныхъ городскихъ—2,564, сельскихъ—21,705, общее число начальныхъ училищъ—24,853 („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, декабрь 1879 г., стр. 125, приложение къ отчету министра народнаго просвѣщенія. Вѣдомость о числѣ начальныхъ народныхъ училищъ).

Велико было довѣріе почившаго императора Александра II къ гр. Д. А. Толстому. Это, между прочимъ, было видно изъ того, какъ встрѣченъ былъ его отчетъ по обзорнію казанскаго и московскаго учебныхъ округовъ въ 1866 году, и изъ того, какъ быстро удостоивались высочайшаго утвержденія его проекты и предложенія, вопреки даже мнѣніямъ большинства членовъ государственнаго совѣта, и изъ того, что графъ не затруднялся подносить

на возрѣніе государя рѣчи попечителей, говоренныя имъ студентамъ, какъ это было съ двумя рѣчами казанскаго попечителя, произнесенными 20-го апрѣля 1879 года и 19-го февраля 1880 г., и даже иногда прочитывалъ его величеству, какъ мы уже видѣли, частное письмо попечителя округа. Но много было и недовольныхъ дѣйствіями и распоряженіями графа Д. А. Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія. Маслитый вельможа (который зналъ графа еще маленькимъ и сердечно былъ расположенъ къ нему, котораго и графъ Дмитрій Андреевичъ уважалъ искренно, хотя въ шутку и называлъ его „моя нянюшка“) въ разговорѣ съ нами отъ души жалѣлъ графа, упрекая его за слишкомъ быстрое введеніе классической системы, за крутыя мѣры, съ которыми вводился классицизмъ, затѣмъ за нѣкоторое смягченіе этихъ мѣръ циркулярами. „Лучше-бы, говорилъ этотъ много послужившій въ свое время дѣлу народнаго просвѣщенія вельможа, лучше-бы съ самаго начала идти постепенно, а то это дало поводъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и газетамъ обвинять графа Толстого и ставить на пьедесталъ реальныя училища, которыя вели только (?) къ нигилизму. И къ чему онъ вызывалъ этихъ богомцевъ (чеховъ), которые вѣры не заслуживаютъ, народа и языка нашего не знаютъ, а онъ ихъ дѣлаетъ даже директорами учебныхъ заведеній!“

По словамъ самого графа Дмитрія Андреевича, „трудная жизнь министра народнаго просвѣщенія: козней противъ него много и только довѣріе государя можетъ спасти его отъ незримыхъ сильныхъ враговъ“.

Главное обвиненіе, возводившееся на него, состояло въ томъ, что древніе языки слишкомъ тяжелымъ бременемъ ложатся на учениковъ, что они доступны только небольшому числу, что поэтому слишкомъ малое число доходитъ до послѣдняго класса. Одно время о значительномъ уменьшеніи числа учениковъ въ послѣднемъ классѣ до того много говорили императору Александру II, что его величество, еще не говоря ни слова министру, самъ собиралъ данныя, самъ изволилъ заѣзжать въ гимназію челоѣколюбиваго общества и, увидѣвъ тамъ въ VII классѣ 25 учениковъ, благоволилъ замѣтить: „какъ у васъ много учениковъ здѣсь“. Государь за меня адвокатствуетъ, говорилъ намъ графъ, рассказывая объ этомъ случаѣ.

Отраженіе нападеній на классическую систему, особенно въ послѣдніе годы, много отнимало времени у графа и сильно беспокоило его. Графъ очень возмущался извѣстными статьями, выходившими подъ заглавіемъ „Школьный вопросъ“, и при этомъ разъ остроумно замѣтилъ: „За каждую статью „Школьный вопросъ“ редакторъ „Голоса“ платитъ автору 150 руб. Пусть онъ мнѣ платитъ по-стольку-же за ежедневную статью, которую я буду писать противъ себя, я охотно буду писать и напишу больше профессора ***, такъ какъ свои слабыя стороны я лучше знаю. А это могло-бы мнѣ дать 4,500 рублей въ мѣсяцъ, 54,000 руб. въ годъ—прекрасное жалованье! Охотно-бы сталъ писать, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый день“.

Но какъ ни шутилъ графъ, видно было, что нападки на его излюбленную классическую систему очень беспокоили его и вредно отзывались на его здоровьѣ.

Отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ намъ случалось слышать, что „классическое образованіе—для меньшинства, а для большинства нужно другое“.

Дошло, наконецъ, до того, что одинъ генераль-губернаторъ ходатайствовалъ о закрытіи приготовительныхъ при гимназіяхъ классовъ, какъ очаговъ нигилизма и социализма. „Приготовительные-де классы открываютъ низшимъ, бѣднымъ слоямъ доступъ въ гимназіи и прогимназіи, изъ этого-то матеріала образуются (яко-бы) нигилисты и социалисты“.

Наконецъ, настойчиво стали утверждать, что графъ Толстой persona ingrata въ Россіи, что его вся Россія ненавидитъ, что увольненіе его будетъ всѣми встрѣчено съ восторгомъ...

14-го апрѣля 1880 года графъ Д. А. Толстой, по прошенію, уволенъ отъ обѣихъ должностей съ назначеніемъ членомъ Государственнаго совѣта.

Враждебная ему пресса разразилась противъ него самыми безцеремонными статьями; дошло до того, что одна изъ газетъ провозгласила императора Александра II Царемъ трижды Освободителемъ: крестьянъ отъ крѣпостнаго ига, болгаръ отъ ига мусульманъ и..... подъ точками читай: Россію отъ ига графа Толстаго.

Отдыхъ графа Толстаго былъ непродолжителенъ. Почитатели графа Дмитрія Андреевича собрали капиталъ, на проценты

съ котораго выдается академіею наукъ, какъ премія за ученое сочиненіе, золотая медаль. На лицевой сторонѣ медали, выбитой съ высочайшаго соизволенія, находится изображеніе графа съ круговою надписью: „Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, министръ народнаго просвѣщенія, 1866—1880; на другой сторонѣ медали окруженная лавровымъ вѣнкомъ надпись: „За ученый трудъ на пользу и славу отечества“.

Вскорѣ довѣремъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Толстой призванъ былъ на новый постъ. Въ 1882 году графъ Д. А. Толстой былъ назначенъ на почетный постъ президента академіи наукъ, а 30-го марта того-же года всемилостивѣйше повелѣно ему быть министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ. На этомъ посту 25 апрѣля 1889 г. графъ Д. А. Толстой скончался, сопровождаемый общимъ признаніемъ его несомнѣнныхъ государственныхъ заслугъ.

Государь Императоръ въ телеграммѣ на имя супруги покойнаго — графини С. Д. Толстой такъ соизволилъ выразиться — „Съ какою страшною скорбью узналъ я о кончинѣ дорогаго Дмитрія Андреевича; для васъ это страшная потеря, но и для меня она, можетъ быть, еще тяжелѣе, въ особенности въ настоящую минуту: такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника замѣнить трудно. Да подкрѣпите Господь васъ въ вашемъ страшномъ горѣ!“

Графъ Д. А. Толстой былъ не только администраторъ, но и ученый. Какъ администраторъ онъ покровительствовалъ ученымъ сѣздамъ, — при немъ были устраиваемы сѣзды естествоиспытателей и археологическіе. Археологія въ графѣ имѣла постояннаго и просвѣщеннаго покровителя. Онъ ходатайствовалъ о высочайшихъ разрѣшеніяхъ на открытіе археологическихъ сѣздовъ и испрашивалъ пособіе для нихъ изъ государственнаго казначейства; при немъ открылось казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи; по его ходатайству въ собственность этого общества отдана земля, на которой находятся развалины знаменитаго нѣкогда города болгарь, и пожаловано 300 рублей ежегодно на поддержаніе этихъ памятниковъ старины; при немъ учрежденъ въ Петербургѣ Археологическій институтъ.

Русская этнографія обогатилась многими изслѣдованіями, благодаря его заботливости о просвѣщеніи и породцевъ.

Русская наука потеряла въ немъ трудолюбиваго ученаго дѣятеля. Приведемъ перечень сочиненій графа Д. А. Толстаго: въ 1848 году: *Исторія иностранныхъ исповѣданій въ Россіи*, *Исторія финансовыхъ учреждений со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины*; въ 1855 году о первоначальномъ учрежденіи и послѣдовавшихъ измѣненіяхъ въ устройствѣ адмиралтействъ-коллегій (въ № 5 Морскаго Сборника). Въ 1859 г.—историческій отрывокъ объ іезуитахъ въ Москвѣ и Петербургѣ; въ 1863 и 1864 годахъ *le catholicisme romain en Russie*, въ 2-хъ томахъ; въ 1876 г. рѣчи и статьи графа Д. А. Толстаго;—Иосифъ-митрополитъ и воссоединеніе униатовъ съ православною церковью; въ вопросу о реальныхъ училищахъ; объ устройствѣ управленія начальными народными училищами и замѣтка объ описаніи синодальнаго архива; въ 1882 г.—„Люди екатерининскаго времени“, здѣсь помѣщено болѣе трехъ сотъ краткихъ біографій; въ 1883 г. „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года“; въ 1885 году „Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи и академическій университетъ въ XVIII столѣтіи“; въ 1886 г. „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II“; въ 1887 г. „Верельскій мирный договоръ съ Швеціей, 3 августа 1790 года“ (въ „Русск. Архивъ“ № 12); тамъ-же, въ восьми первыхъ тетрадяхъ этого сборника, съ предисловіемъ графа помѣщено обширное путешествіе стольника Петра Андреевича Толстаго 1697 года; въ 1888 г. изданы имъ письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Въ „Русской Старинѣ“ графъ Д. А. Толстой помѣстилъ нѣсколько сообщений—историческіе матеріалы XVIII вѣка. Имъ написанъ еще, говорятъ, огромный трудъ о просвѣщеніи въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Эту эпоху графъ Д. А. Толстой особенно любилъ и имъ составлены характеристики знаменитыхъ людей того времени. Нельзя не удивляться—когда графъ находилъ время для своихъ учено-литературныхъ трудовъ при многосложной государственной дѣятельности. Это былъ истинно-европейскій государственный человекъ.

Свѣжа еще засыпавшая его могила... свѣжи симпатіи и антипатіи, имъ возбужденныя... молоды еще и не успѣли дать

плодовъ насажденные имъ ростки... Безпристрастный полный судъ надъ его дѣятельностью, столь долговременною и столь разнообразною, принадлежитъ исторіи...

Заключимъ наше воспоминаніе о графѣ Д. А. Толстомъ многосодержательнымъ словомъ Державнаго цѣнителя его государственныхъ заслугъ:

— „Такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника, какъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, замѣнить трудно“.

29-го іюля 1889 г.

П. Д. Шестаковъ († 25-го ноября 1889 г.)

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТЕПАНОВЪ

генераль-отъ-инфантеріи.

Въ январѣ 1891 г. минуло шестьдесятъ пять лѣтъ служенія въ офицерскихъ чинахъ одного изъ старѣйшихъ и почтенныхъ ветерановъ русской арміи генерала-отъ-инфантеріи Петра Александровича Степанова, занимающаго въ настоящее время (1891 г.) должность коменданта г. Царскаго-Села. Уже четвертому императору служить онъ вѣрой и правдой, и глубокопреклонные годы не препятствуютъ ему стараться приносить посильную пользу въ предѣлахъ той дѣятельности, которая указывается занимаемымъ имъ общественнымъ положеніемъ.

Служилъ Петръ Александровичъ царю и отечеству, согласно словамъ присяги, „не щадя живота“. Объ этомъ свидѣтельствуетъ пробитая вражескою пулею грудь; объ этомъ же свидѣтельствуетъ и то вниманіе, котораго онъ всегда удостоивался не только со стороны ближайшаго начальства, но и со стороны верховной власти. Поучительно оглянуться на жизнь такихъ людей и прослѣдить, хоть въ общихъ чертахъ, какъ тянули они крайне тяжелую подъ часъ служебную лямку.

Петръ Александровичъ Степановъ, по происхожденію дворянинъ Калужской губерніи, родился 28 сентября 1805 г. Получивъ еще дома весьма солидную научную подготовку (особенно изъ географіи и исторіи) подъ руководствомъ своего отца А. П. Степанова ¹⁾, человѣка замѣчательно образованнаго, онъ опредѣленъ былъ затѣмъ въ московскій университетскій пансіонъ. Заведеніе

¹⁾ Енисейскій губернаторъ.

это, въ свое время, не даромъ пользовалось высокою репутаціею, въ смыслѣ научной подготовки воспитанниковъ, и изъ стѣнъ его вышло не мало полезныхъ впослѣдствіи дѣятелей. Изученіе древнихъ языковъ велось тамъ столь успѣшно, что воспитанники сочиняли цѣлыя диссертаціи по латыни и по гречески и должны были, на этихъ же языкахъ, вести диспуты со своими оппонентами, въ присутствіи профессоровъ. Въ бумагахъ Петра Александровича сохранились отъ того времени греческія и латинскія сочиненія, не только въ прозѣ, но даже въ стихахъ. Какъ видно, въ ту отдаленную отъ насъ эпоху классицизмъ процвѣталъ, пожалуй, сильнѣе нынѣшняго.

Окончивъ курсъ московскаго университетскаго пансіона и награжденный при выпускѣ оттуда золотою медалью, Петръ Александровичъ былъ отправленъ своими родителями въ Петербургъ, для опредѣленія въ военную службу, считавшуюся тогда почти единственно приличною для молодыхъ дворянъ. Полкъ былъ выбранъ лейбъ-Егерскій, такъ какъ имъ командовалъ въ то время Евгений Александровичъ Головинъ ¹⁾, съ которымъ отецъ Петра Александровича когда-то находился въ близкомъ знакомствѣ ²⁾.

Снабженный нѣсколькими рекомендательными письмами, молодой Степановъ прибылъ въ Петербургъ, явился къ генералу Головину, и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ зачисленъ былъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ (26 января 1825 г.), съ опредѣленіемъ на одинъ годъ въ школу подпрапорщиковъ; а 6 января 1826 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ.

Потянулася обыденная оберъ-офицерская служба мирнаго времени, — въ ту эпоху весьма малосодержательная и очень нецѣлесообразная въ смыслѣ настоящей военной подготовки. Младшимъ офицерамъ предоставлялось лишь отбываніе дежурствъ и хожденіе въ многочисленные, отчасти вовсе ненужные, караулы. Эти очень скучныя обязанности разнообразились лишь разводами въ манежѣ Инженернаго замка, Высочайшими смотрами и лагернымъ временемъ.

Но уже черезъ два года по производствѣ Петра Александровича

¹⁾ Впослѣдствіи (въ началѣ 1840-хъ годовъ) главнокомандующій на Кавказѣ.

²⁾ Отецъ Петра Александровича, бывшій адъютантъ великаго Суворова, въ одно время съ Головинымъ находился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ; потомъ знакомство ихъ возобновилось въ Прагѣ (въ Богеміи), при обратномъ движеніи нашихъ войскъ изъ Италіи; затѣмъ хоропія отношенія ихъ усилились еще черезъ масонскія связи.

въ офицеры монотонный порядокъ этотъ былъ круто прерванъ турецкою войною. Приходилось перенестись за сотни верстъ, въ совершенно новыя страны, въ совершенно исключительную обстановку, и вкусить неизвѣданныя дотогѣ ощущенія.

Прощагавъ черезъ всю Россію и пройдя часть непріятельской страны, гвардейскій корпусъ подступилъ къ Варнѣ. При этомъ лейбъ-Егерскій полкъ вошегъ въ составъ отряда, обложившаго крѣпость съ южной стороны и обязаннаго препятствовать сношеніямъ ея съ Константинополемъ. Постъ этотъ былъ самый опасный и требовавшій наибольшей бдительности, такъ какъ съ юга, для выручки Варны, уже приближался сильный корпусъ турецкихъ войскъ подъ начальствомъ извѣстнаго полководца Омеръ-Вроне.

Пребываніе подъ Варною было роковымъ для лейбъ-Егерскаго полка. Изъ отправленныхъ въ походъ двухъ баталіоновъ его, лишь небольшой кучкѣ солдатъ, да немногимъ офицерамъ пришлось вернуться въ Россію.

10 сентября 1828 г., вслѣдствіе извѣстій о появленіи турокъ съ южной стороны крѣпости, предпринята была рекогносцировка, руководство которою ввѣрено полковнику генеральнаго штаба польскихъ войскъ, графу Залусскому. Главную часть рекогносцировочнаго отряда составляли лейбъ-егеря.

Неумѣлныя (если не преднамѣренныя) распоряженія польскаго полковника имѣли послѣдствіемъ то, что большая часть полка, оставленная имъ въ виду несравненно многочисленнѣйшаго противника и отрѣзанная отъ прочихъ войскъ, была почти въ концѣ истреблена, и одно знамя считали пропавшимъ ¹⁾. Совершенно

¹⁾ Объ участи этого знамени въ запискахъ П. А. Степанова сказано слѣдующее: Офицеры, очутившіеся въ отрѣзанной части, вида, что гибель неминуема, рѣшились уничтожить бывшее тутъ же знамя, чтобы оно не досталось туркамъ. Кроминъ, Сабанинъ и Скванчи сорвали съ него полотнище и, раздѣливъ на три части, спрятали куски подъ плащемъ, а древко, разломавъ, бросили Кроминъ и Скванчи пали въ бою, а Сабанинъ, получившій двѣ раны, взялъ въ плѣнъ. Тщательно сберегая въ плѣну остатокъ знамени онъ не говорилъ о немъ рѣшительно никому, боясь, чтобы не провѣдали турки. По возвращеніи изъ плѣна въ 1829 г. онъ также не объявилъ никому о своей тайнѣ, вѣроятно, чтобы не возбудить негодованія своихъ товарищей по плѣну за недостатокъ довѣрія къ нимъ, а потомъ, когда время затянулось, изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности за храненіе у себя того, что долженъ былъ представить по начальству, а можетъ быть также и потому, что тяжело было расстаться съ этой святыней, обогрѣнной его кровью. По возвращеніи въ полкъ, онъ не долго прослужилъ въ строю; былъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ 1-й гвард. пѣх. дивизіи; въ 1837 г. вышелъ въ отставку, и остальную жизнь провелъ въ Симбирскѣ, гдѣ и скончался

случайно, благодаря лишь тому, что находился въ ротѣ, взятой Залусскимъ съ собою при заблаговременномъ отступленіи съ частью отряда, Петръ Александровичъ избѣгнулъ ужасной участи большинства своихъ товарищей.

16-го сентября остаткамъ полка снова пришлось быть въ жаркомъ дѣлѣ. Турки отчаянно атаковали нашу укрѣпленную позицію на южной сторонѣ Варны, но были отражены, и въ отраженіи этомъ лейбъ-егеря играли блистательную роль. Петръ Александровичъ, находившійся въ самомъ пылу рукопашной схватки, бросился на помощь рядовому своей роты, атакованному двумя турками, повалилъ одного изъ нихъ, но тутъ же самъ едва не былъ убитъ наскочившимъ на него всадникомъ. Удачный скачекъ въ сторону спасъ его, и вражеская сабля только оцарапала ему ногу.

За это сраженіе Петръ Александровичъ получилъ первую боевую награду—орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

18-го числа послѣдовала неудавшаяся атака турецкой позиціи на возвышенности Куртепе. Лейбъ-егеря принимали въ ней славное участіе, но потери опять понесли ужасныя. Невредимыми изъ боя вышли всего 235 нижнихъ чиновъ, одинъ юнкеръ и три офицера. Въ числѣ послѣднихъ находился и Петръ Александровичъ. До этихъ поръ Богъ, видимо, хранилъ его.

Вскорѣ затѣмъ Варна сдалась, и гвардейскія войска были возвращены въ Петербургъ.

Лейбъ-егерскій полкъ былъ вновь укомплектованъ; начались опять занятія мирнаго времени, но на этотъ разъ имъ не довелось долго продолжаться. 24 ноября 1830 г., на разводѣ въ манежѣ Инженернаго замка, императоръ Николай объявилъ собраннымъ вокругъ него офицерамъ о возстаніи поляковъ и объ открытіи противъ нихъ военныхъ дѣйствій.

Черезъ мѣсяць послѣ этого, а именно 27 декабря, лейбъ-егеря выступили въ новый походъ, опять въ составѣ двухъ баталіоновъ, подъ предводительствомъ своего новаго командира, храбраго гене-

въ 1875 г., завѣщавъ женѣ представить знамя Государю Императору. Его Величество велѣлъ хранить этотъ остатокъ въ ящикѣ, подъ стекломъ, въ церкви л.-гв. Егерскаго полка, что и было торжественно исполнено въ присутствіи Его Величества, въ день полковаго праздника 17 августа 1875 г. (см. „Двадцать пять лѣтъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку“. Старого егера. „Воен. Сборникъ“ 1878 г.).

Итакъ, Петръ Александровичъ, на склонѣ своей жизни, имѣлъ утѣшеніе вновь увидѣть хоть часть того славнаго знамени, которое, въ теченіи почти полу столѣтія, считалъ погибшимъ.

раза Полешко, о которомъ Петръ Александровичъ, въ запискахъ своихъ, постоянно отзывается съ глубокимъ уваженіемъ.

На первыхъ же порахъ вѣтупленія въ Польшу, лейбъ-егерямъ пришлось играть выдающуюся роль. Извѣстно, что противъ гвардейскаго корпуса, во главѣ котораго стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ, направлены были главныя непріятельскія силы, передъ которыми пришлось въ некоторое время отступать, во избѣжаніе неравнаго боя съ отлично обученною и храброю польскою арміею. Извѣстно также, что при отступленіи всего тяжелѣе приходится войскамъ, находящимся въ арьергардѣ и обязаннымъ сдерживать всѣ натиски преслѣдующаго непріятели. Эту-то роль, въ теченіе нѣсколькихъ дней, довелось исполнять лейбъ-Егерскому полку,—и исполнилъ онъ ее, какъ всегда, самымъ доблестнымъ образомъ.

Въ этомъ походѣ Петру Александровичу не такъ повезло, какъ въ турецкомъ. Онъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ при Длугоседло (4 мая), во время отступленія къ д.д. Соколову и Ясапу, въ ночной перестрѣлкѣ у м. Клячково,—но, 8-го мая, въ бою при м. Рудки, пришлось ему, наконецъ, поплатиться собственной кровью, и едва не жизнь, за отважную атаку противъ польской батареи. Здѣсь былъ онъ раненъ въ грудь на вылетъ, и замертво вынесенъ егерями съ поля сраженія.

Отвезенный послѣ этого въ Бѣлостокъ, Петръ Александровичъ долженъ былъ лечиться тамъ около шести мѣсяцевъ, а затѣмъ для окончательнаго излѣченія раны и поправленія здоровья былъ Высочайше уволенъ на полъ-года къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. За отличіе, оказанное въ бою при Рудкахъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

Только въ маѣ 1833 г., по совершенномъ восстановленіи здоровья, Петръ Александровичъ возвратился въ полкъ, гдѣ вскорѣ былъ произведенъ въ штабсъ-капитанъ, а въ мартѣ 1834 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Въ слѣдующемъ 1835 году Петру Александровичу пришлось впервые заглянуть въ уголокъ Германіи. На назначенные подъ г. Калишемъ общіе съ прусскими войсками маневры посланъ былъ сводный гвардейскій отрядъ, въ которомъ штабсъ-капитанъ Степановъ долженъ былъ исправлять должность полковаго адъютанта. Въ іюлѣ отрядъ этотъ, посаженный на суда эскадры адмирала Рикорда, перевезенъ былъ въ Данцигъ, а оттуда, черезъ восточную Пруссію и Царство Польское, прослѣдовалъ въ г. Калишь, у котораго оставался до 10 сентября, а потомъ, тѣмъ же путемъ, возвратился въ Кронштадтъ и оттуда въ Петербургъ.

Ближайшіе за тѣмъ годы не отличались ничѣмъ выдающимся, и служебная канитель тянулась обычнымъ порядкомъ, ведя за собою обычныя зысканія для неисправныхъ и обычныя награды для исправныхъ офицеровъ. Петръ Александровичъ былъ, конечно, въ числѣ послѣднихъ. Произведенный въ 1837 г. въ капитаны, онъ черезъ пять лѣтъ назначенъ былъ исправляющимъ должность младшаго штабъ-офицера въ л.-гв. Измайловскомъ полку, а въ 1843 г., уже въ чинѣ полковника, опять возвратился въ свой родной лейбъ-Егерскій полкъ. Здѣсь командовалъ онъ сначала 2-мъ, а потомъ 1-мъ баталіономъ, довелъ въ нихъ строевую часть до возможнаго совершенства, и въ мартѣ 1849 г. назначенъ былъ командиромъ бывшаго 3 го учебнаго карабинернаго полка. 6-го декабря 1851 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры.

Когда возгорѣлась Восточная война 1853—56 гг. и союзная англо-французская армада появилась на Балтійскомъ морѣ, то приняты были всевозможныя мѣры для воспрепятствованія непріятельскимъ десантамъ и для обороны Петербурга съ сухаго пути. Во главѣ всѣхъ войскъ, назначенныхъ для охраны столицы и окрестнаго съ нею балтійскаго побережья, поставленъ былъ наслѣдникъ цесаревича Александръ Николаевичъ. Подъ его-то начальствомъ, въ кампанію 1854 г., П. А. Степановъ командовалъ отрядами—сначала Сестрорѣцкимъ, а потомъ промежуточнымъ между Выборгомъ и Сестрорѣцкомъ. Отрядамъ этимъ не пришлось быть въ огнѣ.

Въ началѣ 1855 г. служебное поприще Петра Александровича совершенно измѣнилось: Высочайшимъ приказомъ отъ 16 января ему повелѣно состоять при военно-учебныхъ заведеніяхъ, а 1-го мая онъ назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса; на этомъ посту П. А. имѣлъ своимъ ближайшимъ помощникомъ извѣстнаго и всѣми уважаемаго педагога Г. Г. Даниловича, бывшаго въ то время инспекторомъ классовъ 2-го кадетскаго корпуса. Григорій Григоріевичъ Даниловичъ былъ и преемникомъ П. А. Степанова по званію директора сего корпуса, когда П. А. былъ уволенъ отъ своей военно-педагогической дѣятельности. За время управленія 2-мъ кадетскимъ корпусомъ П. А. Степановъ получилъ ордена св. Станислава и св. Анны 1-й ст., чинъ генераль-лейтенанта (1860 г.) и 4 т. десятинъ земли.

Съ этихъ поръ, въ теченіе почти семи лѣтъ, Петръ Александровичъ находился не у дѣлъ, пока Высочайшимъ приказомъ отъ 19 марта 1870 г. онъ былъ назначенъ Царскосельскимъ комендантомъ—должность, на которой и состоитъ до сихъ поръ.

На этомъ послѣднемъ мѣстѣ Петръ Александровичъ привлекъ

на себя особое вниманіе въ Боаѣ почивающей императрицы Маріи Александровны, устроивъ царскосельскій лазаретъ Краснаго Креста и выказавъ благотворную дѣятельность по обезпеченію участи семействъ воиновъ, пострадавшихъ во время минувшей войны. Двукратно (въ 1878 и 1879 гг.) выражена ему была отъ имени Ея Величества особая признательность, а отъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ выданъ знакъ Краснаго Креста. Кромѣ того, за время своего комендантства въ Царскомъ Селѣ, Петръ Александровичъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и получилъ разныя другія награды, послѣднею изъ которыхъ были пожалованные ему 30 августа 1888 г. брилліантовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго.

О службѣ своей въ л.-гв. Егерскомъ полку Петръ Александровичъ помѣстилъ весьма любопытныя и прекрасно написанныя воспоминанія въ „Военномъ Сборникѣ“. Должно полагать, что и на другихъ поприщахъ служенія видѣно и слышано было имъ не мало интереснаго и поучительнаго, такъ какъ Петръ Александровичъ—человѣкъ весьма образованный, любитель искусствъ и литературы, весьма часто вращался въ кругу художниковъ, писателей и людей науки; тѣсная дружеская пріянь связывала его съ величайшимъ нашимъ композиторомъ М. И. Глинкою; родной братъ П. А. Степанова—Николай Александровичъ—былъ знаменитый карикатуристъ; словомъ Петръ Александровичъ и видѣлъ, и слышалъ много интереснаго, и его воспоминанія должны быть богаты содержаніемъ. Остается пожелать дабы они не залежались подъ спудомъ.

Должно еще прибавить, что П. А. Степановъ самъ художникъ-портретистъ, бывъ ученикомъ извѣстнаго Карла Брюлова; свое художественное образованіе Петръ Александровичъ усовершенствовалъ въ Италіи въ 1847 и 1848 годахъ.

Ред.

Ө. Н. и А. П. Глинки.

(Къ запискамъ Н. В. Берга).

„Въ „Русской Старинѣ“ за 1891-й годъ, въ „Запискахъ Н. В. Берга, (книга февраль), вкрались ошѣбки о почтенномъ и уважаемомъ Федорѣ Николаевичѣ Глинкѣ и его супругѣ.

Во-первыхъ, отецъ Авдотьи Павловны Глинки—не князь, а Васильевичъ, а Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Я знала его съ самаго дѣтства, такъ какъ онъ родной братъ моей матери. Я помню его только совсѣмъ не либераломъ, а очень безпокойшимся и боящимся за себя того что онъ прежде принадлежалъ къ массонамъ.

Во-вторыхъ, влїянїя на своего зятя онъ не могъ имѣть никакого, такъ какъ онъ его совершенно не зналъ, и Авдотья Павловна вышла за Ө. Н. Глинку послѣ смерти отца.

Въ-третьихъ,—и это-то именно и заставило меня написать все это,—я никакъ не думаю, чтобы Федоръ Николаевичъ спасалъ себя подъ неблагороднымъ званїемъ шпиона. Онъ не уѣхалъ, какъ пишетъ Н. В. Бергъ, въ Москву, съ женой, и вѣрно было куда его не опредѣлять, а напротивъ того, въѣздъ въ столицу былъ ему воспрещенъ, и онъ сосланъ въ Петроваводскъ. Не могу сказать навѣрное, принять-ли онъ былъ тамъ сейчасъ на службу, или опредѣленъ потомъ, но что онъ служилъ тамъ—это положительно вѣрно ¹⁾. Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ въ Твери, гдѣ и познакомился съ Авдотьей Павловной, утѣшая ее и успокоивая послѣ смерти отца, котораго она очень любила. Когда она вышла замужъ за Федора Николаевича, онъ долженъ былъ ѣхать на службу въ Орелъ,—и только въ концѣ 1830-хъ годовъ, или въ началѣ 1840-хъ, они могли поселиться въ Москвѣ и купить маленькїй домикъ, который вѣрно описанъ Н. В. Бергомъ, также какъ и ихъ вечера по понедѣльникамъ, на которыхъ я тоже часто бывала.

Екатерина Вакунина.

Село Каршино.
9-го марта 1891.

¹⁾ Мы имѣемъ интересный документъ, до службы Ө. Н. Глинки въ Петроваводскѣ относящїйся, каковой и напечатанъ.

Ред

БАНКРОТЪ.

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ.

КОМЕДИЯ ВЪ 4 ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

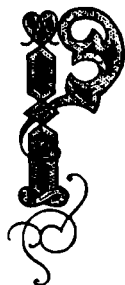
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ОСТРОВСКАГО,

собственноручная его рукопись,

подаренная имъ М. И. Семевскому

въ 1855 году, въ Москвѣ.

рукопись комедіи „Свои люди — сочтемся“ подарена намъ ея авторомъ, однимъ изъ славнѣйшихъ отечественныхъ писателей—Александромъ Николаевичемъ Островскимъ, въ бытность нашу въ Москвѣ, въ 1855 г.; рукопись собственной руки А. Н., на полулистахъ и въ маленькой тетрадкѣ, въ четвертую долю листа. Этихъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, полулистовъ въ рукописи двадцать четыре, маленькая тетрадь состоитъ изъ пятнадцати четвертушекъ; кромѣ того, имѣется еще три отдѣльныхъ лоскутка бумаги, на которыхъ нанесены авторомъ поправки или варианты, къ отдѣльнымъ сценамъ.

На первой страницѣ рукописи написано вверху: Банкротъ; „такъ я хотѣлъ первоначально наименовать свою комедію“, говорилъ намъ Островскій, „но вспомнивъ, что это будетъ по разнымъ причинамъ неудобно, замѣнилъ его русскою пословицею“. Далѣе, на той-же страницѣ написано: комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ: „Я имѣлъ въ виду первоначально раздѣлить свою комедію“, говорилъ Островскій, „на пять актовъ (и это былъ 1-й актъ, который потомъ явился въ печати 2-мъ актомъ), но вслѣдствіе замѣчаній нѣкоторыхъ слушателей моей комедіи я сократилъ ее въ четыре акта, но какъ содержаніе, такъ и число явленій осталось то-же: такимъ образомъ, комедія получила только болѣе длинныя дѣйствія“.

Монологъ Тишки разнится немногими словами отъ печатнаго текста и эти немногія слова, какъ и вообще всѣ измѣненія и добавленія, сдѣланныя въ рукописи самимъ авторомъ, указаны нами нынѣ, при напечатаніи ея, особымъ, болѣе мелкимъ шрифтомъ, скобками и черточками, а именно: слова, напечатанныя болѣе мелкимъ шрифтомъ и при томъ заключенныя въ скобки, означаютъ слова, зачеркнутыя самимъ авторомъ въ рукописи; тѣ слова и фразы, которыя авторомъ добавлены къ первоначальному тексту рукописи или которыми онъ замѣнилъ зачеркнутыя имъ мѣста, заключены нами въ прямыя черточки, а отдѣльныя слова и фразы, которыя

выпущены или замѣнены въ печатномъ текстѣ новыми, но въ этой рукописи не были зачеркнуты или измѣнены авторомъ—напечатаны здѣсь, въ „Русской Старинѣ“,—разрядкою.

Цензура, по словамъ самого автора, не прикоснулась къ его комедии; добавимъ отъ себя: защита гр. Закревскаго и другихъ именитыхъ поклонниковъ таланта великаго нашего драматурга спасла „Своихъ людей“ отъ придирчивости цензуры. И такъ, не цензура, но самъ авторъ, очень много потрудившійся надъ „Банкротомъ“—„Свои люди—сочтемся“, виновникъ того громаднаго числа поमारокъ, передѣлокъ, вставокъ и переписокъ, которыя мы находимъ въ драгоценной, намъ принадлежащей, рукописи „Своихъ людей“; это доказываетъ, какъ добросовѣстно трудился авторъ, съ какою любовью къ искусству онъ продолжалъ наблюдать бытъ, изъ котораго онъ выводилъ своихъ героевъ и героинь; каждая вновь подмѣченная черта, манера выражений, даже слово, проскользнувшее незамѣтно для обыкновеннаго человѣка, получали, какъ видно изъ рукописи, значеніе и мѣсто у А. Н. Островскаго.

Съ 1846 по 1850 годъ трудился онъ надъ „Своими людьми“ и общій восторгъ, съ какимъ было встрѣчено это произведеніе и съ какимъ оно всегда читается и исполняется на сценѣ, да и будетъ всегда читаться и исполняться—лучше всего показываетъ, какъ блистательно увѣнчался продолжительный трудъ гениальнаго писателя.

Въ нашей рукописи нѣтъ, къ сожалѣнію, конца 2-го явленія, послѣ словъ Подхалюзина: „Цыцъ, дьяволенокъ“, также бесѣды Подхалюзина съ самимъ собою, IV-го явленія и, наконецъ, начала V-го явленія, до словъ Подхалюзина: „Десять-съ....“

Послѣ разговора Подхалюзина съ Рисположенскимъ въ рукописи слѣдуетъ монологъ Тишки, помѣщенный въ печати въ 8-мъ явленіи. Окончательной распланировки комедии не видно здѣсь, надо думать, что и эта редакція была не послѣдняя.

Сцена Большова съ Тишкой, потомъ монологъ Самсонъ Силыча, наконецъ, бесѣда съ Подхалюзинимъ—все это не вошло, по волѣ автора, въ печатный текстъ. И только подчеркнутыя авторомъ въ рукописи слова Большова (напечатанныя нами далѣе разрядкою) встрѣчаются въ печати, именно въ X явленіи I-го дѣйствія.

На 7-й страницѣ рукописи начинается сцена Устиньи Наумовны съ Ѳоминишной, которая въ печати непосредственно слѣдуетъ за бесѣдою Рисположенскаго и Подхалюзина; выраженія, напечатанныя нами здѣсь, въ „Русской Старинѣ“, болѣе мелкимъ шрифтомъ и заключенныя въ скобки, по прежнему означаютъ то, что они не вошли въ печатный текстъ.

Монологъ Устиньи Наумовны (со словъ: „А они-то развѣ благородные...“ до словъ: „я и сама пыли въ носъ пущу“) написанъ какъ-бы другимъ почеркомъ или, можетъ быть, рукою-же автора, но значительно послѣ, что показываютъ свѣжія чернила, и написанъ наскоро.

Страница 15-я рукописи (со словъ Лаз. Елиз.: „Позвольте, я васъ провожу маленько“, до словъ его-же: „Погодите, куда бѣжать-то“). зачеркнута авторомъ, — авторъ имѣлъ въ виду вывести Большова полнымъ, по, какъ можно видѣть изъ печатнаго текста, этого не дѣлать (см. явленіе IX).

Авторомъ также зачеркнутъ первоначальный видъ начало, 16-го явленія 2-го дѣйствія (со словъ Большова: „По сему счету деньги сволна получил“, до словъ Лаз. Елиз.: „Потому самому не захочу себя изъ-за этакой малости марать“). Къ этому мѣсту имѣется вариантъ, написанный авторомъ на отдѣльномъ полулистѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ печати. Вариантъ этотъ помещенъ нами непосредственно за окончаніемъ 1-го дѣйствія.

На концѣ 1-й страницы этого полулиста (въ рукописи) и въ началѣ 2-й страницы, слова Большова и Подхалюзина, напечатанныя нами въ концѣ этого варианта разрядкою, не находятся въ печатномъ текстѣ 2-го акта, но очень схожи со словами тѣхъ-же лишь въ 3-мъ актѣ, 8-е явленіе.

Помимо этого варианта, далѣе, до самаго конца акта, всѣ сцены втораго (въ печати) акта встрѣчаются въ рукописи въ томъ-же видѣ, какъ въ печати. Есть только отдѣльныя выраженія, напечатанныя нами разрядкою, которыя выпущены или замѣнены въ печатномъ текстѣ новыми.

Помѣщаемъ въ настоящей книгѣ „Русской Старины“ первый актъ комедіи: „Банкротъ“; дальнѣйшія замѣтки о драгоцѣнной рукописи-автографѣ этого превосходнѣйшаго, высокохудожественнаго произведенія, именно о прочихъ актахъ комедіи, мы отлагаемъ до слѣдующихъ выпусковъ „Русской Старины“, въ которыхъ напечатана остальная часть этой рукописи,—произведенія столь преждевременно скончавшагося Александра Николаевича Островскаго.

Михаилъ Сомовскій.

1855 $\frac{\text{Москва, 11-го ноября}}{\text{С.-Петербургъ, 20-го марта.}}$ 1891.

1-й АКТЪ.

БАНКРОТЪ.

Комедія въ 5 дѣйствіяхъ ¹⁾.

Лица:

Самсонъ Силычъ Большовъ — купецъ 1-й гильдіи (богатый),

Аграфона Кондратьевна — жена его,

Олимпиада Самсоновна — дочь ихъ,

Сысей Песочъ Рысоложенскій — стряпчій,

Устишка Науменка — сваха,

Лазарь Елизарьевичъ Подхалюзинъ — приващикъ

Феминкина — ключница,

Ташка — мальчикъ.

} въ домѣ Большова.

¹⁾ Противъ заглавія и списка дѣйствующихъ лицъ на полѣ, рукою автора, замѣтка:

„Остается дописать, во 2-мъ актѣ, 3-ю сцену, С. С. Л. и Р., въ 3-мъ актѣ 1-ую Л. и Р., 3-ю Л. С. С. и пр., въ 4-мъ кончить 2-ую и 3-ю Л. и Лиц. и проч., въ 5-мъ, 4-ю Л. и Р., итого 5 сценъ“.

ДѢЙСТВІЕ I-ОЕ.

Контора, прилично мебелированная.

ЯВЛЕНІЕ I-ОЕ.

Тишка (*одимъ. Стоитъ съ половой щеткой на авансценѣ*).

Ахъ житье, житье! Вотъ | ты тутъ со щеткой проклажайся | [чѣмъ свѣтъ, тутъ ты], помы мети. А мое-ли дѣло помы мести. У насъ все не какъ у людей! У другихъ-то хозяевъ, коли ужъ мальчишка, такъ и живеть въ мальчишкахъ, стало быть при лавкѣ присутствовать. (*Измываетъ голосъ*). Что вамъ угодно? Барыня! Что вамъ угодно? Все въ лучшемъ видѣ есть! Пожалуйте! Кисей, букмусли! А у насъ то туда, то сюда!—[снуетъ деньденьской] | цѣлый день шаркай по мостовой | какъ угорѣлый. Скоро руку набьешь,—держи карманъ-то! У добрыхъ-то людей для разгонки держать дворника, а у насъ [онъ съ бухарками проклажается] | дворникъ на печѣ съ котятками лежить],—а на тебѣ спросится. У другихъ все таки вальготность есть; инымъ часомъ и проштрафишься што либо ошто, [на] по малолѣтствію тебѣ спускается: а у насъ коли не тотъ, такъ другой, не самъ, такъ сама задасть вытрепку; а то вотъ прикащикъ Лазарь, а то вотъ Фоминишна, а то вотъ... (*машетъ рукой*), всякая шваль надъ тобой командуетъ. Вотъ она какая жисть-то анафемская! | Чего ужъ, и съ пріятелями-то ни въ пристенокъ, ни въ три листика сразиться неколи (*машетъ рукой*), да ужъ и въ головѣ-то, правда, не то. | (*Лезетъ на стулъ и смотрится въ зеркало*). Здравствуйте, Тихонъ Савостьянычъ! Какъ вы поживаете? Все-ли вы Слава Богу? А ну, Тишка, выкинь колѣнце! (*Делаетъ гримасу*). Вотъ оно что! (*Другую*). Эвось оно какъ (*хохочетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

Тишка и Подхалюзинъ (*крадется и хватаетъ его за воротъ*).

Подхалюзинъ.

А это ты, чертенокъ, что дѣлаешь?

Тишка.

Что! Извѣстно что! пылъ стираль.

Подхал.

Языкомъ-то стиралъ! Что ты за пыль на зеркалѣ нашелъ! [Вотъ] Покажу я тебѣ пыль! ишь ломается! Ужъ коли ломаться, такъ ступай на балконъ подъ Новинское! А вотъ я тебѣ заклею подзатыльникъ, такъ ты и будешь знать!

Тиш.

Будешь знать! Да было бы за что!

Подх.

А за то, что за что. Поговоришь, такъ и увидишь за што. Вотъ пикини еще!

Тиш.

Да, пикини еще! Я вѣдь и хозяину скажу,—ничто возьмешь!

Подх.

Хозяину скажу! Что мнѣ твой хозяинъ. Я коли на то пошло... хозяинъ мнѣ твой! На то ты и мальчишка, чтобы тебя учить,—а ты думалъ что? Васъ, пострѣлять, не бить, такъ и добра не видать. Практика-то эта извѣстная. Я, братъ, я самъ огни и воды и мѣдныя трубы прошелъ.

Тиш.

Знаемъ, что прошелъ.

Подх.

Цыцъ, дьяволенокъ! *(замахивается)*.

Подх.

Десять-съ! Такъ задаромъ?

Рисп.

Какъ задаромъ? Заслужу, Лаз. Елиз., когданибудь сквитаемся

Подх.

Все это буки- | съ | Улита ѣдетъ, да когда-то она будетъ- | съ | . А мы теперь съ вами вотъ какую матерію заведемъ. {Сам. Сил. со-всѣмъ порѣшились}.

Рисп.

[Совсѣмъ].

Подх.

[Такъ-съ]. А много ли они вамъ | С. С. | общали за эту механику?

Рисп.

Стыдно сказать, Лаз. Елиз., тысячу рублей да старую шубу енововую. Ужъ меньше меня никто не возьметъ, ей Богу. Вотъ хоть прицѣнитесь, подите.

Подх.

Ну такъ вотъ что, Сысой Псойчъ: я вамъ дамъ 2000—съ— за этотъ же самый предметъ-съ.

Рисп.

Благодѣтель вы мой, Лаз. Елиз.! Съ женой и съ дѣтьми въ кабалу пойду.

Подх.

100 руб. сер. теперь же дамъ-съ, а остальные послѣ, по окончаніи всего этого происшествія-съ.

Рисп.

Ну вотъ какъ за эдакихъ людей Богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная можетъ не чувствовать этого. — Я вамъ въ ножки поклонюсь, Лаз. Елизарычъ.

Подх.

Это ужъ на что-же-съ! Только, Сысой Псойчъ, ужъ хвостомъ не вертѣть туда и сюда, а ходи въ акуратъ;—попалъ на эту точку и вертись на этой линіи. Понимаете-съ?

Рисп.

Какъ не понимать! Что вы, Лаз. Елиз., маленькій что ля я! Пора понимать! [Слава Богу, видали] дѣла то.

[подх.]

[Ну, а видали, такъ стало быть и разговаривать нечего. (*Кричитъ*) Тинка!]

[Рисп.]

[Вы только дайте мнѣ инструкцію, какъ дѣйствовать, а ужъ я, батюшко, Лаз. Елиз., нѣз вашей воли не выступлю].

[Подх.]

[Это—здѣсь не мѣсто-сь. А вотъ мы для этой прокламаціи пойдете въ [трактиръ] ресторацію].

(*сходитъ Тишка*).

[явленіе 6-е].

[Тѣ-же и Тишка.]

[Подх. (*Тишка*)].

[Прибери тутъ все; да коли хозяйнѣ [спросить] пріѣдетъ, такъ ты въ тѣ поры прибѣги за мной, такъ скажи, что, молъ, сейчасъ придетъ.—Ну, пойдете, Сысой Псойчъ!]

Рисп. (подходитъ къ столу, Тишка хочетъ прибирать посуду).

[Постой, постой! Эхъ, братецъ, какой ты глупой! Видишь, что хотять пить,—ты я подожди. Ты еще малъ, ну такъ ты будь учтивъ и снисходитель! Я, Лаз. Елиз., рюмочку выпью!]

Подх.

[Пейте, да только поскорѣйча, а то некогда— | того гляди самъ пріѣдетъ | .

Рисп.

[Сейчасъ, батюшка, Лаз. Елиз., сейчасъ (*пьетъ и закусываетъ на ходу*). Да ужъ мы лучше ее съ собой возьмемъ]. *Уходитъ.*

Подх.

| Да что вы понимаете-то! Вотъ дѣла-то какія-сь. Вы прежде выслушайте! Пріѣзжаемъ мы съ С. С. въ городъ, и эрестриетъ этотъ привезли какъ слѣд. Вотъ онъ пошелъ по кредиторамъ. Тотъ не согл., друг. не согл. Да такъ ни одинъ—такъ и не поддается. Вотъ она штука-то въ чемъ состоитъ | .

Рисп.

| Что вы это говорите, Л. Е. А! Вотъ подишь-ты. Вотъ народъ-то! |

Подх.

| Какъ-бы намъ теперича съ эстимъ дѣл. не опростоволоситься. Понимаете вы меня, али нѣтъ? |

Рисп.

| [т. е.] Какъ не пон., Л. Елиз., хе-хе, т. е. домъ-то [что-ли] эдакъ съ лавками, домъ-то, хе-хе |

Подх.

| Что—о—съ! |

Рисп.

| Нѣтъ-съ! это я такъ, Л. Елиз., по глупости, какъ будто для шутки | .

Подх.

| То-то для шутки-съ. Тутъ не то что домъ и лавки, у меня теперь такія фантазіи въ головѣ объ эт. пред., что и говор. здѣсь нельзя-съ. А пойдите ко мнѣ-съ. Т.! | *Уходятъ.*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

| *Входитъ* Уст. Н. и А. Н. |

Тишна (одна) | прибир. комн. | (садится къ столу и вынимаетъ изъ кармана деньги).

Полтина серебромъ—это нынче Лазарь далъ. Да намедни, какъ съ колокольни упалъ Агр. Кондр., гривенникъ дали,—да четвертакъ въ орлянку выигралъ—да третевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый.—Эвось что денегъ-то (задумывается). Если | же | въ воскресенье купить въ охотномъ пары три козырныхъ — [то сколько можно барыша взять съ Федьки Горьлова, — бѣда. Что у этого Федьки денегъ!—страсть! Должно быть у отца таскаетъ. (*Голосъ Фоминины за сценой.* Тишка! а Тишка! долго-ль мнѣ кричать-то). Что тамъ еще? (Дома штолика Лазарь?). Былъ да весь вышелъ. (А куда жъ онъ пошелъ?). А почему я знаю, нешто онъ у меня спрашивается! Вотъ кабы спрашивался, а бы зналъ. (Хозяинъ спрашиваетъ, да никакъ и самъ къ вамъ идетъ)].

Тишка вскакиваетъ и становится съ подобострастіемъ у двери.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тишна и Большовъ (входитъ).

Большовъ.

Дома Лазарь?

Тишна.

Вышелъ-съ. Приказалъ сказать, что сей часъ придетъ.

Большовъ.

Ну, а какъ придетъ, такъ пошли его сюда (*Тишка уходитъ на цыпочкакъ; Большовъ садится и отдувается*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Большовъ (*одинъ*).

Никакъ я похудѣлъ (*шупаетъ себя*). И то вѣдь похудѣлъ. — [Аппетиту нѣтъ, ночи не сплю]. Фу ты пропасть какая. | Въ одну недѣлю какъ перевернуло! — Да диво-ли? Аппетиту нѣтъ, ночи не сплю | . Дома | тебѣ | не сидится, | а | въ городъ поѣдешь, еще тошнѣй. Такъ вотъ тебя и подмываетъ. | Ровно дьяволь какой, прости Господи, ходить за тобой, да шепчетъ тебѣ въ уши всякую | Сны какіе-то все странные снятся. Вотъ нынче вижу: иду будто я по Ильинкѣ, | и | попадается мнѣ Карапузовъ, а онъ мнѣ тысячь 20 сер. по векселямъ долженъ: я, говоритъ, тебѣ, Самсонъ Силычъ, заплатитъ не могу; а ты, говоритъ, подожди; | пот. | другой | суд. ты мой | должникъ попадается; то-же говоритъ: я, говоритъ, тебѣ, | С. С. | заплатитъ не могу, мнѣ, говоритъ, самому не платятъ; потомъ | суд. ты мой | третій то-же самое; потомъ четвертый; потомъ | это | собралось будто | ихъ | человекъ | ужъ | двадцать, уставились | они это | на меня, да всѣ въ одинъ голосъ какъ крикнуть: „мы тебѣ, Сам. Сил., по векселямъ денегъ не заплатимъ“. Да тутъ [же] | суд. ты мой | стали на меня пальцами показывать. Варвары, говорю, да гдѣ-жъ мнѣ денегъ-то взять, у самого платежи подходятъ. Раззорили, говорю, разбойники, да еще на смѣхъ подымаете! Куда, говорю, мнѣ теперь будетъ носъ-то прятать отъ кредиторовъ! А дрожь-то, | знаешь-ли | , [а] дрожь-то такъ и пробираетъ. Вдругъ кто-то хватъ меня за воротъ, пойдемъ, говоритъ, въ яму, ты, говоритъ, банкротъ. — Плеваль, плеваль, какъ проснулся; самимъ-бы вамъ, говорю, на голову. [(*Молчитъ; сидитъ повся юлову*)]. Банкрутъ! А что такое это банкротъ! Выходитъ, кому заплатитъ нечѣмъ. А у меня, слава Богу, расплатиться хватить (*молчитъ, сидитъ повся юлову*). [А поторговаться все таки не мѣшаетъ]. Понимаешь-ли ты. Не возьмутъ 25 коп., ну такъ полтину возьмутъ; ну а если полтину не возьмутъ, такъ за семь-то гривенъ обѣими руками ухватятся. Все таки барышъ. Тамъ что хошь говори; а у меня дочь невѣста, хотъ сейчасъ изъ полы въ полу да съ двора долой.—Да и самому отдохнуть пора, проклажались-бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту въ черту.—Что-жъ

такое за важность! Не я первый, не я послѣдній! Нешто другіе то не дѣлають — какъ-бы не такъ, только успѣвай оглядываться. | Какъ не дѣл., братъ, и друг. дѣл., да еще какъ дѣлають-то. — То то и есть | . Да еще какъ. Безъ стыда, безъ совѣсти.—На лежачихъ лесорахъ ѣздють, вътрехъ-этажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колоннами выведеть, что ему съ своей образиной и взойти-то туда совѣстно: а тамъ и капуть, и взять съ него нечего. Коляски эти всѣ разѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены: останется ¹⁾.....

| Вотъ оно какъ, С. П., самъ ты вѣдь челов. неглупый, можешь разсудить |

С. П.

| Что-жь это, С. С., ничего-съ! Это все въ нашихъ рукахъ | .

Большовъ.

| Я про то и говорю, что въ нашихъ рукахъ. Ну вотъ я теперь въ старости подвиг,—сыновой у меня нѣтъ, — надобно какъ ниб. покончить.—Оно, конечно, разочтись я теперича со всѣми по чести — и то у меня капиталъ большой останется |

С. П.

| Какъ не остаться, еще бы у васъ-то, С. С., ли не остаться, у кого-жь и остаться какъ не у васъ |

Сцена 2-я.

Фом. и Уст. Н. (сходятъ съ лѣстницы).

Фом.

Ужь порѣши ты ея нужду, У. Н. Ишь ты, дѣвка измаялась со всѣми,—да вѣдь ужъ и время, матушка. Молодость-то вѣдь не бездонный горшокъ, да и тотъ, говорятъ, опоражнивается. Я ужъ это по себѣ знаю. Я по тринадцатому году замужъ шла; а ей вотъ черезъ мѣсяць девятнадцатый годокъ минеть. Что томить-то ее понапрасну. Другія въ ея пору давно ужъ дѣтей повывели. То-то, мать моя—что жъ ее томить-то.

¹⁾ Рѣчь въ рукописи не окончена.

У. Н.

Сама все это разумѣю, серебряная, — да нешто за мной дѣло стало, у меня жениховъ то, что кобелей борзыхъ, да ишь-ты разборчавы очень они съ маменькой-то.

Фом.

Да что ихъ разбирать-то! Ну известное дѣло, чтобъ были люди свѣжіе, не плѣшивые, чтобъ не пахло ничѣмъ; а тамъ какова не возьми, все человекъ.

У. Н. (сад.).

Присѣсть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской. Съ ранняго утра словно отымалка какая мычуся. А вѣдь и проминовать нечего нельзя, вездѣ стало быть необходимый человекъ. — Известное дѣло, серебряная, всякой человекъ живая тварь: тому невѣста понадобилась, той жениха хоть роди да подай, а тамъ гдѣ нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинить, все У. Н. да У. Н. Новорожденный-ли гдѣ случится, али кашу для кума сварить — и этимъ ремесломъ не брезгаемъ. Отдувайся одна за всѣхъ У. Н. — А отъ чего отдувайся? Отъ того, что такъ уже видно устроено, — отъ начала міра этокое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходить и насъ за труды. Кто на платье тебѣ матеріи, кто шаль съ бахромой, кто тебѣ чепчикъ состряпаетъ, а гдѣ и золотой | гдѣ | и [четвертно] побольше перевалится, — известно что чего стоитъ, глядя по силѣ возможности.

Фом.

Что говор., матушка, что говорить!

У. Н.

Садись, Фом., ноги-то старья, ломанья.

Фом.

И! мать! Некогда. Вѣдь какой грѣхъ-то [у насъ] (вздых.). Самъ-то [загулялъ четвертый день] | не ѣдетъ изъ городу | всѣ подь страхомъ ходимъ. [А. К. какъ листъ дрожать] | того и гляди пьяный пріѣдетъ а | ужъ въкой благой-то, Господи! [Что за наказанье. Ужь]. | Зародится-же вѣдь эдак. озорникъ | .

У. Н.

Извѣстное дѣло, съ богатымъ мужикомъ что съ чертомъ, не скоро сообразишь.

Фом.

| Ужъ мы отъ него страсти-то видали. Вотъ на прош. недѣль въ ночь пьяный прѣхалъ — развоевался такъ что на поди. Страсти да и только: посуду колотить. У, гов., такія вы и эдакія, убью съ разу |. [Я тебѣ нарочно здѣсь провела, чтобъ съ нимъ-то не встрѣнуться].

У. Н.

| Необразование |

Фом.

Ужъ и правда, матушка. А я побѣгу, родная, на верхъ- | те ! Агра. К. у меня тамъ одна (*ид. на мѣстн.*) Ты какъ пойдешь-то домой, такъ заверни, серебряная, ко мнѣ, я тебѣ окорочекъ завяжу.

У. Н.

Зайду, серебряная, зайду!

(*Лазарь входить.*)

СЦЕНА 11-я.

Лаз.

А! У. Н. Сколько лѣтъ, сколько зимъ-ст!

У. Н.

Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Лаз.

Что намъ дѣлается-съ (*сидится*).

У. Н.

Мамзельку, коли хочешь, высватаю.

Л.

Покорно благодарствуйте—намъ пока не требуется.

У. Н.

Самъ, сереб., не хочешь, пріятелю удружу. У тебя, вѣдь, чай, знакомыхъ-то по городу, [почти] что собакъ борзыхъ.

Лаз.

Да, есть таки, У. Н., около того-съ.

У. Н.

Ну, а коли есть, такъ и слава Тебѣ, Господи! Чуть мало-мальски женихъ, холостой-ли онъ, не женатый-ли, вдовецъ-ли какой—прямо и тащи ко мнѣ.

Лаз.

Такъ вы и жените его?

У. Н.

Такъ и женю. Отъ чего-жъ не женить; и не взвидишь, какъ женю.

Лаз.

Это дѣло хорошее-съ. [Только вамъ] | А вотъ теперича я у васъ спрошу |, У. Н., зачѣмъ это вы къ намъ то больно часто повадились?

У. Н.

А тебѣ что за печаль, зачѣмъ-бы я не ходила. И вѣдь не краденая какая, не овца безъ имени.—Ты что за спросъ?

Лаз.

Да такъ-съ, не напрасно-ли вы ходите-то.

У. Н.

Какъ напрасно! Съ чего это ты, сереб., выдумалъ! Посмотри-ко, какого жениха нашла. Благородный—крестьяне есть,—да и изъ себя молодець.

Лаз.

За чѣмъ-же дѣло стало-съ?

У. Н.

Ни за чѣмъ не стало. Хотѣлъ завтра пріѣхать, да съ С. С. ознакомиться. А тамъ обвертимъ, да и вся недолга.

Лаз.

Обвертите, попробуйте, задасть онъ вамъ послѣ копоти.

У. Н.

Что ты, здоровъ-ли, яхонтовый?

Лаз.

Вотъ вы увидите.

У. Н.

До вечера не дожить, ты, алмазный, либо пьянь, либо вовсе съума свихнулъ.

Лаз.

Ужъ объ этомъ-то вы не извольте беспокоиться, — вы [вотъ] о себѣ-то [бы подумали], подумайте. — А мы знаемъ, что знаемъ.

У. Н.

Да что ты знаешь-то?

Лаз.

Мало-ли что знаемъ-съ.

У. Н.

А коли знаешь, такъ и намъ скажи. Авось языкъ-то не отвалится.

Лаз.

Въ томъ-то и сила, У. Н., что сказать-то нельзя.

У. Н.

Отъ чего-жъ нельзя. [Вотъ еще!] | Меня, что-ль, совѣстяться, бриллиант. | —Ничего.—Говори, нужды нѣтъ.

Лаз.

Тутъ не о совѣсти дѣло-сь, а объ томъ, [что] вамъ скажи, а вы, пожалуй, и разболтаете.

У. Н.

Анафема хочу быть, коли скажу,—руку даю на отсѣченіе.

Лаз.

То-то же-сь; уговоръ лучше денегъ.

У. Н.

Извѣст. дѣло.—Ну, что-жъ ты знаешь-то?

Лаз.

А вотъ что-сь, У. Н., нельзя-ли какъ-[сь] этому вашему жениху отказать-сь.

У. Н.

Да что ты, бѣлены что-ль объѣлся?

Л. Е.

Ничего не объѣлся-сь. А если вамъ угодно говорить по душѣ, по совѣсти-сь, такъ это вотъ какого роду дѣло-сь. У меня есть одинъ знакомый-сь купецъ изъ русскихъ, и они очень влюблены въ А. С.—сь. Что, говорить, не дамъ, только-бы жениться на А. С. Ничего, говорить, не пожалѣю.

У. Н.

Что-же ты мнѣ прежде-то, алмазный, не сказалъ!

Л. Е.

Сказать-то было нечего-сь; потому [самому] что | и | я | то | [самъ] недавно это дѣло узналъ-сь.

У. Н.

Ужъ теперь поздно, бриліантовый.

Л. Е.

А какой женихъ-то, У. Н. Да онъ васъ съ ногъ до головы золотомъ осыплетъ-сь. Изъ живыхъ соболей шубу сошьетъ.

У. Н.

| Да, голубчикъ, нельзя | . Рада бы я радостью. Да ужъ я, яхонтовый, слово дала.

Л. Е.

Ну, какъ угодно-сь, а за этого высватаете, такъ бѣды наживете, что послѣ и не разхлебаете.

У. Н.

Ну, ты тамъ разсуди, съ какимъ я рыломъ покажусь къ С.-то С.—чу. Наговорила имъ съ три короба, что и богатъ-то, и красавецъ-то, и влюбленъ-то такъ, что и жить не можетъ, а теперь что скажу? Вѣдь ты самъ знаешь, каковъ у васъ чадочко С.-то С., вѣдь онъ, неровень часъ, и чепчикъ помнетъ—на грѣхъ мастера нѣтъ.

Л. Е.

Ничего, не помнетъ-сь.

У. Н.

Да и дѣвку-то раздразила, на дню два раза присылаетъ—что женихъ, да какъ женихъ.

Л. Е.

| А вы не бѣгайте отъ своего счастья-сь | . У. Н.-сь, хотите 2.000 р. и шубу соболѣю, чтобы только свадьбу эту разстроить-сь? [А что]. А за сватовство у насъ особый уговоръ будетъ-сь. Я вамъ говорю-сь, что женихъ такой, что вы съ роду и не видавали — только вотъ одно-сь, происхожденія неблагороднаго.

У. Н.

А опи-то развѣ благородные. То-то и бѣда, яхонтовый, | что | нынче заведеніе такое пошло, что всякая тебѣ лапотница въ дворянство паровитъ. Вотъ хоть-бы и Ол. то Сам., конечно, дай ей Богъ здоровья, бракуетъ по-княжески. [А] вѣдь происхожденія-то, пибось, хуже нашего. Отецъ-то С. С. солницами торговалъ на Балчугѣ; добрые люди Сам-кою звали, подзатыльниками кормили,—да и матушка-то Агр. Конд. чуть-чуть не паневница изъ Преображ. взята. Только тѣмъ и выскочила, что больно звонокъ голось былъ.

А нажили капиталъ, да въ купцы выльзали, такъ и дочка въ принцессы наровитъ! А все это денежки. Вотъ я, чѣмъ хуже ея, а за ея-же хвостомъ наблюдай. Воспитанья-то тоже она не Богъ знаетъ какого. Пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ; по французскому али на фортеп. тоже сямъ-тямъ, да и нѣтъ ничего; ну, а танецъ-то отколоть, я и сама пыли въ носъ пушу.

пушу—[куры не клюютъ].

Л. Е.

[Ну еще]. Ну вотъ, видите-ли, за купцомъ-то быть ей гораздо пристойнѣе.

У. Н.

Дакакъ-же мнѣ съ женихомъ-то быть, серебряный? Я [ему каждый такай день толкую], [его-то ужъ больно увѣрила |, что такая А. С. красавица, что настоящій тебѣ патреть, и образованная, говорю, и по французскому, и на разные манеры знаетъ. Что-жъ я ему теперь-то скажу?

Л. Е.

Да вы и теперь то-же ему скажите, что, молъ, и красавица, и образованная | и на всякія манеры | —только, молъ, они деньгами поразстроились; такъ онъ самъ откажется.

У. Н.

А что вѣдь и правда, брилiантовый. Да нѣтъ, постой, какъ-же, вѣдь я ему сказывала, что у С. С. денегъ-то куры не клюютъ.

Л. Е.

То-то вотъ прытки вы очень рассказывать-то. А почему вы знаете, сколько у С. С. денегъ-то; нешто вы считали?

У. Н.

Да ужъ это кого не спроси, всякій знаетъ, что С. С. купецъ богатѣйшій.

Л. Е.

Да, много вы знаете; а что послѣ того будетъ, какъ вы высказаете-то [какого-нибудь] значительнаго человѣка, а С. С. ему денегъ-

|то| не дастъ-|съ|. А онъ послѣ | всего этого | вступится, да скажетъ: я десвять не купецъ, что меня можно приданными обманывать. Да [начнетъ еще объ этомъ дѣло въ судѣ] | еще какъ значительный-то человѣкъ подастъ жалобу въ судъ—С. С. | [зпачить] | къ отвѣту потребуютъ, потому что значительному человѣку вѣдь ходъ-съ | — [да бѣда тогда совсѣмъ] | значить | мы-то | съ С. С. попалися да | ужъ | и вамъ-то не уйти. Вѣдь вы сами знаете, можно обмануть | приданнымъ | нашего брата, съ рукъ сойдеть, а значительнаго человѣка обмани-ко, поди—такъ послѣ и не уйдешь.

У. Н.

Ужъ полно тебѣ пугать-то. Сбилъ меня съ толку совсѣмъ.

Л. Е.

А вы вотъ возьмите-ко задаточку 100 цѣлк., да и по рукамъ-съ.

У. Н.

Такъ ты, яхонт., говоришь, что 2000 р. да шубу соболью?

Л. Е.

Точно такъ-съ, это ужъ будьте покойны. А надѣмши-то шубу соболью, У. Н., да какъ по гуляню пройдется.....—Другой подумаетъ генеральша бакая.

У. Н.

А что ты думаешь, да и въ самомъ дѣлѣ, какъ надѣну соб. шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то въ боки, такъ ваша-то братья бородатая, рты разинуть. Разахаются такъ что | пожар. | трубой не разольешь, жоны-то съ зависти вамъ всѣ носы пооборвутъ.

Л. Е.

Это точно-съ.

У. Н.

Давай задатокъ—была не была. [Заваримъ ерунду, замѣсимъ кувыр-коллегию].

Л. Е.

| Извольте-съ | А вы, У. Н., вольнымъ духомъ. Не робѣйте.

У. Н.

Чего робѣть-то. Только смотри 2000 да соболью шубу.

Л. Е.

Говорю вамъ, что изъ живыхъ—сошьемъ. Ужъ что толковать.

У. Н.

Ну прощай, изумрудный. Побѣгу теперь къ жениху, завтра увидимся, такъ я тебѣ все отлепортую.

[Л. Е.]

[Извольте я васъ провожу маленько].

(Уходитъ).

[Тиша. Тишка сходитъ съ лестницы.]

[Лав. Елиз.—Лав. Елиз. *(бѣгаетъ по комнатѣ)*. Нѣту. Фю—попались.—Ничего, Тишка, не робѣй].

[Фом.]

[Тиша, а Тиша, гдѣ Елизарычъ-то? Господи что же. Ахъ грѣхъ какой].

[Л.]

[Былъ да весь вышелъ!]

[Фом.]

[Да куда-жъ онъ пошелъ-то].

[Л.]

[Нешто онъ у меня спрашивается. Вотъ кабы спрашивался, я бы зналъ!]

[Фом.]

[Да что-жъ это дѣлать-то].

Лазарь выходитъ.[Алр. Коид. *(обм. и затвор.)*].[С. С. *(выходитъ пьяный)*].

[Гдѣ жена! Нѣту ея. Покинули меня. Ну и пускай и не надо. И вѣ-кого—не надо!]

Л. Е.

Погодите, куда бѣжать-то, зайдите ко мнѣ, водочки выпьемъ-съ.—Тишка, ты смотри, коли хозяинъ приѣдетъ, такъ ты въ тѣ поры прибѣги за мной.

Т. одинъ.

()

Тиш.

Да что тамъ у васъ!

Фом.

С. С. изъ городу пріѣхалъ, да никакъ хмѣлень.

Тиш.

Фю! Попались!

Фом.

Бѣги, Тиша, [такъ] за Лаз., голуб., бѣги скорѣй.

Агр. Кон. съ мст.

Что, Фом., куда онъ идетъ?

Фом. (млд. съ ок.)

Да никакъ, мат., сюда. Охъ запру я двери-то, ей Богу запру.
(Запир.).

Пускай его къ верху идетъ; а ты ужъ, голубушка, здѣсь посиди.
(Стуч. съ двер. Голосъ С. С.).

Ей! отоприте, кто тамъ.

Фом.

Поди, бат., поди, усни, Хр. съ тобой.

С. С.

Да что ты старая карга, съ ума, что-ли сошла?

Фом. (отпир.).

Ахъ голуб. ты мой, а вѣдь покажись мнѣ съ дуру-то, что ты хмѣльный пріѣхалъ. Ужъ извини, глуха стала на старости лѣтъ.

С. С.

Страпчій былъ?

Фом.

А страпали, батюшка: щи съ солониной, гусь жареной, драчена.

С. С.

Да [что] ты, бѣлены что-ль объѣлась, старая дура.

Фом.

Нѣтъ, бат., сама кухаркѣ приказывала!

С. С.

Пошла вонъ! (*Садится*). Фом. *подход. къ двери и возвращается.*

Фом.

Ахъ я дура, дура! Ужъ не взъищи на плохой памяти, холодной-то поросенокъ совсѣмъ изъ ума высочилъ.

(*Лазарь выходитъ*) съ *Тышк.* и *стоитъ.*

С. С.

Убирайся къ свиньямъ. (*Фом. уходит.*) (*Мол.*). Что ты ротъ-то разинулъ, чего не видалъ, аль тебѣ дѣла нѣтъ.

[*Больш. (тишк.)*].

[По сему счету деньги сполна получили Моск. 1 г. к. С. С. сынъ Б.— Возьми— пусть будетъ по твоему.— Хорошъ я купецъ. Товару прод. на 110 т. да весъ на 250 т., а денегъ ни коп.] ¹⁾

Лаз.

[Товаръ-то который продали опять у насъ же остался— за векселя деньги— я вамъ сей доставлю-сь].

Больш.

[Ну! ну! Я пошутилъ.— Охъ, Лаз., старайся, братъ, усердствуй,— для тебя-жъ будетъ лучше! Кончится благополучно,— такъ чай все ужъ тысячекъ десятковъ другой спроворишь!]

Лаз.

[Не нуждаюсь я въ нихъ-съ, послѣ вашего благодѣянія]. Потому [что] [самому | не захочу я себя изъ за этакой малости марать-сь. Вы,

¹⁾ Вариантъ къ этому мѣсту помѣщенъ въ концѣ акта.

С. С., напрасно такой сюжетъ обо мнѣ имѣете—и совсѣмъ не такіе предметы у меня на умѣ-сь.

Больш.

А какіе же у тебя пред. на умѣ.

Лаз.

[Извѣстное дѣло-сь. Заведеніе у насъ такое было-сь превосходное,—и все теперь должно въ расстройство притти-сь]. Вы подвигаетесь къ старости: Аг. Кон. дама изнѣженная; О. С. барышня образованная—и въ такихъ годахъ-сь. [Конечно у васъ].—Надобно и о ней заботливостъ приложить-сь. А теперь [такія обст. не благопріят.] мало-ли что можетъ произойти-сь изъ всего этого.

Больш.

А что-жь [такое] можетъ [вытти] произойти. Ну [что понад. въ про-сакъ. Вѣдь не одна-же О. С. терп.] | да хоть-бы и произошло-то что ни-будь |, [чѣмъ-же]. | Такъ О. С. твоя тутъ не виновата | [буд.] я то первый попадусь.

Л.

Что-же о васъ-то толковать! Вы С. С. отжили свой вѣкъ. — С. С. созд. пожили. А О. то С. извѣстное дѣло барыш., как. въ свѣтѣ нѣтъ. Я вамъ, С. С., по совѣсти говорю, т. е. какъ есть это все—[теперича] по моимъ чувствамъ—если я теперича стараюсь для васъ. и всѣ усердія, можно сказать, не жалѣя пота крови, прилагаю, такъ это все больше потому самому, что жаль мнѣ [О. С.] вашего семейства.

Больш.

Полно, такъ-ли?

Лаз.

Позвольте-сь! Ну, полож., что это все благополучно кончится-сь. Хорошо-сь! Останется у васъ чѣмъ пристроить О. С.—Ну, объ эт. и толк. нечего-сь. Были-бы деньги, а женихи найдутся. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Госп.! | Это я, С. С., къ примѣру говорю-сь |, [отъ слова не станется], какъ придер., да начнутъ по суд. таскать. Да на все семейст. этак. мораль [будеть] пойдетъ. Да еще и имѣніе-то все опишутъ. Должны будутъ они-сь голодъ и холодъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія; какъ птицы какія беззащитныя, безо всякаго

пристанища должны буд. маяться. [Охъ, я, С. С., не могу удержаться отъ слезливости]. | Да это сохрани, Господи — Это что-жь будетъ тогда | (шмыч.),

С. С.

Да о чемъ [же] ты плачешь-то. Ужь словно и на поди что сдѣлалось.

Л.

[Да я ужь, С. С.] Конечно, С. С., это я такъ къ примѣру говорю— въ добр. часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется. А вѣдь врагъ-то силенъ, горами мотааетъ.

Больш.

Полно! [Не плачь!] Полно! Л. Елиз., ты и меня-то смутилъ. Что-жь дѣлать-то | братъ |, ужь знать такая воля Божья—противъ [братъ] не пойдешь.

Лаз.

Это точно, С. С., А все-[таки] [мой такой] по моему глупому разсужденію, [С. С.] пристр. [надобно] | бы | поскорѣй | до поры до времени |. О.-то С. за хорошаго человѣка,—такъ ужь тогда по крайности будетъ | она | какъ за каменной стѣной-сь. Да главное то, чтобъ была душа у человѣка, С. С., такъ онъ будетъ чувствовать. А то вонъ, что сват. за О. С.—благород.—то присватался, да и назадъ.

Больш.

Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ.

Лаз.

Я, С. С., не выдумалъ; всѣ такъ говорятъ-сь. Вотъ У. Н. придетъ, молъ, она вамъ скажетъ. Такъ вотъ вы возьмите въ разсужденіе-сь. Я постор. человѣкъ, не родной-сь, а для вашего благопол. ни дня, ни ночи себѣ покою не знаю, да и [сердцемъ-то измучи.] сердце-то у меня все изныло-сь, а [ему] за него отдають барышню, можно сказ. красоту неописанную, да и денегъ еще | ему | даютъ-сь, а онъ ломается, да важничаетъ, ну, есть-ли въ немъ душа послѣ всего этого. | Вотъ какой народъ-то нынче-сь |

Больш.

Ну, да и жалѣть-то много не о чемъ. Онъ мнѣ что-то и самому не больно нравится. Такъ ужъ, скрѣпя сердце, отд. дочь то, какъ-будто, что благород. да крестьяне есть. Ну, [а отказ.] не хоч., такъ и не надо, не заплачемъ.

Лаз.

Нѣтъ, вы, С. С., разсудите объ эт., есть ли душа у человѣка! Я вотъ постор. человѣкъ, да [убиваюсь тутъ, какъ чортъ какой, какъ анафема какая. А вѣдь я, С. С., посторонній человѣкъ, поймите вы это]. | Не могу безъ слезъ видѣть всего этого, поймите вы это, С. С. |, другой-бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ за чужова дѣла. А вѣдь меня теперь вы хотъ гоните силой, хотъ бейте,—а я ужъ васъ [не могу] не оставлю;—потому не могу—сердце у меня не такое.

С. С.

[Ну], спасибо, | спасибо | Лаз., что ты меня старика не оставляешь. Только вѣдь на тебя и надежды-то. Вѣдь вотъ оставь ты меня, такъ мнѣ и расположиться не на кого.

Лаз.

| Да | не могу-же я это сдѣлать, С. С. Поймите вы это! не такой я совсѣмъ человѣкъ! Другому, конечно, С. С., это все равно-сь. Ему хотъ трава не расти. А ужъ я не могу-сь. Сами изволите — хлопочу я али нѣтъ-сь. Какъ чортъ какой, убиваюсь я теперича изъ за чужова дѣла-сь. Потому что не такой я человѣкъ-сь. Жалѣючи васъ это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. — Сами изволите знать. А. К. дама изнѣженная, А. С. бар. какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-сь.

С. С.

Да что она у тебя въ зубахъ завязла, О. С. да О. С. Ужъ ты братъ не того-ли?

Л.

Я, С. С., ничего-сь.

С. С.

То-то, братъ! Ты ужъ лучше откровенно говори, любишь ты мою дочь? а?

Л.

Вы, С. С., можете шутить изволите?

С. С.

Что за шутки, я тебя безъ шут. спрашиваю.

Л.

Помилуйте, С. С., смѣю-ли я подумать-съ.

С. С.

А что-жь-бы такое не смѣть-то! Что она княжна что-ли какая, что ужъ и любить-то ее не смѣть.

Л.

Хотя и не княжна-съ, да какъ были вы моимъ благодѣтелемъ и, можно сказать, вмѣсто отца роднаго... Да нѣтъ, С. С., помилуйте, какъ-же это можно-съ; неужто-же я этого не чувствую.

С. С.

Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

Л.

Какъ-же не любить-съ, помилуйте. Кажется, больше всего на свѣтѣ. Да, помилуйте, С. С., какъ-же это можно-съ!

С. С.

Такъ ты-бы такъ и говорилъ, что люблю молъ больше всего на свѣтѣ.

Лаз.

Да какъ-же не любить-съ; сами извольте разсудить: день думаю, ночь думаю: то бишь, извѣстное дѣло, О. С. барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ... Да, нѣтъ этого нельзя-съ. Гдѣ-же намъ-съ.

С. С.

Да чего нельзя-то, дура голова.

Л.

Да какъ-же можно, С. С. Какъ знавши я васъ, какъ отца роднаго, и О. С.-съ и опять знавши себя: что я такое значу—гдѣ-же мнѣ съ суконнымъ-то рыломъ-съ.

С. С.

Ничего не суконное! Рыло какъ рыло,—быль-бы умъ въ головѣ, а тебѣ |ума-то не занимать стать|, этимъ добромъ |тебя| Богъ каградилъ. Тагъ что-же, Л., посвататься ты хочешь за мою дочь? а?

Лаз.

Да помилуйте: смѣе-ли я-съ! О. С., можетъ быть, на меня и глядѣть-то не захотятъ-съ.

С. С.

Важное дѣло! Не плясать-же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и поидеть. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Лаз.

Не смѣю я, С. С., объ этомъ съ вами говорить. Не [могу] хочу я быть подлецомъ противъ васъ.

С. С.

Экой ты, братецъ, глупый! Какъ-бы я тебя не любилъ, нешто бы я такъ съ тобой разговаривалъ. [Понимаешь-ли ты, глупый ты человекъ, что я тебя могу на всю жизнь счастливымъ сдѣлать]. Сыновей у меня нѣтъ. А какъ я тебя люблю—такъ и можешь ты мнѣ быть вмѣсто роднаго сына.

Лаз.

А нешто я васъ не люблю, С. С. | больше отца роднаго |, да накажи меня Богъ,—да что-же я за скотина [буду безчувственная]!

С. С.

[Спасибо, Л., что меня любишь], ну, а дочь любишь?

Л.

Изнылъ весь-съ; вся душа-то у меня перевернулась давно.

С. С.

Ну, а коли душа перевернулась, такъ надо тебѣ Липу отдать. Владѣй Ѳад. нашей Мал.

Л. (брос.).

Тягенька, за што жалуете. Не стою я того. Не стою и физ. у меня совсѣмъ не такая.

С. С.

Ну ее, физиономію! [А ты ступ. ко теперь въ вонт., да никому не скаж., что тотъ жен. отказался. Мы надъ нимъ шут. поднут., а ужотко я тебя кликну.

Лаз. къ Тиникъ ¹⁾.

Говорили тебѣ, кажется.

С. С.

Стряпчій былъ?

Лаз.

Былъ-съ.

С. С.

Говорилъ ты съ нимъ?

Лаз.

Говорилъ-съ.

С. С.

Ну, что-же онъ?

Лаз.

Да что, С. С., развѣ онъ чувствуетъ. | Извѣстно |, чернильная душа-съ. Одно ладить объявиться несостоятельнымъ.

С. С.

Что-жъ объявиться, такъ объявиться, | ужъ | одинъ конецъ.

Лаз.

Ахъ, С. С., что это вы изволяете говорить-съ.

Вариантъ.

С. С.

Что-жъ всѣ деньги заплатить, да съ чего ты это взялъ: да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя, пусть ташутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.

Лаз.

Не нуждаюсь я ни въ чемъ-съ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я теперича готовъ всю душу отдать за васъ, а не то, чтобы какой фальшь сдѣлать.

Больш.

А ты слушай, Лазарь. Все, что ты видишь—все твое. Домъ, лавки, товаръ, деньги. Только корми меня со старухой—да заплати за меня по сдѣлкѣ, коп. 10, больше не давай, слышишь.

Лаз.

Поми луйте, тятенька, свои люди—сочтемся-съ.

Больш.

Ну, ты ступ. теперь къ себѣ | а ужотко я тебя кликну |. Мы надъ ними шутку подшутимъ.

А. Н. Островскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПОРТРЕТЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО

Гравюра на мѣди художника Ѡ. И. Веревкина.

Приложенный къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ портретъ славнаго нашего писателя А. Н. Островскаго исполненъ на мѣди молодымъ художникомъ-граверомъ Ѡ. И. Веревкинымъ съ фотографическаго оригинала, весьма обязательно, по нашей просьбѣ, сообщеннаго братомъ покойнаго писателя—Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ.

Художникъ Ѡ. И. Веревкинъ—ученикъ покойнаго ректора и профессора Императорской Академіи художествъ Ѡ. И. Гордана († 1883 г.). Талантливымъ рѣзцомъ Ѡ. И. Веревкина исполнены до сихъ поръ (мартъ 1891 г.), между прочими, нижеслѣдующія гравюры на мѣди:

Въ 1881 г.—копія съ эстампа Гольдциуса „Юпитеръ Олимпійскій“.

Въ 1884 г.: копія съ портрета Лебрена, гравированнаго Веллинггомъ.

Въ 1885 г.: портретъ художника Лебедева.

Въ 1886 г.: гравюра съ фотографіи портретъ Я. П. Полонскаго.—„Мальчикъ садовникъ“ Кипренскаго.

Въ 1888—1889 гг.: портретъ Е. И. В. великаго князя Владиміра Александровича съ рисунка художника Васильева.

Въ 1889—1890 гг.: портретъ Н. Д. Хвоцинской-Заіончовской, въ литературѣ В. Крестовскій; портретъ этотъ приложенъ къ изданію „Русская Старина“ 1891 г., т. LXIX, книга январь. Эта гравюра исполнена съ дагеротипа 1852 г. и была на выставкѣ въ императорской академіи художествъ въ Спб., въ мартѣ 1891 г.

Въ 1890 г.: портретъ съ фотографіи И. А. Вахрамѣева, почетнаго гражданина гор. Ярославля, одного изъ основателей

Музея церковныхъ древностей въ городѣ Ростовѣ Великомъ и владѣльца замѣчательнаго собранія памятниковъ древней письменности въ Ярославлѣ.

Въ 1890 г.: гравюра, по собственному рисунку картины Греза „Женская головка“.

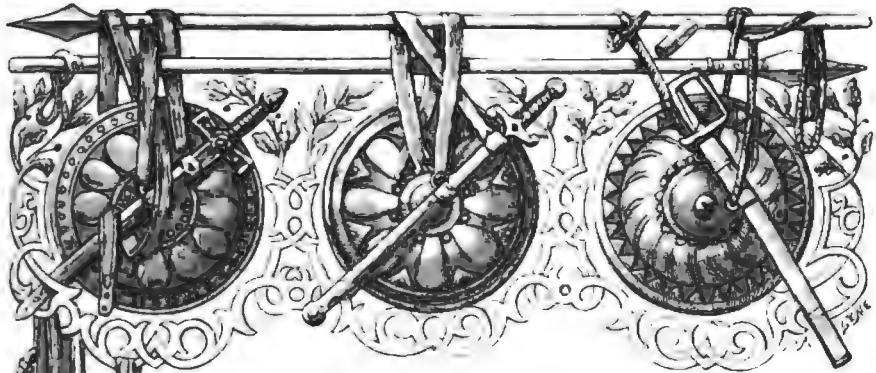
Въ 1890-1891 гг.: портретъ съ фотографіи писателя А. Н. Островскаго, приложенный къ изданію „Русская Старина“ 1891 г., т. LXX, книга апрѣль. Гравюра эта въ мартѣ 1891 г. была на выставкѣ въ императорской академіи художествъ.

Вотъ перечень художественныхъ трудовъ молодаго и въ высокой степени даровитаго гравера на мѣди Ѳ. И. Веревкина, каковой списокъ мы приводимъ изъ V-го тома нашего Альбома автографовъ, „Знакомые“ (рукопись), художника безспорно одного изъ самыхъ талантливыхъ въ группѣ русскихъ современныхъ тружениковъ въ этой, почти совершенно оставленной, области искусства. Къ сожалѣнію, Ѳ. И., ради насущнаго хлѣба, весьма занятъ преподавательскою дѣятельностью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ учитель рисованія, что весьма его отвлекаетъ въ данное время отъ гравированія на мѣди. Будь матеріальныя его средства сколько-нибудь обеспечены, Ѳ. И. Веревкинъ произвелъ бы своимъ чуднымъ рѣзцомъ большое число гравюръ на мѣди и тѣмъ прославилъ-бы русское искусство въ этой отрасли.

Таково наше искреннее мнѣніе.

Ред.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ,

84-я ГОДОВЩИНА ЕГО УЧРЕЖДЕНІЯ

1807 МАРТА 1891.
14-го

— 6 —

ИЗДАНИЕ РУССКАЯ ТИП.
1891 г., в. LXX. кн. 1.

Сказанія о Дворянскомъ полку.

- I. Матеріалы для исторіи бывшаго Дворянскаго полка до переименованія его въ Константиновское военное училище, 1807 — 1859 гг. Очеркъ составилъ и издалъ бывшій воспитанникъ полка, полковникъ (нынѣ генераль-маіоръ) М. Г. Гольмдорфъ. Спб. 1882 г., въ 8 д., стр. III + 200, съ прилож. фототипіи — виньетка съ портретами: императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, цесаревича Константина Павловича и великаго князя Михаила Павловича, генераловъ: гр. Я. И. Ростовцева и П. Н. Пущина.

- II. Именной списокъ воспитанниковъ всѣхъ выпусковъ изъ Дворянскаго полка и состоявшаго при семъ полку кавалерійскаго эскадрона съ 1807 по 1855 гг. и Константиновскаго кадетскаго корпуса съ 1855 по 1859 годъ. Спб. 8 д., стр. 210. Составилъ и издалъ М. Г. Гольмдорфъ.

- III. Въ историческомъ журналѣ „Русская Старина“ разновременно помѣщены воспоминанія о Дворянскомъ полку, въ запискахъ: А. Кирѣева — о пребываніи въ полку въ 1808—1811 гг.; Топчіева — о бытности въ полку въ 1815—1819 гг.; М. И. Венюкова (1850—1852 гг.), Миклашевскаго, Петракова и другихъ, а также помѣщаются очерки ежегодныхъ собраній товарищей, въ память 14-го марта 1807 г., въ день учрежденія Дворянскаго полка.

У четырнадцатаго марта 1891 г. питомцы трех преемственных другъ другу учебныхъ заведеній—Дворянскаго полка, Константиновскихъ кадетскаго корпуса и Втораго военнаго училища—собрались въ дружной и многочисленной семьѣ (67 лицъ) отпраздновать 84-ю годовщину основанія Дворянскаго полка (1807 г.)¹⁾.

„Фельдфебель Дворянскаго регимента“, ген.-лейт. Г. П. Власовъ, провозгласилъ рядъ традиціонныхъ на этомъ собраніи тостовъ. Тостъ за Державнаго Вождя Россіи и за всю Августѣйшую Фамилію, сопровождаемый горячимъ пожеланіемъ Наслѣднику Цесаревичу благополучно совершить дальнее путешествіе, покрытъ былъ восторженными кликами „ура“ и національнымъ гимномъ, многократно исполненнымъ. Слѣдующій тостъ былъ въ память славнаго Дворянскаго полка, тысячи тысячъ питомцевъ котораго сослужили, а многіе и продолжаютъ нести великую службу отечеству на всевозможныхъ поприщахъ и изъ которыхъ многія сотни легли на поляхъ битвъ. Не менѣе восторженно провозглашено было общее пожеланіе о дальнѣйшемъ процвѣтаніи внука Дворянскаго полка—Константиновскаго 2-го военнаго училища.

Въ высшей степени трогателенъ былъ моментъ, когда со звуками оркестра слились всѣ голоса присутствовавшихъ въ одной гѣснѣ, сложенной въ Дворянскомъ полку, полвѣка тому назадъ (14-го марта 1840 г.), въ память убиенныхъ на поляхъ битвъ и умершихъ отъ ранъ въ сраженіяхъ питомцевъ этого полка:

„Братья, всѣ въ одно моленье...“

Одинъ изъ питомцевъ полка, „полковой писарь Дворянскаго регимента“, тайный совѣтникъ М. И. Семеновскій, въ задушевномъ словѣ помянулъ умершихъ въ истекшемъ году наиболѣе видныхъ изъ товарищей и одноклассниковъ. Такъ, въ концѣ 1889 и въ теченіе 1890 года изъ многочисленной семьи „Дворянъ-Константиновцевъ“ сошли въ могилу: ген.-лейт-ы:—Зарубаевъ, Золотаревъ,

¹⁾ Эта статья, принадлежащая сотруднику „Русской Старины“ А. П. Налечатана 15-го марта 1891 г., въ № 74 газеты „Новости“; приводимъ ее здѣсь съ дополненіями.

Визитки исполнены почетнымъ членомъ императорской академіи художествъ, маститымъ профессоромъ Э. Г. Солнцевымъ (рожд. 14-го апр. 1801 г.).

Эллерсъ, К. В. Левицкій; ген.-маіоры: И. А. Самойловичъ, оставившій о себѣ самую добрую память, какъ педагогъ и заботливый начальникъ военно-фельдшерской школы; Л. Л. Кирпичевъ—замѣчательный профессоръ Михайловской артиллерійской академіи и наиблагороднѣйшій человѣкъ, снискавшій себѣ всеобщее уваженіе и любовь ¹⁾. Въ числѣ покойниковъ послѣдняго года изъ дворянъ и константиновцевъ названы были также В. Ѳ. Лебединскій—ближайшій сподвижникъ героя Евдокимова при покореніи имъ Кавказа; ген.-отъ-инфантеріи Клеммъ и маіоръ Никифоровъ—первыи по времени военный министръ въ Болгаріи (въ 1885 г.).

Старѣйшимъ по выпуску изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ воспитанниковъ Дворянскаго полка былъ ген.-лейт. В. А. Щелковъ—выпуска 1829 г.

Душою обѣда былъ ежегодный его распорядитель—„кашеваръ“ генер.-маіоръ М. Г. Гольмдорфъ, прочитавшій два стихотворенія, полныя жизни и поэтическаго одушевленія, всецѣло посвященныя воспоминанію о Дворянскомъ полку и его представителяхъ. Къ этимъ стихамъ неожиданно присоединилъ, прямо отъ сердца вылившееся, свое стихотвореніе И. Н. Явленскій (вып. 1844 г.), десятки лѣтъ прослужившій на Кавказѣ и впервые явившійся на дружескую трапезу.

Почетными гостями дружескаго собранія дворянъ-константиновцевъ были: начальникъ Николаевской академіи ген. штаба, проф. ген.-лейт. Г. А. Лееръ (бывшій нѣкогда инспекторомъ 2-го военнаго Константиновскаго училища) и нынѣшній, въ 1891 г., начальникъ 2-го Константиновскаго военнаго училища—генераль А. К. Водаръ.

Собраніе, какъ и въ прежніе годы, не обошлось безъ добраго дѣла: въ офицерскую фуражку, обошедшую товарищей, накидано было 216 рубл.,—сумма на воспособленіе вдовѣ одного товарища и на восполненіе существующаго капитала Дворянскаго полка, составившагося изъ подобныхъ-же сборовъ. Ген.-лейт. Н. Н. Гавриловъ сдѣлалъ товарищамъ сообщеніе объ этомъ капиталѣ. Онъ оказался—съ нынѣ отчисленною въ него суммою—въ 2,600 р. Собраніе уполномочило Н. Н. Гаврилова возобновить ходатайство въ военномъ министерствѣ, дабы капиталъ этотъ, лежащій нынѣ въ депозитѣ Втораго военнаго Константиновскаго училища, получилъ такое предназначеніе, чтобы на $\frac{1}{10}$ съ него могли воспитываться дѣти, мальчики или дѣвочки, преимущественно сироты, дѣти бѣднѣйшихъ воспитанниковъ „Дворянъ или Константиновцевъ“ въ заведеніяхъ,

¹⁾ Шт.-кап. гвард. артил. Пав. Платон. Потоцкій издалъ превосходно составленный очеркъ трудовой жизни и характеристику покойнаго профессора Л. Л. Кирпичева, съ интересными приложеніями и портретомъ. Спб. 1891 г., брошюра въ 8 д.

безразлично какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ; въ виду чего капиталъ, если то окажется необходимымъ, перенести въ депозитъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ библиотекѣ 2-го военнаго Константиновскаго училища (въ зданіи онаго на Забалканскомъ проспектѣ, въ Спб.), съ 1888 года, имѣется особый отдѣлъ научныхъ, военныхъ, техническихъ, художественныхъ и литературныхъ трудовъ бывшихъ питомцевъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему двухъ учебныхъ заведеній.

Собраніе постановило: для выщаго упроченія и развитія этого отдѣла и для его наибольшаго восполненія всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ въ этому роду произведеній, равно и изъ области художествъ и искусствъ, бывшихъ воспитанниковъ „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“ (1807—1891 гг.),—пригласить особую комиссію (и приглашена) изъ слѣдующихъ лицъ: начальникъ 2-го военнаго Конст. училища—А. К. Водарь, инспекторъ онаго А. Ѡ. Маккавѣевъ, ген.-лейт. Г. А. Лееръ (бывшій нѣкогда инспекторомъ въ Конст. воен. училищѣ), академикъ Н. Ѡ. Дубровинъ, ген.-лейт. Н. П. Петровъ, тайный совѣтникъ М. И. Семевскій и ген.-маіоръ М. Г. Гольмдорфъ.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ провозглашены были товарищами здравіцы: за В. А. Щелкова (старѣйшаго по выпуску изъ присутствовавшихъ), Г. П. Власова—фельдфебеля и предсѣдателя Дворянскаго регимента, Г. А. Леера и А. К. Водара—почетныхъ гостей собранія, М. Г. Черняева, Н. П. Петрова, М. Г. Гольмдорфа и М. И. Семевскаго.

Полные чувства глубокаго уваженія и сердечной признательности за память о празникѣ Дворянскаго полка посланы были отъ собранія отвѣты на телеграммы: Г. Г. Даниловичу, В. П. Коховскому, Г. Д. Соханскому, М. И. Драгомирову, генераламъ Баранову (въ Ташкентѣ) и Парчевскому (Тифлисъ), отцу протоіерею А. И. Соколову.

Прекрасный оркестръ л.-гв. Павловскаго полка, между разными пѣсами, исполнилъ музыкальную картину: „Дворянскій полкъ“.

Дворянскій полкъ и Константиновцы

1807—1859—1891.

I.

Дворянскій полкъ не существуетъ:
 Въ училище онъ обращенъ,
 А въ жизни время все тушуетъ,
 Коль слѣдъ ея не сохраненъ.
 Такъ вспомнимъ же, какъ въ полкъ собирали.
 Изъ неучей, дворянъ толпой;
 Наукой въ немъ не просвѣщали:
 Тогда задачею былъ—строй.
 Всѣ корпуса въ полкъ нашъ смыслили
 Кадетъ испорченныхъ своихъ.
 Порядки въ немъ тогда внушали:
 Одни, чтобъ стоялъ бы двонхъ.
 Но времена переѣнились:
 Гольтгоеръ, Щепинъ, Княппъ ушли.
 Въ полку науки появились,
 „Дворянъ“ всѣхъ въ классы повели.
 Инспекторъ Форсманъ—просвѣтитель—
 Къ труду и пользѣ ободрялъ,
 А Пушинъ—строгий обновитель—
 „Дворянъ“ къ порядку приучалъ.
 Отецъ Рождественскій трудился
 Добро и честь въ сердца вселять;
 Затѣмъ ужъ Воронежъ гордился
 „Дворянъ“ кадетами назвать.
 Лишь четверть вѣка протекаетъ,
 Для нашей полковой семьи
 Кадетъ отборныхъ присылаютъ
 Со всѣхъ концовъ родной земли.
 Съ „корнями“ ¹⁾ въ ней они рождаются,
 Имъ совершенство придаютъ,
 Въ бояхъ герои въ нихъ рождаются,
 Врага, съ „корнями“ вмѣстѣ, бьютъ.

¹⁾ Коренные воспитанники, т. е. поступившіе прямо въ Дворянскій полкъ, а не изъ корпусовъ.

Такъ сѣмя чести и добра
 На почвѣ юношей всходило,
 Безъ лишней траты серебра
 Плоды Отчизнѣ приносило.
 Хрулевъ нашъ—штурмы отбиваетъ,
 Черняевъ—въ Азіи гремитъ,
 Нашъ Огаревъ—врага сбиваетъ,
 Героевъ—Щеголевъ стоитъ.
 Тютрюмовъ нашъ—портреты пишетъ,
 Стихамъ—Курочкинъ даритъ,
 Сатирую Минаевъ дышетъ,
 Семеновскій—„Старину“ живитъ.
 Какъ педагогъ: Даниловичъ,—
 Внимаемъ царскимъ онъ почтенъ,
 Коховскій, Гартманъ, Самойловичъ
 Наукѣ каждый посвященъ
 И академикъ нашъ Дубровинъ
 Исторіи свой вкладъ несетъ,
 Для дѣла-жъ книжнаго Суворинъ
 Трудовъ не мало отдаетъ.
 Нашъ Драгомировъ научаетъ
 Къ побѣдѣ какъ должно идти;
 Онъ самъ Дунай переплываетъ,
 Дорогу къ Шипкѣ чтобъ найти.
 А сколько пало въ бранномъ полѣ
 Дворянскаго поля сыновъ!
 Легли они по доброй волѣ,
 Русь защищая отъ враговъ.
 Въ рѣкѣ Стрѣльбицкій утопаютъ,
 Въ ущельи Шрейбергъ нашъ сожженъ,
 Булыгинъ въ схваткѣ погибаетъ,
 Нашъ Сельванъ пулею сраженъ.
 Но всѣхъ „Дворянъ“ не перечислить,
 Полеа кто славой дорожилъ;
 Пускай Исторія исчислитъ
 Отчизнѣ кто полезень былъ.
 А мы, храня нашъ духъ „Дворянскій“,
 Мы станемъ всѣ за Русь стѣной;
 На всѣхъ ступеняхъ службы Царской
 Питомцы мы—семьи одной.
 И будемъ впредь въ семью собираться.

Родной нашъ полкъ не забывать,
И шалостямъ былымъ смѣяться.
И все бывшее освѣжать.

II.

Теперь позвольте кашевару,
Въ стихахъ, вамъ пару словъ сказать:
Пируемъ здѣсь не для утѣхъ,
Хотимъ лишь сердце освѣжать.
Пусть мы различныхъ положеній,
На разныхъ ступеняхъ стоимъ,
Но вѣдь мы всё, безъ исключеній,
Огнемъ „Дворянъ“ всегда горимъ.

А какъ огонь тотъ загорался
И почему не угасалъ,
Чѣмъ въ жизни, дѣлѣ отражался
И что собою создавалъ?...
Отвѣтъ на это мы читаемъ
Въ далекомъ прошломъ и быломъ
И много лѣтъ ужъ замѣчаемъ
За нашимъ дружескимъ столомъ.

Кадетъ и юнкеръ тутъ родные,
Взросли изъ общаго гнѣзда,
Принципы ихъ—одни, святые,
Роднаго, стараго полка.
Съ такимъ составомъ „кашевару“
Отрадно кашницу варить,
А чтобъ развить здѣсь больше жару—
За „полкъ Дворянскій“ будемъ нить!

Воспитанникъ Дворянскаго полка и Константиновскаго кадетскаго корпуса Мих. Густ. Гольмдорфъ (выпуска 1855 г.).

III.

Д Р У З Ъ Я М Ъ .

Друзья мои! Почти полвѣка
Въ средѣ я вашей не бывалъ
И жизнь мою, какъ жизнь абрека,
Родному краю посвящалъ!
И въ Бухарѣ, и въ Дагестанѣ,
И на равнинахъ всей Чечни,
Прошли года въ бивачномъ станѣ--
Какъ золотые точно сны!

И вотъ, теперь, разсвѣтъ свѣта,
 Науки, жизни, добрыхъ дѣлъ.
 Услышитъ пусть слова привѣта
 Того, кто въ жизни уцѣлѣлъ!
 Пусть въ этотъ день воспоминаній
 Объ alma mater дорогой,
 Забывши дни тоски, страданій,
 Сольёмся мы одной душой.
 Пусть молодое поколѣнье,
 Лаская честныхъ стариковъ,
 Возьмётъ у насъ и вдохновенье
 На радость будущихъ вѣковъ!
 И честно жизнь мы отдавал
 Родному краю, какъ привѣтъ,
 Пусть доживаемъ—уволавъ,
 Что счастья въ жизни выше вѣтъ:
 Пусть среди жизненнаго пира
 Россія въ счастья процвѣтѣтъ,
 Съ мечемъ въ ножнахъ, съ оливой мира,
 Дѣтей покоемъ обовѣтъ!
 Пусть на груди своей согрѣтъ
 Въ борьбѣ хладѣющую кровь,
 На почвѣ разума и дѣла
 Пускай живить насъ вновь и вновь.
 На пользу малыхъ сего міра
 Свои познанья отдадимъ—
 И нашего Царя-кумира
 Любовью крѣпкой подаримъ!..

Воспитанникъ Дворянскаго полка,
 Иванъ Ник. Явленскій (вып. 1844 г.).

14-го марта 1891 г.

IV.

Собраніемъ „Дворянъ-Константиновцевъ“ на братскомъ пирѣ 14-го марта 1891 года получены привѣтственныя телеграммы отъ товарищей:

Суваля. Отъ Константиновцевъ: Ковалло-Поклевскій, Дементьевъ, Аольковскій, Сцѣпуро, Родзевичъ, Мельницкій, Доморадскій, капитанъ Пальховскій.

Бѣлый Ключъ. Чествуя нынѣшній день, пьемъ за процвѣтаніе родного намъ гнѣзда и за здоровье дорогихъ однокашниковъ. Грузинскаго гренадерскаго полка Побыванецъ, Меркуловъ, Баратовъ, Нольде, Васильевъ, Брохоцкій, Томиловъ, Дочкаревъ, Чекотовскій, Томиловъ, Дворжедкій, Богдановичъ.

Вышній Волочекъ. Привѣтъ вамъ и пожеланія всего хорошаго! Если въ средѣ васъ, многоуважаемые однокашники, находятся кадеты моего выпуска, 11-го юня 1855 года, то быю имъ челомъ сдѣлать мнѣ честь подарить свои фотографическія карточки. Каждому оказавшему мнѣ эту любезность я немедля вышлю свою. Не могу не вспомнить здѣсь о нашей alma mater: мы—важные ея представители, должны вспомнить ее добромъ. Благодаря корпусамъ, наша славная армія имѣла достойныхъ представителей, которые всегда съ честью и славой вели ее за собой къ побѣдѣ или геройской защитѣ. Благодаря корпусамъ, мы стали тѣмъ, что мы есть, не затерялись, не разиѣшались, а многіе изъ насъ нашли въ положенныхъ въ насъ основахъ столько матеріала и силъ, что выдвинулись не только далеко впередъ, принося своею дѣятельностью услугу нашему дорогому отечеству, но даже заняли, а другіе займутъ почетныя мѣста въ исторіи. Старый кавказецъ, нынѣ членъ Тверскаго окружнаго суда А. А. Губченко.

Ярославль. Съ радостью привѣтствуемъ старыхъ товарищей, чествующихъ годовщину основанія дорогаго намъ по духу и воспоминаніямъ Дворянскаго полка. Пріятно-бы знать оказавшихся на переключкѣ? Мировой судья Яковлевъ (вып. 1848 г.), управляющій отдѣмъ крестьян. зем. банка Зувицъ (вып. 1853 г.), директоръ военной школы Елчаниновъ (вып. 1855 г.).

Вильна. Привѣтъ отъ подполковниковъ Путырскаго и Куторга.

Пбг. Дряговъ. М. И. Семевскому. Прошу в. п. передать мой привѣтъ дорогимъ однокашникамъ. Мерчанскій (выпуска 1848 г.).

Спб. Прошу дворянъ и константиновцевъ принять мой сердечный привѣтъ въ памятный день 14-го марта. Всѣмъ мое искреннее добропожеланіе и дома, и на службѣ. О почившихъ всегда моя молитва и добрая память. Протоіерей Александръ Соколовъ.

Спб. Привѣтъ и поздравленіе съ праздникомъ нашего доблестнаго Дворянскаго полка. С. Лейхтъ.

Спб. Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ (Семевскому). Прошу васъ быть выразителемъ моихъ сердечныхъ симпатій къ дорогимъ товарищамъ и моихъ сердечныхъ же пожеланій имъ счастья, здоровья и полного успѣха въ ихъ служебной и общественной дѣятельности. Душевно сожалью, что, по нездоровью, не буду въ ихъ кругу и не обновлюсь нравственно воспоминавіями о давнихъ юношескихъ годахъ. Душевно вамъ преданный, Всев. Коховскій.

Спб. М. И. Семевскому. Передайте мое сердечное привѣтствіе дорогимъ товарищамъ и совоспитанникамъ по Дворянскому полку и Константиновскому военному училищу. Душевно сожалью, что не могу присутствовать на ихъ годичномъ праздникѣ. Ген.-адъют. Даниловичъ.

Александрополь (за Кавказомъ). Привѣтъ отъ кружка дворянъ и константиновцевъ. Подписалъ отъ лица выпуска 1860 г. генераль-маіоръ Дроздовичъ.

Асхабадъ. Привѣтъ дорогимъ товарищамъ и однополчанамъ. Подписалъ отъ семьи дворянъ и константиновцевъ старшій изъ присутствовавшихъ полковникъ Брутиковъ.

Тифлисъ. Привѣтъ товарищамъ—подписалъ генераль Парчевскій.

Ташкентъ. Привѣтъ отъ лица товарищей туркестанцевъ; подписалъ генераль Барановъ (вып. 1849 г.).

V.

Списокъ участниковъ въ чествованіи въ С.-Петербургѣ 84-й годовщины основанія Дворянскаго полка, по выпускамъ ихъ изъ Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и 2-го Константиновскаго военнаго училища:

1803 г. — поручики Юрловъ, Жолтыковъ. 1800 г. — Давдре. 1879 г. — шт.-кап. Завадскій. 1877 г. — шт.-кап. Карцовъ. 1876 г. — кап. Шяффтъ. 1871 г. — подполк. Вихаревъ. 1869 г. — полковн. Рудановскій. 1868 г. — полковн. Перепелицынъ. 1867 г. — Медвѣдевъ. 1866 г. — подполк. Мищенко. 1863 г. — полковн. Мацкевичъ; ген.-м. Демьяновичъ. 1860 г. — д. с. с. Тухолка; ген.-маіоры: Гавловскій, Костенко, Шпидбергъ. 1859 г. — подполк. Исуповъ; полковники Биронъ, Лукошковъ; ген.-маіоры: Васютинскій, Тилло-

1858 г.—полковн. Штевенъ; с. с. Хоменко; ген.-м. Ричардъ Мевесъ. 1857 г.—шт.-к. Надѣинъ. 1856 г.—полк. Христичъ; ген.-маіоры: Шевченко, Рожновъ. 1855 г.—полковника: Худяковъ, Германъ, Бетаки; ген.-маіоры: Ляневичъ, Гольмдорфъ, Маккавѣевъ, Онопріенко, Каверскій; д. с. с. Пановъ; тайный сов. Семеновскій; ген.-лейтенанты: Петровъ, Гавриловъ, академикъ Дубровянкъ. 1854 г.—д. с. с. Штрикъ; ген.-маіоры: Онопріенко, Головинъ. 1853 г.—полковника: Полторацкій, Болтинъ. 1852 г. — шт.-кап. Пороховщиковъ; ген.-лейтенанты Манькинъ-Неструевъ, Величко. 1851 г. — полк. Ритчеръ; д. с. с. Шемякинъ; ген.-лейтен. Свиньянъ. 1846 г. — ген.-лейт. Давыдовъ. 1847 г. — ротмистръ Лось-Рошковскій; д. ст. с. Путята; ген.-лейт. Черняевъ. 1846 г.—ст. сов. Милошевичъ. 1845 г.—кап. Шлейферъ, ген.-м. Ибрагимовъ. 1844 г.—полковн. Явленскій; ген.-м. Шелгуновъ; тайн. сов. Гартманъ. 1842 г.—ген.-лейт. Власовъ. 1841 г. — ген.-м. Кононовичъ; тайный совѣтникъ Писаревскій. 1829 г.—ген.-лейт. Щелковъ.

ПОРУЧИКЪ АЛЕКСАНДРЪ НЕЕЛОВЪ

убить 8-го сентября 1854 г. на Альмѣ.

Съ 1844 по 1845 годъ фельдфебелемъ гренадерской роты Полоцкаго кадетскаго корпуса состоялъ родной братъ мой Александръ Леонасьевъ Неёловъ, памятный тѣмъ въ особенности, что во время нахождения насъ, кадетъ, въ лагерѣ, во время вечерней молитвы по недоумѣнію и вспыльчивости пріѣхавшаго тогда для ревизіи Якова Ивановича Ростовцева,—былъ имъ разжалованъ, но чрезъ три дня, по ходатайству тогдашняго директора корпуса, Фёдора Максимовича Ореуса, былъ восстановленъ въ своемъ званіи.

Въ Дворянскомъ полку, куда въ 1845 г. братъ мой былъ переведенъ въ спеціальныя классы (при извѣстномъ директорѣ Пущинѣ), брату не повезло и онъ былъ выпущенъ оттуда въ 1847 г. только прапорщикомъ Могилевскаго пѣхотнаго полка (7-й дивизіи 3-го корпуса).

Въ полку братъ мой былъ на лучшемъ счету, какъ дѣятельный офицеръ и рыцарски честный и благородный. Но горька была судьба его—онъ былъ обреченъ смерти. Такъ, въ двухъ неважныхъ сраженіяхъ при Вайценѣ и Дебречинѣ въ Венгерскую кампанію, когда въ полку былъ только одинъ офицеръ раненъ,—сюртукъ и каска брата были прострѣлены; въ первомъ дѣлѣ на Дунаѣ, при взятіи Тульчинскихъ укрѣпленій, онъ былъ раненъ, а въ слѣдующемъ для него сраженіи на рѣкѣ Альмѣ—убить и трупъ его не найденъ, такъ что два года онъ считался безъ вѣсти пропавшимъ.

Онъ былъ выдававшимся по храбрости офицеромъ; при взятіи Тульчинскихъ укрѣпленій, онъ самъ вызвался участвовать въ дѣлѣ, такъ какъ состоялъ тогда жалонернымъ офицеромъ при штабѣ полка, но долженъ былъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, на которое былъ назначенъ только одинъ батальонъ подъ командою подполковника Амантова.

Рана брата была серьезна: пробита пулею нижняя челюсть и онъ сопричисленъ по ранѣ ко 2-му разряду.

Пока братъ лечился отъ раны въ Измаильскомъ военномъ госпиталѣ, военныя дѣйствія въ Дунайской арміи пріостановились и братъ, для дальнѣйшаго леченія, былъ отосланъ въ Крымъ, въ Сакскую грязелечебницу.

Тогда я служилъ засѣдателемъ отъ дворянства въ таврической гражданской палатѣ, а нашъ дядя, Грязновъ, воспитывавшій насъ до опредѣленія насъ въ кадетскій корпусъ—предсѣдателемъ уголовной палаты. По пріѣздѣ брата къ намъ, мы захотѣли уже не развѣжаться, жить вмѣстѣ, имѣли въ виду выхлопотать для брата мѣсто городничаго въ одномъ изъ городовъ Крыма, на что братъ, по степени раны, имѣлъ полное право. Но въ это время союзники высадились въ Крымъ...

Братъ имѣлъ тогда только чинъ поручика; захотѣлось ему заслужить слѣдующій чинъ, да и его беззаветная храбрость, долгъ предъ государемъ и отечествомъ заставляли его дѣйствовать; почему, не смотря на то, что рана его еще не зажила, такъ что онъ имѣлъ черную повязку на лицѣ, что онъ принадлежалъ къ Крымской арміи, имѣвшей вмѣсто касокъ бѣлыя фуражки, а Дунайская армія была въ каскахъ, и несмотря на наши просьбы остаться, онъ поѣхалъ къ князю Меншикову и исходатайствовалъ у него распоряженіе о принятіи его въ Крымскую армію. 8-го сентября, А. Нееловъ, бывъ прикомандированъ къ Суздальскому пѣхотному полку, самъ вызвался командовать цѣлюю застрѣльщиковаго этого полка въ начинавшемся уже сраженіи на рѣкѣ Альмѣ. Сраженіе, какъ извѣстно, было проиграно: не отъ трусости нашихъ войскъ, а отъ несоразмѣрности силъ, лучшаго вооруженія и тактики непріятелей и боковаго, вдоль нашей арміи, огня ихъ кораблей.

Удаль брата, горячо ободрившаго солдатъ, не могла имѣть послѣдствій для отступавшихъ: его высокой ростъ, каска на головѣ, черная повязка на лицѣ были хорошею цѣлюю для непріятелей и штуцерная пуля въ лобъ—сразила брата... Наши отступили, оставивъ на мѣстѣ сраженія и убитыхъ и раненыхъ своихъ, и трупъ брата не найденъ. Можетъ быть, его трупъ унесенъ въ море, такъ какъ находился на сухомъ руслѣ Альмы, затопляемомъ во время сильныхъ дождей, а 10-го сентября былъ проливной дождь въ истокахъ Альмы.

Все это удостовѣрили Суздальскаго полка поручики Рутковскій и Сидоренко и юнкеръ Степуринъ, давшіе о томъ показанія симферопольскому коменданту. Эти лица были ранены и находились на излѣченіи въ симферопольскомъ военномъ госпиталѣ.

Долго и томительно хлопотали я и дядя нашъ Грязновъ о

розысканіи Александра Неелова, и только въ маѣ 1856 года помощникъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, генераль Путята, нынѣ покойный, извѣстилъ Грязнова о признаніи моего брата, А. Неелова, произведеннаго послѣ смерти въ штабсъ-капитана, убитымъ.

Но подвиги моего брата и вашего, г. редакторъ „Русской Старины“, совоспитанника, неизвѣстны, имя А. Неелова доселѣ не начертано на мраморныхъ доскахъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка, и не къ нему относится гимнъ „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“:

Братья! Всѣ въ одно моленье
 Души русскія сольемъ:
 Нынѣ день поминовенья
 Памнимъ въ полѣ боевомъ, и пр.

Ежегодно читаемая мною въ „Русской Старинѣ“ описанія товарищескихъ сходокъ — питомцевъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній, въ день основанія полка, 14-го марта, дало мнѣ, старику, мысль, чрезъ посредство всѣми уважаемой „Русской Старины“, просить о внесеніи имени моего брата на мраморныя доски, на которыхъ начертаны имена павшихъ въ бою или умершихъ отъ ранъ бывшихъ воспитанниковъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка, въ обоихъ этихъ заведеніяхъ, т. е. въ означенномъ корпусѣ и во II-мъ Константиновскомъ военномъ училищѣ

Все вышеизложенное о моемъ братѣ поручикѣ Александрѣ Нееловѣ—подтверждается имѣющимися у меня и вами, г. редакторъ, видѣнными документами: 1) копіею медицинскаго свидѣтельства о ранѣ брата; копіями писемъ покойнаго дяди Грязнова: 2) къ князю Меншикову и 3) къ генераль-адъютанту Ростовцеву; 4) письмами къ Грязнову помощника начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генерала Путяты, отъ 14-го декабря 1855 года за № 8224, и 5) отъ 16-го мая 1856 года за № 4361 и 6) выпискою изъ приказа генераль-адъютанта князя Меншикова, отъ 17-го февраля 1855 г. за № 62-мъ. Равнымъ образомъ все написанное можетъ подтвердиться справками въ архивахъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, Измаильскаго и Симферопольскаго военныхъ госпиталей, Суздальскаго пѣхотнаго полка, штаба арміи князя Меншикова и Симферопольскаго коменданта.

Алексѣй Нееловъ,

коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ, бывший воспитанникъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка.

Отъ Комитета общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.

Съ ранней весны во многихъ мѣстностяхъ Россіи начинается переселенческое движеніе. Факты послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что изъ года-въ-годъ возрастаютъ размѣры движенія и число нуждающихся переселенцевъ. За прошлый годъ только черезъ Тюмень прошло болѣе 36.000 душъ. Большинство изъ нихъ находилось въ крайней нуждѣ. Самая малая, по своей временная помощь этимъ людямъ имѣетъ большое значеніе.

Посему Комитетъ общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что дѣйствительные члены общества вносятъ въ кассу его десять рублей ежегодно, а пожизненные — сто пятьдесятъ рублей одновременно. Денежныя и вещевыя пожертвованія, также всѣ заявленія комитету направляются въ канцелярію общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. С.-Петербургъ, Невскій 65. Личныя заявленія комитету принимаются тамъ же, въ канцеляріи общества, по пятницамъ, отъ 2 до 3¼ часовъ дня. Казначей, К. М. Сибиряковъ, принимаетъ по дѣламъ общества у себя на квартирѣ (С.-Петербургъ, Сергіевская, 67) по вторникамъ и субботамъ отъ 12 до 1 часа дня. Должностными лицами комитета состоятъ: предсѣдателемъ—В. А. Ратьковъ-Рожновъ, товарищемъ предсѣдателя—Н. М. Капустинъ, казначеемъ—К. М. Сибиряковъ и секретаремъ—А. А. Пороховщиковъ.

М а р т е н п р е .

Въ „Русской Старинѣ“, мартъ 1891 г., стр. 587, въ Запискахъ Н. В. Верга начальникъ штаба названъ Мартентре, читай Мартенпре.

сельскаго хозяйства. — Марш по распростра-
тельному народнаго сельскохозяйственнаго
образованія. — Периодическія и другія
сдѣлкія общества. — Марш по распростра-
ненію самоуправленія. — Музея и библио-
тека. — Охотничья форма.

Въ спискѣ лицъ, получившихъ за вы-
слугу во отношеніи къ наукѣ, въ группѣ
по волеизъявленію вѣдомств и статистики,
въ послѣдніе 25 лѣтъ, большіе золотыя
знаки, имъ чествуемъ слѣдующія имена:
В. Н. Латкина и М. К. Ондорова
(1865 г.), В. П. Безобразова (1871 г.),
А. В. Чернышевъ (1881 г.), докторъ русской
исторіи В. И. Семевскій (1890 г.).

Генералъ-майоръ Левъ Львовичъ
Кирничевъ, † 1890 г., 17-го ноября.
Индля Павелъ Потоцкій (штатсъ-
капитанъ лейбъ-гвардіи 1-й арт. бри-
гад.), Сиб., 1891 г., 8 д., стр. 40. Съ двумя
чретами А. Л. Кирничева.

Чрская брошюра — составленная съ
любовью и заботливостью. Пор-
третъ — изображеніе въ гробу Кирничева
очень хороша.

Мы знали отца Льва Львовича Кирни-
чева — сына, — нашего земляка по Велико-
лукскому уѣзду. Мы у него бывали работ-
ничь въ 1848 году и живо помнимъ этого
привѣтливаго, въ высокой степени обра-
зованнаго человека — отличнаго математика.
Помнимъ то чарующее впечатлѣніе, какое
произвели онъ и все его прекрасная семья
на насъ въ ихъ патриархальномъ домикѣ.
У достойныхъ родителей вышло прекрас-
ная дѣти. Въ лицѣ Л. Л. Кирничева, какъ
нельзя говорить и совершенно справедливо
его биографъ, сошелъ изъ могилы «дорогой
и любезный учитель большинства лучшей
части кадра офицеровъ русской артил-
леріи». Въ самыя дѣти, это была человѣкъ
высшаго научнаго образованія, необходимо-
тельно начтательный и высокаго нравствен-
наго качества. Онъ пользовался «полювъ
калужскимъ уваженіемъ и любовью со
стороны своихъ слушателей и «при твер-
дой, незамысловатой и открытой харак-
терѣ, при невозможности в честиности
убѣжденіи» заслужилъ глубокое довѣріе
и уваженіе со стороны высшаго воен-
наго начальства. «Любовь его къ своему
дѣлу и стремленія къ пользамъ дорогой
ему русской артиллеріи» равнялись въ
ношу имъ обширнымъ научнымъ знаніямъ.

Л. Л. Кирничевъ родился въ 1810 г., воспи-
тывался въ Полоцкомъ и Константинов-
скомъ вадетскихъ корпусахъ и довершилъ
образованіе въ Михайловской артиллерій-
ской академіи; по окончаніи въ ней курса,
онъ послѣдовательно прошелъ всѣ стадіи
педагога при этихъ-же заводскихъ, отъ
должности репетитора до профессора ака-
деміи; въ этомъ продолженіи знаній онъ
вспомогательно оконченъ, еще накануне смерти
прочитавъ въ общинахъ университетскихъ
доцентуръ. Ему принадлежатъ нѣсколько научныхъ
трудовъ, каковы: «Начала механики»,
«Начала баллистики», «Начала артилле-
рии» — этотъ послѣдній трудъ онъ не успѣлъ
приготовить къ печати. Въ повременныхъ
русскихъ военныхъ журналахъ помѣщенъ
ряда его статей, относящихся до военной
исторіи — вадѣйшей эпохи, или до пред-
метовъ, въ область его специальности вхо-
дящихъ.

Очеркъ жизни Кирничева въ названномъ
брошюрѣ сопровождается перепечаткомъ
красивой статьи покойнаго Льва Льво-
вича по поводу воспоминаній г. Рубца о
штурмѣ Малахова кургана.

В. П. Авенаріусъ. Три вѣнца.
Романъ изъ временъ порваго Са-
мовлаица. Въ трехъ частяхъ. Сиб.,
1891 г., и. 8 д., стр. 537. Цѣна 1 р. 60 к.

Этотъ романъ первоначально печатался
въ «Внжельскъ Недѣль» (1890 г.) и уже
появленіе его при оной немъ лучшимъ на-
шимъ ежедневныхъ газетъ служить
руководительствомъ за его литературнаго до-
стоинства. Г. Авенаріусъ, кандидатъ с.-пе-
тербургскаго университета (амн. 1861 г.),
началъ литературную дѣятельность въ
«Отечественныхъ Запискахъ» въ 1865 г.
хорошо повѣстью «Скромная адел-
ла». Затѣмъ романы и повѣсти его по-
являлись въ «Вѣстникъ Европы», въ
«Русское Вѣстникъ», въ «Недѣль» и
въ «Живописномъ Обзорѣнн», но глав-
нѣйшимъ образомъ онъ составляетъ свою
литературную дѣятельность подростав-
шему повозанію, сотрудничая въ журна-
лахъ для дѣтей. Его книги «Огровескіе го-
ди» и «Идишскіе годы Пушкина», а также
«Книга Валинъ» и «Дѣтскія сказанія» поль-
зуются большимъ успѣхомъ. Названнаго
выше романа прежде акого прочтется съ
большимъ любовитствомъ и, скажемъ, съ
пользованіемъ, мношествомъ обоего пола.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДВѢДЦАТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 80, у Полтавскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИВЕРЛЯНГА (бывшій Мелье и К°).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Мокшова, д. Коха), Н. Н. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсаиова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглобина.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подольскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Истинскія и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и притчи. — VII. Телодѣтства, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VIII. Народная словесность. — VIII. Родостоянія.

Можно получить съ товарищескимъ расчетомъ слѣдующія номера журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (80 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (69 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (36 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (16 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (74 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (66 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (72 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (93 экз.) съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВ. ИВ. ДИБИЧЪ - ЗАБАЛКАНСКІЙ

въ его воспоминаніяхъ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тивенгаузеномъ ¹⁾.

Пріѣздъ фельдмаршала въ Сатуново и въ Тирасполь. — Прибытіе туда графа Воронцова, графа Витта, генераловъ Клейнмихела и Микулина. — Образъ жизни фельдмаршала въ Тирасполѣ и занятія его. — Описаніе нѣкоторыхъ подробностей характера графа Дибича.

Мая 3-го фельдмаршалъ Дибичъ прибылъ въ Сатуново, гдѣ строго подвергнулся всѣмъ правиламъ карантина. На другое утро поѣхали мы по дорогѣ къ Тирасполю. Во время поѣздки фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „ему донесено было, что графъ Воронцовъ, по полученіи отъ фельдмаршала письма и просьбы о сокращеніи моего карантина, отправилъ нарочнаго курьера въ Петербургъ съ донесеніемъ объ этомъ случаѣ и съ такими съ его стороны замѣчаніями, что неминуемо должно было послѣдовать упомянутое высочайшее повелѣніе. Этотъ поступокъ мнѣ неприятенъ только въ томъ вниманіи, что я нѣсколько дней безъ нужды лишился удовольствія видѣть тебя въ Бургасѣ“.

Мы въ короткое время доѣхали до крѣпости Тирасполя, хотя графъ, страдая опухолью въ ногахъ, всегда ночевалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., томъ LXIX, мартъ, стр. 511—536; томъ LXX, апрѣль, стр. 46—70.

въ одной изъ деревень, лежащихъ по дорогѣ. Внутренность крѣпости раздѣлена была на двѣ половины, такъ что часть эспланады, церковь, госпиталь и казематы, занятые преступниками, находились на одной сторонѣ и по отдѣляющему ее канатомъ направленію поставлена была цѣпь часовыхъ, съ тѣмъ, чтобы свита фельдмаршала не могла имѣть никакого сообщенія съ нею. На другой-же половинѣ находились три бастіона крѣпости съ ихъ куртинами для помѣщенія фельдмаршала; они обращены были къ городу и Днѣстру, представляя, смотря изъ крѣпости, прелестную картину. Весна разсыпала передъ нами съ роскошью всѣ богатства природы тамошняго края, и когда графъ, при лунномъ свѣтѣ, прохаживался со мною по валу этихъ трехъ бастіоновъ, внимательно прислушиваясь къ пѣнію множества соловьевъ, порхающихъ изъ куста въ кустъ, то не далеко отъ гласиса онъ погрузился въ печальную задумчивость и всѣ раны изъязвленнаго потерю супруги сердца его вновь раскрылись.

При вступленіи нашемъ въ крѣпость фельдмаршала встрѣтили у назначеннаго дома плацъ-маіоръ и почетный караулъ. Мы туда пріѣхали довольно поздно вечеромъ. Множество часовыхъ, разставленныхъ около графскаго дома, ему не понравилось, ибо ему казалось, что онъ окруженъ ими какъ заточенный. — „Кто вамъ далъ повелѣніе, спросилъ онъ съ живостью и съ недовольнымъ видомъ плацъ-маіора, — обставить меня такъ тѣсно часовыми?“ Тотъ, смѣшавшись отъ такого вопроса, отвѣчалъ, что графъ Воронцовъ приказалъ ему такъ распорядиться. — „Быть не можетъ, возразилъ фельдмаршалъ, — ибо графъ Воронцовъ слишкомъ благоразуменъ и не могъ предполагать, чтобы рука и штыкъ русскаго солдата дерзнули-бы воспрепятствовать своему фельдмаршалу идти куда онъ пожелаетъ“. Въ сильномъ волненіи графъ приказалъ разослать всѣхъ часовыхъ, исключая тѣхъ, которые по отдѣляющей крѣпость кордонной линіи находились въ цѣпи. — „Я полагаю, прибавилъ графъ, — что никто не подумаетъ, чтобы я чрезъ валъ крѣпости хотѣлъ удалиться, а внутри ея, по назначенному мнѣ для карантина пространству, я, кажется, имѣю право ходить куда мнѣ вздумается“.

Недостатокъ вниманія къ особѣ его со стороны военнаго и гражданскаго вѣдомствъ при встрѣчѣ, весьма посредственная мебель въ квартирѣ его, упомянутое распоряженіе о часовыхъ

непріятно коснулось раздраженныхъ болѣзненнымъ положеніемъ чувствъ графа; онъ сдѣлался молчаливымъ, жаловался, что чувствуетъ себя нездоровымъ, и ранѣ обыкновеннаго простился со мною.

На другой день принялъ онъ графа Воронцова, который въ парадной формѣ явился у канатнаго барьера, куда вынесли два стула, одинъ изъ госпиталя для графа Воронцова, другой изъ квартиры фельдмаршальской. Канатная линія раздѣляла ихъ. Я стоялъ на дворѣ, у дверей графской квартиры, и не могъ слышать ихъ разговора, который сначала фельдмаршалъ велъ громкимъ и встревоженнымъ голосомъ, а графъ Воронцовъ тихо и весьма вѣжливо. Фельдмаршалъ подозвалъ меня и представилъ графу, какъ близкаго своего родственника и какъ друга, раздѣлявшаго съ нимъ въ Бургасѣ дни скорби и смутенія. Мы дозволили быть свидѣтелемъ ихъ весьма интересной бесѣды, продолжавшейся около часа. Графъ Воронцовъ уѣхалъ и вслѣдъ затѣмъ прибыли изъ Одессы къ фельдмаршалу для посѣщенія его: графъ Виттъ, а потомъ генералы Клейнмихель и Микулинъ. Съ послѣдними онъ разговаривалъ долго.

На одномъ бастіонѣ крѣпости, мимо котораго тянулась дорога изъ Бендеръ въ Тирасполь, фельдмаршалъ приказалъ раскинуть походную свою малую палатку. Тамъ онъ обыкновенно пилъ чай и оставался до тѣхъ поръ, пока его отзывали къ ужину, по окончаніи котораго мы до полуночи оставались вмѣстѣ. Мѣсто лейбъ-медика Шлегеля занималъ у графа докторъ Задлеръ. Черезъ нѣсколько дней прибыли также въ карантинъ находившіеся при канцеляріи его полковники Сотниковъ и Зуровъ и адъютанты графскіе князь Голицынъ и Баратынскій, которые составляли ежедневное наше общество за обѣденнымъ столомъ. Изъ Одессы прислалъ графъ Воронцовъ въ подарокъ фельдмаршалу вина и съѣстные припасы. Двухнедѣльный карантинъ прошелъ незамѣтно.

Образъ жизни фельдмаршала былъ подобенъ бургасскому; служебныхъ занятій у него было менѣе, но проводилъ день въ чтеніи книгъ и много писалъ. Въ какомъ порядкѣ слѣдовали разговоры его со мною, я уже не припомню теперь, и многіе предметы его бесѣды со мною исчезли изъ памяти моей, потому что я не велъ журнала, не полагая, что когда-либо могъ-бы

такимъ пользоваться. Графъ былъ однимъ годомъ моложе меня, слѣдовательно, по обыкновенному порядку вещей, онъ могъ пережить меня.

Разказы его были изліаніемъ радушнаго его характера, расположеннаго къ сообщенію своихъ мнѣній, опытовъ и случившихся съ нимъ происшествій. Оказанная мнѣ при этомъ довѣренность казалась мнѣ потребностью его дружескаго ко мнѣ расположенія; онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить меня за долговременное лишеніе меня своего общества, или желалъ посвященіемъ меня въ тайны жизни и сердца своего выразить признательность свою за всѣ доказательства моей дружбы къ нему. Безъ побужденія съ моей стороны онъ ежедневно въ разговорѣ со мною касался до новыхъ предметовъ, относившихся обыкновенно къ новому его отечеству Россіи, къ разнымъ особамъ и событіямъ его жизни. Онъ выражался при этомъ безъ видимаго выбора словъ, языкомъ изящнымъ, заключавшимъ въ себѣ болѣе риторики, чѣмъ онъ полагалъ. Все низкое и безнравственное въ словахъ, въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ людей ему было противно; онъ считалъ это принадлежностью порока. Характеръ его былъ вспыльчивъ, легко воспламенявшійся, какъ скоро полагалъ встрѣтить лесть, незаконности, хитрости и подлости, но въ самомъ пылу гнѣва своего, при изъявленіи крайняго своего неудовольствія, онъ не употреблялъ выраженій обидныхъ для чести, всегда человеколюбіе одерживало верхъ въ скромномъ сердцѣ его, расположенномъ къ жалости; когда онъ полагалъ, что заносчивость, мнительность, незаслуженная недовѣрчивость или несправедливое уразумѣніе обстоятельствъ и случаевъ побуждали его къ строгимъ выговорамъ, оскорбившимъ безвинно того, кому они были сдѣланы, тогда онъ всѣми средствами старался загладить свою ошибку и доставить обиженному возмездіе. Въ такихъ случаяхъ онъ считалъ даже долгомъ своимъ быть нѣсколько разъ снисходительнымъ къ ошибкамъ, сдѣланнымъ впоследствии тѣмъ, котораго онъ однажды безъ причины огорчилъ. Это прекрасное качество характера употребляли иногда во зло люди, знавшіе такую черту его сердца, нарочно подавая ему поводъ къ вспыльчивости и раздраженію, съ тѣмъ, чтобы послѣ того пользоваться его снисхожденіемъ на счетъ ихъ просьбъ. Онъ зналъ эту слабость своего характера и часто сожа-

дѣлъ, что онъ не въ состояніи укрощать порывы своей вспыльчивости.

Сужденіе фельдмаршала Дибича о графѣ Аракчеевѣ.

Сужденіе его о графѣ Аракчеевѣ, сдѣланное случайно предметомъ разговора, было слѣдующее:

— „Это рѣдкое и необычайное явленіе нашего времени можно было-бы назвать великимъ мужемъ, ежели поступки его были-бы всегда столь-же справедливы и безкорытны, какъ та вѣрность, съ которою онъ твердо исполнялъ волю и намѣренія своего государя. Было время, когда онъ занималъ мѣсто перваго государственнаго министра, не будучи облеченъ этимъ названіемъ, и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего монарха,—подъ щитомъ котораго онъ пренебрегалъ ненавистью дворянства, народа и царедворцевъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, онъ обладалъ рѣдкою дѣятельностью, проворливостью и навыкомъ управлять всѣми отраслями государственнаго устройства и необыкновенною твердостью души въ достиженіи предназначенной себѣ цѣли; но онъ часто нарушалъ справедливость произволомъ предоставленной ему власти изъ пристрастнаго озлобленія или нерасположенія къ особамъ, которыя наряду съ нимъ занимали мѣста въ государственномъ управленіи, ведя съ ними тайную и явную борьбу. Ближайшія и скорѣйшія средства къ достиженію своихъ цѣлей были для него предпочтительнѣе всѣхъ другихъ, не смотря на то, что они часто сопряжены были съ жестокостью и даже съ незаконностью. Во многихъ отношеніяхъ онъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ мужей въ царствованіе покойнаго государя, который въ немъ находилъ точнѣйшаго исполнителя своихъ порученій; онъ никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не находилъ непреоборимыхъ имъ затрудненій исполнять волю его величества. Съ холоднымъ сердцемъ и безжалостною скрытною душою, чуждый дружбы и любви, удаленный отъ всѣхъ сношеній общезитія, онъ довольствовался единственно царскою довѣренностію и хотя его снѣдало себялюбіе, онъ старался необыкновенностью своихъ поступковъ на поприщѣ честолюбца поражать своихъ современниковъ и доказать справедливость девиза своего: „безъ лести преданъ“. Потому онъ отка-

звался отъ всѣхъ отличій и наградъ монаршихъ, подъ предлогомъ, что щедроты и награды, полученные отъ государя императора Павла I, превосходятъ всю возможность заслужить ихъ въ продолженіе цѣлой жизни. Преполненный строптивостію и всѣми страстями, пылающими въ груди временщика, онъ въ глазахъ свѣта старался скрыть кичливыя чувства, порабощавшія его, но не могъ скрыть, что онъ наслаждался запрещенными плодами страстей и могущества. Въ искусствѣ познавать людей, которыхъ онъ вообще презиралъ, онъ достигъ совершенства; въ искусствѣ управлять ими и свѣтомъ ставилъ онъ выше себя только одного Наполеона, хотя онъ его ненавидѣлъ, какъ врага своего отечества. Хладнокровный, строгій и непоколебимый въ исполненіи опредѣленныхъ имъ наказаній, которыя обыкновенно превосходили степень сдѣланныхъ ошибокъ и преступленій, онъ часто былъ жестокъ и несправедливъ. Занятія письменныя и безпрестанная дѣятельность составляли стихію его существованія и ничто въ свѣтѣ не могло его убѣдить покинуть предпріятіе, признанное имъ однажды необходимымъ. Непримиримыи въ ненависти и мщеніи, малодушный въ злополучіи, постигшемъ его одинъ разъ въ жизни, по случаю потери одной особы, къ которой его привязали время и привычка, въ немъ достоинство человѣка стояло гораздо ниже, чѣмъ качества государственнаго савовника. Однако, время и обстоятельства заставили его пережить періодъ величія своего; по моему убѣжденію, онъ государству своему былъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ“.

О фельдмаршалахъ графахъ Сакенѣ и Витгенштейнѣ.

Разговоръ перешелъ на фельдмаршаловъ Сакена и Витгенштейна. Графъ упомянулъ и о нихъ: „и на нихъ старость лѣтъ производить неотъемлемое право. Доблестные полководцы, которыхъ я душевно почитаю, какъ вслѣдствіе важныхъ заслугъ, оказанныхъ ими отечеству на поприщѣ военномъ, такъ и по рѣдкимъ качествамъ и добродѣтелямъ, отличавшимъ ихъ во всякое время, могутъ служить примѣромъ честности и справедливости“.

О генералахъ Гейсмарѣ, Киселевѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ.

Графъ воснулъ до талантовъ и преимуществъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ, назвавъ имена Гейсмара, Киселева и князя Горчакова, бывшего своего адъютанта: „военныя способности Гейсмара обнаружились уже давно въ прежнихъ кампаніяхъ, въ которыхъ онъ отличился отважными предпріятіями. Соединяя прагматическую опытность съ теоретическими познаніями, онъ подаетъ надежду, что онъ всегда на полѣ чести отличится подвигами достохвальными. Одно мнѣ въ немъ не нравится—онъ неохотно подчиняется власти начальника, предпочитая дѣйствовать независимо, единственно по назначенію главнокомандующаго.

Генераль Киселевъ, которому онъ былъ подчиненъ въ концѣ турецкой кампаніи, навѣрное подтвердитъ мое замѣчаніе. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ сравниться съ Гейсмаромъ; но въ князѣ Горчаковѣ, бывшемъ моемъ адъютантѣ, я предвижу будущаго полководца русской арміи и совершенно убѣжденъ въ рѣдкихъ его талантахъ и способностяхъ, въ хладнокровной его храбрости и рѣдкомъ знаніи военныхъ подвиговъ древнихъ и новѣйшихъ временъ“.

Объ инженерномъ вѣдомствѣ и генералѣ Оперманѣ.—Сужденія фельдмаршала о коллегіальномъ и министерствомъ управленіи дѣлъ государственныхъ.

— „Инженерная часть у насъ хотя и хороша, заключая въ себѣ множество прекрасно образованныхъ по этой части штабъ-и оберъ-офицеровъ, но между генералами я нѣкотораго не знаю, который могъ-бы занять мѣсто Опермана. Непостижимо для меня, что онъ до сихъ поръ не приготовилъ для себя наследника, потому что, какъ государственный человѣкъ, каковое достоинство у него оспаривать нельзя, долгъ требовалъ-бы, чтобы онъ достойнѣйшаго изъ генераловъ подвинулъ-бы впередъ, отличая его преимущественнымъ довѣріемъ. Такое правило необходимо было бы завести для блага государства по всѣмъ отраслямъ управленія. Въ этомъ отношеніи я предпочитаю коллегіальную систему теперешней, министерской, потому что при

первой системѣ въ числѣ членовъ коллегіи всегда находилось нѣсколько особъ, которыя участвовали съ давняго времени въ производствѣ дѣлъ и, обогатившись опытностью, могли замѣнять предсѣдателя, въ случаѣ его болѣзни и смерти. Сверхъ того, большинство голосовъ удерживало самовластіе въ тѣсныхъ предѣлахъ законности, чего нѣтъ при министерскомъ управленіи, гдѣ иногда министръ считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по собственнымъ своимъ, часто даже ошибочнымъ, заключеніямъ. И хотя теперь учрежденіе совѣтовъ и особенныхъ комитетовъ нѣсколько ограничиваетъ произволъ министровъ, но, находясь подъ вліяніемъ ихъ власти, предполагаемая цѣль совѣта не достигается. По моему убѣжденію, коллегіальная система управленія имѣетъ значительныя преимущества въ большихъ державахъ. Здѣсь можно сдѣлать только одно возраженіе—это медленность въ производствѣ дѣлъ, но этотъ недостатокъ можно устранить исправленнымъ порядкомъ писмоводства. Важнѣе всего строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и уничтоженіемъ всякаго произвола, клонящагося къ ложному толкованію смысла законовъ. При министерской системѣ управленія безпрестанно перемѣняются формы самаго управленія и писмоводства. Новый министръ, вступая въ должность предшественника своего, обыкновенно не только не одобряетъ прежнихъ распоряженій, но часто даже порицаетъ ихъ и введеніемъ разныхъ перемѣнъ въ формальности прежняго порядка затрудняетъ чиновниковъ. Въ коллегіяхъ же при смѣнѣ предсѣдателя все оставалось въ прежнемъ порядкѣ и перемѣна президента едва становилась замѣтною“.

Сужденія фельдмаршала о графѣ Бенкендорфѣ и генералѣ - адъютантѣ Адлербергѣ.

При подобныхъ разговорахъ фельдмаршалъ упоминалъ о генералахъ и первыхъ сановникахъ государства, окружающихъ престолъ и особу государя императора. Въ числѣ первыхъ онъ назвалъ графа Бенкендорфа и генералъ-адъютанта (Влад. Фед.) Адлерберга. „По моему убѣжденію, они одни во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ всегда готовы пожертвовать самую жизнь для своего монарха. — Я имѣю случай — продолжалъ

графъ—слѣдитъ внимательно за всѣми ихъ поступками и, находясь съ ними, по дѣламъ службы, въ разныхъ сношеніяхъ, я удостоившись совершенно, что выборъ государя, довѣріе, которое онъ питаетъ къ нимъ, и кругъ дѣйствія, указанный каждому изъ нихъ, оправдываются въ полной мѣрѣ неограниченною преданностью, постояннымъ усердіемъ и примѣрною дѣятельностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Должность графа Бенкендорфа требуетъ необыкновенной осторожности, потому что малѣйшая ошибка въ его мѣрахъ влечетъ за собою вредныя послѣдствія; но правила величайшей справедливости, чувство челоуколюбія и участіе въ страданіяхъ невинныхъ уравновѣшиваются въ немъ чрезвычайною заботливостію объ особѣ своего государя, личною привязанностію и любовью къ нему и отчетливымъ соблюденіемъ справедливости. Положеніе генерала Адлерберга, сколько я могъ замѣтить, не менѣе затруднительно. Будучи осмыпанъ благодѣяніями своего монарха, онъ пользуется наравнѣ съ графомъ Бенкендорфомъ полнымъ довѣріемъ Его Величества. При всемъ томъ Адлербергъ сохранилъ скромность и любезность юности своей, удаляется отъ всякаго вышпательства въ дѣла, не порученныя ему государемъ, употребляя вліяніе свое единственно на испрошеніе милостей другимъ, на защищеніе невинности, когда она къ нему обращается, заботясь притомъ, чтобы содѣйствіе его въ оказанныхъ государемъ благодѣяніяхъ оставалось сокрытымъ отъ всѣхъ“.

О графахъ Орловѣ и Паленѣ.

— „Ежели принужденность, стѣсняющая жизнь государственнаго челоука и отдаляющая его отъ общественной жизни, не лишали-бы и меня возможности предаваться въ обхожденіи съ людьми связямъ дружбы, то графъ Бенкендорфъ и генералъ Адлербергъ находились-бы въ числѣ тѣхъ, которыхъ я бы предпочелъ многимъ. Графъ Орловъ и графъ Паленъ заслуживаютъ также быть въ непосредственной близости къ особѣ императора. Перваго изъ нихъ считаю я своимъ другомъ, равно и графа Чернышева. Графъ Орловъ во время бытности своей въ Адрианополѣ многими доказательствами пріязни ко мнѣ подтвердилъ мнѣніе мое о немъ, онъ-же старался тогда разувѣрить меня

въ непріязненномъ расположеніи ко мнѣ генерала Загревскаго, который прежде этого никогда не скрывалъ своей ненависти ко мнѣ, хотя я съ своей стороны вовсе не подавалъ повода къ тому; но я полагаю, что назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ произвело въ немъ совершенную перемѣну, потому что онъ, какъ графъ Орловъ меня увѣрялъ, узналъ о моемъ содѣйствіи къ этому назначенію“.

О князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ.

— „Князь Петръ Михайловичъ Волконскій занимаетъ также свое мѣсто при государѣ съ полною преданностью къ престолу. Смерть въ Бозѣ почивающаго государя въ Таганрогѣ дала мнѣ случай удостовѣриться въ этой истинѣ. Никого изъ окружающихъ тогда покойнаго государя не поразила смерть усопшаго царя такъ глубоко, какъ князя Волконскаго. Я видѣлъ глубокую скорбь его, участіе и болѣзненное душевное страданіе о нашей ужасной потерѣ. Такое согласіе во взаимныхъ чувствахъ скорби и преданности къ нашему государю-благодѣтелю сблизило насъ опять, ибо князь до того времени не могъ, кажется, забыть, что я нѣкогда былъ его подчиненнымъ, а впоследствии занялъ у покойнаго государя занимаемую имъ должность начальника главнаго его штаба. Теперь-же я полагаю, что онъ опять отъ меня удалился, съ тѣхъ поръ, когда благоволеніе и милость царствующаго монарха вручили мнѣ фельдмаршальскій жезлъ и достоинство полководца; впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ, по званію министра двора, въ полной мѣрѣ оправдываетъ ожиданія государя, и почти излишнею экономіею сберегаетъ интересъ короны съ рѣдкою заботливостію; онъ не избѣгаетъ ни трудовъ, ни напряженія безпрестанной дѣятельности, чтобы только удостоятся благовоительнаго взора своего государя, и я убѣжденъ, что онъ готовъ принести всякую жертву для того, чтобы вѣрность и привязанность къ особѣ царской подтвердить на самомъ дѣлѣ. Изъ этого источнича проистекало, вѣроятно, также предложеніе его подѣ Варною, сдѣланное его императорскому величеству“.

Графъ сообщилъ мнѣ это обстоятельство, но вмѣстѣ съ тѣмъ

просилъ меня содержать сообщенное въ тайнѣ, что я донинѣ и исполнилъ.—„Исполненіе этого предложенія превосходило его силы, но я уважалъ такое доказательство усердія и доброй воли и до конца жизни моей всегда буду его почитать, какъ бывшаго моего начальника, оказывавшаго мнѣ тогда всегдашнее свое расположеніе“.

О вельможахъ, окружающихъ государя императора.

— „Графъ Кочубей, графъ Ѳедоръ Паленъ (бывшій также въ Адрианополѣ при заключеніи мира съ турками), князь Александръ Голицынъ, графъ Нессельроде, Сперанскій, графъ Канкринъ, старики—Мордвиновъ, Шишковъ, Энгель—составляютъ съ тѣми особами, о которыхъ я съ тобою уже говорилъ, твердыя основы престола нашего любимаго государя. Это государственные сановники, одаренные всѣми достоинствами ума и превосходнаго образованія, любовью къ отечеству, правосудіемъ и величественною преданностію къ Монарху“.

Сообщеніе любопытныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ дарованіе полусабли, врученной Его Величествомъ фельдмаршалу.

Однажды утромъ, я, вошедши къ фельдмаршалу, засталъ его за навязываніемъ темляка къ рукояткѣ полусабли. Это подало мнѣ поводъ напомнить ему обѣщаніе сообщить мнѣ подробныя обстоятельства объ этомъ подаркѣ государя императора.

— „Эта полусабля“—сказалъ онъ мнѣ—„составляетъ драгоценнѣйшее сокровище моего имущества, она мнѣ дороже бриллиантоваго украшенія ордена св. Андрея; дороже самаго фельдмаршальскаго жезла“ — продолжалъ графъ въ чувствительномъ раздраженіи, вспоминая обстоятельство, при которомъ онъ получилъ эту полусаблю изъ рукъ царскихъ. „Государь подарилъ мнѣ эту полусаблю въ Петербургѣ, когда онъ удостоилъ меня счастья совѣщаться съ нимъ на счетъ назначенія его величествомъ новаго главнокомандующаго арміею, расположенною противъ турокъ на зимнихъ квартирахъ, потому что графъ Витгенштейнъ, по разстроенному здоровью своему, просилъ объ

увольненіи отъ дальнѣйшаго командованія этою арміею. Государь, упоминая при этомъ о многихъ генералахъ, которыхъ онъ считалъ способными занять такое назначеніе, при каждомъ изъ нихъ дѣлалъ разныя замѣчанія и возраженія, которыя вносились къ тому, что ни одинъ изъ нихъ не соответствуетъ тѣмъ ожиданіямъ и надеждамъ, которыя должны быть сопряжены съ такимъ важнымъ выборомъ, и потому его величество долго не рѣшался назначить одного изъ нихъ. Настало мгновенное молчаніе; но вдругъ засіялъ взоръ монарха огнемъ благоволенія; съ величественнымъ и неизъяснимымъ взглядомъ довѣрчивости и умиленія государь обратился ко мнѣ, сказавъ: „Я отыскалъ еще одного, который, какъ я надѣюсь, оправдаетъ всѣ мои ожиданія, если я назначу его полководцемъ моимъ. Это ты, Иванъ Ивановичъ“. И въ ту-же минуту государь, снявъ съ бедра своего эту полусаблю, передалъ мнѣ ее и продолжалъ: „Прими этотъ мечъ, который я носилъ со дня восшествія на престолъ; прими его знакомъ моего довѣрія къ тебѣ и къ твоимъ способностямъ по званію главнокомандующаго; вмѣстѣ съ сими оружіемъ передаю тебѣ команду надъ моею арміею—для пораженія турокъ“. — Послѣ непродолжительнаго молчанія графъ продолжалъ: „Будучи тронутъ неожиданностію такого событія, тронутъ милостію и довѣренностію моего монарха, я въ то-же время былъ одушевленъ необыкновеннымъ предчувствіемъ, что мнѣ удастся оправдать надежды его величества. Слезы преданности и усердія навернулись на глазахъ моихъ. Я отвѣчалъ государю то, что восторженность сердца влила въ уста мои. Я почиталъ святымъ долгомъ внутренняго моего убѣжденія и моей благодарности къ монарху съ благоговѣніемъ принять сдѣланный его величествомъ выборъ. Милосердый Богъ, котораго милость и благословеніе я въ тотъ важный моментъ моей жизни призывалъ на помощь, услышалъ мольбу мою, давъ мнѣ возможность исполнить порученіе государя моего. Полусабля эта до гроба останется святынею моею, порукою твердаго довѣрія ко мнѣ моего монарха,—довѣрія, оправданнаго мною при помощи Провидѣнія, довѣрія самодержца, который всѣ важныя предпріятія жизни и всѣ свои поступки, какъ человѣкъ, основываетъ на вѣрѣ и полномъ упованіи на помощь Всевышняго“.

Отъѣздъ фельдмаршала изъ Тирасполя въ Новый Миргородъ. — Щедрость и состраданіе фельдмаршала къ бѣднымъ. — Описание нѣкоторыхъ особенностей, привычекъ и способностей фельдмаршала.

Двухнедѣльный срокъ нашего карантина кончился; фельдмаршалъ получилъ чрезъ фельдъегеря повелѣніе пріѣхать въ Миргородъ, чтобы тамъ дожидаться пріѣзда государя. Въ день освобожденія нашего отъ узъ карантинныхъ фельдмаршалъ посѣтилъ въ крѣпости церковь, арсеналъ и госпиталь. Присутствовалъ у вечера, мы простились съ нашими палатками, съ нашими тремя бастионами, съ нашими ночными прогулками при свѣтѣ полнаго мѣсяца, съ нашими соловьями и прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Наканунѣ нашего отъѣзда одна бѣдная женщина, мужъ которой находился въ казематѣ крѣпости, за воровство, бросилась съ тремя малолѣтними дѣтьми къ ногамъ графа. Тронутый жалостью къ несчастной, графъ отдалъ ей всѣ деньги, бывшія у него въ карманѣ, навѣрное нѣсколько сотъ рублей, и узнавъ отъ плацъ-маіора, что эта женщина весьма хорошаго поведенія и находится въ совершенной нищетѣ, графъ назначилъ ей 100 р. пенсія до выпуска мужа на свободу. Въ подобныхъ случаяхъ графъ никогда не считалъ и не хотѣлъ знать числа денегъ, жертвуемыхъ имъ по чувству жалости къ несчастнымъ. Вообще деньги не имѣли для него почти никакой цѣнности; расходамъ своимъ онъ не вѣлъ никакого разсчета. Значительныя суммы записывались въ приходъ и въ расходъ полковникомъ Сотниковымъ. Щедрость его готова была всегда помогать бѣднымъ и страждущимъ, которые къ нему обращались съ просьбами, и онъ часто признавался въ недостаткѣ всѣхъ способностей быть хорошимъ министромъ финансовъ. Потребности жизни его были чрезвычайно умѣренны; ему совершенно равнодушны были всѣ гастрономическія ухищренія стола; онъ пилъ всякое вино и насыщался всякимъ кушаньемъ безъ разбора; одѣвался просто безъ всякой роскоши или нѣги. Густые его волосы росли безъ всякой прически, до тѣхъ поръ, пока они его не беспокоили — тогда ихъ вновь коротко подстригали. Косметическихъ средствъ онъ при туалетѣ своемъ не употреблялъ, но наблюдалъ чрезвычайную чистоту около своего тѣла. Часто онъ самъ смѣялся

надъ своимъ кокетствомъ, примѣчая, что у него были и весьма бѣлыя руки, украшенныя многими кольцами, двумя перстнями съ портретами въ Божѣ почивающаго государя Александра и благополучно царствующаго императора Николая. Кромѣ нихъ онъ носилъ еще на пальцахъ нѣсколько колецъ, которыя онъ получилъ отъ особъ, драгоцѣнныхъ его сердцу, кольцо въ память отца и матери своей, обручальное кольцо супруги и три кольца отъ сестеръ своихъ. На письменномъ его столѣ все, казалось, было разбросано въ беспорядкѣ. Карманныя книги, разной величины и разныхъ формъ, подаренныя ему родственниками; кошельки съ деньгами и безъ денегъ, нѣсколько часовъ, телескопы, термометры, бумаги, планы, нѣсколько склянокъ одеколона, употребляемаго имъ въ случаѣ головной боли, которою онъ часто при полнокровіи своемъ страдалъ, рукописи, ассигнаціи, серебро и золото, математическіе инструменты, портреты царской фамиліи и нѣкоторыхъ родственниковъ,—все сіе лежало, какъ случилось, безъ всякаго разбора или порядка. Но вѣрная его память не признавала этого хаоса беспорядкомъ. Онъ зналъ, на какомъ мѣстѣ лежала каждая вещь, бумага или книга, и во время болѣзни его въ Петербургѣ, когда онъ принужденъ былъ нѣсколько дней оставаться въ постели въ спальнѣ своей, онъ часто поручалъ мнѣ приносить ему съ письменнаго его стола разные предметы, указывая мнѣ весьма точно мѣсто, на которомъ я ихъ долженъ найти. Но всѣ его дѣла и бумаги должностныя или относившіяся къ государственной службѣ были разложены на другомъ столѣ въ чрезвычайномъ порядкѣ въ оберткахъ, на которыхъ собственною его рукою написано было содержаніе cadaго дѣла или каждой бумаги. Бумаги, собственноручно имъ писанныя, въ особенности тѣ, которыя заключали въ себѣ нѣкоторую важность, писаны были въ сокращенныхъ словахъ, не понятныхъ никому другому; чрезвычайная его память преодолѣвала, однако, всѣ затрудненія въ разборѣ этихъ іероглифовъ даже въ такихъ бумагахъ, которыя онъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ работалъ съ удивительною легкостью на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, которые всѣ три зналъ грамматически. На французскомъ языкѣ онъ въ особенности выражался какъ словесно, такъ и письменно съ изящнымъ совершенствомъ, а также и по-русски онъ писалъ пре-

восходнымъ слогомъ, что доказываютъ, между прочимъ, воззваніе его къ польскимъ мятежникамъ и приказъ къ вѣренной ему противъ нихъ арміи, которые имъ писаны были въ Петербургѣ и удостоились одобренія его величества. При докладѣ поступившихъ къ нему на разсмотрѣніе дѣлъ, онъ тотчасъ диктовалъ или писалъ свои резолюціи; ежели-же содержаніе ихъ заключало въ себѣ важность, онъ ихъ откладывалъ на сторону, чтобы ихъ еще разъ прочесть и потомъ уже дать свое рѣшеніе. По званію начальника штаба и фельдмаршаломъ онъ съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ нѣсколько разъ бумаги по военно-суднымъ дѣламъ, потому что отъ его мнѣнія зависѣла участь подсудимыхъ и онъ, для избѣжанія упрековъ совѣсти, ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ нарушать строгой законности, будучи, однако-же, всегда болѣе расположенъ къ уменьшенію наказанія, нежели къ строгости. Благотворительность стала ему потребностью жизни, и скромныя доказательства привязанности, дружбы и любви имѣли у него болѣе цѣнности, чѣмъ громкіе и наружные знаки почтенія и раболѣпства. Чуждый всякаго суевѣрія, онъ съ непоколебимою твердостью полагался на опредѣленную ему Богомъ судьбу. На этой увѣренности основывалась его личная храбрость въ сраженіяхъ и мужество во всѣхъ опасностяхъ, которыми онъ пренебрегалъ какъ подъ дождемъ пуль и ядеръ, такъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ жизни. Въ сраженіяхъ подъ Люденомъ, Бауценомъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ и въ Бонди подъ Парижемъ, находясь въ непосредственной близости его, я удивлялся его хладнокровію. Подъ Бауценомъ, гдѣ подъ нимъ лошадь его убита была ядромъ и онъ самъ получилъ легкую контузію въ колѣно, я кинулся къ нему, чтобы его поднять, и спросилъ его не раненъ-ли онъ? Графъ вмѣсто отвѣта сказалъ: „сдѣлай мнѣ дружбу, доставь мнѣ другую лошадь“. Въ сраженіи подъ Бонди предъ Парижемъ адъютантъ его сорвантъ былъ съ лошади ядромъ непріятельскимъ воалѣ графа Дибича, который тотчасъ всталъ на самое то мѣсто, гдѣ адъютантъ его былъ убитъ. Я подѣхалъ къ нему и обратилъ его вниманіе на это обстоятельство. Поблагодаривъ за мое участіе, онъ сказалъ, улыбаясь: „два ядра никогда не падаютъ въ одно и то-же мѣсто“. Во время переѣзда нашего изъ Сатунова въ Тирасполь, когда по степямъ Бесса-

рабѣн, на косогорахъ, колысая иногда совершенно склонялась на одну сторону, угрожая перекинуться, графъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы отклонить перевѣсъ на другую сторону, и когда я, однажды, сдѣлалъ ему по сему случаю мое замѣчаніе, онъ отвѣчалъ: къ чему оно поможетъ? Я передаю себя моему предназначенію, противъ котораго человекъ, это слабое твореніе природы, тщетно противоборствуетъ". Даже въ отношеніи къ собственному своему здоровью графъ соблюдалъ одинаковое правило; онъ мало вѣрилъ искусству медиковъ, хотя весьма уважалъ искусство хирурговъ, и, пренебрегая опасностью холеры и чумы, онъ полагалъ, что и въ этихъ болѣзняхъ боязнь содѣлаться ихъ жертвою увеличиваетъ опасность, но, впрочемъ, безъ воли Провидѣнія ни одинъ волосъ съ головы нашей упасть не можетъ. Подвергаться строгой діетѣ ему было несносно и хотя онъ исполнялъ требованія медика, но единственно потому, что не считалъ себя въ правѣ ослушаться, полагая, что жизнь его принадлежитъ болѣе государю и отечеству, нежели ему самому; но съ большимъ трудомъ удалось мнѣ увѣрить его, что питье чая по 4 и по 5 стакановъ въ вечеръ ему вредно.

Воспоминаніе о неблагопріятныхъ слухахъ, распущенныхъ на счетъ графа Дибича.

При этомъ случаѣ не могу оставить безъ вниманія обстоятельство, которое угрожаетъ въ потомствѣ запятнать славу достойнаго мужа, который въ исторіи Россіи сдѣлался бессмертнымъ памятникомъ преданности и любви къ своему монарху, славу ревностнаго исполнителя своихъ обязанностей, не заслужившаго, чтобы добродѣтели его были затемнены какимъ-нибудь упрекомъ противъ нравственности его. По окончаніи послѣдней войны съ турками, въ которой переходъ черезъ Балканы доставилъ ему, по милости государя императора, бессмертное наименованіе Забалканскаго, завистники и клеветники славы его распустили въ обѣихъ столицахъ имперіи слухъ, будто-бы фельдмаршалъ преданъ лишнему употребленію горячихъ напитковъ, но когда онъ возвратился въ С.-Петербургъ и отличенъ будучи вновь царскою довѣренностію назначеніемъ главнокомандующимъ противъ польскихъ мятежниковъ, тогда слухи эти сдѣлались

общимъ предметомъ разговоровъ въ городѣ, до такой степени, что стали извѣстны низшему классу жителей. Обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, которые имѣли случай находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ этимъ великимъ героемъ, великимъ и по качествамъ чистѣйшей нравственности, и ко всѣмъ тѣмъ, которые ежедневно въ продолженіе многихъ лѣтъ находились около фельдмаршала, и призываю ихъ въ свидѣтели того, что это слухи были выдуманы и распространены съ самымъ злѣйшимъ намѣреніемъ: обезславить память его. Каждого изъ этихъ клеветниковъ вызываю я представить неопровержимыя доказательства, которыя могли-бы подтвердить истину словъ ихъ. Упрекомъ этимъ ненависть и зависть пытались очернить чистѣйшую нравственность мужа, который съ ужасомъ говорилъ о порокахъ невоздержности, ведя такую скромную и умѣренную жизнь, что его можно было выставить примѣромъ, достойнымъ подражанія. Въ теченіе 25 лѣтъ я часто и довольно долго находился въ его ежедневномъ обществѣ и никогда не находилъ малѣйшаго повода къ такому невыгодному о немъ сужденію; я считалъ-бы излишнимъ и ниже достоинства моихъ чувствъ и его памяти коснуться здѣсь до такого презрѣннаго предмета, ежели подобные слухи и теперь еще не пытались-бы покрывать поношеніемъ могилу такого рѣдкаго мужа, доблестнаго и для будущихъ вѣковъ.

Пріѣздъ фельдмаршала въ Новый Миргородъ. — Пріѣздъ туда турецкаго посланника Галиль-наши изъ Петербурга. — Пріѣздъ туда графа П. А. Толстаго и свиданіе его съ графомъ И. И. Дибичемъ.

Пріѣхавъ въ Миргородъ, гдѣ графу Дибичу-Забалканскому отвѣдена была квартира въ домѣ полковника Лахмана, командира уланскаго полка, расположеннаго въ Елисаветградѣ по случаю сбора кавалеріи военнаго поселенія, чтобы имѣть счастье представиться на смотръ его императорскому величеству, графъ узналъ, что день прибытія туда государя императора еще не былъ извѣстенъ, и съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ мгновеніе, въ которое онъ полагалъ имѣть случай доложить его императорскому величеству все то, что фельдмаршалъ поручалъ мнѣ изустно передать въ Варшавѣ государю. Въ тотъ-же день прибылъ въ Миргородъ бывший въ Петербургѣ посланникъ

рабин, на косогорахъ, коляска иногда совершенно склонялась на одну сторону, угрожая перевернуться, графъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы отклонить перевѣсъ на другую сторону, и когда я, однажды, сдѣлалъ ему по сему случаю мое замѣчаніе, онъ отвѣчалъ: къ чему оно поможетъ? Я передаю себя моему назначенію, противъ котораго человекъ, это слабое твореніе природы, тщетно противоборствуетъ". Даже въ отношеніи къ собственному своему здоровью графъ соблюдалъ одинаковое правило; онъ мало вѣрилъ искусству медиковъ, хотя весьма уважалъ искусство хирурговъ, и, пренебрегая опасностью холеры и чумы, онъ полагалъ, что и въ этихъ болѣзняхъ боязнь содѣлаться ихъ жертвою увеличиваетъ опасность, но, впрочемъ, безъ воли Провидѣнія ни одинъ волосъ съ головы нашей упасть не можетъ. Подвергаться строгой діетѣ ему было несносно и хотя онъ исполнялъ требованія медика, но единственно потому, что не считалъ себя въ правѣ ослушаться, полагая, что жизнь его принадлежитъ болѣе государю и отечеству, нежели ему самому; но съ большимъ трудомъ удалось мнѣ увѣрить его, что питье чая по 4 и по 5 ставановъ въ вечеръ ему вредно.

Воспоминаніе о неблагопріятныхъ слухахъ, распущенныхъ на счетъ графа Дибича.

При этомъ случаѣ не могу оставить безъ вниманія обстоятельство, которое угрожаетъ въ потомствѣ запятнать славу достойнаго мужа, который въ исторіи Россіи сдѣлался бессмертнымъ памятникомъ преданности и любви къ своему монарху, славу ревностнаго исполнителя своихъ обязанностей, не заслужившаго, чтобы добродѣтели его были затемнены какою-нибудь упрекомъ противъ нравственности его. По окончаніи послѣдней войны съ турками, въ которой переходъ черезъ Балканы дѣлалъ ему, по милости государя императора, бессмертное имя вѣданіе Забалканскаго, завистники и клеветники славы пустили въ обѣихъ столицахъ имперіи слухъ, маршалъ предался лишнему употребленію вина, но когда онъ возвратился въ С.-Петербургъ, вновь царскою довѣренностію назначенъ противъ польскихъ партизановъ, т.с.

общимъ предметомъ разговоровъ въ кругу. Вѣроятно, что стали извѣстны низшему классу общества всѣмъ тѣмъ, которые имѣли случай знакомства и сношеній съ этимъ великимъ героемъ, и въ ихъ устахъ ствамъ чистѣйшей нравственности. И въ этомъ отношеніи ежедневно въ продолженіе многихъ лѣтъ въ высшемъ фельдмаршала, и призываю ихъ въ общество. Эти слухи были выдуманы и распространены въ обществѣ намереніемъ: обезславить память героя, и вызвать нареканья, которыя могли-бы подтвердить истинность этихъ слуховъ. Этимъ ненависть и зависть пытались возбудить въ общественности мужа, который съ удивительною воздержности, ведя такую скромную жизнь, его можно было выставить примеромъ. Въ теченіе 25 лѣтъ я часто и ежедневно въ обществѣ и нѣкогда въ такомъ невыгодному о немъ сужденіи, и ниже достоинства моего званія здѣсь до такого презрѣннаго, и теперь еще не пытались-бы такого рѣдкаго мужа, доблестнаго.

Пріѣздъ фельдмаршала въ Новгородъ посланника Галиль-паша изъ Константинополя, стало и свиданіе.

Пріѣхавъ въ Миргородъ отведена была квартира для дивизіи уланскаго полка. Въ случаю сбора кавалеріи представиться на смотре.

Узнавъ, что день пріѣзда...

б
б
б
й
го
а.
и
и
ко
б,
и
го
и
(-
б.
о,
на
въ
изъ
осу-
ихъ
пять,

Оттоманской порты Галиль-паша, который, явившись къ фельдмаршалу, былъ принять имъ весьма ласково. На другой день вечеромъ ожидали также начальника всѣхъ военныхъ поселеній графа Толстаго, бывшаго прежде по службѣ старше графа Дибича, который въ уваженіе дружескихъ между ними отношеній, въ знакъ признательности и почтенія, хотѣлъ его предупредить посѣщеніемъ на его квартирѣ. Для этого и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія, но графъ Толстой, вѣроятно, предвидѣлъ или ожидалъ эту вѣжливость со стороны графа Ивана Ивановича и пріѣхалъ прямо (не заѣзжая къ себѣ) къ фельдмаршалу. Свиданіе ихъ было, повидимому, весьма искренно и дружелюбно. На другой день всѣ генералы и вельможи, бывшіе въ Миргородѣ, отправились въ Елисаветградъ для встрѣчи тамъ монарха; одинъ фельдмаршалъ остался въ явномъ нетерпѣніи получить назначеніе, гдѣ и когда ему представится его императорскому величеству. Въ 11 часовъ вечера прибылъ ожидаемый фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что его величеству благоугодно было, чтобы графъ на послѣдней почтовой станціи передъ Елисаветградомъ дожидался прибытія туда государя императора. Мы тотчасъ отправились въ дорогу и прибыли въ назначенное мѣсто въ два часа пополудни. Графъ въ парадномъ мундирѣ, украшенный всѣми орденами, полученными имъ отъ щедротъ двухъ государей Россіи, держа рапортъ о состояніи ввѣренной ему арміи, завернулся въ свой плащъ и легъ на покрытую ковромъ соломѣ передъ дверьми бивачной хижины, попросивъ меня разбудить его тотчасъ по прибытіи казака, посланнаго на вторую станцію.

Отъѣздъ фельдмаршала на послѣднюю почтовую станцію передъ Елисаветградомъ, чтобы тамъ дожидаться пріѣзда его величества.—Прибытіе государя и милостивая встрѣча, оказанная графу Дибичу.

Ночь была довольно холодная, множество цвѣтовъ и свѣжая, только что скошенная, трава были разсыпаны на площадѣ передъ хижиною станціи. Первые лучи утренней зари раскрашивали восточный край яснаго и безоблачнаго небосклона. Графъ спалъ вѣрнымъ сномъ, но весьма недолго, потому что вскорѣ казакъ на покрытомъ пѣною конѣ прискакалъ съ извѣ-

стіемъ, что государь ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Все вокругъ насъ встрепенулось, и съ радостною торопливостью вывели приготовленныхъ въ упряжи прекрасныхъ лошадей. Графъ, пробужденный шумомъ, всталъ и вышелъ на дорогу съ яснымъ лицомъ; зоркій глазъ его искалъ въ степи предметъ своего нетерпѣливаго ожиданія. „Видишь ты“—сказалъ онъ мнѣ—„вихремъ поднятый пыльный столбъ, съ нимъ приближается государь нашъ“, и, пробѣгая глазами приготовленный рапортъ, прохаживался медленными шагами. Пыльное облако мчалось ближе и ближе, и среди него мы уже могли распознавать царскую коляску, которую четверка лошадей несла съ быстротою соколинаго полета; застегнутый фартукъ упалъ и высокій величественный станъ нашего государя поднялся изъ экипажа. Коляска остановилась, государь, со словами: „Иванъ Ивановичъ!“ выпрыгнулъ изъ коляски и, не принявъ рапорта отъ графа, прижалъ его къ своей царской груди. Я, стоявъ въ почтительномъ разстояніи, ничего не могъ слышать, какъ его величество привѣтствовалъ графа. Вдругъ послышался мнѣ опять голосъ государя: „Арсентій“ (имя придворнаго лакея, служившаго у графа)—„сюртукъ графу!“ Фельдмаршалъ удалился, чтобы исполнить милостивое дозволеніе своего государя, который, подошедъ ко мнѣ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и прибавилъ: „Бенкендорфъ сядетъ къ тебѣ, а графъ поѣдетъ со мной“. Въ одно мгновеніе новыя лошади были запряжены и опять вихремъ помчались наши экипажи по дорогѣ къ Елисаветграду. Графъ Бенкендорфъ во-время дороги разспрашивалъ меня съ видимымъ участіемъ на счетъ фельдмаршала.

Прибытіе въ Елисаветградъ.—Новое назначеніе, полученное фельдмаршаломъ.

По истеченіи прошествія полутора часа, раздался звонъ колоколовъ Елисаветграда и громкое ура его жителей доказывало, что мы подъѣхали ко дворцу. Для графа Дибича приготовлена была квартира въ домѣ графа Витта, гдѣ я и расположился въ ожиданіи Ивана Ивановича. Тутъ возвратился графъ Виттъ изъ дворца и сообщилъ мнѣ съ радостнымъ восторгомъ, что государь, принявъ отъ начальниковъ войскъ рапорты, отдалъ ихъ фельдмаршалу, приказавъ ему всемилостивѣйше вступить опять,

какъ прежде, въ должность начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Графъ Виттъ, казалось, былъ весьма обрадованъ этимъ назначеніемъ, и, дѣйствительно, фельдмаршалъ полагалъ, что онъ принадлежитъ къ числу преданныхъ ему друзей. Но зная изъ словъ графа Дибича, что онъ хотѣлъ на первое время, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пользоваться отпускомъ за границу, я удивился внезапной переимѣнѣ вступленія его вновь въ должность начальника штаба. Графъ Виттъ продолжалъ, что его величество изволилъ повелѣть фельдмаршалу занять во дворцѣ комнаты, назначенныя для помѣщенія графа Бенвендорфа, почему послѣдній переѣдетъ къ нему въ домъ. Въ это время явился ко мнѣ фельдгегеръ, который подтвердилъ слова графа Витта, и я тотчасъ отправился во дворецъ къ графу Дибичу-Забалканскому, котораго засталъ при занятіи бумагами за письменнымъ столомъ. Когда я сообщилъ ему переданное мнѣ извѣстіе, онъ мнѣ сказалъ: „То, что тебѣ передалъ графъ Виттъ, заключаетъ наполовину истину. На первый случай я останусь здѣсь, но о новомъ назначеніи моемъ въ прежнюю должность еще ничего не рѣшено, и ежели тебя спросятъ на счетъ этого предмета, то и ты отзовись неопредѣленно“. Между тѣмъ, во все время пребыванія Его Императорскаго Величества въ Елисаветградѣ всѣ дѣла служебныя передавались для исполненія графу Ивану Ивановичу; онъ занимался ими почти цѣлый день, такъ что я рѣдко имѣлъ случай его видѣть, а еще меньше говорить съ нимъ. Я удостоился счастья во все это время быть приглашеннымъ къ обѣдамъ за царскимъ столомъ, гдѣ государь, увидавъ меня въ первый день, въ нѣсколькихъ словахъ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе за то, что я пріѣздомъ моимъ въ Бургасъ участвовалъ къ успокоенію и къ утѣшенію фельдмаршала.

Его Императорское Величество пробылъ въ Елисаветградѣ около трехъ сутокъ. Благопріятная, чистая и теплая погода способствовала производству смотра и маневровъ поселенной кавалеріи къ совершенному удовольствію монарха.

Отъѣздъ фельдмаршала въ Кіевъ.—Пріѣздъ его туда и посѣщеніе графа Сакена.—Проектъ указа, доставленнаго фельдмаршалу отъ графа Кочубея.—Отъѣздъ мой въ С.-Петербургъ.—Письма, полученныя мною отъ фельдмаршала.

Государь отправился, безъ сопровожденія фельдмаршала, въ нѣкоторыя мѣста военнаго поселенія кавалеріи для осмотра собранныхъ тамъ войскъ. Графъ отправился въ тотъ-же день со мною въ Кіевъ, куда Его Величество намѣревался также вскорѣ прибыть. По пріѣздѣ нашемъ въ Кіевъ графъ Иванъ Ивановичъ тотчасъ отправился къ фельдмаршалу графу Сакену, взявъ меня съ собою, чтобы представить меня его сіятельству, какъ близкаго своего родственника. На другой день прибылъ въ Кіевъ Его Императорское Величество. Въ этотъ-же день фельдгегеръ привезъ на имя графа Ивана Ивановича конвертъ отъ графа Кочубея изъ Петербурга. Конвертъ этотъ содержалъ въ себѣ программу печатнаго указа, въ которомъ изложены были благодѣтельные намѣренія Государя Императора преобразовать повинности и отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и произвести нѣкоторыя другія перемены по службѣ гражданскихъ чиновниковъ. Фельдмаршалъ далъ мнѣ прочесть эту программу, обязавъ меня сохранить содержаніе ея въ тайнѣ, что я донынѣ свято исполнялъ. Мысли графа о содержаніи программы обнаруживали совершенное его согласіе и увѣренность, что благонамѣренные виды правительства проистекаютъ изъ чистѣйшаго источника: благодѣтельной воли Государя Императора; но графъ полагалъ, что время въ исполненію этихъ предположеній еще не настало, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ большою пользою для правительства и для благосостоянія подданныхъ могли-бы безъ отлагательства быть приведены въ дѣйствіе. И здѣсь, въ Кіевѣ, я рѣдко видѣлся съ графомъ, потому что онъ почти безотлучно находился при государѣ. Черезъ три дня я на нѣсколько мѣсяцевъ разлучился съ графомъ: меня отправили въ Петербургъ, а онъ поѣхалъ черезъ Варшаву, въ прусскую Силезію, для свиданія съ своими родственниками. Онъ тамъ оставался недолго и, не побывавъ въ Берлинѣ, возвратился черезъ нѣсколько недѣль въ Тульчинъ, гдѣ находилась бывшая его главная квартира. Во время его пребыванія въ чужихъ краяхъ я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, которыя,

по оригинальности содержанія, заслуживаютъ быть здѣсь упомянутыми.

Изъ Варшавы, отъ 19-го іюня 1830 года:

„Прости, любезный, что я только въ нѣсколькихъ строкахъ могу изъявить тебѣ благодарность мою какъ за два письма твои, такъ и за дружеское твое предложеніе касательно службы твоей на будущее время; я очень признателенъ тебѣ за твою братскую любовь и добрую волю, но мои обстоятельства, кажется, принимаютъ другой видъ, впрочемъ, мы обо всемъ поговоримъ лично. Я полагаю, что до возвращенія въ Петербургъ я пробуду въ Кіевѣ и Тульчинѣ не болѣе какъ до 20 или 25 іюля, послѣ чего надѣюсь еще одинъ мѣсяцъ отдохнуть безъ занятій. Здѣсь въ Варшавѣ все кончилось благополучно, и радостно видѣть, какъ всѣ привязаны къ государю“. — „На вѣки остаюсь“. —

Изъ Тульчина, отъ 17-го іюля:

„13-го сего мѣсяца я благополучно прибылъ сюда и надѣюсь 29-го числа вечеромъ быть на станціи Городецъ, близъ Луги. Прошу тебя пріѣхать туда ко мнѣ на встрѣчу, чтобы намъ вмѣстѣ доѣхать до Царскаго села. Впрочемъ, до того времени я еще напишу тебѣ нѣсколько строкъ, которыя извѣстятъ тебя о времени прибытія моего въ Городецъ, откуда заѣдемъ на нѣсколько часовъ къ сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ, а затѣмъ въ Царское село. Хотѣлось-бы мнѣ оттуда заѣхать на Волково кладбище, чтобы тамъ отдать послѣдній долгъ у гроба жены моей. Потрудись узнать, назначена-ли мнѣ квартира въ Зимнемъ дворцѣ. Князь Волконскій полагалъ помѣстить меня въ комнаты, которыя прежде занималъ принцъ Виртембергскій; но старайся освѣдомиться объ этомъ съ большою скромностію; обратись къ Селявину, ежели князя Волконскаго нѣтъ въ столицѣ. Если-же по этому предмету не сдѣлано распоряженіе, то я остановлюсь въ гостиницѣ Лондонъ. Прошу тебя не говорить никому о всемъ томъ, что я тебѣ здѣсь написалъ“.

Изъ Тульчина, отъ 21-го іюля 1830 г. Выписка. „Весьма желаю, чтобы меня по пріѣздѣ въ Петербургъ приняли безъ всякой пышности или отличія. Намѣревалась первое время провести въ кругу родственниковъ и старыхъ испытанныхъ мною друзей, я объ этомъ пишу сегодня графу Чернышеву. Постарайся побывать у его сіятельства и, ежели возможно, съ нимъ пере-

говорить, на счетъ изъявленнаго ему мною желанія, чтобы потомъ все слышанное передать мнѣ, когда съ тобою увижусь“.

Прибытіе графа Дябича изъ Тульчина въ С.-Петербургъ.—Аудиенція у его величества.—Сообщеніе государемъ фельдмаршалу новаго назначенія по службѣ.

Графъ Иванъ Ивановичъ, пробывъ сутки въ кругу моего семейства на дачѣ, недалеко отъ города Луги, возвратился въ Петербургъ 30-го іюля, въ тотъ самый вечеръ, въ который его императорское величество намѣренъ былъ отправиться въ Финляндію. Государь дозволилъ графу тотчасъ представиться и графъ сообщилъ мнѣ, что аудиенція его продолжалась довольно долго, что государь принялъ его весьма благосклонно и милостиво, прибавивъ: „благодарность и любовь къ монарху налагаютъ на меня святую обязанность принять опять бремя прежней моей службы при его величествѣ, бремя тяжкое при разстроенномъ моемъ здоровьѣ и приближающейся старости, но я охотно и радостно принесу любимому мною монарху эту жертву самоотверженія“.

Квартира графу, по повелѣнію государя, назначена была въ Шепелевскомъ дворцѣ. Передъ уходомъ моимъ фельдмаршалъ рассказалъ мнѣ, что онъ на другой день обязанъ вступить въ новую свою должность, назначенную государемъ, но что сопряженныя съ симъ вступленіемъ обстоятельства его нѣсколько затрудняютъ, потому что занятіе новой должности касается до особы, которую онъ привыкъ уважать и любить какъ друга ¹⁾.

—„Я предвижу“—говорилъ онъ—„что даже при соблюденіи крайней скромности и дружелюбномъ уваженіи предметникъ мой будетъ огорченъ, а вслѣдствіе этого прежняя наша пріязненная связь ослабнетъ. Но воля государя требуетъ отъ меня и эту жертву; единственно воля монарха избрала меня на новую должность, я ея не искалъ и исполняю лишь то, что мнѣ, какъ повелѣніе, всегда было священно“.

¹⁾ Графъ А. И. Чернышевъ.

Извѣстіе, полученное изъ Парижа, о народномъ восстаніи и о перемѣнѣ тамошняго правительства.—Разсужденія фельдмаршала о послѣдствіяхъ сего событія.—Вліяніе онаго на новое назначеніе графа Дивича.

На другое утро въ пять часовъ графъ потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня съ лицомъ, выражавшимъ заботу и задумчивость. „Меня ночью разбудилъ графъ Ливень“—сказалъ онъ мнѣ—„изъ Парижа получены депеши съ извѣстіемъ, что тамъ вспыхнула народная революція, кончившаяся, послѣ кровопролитнаго побоища между жителями и войскомъ, тѣмъ, что король Карлъ X сложилъ корону и правленіе. Я предвижу, что это неожиданное событіе, которое я, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсказывалъ, повлечетъ за собою самыя важныя послѣдствія. Общая европейская война почти неизбежна. По моему мнѣнію, для Россіи необходимо безъ потери времени подвинуть сильную армію въ Польшу, чтобы съ достоинствомъ своего величія быть готовою на все, налагая притомъ оковы на всѣ крамольныя предпріятія какъ тамъ, такъ и въ Рейнскихъ провинціяхъ. Приготовившись къ бою, мы въ большихъ массахъ должны сосредоточивать наши арміи на крайнихъ границахъ Запада. Извѣстіе о происшествіи въ Парижѣ остановило на первый случай мое намѣреніе, которое я тебѣ сообщилъ вчера, давъ ему другое направленіе, въ томъ предположеніи, что государь, можетъ быть, употребитъ меня на военномъ поприщѣ опять полководцемъ. Вслѣдствіе такого предположенія, я до возвращенія государя останусь въ бездѣйствіи, тѣмъ болѣе, что я полагаю этимъ самымъ заслужить благоволеніе его величества, сохраняя ему вельможу, который въ занимаемомъ имъ мѣстѣ усердно исполнялъ обязанности свои“. Фельдмаршалъ желалъ, чтобы я эти сообщенія сохранилъ-бы въ тайнѣ. „Вѣроятно“—продолжалъ онъ—„его величество для рѣшенія вопроса о предлагаемыхъ мною мѣрахъ соберетъ особенный совѣтъ, но я опасаясь найти тамъ многихъ противниковъ моимъ мнѣніямъ, преимущественно графа Канкринна, который, какъ министръ финансовъ, дорожитъ денежными расходами государства, но не менѣе того положеніе дѣлъ въ Европѣ, по моему мнѣнію, требуетъ этихъ жертвъ, ибо духъ времени и раздраженность народовъ мнѣ извѣстны, почему самая предосторожность повелѣваетъ приступить къ исполненію предполагаемыхъ мною мѣръ“.

Занятія графа Дибича до возвращенія государя изъ Финляндіи.—Аудиенція у его величества на Елагиномъ острову.

До приѣзда государя императора изъ Финляндіи графъ занимался постоянно разборомъ бумагъ и, окруженный планами различныхъ государствъ, обрабатывалъ военныя операціонныя предположенія до глубокой ночи.

3-го августа по утру, когда я приѣхалъ къ нему, мнѣ сказали, что онъ приглашенъ былъ на Елагинъ островъ къ государю, возвратившемуся ночью изъ своей поѣздки. Черезъ нѣсколько часовъ графъ вернулся оттуда и сказалъ мнѣ:

—„Я уже нашелъ государя за занятіями въ своемъ кабинетѣ, выслушивавшимъ докладъ одного изъ своихъ государственныхъ первостепенныхъ сановниковъ (графъ назвалъ его)¹⁾. Его величество удостоилъ меня благосклоннаго приѣма и когда вельможа, считая нужнымъ окончить докладъ, закрылъ начатую читать бумагу, его величество изволилъ сказать: „Полагаете-ли вы, что у меня предъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ какая-нибудь тайна? Извольте продолжать“. — Вскорѣ докладъ кончился, и когда я съ государемъ остался наединѣ и изложилъ его величеству причину, по которой до его приѣзда не вступилъ въ назначенную мнѣ новую должность, его величество одобрилъ мою предусмотрительность. Касательно парижскихъ событій и ихъ вѣроятныхъ послѣдствій онъ во многихъ частяхъ изволилъ со мною согласиться и столь-же милостиво выслушалъ со вниманіемъ мои предположенія о необходимости предварительныхъ военныхъ диспозицій. Въ дипломатической-же прозорливости и предусмотрительности переворотовъ, могущихъ послѣдовать въ Европѣ, государь преимущественно передъ всѣми его министрами отличался чрезвычайнымъ талантомъ отгадывать весьма быстро происшествія, послѣдовавшія въ скоромъ времени потомъ“.

¹⁾ Это былъ, вѣроятно, графъ Нессельроде.

Восстаніе въ Бельгій и порученіе, данное фельдмаршалу въ Берлинѣ.—Духовное завѣщаніе графа Дибича.

13-го августа 1830 г. первая искра возмущенія противъ правительства вспыхнула яркимъ пламенемъ въ Брюсселѣ, 28-го того-же мѣсяца произошли народныя волненія въ Дрезденѣ. При полученіи этихъ извѣстій графъ замѣтилъ, какъ вѣрно сбылись его предсказанія, и сообщилъ мнѣ при этомъ, что его величество рѣшилъ послать его въ дипломатическомъ отношеніи по весьма важному предмету въ Берлинъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ его разговора со мною я могъ догадаться въ чемъ состояло это посланіе, но какъ графъ, казалось, хотѣлъ скрыть эту тайну, то я считалъ неумѣстнымъ вникать въ дальнѣйшія подробности.

Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Берлинъ, графъ сдѣлался молчаливымъ и печальнымъ и, передавъ мнѣ сложенную бумагу, сказалъ: „Я привыкъ при каждомъ случаѣ, удаляющемъ меня на неопредѣленное время отъ моихъ родныхъ, оставлять имъ мое духовное завѣщаніе; такимъ образомъ, я и теперь намѣренъ сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что смерть жены моей перемѣнила прежнія назначенія о моемъ наслѣдствѣ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, прочти эту бумагу со вниманіемъ, она заключаетъ въ себѣ мою послѣднюю волю, и съ свойственною тебѣ откровенностью скажи, раздѣлялъ-ли я безошибочно мое имущество на равныя части между моими родственниками“. — Я считалъ своею обязанностію исполнить желаніе графа; но такъ какъ переданная бумага содержала въ себѣ предположеніе о смерти его, то встревоженный участіемъ въ потерѣ, могущей поразить насъ всѣхъ, я безъ вниманія, со слезами въ глазахъ пробѣжалъ его духовное завѣщаніе, да и самый предметъ даннаго мнѣ порученія былъ столь нѣжнаго свойства, что этотъ новый знакъ довѣрія графа ко мнѣ тронулъ меня до глубины души, а потому я безъ всякихъ съ моей стороны замѣчаній возвратилъ ему бумагу, сказавъ ему, что, по моему убѣжденію, я не нахожу ни малѣйшаго пристрастія въ раздѣлѣ его наслѣдства, тѣмъ болѣе, что имѣніе его благопріобрѣтенное и мы на оное никакого законнаго права имѣть не можемъ.

День отъѣзда его насталъ. Государь находился въ Царскомъ

селѣ и графъ долженъ былъ отправиться туда на прощальную аудіенцію; я страдалъ простудною лихорадкою, но графъ, не зная сего, пригласилъ меня проводить его до Царскаго села, я исполнилъ это желаніе. Графъ, возвратившись отъ его величества, приказалъ портфель свой съ бумагами перенести въ мою комнату, въ которой я, по болѣзни, принужденъ былъ лежать на постели. Вошедши ко мнѣ, графъ сказалъ: „хочу послѣднія минуты моего здѣсь пребыванія провести съ тобою, любезный другъ“. Взявъ мою руку и снявъ съ перста своего кольцо съ большимъ изумрудомъ, онъ отдалъ его мнѣ. „Это кольцо принадлежало женѣ моей; другое, точно такое, имѣю я; мы попеременно носили ихъ и въ этомъ отношеніи оно мнѣ весьма драгоценно. Прими его отъ меня въ знакъ дружеской моей признательности къ тебѣ за всѣ доказательства твоей любви ко мнѣ, за самоотверженіе, съ которымъ ты, отецъ многочисленнаго семейства, пріѣхалъ ко мнѣ въ Бургасъ зачумленный, за заботливость и старанія, которыя ты оказывалъ женѣ моей на смертномъ ея одрѣ. Я останусь вѣчнымъ твоимъ должникомъ. Носи кольцо это въ память истинной моей приверженности къ тебѣ“. Я не находилъ словъ отвѣчать ему на эти доказательства нѣжной его родственной любви; я обнялъ его со слезами на глазахъ. Онъ пробылъ еще съ полчаса у меня въ комнатѣ; подѣхалъ дормезъ, онъ простился со мною и уѣхалъ.

Изъ Берлина я отъ него получилъ 5 писемъ: отъ 7, 11, 23-го сентября, отъ 10-го и 26-го октября. Содержаніе ихъ касалось до предметовъ семейныхъ, до благосклоннаго пріема его со стороны прусскаго короля и всей королевской фамиліи.

Восстаніе въ Варшавѣ.—Отъѣздъ фельдмаршала изъ Берлина и прибытіе его въ Петербургъ.

Крамольное возстаніе Польши, вспыхнувшее въ Варшавѣ, побудило графа оставить Берлинъ и возвратиться въ Петербургъ. Будучи извѣщенъ о времени вѣроятнаго его прибытія, я поѣхалъ къ нему на встрѣчу до Ямбурга. Онъ этимъ новымъ доказательствомъ моей дружбы былъ чрезвычайно обрадованъ. Дорогою сказалъ онъ мнѣ: „Къ сожалѣнію моему, предсказанія мои сбылись. При полученіи извѣстія о парижскомъ возмущеніи

я считалъ необходимымъ, чтобы сильная армія наша заняла бы Польшу, хотя тогда и не предвидѣлъ, что такое распоряженіе предупредитъ непременно возстаніе въ Варшавѣ и Россія не будетъ вовлечена въ войну, послѣдствія которой неисчислимы потому уже, что она должна быть ведена противъ взбунтовавшагося народа, ослѣпленнаго древнею враждою и пламеннымъ энтузіазмомъ, готоваго притомъ употребить всевозможныя средства, чтобы избѣгнуть заслуженной казни пожертвованіемъ самой жизни. Въ то время собранный государемъ совѣтъ не соглашался съ моимъ мнѣніемъ, желая сберечь напрасныя, можетъ быть, денежные расходы, которые теперь должны будутъ удвоиться, потому что обстоятельства требуютъ дѣйствія со всевозможною скоростію, въ невыгодное для военныхъ операцій время, что тогда могло быть произведено во время дѣла безъ послѣдственности и отклонило-бы отъ Россіи войну, которая, по всей вѣроятности, будетъ чрезвычайно кровавой“.

Болѣвъ фельдмаршала въ Петербургѣ. — Назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ арміи противъ польскихъ мятежниковъ. — Разговоръ о графѣ Толѣ.

На шестой день графъ заболѣлъ довольно опасно; домашній докторъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шлегель, котораго онъ почиталъ и любилъ, находился безотлучно при немъ; его участію, преданности и пособію онъ обязанъ былъ скорымъ своимъ выздоровленіемъ. Въ это время фельдмаршалъ сообщалъ мнѣ предположеніе свое о томъ, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ въ предстоящей неизбежной войнѣ противъ возмутьившихся поляковъ. Вслѣдствіе этого онъ занимался разсматриваніемъ плановъ и диктовкою мнѣ разныхъ бумагъ и распоряженій, относящихся къ предстоявшему походу. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ чрезвычайною дѣятельностью сталъ разработывать предварительныя распоряженія по этому предмету, сказавъ мнѣ однажды, что назначеніе его главнокомандующимъ арміею противъ польскихъ мятежниковъ рѣшено уже его величествомъ, почему онъ готовится къ выбору особъ, которыя должны составить главный его штабъ.

— „Я сегодня, сказалъ онъ,—съ разрѣшенія государя импе-

ратора, писалъ графу Толю, въ Эстляндію, и пригласилъ его занять вновь прежнее мѣсто начальника штаба во ввѣренной мнѣ арміи". — „Въ высшихъ кругахъ Петербурга, отвѣчалъ я, — ожидали этого". — „И что-же полагаютъ, спросилъ графъ, — приметъ-ли графъ Толь мое предложеніе?" — „Я графа Толя, возразилъ я, — знаю весьма мало, но по отзыву твоему въ Бургасѣ я долженъ заключить, что онъ оцѣнить дружеское твое желаніе, но публика судить иначе. Вообще полагаютъ, что графъ Толь убѣжденъ въ томъ, что онъ кончилъ свое военное поприще и потому предпочтетъ спокойную жизнь, среди своего семейства, и сохраненіе едва возстановленнаго своего здоровья всѣмъ блистательнымъ видамъ честолюбія, которыя его могутъ ожидать среди опасностей новой кровавой войны, между тѣмъ какъ онъ теперь наслаждается всѣми столь трудно пріобрѣтенными прелестями жизни, осыпанный щедрыми дарами своего государя". — „Твое мнѣніе, другъ мой, сказалъ мнѣ графъ, — кажется ближе къ истинѣ, чѣмъ городскіе слухи. Хотя я часто ошибался въ мнѣніяхъ моихъ объ особахъ, которыя нѣкогда обязаны были мнѣ признательностью и преданностью, но въ графѣ Толѣ я, кажется, не ошибся и, судя по всему, нашелъ въ немъ чело-вѣка, на дружбу и привязанность котораго я твердо могу полагаться. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней я получу его отвѣтъ. У тебя, мой другъ, я остаюсь еще въ большомъ долгу за пріѣздъ твой ко мнѣ въ Бургасъ, въ которомъ ты, кромѣ трудности дороги, подвергался еще чумѣ, и признаюсь тебѣ, мнѣ было-бы пріятно и утѣшительно, по желанію твоему, доказать тебѣ признательность и благодарность мою. Скажи мнѣ откровенно, чѣмъ могу тебѣ доставить удовольствіе?" — „Знавъ тебя какъ родственника и друга, былъ мой отвѣтъ, — я ожидалъ отъ тебя подобнаго предложенія и приготовился тебя просить дозволить мнѣ, чтобы избранный мною живописецъ Якобъ написалъ твой портретъ во весь ростъ, подъ палаткою передъ Адрианополемъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ драгоцѣнный для меня подарокъ остался въ семействѣ моемъ знакомъ твоего дружескаго ко мнѣ расположенія".

Тронутый до слезъ, графъ согласился охотно на просьбу мою, и хотя занятія его по службѣ не оставляли ему много свободнаго времени, однако, въ четыре дня единственно похожій на него портретъ былъ оконченъ.

На другой день фельдмаршалъ показалъ мнѣ шпагу, осыпанную брилліантами, подаренную ему королемъ Прусскимъ, въ день отъѣзда графа изъ Берлина. По желанію моему, онъ отдалъ мнѣ подлинный рескриптъ, который приложенъ былъ къ этому драгоценному подарку, равно и рескриптъ короля Баварскаго, полученный также въ Берлинѣ. Эти два рескрипта для потомства графа Ивана Ивановича довольно интересны, и потому я о нихъ и упоминаю здѣсь.

Рескриптъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III.

„Я не могу расстаться съ вами, не вручивъ вамъ знака памяти по случаю вашего здѣсь пребыванія, а потому примите приложенную при семъ шпагу, какъ доказательство моего особеннаго уваженія къ вамъ и какъ знакъ признанія заслугъ, оказанныхъ вами, къ чести христіанства, въ борьбѣ за правое дѣло во время послѣдней войны. Вашими рѣдкими воинскими дарованіями, вашимъ правосудіемъ и кротостью вы вполне достигли дѣла, предначертанной вашимъ великодушнымъ императоромъ, и утвердили на будущее время отрадную увѣренность на успѣхъ, въ случаѣ если благоденствіе народовъ и справедливость потребовали бы приняться снова за оружіе. Я молю Бога“ и проч.

Рескриптъ короля баварскаго Лудвига I.

„Одинъ изъ почитателей вашихъ не можетъ скрыть искреннее свое желаніе, чтобы вы, графъ, согласились дать нѣсколько сеансовъ профессору Рауху для изваянія вашего бюста. Этому знаменитому художнику я поручилъ изготовить оный изъ мрамора, для музея, въ которомъ помѣщаются бюсты отличившихся германцевъ, какъ еще живущихъ, такъ и умершихъ. Мы, германцы, гордимся правомъ называть васъ нашимъ.

Въ нечаянныхъ чертахъ сіяетъ имя Дибича-Забалканскаго въ исторіи, какъ славнаго побѣдителя турокъ, какъ разрушителя ихъ державы въ Европѣ, если неприимѣрная кротость императора Николая не пощадила бы ея. Я считаю себя въ правѣ сказать, что никто изъ коронованныхъ лицъ не принималъ такого пламеннаго участія въ побѣдахъ вашихъ, какъ я“, и проч.

Мрачныя предчувствія фельдмаршала по поводу близкой смерти своей.— Разсужденія о затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ предстоявшимъ походомъ.

На другой день, когда я явился въ графу, онъ со стола взявъ распечатанное письмо, сказавъ: „вотъ отвѣтъ графа Толя; какъ ты думаешь, принялъ онъ мое предложеніе или нѣтъ?“ Я не отвѣчалъ, потому что уже нѣсколько дней передъ тѣмъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ графа Толя.

— „Ожиданіе мое, продолжалъ фельдмаршалъ, сбылось; прочти письмо“... Исполнивъ его волю, я въ отвѣтъ графа Толя нашелъ изъявленія преданности и дружеской признательности и готовность принять предложеніе графа Дибича.

Графъ Иванъ Ивановичъ цѣлый день былъ въ веселомъ расположеніи духа; онъ показалъ мнѣ проектъ воззванія къ арміи и другой—къ польскому народу, писанные собственною его рукою. При этомъ онъ тихо сказалъ: „я увѣренъ въ милости Бога, распредѣляющаго судьбу людей по дѣйствіямъ ихъ, подобно тому, какъ существуютъ непреложные законы въ нравственномъ, такъ и физическомъ мірѣ, а, вѣроятно, также и въ метафизическомъ, который, впрочемъ, для меня совершенно закрытъ. Въ этой увѣренности на Бога я хотя и остаюсь спокойнымъ во всѣхъ случаяхъ жизни, которымъ подвергаюсь, потому что чистая совѣсть и преданность въ святую волю Провидѣнія даютъ мнѣ эту силу душевную, но признаюсь тебѣ, любезный другъ, что въ предстоящемъ мнѣ жребіи непонятная тягость подавляетъ мой духъ непреоборимою силою и темное предчувствіе, что этотъ походъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, преслѣдуетъ меня повсюду, ибо неудачи я не переживу столь-же мало, какъ пораженія на полѣ битвы. Для меня смерть въ пылу сраженія предпочтительнѣе, чѣмъ спасеніе изъ опасности съ потерю приобретенной славы. Но не это обстоятельство угнетаетъ меня томнымъ чувствомъ какой-то неизяснимой боли; я предвижу, что кинжалъ измѣны или ядъ злодѣя прекратятъ дни мои, потому что война противъ крамолы, противъ фанатизма и отчаянія, восторженнаго ослѣпленія освящаетъ каждое средство, чтобы избавиться отъ опаснаго врага. И, можетъ быть, объясняюсь слишкомъ легко и съ полною увѣренностію въ счастливомъ успѣхѣ предполагаемаго

похода, считая предстояція намъ затрудненія маловажныѣ, нежели я самъ ихъ признаю, чтобы противнымъ объясненіемъ не прозвести уныніа въ окружающихъ меня помощникахъ и военныхъ товарищахъ, но тебѣ, любезный другъ, признаюсь съ увѣренностію въ твоемъ дружелюбномъ участіи, что я рассчитываю эти затрудненія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ я ихъ выказываю въ разговорахъ, и потому я долженъ дѣйствовать быстро, безъ малѣйшей потери времени, чтобы лишити бунтовщиковъ возможности сосредоточиться и развить всѣ свои средства къ защитѣ и къ нападеніямъ. Сколько я здѣсь, въ Петербургѣ, въ состояніи окинуть политической горизонтъ моихъ завистниковъ, стало-быть моихъ противниковъ, я опасуюсь, что они соединенными силами постараются замедлитъ всѣ вспомогательныя средства къ быстрому предпріятію похода, средства, въ которыхъ армія безъ резерва, безъ заготовленнаго продовольствія чрезвычайно нуждается. Сверхъ того, свободное дѣйствіе моихъ военныхъ операцій оковано всѣми мѣрами. Но объ этомъ обстоятельствѣ я доложу государю императору, хотя и предвижу, что я, кромѣ открытаго врага въ сраженіяхъ, оставляю за собою въ тылу легионъ непріятелей, противъ которыхъ не стану защищаться, чтобы не уронити довѣренности моего августѣйшаго монарха и его драгоцѣннаго благорасположенія ко мнѣ, которое мнѣ будетъ служить эгидою противъ клеветъ и злобы моихъ противниковъ“.

Частныя бесѣды фельдмаршала въ кругу родныхъ.—Прощаніе съ родственниками передъ отъѣдомъ въ армію.

Подобныя меланхолическія чувства отражались впоследствии, до самаго его отъѣзда, во всѣхъ его разговорахъ въ тѣсномъ кругу родныхъ своихъ, которыхъ онъ ежедневно приглашалъ къ себѣ.

Вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда къ арміи сказалъ онъ намъ: „Вѣроятно мы сегодня видимся въ послѣдній разъ“, и когда мы его окружили, и сестра его съ нашими дѣтьми заплакали, онъ также прослезился и, обнимая ихъ всѣхъ, продолжалъ: „успокойтесь, можетъ быть предчувствіе мое обманываетъ меня, хотя оно никогда въ такихъ рѣзкихъ чертахъ и въ такихъ мрачныхъ отъликахъ не представлялось моему воображенію. Я

сообщилъ вамъ опасенія мои съ тѣмъ, чтобы вы заблаговременно могли бы привыкнуть къ мысли о моей потерѣ“.

На другое утро онъ насъ оставилъ безвозвратно; мы лишились навсегда благодѣтеля, друга и брата, его мудрыхъ совѣтовъ, его помощи и утѣшенія въ злополучныхъ случаяхъ жизни, и я и все мое семейство осиротѣли навсегда, потерявъ въ немъ подпору и отца.

Выдержки изъ писемъ графа Дибича, писанныхъ къ барону Б. К. Тизенгаузену изъ дѣйствующей арміи въ 1831 году.

По пріѣздѣ его въ главную квартиру арміи, я получилъ отъ него много писемъ, изъ которыхъ сообщаю здѣсь нѣкоторые выписки (въ переводѣ), замѣчательныя содержаніемъ своимъ. Подлинники этихъ писемъ (на нѣмецкомъ языкѣ) хранятся у меня.

I.

Динабургъ, 23-го декабря 1830 года.

... „Всѣ свѣдѣнія, доставленныя ко мнѣ изъ арміи, и все, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ, оживляютъ меня двойною надеждою на скорое окончаніе похода съ помощью Бога“.

„Лихорадка меня минула, но кашель не совершенно еще бросилъ меня. Моя физическія силы еще довольно слабы. Но первый пушечный выстрѣлъ подкрѣпитъ ихъ и я надѣюсь, что и послѣдній раздастся не долго послѣ перваго“.

IV.

Гродно, отъ 18-го января 1831 г.

... „Я полагаю 20-го числа сего мѣсяца отправиться въ Бѣлостокъ, а менѣе какъ чрезъ недѣлю начать военныя операціи въ твердой надеждѣ на покровительство Всевышняго съ полною увѣренностью въ отличный мужественный духъ войскъ нашихъ, который я встрѣчалъ повсюду. Хотя намъ много предстоитъ затрудненій въ зимнемъ походѣ, но имъ подвергается и непріятель, привыкшій къ нимъ менѣе нашего“.

V.

Милосна, 12-го февраля 1831 г.

... „Всѣ обстоятельства возбуждаютъ во мнѣ лучшія надежды, тѣмъ болѣе, что князь Шаховской уже сегодня соединился со мною и прекрасный русскій морозъ приготовляетъ намъ вѣрный переходъ черезъ Вислу“.

VI.

Грохово, подъ Прагою, 14-го февраля 1831 г.

... „Послѣ кровопролитнаго сраженія, какого подобнаго въ теченіе моеі военной жизни мнѣ еще не случалось видѣть, войска наши, подъ старыми укрѣпленіями Праги, разбили армію мятежниковъ, обративъ ихъ въ совершенное бѣгство, которое остановлено было только артиллеріею, поставленною на высотахъ, окружающихъ Прагу. Въ предмѣстьѣ ея непріятель нашелъ нѣкоторое убѣжище, оставивъ, однако, ночью городъ, занявъ малый тѣде-поль у Вислы, переправивъ чрезъ эту рѣку остатки своей почти уничтоженной пѣхоты. Потеря людей съ обѣихъ сторонъ весьма значительна, однако, со стороны непріятеля болѣе, чѣмъ съ нашей. Такъ какъ польская артиллерія по большей части находилась вблизи Праги въ укрѣпленіяхъ, то мы отваяли у поляковъ только три орудія и 20 зарядныхъ ящиковъ; но многія тысячи брошенныхъ ружьевъ, пикъ, косъ, киверовъ и сумокъ, равно чрезвычайно большое число барабановъ, доказываютъ совершенное бѣгство непріятеля, у котораго три полка пѣхоты совершенно истреблены. Знаменъ у него не имѣлось“.

„Уланы великаго князя и кирасиры 3-й дивизіи, въ особенности полкъ принца Альберта, болѣе всѣхъ отличились“.

VIII.

Сеница, 26-го февраля 1831 г.

„Безпрестанно перемѣнявшаяся погода, вслѣдствіе которой Висла до сихъ поръ еще не разошлась, замедляетъ чрезвычайно наши военныя дѣйствія, потому что до прохода льда невозможно съ увѣренностью въ успѣхѣхъ навести мостъ“.

X.

Сеница 12-го марта 1831 г.

„Погода у насъ здѣсь стоитъ чрезвычайно дурная и дороги совершенно испортились, что останавливаетъ наши операціи и причиняетъ мнѣ большія непріятности, но терпѣніе и постоянство—первыя добродѣтели въ войнѣ, и въ скоромъ времени можно будетъ перейти черезъ Вислу“.

XI.

Сеница, 15-го марта 1831 г.

„Здоровье мое въ весьма посредственномъ положеніи; довольно продолжительное замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и неблагоприятная погода служатъ тому болѣе всего причиной. Теперь, слава Богу, настали порядочные морозы, которые въ скоромъ времени высушатъ дороги и тогда, надѣюсь съ Богомъ переправиться чрезъ Вислу“.

XII.

Сѣдлецъ, 2-го апрѣля 1831 г.

„Въ вашемъ участіи въ постигшихъ меня затрудненіяхъ я увѣренъ. Надежда на милость Провидѣнія и чувства долга моего исполнять обязанности вѣрнаго слуги дадутъ мнѣ силу какъ перенести непріятности моего положенія, такъ и преодолѣть препятствія“.

XIV.

Шуковъ, 26-го апрѣля 1831 г.

„Намъ предстонтъ еще борьба со многими затрудненіями, пока намъ удастся отсѣчь послѣднюю главу гидры, родившейся въ тишинѣ злодѣйства. Потребуетса еще много и большихъ жертвъ и единственная благодать неба можетъ ихъ уменьшить. Значительныя успѣхи, одержанные генераломъ Крейцомъ, и бѣгство Дверницкаго въ Австрію могутъ имѣть хорошее вліаніе“.

XVI.

Послѣднее письмо фельдмаршала изъ Клешева отъ 25-го мая 1831 г.

„Любимый шурикъ. Прими сердечную мою благодарность за всѣ твои письма и за доказательства твоей дружбы, найденныя мною въ нихъ. Прости мнѣ, что я теперь только въ нѣсколькихъ строкахъ отвѣчаю на нихъ. Мнѣ неизвѣстно, находится-ли графъ Толстой еще въ Витебскѣ¹⁾ полагаю, напротивъ того, что онъ уже приближился къ Вильнѣ, потому и поручаю фельдтегерю вручить это письмо, для доставленія къ тебѣ, князю Хованскому, ежели ты оставилъ Витебскъ“.

„Прощай, твой вѣрный другъ навсегда“.

Графъ Дибичъ скончался отъ холеры въ деревнѣ Клешево, подъ Пултускомъ, 29-го мая 1831 года, въ 11¹/₄ часовъ утра. Начальникъ штаба арміи, генераль-адъютантъ графъ Толь, принявъ временно начальство надъ арміею, „согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными“ (всеподданнѣйшее донесеніе графа Толя отъ 29-го мая 1831 г.).

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

Замѣтки къ Запискамъ барона Тизенгаузена о гр. Дибичѣ.

Генераль-маіоръ баронъ Богданъ Карловичъ Тизенгаузенъ былъ женатъ на родной сестрѣ фельдмаршала графа Дибича, Аннѣ Ивановнѣ.

Записки барона Тизенгаузена о графѣ Дибичѣ были первоначально написаны на нѣмецкомъ языкѣ, затѣмъ переведены имъ на русский языкъ. Они предназначались для императора Николая, насколько можно судить по сохранившемуся отрывку черноваго отпуса всеподданнѣйшаго письма барона Тизенгаузена, въ которомъ сказано слѣдующее: „Удостойте высокомонаршимъ взглядомъ милостиваго вниманія трудъ сей на нѣмецкомъ языкѣ совершенный, но переводъ

¹⁾ Графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывшій посолъ при императорѣ Наполеонѣ (1807--1808 гг.), командовалъ въ 1831 г. резервною арміею.

котораго я въ скоромъ времени окончить могу, ежели сіе в. и. в. благоугодно будетъ повелѣть исполнить.

В. и. в. вѣрноподанный бар. Тизенгаузенъ“.

При отправленіи барона Тизенгаузена въ Бургасъ къ графу Дибичу, по случаю кончины жены его ¹⁾, императоръ Николай вручилъ генералу нижеслѣдующее собственноручное письмо къ фельдмаршалу:

I.

St.-Pétersbourg, le 16 Mars 1830.

Mon cher ami, il y a des circonstances dans la vie où toutes consolations humaines sont nulles, où il n'y en a à puiser que là, d'où émane le bonheur comme les épreuves qui nous atteignent pour nous apprendre que le bonheur parfait n'est pas de ce monde. Ce ne sont pas de veines consolations, mon cher ami, que je viens vous offrir, ce n'est que pour partager un instant votre peine que je vous trace ces lignes; c'est pour vous rappeler que vous êtes chrétien et bon chrétien, et que pour ceux qui savent l'être comme vous, des épreuves aussi terribles sont des occasions pour s'avancer vers cette perfection qui doit être notre but constant et que nous ne négligeons que trop. Ce sentiment n'empêche pas de sentir vivement la perte d'être qui faisait notre bonheur sur cette terre; et c'est ce sentiment que je viens partager avec vous, mon cher ami, de toute la plénitude de mon coeur. Que le bon Dieu vous accorde Son soutien, mon pauvre cher ami, c'est à cela que je borne mes vœux pour le moment!

Après ce premier instant donné à la douleur, j'ose reporter votre attention, mon cher ami, sur l'objet de votre amour le plus fort que je vous connaisse après celui qui malheureusement n'existe plus pour vous, sur votre armée. Vous êtes à la veille de la ramener dans les foyers couvertes des lauriers qu'elle a cueillis, conduite par vous.

Les négociations ici me font espérer que même le payement que j'ai fixé pourra se faire plus vite que nous ne le pensions, et de la manière la plus commode c. à d. par des banquiers. Rien donc ne peut selon toute probabilité vous retenir plus longtemps là bas, et n'empêche que vous veniez reprendre des forces soit ici, soit partout où votre coeur désirera chercher des consolations. Je répons ici à la lettre que vous avez adressée à Чернышевъ, et que j'ai reçu à Moscou.

¹⁾ Графиня Женни Дибичь-Забалканская (Анна Егоровна), рожденная баронесса Торнау, род. 2-го ноября 1798 г., скончалась 13-го марта 1830 года. Въ 1829 г. графиня была назначена статсъ-дамою.

Je vous fait libre, mon cher ami, de faire tout ¹⁾ ce qui vous agréе, venir ici, aller à l'étranger d'ici ou directement, enfin je vous rends maître complet de vos actions. Quand vous serez parfaitement remis, alors je vous attends de nouveau près de moi dans vos anciennes fonctions, mais avec de toutes autres attributions, qui ne vous abimeront plus de détails, mais vous permettront d'avoir tout le loisir pour soigner la véritable partie d'un chef d'Etat major de l'Empire de Russie! Voilà, mon cher ami, mes projets; le reste dépend de vous et je vous le répète, vous avez champ libre...

J'ai fait une course inopinée de six jours à Moscou, dont je suis revenu infiniment content et satisfait; c'est à mon retour que j'ai su le malheur qui venait de vous atteindre; je cru que l'envoi de Tisenhausen pourrait vous être agréable dans ce moment et c'est lui que je charge de cette lettre pour vous.

Courage, résignation et confiance en Dieu, voilà ce que je vous désire en ce moment, celui qui est pour la vie votre sincèrement affectionné Nicolas.

С-Петербургъ, 16-го марта 1830 года.

(Переводъ съ французскаго). Любезный другъ, есть обстоятельства въ жизни, при которыхъ всѣ человѣческія утѣшенія ничтожны, мы ихъ можемъ почерпнуть лишь въ источникѣ нашего счастья и тѣхъ испытаній, которыя намъ ниспосылаются свыше, чтобы напомнить намъ, что на этомъ свѣтѣ настоящаго счастья быть не можетъ. Это не пустое утѣшеніе, любезный другъ, къ которому я предлагаю вамъ обратиться: я пишу эти строки, чтобы хоть на минуту раздѣлится съ вами ваше горе, чтобы напомнить вамъ, что вы христіанинъ и хороший христіанинъ, и что для тѣхъ, которые слѣдуютъ ученію Христа, подобно вамъ, такіа тяжкіа испытанія помогаютъ достигнуть то совершенство, которое должно быть нашей постоянной цѣлью и которыми мы часто пренебрегаемъ. Но это чувство не мѣшаетъ глубоко скорбѣть о потерѣ людей, которые составляли наше счастье въ жизни, и вотъ это чувство я желаю раздѣлится съ вами, любезный другъ, отъ всего сердца. Молю Бога поддержать васъ въ этомъ горѣ, мой бѣдный, дорогой другъ; вотъ въ чемъ заключаются въ настоящее время мои пожеланія!

Послѣ первыхъ минутъ, посвященныхъ горю, смѣю обратиться ваше вниманіе, любезный другъ, на предметъ вашей сильнѣйшей любви, послѣ той, которая, къ несчастію, уже не существуетъ для васъ,—на вашу армию. Она покрыта лаврами, приобрѣтенными подъ вашимъ предводительствомъ, и ей предстоитъ въ скоромъ времени возвратиться съ вами въ отечество.

Начатые здѣсь переговоры даютъ мнѣ надежду, что названная мною ушлая послѣдуетъ раньше, нежели мы предполагали, и самымъ удобнымъ образомъ, т. е. черезъ банкировъ. И такъ, ничто, по всей вѣроятности, не можетъ удержать васъ долѣе тамъ и помѣшать вернуться, чтобы набраться силъ или здѣсь или повсюду, гдѣ вы пожелаете искать утѣшенія. Я теперь отвѣчаю на письмо, которое вы написали Чернышеву и которое я получилъ въ Москвѣ. Разрѣшаю вамъ, любезный другъ, дѣлать все, что вамъ угодно,

¹⁾ Три раза подчеркнуто государемъ Николаемъ Павловичемъ. Н. III.

прійхать сюда или отправиться за границу прямо или отсюда, однимъ словомъ, вы властны распорядиться сами собою, какъ вы пожелаете. Когда вы совершенно оправитесь, то ожидаю васъ къ себѣ для занатія прежнихъ должностей, но при другой обстановкѣ, которая избавитъ васъ отъ мелочей и предоставитъ вамъ возможность всецѣло посвятить себя главной обязанности, какъ начальнику главнаго штаба Россійской имперіи! Вотъ, любезный другъ, мои предположенія; все прочее зависитъ отъ васъ и я повторяю, что вы вполне свободны...

Я неожиданно сѣздалъ на шесть дней въ Москву и остался очень доволенъ этимъ путешествіемъ; по возвращеніи я услышалъ о несчастіи, постигшемъ васъ; я предполагаю, что прїѣздъ Тизенгаузена можетъ быть вамъ пріятнымъ въ настоящую минуту и поэтому я поручаю ему передать вамъ это письмо.

Мужество, покорность и надежду на Бога, вотъ что желаетъ вамъ въ настоящую минуту, любезный другъ, на вѣки искренно васъ любящій Николай.

II.

Письмо императрицы Александры Ѳедоровны графу Дибичу (о которомъ упоминаетъ баронъ Б. К. Тизенгаузенъ въ своихъ Запискахъ).

С.-Петербургъ, 14-го марта 1830 года.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Когда вы получите эти строки, любезный Дибичъ, то будете уже знать о постигшемъ васъ несчастіи и погружены въ свое горе. Ваша потеря велика и незавѣнна и можетъ привести въ отчаяніе, но религиозный человѣкъ знаетъ, гдѣ слѣдуетъ искать утѣшенія. Вы — религиозны; всѣ ваши письма, написанныя въ величайшіе моменты побѣды и славы, доказываютъ, что вы надѣялись на Бога, Ему приписывали свой успѣхъ и въ тяжелыя минуты ждали отъ Него помощи. Покажите себя и въ настоящую тяжелую минуту въ этомъ свѣтѣ. Плачьте и проливайте слезы о вашей доброй супругѣ, за неимѣніемъ любви которой весь блескъ земной покажется вамъ ничтожнымъ, но мужайтесь; прошу васъ, во имя всего, что вамъ свято, не забывать важности вашего поста и помнить, что Россія и государь еще ожидаютъ отъ васъ великихъ заслугъ.

Простите все, что я вамъ написала, но я забочусь о вашей славіи и отъ души жалѣю; государь еще не прїѣхалъ и потому я сѣла писать вамъ.

Болѣзнь вашей бѣдной жены очень встревожила государя; въ каждомъ письмѣ изъ Москвы онъ говоритъ объ этомъ и о томъ, какъ онъ страшится послѣдствій этой болѣзни для васъ, для нашего храбраго Дибича. Послѣдній разъ, когда я видѣла вашу жену, въ ноябрѣ, то мы, между прочимъ, говорили съ ней о вашей непоколебимой вѣрѣ въ Провидѣніе. Видно было, какъ глубоко и искренно она васъ любила, по тому волненію, съ которымъ она объ этомъ говорила. Да сохранивъ васъ Богъ! Молю Небо ниспослать вамъ силу и утѣшеніе въ вашей скорби. Александра.

Сообщ. Н. Е. Шилдеръ.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА ПРОФЕССОРА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ЮРДАНА

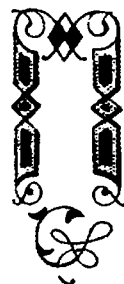
1800 13-го АВГУСТА РОД. 1883.
УМ. 19-го СЕНТЯВРЯ

Боже, благослови продолженіе моихъ
воспоминаній и дай мнѣ память ихъ
припоминать (1875 г.).

Ф. Юрданъ.

X ¹⁾.

Революція въ Парижѣ въ 1830 году.

Парижъ, послѣ этихъ трехъ дней, совершенно измѣнился, начались разговоры объ убитыхъ и раненыхъ. Я прошелся въ ратушѣ, гдѣ на площади поставлена была королевская гвардія; она не послѣдовала примѣру армейскихъ полковъ, которые отказались стрѣлять въ народъ. Народъ съ торжествомъ проводилъ эти поля въ принадлежащія имъ казармы; королевская-же гвардія исполнила свою присягу до конца, будучи окружена со всѣхъ сторонъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116.

вооруженнымъ народомъ, который не переставалъ въ нее стрѣлять съ перваго дня революціи, съ 11½ час. утра до 7 час. вечера.

Три раза народъ бралъ ратушу, и три раза гвардія отбивала ее, наконецъ, народъ остался побѣдителемъ. При этомъ пало много народа и солдатъ, которые, оставляя свою позицію, ретировались за городъ; при проходѣ ихъ по узкимъ улицамъ, изъ верхнихъ оконъ на нихъ бросали ничтожную мебель и всякую нечистоту. На площади ратуши, въ угловыхъ домахъ, въ которыхъ помѣщаются обыкновенно, въ Парижѣ, продавцы вина и которые бывають всегда выкрашены красною краскою, должно быть засѣла большая масса либераловъ съ оружіемъ въ рукахъ, и у этихъ-то домовъ углы, отъ регулярнаго огня гвардіи, были совершенно какъ-бы срѣзаны. Эти пули были для швейцарцевъ очень гибельны, судя по огромной насыпи, которая образовалась надъ могилою этихъ несчастныхъ. Всѣ входы на площадь ратуши были загромождены крѣпкими баррикадами; на крышѣ ратуши находились и дѣйствовали либералы-художники, и многихъ изъ нихъ, какъ я слышалъ, поранили.

Вторымъ мѣстомъ сильной стычки была площадь *Marché des Innocents*. Тутъ стояли швейцарцы. Этотъ удивительный солдатъ, служа за плату, не измѣнить, хотя ему и приходится иной разъ свою вѣрность запечатлѣть жизнію. Онъ всегда готовъ соблюдать присягу, данную отечеству или чужому правительству: ему все равно, его обязанность исполнить свой долгъ; швейцарцы и этотъ разъ свято исполнили присягу и стойко держались на площади, будучи со всѣхъ сторонъ окружены домами въ пять и шесть этажей, со множествомъ оконъ, которыя были наполнены вооруженными либералами; ихъ пули летѣли въ одну точку, которая и была въ взводѣ швейцарцевъ. Эти пули были для нихъ гибельны, (судя) по двумъ высокимъ насыпамъ, изъ которыхъ одна, огромной величины, означала швейцарцамъ могилу ихъ товарищей, а другая, гораздо меньшая, скрывала тѣла убитыхъ либераловъ. Могилы этихъ послѣднихъ были украшены наскоро сдѣланными крестами; надъ ними теплились лампадки, тогда какъ надъ насыпью павшихъ за короля швейцарцевъ народъ производилъ всякаго рода нечистоту.

Передъ осадою Лувра народъ подступилъ къ знаменитому Дому инвалидовъ, гдѣ онъ скоро сдѣлался хозяиномъ; изъ склада,

наполненнаго оружіемъ всякаго рода, каждый либераль обзавелся тѣмъ, что ему было нужно, вслѣдствіе чего либералы сдѣлались очень сильны. Говорили, что король Карль X-й пришелъ въ отчаяніе, когда услыхалъ, что линейные полки отказались стрѣлять въ народъ. Линейные полки, какъ у насъ въ Россіи армейскіе, составляютъ силу Франціи, и эти полки взяли сторону народа.

Всѣ старались узнать объ участи Карла X-го; было извѣстно, что въ Сенъ-Клу онъ подписалъ пагубный для себя и для своего семейства указъ о введеніи цензуры вопреки конституціи, данной народу въ 1814 году Лудовикомъ XVIII-мъ. Онъ отрекся отъ престола въ пользу слабоумнаго принца Ангюлемскаго, который оставлялъ престолъ малолѣтнему Генриху V. Но французы о Бурбонахъ и слышать не хотѣли и ожидали, въ первый-же день послѣ трехдневной уличной битвы, именно въ воскресенье, пріѣзда въ Пале-Рояль дюка Орлеанскаго, Луи Филиппа.

Въ этотъ день я посѣтилъ свою мастерскую; мало кто изъ учениковъ пришелъ работать, тѣ-же, которые пришли, были веселы и здоровы, говорили о разныхъ эпизодахъ этихъ трехъ дней: какъ ихъ родители пеклись о раненыхъ, какъ многіе дворы вмѣщали у себя убитыхъ. Главнымъ-же образомъ разговоръ вѣртался на томъ, что въ обѣду пріѣдетъ въ Парижъ дукъ Орлеанскій съ семействомъ; высказывая его уму и добродѣтелямъ сверхъестественныя похвалы, французы говорили, что къ нему уже отправилась депутація изъ членовъ парламента, что онъ долженъ быть главою во время междуцарствія и что вечеромъ онъ будетъ въ Пале-Рояль. Работать не было охоты. Увидалъ бездну мальчишекъ - спекулантовъ съ крикомъ: „Покупайте, господа, трехцвѣтную кокарду, да здравствуетъ свобода!“ Увидавъ, что всѣ покупаютъ и украшаютъ ею одну изъ петель верхняго платья, и я украсилъ ею свой пиджакъ. Проходя мимо кофейнъ, вижу въ нихъ толпу молодежи, съ жаромъ распѣвавшую что-то такое, чего я понять не могъ; пѣснь была схожа съ тѣмъ, что распѣвали, какъ я уже сказалъ, мои товарищи въ студіи и что оказалось знаменитою республиканскою пѣснью 1791 года „La Marseillaise“. Восторгъ молодежи трудно передать.

Продолжая свою дорогу съ тѣмъ, чтобы пообѣдать въ моемъ ресторанѣ, я шелъ тихо, будучи весьма часто вынужденъ пере-

ходить баррикады, которыя оставались въ продолженіе нѣсколькихъ дней, ибо король и его министры все еще находились по близости отъ Парижа. Министры надѣялись, какъ говорили мнѣ потомъ знакомые французы, что Россія вступится за династію Бурбоновъ, которые были ею восстановлены послѣ ужасной республики и царствованія Наполеона I-го. Все это оставляло Парижъ въ недоумѣніи.

Такимъ образомъ, приближаясь по улицѣ St. Нологѣ къ ресторану м-мъ Chaillot и войдя въ него, я увидалъ, что наша комната переполнена народомъ, и m-lle Justine, прислужница, во всѣ стороны выкликивала вмѣсто имени номера. Только и слышно было: „г. № 17, что желаете?“ Увидавъ меня и замѣтивъ, что я затрудняюсь, гдѣ сѣсть, она тотчасъ нашлась и сказала: „№ 28-й, какой супъ?“ Это была моя личность. Зная, что я русскій, она не могла удержаться, чтобы не сказать мнѣ: „не правда-ли, французы молодцы и они не боятся ни русскихъ, ни пруссаковъ?“

Отобѣдавъ, я отправился въ Пале-Рояль, куда, какъ говорили, пріѣхалъ съ семействомъ дюкъ Орлеанскій; при этомъ рассказывали, что для проѣзда его экипажа разбирались баррикады и затѣмъ вновь восстанавливались. Въ Пале-Рояль была бездна народа. Въ комнатахъ этого дворца видны были богатныя люстры, масса народа въ залахъ, и всѣ въ партикулярныхъ фракахъ; военныхъ вовсе не было видно; огромный хоръ музыкантовъ стоялъ въ саду и не переставалъ играть „La Mag-séillaise“, а нѣсколько тысячъ народа не переставали повторять слова этой музыки. Удивительно, что эта пѣсня была Бурбонами строго запрещена, но народъ въ тайнѣ ее зналъ наизусть и это удивляло всѣхъ.

Въ этотъ вечеръ, какъ скоро гимнъ окончился, тысяча голосовъ вызвали дюка Орлеанскаго. Онъ выходилъ на балконъ съ семействомъ и раскланивался во всѣ стороны, а народъ съ неистовствомъ кричалъ: „да здравствуетъ дюкъ Орлеанскій!“ Снимали шляпы и трясли ими въ воздухѣ. Казалось, каждому было желательно, чтобы герцогъ видѣлъ его шляпу. Этимъ вызовамъ конца не было, какъ у насъ для m-lle Patti (1875 г.). Дюкъ Орлеанскій былъ одѣтъ гражданиномъ, въ черномъ фракѣ и въ бѣлой пуховой шляпѣ. Уставши отъ шума и видѣннаго восторга, который трудно описать, я возвратился домой.

Наши занятія въ студіи прерывались почти каждый день похоронами умершихъ отъ тяжелыхъ ранъ. Покойника несли обыкновенно на носилкахъ, украшенныхъ зеленью, впереди билъ барабанъ, нѣсколько провожатыхъ кричали встрѣчному народу: „господа, снимайте шляпы, это жертва свободы!“ И всѣ съ благоговѣніемъ волею неволею останавливались и снимали шляпы. Этимъ покойникамъ конца не было по случаю обилія жертвъ, которые пали, защищая права конституціи.

Нѣкоторыхъ убитыхъ хоронили первое время по близости отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они пали. Такимъ образомъ случилось, что одно кладбище было въ оградѣ Луврскаго дворца, и, проходя мимо, я увидѣлъ тутъ на могилахъ кресты и у могилъ въ траурѣ молящихся на колѣняхъ дамъ; картина была трогательная. Возлѣ могилы стоялъ гражданинъ съ ружьемъ, ибо въ это время службу отправляли граждане, военныхъ-же не было видно. Подходящимъ зрителямъ онъ говорилъ тихо: „снимите шляпы, здѣсь покоятся жертвы свободы,“ и всякій снималъ шляпу. Всѣ кофейни были постоянно переполнены народомъ, такъ какъ занятія и торговля совершенно пріостановились, и народъ всюду только нацѣвалъ вновь сочиненный извѣстнымъ писателемъ Делявинъ гимнъ, названный „la Parisienne,“ но республиканская „la Marseillaise“ предпочиталась, и когда доходило до послѣдняго куплета „Amour sacré de la patrie“ и т. д., то заставляли присутствующихъ становиться на колѣна, и горе тому, кто воспротивится. Такъ продолжалось недѣлями это нерѣшительное время.

Я явился въ наше посольство, имѣя трехцвѣтную козарду въ петлицѣ, узнать, что слѣдуетъ дѣлать. Идя отъ посольства мимо дворца архіепископа, я увидалъ на площади ужасный беспорядокъ; на ней валялась бездна клочковъ обожженной печатной бумаги. Стараюсь узнать причину, мнѣ говорятъ: что во дворцѣ все переломано, бібліотека сожжена, кажется и церковной одеждѣ досталось.

Трудно было узнать истину; о всѣхъ насидіяхъ, причиненныхъ въ эти три дня, либералы старались молчать, чтобы не безчестить народъ, жертвовавшій собою для достиженія одной только свободы. И точно, при видѣ этой массы павшихъ, народъ, бывшій безъ работы, оставался, однако, спокоенъ; всѣ восхищались

удивительнымъ его поведеніемъ, ожидая всеобщаго грабежа, вышло же совершенно другое, а именно: равенство знати съ простонародьемъ, богатства съ бѣдностью. Въ это время ученики лучшей въ Парижѣ школы, въ коей находились дѣти изъ лучшихъ семействъ, шли на службу рядомъ съ бѣднякомъ, получая равную съ нимъ порцію хлѣба; воткнувъ ее на конецъ своей шпаги, они шли съ прочими гражданами занять свой постъ. Только однажды случилось мнѣ увидеть огромную массу простаго народа, шедшаго въ порядкѣ съ барабанщикомъ впереди. Я узналъ, что, оставшись безъ работы и хлѣба, они шли въ главное полицейское бюро, „la Préfecture“, съ просьбою дать имъ, по крайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба, не столько для себя, какъ для голоднаго ихъ семейства. Это навело на присутствующихъ страхъ, всѣ боялись, что голодъ мастеровыхъ и бѣднаго класса вообще можетъ повести къ чему-либо худшему, къ насилію и грабежу. Тотчасъ разосланы были изъ префектуры чиновники ко всѣмъ хлѣбопекамъ, закупать весь испеченный хлѣбъ, и такъ какъ его оказалось мало, то вновь пекли, такъ что нѣкоторымъ раздавали горячій хлѣбъ.

Я увѣдомилъ нашу академію художествъ о случившемся, испрашивая разрѣшенія для дальнѣйшаго пребыванія въ Парижѣ, съ которымъ я только что свылся и который очень полюбилъ.

Посѣщая по временамъ театры, послѣ революціи, народъ далъ обѣтъ, по окончаніи первой пьесы, требовать отъ оркестра гимнъ „la Marseillaise“, и оркестръ тотчасъ начиналъ. Занавѣсъ поднималась; на сценѣ видны были всѣ актеры; затѣмъ слышался крикъ: „Вставайте!“ Всѣ зрители вставали, и начинался гимнъ; публика припѣвала, но при послѣднемъ куплетѣ гимна раздавался новый крикъ: „На колѣни!“ и весь театръ опускался на колѣни. При этомъ всегда была исторія: либералы тщательно осматривали всѣ мѣста въ театрѣ, убѣждаясь, всѣ-ли стоятъ на колѣняхъ, и непременно найдутъ кого-нибудь сидящимъ, тогда вся публика съ угрожающимъ крикомъ велитъ сидящему встать, но онъ не встаетъ. Вновь всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: „Это вѣрно англичанинъ“. У сидящаго въ ложѣ отърывается дверь, и къ нему входитъ французскій гражданинъ, который ведетъ переговоры; оканчивается эта сцена тѣмъ, что англичанинъ оставляетъ свою ложу и уходитъ изъ театра, что и заставило

меня уважать англичанъ прежде, нежели я съ ними познако-
мился и началъ уважать эту достойную націю.

Только одни англичане держали себя въ Парижѣ какъ народъ вполнѣ независимый, и къ этому достойному гордому народу французы не смѣли примѣнять, обидную для другихъ націй, поговорку: „Il n'y a que la France!“ Англичане на всякомъ шагу обижали француза своимъ независимымъ характеромъ.

Весь народъ былъ противъ духовенства, и къ несчастію случилась ужасная исторія: одинъ католическій священникъ, французъ, убилъ свою любовницу и, не зная, какъ скрыть преступленіе, изрѣзалъ ее на куски, уложилъ въ мѣшокъ и, идя по набережной Сены, по частямъ бросалъ эти куски въ рѣку и былъ застигнутъ полиціею. Это вызвало во всѣхъ ужасъ и омерзенеіе къ духовенству. Послѣ революціи это же духовенство начало дѣлать сборы въ пользу раненыхъ, когда всякому французу было извѣстно, что при паденіи династіи Бурбоновъ ихъ обуялъ страхъ и они боялись опасныхъ для себя послѣдствій, вслѣдствіе чего и старались принять участіе въ бѣдствіи народа. На третій день революціи, на углахъ улицъ, явились объявленія отъ духовенства, въ которыхъ оно просило правительство исходатайствовать у папы дозволеніе французскому духовенству вступать въ бракъ; французы, читая это объявленіе, смѣялись, говоря: „Священство наше спѣшитъ испрашивать разрѣшеніе на брачную жизнь, а всякій изъ нихъ имѣетъ своихъ любовницъ и, когда онѣ имъ надоѣдаютъ, то рѣжутъ ихъ!“—намекая на случившееся, передъ революціею, варварское происшествіе, о которомъ я только-что упомянулъ.

При погребеніяхъ не видать было сопутствующаго священника; они обязаны были давать покойникамъ, убитымъ въ іюльскіе дни, лучшія мѣста въ церквахъ, которыя въ Парижѣ подраздѣлялись на три степени: возлѣ алтаря, по срединѣ церкви и, наконецъ, при входѣ въ церковь. Каждое изъ этихъ мѣстъ имѣло свою плату. Хороня либераловъ, граждане безъ спроса духовенства ставили ихъ на первомъ мѣстѣ, что и утѣшало добраго француза, въ коемъ мысль о равенствѣ вошла въ плоть и кровь послѣ ужасной республики 1793 года. Боже избави толковать у нихъ о томъ, что дочь полковника лучше дочери булочника, французъ можетъ придти въ азартъ за подобное предположеніе.

Всѣ мои думы влонились въ тому, что какъ ни интересны были декорации, ежеминутно мѣнявшіяся около меня въ Парижѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть, какъ французъ легко смотритъ на жизнь и на смерть, но работа моя не подвигалась впередъ, и я, страстно любя свое дѣло, съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта отъ совѣта нашей академіи. Въ ожиданіи отвѣта явился указъ изъ Петербурга: русскимъ подданнымъ, проживающимъ во Франціи, оставить ее немедленно. Затѣмъ вскорѣ пришло и мнѣ приглашеніе отъ президента академіи художествъ, Алексѣя Николаевича Оленина, оставить Парижъ и ѣхать въ Лондонъ, къ граверу Раймбаху. Къ сему приказанію было приложено письмо на имя нашего протоіерея, Якова Ив. Смирнова. Французовъ поразила полученный мною отъ нашей академіи приказъ ѣхать въ Англію. По ихъ невѣжественному мнѣнію объ иностранцахъ, не зная ничего кромѣ своей Франціи, многіе изъ нихъ говорили, что англичане болѣе медвѣди, нежели русскіе.

Посѣтивъ же г-на Штейбена, нашего земляка, челоуѣка образованнаго (это былъ сынъ директрисы Еватерининскаго института, баронессы Штейбенъ), я услышалъ отъ него совершенно другое мнѣніе о Лондонѣ; онъ сказалъ мнѣ, что Лондонъ изобилуетъ множествомъ прекрасныхъ вещей и что онъ радуется умному распоряженію нашей академіи. Г-нъ Штейбенъ, будучи вполне французъ, правая рука знаменитаго живописца Жерарда, испугался царскаго указа: всѣмъ русскимъ оставить Парижъ. Онъ не зналъ куда ѣхать. Я сказалъ ему, что въ Россіи всѣ его считаютъ французомъ, хотя Жерардъ и представилъ его Александру I-му какъ русскаго, и государь назначилъ ему содержаніе, кажется, на три года. Все это никому неизвѣстно. Въ это время въ его студіи имѣлась неоконченная большая картина: „Мать Петра I-го защищаетъ сына отъ ворвавшихся во дворецъ взбунтовавшихся стрѣльцовъ“. Сочиненіе показалось мнѣ театральнымъ, но мнѣ никогда не пришлось видѣть эту картину оконченною; писана же она была, какъ казалось, для Россіи.

Я забылъ сказать, что джозъ Орлеанскій, желая снискать любовь своихъ подданныхъ и выказать имъ равенство всѣхъ сословіи, принялъ очень ласково явившуюся къ нему депутацію рыночныхъ торговцевъ (de la Halle) и это послужило поводомъ къ тому, что всѣ сословія начали ему представляться.

Наконецъ, явились къ намъ въ студию молодые художники съ извѣстiемъ, что въ такой-то день и часъ слѣдуетъ собраться въ академію. Мы съ Людеритцомъ смѣялись и говорили, что къ нашей депутаціи пристанутъ всѣ гуляющіе французы, а гуляющихъ въ Парижѣ бездна. Такъ и случилось. Когда мы отправились въ назначенный день въ академію, по собравшейся огромной массѣ народа подойти къ академіи не было возможности, и такъ вагъ составлялся цѣлый хвостъ желающихъ, то и мы къ нему присоединились. Послѣ долгаго ожиданія процессія, наконецъ, двинулась. Путь отъ академіи до Пале-Рояля былъ довольно длинный. Оглянувшись, мы увидали безконечную цѣпь идущихъ попарно; въ ней дорогою присоединялись другіе жители Парижа, такъ что она составила не изъ сотенъ, а изъ тысячъ народа.

Прибывъ въ Пале-Рояль, мы услышали, что еще рано, что дюбу Орлеанскому представляется французская опера, ея пѣвцы. Представившись, они проходили мимо насъ, всѣ во фракахъ; тутъ показали мнѣ, славившагося въ то время въ Парижѣ пѣвца, м-г Nougrit, который окончилъ жизнь впослѣдствіи самоубійствомъ въ Неаполѣ, вслѣдствіе неудачнаго тамъ дебюта въ театрѣ. На лѣстницѣ дворца мы видѣли, какъ работники сбивали съ бурбонскаго герба молоткомъ три лиліи—гербъ Бурбоновъ. Мало по малу стали мы подниматься, взопли въ залю. Дюбъ Орлеанскій былъ въ полномъ мундирѣ, въ парижѣ, сильно красный лицомъ, съ довольно полнымъ корпусомъ; возлѣ него стояла его супруга, весьма блѣдная, и нѣсколько дѣтей, стоявшихъ по годамъ и росту. Мы проходили и кланялись, дюбъ Орлеанскій дѣлалъ то-же; войдя затѣмъ въ другую комнату, гдѣ находились картины знаменитаго живописца Жерико, прославившагося своею картинною въ Луврѣ „Гибель корабля Медуза“, мы услышали, что намъ слѣдуетъ отправиться въ улицу Телбу, гдѣ будетъ общее засѣданіе художниковъ, для измѣненія штата академіи. Изъ любопытства и я отправился; нахожу большую залу, въ которой мѣста расположены амфитеатромъ, и на нихъ возсѣдаетъ множество художниковъ. Съ шумомъ былъ избранъ изъ ихъ среды президентомъ м-г Charlet, извѣстный художникъ мелкихъ литографій сатирическаго содержанія, но любимый въ своей средѣ. Онъ отъ души смѣялся своему выбору.

тѣмъ болѣе, когда ему пришлось занять президентское мѣсто съ колокольчикомъ въ правой рукѣ. Ему дали секретаря м-г Вас, скульптора, котораго художники не любили; онъ-же и рѣчь держалъ въ присутствіи дюка Орлеанскаго, противъ чего художники также протестовали. Возлѣ меня помѣстился мой товарищъ по студіи, у Ришона, старивъ-шумила м-г Вои, который порывался отвѣчать на каждое слово, но я удерживалъ его за фалды его толстаго скуртука; онъ съ досадою мнѣ говорилъ: „Оставь меня, казакъ!“ Сильный шумъ продолжается, многіе кричатъ президенту, прося, чтобы онъ звонилъ и призывалъ присутствующихъ къ порядку. Шарле съ улыбкою звонитъ нѣсколько разъ, никто его не слушаетъ, шумъ все усиливается; наконецъ, увидали, что толка не будетъ, объявили другой день для засѣданія; теперь-же просили сдѣлать сборъ въ пользу раненыхъ. Деньги посыпались со всѣхъ сторонъ. Я отправился домой, видя, какъ напрасно я теряю тутъ день за днемъ.

Окна въ магазинахъ разукрасились множествомъ карриатуръ на потерявшаго свой престолъ короля Карла X; на всѣхъ гербахъ уничтожались три лиліи; а портретъ Карла X, писанный Жерардомъ и украшавшій входъ въ картинную галерею Лувра, былъ изрѣзанъ въ видѣ лапши. Даже великое произведение Жерарда „Въѣздъ Генриха IV въ Парижъ“ погибло бы, еслибы цѣнители этого достойнаго произведенія не удержали рукъ, запальчивыхъ либераловъ, а одна пуля уже попала въ грудь Генриха IV. Картина сохранена потомству, какъ рѣдкое произведение французской школы.

Только что я ознакомился съ Парижемъ, полюбилъ его веселый и добрый народъ, познакомился съ его языкомъ, хотя его школа гравированія мнѣ не нравилась и надоѣла своимъ, такъ сказать, деспотизмомъ, давая предпочтеніе почти однимъ штрихамъ передъ самимъ дѣломъ, какъ приходилось оставить этотъ городъ. Сердце горевало, что приходится съ нимъ разстаться и ѣхать въ страну, о которой я имѣлъ понятіе какъ о странѣ скучной и о народѣ самомъ гордомъ и неприступномъ. Слѣдовало рѣшиться. Я отправился въ посольство, далъ знать въ канцелярію о моемъ намѣреніи, гдѣ мнѣ отвѣтили, что я могъ оставаться въ Парижѣ послѣ указа только двѣ недѣли, но что какъ пенсіонеру академіи, ожидавшему отъ академіи отвѣта, мнѣ

извиняють мое пребываніе въ Парижѣ послѣ указа цѣлыхъ шесть недѣль. Это замѣчаніе заставило меня торопиться. Я зашелъ повидаться съ моимъ товарищемъ А. К. Олещинскимъ и такъ какъ время было еще раннее, то я засталъ его въ постели. Меня заинтересовалъ его сапогъ, онъ лежалъ у постели подошвою вверхъ, и на ней я увидалъ цѣлую массу гвоздей, узорчато размѣщенныхъ на подошвѣ; рассматривая ихъ, я увидалъ нѣсколько рядовъ гвоздей, вбитыхъ вокругъ подошвы, а въ серединѣ ея вензель А. Всѣ эти гвозди имѣли выдающіяся, вверхъ подошвы, головки; взявъ сапогъ въ руки, я удивился его вѣсу, Олещинскій же замѣтилъ, что въ Парижѣ сапоги дороги, слѣдственно, имѣя гвозди съ выпуклыми головками, вы прежде ходите на головкахъ гвоздя, когда-же головки сотрутся, тогда только начинаешь изнашивать подметку. Мнѣ чрезвычайно понравился этотъ экономическій взглядъ на ножную обувь и, отъѣзжая въ Лондонъ, я заказалъ себѣ подобную пару, желая пощеголять французскимъ шикомъ, который тамъ вѣрно замѣтять и будутъ восхищаться.

Тутъ подумалъ я и о верхнемъ платьѣ, зная очень хорошо, что Парижъ столица вкуса. Я отправился въ лучшій магазинъ возлѣ Пале-Рояля и просилъ показать мнѣ платье англійскаго вкуса, получилъ широкаго покроя нару: фракъ, цвѣтной жилетъ и поверхъ всего этого желтоватаго цвѣта пальто довольно толстаго сукна. Съ этимъ готовымъ запасомъ я отправился домой; мои старички Логіеихъ душевно грустили о моемъ отъѣздѣ. Во мнѣ они находили маленькаго банкира, старикъ оставался мнѣ долженъ 300 франковъ и плату ихъ замѣнилъ двумя, тремя эстампами; теперь оставалось только выждать мои сапоги, наконецъ, они явились, и я съ ужасомъ почувствовалъ ихъ вѣсъ. Затѣмъ потребовалась осторожность, чтобы броненосныя подошвы не испортили и не поранили въ сосѣдствѣ лежащихъ вещей. Благодаря Бога все уложилось. Я взялъ съ собою рисунокъ св. Семейства и неоконченную малую доску портретовъ Рафаеля съ Перуджино.

Простившись съ моими сотоварищами по студіи и съ нѣкоторыми друзьями, въ числѣ коихъ были Олещинскій и Людеритцъ, я собрался окончательно въ путь въ началѣ октября 1830 г., а такъ какъ я пріѣхалъ въ Парижъ также въ октябрѣ

(1829 г.), слѣдовательно я пробылъ въ столицѣ Франціи ровно одинъ годъ.

Вставши рано утромъ и взявъ фіакръ или карету, мы отправились въ обществѣ А. Олецинскаго и m-g Logieux къ Пале-Роялю, гдѣ неподалеку находилась контора дилижансовъ, содержимая m-gs Laffite et Gayard; съ грустью посматривалъ я на улицы Парижа, къ которымъ я уже привыкъ, на богатые магазины, на которые я такъ часто глазѣлъ, даже нечистота, валяющаяся возлѣ нихъ, казалась мнѣ живописною. Мы подъѣхали къ огромному двору съ навѣсомъ, гдѣ стоялъ уже желтый тяжеловѣсный дилижансъ, его осматривали болтливые кучеръ и фореиторъ, въ курткахъ съ красною выпушкою, въ лосиныхъ натянутыхъ панталонахъ съ высокими ботфортами и клеенчатую шляпою съ вогнутою трехцвѣтною кокардою, и судили и редили о своемъ кормилицѣ-дилижансѣ. Въ послѣдній разъ выпили мы съ друзьями café au lait. Отъѣзжающіе мужчины и дамы стояли уже около дилижанса: тутъ были — старуха англичанка, бывшая въ замужествѣ за маркизомъ le Loux, кормилица изъ Пикардіи, статный англичанинъ и другіе. Когда всѣ усѣлись, началось сильное щелканье длиннымъ бичемъ и затѣмъ нашъ возница тронулся. Маркиза помѣстилась въ углу и ни слова не говорила, кормилица же, француженка, пренебрежительно болтала и казалась съ предобрымъ сердцемъ. До Кале ѣзды было почти два дня. Дорогою, встрѣчая пригорки, почтальонъ просилъ насъ выходить изъ дилижанса для облегченія лошадямъ при подъемѣ въ гору, тогда, идя пѣшкомъ, мы познакомились. Этимъ путемъ я познакомился съ статнымъ англичаниномъ, который, какъ оказалось, прожилъ пять лѣтъ въ Германіи и теперь возвращался въ Англію; узнавъ, что я русскій и могу съ нимъ объясняться по нѣмецки, онъ обѣщался быть моимъ путеводителемъ до Дувра, а тамъ долженъ быть разстаться со мною, такъ какъ путь его не лежалъ въ Лондонъ. Онъ предсказывалъ, что мнѣ будетъ очень трудно безъ знанія англійскаго языка, толковалъ о дороговизнѣ въ Англіи, но утѣшалъ тѣмъ, что это будетъ только вначалѣ, а затѣмъ „вы найдете нашъ народъ не тѣмъ, коимъ къ смѣху cadaго англичанина стараются описывать насъ иностранцы,—говорилъ онъ; вы ѣдете на четыре года, такъ вѣрно полюбите насъ“.

Подъѣзжая къ Булоню, я полюбопытствовалъ спросить у моей сосѣдки какъ по англійски: „да, нѣтъ или сколько“. Она сказала: yes, no, how much. Съ этими тремя словами я вступилъ на независимую, свободную, богатую и ученую почву острова Великобританіи. Въ Булони къ намъ явились матросы, осаждая нашъ дилижансъ вопросами: „это желаетъ быть сегодня-же въ Дувръ?“

Мой спутникъ, англичанинъ, совѣтывалъ мнѣ идти съ нимъ и отправиться съ отходившимъ пароходомъ; занявъ мѣсто, я страдалъ все время морскою болѣзною и не зналъ, съ кѣмъ ѣду и кто съ нами. Подъѣзжая къ Дувру, увидаль я высокую скалу и на ней цитадель. Много англичанокъ, въ черныхъ платьяхъ, съ продолговатыми шляпками, изъ-подъ которыхъ выглядывали хорошенькія личики, стояли на берегу и поджидали знаемыхъ, а многія уже встрѣчали пріѣхавшихъ друзей. Мой спутникъ нанялъ мнѣ носильщика, который и направилъ меня, съ моимъ чемоданомъ, въ таможеню. Надсмотрщикъ все подробно осматрѣлъ, не пропустивъ ни малѣйшей части изъ моихъ вещей въ чемоданѣ. Тутъ досталось моей малой дощечкѣ, на которой только что начата была гравюра портретовъ Рафаэля съ Перуджино; потребовалось оцѣнить ее. На французскомъ языкѣ я объяснилъ ему, что она ничего не стоитъ, но, допрашивая меня, онъ заставилъ меня оцѣнить ее въ 25 франковъ, половину этой суммы я долженъ былъ заплатить пошлины. Затѣмъ онъ увидаль свертокъ небольшихъ ландкартъ и оцѣнилъ ихъ вдвое противъ того, что онѣ стоили, вслѣдствіе чего я ихъ оставилъ въ таможенѣ, а онъ мнѣ замѣтилъ: „при возвращеніи въ Парижъ вы ихъ найдете здѣсь въ цѣлости и можете тогда ихъ взять съ собою“.

Когда я уложилъ всѣ вещи вновь въ чемоданъ, обращая особенное вниманіе на мои броненосные сапоги, мой носильщикъ, должно быть по инструкціи, данной ему моимъ новымъ спутникомъ, который на время оставилъ меня, когда мы сошли съ парохода, привелъ меня въ отличный французскій отель, гдѣ половые были все французы; войдя въ зало для посѣтителей, я удивился совершенно другой обстановкѣ, нежели въ Парижѣ, не смотря на то, что меня отдѣляло отъ Франціи, именно отъ Булони, всего нѣсколько часовъ ѣзды. Здѣсь все было какъ-то солидно. Посреди зала стоялъ добротнаго дерева большой,

поврыгый чистымъ сувномъ, столъ; на окнахъ висѣли тяжеловѣсныя темнаго цвѣта занавѣси, по стѣнамъ стояли солидные стулья, въ углу какъ зеркало вычищенный каминъ съ приборомъ. Въ каминѣ симетрично были расположены куски каменнаго угла; они даютъ богатую теплоту даже въ отдаленный уголъ комнаты. Какъ новичекъ въ столъ строгой и новой для меня странѣ, я сѣлъ, выжидая моего спутника, въ дальнемъ отъ камина углу, но чувствовалъ его теплоту. У камина сидѣло двое англичанъ, изъ коихъ одного нельзя было видѣть изъ-за газеты, которую онъ читалъ; кромѣ кончиковъ сапога, вся его особа была скрыта отъ постороннихъ глазъ огромнымъ листомъ его газеты. Сидящій возлѣ него англичанинъ, кажется, разсуждалъ или думалъ. Часъ спустя явился мой спутникъ; онъ что-то заказалъ камердинеру и въ ожиданіи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Явилось чистѣйшее столовое бѣлье, затѣмъ какъ-будто серебромъ покрытыя блюда, и когда сняли съ нихъ крышки, то показался паръ и мы увидали отличный бифштексъ съ превосходнымъ картофелемъ, затѣмъ былъ поданъ чай. Чувствуя себя усталыми, мы поднялись по лѣстницѣ, покрытой коврами, каждый въ свою комнату для ночлега. И здѣсь я увидалъ богатство съ примѣрною чистотою: всюду ковры, добротныя занавѣси и постель такого достоинства, что я не чувствовалъ, какъ уснулъ, и проснулся только утромъ.

Выйдя на улицу, я увидалъ небольшіе дома, не оштукатуренные и всѣ почти темные отъ копоти каменнаго угла; въ окнахъ-же чистѣйшія стекла. Наконецъ, вижу, можно сказать, царскій экипажъ съ удивительною четверкой лошадей, по двѣ въ рядъ, съ богатыми шорами и сбруей.

Любопытство заставило меня спросить у стоявшаго возлѣ меня камердинера: чей это экипажъ, предполагая какого-нибудь лорда или богача. Мнѣ просто отвѣчаютъ, что „этотъ экипажъ повезетъ васъ черезъ часъ въ Лондонъ“, что это почтовая карета. Можете себѣ представить мое удивленіе. Въ 9 час. утра, расплатившись въ отелѣ, я сѣлъ на верхушку кареты, поджидая главнаго кучера. Лошади, по двѣ, были прикрыты коврами; у каждой пары лошадей стоялъ конюхъ. Вижу, выходитъ баринъ въ черной парѣ, съ бѣлымъ галстухомъ на шеѣ, румяный и плотнаго сложенія, садится на козлы; ему даютъ длинный

хлысть въ руку; песочнаго цвѣта шинель съ многими воротниками прикрываетъ его ноги; онъ даетъ знакъ конюхамъ снимать ковры съ лошадей, и оказывается, что этотъ господинъ и есть кучеръ экипажа, и лошади, едва почувствовавъ хлысть, тронулись съ мѣста. Мы ѣхали по дорогѣ, гладкой какъ паркетъ, даже камешекъ не попадался подъ колеса; зелень-же полей казалась бархатною тванью; города, которые мы проѣзжали, поражали своею опрятностью: стекла кажутся вездѣ зеркалами, тротуары снѣжно-бѣлые.

XI.

Мы проѣхали городъ Чатамъ; въ гавани его было видно, много кораблей, и вечеромъ, при волшебномъ освѣщеніи длинныхъ улицъ газомъ и внутренности церкви многочисленными огнями, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Все это казалось мнѣ какою-то торжественною иллюминаціею. По просьбѣ моего бывшаго спутника, дилижансъ высадилъ меня и другихъ путешественниковъ въ улицѣ Гей-Маркетъ, во французскомъ отелѣ Жирардѣ. Вопреки обычаямъ другихъ странъ размѣщать прежде иностранцевъ, хозяинъ хлопоталъ размѣстить англичанъ. Они, при богатствѣ своемъ, требуютъ удобствъ и охотно платятъ за дорогія комнаты; размѣстивъ ихъ въ лучшей части дома, остатки комнатъ назначаютъ иностранцамъ.

Я попросилъ хозяина дать мнѣ комнату подешевле, онъ преспокойно отвѣтилъ: „извините, мы это хорошо знаемъ“, и далъ мнѣ маленькую комнату въ верхнемъ этажѣ. Когда женщина пришла слать мнѣ постель, то я не могъ понять, что она мнѣ говорила, и мнѣ стало ужасно грустно, думая, сколько я теряю понапрасно времени и что я теперь въ Лондонѣ, какъ новорожденный, долженъ изучать языкъ, обычаи и на все это вновь терять время. И вотъ уже второй годъ, какъ я живу въ чужихъ краяхъ, а что я сдѣлалъ? и я со слезами легъ спать. Утромъ, вставши, я отправился внизъ, гдѣ читають газеты, пьютъ пиво, завтракають и обѣдаютъ.

Въ этой большой комнатѣ поразилъ меня убійственный запахъ газа и каменнаго угля, съ которымъ внослѣдствіи времени

я такъ сроднился, въ началѣ-же онъ мутилъ меня. Тутъ я познакомился съ старымъ господиномъ огромнаго роста, въ парикѣ съ завитыми висками и съ длинною косою. Одежда его, черная цвѣтомъ, по покрою своему также была оригинальна. Узнавъ, что я иностранецъ, онъ началъ со мною разговоръ на ломаномъ французскомъ языкѣ, заявилъ мнѣ, что онъ сѣверо-американецъ и былъ обрадованъ, услыхавъ отъ меня, что я русскій, называя нашъ народъ и государя лучшими друзьями его отечества. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ Александръ I, будучи избранъ судьей послѣ послѣдней войны Америки съ Англіею, оправдалъ Америку. (Въ благодарность за это посредничество) по этому счастливому случаю Америка готова поставить памятникъ нашему императору. Мы сдѣлались друзьями, къ сожалѣнію только на короткое время. Ему надобно было ѣхать, мнѣ-же искать квартиру гдѣ-нибудь въ частномъ домѣ. Въ первый-же день моего приѣзда я былъ удивленъ большимъ стеченіемъ народа, который былъ такъ занятъ, что скорѣе бѣжалъ, нежели шель по улицамъ; удивился туману, столь густому, что среди свѣтлаго солнечнаго дня можно смѣло смотрѣть на солнце.

Послѣ веселаго Парижа, съ его разноцвѣтными домами и тысячами всякаго рода вывѣсокъ и украшеній, я увидѣлъ здѣсь все небольшіе кирпичные дома, прескучнаго кирпичнаго цвѣта, безъ всякихъ вывѣсокъ и украшеній; между чернью много скучной бѣдности, въ Парижѣ и бѣдность весела. Парижъ какъ-будто всегда весель, здѣсь же что-то тяготитъ вашу душу; въ Парижѣ начните только болтать, французъ васъ съ удовольствіемъ поддержитъ, здѣсь-же спросите что-нибудь и вамъ, не останавливаясь, отвѣтитъ: „Иди все прямо“! Отъ всѣхъ этихъ замѣчаній первые дни моего пребыванія въ Лондонѣ я скучалъ и ожидалъ счастливаго времени, когда я съ нимъ болѣе ознакомлюсь.

Первый мой визитъ былъ къ достопочтенному старцу православной лондонской церкви, протоіерею Якову Ивановичу Смирнову. Я былъ принять имъ, можно сказать, какъ отцемъ роднымъ, онъ началъ знакомить меня съ трудностями дорогой жизни въ Лондонѣ и обѣщался выхлопотать прибавку къ моему парижской пенсіи, съ которою, по его словамъ, трудно жить и заниматься въ Лондонѣ. Про посланника, князя Ливена, онъ

сказалъ, что мнѣ его не видать, и что всѣ дѣла учащихся и многихъ нашихъ моряковъ переходятъ въ его руки, и онъ имъ съ перваго-же дня хлопочетъ о прибавкѣ содержанія, и его хлопоты не остаются безуспѣшны: „надѣюсь, и съ вами то-же будетъ“, прибавилъ онъ.

Я. И. Смирновъ высокаго роста, съ акцентомъ малоросса Харьковской губерніи, одѣтъ въ черное платье, стараго, въ видѣ квакерскаго, покрою; у него три, почтенныхъ дѣтъ, дочери, совершенныя англичанки, не пропускающія ни одной церковной службы, — и въ русской церкви онѣ стоятъ съ книжками въ рукахъ, — и одинъ сынъ, также среднихъ лѣтъ, съ подозрительнымъ румянцемъ въ лицѣ и свѣтлѣющимъ краснымъ носомъ, — кажется, любитель, какъ всѣ англичане, хорошаго портера, но онъ былъ ко мнѣ, какъ и все его семейство, очень ласковъ. Смирновъ обѣщался свести меня въ Раймбаху и, когда насталъ этотъ день, Я. И. мнѣ очень понравился, будучи одѣтъ лордомъ старыхъ временъ: въ длинномъ фракѣ съ фалдами, доходящими почти до пятъ, съ пряжками на башмакахъ, въ шпиглетахъ, съ лязкою шляпою съ большими полями и могучею большою палкою въ рукѣ съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Весь этотъ внѣшній видъ внушалъ къ нему искреннее почтеніе. Онъ шелъ тихо, описывая палкою кругъ, и при его почтенной наружности, съ косою назадъ, съ сильно напудренными волосами и съ зачесанными висками, онъ казался мнѣ живымъ портретомъ голландской школы XVII вѣка.

Въ Лондонѣ не имѣется у домовъ воротъ и дворовъ, какъ у насъ, а рядъ домовъ имѣетъ двери на улицу съ звономъ въ подземный этажъ, куда звонить обыкновенно торговый народъ. Принеся покушку, торговецъ звонитъ внизъ, приходитъ прислуга и беретъ вещь; всѣ прочіе посѣтители, приходящіе къ хозяевамъ дома, стучатъ и звонятъ въ другой звонокъ, который имѣется у входной двери. Такъ и мы, пришедши къ квартирѣ г. Раймбаха, постучали и позвонили; явилась рѣдкой красоты, съ красными румяными щеками, служанка и заявила намъ, что г. Раймбахъ и все его семейство на водахъ въ Рамсетѣ и не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ будутъ въ городѣ.

Прискорбно было почтенному Я. И. Смирнову, особенно мнѣ; тогда старецъ посовѣтывалъ мнѣ, въ ожиданіи г. Раймбаха,

заняться изученіемъ англійскаго языка и отрекомендовалъ мнѣ г. Вилькеса, нѣкогда бывшаго въ Россіи и знавшаго русскій языкъ. Не могу забыть перваго его урока; поставя меня передъ зеркаломъ, въ которомъ я могъ видѣть свой языкъ, подпернутый къ нѣбу, онъ училъ меня въ этомъ видѣ произносить трудное англійское th. Послѣ часоваго съ нимъ упражненія, отъ трудной гимнастики произношенія англійскихъ словъ, я усталъ, какъ послѣ трудной работы, и у меня съ часъ времени болѣлъ языкъ. Боясь получить на немъ мозоль, я сократилъ часы уроковъ и тѣмъ успокоилъ свои опасенія.

Меня удивляли нескончаемые дворцы въ паркѣ Регента (Regent Park), но, разсмотрѣвъ эти дворцы поближе, я увидалъ что они состоятъ изъ многихъ домовъ, которые соединены подъ одинъ общій величественный фасадъ. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: лордъ, владѣлецъ извѣстнаго клочка земли, желаетъ отдать его въ аренду или самъ строить, давая фасаду видъ величественнаго дворца, и затѣмъ въ нижнемъ этажѣ вы находите множество дверей, изъ коихъ каждая ведетъ въ совершенно отдѣльную трехэтажную квартиру, составляющую частицу этого нескончаемаго дворца, и это вѣсь поражаетъ, въ этомъ паркѣ, который вѣсь окруженъ подобными грандіозными дворцами; въ концѣ парка имѣется превосходный зоологическій садъ съ дикими животными, птицами, обезьянами и пр., вѣсь въ здоровомъ видѣ, чистоплотно и съ полнымъ удобствомъ содержимые; плата за входъ въ садъ самая малая (шиллингъ). Здѣсь вы найдете всегда избранное общество.

Ожидая приѣзда г. Раймбаха, я употребилъ съ пользою это время: посѣтилъ британскій музей, съ его богатствомъ древней скульптуры, осмотрѣлъ картинную галерею, въ которой имѣется, между прочими богатствами, по живописи, картина Себастьяно дель Піомбо „Воскресеніе Лазаря“, которую завистливый Микель Анджело, сочинивъ для Себастьяно дель Піомбо, хотѣлъ противопоставить картинѣ Рафаэля „Преображеніе Господне“; по моему слабому разумѣнію обѣ картины составляютъ высшую славу итальянской школы, но Рафаэлю принадлежитъ, конечно, первенство.

Я восхищался вестминстерскимъ аббатствомъ, гдѣ нѣкоторыя вѣншія и внутреннія работы изъ камня поражаютъ своею

трудностью и вкусомъ и гдѣ твердый камень кажется легкимъ узорчатымъ кружевомъ. Богатѣйшіе памятники великимъ людямъ, оказавшимъ странѣ услуги на военномъ и гражданскомъ поприщѣ, говорятъ о нихъ потомству въ изсѣченныхъ изъ мрамора великолѣпныхъ памятникахъ, поражающихъ своею громадностью и богатствомъ. Тутъ лордъ Чатамъ и др. почіютъ въ сосѣдствѣ съ Ньютономъ, Шекспиромъ, Генделемъ, Горроксомъ и др. Тутъ почиваетъ и Марія Стюартъ, ожидая при радостномъ всеобщемъ воскресеніи помириться съ своею сестрою, великою Елисаветою, которая, ея смертію, наложила неизгладимое пятно на свое славное царствованіе. Въ этомъ царствѣ холодной смерти и вѣчнаго покоя великіе люди Великобританіи продолжаютъ жить тѣмъ какъ во Франціи при жизни величаютъ подвиги великихъ людей, а со смертію ихъ весьма часто забываютъ и вамъ съ трудомъ укажутъ иной разъ ихъ могилу. Изъ этого можно вывести заключеніе, что въ живыхъ, или при жизни, слѣдуетъ быть французомъ, а по смерти, чтобы жить въ потомствѣ, слѣдуетъ быть англичаниномъ.

Я посѣтилъ также огромный соборъ св. Павла, выстроенный на холму, прекрасной архитектуры Христофора Ренна. Кромѣ строгой классической внутренности этого храма, онъ представляетъ собою пантеонъ великихъ людей новаго времени.

Тутъ почіютъ останки знаменитаго адмирала Нельсона, убитаго при Трафальгарѣ; этому герою воздвигнутъ огромный памятникъ въ нѣсколько фигуръ, высѣченныхъ изъ бѣлаго мрамора. Многіе другіе адмиралы, какъ-то: Аберкромби и проч. Тутъ же лежатъ: ваятель Ноллекенсъ и живописцы—серъ Жосуа Рейнольдсъ, основатель англійской школы живописи, серъ Томасъ Лоуренцъ и нашъ Жоржъ Доу, написавшій для Александра I-го портреты его сподвижниковъ 1812 года, подъ названіемъ: „Военная галлерей“.

Понемногу я началъ привыкать къ англійской кухнѣ, которая совершенно противоположна французской. Въ англійскомъ ресторани комната раздѣлена стѣнками въ родѣ стойлъ, по бокамъ ихъ находятся скамейки, прикрѣпленныя къ стѣнкѣ. Является прислуга, и вы, не зная англійскаго обычая обѣдать безъ супа, потребовавъ его, получаете что-то жидкое и, пропустивъ его въ желудокъ, чувствуете такой огонь, что пугаетесь

и ожидаете неминуемаго воспаления отъ казенскаго перца, которымъ этотъ супъ пропитанъ. Поэтому, приѣзжая въ Лондонъ изъ Парижа, иностранцы, по ошибкѣ, иной разъ спросятъ супа, но отвѣдавъ двѣ, три ложки, съ ужасомъ отъ него отступаютъ. Обыкновенное и вѣчное блюдо англичанъ составляетъ порція отличнаго ростбифа съ чуднымъ картофелемъ, поданная съ большою опрятностью, и кусокъ честерскаго сыра, въ нимъ $\frac{1}{2}$ пайнта портера съ элемъ. Въ веселый-же день, и находясь при деньгахъ и хорошемъ аппетитѣ, вы пожелаете еще яблочнаго пирога, также отлично испеченнаго и пріятнаго на вкусъ. Эту роскошь позволяютъ себѣ иностранцы, англичане-же изо-дня въ день дозволяются однимъ ростбифомъ съ картофелемъ и полумѣрою пайнта пива съ элемъ. Признаюсь, этотъ немногосложный обѣдъ въ сравненіи съ французскими пятью блюдами казался для меня сытнѣе, къ тому же легкое французское вино, будучи здѣсь замѣнено портеромъ съ элемъ, рождало въ васъ какой-то духъ мужественности и силы; французскій обѣдъ, какъ поэзія, веселитъ васъ, и вы съ улыбкою и съ какимъ-то удовольствіемъ встаете изъ-за стола, англійскій-же обѣдъ, въ видѣ тяжелой прозы, возбуждаетъ въ васъ матеріальную, грубую силу: вы хладнокровно смотрите на окружающее, ничто васъ не веселитъ. Встрѣчаешь, бывало, иной разъ премилыхъ, поздняго часа, дѣвицъ на главной улицѣ Регента (Regent street), богато разодѣтыхъ, съ скромными манерами, коихъ дорогіе шелка шумятъ на легкой фигурѣ. Вы смотрите на все тупымъ взглядомъ, чувства ваши вмѣсто любви желаютъ драки, и мнѣ часто приходилось, возвращаясь домой, сжавши кулаки, безъ всякой причины бить стѣны домовъ. Придя къ себѣ и взглянувъ на потолокъ своей комнаты, онъ часто казался мнѣ не плоскимъ, а круглымъ сводомъ.

Для иностранцевъ имѣется здѣсь довольно ресторановъ для всѣхъ націй. Приходилось иной разъ обѣдать въ итальянскомъ ресторанѣ и тутъ я встрѣчалъ многихъ эмигрантовъ. Они, въ крайней бѣдности и съ задумчивыми свучными лицами, казалось, думали о своей обворожительной Италіи, но горячія чувства молодости и плачевныя послѣдствія революціи лишили ихъ отечества, страны поэзіи и искусства.

Такъ проходили мои первые дни въ Лондонѣ; я встрѣтилъ тутъ живописца, старика Боссе, весьма слабого по искуству,

ибо онъ началъ заниматься поздно, но онъ имѣлъ счастье написать портретъ предобрѣйшей нашей императрицы Елизаветы Алексѣевны; во время сеанса онъ высказывалъ ея величеству свою страсть къ искусству и желаніе имѣть порученіе отъ правительства, разумѣется, съ хорошею платою, дѣлать копіи съ лучшихъ картинъ, разсѣянныхъ по всеѣмъ галлереймъ Европы. Боссе былъ добрякъ и говорилъ съ какимъ-то увлеченіемъ. Это желаніе было передано императору, и по царской добротѣ Александръ I-й далъ на то свое согласіе. И нашъ добрый ревельскій уроженецъ Боссе очутился за границую; я забылъ сказать, что встрѣтилъ его еще до Лондона въ Парижѣ, гдѣ въ Луврѣ онъ появлялся съ шумомъ, разговаривалъ со всеѣми громко, какъ настоящій профессоръ, коего работами интересуется царская фамилія и которыя будутъ служить оригиналами для академіи художествъ. Это счастливое для г. Боссе время длилось довольно долго. Къ несчастію, его копіи стали прибывать въ Петербургъ; ихъ сначала размѣщали по разнымъ казеннымъ зданіямъ, наконецъ, князь П. М. Волконскій прислалъ ихъ нѣсколько въ академію, но академія, найдя ихъ слабыми, отказалась принять.

Это случилось именно въ то время, когда Боссе былъ въ Лондонѣ, куда онъ отправился вслѣдствіе указа, повелѣвавшего всеѣмъ русскимъ оставить Парижъ; какъ вѣрноподданный, онъ перѣхалъ въ Лондонъ, выжидая, въ качествѣ придворнаго живописца, не имѣющаго ничего общаго съ революціей, разрѣшенія ѣхать обратно въ Парижъ. Къ несчастію своему, онъ получилъ отвѣтъ, что правительство болѣе не нуждается въ его копіяхъ и что онъ можетъ, если пожелаетъ, заниматься для собственнаго удовольствія; это крайне обезкуражило его и поразило какъ громомъ, но, какъ умный труженникъ, онъ съ малыхъ лѣтъ умѣлъ дѣлать копейку, и этотъ отказъ не засталъ его врасплохъ. Имѣя семейство—жену, двухъ сыновей и дочь, онъ далъ имъ отличное воспитаніе и жилъ припѣваючи. Иной разъ онъ соблазновалъ, что академія лишилась его будущихъ копій и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла случай сдѣлаться европейскимъ музеемъ.

Я не переставалъ справляться въ домѣ г. Раймбаха о его пріѣздѣ; наконецъ, мнѣ сказали, что онъ будетъ черезъ два дня. Услыхавъ эту радостную вѣсть, я посѣтилъ добраго Я. И. Смирнова и увѣдомилъ его о днѣ пріѣзда г. Раймбаха, на чтò онъ

мнѣ сказалъ, что имѣлъ отъ него письмо и просилъ меня быть у него завтра утромъ. Числа не помню, но въ назначенное утро я зашелъ къ Я. И. Смирнову (онъ былъ въ это время въ апогеѣ своей славы) и мы отправились къ Раймбаху.

Г-нъ Раймбахъ былъ малаго росту, очень тученъ и съ короткою шею, съ умными пронизательными глазами. Онъ принялъ насъ очень ласково, прочелъ письмо отъ моего президента А. Н. Оленина и отъ Н. И. Уткина, долго разговаривалъ съ Я. И. Смирновымъ. Я почти ничего не могъ понять изъ ихъ разговора, но старичекъ Я. И. перевелъ мнѣ, что г. Раймбахъ давно не беретъ учениковъ, но благодаря тѣмъ письмамъ, которыя онъ получилъ, и лестному обо мнѣ отзыву какъ президента, такъ и моего профессора Уткина, онъ принимаетъ меня въ свои ученики съ платою четыре гинеи въ мѣсяцъ, и что я буду работать возлѣ него съ 9 часовъ утра до 4 час. послѣ обѣда. Я съ радостью поблагодарилъ его и просилъ назначить день моего поступленія и начала работы. Я предполагалъ начать съ понедѣльника, но онъ на это замѣтилъ: „Мы, англичане, ничего не начинаемъ съ понедѣльника, сегодня пятница, такъ и начинайте съ завтрашняго дня, съ субботы“. Я немедленно согласился; затѣмъ мы разстались и я проводилъ моего достопочтеннаго отца протоіерея до его дома, въ Welbeck street, и искренно поблагодарилъ его.

На другой день, явившись въ студию г. Раймбаха, я нашелъ ее болѣе чѣмъ бѣдною: самая тѣсная комната, въ которой стояла желтая ширмочка, вся въ заплатахъ; на чудной его мѣдной доскѣ, съ начатой на ней гравюрою, лежала всякая нечистота: слабый огонекъ въ каминѣ согрѣвалъ его студию. Онъ былъ въ длинной бѣлой фланелевой курткѣ, съ изношенными штанами и въ туфляхъ. И это былъ неизвѣстнѣйшій граверъ, котораго французы и итальянцы ставили выше всѣхъ граверовъ: его умный взглядъ и разговоръ показывалъ художника высшаго образованія. Онъ взглянулъ на приготовленную мною доску портретовъ и затѣмъ на мой рисунокъ св. Семейства, похвалилъ и сказалъ: „доску съ портретами вы оставьте у себя, начнемъ же съ св. Семейства; закажите доску, можетъ-быть вы найдете ее готовую“.

Я началъ проводить контуръ, обзавелся инструментами,

вообще готовился къ работѣ, между прочимъ, я обратилъ вниманіе на инструменты моего профессора; всѣ они не имѣли ни вида, ни достоинства, все было въ его великомъ талантѣ. Взглянувъ на его работу, я удивился мастерству его рѣзца, скорѣе живописнаго, нежели машинальнаго. Открытая доска была полна пыли и грязи, на ней стоялъ, самой простой работы, деревянный шандалъ съ двумя коротенькими, но толстыми свѣчами, на образецъ свѣчей, вставляемыхъ въ каретные фонари.

Раймбахъ познакомилъ меня съ своими двумя сыновьями, еще дѣтьми; старшаго звали М. Девидъ, младшаго Эммерсонъ. Девидъ былъ мальчикъ болѣзненный, много читалъ и былъ любимцемъ отца. Дѣти объясняли мнѣ всѣ названія вещей на англійскомъ языкѣ, сильно шумѣли въ мастерской, устраивали горы, катались на нихъ, и это очень утѣшало отца. Въ мастерской было три небольшихъ окна; въ среднемъ работалъ онъ самъ, крайнее, по правую руку, было предоставлено мнѣ; какъ мой столъ, такъ и столъ моего профессора, и вся обстановка студіи похожа была скорѣе на жилище ремесленника, нежели на студію знаменитѣйшаго гравера въ Европѣ, котораго (разныя академіи) считали честью имѣть своимъ членомъ. Онъ былъ дѣл и ни съ кѣмъ не водилъ знакомства, но былъ умнѣе и образованнѣе всѣхъ членовъ англійской академіи.

Признаюсь, я началъ сомнѣваться, выучусь-ли я чему-нибудь у сего великаго художника. Мнѣ казалось за правило, что великіе люди мало имѣютъ терпѣнія слѣдить за слабыми учениками, того болѣе за иностранцами. Г-нъ Раймбахъ полюбилъ меня, и всѣ часы ученья проходили въ разговорахъ на французскомъ языкѣ. Онъ удивлялъ меня своею ученостью; изъ книжки, въ которой онъ впоследствии описалъ вкратцѣ свою жизнь, я узналъ, что онъ происходилъ изъ швейцарскаго семейства. Отецъ его былъ держателемъ ресторана въ Лондонѣ; маленькій Раймбахъ много миниатюрилъ портреты, былъ страстный любитель театра и помѣщалъ въ журналахъ свои критики; онъ поступилъ въ ученики къ извѣстному граверу, М. Hall, и женился въ Парижѣ на красавицѣ m-lle Vestris; все семейство Vestris отличалось красотой. Я засталъ м-me Раймбахъ еще очень красивою, но имѣвшею уже взрослыхъ дѣтей, и, не смотря на это, мой почтенный профессоръ, казалось

мнѣ, былъ все еще ревнивымъ мужемъ; въ сожалѣнію, она была слаба здоровьемъ, и вообще я не считалъ этотъ бракъ совершенно счастливымъ, потому что по умственному развитію она стояла гораздо ниже своего мужа, что нерѣдко давали ей чувствовать даже дѣти, и это втайнѣ огорчало меня. Продолжая заниматься, молодой Раймбахъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго живописца шотландца сэра Дэвида Вильки, который, увидавъ гравюры Раймбаха, былъ ими восхищенъ и далъ ему гравировать свою картину „Деревенскіе политиканы“ (картина, имѣвшая огромный успѣхъ на выставкѣ въ Лондонѣ.) Раймбахъ, гравировавшій до сего времени малыя гравюры для разныхъ изданій, получивъ этотъ заказъ довольно крупныхъ размѣровъ, долженъ былъ много надъ нимъ потрудиться. Эта гравюра представляетъ верхъ совершенства: удивительная вѣрность экспрессіи, правильность рисунка при должномъ эффектѣ, поражаетъ всякаго рѣдкимъ исполненіемъ и законченностью всѣхъ частей гравюры. Съ сей гравюры Раймбахъ началъ заниматься гравированіемъ съ картинъ Вильки и продолжалъ до конца жизни своей, въ 1840 году.

Въ началѣ моихъ у него занятій профессоръ совѣтывалъ мнѣ переѣхать поближе къ его дому и заняться изученіемъ англійскаго языка. Въ улицѣ, гдѣ жилъ г. Раймбахъ, № 10 Varren str., былъ пансіонъ, называемый въ Англии Board and Lodging House, гдѣ можно было жить, имѣть столъ и быть всегда въ англійскомъ обществѣ за небольшую плату понедѣльно. Такой пансіонъ, съ платою одну гинею или 21 шил. въ недѣлю, содержался почтенною дамою, m-me Love. Онъ былъ для меня удобенъ и я вскорѣ туда переѣхалъ. Признаюсь, я нашелъ тамъ премилое общество, состоявшее большею частью изъ пожилыхъ дѣвицъ; въ числѣ ихъ была пріятельница семейства г-жи Раймбахъ, старая дѣвица Сарра Смартъ, лѣтъ 45-ти, дочь миниатюрнаго живописца, который жилъ и работалъ долгое время въ Индіи и оставилъ ей пожизненной пенсіи около 60 фун. стерл. Дѣвица эта была отлично воспитана и по дружбѣ въ семейству Раймбаха была мнѣ очень полезна въ англійскомъ языкѣ.

Въ пансіонѣ время проходитъ очень пріятно: въ утреннемъ чаю собирается не все общество, ибо пансіонерки, старыя дѣвицы, встаютъ поздно и, не исправивъ слѣды приближающейся старости,

завтракають въ своей комнатѣ, — мнѣ же съ другими пансіонерами даютъ утромъ завтракъ, состоящій изъ чашки чая съ особеннымъ теплымъ аладышемъ (онъ называется по англійски шифин), намазаннымъ масломъ, или чай просто съ бѣлымъ хлѣбомъ, мастерски нарѣзаннымъ ломтиками, толщиною въ почтовый листъ, подернутый масломъ.

Нашъ землякъ, г. Протопоповъ, бывшій гувернеромъ у дѣтей нашего посланника въ Лондонѣ, пришелъ ко мнѣ однажды вечеромъ на чай, сложилъ этихъ ломтиковъ шесть штукъ вмѣстѣ и, перегнувъ ихъ по срединѣ, въ два приѣма спустилъ ихъ въ свой желудокъ, къ удивленію всѣхъ пансіонеровъ и пансіонероужъ.

Въ 10 часовъ я отправлялся работать; Раймбахъ старался отъ меня узнать описаніе каждой пансіонерки, ибо пансіонеровъ у м-ше Love было мало и то большею частью пріѣхавшіе на короткое время иностранцы. А пансіонерки были большею частью интересны, особенно молодыя иностранки, у которыхъ были всегда знакомые мужчины и къ тому же благодѣтели, чему Раймбахъ отъ души смѣялся. Въ 4 часа подавался обѣдъ, являлась хозяйка, м-ше Love, дама 65 лѣтъ, бѣдною одѣтая въ черномъ и въ чепцѣ, со всѣми здоровалась; она болѣе всѣхъ боялась дѣвицы Smart, которая строго осматривала изготовленный обѣдъ, жаркое съ картофелемъ, особенно же доставалось отъ м-ше Smart сыру, который подавался обыкновенно очень старый, поэтому всѣ брали его самый маленькій кусочекъ, и такимъ образомъ ему конца не было; м-ше Smart, уловивъ минутку, когда старушка выйдетъ, искрошитъ бывало весь кусокъ на части, по числу сидящихъ за столомъ, и проситъ каждого взять кусокъ и бросить въ форточку, тогда старушкѣ приходилось покупать новый сыръ. Послѣ обѣда садились къ камину и тутъ начиналось практическое обученіе англійскому языку; въ 6¹/₂ час. подавали чай и хлѣбъ съ масломъ, а въ 9 час. вечера легкой ужинъ, состоявшій изъ куска сыра и хлѣба съ масломъ; въ 10¹/₂ час. ночи всѣ пропались и, взявъ свою свѣчу, каждый отправлялся въ свою комнату. Въ воскресный день за обѣдомъ являлся goosebergу ріе; я его очень любилъ, но той сладкой зелени, которою его начиняютъ въ Россіи, я не видалъ.

Настало время конкурса, для полученія права по вечерамъ

рисовать съ натуры въ тамошней академіи художествъ, Somerset House; слѣдовало, для конкурса, нарисовать съ гипса фигуру. Съ большими неудобствами и съ слабago слѣпка гипса нарисовалъ я въ студиі у Раймбаха фигуру Атласа и былъ принятъ. Мнѣ хотѣлось не столько рисовать, сколько узнать тамошніе порядки и познакомиться со студентами, ихъ характеромъ и успѣхами въ рисованіи. Академія художествъ (Somerset House) отстояла отъ меня очень далеко и ходить въ вечерніе классы, при ужасной слякоти, въ зимнее время, и при туманѣ, который бываетъ иной разъ такой густой, что предъ собою ничего нельзя разглядѣть (было не особенно пріятно). Въ Лондонѣ все закончено и черно. Войдя въ Avantale академіи, я встрѣтилъ молодыхъ людей скромныхъ, одѣтыхъ чисто; всюду царствовала тишина. Меня удивило, что молодые студенты, едва начавшіе рисовать, имѣли уже заказы на картины.

Художества могутъ процвѣтать только въ богатыхъ странахъ, въ чемъ я убѣдился, проживъ почти четыре года въ Лондонѣ. На счетъ рекомендательныхъ писемъ я могу сказать, что въ Германіи и во Франціи онѣ заставляютъ терять много времени, не принося никакой пользы; въ Англіи же приобретаешь въ рекомендованной вами особѣ, въ незнакомой вамъ личности—друга, который все готовъ для васъ сдѣлать.

Такъ, однажды, я оставилъ въ одномъ домѣ въ Лондонѣ привезенное мною изъ Парижа рекомендательное письмо и вотъ не прошло и часа, какъ явился ко мнѣ изъ этого дома господинъ. Удостоверившись въ моей личности, онъ спросилъ меня, въ чемъ можетъ онъ быть мнѣ полезенъ. Затѣмъ получаю приглашеніе на обѣдъ; на обѣдѣ встрѣчаю, между пріятелями хозяина, много художниковъ, которые со мною познакомились въ Англіи.

Продолжая заниматься у Раймбаха среди многихъ неудобствъ, причемъ онъ относился ко мнѣ весьма снисходительно, я учился, главнымъ образомъ, смотря на его работу, и меня удивляла смѣлость, съ которою онъ работалъ, предварительно обдумавъ хорошенько вещь и затѣмъ уже приступая къ работѣ. Кромѣ того, меня радовало, что на наше искусство англійскіе граверы не смотрятъ какъ на искусство машинальное, но стараются, при крайней тщательности работы, придать ей живописныя достоинства. Молодой граверъ, получая работу, получаетъ въ то же

время и рекомендацію къ художнику и обязанъ, окончивъ свою работу, показать ее рекомендованному живописцу, а тотъ какъ художникъ, ставя ни во что сдѣланную, съ большимъ трудомъ, гравюру, дѣлаетъ по поводу нея свои замѣчанія, мучаетъ ими гравера долгое время, пока напишетъ на оттискѣ „argroved“, удовлетворительно, и тогда только, когда оттискъ снабженъ этою надписью, граверъ получаетъ заказную плату. Но и тутъ заказчикъ не заплатитъ прежде, нежели не отпечатаетъ гравюру и не удостовѣрится, что представленный ему оттискъ не былъ заправленъ тушью, что такъ часто дѣлаютъ граверы другихъ странъ и чего въ Англіи они совершенно не знаютъ, поэтому англійскія гравюры и отличаются своею оконченностью и ровностью оттисковъ.

Я замѣтилъ изъ разговора съ г. Раймбахомъ, что онъ намѣренъ остаться въ Лондонѣ послѣдній годъ, чтобы докончить только заказъ отъ богатаго дома м-г Moon, Boys and Graves, гравюру съ картины Вильяма „Околодочный надзиратель“, которою я всякій разъ восхищался, рассматривая ее въ студии Раймбаха: въ воскресный день итальянцы—мужъ, жена и сынъ—не зная англійскаго закона, что въ этотъ день запрещаются всѣ представленія, вышли съ медвѣдемъ, обезьяною и собакою, чтобы заработать себѣ хлѣбъ насущный. Ихъ поймалъ околодочный надзиратель, полонилъ и привелъ къ тюрьмѣ; мальчишки надъ ними смѣются, итальянцы-же, не зная ни законовъ, ни языка страны, съ запальчивостью, пантомимною стараются доказать свою невиновность, околодочный-же надзиратель, зная свой законъ, преспокойно ведетъ ихъ въ тюрьму; таковъ сюжетъ картины, которою, какъ я уже сказалъ, я ежедневно восхищался. Окончивъ эту гравюру, Раймбахъ оставилъ Лондонъ и переселился въ Гренвичъ.

Въ Англіи принято смотрѣть на Лондонъ какъ на городъ труда, выгодный для заработка капитала, для предстоящей старости и обезпеченія семейства. Какъ скоро лондонскій труженикъ обезпечилъ себя и свое семейство, онъ оставляетъ городъ и селится или въ провинціи, или на окраинахъ города Лондона. Слѣдуя этому обычаю, и г. Раймбахъ, работавшій съ рѣдкимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, какъ мнѣ говорили, ежедневно съ 6-ти час. утра до 11 час. вечера, не признавая никакихъ празд-

никовъ, составилъ себѣ капиталъ около полумилліона франковъ, такъ что его считали самымъ богатымъ граверомъ. Даже въ первый день Рождества Христова, который почитается великимъ праздникомъ для всякаго англичанина, гдѣ-бы онъ ни жилъ я заставлялъ Раймбаха за работою.

Предчувствуя, какъ я уже сказалъ, его скорый отъѣздъ, я пробылъ у него годъ и затѣмъ просилъ его дозволить мнѣ работать дома, на что онъ съ удовольствіемъ согласился, обѣщая остаться моимъ другомъ, что онъ и исполнилъ. Я обѣдалъ у него всегда въ первый день Рождества, что случается у англичанъ въ исключительныхъ случаяхъ, по родству или по искренней дружбѣ, мнѣ же онъ дѣлалъ, я увѣренъ, это удовольствіе какъ иностранному гостю; кромѣ того, онъ желалъ знать мои замѣчанія о лондонской жизни.

Поселившись въ своемъ одиночествѣ, я очень скучалъ, и Богу угодно было неожиданно обрадовать меня своею милостью, которая разомъ измѣнила мою жизнь. Имѣя письмо отъ г. Ришомъ къ г. Пою, извѣстному англійскому пейзажному граверу, я совершенно забылъ объ этомъ письмѣ. Ришомъ ожидалъ отвѣта отъ г. Пою, онъ же началъ разыскивать меня и, найдя, сдѣлалъ мнѣ выговоръ, говоря: „если правительство прислало васъ въ Англію, значитъ, оно нашло, что ея художники могутъ послужить вамъ въ пользу, а вы дичитесь и живете замкнутою жизнію. Человѣкъ созданъ для общества, живя среди него, вы несравненно больше научитесь, выслушивая взаимные совѣты, иначе вы будете походить на человѣка, который отыскиваетъ улицу и, не желая спросить у проходящихъ, не желая ни съ кѣмъ посоветываться, будетъ въ десяти шагахъ отъ нея, будетъ блуждать и терять напрасно время, спросивши-же, онъ-бы тотчасъ былъ на мѣстѣ“.

Мнѣ это чрезвычайно понравилось. Онъ далъ мнѣ свою карточку и адресъ друга своего, отличнаго человѣка и гравера Джона Гейнри Робинсона. Г-нъ Робинсонъ жилъ недалеко отъ меня и я, отправляясь къ нему, желая одѣться какъ можно чище, надѣлъ свои парижскіе сапоги. Робинсонъ жилъ совершенно какъ англійскій джентльменъ: отличная квартира въ бель-этажѣ, богатая мебель, полъ былъ покрытъ превосходными коврами. Это былъ человѣкъ лѣтъ подь сорокъ, съ доброю

наружностью. Начались разговоры о Парижѣ, о славныхъ трехъ дняхъ революціи, и я, въ восторгѣ отъ встрѣчи съ англичаниномъ-граверомъ, съ которымъ могъ побесѣдовать по душѣ, вспомнивъ все видѣнное мною въ Парижѣ, начинаю съ жаромъ толковать, сильно дѣйствуя ногами и руками, забывъ, что у меня на ногахъ парижскіе, съ большими гвоздями, сапоги; хочу передвинуть ногу и чувствую, что ноги мои сильно впились въ превосходный коверъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вытканъ розанъ. Къ моему счастью, г. Робинсонъ вышелъ въ другую комнату; этимъ отсутствіемъ я воспользовался: взявъ каждую ногу обѣими руками, я едва могъ высвободить ихъ изъ ковра; узоръ ковра былъ попорченъ, а изъ-подъ сапога высовалась разноцвѣтная шерсть въ видѣ бороды, которую, по выходѣ на улицу, я съ трудомъ вырвалъ. Затѣмъ не помню, что случилось съ этими сапогами.

Такое-же происшествіе случилось и съ моимъ, желтоватаго цвѣта, пальто, которымъ я старался запастись при отъѣздѣ изъ Парижа въ Лондонъ. Наглядѣвшись вдоволь, во время моего путешествія, на англичанъ какъ въ Россіи, такъ и во Франціи, и найдя, что ими предпочитается для верхней одежды песочный цвѣтъ, я купилъ въ Парижѣ, какъ мною уже было рассказано, пальто песочнаго цвѣта. Посѣщая ежедневно студию г. Раймбаха, я считалъ себя вполне счастливымъ, что являюсь къ нему въ довольно аристократическомъ видѣ, имѣя настоящее англійское пальто, сшитое съ французскимъ шивомъ. Одѣвая его, вытягивая и нарочно ради хвастовства поправляя долгое время воротникъ, я старался выказывать тѣмъ самымъ свое уваженіе къ дому. Когда я былъ въ пальто, я имѣлъ всегда самодовольный видъ. Но, о Боже, какъ я былъ разочарованъ, когда въ одинъ прекрасный день, по окончаніи моихъ занятій, г. Раймбахъ, прощаясь со мною, покраснѣвъ, сконфуженнымъ и тихимъ голосомъ, какъ другу, начинаетъ дѣлать мнѣ свои замѣчанія о моемъ, песочнаго цвѣта, пальто.

„Извините, мой другъ, г. Горданъ, вы должны знать, что въ Англии много значить одежда и ея цвѣтъ. По платью люди замѣчаютъ здѣсь, кто къ кому ходитъ и какаго онъ сословія“.

Боже мой, я слушаю его и не могу предугадать, въ чему идетъ рѣчь.

„Видите, г. Юрданъ, вы ходите къ намъ въ пальто песочнаго цвѣта, этотъ-же цвѣтъ есть цвѣтъ верхней одежды нашихъ извозчиковъ“.

Можете себѣ представить, его послѣднія слова были для меня сильнѣе громоваго удара. Я начинаю извиняться въ столь неожиданной ошибкѣ и радовался, что узналъ причину какой-то грусти, съ которою смотрѣлъ на меня г. Раймбахъ, когда я передъ нимъ, можно сказать, хвастался моимъ чуднымъ пальто; теперь-же оказалось, что песочный цвѣтъ—цвѣтъ вучерской; въ Англии всякій модный цвѣтъ держится до тѣхъ поръ, пока низшій классъ не начнетъ его носить, тогда гордая аристократія тотчасъ его бросаетъ, единственно потому, что средній и низшій классы нашли его удобнымъ во время путешествія во избѣжаніе пыли; тогда аристократія избираетъ сѣрый цвѣтъ и т. д., что и было объяснено мнѣ англичанами.

Какъ я уже сказалъ, г. Пой вывелъ меня изъ затворничества, ибо, посѣщая г. Раймбаха и видя его всегда за работою, обходившагося безъ знакомства, я послѣдовалъ было его примѣру.

Теперь-же я былъ знакомъ съ г. Поемъ, Робинсономъ, черезъ нихъ познакомился съ Самуелемъ Козенсомъ, знаменитымъ граверомъ съ портретовъ сэра Томаса Лоуренса à la mezzotinto, съ извѣстнымъ граверомъ Джоржомъ Доу, съ Гомфрисомъ, съ богачемъ и покровителемъ граверовъ Крушвенкомъ и др. Въ это-же время пріѣхалъ изъ Парижа мой другъ, пенсіонеръ берлинской академіи Густавъ Людеритцъ, и пенсіонеръ голландскаго правительства Демаръ. Жизнь моя измѣнилась; даже лондонскій туманъ не казался мнѣ болѣе такъ скученъ и теменъ, я началъ узнавать короче англичанъ.

Тутъ случился годовой обѣдъ, для составленія капитала художниковъ (Artist Fund Society). Подписная цѣна на этотъ обѣдъ была одна гинея, намъ-же, троицъ граверамъ Россіи, Пруссіи и Голландіи, прислали даровые билеты. Въ фримесенскомъ огромномъ залѣ обѣдало 250 человекъ. Не помню имя лорда предсѣдателя. Обѣдъ былъ блистательный, говорилась бездна рѣчей, въ которыхъ и мы, гости, были упомянуты, по случаю того, что иностранныя державы начинаютъ присылать своихъ художниковъ для усовершенствованія ихъ въ гравировальномъ

искусствѣ. Когда всѣ порядкомъ подпили, явились печатные листы для пожертвованій и я, будучи въ веселомъ настроеніи, при видѣ всего окружающаго и съ головою отуманенною парами вина, особенно англійскаго, которое сильно разбавляютъ спиртомъ, совѣтывалъ моимъ товарищамъ подписаться по двѣ гинеи каждому, т. е. одну гинею за даровой обѣдъ и вторую гинею въ пользу капитала художниковъ. Они согласились, думаю, также подъ влияніемъ винныхъ паровъ. Это единственный разъ, что я былъ не въ своей памяти. У англчанъ есть обычай, когда пьютъ вино за здоровье другъ друга, то, примѣтивъ, что знакомый смотритъ на васъ, вы, держа рюмку съ виномъ, какъ-бы далеко онъ ни сидѣлъ, киваете ему и дотрогиваетесь слегка губами до рюмки съ виномъ, онъ дѣлаетъ то-же. Будучи на подобномъ торжественномъ обѣдѣ въ первый разъ и имѣя предъ собою дѣлую бутылку хереса и порядочное число знакомыхъ, которые всѣ присутствовали на этомъ обѣдѣ и, по обычаю страны, кивали головою, смотря на меня, и дотрогивались до своихъ рюмокъ, я вмѣсто того, чтобы только коснуться губами вина, выпивалъ каждый разъ всю рюмку. При окончаніи обѣда, признаюсь, мнѣ трудно было встать съ мѣста. Но все кончилось безъ всякой бѣды.

Г-нъ Людеритцъ прожилъ въ Лондонѣ около трехъ мѣсяцевъ. Онъ помѣстился у m-me Love; его всѣ полюбили. Я познакомилъ его съ г. Раймбахомъ. Разставшись съ Людеритцомъ по отъѣздѣ его въ Берлинъ, я началъ скучать,—казалось, я лишился брата. Я опять одичалъ, не будучи охотникомъ ходить въ гости. Однажды, въ столь скучный для меня день, хотя на дворѣ стояла прелестная октябрьская погода, поработавъ, я отправился въ поле, въ мѣстечко, называемое Примрозъ Хилъ (Primrose Hill), тутъ встрѣчаю гуляющихъ гг. Поля и Робинсона. Они примѣтили мою грусть, и на ихъ вопросъ я объяснилъ имъ, что одиночество губитъ меня и что я желалъ-бы, если можно, найти себѣ собесѣдника. Вдругъ г. Робинсонъ говоритъ:

„Завтра я ѣду на три мѣсяца въ провинцію; квартира у меня большая; я человекъ одинокій,—чѣмъ ей стоять пустой, переѣзжайте ко мнѣ и располагайтесь въ ней, какъ вамъ заблагоразсудится; тамъ вы найдете женщину, которая будетъ вамъ прислуживать и, если пожелаете, будетъ готовить кушанье.

Когда-же я возвращусь домой и вы найдете квартиру удобною, то мы переговоримъ, и я вамъ предложу самыя доступныя условія“. Не знаю, что я почувствовалъ при этихъ словахъ, радости моея и благодарности не могъ ему довольно высказать, зная всеобщее къ нему уваженіе; къ тому-же г. Робинсонъ имѣлъ видъ вполнѣ благороднаго человѣка съ манерами настоящаго джентльмена и къ тому-же жилъ въ самомъ здоровомъ и спокойномъ кварталѣ, подъ названіемъ Mornington Place, № 24,—такъ назывался рядъ домовъ, стоявшихъ между двухъ полей.

„Это рѣдкій для васъ случай, сказалъ мнѣ г. Пой, и вы старайтесь оправдать довѣріе къ вамъ г. Робинсона. Мы не любимъ помѣщать въ свои квартиры чужихъ, и вы рѣдкій счастливецъ“.

Слова г-на Поя были пророческія. На другой-же день я переѣхалъ на новую квартиру, которая послѣ моего двухгодоваго пребыванія въ Лондонѣ показалась мнѣ очаровательнымъ помѣщеніемъ. Г-нъ Робинсонъ занималъ два этажа, первый и второй; въ каждомъ этажѣ, какъ во всякомъ домѣ въ Англіи, было двѣ комнаты: одна на улицу, другая во дворъ. Предъ окнами, на улицу, находилось прелестное поле, съ пасущимися на немъ коровами. Онъ занималъ часть дома отъ г. Вейта. Въ ожиданіи приѣзда г-на Робинсона, я посѣтилъ выставку картинъ и разныхъ древностей, принадлежащихъ одному изъ братьевъ Наполеона I-го, гдѣ мнѣ понравилась картина живописца Чиголи „Божья Матерь, оплакивающая смерть Спасителя“. Я просилъ позволеніе сдѣлать съ нея рисунокъ, на что смотритель, итальянецъ, съ удовольствіемъ согласился. Картина эта состояла изъ двухъ головъ: Спасителя и Богородицы, оба поясныя изображенія.

Я посѣщалъ также картинныя галлерей, оканчивалъ „Св. семейство“ съ Рафаэля и часто вспоминалъ о невозвратимой уtratѣ моего ангела, возлюбленной моея родительницы, вѣсть о кончинѣ которой постигла меня неожиданно еще прошлаго года; я узналъ объ этомъ горѣ изъ письма моего товарища и затѣмъ отъ нашего родственника А. Э. Брейтгорна, который долго не сообщалъ мнѣ о ея кончинѣ, боясь огорчить меня. Я много плавалъ и, бросивъ работу, пошелъ за городъ и тамъ въ одиночествѣ оплакивалъ свою потерю. Много думалъ я объ остав-

шейся, въ полномъ сиротствѣ, любимѣйшей моей сестрѣ Аннѣ, которая жила въ Павловскѣ гувернанткою у полковника Бипена. Что дѣлать, всякой грусти бываетъ конецъ, особенно приходится примириться съ утратою добродѣтельной матери, которая всегда была слаба здоровьемъ и имѣла уже подлѣ 70 лѣтъ. Да почтѣе святая твоя душа до общаго радостнаго утра! Миръ твоему праху и вѣчная память!

Ф. И. Горданъ.

Сообщ. В. А. Горданъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо гравера Раймбаха къ А. Н. Оленину.

Райбахъ такъ былъ доволенъ своимъ ученикомъ Федоромъ Ивановичемъ Горданомъ, что при всей сдержанности, свойственной англичанамъ, послалъ президенту императорской академіи художествъ въ С.-Петербургѣ, А. Н. Оленину, слѣдующій отрывъ о Ф. И. Горданѣ:

[Переводъ съ французскаго]. „Г. президентъ, спѣшу воспользоваться случаемъ, чтобы сообщить вашему превосходительству нѣкоторыя свѣдѣнія относительно г. Гордана, пенсіонера императорской академіи, который былъ рекомендованъ мнѣ вашимъ прев—мъ прошлою осенью.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ считаю долгомъ своимъ выразить вашему пр—ству мое наибѣйшее одобреніе, какъ относительно нравственности и безуречнаго поведенія г. Гордана, такъ и въ отношеніи его таланта, прилежанія и выдержки по его специальности. Трудно встрѣтить въ одной и той же личности столько добрыхъ качествъ, какъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Смѣю надѣяться, что в. пр—ство не откажете въ поощреніи и одобреніи за его успѣхъ въ трудной отрасли гравированія по крѣпкой водкѣ. Пробные оттиски прилагаю съ симъ письмомъ на ваше благоусмотрѣніе.“

Авраамъ Райбахъ.

Лондонъ.

26-го мая 1831 г.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ РОЗЕНГЕЙМЪ ¹⁾.

(† 7-го марта 1887 г.).

Ревъ и вой ежеминутный,
Злится вьюга за окномъ,
Въ темной комнатѣ уютной
Я сижу предъ камелькомъ.

Человѣку такъ привольно;
Вдругъ Богъ вѣсть съ чего на умъ
Забредеть совсѣмъ невольно
Рой кавихъ-то вздорныхъ думъ:—

„Вотъ, молъ, вьюга завываетъ,
Можетъ статься въ этотъ мигъ
Гдѣ-нибудь тамъ замерзаетъ
Иль ребенокъ, иль старикъ!

Можетъ этою порою,
Гдѣнибудь въ сыромъ углу,
Дѣти съ матерью больною
Коченѣють на полу!“

Просто блажь воображенья,
Необузданность одна,
И подя-же настроенье
Все испортитъ вамъ она.

О довольствѣ нѣтъ помина,
Что ни дѣлай—не вернешь,
И у теплаго камина
Пробѣжить по тѣлу дрожь.

М. П. Розенгеймъ.

Сообщ. В. Изъ Розенгеймъ.

¹⁾ Помѣщенное здѣсь стихотвореніе покойнаго поэта найдено въ его бумагахъ, оно сохранилось въ наброскѣ карандашомъ, не отдѣланное.

В. Р.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1855 г. ¹⁾.

6 сентября. Сегодня вн. Суворовъ прислалъ мнѣ письмо Ливена, отъ 29 августа. Письма его всегда жалки. Сегодняшнее подъ масть прочимъ. Онъ говоритъ на трехъ страницахъ о чаѣ, кофе, экипажахъ и т. п. нужныхъ для свиты (на случай прїѣзда въ Ригу), а потомъ продолжаетъ: „j'en viens à Sebastopol; comment aurai-je la force de vous en parler...“ Далѣе слѣдуетъ рядъ опасеній насчетъ возможныхъ дѣйствій непріятеля, атакванія Одессы, Перекопа и т. п. éventualités. Затѣмъ въ концѣ: „si le bon Dieu nous protège un mois, nous sommes sauvés. Не унывать. Богъ съ нами“.— Вотъ люди, которые нами управляютъ!

13 сентября. Изъ писемъ А. Мейендорфа видно, что на текущій годъ считаютъ кампаніи какъ бы конченными, но готовятся къ возобновленію усилій на будущій годъ. Мейендорфъ—отголосокъ салоновъ, но входитъ въ салоны, гдѣ можно узнавать le dessous des cartes. Онъ пишетъ, что вел. князь Константинъ Николаевичъ поѣхалъ обозрѣвать Каспійское море, а оба другіе великіе князья отправились въ армію.

21 сентября. На каждомъ шагѣ новый поводъ къ прискорбію, и почти къ отчаянію. Всѣ письма изъ Петербурга невыразимо жалки. Вездѣ проглядывается взаимное усиліе de se donner du coeur à grand renfort de bras. Tout ce monde se bat les flancs pour avoir du courage. En attendant tout va le long de la vieille ornière.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167—182.

Мейендорфъ, въ письмѣ отъ 15 сент., хладнокровно говоритъ, въ припискѣ сбоку: „on va abandonner la Сѣверная“, и утѣшается тѣмъ, что, по словамъ прїѣхавшаго изъ Крыма Гроте, „l'homme le plus intéressant, qui a tout vu et su depuis un an“, мы имѣемъ 70 т. человекъ около Севастополя. Такъ вотъ каковъ остатокъ тѣхъ сотенъ тысячъ, которыя въ продолженіе года отправляли въ Крымъ умирать въ розницу. Вотъ слѣдовательно окончательный результатъ премудрости Ливена и К°, писавшихъ: „il faut chasser l'ennemi qui ose fouler le sol sacré“, etc.!

Я не зналъ гр. Остенъ-Сакена. Можно было полагать, по доблестной защитѣ Севастополя, что не смотря на педантизмъ и прежнюю фронтную мелочность, въ немъ была способность мыслить и дѣйствовать высоко. Вчера я читалъ копію его рапорта кн. Горчакову о штурмѣ 27 августа и оставленіи Севастополя. Безграмотно и плоско. И тутъ виденъ нѣмецкій генераль, подписывающій фразы, составленныя полуграмотнымъ нѣмецкимъ адъютантомъ. Въ концѣ слѣдующая фраза: „Итакъ, чуднымъ промысломъ Подателя блага, гарнизонъ воздвигнутаго почти одновременно съ осадю укрѣпленнаго города, въ 349-й день обороны, оставилъ безъ капитуляціи развалины, и непріятель не рѣшился даже предложить ее“.

„Итакъ“ главный начальникъ Севастополя, въ кровавый и прискорбно-славный день 27 августа, не забылъ таки о словѣ „капитуляція“.

19 октября. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Я ничего не записывалъ, потому что записывать было нечего. Все старая пѣсня. Теперь говорятъ, что Клейнмихель (удаленъ). Гершау писалъ о томъ кн. Суворову со словъ флигель-адъютанта Дена, ѣздившаго къ Клейнмихелю. Вотъ, по крайней мѣрѣ, внутренняя побѣда. Да будетъ она началомъ конца.

20 октября. Что у насъ теперь прежде всего желательно:

1. Преобразование цензуры. Мнѣ кажется, что легче быть хорошимъ директоромъ департамента, въ любомъ министерствѣ, чѣмъ хорошимъ цензоромъ, и что доколѣ цензоровъ будутъ сажать на гауптвахту, вообще не можетъ быть и самыхъ посредственныхъ цензоровъ.

2. Обнародованіе бюджетовъ различныхъ вѣдомствъ. Вообще, отмѣна турецко-китайской тайны по дѣламъ финансоваго управленія.

3. Отмѣна крѣпостнаго состоянія нашихъ промышленныхъ силъ, нинѣ закабаленныхъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій. Поощреніе частныхъ предпріятій по части желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. Отмѣна коллегіальнаго

контроля губернскихъ строительныхъ комиссій въ отношеніи къ частнымъ и общественнымъ постройкамъ. Присяжные техники вмѣсто казенныхъ присутствій.

Все вышесказанное—частности, въ случайномъ порядкѣ послѣдовательности намѣченныя. Онѣ всѣ болѣе или менѣе важны, но непосредственнымъ или посредственнымъ послѣдствіямъ. Но гораздо важнѣе примѣненіе нѣкоторыхъ общихъ началъ. Таковы:

1. Начало христіанской истины въ дѣлахъ вѣры.

2. Начало правды въ формахъ управленія вообще, вмѣсто нынѣшней бездушнѣйшей формалистики.

3. Начало нравственнаго достоинства въ дѣйствіяхъ высшихъ правительственныхъ властей, сопряженное съ началомъ уваженія къ человѣческой личности.

Пора усмотрѣть, что искусство быть ненавидимымъ не составляетъ великихъ мужей, что самодовольное упрямство не замѣняетъ дарованій, и что давить не значить (достигать успѣха).

21 октября. Вчера Рудницкій вернулся съ Волыни. Изъ его разсказовъ видно, что тамошніе варшавскіе поляки не преобразованы гг. Бибиковымъ и К^о. Всѣ ихъ симпатіи обращены къ французамъ. Успѣхи союзниковъ ихъ радуютъ. Когда Рудницкій за обѣдомъ у Браницкаго упомянулъ о нашихъ канонерскихъ лодкахъ, его перебили вопросомъ: какъ „наши?“ Вы хотите сказать „русскія“.

Наши газеты изъ рукъ вонъ плохи. „Инвалидъ“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ живутъ только приказами, рескриптами и перепечатываніемъ статей изъ „Морскаго Сборника“. Вчера въ академическихъ вѣдомостяхъ, кромѣ того, появилось новое стихотвореніе гр. Ростопчиной: „Три королевы“. Невѣроятно и невыразимо слабо и пошло. Политическія грѣзы кухарки, а не графини.

22 октября. Тоска невыразимая. Умъ и сердце чего-то ждуть; но дни проходятъ за днями и сего чего-то по прежнему нѣтъ.

Наша официальная формалистика похожа на извѣстный родъ surprises-attages, которыя состоятъ изъ множества коробочекъ, вкладываемыхъ одна въ другую. Раскрываешь коробочку,—другая коробочка; раскрываешь эту—третья, потомъ четвертая, потомъ пятая и такъ далѣе, и все меньше и меньше. Наконецъ—послѣдняя, и въ ней—ничего.

У насъ правительство, кажется, не замѣчаетъ, что оно сдумѣло отучить насъ даже отъ надежды. Всѣ русскіе сознаются въ томъ, что у насъ все могло-бы быть лучше. Но никто не вѣритъ въ сбывчивость этого лучшаго. Ждали, ждали, и словно махнули рукой всѣ разомъ, и начальники, и ихъ разноумидирная рать, и весь

православный народъ. Если теперь кто-нибудь скажетъ, что современный урокъ для насъ не останется безполезнымъ, то большинство отвѣчаетъ, что пользы, по прежнему, будетъ на мѣдный грошъ. Генераль-адъютантъ гр. Паленъ недавно припоминалъ, что и въ 1812 году ожидали великой науки, но не дождались. Такъ думаютъ и отзываются русскіе нѣмцы и сами чистокровные русскіе. Что же могутъ думать поляки? Я слышалъ отъ Рудницкаго, что нѣкоторые изъ нихъ, „les plus intelligents et les plus raisonnables“ (?!), желаютъ, чтобы наше южное поморье было завоевано англо-французами,—не потому, чтобы это льстило обыкновенному польскому взгляду на дѣло, но потому, „что въ другихъ рукахъ этотъ край будетъ другимъ краемъ“. Лестно. Было время, отъ насъ ожидали пользы и помощи наши славянскіе братья на юго-западѣ. Теперь и они отвыкли отъ мысленнаго сближенія своей будущности съ нашею. Чего имъ ждать отъ насъ? Усердіемъ всепревозмогающаго Клейнмихеля?

Въ сегодняшнихъ газетахъ едва-ли не показался первый признакъ мира, т. е. возможности заключить миръ. Франція яко-бы объявила, что готова вступить въ переговоры.

14 ноября. Третьяго дня праздновалась въ Ригѣ такъ называемая „серебряная“ свадьба князя и княгини Суворовыхъ. По этому случаю выказано князю много признательности, преданности и вниманія. Городъ Рига угощаль бѣдныхъ, биржевое купечество—войска. Англійскіе гости пожертвовали 1,000 рублей въ пользу бѣдныхъ; содержатель театра предоставилъ въ распоряженіе князя, для этой же цѣли, доходъ съ даннаго наканунѣ представленія. Иногородные русскіе торговцы поднесли князю золоченое блюдо съ его гербомъ; мѣстное русское купечество—серебряную вазу; ближайшіе военные и гражданскіе чины его управленія (въ томъ числѣ и состоявшіе въ такомъ за нѣсколько времени предъ симъ—Бревернъ, Менгденъ и я),—серебряный приборъ для письменнаго стола, и т. д. Княгинѣ подаренъ коверъ, вышитый мѣстными дамами. Поздравленій было множество. Между прочимъ, евангелическо-лютеранскій суперинтендентъ и бургомистръ благодарили за „заступничество“ (für das Beschirmen). Это характеризуетъ не только управленіе князя въ добромъ смыслѣ, но и не добрыя отношенія въ высшему правительству. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ.

Странный подарокъ поднесенъ Гейнрихомъ Стаалемъ: серебряные оленьи рога!

Я при этомъ случаѣ снова взглянулъ на Рижскій міръ. Все по старому. Что ново—не завидно.

Грустное впечатлѣніе произвели на меня Г. и Ф. Новое поученіе, въ добавокъ къ прежнимъ. Отчего почти всѣ практическія поученія такъ безотрадны?

„Le Nord“ началъ поправляться. Последніе нумера газеты значительно лучше прежнихъ.

17 ноября. Вчера вечеромъ былъ у меня Вилькенъ, на пути изъ Петербурга въ Тауроггенъ и другія пограничныя мѣста, куда имѣеть порученіе отъ начальства. По его рассказамъ, озлобленіе противъ (порядковъ до 1855 года) беспредѣльное и всеобщее.

Слухи о паденіи разныхъ министровъ продолжаютъ. Недавно появилась карикатура, представляющая montagne russe, съ которой съѣхалъ уже, растерявъ свои доспѣхи, Вибиковъ; Клейнмихель съѣзжаетъ, но въ каскѣ и шинели, благополучно; наверху Панинъ уже сидитъ на санкахъ и приглашаетъ Брока съѣхать вмѣстѣ; Брокъ отворачивается и отмахивается; между тѣмъ, Киселевъ, закутавшись въ шинель, быстро уходитъ въ сторону.

Говорятъ, что NN узнала объ увольненіи Клейнмихеля съ крайнимъ негодованіемъ; жаловалась на несправедливость въ отношеніи къ старымъ и вѣрнымъ слугамъ...

Разсказываютъ, будто-бы N. N. спросилъ Барятинскаго о его мнѣніи на счетъ Ростовцева, и будто-бы Барятинскій отвѣчалъ: „Вы его любите потому, что онъ вамъ льститъ, а я его не люблю, потому что онъ васъ обманываетъ“.

Говорили много и будто-бы говорятъ доселѣ о назначеніи князя Суворова министромъ внутр. дѣлъ. Изъ сообщеннаго мнѣ Рудницкимъ разговора князя съ нимъ видно, что князь самъ этого ожидаетъ. О, Русь! Этотъ разговоръ самъ по себѣ такъ замѣчательнъ для характеристики князя, что я сохранилъ письмо, въ которомъ о немъ рѣчь.

20-го ноября. Бревернъ, вслѣдствіе сообщенія ему моею „Думы Русскаго“, прислалъ мнѣ, въ формѣ письма, изложеніе своего собственнаго взгляда на дѣло. Весьма справедливо, въ особенности сказанное имъ о положеніи нашей церкви и о нашей методѣ законодательства.

К. сообщилъ мнѣ *opusculum*, подъ наименованіемъ: „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“. Сочинитель мнѣ не извѣстенъ. Статья здраво обдумана и написана холодною желчью. Хорошо, если подобныхъ твореній теперь много ходитъ по рукамъ. Я не во всемъ согласенъ съ авторомъ; я бы старался писать теплѣе; я не говорилъ-бы о Св. мѣстахъ какъ нѣмецкій профессоръ, и не поносили-бы мертваго болѣе, чѣмъ живыхъ. Но съ общей точки зрѣнія мы думаемъ за одно и имѣемъ въ виду одну ближайшую цѣль.

25-го ноября. Тоска одолеваетъ. Почта приходитъ за почтой, дни проходятъ за днями, но дни и почты=0. На счетъ дней, конечно, я грѣшенъ, ибо, по крайней мѣрѣ, могъ-бы ихъ употребить на полезную работу. Но напряженное и тщетное ожиданіе обезсиливаетъ. Событій нѣтъ. Новыхъ надеждъ не возникаетъ; прежнія не оправдываются; со стороны не слышно ни слова; здѣсь все ничтожно и безцвѣтно. А, между тѣмъ, яро заботъ ломить выю. „Господи силъ, съ нами буди, много бо помощника въ скорбѣхъ не имама!“

1-го декабря. На-дняхъ кн. Суворовъ прислалъ мнѣ, черезъ Гернгросса, проектъ своего рапорта-отчета. Менѣ отчетъ, чѣмъ филиппика противъ министерства внутр. дѣлъ и министра финансовъ, при похвальномъ словѣ Балтійскому краю. На мои замѣчанія послѣдовали отвѣтъ Гернгросса и письмо князя. Отвѣчалъ на то и другое.

Въ концѣ отчета кн. Суворовъ отзывается лично обо мнѣ, говоря, что „наименованіемъ“ меня онъ считаетъ долгомъ представить достойнѣйшему высшую награду. Я просилъ исключить этотъ комплиментъ. Изъ него естественно можетъ быть извлечено заключеніе о солидарности моихъ взглядовъ съ воззрѣніями его свѣтлости. Это нежелательно.

6-е декабря. Каждую недѣлю губернаторы, въ томъ числѣ и я, отправляютъ рапорты государю императору о лицахъ, пріѣхавшихъ изъ-за границы, и о выданныхъ заграничныхъ паспортахъ. Отчего-бы не ограничиваться вѣдомостями въ III отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи? Подобаешь-ли (въ такой формѣ) вести этотъ надзоръ?

Сколько другихъ бумагъ, столько-же излишнихъ, приходится подписывать губернаторамъ!

9-е декабря. Вчера кн. Вяземскій (П. А.) прислалъ мнѣ экземпляръ приказа и циркулярной записки, разосланныхъ по повелѣнію вел. князя ген.-адмирала всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ и начальствамъ, отъ которыхъ ожидаются отчеты за текущій годъ ¹⁾. Въ приказѣ приведены, со ссылкой на частное свойство источника, слова моей „Думы“ о водворившейся у насъ всеобщей официальной лжи и о ея проявленіяхъ именно въ годовыхъ отчетахъ.

¹⁾ Приказъ и циркуляръ были напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, а въ новѣйшее время перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, см. также ниже.

Если въ наше время позволительно вспомнить о себѣ самомъ, отдѣльно отъ цѣлаго, то могу высказать, что мнѣ нельзя было предоставить высшей награды.

Кн. Суворовъ провелъ два дня въ Митавѣ. Вчера, передъ отъѣздомъ, говоря наединѣ со мною о своихъ личныхъ дѣлахъ, онъ прямо обнаружилъ желаніе быть министромъ внутр. дѣлъ, — не надолго, потому что самъ себя чувствуетъ къ тому неспособнымъ, но достаточное время, чтобы пообчистить министерство. На мѣсто Гвоздева онъ прочитъ Гернгросса. Департаментъ полиціи исполнительной онъ считаетъ, такъ сказать, инспекторскимъ или дежурствомъ министерства и на этомъ основаніи онъ только желалъ-бы замѣнить Оржевскаго „благонадежнымъ и честнымъ директоромъ“, въ родѣ дежурнаго штабъ-офицера. Это, кажется, значить Алексѣй Егоровичъ Ивановъ. Наконецъ, меня онъ, кажется, прочитъ себѣ въ товарищи, ибо спрашивалъ, въ какомъ-бы министерствѣ вообще мнѣ было-бы желательно находиться; потомъ намекнулъ на комиссію прошеній, затѣмъ на I-е отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи и, наконецъ, указалъ на званіе товарища министра внутр. дѣлъ. Я отвѣчалъ, конечно, такъ, какъ будто-бы не понималъ истиннаго смысла словъ его.

10-го декабря. Мейендорфъ нишетъ, „qu'on est très préoccupé d'un ordre du jour du Grand Duc Constantin qui commence par бѣдственное положеніе Россіи et qui parle de vol, des mensonges, de rougiture, etc. Мейендорфъ, не подозрѣвая чести, оказанной моею „Думѣ“, надѣется, что привазъ demeurera sans suites fâcheuses. О благихъ послѣдствіяхъ онъ и не мечтаетъ.

14-го декабря. Еще разъ говорю: тоска одолеваетъ..... дни и почты—0. Томительное ожиданіе не сбывающихся событій тѣмъ тягостнѣе, что я здѣсь совершенно одинъ. Не съ кѣмъ обмѣняться мыслью. Неужели въ будущности мнѣ не предопредѣлено доли участія и вліянія менѣ ничтожной, чѣмъ нынѣ? Если-же я къ чему-либо призванъ, т. е. къ чему-нибудь общему, а не курляндскому, то нужны товарищи. Кто они? Гдѣ и когда сойдемся мы съ ними?

Для истинной жизни великихъ государствъ нужны правственные начала, которыя могли-бы служить основаніемъ и исходною точкою государственныхъ дѣній. Гдѣ и что наше основное государственное начало? Покорность? Кажется, нужно что-нибудь и еще.

21-го декабря. Говорятъ, гр. Закревскій смѣненъ и на его мѣсто назначенъ кн. Барятинскій. Закревскому давно пора перестать быть московскимъ ханомъ. Но неужели Барятинскому нынѣшнее

царствованіе ничего не готовить, кромя генераль-губернаторства? Кажется, продолжается примѣненіе правила *every body in the wrong place*.

Вообще, неужели въ цѣлой половинѣ Россіи никогда не будетъ ни губернаторовъ, ни генераль-губернаторовъ не военныхъ? Не говорю о Москвѣ. Но сколько губерній, гдѣ мало по малу т. н. военные губернаторы замѣнили гражданскихъ. *C'est bien le cas de dire qu'ici c'est l'habit qui faisait le moine*. Что же касается званія генераль-губернатора, то совсѣмъ позабыли, что *histoire générale* значить не генеральская исторія, а общая, и что слѣдовательно общимъ начальникомъ края могъ бы быть и тайный совѣтникъ. Правда, впрочемъ, что супругу его все таки величали бы „генеральшей“.

25 декабря. Авторомъ записки „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“ считаютъ молодого Мордвинова, съ тѣхъ поръ арестованнаго за участіе въ заговорѣ, подобномъ заговору Петрашевскаго. Говорятъ, Государь написалъ на запискѣ: „дѣльно, но жельно“, и велѣлъ сказать Мордвинову, что онъ желаетъ съ нимъ жить въ мирѣ, присовокупляя совѣтъ быть осторожнымъ и желаніе, чтобы Мордвиновъ на него не сердился. Прекрасная черта. Если послѣ этого Мордвиновъ былъ заговорщикомъ, то это гнусно и вдвойнѣ преступно.

26 декабря. Генераль Сиверсъ занемогъ на обратномъ пути изъ Петербурга. Кажется, ему болѣе здѣсь не командовать. Онъ самъ доказалъ, при нынѣшней бытности въ Петербургѣ, что на него надѣяться нельзя. Онъ, говорятъ, предварилъ Государя, что будетъ просить увольненія въ мартѣ мѣсяцѣ. Оригинальная наивность. Отчего же не теперь? Для чего затруднять правительство новымъ назначеніемъ въ то время, когда уже нужно будетъ дѣйствовать, а не приготовляться къ дѣйствию. На его мѣсто прочили, говорятъ, Барятинскаго, но онъ отказался. Потомъ думали о Данненбергѣ и Оффенбергѣ. Лишь бы не сего послѣдняго.

Вчера вернулся изъ Петербурга ***, пожалованный, между тѣмъ, флигель-адъютантомъ. Сущность полученныхъ черезъ него свѣдѣній заключается въ нижеслѣдующемъ:

Военныя дѣла по прежнему нуждаются въ твердомъ центральномъ управленіи. Военный министръ править только министерствомъ, а не дѣлами министерства.

Въ отдаленныхъ губерніяхъ появлялись неоднократно возмутительныя польско-русскія прокламаціи, социалистическаго свойства. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ взято подъ стражу

27 декабря. Мнѣніе покойнаго Мантейфеля о рыжикъ оправдывается, сколь кажется, и Г—омъ.

28 декабря. Приказомъ начальника штаба гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ отъ 29 ноября за № 187 было объявлено, что ген.-маіоръ Богдановичъ будетъ производить публичныя чтенія о крымской экспедиціи англо-французовъ. Чтенія прекращены, послѣ перваго же, „за недостаткомъ свѣдѣній“ (такъ пишетъ Рудницкій).

31 декабря. Сегодня были у меня, вечеромъ, братья Николай и Павелъ Бакунины. У нихъ здравый и мыслящій взглядъ на наши дѣла.

П. А. Валуевъ.

ДУМА РУССКАГО

(во второй половинѣ 1855 года).

I.

рустно... я боленъ Севастополемъ. Лихорадочно думаю съ вечера о предстоящемъ на слѣдующее утро приходѣ почты. Лихорадочно ожидаю, утромъ, принесенія газетъ. Иду на встрѣчу тому, кто ихъ несетъ въ мой кабинетъ; стараюсь получить ихъ безъ свидѣтелей, мнѣ досадно, если кто-нибудь помѣшаетъ мнѣ встрѣтиться наединѣ съ вѣстью изъ края, куда постоянно переносится, гдѣ на половину живетъ моя мысль. Развертываю „Neue Preussische Zeitung“, гдѣ могу найти новѣйшія телеграфическія извѣстія. Торопливо пробѣгаю роковую страницу. Ничего! Если же есть что нибудь, то не на радость. Такъ проходятъ дни за днями. Истинной жизни полминуты въ день. Остальное время я жду этой полминуты или о ней думаю. Ко всему другому, кромѣ молитвы, сердце черствѣетъ. Всему другому хочется сказать: теперь не время!

Мученикъ-Севастополь! Такъ называлъ его на сихъ дняхъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, весьма немногихъ писателей нашихъ, которыхъ читать, которымъ сочувствовать можно. Эти слова глубоко заронились мнѣ въ сердце, какъ тяжелая, желѣзная истина. Мученикъ! Долго-ли еще будутъ длиться его страданія? Неужели спасенія нѣтъ и муки неизбѣжно должна повѣнчать могила? Князь Горчаковъ говоритъ: „наши веревы страдаютъ“. Это значить, что насъ приготавливаютъ къ концу и что онъ близокъ, или, по крайней мѣрѣ, что его считаютъ близкимъ. Эти слова не брошены даромъ.

но даромъ пролита будетъ кровь Корнилова, Истомина, Нахимова и тысячи тысячъ ихъ сподвижниковъ! Даромъ? Развѣ Севастополь Россія? Но развѣ тамъ не сосредоточены теперь лучшія силы ея, лучшая слава и лучшія надежды? Развѣ тамъ не сходятся нити прошлаго и грядущаго и не рѣшается вопросъ, сдѣлаемъ-ли мы шагъ назадъ, первый со времянь Петра Великаго?

Давно-ли мы покоились въ самодовольномъ созерцаніи нашей славы и нашего могущества? Давно-ли наши поэты внимали хвалѣ, которую намъ

„Семь морей немолчно плещутъ“.

Давно-ли они пророчествовали, что намъ

„Богъ отдастъ судьбу вселенной,
„Громъ земли и гласъ небесъ“

Что стало съ нашими морями? Гдѣ громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаемъ мы? Кто внимаетъ намъ? Наши корабли потоплены, сожжены, или заперты въ нашихъ гаваняхъ. Непріятельскіе флоты безнаказанно опустошаютъ наши берега. Непріятельскія арміи безнаказанно попираютъ нашу землю, занимаютъ наши города, укрѣпляютъ ихъ противъ насъ самихъ и отбиваютъ насъ, когда мы усиливаемся вновь овладѣть отцовскимъ достояніемъ. Друзей и союзниковъ у насъ нѣтъ. А если есть еще друзья, то малочисленные, робкіе, скрытные друзья, которымъ будто стыдно сознаться въ пріязни къ намъ. Одни греки не побоялись этого признанія. За то ихъ тотчасъ задавили и мы не могли имъ помочь. Мы отсюду отрѣзаны, одинъ прусскій король соблаговолилъ оставить намъ открытыми нѣсколько калитокъ для сообщенія съ остальнымъ христіанскимъ міромъ. Вездѣ проповѣдуется ненависть къ намъ, всѣ насъ злословятъ, на насъ клеветуютъ, надъ нами издѣваются. Чѣмъ стяжали мы себѣ столько враговъ? Неужели однимъ только нашимъ величіемъ? Но гдѣ это величіе? Гдѣ силы наши? Гдѣ завѣтъ прежней славы и прежнихъ успѣховъ? Гдѣ превосходство войскъ нашихъ, столь стройно грозныхъ подъ Краснымъ Селомъ? Еще недавно они залили, своею кровью, пожаръ венгерскаго мятежа, но эта кровь пролилась для того только, чтобы впоследствии наши полководцы тревожно озирались на воскресшихъ нашу милостію австрійцевъ? Мы теперь боимся этихъ австрійцевъ? Мы не смѣемъ громко упрекнуть ихъ въ неблагодарности, мы торгуемся съ ними и въ виду ихъ не могли справиться съ турками на Дунаѣ. Европа уже говоритъ, что турки переросли насъ. Правда,

Нахимовъ разгромилъ турецкій флотъ при Синопѣ; но съ тѣхъ поръ сколько Нахимовскихъ кораблей погружено въ море! Правда, въ Азіи мы одержали двѣ—три безплодныхъ побѣды; но сколько крови стоили намъ эти проблески счастья! Кромѣ ихъ всюду утраты и неудачи. Одинъ Севастополь силенъ и славенъ, хотя въ продолженіе 10-ти мѣсяцевъ надъ нимъ разрываются англійскія и французскія бомбы. И о немъ нынѣ говорятъ намъ: „наши верки страдаютъ!“

II.

Было-ли съ нами и сопровождаетъ-ли насъ теперь благословеніе Божіе? Мы всѣ, царь и народъ, усердно призывали Бога на помощь. Въ монаршихъ воззваніяхъ приводились тексты изъ Св. Писанія; въ отзывахъ разныхъ сословій на эти воззванія выражалась увѣренность въ Божіемъ покровительствѣ; архипастыри нашей церкви, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, обѣщали намъ побѣду надъ врагами. Но событія доселѣ не оправдали архипастырскихъ обѣщаній. Благословеніе Божіе не знаменуется бѣдствіями. Напротивъ того, не должны-ли мы видѣть въ нашихъ неудачахъ испытаніе и наставленіе, свыше намъ ниспосланныя? Россія мужественно переноситъ испытаніе. Она безропотно напрягаетъ въ тому всѣ свои силы, но внемлетъ-ли она наставленію и извлечетъ-ли изъ него пользу?

Вопросъ о причинахъ, объясняющихъ наши неудачи и нынѣшнее затруднительное положеніе нашего отечества, естественно возникаетъ въ сердцѣ каждаго русскаго. Онъ возстаетъ передъ нами при каждой новой вѣсти о постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, онъ терзаетъ насъ, когда мы слышимъ торжествующіе клики запада. Можемъ-ли мы и должны-ли мы увлечься отъ разсмотрѣнія этого вопроса? Развѣ намъ запрещено мыслить? Духовная сила мысли, свыше намъ данная, не есть-ли одно изъ орудій служенія Престолу и отечеству? Съ вѣрноподданническою покорностью преклоняясь предъ волею царскою и безирекословно повинуваясь установленнымъ ею властямъ, мы, однако-же, не утратили права любить отечество свободою любовью и быть преданными своему государю, не по указу, но искренно и непоколебимо, по родному и родовому чувству преданности, и по сознанію своего долга передъ Богомъ. „Грядетъ часъ и нынѣ есть“, глаголетъ Господь, „егда истинны поклонники поклонятся Отцу духомъ и истиною, ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему“. (Іоанна, IV, 23). Православные русскіе государи помнятъ эти слова Св. Евангелія и сами желаютъ, чтобы ихъ вѣрноподданные служили имъ и Россіи духомъ и истиною.

III.

Зачѣмъ завязали мы дѣло, не рассчитавъ послѣдствій, или зачѣмъ не приготовились, изъ осторожности, къ этимъ послѣдствіямъ? Зачѣмъ встрѣтили войну безъ винтовыхъ кораблей и безъ штуцеровъ? Зачѣмъ ввели горсть людей въ княжества и оставили горсть людей въ Крыму? Зачѣмъ заняли княжества, чтобы ихъ очистить, перешли Дунай, чтобы изъ-за него вернуться, осаждали Силистрію, чтобы снять осаду, подходили къ Калафату, чтобы его не атаковать, объявляли ультиматумы, чтобы ихъ не держаться, и прочая, и прочая, и прочая! Зачѣмъ надѣялись на Австрію и слишкомъ мало опасались англо-французовъ? Зачѣмъ всѣ наши дипломатическія и военныя распоряженія съ самаго начала борьбы были только вынужденными послѣдствіями дѣйствій нашихъ противниковъ? Инициатива вырвана изъ нашихъ рукъ при первой сшибкѣ, и съ тѣхъ поръ мы словно ничѣмъ не занимались, какъ только приставленіемъ заплатъ тамъ, гдѣ онѣ оказывались нужными? Не скажетъ-ли когда нибудь потомство, не скажутъ-ли лѣтописи, тѣ правдивыя лѣтописи, противъ которыхъ цензура бессильна, что даже славная оборона Севастополя была не что иное, какъ свѣтлый рядъ усилій, со стороны повиновавшихся, къ исправленію ошибокъ со стороны начальствовавшихъ? На каждомъ шагу событія опровергали наши предположенія и оказывались столько же „неожиданными“, сколько оборотъ дѣла 4-го августа при р. Черной, о которомъ князь Горчаковъ говоритъ въ своей реляціи. Эта неожиданность продолжается уже свыше двухъ лѣтъ. Сколько шума было въ Россіи о взятіи парохода „Первась-Бахри“, о взятіи гюйса съ сѣвшаго на мель и сожженаго парохода „Тигръ“ и въ особенности о прапорщикѣ Щеголевѣ и Щеголевской батарее! Предусматривали-ли тогда, что вскорѣ окажется столько Щеголевыхъ въ Севастополѣ? Когда опѣнили мы Бомарзундъ и обѣты его коменданта, когда начали вооружать и чѣмъ вооружали Свеаборгъ, Ревель, Ригу и Динаминдъ, когда принялись за укрѣпленіе самаго Севастополя, когда двинули въ Крымъ сперва одну дивизію, потомъ двѣ, потомъ одинъ корпусъ, потомъ другой? Неужели Керчь и Азовское море должны были такъ внезапно и такъ легко достаться въ руки непріятеля? Неужели Анапу надлежало такъ внезапно признать развалившеюся турецкою вѣрностью, и имя генераль-адъютанта Хомутова должно было столь неожиданно исчезнуть, вмѣстѣ съ нею и съ его отрядомъ, изъ круга нашихъ реляцій?

Въ исполинской борьбѣ съ половиною Европы нельзя было болѣе скрывать, подъ сѣнію официальныхъ самохваленій, въ какой мѣрѣ и въ какихъ именно отрасляхъ государственнаго могущества мы отстали отъ нашихъ противниковъ. Оказалось, что въ нашемъ флотѣ не было тѣхъ именно судовъ, въ сухопутной арміи того именно оружія, которыя требовались для уравненія боя; что состояніе и вооруженіе нашихъ береговыхъ крѣпостей были неудовлетворительны; что у насъ недоставало желѣзныхъ и даже шоссеиныхъ дорогъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимыхъ на тѣхъ неизмѣримыхъ пространствахъ, гдѣ намъ надлежало передвигать наши силы. Европу колебали, нѣсколько лѣтъ сряду, внутренніе раздоры и мятежи; мы наслаждались ненарушимымъ спокойствіемъ. Не смотря на то, гдѣ развивались въ продолженіе этого времени быстрѣе и послѣдовательнѣе внутреннія и внѣшнія силы?

IV.

Еще недавно Россія оплакивала непритворными слезами кончину того великаго государя, который около трети столѣтія ее охранялъ, ею правилъ и ее любилъ, какъ она его любила. Преклонясь предъ его могилою, Россія вспоминала великія свойства его и съ умиленіемъ исповѣдывала величіе его кончины. Эта кончина объяснила, пополнила, увѣнчала его жизнь. Сильный духомъ, сильный волею, сильный словомъ и дѣломъ, онъ умѣлъ сохранить эти силы на смертномъ одрѣ и, обращая съ него прощальный взглядъ на свое царство, на своихъ подданныхъ, на родной край и на великую русскую семью, явилъ себя имъ еще величественнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ въ полномъ блескѣ жизненныхъ силъ и самодержавной дѣятельности. Если въ этотъ печальный часъ грозныя тучи нависли надъ нами, если великіе труды великаго вѣнценосца не даровали намъ тѣхъ благъ, которыя были постоянною цѣлью его дѣяній, то ему, конечно, предстояли на избранномъ имъ пути препятствія, которыхъ даже и его силы и его воля не могли одолѣть.

V.

Время измѣняетъ размѣры относительнаго могущества государствъ. При общемъ стремленіи развивать свои внутреннія и внѣшнія силы они идутъ впередъ различными путями, и ихъ успѣхи неодинаковы. Въ мирныя времена трудно оцѣнивать относительную важность этихъ успѣховъ. Но вмѣстѣ съ первою значительною войною

настаетъ минута точной взаимной оцѣнки. Эта минута теперь настала для насъ.

VI.

Благопріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недобвѣрїи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное; вездѣ приобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ; внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего официального многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками; но кто изъ официальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія!

У насъ самый законъ нерѣдко заклеивенъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выражений и практической примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и не обезпечиваетъ исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ, можетъ точно и послѣдовательно исполнять все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы въ случаѣ надобности было на кого обратить отвѣтственность. Справедливо-ли это? Не въ томъ дѣло, справедливость или несправедливость, точное или не точное соблюденіе закона, смотря по обстоятельствамъ, заранѣе предусмотрѣны. Въ главѣ многихъ узаконеній нашихъ надлежало бы напечатать два слова, которыя не могутъ быть переведены на русскій языкъ: „Restriction mentale“.

VII.

Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ, ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ. Между тѣмъ, возрастающая механизация дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ приобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за вышшею правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ вышней взыскательности высшихъ. Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ до крайности ограничена, а выспіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ и не вносится срочныхъ представленій въ комитетъ гг. министровъ.

Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управленіе доведено, по каждой отдѣльной части, до высшей степени централизаціи; но взаимныя связи этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ, и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣлью навѣрнѣе большее вліяніе высшихъ властей на всѣ подробности управленія, и на этомъ основаніи значительно стѣсняетъ, въ іерархическомъ порядкѣ, власть административныхъ инстанцій. Но масса дѣлъ, нынѣ восходящихъ до главныхъ начальствъ, превосходитъ ихъ силы. Они по необходимости должны предоставлять значительную часть этихъ дѣлъ на произволь своихъ канцелярій. Такимъ образомъ судьба представленій губернскихъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ весьма нерѣдко зависитъ не отъ гг. министровъ, но отъ столоначальниковъ того или другаго министерства. Безжизненное однообразіе распространено даже на историческіе памятники,

воздвигаемые на поляхъ сраженій; они распредѣлены на разряды и подведены подъ одинъ нормальный образецъ. Между тѣмъ единство высшихъ административныхъ формъ нарушается, безъ видимой причины, учрежденіемъ V Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Если эта добавочная инстанція признана излишнею по дѣламъ другихъ министерствъ, то почему она необходима по дѣламъ министерства государственныхъ имуществъ? Дѣйствія этого министерства вообще послѣдовательно противорѣчатъ одной изъ главныхъ цѣлей его учрежденія. Посредствомъ новаго устройства казенныхъ имѣній предполагалось, между прочимъ, указать путь къ необходимому преобразованію поземельныхъ отношеній въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Но министерство не только не создаетъ потребныхъ образцовъ, но даже вводитъ или сохраняетъ, въ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, тѣ именно формы, которыя никогда не могутъ быть приспособлены къ быту крестьянъ въ частныхъ вотчинахъ. Основное и наибавжнѣйшее правило, что казна въ предѣлахъ казенныхъ имѣній не что иное, какъ вотчинникъ, подобный всѣмъ другимъ вотчинникамъ, постоянно и преднамѣренно нарушается. Помѣщикъ, лично управляющій своимъ помѣстьемъ, имѣющій въ немъ осѣдлость и непосредственно участвующій, своимъ умомъ и своимъ капиталомъ, въ воздѣлываніи принадлежащей ему земли, есть существо совершенно излишнее по нынѣшней системѣ устройства государственныхъ имуществъ. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ издавна существовали арендаторскія управления, составляющія ближайшую аналогическую связь между формами устройства казенныхъ и частныхъ имѣній, министерство по возможности упраздняетъ эти управления и предоставляетъ волостнымъ судамъ тѣ предметы вѣдомства, которые прежде принадлежали арендаторамъ, какъ прямымъ представителямъ вотчинной власти.

VIII.

Много-ли искренности и много-ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи, данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ къ воссоединенію раскольниковъ и въ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ? Развѣ кроткія начала Евангельскаго ученія утратили витающую въ нихъ Божественную силу? Развѣ вѣротерпимость тождественна съ безвѣріемъ? Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія какъ на политическое орудіе и произвольно употреблять или стараться употреблять ихъ для достиженія политическихъ цѣлей? Лѣтописи христіанскаго міра свидѣтельствуютъ,

что при подобныхъ усиляхъ сокрушается премудрость премудрыхъ и опровергается разумъ разумныхъ. Святая церковь не болѣе-ли нуждается въ помощи правительства къ развитію ея внутреннихъ силъ, чѣмъ въ насильственномъ содѣйствіи къ обращенію уклонившихся или къ воссоединенію отпавшихъ? Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ-ли его призванію, и правильно-ли смотрятъ на внутренніи дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди, которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано, что ихъ религіозная жизнь заключается въ „буквѣ и недухѣ“ (1855 г.). Кажется, что иногда сама православная церковь таготѣетъ надъ ними „буквою и недухомъ“. Быть можетъ, что если бы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на вышнюю силу вѣчныхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, и нѣсколько менѣе вѣрвали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была-бы обильнѣе.

IX.

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто означенія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ. Постановленіями о заграничныхъ паспортахъ наложенъ домашній арестъ на свыше 60 милліоновъ вѣрноподанныхъ его императорскаго величества. Ограниченіемъ числа обучающихся въ университетахъ стѣснены пути къ образованію. Узаконеніями о службѣ гражданской сглажены, по мѣрѣ возможности, всѣ различія служебныхъ достоинствъ, и всѣ способности одинаково подведены подъ мѣрило срочныхъ производствъ и награжденій.

Одно морское министерство нынѣ руководствуется другими правилами и не обнаруживаетъ, подобно другимъ вѣдомствамъ, безпредѣльнаго равнодушія ко всему, что думаетъ, чувствуетъ или знаетъ Россія. Оно показало, при составленіи морскаго устава, какимъ порядкомъ надлежитъ обсуживать проекты законовъ, и въ „Морскомъ Сборникѣ“ подаетъ примѣръ, какъ надлежитъ понимать цензуру. Оно спасло отъ обычной безгласности имена офицеровъ, проливающихъ кровь свою въ настоящей войнѣ. Оно первое приняло чрезвы-

чайныя мѣры къ обезпеченію участи раненыхъ и первое сознало, что семейства жертвъ, павшихъ въ борьбѣ за отечество, имѣютъ право оплакивать эти жертвы и ими гордиться, безъ произвольныхъ отсрочекъ. Все это сдѣлано; но могло-ли-бы все это быть сдѣлано, если-бы судьбами морскаго министерства нынѣ не правила твердая рука генераль-адмирала, носящаго титулъ императорскаго высочества?

Х.

Неужели результаты нынѣшней системы признаются удовлетворительными? Неужели погубное вліаніе этой системы доселѣ не доказано ни внѣшними неудачами, ни внутренними недостатками, ни всеобщимъ недовѣріемъ къ нашимъ начальствамъ, ни проявляющимся въ виду нынѣшнихъ событій недостаткомъ стойкости въ общемъ направленіи умовъ, ни признаками безнадежности, сопровождающими повсемѣстную, смиренную, покорную, безотвѣтную готовность къ пожертвованіямъ? Неужели благородство рѣчи не совмѣстно съ благородствомъ подвиговъ и русскія дворянскія сословія должны говорить языкомъ, въ которомъ слышатся отголоски золотой орды, рядомъ съ витіеватостью семинарій? Наконецъ, неужели не заключается настоящаго поученія въ современномъ, общесознанномъ недостаткѣ знаменитостей? Голосъ народный не превозноситъ ни одного имени и не исповѣдуетъ ни одной громкой славы, кромѣ новыхъ именъ и новой славы севастопольскихъ героевъ.

Государственные люди нашего вѣка, въ глазахъ народа, распредѣлены на разряды подобно казеннымъ памятникамъ, измѣрены табелью о рангахъ, раздѣнены цѣною отличій, помѣщаемыхъ въ памятныхъ книжкахъ.

Вѣрноподанная Россія заботливо отличаетъ дѣйствія ихъ отъ воли царской и надѣется не на нихъ, а на Бога и на своего Государя.

ХІ.

Въ Россіи такъ легко сѣять добро! Русскій умъ такъ воспринимчивъ, русское сердце такъ благодарно! Россія—гладкое поле, гдѣ воля правительства не встрѣчаетъ преградъ. Не скажетъ-ли оно народу: да будетъ истина межъ нами, и не вспомнить-ли краснорѣчивыхъ словъ, сопровождающихъ гербъ одного изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ: „Уму нуженъ просторъ!“

XII.

Роковая вѣсть о паденіи Севастополя пронеслась между нами. Россія взираетъ къ вѣнченосному вождю своему съ безмолвною мольбою. Сердце царево въ рукахъ Божіей.

П. А. Валуевъ.

28-го августа 1855 г.

Приказъ е. и. высочества генераль-адмирала,

данный на имя г. управляющаго морскимъ министерствомъ, вице-адмирала Врангеля въ декабрѣ 1855 года.

Въ одной весьма замѣчательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи, при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ, сказано: „Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты, — вездѣ сдѣлано всевозможное, вездѣ приобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ; взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, и рѣдко гдѣ окажется прочное, — плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего официального многословія нѣтъ мѣста для истины; она затаена между строками; но кто изъ официальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе?“

Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ морскаго вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ, и повторить имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы, а истины, и въ особенности откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностью.

Циркулярная записка е. и. в. вел. князя Константина Николаевича,

предназначенная къ разсылкѣ всѣмъ главнымъ чинамъ управленія

1855.

Въ продолженіе будущаго года я желалъ-бы видѣть въ „Морскомъ Сборникѣ“ рядъ нравственно-философическихъ разсужденій, написанныхъ весьма смѣло и сильно, доступнымъ для каждаго языкомъ, съ цѣлью—съ одной стороны—опорочить тѣ недостатки, которые мы принуждены сознать между морскими офицерами и чиновниками и которые должны быть заклеяны общественнымъ осмѣяніемъ, а съ другой стороны — указать и растолковать какъ слѣдуетъ понимать нѣкоторые предметы и отношенія.

Къ первому разряду будутъ принадлежать: порицаніе системы лжи, замашки показывать товаръ лицомъ, выказывать небывалыя заслуги свои и утаить недостатки, упущенія и ошибки; образъ взгляда на казенное имущество, расчеты съ углемъ и дровами, системы наказанія нижнихъ чиновъ и обращенія съ ними и т. п.

Ко второму разряду статей можно отнести объясненіе, какъ смотрѣть на награды и производства, отношенія товарищей и проч. Сюда-же можно отнести рядъ статей въ родѣ „характеровъ Лабрюйера“. Желательно-бы колкой насмѣшкой порицать зло и хвалить добро, но хвалить умно, а не приторно.

За подобныя статьи, которыя были-бы написаны съ талантомъ и произвели-бы нравственное впечатлѣніе, я готовъ вознаграждать авторовъ самымъ щедрымъ образомъ.

Прихъчаніе. Оба документа приказа и циркуляръ. были въ свое время напечатаны въ „Морскомъ Сборникѣ“, а въ послѣдніе годы перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.-П.-Б. МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1833—1863 гг.

Записки Николая Федоровича Здекауера.

III ¹⁾.

Н зъ бывшихъ воспитанниковъ нашей академіи занимали въ мое время съ честью и большою пользою для своихъ слушателей мѣста адъюнктовъ, а затѣмъ и профессорскія кафедры въ ней слѣдующія лица:

Владиміръ Егоровичъ Энкъ.

Энкъ былъ мой товарищъ по академіи, и отремя годами моложе меня. Съ 3-го курса мы даже жили вмѣстѣ въ одной квартирѣ на Выборгской, въ нашемъ quartier latin. Изъ лучшихъ учениковъ профессора Зейдлица В. Е. Энкъ, усовершенствовавшись за границей, защищалъ прекрасную диссертацию „de Pneumonia,* и занялъ затѣмъ кафедру частной паталогіи и терапіи, которую онъ преподавалъ по современному состоянію науки; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и счастливѣйшихъ практиковъ нашей столицы. Въ 1860 году онъ былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Энкъ былъ любимъ и уважаемъ своими слушателями и, безспорно, принадлежалъ къ лучшимъ профессорамъ нашей

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1891 г., т. I, XX, апрѣль, стр. 117—135.

академіи. Онъ оставилъ еще два отличныхъ сочиненія: „о просо-
видныхъ бугоркахъ“ и „о гриппѣ“. В. Е. Экеъ умеръ отъ прогрес-
сивнаго паралича въ 1879 г.

Иванъ Михайловичъ Балинскій.

Родной племянникъ знаменитаго Снядецаго, Балинскій внесъ въ изученіе врачебной науки строго логичную и философскую подго-
товку; кончивъ курсъ съ отличіемъ, Ив. Мих. въ 1846 году получилъ
дипломъ врача *cum eximia laude* и золотую медаль. Въ 1856 году онъ
былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ гинекологіи и акушерства;
но его давно уже занимало изученіе нервныхъ и душевныхъ бо-
лѣзней и больныхъ и уже черезъ годъ, въ 1857 г., ему было ввѣрено
преподаваніе въ академіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней. По
его инициативѣ, подъ его руководствомъ и по его указаніямъ, отдѣ-
леніе душевно-больныхъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ
было реорганизовано для преподавательскихъ цѣлей и переобра-
зовано въ клинику душевныхъ болѣзней. Благодаря его выдаю-
щемуся преподавательскому таланту, его энергіи и преданности
своимъ больнымъ и чисто клиническому значенію его лекцій, про-
фессоръ Балинскій вскорѣ приобрѣлъ славу отличнаго клини-
циста, извѣстнаго психіатра и, главное, перваго инициатора препо-
даванія душевныхъ болѣзней въ Россіи. Съ другой стороны, его
организационныя работы о пріютахъ для душевно-больныхъ послужили
основаніемъ для новой эпохи усовершенствованія и устрой-
ства рационально-организованныхъ заведеній, для умалишенныхъ
въ Россіи. Такимъ образомъ, профессоръ Балинскій является замѣ-
чательнымъ аутодидактомъ, въ самой трудной области врачебной
науки. Въ 1860 году Иванъ Михайловичъ уже избранъ профессо-
ромъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней и директоромъ психіатри-
ческой клиники. Въ 1859, 1860 и 1863 гг. профессоръ Балинскій
путешествовалъ съ ученою цѣлью, по порученію правительства, за-
границей и по нѣсколько мѣсяцевъ употребилъ на исполненіе своей
научной миссіи.

Клиническія лекціи профессора Балинскаго были замѣчательны
по своей ясности, глубинѣ и практической примѣнимости и онъ
образовалъ цѣлую школу русскихъ психіатровъ, изъ которыхъ нѣ-
которые приобрѣли уже громкую извѣстность, какъ, напр.: лучший
ученикъ и преемникъ кафедры его — профес. И. П. Мержеев-
скій. Хотя Ив. Мих. Балинскій не издалъ никакихъ отдѣльныхъ
сочиненій, но многочисленныя работы его въ медицинскомъ совѣтѣ

и военно-медицинскомъ ученomъ комитетѣ, въ которыхъ онъ съ необыкновенною ясностью разбиралъ судебно-медицинскіе вопросы, относящіеся къ его специальности, могутъ служить образцами своего рода. Существуютъ его записки о помощи душевно-больнымъ и объ организаціи почти всѣхъ заведеній для умалишенныхъ въ нашемъ отечествѣ за послѣднія 30 лѣтъ. Теперь заслуженный профессоръ Балинскій состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Антонъ Яковлевичъ Красовскій.

Красовскій родился въ Слуцкѣ въ 1823 г.; окончивъ тамъ гимназическій курсъ, поступилъ въ 1843 г. въ мед.-хирург. академію, въ 1848 г. кончилъ курсъ и скоро былъ назначенъ ассистентомъ при гинекологической, акушерской и дѣтской клиникѣ. Ему принадлежитъ диссертация „*Meletemata quaedam de ruptura uteri*“, затѣмъ въ „Другѣ здравія“ имъ описанъ случай *accouchement forcé*, 3 случая *rupturae uteri*, 2 случая *defecti uteri* и *de eclampsia sub graviditate*. Въ 1854 г., въ бытность въ С.-Петербургѣ городскимъ акушеромъ, Красовскій назначенъ адъюнктомъ-профес. по кафедрѣ акушерства, гинекологіи и дѣтскихъ болѣзней, и отправился съ научною цѣлью за границу. Его клиническій отчетъ за 1849 по 1853 г. свидѣтельствуешь объ его успѣхахъ въ научномъ и техническомъ направленіяхъ. Въ 1860 г. онъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора вышеупомянутой кафедры. Въ 1862 г. онъ сдѣлалъ первую оваріотомію, вырѣзаніе яичника съ успѣхомъ, и его главная заслуга та, что онъ улучшивъ и значительно обезопасивъ эту важную операцію, обобщилъ ее у насъ черезъ своихъ учениковъ. Въ 1884 г. А. Я. Красовскій опубликовалъ отчетъ о 128 оваріотоміяхъ. Его руководство по акушерству считается однимъ изъ лучшихъ; особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о ненормальностяхъ женскаго таза и объ антисептикахъ (обеззараживающемъ способѣ). Теперь, т. е. въ 1891 г., А. Я. Красовскій состоитъ лейбъ-акушеромъ и директоромъ родовспомогательнаго заведенія, которое онъ устроилъ образцовымъ образомъ, съ интернатомъ для молодыхъ акушеровъ и школою повивальнаго искусства. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ (1891 г.) почетнымъ членомъ военно-медицинской академіи, совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта и членомъ многихъ ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ, особенно по своей специальности.

Яковъ Алексѣевичъ Чистовичъ.

Я. А. Чистовичъ родился въ 1820 году и изъ калужской семинаріи поступилъ въ 1839 г. въ м.-х. академію, гдѣ въ 1845 г. блистательно окончилъ курсъ. Въ 1848 г. онъ защитилъ диссертацию „de Hepatitide“. За годъ передъ тѣмъ, состоя полковымъ врачомъ въ Кальваріи, вынесъ на своихъ плечахъ жестокую холерную эпидемію, и за успѣшныя, самоотверженные труды свои получилъ благодарственный адресъ отъ мѣстныхъ жителей. Въ Петербургѣ, куда его перевели въ 1848 году, онъ, познакомившись съ Е. В. Пеликаномъ, принималъ участіе въ редакціи изданія „Друга здравія“, а потомъ и „Военно-медицинскаго журнала“; при этомъ Чистовичъ выказалъ свою отличную литературную способность. Затѣмъ онъ перевелъ съ французскаго нѣкоторыя сочиненія Мальгена, Беккереля, Будена, Нелатона и др., но главныя работы и заслуги Якова Алексѣевича относятся къ исторіи медицины въ Россіи, а именно „Русская медицина и врачи“ („Другъ здравія“ 1851, № 1).

Старинныя русскіе лечебники и травники. „В.-М. Ж.“ 1852 г.

Биографія президента м.-х. академіи И. Б. Шлегеля, тамъ же. Некрологъ Н. Ф. Арендта.

Первый медицинскій штатъ Смольнаго монастыря и фармацевтическія общества въ Россіи, въ „Отч. общ. русск. врачей“. Историческій очеркъ медицинской журналистики въ Россіи, въ „Мед. Вѣстникѣ“ за 1861 годъ. Россійскіе Архіатры, „Мед. кал.“ 1861 года. Мухинъ, Загорскій, В. Петровъ, Громовъ, Веланскій, Бушъ, Саломонъ, Арендтъ, Рюль, Буяльскій—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г., № 2.

Я. А. Чистовичъ, для своихъ историческихъ работъ, въ Архивахъ медиц. департамента и Св. Синода, въ теченіи 9 лѣтъ собиралъ необходимые матеріалы.

Получивъ уже громкую извѣстность, онъ въ 1853 году былъ назначенъ орд. профессоромъ по кафедрѣ гигиены, медиц. полиціи и судебной медицины, которую онъ съ пользою занималъ въ теченіи 17 лѣтъ. Пять лѣтъ онъ былъ секретаремъ, а затѣмъ до самой кончины своей предсѣдателемъ общества русскихъ врачей. Въ 1861 году онъ началъ издавать „Медицинскій Вѣстникъ“, а въ 1866 г. открылась, учрежденная благодаря его энергіи, медицинская вспомогательная касса, которая теперь имѣетъ уже капиталъ въ 200,000 рублей. Этимъ полезнѣйшимъ учрежденіемъ онъ себя поставилъ вѣчный памятникъ. Отъ 1871 по 1875 годъ Чистовичъ былъ начальникомъ м.-х. академіи, которую онъ окончательно оста-

вилъ по непріятностямъ. Продолжая свои кабинетныя занятія и участвуя въ различныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: въ медицинскомъ совѣтѣ, военно-медиц. ученomъ комитетѣ, въ русскомъ обществѣ врачей и др., онъ въ 1883 г. издалъ свой капитальный историческій трудъ „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, удостоенный премією отъ Императорской Академіи наукъ. Я. А. Чистовича постигла неожиданная, внезапная смерть въ ночь съ 18 на 19 октября 1885 года.

Иванъ Павловичъ Мержеевскій.

Мержеевскій родился въ 1839 году, въ Радомской губерніи, кончилъ курсъ врачебныхъ наукъ въ 1861 году въ медико-хирургической академіи, *cum eximia laude*, и оставленъ при академіи, въ числѣ 10 лучшихъ учениковъ ея, для подготовленія себя къ профессурѣ. Въ 1864 году выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и защитилъ диссертацию о клиническомъ изслѣдованіи неистовыхъ больныхъ. До 1876 г. состоялъ адъюнктомъ при клиникѣ душевныхъ больныхъ профессора Балинскаго. За это время совершилъ двѣ поѣздки за границу и занимался въ клиникахъ Шарко, Вестфала, Траубе, у Дюшена Булонскаго и въ лабораторіяхъ Вирхова, Генле, — Claude Bernard'a и Брока. Въ 1877 году избранъ и назначенъ и. д. профессора по кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней въ м.-х. академіи. И. П. Мержеевскій напечаталъ болѣе 30 ученыхъ работъ, изъ которыхъ главнѣйшія суть: *Ueber Mikrocephalie*, *Recherches sur l'idiotisme*.

Des lésions des parois ventriculaires dans la paralysie générale. 1878.

Sur les lésions cérébrales dans la paralysie progressive.

Hemiatrophia facialis progressiva.

„Къ вопросу объ алкоголизмѣ и объ условіяхъ, благопріятствующихъ развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ Россіи 1887 г.“.

Съ 1888 г. проф. Мержеевскій основалъ „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и нервной патологіи“, котораго онъ главный редакторъ и сотрудникъ. Ученые труды профессора Мержеевскаго и блестящіе успѣхи его въ клиникѣ и частной практикѣ приобрѣли ему громкую извѣстность. Онъ въ 1879 году былъ избранъ членомъ медицинскаго совѣта и состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. При этомъ онъ отличный коллега и пользуется уваженіемъ и любовью своихъ учениковъ и товарищей.

Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ.

Эйхвальдъ, сынъ знаменитаго профессора минералогіи и палеонтологіи, былъ спеціальнымъ и любимымъ моимъ ученикомъ и около трехъ лѣтъ лучшимъ моимъ ассистентомъ, при завѣдуемой мною отъ 1861 по 1863 годъ госпитальною клинкою. Съ отличною подготовкою и классическимъ образованіемъ, полученнымъ имъ въ Спб., въ прекрасной Анненской школѣ, Эдуардъ Эдуардовичъ соединялъ необыкновенную любознательность и высокій умъ, который, однако-же, имѣлъ скептическое и критическое направленіе, съ одной стороны охранявшее его отъ теоретическихъ увлеченій, съ другой стороны увлекавшее его въ горячіе научные споры и сдѣлавшее его почти постояннымъ оппонентомъ вновь появлявшихся научныхъ работъ; причемъ, конечно, онъ хотя часто, но не всегда былъ правъ. Этимъ оппозиционнымъ духомъ Эйхвальдъ нажилъ себѣ много враговъ, которые усматривали въ немъ не желаніе всесторонняго разсмотрѣнія какого-либо научнаго вопроса, не стремленіе къ разъясненію истины, побуждавшія его къ горячимъ преніямъ и строгой критикѣ, но личное къ себѣ недоброжелательство и враждебное отношеніе.

Окончивъ курсъ съ золотою медалью въ 1859 г. и защитивъ свою прекрасную диссертацию „о коллоидномъ перерожденіи яичниковъ“, въ 1863 году, онъ отправленъ былъ отъ академіи за границу для усовершенствованія въ наукахъ, гдѣ преимущественно занимался подъ руководствомъ профессоровъ Шкоды и Оппольцера въ Вѣнѣ и Бамбергера въ Вюрцбургѣ. При чтеніи студентамъ нашей академіи курса практической діагностики и общей терапіи, Эйхвальдъ выказалъ свой блестящій преподавательскій талантъ. Въ 1875 году онъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и завѣдующаго сперва пропедевтической, а затѣмъ и госпитальною клинкою. Въ 1878 году Эйхвальдъ участвовалъ въ противочумной комиссіи графа М. Т. Лориса-Меликова въ Ветлянкѣ.

Въ 1883 г. Э. Э. Эйхвальдъ оставилъ профессуру въ м.-х. академіи, получивъ почетное назначеніе на постъ медицинскаго инспектора въ заведеніяхъ Императрицы Маріи.

Но съ выходомъ его изъ академіи не прекратилась его столь полезная преподавательская дѣятельность. Его давно занимала мысль устройства высшаго и притомъ чисто-практическаго и благотворительнаго врачебнаго учрежденія, которая, наконецъ, осуществилась при энергическомъ его содѣйствіи и крупныхъ матеріальныхъ

пожертвованіяхъ, открытіемъ 21 мая 1885 года Еленинскаго института, въ память великой княгини Елены Павловны, при которой онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ врачомъ. Въ этомъ прекрасномъ институтѣ онъ былъ первымъ по времени директоромъ и лучшимъ профессоромъ.

Здѣсь умѣсто сказать нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія этого замѣчательнаго учрежденія; привожу отрывокъ изъ вступительной рѣчи профессора Эйхвальда, сказанной имъ въ день открытія Еленинскаго института:

„Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ принадлежитъ смѣлая и новая мысль доставить раненымъ и больнымъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ полевыхъ лазаретахъ, ближайшихъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій, благодѣаніе женскаго ухода, что казалось невозможнымъ, при тогдашнихъ взглядахъ на военную дисциплину. Ея высочеству удалось склонить государя императора Николая Павловича къ допущенію такого неслыханнаго эксперимента. Великая княгиня обратилась съ воззваніемъ къ патриотизму русскихъ женщинъ и собственною рукою, въ клиникѣ Пирогова, наложила повязку на оперированнаго, съ цѣлью доказать, что оказаніе подобнаго рода помощи ближнему не можетъ имѣть ничего предосудительнаго. Возникла „Крестовоздвиженская Община“, первообразъ всѣхъ русскихъ сестеръ милосердія, первыхъ сестеръ которой Пироговъ наставлялъ въ Севастополѣ въ 1854 году подъ пушечными выстрѣлами. Благотворная дѣятельность этихъ самоотверженныхъ женщинъ во время Крымской кампаніи всѣмъ извѣстна. Еще до основанія Крестовоздвиженской общины, великая княгиня основала первую амбулаторію въ нашей столицѣ, Максимиліановскую лечебницу, въ которой принимали больныхъ извѣстнѣйшіе врачи столицы и, между прочимъ, по такимъ специальностямъ, которыя тогда не имѣли еще своихъ представителей даже въ м.-х. академіи, напр. по ушнымъ и гортаннымъ болѣзнямъ, по электроterapiи—и проч. Во время Крымской кампаніи великая княгиня Елена Павловна учредила на собственное иждивеніе, при Максимиліановской лечебницѣ, особое отдѣленіе, для бесплатнаго пользованія раненыхъ офицеровъ. Такая же амбулаторія, съ нѣсколькими постоянными кроватями исключительно для бѣднѣйшаго населенія столицы, организовалась подъ эгидою ея высочества и въ Крестовоздвиженской общинѣ.

Когда число амбулантовъ возросло въ Максимиліановской лечебницѣ до 40 тысячъ, а въ крестовоздвиженской общинѣ до 100 тысячъ въ годъ, великая княгиня одобрила мысль проф. Эйхвальда воспользоваться этимъ обширнымъ поликлиническимъ матеріаломъ на пользу преподаванія и учредить одно обширное высшее врачебное заведеніе съ бесплатными и платными кроватями для больныхъ и чтеніемъ курсовъ, по всѣмъ специальностямъ медицины, какъ для врачей, такъ и для студентовъ высшихъ курсовъ м.-х. академіи“.

Такъ возникъ Еленинскій институтъ, который теперь состоитъ подъ высокимъ покровительствомъ августѣйшей дочери великой княгини Елены Павловны, ея императорскаго высочества госу-

дарыни великой княгини Екатерины Михайловны. На Еленинскомъ институтѣ профессоръ Эйхвальдъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность, отказавшись даже отъ почетной должности врачебнаго инспектора заведеній Императрицы Маріи, и остался вѣренъ ему до самой своей кончины, послѣдовавшей 2 ноября 1889 г., оставаясь при этомъ членомъ медицинскаго совѣта и военно-медицинскаго ученаго комитета, куда онъ былъ избранъ за нѣсколько лѣтъ до того.

Кромѣ своей диссертаци, проф. Э. Э. Эйхвальдъ оставилъ нѣсколько ученыхъ работъ: *Ueber das Wesen der Stenocardie und ihr Verhältniss zur Subparalyse des Herzens. Würzburg, 1863.*

Die eiweissartigen Stoffe der Blutflüssigkeit und des Herzbeutelwassers.

Общую терапію, въ двухъ изданіяхъ 1872 г.

Къ вопросу объ уменьшеніи смертности въ Россіи 1887—1888 гг.

Наконецъ, было еще нѣсколько статей, въ основанномъ имъ, совмѣстно съ профессоромъ Ландцвергомъ и докторомъ Шмулевичемъ, изданіи „Труды по анатоміи, физиологіи и клинической медицинѣ“ — и нѣсколько полемическихъ статей, упомянутыхъ въ его некрологѣ. Профессоръ Эйхвальдъ былъ не только моимъ ученикомъ въ мед.-хирургич. академіи, но и моимъ ассистентомъ при госпитальной клиникѣ, а впоследствии моимъ преемникомъ по кафедрѣ общей терапіи и діагностикѣ, а затѣмъ и госпитальной клиникѣ, при которой онъ, послѣ моего выхода изъ академіи, т. е. съ 1863 года, состоялъ ассистентомъ у профессора Эйка.

Викторъ Виллгальдовичъ Бессеръ.

Какъ пансіонеръ Я. В. Виліе, Бессеръ сперва кончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета, а потомъ уже докторомъ по медицинскому факультету московскаго университета. Это давало ему значительный перевѣсъ въ сравненіи съ своими товарищами, въ общемъ образованіи. Находясь сначала нѣсколько времени консультантомъ по внутреннимъ болѣзнямъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, В. В. былъ прикомандированъ, въ качествѣ сверхштатнаго профессора и моего помощника къ пропедевтической клиникѣ при мед.-хирург. академіи, и послѣ моего выхода изъ академіи занялъ эту кафедру. Профессоръ Бессеръ былъ отлично образованный и весьма популярный практической врачъ и поэтому по своей кафедрѣ отгѣнно полезный профессоръ.

По выходѣ пр. Бессера изъ академіи, его кафедру занялъ профессоръ Эйхвальдъ, а В. В., до своей внезапной кончины, послѣдовавшей 15 апрѣля 1890 г., состоялъ однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ военно-медицинскаго ученаго комитета, а также членомъ редакціонной комиссіи по „Военно-Медицинскому Журналу“.

Юлій Карловичъ Траппъ.

Ю. К. Траппъ родился въ 1814 году въ городѣ Маріамполѣ (въ Царствѣ Польскомъ), получилъ образованіе въ городѣ Тильзитѣ, въ Пруссіи, гдѣ окончилъ гимназическій курсъ. Тамъ-же изучалъ практическую фармацію въ продолженіе четырехъ лѣтъ и держалъ экзаменъ на степень аптекарскаго помощника въ 1836 году. Затѣмъ повторилъ экзаменъ въ Варшавѣ, гдѣ посѣщалъ фармацевтическую школу.

Въ 1839 г. Ю. К. Траппъ поступилъ въ медико-хирургическую академію въ С.-Петербургѣ, гдѣ окончилъ фармацевтическое образованіе и держалъ экзаменъ на магистра фармаціи. На службу поступилъ въ 1849 году адъюнктъ-лаборантомъ химіи и фармаціи и состоялъ при проф. Нечаевѣ. Въ 1847 году выдержалъ экзаменъ на адъюнктъ-профессора, а въ 1856 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ фармаціи, которую должность добросовѣстно исполнялъ по 1879 годъ, съ отиѣвной пользою для своихъ слушателей.

Профессоръ Траппъ, кромѣ обширныхъ знаній по своей спеціальности, отличный химикъ и основательно знаетъ латинскій языкъ, что, какъ извѣстно, большая рѣдкость даже между ученѣйшими фармацевтами (*genitivus pharmaceuticus*); въ 1858 году онъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта, а въ 1861 г. членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Въ 1857 г. Ю. К. Траппъ назначенъ членомъ ревизіонной комиссіи придворной Его Величества аптеки. Въ 1863 г. Кенигсбергскій университетъ, за ученые труды Ю. К. по фармацевтическимъ наукамъ, призналъ его докторомъ естественныхъ наукъ. Въ 1868 г. онъ признанъ академикомъ м.-х. академіи; въ 1873 году признанъ заслуженнымъ профессоромъ. Въ 1877 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Профессоръ Траппъ издалъ слѣдующіе труды: 1) Химическое изслѣдованіе Невской воды, а также Ладожскаго озера и трехъ каналовъ Петербурга, 1847 года. 2) Соединеніе хлора съ іодомъ, 1854 г. 3) Алдегидъ масла *Cicutae virosae*, 1858 г. 4) Руководство къ фармакогнозіи, 1858 г. 5) Первые пособия при отравленіи и

химич. изслѣдованіе ядовъ, 1863 года. 6) О свинцовыхъ водопроводахъ, 1864 г. 7) Военная фармакопея, 1864 г. 8) Россійская фармакопея, 1866 г. 9) Руководство къ фармакогнозіи, 2-е изд., 2 тома, 1868 г. 10) Изслѣдованіе эфирнаго масла *Ledi palustris*, 1869 г. 11) Морская фармакопея, 1869 г. 12) Россійская фармакопея, II изд., 1870 г. 13) Придворная фармакопея, 1871 г. 14) Руководство для изслѣдованія ядовъ, 1876 г. 15) Рецептура, 1876 г. 16) Россійская фармакопея, 3-е изд., 1880 г. 17) Рецептура, 2-е изд., 1880 года. 18) Карманная фармакопея, 1881 г. 19) Фармакогнозія, 3-е изд., 1882 г. 20) Фармацевт. химія, 1883 г. 21) Съ 1885 г. по настоящее время готовится 4-е изданіе Россійской фармакопеи.

Ю. К. Траппъ состоитъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ слѣдующихъ обществъ: русскихъ врачей, варшавскихъ врачей, плочкихъ, виленскихъ и гельсингфоргскихъ врач., петербургскаго фармацевтическаго общества, а также московскаго, кіевскаго, одесскаго, варшавскаго, казанскаго и рижскаго почетнымъ членомъ. Берлинскаго, вѣнскаго, парижскаго, лондонскаго, копенгагенскаго и другихъ фармацевтическихъ обществъ почетнымъ членомъ.

Ученныя заслуги Ю. К. Траппа, его честный и безкорыстный характеръ приобрѣли ему общее уваженіе и были оцѣнены правительствомъ по достоинству. Онъ достигъ апогея тѣхъ отличій, которыми еще никогда не былъ почтенъ ни одинъ фармацевтъ: Ю. К. Траппъ—тайный совѣтникъ и александровскій кавалеръ.

Алексѣй Петровичъ Доброславинъ.

Хотя А. П. Доброславинъ кончилъ курсъ въ медико-хирург. академіи уже послѣ моего выхода изъ нея, но я о немъ здѣсь упоминаю, потому что онъ былъ одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ профессоровъ нашей академіи, въ которой онъ читалъ полный курсъ гигиены съ профессиональнымъ и военнымъ отдѣлами ея, управлялъ лабораторією, для санитарныхъ аналитическихъ изслѣдованій, былъ затѣмъ, въ теченіи девяти лѣтъ, ученымъ секретаремъ въ медико-хирург. академіи, но и потому еще, что онъ былъ главнымъ сподвижникомъ и помощникомъ моимъ, при организаціи „русскаго общества охраненія народнаго здравія“, въ которой онъ былъ до самой кончины своей, послѣдовавшей 4 декабря 1889 г., предсѣдателемъ самой важной секціи, то есть собственно гигиенической секціи нашего общества. Въ то-же самое время Алексѣй Петровичъ успѣвалъ быть дѣятельнымъ врачебнымъ инспекторомъ тюремныхъ учреждений

имперіи и однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ военно-медицинскаго ученаго комитета, а также участвовалъ въ трудахъ С.-Пб. земства.

А. П. Доброславинъ, кромѣ весьма цѣнныхъ работъ, которыя перечислены въ недавно вышедшей, съ его портретомъ, біографіи, составилъ прекрасное руководство по гигиенѣ, подъ заглавіемъ „Курсъ общественнаго здравоохраненія“, въ 2-хъ томахъ, съ рисунками, имѣвшаго въ теченіи четырехъ лѣтъ два изданія, и весьма подробный „Курсъ военной гигиены“, также въ двухъ частяхъ. Сверхъ того, 95 докторскихъ диссертаций, для которыхъ матеріалы собраны въ его гигиенической лабораторіи, и 55 работъ, составленныхъ тамъ же, подъ его руководствомъ, свидѣтельствуютъ какъ о большой его популярности между студентами и медиками, такъ и объ изумительной его дѣятельности.

Еще слѣдуетъ упомянуть здѣсь о двухъ профессорахъ естественникахъ, по каедрѣ ботаники, отличившихся высоко научнымъ направлениемъ, изъ которыхъ первый, А. С. Фаминцынъ, бывшій при нѣ короткое время профессоромъ, теперь (1891 г.) весьма извѣстный по своей спеціальности членъ императорской академіи наукъ. Второй нынѣ еще членъ медицинскаго совѣта К. Е. Мерклинъ.

Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ.

А. С. Фаминцынъ прошелъ курсъ наукъ третьей петербургской гимназіи, а затѣмъ въ 1853 году поступилъ на физико-математическій факультетъ с.-петерб. университета, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1857 г. Въ медико-хирургической академіи А. С. читалъ ботаническія лекціи только одинъ (1860) годъ; оставивъ затѣмъ каеэдру ботаники, частью по разстроенному здоровью, частью для продолженія своихъ многочисленныхъ ученыхъ работъ, которыхъ имъ издано до 40, а также для занятія каеэдры ботаники въ с.-петерб. университетѣ.

Ученые труды профес. Фаминцына вскорѣ обратили на него справедливое вниманіе академіи наукъ.

Въ 1878 году онъ удостоился избранія въ адъюнкты академіи, при этомъ имѣлось въ виду весьма важное изученіе имъ (впервые) вліянія искусственнаго свѣта и при томъ пропущеннаго сквозь окрашенную жидкость на растительность. Затѣмъ А. С. трудился надъ исторіею развитія низшихъ тайнобрачныхъ, культивируя ихъ по особенному методу, и издалъ мемуаръ о развитіи грибовъ рода *Ceratium*. Въ 1883 году послѣдовало представленіе

А. С. Фаминцына въ экстра-ординарные академики, при чемъ имѣлись въ виду: замѣчательная работа его появившаяся въ бюлетенѣ академіи: „Die Zerlegung der Kohlensäure durch Pflanzen bei künstlicher Beleuchtung“ и другая „die Wirkung der Intensität des Lichts auf die Kohlensäurezersetzung durch Pflanzen“. Вполнѣ достойны вниманія также его „Embryologische Studien“ и весьма объемистое его сочиненіе, надъ которымъ онъ трудился около 10 лѣтъ: „Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергии въ растеніяхъ“. Наконецъ, какъ видно изъ протоколовъ физико-математическаго отдѣленія, послѣдовало 16 января 1891 года предложеніе А. С. Фаминцына на вновь учрежденную должность ординарнаго академика по физиологіи и анатоміи растеній, имѣя при этомъ въ виду слѣдующіе его труды: Ueber Knospenbildung der Phanerogamen“, 1887. Учебникъ физиологіи растеній, составляющій капитальный вкладъ въ научную литературу. „Beitrag zur Symbiose von Algen und Thieren“ и разработка вопроса „О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ“. Всѣ эти работы подробно разобраны въ вышесказанномъ протоколѣ.

А. С. Фаминцынъ состоитъ почетнымъ непремѣннымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Карлъ Егеновичъ Мерилинъ.

Мерклинъ родился въ Ригѣ, 7-го апрѣля 1821 года, получилъ первое образованіе въ тамошней классической гимназіи, а оттуда, въ 1839 году, поступилъ въ дерптскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ физико-математическомъ факультетѣ со степенію кандидата естественныхъ наукъ. Занимался предпочтительно ботаникою за границею, въ Парижѣ у Жюссье и Броньяра, въ Іенѣ у Шлейдена; въ 1847 году читалъ лекціи по анатоміи и физиологіи растеній въ офицерскихъ классахъ Лѣснаго института, а затѣмъ и въ другихъ классахъ до 1865 г., т. е. до времени его перевода въ Москву. Въ 1848 г. К. Е. былъ опредѣленъ физиологомъ императ. с.-петерб. ботаническаго сада. Въ 1864 г. избранъ ординарнымъ профес. мед.-хирург. академіи по кафедрѣ ботаники, гдѣ онъ впоследствии читалъ лекціи и на женскихъ медицинскихъ курсахъ. Въ 1878 г. онъ оставилъ свою профессуру въ званіи академика.

Одновременно К. Е. состоялъ экспертомъ по части естественныхъ наукъ и микроскопіи въ медицинскомъ департаментѣ мин. внутрен. дѣлъ и исполнялъ эту трудную должность весьма добро-

совѣстно слишкомъ 30 лѣтъ. Въ 1862 г. онъ былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта, а въ 1864 г. членомъ корреспондентомъ императорской академіи наукъ; наконецъ, въ 1877 г., назначенъ непрежѣннымъ членомъ военно-медиц. ученаго комитета. Въ этихъ должностяхъ профессоръ Мерклинь находится и въ настоящее время, состоя на государственной службѣ 43 г.

Изъ научныхъ работъ К. Е. Мерклина по анатоміи и физиологіи растений, дендрологіи, фито-палеонтологіи и микроскопіи, приводимъ слѣдующія: 1) *Zur Entwicklungsgeschichte der Blattgestalten*. Jena, 1846. 2) *Zur Entwicklungsgeschichte der Farrenkraeuter*. St.-Petersburg, 1850. 3) *Palaeodendrologikon Rossicum*, St. Pbg., 1885, удостоено Демидовской премии отъ акад. наукъ. 4) Публичныя лекціи о внутреннемъ строеніи и жизни растений, 1855 — 1856 гг. 5) *Анатомія коры и древесины лѣсныхъ деревъ Россіи*. Спб., 1857 г. 6) *Наставленіе объ изслѣдованіи подозрительныхъ пятенъ, для врачей и юристовъ*; имѣло два изданія и переведено на нѣмецкій языкъ.

Профессоръ Мерклинь тайн. сов. и состоитъ (1891 г.) почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

IV.

Обращаясь къ моей дальнѣйшей дѣятельности въ мед.-хир. академіи, я буду по возможности кратко, считая болѣе важнымъ указаніе на способъ изученія примѣненія діагностической техники къ распознаванію болѣзней, нежели дальнѣйшую мою дѣятельность. Въ пропедевтической клиникѣ я имѣлъ случай многимъ изъ выдающихся учениковъ своихъ быть полезнымъ, указывая имъ на собственныя ошибки и заблужденія, которымъ подвергался, пока дошелъ до извѣстной увѣренности въ распознаваніи болѣзней. Я тогда написалъ монографію о распознаваніи болѣзней сердца и клинической отчетъ за 1844—45 гг. Въ моихъ лекціяхъ изъ общей патологіи я держался лучшихъ авторовъ того времени; но безъ экспериментальнаго направленія, въ послѣднемъ семестрѣ, передъ переходомъ моимъ на кафедру госпитальной клиники я познакомилъ слушателей своихъ съ тогда только что появившеюся „целлулярною патологіею Вирхова. Въ своихъ лекціяхъ изъ общей терапіи передавая общіе способы леченія, я особенно отгѣнялъ тѣ средства, входяція въ ихъ составъ, которыхъ несомнѣнную дѣйствительность я самъ неоднократно испытывалъ. Въ госпитальной клиникѣ я ввелъ молочное

лечение въ болѣзняхъ сердца и водянкѣ, придумалъ и описалъ теперь общепринятый вѣрный способъ остановленія кровотеченія изъ легкихъ, посредствомъ вдыханія распыленнаго 2,5% раствора двунагхлористаго желѣза, и всѣхъ хроническихъ больныхъ, которые могли ходить, превращалъ въ амбулантовъ, на томъ основаніи, что они отъ госпитальнаго воздуха и госпитальной скуки большею частью хирѣли и гибли, а при этомъ режимѣ, подобно хроникамъ въ частной практикѣ, нѣрѣдко поправлялись.

Будучи часто приглашаемъ для врачебныхъ совѣтовъ особами царской фамиліи, я 31 декабря 1860 года удостоенъ званія лейбъ-медика консультанта; обязанности моей придворной службы нѣрѣдко отвлекали меня отъ академическихъ занятій, поэтому я, въ концѣ 1863 года, оставилъ профессуру въ академіи, удостоившись избранія въ ея почетные члены.

Впослѣдствіи избравъ любимымъ предметомъ гигиену, я на ней сосредоточилъ всю свою дѣятельность и мнѣ удалось при содѣйствіи нѣсколькихъ равномыслящихъ лицъ, въ январѣ 1878 г., создать „Русское общество охраненія народнаго здравія“. Исполняя послѣдовательно должность академическаго профессора (23 года), высокую и отвѣтственную обязанность наблюденія за здоровіемъ августѣйшихъ сыновей Царя-освободителя (10 лѣтъ) и предсѣдателя медицинскаго совѣта (5 лѣтъ), я всегда имѣлъ въ виду во-время сложить съ себя эти высокія и отвѣтственныя должности, не дожидаясь того времени, когда уже физическая и умственная несостоятельность потребовали-бы этого. Но той же причинѣ я и частную практику оставилъ уже лѣтъ десять тому назадъ.

Теперь я сохранилъ за собою почетное званіе лейбъ-медика консультанта, высочайше дарованное мнѣ 30 лѣтъ тому назадъ, и уступивъ желанію членовъ общаго собранія русскаго общества охраненія народнаго здравія, остался его предсѣдателемъ еще на одно трехлѣтіе. Затѣмъ принимаю посильное участіе въ занятіяхъ медицинскаго совѣта и военно-медич. ученаго комитета, избравшихъ меня своимъ почетнымъ членомъ.

Федоръ Павловичъ Ландцертъ.

При мнѣ состояли прозекторами въ м.-х. академіи: при каедрѣ описательной анатоміи Федоръ Павловичъ Ландцертъ, который уже послѣ моего выхода изъ академіи былъ извѣстнымъ проф. анатоміи въ м.-х. академіи, а также читалъ лекціи изъ анатоміи, приспособленной для слушателей академіи художествъ, съ тѣмъ болѣе большимъ успѣхомъ, что

самъ отлично рисовалъ. Федоръ Павловичъ былъ сынъ пастора въ Бѣлоостровѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ Петропавловскомъ училищѣ, онъ поступилъ въ м.-х. академію, гдѣ еще студентомъ спеціально занимался анатоміей у проф. В. Л. Грубера, котораго онъ тогда былъ любимымъ ученикомъ. Прослуживъ нѣкоторое время военнымъ врачомъ, онъ получилъ кафедру анатоміи въ академіи. Какъ лекторъ онъ пользовался вполне заслуженною славой. Одно время онъ былъ и ученымъ секретаремъ академіи. На женскихъ врачебныхъ курсахъ онъ же преподавалъ анатомію. Изъ ученыхъ трудовъ его можно указать на его диссертацию „о леченіи аневризмъ прижатіемъ“, на начатый, но къ сожалѣнію прерванный преждевременною смертію его, послѣдовавшею 29 сент. 1889 г., курсъ анатоміи и на составленный совместно съ проф. Эйхвальдомъ I томъ Сборника трудовъ. Странно, что проф. Груберъ сталъ относиться враждебно къ талантливому ученику своему, по мѣрѣ возрастанія его научной славы и извѣстности.

Карлъ Федоровичъ Гепнеръ.

Гепнеръ, бывъ прозекторомъ по кафедрѣ практической анатоміи, впоследствии сдѣлавшійся однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ военно-полевыхъ хирурговъ. Хотя д-ръ Гепнеръ не занималъ впоследствии академической кафедры, но бесспорно былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ хирурговъ, тѣмъ болѣе, что въ основаніи его искусства лежали глубокія и точнѣйшія анатомо-топографическія знанія. Преждевременная смерть прервала его полезную дѣятельность.

Петръ Петровичъ Лесгафтъ.

П. П. Лесгафтъ окончилъ курсъ въ мед.-хирург. академіи съ званіемъ лекаря съ отличіемъ и награжденъ серебряною медалью 10 іюня 1861 г.; онъ былъ также, какъ и Ландцертъ, ученикомъ Пирогова и Грубера, а затѣмъ у послѣдняго ассистентомъ до 1867 г. и прозекторомъ по кафедрѣ практической анатоміи, до 1869 г. Въ 1865 г. защитилъ свою диссертацию „Объ отношеніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки и прибавочныхъ слоевъ заднепроходно-предстательной области у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Спб. 1865 г., съ 2 рисунками“. Удостоенъ званія д-ра медицины, а въ 1868 году утвержденъ въ степени д-ра медицины и хирургіи.

Въ 1869 году приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи казанскаго университета, гдѣ оставался до 14 октября 1871 г. Въ 1878 г. утвержденъ прозекторомъ въ мед.-хирургич. академіи, гдѣ продолжалъ свою отиѣнно полезную дѣятельность до 11 ноября 1884 года. Съ 19 сентября 1886 года допущенъ, въ званіи привать-доцента, къ чтенію анатоміи человѣка въ слб. университетѣ, гдѣ состоитъ въ этомъ званіи до настоящаго времени. Профес. Лесгафтъ состоитъ почетнымъ, непремѣннымъ и дѣйствительнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ.

Имъ изданы 56 ученыхъ трудовъ, болѣею частію анатомико-топограф. и анатомо-физиологическаго содержанія (20), затѣмъ по антропологическимъ вопросамъ (10), анатомо-паталогическимъ (5) и цѣлый рядъ весьма практическихъ и ученыхъ работъ, относящихся къ педагогич. и школьному вопросу, напр. 4 лекціи объ отношеніи анатоміи къ воспитанію, 1876 г. Матеріалъ для изученія школьнаго возраста, 1879 г. Физическое развитіе въ школахъ, 1880 г. Объ играхъ и физическомъ воспитаніи въ школахъ, 1882 г. Школьные типы, антропологическій этюдъ, 2 изд., 1886 г. Объ антропометрическихъ измѣреніяхъ, 1885 г. О задачахъ физическаго воспитанія, 1887 г. Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, 1888 г. Наслѣдственность, 1889 г. О задачахъ физическаго образованія въ профессиональныхъ школахъ, 1890 г. О характерѣ изученія естественныхъ наукъ въ высшей школѣ. Дневникъ VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей, 1890 г. О преподаваніи естественныхъ наукъ въ школѣ, 1891 г. Мы перечислили эти работы профессора Лесгафта, изъ ряда многихъ другихъ его трудовъ, потому, что онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія министерства народнаго просвѣщенія и крайне желательно было бы, дабы министерство озаботилось по возможности о совокупномъ изданіи ихъ въ видѣ сборника его педагогическихъ работъ.

Профессоромъ Лесгафтомъ, сверхъ того, изданы: Анатомія Гиртля съ рисунками и собственными прибавленіями, 2 части. Хир. анат. Рише и общая анатомія органовъ движенія, 1885—86 гг. Подъ его руководствомъ произведены 24 ученые работы молодыми врачами, болѣею частію анатомическаго содержанія.

Я долженъ здѣсь упомянутьъ еще объ Александрѣ Ивановичѣ Таранецкомъ, одномъ изъ лучшихъ учениковъ профессора Грубера, который, послѣ моего выхода, занялъ каяедру анатоміи въ медицинскои академіи, нынѣ состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Его полезная дѣятельность принадлежитъ эпохѣ современнаго развитія нашей академіи.

Тимофей Степановичъ Ильинскій.

Это былъ первымъ самостоятельнымъ преподавателемъ паталогической анатоміи въ нашей академіи. Этотъ добросовѣстный, скромный и честный преподаватель принесъ академіи большую пользу и въ лицѣ профессора Руднева образовалъ талантливаго ученика, который впоследствии занялъ его кафедру и нѣсколько лѣтъ былъ ученымъ секретаремъ академіи. Отлично подготовленный, Рудневъ скоро приобрѣлъ авторитетное значеніе по своей специальности и еще въ сравнительно молодыхъ лѣтахъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, а затѣмъ ученымъ секретаремъ м.-х. академіи и совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Къ сожалѣнію этотъ талантливый преподаватель преждевременно погибъ отъ размягченія мозга, успѣвъ, однако-же, образовать себѣ достойнаго преемника въ лицѣ профессора Н. П. Ивановскаго, который послѣ него занялъ кафедру паталогической анатоміи, былъ также ученымъ секретаремъ въ академіи и нынѣ (1891 г.) состоитъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта.

Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ.

При мнѣ былъ въ м.-х. академіи библиотекаремъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ; но при этомъ онъ не довольствовался внѣшнимъ порядкомъ академическаго книгохранилища и исправнымъ содержаніемъ каталоговъ, но съ жадностью прочитывалъ все выдающееся во врачебной литературѣ, составивъ обширные каталоги съ краткимъ содержаніемъ главнѣйшихъ сочиненій. Эта начитанность впоследствии весьма пригодилась, когда онъ, уже послѣ моего выхода изъ академіи, получивъ клиническую профессию, сдѣлался однимъ изъ ученѣйшихъ профессоровъ въ нашей академіи и основателемъ медицинскаго журнала „Врачъ“, по моему мнѣнію лучшей изъ нашихъ врачебныхъ газетъ.

Доцентами въ мое время были изъ болѣе выдающихся:

Федоръ Николаевичъ Заварыкинъ, нынѣ извѣстный профессоръ гистологіи и эмбриологіи.

Иванъ Максимовичъ Сорокинъ, нынѣ профессоръ судебной медицины.

Эдуардъ Карловичъ Брандтъ, нынѣ (1891 г.) профессоръ зоологіи и сравнительной анатоміи. Уже послѣ меня, но также изъ нашей академіи, были преподавателями: Кронидъ Федоровъ Славянскій,

нынѣ проф. акушерства и гинекологіи, и Алексѣй Герасим. Полотобновъ—завѣдующій клинкою назожныхъ болѣзней.

Сверхъ того, въ мое время, за годъ до моего выхода изъ числа профессоровъ академіи, въ нее поступили изъ московскаго университета, по приглашенію президента академіи П. А. Дубовицкаго, Сергѣй Петровичъ Боткинъ, столь извѣстный впоследствии клиническій профессоръ и лейбъ-медикъ, образовавшій многочисленную школу русскихъ врачей.

Эдуардъ Эдуардовичъ Юнге, занявшій новую кафедру офталмологіи и глазной клинйки.

Ив. Март. Якубовичъ, по кафедрѣ гистологіи и физиологіи, и Беккерсъ, по хирургіи.

Профессоръ Ив. Михайлов. Сѣченовъ, извѣстѣйшій физиологъ, также поступилъ тогда на академическую кафедру.

Исторія болѣе или менѣе выдающейся дѣятельности упомянутыхъ преподавателей академіи принадлежитъ уже не моему времени и объемлетъ собою третью эпоху преобразования, т. е. современное состояніе нашей медико-хирургической академіи.

Р. S. Вотъ двѣ три строки еще о тѣхъ, о которыхъ я упустилъ сказать выше въ своемъ мѣстѣ.

Викторъ Васильевичъ Пашутинъ, хотя уже послѣ моего выхода былъ профессоромъ въ военно-медицинской академіи и не изъ воспитанниковъ ея, но я о немъ здѣсь упоминаю потому, что онъ въ академіи занималъ отдѣльную кафедру общей патологіи, которая была прежде соединена съ общою терапіею и пропедевтическою клинкою въ одну кафедру, которую я занималъ въ теченіи 13 лѣтъ. Лекціи профессора Пашутина были гораздо полезнѣе и нагляднѣе моихъ, потому что они сопровождались демонстраціями и опытами надъ животными. Онъ же унаслѣдовалъ послѣ меня предсѣдательское мѣсто въ медицинскомъ совѣтѣ.

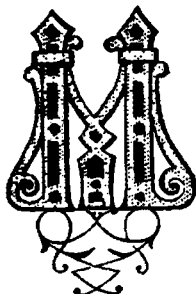
Равнымъ образомъ, считаю долгомъ упомянуть о Николаѣ Илларионовичѣ Козловѣ (см. выше стр. 127), бывшемъ кievскомъ профессорѣ и впоследствии весьма извѣстномъ военно-медицинскомъ администраторѣ.

Заслуженный профессоръ и поч. членъ медико-хирургической академіи.

Николай Фед. Здекауеръ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1864 г. 1).

ай 5. Вторникъ. Нанята дача въ Павловскѣ у генерала Мердера. Вчера и задатку дано пятьдесятъ рублей. За лѣто двѣсти пятьдесятъ съ мебелью, которая, впрочемъ, очень неблестяща.

Празднованіе столѣтняго юбилея Смольнаго монастыря. Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ пригласительный билетъ. Въ 9 часовъ утра отправился я въ соборъ. Въ церкви у барьера стояла кучка старухъ, кажется, изъ богадѣльнаго дома. За барьеромъ были нынѣшнія воспитанницы и около нихъ суетилось нѣсколько чиновниковъ. Принцъ (Ольденбургскій) былъ уже здѣсь. Онъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновенною своею любезностью, спросилъ сколько времени служилъ я въ Смольномъ монастырѣ и исправно-ли посѣщаютъ лекціи студенты университета. Церковь вскорѣ начала наполняться бывшими воспитанницами и сановниками. Между тѣми и другими я встрѣтилъ много знаемыхъ. Обѣдню служилъ митрополитъ; пѣли

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166.

придворные пѣвчіе. Какъ хороша эта церковь! Немного подобныхъ ей по величію, простотѣ и легкости архитектуры. Къ молебну пріѣхали государь, государыня и все императорское семейство. Крытая полотняная галлерей соединяла на этотъ разъ соборъ съ самымъ зданіемъ Смольнаго монастыря: черезъ нее-то и прошли всѣ приглашенные въ безконечные монастырскіе корридоры, которые привели ихъ въ парадную залу. Въ верхнемъ корридорѣ по обѣимъ сторонамъ въ два ряда стояли воспитанницы, какъ-бы образуя живую изгородь изъ свѣжихъ молодыхъ и оживленныхъ лицъ: это было очень эффектно. Въ залѣ противъ входа осявренная густою зеленью статуя Екатерины II, а на всемъ пространствѣ залы накрыты столы для завтрака. Мѣста за всѣми столами заняли женщины, кромѣ одного, назначеннаго для приглашенныхъ и сановниковъ, между которыми пришлось и мнѣ, маленькому темненькому человѣку, занять мѣсто между сановнѣйшимъ мужемъ Языковымъ, директоромъ училища правовѣдѣнія, и министромъ юстиціи Замятнинымъ.

Такъ какъ это по преимуществу былъ женскій праздникъ—праздникъ русской образованной женщины, въ которой у меня вообще лежитъ сердце, больше чѣмъ къ нашему, такъ называемому, образованному мужчинѣ, то я и устремилъ все мое вниманіе на эти волны женскихъ головъ, залившихъ всю залу. Какое разнообразіе лицъ и возрастовъ! Тутъ рядомъ съ цвѣтущею юностью послѣднихъ выпусковъ помѣщались развалины начала нынѣшняго столѣтія, которыя тоже когда-то цвѣли юностью. Говорять, сохранилась одна дама ста четырехъ лѣтъ изъ перваго выпуска. Но, конечно, ея здѣсь не было. Тутъ мелькали и мнѣ знакомыя милыя головки, лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ блиставшія прелестью и упоеніемъ молодой расцвѣтающей жизни и теперь—увы!—увядающія, полуувядшія или совсѣмъ увядшія, что краснорѣчиво говоритъ и о моемъ собственномъ увяданіи. И сколько изъ нихъ увяло и увядаетъ въ нуждѣ подъ гнетомъ разныхъ житейскихъ невгодъ и буръ! Многія, увидѣвъ меня, посылали мнѣ свои привѣтливые поклоны и улыбки устъ, на которыхъ мрачно лежала грустная печать времени. Мужчины тотчасъ сѣли за столъ и нагнулись было на блюда съ пирогами, котлетами и пр., но явился какой-то камергеръ и объявилъ, что надобно подождать государя. Всѣ встали

и начали ожидать. Минуть черезъ двадцать явился государь, вѣдъ подь руку императрицу, а за ними слѣдовали великіе князья и чины двора. Заиграла музыка. Государь раскланялся съ обычной своей привѣтливостью, потомъ сѣлъ за столъ, чему послѣдовали и всѣ другіе—и началось набиваніе чрева. Признаюсь, мнѣ въ этихъ случаяхъ всегда бываетъ какъ-то совѣстно. Не успѣлъ еще я осмотрѣться, какъ мой сосѣдъ Языковъ, нагрузивъ свою тарелку, любезно началъ нагружать котлетами и мою. Явились бокалы съ шампанскимъ: провозгласили первый тостъ за государя, и прелестные женскіе голоса запѣли „Боже, Царя храни!“ Всѣ встали—минута была торжественная. Подняли второй бокалъ въ память Екатерины: тѣ-же голоса запѣли какой-то гимнъ съ припѣвомъ извѣстнаго польскаго: „Слався симъ, Екатерина, слався, нѣжная къ намъ мать“. Это было трогательно почти до слезъ. Но вотъ пѣніе кончилось, опять всѣ усѣлись и принялись за желудочныя дѣла. Завтракъ былъ обильный; вина хорошія и щедро отпущенныя. Все это изъ дворца. Служили придворныя лакеи.

Но окончаніи завтрака государь скоро уѣхалъ со всѣмъ семействомъ. Мы разсыпались по залу. Тутъ я безпрестанно встрѣчался съ моими прежними ученицами, привѣтствуемый ихъ дружескими воспоминаніями. Помимо этихъ встрѣчъ была еще интересна моя встрѣча съ А. С. Норовымъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и по-прежнему осыпалъ меня изъявленіями своей дружбы и всевозможными ласками. Мнѣ даже показалось—или я былъ такъ настроенъ—что въ этихъ изъявленіяхъ звучала нота искренности. Я припомнилъ ему, между прочимъ, юбилей московскаго университета и замѣтилъ, что это былъ лучший моментъ его управленія министерствомъ.—„А кому обязанъ я этимъ? возразилъ онъ, вамъ. Вѣдь царская грамота была зерномъ всего, вѣдь она возбудила всеобщій восторгъ—а грамоту писали вы!“—„Если ужъ такъ“, отвѣчалъ я—„то эффектъ произошелъ отъ того, какъ вы ее прочитали: вы прочитали ее великолѣпно“. Это, дѣйствительно, правда. Такимъ образомъ у насъ вышла система взаимнаго восхваленія.

Къ тремъ часамъ все кончилось и я уѣхалъ домой, унося съ собой самыя пріятныя воспоминанія о праздникѣ въ Смольномъ монастырѣ.

7. Четвергъ. Что за нелѣпые холода, тепла 5° и дождь.

Сцена между С. и Биларскимъ въ академіи. Биларскій захотѣлъ отомстить С. за то, что тотъ подавалъ голосъ противъ назначенія ему полнаго гонорара (шестьдесятъ рублей за печатный листъ) за сдѣланныя имъ выписки въ академическомъ архивѣ о Ломоносовѣ, на томъ основаніи, что это простыя выписки безъ всякихъ изслѣдованій. С. былъ правъ и съ нимъ согласились всѣ другіе члены отдѣленія. Теперь Биларскій, въ качествѣ редактора „Записокъ“ академіи, напалъ на С. за представленную имъ для напечатанія въ этомъ сборникѣ статью о русскихъ лѣтописяхъ, называя ее сырымъ матеріаломъ и недостойною быть помѣщенной въ академическомъ изданіи. Это значитъ око за око и зубъ за зубъ. Однако, Биларскій неправъ: въ статьѣ С. все-таки есть изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, статья эта не могла подлежать контролю одного члена, тогда какъ отдѣленіе уже одобрило ее.....

Во дворцѣ кто-то спросилъ у Муравьева: долго-ли онъ останется здѣсь и какая цѣль его приѣзда въ Петербургъ? Онъ отвѣчалъ: „Въ краю, мнѣ ввѣренномъ, жондъ польскій побѣжденъ; но я приѣхалъ сражаться съ тѣмъ жондомъ, который въ Петербургѣ“.

Валуевъ не поѣхалъ къ Муравьеву, говоря, что онъ не знаетъ, принялъ-ли бы его Муравьевъ?

У Муравьева не были также Головинъ, Рейтеръ и Суворовъ.

8. Пятница. Сегодня не только холодъ, но и снѣгъ.

Духовенство сильно добивается взять въ свои руки народныя школы. Между прочимъ, вотъ что придумали поборники его: они разгласили, будто графъ Блудовъ незадолго до смерти своей имѣлъ въ виду проектъ образованія верховнаго комитета для начертанія системы обученія и управленія въ народныхъ школахъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. Онъ не успѣлъ только обработать этотъ проектъ и дать ему официальный ходъ. Мысль эта, подкрѣпленная Бажановымъ и другими, получила характеръ авторитета и теперь сильно хлопочутъ о приведеніи ея въ дѣйствіе. Между тѣмъ, другіе утверждаютъ, что Блудовъ вовсе не имѣлъ этого намѣренія и что тѣ, которые ему его приписываютъ, основываютъ свое мнѣніе только на

иныхъ словахъ графа, будто-бы намекающихъ на то, что онъ его имѣлъ.

Нужны или значительная доля легкомыслія, или высокая степень мудрости, чтобы сносить жизнь.

11. Понедѣльникъ. Во всей Европѣ свирѣпствуетъ холодъ. Надняхъ мнѣ говорилъ одинъ итальянецъ, что ему сообщаютъ изъ Турина, будто въ окрестностяхъ этого города замерзли два человѣка. Въ Ниццѣ и Пизѣ шелъ снѣгъ.

Отослалъ Веселовскому записку мою по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія съ III-мъ.

Въ совѣтѣ университета. Выбранъ членомъ комиссіи по дѣлу объ избраніи Вернадскаго въ профессора по кафедрѣ финансовъ и котораго факультетъ не хочетъ избрать, а большинство совѣта хочетъ.

13. Среда. Предсѣдательствовалъ въ комиссіи, которая собралась у меня. Изложеніе дѣла предоставлено мнѣ. Изъ-за чего я тутъ? Съ 1-го іюня я уже не принадлежу университету. Это такъ ужъ изъ любви! А дѣло мудреное.

16. Суббота..... Получено изъ Парижа письмо отъ Плетнева и читано въ засѣданіи отдѣленія; въ письмѣ извѣстіе о смерти Шевырева. Отдѣленіе поручило мнѣ написать біографію послѣдняго.

17. Воскресенье. Сегодня въ „Полицейскихъ газетахъ“ объявлено, что 19-го мая во вторникъ, въ восемь часовъ утра, на Мытной площади будетъ объявленъ приговоръ Чернышевскому. Онъ осужденъ на семь лѣтъ каторжной работы, а затѣмъ на вѣчное житіе въ Сибири. Судъ приговорилъ его къ четырнадцати годамъ каторжной работы. Изъ рукъ вонъ все это печально!

18. Понедѣльникъ. Засѣданіе комиссіи. Я приготовилъ проектъ, какъ быть дѣлу, и прочиталъ его. Всѣ члены согласились съ благодарностью—и дѣлу конецъ.

20. Среда. Былъ у меня Костомаровъ. Его статью (о вѣчѣ), назначенную для журнала „Дѣло и Отдыхъ“, цензура страшно искалѣчила; да кромѣ того его фразы замѣнила своими. Я прочелъ статью и не нашелъ въ ней рѣшительно ничего противоцензурнаго.

Кавая-то Михаэлисъ бросила букетъ цвѣтовъ Чернышев-

скому, когда онъ былъ возведенъ на эшафотъ. Ее тотчасъ взяли и увезли съ жандармами. Эхъ!

21. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ. Ровно ничего.

Я спрашивалъ у сенатора Л.: доказано-ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ Чернышевскаго. Какъ-же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его въ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгорукій показалъ имъ какія-то бумаги изъ III-го отдѣленія и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна. Зачѣмъ-же дѣлать изъ нихъ тайну, если въ нихъ заключаются точныя доказательства вины Чернышевскаго? Жаль!.... Въ приговорѣ, читанномъ публично во вторникъ, говорятъ, упомянуть даже рядъ статей въ „Современникѣ“: но тогда виновата цензура. Разъ, что она существуетъ, зачѣмъ-же она пропускала статьи, такъ явно клонившіяся къ испроверженію существующаго порядка? Вообще тутъ что-то неясно.....

Какъ согласить столько неразумія въ судьбѣ человѣчества съ разумностію его плана и цѣли—если таковыя существуютъ? Отсюда, конечно, матеріалисты черпаютъ свои тенденціи. Ихъ главный двигатель отчаяніе. И правду сказать — есть отчего придти въ отчаяніе.

Одна очень умная молодая женщина съ негодованіемъ рассказывала про Лаврова, какъ онъ любезно предложилъ ей какой-то маленькій переводецъ очень забористой статейки и какъ пытался обратить ее въ свою нигилистическую вѣру. Онъ, вѣроятно, посвятилъ себя преимущественно этому ремеслу, то есть обращенію молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ нигилистовъ, для чего и открылъ у себя для нихъ курсъ матеріалистической философіи.

25. Понедѣльникъ. Отослалъ въ членамъ комиссіи записку для подписанія.

26. Вторникъ. Переѣхали на дачу въ Павловскъ въ домъ Мердера по дорогѣ въ Царскую Славянку. Начались прекрасные дни и въ городѣ становится душно, пыльно, смрадно.

Вечеромъ собраніе нѣсколькихъ академикомъ у президента (Литке) на совѣщаніе по вопросу о слияніи II-го отдѣленія съ III-мъ. Я и Срезневскій защищали самостоятельное существованіе II-го отдѣленія. Президентъ велъ себя очень хорошо: онъ, какъ и слѣдовало, искалъ примиряющаго начала. Въ концѣ засѣданія пришли въ мысли вообще уничтожить отдѣленія и слить ихъ въ одну нераздѣльную корпорацію. Не рѣшили, однако, ничего, положили обдумать эту мѣру и отдать ее на обсужденіе прочимъ членамъ.

27. Среда. Я только сегодня вечеромъ пріѣхалъ въ Павловскъ. Дача Мердера мнѣ очень нравится, не смотря на свою почти убогую внутреннюю обстановку. Передъ нею широкое пространство. Она вся въ зелени и не стѣснена сосѣдствомъ другихъ дачъ. Вокзалъ очень усовершенствовался; прочее все по прежнему. Вечеромъ нахлынула страшная толпа гуляющихъ изъ Петербурга. Безумная роскошь въ женскихъ нарядахъ.

29. Пятница. Получилъ отъ министра Валуева черезъ его товарища порученіе написать записку о главномъ правленіи училищъ, которая ему, не знаю почему-то, нужна въ засѣданіи въ Государственномъ Совѣтѣ. Это заставило меня ѣхать въ городъ. Тамъ надо было произвести пронасть рытья въ бумагахъ и книгахъ, чтобы отыскать нужныя справки. Съ этимъ провозился цѣлый вечеръ и часть ночи.

30. Суббота. Въ городѣ. Къ полудню была готова записка. Отвезъ ее въ товарищу министра. Я прочелъ ему ее и онъ остался очень доволенъ. Записка нужна по поводу совѣщанія въ Государственномъ Совѣтѣ о такъ называемомъ Блудовскомъ проектѣ. Вечеромъ въ засѣданіи университета. Я прочиталъ составленную мною записку отъ имени комиссіи о выборѣ Вернадскаго въ профессора по кафедрѣ финансоваго права. Ею примиряются всѣ противорѣчія между совѣтомъ и факультетомъ. Всѣ горячо благодарили меня. Я тотчасъ по окончаніи чтенія и по принятіи совѣтомъ моего проекта оставилъ совѣтъ. Это послѣднее мое засѣданіе въ немъ. Я расстался навсегда съ университетомъ послѣ посвященныхъ ему тридцати лучшихъ моихъ лѣтъ—расстался съ грустью, но не жалѣя о разлукѣ съ нѣкоторыми лицами. Они были моими недоброжелателями рѣшительно не знаю почему, да и они сами этого не знаютъ. Я никогда никому изъ

нихъ—да и вообще никому не желалъ и не дѣлалъ зла, а когда могъ, всегда оказывалъ имъ содѣйствіе. Строго взвѣсивая всѣ мои поступки и всю мою дѣятельность въ университетѣ, я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть. О причинахъ моего нежеланія баллотироваться на новое пятилѣтіе я уже говорилъ выше. Но объ этомъ придется еще много говорить въ будущихъ моихъ мемуарахъ, для которыхъ я и веду ежедневно этотъ дневникъ.

Я хотѣлъ было сказать въ совѣтѣ нѣсколько привѣтливыхъ прощальныхъ словъ моимъ товарищамъ, но разсудилъ, что не для кого и не для чего. Я просто всталъ и непримѣтно ушелъ.

Да процвѣтаетъ цвѣтъ правды и науки въ этихъ дорогахъ для меня стѣнахъ!

Въ десять часовъ я былъ уже на дачѣ у себя дома.

Іюнь 1. Понедѣльникъ. Май подъ конецъ захотѣлъ вознаграждать насъ за всѣ скверности, каменья награждалъ насъ въ началѣ и серединѣ. Последняя недѣля его великолѣпна: свѣтло, тихо, жарко. Зелень чудесная.

4. Четвергъ. Засѣданіе въ отдѣленіи академіи наукъ. Срезневскій поздравилъ меня съ званіемъ почетнаго члена университета, въ которое я избранъ единогласно. Или нѣтъ, кажется, нашелся одинъ, который—тутъ Срезневскій произнесъ крѣпкое слово—бинулъ въ мое имя чернымъ шаромъ.

5. Пятница. Поѣхалъ въ городъ ради засѣданія въ академіи: засѣданіе въ Уваровской комиссіи для разсмотрѣнія драмъ. Ни одной — достойной преміи, а поступило ихъ шесть или семь.

6. Суббота. Вчера обѣщалъ нашему академическому полиціймейстеру К. статью для напечатанія въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ“. Съ нимъ и съ его женой произошелъ прегнусный случай. Они пришли въ лавку Ш. и К. что-то погупать. Вдругъ прикащикъ или, чортъ его знаетъ кто изъ лавочниковъ, бросается на его жену, говоря, что у нихъ въ лавкѣ много воруютъ и началъ ее со всѣхъ сторонъ ощупывать. Потомъ обратился къ мужу съ наглымъ вопросомъ: не укралъ-ли онъ чего? Вышелъ неслыханный скандалъ. К. послалъ за кварталнымъ. Тотъ явился, объявилъ лавочника неправымъ, но больше ничего не предпринялъ. Объ этомъ К. публиковалъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, на что въ 123-мъ №: послѣдовалъ пренаглый и

преглушій отвѣтъ хозяевъ лавки. На эту-то статью и надо написать другую. Это дѣло общее всѣмъ честнымъ людямъ — давать отпоръ варварству и татарщинѣ нашихъ мошенниковъ вущовъ. Надо бросить въ нихъ нѣсколько сильныхъ строкъ, хотя это, конечно, не сдѣластъ ихъ изъ дикарей людьми и гражданами, но молчать все-таки не должно. Статья, разумѣется, будетъ отъ имени обиженнаго.

Знойно, какъ и всѣ предшествующіе дни. Человѣчество начинаетъ писать о дождѣ.

11. Четвергъ. Важно не то, что мы думаемъ, а то, въ какихъ результатахъ приводятъ насъ наше мышленіе.

Ни самимъ собою, ни человѣчествомъ нельзя управлять безъ нѣкоторой доли деспотизма.

12. Пятница. Вчера отдалъ К. написанную мною статью въ отвѣтъ гнуснымъ гостиннодворцамъ.

Всякое ученіе о человѣкѣ болѣе или менѣе неполно и неудовлетворительно. Но изъ разныхъ и противорѣчащихъ ученій надо принять то, которое въ состояніи сдѣлать человѣка сколько-нибудь лучше и довольнѣе.

13. Суббота. Сверху испорченные нравы неустановившейся общественности; снизу почти дивное состояніе неразвитой народности: трудно идти по узкому и тѣсному пространству между тѣмъ и другимъ.

14. Воскресенье. Много гостей изъ города. Вотъ уже не въ первый разъ навѣщаетъ меня и А. С. Норовъ и всякій разъ осмѣляетъ самыми нѣжными ласками и привѣтствіями. Что-жъ, я не прочь: что было, то прошло и теперь мы съ нимъ встрѣчаемся исключительно на почвѣ частныхъ людей.

20. Суббота. Лѣто до сихъ поръ такое, какого, кажется, не бывало въ Петербургѣ — по крайней мѣрѣ на моей памяти. Прелестнѣйшіе жаркіе дни въ перемежку съ теплыми дождями. Дача моя примыкаетъ къ полямъ, откуда разстилается широкій горизонтъ: справа глазъ хватаетъ до Царскаго Села, а слѣва до Славянки, съ своею бѣлою церковью, красующеюся на холмѣ. У подошвы послѣдняго мелькаютъ хижины небольшой финской деревеньки, тоже съ церковью. Отсюда дорога къ моей дачѣ черезъ лѣсъ. Отлично хорошо! Въ такомъ пріятномъ мѣстѣ я еще никогда не занималъ дачи. Но все это имѣетъ свои не-

удобства. Красота мѣста и лѣта дѣлають то, что я мало сижу въ кабинетѣ и мало занимаюсь.

А есть что дѣлать. Между прочимъ, хотѣлось-бы мнѣ что-нибудь приготовить для академіи (наукъ). Она слишкомъ ушла въ буквыѣдство. Для большинства нашихъ академиковъ наука есть не иное что, какъ груда фактовъ, добро-бы, еще крупныхъ, а то всякихъ, безъ разбора и безъ стремленія выяснитъ ихъ смыслъ и связь. Они не заботятся о томъ, въ чему это поведетъ и что изъ этого выйдетъ. Выйдетъ что-нибудь само-собою, ну и хорошо.

Анекдотъ о Кребиллонѣ. Кто-то выразилъ ему свое удивленіе, что онъ избираетъ для трагедій такіе страшные ужасающіе сюжеты. „Что-жъ мнѣ дѣлать?“ отвѣчалъ онъ: „Корнель взялъ себѣ небо, Расинъ—землю: мнѣ остался одинъ адъ и я стремглавъ бросился въ него“.

28. Воскресенье. Вечеромъ прїѣзжалъ Княжевичъ, А. М., съ Александрю Христіановною. Послѣ небольшой прогулки я проводилъ ихъ на дебаркадеръ и заглянулъ на музыку. Публики было, по обыкновенію, видимо невидимо, особенно широчайшихъ кринолинъ и безмѣрныхъ хвостовъ.

Іюль 1. Среда. Вотъ и переменна погоды! Жаловавшіеся на жару теперь могутъ успокоиться. Наступаетъ реакція. Ночью шелъ сильный дождь. Теперь утромъ тучи, гонимыя вѣтромъ, нестройными ключьями бродятъ въ сумрачномъ пространствѣ; солнце, какъ-то нехотя, на мгновеніе проглядываетъ сквозь нихъ. Видно, что оно устало, посылая намъ такъ долго свой лучезарный блескъ и теплоту—долго, т. е. цѣлый мѣсяцъ. По здѣшнему мѣсяцъ постоянной лѣтней погоды—эта такая милость природы, какой мы удостоиваемся разъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но вотъ исключеніе прошло, нормальное состояніе беретъ свое. Теперь 11° тепла; но это только начало: мы непременно спустимся до 9°, 8°, а можетъ быть и ниже.

Съ 10-го іюня я началъ заниматься статьями для Академіи Наукъ. Я предполагаю ихъ нѣсколько подъ названіемъ: „Литературныя наблюденія и изслѣдованія“.

2. Четвергъ. Холодно, только 10°. Сѣверо-востокъ затянулъ свою обычную пѣснь и теперь, чортъ знаетъ, когда перестанетъ.

6. Понедѣльникъ. Давно я не любовался такими велико-

лѣпными живописными тучами. Вотъ онѣ со всѣхъ сторонъ надвигаются синеватыми, бѣловатыми и дымчатыми громадами самыхъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ. Бить опять дождю. Особенность нынѣшняго лѣта то, что онъ никогда не падаетъ мѣрными каплями, а съ шумомъ и грохотомъ низвергается на землю цѣлыми потоками. Съ балкона нашего открываются прелестнѣйшіе виды на окрестности и на небо. Такъ и не ушель-бы отсюда—но пора въ кабинетъ за дѣло.

11. Суббота. Въ наше время подъ литературой стали разужать все печатное. Литература въ высокомъ и настоящемъ своемъ значеніи отклонилась отъ настоящаго пути. Писать и печатать сдѣлалось дѣломъ весьма обыденнымъ и приобрѣтеніе имени литератора доступнымъ всякому. Это страшно загромождастъ общество пустяками и всякимъ словеснымъ хламомъ до того, что иной разъ приходится желать появленія какого нибудь новаго Омара: чтобы онъ отобралъ всю эту дрянь, сжегъ ее и освободилъ общество отъ лишняго бремени. Кромѣ того, эта легкость прослыть литераторомъ и обратить на себя вниманіе общества до того соблазнительна для многихъ и особенно для молодыхъ людей, что очень часто отвлекаетъ ихъ отъ болѣе серьезныхъ занятій и заставляетъ тратить свои силы по мелочамъ.

13. Понедѣльникъ. На похоронахъ Достоевскаго Михаила. Онъ умеръ отъ разлитія желчи, 44-хъ лѣтъ. Это былъ не столько замѣчательный литераторъ, сколько честный и добрый человѣкъ. Братъ его, Федоръ, болѣе сильный писатель: онъ былъ замѣшанъ въ исторіи Петрашевскаго и сильно пострадалъ. Лѣтъ пять провелъ на каторгѣ. Я проводилъ бѣднаго покойнаго на кладбище. Съ балкона моей дачи я часто любовался хорошенькимъ лѣскомъ на косогорѣ по ту сторону рѣчки Славянки: оказалось, что этотъ лѣсокъ есть тихое вѣчное пристанище павловскихъ обитателей. Церемонія съ обѣдней продолжалась больше двухъ часовъ. Былъ сильнѣйшій жаръ, собиралась гроза, великолѣпныя тучи наплывали съ запада, придавая еще больше трагизма печальному зрѣлищу.

16. Четвергъ. Ѣздилъ въ городъ. Сибирская язва и въ Петербургѣ принимаетъ большіе размѣры. Приняты полицейскія мѣры, особенно относительно лавокъ съ мясомъ. Но этихъ мѣръ никто изъ торговцевъ не соблюдаетъ, а начальство довольно тѣмъ, что разослало надлежащіе циркуляры.

Возвратясь изъ города, обѣдалъ у моего сосѣда, полковника Денисова, и почти все время провелъ въ разговорѣ съ Желтухинымъ (Алексѣемъ Дмитріевичемъ), который состоитъ нынѣ секретаремъ при (князѣ Павлѣ Павл.) Гагаринѣ, предсѣдателѣ государственнаго совѣта.

22. Среда. Было три или четыре случая сибирской язвы на людяхъ въ Петербургѣ; но дальнѣйшаго распространенія ея, кажется, нѣтъ.

Замѣчательнѣйшія черты нынѣшняго лѣта: никогда еще, кажется, зелень не была такъ роскошна, такъ ярко окрашена; никогда облака и тучи не были такъ пышно и великолѣпно расцвѣчены и не являлись въ такихъ разнообразныхъ, причудливыхъ, то величественныхъ, то граціозныхъ формахъ и очертаніяхъ. Вотъ хоть-бы и сегодня. Право, не хочется уйти съ балкона и запереться въ кабинетѣ, не хочется ни за книгу, ни за перо. А все смотрѣль-бы, да смотрѣлъ въ эту чудную даль, въ это безбрежное море тучъ и облаковъ!

25. Суббота. Удивительный этотъ русскій народъ! Ума не приложишь къ нему. Вѣдь вотъ, напримѣръ, теперь заворовался, запилъ, заплутовался такъ, что, ей Богу, серьезно говоря, тяжело съ нимъ жить. А между тѣмъ чувствуешь, что въ немъ есть что-то, которое такъ и тянетъ къ нему, что-то до того доброе, умное, общающее, что никакой нѣмецъ, никакой французъ, ни даже англичанинъ не могутъ съ нимъ сравниться. Вотъ и бьешься съ нимъ, какъ рыба о ледь. Безпрестанно онъ то бѣситъ тебя своими гадостями въ кабакахъ, на улицахъ, на рынкахъ, въ мастерскихъ; то въ самыя мрачныя минуты вырываетъ у тебя улыбку своимъ простодушнымъ не злобнымъ пренебреженіемъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и трудностей; то трогаетъ васъ до слезъ какою-нибудь истинно великодушною геройскою выходкою, вовсе не кокетничая ею и не понимая даже смысла ея. Чортъ знаетъ, что это такое! Говорятъ, этому народу недостаетъ образованія. Дай Богъ, чтобы онъ—разумѣлся съ помощью немногихъ простыхъ, крѣпкихъ, честныхъ и серьезно-просвѣщенныхъ умовъ—далъ его самъ себѣ. Но бѣда, если онъ возьметъ то образованіе, какое ему хотятъ навязать наши публицисты.

Бенефисъ Штрауса въ воезалѣ. Сборъ Штраусъ пожертвовалъ въ пользу раненыхъ воиновъ. Превосходно также игралъ

военный оркестръ изъ двухсотъ пятидесяти музыкантовъ. Публики было много—и все люди чистые, вымытые, вылощенные и выглаженные, хоть сейчасъ на картину. Все было чинно, въ высшей степени благопристойно и немного скучновато. Впрочемъ, скука намъ необходима: мы ограждаемся ею отъ скандаловъ. Былъ и государь, но очень недолго. Говорятъ, онъ получилъ депешу, что въ Петербургѣ пожаръ на газовыхъ заводахъ гдѣ-то, и тотчасъ уѣхалъ.

28. Воскресенье. И** мнѣ сказалъ, что между множествомъ честныхъ людей ему попадались и безчестные.—„Я былъ несчастнѣе васъ“, отвѣчалъ я ему,—„между множествомъ безчестныхъ я находилъ только иногда и честныхъ людей“.

Вчера мнѣ говорили, что у государя въ Петергофѣ украли лошадь. Что-же, это возможно при той распущенности и безнаказанности, какія господствуютъ у насъ вездѣ.

Прелестное утро. Я вдоволь нагулялся по полямъ, доходилъ до деревни Поповки и до финской церкви. Вернулся домой съ огромнымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ.

Августъ. 1. Суббота. Наше время отличается, между прочимъ, страшными неурядицами всякаго рода. Вотъ, напримѣръ, въ Петербургѣ полиція потеряла всякое значеніе (1864 г.) и всевозможныя безчинства ежедневно и безнаказанно совершаются на глазахъ у всѣхъ. Пьянство дошло до неслыханнаго безобразія. Нѣтъ номера „Полицейскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ-бы не было объявлено о нѣсколькихъ несчастныхъ и даже смертныхъ случаяхъ отъ пьянства. А сколько не объявленныхъ! Было нѣсколько случаевъ смерти отъ пьянства дѣтей четырнадцати и пятнадцати лѣтъ. Я какъ-то говорилъ объ этомъ съ членомъ государственнаго совѣта, бывшимъ министромъ финансовъ, Княжевичемъ, что высшему правительству пора-бы подумать объ этомъ нравственномъ и общественномъ безобразіи.—„Да“, отвѣчалъ онъ мнѣ весьма равнодушно,—„по этому поводу хотятъ принять кое-какія мѣры“.

А что дѣлается по губерніямъ! Вотъ и пресловутая акцизная система! Воровства совершаются съ неслыханною наглостью, и вкраденное, разумѣется, никогда не отыскивается. Воры, нѣсколько разъ уже пойманные и выпущенные на волю, снова производятъ свой промыселъ съ усиленною дерзостью, какъ и слѣдуетъ при

такой неслыханной безнаказанности. Ежедневно почти „Полицейскія Вѣдомости“ извѣщаютъ о задавленныхъ и искалѣченныхъ на улицахъ скорою ѣздою, которая запрещена закономъ, но, видно, разрѣшена гуманнымъ генералъ-губернаторомъ Суворовымъ. Порядочныхъ женщинъ всенародно оскорбляютъ на улицахъ и гуляньяхъ. На невскихъ пароходахъ, развозящихъ публику по островамъ, свирѣпствуютъ такіе беспорядки и произволъ содѣлателей ихъ, что объ этомъ и говорить скучно и гадко. Недавно полиція, выведенная изъ терпѣнья наглѣмъ нарушеніемъ правилъ со стороны распорядителей этихъ пароходовъ и непрерывными жалобами со стороны публики, явилась, въ лицѣ частнаго пристава, въ контору Сѣвернаго пароходнаго общества съ требованіемъ прекратить беспорядки. Но контора буквально прогнала частнаго пристава, объявивъ ему во всеуслышаніе, что она знать не хочетъ никакихъ полицейскихъ порядковъ. Объ этомъ сама полиція объявляетъ печатно въ своей газетѣ. Сдѣлано-ли какое взысканіе за такое нарушеніе законовъ и общественнаго порядка—неизвѣстно, а извѣстно только то, что беспорядки на пароходахъ послѣ того усилились. Въ Петергофѣ на станціи желѣзныхъ дорогъ во время иллюминаціи 27-го іюля роздано было билетовъ вдвое противъ того, сколько могли вмѣстять вагоны. Отъ этого произошли давка и страшный беспорядокъ. Публика, видя, что власти не дѣйствуютъ и граждане оставлены безъ защиты и преданы въ жертву разбойникамъ-антрепренерамъ, наконецъ, рѣшилась сама расправиться: она перебила въ вагонахъ стекла, поколотила служащихъ и разбила кассу. И такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Что все это значить? Что значить это потворство негодямъ въ ущербъ честнымъ и мирнымъ людямъ?

По нашимъ законамъ требуется собственное признаніе преступника для учиненія ему законнаго наказанія. Этотъ законъ, очевидно, остатокъ того варварскаго законодательства, которое очень легко оканчивало всякое уголовное дѣло собственнымъ признаніемъ преступника, потому что въ рукахъ властей были такія милыя и удобныя средства добывать это признаніе, какъ кнутыя, дыбы и пр. Очевидно, это остатокъ пыточныхъ временъ и наслѣдство застѣнковъ. Тогда признаніе, дѣйствительно, было дѣломъ очень обыкновеннымъ, хотя и мало убѣдительнымъ.

3. Понедѣльникъ. Прогулка въ Славянку вечеромъ. Бѣдная Славянка въ сильномъ запусѣннн, однако, все-таки хороша. Церковь и домъ простой, но изящной архитектуры.

Тѣ только книги хороши, которыя необходимы.

4. Вторникъ. Нѣтъ большаго доказательства ничтожества государственнаго дѣятеля, какъ когда онъ боится способныхъ людей и окружаетъ себя ничтожествами еще ниже его.

6. Четвергъ. День такой, въ который природа предоставляетъ человѣка самому себѣ. Дѣлай, какъ хочешь самъ: будь весель, доволенъ, а я тебѣ ничего не дамъ, кромѣ вѣтра, холода, сумрака.

На дняхъ биржевая артель давала обѣдъ генераль-губернатору Суворову. Говорятъ, онъ былъ въ восхищеннн отъ своей популярности, жалъ руки мужикамъ и проч. Бѣдный взрослый ребенокъ! Онъ забавляется игрушками, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, какъ прилично правительственному лицу. Какъ кокетка не можетъ устоять противъ моды на хвосты и широчайшіе кринолины, такъ умы ограниченныя, кокетничая собою, не въ состояннн противиться другой модѣ—модѣ на извѣстныя понятія, на такъ называемыя идеи.

Есть у насъ особенный типъ прогрессиста, который, какъ нельзя осязательнѣе, воплотился въ Петръ Лавровичъ Лавровъ. Онъ страстно любитъ человѣчество, готовъ служить ему вездѣ и во всемъ. Любовь эту почерпнулъ онъ въ сочиненіяхъ новѣйшихъ соціалистовъ, не думая много о томъ, насколько въ нихъ правды, примѣнимости и трезвой, настоящей, а не экзальтированной, пустой и бесплодной преданности интересамъ человѣческимъ. Въ награду за свою безкорыстную любовь Петръ Лаврычъ хочетъ одного: быть признаннымъ великимъ человѣкомъ между своими современниками и удостоиться отъ нихъ двухъ, трехъ овацій. Желаніе весьма скромное и похвальное. Собственно говоря, Петръ Лаврычъ философъ, потому что онъ знаетъ нѣмецкій языкъ и прочиталъ на немъ нѣкоторыя изъ великихъ твореннй Фейербаха, Молашота, Бюхнера и т. д. Въ заботливости своей о благѣ человѣчества онъ неустанно суетится, всюду суется со своимъ участіемъ, старается, елико возможно, расъять всѣ предрассудки и просвѣтить людей такъ, чтобы они совершенно поняли и убѣдились въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ

обезьяны, что нравственность и религія суть цѣпи, наложенныя на людей деспотами и попами, что просвѣщенный эгоизмъ есть единственный нравственный принципъ, что душа человѣка и душа свиньи совершенно одно и то же, что „умъ есть географическое названіе“ и пр., и пр. Петръ Лаврычъ удивительно подвижной человѣкъ. Едва прочитаетъ онъ въ заграничномъ журналѣ какую-нибудь ученую и политическую новость, тотчасъ, какъ Бобчинскій, бѣжитъ разглашать ее вездѣ, куда только дозволено ему доступъ. Писать онъ избѣгаетъ, отчасти потому, что боится цензуры, а отчасти потому, что пишетъ прескверно—темно и запутанно. Онъ лучше любитъ путь тихой, ползучей пропаганды и особенно надокъ до молодыхъ людей и женщинъ, которыхъ ему легче начинать всякимъ вздоромъ во имя прогресса. Прежде „Колоколъ“ былъ для него источникомъ всѣхъ великихъ истинъ и убѣжденій. Но съ той поры, какъ „Колоколъ“ затихъ, Петръ Лаврычъ сдѣлался элективомъ въ опредѣленномъ смыслѣ—въ смыслѣ социализма и матеріализма.

Вечеромъ на музыкѣ въ вокзалѣ. Народу было несмѣтное множество, несмотря на дурную погоду—бурный вѣтеръ и то и дѣло набѣгавшій дождь. Духота въ залѣ была невыносимая. Я ушелъ въ половинѣ десятаго. Послѣ,—говорятъ,—произошелъ скандалъ: драка между двумя какими-то гуляками—что въ добропорядочномъ Павловскѣ рѣдкость, — а одного посѣтителя поймали, когда онъ вздумалъ посѣтить чужой карманъ.

7. Пятница. Всю ночь свирѣнствовала буря: завывалъ вѣтеръ и о крышу стучалъ дождь. Вообще, осень начинается представлять свою угрюмую рожу. Сегодня только 9°; мрачныя тучи, гонимыя вѣтромъ, почти сплошь застилаютъ небо и угрожаютъ дождемъ. Но зелень удивительно свѣжа. Только рябина и кусты сирени немножко начинаютъ желтѣть.

9. Воскресенье. Я съ своего балкона наблюдалъ надъ громаднѣйшей тучей, которая съ неимоверной быстротой неслась надъ рѣкою Славянкой и надъ окрестными полями, изливая потоки дождя, слегка задѣвшаго и насъ. Теперь, говорятъ, что эта туча несла въ себѣ не одинъ дождь, но страшный ураганъ, который надѣлалъ много бѣдъ въ сосѣдней деревенькѣ: посрывалъ съ домовъ крыши, повалилъ заборы, раскидалъ на нивахъ кошны хлѣба и даже,—говорятъ,—унесъ одного ребенка, ко-

торый безъ вѣсти пропалъ. Мы ничего этого не испытали и только дивились издали быстротѣ, съ какою неслась туча среди насъ самихъ окружавшей глубокой тишины.

10. Понедѣльникъ. Гуляя, я видѣлъ слѣды разрушенія, причиненнаго вчерашнимъ ураганомъ. Онъ пронесся довольно узкою полосою между нашей дачей (по дорогѣ въ деревню Славянку) и вторую Матроскую слободкою и повалилъ на пути своемъ огромные деревья: одни повыврвалъ съ корнемъ, другіе поломалъ и разбросалъ повсюду массу сучьевъ и обломковъ.— Заходилъ къ Перевощикову.

Не знаю почему второе отдѣленіе Академіи (наукъ) не было приглашено на 25-ти-лѣтній юбилей Пулковской обсерваторіи, который праздновался 7-го августа. Я хочу поговорить объ этомъ съ вице-президентомъ.

11. Вторникъ. Всѣ почти трактаты о воспитаніи смотрять на человѣка въ дѣтствѣ какъ на существо, которое не сдѣлано, а которое слѣдуетъ сдѣлать. Оттого такая масса правилъ и учений, часто одно другому противорѣчащихъ, оттого система преслѣдованія каждаго шага ребенка подъ предлогомъ направлять и развивать его. Между тѣмъ, вѣрное правило одно—то, которое выразилъ Сократъ: что воспитателю надлежитъ исполнять только должность повивальной бабки. Есть еще одно обстоятельство, которое нынѣшніе педагоги почти совершенно упускаютъ изъ виду—это вліяніе на человѣка среды, въ которой ему предстоитъ жить и дѣйствовать. И потому эти педагоги вообще очень мало заботятся объ образованіи въ человѣкѣ характера, для чего всего нужнѣе крѣпко установить начало честности и мужества. Главное, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ выдерживать напоръ всяческихъ искушеній и мерзостей, среди которыхъ ему придется жить, чтобы онъ не боялся борьбы за честную мысль и честное дѣло.

Большая часть заблужденій въ умственной области происходитъ отъ смѣшенія понятій о двухъ различныхъ силахъ человѣческаго духа—силы познавательной и силы творческой, между тѣмъ какъ онѣ совершенно различны и ведутъ къ совершенно различнымъ результатамъ. Сила познавательная занимается тѣмъ, что есть; сила творческая тѣмъ, что можетъ или должно быть.

13. Четвергъ. Въ засѣданіи Академіи (наука). Пекарскій читалъ отрывокъ изъ исторіи Академіи объ астрономѣ Делигѣ. Любопытно.

14. Пятница. Три засѣданія въ Академіи—въ нашемъ отдѣленіи, общее и по Уваровской преміи. Я объяснялся съ вице-президентомъ и секретаремъ о томъ, почему наше отдѣленіе не было приглашено на празднованіе 25-ти-лѣтняго юбилея Пулковской обсерваторіи. Мнѣ отвѣчали, что распоряжался этимъ Струве и что будто-бы онъ два раза посылалъ къ намъ повѣстки, которыхъ, однако, никто не видалъ. Это долженъ быть чистый вымыселъ. Я выразилъ отъ лица моихъ товарищей неудовольствіе за такое невниманіе, а публика обвиняетъ насъ въ равнодушіи ко всему академическому.

19. Среда. Всѣ эти дни холодно, сумрачно, дождливо.

Трудно уважать и самого себя, сознавая себя такимъ ничтожнымъ и жалкимъ существомъ, какъ человѣкъ.

20. Четвергъ. Мнѣ кажется, что всякая радость жизни является похищеніемъ у судьбы. Есть что-то не законное въ такъ называемомъ счастіи, особенно если вспомнить, какъ много людей страдаютъ и умираютъ, не ощутивъ въ жизни ничего, кромѣ скорби.

Неужели одни несправедливые въ состояніи пользоваться нѣкоторыми дарами въ жизни? Почти такъ.

Въ совѣтъ (по дѣламъ печати) я представилъ мнѣніе о статьѣ для „Русскаго Вѣстника“, въ которой излагаются сцены изъ эпизода первой холеры въ 1830—1831 гг. Московскій цензурный Комитетъ не хотѣлъ пропустить этой статьи, потому что въ ней много страшныхъ сценъ, и разсказывается о крестьянскомъ возстаніи: въ послѣднемъ комитетъ видитъ сословный антагонизмъ. Я возразилъ, что исторія не обязана льстить сентиментальнымъ наклонностямъ, а обязана быть правдивою. Что-же касается сословнаго антагонизма между крестьянами и помѣщиками, нынѣ о немъ не можетъ быть и рѣчи. Со времени происшествія (холера) прошло уже болѣе четверти столѣтія и оно со всѣми своими подробностями принадлежитъ исторіи. Совѣтъ согласился съ моимъ мнѣніемъ.

Въ засѣданіи академіи. Промакъ Пекарскаго, который пѣснь о постриженіи царицы Евдокии (Лопухиной) счелъ за открытие, а она давно уже напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“.

27. Четвергъ. Когда россиянинъ говоритъ о честности, то это все равно, какъ бы глухой говорилъ о музыкѣ.

29. Суббота. Юбилей академика Карла Максимовича Бера. У насъ ничего не умѣютъ сдѣлать такъ, чтобы это было прилично и безобидно для всѣхъ и cadaго. Во-первыхъ, обѣдъ былъ въ залѣ ресторана „Демута“, до того тѣсной, что посѣтителемъ приходилось сидѣть чуть не на колѣняхъ другъ у друга и оттого произошла невыносимая духота. Одному, и именно Штапельбергу, даже сдѣлалось дурно. Потомъ, ни малѣйшаго порядка, ни малѣйшаго соблюденія обыкновенныхъ приличій и торжественности, хоть сколько-нибудь напоминающей объ идеѣ праздника. Шумъ, гамъ, стукотня, какіе-то неистовые возгласы во время чтенія рѣчей, вскакиваніе съ мѣстъ и возвращеніе къ нимъ со стукомъ и грохотомъ. Первая рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ Миддендорфа прошла еще кое-какъ благополучно; но затѣмъ уже не было никакой возможности что-нибудь сказать или услышать. Я рѣшился не говорить моей рѣчи и уѣхать тотчасъ послѣ пирожнаго, тѣмъ болѣе что боялся опоздать на Царскосельскую желѣзную дорогу и не попасть на ночь домой въ Павловскъ. Меня остановили секретарь академіи Веселовскій, Бетлингъ и прочіе распорядители праздника, говоря, что это будетъ очень неловко, такъ какъ я нахожусь въ программѣ чтенія.—„Да какъ-же я буду говорить въ этомъ хаосѣ?“ спросилъ я.—„Выждите минуту и начните.“ Но этой минуты тщетно было ожидать. Я вырвалъ изъ моей рѣчи нѣсколько фразъ, кое-какъ бросилъ ихъ передъ Беромъ—это было все бессмысленно и нелѣпо—и тотчасъ бѣжалъ, жалѣя о потерянномъ времени и о Берѣ, котораго такъ недостойно чествовали. Еще непристойность: послѣ провозглашенія тоста въ честь Государя обыкновенно музыка играетъ „Боже, Царя храни“. Тостъ былъ провозглашенъ, три раза повторилось обычное ура!—музыка молчитъ. Тщетно Литке дѣлаетъ знаки, чтобы играли: музыка все молчитъ. Наконецъ, онъ начинаетъ сначала тихо, потомъ громче требовать гимна, и только уже послѣ повтореннаго имъ громкаго крика „Боже, Царя храни“ музыка рѣшилась начать національный гимнъ. Все это, однако, составляло только наружную сторону дѣла, внутренняя же вотъ въ чемъ: во-первыхъ, нѣмцы, очевидно,

хотѣли выказать свое торжество надъ русской партіей, что впрочемъ, имъ во всякомъ случаѣ нетрудно, такъ какъ они всегда дѣйствуютъ обдуманно, согласно и твердо, а мы вѣдь не можемъ соединиться втроемъ или вчетверомъ безъ того, чтобы не постараться нагадить другъ другу и не разбиться врознь. Ни одна нѣмецкая рѣчь не удостоила своего вниманія Россіи. Во-вторыхъ, тутъ была партія тѣхъ естественниковъ, которые исповѣдуютъ матеріализмъ. Ей хотѣлось выставить Бера какъ свое знамя. Но главное, сюда явилось нѣсколько какихъ-то брадатыхъ нигилистовъ и юношей-последователей новѣйшихъ доктринъ: они за десять рублей пришли поѣсть, выпить и произвести демонстрацію въ пользу своихъ принциповъ. Я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, которые изъявляли свою готовность на всякій крикъ. Зеленый мнѣ говорилъ, что онъ видѣлъ то-же на своемъ концѣ стола. Нѣмцы, чувствуя свою знаменитость, хотѣли, чтобы было какъ можно больше людей, и напустили сюда кого попало. Въ теченіи двухъ недѣль въ каждомъ номерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ ежедневно печатались зазывы на юбилей. Мудрено-ли, что тутъ очутилось много господъ, которые сюда явились вовсе не для Бера.

Жаль мнѣ, что такъ плохо отпраздновали день дѣйствительно одного изъ достойнѣйшихъ представителей науки, и еще болѣе жаль, что тутъ все соединилось къ тому, чтобы затмить русское имя и русскую мысль. Да и подѣломъ намъ! Кто самъ себя не уважаетъ, тотъ заставляетъ и другихъ себя не уважать.

Сентябрь 3. Четвергъ. Переѣздъ съ дачи. Ужасная возня. Вozy съ вещами насилу пріѣхали къ одиннадцати часамъ ночи: хорошо, что еще ночи лунныя.

5. Суббота. Засѣданіе въ академіи наукъ. Президентъ было опять поднялъ вопросъ о II-мъ отдѣленіи, т. е. о сліянніи его съ III-мъ. Такъ какъ я главный противникъ этого сліяннія, то Литке обратился ко мнѣ, чтобы я высказалъ мое мнѣніе относительно компромиса, предложеннаго нѣкоторыми членами. Компромисъ состоялъ въ томъ, чтобы слить всѣ отдѣленія въ одну безразличную массу, и тогда не было-бы никакой обиды національному чувству и отечественной наукѣ въ уничтоженіи втораго отдѣленія, которое такимъ образомъ раздѣлило-бы только общую судьбу всѣхъ другихъ отдѣленій. Я возразилъ, что вообще едва-ли

раціонально и выгодно для науки создать одну огромную машину, которая естественно будет тяжела и неповоротлива при рѣшеніи специальныхъ вопросовъ, принадлежащихъ какой-либо отдѣльной группѣ свѣдѣній. Комиссіи не помогутъ дѣлу. Назначать ихъ каждый разъ по каждому текущему вопросу было-бы странно, а образовать постоянныя комиссіи значило-бы допустить тѣ-же отдѣленія. Мнѣ кажется, что для спасенія II-го отдѣленія отъ стыда исключительнаго закрытія не слѣдуетъ прибѣгать къ мѣрѣ, неудобной для всей академіи. И въ такомъ случаѣ гораздо естественнѣе и согласнѣе съ достоинствомъ академіи и съ національнымъ чувствомъ оставить II-е отдѣленіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, уменьшивъ только число членовъ до пяти или шести и даровавъ имъ права, какими пользуются члены другихъ отдѣленій. Говорили много и не пришли ни къ какому рѣшительному заключенію. С. началъ было увертываться, однако, скоро понялъ, что это нехорошо, и выразился въ пользу моего мнѣнія. Билярскій и Г. молчали, Пекарскій что-то пробормоталъ, кажется, противъ, но ничего не сказалъ. Когда Устрялова спросили, считаетъ-ли онъ полезнымъ присоединить исторію ко II-му отдѣленію, онъ хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ, что считаетъ за лучшее оставить ее въ III-мъ, но не подтвердилъ этого никакимъ мотивомъ. Больше его не тревожили. Устряловъ, мнѣ кажется, очень нехорошъ. Лицо у него вспухло и побагровѣло. Я думаю, что онъ долго не проживетъ.

6. Воскресенье. Сегодня Воскресенскій, исправляющій должность ректора спб. университета, поднесъ мнѣ отъ имени послѣдняго дипломъ на званіе почетнаго его члена съ весьма любезными изъявленіями.

Вчера отослалъ Веселовскому, по его настоятельному требованію, для напечатанія отрывокъ рѣчи, которую я приготовилъ къ юбилею Бера и изъ которой могъ сказать только нѣсколько фразъ. Онъ требовалъ всей рѣчи; я послалъ ему только частицу ея, именно то мѣсто, гдѣ мнѣ хотѣлось кратко охарактеризовать философское направленіе ученыхъ трудовъ Бера. Напечатаютъ—хорошо; не напечатаютъ—не будетъ повода къ сплетнямъ.

10. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ и въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Толки о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ одной изъ статей въ нихъ сильно нападаютъ на Головинна

по поводу книги Шедо-Фероти, написанной въ защиту управления въ Польшѣ, и которую Головинъ повсюду разсылалъ. Въ другой статьѣ говорится о пожарахъ нынѣшняго лѣта. Тутъ сгруппированы всѣ бывшіе пожары вмѣстѣ съ симбирскимъ и сдѣлано замѣчаніе о поджогахъ. Статья эта, говорятъ, произвела сильное впечатлѣніе за границей.

14. Понедѣльникъ. Ежели есть что-нибудь достовѣрное а свѣтѣ, такъ это то, что нѣтъ ничего достовѣрнаго.

Многіе точно также злоупотребляютъ наукою, какъ и другими вещами. Они считаютъ за науку весь соръ и хламъ, который удастся имъ подобрать. Они до крайности злоупотребляютъ словомъ—фактъ; имъ нѣтъ никакого дѣла до смысла его.

Въ пожарахъ обвиняютъ поляковъ, которыхъ цѣлыми толпами выселили изъ Царства Польскаго и изъ западныхъ губерній во внутренніе города имперіи. Мнѣ кажется, что это въ самомъ дѣлѣ ошибка администраціи. Конечно, они не жгутъ городовъ, но содѣйствуютъ распространенію среди легковѣрной молодежи зажигательныхъ идей.

Иной не знаетъ, куда дѣвать свои дни, такъ много у него празднаго времени. Такимъ нечего жаловаться на скоротечность жизни.

15. Вторникъ. Ничто столько не содѣйствуетъ такъ распространенію и усиленію умственной лѣни, какъ неумѣренное чтеніе. Страсть искать всего въ книгахъ и отъ книгъ ожидать во всемъ вразумленія, правилъ и наставленій ослабляетъ силу самостоятельнаго мышленія, стѣсняетъ дѣятельность разума и устраняетъ благотворное на насъ вліяніе собственнаго опыта и наблюденія. На жизнь мы привыкаемъ смотрѣть всегда чужими глазами; она становится для насъ чѣмъ-то далекимъ и мѣсто ея заступаютъ отвлеченныя понятія. Неумѣренное чтеніе раздражаетъ умъ гораздо больше, чѣмъ просвѣщаетъ и укрѣпляетъ его. Не это-ли многочитаніе, поглощающее время и умственныя наши силы, причиною того, что въ наше время такъ мало твердыхъ умовъ и твердыхъ характеровъ?

16. Среда. Катковъ рѣшительно присвоилъ себѣ монополію патріотизма и думаетъ, что кто не по его началу и не по его способу выражаетъ свои патріотическія чувства, тотъ не только не патріотъ, а даже чуть не предатель отечества.

Онъ-то и открылъ настоящій способъ патріотизированія мыслей и поступковъ и до него и безъ него никто изъ русскихъ не зналъ-бы, въ чемъ состоитъ патріотизмъ. Впрочемъ, это свойство большинства москвичей смотрѣтъ на всю остальную Россію свысока, точно они этимъ какъ-бы хотятъ напомнить претензію древней Москвы на самодержавіе. Правда, въ Петербургѣ много нѣмцевъ, но тутъ нѣтъ также недостатка и въ настоящихъ русскихъ, только послѣдніе не такъ много кричатъ и вопятъ о своемъ патріотизмѣ, какъ москвичи.

19. Суббота. Засѣданіе въ академіи. Ничего, какъ почти всегда.

Былъ у меня Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ. Разговоръ о Головиннѣ и о томъ, какъ онъ разсылалъ книгу Шедо-Фероти. Это произвело большой скандалъ, особенно послѣ статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которыхъ опубликовано содержаніе письма Головина два года тому назадъ въ редакторамъ. Въ письмѣ этомъ онъ восхваляетъ ихъ за статью по польскому дѣлу и изъявляетъ желаніе собрать ихъ въ одну книжку, напечатать и разослать по учебнымъ заведеніямъ. А теперь онъ разсылаетъ брошюру Шедо-Фероти, гдѣ изложены о томъ-же предметѣ взгляды совершенно противоположные. Правительственный совѣтъ (за отсутствіемъ государя) спрашивалъ у Головина: точно-ли онъ разсылалъ вездѣ эту книгу и съ какою цѣлью? Онъ отвѣчалъ, что книгу, дѣйствительно, разсылалъ, основываясь на томъ, что если вездѣ и, между прочимъ, въ учебныхъ заведеніяхъ читали нападки (на управленіе въ Царствѣ Польскомъ) по русски, то не худо, если теперь прочтется защита его по французски. Этотъ отвѣтъ онъ препроводилъ въ государю.

Говорятъ, что поджигатели въ Симбирскѣ пойманы, и во главѣ ихъ не полякъ, а русскій. Горько, если это правда.

21. Понедѣльникъ. Обѣдня и панихида по графѣ Блудовѣ въ память дня его Ангела... Возвратился пѣшкомъ съ Перещивовымъ, который сегодня именинникъ и звалъ меня къ себѣ на вечеръ.

Славную штуку выкинулъ, какъ говорится, московскій университетъ. Получивъ изъ департамента министерства народнаго просвѣщенія двадцать экземпляровъ книги Шедо-Фероти для

раздачи, кому сочтеть нужнымъ, Совѣтъ университета единогласно опредѣлили: такъ какъ книга эта не иное что, какъ пасквиль на русское правительство и управленіе, то онъ, университетъ, не считаетъ полезнымъ или умѣстнымъ заботиться о ея распространеніи и полагаетъ возвратить всѣ экземпляры оной въ департаментъ. Что-то скажетъ на это Головинъ?... Московскій университетъ, мнѣ кажется, сдѣлалъ только одну ошибку—а именно, назвавъ присланную министромъ книгу пасквилемъ на правительство. Онъ лучше сдѣлалъ-бы, отвергнувъ ее безъ этого слова.

Государь, прочитавъ книгу Шедо-Фероти, сказалъ: — „Вотъ оказали медвѣжьёю услугу “.—Это передалъ мнѣ **.

22. Вторникъ. Вчера въ Апраксиномъ переулкѣ или гдѣ-то по близости вспыхнулъ пожаръ. Однако, его скоро затушили. Пожары у насъ становятся хроническимъ бѣдствіемъ. Въ рѣдкомъ номерѣ газетъ не читаемъ извѣстій о сильныхъ пожарахъ въ разныхъ городахъ и селахъ.

23. Среда. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ и публика, и дума, и полиція признаетъ необходимость обуздать собакъ, которыя бѣгаютъ по городу и кидаются то на лошадей, то на прохожихъ. Нерѣдко также бываютъ печальные случаи бѣшенства и укушенія бѣшенными собаками и взрослыхъ, и дѣтей. Вотъ, напримѣръ, послѣ переѣзда моего съ дачи, въ Павловскѣ вдругъ появилось нѣсколько бѣшенныхъ собакъ и укусило многихъ людей, въ томъ числѣ дѣтей бѣднаго инженернаго полковника П. и его самого. Полиція все принимаетъ мѣры; въ думѣ все толкуютъ то о намордникахъ, то о штрафахъ съ хозяевъ и проч.—и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ толкуютъ, а собаки попрежнему бѣгаютъ по улицамъ, пугаютъ лошадей и людей, бѣсятся и кусаютъ прохожихъ. Вообще Сѣверная Пальмира представляетъ изъ себя чудную картину города, гдѣ безопасности гражданъ на каждомъ шагу что нибудь угрожаетъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы полицейское управленіе совсѣмъ не обнаруживало энергіи. Вотъ, напримѣръ, надняхъ у Гостиннаго двора подъ арками, запрещено разнощикамъ продавать плоды и они изгнаны оттуда, какъ сказано въ объявленіи оберъ-полицеймейстера, за то, что производили тамъ нечистоту и грубо обращались съ покупателями. Теперь, чтобы купить

десятокъ яблокъ или грушъ, надо идти или на Щукинъ дворъ, или въ Милютины лавки.

О пожарахъ мы знаемъ только, что они случились и случаются тамъ-то, больше ничего намъ не сообщается.

Въ Симбирскѣ уже разстрѣляли двухъ признавшихся въ поджогахъ. У нихъ русскія фамиліи, хотя одинъ изъ нихъ уроженецъ Витебской губерніи и католикъ. Это, впрочемъ, должно быть только исполнители, настоящіе двигатели дѣла еще не открыты.

27. Воскресенье. По утру у Воскресенскаго. Не засталъ его дома. Оставилъ карточку и письмо съ изъявленіями благодарности совѣту университета за докторскій дипломъ.

29. Вторникъ. Катковъ и Аксаковъ считаютъ себя настоящими опекунами русскаго народа. Къ Петербургу они питаютъ ненависть и презрѣніе, и его правительственное значеніе считаютъ чистой узурпаціей. Стоить только жить въ Петербургѣ, чтобы, по ихъ мнѣнію, потерять всякое патріотическое чувство къ Россіи. Тотъ не патріотъ, кто не оретъ, не бѣснуется, не ломаетъ стульевъ и столовъ.

Разнесся слухъ, второму я, однако, не вѣрю, будто московскій университетъ просилъ у министра народнаго просвѣщенія извиненія за свой поступокъ съ книгою Шедо-Фероти. Я съ самаго начала былъ того мнѣнія, что московскій университетъ погорячился, но лишь въ томъ, что назвалъ эту книгу пасквилемъ. Это, конечно, было сказано крѣпко—но и извиненіе тоже выходитъ крѣпко. Объ извиненіи говорилъ Чевкинъ—Княжевичу въ государственномъ совѣтѣ. Княжевичъ послалъ вопросъ въ Москву къ одному изъ своихъ пріятелей: правда-ли это? но отвѣта еще не получила.

Октябрь 1. Четвергъ. Вечеръ у **. Тутъ нашель я много, такъ называемыхъ, знаменитостей, среди которыхъ я казался себѣ такимъ маленькимъ, такимъ маленькимъ! Забавно, что всѣ эти господа осматривали другъ друга, какъ собаки, готовые къ схваткѣ и къ взаимному кусанію. Все это громадныя самолюбія съ претензіями на абсолютную непогрѣшимость и съ стремленіемъ нагадить всякому, чѣмъ Юогъ послалъ, лишь только этотъ всякій осмѣлится обнаружить мнѣніе несогласное съ ихъ мнѣніемъ.

Вотъ наши ученые и литературныя общества! Въ нихъ уже никакъ нельзя явиться, не нося камня за пазухой. Пріятное препровожденіе времени! Одинъ посмотрѣлъ на меня свирѣпо, другой свысока, третій и вовсе не удостоилъ взглядомъ. Правду сказать, я самъ обратилъ на все это вниманіе только ради его смѣшной стороны. Весь вечеръ я проговорилъ съ Г., съ его женою, моею бывшею институтскою ученицею, большою умницею, и съ какимъ-то профессоромъ одесскаго лица. Такъ проведено время до половины двѣнадцатаго ночи.

2. Пятница. Не умолкаютъ толки о Головиннѣ, московскомъ университетѣ и Шедо-Фероти. Петербургъ давно не имѣлъ случая потѣшиться такимъ хорошимъ скандаломъ. А сколько лгутъ—не приведи Господи! Нѣтъ рѣшительно никакой возможности добраться до истины между этими безчисленными: „я самъ тому свидѣтель—я слышалъ изъ устъ самовидца—слышалъ отъ достовѣрнѣйшаго человѣка“ и пр., и пр.

4. Воскресенье. По утру былъ съ визитомъ у Егора Оттовича Дуве, начальника винныхъ акцизовъ въ Витебской губерніи. Отъ него услышалъ я о новомъ распоряженіи, чтобы всѣ поляви, служащіе тамъ, были немедленно уволены отъ своихъ должностей съ предоставленіемъ имъ права искать себѣ мѣсть во внутреннихъ губерніяхъ.

Хорошо и должно говорить о русскомъ элементѣ, о преобладаніи его надъ элементами другихъ народностей въ имперіи. Но пока мы будемъ только говорить или кричать по московски объ этомъ, мы немного пользы сдѣлаемъ. Надобно, чтобы вся наша народность подтверждала это право на преобладаніе не одною своею численностью и грубою силою, а своимъ развитіемъ, своими умственными, нравственными и общественными успѣхами. Теперь, кажется, рано еще слишкомъ кричать объ этомъ, потому что успѣхи наши не блестящи. Наша народность пока сильна только своею численностью, смутнымъ сознаніемъ своей силы и смутнымъ-же стремленіемъ къ самостоятельности. Разумѣется, и эту силу, и эту самостоятельность, равно какъ и сознаніе ихъ, надо всячески поддерживать, но не кривомъ и показываніемъ кулаковъ, а болѣе дѣлательными и твердыми стремленіями къ развитію нашихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ—въ развитію народной интеллигенціи. Пока это не будетъ засвидѣтель-

ствовано опытами и очевидными результатами, до тѣхъ поръ ни нѣмцы, ни поляки не будутъ насъ внутренно уважать, а будутъ только насъ бояться да ненавидѣть и порочить. Намъ слѣдуетъ быть скромнѣе и умѣреннѣе, а не слѣдовать примѣру московскихъ журналистовъ, которые хвастаютъ, что они одни открыли и знаютъ настоящій составъ русскаго патріотизма — изъ какихъ спецій состоитъ этотъ соусъ.

6. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Встрѣтилъ много знакомыхъ. Разговоръ въ кружкѣ, состоявшемъ изъ меня, изъ директора департамента сборовъ, Маркевича и Г. Директоръ былъ недавно въ губерніяхъ и вывезъ оттуда, какъ онъ говоритъ, очень грустное впечатлѣніе. Вездѣ хаосъ. Рѣчь зашла о пьянствѣ. — „Обвинять въ этомъ акцизную систему“, сказалъ директоръ, — „нельзя: это страшное, наслѣдственное наше зло“. — „Однако, надо-же противъ этого принять какія-нибудь мѣры“. — „Да, вотъ мы и приняли мѣру: увеличеніе пошлины за патенты на открытіе питейныхъ заведеній. Полагаютъ, что это уменьшитъ ихъ число, а съ уменьшеніемъ мѣстъ питья и пьянство должно уменьшиться“. — „Но это не отвратитъ зла. Тутъ надо взять вещи глубже. Зло въ нравахъ, и надо-бы принимать соотвѣтственныя мѣры“. — „Конечно“, продолжалъ директоръ, „полиція могла-бы препятствовать нѣсколько распространенію зла; но полиція находится въ полномъ бездѣйствіи“.

Маркевичъ разсказалъ нѣсколько фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, объ отношеніяхъ нашего народа къ полякамъ, группами раскиданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по внутреннимъ губерніямъ. Сначала онъ дико смотритъ на нихъ и негодуетъ, что къ нимъ насылаютъ этихъ „измѣнниковъ“. Но такъ какъ эти „измѣнники“ хитры и по наружности ведутъ себя неукоризненно, то скоро ненависть къ нимъ уступаетъ мѣсто самому радушному и ласковому обращенію.

8. Четвергъ. Низшее смѣняется высшимъ, которое парализуетъ это низшее. Но скачками ничего не дѣлается: черезъ низшее нельзя перешагнуть къ высшему, а надо взглянуть ему прямо въ лицо и заставить его уступить высшему, потому что оно оказывается передъ нимъ несостоятельнымъ, какъ несостоятельно все слабѣйшее передъ сильнѣйшимъ, неправое передъ правымъ, одностороннее передъ болѣе полнымъ и прочее. И низшее должно быть—но быть и господствовать должно высшее.

Одинъ трудъ даетъ право на вознагражденіе: лучшее достигается одними пожертвованіями, побѣда—битвами. Всѣ эти истины извѣстны до пошлости, однако, повторять ихъ приходится часто.

9. Пятница. Конвенція, заключенная Наполеономъ съ Викторомъ Эммануиломъ, тѣмъ самымъ уже много говоритъ въ пользу Италіи, что она заключена съ Италіей, а не съ Римомъ. Какое-бы ни было ея содержаніе, а важно то, что существенною стороною тутъ признается Италія и о дѣлахъ папы трактуется не съ нимъ, а съ нею. Какого еще доказательства преобладанія Италіи въ Италіи?

11. Воскресенье. У А. М. Княжевича. День его рожденія. Ему минуло 72 года.

Слухи, что Головинъ писалъ къ государю, откровенно признаваясь въ ошибкахъ своей, подавшей поводъ къ извѣстному (событію) съ Шедо-Фероти. Онъ оправдывается тѣмъ, что увлекся безпредѣльною (преданностью) своею... и прибавляетъ, что если имѣлъ несчастіе навлечь на себя этимъ неудовольствіе государя, то проситъ уволить его отъ должности. Государь будто-бы отвѣчалъ, что это пустяки, чтобъ онъ не беспокоился и оставался на своемъ мѣстѣ.

12. Понедѣльникъ. Странное, дикое время! Разладица всеобщая: административная, нравственная и умственная. Деморализація въ народѣ и въ обществѣ растетъ и зрѣетъ съ изумительною быстротою. Умы серьезные тщетно стараются противодействовать злу. Да и много-ли ихъ, этихъ умовъ? Общественное воспитаніе запуталось въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, т. е. въ разныхъ педагогическихъ умозрѣніяхъ необдуманыхъ еще и не выработанныхъ: ему недостаетъ твердыхъ ни умственныхъ, ни нравственныхъ началъ. Власть никѣмъ не уважается; о законѣ и законности и говорить нечего: они и прежде имѣли у насъ только условное своеобразное значеніе, т. е. настолько, насколько ихъ можно было обойти въ свою пользу. Настоящей, такъ сказать, разумной (перемѣны) намъ не изъ чего дѣлать: у насъ нѣтъ матеріаловъ для нея, хотя, повидимому, все къ ней и клонится. Но, по свойству нашихъ нравовъ и по складу нашего ума, мы способны дойти путемъ деморализаціи до состоянія полной анархій, на что уже и теперь есть очевидные намеки. Странное, дикое время!

13. Вторникъ. Свѣтитъ-ли Божье солнце на землю, трещить-ли морозъ въ 20°, идетъ-ли дождь, стойшь-ли ты по колѣни въ грязи—во всемъ исполняются непреложные законы природы. Кричи, сколько хочешь, человѣкъ въ одномъ случаѣ: мнѣ тепло, въ другомъ: мнѣ холодно и сыро — онъ этимъ ничему не поможетъ. Однако, была-бы ложь, если-бъ я думалъ и говорилъ противное.

14. Среда. Въ оперѣ. Давали „Сонамбулу“. Увы! и тѣни ничего подобнаго съ тою „Сонамбулою“, въ которой нѣкогда участвовали Віардо, Рубини, Тамбурины. Я уѣхалъ послѣ половины пьесы. На нашемъ корридорѣ въ театрѣ учинено воровство: оставили безъ шубъ трехъ дамъ. Лавей ушелъ въ раекъ смотрѣть представленіе, оставивъ шубы на чье-то попеченіе: вернулся и ни шубъ, ни попечителя не оказалось больше въ наличности.

15. Четвергъ. Безчисленные толки о поѣздѣ государя во Францію, о его свиданіи съ Наполеономъ и особенно о поѣздѣ наслѣдника въ Римъ. Толки эти, разумѣется, не опираясь на знаніе тайныхъ пружинъ дипломатіи, заключаютъ въ себѣ не много правдоподобнаго. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей“ говорятъ, что насъ хотятъ закурить омиамомъ, завлечь въ невыгодныя уступки по восточнымъ дѣламъ,—что Наполеонъ непремѣнно насъ надуесть и т. д. Но поѣздка въ Римъ наслѣдника цесаревича Николая Александровича, дѣйствительно, является странною—если только она состоится. Тамъ недавно (осуждали) насъ наповаль; мы принуждены были отозвать оттуда нашего посланника—и вотъ, однако, намѣрены сдѣлать визитъ св. отцу. Непонятно! Подождемъ объясненій отъ всеобъясняющаго времени.

Поджоги у насъ дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ маніи, чѣмъ-то въ родѣ препровожденія времени. Недавно поймали одного поджигателя и когда у него спросили, что побудило его къ поджогу: мщеніе, желаніе воровать? Онъ отвѣчалъ, что ни то, ни другое; а онъ поджога такъ, и самъ не знаетъ почему. Другой самъ донесъ на себя и на подобные вопросы отвѣчалъ такимъ-же точно образомъ. Вотъ широкая натура! Однако-жъ, что это такое? Аксаковъ скажетъ, что это великія силы великой національности, не направленныя какъ должно и потому проявляющія въ себѣ преимущественно элементъ разрушенія.

А въ сущности, я думаю, это объясняется проще. Русскій чело-вѣкъ въ настоящій моментъ не знаетъ ни права, ни закона. Вся мораль его основана на случайномъ чувствѣ добродушія, которое, не будучи ни развито, ни утверждено ни на какомъ сознательномъ началѣ, иногда дѣйствуетъ, а иногда заглушается другими болѣе дикими инстинктами. Единственною уздою его до сихъ поръ былъ страхъ. Теперь страхъ этотъ снять съ его души. Слабость существующей еще надъ нимъ правительственной опеки такова, что онъ опеку эту въ грошъ не ставитъ. Безнаказанность при полномъ отсутствіи нравственныхъ устоевъ подстрекаетъ его къ подвигамъ, которые онъ считаетъ простымъ молодечествомъ, а нерѣдко и корысть руководитъ имъ. Безнаказанность и „дешевка“—вотъ гдѣ сѣмя этой деморализаціи, которая свирѣпствуетъ въ нашемъ народѣ и превращаетъ его въ звѣря, не смотря на его прекрасныя способности и многія хорошія свойства.

16. Пятница. Держись крѣпче—за что нибудь да держись, чтобы вотъ этотъ приливъ и напоръ темныхъ мыслей не увлекъ тебя въ бездну. Характеръ, нравственное самообладаніе, свобода—вѣдь это тѣ старыя ступени, на которыхъ ты думалъ всегда основать и утвердить себя: неужели онѣ сгнили и под-ломились?

Былъ Порошинъ. Теперь онъ пріѣхалъ изъ Парижа съ цѣлью: нельзя-ли собрать здѣсь средства и матеріальныя, и литературныя, чтобы издавать въ Парижѣ журналъ о Россіи въ родѣ „Revue Britanique“. Онъ жаловался мнѣ на совершенную безучастность къ этому дѣлу, встрѣченную имъ какъ между людьми мысли и науки, такъ и между сильными. Его приглашаютъ занять въ университетѣ кафедру финансовыхъ наукъ.

17. Суббота. Я отказался отъ составленія отчета за нынѣшній годъ по II-му отдѣленію Академіи наукъ. Отчетъ долженъ быть читанъ 29-го декабря. Это взялъ на себя Я. К. Гротъ.

18. Воскресенье. Неужели это правда, что пожарами потѣшаются наши нигилисты, а совсѣмъ не поляки, которымъ это сначала приписывали? Изъ послѣднихъ только немногіе привлечены къ отвѣту по этимъ подвигамъ.

Тѣло изнашивается, какъ платье. Въ немъ дѣлаются про-рѣхи, которыя медицина старается кое-какъ заштопать или по-

ложить на нихъ заплату. Но, наконецъ, оно превращается въ тряпку, годную только на то, чтобы ее выбросить и зарыть въ яму.

19. Поведѣльничѣ. Иные люди съ заслугами: такъ и хотѣлось-бы ихъ уважать. Но когда увидишь, какъ непомѣрно они себя цѣнятъ, въ какое величіе облакаются и какъ безпрестанно смотрятся въ зеркало своего самолюбія до полной утраты всякой способности видѣть что-нибудь кромѣ себя и своей красоты, то немедленно прячешь опять свое уваженіе подалѣе. Такъ оно и остается едва-ли не навсегда въ экономіи.

До какой степени, однако, исподличались люди нашего времени, если справедливо, что пожары произведены были (нигилястами). Вѣдь они, значитъ, поступаютъ на подобіе подлѣйшихъ грабителей. И вотъ какимъ способомъ они хотятъ улучшить судьбу рода человѣческаго.

20. Вторникѣ. Обѣдалъ въ клубѣ. Встрѣча со многими знакомыми, особенно съ бывшими моими студентами, которые, повидимому, рады были видѣться со мною. Бесѣда съ разными лицами. Все одно и то же: нескончаемыя жалобы на нынѣшнее положеніе вещей, на всеобщую разладицу и распущенность. Земскія учрежденія нивагъ не прививаются. Люди, т. е. помѣщики, жалуются, что ихъ помазали по губамъ — обѣщали имъ серьезныя занятія, а вмѣсто того дали программу, для которой не стоило дѣлать столько ломки и шума. Оттого между болѣе значительными и умными помѣщиками возникла пассивная оппозиція. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ. Жалобы также на то, что пошлый демократизмъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры и грозитъ важными бѣдами. Мужикъ не исполнилъ своихъ обязанностей, мужикъ вырубилъ вашъ лѣсъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ у васъ своровалъ — вы не найдете на него управы у мѣстныхъ властей.

Мы все спускаемся по скату и съ неудержимой быстротой мчимся въ пропасть, которой предѣловъ и дна не видно. Что дѣлать! исторія ничего даромъ не даетъ — видно и намъ приходится поплатиться. Вѣдь съ Петра Великаго мы находимся въ неестественномъ и напряженномъ состояніи; надобно-же, чтобы это разрѣшилось какимъ-нибудь кризисомъ. Я не вѣрю въ необходимость сочиняемыхъ революцій: но если ихъ сочиняетъ исторія?

Надобно, однако, стараться купить у ней то, что она неизбѣжно и неотразимо навязываетъ, какъ можно дешевле—заплатить 50, когда она запрашиваетъ 100. Долгъ каждаго честнаго человѣка содѣйствовать этому удешевленію, а не накапливать дѣла, за которое придется платить страшные проценты. Вотъ почему я мой либерализмъ смягчаю консервативнымъ принципомъ.

Либерализмъ надобно просѣивать сквозь сито консерватизма: пусть выпадаетъ чистая мука, а шелуха выбросится вонъ.

21. Среда. Обсуживать фактъ столько-же необходимо, какъ и имѣть о немъ понятіе. Обсуживать фактъ—значить отерывать смыслъ его, его отношеніе къ другимъ фактамъ и мѣсто, занимаемое имъ въ ряду ихъ. Впрочемъ, многіе другіе интересы могутъ сопрягаться съ извѣстнымъ фактомъ и входить въ сужденіе о немъ.

Мыслящій ученый долженъ обсуживать факты.

22. Четвергъ. Память по Невѣровскомъ въ церкви института слѣпыхъ. Служба была очень хороша, также и пѣніе бѣдныхъ слѣпыхъ.

24. Суббота. Если вы не будете чувствовать отвращенія ко всему злomu и безобразному, то какъ-же вы почувствуете расположеніе къ доброму и прекрасному?

Засѣданіе въ академіи наукъ. Послѣдовало соглашеніе между членами II-го отдѣленія на счетъ необходимости поддерживать самостоятельность послѣдняго, на которую было посягнула коммиссія для размотра проекта новаго устава. Сперва только я и Срезневскій были защитниками этой самостоятельности, но когда предложена была комбинація, чтобы отъ III-го отдѣленія взять русскую исторію и древности и присоединить ихъ, по средству предметовъ, ко II-му отдѣленію, тогда къ намъ пристали Гротъ и Пекарскій. Одинъ противъ всего этого оставался Билярскій, изъ какихъ видовъ—ужь не знаю.

Еще Гротомъ предложено было, чтобы членовъ-корреспондентовъ разъ въ мѣсяцъ приглашать на наши засѣданія „для литературнаго оживленія“. Противъ этого возсталъ (Петръ Петровичъ) Пекарскій — почему? казалось-бы непонятнымъ. Впрочемъ, онъ объявилъ, что къ литературѣ и литераторамъ не питаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Онъ хочетъ быть вѣрнѣ одной наукѣ, но о наукѣ имѣеть самое странное одностороннее

понятіе. Онъ, повидимому, думаетъ, что она состоитъ единственно въ выпискахъ изъ архивныхъ актовъ и въ накопленіи матеріаловъ на подобіе того, какъ онъ это сдѣлалъ въ своей книгѣ о литературѣ и наукѣ въ эпоху Петра Великаго. Положимъ, трудъ этотъ—трудъ почтенный, но тѣмъ не менѣе нельзя смотрѣть на науку такъ узко. Для Пекарскаго, кажется, мысль не существуетъ въ наукѣ: факты, цифры, буквы—вотъ все, что онъ признаетъ въ ней. Срезневскій согласился со мной на предложеніе Грота и даже упомянулъ о философскомъ и художественномъ элементѣ въ изученіи литературы.

С. и Билярскій опять-таки столкнулись въ засѣданіи. Билярскій утверждалъ, что онъ могъ-бы быть въ академіи (въ III отдѣленіи) представителемъ философіи языка, а С. увѣрялъ его, что онъ не могъ-бы быть такимъ представителемъ, потому что онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ или знаетъ лишь немногіе. Билярскій разсердился и замѣтилъ С., что не ему-бы объ этомъ говорить, такъ какъ онъ самъ ничего не знаетъ, и т. д., но я и Гротъ успѣли прекратить это, обративъ вниманіе отдѣленія на другіе предметы.

26. Понедѣльникъ. Вы поддерживаете матеріальную сторону науки—надо-же, чтобъ были и такіе представители ея, которые поддерживали-бы и ея духовную сторону. Только въ этомъ уравновѣшеніи интересовъ матеріальныхъ съ внутренними и духовными наука находитъ и свою точку опоры и общааетъ счастливые результаты. Разъединеніе этихъ силъ и элементовъ въ наукѣ было бы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, великою несообразностью.

Писатели—представители живой движущейся мысли; академики—представители мысли установившейся, утвердившейся. Но такъ какъ мысли человѣческой не суждено стоять на мѣстѣ, а, напротивъ, суждено вѣчно идти впередъ, то ей нужно и пособіе силы движущейся и, слѣдовательно, движущей точно такъ же, какъ этой послѣдней нужна сдерживающая сила мысли академической.

Неужели талантъ есть что-нибудь чуждое академіи? Если академія его не вырабатываетъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что она не должна его уважать или обязана отъ себя отпихивать тамъ, гдѣ представляются точки соприкосновенія между ею и

имъ, какъ напримѣръ въ изслѣдованіи отжившаго языка и литературы съ живымъ языкомъ и литературою. Отдѣленіе русскаго языка и словесности менѣе всего можетъ уединяться отъ жизни и общества, потому что въ языкѣ и литературѣ лежатъ и выражаются самые драгоценныя ихъ интересы. Авторитетъ отдѣленія выиграетъ отъ соединенія съ живыми силами литературы, потому что онъ будетъ поддержанъ силами, имѣющими важное вліяніе на общество: этимъ соединеніемъ отдѣленіе докажетъ свое уваженіе къ тому, что дорого обществу. И почему считать ничтожнымъ сужденіе живаго талантливаго писателя о достоинствахъ и заслугахъ какого-нибудь автора, уже пріобрѣтшаго себѣ мѣсто въ исторіи. Академія, конечно, должна привлекать въ свои стѣны только тѣхъ писателей, которые обнаруживаютъ несомнѣнный талантъ и сильно содѣйствуютъ эстетическому и умственному развитію общества. Принятіе въ свои сочлены и соучастники такихъ литературныхъ дѣятелей, я полагаю, не унизитъ академію, а дастъ ей новый блескъ и значеніе. Она, современемъ, можетъ даже присвоить себѣ какъ бы родъ санкціи значенія писателя и того вниманія, какое ему оказываетъ общество. Тогда, если-бы явился талантъ сомнительнаго свойства или съ такими принципами, которыхъ академія не можетъ одобрить, и она отвергла-бы его, то это уже не могло-бы служить ей укоромъ: всякій зналъ-бы, что это происходитъ не отъ равнодушія ея или невниманія къ успѣхамъ живой отечественной словесности, а отъ другихъ совершенно уважительныхъ причинъ. Возраженіе, что академія тѣмъ самымъ вовлечется въ омутъ разныхъ литературныхъ сплетенъ текущей литературы, мнѣ кажется, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія: это значило-бы сомнѣваться въ способности академіи поддерживать собственное достоинство.

Вчера завѣзжалъ ко мнѣ Норовъ: убѣдительно просить къ себѣ обѣдать. Чудакъ, ей Богу! Я общался.

28. Вторникъ. Это неправда, будто московскій университетъ извинялся передъ министромъ Головиннымъ по дѣлу о книгѣ Шедо-Фероти. Это была одна изъ тысячи сплетенъ.

Къ несчастью, тѣ, которымъ всего нужнѣе знать истинное положеніе дѣлъ, узнаютъ о немъ всегда слишкомъ поздно. Поздно будетъ вразумлять массу въ уваженіи къ закону, къ правамъ собственности помѣщиковъ и пр., когда „передовые

люди“ развратятъ ее настолько, что она захочетъ всего: тогда всякое обращеніе къ порядку, къ закону будетъ сочтено за реакцію.

У насъ еще не выработалось и не установилось никакихъ понятій о законности и правѣ, и потому нѣтъ ничего легче, какъ власть нашему народу въ совершенную анархію.

Изъ иныхъ головъ, довольно, впрочемъ, пустыхъ, выпрыгиваютъ по временамъ легенькія, красивенькія идейки, которымъ страсть какъ хочется побѣгать по свѣту и погулять на волѣ. Слабоумные родители ихъ ни въ чемъ не хотятъ ихъ руководить или стѣснять, и идейки до того распаливаются и становятся такими своенравными, раздражительными, что начинаютъ идти наперекоръ здравому смыслу, который тогда, въ свою очередь, на нихъ ополчается: иногда онъ не прочь даже и посѣчь ихъ. Самая чувствительная для идеякъ въ такомъ случаѣ розга есть насмѣшка.

Ноябрь 1. Воскресенье. Утромъ зашелъ въ Ржевскому. Тамъ разговоръ съ здѣшнимъ предводителемъ дворянства Татищевымъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ толковымъ. Жалобы на демократическія притѣсненія помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ. О земскомъ учрежденіи говорить, что врядъ-ли его можно примѣнить, что дворянство и ехочетъ такого ничтожнаго учрежденія и пр., и пр.

Ни одна изъ многихъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, не должна преобладать надъ другими: всѣ силы должны уравнивать другъ друга, и это стремленіе къ равновѣсію есть разумъ общества, его благодѣтельный ангель-хранитель.

Въ наукѣ, напримѣръ, стремленіе собирать и копить матеріалы полезно и необходимо. Но необходимо дать мѣсто и мысли, теоріи. Буквоѣды говорятъ обыкновенно: дайте прежде накопить матеріаловъ, а тамъ послѣ, когда-нибудь вы ихъ осмыслите и оживотворите мыслью и духомъ. Но когда-же? Законченныхъ полныхъ результатовъ вы никогда не дождетесь: важенъ самый процессъ дѣятельности, ибо человѣкъ есть непрерывная дѣятельность. Но хорошо-ли въ самомъ процессѣ дѣятельности опираться только на одну силу, исключая другія, столь-же важныя и необходимыя? Хорошо-ли вмѣсто четырехъ или двухъ колесъ ѣхать на одномъ, или смотрѣть однимъ глазомъ, прищуривъ другой?

Вечеромъ у С. Бесѣда съ (А. В.) Лохвицкимъ, Чебышевымъ-Дмитріевымъ и пр. Лохвицкій уменъ, но немножко смахиваетъ на арыгу. Его завтра будутъ баллотировать въ профессора здѣшняго университета по юридическому факультету. Университетъ, пожалуй, сдѣлаетъ въ немъ приобрѣтеніе въ отношеніи науки, особенно при нынѣшнемъ безлюдьи—но держи ухо востро, университетъ! Онъ постарается прибрать въ руки всю ученую братью, а какъ это ему, конечно, не удастся, то покушенія его будутъ источникомъ большихъ нестроений въ корпораціи.

Долго разговаривалъ съ Костомаровымъ. Его статья „Вѣче въ Россіи“ заарестована въ цензурѣ, Богъ знаетъ за что. Цензорамъ показалось, что не слѣдуетъ напоминать, что когда-то давно у насъ народъ собирался разсуждать о своихъ дѣлахъ. Мнѣ хочется помочь Костомарову и какъ совѣтъ (по дѣламъ печати) по "его жалобѣ передалъ статью на мое разсмотрѣніе, то я надѣюсь, что мнѣ удастся не допустить цензуру до этой глупости.

2. Понедѣльникъ. Поутру приходилъ Костомаровъ для объясненій по своей статьѣ. Я посовѣтовалъ ему пожертвовать двумя тремя словами и одной фразой, чтобы „не дразнить“...

3. Вторникъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ художественной литературы характеры являются искусственно-сложенными, а не органически-развитыми. Таковы, напримѣръ, характеры въ нѣмецкихъ романахъ. Нѣмецъ-романистъ самъ себѣ скажетъ: вотъ надобно составить характеръ чудака-профессора. Является идея чудака-профессора въ видѣ схемы. Потомъ романистъ начинаетъ въ умѣ своемъ подбирать черты, относящіяся къ этой идеѣ. Вотъ, напримѣръ, встрѣчается рожа съ особенно педантическими ужимками—давай ее сюда! Черта берется и бережно откладывается въ сторону. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя эксцентрическія понятія о жизни, людяхъ и пр. Все это прикладывается одно къ другому и когда накопится порядочное количество этихъ кусочковъ идеи, по мнѣнію автора достаточное, чтобы наполнить ими схему, онъ ихъ сортируетъ, складываетъ и выходитъ чудакъ-профессоръ, т. е. автоматъ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни или съ признаками, пугающими воображеніе читателя, какъ пугаютъ зрителя восковыя фигуры съ смотрящими

стеклянными глазами и съ механически размахивающими руками. Это настоящіе Парацельзовы гомункулы.

На чтеніи въ клубѣ. Читаль Плетневъ (?) на тему: земледѣльческое-ли государство Россія? О самомъ вопросѣ онъ немного сказалъ, но вообще говорилъ очень легко, живо и умно. Ему часто хлопали.

4. Среда. Наше время принято называть переходнымъ. Но не всѣ-ли времена переходныя, т. е. не всѣ-ли они служатъ ступеню отъ прошедшаго къ будущему. Каждое время не есть что-нибудь самостоятельное: оно стоитъ въ срединѣ между тѣмъ, что было, и между тѣмъ, что будетъ. Отъ одного оно заимствуетъ причины и основанія, а для другаго, въ свою очередь, служить причиною и основаніемъ. Если за признакъ переходности считать безпорядки, броженія, отсутствіе прочно поставленныхъ началъ и учреждений — словомъ ломку отжившаго, то и это несправедливо. Переходятъ всегда не къ болѣе прямому или разумному, а къ повому. Это не иное что, какъ законъ вѣчнаго движенія—законъ *regretium mobile*.

5. Четвергъ. Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Совѣтъ, по нѣкоторымъ возраженіямъ, утвердилъ мое представленіе о дозволеніи напечатать статью Костамарова „О вѣчѣ“ въ журналѣ Ахматовой „Дѣло и Отдыхъ“.

Пржецлавскій (Осипъ Антоновичъ) читаль свою записку о „зловачественности“ „Московскихъ Вѣдомостей“; онъ говоритъ въ ней, что газета эта была очень полезна, возбуждая народное чувство во время польскаго возстанія; но потомъ она присвоила себѣ право, дозволенное только въ государствахъ конституціонныхъ, порицать всѣ дѣйствія правительства и высшихъ правительственныхъ лицъ, сдѣлавшись настоящимъ органомъ оппозиціи. Записка, надо отдать ей справедливость, написана ловко и умно. Такъ какъ члены совѣта, въ томъ числѣ и я, при первомъ заявленіи Пржецлавскаго объявили, что они не подпишутъ протокола, ибо они не могутъ согласиться съ безусловнымъ осужденіемъ московской газеты, хотя и не отвергаютъ, что она вышла изъ предѣловъ, дозволенныхъ у насъ въ печати, то Пржецлавскій доставилъ записку свою прямо министру. Поэтому совѣтъ опредѣлилъ: принять ее къ свѣдѣнію и ожидать дальнѣйшаго распоряженія министра.

6. Пятница. Въ прошедшемъ засѣданіи географическаго общества Безобразовъ, въ присутствіи великаго князя, читалъ записку о гирлахъ у Ростова-на-Дону, о ихъ засореніи, необходимости очистки ихъ и проч. Тутъ находился, между прочимъ, городской голова Ростова, человѣкъ, говорятъ, умный и значительный. Выслушавъ записку Безобразова, онъ попросилъ слова: онъ говорилъ о томъ-же, приводя и свои мнѣнія. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Но между неудобствами, которымъ въ настоящее время подвергается Ростовъ, есть еще одно весьма важное для мѣстнаго населенія: это то, что ни одинъ обыватель не можетъ быть спокоенъ, если не имѣеть въ своемъ распоряженіи револьвера“.

Общее мѣсячное собраніе въ академіи наукъ. Ничего.

8. Воскресенье. Утромъ у Троицкаго. Онъ очень боленъ. Я засталъ у него четырехъ докторовъ. Худой знакъ! Я спросилъ у Пеликана: „Какая у него болѣзнь? говорятъ, ревматизмъ?“ — „Чистѣйшая подагра“, отвѣчалъ онъ. А между тѣмъ, больной увѣренъ, что у него ревматизмъ. Свѣрсно то, что подагра летучая. Она открылась у него вдругъ. Я просидѣлъ у больного часа два: онъ, казалось, былъ доволенъ моимъ посѣщеніемъ и удерживалъ меня. Тутъ я познакомился съ докторомъ Тильманомъ и съ директоромъ земскаго отдѣла Замятинымъ. При уходѣ встрѣтился съ министромъ Валуевымъ, съ которымъ не видѣлся больше года. Очень любезенъ.

9. Понедѣльникъ. Какъ ни гадко у насъ все и какъ ни гадки мы сами, а все-таки мы не нѣмцы, не французы, не англичане, а русскіе и должны оставаться русскими.

10. Вторникъ. Положеніе N.N., говорятъ, упрочивается.

Заходилъ къ Норову. Встрѣченъ съ объятіями. У насъ съ нимъ возобновились дружескія отношенія. Жалкій министръ, онъ, какъ человѣкъ, имѣеть свои привлекательныя качества и съ возвращеніемъ его къ частной жизни качества эти опять вступили въ свои права. Наши отношенія теперь уравнинены.

Норовъ издалъ книгу „Даніилъ игумень“ и снабдилъ ее своими примѣчаніями.

Отчего у людей честныхъ меньше мужества дѣлать честныя дѣла, чѣмъ у мошенниковъ дѣлать злыя?

16. Понедѣльникъ. Прегнусная ночь. Въ головѣ барабанило и давило, какъ уже давно не было.

Навѣщалъ больнаго Тройницкаго. Ему лучше.

18. Среда. Депутація остзейскихъ крестьянъ, прибывшая сюда просить государя о распространеніи на нихъ Положенія 19-го февраля, принята дурно. Она атаковала какъ-то государя въ Царскомъ селѣ и была отослана съ флигель-адъютантомъ къ Валуеву, а тотъ велѣлъ ей немедленно отправляться во-свои. Депутація московскаго купечества совсѣмъ не была принята. Она, какъ говорятъ, являлась для объясненій по поводу торговой конвенціи, которая будто-бы заключается не въ пользу русской торговли на основаніи принципа свободы.

Н. Н. видимо усиливается. Надняхъ Головиннѣ давалъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ и Валуевъ. Рейтернъ и Головиннѣ крѣпче, чѣмъ когда-либо.

Министръ внутреннихъ дѣлъ велѣлъ разсмотрѣть въ совѣтѣ (по дѣламъ печати) записку Пржецлавскаго о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и положить по ней свое заключеніе, когда выздоровѣтъ Тройницкій. До меня не дошла еще она. Дѣло это весьма щекотливое. Пржецлавскій подкрался для нанесенія удара газетѣ какъ-разъ впору, т. е. когда извѣстная партія замѣтно усиливается. Я поступлю, какъ всегда, по своему крайнему убѣжденію.

Говорятъ, Головиннѣ многихъ изъ московскихъ профессоровъ представилъ къ обычнымъ наградамъ. Государь всѣмъ отказалъ. Значитъ и правосудіе удовлетворено, и Головиннѣ выказалъ свое великодушіе.

19. Четвергъ. Накопилась пропасть дѣлъ. Надо еще писать замѣчанія на академическій уставъ. Мой протестъ, однако, помогъ. По новому уставу рѣшено не сливать II-го отдѣленія съ прочими, и предоставить ему самостоятельность.

22. Воскресенье. Поутру у В—вича. Разговоръ о нынѣшнихъ дѣлахъ неутѣшительнаго свойства. Онъ человекъ умный и честолюбивый, сильно добивался власти и участія въ дѣлахъ, а теперь онъ только сенаторъ. О немъ говорятъ, что онъ не чисто поступалъ въ дѣлахъ раскольничьихъ, которыя при Николаѣ I были ему поручены—будто-бы онъ бралъ съ раскольниковъ взятки, а между тѣмъ проповѣдывалъ чуть не крестовый походъ противъ нихъ. И теперешній взглядъ его на раскольниковъ не отличается либеральностью. Онъ увѣренъ, что

въ нихъ таятся сѣмена важныхъ соціальныхъ и политическихъ переворотовъ.

У него встрѣтился я также съ княземъ Урусовымъ, который назначенъ докладчикомъ по дѣламъ человѣколюбиваго общества. Эти дѣла, какъ и всѣ другія у насъ, страдаютъ большими неурядицами, особенно въ денежномъ отношеніи.

23. Понедѣльникъ. Человѣкъ жалуется на скоротечность жизни: а что-бы онъ дѣлалъ съ жизнью болѣе продолжительною?

Жизнь не даръ, а долгъ. Притча о талантахъ заключаетъ въ себѣ глубокую истину.

24. Вторникъ. Въ честномъ сердцѣ существуетъ потребность прямо и откровенно высказаться, когда отъ него требуютъ мнѣнія. Объ остальномъ оно не заботится: это уже не его дѣло.

Изъ многихъ опытовъ жизни я узналъ, что въ сумятицѣ человѣческихъ страстей и своекорыстїи идея рѣдко одерживаетъ верхъ, если она не поддержана вещественною силою или властью. Высказывайте смѣло и откровенно идею, если сердце ваше бьется для нея: это долгъ честнаго человѣка. Но не унывайте въ тщетности вашихъ усилій дать ей перевѣсъ въ человѣческихъ дѣлахъ: это невозможно, если вы не вооружены властью. Довольно, что вы бросили ее въ водоворотъ человѣческой мысли: можетъ быть, она тамъ и не потонетъ. Но вамъ уже не знать вашего собственнаго дѣтища и, можетъ быть, сѣмя вашей идеи взростетъ только на могилѣ вашей.

26. Четвергъ. Вчера еще послалъ Веселовскому мои замѣчанія на проектъ новаго академическаго устава. Вѣроятно, на меня будутъ нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, сердиться за то, что я сильно возсталъ противъ вызова ученыхъ изъ заграницы и противъ увеличенія пенсій нѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ по академіи, какъ-то: секретарю, вице-президенту, директорамъ библіотеки и типографіи.

29. Воскресенье. Обѣдалъ у Княжевича. Владиславъ Максимовичъ, между прочимъ, рассказалъ анекдотъ о Канкринѣ. Канкрину говорили о какомъ-то господинѣ, который будто-бы могъ быть хорошимъ министромъ финансовъ.

— „Да,“ отвѣчала Канкринъ, „онъ человѣкъ умный, только чтобы быть дѣйствительно хорошимъ министромъ финансовъ, ему не достаетъ поэзіи“.

Декабрь 1. Вторникъ. Въ рукахъ человѣка трудолюбиваго и искуснаго, какъ въ природѣ, ничто не должно пропадать даромъ.

Что такое деспотизмъ? Односторонность, поглощеніе всѣхъ однимъ, подчиненіе однимъ интересамъ всѣхъ другихъ интересовъ человѣчества или общества, одной идеѣ — всѣхъ другихъ идей, одной силѣ — всѣхъ другихъ силъ. Онъ нехорошъ, потому что противенъ природѣ вещей — и одинаково нехорошъ въ какой-бы формѣ ни являлся: въ формѣ-ли политической, нравственной, умственной или соціальной.

2. Среда. Вечеръ у (Нив. Мих.) Благовѣщенскаго. Тамъ, между прочимъ, познакомился съ (Кон. Никол.) Бестужевымъ-Рюминымъ, кажется, будущимъ профессоромъ исторіи въ здѣшнемъ университетѣ.

4. Пятница. Общее собраніе въ академіи наукъ. Избранъ въ адъюнкты Безобразовъ (Влад. Павл.) по части статистиче- и политической экономіи на мѣсто Кеппена. За него было 22 голоса, противъ него 9.

Но самое важное въ академіи — это было сужденіе о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными членами академіи на проектъ новаго устава. Толки о томъ, чтобы все издавалось въ академіи на русскомъ языкѣ. Врядъ-ли это возможно. Въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы никакихъ связей съ ученою Европою, которая не знаетъ по-русски. Есть вещи въ наукѣ, которыя должны быть обнародываемы на языкѣ всѣмъ доступномъ, а именно на французскомъ. Въ проектѣ было сказано, что академія издаетъ свои сочиненія на иностранныхъ языкахъ и на русскомъ „по своему усмотрѣнію“. Я предложилъ поправку: „смотря по потребности“, потому что слово „усмотрѣніе“ отзывается произволомъ. Поправка эта принята единодушно. Въ проектѣ II отдѣленіе (русско-славянское) было почему-то переименовано въ III-е. Я. К. Гротъ стоялъ за старое названіе. Возникли довольно сильныя пренія. Рѣшено удержать старую цифру. Я согласился съ большинствомъ. Броссе насмѣшилъ академію: возражая Срезневскому по-русски, онъ выразился, что мнѣніе послѣдняго не согласно „съ добрымъ умомъ“.

Второе засѣданіе будетъ въ среду.

Литке показалъ много такта и умѣнія направлять пренія.

Онъ и по-русски говорить совершенно правильно и чисто. Засѣданіе длилось четыре часа. Да передъ этимъ наше, въ отдѣленіи, около двухъ часовъ. Итого я высидѣлъ шесть часовъ и досидѣлся до головной боли.

5. Суббота. Читалъ обнародованные надняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшого круга, непосредственно соприкасающагося съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая-нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это безсмертное дѣло. Я пробовалъ заговорить объ этомъ, хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія.

Новые законы сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно приходить отъ этого въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву.

6. Воскресенье. Когда семья накормлена, самъ сытъ и всѣ въ теплѣ, чего-же больше?

Демократизмъ демократизмомъ, но законъ и право должны-бы имѣть также нѣкоторую силу.

Всѣ больше заняты теперь займомъ и лотереей, чѣмъ новымъ законодательствомъ, которое, конечно, составляетъ эпоху въ исторіи русскаго народа. Конечно, и то дѣло, да какъ-же такъ мало принимать участія въ одномъ изъ величайшихъ событій народной жизни?

Навѣщалъ больного Тройницкаго. Ему теперь гораздо лучше. Да самому-то мнѣ не лучше. Скверные дни и еще болѣе скверныя ночи.

7. Понедѣльникъ. Вечеръ у Литке. Много знакомыхъ. Продолжительный разговоръ съ Устряловымъ и съ Овсянниковымъ.

8. Вторникъ. Имѣтъ въ виду три монографіи въ видѣ воспоминаній:

- 1) О Яковѣ Ивановичѣ Ростовцевѣ какъ писателѣ.
- 2) О Вронченко, Михаилѣ Павловичѣ.
- 3) О Галичѣ.

Сегодня обѣдала у меня одна молодая и хорошенькая дѣвушка изъ породы тѣхъ, которыхъ ведутъ путемъ прогресса передовые люди въ родѣ Лаврова. Я дразнилъ ее либерализмомъ и философіею. Въ жару защиты того, на что, ей казалось, я особенно нападалъ, а именно, что повиноваться никто и ничему не обязанъ, эта милашка, наконецъ, до того завралась, что стала защищать анархію и съ энтузіазмомъ воскликнула: „анархія — это самое лучшее состояніе общества!“ Я очень смѣялся этому и сказалъ ей, что съ удовольствіемъ вижу, что сѣмена такого великаго философа, какъ Петръ Лаврычъ Лавровъ, упали не на бесплодную почву. Она еще больше разсердилась. Тѣмъ не менѣе мы разстались друзьями.

10. Четвергъ. Чрезвычайное собраніе въ академіи наукъ. Читывались и разбирались замѣчанія на проектъ устава. Мое замѣчаніе о томъ, что изъ проекта слѣдуетъ исключить слова: „изъ двухъ кандидатовъ на вакантное мѣсто въ академіи — иностраннаго и русскаго — при равномъ достоинствѣ предпочтеніе отдается русскому“, не встрѣтило такой оппозиціи, какъ я ожидалъ. Я того мнѣнія, что въ дѣлѣ общечеловѣческой науки, представительницею которой является и наша академія, единственное рѣшающее значеніе должны имѣть ученые труды и заслуги, а не происхожденіе избираемаго. Однако, опредѣлено внести въ проектъ поправку Срезневскаго: что иностранецъ избирается только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ достойнаго своего. Я остался при своемъ мнѣніи. Пекарскій потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ возсталъ противъ увеличенія окладовъ канцелярскимъ чиновникамъ. Секретарь на это даже обидѣлся и все собраніе приняло его сторону.

Желаю сохранить для будущей біографіи Я. И. Ростовцева нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о писателѣ, я не могу отдѣлать этихъ свѣдѣній отъ моей собственной личности. Ростовцевъ, безспорно, обладалъ литературнымъ дарованіемъ. Но его умственныя силы были рано отклонены на другое поприще, и дарованіе это не успѣло выразиться въ крупныхъ чертахъ. Оно ознаменовалось немногими проявленіями и чертами, которыя могли быть наблюдаемы людьми къ нему близкими и неприимѣтно сливавшимися съ обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ Яковъ Ивановичъ въ ранней молодости. Вотъ почему

сообщаемыя мною о немъ свѣдѣнія, какъ о писателѣ, должны принять характеръ моихъ воспоминаній.

Бѣда, когда тупымъ и ограниченнымъ людямъ попадется въ руки какая-нибудь истина. Не постигая ея связи съ другими истинами, они думаютъ, что ея на все хватитъ, и удивляются, почему свѣтъ не идетъ такъ, какъ долженъ-бы идти по этой истинѣ. Они забываютъ, что есть еще другія истины, другія требованія, которымъ тоже нужно дать мѣсто въ системѣ жизни.

11. Пятница. Привазъ о моемъ увольненіи изъ университета помѣщенъ въ 269 № „Спб. Вѣдомостей“. Увольненіе считается съ 1-го іюня 1864 года.

Теперь всего болѣе занимаютъ публику толки о желѣзныхъ дорогахъ на югѣ и о займѣ. Въ вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ борются двѣ партіи: одна требуетъ дорогъ на Кіевъ, другая — на Харьковъ и Кременчугъ. Основныя причины первой—политическія, второй—экономическія. Говорятъ, въ преціяхъ географическаго общества первая партія одержала рѣшительную побѣду. Ожидаютъ теперь, что скажетъ правительство. Тутъ,—какъ говорятъ,—пришли въ столкновение партіи національная, польская и нѣмецкая. Что касается займа, то рѣшительно не добьются толку во всѣхъ о немъ толкахъ. Въ одномъ углу говорятъ, что заемъ совсѣмъ не удался, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; въ другомъ углу объявляютъ успѣхъ займа колоссальнымъ. Извольте тутъ составить себѣ вѣрное понятіе о современныхъ вопросахъ. Въ то время, напримѣръ, какъ положительно извѣстно, что партія, желающая желѣзной дороги на Харьковъ и Кременчугъ, потерпѣла сильнѣйшее поражение въ географическомъ обществѣ, „Спб. Вѣдомости“ объявляютъ, что теперь вообще всѣ согласны съ тѣмъ, что дороги не слѣдуетъ проводить на Кіевъ.

13. Воскресенье. Иные любятъ предаваться въ наукѣ гимнастическимъ упражненіямъ. Упражнения эти состоятъ въ томъ, чтобы щеголять искусствомъ и ловкостью въ доказываніи или опроверженіи такихъ фактовъ и такихъ понятій, которыхъ ни доказывать, ни опровергать собственно нѣтъ никакой надобности, ни даже возможности. На это удивительные мастера нѣмцы.

14. Понедѣльникъ. Вотъ теперь становится кое-что извѣстнымъ о займѣ. Публика подписалась на сто-двадцать милліоновъ. Штиглицъ взялъ на тридцать милліоновъ; но берлинскій банкиръ Мендельсонъ взялъ всего на милліонъ или полтора, а не на тридцать, какъ говорили.

16. Среда. „Московскія Вѣдомости“ мечтаютъ о раздѣленіи власти между собою и правительствомъ: ему предоставляютъ онѣ пока вещественную, а себѣ умственную диктатуру..... По всему видно, что „Московскія Вѣдомости“ опьянѣли отъ успѣха. Онѣ считаютъ себя всесильными, способными подъ эгидою московскихъ овацій бороться даже съ властью. Вотъ какъ далеко можетъ зайти русскій человекъ! Но неужели общество способно подчиниться такой диктатурѣ, такому свирѣпому и исключительному господству одного ума, одного мнѣнія, и не съумѣетъ выработать въ себѣ другихъ элементовъ умственной силы?

17. Четвергъ. Самые негодные люди—люди полуобразованные. Немного получше ихъ такъ называемые образованные, но худшіе изъ худшихъ—это тѣ, которые составляютъ васту ученыхъ, артистовъ, литераторовъ, сказалъ-бы и поповъ, если-бы между многими дурными попами не попадалось и нѣсколько хорошихъ.

Если-бы каждый подвергалъ себя передъ самимъ собою отвѣтственности за дурныя мысли, какъ за дурныя дѣла, то я думаю, что послѣднихъ было-бы меньше.

Надняхъ (Вас. Ив.) Модестовъ принесъ мнѣ свою монографію о Тацитѣ. Вещь недурная и авторъ, кажется, общается быть хорошимъ профессоромъ. Онъ назначается въ Одессу по кафедрѣ латинской литературы.

Многіе, кому удалось сдѣлать какое-нибудь порядочное дѣло, считаютъ, что это уже какъ-бы даетъ имъ право на множество пажостныхъ дѣлъ.

Вечеромъ у Владислава Максимовича Княжевича. Вотъ одинъ изъ немногихъ, у которыхъ прекрасное сердце и ясный умъ въ связи съ прочно установившимся возвышеннымъ характеромъ. Онъ не скоро даетъ себя понять. По наружности онъ не блестящъ и какъ-будто холоденъ. Съ перваго взгляда въ немъ не подозрѣваешь ни того богатства мысли, ни той энергіи

въ преслѣдованіи добра, ни той деликатности и полноты сердца, какими онъ васъ изумить, когда вы поближе съ нимъ познако-митесь. Онъ не слѣшитъ себя изоблчить, а предоставляетъ вамъ самимъ открыть то, что другіе такъ любятъ держать напоказъ. За то полюбивъ его разъ, кажется, уже никогда не разлюбишь, если только самъ не перестанешь быть достойнымъ любви. Онъ далеко не чуждъ новыхъ идей. Онъ любитъ Россію, какъ благородный человѣкъ и какъ просвѣщенный гражданинъ. Мы часто съ нимъ видимся. У меня съ нимъ какъ-то ладится. Сегодня Владиславъ Максимовичъ много рассказывалъ мнѣ о Вигелѣ, записки котораго теперь печатаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и такъ много читаются, но правдивости которыхъ, признаюсь, я мало довѣряю. Княжевичъ былъ съ нимъ знакомъ въ Крыму. Оказывается, что Вигель былъ человѣкъ неизмѣримо самолюбивый, тщеславный, готовый всякаго оскорбить и самъ оскорблявшійся самыми ничтожными мелочами. Такъ, однажды, онъ разсердился на Владислава Максимовича и наговорилъ ему грубостей за то, что, какъ-то разъ обѣдая у него, не былъ приглашенъ занять за столомъ первое мѣсто, тогда какъ у хозяина никогда и въ мысляхъ не было размѣщать своихъ гостей по рангамъ или по какимъ-нибудь отношеніямъ, а всякій садился, гдѣ пришлось, за круглымъ столомъ, безъ всякихъ указаній.— „Вѣдь я тайный совѣтникъ“,—говорилъ Вигель, изъявляя свое негодованіе. Вообще, Вигель не пользовался ничьимъ уваженіемъ и многіе, встрѣтаясь съ нимъ разъ, старались ужъ больше не встрѣчаться. Онъ былъ охотникъ читать свои записки всякому, кто соглашался ихъ слушать, и видимо былъ на эффектъ. Все это мнѣ сообщилъ Владиславъ Максимовичъ.

19. Суббота. Вечеромъ у Ржевскаго. Познакомился съ новымъ собратомъ Безобразовымъ (Владиміромъ Павловичемъ), избраннымъ въ члены академіи. Человѣкъ видно знакомый съ гостиними и большой говорунъ. Онъ и Мельниковъ (Печерскій) много рассказывали про Якушкина, извѣстнаго наблюдателя народныхъ нравовъ, въ армякѣ ходящаго по Россіи. Изъ рассказовъ Безобразова и Мельникова о народѣ и о провинціально-номъ] обществѣ и вообще о томъ, что называютъ [массами, можно вывести довольно прискорбныя заключенія о русскомъ

народѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ его существованія. Это какой-то омутъ, въ которомъ кипятъ и бурлятъ волны силъ безъ всякаго направленія и результата. Ну, это, положимъ, можетъ еще перебродить. Но вотъ что самое безотрадное: русскій умъ горячо на все кидается, но, едва успѣвъ коснуться поверхности предмета, уже начинаетъ имъ скучать и бросается на другой, на третій и т. д., пона отъ усталости или отъ недостатка интереса, поддерживаемаго только серьезнымъ пониманіемъ и участіемъ въ вещамъ, не впадаетъ въ апатію до новой вспышки. Вѣдь это очень печальная національная черта. Если она, дѣйствительно, намъ присуща, такъ что-же прочнаго можемъ мы создать?

Книга С.: теорія уголовного права подпала опалѣ. Ее не дозволено печатать новымъ изданіемъ.....

Вчера странный случай: пріѣхалъ въ римско-католическую академію читать лекцію и узнаю отъ студентовъ, что ректоръ, епископъ Бересневичъ и инспекторъ Вожинскій внезапно смѣнены и ѣдутъ одинъ въ Ковно, а другой въ Вильно.

20. Воскресенье. Папа разрѣшился пренелѣпнымъ вселенскимъ посланіемъ. Даже вѣрніе католики негодуютъ. Онъ чуть не формальному проклятію предастъ вѣротерпимость и всякое свободное стремленіе ума къ знанію и истинѣ. Одна французская газета (France) справедливо замѣчаетъ, что даже въ средніе вѣка подобныя притязанія встрѣчали отпоръ и противодѣйствіе. Въ посланіи, между прочимъ, господствуетъ неприличнѣйшій главъ католическаго христіанства тонъ раздраженія.

21. Понедѣльникъ. Цѣлое утро почти до обѣда провозился, приводя въ порядокъ мои бумаги. Не управился даже съ малою частью—съ перепискою, которой едва половину успѣлъ разобрать. Выходитъ, что я переписывался рѣшительно почти со всѣми литераторами, многими изъ ученыхъ и со множествомъ всякихъ лицъ. Это такая масса — разумѣется, за много лѣтъ — что я затрудняюсь расположить ее въ порядкѣ. Уничтожать не хочется: тутъ много любопытнаго. Тѣмъ не менѣе, многое всетаки уничтожилъ, особенно изъ частной переписки. Не понимаю, какъ успѣвалъ я отвѣчать на всѣ эти письма. Если-же и не на всѣ отвѣчалъ, то все-же на большую часть. Есть записочки небольшія, но интересныя. Тутъ и психологія, а иногда и исторія времени.

Пріѣзжали ко мнѣ прощаться ректоръ католической академіи епископъ Бересневичъ и инспекторъ прелатъ Вожинскій. Разумѣется, нельзя было не коснуться причины внезапнаго ихъ увольненія и отъѣзда изъ столицы одного въ Ковно, а другаго въ Вильно. Причина по ихъ словамъ—интриги здѣшной ихъ-же духовной власти. Но по городу ходятъ слухи, что открыто существованіе какого-то общества или комитета, обще и польско-революціоннаго, котораго и святые отцы не чужды.

22. Вторникъ. Е. И. В. великій князь Константинъ Николаевичъ сдѣланъ предсѣдателемъ Государственнаго совѣта.

Головнинъ и Валуевъ въ тѣсномъ союзѣ. Послѣдній спѣшитъ всячески поправить послѣдствія своей прежней ссоры и, кажется, вполнѣ въ этомъ успѣлъ.

Однако, и Головнинъ дѣлаетъ нѣчто хорошее. Онъ, напримѣръ, окончательно добываетъ (?) авторитетъ орденовъ и чиновъ (?). Онъ столько надавалъ ихъ всѣмъ и каждому, что совсѣмъ подрываетъ ихъ значеніе. И впрямь, пора отучить чиновниковъ отъ этого рода тщеславія....

23 Среда. Неужели-же одною матеріальною силою мы будемъ притягивать къ себѣ нѣмцевъ, поляковъ, финновъ? „Московскія Вѣдомости“ во имя народности желаютъ сліянія съ Россіей всѣхъ этихъ иноплеменниковъ. Но развѣ этого возможно достигнуть посредствомъ одной матеріальной силы? А гдѣ-же наши умственные и нравственные преимущества, которыя одни въ состояніи дать намъ надъ ними перевѣсъ и втянуть ихъ въ насъ.

27. Воскресенье. У правительства множество враговъ и нельзя не согласиться, что значительную часть ихъ оно само создаетъ себѣ своими ошибками и своею слабостью. Бывъ диктатурою по положенію, оно лишено существеннѣйшаго свойства диктатуры—силы заставить себѣ повиноваться. Его всячески обходятъ и не слушаютъ, его порицаютъ и надъ нимъ смѣются не однѣ „Московскія Вѣдомости“: оно это видитъ, но ничего не дѣлаетъ ни для исправленія своихъ ошибокъ, возбуждающихъ подобныя вещи, ни для прегражденія имъ пути. Другіе враги зарождаются въ тинѣ революціонныхъ мечтаній и тенденцій—но эти, пожалуй, менѣе опасны.

Вотъ истекаетъ годъ. Каковъ мой внутренній міръ и каково мое вѣдѣніе? Ни о томъ, ни о другомъ я не могу сдѣлать ничего заслуживающаго вниманія. Правда, въ умѣ моемъ я находилъ довольно воспріимчивости и энергіи, но какъ-то мало было воли, чтобы ополчить его и двинуть на продолжительный и послѣдовательный трудъ. Особенно непроизводительно прошло лѣто. Мои воззрѣнія на вещи и людей не измѣнились: они такъ-же неутѣшительны и суровы, какъ и прежде. Съ самимъ собою я былъ часто не въ ладахъ. Однако, начало самообладанія и стремленіе къ достиженію высшаго нравственнаго достоинства меня не покидали. Въ этомъ отношеніи я еще полнъ юношескихъ идей и юношеской силы. Что-же мѣшало моему внутреннему успокоенію и душевному миру? То-же, что и всегда. Невозможность достигнуть того и сдѣлать все то, къ чему стремился и стремлюсь. Кромѣ того, я такъ-же мало оказывалъ сдержанности и мужества посреди тѣхъ противорѣчій, какія безпрестанно возникаютъ изъ нашихъ сношеній съ людьми. Словомъ, въ дѣйствительномъ самоусовершенствованіи я мало сдѣлалъ успѣховъ. Вѣдѣніе мое очень неблистательно... А здоровье? Оно стоитъ на одной точкѣ; по крайней мѣрѣ, не хуже. Пароксизмы смѣняются своимъ чередомъ почти періодически, но вообще я чувствую въ себѣ довольно энергіи.

28. Понедѣльникъ. Муравьева, говорятъ, спросили: какіе нынѣ изъ полявовъ вѣренной ему территоріи менѣе опасны?

— „Тѣ, которые повѣшены“, отвѣчалъ онъ, — „а потомъ, тѣ которые сосланы“.

Какъ скоро перестаешь заниматься опредѣленнымъ полезнымъ трудомъ, такъ и становится скверно. Право-же, человѣкъ не можетъ жить безъ иллюзіи, что онъ что-нибудь значить, что-нибудь знаетъ и что-нибудь дѣлаетъ.

Есть вещи, которыя надобно дѣлать, хотя-бы по одному тому, чтобы сдѣлать не такъ, какъ хочется, а какъ должно.

Что за лицемѣры и лжецы, Господи Боже мой, эти люди, будто-бы несущіе истины — эти провозвѣстники науки, а въ сущности ремесленники, добыватели денегъ и искатели фортуны!

Актъ въ академіи наукъ—какъ всѣ акты. Нынѣшній про-

должался три часа съ четвертью. Обзоръніе дѣйствій академіи и заслугъ ея хорошо составлено и хорошо изложено Веселовскимъ. Но всетаки утомительно было слушать его часъ съ четвертью. Зато Савичъ читалъ рѣшительно невыносимо о заслугахъ умершаго въ нынѣшнемъ году Струве. Такъ читаютъ только дьячки псалтирь по умершимъ.

31. Четвергъ. Конецъ 1864-му году.

А. В. Никитенко.

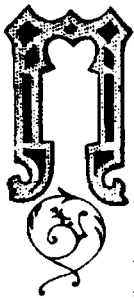
[Продолженіе слѣдуетъ].

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

Къ его біографіи.

1847 г.

Ника не существуетъ полной, обстоятельной, шагъ за шагомъ прослѣженной біографіи Шевченко, всякое сообщеніе о немъ имѣетъ значеніе какъ подготовительный матеріалъ для будущаго біографа, который пожелаетъ заняться изученіемъ жизни знаменитаго украинскаго поэта съ возможною тщательностью и всесторонностью. Вотъ почему я рѣшаюсь въ предлагаемой замѣткѣ сообщить много разъ слышанные рассказы моего покойнаго дяди, землемѣра Д. П. Демича ¹⁾ о его знакомствѣ съ Т. Г. Шевченко.

Дядя мой, уроженецъ Черниговской губерніи, принадлежалъ къ числу искреннихъ поклонниковъ малорусскаго поэта и сохранилъ о немъ до самой смерти живое, пріятное воспоминаніе. Знакомство дяди съ Шевченко относится къ началу 1847 года, незадолго до ареста поэта. Въ это время дядя, едва перешагнувшій двадцатилѣтній возрастъ, въ качествѣ частнаго землемѣра, занимался съѣмкою земель помѣщика князя Н. Кекуатова, въ селѣ Бѣгачѣ Черниговскаго уѣзда, и проживалъ во флигелѣ, въ которомъ помѣщались служащіе при княжеской „экономіи“, въ числѣ которыхъ временно находился также „художникъ“ Т. Г. Шевченко, приглашенный рисовать портретъ молодой красавицы-княгини. Дядя не помнилъ, когда именно Шевченко пріѣхалъ въ с. Бѣгачъ и какъ долго онъ тамъ оставался. Фактически вѣрно лишь то, что въ концѣ марта 1847 г. поэтъ еще былъ въ Бѣгачѣ; дядя до могилы хранилъ, какъ святыню, полученный отъ кн. Кекуатова „Аттестатъ“ отъ 26-го

¹⁾ Скончался, 67-ми лѣтъ отъ роду, въ 1891-мъ году.

марта 1847 г., на которомъ, вслѣдъ за подписью князя, слѣдуетъ: „Что дѣйствительно на семь аттестатѣ подпись собственноручная помѣщика князя Кекуатова, въ томъ свидѣтельствуемъ: Художникъ Т. Шевченко. Вольнопрактикующій медикъ Ѳедоръ Рагоза“. Съ другой стороны, извѣстно, что Шевченко 1-го февраля 1847 г. писалъ Костомарову изъ г. Борзны (Черниг. губ.). Письмо это, не дошедшее по назначенію, появилось въ 1875 г. на страницахъ „Русской Старины“ (кн. 5) съ примѣчаніемъ Костомарова, что оно было написано за два мѣсяца до катастрофы, т. е. ареста и ссылки поэта. М. К. Чалый, совершенно не упоминающій о пребываніи Шевченко въ с. Бѣгачѣ, приводитъ сообщеніе Костомарова, что онъ былъ арестованъ 31-го марта 1847 г., а „черезъ нѣсколько дней“ былъ задержанъ Шевченко на днѣпровскомъ паромѣ при возвращеніи изъ Чернигова въ Кіевъ¹⁾. Изъ приведенныхъ указаній слѣдуетъ, что Шевченко могъ проживать у кн. Кекуатова приблизительно въ двухъ мѣсячный періодъ времени—съ первыхъ чиселъ февраля до начала апрѣля 1847 года.

Не смотря на такой короткій срокъ, поэтъ успѣлъ приобрести расположеніе къ себѣ всего двороваго и служилаго люда.

Одѣтъ онъ былъ, по словамъ дяди, плохо, можно сказать, небрежно; скудные пожитки его помѣщались въ маленькомъ, ветхомъ чемоданчикѣ; но за то этотъ удивительный человекъ обладалъ другими богатствами—умомъ и сильною любовью къ трудящемуся народу. Каждый вечеръ, послѣ дневныхъ работъ, вокругъ поэта собирались всѣ служащіе княжеской „экономіи“. Шевченко что-нибудь читалъ, или рассказывалъ и при томъ такъ интересно, что всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ. Иногда рассказы поэта, всегда съ виду серьезнаго, отличались такимъ живымъ юморомъ, что слушатели, старые и молодые, „животы рвали со смѣху, а самъ Шевченко, бывало, бровью не моргнетъ“. Привѣтливый и словоохотливый съ простыми тружениками, Тарасъ Григорьевичъ замѣтно не любилъ оставаться долго среди „господъ“ и избѣгалъ княжескихъ хоромъ, хотя его туда часто приглашали, тѣмъ болѣе, что къ князю пріѣзжали сосѣдніе помѣщики съ желаніемъ посмотрѣть, какъ на диковинку, на знаменитаго въ то время Кобзаря. Кромѣ „Аттестата“ съ автографомъ поэта, у дяди имѣлась небольшая двухсторонняя иконка, нарисованная Шевченко „съ удивительною быстротою“: съ одной

¹⁾ Жизнь и произведенія Т. Шевченко. Сост. М. К. Чалый, Кіевъ. 1882 г., стр. 62.

стороны на металлической дощечкѣ нарисованъ Спаситель, благословляющій хлѣбъ, съ другой—патронъ дяди—Димитрій. До какой степени дядя дорожилъ этою иконкою, видно изъ того, что ея старикъ благословилъ на смертномъ одрѣ свою единственную дочь...

Помнилъ также дядя, что Шевченко пилъ водку почти стаканами; на столѣ, у кровати его, обыкновенно стоялъ графинъ водки; лишь выпивъ ея, поэтъ засыпалъ. Впрочемъ, пьянымъ его не приходилось видѣть.

Одно казалось мнѣ неточнымъ въ разсказахъ дяди: старикъ настойчиво утверждалъ, будто бы Шевченко арестовали въ с. Бѣгачѣ, во время одной изъ описанныхъ выше бесѣдъ поэта съ дворовыми: въ многолюдную комнату вошли жандармы и спросили: „кто здѣсь Шевченко?“ Тотъ взглянулъ на нихъ, пробормоталъ: „эге, понимаю!“ и спокойно вышелъ изъ комнаты. Мы говорили раньше, что, по свидѣтельству Костомарова, Шевченко былъ арестованъ въ началѣ апрѣля 1847 года на днѣпровскомъ паромѣ, при возвращеніи поэта изъ Чернигова въ Кіевъ, о чемъ самъ поэтъ впоследствии такъ писалъ одному другу: „тільки що ступивъ на дніпровскій байдакъ, то зо мною таке трапилось... Мене риштовали, та посадивши съ кимъ слідъ на возокъ, привезли ажъ у самый Петербургъ“. (Чалый, стр. 62). Итакъ разсказъ дяди объ арестѣ поэта не согласуется съ другими данными. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что импровизированная аудиторія въ с. Бѣгачѣ представляетъ намъ послѣднихъ знакомыхъ и почитателей Шевченко въ Черниговской губерніи, непосредственно передъ арестомъ и ссылкой его. Съ однимъ изъ бѣгачскихъ друзей (фамиліи не помню) поэтъ переписывался изъ Оренбурга. Дядя самъ видѣлъ письмо Шевченко изъ ссылки, въ началѣ котораго находилась такая картинка: перомъ былъ набросанъ портретъ поэта, въ „салдацкой мундирѣ“, съ ружьемъ на плечѣ и съ поднятою для маршировки ногою. Подъ картинкою краткая, но выразительная подпись:

„Ось як тепер Шевченко!“

Вотъ главнѣйшія черты воспоминаній моего дяди о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченко.

В. О. Демичъ,
докторъ медицины.

ТАРАСЪ ШЕВЧЕНКО ВЪ ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ.

Къ тридцатилѣтней годовщинѣ смерти поэта.

1861 † февраля 26 - 1891.

I.

Въ февралѣ настоящаго года исполнится ровно 30 лѣтъ со дня смерти — 26-го февраля 1861 года въ С.-Петербургѣ—симпатичнѣйшаго малороссійскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я позволю себѣ познакомить съ имѣющимся въ моемъ распоряженіи весьма интереснымъ матеріаломъ — официальной перепиской, касающейся прибытія въ Ново-Петровское управленіе, въ качествѣ рядоваго, и увольненія отъ службы поэта. Переписка эта найдена мною въ г. Асхабадѣ, въ архивѣ штаба войскъ Закаспійской области, куда попала въ числѣ архивныхъ дѣлъ, перевезенныхъ изъ форта Александровскаго, и любезно мнѣ предоставлена начальникомъ штаба Закаспійской области, генералъ-маіоромъ Ѳедоровымъ, которому спѣшу выразить за это глубочайшую благодарность.

Прежде нежели приступить къ рассмотрѣнію официальной переписки, необходимо дать общій краткій очеркъ той ужасной мѣстности, гдѣ пришлось поэту прожить почти семь лѣтъ въ качествѣ невольнаго защитника своего отечества.

Мангишлакскій уѣздъ, одинъ изъ пяти уѣздовъ, составляющихъ нынѣ Закаспійскую область, расположенъ на восточномъ берегу

Каспійскаго моря, между 43° и 46° с. ш. и 67°—73° в. д., занимая площадь приблизительно около 350 тысячъ кв. верстъ, бѣльшая часть которой расположена на Мангишлякскомъ полуостровѣ Каспійскаго моря. Границы уѣзда составляютъ: съ востока—Айбугирскій заливъ, съ юга—Красноводскій уѣздъ (Карабугазскій заливъ и половина пролива), съ запада—Каспійское море и съ сѣвера принято считать урочище Самъ. На этомъ громадномъ пространствѣ земли проживаютъ въ мирномъ уединеніи отъ глѣтворнаго запада кочевники киргизы и небольшая часть туркменъ; общее число какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ январю 1890 г. было 36,832 человекъ (19,090 мужчинъ и 19,712 женщинъ), живущихъ въ 10,160 войлочныхъ кибиткахъ. Пришлое населеніе уѣзда въ настоящее время состоитъ изъ жителей главнаго и единственнаго административнаго пункта уѣзда—форта Александровскаго, Николаевскаго поселенія, въ 3¼ верстахъ отъ форта на берегу Тюдь-Тараганской бухты, армянской слободы, возлѣ самаго форта Александровскаго, и рыбопромышленниковъ на островѣ Жиломъ. Количество пришлаго населенія къ 1-му января 1890 г. было 1,046 человекъ обоого пола, изъ коихъ въ фортѣ Александровскомъ 189 мужчинъ и 13 женщинъ, исключительно военнослужащіе и ихъ жены. Остальное пришлое населеніе занимается преимущественно рыболовствомъ и тюленьимъ промысломъ, туземное—исключительно скотоводствомъ и только въ горахъ Кара-Тау и Акъ-Тау до 200 десятинъ засѣвается изъ году въ годъ туркменами и киргизами пшеницею и подъ бахчи (огороды); другаго или въ бѣльшихъ размѣрахъ земледѣлія въ уѣздѣ не существуетъ. Не красна жизнь въ такихъ мѣстахъ ни для туземнаго, ни для пришлаго населенія, и можно себѣ представить, что долженъ былъ испытывать нашъ поэтъ, заброшенный изъ милаго, теплаго, цвѣтущаго малороссійскаго юга на дальнюю, бесплодную, песчано-каменистую пустыню востока...

До 1869 г. Мангишлякскій полуостровъ входилъ въ составъ Оренбургскаго генераль-губернаторства, при чемъ войска, стоявшія на полуостровѣ, входили въ составъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса; съ основаніемъ въ 1869 г. Красноводска, нынѣшній Мангишлякскій уѣздъ вошелъ въ составъ Красноводскаго военнаго отдѣла, а послѣ взятія въ 1881 г. крѣпости Геокъ-Тепе и послѣдовавшаго въ слѣдующемъ году высочайшаго утвержденія временныхъ правилъ объ управленіи Закаспійскимъ краемъ, составилъ самостоятельную единицу новой области—мангишлякское приставство, при чемъ въ военномъ и административномъ отношеніяхъ, какъ и вся Закаспійская область, былъ подчиненъ главноначальствующему

Кавказа. Наконецъ, въ прошломъ 1890 году, послѣ отдѣленія Закаспійскаго края отъ Кавказа и образованія самостоятельной Закаспійской области, фортъ Александровскій сдѣлался уѣзднымъ городомъ Мангишлакскаго уѣзда.

До 1857 года, т. е. до времени отъѣзда поэта Шевченко изъ форта Александровскаго, послѣдній носилъ названіе Ново-Петровскаго укрѣпленія, почему во всѣхъ бумагахъ, касающихся ссылки поэта на Мангишлакскій полуостровъ, мѣстопребываніе его значится въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, что равнозначуще форту Александровскому. Исторія возникновенія этого города такова:

Генералъ Перовскій, назначенный правителемъ Оренбургскаго края въ 1833 г., для умиротворенія киргизовъ, прибѣгъ къ двумъ мѣрамъ: первая заключалась въ постройкѣ укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ, вторая—въ устройствѣ новой линіи. Укрѣпленіе на Каспійскомъ морѣ было сооружено въ слѣдующемъ 1834 году; построено оно было въ заливѣ Кайдакъ (въ Мертвомъ Култукѣ) и названо Ново-Александровскимъ. Къ сожалѣнію, оно желаемой пользы не принесло. Построено оно было на нездоровой мѣстности, вслѣдствіе чего въ гарнизонѣ развилась страшная болѣзненность и смертность. Тогда въ 1846 году укрѣпленіе это было перенесено на полуостровъ Мангишлакъ, на мѣстность болѣе здоровую и гдѣ оно лучше могло обезпечивать наше рыболовство и торговлю на Каспій. Перенесенное укрѣпленіе названо Ново-Петровскимъ, вслѣдствіе того, что было расположено тамъ, гдѣ въ 1717 году существовало укрѣпленіе, заложенное Бековичемъ-Черкасскимъ. Въ 1857 г. укрѣпленіе это переименовано въ фортъ Александровскій ¹⁾. Сюда-то и былъ сосланъ нашъ поэтъ. До сихъ поръ, въ жалкомъ подобіи, единственномъ на всемъ полуостровѣ, городскаго сада форта, носящаго названіе „сада Шевченки“, можно видѣть нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ руками поэта. Возлѣ деревьевъ, вѣроятно, укрывался отъ лучей полутропическаго солнца Закаспія, вырылъ небольшую, въ квадратную сажень внутренняго объема, земляночку, на аршинъ углубленную въ землю и не болѣе полутора аршина выходящую надъ поверхностью, съ земляною крышею. Небольшой диванъ, безъ спинки, покрытый выцвѣтшею шерстяною матеріею, столикъ и маленькое зеркальце, въ оправѣ краснаго дерева, составляютъ убранство „домика Шевченко“, въ которомъ короталъ поэтъ тяжелые дни

¹⁾ Мейеръ. „Киргизская стѣня оренбургскаго вѣдомства“, стр. 43—45. 49—51, 66—67.

ссылки, одиночества, рисуя въ своемъ поэтическомъ воображеніи, что онъ

...Неначе надъ Дниромъ широкымъ,
 Въ гаю, предичному, гаю,
 Поставлю хаточку, садочекъ,
 Кругомъ хатыны насажу;
 Прилгнешь ты у холодочекъ,
 Тебе, мовъ краю, посажу!
 Днипро, Украинну згадаемъ,
 Весылы селища въ галяхъ,
 Могилы горы на степахъ —
 И веселенько заспиваемъ...“

(Послѣднее предсмертное стихотвореніе Шевченко, 14-го (26-го) февраля 1861 г., въ С.-Петербурѣ ¹⁾).

Теперь „домикъ Шевченко“ служить дамской уборной при лѣтнемъ помѣщеніи клуба.

Познакомившись вкратцѣ съ мѣстностью ссылки поэта, перейдемъ къ описанію имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, могущихъ, быть можетъ, послужить матеріаломъ для біографовъ несчастнаго поэта.

II.

20-го октября 1850 г. комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, подполковникъ Маевскій, донесъ командиру линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона, господину маіору и кавалеру Михайлову ²⁾, что „Въ слѣдствіе рапорта капитана Коржова, отъ 8 числа

¹⁾ До сихъ поръ старожилы Александровскаго форта, какъ напр. армяне-торговцы Азанкуловъ, Никита Франгуловъ, помнятъ пребываніе тамъ Шевченко. Въ особенности много интереснаго о поэтѣ знаетъ старушка Васильева, снхъ которой (нынѣ, къ сожалѣнію, покойный), будучи въ то время писаремъ комендантскаго управленія, былъ особенно друженъ съ поэтомъ и даже служилъ какъ-бы передаточной станціей въ перепискѣ Шевченко съ друзьями. Между прочимъ, у Васильева была нарисованная самимъ поэтомъ картинка, съ изображеніемъ Шевченко, въ солдатскомъ мундирѣ, подвергаемому наказанію розгами, съ подписью подъ картинкою: „И таке бувало“. Бывшій пачальникъ Закаспійской области имѣеть подаренный Васильевой образокъ Богоматери, вырѣзанный руками поэта на кости.

²⁾ „Дѣло № 69, комендантскаго управленія Ново-Петровскаго укрѣпленія. О прибытіи въ укрѣпленіе изъ города Уральска рядоваго линейнаго оренбургскаго № 1 баталіона Тараса Шевченко, отданнаго въ военную службу изъ политическихъ преступниковъ. Началось 17 октября 1850 года“.

А. И Родзевичъ.

октября за № 2,492, рядовой Тарасъ Шевченко, за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова, во вѣренное мнѣ укрѣплѣніе прибылъ 17 числа сего мѣсяца, и помянутый унтеръ-офицеръ, по случаю закрытія навигаціи, остался на службѣ сдѣсь въ состоящихъ двухъ ротахъ“. Почему прибылъ Шевченко въ Ново-Петровское укрѣплѣніе, можно видѣть изъ рапорта „за отсутствіемъ командира линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1 капитана Коржова, отъ 8 октября 1850 г. № 2,492“, на имя майора Маевского, въ которомъ сообщалось, „что по распоряженію его высокопревосходительства господина корпуснаго командира (отдѣльнаго оренбургскаго корпуса) и кавалера, рядовой изъ политическихъ преступниковъ, Тарасъ Шевченко, переведенный за преступленіе изъ 5-го въ завѣдываемый мною батальонъ, съ отправленіемъ въ двѣ роты, въ Ново-Петровскомъ укрѣплѣніи расположенныя, и съ зачисленіемъ его въ 4-ю роту, подъ надзоръ ротнаго командира штабсъ-капитана Потапова;— съ симъ вмѣстѣ, за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова Изъ Уральска отправленъ. Съ тѣмъ чтобы, какъ предписано Господиномъ Корпуснымъ Командиромъ. Непременно былъ онъ отправленъ въ Укрѣплѣніе нынѣшнюю навигаціею; О чемъ сообщено Г. Начальнику Гурьева-Городка. И съ симъ-же вмѣстѣ къ Г. Штабсъ-Капитану Потапову Нарядоваго этого препровождены и подлежащія письменныя свѣдѣнія“.

Высланный такимъ образомъ изъ г. Уральска, Тарасъ Шевченко, къ 14 октября 1850 г. прибылъ въ Гурьевъ-городокъ и въ тотъ-же день на лодкѣ былъ отправленъ вдоль берега Каспійскаго моря и 17 октября былъ уже на мѣстѣ своего новаго служенія. Обстоятельство это подтверждается рапортомъ начальника Гурьева города, отъ 14 октября 1850 года, за № 1395, есаула Назарова, къ коменданту Ново-Петровскаго укрѣплѣнія; въ рапортѣ сообщалось, что „Доставленный при отношеніи командира линейнаго оренбургскаго баталіона № 1, отъ 8 октября, № 2490, рядовой изъ политическихъ преступниковъ, Тарасъ Шевченко при семъ къ Вашему Высокоблагородію на почтовой лодкѣ подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова, имѣю честь препроводить“.

Доставившій въ Ново-Петровское укрѣплѣніе политическую кладь, въ лицѣ малорусскаго поэта, унтеръ-офицеръ Булатовъ, только съ открытіемъ навигаціи въ слѣдующемъ году, былъ отправленъ, 29 марта 1851 года, обратно въ г. Уральскъ.

Болѣе точныя и самыя интересныя данныя о переводѣ въ Ново-Петровское укрѣплѣніе Тараса Шевченко содержатся въ дѣлѣ за № 88, начатомъ 5 января 1854 года и оконченномъ 16 апрѣля

того же года. Дѣло это озаглавлено: „О доставленіи изъ Оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона формулярнаго списка о службѣ рядоваго Тараса Шевченко, и объ исходатайствованіи разрѣшенія у Господина Начальника Штаба Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса относительно рисованія масляными красками запрестольнаго Образа рядовымъ Шевченко на свой счетъ“.

Изъ дѣла этого прежде всего видно, что „недреманное око“, въ лицѣ ротнаго и баталіоннаго начальства, неуконительно слѣдило за постоиъ-рядовымъ, такъ въ предписаніи, отъ 5 генваря 1854 г., № 42, коменданта Ново-Петровскаго укрѣпленія маіора Ускова (смѣнившаго маіора Маевскаго), къ ротному командиру поэта, штабсъ-капитану Косареву (взамѣнъ ш.-к. Потапова) сказано: „предлагаю Вашему Благородію доставить ко мнѣ формулярный списокъ о службѣ рядоваго завѣдываемыхъ Вами ротъ, Тараса Шевченко, и донести мнѣ, какъ ведетъ себя означенный Шевченко во все продолженіе времени нахожденія своего въ Ново-Петровскѣ и не замѣчено-ли Вами за нимъ какихъ предосудительныхъ поступковъ“.

На запросъ этотъ ротный командиръ Косаревъ, 7 января того же года за № 16, отвѣтилъ, что, „рядовой, состоящій на службѣ въ завѣдываемыхъ мною двухъ ротахъ № 4, Тарасъ Шевченко, во все время нахожденія сдѣсь въ укрѣпленіи, въ поведеніи велъ себя хорошо и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ мною замѣченъ небылъ. А формулярнаго Списка на него сдѣсь не имѣется, о высылкѣ коего я просилъ Г. Батальоннаго Командира рапортами въ прошломъ 1853 году, 24 іюня за № 391 и 8 іюля за № 470“. Наконецъ, на посланное 9 января 1854 года за № 102 требованіе маіора Ускова, отъ командира линейнаго оренбургскаго баталіона № 1-го, при отношеніи за № 381 отъ 24 февраля 1854 года изъ г. Уральска, былъ полученъ 21 апрѣля того же года требуемый формулярный списокъ, при чемъ сообщалось, „что таковой же списокъ на Шевченко отосланъ и въ корпусный штабъ при рапортѣ моемъ отъ 18 сего мѣсяца (февраля 1854 г.) за № 357, согласно предписанію онаго штаба отъ 15 февраля за № 761“.

Къ сожалѣнію, изъ всей этой переписки ничего не видно зачѣмъ понадобился формулярный списокъ поэта, тѣмъ не менѣе довольно странно, что въ теченіи болѣе трехъ лѣтъ рядовой Шевченко находился на службѣ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, въ полной неизвѣстности начальства за что присланъ и даже кто онъ, ибо безъ формуляра, этого единственнаго представителя солдатскихъ документовъ, трудно опредѣлить личность служащаго. Вотъ этотъ формуляръ, онъ впервые появляется въ печати.

„Формулярный списокъ о службѣ линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1-го рядоваго Тараса Шевченко. Февраля 24 дня 1854 года.

„Рядовой Тарасъ Андреевъ ¹⁾ сынъ Шевченко, православнаго исповѣданія.—Отъ роду 39 лѣтъ.—Росту 2 аршина 5 вершковъ. Лицо чистое, волосы на головѣ и бровяхъ темнорусые, глаза темносѣрые, носъ обыкновенный.—Бывшій художникъ С.-Петербургской академіи художествъ, а происхожденія коего по неполученіи полныхъ свѣдѣній неизвѣстно. По Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія въ службу поступилъ рядовымъ 23 іюня 1847 года въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5, изъ онаго переведенъ въ сей баталіонъ 8 октября 1850 года.—Во время службы своей въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля не былъ.—Грамотѣ читать и писать умѣетъ.—Въ домовыхъ отпускахъ не былъ.—По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ предписаніи господина командовавшаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ къ г. командиру 23 пѣхотной дивизіи отъ 10 іюня 1847 года за № 25, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ опредѣленъ на службу въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшей надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.—Холостъ.—Состоитъ въ комплектѣ.

„Первоначально рядовой Шевченко, въ 1847-мъ году, былъ опредѣленъ въ линейный Оренбургскій № 5 баталіонъ, какъ изъяснено въ предписаніи г. командира 1-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи отъ 28 сентября 1850 года за № 19; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1850 года найдены у него нѣкоторыя партикулярныя носебныя вѣщи, въ которыхъ онъ иногда ходилъ, а также письма отъ разныхъ лицъ и два альбома съ малороссійскими пѣснями и рисунками, сдѣланными карандашемъ. О чемъ г. корпуснымъ командиромъ въ то же время было донесено г. военному министру и онъ, Шевченко, отправленъ изъ Раимскаго (нынѣ Аральскаго) укрѣпленія къ баталіону № 5-го въ крѣпость Орскую, съ тѣмъ чтобы за нимъ со стороны начальства былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ.

„Дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества отъ 8 іюня 1850 года за № 1526, увѣдомилъ его высокопревосходительство, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу представленія его, и содержанія представленныхъ при

¹⁾ Видимо ошибочно названъ Андреевъ, ибо отецъ его былъ Григорій.

ономъ бумагъ, отобранныхъ отъ рядоваго Шевченко, Высочайше повелѣть соизволяя: его, Шевченко, не исполнившаго воспрещенія писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту, содержать подъ онымъ до изслѣдованія виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ.

По произведенному изслѣдованію открыто, что изъ числа найденныхъ у него, Шевченко, писемъ, часть была получена имъ во время нахождения его на службѣ въ баталіонѣ № 5, съ 23 іюня 1847 года по 1 мая 1848 года, черезъ Орскую почтовую станцію, стихи и пѣсни въ двухъ альбомахъ на малороссійскомъ нарѣчійи не его сочиненія, и записаны имъ только какъ пѣсни народныя, во время бытности его въ 1846 году въ Кіевской, Каменецъ-Подольской и Волынской губерніяхъ, которыя были на разсмотрѣніи въ 3 отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и ему возвращены; рисунки, найденные въ тѣхъ альбомахъ, сдѣланы частію въ Малороссіи въ 1846 году и нѣсколько въ 1849 году въ бытность его на Аральскомъ морѣ, по приказанію капитанъ-лейтенанта Бутакова, какъ воды, гидрографическія копіи которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря; относительно переписки съ разными лицами, рядовой Шевченко на допросахъ показалъ, что о письмахъ этихъ онъ не заявлялъ начальству потому, что подъ словомъ запрещеніе писать онъ разумѣлъ сочиненія или разсужденія недозволительныя законами и что во всѣхъ его письмахъ не содержится ни одного выраженія, подлежащаго сомнѣнію въ нарушеніи Высочайшей воли, которая со дня объявленія ему конфирмаціи сохраняется имъ свято.

По разсмотрѣніи г. корпуснымъ командиромъ слѣдственнаго дѣла его высокопревосх—мъ было донесено г. военному министру съ подробнымъ объясненіемъ все, что открыто. Въ слѣдствіе чего дежурный генералъ главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 9-го августа за № 747-мъ, увѣдомилъ, что г. военный министр, усматривая изъ отзыва его высокопревосходительства, что какъ по произведенному слѣдствію ничего новаго къ обвиненію рядоваго Шевченко не обнаружено, то во исполненіе высочайшей воли вмѣнить ему, Шевченко, въ наказаніе содержаніе въ гоубтвахтѣ, освободивъ изъ подареста, строго внушить ему, чтобы онъ ниподъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать высочайшаго повеленія, коимъ ему воспрещено писать и рисовать, и перевести его изъ 5-го въ другой отдаленный оренбургскій баталіонъ, съ тѣмъ чтобы ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ помянутаго высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе, почему и переведенъ въ двѣ

роты сего баталіона въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Подлинный подписалъ командиръ баталіона маіоръ Львовъ и баталіонный адъютантъ подпоручикъ Шлиттеръ“.

Вышеприведенный послужной списокъ поэта, орография котораго, какъ и всѣхъ остальныхъ документовъ, сохраняется вполнѣ, даетъ ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ Шевченко попалъ въ Закаспійскій край. Далѣе тотъ-же оффіціальныи документъ подтверждаетъ ранѣе извѣстный фактъ объ участіи поэта въ экспедиціи для изслѣдованія Аральскаго моря, подъ начальствомъ капитана-лейтенанта Бутакова, о чемъ вскользь упоминается въ біографіи поэта, помѣщенной въ Прагскомъ изданіи 1876 года „Кобзаря“. Наконецъ, насколько важенъ былъ этотъ документъ — послужной списокъ — ближайшему непосредственному начальству Шевченко и, конечно, не нуженъ самому поэту, видно изъ того, что за полтора мѣсяца до его полученія комендантъ Усковъ въ рапортѣ, отъ 7 января 1854 года за № 50, писалъ къ начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, что „находившійся (?) здѣсь при двухъ ротахъ на службѣ рядовой оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ для благоленія церкви ввѣреннаго мнѣ укрѣпленія нарисовать масляными красками запрестольный образъ на свой счетъ. Зная, что рядовой Шевченко былъ прежде художникомъ с.-петербургской академіи художествъ, почему можетъ нарисовать образъ хорошей живописи, и желая способствовать къ украшенію храма, — я осмѣливаюсь почтительнѣйше представить сіе на милостивое усмотреніе вашего превосходительства и всекорнѣйше просить разрѣшенія. При этомъ имѣю честь доложить, что рядовой Шевченко, по отзыву завѣдывающаго здѣсь двумя ротами штабъ-капитана Косарева, въ продолженіе четырехлѣтняго своего пребыванія въ укрѣпленіи ведетъ себя хорошо и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣченъ“.

Не смотря на такую просьбу начальства поэта, начальникъ штаба генераль-маіоръ Фонтанъ-де-Верройонъ, 16 апрѣля 1854 г. за № 2513, изъ г. Оренбурга увѣдомилъ маіора Ускова, что „по докладу господину корпусному командиру рапорта вашего отъ 7-го января текущаго года № 50 его высокопрев—ство не изволилъ изъявить согласія на дозволеніе рядовому оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона Тарасу Шевченко нарисовать запрестольный образъ для церкви ввѣреннаго вамъ укрѣпленія. Объ этомъ имѣю честь увѣдомить васъ, г. маіоръ, къ подлежащему свѣденію“.

Не получивъ разрѣшенія нарисовать запрестольный образъ для Ново-петровской церкви, Шевченко ровно черезъ годъ снова обра-

щается съ просьбой заполучить изъ канцеляріи попечителя кievскаго учебнаго округа свой аттестатъ на званіе свободнаго художника ¹⁾, но въ этомъ получаетъ отказъ. Такъ, маіоръ Усковъ, 7-го января 1855 года за № 54, писалъ въ канцелярію попечителя кievскаго учебнаго округа, что „находящійся на службѣ въ вѣренномъ мнѣ укрѣпленіи оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что выданный ему отъ императорской академіи художествъ на званіе свободнаго художника аттестатъ былъ имъ поданъ при прошеніи въ 1846 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, объ опредѣленіи его учителемъ въ университетъ святаго Владиміра. Нынѣ Шевченко, желая имѣть аттестатъ при себѣ, проситъ выслать оный къ мѣсту его служенія“.

Въ отвѣтъ на это управленіе кievскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора, по кievскому учебному округу марта 1855 года № 1324, увѣдомило маіора Ускова, что „..... для передачи сего аттестата ему (Шевченко) канцелярія попечителя кievскаго учебнаго округа имѣетъ честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что по силѣ существующихъ законовъ она не считаетъ себя въ правѣ исполнить вышеизложенное требованіе ваше, присовокупляя къ тому, что въ случаѣ дѣйствительной и законной въ томъ аттестатѣ надобности благоволите, ваше высокородіе, съ требованіемъ по сему предмету обратиться по начальству. За правителя канцеляріи, коллежскій ассесоръ А. Кульжинскій, помощникъ столоначальника Сосновскій“.

Я не знаю, получилъ-ли впоследствии свой аттестатъ поэтъ, но обращаю на это вниманіе біографовъ Шевченко, что, быть можетъ, въ архивныхъ дѣлахъ канцеляріи попечителя кievскаго учебнаго округа возможно найти этотъ аттестатъ.

¹⁾ Дѣло № 95, начатое 7 января 1855 и кончено въ мартѣ 1855 года о „высылкѣ изъ канцеляріи попечителя кievскаго учебнаго округа аттестата, бывше выданнаго на званіе свободнаго художника изъ императорской академіи художествъ рядовому линейнаго оренбургскаго № 1-го баталіона Тарасу Шевченкѣ“.

III.

Последнее дѣло, найденное мною въ архивѣ штаба закаспійской области, значущееся подъ № 112 „и начатое 29 іюля 1857 года, озаглавлено: „объ отправленіи рядоваго оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона Тараса Шевченко къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ“. Переписка, касающаяся освобожденія поэта отъ поневольной военной службы, показываетъ, что и здѣсь не повезло ему и пришлось испытать цѣлый рядъ мытарствъ, прежде нежели Шевченко достигъ непривѣтливой приневской столицы, гдѣ, черезъ 3¹/₂ года, покончилъ всѣ счеты съ неулыбавшеюся для себя жизнью. Но изъ этой-же переписки возможно заключить, что тяжелые дни ссыльнаго одиночества, вдали отъ „Вираини милій“, въ голыхъ песчаныхъ и каменистыхъ закаспійскихъ степяхъ Мангышлака, гдѣ вѣчно дующій сѣверный вѣтеръ раздражаетъ и приводитъ въ болѣзненное состояніе всю нервную систему, гдѣ полутропическая жара нерѣдко приводитъ къ близкому помѣшательству, а зимнія, снѣжныя стужи, при полной неприспособленности квартиръ, подвергаютъ организмъ всякаго рода простуднымъ заболѣваніямъ, въ такихъ, говорю я, мѣстахъ Дантова ада, на вратахъ котораго красуется надпись: „здѣсь оставь надежду навсегда“, пришлось прожить поэту болѣе шести лѣтъ, къ счастью для него—не одному.

Такъ въ рапортѣ ротнаго Тараса Шевченко командира, капитана Косарева, отъ 29 іюля 1857 года № 535, говорится, что „завѣдывающій 1-мъ баталіономъ господинъ подполковникъ Михальскій, предписаніемъ отъ 26-го числа минувшаго іюня за № 1651, далъ мнѣ знать, что завѣдываемыхъ мною двухъ ротъ унтеръ-офицеры Александръ Хрибчинскій, Эразмъ Ольшевскій, Феликсъ Феолковскій, рядовые Станиславъ Домерацкій и Тарасъ Шевченко, по высочайшему повелѣнію, уволены отъ службы, которыхъ я предписываетъ отправить къ баталіонному штабу въ городъ Уральскъ съ выключкою изъ списочнаго состоянія. О чемъ вашему высокоблагородію имѣю честь донести и покорнѣйше просить не оставить вашимъ распоряженіемъ приказать кому слѣдуетъ, когда будитъ отправляться изъ вѣршеннаго вамъ укрѣпленія почтовая лодка, принять на оную и отправить черезъ начальника Гурьева городка къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ, провіантомъ же и морскою провизіею на путь моря имѣютъ быть удовлетворены они на семь дней“.

Такъ какъ въ первоначальномъ сообщеніи объ увольненіи по

высочайшему повелѣнію, четырехъ политическихъ преступниковъ поляковъ и Тараса Шевченко ничего не говорилось объ ограниченіи мѣстожительства уволеннымъ рядовымъ, то нашъ поэтъ пожелалъ избѣжать излишней формальности—являться въ баталіонный штабъ въ г. Уральскъ,—а пожелалъ прямо отправиться въ гор. С.-Петербургъ. Этому желанію вполне сочувствовалъ комендантъ Ново-петровскаго укрѣпленія майоръ Усковъ, что видно изъ его отношеній, одно отъ 1 августа 1857 года за № 1405 на имя ротнаго поэта командира, капитана Косарева, а другое отъ того-же числа за № 1406 на имя командира оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона. Въ обѣихъ этихъ бумагахъ сообщалось, что „рядовой Шевченко обратился ко мнѣ съ просьбою и выдаче ему билета отъ меня на увольненіе по примѣру тому, какъ былъ выданъ таковой увольненному напередъ сего унтеръ-офицеру Балинскому, въ томъ уваженіи, дабы онъ, Шевченко, могъ воспользоваться безъ излишнихъ издержекъ и потери времени проѣхать на мѣсто жительства своего въ г. С.-Петербургъ ближайшею дорогою черезъ городъ Астрахань. Принимая со своей стороны во вниманіе, что отправленіе Шевченки къ баталіонному штабу въ г. Уральскъ сдѣлаетъ ему разницы болѣе тысячи верстъ лишнихъ—я вмѣстѣ съ симъ выдалъ ему билетъ на проѣздъ его къ мѣсту жительства въ г. С.-Петербургъ. О чемъ увѣдомляя ваше благородіе, на рапортѣ вашемъ отъ 29 іюля за № 535, предлагаю означеннаго Шевченко исключить изъ списочнаго состоянія, а прочихъ лицъ, какъ то: Хрибчинскаго, Ольшевскаго, Феолковскаго и Домерацкаго по исключеніи отправить по назначенію черезъ Гурьевъ городокъ къ баталіонному штабу съ имѣющеюся отправится отъ селъ 8-го числа (августъ 1857 г.) сего мѣсяца почтовою лодкою съ увѣдомленіемъ о семъ прямо отъ себя начальника Гурьева городка для дальнѣйшаго ихъ отправленія“. Кроме того въ сообщеніи къ баталіонному командиру майоръ Усковъ прибавилъ: „къ тому же еслибы требованіе его въ Уральскъ для отправленія на родину было съ тою цѣлью, чтобы снабдить его кормовыми и прогонными на одну лошадь деньгами, отъ которыхъ онъ, Шевченко, такъ же отказался, по этому я вмѣстѣ съ симъ выдалъ ему билетъ за № 1403 на проѣздъ его къ мѣсту жительства въ г. С.-Петербургъ впредь до высылки ему настоящаго пашпорта. О чемъ увѣдомляя ваше высокоблагородіе, имѣю честь покорнѣйше просить, что если: для Шевченки нужно будетъ выслать отъ баталіона пашпортъ на отставку, то неоставить своимъ распоряженіемъ о высылкѣ ему такового въ г. С.-Петербургъ въ управленіе академіи художествъ, гдѣ Шевченко объявилъ свое мѣстопробываніе“.

Въ дѣлѣ имѣется и оригиналь билета за № 1403, которымъ, какъ это мы увидимъ ниже, не долго пользовался поэтъ. Вотъ его точная копія: „Билеть. Предъявитель сего служившій въ Новопетровскомъ укрѣпленіи Линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1-го, рядовой изъ бывшихъ художниковъ с.-петербургской академіи художествъ, Тарасъ Григорьевъ Шевченко, согласно предписанія командира означеннаго баталіона отъ 26-го іюня за № 1651, послѣдовавшаго къ завѣдывающему сдѣсь двумя ротами того-же баталіона и мнѣ сообщеннаго въ его рапортѣ отъ 29-го іюля за № 535, по высочайшему повѣленію уволенъ отъ службы и нынѣ по желанію его отправленъ на мѣсто жительства свое въ г. С.-Петербургъ. Въ слѣдствіе чего прошу покорнѣйше гг. начальствующихъ по тракту чинить Шевченки свободный пропускъ, а также и на мѣстѣ въ С.-Петербургѣ въ предѣ до высылки ему откуда слѣдуетъ надлежащаго паспорта на свободное проживаніе; въ удостовѣреніе чего данъ сей билетъ, за надлежащимъ подписомъ съ приложеніемъ казенной печати. Укрѣпленіе Новопетровское, августа 1-го дня 1857 года. Новопетровскій комендантъ, состоящій по армейской пѣхотѣ майоръ Усковъ, за плацъ-адъютанта прапорщикъ Хятринъ“. М. П. (печать коменданта Новопетровскаго укрѣпленія).

Заполучивъ вышеприведенный билетъ, Тарасъ Шевченко 1-го августа 1857 г. отправился изъ Новопетровскаго укрѣпленія въ Астрахань, откуда 22-го августа, какъ объ этомъ сообщилъ астраханскій плацъ-адъютантъ прапорщикъ Бурцевъ майору Ускову, рапортомъ отъ 4-го сентября 1857 года № 97, отправился на пароходѣ „Пожарскій“ въ Нижній Новгородъ, куда прибылъ 20-го сентября 1857 года. Между тѣмъ, вслѣдъ за отъѣздомъ поэта изъ укрѣпленія, майоръ Усковъ получалъ увѣдомленіе изъ г. Уральска, что по высочайшему повѣленію, сообщенному въ предписанія его сіятельства господина генераль-адъютанта графа Перовскаго отъ 28-го мая сего года за № 543, господину начальнику 23-й пѣхотной дивизіи, а мнѣ (майору Ускову) объявленнаго 23 числа сего августа, рядовой бывший художникъ Тарасъ Шевченко уволенъ отъ службы, съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы и жительства въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ жительства въ предѣ до окончательнаго увольненія его на родину въ г. Оренбургъ“.

Понявъ тутъ свою ошибку комендантъ Усковъ, не отправивъ поэта, вслѣдъ за полученіемъ рапорта ротнаго командира, гдѣ служилъ Шевченко, отъ 29-го іюля, въ баталіонный штабъ въ г. Уральскъ, и забилъ тревогу. Пошла дѣятельная переписка. Астраханскій плацъ-адъютантъ прапорщикъ Бурцевъ получилъ при отношеніи 29-го августа 1857 года № 1687 „весьма нужныя конверты, значущіеся

въ прилагаемой у сего реэстрѣ“. Конверты эти были: „въ Московскую городскую полицію № 1665, въ С.-Петербургскую городскую полицію № 1664, въ правленіе С.-Петербургской академіи художеств № 1663 и въ Нижегородскую градскую полицію № 1674“—всѣ бумаги помѣчены 29-го августа 1857 года и вездѣ сообщалось одно и то-же, что буде онъ, Шевченко, прибудеть туда-то, „покорнѣйше просить не оставить своимъ распоряженіемъ о немедленномъ объявленіи Тарасу Шевченкѣ—высочайшаго повелѣнія, дабы онъ не выѣзжалъ въ обѣ столицы и не проживалъ въ нихъ, а немедленно возвратился въ г. Оренбургъ, гдѣ онъ долженъ имѣть мѣсто жительство впредь до окончательнаго увольненія его оттуда на родину, а билетъ, прежде выдангій ему отъ меня за № 1403-мъ, возвратитъ ко мнѣ, адресуя новопетровскому коменданту черезъ Гурьевъ городокъ, Оренбургской губерніи“. Своему непосредственному начальству, растерявшійся совершенно комендантъ, маіоръ Усковъ, 27-го августа 1857 года № 1658, сдѣлалъ обширный докладъ, адресуя оный „инспектору Новопетровскаго укрѣпленія, начальнику артиллерійскихъ гарнизоновъ Оренбургскаго округа, господину генераль-маіору и кавалеру Фрейману“. Въ докладѣ этомъ маіоръ Усковъ указывалъ на то, что „въ предписаніи подполковника Михальскаго за № 1651 къ ротному командиру—поэта Шевченко—ни о какихъ условіяхъ не упоминалось при увольненіи отъ службы означенныхъ лицъ (Шевченко и 4 поляковъ), а также на какой именно предметъ требовались они въ Уральскъ, то предполагая, что ихъ требовали туда только съ цѣлью выдать имъ билеты и потомъ отправить изъ Уральска всѣхъ вмѣстѣ на родину“, онъ, маіоръ Усковъ, и выдалъ Шевченко просимый билетъ прямо въ С.-Петербургъ. Въ заключеніи доклада Новопетровскій комендантъ слезно умоляетъ „всепокорнѣйше просить изложенное здѣсь обстоятельство повергнуть на милостивое благоусмотреніе его превосходительства, господина корпуснаго командира, такъ какъ распоряженіе мое о Шевченкѣ было безъ всякаго умысла сдѣлать что либо противъ воли правительства, а единственно только отъ несообщенія капитану Косареву въ полкѣ о настоящемъ распоряженіи высшаго начальства въ первомъ предписаніи подполковника Михальскаго за № 1651, что и подало поводъ къ такому недоразумѣнію, ибо если-бы въ предписаніи Михальскаго упомянуто было хотя только о томъ, что выше прописанныя сдѣсь чины по увольненіи должны собраться въ Оренбургъ, то и тогда бы я не осмѣлился отправить отъ сюда кого-либо изъ нихъ на мѣсто жительство“.

Къ счастью для маіора Ускова дѣло это разрѣшилось довольно

благопріятно. Такъ, командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, отношеніемъ отъ 18-го сентября 1857 г. № 672, сообщилъ Ускову, что „изъ докладной записки вашей на имя инспектора Новопетровскаго укрѣпленія, генераль-маіора Фреймана, отъ 27-го августа за № 1658, я усмотрѣлъ, что ваше высокоблагородіе, выдавъ рядовому Шевченкѣ билетъ на свободный проѣздъ въ С.-Петербургъ, безъ достаточныхъ къ тому оснований и вопреки распоряженія ближайшаго начальства сего рядоваго, требовавшаго отправленія его въ Уральскъ, поступили весьма опрометчиво и только въ уваженіе долговременной, усердной и полезной службы вашей я ограничиваюсь на сей разъ объявленіемъ вамъ за это строгаго замѣчанія, предписывая на будущее время быть осмотрительнѣе въ подобныхъ случаяхъ. Генераль-адъютантъ Каннистъ, исправляющій должность начальника штаба, генераль-маіоръ Бутурлинъ“.

Послѣдній документъ, которымъ я закончу свои біографическіе матеріалы поэта Шевченко, есть сообщеніе старшаго нижегородскаго полиціймейстера, отъ 17-го октября 1857 г. № 2089, къ маіору Ускову, о прибытіи туда Шевченко. Привожу его цѣликомъ: „Вслѣдствіе отношенія вашего высокоблагородія отъ 29-го августа сего года за № 1674, имѣю честь при семъ препроводить выданный вамъ билетъ, за № 1403, отобранный отъ служившаго въ укрѣпленіи рядоваго изъ бывшихъ художниковъ Тараса Шевченко, и увѣдомить, что онъ прибылъ въ Нижній Новгородъ 20-го сентября, въ разстроенномъ состояніи здоровія, который былъ мною освидѣтельствованъ вмѣстѣ съ городскимъ врачомъ и по освидѣтельствованіи онъ оказался не могущимъ слѣдовать въ обратный путь, впредь до совершеннаго выздоровленія. Автъ медицинскаго свидѣтельствованія мною представленъ г. нижегородскому военному губернатору. Старшій полиціймейстеръ полковникъ“ (подпись не разборчива).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что невольная ошибка маіора Ускова избавила поэта отъ излишней новой дальней поѣздки въ непривѣтливый Оренбургъ, такъ какъ подъ стихотвореніемъ поэта „Неофиты“ значится подпись „Нижній Новгородъ. 8-го декабря 1856 года“, а въ началѣ января 1858 года Шевченко находился уже въ С.-Петербургѣ.

Въ общемъ, Шевченко прослужилъ въ военной службѣ десять лѣтъ и 38 дней (съ 23-го іюня 1847 года по 1-е августа 1857 г.), изъ нихъ въ Закаспійскомъ краѣ провелъ шесть лѣтъ и 9½ мѣсяцевъ (съ 17-го октября 1850 г. по 1-е августа 1857 г.).

А. И. Родзевичъ.

Г. Асхабадъ, Закаспійской области.
6-го февраля 1891 г.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко,

замѣтка о его портретѣ 1859 года.

Портретъ Т. Г. Шевченко, прекрасная копія котораго доставлена мною уважаемой редакціи „Русской Старины“, принадлежить мнѣ. Получилъ я его въ подарокъ отъ В. У. Быковскаго, который, въ свою очередь, получилъ этотъ портретъ отъ И. Дзюбина, удостовѣрившаго его подлинность слѣдующими строками:

— „Портретъ Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 году, подаренъ мнѣ покойнымъ Тарасомъ Григорьевичемъ, въ память многолѣтней искренней между нами пріязни. О взаимныхъ нашихъ близкихъ отношеніяхъ можно читать въ оставленныхъ Шевченко Запискахъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Основа“, 1861-го, если не ошибаюсь, года. И. Дзюбинъ“.

Размѣры подлиннаго портрета 10 × 8 вершковъ. Портретъ писанъ масляными красками и прекрасно сохранился. Копію съ этого портрета исполнилъ художникъ Жебровскій.

Увѣренъ, что читатели всѣми уважаемаго журнала „Русская Старина“ съ удовольствіемъ встрѣтятъ этотъ портретъ на ея страницахъ.

С. Немлюдовъ.

15-го іюня 1889 г.

Спб.

Н. Э. Щербина¹⁾.

Отвѣтъ Грека на эпиграмму Русскихъ.

Хоть „Элливъ“ я „изъ Таганрога“,—
 Но всё-жъ я Грекъ,—не сынъ рабовъ...
 За нами въ прошломъ славы много,
 Къ намъ уваженіе вѣковъ....

У васъ—застѣнки, плети, клітки,
 У насъ—свобода дѣлъ и словъ,—
 И чѣмъ древнѣе ваши предки,
 Тѣмъ больше съѣли багоговъ.

Спб. 1859.

М. П. Р—му.

Жалки намъ твои творенья,
 Какъ германскій жалокъ сеймъ;
 Тредьяковскій обличенья,
 Стихоборный Р—мъ.

1859 г.

Отвѣтъ на тупую эпиграмму.

Чтобъ вѣру дать моимъ словамъ:—
 Пиши побольше эпиграммъ.

1859 г.

Н. И. Костомаровъ.

Либерализмъ онъ внесъ и въ руки!
 Какъ истый Фоссъ онъ больно билъ:
 Онъ трупю старому науки
 Медовый мѣсяцъ отравилъ.

Май, 1860.

¹⁾ См. „Собраніе сочиненій Н. Э. Щербины“. Спб., 1873 г.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

II).

Переѣздъ въ Петербургъ.—Дядя Павелъ Лузановъ.—Швейцарь университета Савельичъ.—Наряизъ Атрѣшковъ.—Жизнь у булочника.— Поступленіе въ батальонъ военныхъ кантонистовъ.—Графъ П. А. Клейнмихель.—Выходъ изъ батальона и поступленіе въ университетъ.—Профессоръ Чижовъ.—Ректоръ Дегуровъ.—Встрѣча съ М. Н. Любоцинскимъ.—Профессоръ Райковский, Ивановскій, студентъ Зубовъ.—Профессоръ Н. В. Гоголь.—И. С. Тургеневъ.—И. П. Шульгинъ.—П. А. Плетневъ.—Шнейдеръ.—Фишеръ.—А. В. Никитенко.—П. С. Порошинъ.—Братья Курторги.

Будемъ продолжать нашъ разговоръ. Одинъ глуховскій помещикъ, отправляя въ Петербургъ разную провизію и съ нею посылая для обученія трехъ крестьянскихъ дѣвчушекъ, съ этою okazjiю задумалъ отправить и меня.

Первоначально я долженъ былъ пріѣхать къ дядѣ Павлу Ивановичу Лузанову въ с. Локотки Глуховскаго уѣзда, недалеко отъ Шостенскаго пороховаго завода. Онъ не имѣлъ дѣтей, посему или вообще, какъ бойкій мальчикъ, я ему понравился; онъ помѣстилъ меня въ свою библіотеку, гдѣ мнѣ представилась возможность прочесть, въ переводѣ на русскій языкъ, древнихъ мудрецовъ.

По жизни дядя мой былъ человѣкъ доблаго, но прежняго закала.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43.

Помню: въ одну изъ субботъ внесли въ мою комнату скамейку, явился человекъ съ розгами, а за нимъ появился и самъ дядя. — „Ну, Николаша,“ сказалъ онъ, „хотя ты и хорошій мальчикъ, но все-таки сегодня суббота, и чтобъ ты былъ всегда такимъ, треба тебя постегать!“—„Какъ!“ вскричалъ я: „За что? Да меня никогда и нигдѣ не сѣкли!“—„Да сегодня суббота“, повторилъ дядя. „Такъ что-жь?“ отвѣчалъ я. Не знаю, убѣждался-ли моими доводами дядя или нѣтъ, но, къ счастью, на мои крики появилась тетушка Елисавета Михайловна и избавила меня отъ позорнаго стеганія. „А въ наше время“, заключилъ совершенно спокойно дядя: „насъ всегда по субботамъ пороли; правъ-ли былъ хлопецъ или нѣтъ—ложись и дѣло съ концомъ!“

Дѣйствительно, по рассказамъ стариковъ того времени, въ школахъ малороссійскихъ, а въ особенности содержимыхъ духовенствомъ, суббота была днемъ поголовнаго сѣченія всѣхъ учениковъ.

Но самъ я лично принадлежалъ тогда къ новому поколѣнію.

Началось приготовленіе мое къ отъѣзду въ Петербургъ: сшили мнѣ фризую шинельку, смастерили изъ одежды кой-что и другое, рассчитали, что мое путешествіе продолжится съ небольшимъ мѣсяцъ, дали мнѣ 10 рублей деньгами, мѣшокъ крупъ, сала нѣсколько фунтовъ и засимъ благословили въ путь.

Дядя, прощаясь со мною, прослезился, вспоминая, вѣроятно, то время, когда и онъ, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, ѣхалъ въ Петербургъ. Матушка, бывшая при моемъ отъѣздѣ, навзрыдъ плакала, но ничего не могла мнѣ дать на дорогу,—скудность ея средствъ сильно одолевала.

Сумма денегъ, выданныхъ мнѣ на дорогу, казалась мнѣ тогда нестоимой, но, увы! на дѣлѣ вышло не такъ. Путешествіе наше на возу, съ одною лошадыю, проводникомъ и тремя дѣвущками, начавшееся въ половинѣ іюня 1829 г., окончилось едва въ концѣ августа того-же года. Ѣхали мы, разумѣется, шагомъ, проѣзжая версть 20 или нѣсколько болѣе въ день,—и то не сплошь, а по часту дневали; приходилось безъ счету идти пѣшкомъ и босикомъ, оберегая сапоги и облегчая лошадь отъ излишней тяжести, а въ особенности при подъемѣ въ гору. На поляхъ и въ лѣсу, гдѣ обрѣталась вода, мы останавливались и варили кашу изъ крупъ съ саломъ, а въ городахъ запасались хлѣбомъ. Ѣхали мы чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Мглинь, Рославль, Смоленскъ и т. д. Всего пути намъ предстояло сдѣлать около 1100 верстъ.

Въ Смоленскѣ, въ годъ моего проѣзда, въ 1829 году, т. е. чрезъ 17 лѣтъ послѣ 1812 г., я видѣлъ еще обгорѣлыя зданія и разрушенныя стѣны.

Пріѣхавши на Пулковую гору, откуда виденъ былъ Петербургъ, проводникъ нашъ указалъ намъ на городъ, но, разумѣется, ничего опредѣленнаго рассмотреть не могли, но вдругъ ни съ того, ни съ чего спутницы мои начали плакать, а за ними и я. Утѣшить насъ было нечѣмъ: будущее для насъ представлялось неизвѣстнымъ, а разлука съ родиною являлась очевидною.

Остановились мы на Васильевскомъ острову, у какого-то знакомаго нашему проводнику, который привезъ насъ въ Петербургъ. Собственно меня послали въ Нарквизу Ивановичу Атрѣшкову, но мнѣ сперва нужно было отыскать дядю моего Колмакова, Ивана Азимовича, у котораго жилъ мой братъ Александръ. Для этого я отправился въ университетъ, который въ то время находился въ Семеновскомъ полку.

Я безъ труда нашелъ университетское зданіе, сѣдо и не снимая шапки, вошелъ въ швейцарскую, гдѣ швейцаромъ тогда былъ, извѣстный въ то время и многіе послѣдующіе годы, Савельичъ. Прежде нежели я объяснилъ ему цѣль моего прихода, Савельичъ встрѣтилъ меня гнѣвнымъ вопросомъ: „чтожь ты шапку-то не ломаешь, а? Не видишь образа на стѣнѣ, или не знаешь съ кѣмъ говоришь?“ При этомъ Савельичъ указалъ мнѣ на свою грудь, увѣшанную многими медалями и крестами.

Я стухнулъ, быстро снялъ шапку, извинился и повторилъ свой вопросъ. Савельичъ видимо смягчился; „а зачѣмъ тебѣ профессоръ Колмаковъ?“ спросилъ онъ меня. „Да это мой дяденька, я пріѣхалъ изъ Малороссіи и не знаю, гдѣ онъ живетъ!“ „Вотъ такъ-бы вы и сказали!“ произнесъ онъ смягченнымъ голосомъ, мѣняя ты на вы.

Такимъ образомъ разговоръ мой съ Савельичемъ кончился совершенно въ дружескомъ тонѣ и я получилъ отъ него всѣ нужныя свѣдѣнія. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего я былъ уже студентомъ юридическаго факультета и, встрѣтивъ въ швейцарской Савельича, напомнилъ ему о первомъ нашемъ знакомствѣ. Къ удивленію моему, онъ меня не забылъ, и описанное обстоятельство послужило основаніемъ моихъ многолѣтнихъ съ Савельичемъ пріязненныхъ отношеній. Онъ почасту впослѣдствіи меня и другихъ снабжалъ книгами и записками, кои ему оставляли кончившіе курсъ студенты.

Всѣ студенты и профессора петербургскаго университета, начиная съ конца 1820-хъ годовъ, чуть-ли не въ теченіи болѣе полувѣка, помнили Савельича и относились къ нему съ большимъ сочувствіемъ, любили его, и потомъ, когда онъ умеръ, почтили его похороны сердечнымъ и дружескимъ поминовеніемъ.

Дядю я нашелъ жившимъ на дачѣ въ Старой деревнѣ; въ его

семьѣ жилъ и мой братъ Александръ, бывшій тогда уже студентомъ. Само собою, всѣ они рады были меня видѣть и тотчасъ-же занялись обмундированіемъ меня по столичному, а вопросъ о томъ, что 'со мною дѣлать, не входилъ въ ихъ соображеніе.

Наркиза Ивановича Атрѣшкова я тоже нашелъ безъ затрудненія. Положеніе его было не самостоятельное; мысль о томъ, что я пріѣхалъ собственно къ нему, будучи присланъ его матерью, видимо тяготила его, а потому, весьма понятно, онъ желалъ, какъ можно скорѣе, устроить меня. Онъ началъ съ того, что повезъ меня въ Инженерное училище, чтобы опредѣлить меня на казенный счетъ, но послѣдовалъ отказъ, по неизмѣннѣ вакансіи. Заси́мъ Атрѣшковъ заставилъ меня написать и подать на высочайшее имя прошеніе съ изъясненіемъ, что я сирота, нахожусь безъ крова и пищи и т. д. Въ то-же время онъ помѣстилъ меня на квартирѣ у одного булочника, по имени Котцеля, жившаго на углу Столярнаго переулка и Мѣщанской, въ домѣ Даниберга. Хозяинъ мой былъ нѣмецъ чужацъ; цѣлую ночь онъ работалъ, не покладая рукъ, а утромъ товаръ свой распредѣлялъ между разносчиками, производилъ съ ними расчетъ за минувшій день и, хлебнувъ чарки три водки, ложился спать. Чужацество его состояло въ томъ, что онъ своихъ разносчиковъ руссопетовъ-мужиковъ заставлялъ пѣть и по преимуществу одну и ту-же пѣсню. Пѣснь эта теперь почти забыта, но тогда она пѣлась съ большою охотою и азартомъ. Пѣснь эта слѣдующая:

За горами, за долами,
 Бонапарте съ пшасунами
 Вадумалъ ровень стать,
 Вадумалъ ровень стать.
 Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
 Музыкантовъ перемучилъ,
 Семъ на Русь пойду,
 Семъ на Русь пойду и т. д.

Парень, пѣвшій эту пѣсню, былъ большой весельчакъ: онъ пѣлъ приплясывалъ, прищелкивалъ пальцами и приводилъ моего нѣмца въ неистовый восторгъ. Въ учащенномъ подчиваніи, со стороны хозяина нѣмца своихъ разносчиковъ, не было недостатка. Жена нѣмца булочника, слыша спозаранку пѣсни и гамъ, высказивала изъ своей спальни и напоминала ему о благочиніи, но въ отвѣтъ отъ него получала такой подзатыльникъ, что мгновенно убѣгала, пряталась подъ мою кровать и охала долго еще послѣ утренняго веселья ея мужа.

Во всякомъ случаѣ нѣмцы супруги, по отношенію ко мнѣ, были

добрѣйшими людьми: они кормили меня досыта и даже любили. Теперь, спустя 60 лѣтъ, когда я слышу запахъ отъ спеченныхъ булокъ, что случается всякій разъ при проходѣ около булочной, я всегда съ любовью вспоминаю моихъ петербургскихъ нѣмцевъ-Котделовъ. Вѣроятно, они давно уже отошли въ вѣчность, но воспоминанія о нихъ до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти.

Было 1-е октября 1829 года, праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы; шелъ снѣгъ съ перемежкой дождя; я сидѣлъ у окна въ моей квартирѣ у булочника и безотрадно съ грустію смотрѣлъ на улицу. Вдругъ подъѣзжаетъ на курьерской телѣжкѣ, въ одну лошадь, къ окну булочника солдатъ и, называя мое имя, спрашиваетъ: не здѣсь-ли я живу? Я вздрогнулъ, сказалъ свое имя и получилъ такой отвѣтъ: „миѣ-то тебя и нужно! Изволь одѣваться и ѣхать со мною; ты опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ“. Что такое баталіонъ военныхъ кантонистовъ—я не зналъ, а потому не безъ боязни поспѣшилъ одѣться и, объяснивъ моимъ хозяевамъ, куда меня везутъ, отправился съ посланнымъ.

У Поцѣлуева моста, на Мойкѣ, рядомъ съ домою интендантства, стоитъ и теперь обширное зданіе,—это я было помѣщеніе баталіона военныхъ кантонистовъ. Въ настоящее время на этомъ зданіи красуется другое названіе—„главное военно-судное управленіе“. Здѣсь же помѣщаются военно-окружной судъ и военно-юридическая академія.

Мы подъѣхали къ воротамъ: часовой, стоявшій около нихъ, впустилъ насъ и снова заперъ. Точно какъ будто тюрьма, подумалъ я, и дѣйствительно это было что-то въ родѣ тюрьмы.

Курьеръ, везшій меня, сдалъ по командѣ и при этомъ вручилъ пакетъ, кому слѣдуетъ, въ коемъ значилось, что я, за неимѣніемъ вакансіи въ кадетскихъ корпусахъ, опредѣленъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Засимъ быстро облекли меня въ сѣрую куртку самаго грубаго солдатскаго сукна, съ желтымъ узкимъ воротникомъ, который такъ сильно давилъ мою шею и горло, что я чуть не задыхался, но о такомъ стѣсненіи нельзя было заявлять. Мальчики кантонисты окружили меня и осматривали съ ногъ до головы, говоря: вотъ новичокъ! Лица ихъ были грубы и по нимъ можно было догадаться, что это были „по большинству“ солдатскія дѣти. Глядя на нихъ и на всю солдатскую обстановку, я горько заплакалъ. Засимъ, ложась спать, горячо молился Богу и тихо заснулъ. Въ эту первую ночь я видѣлъ сонъ, который остался миѣ памятнымъ навсегда, а главное, онъ крѣпилъ постоянно мой

духъ и давалъ мнѣ мочь впослѣдствіи переносить все съ терпѣніемъ, въ надеждѣ на лучшія времена. Мнѣ снилась широкая рѣка и я видѣлъ себя плавающимъ по ней смѣло и безъ усталы съ одного берега на другой. Проснувшись, сталъ разбирать и разъяснять себѣ, что означаетъ этотъ сонъ. Я растолковалъ его въ самомъ благопріятномъ смыслѣ.

Нужно сказать, что во время малолѣтства моего матушка моя, какъ истая хохлячка, каждое утро рассказывала окружавшимъ ее, что она въ ту ночь видѣла во снѣ и какъ нужно понимать ея сонъ, (она слѣпо вѣрила снамъ), и я къ этому привыкъ. И вотъ, слѣдуя сему, я свой сонъ объяснилъ такъ: рѣка текучая—значить жизнь, а легкое плаваніе мое по ней выражаетъ то, что Богъ меня сохранить и что я буду жить хорошо. Я глубоко вѣрилъ въ истину моего сна и потому на всѣ тягости и трудности моего пребыванія въ баталіонѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и даже впослѣдствіи на всѣ невзгоды смотрѣлъ съ надеждою, что все кончится благополучно. Такъ и вышло.

На другой день моего поступленія въ батальонъ ко мнѣ приставили десятскаго и начали учить фронту. Фронтъ этотъ состоялъ въ неподвижной стойкѣ тѣла и рукъ, поворачиваніи головы и глазъ справа налѣво и наоборотъ и, наконецъ, въ медленномъ подниманіи и опусканіи ногъ. Тихій учебный и скорый учебный шагъ, при отсутствіи всякаго движенія головы и рукъ, не давались мнѣ. Говорили, что я плохъ во фронтѣ.

Теперь всѣ эти приемы не существуютъ. Нынѣшнее поколѣніе кадетъ и прочей военной молодежи смѣялись-бы до упаду, если-бы увидѣли тогдашняго фронтовика; но таково было время! Прежній фронтъ отличался отъ нынѣшняго не только неподвижностію всего тѣла, но даже отсутствіемъ дыханія. Слово команды смирно означало въ нѣкоторомъ смыслѣ—не дыши.

Подготовивъ меня въ такомъ духѣ, я ожидалъ смотра для представленія вышему начальству. Таковое представленіе не замедлилось: ожидали приѣзда главнаго начальника военныхъ поселеній, къ коему причислялся и баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Начальникъ этотъ былъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель.

Я стоялъ во фронтѣ съ другими новичками ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ графъ съ окружавшею его свитою и, огинувъ меня своимъ быстрымъ взглядомъ, спросилъ: „учился“?— „Учился“, отвѣчалъ я. „Что знаешь?“ спросилъ онъ меня опять.— „Усе“ сказалъ я.— „Какъ усе?“ продолжалъ графъ съ усмѣшкою.— „Ариѳметику, геометрію, исторію и т. д.“ быстро забормоталъ я.— „Ого!“ вскрикнулъ графъ: „въ инженерную его роту!“ и удалился.

Вотъ это кохлацкое „усе“ вмѣсто все и распоряженіе графа рѣшило мое будущее направленіе—и жизнь. Графъ Петръ Андреевичъ, украшенный звѣздами и окруженный свитою, показался мнѣ тогда превыше всѣхъ сущихъ на землѣ и вершителемъ моей судьбы. Да онъ былъ таковымъ и на самомъ дѣлѣ не только для меня, но и для многихъ безъ числа людей. Имя его впоследствии много лѣтъ было на вершинѣ власти, но и онъ упалъ. Но во время своей отставки онъ почасту гулялъ по Большой Морской въ Петербургѣ. Я былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Встрѣтивши его, я на него взглянулъ, припомнилъ бывшее и слово „усе“ и невольно скинулъ предъ нимъ шляпу. Онъ былъ видимо изумленъ, но поспѣшно и съ какою-то робостію поклонился мнѣ.

Вотъ какъ времена измѣнчивы!

Будемъ продолжать дальше.

Инженерная рота, куда меня помѣстили въ тотъ-же день, отличалась и научными предметами, кои въ ней преподавались, и всею вообще обстановкою. Въ классахъ этой роты преподавали весьма обстоятельно: фортификацію, математику въ объемѣ полного курса гимназій, архитектуру, съемку или землемеріе, черченіе и рисованіе и нѣкоторые другіе предметы общаго образованія.

Всѣ эти науки были мнѣ по душѣ, я ихъ изучалъ съ большимъ прилежаніемъ и чрезъ полтора или два года былъ уже въ числѣ лучшихъ учениковъ въ высшемъ классѣ; при томъ поступленіе въ этотъ классъ избавляло меня отъ фронтоваго ученья, что мнѣ было весьма пріятно. Но такое положеніе не было по душѣ моему ротному командиру Закалушину, который, не касаясь научныхъ предметовъ, смотрѣлъ только за фронтвою выправкою. Онъ постоянно, какъ увидитъ меня въ классовѣ, такъ и кричитъ: „а ты, Колмаченкокъ, дурно маршируешь, а за тебя мнѣ достанется,—становись!“ и тотчасъ начиналъ меня муштровать. Это былъ человѣкъ безъ особаго образованія, но тѣмъ не менѣе онъ былъ хорошей души; я его помню и никогда не забуду. Бывало ночью, обходя комнаты и видя меня занимавшимся около столика, онъ кричалъ: „А ты опять съ книгами! А ты пропадешь, пропадешь“... и т. д. Я думаю, что онъ меня, какъ скромнаго мальчика, любилъ, но только по своему выражалъ эту любовь. Съ нимъ у меня были слѣдующія еще исторіи: въ классахъ былъ инспекторомъ нѣкто полковникъ Коротъ съ большими знаніями. Онъ тоже выражалъ ко мнѣ свои добрыя чувства и расположеніе. Бывало придетъ въ классы рисованія, подойдетъ ко мнѣ и начинаетъ поправлять мой рисунокъ и объясняетъ, что и какъ слѣдуетъ; но были также такіе случаи, что,

не видя меня въ классахъ и узнавъ, что ротный командиръ послалъ меня вмѣсто классовъ на ученіе, тотчасъ отправлялся въ залу, гдѣ происходили фронтовыя ученія, и тутъ происходила сцена между инспекторомъ и ротнымъ. Первый увѣрялъ, что мое мѣсто, какъ ученика старшаго класса, въ классахъ, а не на ученіи, а второй— что будто-бы я совсѣмъ плохо марширую, а потому долженъ сперва учиться маршировкѣ, а потомъ уже ходить въ классы. Преребанія кончались, разумѣется, въ пользу класснаго ученія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и я назначенъ былъ къ выпуску въ инженерныя кондукторы, но увы, по лѣтамъ былъ молодъ да и ростомъ былъ малъ, а потому выпускъ мой былъ отложенъ. Разумѣется, я скорбѣлъ и жизнь въ баталіонѣ, безъ отпуска со двора, казалась крайне тяжкою,—я началъ помышлять о томъ, какъ-бы избавиться отъ военной службы и поступить въ университетъ. Счастье мнѣ улыбнулось. И сонъ мой, рассказанный выше, началъ осуществляться.

Просьба моей матери и родныхъ, о выпускѣ меня на волю изъ баталіона, оставалась безъ вниманія, но въ судьбѣ моей приняла участіе графиня Софія Владиміровна Строганова, жившая у Полицейскаго моста въ собственномъ домѣ. И вотъ благодаря ей, я, наконецъ, освободился изъ списка баталіона кантонистовъ.

Послѣ сего, я началъ съ жаромъ готовиться къ поступленію въ университетъ и въ особенности пришлось заниматься латинскимъ языкомъ и чрезъ полтора года, именно въ августѣ 1834 г., смѣло предсталъ на экзамень.

Правленіе университета, гдѣ молодые люди подвергались испытанію, было въ то время въ домѣ Штерича, у Семеновскаго моста. На порогѣ правленія я встрѣтилъ молодаго человѣка весьма пріятной наружности, съ открытымъ лицомъ и замѣчательно хорошими волосами. Онъ явился также, чтобъ подвергнуться испытанію для поступленія въ университетъ. Сдѣлавши съ робостью другъ другу поклонъ, я спросилъ, какъ его зовутъ. „Маркъ Николаевичъ Любоцинскій“, отвѣчалъ онъ. „А меня“, сказалъ я, „Николай Марковичъ Колмаковъ!“

Перевертень нашихъ именъ заставилъ насъ обоихъ улыбнуться,—мы подали другъ другу руки и сразу почувствовали взаимное дружеское расположеніе, обратившееся впослѣдствіи въ сердечную братскую любовь. Съ этими чувствами мы оставались всю нашу жизнь.

Онъ умеръ 11 іюля 1889 года, членомъ государственнаго совѣта. Миръ праху твоему, вѣрный другъ и сердечный товарищъ; рѣчь моя о тебѣ будетъ впереди!

Къ экзамену всё собравшіеся молодые люди приступили со страхомъ и робостью. Явился ректоръ Дегуровъ. Это былъ маленькій ростомъ сѣдой старичекъ и, поздоровавшись съ нами по французски, просилъ приступить къ дѣлу. Французское обращеніе съ нами Дегурова и повтореніе имъ безпрестанно словъ: messieurs, производило на насъ неприятное впечатлѣніе. Тутъ-же на экзаментѣ мы слышали, что онъ французъ, когда-то былъ секретаремъ извѣстнаго Робеспьера и убѣжалъ, спасаясь отъ эшафота, изъ Франціи.

Экзаментъ изъ математики пугалъ всѣхъ, но я смѣло приблизился къ профессору Фодору Васильевичу Чижову. „Ну-съ“, сказалъ онъ: „что вы знаете?“ — „Все“, отвѣчалъ я: „что слѣдуетъ по программѣ и что вамъ угодно будетъ меня спросить!“

И дѣйствительно, на всѣ его вопросы изъ алгебры и тригонометріи я отвѣчалъ твердо и отчетливо. Онъ удивился, спросилъ меня, гдѣ я готовился, и поздравилъ меня съ полными баллами.

Фодоръ Васильевичъ въ 1834 году былъ еще молодымъ профессоромъ и оставилъ о себѣ среди студентовъ добрую память. Личность Чижова ярко обозначилась впоследствии, какъ ученаго математика, полезнаго дѣятеля по разнымъ направленіямъ, въ особенности по желѣзнодорожному и банковому, и, наконецъ, сердечнаго славянофила благотворителя, и скажемъ истину, что любовь свою къ славянамъ и вообще къ народу и благотворительность Чижовъ успѣлъ вдохнуть воспитаннику своему Григорію Павловичу Галагану, дѣятельность котораго также заслуживаетъ особой біографіи.

Г. П. Галаганъ тоже былъ студентъ с.-петербургскаго университета и почти въ одно время со мною (1840 г.). Тутъ, вѣроятно, онъ и встрѣтился съ Чижовымъ и впоследствии вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Чижовъ оставилъ по себѣ еще особую память. Принужденный жить въ Кіевской губерніи, онъ научилъ крестьянъ извѣстнаго района разведенію шелковичныхъ червей.

Но мы отклонились отъ разсказа. Приемные экзамены по прочимъ предметамъ прошли благополучно и мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ. Вмѣстѣ со мною и Любошинскимъ поступили многіе молодые люди, въ томъ числѣ изъ высшаго круга, такъ я помню князя Г. А. Щербатова, графа А. Д. Блудова, П. П. Убри, графа Шувалова. Со мной вступили также В. П. Степановъ, Павель Алексѣевичъ Зубовъ, братья Пильшеры и проч. Въ высшихъ курсахъ тогда были графъ Нессельроде, Н. Грановскій, (1835 г.) Печоринъ, Ив. Сергѣевичъ Тургеневъ (1837 г.) и другіе.

Помню, графъ Нессельроде и князь Щербатовъ сначала ѣздили

въ университетъ съ гувернерами, но съ гувернеромъ перваго случилась оказія: онъ на лекціи заснулъ и захрапѣлъ, а потомъ свалился, какъ спопъ, со скамейки; произошелъ смѣхъ, послѣ чего онъ пересталъ появляться въ университетѣ.

Когда достигнешь старости, то воспоминаніе о студенческомъ періодѣ времени самое пріятное. Всего лучше это время назвать весною жизни.

Петербургскій университетъ, въ періодъ конца 1830-хъ, 1840-хъ и 1850-хъ годовъ, былъ неоднократно описанъ, а потому мнѣ, казалось-бы, нѣтъ повода говорить объ этомъ еще; но, однако-жъ, есть нѣкоторые частные случаи, кои сами просятся подъ перо, а потому я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать хотя нѣсколько словъ о профессорахъ, студентахъ и вообще времени, начиная съ 1834 г.

Ректоръ Дегуровъ, какъ выше сказано, былъ препротивная личность и, дѣйствительно, по наружности своей, онъ не возбуждалъ симпатіи: маленькій, сѣдой, худой, съ безпокойными глазами, съ пустыми фразами на языкѣ; все это вмѣстѣ отталкивало отъ него; о дѣятельности его я ничего не слыхалъ. Онъ часто появлялся по утрамъ въ университетѣ и, увидя какого-либо студента не въ формѣ, подходилъ къ нему съ любезностью и, подавая ему руку свою на подобіе танцующаго кавалера, приглашающаго даму къ танцамъ, произносилъ „monsieur“—и выводилъ студента за дверь аудиторіи, а иногда даже и до самой швейцарской.

Одинъ разъ выдался такой день, что онъ меня два раза выводилъ изъ аудиторіи, а между тѣмъ въ тотъ день шла репетиція или экзаменъ латинскаго языка. Я боялся пропустить время и очередь вызова, а потому, очутившись въ швейцарской, обратился къ Савельичу:

— „Ради Бога, дай мнѣ какой-либо мундиръ!“

Савельичъ бросился къ своему сундуку, гдѣ у него хранились платья отъ прежнихъ студентовъ; долго онъ рылся и, наконецъ, подалъ мнѣ одинъ изъ мундировъ, который, по его мнѣнію, близко подходилъ къ моей объемистой корпораціи. Съ трудомъ я натянулъ его на свои плечи и хотя чувствовалъ, что мнѣ трудно будетъ двигать руками и плечами, однако-жъ, пошелъ въ аудиторію. Меня окликнули; я подошелъ къ столу и хотѣлъ взять книгу, кажется, Салюстія, для перевода, но, увы! мои руки не сходились, чтобы взять книгу. Я началъ усиленно натуживаться, слышу, что-то трещить, и кончилось тѣмъ, что мой мундиръ, во всю длину спины, отъ самага воротника до фалдочекъ, разлетѣлся пополамъ по шву.

Громкій хохот огласилъ залъ, однако-жь, все кончилось благополучно. Экзаменъ сданъ, чего-же болѣе, но явилась другая бѣда, какъ сдать Савельичу мундиръ? И дѣйствительно, онъ взрыдалъ, увидя его, но, убаюканный моимъ вознагражденіемъ, умаялся, затихъ и самъ началъ смѣяться.

Догматическое богословіе и каноническое право первое время читалъ у насъ протоіерей Баженовъ, но вскорѣ замѣнилъ его Райковскій, тоже священникъ. Баженовъ, какъ извѣстно, поступилъ ко двору и оставилъ по себѣ весьма пріятныя воспоминанія. Лекціи его посѣщались весьма многими студентами, даже и тѣми, для коихъ лекціи его не относились къ факультетскимъ занятіямъ.

Напротивъ того, Райковскій возбуждалъ жалобы студентовъ своими неумѣстными требованіями. Въ особенности онъ приводилъ въ отчаяніе своими вопросами, кои прямо не относились къ дѣлу; такъ, напримѣръ, онъ настойчиво требовалъ, чтобы студенты знали непременно пунктъ за пунктомъ всѣ статьи Вселенскихъ соборовъ, а также отдѣльно всѣ члены Символа вѣры, хотя послѣдній предметъ прямо и не входилъ въ составъ экзамена. Напримѣръ, обращаясь къ студенту, онъ спрашивалъ:

— „Скажите мнѣ 7-й или 9-й членъ Символа вѣры“.

Студентъ, зная наизусть весь Символъ вѣры, затруднялся сказать прямо и отдѣльно текстъ того или другаго пункта Символа вѣры. Райковскій, нисколько не стѣсняясь, ставилъ студенту неодобрительные баллы и тотъ уходилъ отъ стола съ кислою физиономіею. Такихъ случаевъ было много, но есть всему конецъ!

Разъ въ числѣ ассистентовъ на экзаменѣ былъ профессоръ Ивановскій. Райковскій, по обыкновенію своему, началъ задавать вопросы студентамъ о Символѣ вѣры въ разбивку. А засимъ, не получая отъ нихъ отвѣтовъ, награждалъ ихъ единицами.

— „Позвольте, произнесъ Ивановскій Райковскому, — скажите мнѣ, профессоръ, какая буква въ русскомъ алфавитѣ на 9-мъ мѣстѣ?“

Райковскій задумался и замялся.

— „А позвольте, снова сказалъ Ивановскій, — на 17-мъ мѣстѣ какая буква?“

— Право не знаю, отвѣчалъ Райковскій.

— „Какъ-же вы, профессоръ, продолжалъ Ивановскій, — обвиняете студентовъ въ томъ, что они не знаютъ въ разбивку Символа вѣры, а сами не знаете на какомъ мѣстѣ стоятъ буквы русскаго алфавита“.

— Что-же вы хотите этимъ сказать? заявилъ смущенный Райковскій.

— „А то, продолжалъ Ивановскій, — что ваши неодобрительные

баллы студентамъ есть верхъ несправедливости, а потому прошу уничтожить сіи баллы и допустить студентовъ снова къ экзамену“.

Райковскій, краснѣя и досадуя, долженъ былъ согласиться съ Ивановскимъ. Случай этотъ, кажется, надолго отбилъ у него охоту озадачивать студентовъ спросомъ отдѣльныхъ пунктовъ Символа вѣры.

Райковскій читалъ въ послѣднее время нравственное богословіе, философію и логику, но это былъ наборъ безцвѣтныхъ фразъ, правоученій, сказанныхъ безъ всякой системы и толку.

Время это было гоненіе на науку вообще.

Съ Райковскимъ у насъ случилась разъ такая исторія: онъ какъ-то на лекціи исчислялъ совершенства Господа Бога и опредѣлялъ величіе Его.

Вдругъ студентъ Павелъ Зубовъ встаетъ и произноситъ громко-гласно басомъ и съ пафосомъ:

— „По моему, Господь Богъ есть величайшій поэтъ, а міро-зданіе Его есть величественная поэма!“

Услышавъ это, Райковскій поднялъ руки кверху и вскричалъ: „Боже! что я слышу?“ и засимъ стремительно бросился къ выходу изъ аудиторіи. Произошелъ конфузъ, разразившійся общимъ дружескимъ и продолжительнымъ смѣхомъ. Кажется, Райковскій жаловался кому слѣдуетъ. Зубова призывали и онъ по своему подтвердилъ правдивость своего опредѣленія о Богѣ. Такимъ образомъ жалоба Райковскаго осталась безъ послѣдствій.

Кстати о Зубовѣ: онъ былъ страшный поклонникъ, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ имъ бредилъ, читая кстати и некстати восторженные его стихи, становясь въ позу импровизатора. Стоило было, хотя въ шутку, намекнуть о какомъ-либо несовершенствѣ Пушкинскихъ стиховъ, какъ Зубовъ приходилъ въ азартъ. Такимъ онъ остался до старости и смерти. Онъ превосходно игралъ изъ „Горя отъ ума“ роль Фамусова и, по заявленію знатоковъ, послѣ Щепкина былъ одинъ только Зубовъ.

Разъ онъ намъ принесъ извѣстіе о томъ, что Пушкинъ съ Жуковскимъ и Плетневымъ будутъ въ университетѣ на лекціи у Гоголя. Всѣ, разумѣется, ждали съ нетерпѣніемъ этого дня. Я видѣлъ вошедшими ихъ всѣхъ въ университетъ, но самъ, къ крайнему сожалѣнію, на лекціи Гоголя на этотъ разъ не былъ.

По рассказамъ другихъ, лекція эта далеко не удовлетворила слушателей. Изъ другихъ-же лекцій средней исторіи всѣ, да и самъ Гоголь, убѣждался, что онъ не профессоръ исторіи. Тогда было

известно, что Гоголь попалъ въ профессора вслѣдствіе своей статьи о движеніи народовъ въ средніе вѣка. Статья эта была напечатана въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и весьма понравилась бывшему министру графу Сергѣю Семеновичу Уварову. Она обличала въ авторѣ скорѣе даровитаго живописца и писателя, нежели глубокаго мыслителя-историка. Вообще нужно сказать, что профессура Гоголя потерпѣла фіаско и самъ онъ началъ хворать. Голова его, по случаю-ли боли зубовъ или по другой причинѣ, постоянно была подвязана бѣлымъ платкомъ; самый видъ его былъ болѣзненный и даже жалкій, но студенты относились къ нему съ большимъ сочувствіемъ, что было, разумѣется, послѣдствіемъ его талантливыхъ сочиненій.

Но, Боже мой, что за длинный, острый, птичій носъ былъ у него. И не могъ на него прямо смотрѣть, особенно вблизи, думая: вотъ клюнетъ и глазъ вонъ. Вотъ почему на лекціяхъ его я всегда садился съ боку, чтобы не подвергнуться такому мнимому впечатлѣнію.

Читая изъ исторіи то одно, то другое, онъ всегда переходилъ къ разсказу о движеніи народовъ. Ясно, что предметъ этотъ служилъ ему какъ бы заручкой или опорой историческихъ его знаній.

Профессура его продолжалась недолго. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ намъ указалъ на нѣкоторыхъ авторовъ, сочиненія которыхъ могли служить намъ руководствомъ къ изученію исторіи среднихъ вѣковъ. Отъѣздъ Гоголя и оставленіе имъ лекцій были неожиданны и отразились на насъ весьма неблагоприятно. Профессоръ Шульгинъ на экзаменѣ задавалъ намъ такіе вопросы, которые вовсе не входили въ программу лекцій Гоголя. Вотъ тутъ случилась такая оказія: въ числѣ студентовъ старшаго курса былъ и приспомянутый Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ему попался на экзаменѣ вопросъ о пыткахъ, или такъ называемомъ Божіемъ судѣ. Известно, что Иванъ Сергѣевичъ обладалъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, а потому не удивительно, что онъ много читалъ изъ иностранныхъ источниковъ и на заданный вопросъ могъ отвѣчать весьма обширно. Отвѣчая, Тургеневъ, между прочимъ, сказалъ, что въ числѣ пытокъ огнемъ и другими способами былъ еще особый родъ оныхъ, именно: испытаніе посредствомъ телячьяго хвоста, намазаннаго саломъ. Услышавъ это, Шульгинъ, пытливо взглянувъ на Тургенева, поспѣшно сказалъ: „что такое, что такое?“ Тургеневъ продолжалъ: „да, посредствомъ телячьяго хвоста, намазаннаго саломъ; приводили взрослого теленка, брали его хвостъ, намазывали его густо прегусто саломъ и заставляли человѣка, подвергнутаго испытанію, взяться за этотъ хвостъ и держаться, что есть мочи, а между тѣмъ

теленка ударяли крѣпко хлыстомъ. Разуѣтся, теленокъ рвался и бѣжалъ опрометью. Если испытуемый удерживался, то считали его правымъ, если нѣтъ — виноватымъ“.

Шульгинъ съ усмѣшкой выслушалъ и сказалъ: „гдѣ это вы читали?“ Тургеневъ смѣло наименовалъ автора. Отвѣтъ Тургенева не понравился Шульгину: онъ сжалъ свои губы,—произошла нѣмая, непріятная сцена. Засимъ онъ сталъ задавать Тургеневу другіе вопросы по части хронологіи и, разуѣтся, Шульгинъ достигнулъ своего: Тургеневъ сдѣлалъ ошибку и получилъ неодобрительную отмѣтку. Засимъ и кандидатство его улыбулось.

Едва ли эта исторія не была началомъ того, что Тургеневъ впоследствии сталъ недовѣрчиво относиться къ властямъ и уѣхалъ за границу доканчивать свое образованіе.

Въ 1853 г., т. е. черезъ 18 лѣтъ послѣ описаннаго испытанія, я видѣлъ Ивана Сергѣевича въ С.-Петербургѣ, на квартирѣ Сергѣя Ивановича Заруднаго, въ домѣ Пушнина, у Пѣвческаго моста. Я припомнилъ ему исторію о телячьемъ хвостѣ,—само собою, мы смѣялись. А черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1883 г., глазамъ моимъ представилось слѣдующее: длинная процессія по Забалканскому проспекту въ С.-Петербургѣ, по направленію къ Волкову кладбищу, съ безчисленными вѣнками, свидѣтельствовала, что Иванъ Сергѣевичъ со славою отошелъ въ вѣчность. (Онъ умеръ за границей). Въ какой мѣрѣ телячья исторія отразилась на его жизни, это унесено имъ въ могилу!

Далѣе, изъ старыхъ профессоровъ петербургскаго университета конца 1830-хъ годовъ рѣзко выдѣлялся Петръ Александровичъ Плетневъ († 25 декабря 1865 г.). Это памятная личность въ былое время; мы его отличали отъ прочихъ профессоровъ. Онъ читалъ или, лучше сказать, долженъ былъ читать русскую литературу; но, по правдѣ сказать, мы ее въ полномъ объемѣ не слыхали. Не смотря на то, лекціи его были весьма занимательны. Онъ былъ чрезвычайно обходителенъ со студентами, что влекло ихъ къ нему. Мы знали, что онъ былъ близокъ къ императорской семьѣ (читалъ лекціи наследнику цесаревичу), другъ В. А. Жуковскаго и А. С. Пушкина. Лекціи свои онъ едва-ли не начиналъ и кончалъ Пушкинымъ. Въ немъ онъ видѣлъ не только гениальнаго поэта, но и глубокаго философа, одареннаго высшимъ знаніемъ челоувѣческой природы. Отношенія Плетнева къ Пушкину извѣстны въ нашей литературѣ. Смерть А. С. Пушкина въ 1837 г., 29-го января, оплакана была Плетневымъ на кафедрѣ горячими слезами.

Припоминаю еще то, что Плетневъ предоставлялъ своимъ сту-

дентамъ выбрать любой предметъ, развить его на письмѣ и затѣмъ съ кафедръ читать о немъ во время его лекціи. Вслѣдствіе сего происходила бесѣда, гдѣ Петръ Александровичъ выказывалъ свои взгляды на избранный предметъ и выслушивалъ сужденія студентовъ. Не знаю почему, я избралъ для своей бесѣды предметъ готическая архитектура и написалъ о ней, но увы! бесѣда моя вызвала справедливыя нареканія.

По счастливой случайности Петръ Александровичъ въ теченіи многихъ лѣтъ жилъ рядомъ со мною на Беклешовской дачѣ и это дало мнѣ возможность часто его видѣть, совершать прогулки и бесѣдовать съ нимъ. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь Ольгу, вышедшую за А. Б. Лакиера, служившаго вмѣстѣ со мною въ министерствѣ юстиціи. Ольга Ивановна была воспитана Ишимовою,—извѣстною сочинительницей дѣтскихъ книгъ. Впослѣдствіи, Плетневъ, въ старческихъ годахъ, женился на княжнѣ Щетининой при романтической обстановкѣ. Отъ сего брака онъ имѣлъ двухъ сыновей.

Сказавши о Плетневѣ, не могу не упомянуть о профессорѣ Шнейдерѣ, который читалъ намъ римское право. Къ своему предмету онъ относился съ большою важностію и выказывалъ въ немъ обширныя свѣдѣнія. Входя въ аудиторію, онъ иногда сочувственно провозглашалъ и поздравлялъ насъ всѣхъ съ днемъ рожденія то одного, то другаго мудреца древности. Мы вставали, кланялись и привѣтливо относились къ его заявленію. Вообще онъ былъ, и по виду и по научнымъ своимъ познаніямъ, уважаемая личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне снисходителенъ къ студентамъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1850-хъ годахъ я былъ начальникомъ отдѣленія гражданскихъ дѣлъ въ министерствѣ юстиціи. Въ одинъ день входитъ въ отдѣленіе профессоръ Шнейдеръ, ведя за собою внушу-сына, и говоритъ мнѣ: „были годы, когда я былъ вашимъ профессоромъ и старался передать вамъ свои познанія въ наукахъ, а вотъ теперь настало другое время: я пришелъ къ вамъ съ сыномъ и прошу васъ передать ему ваши практическія знанія на дѣлѣ“.

Эта простая рѣчь глубоко тронула меня,—я отнесся къ его сыну съ большимъ сочувствіемъ.

Профессоръ Фишеръ читалъ намъ антропологию и метафизику. По фигурѣ своей всегда важный, высокаго роста, въ бѣломъ галстухѣ и синемъ вицъ-мундирѣ, онъ казался намъ крайне ученымъ мужемъ. Но отъ его ученія у меня и, смѣло могу сказать, у многихъ моихъ товарищей не осталось ничего. Провозглашаемыя имъ истины, по своей сухости, какъ-то плохо воспринимались нами.

Въ 1835 и 1836-мъ году прибыли изъ-за границы молодые ученые Неволинъ, Калмыковъ, Порошинъ, Ивановскій, Баршевъ, Кранифельдъ и Куторга. Всѣ они заняли кафедры старыхъ профессоровъ, которые принимали ихъ не совсѣмъ дружелюбно. Такъ, Шульгинъ на магистерскомъ экзаменѣ Мих. Семенов. Куторги старался продѣлать съ нимъ такую-же штуку, какъ и съ Тургене-вымъ, т. е. сбить въ хронологіи. Не мудрено: Куторга поступалъ на кафедру исторіи, слѣдовательно, дѣлался Шульгину конкурентомъ; но студенты примкнули къ новымъ.

Имена Неволина, Калмыкова извѣстны по своимъ ученымъ изданіямъ, но я остановлюсь только на Викторѣ Степановичѣ Порошинѣ († 1868 г.). Онъ получилъ кафедру политической экономіи и статистики. Предметы эти были совсѣмъ заброшены въ университетѣ, а потому возобновеніе ихъ ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Порошинъ былъ небольшого роста, пріятной наружности и казался очень молодежавымъ. Костюмъ его былъ своеобразный: рубашка съ отложнымъ воротничкомъ, галстухъ цвѣтной, завязанный узелкомъ съ нависшими кончиками, все это было для насъ ново. Однимъ словомъ, онъ, по виду, былъ юноша первой молодости, а потому онъ намъ казался чѣмъ-то особеннымъ. Не знаю почему, но на первую лекцію онъ выбралъ предметъ о Михаевелѣ. Тутъ мы съ изумленіемъ услышали и узнали, что Порошинъ былъ человѣкъ начитанный всесторонне и съ глубокими познаніями. Аудиторія, гдѣ онъ читалъ свои лекціи, наполнялась студентами всѣхъ факультетовъ. Но все это продолжалось недолго (онъ оставилъ кафедру въ 1844 г.). Кафедра политической экономіи и статистики была закрыта, самъ Порошинъ впалъ въ немилость.

Говорили, что Порошину приписывали нѣсколько неодобрительныхъ фразъ и стиховъ, сказанныхъ будто-бы имъ по поводу сооруженія и открытія Александровской колонны. Говорили еще, что будто-бы онъ разъ опоздалъ на лекціи въ то время, когда попечитель Мусинъ-Пушкинъ былъ уже въ аудиторіи. „Вы опоздали“, сказалъ ему попечитель. Порошинъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ: „дѣйствительно“ и, войдя на кафедру, началъ лекцію. Засимъ, будто-бы попечитель приказалъ за это вычесть изъ его жалованія, но оказалось, что Порошинъ все свое жалованіе жертвовалъ на бібліотеку. Такъ или иначе—Порошинъ вышелъ въ отставку. А между тѣмъ въ изученіи статистики чувствовалась величайшая потребность. Правда, географъ Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, состоя начальникомъ статистическаго отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, началъ издавать работы по этой части, но его труды

были только собраніе данныхъ по части русской статистики, но безъ ученой разработки и безъ всякаго изложенія теоріи этой важной науки. Первыя-же лекціи Порошина по части статистики показали намъ, что она есть наука весьма важная, государственная, и что безъ нея, какъ безъ руля на кораблѣ, нельзя править народомъ.

Дальнѣйшая судьба Порошина печальна; надъ нимъ и вообще надъ его семьей стряхнулось бѣдствіе и въ особенности горе въ видѣ тяжбы, которая, какъ я думаю и увѣренъ, омрачила его разумъ. Дѣло это мнѣ совершенно извѣстно, а потому я, въ уваженіе памяти о Порошинѣ, не могу не повѣдать о семъ. Вотъ его суть. У матери Порошина, изъ рода Ланскихъ, было двѣ сестры: одна Александра, замужемъ за генераломъ Потуловымъ, а другая осталась въ дѣвицахъ. Послѣ нея, по наслѣдству, матери Порошиной досталось имѣніе Олтушъ въ Гродненской губерніи. Ради чего и почему, но только извѣстно, что дѣвица Ланская предъ смертію своею, въ возрастѣ семнадцати лѣтъ, выдала генералу Потулову заемныхъ писемъ на 300 т. съ обезпеченіемъ на имѣніе Олтушъ.

Вотъ, по смерти ея, Потуловъ обратился съ искомъ къ матери Порошина, указывая на имѣніе Олтушъ, состоявшее въ Гродненской губерніи, гдѣ въ то время дѣйствовалъ Литовскій статутъ.

Дѣло доходило до государственнаго совѣта, который въ искѣ отказалъ по тому уваженію, что дѣвица Ланская, какъ несовершеннолѣтняя, по Литовскому статуту не могла выдавать самостоятельно отъ себя заемныхъ писемъ съ обезпеченіемъ на имѣніи.

Рѣшая такимъ образомъ дѣло, государственный совѣтъ въ мотивахъ своихъ, между прочимъ, сказалъ, что упомянутыя заемныя письма Ланской имѣли-бы силу только въ Великорусскихъ губерніяхъ, т. е. если-бы они обезпечивались имѣніями, лежащими въ сихъ губерніяхъ, а не въ Гродненской губерніи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій статутъ, въ силу коего дѣвица, не достигшая извѣстныхъ лѣтъ, не могла выдавать заемныя акты. Вотъ этотъ мотивъ и послужилъ основаніемъ новой тяжбы.

Оберъ-секретарь Шеляревичъ, излагая въ указѣ сената рѣшеніе государственнаго совѣта, прописалъ самовольно, что будто-бы имѣнія, доставшіяся Порошиной отъ Ланской, находятся, кромѣ Гродненской губерніи, еще въ губерніяхъ Костромской и Новгородской.

Такія указанія о великороссійскихъ имѣніяхъ Порошиной не заключались въ дѣлѣ, которое производилось въ государственномъ совѣтѣ, и суть фактъ самовольнаго изложенія оберъ-секретаря Шкля-

ревича; не смотря на это, Потуловъ домогался подвергнуть сія имѣнія на удовлетвореніе своей претензіи. Порошинъ, измученный первоначальною тяжбою, разумѣется, отвергалъ заявленіе Потулова, хотя оно и основывалось на указѣ сената. Возгорѣлась новая тяжба, угрожавшая фамиліи Порошина совершеннымъ раззореніемъ. Министерство юстиціи, а потомъ и сенатъ, по жалобѣ Порошина, обратили вниманіе на дѣйствія оберъ-секретаря Шкляревича и признали его виновнымъ. Дѣло это докладывалось мною сначала въ министерствѣ, а потомъ въ сенатѣ (въ 1849 г.) какъ оберъ-секретаремъ.

Порошинъ изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣлъ хожденіе и, какъ я заподлинно убѣдился, совсѣмъ помутился—и было отчего! Тщетно я усповивалъ его, увѣряя, что дѣло его правое, но въ душѣ его заронился уже страхъ потерять дѣло, и хотя онъ и выигралъ его, но тѣмъ не менѣе подвергся нервному разстройству.

Истину моихъ словъ подтвердилъ мнѣ впоследствии, въ 1869 г., другъ его Воскресенскій, бывший попечителемъ харьковскаго округа, уже послѣ смерти Порошина, умершаго въ Парижѣ въ 1868 году.

Все изложенное мною написано по памяти, но взглянувъ въ систематическую роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг., я, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ въ ней указаніе на статью брата Виктора Порошина, Степана, 1882 г. за октябрь мѣсяцъ, подъ названіемъ Порошина,—семейныя воспоминанія ¹⁾).

По содержанію, своему они не только не противорѣчатъ моей статьѣ, напротивъ того, дополняютъ оную.

Изъ воспоминаній видно, что Викторъ Степановичъ былъ женатъ на француженкѣ Гюо и умеръ въ Парижѣ въ 1868 г. Статья эта преисполнена описаніемъ тяжкаго, но случайнаго горя. Сестра Порошина, Елисавета, убила случайно брата своего Валерія, а впоследствии, когда вышла замужъ, то мужъ ея, Александръ Плавскій, былъ убитъ на охотѣ, тоже случайно, братомъ ея, Степаномъ Порошинымъ.

Бываютъ-же такіа бѣдствія!

Заклучимъ сказанія о Порошинѣ тѣмъ, что онъ издалъ въ 1844 г.

¹⁾ Редакція „Русской Старины“ имѣетъ въ своемъ архивѣ, въ рукописи, воспоминанія сестры профессора Порошина, Софьи Степановны, каковыя также будутъ напечатаны.
Ред.

книгу, подъ заглавіемъ: „Записки Семена Порошина о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ“¹⁾).

Излагая біографію о Порошинѣ, я нѣсколько отдалился отъ описанія другихъ профессоровъ, оставившихъ по себѣ добрую память.

Къ числу таковыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Александръ Васильевичъ Никитенко, но печатаемая въ „Русской Старинѣ“ его въ высокой степени замѣчательныя записки-дневникъ устраняютъ необходимость писать еще что-либо о немъ. Скажемъ, что какимъ онъ рисуется въ своихъ запискахъ, такимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, именно гражданиномъ-мудрецомъ.

Мой другъ Маркъ Никол. Любошинскій былъ двоюроднымъ братомъ достойной супруги А. В., Казимиры Казиміровны, и это обстоятельство давало мнѣ случай часто видѣть у него Александра Васильевича, который, между прочимъ, звалъ его: мой дядя. Но лекціи его по русской словесности хотя были краснорѣчивы, но нѣсколько витіеваты и отчасти темноваты. Говоря о немъ, студенты прибавляли: „у Никитенки вѣчные отгѣнки“. Но такъ какъ экзамены изъ его предмета были всегда письменные, то это никого не затрудняло. Сочиненія его на заданныя темы, напримѣръ: „Мечъ и перо“ и проч., не особенно затрудняли насъ. Мы писали и получали хорошія отгѣтки. Намъ, студентамъ, было хорошо извѣстно, что онъ затруднялся въ средствахъ жизни, а потому были случаи, напримѣръ, у меня, что я ему рекомендовалъ учениковъ, коихъ онъ принималъ у себя на дому, въ домѣ Фридрекса, на большой Владимірской. Мы вообще глубоко уважали его и какъ человѣка, и какъ профессора.

Были еще и другіе профессора, напримѣръ: Иванъ Петровичъ Шульгинъ, Николай Герасимовичъ Устряловъ и др. Первый читалъ новѣйшую исторію, а послѣдній—русскую.

Шульгинъ написалъ исторію послѣднихъ вѣковъ и въ лекціяхъ своихъ постоянно придерживался ея, а Устряловъ издалъ записки Курбскаго, записки Маржерета о Дмитріи самозванцѣ и русскую исторію для среднихъ училищъ. Я не говорю о другихъ его сочиненіяхъ, вышедшихъ впоследствии. И тотъ, и другой считались знатоками своихъ предметовъ, но читали они изъ года въ годъ одно и то-же, не возбуждая любви къ наукѣ и не привлекая студентовъ

¹⁾ Второе и болѣе полное издавіе этихъ драгоцѣнныхъ Записокъ — по соглашенію съ Порошинными — было издано нами при „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. Ред.

въ изученію преподаваемыхъ ими предметовъ. Но Грановскій, вышедшій изъ школы ихъ времени, составлялъ исключеніе.

Министръ графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ иногда посѣщалъ лекціи Устрялова. Помню, разъ онъ просидѣлъ всю лекцію его; рѣчь шла объ удѣльномъ періодѣ, и министръ по окончаніи выразилъ ему свое полное удовольствіе за ясное изложеніе. То-же самое повторилось на лекціи его о смутномъ времени. Съ переѣздомъ университета на Васильевскій островъ, министръ Уваровъ еще чаще началъ посѣщать университетъ, чѣмъ прежде.

Отъ новыхъ профессоровъ мы очень многого ожидали, но увѣ! надежды наши не оправдались. Причины сему слѣдующія. Всѣ новые профессора, кромѣ университета, получали приглашенія занять кафедры въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ: училищѣ правовѣдѣнія, военной академіи, Пажескомъ корпусѣ и другихъ военныхъ учрежденіяхъ.

При такихъ обстоятельствахъ и побуждаемые недостаткомъ средствъ своихъ, они не отказывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно утомлялись, а потому лишены были возможности заняться серіозно наукою по своей части.

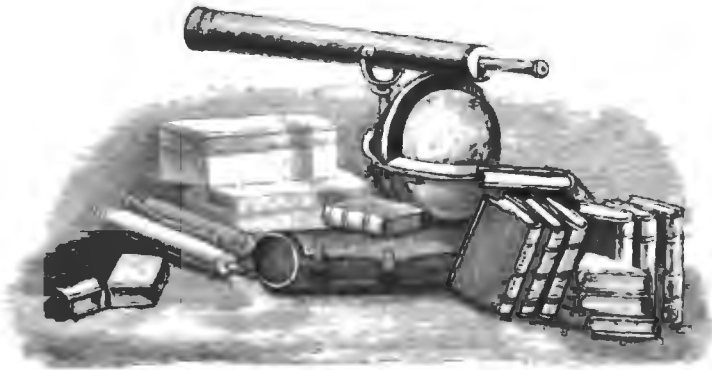
Въ Москвѣ не то было. Тамъ, какъ говорилъ мнѣ графъ Сергій Григ. Строгановъ, бывшій попечителемъ университета, профессоры не отвлекались посторонними уроками. Послѣдствіемъ сего еще было и то, что петербургскіе молодые профессора не оканчивали своихъ предметовъ по программѣ, а читали изъ года въ годъ почти одно и то-же. Напримѣръ, профессоръ Ивановскій, заявившій сначала большія способности, никогда не оканчивалъ вполне своего предмета по публичному праву, а почему? А потому, что онъ былъ преподавателемъ едва-ли не во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Естественно: читая, онъ уставалъ до изнеможенія, гдѣ ужъ тутъ было писать! Его можно было видѣть почасту, у Полицейскаго моста, въ кондитерской Вольфа, отдыкавшимъ за стаканомъ глинтвейна, въ ожиданіи истеченія промежутка времени отъ одной лекціи до другой. То-же слѣдуетъ сказать и о другихъ профессорахъ; но можно-ли было винить ихъ въ этомъ? Нельзя: былъ спросъ, а жизнь требовала средствъ.

Къ числу талантливыхъ профессоровъ моего времени слѣдуетъ отнести братьевъ Куторга, изъ коихъ одинъ старшій, Степанъ, читалъ естественныя науки, а другой, Михайлъ—исторію. Оба они были любимы и чтимы студентами. Про перваго мнѣ рассказывалъ одинъ очевидецъ такой случай: онъ женился по второму браку и съ молодой женой отправился на островъ Эзелъ, гдѣ на берегу,

подъ прикрытіемъ опрокинутой рыбачьей лодки, со всевозможными лишеніями, провелъ все каникулярное время, изучая море. Помню еще, что въ старомъ университетѣ, на обширномъ дворѣ, была большая лужа, гдѣ завелись огромныя лягушки. Профессоръ Куторга съ терпѣніемъ и любовью, не смотря на погоду, съ разными приспособленіями, усидчиво занимался ловлею этихъ лягушекъ, и о, радость! онъ поймалъ изъ нихъ самую большую. Своимъ восторгомъ онъ дѣлился съ студентами на лекціяхъ, показывая ее своимъ слушателямъ съ такимъ-же умиленіемъ, какъ художникъ скульпторъ предоставлялъ зрителямъ осматривать свое произведеніе.

Н. М. Колмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Пѣсня о городѣ Иркутскѣ.

ЗАМѢТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ над. 1890 г., т. I.XVIII, кн. ноябрь, помѣщена записанная г. Штицинымъ „Старинная пѣсня о городѣ Иркутскѣ“, гдѣ воспѣвается нѣкій Алеша. Эту самую пѣсню, съ разницею лишь въ первой строкѣ ея, вмѣсто „Иркутской городъ славный“ — „Нашъ Саратовъ городъ славный“, — мы очень часто слышали въ Саратовской и смежныхъ съ нею губерніяхъ; а такъ какъ естественнѣе допустить распространеніе народныхъ пѣсней изъ центральной Россіи къ окраинамъ, чѣмъ наоборотъ, то слѣдуетъ предположить, что данная пѣсня, какъ это нерѣдко бываетъ, просто заимствована и приспособлена, путемъ подстановки названія города, къ Иркутску, настоящее-же мѣсто ея происхожденія Саратовъ, а можетъ быть даже и еще какой-нибудь другой російскій городъ. Мимоходомъ здѣсь-же замѣтимъ, что простонародное измѣненіе окончанія въ названіи городовъ —скъ на —скій или —ской едва-ли нуждается въ специальномъ по отношенію къ городу Иркутску объясненіи: въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи это измѣненіе обычная вещь, и оно понятно, потому что —скъ есть не что иное какъ усѣченное —скій; если хотять произвести названіе, напримѣръ, отъ имени „Павель“ или отъ праздника „Вознесенье“, то селеніе назовется „Павловское“, „Вознесенское“, ставица — „Павловская“, „Вознесенская“, городъ-же, очевидно, — „Павловскъ“, „Вознесенскъ“, т. е. „Павловскій“, „Вознесенскій“.

А. Никольскій.

г. Кокчетовъ, Акмолинской области.

Къ Запискамъ Н. В. Берга.

ПОПРАВКА.

На стр. 586 „Русск. Ст.“, кн. III, над. 1891 г., Бергъ передаетъ разсказъ А. П. Ермолова о поручикѣ Стефани. Въ этомъ разсказѣ упоминается два раза великій князь Михаилъ Павловичъ, но это описка: великій князь Михаилъ Павловичъ въ войнѣ не участвовалъ, а былъ участникомъ кампаніи великій князь Константинъ Николаевичъ.

П. А.

Самара.

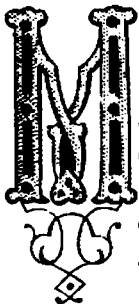

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ.

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ четвертый ¹⁾).

VIII.

Мая 14-го 1803 г. В. Т. Нарѣжный былъ уволенъ изъ Лорійской управы и уѣхалъ изъ Тифлиса; а осенью того-же года поступилъ на службу въ Петербургѣ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ означено въ его формулярномъ спискѣ.

Въ настоящее время, при отсутствіи данныхъ, трудно рѣшить, какими путями В. Нарѣжный получилъ мѣсто въ Петербургѣ, чуждомъ для него городѣ, такъ какъ, повидимому, не обладалъ искусствомъ заводить полезныя знакомства и находить сильныхъ покровителей. Во всякомъ случаѣ, былъ-ли онъ обязанъ этимъ своему университетскому диплому или рекомендательнымъ письмамъ, но его служба при министерствѣ внутр. дѣлъ началась при иныхъ и болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ на Кавказѣ. Онъ увидѣлъ другихъ представителей чиновничьяго міра, у которыхъ государственныя интересы стояли на первомъ планѣ и не смѣшивались съ личными своекорыстными цѣлями.

¹⁾ См., „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; томъ LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270; изд. 1890 г., томъ LXVII, сентябрь, стр. 469—527. Портретъ В. Т. Нарѣжнаго приложенъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., т., LIX, августъ, стр. 225.

Экспедиція государственнаго хозяйства, при М. В. Д., была тогда раздѣлена на три отдѣленія (21). Въ одно изъ нихъ, а именно въ 3-е отдѣленіе, такъ наз. „Соляныхъ дѣлъ“, поступилъ Нарѣжный, 1-го сентября 1803 г., и занялъ здѣсь скромную должность писца, хотя почему-то получалъ болѣе значительное жалованье, нежели его товарищи, служившіе при томъ-же столѣ. Такъ изъ четырехъ штатныхъ писцовъ, опредѣленныхъ въ одно время съ нимъ въ 1803 году и, также, состоявшихъ въ чинѣ коллежскихъ регистраторовъ, — двоимъ назначено годоваго жалованья 300 р., одному 375, а Нарѣжному 400 р. ас.

3-му отдѣленію „Соляныхъ дѣлъ“, учрежденному взамѣнъ упраздненной „Главной соляной конторы“, предстояло сдѣлаться средоточіемъ сношеній по соляной части всей имперіи, и, такъ какъ гр. Кочубей обратилъ особенное вниманіе на эту отрасль государственнаго хозяйства, то преобразованія слѣдовали за преобразованіями, и на долю служившихъ здѣсь чиновниковъ выпало не мало труда. Тѣмъ не менѣе, не смотря на усиленную и чисто механическую работу, едва-ли представлявшую какой-либо интересъ для Нарѣжнаго, онъ неотлучно исполнялъ должность писца при М. В. Д. въ теченіе четырехъ лѣтъ. Но въ 1807 году, согласно поданному прошенію, онъ былъ уволенъ изъ министерства 22 мая „для опредѣленія къ должности въ другомъ мѣстѣ,“ какъ видно изъ выданнаго ему тогда аттестата. (См. Прил. VIII).

Что касается литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго въ продолженіе его четырехъ-лѣтней службы при М. В. Д., то въ этотъ промежутокъ времени, быть можетъ, вслѣдствіе усиленныхъ служебныхъ занятій, только въ 1804 году, былъ напечатанъ его „Дмитрій Самозванецъ“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Но и та была написана въ 1800, (какъ означено на заглавномъ листѣ), слѣдовательно, — въ пору его студенчества (22).

Это драматическое произведеніе Нарѣжнаго, даже со стороны менѣе самобытной обработки сюжета, несравненно слабѣе его вышеприведенной трагедіи „Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова“, напечатанной въ „Иппокренѣ“, 1800 г. Насколько мы могли прослѣдить, „Дмитрій Самозванецъ,“ по общему характеру, а равно и въ отдѣльныхъ сценахъ, представляетъ сколокъ съ известной трагедіи Шиллера „Разбойники“, которую Нарѣжный, при знаніи нѣмецкаго языка, могъ читать въ подлинникъ, даже, помимо русскаго перевода Сандунова, изд. въ Москвѣ въ 1793 г.

Дмитрій Самозванецъ, главное лицо трагедіи, списанъ съ Карла Мора, хотя характеръ его является далеко не такимъ типичнымъ и выдержаннымъ, какъ у героя Шиллеровской трагедіи. Въ ранней

молодости, Димитрій обкрадывает своего отца, галицкаго дворянина, и, бросивъ его въ нищетѣ, обращается въ бѣгство, что совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ душевнымъ качествамъ, какія хотѣлъ ему придать Нарѣжнй, судя по слѣдующимъ словамъ Басманова въ 3-мъ дѣйстви: „Великій предприимчивый духъ Димитрія усиленъ мною; строгая его дѣятельность ослѣплена; его мужество, душевнаа твердость растлѣнны...“

Съ другой стороны, Басмановъ, вопреки историческимъ даннымъ, подобно Францу Морю въ „Разбойникахъ“, представляетъ собою олицетвореніе зла и вскихъ пороковъ: онъ не разбираетъ средствъ и не останавливается ни передъ какими злодѣяніями, для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Марина или Маріанна, какъ она названа у Нарѣжнаго, напоминаетъ во многихъ чертахъ Амалію Шиллеровской трагедіи, особенно въ первомъ дѣйстви. Роль нищаго въ трагедіи „Димитрій Самозванецъ“ та-же, что и стараго графа въ „Разбойникахъ“: Димитрій также пораженъ появленіемъ нищаго, въ которомъ узнаетъ своего отца, какъ и Францъ Морь, при такомъ-же неожиданномъ появленіи стараго графа, котораго онъ заключилъ въ подземелье замка и считалъ умершимъ.

Остальныя дѣйствующія лица трагедіи, самостоятельно созданныя Нарѣжнмъ, очерчены блѣдными, плохо подобранными красками. Василій Шуйскій и молодой галицкій князь производятъ впечатлѣніе ходульных мелодраматическихъ героевъ; Ксенія, дочь Бориса Годунова и невѣста князя Георгія, изображена въ видѣ любящаго и слабопервнаго существа: она падаетъ въ обморокъ, при всякомъ сильномъ волненіи, хотя въ то-же время оказываетъ упорное сопротивление самозванцу, который преслѣдуетъ ее своею любовью.

Но и помимо близкаго подражанія „Разбойникамъ“ Шиллера и неудачно очерченныхъ типовъ, трагедія „Димитрій Самозванецъ“ неудовлетворительна и въ историческомъ отношеніи, что объясняется тогдашней недостаточной разработкой эпохи Смутнаго времени. Не говоря уже о крупныхъ погрѣшностяхъ въ обрисовкѣ бытовой стороны, характеры и отношенія выведенныхъ историческихъ лицъ изображены невѣрно, высокопарныя рѣчи Василія Шуйскаго и галицкаго князя Георгія поражаютъ своею искусственностью и неуѣстными ссылками изъ древней исторіи и на классическихъ героевъ Брута и Катона, хотя такія-же ссылки являются вполне уѣстными у Шиллера, въ устахъ Карла Мора.

Неизвѣстно, былъ-ли „Димитрій Самозванецъ“ когда-либо поставленъ на сцену; по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не встрѣтили подтвержденія извѣстія, сообщеннаго въ Сборникѣ Н. Греча 1812 г. (23),

будто-бы эта трагедія В. Нарѣжнаго была играна въ Москвѣ ¹⁾. Между тѣмъ одновременное появленіе въ 1804 г. „Димитрія Самозванца“ Озерова, имѣвшаго громкій успѣхъ, не было благопріятно для трагедіи Нарѣжнаго, названной тѣмъ-же именемъ, которая, вслѣдствіе такой опасной конкуренціи, даже помимо ея недостатковъ, могла пройти незамѣченною.

Въ только что указанномъ нами Сборникѣ Н. Греча 1812 г. (стр. 447), кромѣ „Димитрія Самозванца“, упомянуты еще три непечатанныя трагедіи Нарѣжнаго: а) „Елена“, трагедія въ шести-стопныхъ стихахъ, б) „Свѣтлосанъ“—въ такихъ-же стихахъ и с) „Святополкъ“, писанный, въ подражаніе Шиллеру, пятистопными бѣлыми стихами. Мы не знаемъ, сохранились-ли гдѣ рукописи этихъ трехъ трагедій; но вообще трудно разсчитывать, чтобы онѣ были когда-нибудь найдены, въ виду исключительныхъ условій литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго.

IX.

30-го мая 1807 г., какъ видно изъ формулярнаго списка, Нарѣжный поступилъ въ малоизвѣстную и, въ настоящее время, уже не существующую „Горную экспедицію Кабинета его величества“. Экспедиція эта, въ историческомъ отношеніи, представляетъ любопытное явленіе устарѣвшаго учрежденія, которое продолжало существовать почти безъ всякихъ измѣненій, не смотря на коренное преобразование горнаго дѣла въ Россіи. Подъ вѣдомствомъ „Горной экспедиціи Кабинета“ находились Нерчинскіе и Колывано-Воскресенскіе заводы, не разъ переходившіе отъ Кабинета въ завѣдываніе Бергъ-коллегии и обратно; но въ началѣ царствованія Александра I заводы эти были окончательно оставлены за кабинетомъ.

Время поступленія В. Нарѣжнаго на новую должность совпало съ важными преобразованиями горнаго дѣла въ Россіи. Вводилось Горное Положеніе, высочайше утвержденное 13-го іюля 1806 г. (24),

¹⁾ Въ „Biographie Universelle“ Michaud изд. 1822 года сказано, что „Александръ Димитрій“ Нарѣжнаго все еще дается на сценѣ; но это извѣстіе лишено, повидимому, всякаго основанія, хотя въ то-же время другія свѣдѣнія, сообщенныя въ „Biographie Universelle“ о сочиненіяхъ и жизни Нарѣжнаго, оказываются не только вѣрными, но еще болѣе подробными, нежели тѣ свѣдѣнія, какія намъ приходилось встрѣчать въ русскихъ энциклопедическихъ и біографическихъ словаряхъ.

по которому уничтожалась Бергъ-Коллегія и учреждался Горный департаментъ. При этомъ однимъ изъ главныхъ нововведеній, связанныхъ съ общей реформой, была замѣна мѣстныхъ горныхъ начальствъ горными правленіями и уничтоженіе класса приписныхъ крестьянъ посредствомъ постоянныхъ мастеровыхъ (25).

Но пока Горное Положеніе распространялось только на заводы Уральскаго хребта, замосковскіе и частныя; всѣ-же прочіе заводы, а также находившіеся подъ вѣдомствомъ Кабинета, оставлены были на прежнихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, въ общемъ ходѣ дѣлъ „Горной экспедиціи Кабинета“ и, завѣдуемыхъ ею Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, почти не произошло никакихъ перемѣнъ; и работа на этихъ заводахъ по старому производилась приписными крестьянами ¹⁾.

О характерѣ управленія Горной экспедиціи Кабинета, относительно Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, въ тѣ времена, можно составить себѣ наглядное понятіе изъ „Историческаго описанія“ 1807 года, авторъ котораго относится съ видимымъ сочувствіемъ къ старымъ, издавна заведеннымъ, порядкамъ, такъ что его нельзя заподозрить въ преувеличеніи:

„Кабинетъ, говоритъ онъ, управляя Колывано-Воскресенскими и Нерчинскими заводами, какъ прежде, такъ и нынѣ, даетъ полную хозяйственную власть начальникамъ заводовъ, не стѣсня ни мало ихъ дѣйствія въ пользу заводовъ... Увидѣвъ какое-нибудь недоразумѣніе, въ самыхъ важныхъ случаяхъ требуетъ онъ объясненія; но никогда не затруднитъ мѣстнаго начальства въ вещахъ обыкновенныхъ и такихъ, въ которыхъ онъ никакой помощи и пользы сдѣлать не можетъ, какъ, напримѣръ, предписывать о закупкѣ провіанта многими указами и наставленіями, изъясляющими разными сомнѣніи, требованіемъ вѣдомостей различныхъ, по сему и симъ подобнымъ предметамъ.

„Такое управленіе Кабинета, соединенное съ полною довѣренностью къ мѣстнымъ начальникамъ, содержало заводы въ самомъ лучшемъ положеніи... Было и другое время, когда началъ Кабинетъ считать главнаго заводовъ начальника въ разныхъ мелочахъ, отступая отъ своего прежняго образа правленія; но какъ сіе продолжалось весьма недолго, то и не имѣло по себѣ никакихъ чувствительно-худыхъ послѣдствій...“ (26).

Что касается общаго хода дѣлъ „Горной экспедиціи Кабинета“ до 1822 года и состава служащихъ при ней чиновниковъ, то, въ связи съ общимъ характеромъ этого учрежденія, есть основаніе

¹⁾ Существенная перемѣна въ управленіи Нерчинскихъ и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и въ заведенныхъ здѣсь порядкахъ произошла въ 1822 году, вслѣдствіе именнаго указа отъ 22-го іюля (И. С. З. XXXVIII, 29, 124).

предполагать, что здѣсь были такіе-же патріархальныя порядки. Такъ, напримѣръ, въ 1811 году въ отдѣленіи „Горной экспедиціи Кабинета“, при которомъ находился Нарѣжный, было два помощника экспедитора; въ 1812-мъ, быть можетъ, въ виду общаго застоя въ дѣлахъ, во время нашествія французовъ, одинъ Нарѣжный исполнялъ эту должность; въ слѣдующемъ 1813 году число помощниковъ экспедитора доходить до трехъ (27).

Но какая-бы ни была причина увеличенія или уменьшенія числа служащихъ въ „Горной экспедиціи кабинета“, едва-ли они были особенно обременены работой при вышеупомянутыхъ порядкахъ. Такимъ образомъ, Нарѣжный, помимо повышенія въ должности, могъ выиграть отъ перемѣны мѣста — со стороны большаго досуга для своихъ литературныхъ занятій, особенно, въ сравненіи со службой въ министерствѣ Внутр. Дѣлъ, при той усиленной дѣятельности, какой отличалось управленіе графа Кочубея. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе Нарѣжнаго также должно было измѣниться къ лучшему, вслѣдствіе увеличеннаго жалованья, которое при тогдашней дешевизнѣ могло удовлетворять требованіямъ человѣка, неизбалованнаго жизнью.

Однако, по всѣмъ даннымъ, и въ это время, и послѣ, Нарѣжный не имѣлъ возможности печатать свои сочиненія на собственный счетъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ нихъ могли лежать годами безъ напечатанія. Вообще, только, трудностью найти издателей кажется намъ возможнымъ объяснить, крайне неравномѣрное появленіе въ свѣтъ сочиненій Нарѣжнаго и значительное количество повѣстей и романовъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ настоящее время, при бѣдности біографическихъ свѣдѣній, нельзя рѣшить, когда собственно было написано то или другое сочиненіе Нарѣжнаго; и едва-ли, болѣе ранній или поздній выходъ въ свѣтъ тѣхъ или другихъ произведеній его можетъ служить, въ этомъ отношеніи, безошибочнымъ указателемъ. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что выборъ и время печатанія зависѣли отъ усмотрѣнія издателей; а Нарѣжный, не имѣя никакой поддержки въ литературномъ мірѣ, долженъ былъ неизбѣжно подчиняться ихъ требованіямъ.

Немногія посвященія, приложенныя къ нѣкоторымъ изданіямъ сочиненій В. Нарѣжнаго, оставляютъ насъ въ полномъ недоумѣніи относительно того, какую роль въ его жизни и литературной дѣятельности играли лица, которымъ онъ посвящаетъ свои труды, такъ какъ мы встрѣчаемъ здѣсь одни неясныя намеки. Посвященія эти представляютъ единственныя данныя о личной жизни Нарѣжнаго и могутъ навести на слѣдъ его писемъ и ненапечатанныхъ сочи-

ней; поэтому мы считаемъ великимъ привести ихъ, тѣмъ болѣе. что такихъ посвященій всего четыре и они состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ. Такъ, въ 1809 году вышла первая книга „Славенскихъ вечеровъ“ съ слѣдующимъ посвященіемъ Петру Александровичу Будицкому ¹⁾:

„Любезный другъ. Тебѣ приношу Славенскіе вечера мои. Дружба твоя доставила мнѣ возможность досуги свои проводить съ единственнымъ для меня удовольствіемъ, и поэтому первые плоды пріятныхъ часовъ сихъ посвящаю твоему добродушному чувствительному сердцу. Прими ихъ съ тѣмъ расположеніемъ, съ какимъ предлагаю. Тебѣ навсегда преданный В. Нарѣжний“.

Въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ“, изданной въ 1809 г., помѣщены только восемь повѣстей или, точнѣе, эпическихъ поэмъ, написанныхъ прозой. Что касается трехъ остальныхъ, напечатанныхъ впоследствии, то двѣ изъ нихъ, а именно Любославъ и Александръ, были напечатаны въ журналѣ „Соревнователь“ (1818 и 1819 гг.), а Игорь появился впервые въ 1826 году, послѣ смерти Нарѣжнаго.

Сравненіе этихъ трехъ повѣстей съ остальными, помѣщенными въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ“, привело насъ къ выводу, что только повѣсть Александръ, вѣроятно, написана нѣсколькими годами позже, какъ видно по слогу и нѣсколько иному способу изложенія, а равно и по времени, къ которому относится рассказъ. Между тѣмъ, Игорь и Любославъ настолько тождественны съ повѣстями „Славенскихъ вечеровъ“, изданныхъ въ 1809 году, что они, повидимому, написаны около того-же времени, потому что сумма впечатлѣній, пережитыхъ авторомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, должна неизбѣжно наложить извѣстный отпечатокъ на его позднѣйшія произведенія.

¹⁾ Петръ Александровичъ Будицкой долго служилъ въ Департаментѣ Удѣловъ, гдѣ въ 1824 году занималъ мѣсто начальника отдѣленія. В. И. Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ о немъ: „Будицкой умный, пріятный, но нѣсколько флегматичный человекъ, побочный братъ графа Гурьева; онъ и другъ его, статскій-же совѣтникъ, даровитый Взметневъ были тогда одинъ правою, другой лѣвою рукою министра Л. А. Перовскаго“ (28).

X.

Обращеніе къ отечественной старинѣ, въ связи съ возвеличеніемъ національныхъ героевъ, вмѣсто общепринятыхъ историческихъ лицъ классической древности, началось у насъ, какъ и у западно-европейскихъ народовъ, въ извѣстную пору развитія литературы. Направленіе это, которое выразилось всего рельефнѣе въ Германіи въ концѣ XVII вѣка, хотя и плодотворное само по себѣ, но при ложномъ пониманіи поставленной задачи со стороны авторовъ, должно было неизбежно повести къ искаженію историческихъ фактовъ, невѣрному изображенію историческихъ лицъ, а также напускному, ничѣмъ не мотивированному пафосу. Недостатки этого литературнаго направленія, возникшаго у насъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, должны были особенно рѣзко проявиться на русской почвѣ, при тогдашнемъ неудовлетворительномъ состояніи нашей исторической науки. Мы видимъ это въ большей или меньшей степени на произведеніяхъ русской драматической литературы и на попыткахъ историческихъ повѣстей, приведенныхъ нами во второмъ очеркѣ нашей статьи („Русская Старина“ 1888, кн. VIII, стр. 249—257).

Изданіе нашихъ старыхъ историческихъ памятниковъ, въ концѣ прошлаго вѣка, появленіе „Слова о полку Игоревѣ“ въ 1800 г., а равно изданіе былинъ Киришей Даниловымъ въ 1804 г., несомнѣнно способствовали расширенію историческихъ знаній и усилили интересъ къ русской старинѣ. Но, съ другой стороны, накопленіе историко-этнографическаго матеріала, при недостаточной научной разработкѣ, оставляло слишкомъ большой просторъ для фантазіи авторовъ.

Вслѣдъ за изданіемъ „Слова о полку Игоревѣ“ появились стихотворныя переложенія этого замѣчательнаго памятника XII вѣка, какъ, напримѣръ: И. Сѣрякова въ 1803 и А. Палицына въ 1807 году (29). Около этого-же времени, а именно въ 1809 г., напечатана была первая книга „Славенскихъ вечеровъ“, въ которыхъ Нарѣжный, подъ видимымъ вліяніемъ „Слова о полку Игоревѣ“, дѣлаетъ попытку возстановить кievскую старину княжескихъ временъ, въ формѣ повѣствовательныхъ поэмъ, написанныхъ прозой. Но только въ „Игорѣ“, какъ мы увидимъ ниже, замѣтно прямое подражаніе „Слова о полку Игоревѣ“, содержаніе котораго, во всякомъ случаѣ, не могло служить достаточнымъ матеріаломъ для всей серіи „Славенскихъ вечеровъ“. Это, вѣроятно и побудило автора также воспользоваться для нихъ преданіями занесенными въ лѣтописяхъ и

другихъ памятникахъ, и прибѣгнуть къ инымъ образцамъ для подражанія, на ряду съ стремленіемъ ввести въ рассказъ народный элементъ, хотя понятый внѣшнимъ образомъ.

Нарѣжный, въ пору своей юношеской литературной дѣятельности, а именно въ приведенномъ выше „Рогвольдъ“, уже сдѣлалъ попытку подобной псевдо-исторической повѣсти; но „Рогвольдъ“ при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ значеніе со стороны болѣе самобытной обработки сюжета, чего не представляютъ „Славенскіе вечера“. Здѣсь авторъ заранѣе начерталъ себѣ готовыя и, вдобавокъ, чужія рамки, хотя вообще подражаніе и поддѣлка подъ чужой тонъ плохо даются ему, и подражательныя мѣста неизмѣнно оказываются самыми слабыми во всѣхъ его произведеніяхъ.

Элементъ подражанія значительно уменьшаетъ впечатлѣніе, получаемое отъ „Славенскихъ вечеровъ“, написанныхъ подъ разными вліяніями, какъ по формѣ и содержанію, такъ и языку, напоминающему мѣстами Карамзинскій слогъ. Вслѣдствіе этого, общій характеръ повѣстей не выдержанъ, и онѣ являются настолько искусственными и, такъ сказать, придуманными, что должны неизбѣжно утомлять нынѣшняго читателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что и на „Славенскихъ вечерахъ“ отразился талантъ Нарѣжнаго, какъ это доказываютъ прекрасныя изображенныя имъ картины, художественныя и поэтическія выраженія; но они проходятъ незамѣтно, среди множества славянскихъ и устарѣлыхъ, случайно вставленныхъ словъ, а также искусственно созданныхъ архаизмовъ. Авторъ, какъ-бы намѣренно, испестрилъ ими текстъ повѣстей, съ цѣлью придать старинный колоритъ своему слогу, согласно изображаемой эпохѣ. При этомъ количество такихъ словъ распределено весьма неравномѣрно и, насколько мы могли замѣтить, Любославъ (Вечера X—XII) всего обильнѣе надѣленъ ими; а также на нѣкоторыхъ страницахъ они почему-то встрѣчаются рѣже, нежели на другихъ.

Въ какой степени, подобныя вставки нарушаютъ общее впечатлѣніе художественныхъ образовъ, создаваемыхъ авторомъ, могутъ служить слѣдующія выписки изъ второй и третьей страницы Любослава:

„Любославъ восклонился на руку, подъялъ очи свои и воззвалъ къ небу, звѣздами цвѣтущему: почто мѣсяцъ такъ кротко помаваешь ты жемчужными власами.. Покрой, о мѣсяцъ, кристальное чело свое тучею непроницаемой; отклоните, звѣзды, яркіе взоры свои отъ князя несчастнаго! Для духа моего способности, вождельнѣе блуждать въ дубравахъ мрачныхъ подъ наметомъ пасмурнаго неба... Возсталъ и пошелъ... Ночь прошла въ пѣшешествіи“ и пр.

Далѣе читатель на каждомъ шагу встрѣчаетъ не менѣе вычурныя слова и обороты рѣчи: безвѣстно, хочу, тамо, воскрай, осклаблялся или-же: совлеки багряницу съ рамень твоихъ, копіе повергни долу, тако бывъ человекъ, вопросы... (стр. 149—151).

Между тѣмъ, такія-же вставки случайно подобранныхъ словъ и выраженій почти незамѣтны въ двухъ „Славенскихъ вечерахъ“, а именно „Кій и Дулебъ“ и „Славень“, вслѣдствіе болѣе выдержаннаго тона и старательной отдѣлки слога. Поэтому Н. Гречъ въ своемъ Сборникѣ 1812 года, „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ“, не, безъ основанія, приводитъ, въ числѣ лучшихъ образцовъ тогдашней русской прозы, выдержки изъ повѣсти Нарѣжнаго „Кій и Дулебъ“.

Однако, и на этихъ двухъ повѣстяхъ „Славенскихъ вечеровъ“, какъ и на всѣхъ остальныхъ, отразилось, до извѣстной степени, вліяніе пѣсенъ Оссіана, которыя въ переводѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1792 году (30), помимо выдержекъ, помѣщенныхъ въ журналахъ конца прошлаго вѣка (31). Пѣсни Оссіана пришились по вкусу тогдашней русской публики, и Нарѣжный въ молодости, вѣроятно, увлекался ими, наравнѣ съ другими, а впослѣдствіи изучалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Только, при этомъ условіи могъ онъ поддѣлаться въ такой степени подъ своеобразный торжественный тонъ Оссіановыхъ пѣсенъ и настолько освоиться съ нимъ, что не всегда легко отличить подражательныя мѣста отъ самобытныхъ.

Между прочимъ, форма обращеній къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, источникамъ, вѣтру и проч. прямо заимствована изъ Оссіана, хотя текстъ въ этихъ случаяхъ является болѣе или менѣе самобытнымъ. То-же можно сказать и объ Оссіановыхъ бардахъ, которые являются у Нарѣжнаго съ одинаковыми атрибутами и при той-же обстановкѣ, въ видѣ вдохновенныхъ старцевъ. Но и помимо подражанія внѣшней формѣ и приемамъ въ „Славенскихъ вечерахъ“ встрѣчаются отдѣльныя картины, непосредственно заимствованныя изъ пѣсенъ Оссіана съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ¹⁾.

¹⁾ Подтверженіемъ этого могутъ служить слѣдующія выписки изъ пѣсенъ Оссіана и повѣстей Нарѣжнаго.

Оссіанъ, ч. I, стр. 251.

Поэма: Комлатъ и Кютона.

„Ночь была бурная; стенищіе дубы исторгаясь падали съ горь... частыя молнія разсѣкали воздухъ... я зрѣлъ вѣкій привракъ: онъ стоялъ на брегѣ

„Славен. вечера“, стр. 14—15.

Вечеръ I. Кій и Дулебъ.

„Часто въ бурную ночь, когда вѣтры потрясали въ корнѣ древа сѣи вѣчно зеленныя, когда молнія разсѣкала воздухъ и громы рывая на вершк-

XI.

Что касается содержания восьми повѣстей, напечатанных въ первой книгѣ „Славенскихъ вечеровъ“ 1809 года, то онѣ представляютъ пеструю смѣсь лѣтописныхъ и былинныхъ разсказовъ, мотивовъ „западно-европейскихъ“ рыцарскихъ и другихъ романовъ и самобытнаго творчества автора.

Двѣ первыя повѣсти, сходныя по содержанию: Кій и Дулебъ и Славенъ („Славен. вечера“ I и II), относятся къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда народы, нѣкогда населявшіе Россію, впервые „познали благо общежитія“ и усвоили зачатки культуры. При этомъ Нарѣжный дѣлаетъ попытку дополнить недостатокъ преданій объ этой эпохѣ вымыслами своей богатой фантазій:

Кій и Славенъ одинаково являются просвѣтителями дикихъ племенъ, нѣкогда населявшихъ берега Днѣпра и Ильменя, „научаютъ ихъ чтить велѣнія боговъ, даютъ имъ миръ и судъ, открываютъ тайнства земледѣлія и судоходства и дикія племена одни за другими подчиняются ихъ кроткому скипетру“. Въ первой изъ названныхъ повѣстей Дулебъ, князь дикихъ племенъ, посившихъ его имя, сватается къ прекрасной Лебедѣ, сестрѣ Кіа, но полу-

безмолвель. Одежда его, составленная изъ паровъ, развѣвалась по волѣ вѣтровъ и пр. (См. переводъ Е. И. Кострова 1792 г.).

Оссіанъ, ч. I, стр. 93.

Пѣсня первая.

„Герои простираются. Сколь ужасно среди мрачна осени, съ высоты двухъ противостоящихъ горъ устремляются другъ противъ друга двѣ грозныя бури или два источника, свергаясь съ утесистыхъ камней, соединяются, сражаются и шумятъ, слившись между собою въ долину, тако сомкнулися, тако смѣсилися ополченія... Сталь ударяетъ и ударяется отражаясь; шиты летятъ раздробляясь на части; кровь течетъ и дымится на поляхъ“ и пр. (См. перев. Е. И. Кострова, 1792 г.).

нахъ горъ приводили въ трепеть неустрашимыхъ странниковъ... часто ловцы звѣрей и странные витязи видѣли, какъ духъ Дулебовъ, въ видѣ столба огненного, носился надъ вѣтвищемъ праха своего“...

„Славен. вечера“, стр. 71.

Вечеръ V. Громобой.

„Какъ два вихря противныя, текущія сразить одинъ другаго,—роютъ землю и исторгаютъ древа великія на пути своемъ, наконецъ, встрѣтятся, борются и уничтожаютъ другъ друга, равною силою исчезаютъ; выль подымается къ облакамъ и тишина наступаетъ: такъ сразились мы съ Буриноемъ... И схватилъ мечъ и поразилъ въ грудь врага жестокаго; полилась черная кровь его по брони; но подобно грому булава его обрушилась надъ главою моею... рассыпалась сталь блестящая и шлемъ мой сокрушенный на части палъ на землю“...

часть отказъ, такъ какъ не хочетъ подчиниться „законамъ Кіа“, и кончаетъ самоубійствомъ. Во второй повѣсти варяжскій князь Радимірь, при тѣхъ-же условіяхъ, оказывается болѣе уступчивымъ; по требованію Славена, онъ оставляетъ прежній образъ жизни, становится „также великъ въ добродѣтеляхъ мирныхъ, какъ былъ грозенъ въ браняхъ кровавыхъ“, и вслѣдствіе этого женится на Славеновой дочери,—Всемигѣ.

Въ четырехъ слѣдующихъ повѣстяхъ Рогдай, Велесилъ, Громобой и Ирена авторъ „Славенскихъ вечеровъ“ изображаетъ кіевскихъ богатырей временъ Владиміра; но выведенные имъ герои и романтическіе рыцари, кромѣ нѣкоторыхъ чертъ и внѣшней обстановки, имѣютъ мало общаго съ простодушными витязями русскихъ былинъ.

а) Рогдай („Славен. вечеръ“ III) не уступаетъ въ храбрости Ильѣ Муромцу и другимъ былиннымъ богатырямъ, но рѣзко отличается отъ нихъ резонерствомъ и высокопарными рѣчами въ патріотическомъ духѣ. Онъ выступаетъ одинъ, въ сопровожденіи оруженосца, противъ трехъ сотъ печенѣговъ и убиваетъ ихъ князя Буйслава; а затѣмъ, когда печенѣги предлагаютъ ему выкупить дорогой цѣной трупъ своего повелителя, онъ даетъ такой отвѣтъ: „Никогда не откажу жизни своей для сребра и злата и послѣднюю каплю ея цѣню дороже богатствъ всего свѣта. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли русскія,—для него только проливается кровь его. Возвращаю вамъ Буйслава, вашего повелителя“ и пр. (стр. 36).

б) Велесилъ („Славен. вечеръ“ IV), одинъ изъ древнихъ витязей двора Владиміра, представляетъ собою примѣръ рѣдкаго постоянства въ любви, достойнаго средневѣковыхъ рыцарей. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ напрасно добивается любви похищенной имъ гречанки Софьи, принимаетъ крещеніе во время похода Владиміра на грековъ, въ надеждѣ тронуть сердце неприступной красавицы, которая оставлена имъ подъ охраной вѣрнаго оруженосца. По прибытіи на родину, Велесилъ съѣздить къ знакомой нещери, застаётъ Софью на смертномъ одрѣ и, предавъ землѣ тѣло своей возлюбленной, возвращается ко двору Владиміра. Проходятъ годы, но ничто не можетъ утѣшить несчастнаго витязя, ни разсѣять его горести; подконецъ онъ поселяется у могилы гречанки, чтобы провести здѣсь остатокъ дней своихъ.

в) Повѣсть Громобой („Славен. вечеръ“ V—VI), по общему характеру и романтической завязкѣ, напоминаетъ старыя рыцарскіе романы, писанныя по извѣстному шаблону. Громобой служитъ оруженосцемъ у косожскаго князя и влюбляется въ его дочь Миловзору; она платитъ ему взаимностью и убѣждаетъ выступить въ назначенное утро въ числѣ другихъ совскателей ея руки, которые „должны были утвердить право свое силою оружія“. Далѣе слѣдуетъ описаніе турнира, хотя авторъ не употребляетъ этого слова; Громобой является неожиданно, въ видѣ таинственнаго рыцаря, и побѣждаетъ своихъ соперниковъ; но когда разбитый шлемъ падаетъ съ его головы, то косожскій князь, съ негодованіемъ, объявляетъ ему, что не отдастъ единственной дочери оруженосцу. Громобой съ отчаяніемъ оставляетъ косожскую землю и поступаетъ на службу къ Добрыни, при содѣйствіи котораго получаетъ званіе витязя; послѣ чего онъ разбиваетъ враговъ косожскаго князя и женится на Миловзорѣ.

d) Въ повѣсти Ирена авторъ рисуетъ картину благоденствія кіевлянъ подъ кроткимъ правленіемъ Владиміра. Но чужое счастье „наполняетъ завистью черныя души вѣроломныхъ гревовъ“,—которые съ цѣлю лишить Владиміра храбрыхъ витязей, его главной опоры,—отправляютъ ко двору кіевскому коварную Ирену, первую любовницу Кесаря.

Ирена является въ Кіевъ и настолько очаровываетъ русскихъ витязей своей ослабительной красотой, что они сразу влюбляются въ нее, а черезъ мѣсяць, когда она изъявляетъ желаніе посѣтить другія княжества, слѣдуютъ за ней цѣлой толпой. Изъ витязей только мудрый Велесиль остается при дворѣ кіевскомъ. Вскорѣ приходитъ вѣсть, что многочисленное греческое ополченіе вторглось въ предѣлы русской земли. Владиміръ готовится въ бою, а Велесиль отправляется за витязями и застаётъ ихъ на берегахъ Десны, съ обнаженными мечами, готовыхъ въ единоборствѣ истребить другъ друга, такъ какъ Ирена обѣщала отдать свое сердце побѣдителю. Велесиль своей грозной рѣчью приводитъ въ смущеніе русскихъ витязей, которые съ раскаяніемъ бросаются въ его объятія, послѣ чего онъ отсѣкаетъ голову коварной гречанкѣ. Съ прибытіемъ витязей въ станъ Владиміра уstraшенные греки обращаются въ бѣгство.

Въ повѣсти Мирославъ („Слав. вечеръ VIII“) основой разсказа служатъ, до извѣстной степени, историческія данныя, хотя сильно прикрашенные фантазіей автора:

Такъ, напримѣръ, лѣтописныя извѣстія служатъ ему для описанія распрій дѣтей Владиміра и обрисовки характера Святполка, прозваннаго „окаяннымъ“; но при этомъ, онъ выводитъ лицо, только мимоходомъ упомянутое въ лѣтописи, а именно Святослава, который здѣсь оказывается соперникомъ Святполка въ любви къ Исменіи. Святославъ и Исменія спасаются бѣгствомъ и находятъ убѣжище у стараго отшельника Мирослава; но вслѣдъ за ними является Святполкъ съ малой дружиной и убиваетъ своего брата, а Исменія умираетъ отъ горя.

Повѣсть Михаилъ („Слав. вечеръ IX“) по содержанію напоминаетъ приведенную нами (во II-мъ очеркѣ „Русск. Стар.“ изд. 1888 г., августъ, стр. 254—255) историческую повѣсть „Ксенія княжна Галицкая“ и также относится къ временамъ Батя. Но сухой бездарный разсказъ неизвѣстнаго автора повѣсти „Ксенія княжна Галицкая“ рѣзко отличается отъ разсказа В. Нарѣжнаго, котораго, ни въ какомъ случаѣ, нельзя упрекнуть въ недостатокѣ красокъ, а скорѣе въ избыткѣ ихъ.

Въ повѣсти Михаилъ дочь Батя, Зюлима, влюбляется въ плѣннаго черниговскаго князя Михаила и испрашиваетъ у отца согласія на бракъ; но Батя при этомъ ставитъ условіемъ, чтобы плѣнный черниговскій князь „преклонилъ колѣна передъ его тропомъ и призналъ Магомета“. Это предложеніе съ негодованіемъ отвергнуто Михаиломъ, который принимаетъ мученическую смерть; Зюлима, въ отчаяніи, закалываетъ себя кинжаломъ на мѣстѣ казни.

Тогдашняя критика встрѣтила съ большимъ сочувствіемъ „Славенскіе вечера,“ по выходѣ ихъ въ свѣтъ, въ 1809 году, и они удостоились самаго лестнаго отзыва въ журналѣ „Цвѣтникъ“ того-же года. Неизвѣстный рецензентъ, назвавъ Славенскіе вечера „весьма удачнымъ подраженіемъ Оссіану,“ расточаетъ щедрыя похвалы ихъ автору, находитъ, что „картины у него разительны, мысли высоки, выраженія благородны и сильны, слогъ величественъ, чистъ и плавеиъ“. Далѣе, въ подтвержденіе этихъ словъ, въ томъ же отзывѣ приведены пространныя выдержки изъ двухъ первыхъ „Славенскихъ вечеровъ“ (Кій и Дулебъ и Славенъ,) которыя служатъ для рецензента „Цвѣтника“ поводомъ для новыхъ похвалъ: „Кому не нравится такая превосходная проза!“ восклицаетъ онъ. По крайней мѣрѣ, мы съ своей стороны считаемъ обязанностью отдать полную справедливость дарованіямъ г. Нарѣжнаго и сказать, что его „Славенскіе вечера“ могутъ служить образцомъ „чистоты языка и хорошаго слога“ (32).

ХІІ.

Въ слѣдующемъ 1810 году, В. Нарѣжный, быть можетъ, въ виду вышеприведеннаго одобрительнаго отзыва о Славенскихъ вечерахъ представилъ издателю „Цвѣтника“, А. Измайлову и П. Никольскому, двѣ новыя повѣсти: „Георгій и Елена“ и „Анастасія“, которыя были тогда-же напечатаны въ журналѣ (№№ 2 и 7). Хотя повѣсти эти, по содержанію, составляютъ какъ-бы продолженіе „Славенскихъ вечеровъ“, напечатанныхъ въ 1809 году, но отличаются отъ нихъ болѣе романтическимъ характеромъ и, сравнительно, болѣе легкимъ и удобочитаемымъ языкомъ. При этомъ, вліяніе Оссіана здѣсь менѣе замѣтно; и проявляется только въ отдѣльных описаніяхъ и выраженіяхъ.

Считаемъ нелишнимъ привести въ извлеченіи содержаніе обѣихъ названныхъ повѣстей и, по возможности, словами самого автора, тѣмъ болѣе, что журналъ „Цвѣтникъ“, подобно многимъ повременнымъ изданіямъ XVIII-го вѣка, составляетъ, въ настоящее время, библиографическую рѣдкость.

Въ повѣсти Георгій и Елена (33) авторъ выводитъ юнаго витязя Георгія, любимца черниговскаго князя Изяслава, который, со стороны постоянства чувствъ, напоминаетъ героя вышеприведенной повѣсти „Велесиль“ (Слав. вечеръ IV), и также неутѣшенъ въ потерѣ возлюбленной.

„Разъ Георгій отправился на ловитву веерей въ поляхъ широкихъ и узкихъ въ долинѣ, осѣненной древними дубами и липами вѣтвистыми, спящую дѣву такой неописанной красоты, что преклонилъ предъ нею колѣна, и „страстный поцѣлуй“ запечатлѣлся на розовыхъ устахъ.

Красавица быстро поднялась съ дерна цвѣтущаго, съ ужасомъ взглянула на Георгія и на его вопросъ: кто она? объяснила, что она дочь пастыря его стада и что ее зовутъ Еленой.

Долго юный витязь не могъ прійти въ себя отъ изумленія и, наконецъ, кратко сказалъ ей: „Елена... судьба повергла тебя въ бѣдность — богатства мои безчисленны; золото и серебро блистаютъ въ чертогахъ монахъ и солнце освѣщаетъ ихъ сквозь пурпуръ драгоценныя. Поди въ терема мои и повелѣвай всѣмъ домою монахъ“...

Елена отвѣтила: „Не прежде выйду я изъ дома родительскаго, пока не наведетъ меня рука священнослужителя.

Она сказала и удалилась, Георгій стоялъ, какъ пораженный громомъ, и смотрѣлъ вслѣдъ ей: „Чего хочетъ красота надменная!“ вскричалъ онъ; и медленными стопами отправился къ граду.

Проходить дни, проходить ночи — Георгій пасмуренъ, подобно вечеру осеннему; не веселятъ его игры и пиршества... Онъ пылалъ любовію къ Еленѣ... [но ужасался гнѣва Изъяслава и презрѣнія отъ великихъ дома его. Долго боролся онъ съ собой и, наконецъ, однажды, возложилъ на себя одежды блистательныя и потекъ въ чертоги Изъяслава. Князь не противился желанію своего любимца и объявилъ, что самъ съ витязями и вельможами будетъ присутствовать въ храмѣ при совершеніи обряда священнаго и въ чертогахъ на веселомъ пиршествѣ...]

На утро слѣдующаго дня, счастливый Георгій въ свѣтлыхъ одеждахъ... повелъ Елену ко храму, гдѣ тысячи народа издали возгласы удивленія при видѣ красоты невиданной. Наконецъ, является Изъяславъ въ вѣницъ и багряницѣ, во всемъ блескѣ своего величества; Георгій изъявляетъ свою радость; но князь не отвѣтствовалъ: пригвождены взоры его къ прелестямъ невѣсты... Глубокое молчаніе царствовало во храмѣ.

Князь подошелъ къ невѣстѣ: „Не тщетно, вѣщалъ онъ, судьба одарила тебя толкими прелестями... она родила тебя въ прахѣ ничтожности, дабы послѣ возвести на тронъ, доказать народамъ силу красоты дѣвической!“

Общее недоумѣніе разлилось по храму.

Князь продолжалъ: „желаетъ ли Елена раздѣлать со мною тронъ и власть великаго княженія?“

Георгій покрылся смертною бѣдностью... Всѣ устремили взоры на Елену, ожидая отвѣта... она обратилась къ князю и, устремивъ взоръ долу, отвѣчала: „Богъ и повелители управляютъ участію рабовъ своихъ!“ Река и съ на мѣньющими ланитами простерла руку къ Изъяславу... Князь сталъ на мѣсто Георгія. Обрядъ священный начался и кончился съ общимъ восклицаніемъ народа, Изъяславъ и юная супруга его, изшли изъ храма, не обративъ на Георгія ни единого слова. Всѣ ринулись на дворъ княжескій быть участниками пиршества веселаго...

Одинъ Георгій остался съ растерзаннымъ сердцемъ; блуждающими стопами извлекся онъ изъ храма. Пошелъ къ берегу Десны, не чувствуя самъ себя и всего сушаго окрестъ его... Въ этомъ состояніи уводитъ его старшій иннокъ къ себѣ въ пещеру; Георгій долго живетъ тутъ и узнаетъ, что Елена

въ свою очередь познала вѣроломство супруга могучаго, который насильно вовлекъ ее въ ограды монастырскія. Не прошло двухъ лѣтъ—Елены не стало; Георгій проситъ инова постричь его въ монахи, идетъ въ монастырь, гдѣ были кости невѣрныя Елены, поселяется въ вертепѣ, на десять стадій отъ ея могилъ...

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько видоизмѣненная выдержка изъ лѣтописи, такъ какъ всякаго рода заимствованія были тогда въ обычаѣ, и въ этомъ отношеніи для авторовъ не существовало никакихъ стѣсненій:

„Георгій, продолжаетъ авторъ повѣсти, самъ обрабатывалъ садъ, расширялъ стѣны малой обители; слухъ объ его святости распространился; къ нему стекались пустынножителіи. Услыхалъ Изяславъ объ его убѣжищѣ, послалъ къ нему золота и серебра число изобильное,—но довольномъ совѣщаніи воздвиглась обитель великая.

Прошли годы не малые. Покрыли сѣдины чело Георгія. Дни его текли въ мирѣ и спокойствіи. Когда ангелъ смерти притекъ смежить очи мужа праведнаго, Изяславъ и сыны его присутствовали при одрѣ убогомъ, вмѣстѣ съ иноками...”

Вторая повѣсть Анастасія, помѣщенная въ „Цвѣтникѣ“ того же года (34), любопытна въ томъ отношеніи, что на ней довольно рельефно отразилось вліяніе рыцарскихъ романовъ, а именно въ концѣ повѣсти, гдѣ авторъ, забывая объ условіяхъ изображаемаго имъ удѣльнаго княжества туровскаго, выводитъ на сцену таинственнаго романическаго рыцаря, который въ виду неудачнаго исхода поединка закалываетъ себя кинжаломъ.

Повѣсть начинается съ цвѣтстаго описанія необычайной красоты Анастасіи, питомицы стараго князя туровскаго, который, пользуясь возвращеніемъ изъ похода обоихъ сыновей, объявляетъ всенародно о своемъ намѣреніи исполнить давнишній обѣтъ, данный умирающему отцу Анастасіи, и выдать ее за своего старшаго сына и наследника Симеона.

Но Анастасія влюблена въ младшаго княжескаго сына Іоанна, который платитъ ей взаимностью и умоляетъ отца „отдать тронъ и сокровища Симеону, а ему оставить одну Анастасію.“ Старый князь призываетъ Анастасію и въ присутствіи обоихъ сыновей, своихъ вождей и богатырей, предоставляет ей рѣшить: кому быть ея супругомъ? Анастасія отвѣчаетъ, что избираетъ Іоанна.

Князь не противится ея выбору; но объявляетъ, что Іоаннъ съ рукою Анастасіи получитъ и туровское княженіе, потому что онъ князя отцу Анастасіи „выдать ее за сына, котораго возведетъ послѣ себя на престолъ“. Говоря эти слова, князь тщетно искалъ глазами Симеона, который незамѣтно скрылся изъ „д्रीयной палаты“. Посланные за нимъ гонцы вернулись съ извѣстіемъ, что ихъ поиски были напрасны.

Насталъ день брака... Іоаннъ, облеченный въ богатую одежду, стоялъ на крыльцѣ храма и радостнымъ окомъ взиралъ на площадь, усыпанную народомъ. Ожидали только шестивы невѣсты изъ терема дѣвическаго. Вдругъ является

посреди площади вѣстникъ съ трубою брани и, отъ имени своего повелителя, вызываетъ Иоанна на поединокъ, говоря, что иначе соберется воинство великое, предасть все мечу и пламени... Въ то время какъ Иоаннъ облачался въ броню тяжелую, богатырь подѣзжалъ уже на бурномъ ворономъ конѣ, въ доспѣхахъ черныхъ, съ опущеннымъ забраломъ. Иоаннъ возсѣлъ на коня. Труба звучитъ; витязи наставляютъ копья, стремятся; во многихъ мѣстахъ обогрены были кровію доспѣхи незнакомца; но и кровь Иоаннова кинжала на мечѣ его... Незнакомецъ поднимаетъ булаву — и увлеченный ея тяжестью растаиваетъ по песку подобно дубу, громомъ пораженному; Иоаннъ спѣшитъ къ нему, сжимаетъ руки его въ своихъ рукахъ и когѣномъ грудь свирѣбую.

— Кто ты, дерзкій незнакомецъ? спросилъ Иоаннъ.

— Не желай знать имени моего, ежели не хочешь вѣчно страдать и раскаиваться...

Ужасное предчувствіе поразило Иоанна. Онъ отпрянулъ быстро, какъ странникъ безпечный, нашедшій на спящаго тигра и, въ неосторожности, наступившій на сомкнутую челюсть его...

Незнакомецъ извлекаетъ потаенный кинжалъ, поражаетъ себя и умираетъ.

Иоаннъ снимаетъ шлемъ съ витязя и съ ужасомъ отступаетъ... подходитъ старый князь Туровскій къ простертому незнакомцу:—Симеонъ! взываетъ онъ, падаетъ на хладную грудь сына и умираетъ. Иоаннъ предаетъ землѣ ихъ бренные остатки и женится на Анастасіи.

Н. А. Вѣловеревъ.

Слб. 1889 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. О. Щербина ¹⁾.

Экспромтъ А. А. Григорьеву.

Безалавный горемыка
И кабачный Аполлонъ,
Весь свой вѣкъ не влжетъ языка
И мыслете писать онъ.

Октябрь 1860.

Н. В. Гербель.

Вико правъ! Въ круговращеня
Историческихъ вѣковъ
Все—одни лишь повтореня:—
Гербель въ нашемъ поколѣнн, —
Что въ минувшемъ былъ Хвостовъ.

1865.

С.-Петербургъ

Признаніе П. И. Якушкина.

Ко всему я исполненъ холодности, —
Были-бъ штофъ, огурецъ да селедка;
Не любилъ-бы и русской народности,
Если-бъ съ ней не вазалася водка.

Іюнь 1868.

Столыпинскія Минеральныя воды.

¹⁾ См. „Собраніе сочиненій Н. О. Щербины“. Наше изд., Спб., 1873 г.

ГРОДНЕНСКАЯ ПРОЦЕССИЯ

14 августа 1861 года ¹⁾.

I.

ъ тяжелымъ чувствомъ собираюсь я теперь (1891 г.), по прошествіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ, писать объ одномъ изъ тѣхъ событій, которыя имѣли столь роковое вліяніе какъ на положеніе всего края, такъ и на личную судьбу многихъ его жителей. Это событіе неоднократно уже служило темой фантастическихъ рассказовъ или, вѣрнѣе сказать, импровизацій, которыя отъ поры до времени появлялись, въ свое время, не только въ русской, но даже и въ заграничной печати. Я тѣмъ не менѣе, вѣроятно, не рѣшился-бы заговорить когда либо въ печати объ этомъ дѣлѣ давно минувшихъ

¹⁾ Въ свою бытность лѣтомъ 1890-го года въ Друскеникахъ, тайн. сов. А. И. Деспотъ Зеновичъ имѣлъ случай встрѣтиться съ мѣстнымъ римско-католическимъ священникомъ, ксендзомъ Маевскимъ, которому тридцать лѣтъ тому назадъ пришлось быть очевидцемъ и участникомъ религиозно-политической демонстраціи въ Гроднѣ, описанной въ „Ист. Вѣст.“ (іюнь, 1889 г.) въ статьѣ г. Славутинскаго, подъ заглавіемъ „Гродненская процессія 14 августа 1861 года“. Въ бесѣдѣ, коснувшейся этой статьи, ксендзь Маевскій упрекалъ г. Славутинскаго въ невѣрной передачѣ нѣкоторыхъ подробностей этого событія и, главнымъ образомъ, въ неправильномъ освѣщеніи той роли, которую играло католическое духовенство въ Гроднѣ вообще и ксендзь Маевскій въ частности въ политической агитаціи того времени. Слѣдуя совѣту тайн. сов. А. И. Деспота Зеновича, ксендзь Маевскій наложилъ свои воспоминанія письменно съ тѣмъ, чтобы передать ихъ въ печать не только въ видахъ своего личнаго оправданія, но также ради того интереса, какой могутъ они имѣть въ качествѣ матеріала для исторической оцѣнки тогдашнихъ событій.

дней, если-бы не случай, натолкнувшій меня на статью г. Славутинскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за іюнь мѣсяць 1889 г.,— статью, авторъ которой передалъ подробности этого событія въ совершенно извращенномъ видѣ. Г. Славутинскій говоритъ, между прочимъ: „Въ Гроднѣ, въ 1861 г., провозглашались духовенствомъ публично возмутительныя проповѣди,—мѣстный-же деканъ, ксендзъ Маевскій, который, говорятъ, проживаетъ теперь въ мѣстечкѣ Друскеникахъ, устроилъ процессію отъ Гродно въ Рожаностокъ на встрѣчу процессіи изъ Царства Польскаго“... и т. д.

Статья г. Славутинскаго навела меня на мысль, что, пожалуй, *qui tacet consentire videtur*. И я рѣшилъ поподробнѣе рассказать фактическую сторону этого событія въ надеждѣ на то, что простое изложеніе фактовъ лучше всего покажетъ, каково было дѣйствительное участіе гродненскаго духовенства въ тогдашней агитаціи и каковы были въ частности мотивы, цѣли и весь характеръ „устроенной“ мною процессіи.

Въ первой половинѣ августа 1861 г. — самый бурный періодъ демонстрацій—состояніе умовъ въ Гроднѣ достигло крайней степени возбужденія. Какъ разъ въ это время, по случаю пріѣзда въ Друскеники (находящіеся въ моемъ деканатѣ) тогдашняго митрополита, ксендза Жилинскаго, я долженъ былъ выѣхать туда по обязанности службы. Обстоятельства сложились такъ, что въ одно время со мною священникъ втораго въ Гроднѣ костела, т. н. „по-бернардинскаго“, ксендзъ Гинтовтъ, впоследствии митрополитъ, также былъ въ отлучкѣ, находясь при больномъ отцѣ въ Виленской губерніи. Такимъ образомъ, при обонхъ костелахъ, т. е. при соборѣ, настоятелемъ котораго былъ я, и при по-бернардинскомъ костелѣ ксендза Гинтовта оставались одни викаріи.

Однажды въ сакристію собора явилась толпа народа съ требованіемъ, чтобы викаріи приняли участіе въ демонстраціонной процессіи съ хоругвями, которая должна была пройти отъ собора до по-бернардинскаго костела. Викаріи отвѣтили на это требованіе рѣшительнымъ отказомъ, и этимъ поступкомъ они до такой степени возстановили противъ себя народъ, что потомъ, опасаясь подвергнуться оскорбленію, не смѣли показываться на улицахъ. Озлобленіе противъ духовенства дошло до того, что прихожане перестали являться въ храмъ Божій.

Въ это время я вернулся въ Гродно. Слухъ о моемъ прибытіи быстро распространился по городу и лишь только я, на другой день по пріѣздѣ, отслужилъ обѣдню, какъ вся сакристія наполнилась народомъ, явившимся жаловаться мнѣ на поступокъ викаріевъ.

Объясняя неосновательность заявленныхъ мнѣ прошеній, я сказалъ, что „Церковь повинуется лишь Духу Божьему и, слѣдовательно, никто внушать ей своихъ требованій не можетъ; она не есть мячъ, послушный въ рукахъ тѣхъ, кто имъ по своему произволу играетъ, а, напротивъ, ей самой принадлежитъ верховное руководство надъ всѣми“. — „Мы ничего другаго и не требуемъ, — отвѣтили мнѣ, — мы того только и желаемъ, чтобы церковь во главѣ насъ стала и приняла руководство надъ нами“.

Не столько содержаніе и тонъ этихъ словъ, сравнительно умѣренныхъ и почтительныхъ, какъ другіе рѣзкіе признаки крайняго возбужденія умовъ въ народѣ сдѣлали для меня очевиднымъ, что времени терять нельзя, а необходимо тутъ-же и сейчасъ на что-нибудь рѣшиться, чтобы предотвратить катастрофу, почти неминуемую, если только страстямъ не будетъ данъ какой-нибудь другой исходъ. „Хорошо, — сказалъ я послѣ непродолжительнаго раздумія, — церковь васъ не оставитъ“. И такъ какъ слѣдующій день приходился въ воскресенье, то я предупредилъ, что завтра же съ амвона объясню въ какомъ смыслѣ и на какихъ условіяхъ церковь можетъ принять руководство.

Въ воскресенье, во время богослуженія въ соборѣ, я сказалъ проповѣдь, въ которой разъяснилъ, что „церковь, всегда стремящаяся къ водворенію мира, согласія и общественнаго порядка, въ минуты возмущеній, междоусобій и вытекающихъ отсюда всеобщихъ бѣдствій, допускаетъ такія только процессіи, которыя совершаются въ знакъ покаянія или обѣта, даваемого Господу Богу въ духѣ примиренія, христіанскаго единенія и братской любви людей другъ къ другу. Желаящіе принимать участіе въ подобной процессіи безусловно обязаны соблюдать всѣ правила порядка и благопристойности, налагаемыя священнымъ значеніемъ религіознаго обряда. Нельзя, напр. являться на процессію съ полуштофомъ въ карманѣ или съ папирсомъ въ зубахъ. Слѣдуетъ также помнить, что имѣются для подобныхъ церемоній надлежащія молитвы и пѣснопѣнія, освященные авторитетомъ церкви и обычаемъ, что, поэтому, пѣніе какихъ либо другихъ гимновъ, въ родѣ „*Voże coś Polskę*“ или „*Z думет роза гѡw*“, ни подъ какимъ видомъ допущено быть не можетъ. Церковь существуетъ для всѣхъ безразлично, и потому она не можетъ входить въ соглашенія, а тѣмъ болѣе конспирировать съ тою или иною политическою партіею. Я надѣюсь, что процессія, устроенная въ знакъ обѣта, даваемого Богу въ духѣ мира, единенія и порядка, не будетъ воспрещена административною властью, ибо немислимо, чтобы послѣдняя захотѣла взять на себя отвѣтственность передъ Богомъ

и людьми за, возможные при настоящих условиях, последствия запрещения“.

По окончании богослужения, я немедленно отправился къ тогдашнему гродненскому губернатору Шпееру и лично передалъ ему письменный текстъ проповѣди, желая дать начальнику губерніи возможность непосредственно узнать ея содержаніе и убѣдиться въ томъ, что вся она была направлена къ успокоенію умовъ. При этомъ я убѣдительно просилъ губернатора не дѣлать съ своей стороны препятствія условленной процессіи. Губернаторъ отвѣтилъ, что удовлетвореніе моей просьбы превышаетъ его полномочія, и такъ какъ времени оставалось немного,—процессія должна была непременно на слѣдующій день выйти изъ собора послѣ вечерни, чтобы поспѣть въ Рожаностокъ ко дню Успенія Пресвятой Богородицы,—то онъ общалъ по телеграфу снести по этому дѣлу съ генералъ-губернаторомъ. И я, равнымъ образомъ, не имѣя достаточно времени для подробнаго извѣщенія своего духовнаго начальства о процессіи, долженъ былъ ограничиться лишь краткой депешей. На оба эти запросы получены были буквально тождественные отвѣты: „Всякія необычныя процессіи Высочайшимъ повелѣніемъ воспрещены“.

Не трудно, я думаю, представить себѣ мое душевное состояніе въ ту минуту, когда отвѣтъ, полученный мною изъ Вильны, поставилъ меня между рѣшеніемъ высочайшей воли, которое лишь благодаря этой депешѣ стало мнѣ извѣстно, и обѣщаніемъ отправиться съ крестнымъ ходомъ къ святому мѣсту — обѣщаніемъ, даннымъ только наканунѣ, во имя Господа Бога, во всеуслышаніе, въ церкви. Не трудно также уразумѣть, что отказъ священнослужителя отъ того, что именовъ Бога было имъ обѣщано при столь торжественной обстановкѣ, долженъ былъ въ то критическое время вызвать самыя печальныя послѣдствія. При мысли о катастрофѣ, которая, въ случаѣ моего отказа, представлялась неизбѣжною и которую, во что-бы то ни стало, даже рискуя собственною личною, слѣдовало предотвратить, я не могъ долго колебаться. Я отправилъ митрополиту новую депешу, съ извѣщеніемъ, что процессія отиѣнена быть не можетъ, по причинамъ, которыя будутъ мною обстоятельно изложены въ письменномъ объясненіи.

Наступилъ, наконецъ, день, когда, по окончаніи вечерни, должна была двинуться изъ собора процессія. Еще задолго до благовѣста, соборъ наполнился народомъ. Въ то-же время на площади передъ соборомъ появились войска, подъ командой дивизионнаго генерала Гольдгоера, и закрыли всѣ выходы въ улицы и окружили всю площадь. Раздался звонъ колокола. Вдругъ является ко мнѣ гроднен-

свій полиціймейстеръ, полковникъ Зміевъ, и говорятъ: „Васъ требуетъ губернаторъ“. Я замѣтилъ, что „теперь, когда уже начался благовѣсть, я уйти не могу, мое удаленіе было-бы непременно сочтено за бѣгство, — да, наконецъ, не могу-же я въ столь критическую минуту оставлять собравшійся въ храмъ народъ. Я готовъ, впрочемъ, послѣдовать за вами, если вы согласитесь меня арестовать и, такимъ образомъ, снимете съ меня всю нравственную отвѣтственность за мой поступокъ“.

— „На то я не имѣю приказанія“, возразилъ полиціймейстеръ, — и притомъ меня убили-бы здѣсь, если-бы я на то рѣшился“.

— „Но, вѣдь, и со мною такъ-же бы поступили, разъ я ушелъ бы отсюда вмѣстѣ съ вами“.

Послѣ этого разговора полковникъ Зміевъ удалился и я приступилъ къ богослуженію.

Когда вечерня кончилась, я, считая необходимымъ объявить народу содержаніе полученной мною телеграммы, взошелъ на амвонъ и сказалъ:

— „Пастыръ нашъ извѣщаетъ меня по телеграфу, что всѣ необычныя въ другое время процессіи высочайшей волей воспрещены. Всякій изъ васъ знаетъ и понимаетъ, что къ рѣшеніямъ верховной власти нельзя относиться легкомысленно и что всѣ обязаны уважать ея велѣнія. Но, съ другой стороны, я, служитель Бога, не имѣю права освобождать васъ отъ даннаго Ему обѣта. Пусть, слѣдовательно, каждый изъ васъ поступитъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ по своей совѣсти и собственному разумѣнію. Предполагая, однако, что вы можете остаться при намѣреніи исполнить свой обѣтъ, я обязанъ вамъ напомнить, что какое-бы ни встрѣтилось вамъ препятствіе въ осуществленіи этого намѣренія, вы ни въ какомъ случаѣ не должны прибѣгать къ насилію, памятуя, что не вправѣ насиліемъ расчищать себѣ путь тотъ, кто слѣдуетъ по немъ, движимый христіанскимъ духомъ“.

Затѣмъ, духовенство начало литанію ко всѣмъ святымъ и процессія вышла изъ собора на площадь, окруженную со всѣхъ сторонъ войсками. Дойдя до середины площади, всѣ стали на колѣни и такъ оставались все время, пока продолжалось гнѣніе литаніи. При видѣ Распятія, которое возвышалось надъ головами смиреннопреклоненнаго въ молитвѣ народа, генералъ Гольдгоеръ, обнаживъ голову, скомандовалъ и солдатамъ снять каски. По окончаніи литаніи всѣ встали. Человѣкъ, несшій Распятіе въ процессіи, выступилъ впередъ, окруженный наиболѣе яркими демонстрантами. Когда эта группа поровнялась съ солдатами и начала было пробовать прорвать

строй, желая такимъ образомъ открыть дорогу всей процессіи, — генераль Гольдгоеръ, все время зорко слѣдившій за ея движеніями, подошелъ къ этой группѣ и рѣшительнымъ тономъ, но безъ малѣйшаго оттѣнка враждебности въ голосѣ, произнесъ:

— „Господа, извините, процессіи воспрещены высочайшей волей“.

— „А мы, возразили демонстранты, — мы, во имя Того, Кто распять на крестѣ, желаемъ исполнить обѣтъ, данный нами Господу Богу“.

Въ эту трудную минуту почтенный начальникъ дивизіи показалъ примѣръ замѣчательнаго такта и присутствія духа ¹⁾. Не смутившись этимъ отвѣтомъ, онъ подошелъ еще ближе, почтительно перекрестился передъ Распятіемъ и спокойно, съ достоинствомъ человѣка, сознающаго какъ свою отвѣтственность, такъ и полномочія, сказалъ:

— „И я въ Него наравнѣ съ вами вѣрую, но каждый обязанъ исполнить свой долгъ“.

Желая положить конецъ этому препирательству, я далъ знакъ движеніемъ руки, что желаю говорить. Всѣ повернулись въ мою сторону и я сказалъ:

— „Въ своемъ желаніи исполнить данный вами обѣтъ, процессіи къ святому мѣсту, вы встрѣтили препятствіе, которое нисколько отъ васъ не зависитъ. Въ виду этого, я считаю вашъ обѣтъ исполненнымъ передъ Богомъ. Въ довершеніе его, приглашаю васъ теперь въ храмъ Божій помолиться передъ алтаремъ Пресвятой Богородицы“.

Всѣ послѣ этого спокойно и въ порядкѣ вернулись обратно въ соборъ.

II.

Спустя нѣсколько дней, въ Гродно пріѣхалъ, по приказанію виленскаго генераль-губернатора, полковникъ Михневъ, съ цѣлью арестовать меня и отвезти въ Вильно. Я былъ арестованъ ночью. Какъ ни тягостно мнѣ даже теперь вспоминать объ этомъ событіи, я долженъ отдать полную справедливость полковнику Михневу въ томъ, что онъ исполнилъ данное ему порученіе со всею, возможною въ такихъ случаяхъ, деликатностью.

По прибытіи въ Вильно, я былъ заключенъ въ XIV-й павильонъ виленской цитадели, въ камеру № 4. Прошло, однако, цѣлыхъ шесть недѣль прежде, чѣмъ меня вызвали въ комиссію военнаго суда.

¹⁾ Образъ дѣйствій генерала Гольдгоера, заслужившаго себя въ этотъ день всеобщую признательность и уваженіе, представлялъ разительный контрастъ съ поведеніемъ губернатора, который все время безпокойно бѣгалъ по площади и стаканъ за стаканомъ осушалъ графинъ съ водою.

М.

Къ моему несчастію, до свѣдѣнія генераль-губернаторской власти дошло только одностороннее сообщеніе гродненскаго губернатора о происшествіи 14-го августа. Почему не было сообщено генераль-губернатору мое собственное, подробное описаніе всего случившагося, посланное мною своевременно тогдашнему моему духовному начальству,—до сихъ поръ остается мнѣ неизвѣстнымъ. Въ комиссіи было мнѣ прочитано предписаніе генераль-губернатора коменданту, генералу Вяткину, все основанное, очевидно, на рапортѣ гродненскаго губернатора. Въ предписаніи этомъ значилось: „Гродненскій деканъ не только ослушался гродненской и духовной власти, но дерзнулъ даже не исполнить объявленнаго ему высочайшаго повелѣнія, и сказанною имъ проповѣдью возмутилъ жителей г. Гродно, на подобіе возмущеній жителей Варшавы, а потому судить его при виленскомъ ордонаментаузѣ по полевымъ уголовнымъ законамъ“.

На сдѣланный мнѣ комиссіей вопросъ, не желаю-ли имѣть на судѣ защитника, я отвѣтилъ, что, надѣясь разъясненіемъ обстоятельствъ дѣла разъяснить всѣ недоразумѣнія и уповая на безпристрастіе и справедливость суда, я нахожу возможнымъ обойтись безъ помощи защитника.

Военный судъ состоялъ изъ двѣнадцати депутатовъ отъ войскъ виленскаго округа, подъ предсѣдательствомъ полковника Глейниха. Я три раза вызывался въ судъ для показаній и ни разу не видѣлъ со стороны его членовъ малѣйшаго признака пристрастнаго или недоброжелательнаго ко мнѣ отношенія. Для характеристики отношенія ко мнѣ суда, позволю себѣ привести здѣсь слова одного изъ его членовъ, офицера Чеснока (бывшаго воспитанника Ришельевскаго лицея въ Одессѣ), который, замѣтивъ мое затрудненіе, при дачѣ показаній на письменные вопросы суда, сказалъ мнѣ:

— „Да вы не стѣсняйтесь вопросами комиссіи, а пишите рѣшительно все, что только можете сказать въ свою пользу“.

Эти слова лучше всего другаго говорятъ о настроеніи суда, главная забота котораго состояла въ томъ, чтобы разслѣдовать мое дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. И я постоянно имѣлъ случай убѣждаться что не обмануло меня мое довѣріе къ его добросовѣстности и безпристрастію, и съ тѣхъ поръ навсегда сохранилась въ моемъ сердцѣ благодарная память какъ о комендантѣ Вяткинѣ, такъ и о другихъ членахъ суда. Не говорю уже о генераль-губернаторѣ Назимовѣ, который не только въ то время интересовался моею судьбой, но и впоследствии продолжалъ оказывать мнѣ свое доброжелательное участіе.

Послѣ трехъ допросовъ въ военномъ судѣ, когда весь слѣдственный матеріалъ былъ исчерпанъ, я провелъ въ цитадели еще нѣсколько недѣль, въ ожиданіи приговора. Но приговоръ не былъ мнѣ объявленъ. Однажды только вечеромъ я получилъ отъ коменданта увѣдомленіе, что долженъ немедленно собираться въ дорогу, ибо черезъ нѣсколько часовъ буду отправленъ въ Тобольскъ. Отправка моя въ Сибирь состоялась 28-го ноября 1861 г. и я выѣхалъ въ сопровожденіи жандарма, который слѣдовалъ со мною до мѣста назначенія, и подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ, которые оставили насъ за чертой города.

По прибытіи въ Тобольскъ, я представился губернатору Виноградову и получилъ разрѣшеніе, для отдыха послѣ продолжительнаго и крайне утомительнаго путешествія, провести праздники Рождества въ Тобольскѣ, у мѣстнаго римско-католическаго священника Янушкевича.

Послѣ Крещенія мнѣ было объявлено, что мѣстожителство назначено мнѣ въ г. Курганѣ. Прежде чѣмъ отправиться туда, я попросилъ мѣстнаго прокурора Жемчужникова передать генераль-губернатору Западной Сибири, Дюгамелю, мое желаніе быть переведеннымъ въ такую мѣстность, гдѣ имѣлся-бы костель и гдѣ я имѣлъ-бы возможность служить обѣдни. Г. Жемчужниковъ охотно взялся вередать мою просьбу генераль-губернатору, и я, въ самомъ непродолжительномъ времени, могъ убѣдиться, что онъ не забылъ свое обѣщаніе. Вскорѣ по прибытіи въ Курганъ, я получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

— „Je viens de parler par rapport à vous au Gouverneur-Général. On voit qu'il est prêt à faire tout son possible pour améliorer votre position. Il m'avait même chargé de voir au Prikaze et chez le gouverneur tous les papiers qui vous regardent, mais cela n'a mené à rien, car à toute la correspondance concernant votre affaire sert pour base le seul papier du Commandant de Vilno, où c'est dit tout court, que vous êtes exilé en Sibirie pour être fixé dans une ville de district du Gouvernement de Tobolsk.—Ce manque de détails sur votre affaire a empêché au Gouverneur-Général de donner une réponse positive, s'il trouve possible des vous transférer à Tobolsk,—mais il m'a promis de vous voir à Kourgane, où il sera dans quelques jours. Ne manquez pas de vous présenter chez lui.—1862, le 13 de Fevrier, Tobolsk“.

И дѣйствительно, почти вслѣдъ за этимъ письмомъ, пріѣхалъ въ Курганъ генераль-губернаторъ, которому я сейчасъ же на

другой день представился. Генераль-губернаторъ встрѣтилъ меня очень милостиво и обнадежилъ меня обѣщаніемъ войти съ ходатайствомъ къ надлежащей власти о переводѣ меня изъ Кургана въ городъ, гдѣ имѣется костель. И онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ представленіе о переводѣ моемъ въ Омскъ. Но не успѣла еще получитья резолюція на это представленіе, какъ, вслѣдствіе ходатайства виленскаго генераль-губернатора Назимова и по представленію министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, я былъ высочайшей волей возвращенъ на родину съ тѣмъ условіемъ, чтобы меня назначить викаріемъ въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ и оставить подъ надзоромъ полиціи.

Надзоръ продолжался цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. Только въ 1875 г. мнѣ было объявлено приказаніе гродненскаго губернатора Зурова (отъ 7 мая, 1875 г., за № 2446) мѣстному исправнику слѣдующаго содержанія:—„По соглашенію съ главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи признаю возможнымъ находящагося въ Гродненской губерніи ксендза Юсіфа Маевскаго освободить отъ надзора полиціи безъ ограниченій, установленныхъ какъ вообще для освобождаемыхъ отъ надзора полиціи политическихъ ссыльныхъ, такъ и въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, кои принадлежатъ къ римско-католическому духовенству“.

Послѣ всѣхъ разсказанныхъ здѣсь происшествій судьба опять привела меня въ Друскеники—то самое мѣсто, на которомъ я, въ 1848 г., только-что принявши священство, началъ въ мѣстномъ приходѣ свое духовное служеніе.

Въ достовѣрности всѣхъ сообщенныхъ здѣсь мною свѣдѣній о процессіи 14 августа 1861 г. легко можетъ убѣдиться всякій имѣющій доступъ къ архивамъ, въ которыхъ хранятся дѣла Виленскаго аудиторіата за 1861 г.

Друскеники, Гродненской губ.

Ксендзъ **І. Маевскій.**

Гетманъ Мазепа Александру Даниловичу Меншикову

1704 г.

Государь мой Александръ Даниловичъ, мнѣ зѣло любезный брате, Памятно мѣеть ¹⁾ быти вашей велможности тое, понеже прибытности вашей велможности дѣялося, когда великій Государь нашъ Его Царское Пресвѣтлое величество изволилъ посвоей Монаршой милости умене на Москвѣ быти, тогда онъ великій Государь повелѣлъ мнѣ абымъ ²⁾ заприбытиемъ в малую Россію на обыкное мѣстце, старался уяне вбогу преосвященного Его милости отца митрополти Кіевскаго дѣля духовенства о особу разумную, побожную ³⁾ и искусную, такъ-же и ваша велможность приказовалъ мнѣ чтобъ до церкви Шлюселбургское винайти ⁴⁾ тожъ порядного и вдѣлехъ духовныхъ искусного законника чили[....] священника зднакономъ. Прето я прибывши в малороссійскій [Іорусалемъ доясне преосвященнаго Его милости отца митрополита [.....] который сего дня домене отписуетъ вже ⁵⁾ винайшлися такові [.....] вже бы теды ⁷⁾ посліюю оныхъ дарма ⁸⁾ непотурбовати ⁹⁾ изволь ваша велможность великому Государю Его Царскому величеству донести Если непремѣнная Его монаршая есть натошъ воля, да и ваша велможность рачъ ¹⁰⁾ мене увѣдомити чи ¹¹⁾ будетъ надобенъ винайденій священникъ или нѣтъ велце ¹²⁾ отое вашей велможности прошу, и егожъ братерской ¹⁾ любительной пріазни и ласце ¹⁴⁾ [.....] полецаю ¹⁵⁾.

Вашой велможности всего добра [.....] прошу
[.....] Іоаннъ Мазепа
Гетманъ [.....].

Збатурина Марта 3 року 1704.

¹⁾ Польское—имѣеть; ²⁾ польск.—чтобы я; ³⁾ польск.—набожную; ⁴⁾ польское-малороссійское—отыскать; ⁵⁾ малороссійское—уже; ⁷⁾ польское—тогда; ⁸⁾ малороссійск.—даромъ, безъ толку, безъ пользы; ⁹⁾ польск.—не побезпоковать (отъ латинск. turbare); ¹⁰⁾ старо-польск.—будьте добры (соизвольте); ¹¹⁾ малороссійское—или, если; ¹²⁾ польское—весьма, очень; ¹³⁾ польское—братской; ¹⁴⁾ польск.—ласкѣ; ¹⁵⁾ польск.—поручаю.

Примѣчаніе. Напечатанное выше письмо гетмана Мазепы находится въ отдѣлѣ рукописей императорскаго дерптскаго университета. Изложено это письмо на четвертушкѣ старинной бумаги, очевидно, писарскою рукою, но подпись подъ нимъ сдѣлана собственноручно гетманомъ. Текстъ письма достаточно сохранился, только съ правой стороны оборваны олопчанія трехъ строкъ подъ-рядъ. Одну изъ нихъ гадательно можно возстановитъ созвучіемъ „Іору“, поставленнымъ мною въ скобкахъ, другія-же возстановитъ очень затруднительно. Можно полагать, что въ третьей строкѣ недостаетъ имени кіевскаго митрополита. Кромѣ того, въ уцѣлѣвшемъ текстѣ осталось три неразобранныхъ мною слова; всѣ они поставлены въ скобкахъ.

Сообщ. Изв. Шатаковъ.

Донесеніе графа Толя императору Николаю I

о кончинѣ гр. Ив. Ив. Дибича.

29-го мая 1831 г., д. Клешево подь Пултускомъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я вижу себя въ обязанности донести В. И. В. о горестной внезапной кончинѣ г. главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго, умершаго нынѣ въ 12-мъ часу до полудни, отъ припадка холеры въ одной изъ высшихъ ея степеней.

Вчерашняго 28-го числа рано утромъ онъ нѣсколько жаловался, что дурно себя чувствуетъ; но, однако, весь день казался совершенно здоровымъ, обѣдалъ и вообще кушалъ по обыкновенному, былъ веселъ и ни малѣйшаго не подавалъ поводу къ какому-либо не только опасенію, но даже сомнѣнію. Вечеромъ онъ легъ, по обыкновенію, въ послѣдніе дни принятому, около 10-ти часовъ; вскорѣ послѣ былъ разбуженъ для нѣкоторыхъ нужныхъ по службѣ дѣлъ, и во все время казался столь-же здоровымъ, какъ и веселымъ. Вдругъ около третьяго часа ночи почувствовалъ себя дурно, призвалъ людей, запрета имъ, однако, кого-либо будить и даже призвать доктора. Въ четвертомъ только часу, видя нездоровіе свое усиливающимся, онъ приказалъ позвать лейбъ-медика Шлегеля, но кого либо другаго возбранилъ тревожить. Докторъ усмотрѣлъ признаки холеры, кои постепенно увеличались до самой несомнѣнной и даже сильной степени. Изверженія и испражненія продлились нѣсколько часовъ. Не медля цущена была кровь, поставлены пиявки, употреблены сильнѣйшія средства къ оттиранію и преподаны всѣ возможныя пособія. Графъ оставался все въ совершенной памяти; подходящихъ къ нему лицъ (кромя медицинскихъ) просилъ не медля удалиться, опасаясь сообщать имъ заразу. Около семи часовъ усилія медиковъ вывели потъ и больной нѣсколько успокоился; до того времени корчи немного показывались и страданія ограничивались болѣе жаромъ и дрожью; послѣ осьмаго часа они начались частью въ ногахъ;

частью-же боль бросилась во внутренность и терзанія, съ промежутками продолжавшіяся до 10-ти почти часовъ, казались чрезвычайными. Около 10-ти часовъ вопль страждущаго нѣсколько уменьшился, но силы жизненныя видимо ослабѣвали; дыханіе дѣлалось постепенно труднѣе; вскорѣ наступилъ родъ безжизненности, прерываемой лишь рѣдкими движеніями головы; взглядъ совершенно потухъ, и, наконецъ, въ 11¹/₄ часовъ невозвратная потеря наша свершилась и Всевышнему Промыслу угодно было лишить армию достойнаго ея предводителя.

Среди столь горестнаго положенія я знаю всю важность лежащихъ на меня обязанностей и смѣю завѣрить В. И. В., что къ усерднѣйшему выполненію оныхъ направлены будутъ всѣ мои усилія и вся безусловная моя къ службѣ преданность. Главнокомандующему угодно было уже утромъ приказать мнѣ принять командованіе арміею.

Я съ симъ вмѣстѣ исполню сіе и приму временное, до полученія повелѣній В. И. В., начальство надъ арміею, согласно съ правилами, въ учрежденіи о большой дѣйствующей арміи изложенными. Всѣ дѣйствія мои будутъ направлены къ той-же цѣли и сходно съ тѣми-же видами, о коихъ главнокомандовавшій самъ неоднократно доводилъ уже до свѣдѣнія В. И. В., особенно въ послѣднихъ собственныхъ донесеніяхъ своихъ.

По важности наступившихъ насъ обстоятельствъ, я считаю обязанностью отправить сіе донесеніе мое не медля и вдвойнѣ, чрезъ Брестъ и чрезъ Пруссію.

Тѣло покойнаго будетъ вскрыто и бальзамировано и до времени сложено въ Ломзѣ, а буде возможнымъ окажется, то въ Пруссію. На счетъ дальнѣйшаго отправленія я испрашиваю повелѣнія В. И. В. ¹⁾).

„Генералъ-адъютантъ графъ Толъ“.

Сообщ. Н. Е. Шляхтеръ.

¹⁾ Тѣло графа Дибича было перевезено черезъ Пруссію въ Мемель и отсюда доставлено моремъ, на бригъ Охта, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Кронштадтъ, а затѣмъ высажено въ Екатерингофѣ, для погребенія на лютеранскомъ Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою графини Женіи Дибичъ.

ПАМЯТИ ВЪ БОЖЕ ПОЧИВШЕЙ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ФЕОДОРОВНЫ.

† 31-го марта 1891 г.

Недавно почившую Великую Княгиню русскіе люди не такъ близко знаютъ, какъ знаютъ ее бывшіе жители Кавказа и Грузіи. Тамъ, въ Закавказскомъ краѣ, протекли лучшіе годы ея жизни; на устройство его общественныхъ дѣлъ, подлежащихъ женскому вѣдѣнію, на устраненіе общихъ и частныхъ нуждъ и печалей его—прилагалась вся дѣятельность ея молодыхъ лѣтъ. Тамъ, безъ сомнѣнія, смерть ея вызвала особенно много искреннихъ слезъ, и много невѣдомыхъ міру молитвъ вознесется за нея къ Престолу Вишнѣаго сокровенное и слышащаго тайныя моленія, паравяѣ съ явными.

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что о полезной дѣятельности Ея Высочества здѣсь, въ Россіи и тамъ, за Кавказомъ, русская печать еще будетъ говорить устами людей болѣе, нежели я компетентныхъ. Множество лицъ, ближе стоявшихъ къ ней, имѣли возможность и случай знать лучше ея частную жизнь и официальную дѣятельность. Я же хочу лишь высказать нѣсколько воспоминаній, сохраненныхъ мною лично о добрыхъ и благотворныхъ дѣлахъ Ея Высочества въ теченіи многихъ лѣтъ служенія мужа моего по управленію собственно женскими учебными заведеніями въ Тифлисѣ, состоявшими въ ея вѣдѣніи и подъ ея августѣйшимъ покровительствомъ.

Въ началѣ 1860 годовъ, когда Е. И. В. Великій Князь Михаилъ.

Николаевичъ прибылъ въ Тифлисъ, женскихъ учебныхъ заведеній въ Закавказскомъ краѣ было очень не много. Въ городѣ, собственно, только дѣвичій институтъ, да низшее училище, тоже закрытое. нѣчто въ родѣ пріюта для дѣвочекъ среднихъ сословій, названное основательницей его, княгиней Е. К. Воронцовой, Заведеніемъ св. Нины. Такъ какъ оно было открыто на основаніяхъ частной благотворительности, то, конечно, начало и дѣли его были самыя скромныя. Подобныя же заведенія, но еще гораздо скромнѣе и на болѣе ограниченное число воспитанницъ, существовали въ Кахетіи и въ Имеретіи. Вотъ и все.

Нечего и говорить, что это далеко не удовлетворяло первыхъ, воюющихъ потребностей края.

Ея Высочество поняла это тотчасъ-же и, несмотря на свои молодые годы, сьумѣла серьезно и глубоко вникнуть въ вопросъ объ основательномъ насажденіи въ краѣ общаго женскаго образованія, не желая довольствоваться открытіемъ какого-нибудь единственнаго учрежденія своего имени, ради славы людской болѣе, нежели ради существенной и прочной пользы. Не жалѣя ни времени, ни трудовъ, ни собственныхъ средствъ, она приложила всю свою дѣятельность къ восполненію этихъ насущныхъ нуждъ не только въ столицѣ Грузіи, но и во всемъ обширномъ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ. Она, подлинно, основала въ немъ женское образованіе!

Мужъ мой тогда преподавалъ въ классической гимназіи и въ институтѣ, и былъ инспекторомъ классовъ въ Заведеніи св. Нины. Узнавъ его безвозмездную дѣятельность въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи, Ея Императорскому Высочеству угодно было обратиться на него вниманіе и его избрать своимъ ближайшимъ помощникомъ по устройству женскихъ учебныхъ заведеній въ Тифлисъ.

Прежде всего, въ виду неотложныхъ нуждъ тифлифцевъ, она обратила вниманіе на Заведеніе св. Нины. Оно, въ первый же годъ пріѣзда Ея Высочества, было расширено, улучшено во многихъ отношеніяхъ; при немъ открыты были классы для приходящихъ ученицъ, кромѣ пансіонерокъ; а для дѣвицъ, въ немъ окончившихъ курсъ,—педагогическій, 8-й классъ, дававшій право преподаванія.

Кажется, это были первые въ государствѣ российскомъ,—кромѣ развѣ столицъ его,—педагогическіе курсы для дѣвицъ. Они оказались настолько дѣлсообразны и полезны, что впоследствии, Великая Княгиня Ольга ѳеодоровна, какъ всемъ извѣстно столь серьезно и строго относившаяся къ дѣлу воспитанія и образованія августѣйшихъ дѣтей своихъ, нимало не усумнилась взять къ нимъ начальными учительницами дѣвицъ, окончившихъ восьмой, педагогическій, классъ въ Заведеніи св. Нины. При урокахъ своихъ дѣтей

она всегда присутствовала сама и никогда эти учительницы, годами преподававшія начальное обученіе дѣтямъ ея, не возбуждали въ ней неудовольствія или недовѣрія.

Но этого было мало матерински-заботливому сердцу ея! Учебное заведеніе на старыхъ основаніяхъ, во многомъ не соотвѣтствовавшихъ требованіямъ новѣйшей педагогіи, не удовлетворяло желаніямъ, широкимъ, просвѣщеннымъ взглядамъ Великой Княгини.

Въ то время, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ Россіи еще было очень мало женскихъ гимназій; благодаря дѣятельности Ея Императорскаго Высочества, Закавказскіе города, въ этомъ отношеніи, опередили многіе русскіе губернскіе города.

И вотъ три года спустя послѣ своего прибытія въ край, стараніями Ея Высочества и почти на собственное иждивеніе ея, 11-го апрѣля 1865 года открыта, первая на Кавказѣ, Тифлисская женская гимназія, имени Великой Княгини Ольги Феодоровны. За нею быстро послѣдовали открытія таковыхъ же во всѣхъ губернскихъ городахъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья; а затѣмъ и еще прогимназія въ самомъ Тифлисѣ.

Быстрое наполненіе и переполненіе всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній учащимися свидѣтельствовали о крайней ихъ необходимости, о великой ихъ пользѣ, — о несомнѣнномъ благодѣяніи, оказанномъ Ея Императорскимъ Высочествомъ краю, такой скорой, неутомимой, благотворной дѣятельностью. Тысячи и тысячи туземныхъ и русскихъ женщинъ ей обязаны своими званіями, возможностью честнымъ и полезнымъ трудомъ зарабатывать свое существованіе, возможностью, живя далеко отъ центровъ образованія, давать первоначальное обученіе своимъ дѣтямъ, ограждать ихъ и себя отъ нищеты и многихъ бѣдъ.

Да вознесутся нынѣ ихъ благодарныя молитвы за упокой души ея!..

Нѣкоторые, судя по внѣшней невозмутимости Великой Княгини Ольги Феодоровны и постоянному ея величавому спокойствію, считали ее холодною и недоступною. Но это была неправда. Она была только сдержана и осторожна въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ; но сердце ея всегда было открыто участію и милосердію къ нуждавшимся въ помощи. Она никому въ ней не отказывала, но здравый и проникательный умъ помогалъ ей не впадать въ увлеченія, распознавать людей, ихъ достоинства и цѣли. Вѣрное пониманіе вещей, стоящихъ, вообще, внѣ района наблюдательности лицъ столь высокопоставленныхъ, вѣрная оцѣнка ея личностей и ихъ намѣреній часто поражали даже тѣхъ людей, которые не стояли особенно близко къ Ея Высочеству, а лишь имѣли случаи соприкасаться съ нею, исполняя приказанія ея.

И не имѣю права говорить опредѣленнаго, указывать на лица и факты; но увѣрена, что всѣ имѣвшіе возможность ближе узнавать ея чувства и взгляды, должны были убѣдиться въ высокихъ свойствахъ ума и души ея, въ ея прямодушнн, презрѣнн къ лести и всяческой неправдѣ, въ ея сираведливости и благоволенн, выражавшихся не только въ словахъ, но и во всѣхъ дѣлахъ ея. Довѣріе ея давалось не по увлеченн, столь обычному въ женской оцѣнкѣ людей, не сразу; но разъ данное не отымалось безъ причины. И слово ея было также крѣпко и вѣрно, какъ и добрыя чувства къ удостоившимся ея благоволенн. Болѣе всего она цѣнила правду, прямое и честное исполненн долга.

Мнѣ извѣстенъ случай, когда одному служившему въ ея тифлисской женской гимназін пришлось отказаться отъ исполненн воли Ея Высочества, даннаго по недоразумѣнн, но рѣшительнаго личнаго приказанн ея... Онъ оставилъ ее разгнѣванною его неожиданнмъ и, какъ ей въ данную минуту казалось, дерзкимъ сопротивленнмъ волѣ ея, и былъ увѣренъ, что ему будетъ приказано оставить службу въ гимназін. Черезъ нѣсколько дней, вмѣсто ожидавшейся имъ официальной отставки, онъ получилъ приказанн явиться во дворецъ. Онъ отправился въ назначенный часъ, въ самыхъ печальныхъ ожиданнхъ, увѣренный, что Ея Высочеству угодно лишь смягчить приговоръ, предложеннмъ ему подать прошенн и выйтн яко-бы по собственному его желанн... Вмѣсто ожидаемаго официально-холоднаго пріема, онъ былъ встрѣченъ ласковой улыбкой. протянутой рукой великой княгини и словами:

— „И хотѣла васъ видѣть, чтобъ извиниться и поблагодарить васъ за сказанную мнѣ правду. Я навела справки и убѣдилась, что ошибалась,— что вы совершенно правы... Благодарю васъ!“

Никакая служебная благодарность, хотя бы сопряженная съ существенной выгодой, не могла-бы доставить столько радости этому человѣку и семьѣ его, какъ эти сердечныя, дорогія слова Великой Княгини!... Такимъ отношеннмъ къ дѣлу совѣсти и къ людямъ Ольга Феодоровна вѣрнѣе привязывала къ себѣ сердца ихъ, чѣмъ ласковыми улыбками, на которыя не любила быть безпричинно щедрою.

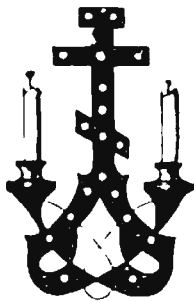
Упомяну еще выдающійся въ воспоминаннхъ моихъ объ Августѣйшей почившей фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ служившимъ тогда въ тифлисскихъ классической и женской гимназінхъ.

Въ то время, когда старшія дѣти Ихъ Императорскихъ Высочествъ,—на ряду съ другими учившимися одновременно, — сидѣли на учебныхъ скамьяхъ старшихъ классовъ этихъ гимназій, вѣдомы

и памятни ихъ тогдашнему начальству и учителямъ постоянныя просьбы ихъ матери ко всѣмъ преподававшимъ въ нихъ:

— Бога ради, забудьте и титулы ихъ и кто они такіе. Они, пока, только ученики, равноправные со всѣми учащимися. Чѣмъ полнѣе вы забудете, уча ихъ, что они мои дѣти, тѣмъ я и Великій Князь будемъ вамъ признательнѣе“.

Эти высокоразумныя, гуманныя рѣчи отрадно отзывались въ душахъ всѣхъ учившихъ и учившихся въ тѣ времена, а въ особенности въ сердцахъ отцевъ и матерей послѣднихъ. Они никогда не забудутся имъ.

Благотворна и разнообразна была общественная дѣятельность на Кавказѣ въ Возѣ почившей Великой Княгини. Она приложила ее и къ учебному дѣлу, и къ дѣламъ широкой благотворительности во всемъ краѣ, и къ обществу Общины Краснаго Креста, къ вспомоществованію ея успѣшнымъ дѣйствіямъ въ военное время. Но людямъ, стоявшимъ въ непосредственныхъ къ ней отношеніяхъ, по которой-бы то ни было изъ этихъ отраслей ея дѣятельности, хорошо вѣдомы многія и многія добрыя дѣла ея, гдѣ она являлась частной благотворительницей, помощницей бѣднымъ, больнымъ, вдовамъ и сиротамъ, не имѣвшимъ никакихъ правъ на помощь правительства или благотворительности официальной.

Никому не могутъ быть ближе извѣстны нужды бѣдняковъ, страдающихъ и скрывающихъ свою бѣдность, какъ лицамъ, служащимъ въ учебныхъ учрежденіяхъ. Мужъ мой прошелъ всѣ ступени этой службы, отъ преподавателя до директорства въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и до должности окружнаго инспектора учебнаго округа, въ бытность Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича наместникомъ кавказскимъ. Почти двадцать лѣтъ онъ, помимо прямыхъ служебныхъ обязанностей, исполнялъ различныя должности по благотворительнымъ учрежденіямъ и въ народныхъ школахъ. Вслѣдствіе такой близости къ учащимся различнымъ классамъ населенія, ему приходилось узнавать множество нуждъ, о которыхъ

онъ поспѣшала докладывать Ея Высочеству, и вотъ почему многія благотворенія ея намъ были хорошо извѣстны.

Не говоря ужъ о множествѣ воспитанницъ и воспитанниковъ, учившихся на средства ея, получавшихъ стипендіи и негласныя вспомошествованія, сколько было въ Тифлисѣ семей, жившихъ ея благодѣянiami... За недосугомъ мужа моего, мнѣ самой приходилось нерѣдко, въ особенности передъ каждымъ праздникомъ, развозить щедрую помощь деньгами и вещами сотнямъ бѣдняковъ... Конечно, не мы одни были орудіями такихъ частныхъ благотвореній покойной Великой Княгини; но именно потому-то мы и могли судить, по количеству намъ довѣряемыхъ тайныхъ вспомошествованій, объ ея щедрости и добротѣ.

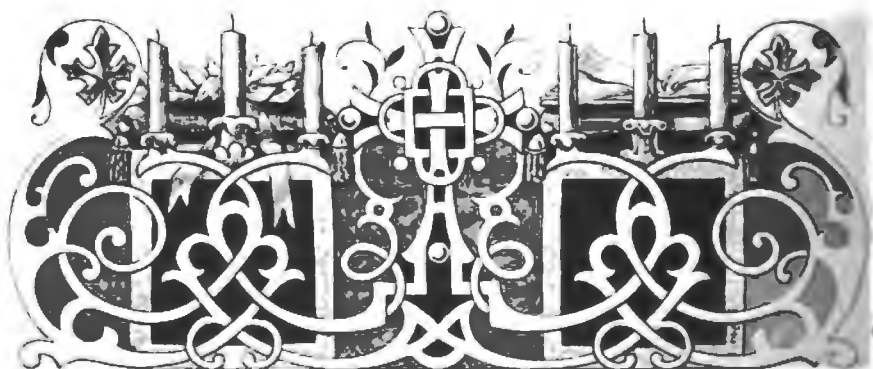
Ничто не могло лучше свидѣтельствовать о дѣйствительной добротѣ ея, какъ искреннее желаніе постоянно, негласно помогать тѣмъ, достойнымъ наибольшаго участія бѣднякамъ, которые не рѣшаются стать открыто въ ряды нищенствующихъ.

Мольбы русскихъ людей повсемѣстно возносятся за новопреставленную Великую Княгиню Ольгу и за благоденствіе и здравіе Августѣйшей Семьи ея, въ эти скорбные для нихъ дни. Но въ Закавказскомъ краѣ и въ особенности въ Тифлисѣ, не перестававшемъ оплакивать разлуку съ ними, мольбы эти несомнѣнно усилятся многими и многими лептами вдовъ и сиротъ, которыя на вѣки сохраняютъ имя почившей Великой Княгини Ольги Феодоровны въ своихъ благодарныхъ молитвахъ.

Да дастъ Господь Милосердный упокоеніе душѣ ея въ обителяхъ праведниковъ и да ниспошлетъ Свои Божественныя утѣшенія близкимъ ея, удрученнымъ горемъ земной разлуки съ нею!

В. П. Желтиховская.

5-го апрѣля 1891 г.
С.-Петербургъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТАРШІЙ

† 13-го апрѣля 1891 г.

Съ высоты трона возвѣщено о новой тяжелой утратѣ, каковую понесли Августѣйшая Семья и съ нею вся Россія въ лицѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, вся „жизнь коего была посвящена ревностному служенію Престолу и Отечеству и ознаменована подвигами, стяжавшими ему доблестное имя“.

Въ ночь на 13-е апрѣля 1891 г. Великій Князь скончался въ Крыму. Угасла жизнь одного изъ славныхъ доблестныхъ вождей русской арміи, которую онъ такъ любилъ, для которой никогда не жалѣлъ ни силъ, ни здоровья, для которой такъ много сдѣлалъ какъ въ мирное время, такъ и на поляхъ битвъ, ведя ее къ побѣдамъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ родился 27 іюля 1831 г., въ тяжкую годину для державнаго его родителя и для всей Россіи: холера уносила тысячи жизней, народная смута обагрила кровью военныя поселенія, братоубійственная борьба двухъ славянскихъ народовъ была въ полномъ разгарѣ...

Рожденіе сына Николая было величайшимъ утѣшеніемъ для его родителей, повергнутыхъ въ тяжелое безпокойство.

Первый кадетскій корпусъ имѣлъ счастье видѣть В. Кн. Николая Николаевича въ своихъ рядахъ (1839—1846). Первый офицерскій чинъ полученъ имъ въ 1846 г., въ 1850-мъ г. назначенъ онъ флигель-адъютантомъ и произведенъ въ полковники. Въ 1852 г. Великій Князь произведенъ въ генераль-маіоры и назначенъ генераль-инспекторомъ по инженерной части. Мы не станемъ изыскать изъ послужнаго списка въ Божѣ почившаго Великаго Князя указанія на назначенія его шефомъ различныхъ полковъ, но упомянемъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, что все то, что относится до военной службы какъ въ области теоретическаго изученія оной, такъ и прохожденія оной на практикѣ, было предметомъ, можно сказать, страстнаго увлеченія покойнаго Великаго Князя. То былъ воинъ по призванію, и всѣ степени военной службы, отъ перваго офицерскаго чина до высокаго званія генераль-фельдмаршала были получены имъ вполне по заслугамъ. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что В. Кн. Николай Николаевичъ былъ кумиромъ всѣхъ военныхъ чиновъ отъ солдата до генерала включительно. Вѣчно бодрый, веселый, въ высокой степени ласковый и обходительный, онъ привоивалъ къ себѣ сердца всѣхъ, имѣвшихъ счастье служить подъ его начальствомъ. При томъ это былъ воинъ, рано окуренный порохомъ: двадцати-трехъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, за участіе въ сраженіи на Инкерманскихъ высотахъ, 24-го октября 1854 г., великій князь получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Многострадальный Севастополь съ гордостью видѣлъ въ рядахъ своихъ героевъ-защитниковъ двухъ юныхъ сыновей державнаго вождя Россіи...

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра Николаевича, Великій Князь Николай Николаевичъ, подобно братьямъ своимъ, былъ призванъ на поприще обширной государственной дѣятельности.—28-го марта 1855 года Великій Князь назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Всѣ великія реформы Царя-Освободителя, какъ извѣстно, встрѣтили въ его августѣйшей семьѣ глубочайшее сочувствіе, мало того, самое дѣятельное участіе: для Великаго Князя Николая Николаевича таковое оказалось на весьма важномъ поприщѣ въ переустройствѣ вооруженныхъ силъ Россійской имперіи и въ особенности въ области инженернаго дѣла и кавалерійской службы.

Онъ былъ выдающійся кавалерійскій генераль, который неустанно слѣдилъ за развитіемъ этого рода военного искусства, горячо его любилъ и всѣ его указанія имѣли руководящее значеніе не только для русской арміи, но и для иностранныхъ государствъ.

Если русская армія, въ славной войнѣ 1877—1878 гг. оказалась на высотѣ своего положенія и вполне достойна тѣхъ лавровъ, которые увѣнчали ее при плѣненіи нѣсколькихъ турецкихъ армій, то, всеконечно, она во многомъ обязана своему главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу.

Блестящая переправа черезъ Дунай, совершенная въ присутствіи императора Александра II, подъ прямымъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, вызвала пожалованіе Его Высочеству ордена Георгія 2-й степени. А за плѣненіе Османа-паши съ его арміею императоръ Александръ II лично возложилъ на своего доблестнаго брата орденъ св. Георгія 1-й степ.

Геройскій переходъ всей арміи въ суровую зиму черезъ Балканы, вызвавшій удивленіе всего міра, предпринять и совершить по личному предназначенію Великаго Князя Николая Николаевича. Этотъ подвигъ былъ совершенъ съ такимъ точнымъ выполненіемъ всего плана августѣйшаго вождя, что знаменитый стратегъ Мольтке поневолѣ долженъ былъ признать ошибочнымъ свое заявленіе, сдѣланное имъ въ Берлинѣ, передъ паденіемъ Плевны, о невозможности въ суровую зиму перехода чрезъ Балканы, хорошо ему извѣстные со времени его службы въ турецкихъ войскахъ.

Съ окончаніемъ войны, высочайшимъ приказомъ 16-го апрѣля 1878 года, Великій Князь, въ воздаяніе важныхъ заслугъ, имъ оказанныхъ Престолу и Отечеству, произведенъ въ генераль-фельдмаршалу.

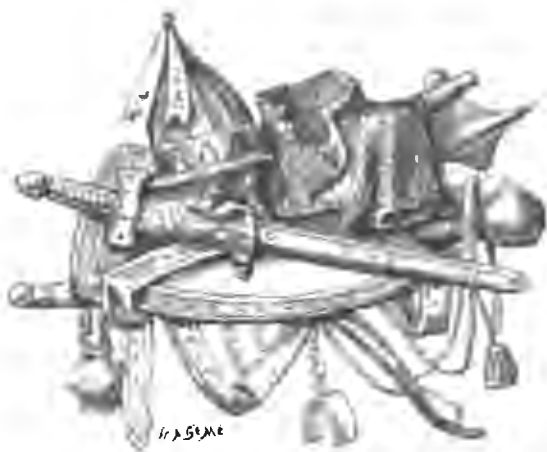
Имя Великаго Князя Николая Николаевича находится въ ряду именъ, подписавшихъ труды Государственнаго Совѣта при разработкѣ величайшаго акта Царя-Освободителя — Положеній 19-го февраля 1861 г.; это-же имя, съ самымъ горячимъ, дѣятельнымъ участіемъ является въ трудахъ Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ, что возвѣщено съ высоты трона въ рескриптахъ 7-го мая 1867 г. и 20-го марта 1869 г.

Великій князь, столь преждевременно похищенный у Россіи

510 Е. И. В. Вел. Кн. Николай Николаевичъ, † 13 апр. 1891 г.

смертью, явилъ собою высокій примѣръ вѣрнаго, до самоотверженія доходящаго, служенія Престолу и Отечеству; это не общая фраза, которая охотно говорится о многихъ, въ особенности въ виду свѣжей могилы,—нѣтъ, это съ убѣжденіемъ скажетъ каждый русскій воинъ, вспоминая о недавно почившемъ вождѣ и въ то-же время каждый изъ нихъ со слезою помянетъ о томъ любвеобильномъ сердцѣ, которымъ одарена была рыцарски благородная, возвышенная природа Вел. Кн. Николая Николаевича.

Ред.

Депутаты новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ

въ августѣ 1831 г.

Представляемое ниже письмо написано покойнымъ Аполлономъ Ивановичемъ Веригинымъ къ родной его теткѣ, сестрѣ его матери, Софѣ Александровнѣ Ковляниной, рожденной Хвостовой ¹⁾.

Послѣ возмущенія въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ и холеры, императоръ Николай Павловичъ, оставшись довольнымъ распоряженіями дворянъ-помѣщиковъ новгородскихъ въ то трудное время, пожелалъ принять депутацію отъ новгородскаго дворянства; по волѣ государя, депутаты эти были приглашены присутствовать на крестинахъ Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича.

Приводимъ этотъ интересный документъ, сообщенный намъ С. А. Тучковой, рожденной Веригиной.

Ред.

„1831 г., августа 25 дня, Кемпы.

„Бывши назначенъ также депутатомъ отъ Валдайскаго уѣзда, милая тетенька, я свидѣлся въ Царскомъ Селѣ съ депутатомъ Боровицкимъ, т. е. высокопочтеннѣйшимъ супругомъ вашимъ, который, самъ отправившись въ Петербургъ, просилъ меня дать вамъ обо всемъ подробное свѣдѣніе, къ чему я и приступаю.

Начну съ того, что мы всѣ съѣхались въ дер. Лилицѣ, въ шести

¹⁾ Она была дочь тайнаго совѣтника Александра Семеновича Хвостова, † 1820 г., навѣстнаго своимъ остроуміемъ. При Екатеринѣ онъ былъ посланникомъ въ Константинополь, гдѣ и родилась у него дочь Софія въ 1794 году.

С. А. Тучкова.

верстахъ отъ Царскаго Села, гдѣ пробыли двое сутокъ, занимаясь каждый принадлежностями къ туалету; мундиры и пр. явились въ срокъ изъ Петербурга и наканунѣ торжественнаго дня отправились всѣ въ Царское Село прямо въ баню.—Вѣроятно, полагали, что новгородскіе дворяне не довольно чисты, чтобы безъ этого можно ихъ впускать во дворець—¹⁾. И такъ весь кортежъ игралъ довольно глупую фигуру, слѣдуя въ двѣнадцати экипажахъ по городу одинъ за другимъ, однимъ словомъ, мы имѣли видъ персидскихъ пословъ!

Я, видя, что на насъ почти пальцами показываютъ, ушелъ поскорѣе изъ коляски въ карету супруга вашего и мы вмѣстѣ доѣхали до назначенныхъ ваннъ; тамъ, омывшись, одѣвшись и Богу помолвившись, отправились въ приготовленную отъ Двора гостинницу, гдѣ получали мы все содержаніе отъ государя. Едва успѣли мы напиться чаю, какъ является посланный камеръ-лакей и привозитъ въ подарокъ отъ государя новгородскому головѣ золотую медаль съ брилліантами, что намъ уже заранѣе подало поводъ заключить о милостивомъ расположеніи государя императора; вслѣдъ за симъ является другой посланный и приглашаетъ насъ отъ имени государя откушать на другой день въ три часа; онъ-же доставилъ и церемоніаль всего дня.

Наступаетъ торжественный для насъ день. Поутру въ 9¹/₂ часовъ, одѣвшись франтами—чулки, башмаки и мундиры,—отправляемся во дворець, въ церковь, къ вѣстинамъ; не стану описывать вамъ всей этой церемоніи, ибо это слишкомъ будетъ продолжительно, скажу только, что воспріемниками были в. к. Александръ Николаевичъ ²⁾

¹⁾ Отецъ мой шутить: онъ, конечно, зналъ, что депутація, являясь изъ разныхъ, самыхъ отдаленныхъ, уголковъ Новгородской губерніи, со всѣхъ ея уѣздовъ (въ то время не существовало желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, это было путешествіе нѣсколькихъ дней), должна была выдержать карантинъ въ шести верстахъ отъ Царскаго Села и вотъ почему, по прибытіи, ихъ такъ торжественно везли по городу въ баню. Извѣстно, что холера совсѣмъ миновала Царское Село въ 1831 году, благодаря строгому карантину, вокругъ него учрежденному.

С. Т.

²⁾ Покойный цесаревичъ, великій князь, впоследствии — императоръ Александръ Николаевичъ, тогда 13-ти лѣтъ отъ роду.

и в. кн. Марія Николаевна. Послѣ сего выслушали литургію. Забылъ сказать, что при переходѣ изъ пріемной половины въ церковь встрѣтились на лѣстницѣ съ государемъ, который, проходя, говорилъ объ удовольствіи его видѣть насъ.

По окончаніи обѣдни объявляютъ намъ, что Государь будетъ принимать насъ въ новомъ дворцѣ, тотчасъ послѣ обѣдни. Отправляемся туда, вводятъ насъ въ комнату, довольно простую, гдѣ каждый изъ насъ, ожидая извѣщенія, когда потребуетъ къ себѣ Государь, расположился кто на диванѣ, кто на креслахъ, кто у камина, но вообразите наше удивленіе, что вдругъ отворяется дверь и Государь очутился одинъ между нами.

Не въ силахъ описать вамъ той радости, которую ощутили мы, при видѣ милостиваго императора нашего, не въ силахъ изъяснить вамъ тѣхъ чувствъ, которыя, при каждомъ его словѣ, въ насъ рождались и, бывъ не въ состояніи передать вамъ, съ тѣмъ краснорѣчіемъ, мудрыхъ словъ, благочестивѣйшаго и добраго государя, скажу только, что онъ какъ отецъ изъяснялъ намъ благодарность свою за сохраненіе спокойствія среди возникшаго возмущенія, наставлялъ въ долгѣ каждого истиннаго сына отечества, объяснялъ многія причины своихъ дѣйствій, сострадалъ о бѣдствіяхъ, Россію постигавшихъ, и утѣшалъ надеждою будущаго благоденствія!

Послѣ сего ожидаетъ насъ новая милость: государыня императрица желаетъ насъ видѣть, мы входимъ и вообразите—женщина еще слабая, окруженная дѣтьми своими, подаетъ намъ новорожденнаго, и со всею милостью объявляетъ, что {онъ нашъ ¹⁾}, присовокупляя къ тому много милостивыхъ привѣтствій; поцѣловавъ ея ручку, мы въ восторгѣ и радости, благодаря Всевышняго и моля Его о сохраненіи дней дорогаго Государя нашего и всего семейства, отправились домой, откуда всѣ разѣхались и, между прочимъ, мужъ

¹⁾ Тезоименитство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича праздновалось 27-го іюля, въ день св. Николая Блаженнаго новгородскаго чудотворца, мощи котораго почиваютъ въ Новгородѣ въ приходской церкви Св. Пантелеймона-Цѣлителя. Вотъ почему императрица Александра Феодоровна, принимая новгородскую депутацію, показывая на высокаго новорожденнаго, сказала: „Онъ вашъ“. А. В.

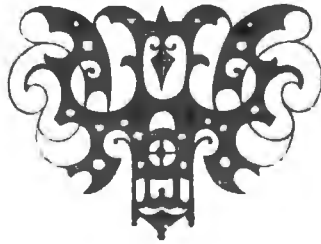
514 ДЕПУТАТЫ НОВГОР. ДВОРЯНСТВА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ АВГ. 1831 Г.

вашъ и мой любезнѣйшій дядюшка, въ столицу, давъ мнѣ приказаніе обо всемъ васъ увѣдомить, что я, по прибытіи моемъ, спѣшу исполнить, желая вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки и остаюсь покорный племянникъ

Аполлонъ Веригинъ.

Извините, что я кое-какъ мараю, коляска сломалась и я скакалъ на перекладной, почему рука тресется. Забылъ упомянуть, что еще послѣ находились всѣ на приглашенномъ обѣдѣ“.

Сообщ. С. А. Тучкова.

ВЛАДИМИРЪ ДАНИЛОВИЧЪ СПАСОВИЧЪ

ДОКТОРЪ ПРАВЪ

двадцатипятилѣтняя — XXV — годовщина

служенія его въ званіи присяжнаго повѣреннаго

1866 ^{мая}/₃₁ 1891.

Высшими качествами ума и лучшими побужденіями сама природа одаряетъ избранныя ею личности, но, открывая имъ путь въ передовые, почетные ряды общественныхъ дѣятелей, тѣмъ самымъ налагаетъ на нихъ и обязанности. Призваніе такихъ личностей — служба обществу, воздаяніе же имъ по заслугамъ — долгъ общества. Къ исполненію таковаго долга приступаемъ мы по отношенію къ Владиміру Даниловичу Спасовичу, по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности, какъ присяжнаго повѣреннаго.

31-го мая 1891 года истекаетъ это двадцатипятилѣтіе, но дѣятельность Владиміра Даниловича на общественномъ поприщѣ вообще началась съ 1851 года; трудится онъ, слѣдовательно, уже сороковой годъ. Почти съ первыхъ шаговъ его имя сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи, взоры обратились на него, возлагая много надеждъ, много ожиданій.

Пора поставить вопросъ: что же сдѣлалъ Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ?

Конецъ 1850-хъ и начало 1860-хъ годовъ — время незабвенное для современниковъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ понятное для нывѣшнихъ поколѣній.

Все, что въ русскомъ человѣкѣ вообще есть самаго лучшаго, возродилось тогда къ жизни, дѣятельности, къ устремленію всѣхъ силъ къ цѣлямъ общаго блага, общихъ интересовъ. Очистилась душная умственная атмосфера, свѣжимъ повѣяло воздухомъ, ожививъ всѣхъ и все — и мысль и дѣло. Смѣло можно сказать, что тогда русское общество впервые пришло къ своему самосозванію, русскій человѣкъ къ сознанію своего я. Это эпоха въ русской исторіи, настоящая оцѣнка которой возможна только въ будущемъ.

Въ это именно время выступилъ на поприще общественной дѣятельности Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ. Уроженецъ Минской губерніи, родившійся въ городѣ Рѣчицѣ, 16-го января 1829 г., В. Д. окончилъ университетское образованіе въ С.-Петербургѣ въ 1849 году.

Въ 1851 г. молодой, 21-го года отъ роду, Владиміръ Даниловичъ написалъ диссертацию по международному праву, на степень магистра: „О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза“. Выводы, которыми въ видѣ лишь благихъ пожеланій заканчивалъ онъ этотъ первый свой трудъ, сдѣлались вскорѣ потомъ, въ 1856 г., по актамъ Парижскаго конгресса общеобязательнымъ международнымъ закономъ. (Декларациа 4-го и 6-го апрѣля 1856 г.).

Въ 1856 г. В. Д. Спасовичъ перевелъ съ латинскаго на польскій языкъ, съ комментаріями, сочиненіе польскаго писателя XVI-го столѣтія, Оржелскаго: „Восемь книгъ о междуцарствіи 1572—1576 гг.“

Въ 1857 году Владиміръ Даниловичъ написалъ диссертацию: „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву“ (pro venia legendi).

Эти сочиненія сблизили его съ покойнымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ, который, занявши въ 1857 году кафедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ томъ же 1857 г. поставилъ кандидатуру Владиміра Даниловича на кафедру уголовного права.

Занявъ этотъ постъ, Владиміръ Даниловичъ сдѣлался всѣми уважаемымъ и любимымъ профессоромъ; его лекціи посѣщались большимъ числомъ лицъ не только изъ среды студенческой молодежи, но и изъ посторонней публики. Привлѣкая вниманіе

слушателей глубокомыслиемъ и ученостью, Владиміръ Даниловичъ увлекалъ аудиторію искренностью, своею глубокою вѣрою въ прогрессъ, въ людей, въ правду.

Какъ прежде взгляды Владиміра Даниловича по международному праву нашли себѣ примѣненіе въ актахъ Парижскаго конгресса, такъ и многія его мысли, изложенныя въ опубликованныхъ въ 1860 году лекціяхъ его о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ, осуществились, до извѣстной степени, въ новыхъ судебныхъ уставахъ. Тѣмъ не менѣе, взгляды его показались чрезчуръ опереживающими время, и онъ въ 1861 г., отставивъ вмѣстѣ съ покойнымъ Кавелинымъ старшій университетъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ подать въ отставку. Однако-жъ, при составленіи новаго университетскаго устава, онъ былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ, къ участию въ работахъ учрежденной для этого комиссіи.

Въ 1863 г. Владиміръ Даниловичъ издалъ свой „Учебникъ уголовного права“, составляющій первое въ этомъ родѣ сочиненіе въ Россіи. Этотъ капитальный трудъ упрочилъ славу Спасовича, сдѣлавшись на долгое время настольною книгою, весьма важнымъ пособіемъ по уголовному праву въ русскихъ университетахъ. За этотъ же трудъ Владиміръ Даниловичъ былъ удостоенъ, въ 1863 году ¹⁾, степени доктора правъ.

Оставленіе каведры было переломомъ въ жизни Владиміра Даниловича: профессорская дѣятельность болѣе всего была ему по душѣ, по характеру и по складу его ума. Тѣмъ не менѣе Владиміръ Даниловичъ не оставилъ общественной дѣятельности: сначала взялся онъ за перо журнальнаго критика, а затѣмъ, воспользовавшись открытіемъ, 17-го апрѣля 1866 года, въ С.-Петербургѣ, новыхъ общихъ судебныхъ учреждений и введеніемъ въ нихъ адвокатуры, въ видѣ института присяжныхъ повѣренныхъ, Владиміръ Даниловичъ, 31-го мая того же 1866 года, вступилъ въ составъ этого сословія при С.-Петербургской судебной палатѣ, являясь, такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ по времени русскихъ адвокатовъ.

Въ виду той роли, того положенія, какое адвокатура занимаетъ вездѣ и занимать должна, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ,

¹⁾ См. „Альбомъ“ ред. „Русской Старины“. Спб., изд. 1888 г., стр. 243.

лишенное въ своей средѣ представителей науки, не отвѣчало-бы своему призванію. Вступленіе авторитетнаго уже въ ученомъ мірѣ доктора правъ Владиміра Даниловича Спасовича въ составъ нашей только что зарождающейся адвокатуры сразу придало ей блескъ, подняло ея престижъ.

Сдѣлавшись присяжнымъ повѣреннымъ, Владиміръ Даниловичъ, не переставая заниматься наукою, сталъ посвящать много времени еще и литературѣ, въ особенности же литературной критикѣ.

Изъ числа научныхъ юридическихъ трудовъ, относящихся къ этому періоду его дѣятельности, назовемъ слѣдующіе: 1) Теорія взлома. 2) О языкѣ въ области судопроизводства. 3) Вопросъ о кодификаціи русскихъ гражданскихъ законовъ. 4) О вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію въ обыкновенныхъ судахъ. 5) Вопросъ о такъ - называемой литературной собственности. 6) О правѣ собственности въ литературѣ. 7) Объ акціонерныхъ обществахъ. 8) О гминахъ и гминныхъ судахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. 9) Черногорія и имущественный законникъ Богшича.

Изъ числа литературныхъ трудовъ Владиміра Даниловича упомянемъ о слѣдующихъ:

1) Исторія польской литературы, составляющая часть коллективнаго сочиненія Владиміра Даниловича Спасовича и А. Н. Пыпина: „Исторія славянскихъ литературъ“. 2) Жизнь и политика марквиза Велепольскаго. 3) Владиславъ Сырокомля. 4) Шекспировскій Гамлетъ. 5) Мартинъ Матушевичъ. 6) Нѣсколько словъ о Кавелинѣ. 7) О Пушкинѣ. 8) Винцентій Польш. 9) Байронъ и нѣкоторые его предшественники. 10) Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.) какъ байронистъ. 11) Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго. 12) Байронизмъ у Пушкина. 13) Байронизмъ у Лермонтова.

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще много разнаго рода сочиненій Владиміра Даниловича, но многія полемическія и критическія статьи разбросаны по журналамъ, многія-же публичныя чтенія и рѣчи вовсе еще не преданы тисненію. Упомянемъ о рѣчи его на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ честь покойнаго Тургенева; объ его отвѣтныхъ статьяхъ покойному Костомарову; объ описаніи поѣздки его въ Брюссель по случаю торжествен-

наго открытія новаго судебного зданія; объ его описаніи путешествія по Болгаріи; объ его публичной лекціи въ Краковѣ о Конрадѣ Валленродѣ Мицкевича и проч.

Многія изъ этихъ сочиненій, написанныя по польски, не переведены еще на русскій языкъ. Кстати сказать, переводы дѣлаетъ всегда самъ Владиміръ Даниловичъ.

Въ 1872 г. былъ изданъ сборникъ статей и судебныхъ рѣчей Владиміра Даниловича, подъ заглавіемъ: „За много лѣтъ“, а въ послѣднее время, съ 1889 г., начато Владиміромъ Даниловичемъ изданіе всѣхъ его сочиненій, за исключеніемъ однакожъ трудовъ болѣе обширнаго объема и въ свое время уже выпущенныхъ отдѣльными изданіями, къ числу которыхъ относятся вышеупомянутые: „Учебникъ уголовного права“, „Исторія польской литературы“, „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго“ и „За много лѣтъ“.

„Собранія сочиненій“ Владиміра Даниловича вышло до сихъ поръ три тома. Предположено оно въ шести томахъ, изъ которыхъ два послѣдніе имѣютъ быть посвящены избраннымъ судебнымъ рѣчамъ.

Подробная критическая оцѣнка всѣхъ этихъ трудовъ не входитъ въ задачу настоящаго очерка, посвященнаго лишь бѣглому обзору дѣятельности Владиміра Даниловича. Притомъ, въ свое время, труды эти были уже оцѣнены критикою по достоинству, встрѣчая или общее одобреніе даже въ противоположныхъ лагеряхъ, или-же горячій отпоръ противниковъ Владиміра Даниловича, самая горячность каковаго отпора показываетъ насколько жизненны были затрогиваемые В. Д. вопросы.

Во многомъ В. Д. Спасовичъ опереживаетъ время; но болѣе всего встрѣчаетъ онъ упрековъ за то, что пишетъ и по польски и по русски, и для тѣхъ и для другихъ, и о Пушкинѣ и о Мицкевичѣ и проч. Но упреки эти всеконечно не повторятъ будущія поколѣнія.

Твердо вѣруя въ возможность примиренія и приведенія къ согласію интересовъ двухъ братскихъ славянскихъ народовъ, историческою судьбою соединенныхъ подъ единою властью вседержавнѣйшаго Русскаго Царя,—Владиміръ Даниловичъ напрягаетъ всѣ свои усилія къ сближенію этихъ народовъ.

Въ отношеніи профессиональной дѣятельности присяжнаго

повѣреннаго, Владиміру Даниловичу Спасовичу тоже достается немало упрековъ. Интересамъ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ посвятилъ онъ много труда и времени, сначала въ качествѣ члена, а затѣмъ, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ каковой должности онъ отказался лишь въ послѣднее время.

Безспорно, есть въ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ много умныхъ, талантливыхъ, даровитыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ достойныхъ и выдающихся личностей, преданныхъ притомъ корпоративнымъ интересамъ и заслуженныхъ въ этомъ отношеніи въ высокой степени; но мы съ полною справедливостью должны выдѣлить Владиміру Даниловичу Спасовичу особое почетное мѣсто, именно за его научные и литературные труды, въ виду значенія, какое имѣютъ для корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, между прочимъ, и труды этого рода, облагораживая въ самомъ сословіи характеръ, качество и направленіе его самосознанія и отвоєвывая ему почетную, культурную роль въ обществѣ.

Судебныя рѣчи Владиміра Даниловича исполнены не только таланта, глубокомыслія, трезвости взгляда, учености, тонкаго психологическаго анализа, но и искренней, задушевной увѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла.

Въ виду вышеизложеннаго, каждому понятно почему „Русская Старина“, сохраняя на своихъ страницахъ какъ память о минувшихъ славныхъ русскихъ дѣятеляхъ, такъ и представляя данныя для сужденія о плодотворной дѣятельности достойнѣйшихъ современныхъ подвижниковъ ко славѣ и величію Россіи, долгомъ сочла воспользоваться двадцатипятилѣтнею годовщиною общественной службы В. Д. Спасовича, дабы напомнить нашимъ многочисленнымъ читателямъ о заслугахъ этого вполне знаменитаго русскаго ученаго юриста и писателя.

Ред.

ТРУДЫ ДОКТОРА ПРАВЪ В. Д. СПАСОВИЧА

въ 1851—1891 гг.

I. По юриспруденціи:

А) „Учебникъ уголовного права. Спб., 1863 г., вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ.

Б) Сочиненія, вошедшія въ составъ третьяго тома сборника „Сочиненія В. Д. Спасовича“. Спб. 1890 г.:

1. „О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза“. Спб. 1851 г.

2. „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву“ (Pro venia legendi). Спб. 1857 г.

3. „О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ“—публичныя лекціи, читанныя въ с.-петербургскомъ университетѣ (сентябрь и октябрь 1860 г.).

4. „Теорія взлома“ („С.-Петербург. Вѣдомости“ 13 января 1865 г.).

5. „О языкѣ въ области судопроизводства“,—рѣчь, произнесенная 2-го февраля 1881 года въ годичномъ общемъ собраніи Спб. Юридическаго Общества. 1881 г.

6. „Вопросъ о кодификаціи русскихъ гражданскихъ законовъ“. Читано въ засѣданіи, 18 декабря 1882 г., гражданскаго отдѣленія юридическаго общества при спб. университетѣ, по поводу реферата С. В. Пахмана о предметѣ и системѣ русскаго гражданскаго уложенія.

7. „О вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію въ обыкновенныхъ судахъ“. (Докладъ 21 апрѣля 1883 г.).

8. „Вопросъ о такъ называемой литературной собственности“. (Читано въ общемъ собраніи членовъ литературнаго фонда, 21-го апрѣля 1874 г.).

9. „О правѣ собственности въ литературѣ“. (Переводъ статьи, помѣщенной въ польской газетѣ „Kraj“ 24 декабря 1887 г., въ прибавленіи къ № 52).

10. „Объ акціонерныхъ обществахъ“. Сообщение въ засѣданіи административнаго отдѣленія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ, 13 апрѣля 1885 г.

11. „О гминахъ и гминныхъ судахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго“. (Докладъ, прочитанный 6 февраля 1889 года въ Юридическомъ обществѣ при императорскомъ московскомъ университетѣ).

12. „Черногорія и имущественный законникъ Богишича“—замѣтки.

II. Переводъ съ латинскаго на польскій языкъ съ комментаріями польскаго писателя XVI столѣтія Оржельскаго: „Военъ книгъ о междуцарствіи 1572—1576 гг.“. Спб. 1856 г.

III. По литературѣ и литературной критикѣ.

А) Труды болѣе обширнаго объема, выпущенные отдѣльными изданіями:

1. „Исторія Польской Литературы“, составляющая часть коллективнаго сочиненія В. Д. Спасовича и А. Н. Пыпина: „Исторія Славянскихъ Литературъ“. Спб. 1881 г.

„Жизнь и политика маркиза Велепольскаго“. Спб. 1882 г.

Б) Сочиненія, вошедшія въ составъ 2-хъ первыхъ томовъ сборника: „Сочиненія В. Д. Спасовича“. Спб. 1889 г.:

1. „Владиславъ Сыромля“,—лекція, читанная въ Варшавѣ—конецъ 1875 г. и январь 1876 г.

2. „Шекспировскій Гамлетъ“,—лекція, читанная въ Варшавѣ 1883 г.

3. „Мартинъ Матушевичъ и его мемуары“. (Конецъ 1876 г.).

4. „Нѣсколько словъ о Кавелинѣ, произнесенныхъ въ административномъ отдѣленіи юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ въ засѣданіи 11 мая 1885 г.

5. „О Пушкинѣ“,—рѣчь, произнесенная 31 января 1887 года въ С.-Петербургѣ на поминальномъ обѣдѣ по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня кончины Пушкина.

6. „Винцентій Поль и его поэзія“,—публичная лекція въ Варшавѣ, въ началѣ 1878 г.

7. „Байронъ и нѣкоторые его предшественники“.

8. „Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.), вагъ байронистъ“. (Конецъ 1888 г.).

9. „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“.

10. „Байронизмъ у Пушкина“.

11. „Байронизмъ у Лермонтова“. (Октябрь 1887 г.).

В) Остальныя сочиненія В. Д. Спасовича, состоящія изъ рѣчей и критическихъ и полемическихъ статей, разбросанныхъ по журналамъ или же не переведенныхъ еще съ польскаго на русскій языкъ, имѣютъ войти въ составъ четвертаго тома сборника: „Сочиненія В. Д. Спасовича“, каковой 4-й томъ нынѣ (1891 г.) печатается.

IV. Сборники сочиненій и судебныхъ рѣчей:

1. „За много лѣтъ“ 1872 г.

2. „Сочиненія В. Д. Спасовича“.—Томы I и II, 1889 г. Томъ III, 1890 г. Томъ IV печатается. Предположено 6 томовъ, изъ котор. 6 два послѣдніе, V и VI, имѣютъ быть посвящены судебнымъ рѣчѣ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать второй.

І Ю Н Ъ.

1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

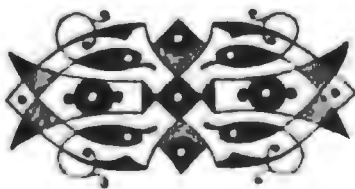
I. Василий Трофимовичъ Мартыновъ. Историко-биографическое извѣщаніе. (Черкъ четвертый). Сост. П. А. Базилерскій.	523	VI. Очерки о воспоминаніи Н. М. Колмакова. Гл. третья. 1830—1840 гг.	657
II. Записки ректора и профессора императорской академіи художествъ Федора Ивановича Гордана. 1800—1882 гг. Гл. XII—XVIII.	547	VII. Алексій Федоровичъ Арбузовъ, ген.-адъютантъ. 1796—1861 гг. Событ. Д. А. Арбузовъ.	661
III. Записки ермишадрита Владислава Торлоцкого, бывшаго гренадерскаго пѣхотинера. 1805—1856 гг. Главы XVIII—XXII. Событ. Д. Лопатинскій.	581	VIII. Банкротъ [Свои люди — оклеветавъ]. Кинедіа А. Н. Осуровскаго, — собствен. егип. рукопись.	695
IV. Алексій графа Петра Александровича Салуева. 1856 г.	603	IX. Императоръ Александръ Николаевичъ. Черты изъ его жизни	719
V. Алексій академикъ и профессоръ Александръ Васильевичъ Мининъ. 1848 г.	617	X. Материалы и замѣтки: Викфоръ Валчскій, 1696 г. (603). — Гетманъ Мазепа, 1704 г. (680). — Поголо Петра II, 1728 г. (727). — Письма 1747 г. (729). — Въ запискахъ П. Д. Шестакова (656).	
		XI. Библиографическій списокъ, замѣтка Ред. (на обраткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портрета Тараса Григорьевича Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 г. Копію съ портрета издѣлалъ художникъ Жебровский, гравировалъ золотомъ Н. Н. Матвѣевъ.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.:

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Альбомъ гравюръ на деревѣ и мѣди, портреты русскихъ знаменитѣйш. кн. III-й и IV-й. Напечатаны и раздается ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ портретовъ, художественно исполненныхъ гравюрами. Цѣна каждаго выпуска **ОДИНЪ** рубль и три цента, наряду за порес. (21 руб.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 60.

1891.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июля 1891 г.

О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформами. Историко-юридическое исследование Александра Филиппова, приват-доцента Императорского Московского университета. Москва, 1891 г., 8 д., стр. X + 457. Цена 3 руб.

Общирный труд, взяв видю из самого заглавия, впрочем посвященъ исследованію вопроса о наказаніи по законодательству Петра Великаго, причеъ авторъ всегдудеть еиоримъ наказанія по-стоальку, поскольку оиъ отыраиваетъ изъ самыхъ законодательныхъ актовъ эпохи, почти не касаясь вопроса о томъ, какъ пріянялись эти иуримъ на практикѣ. Весьма близка знакомый со всею значительною литературою наизъ историческихъ, такъ въ особенности юридическихъ исследованийъ о реформахъ Петра Великаго и объ учрежденіяхъ, въ его царствованіе возникшихъ, авторъ настоящего труда основываетъ его по преимуществу на тщательной изученіи первоисточниковъ, т. е. на законодательныхъ актахъ эпохи великаго преобразователя Россіи.

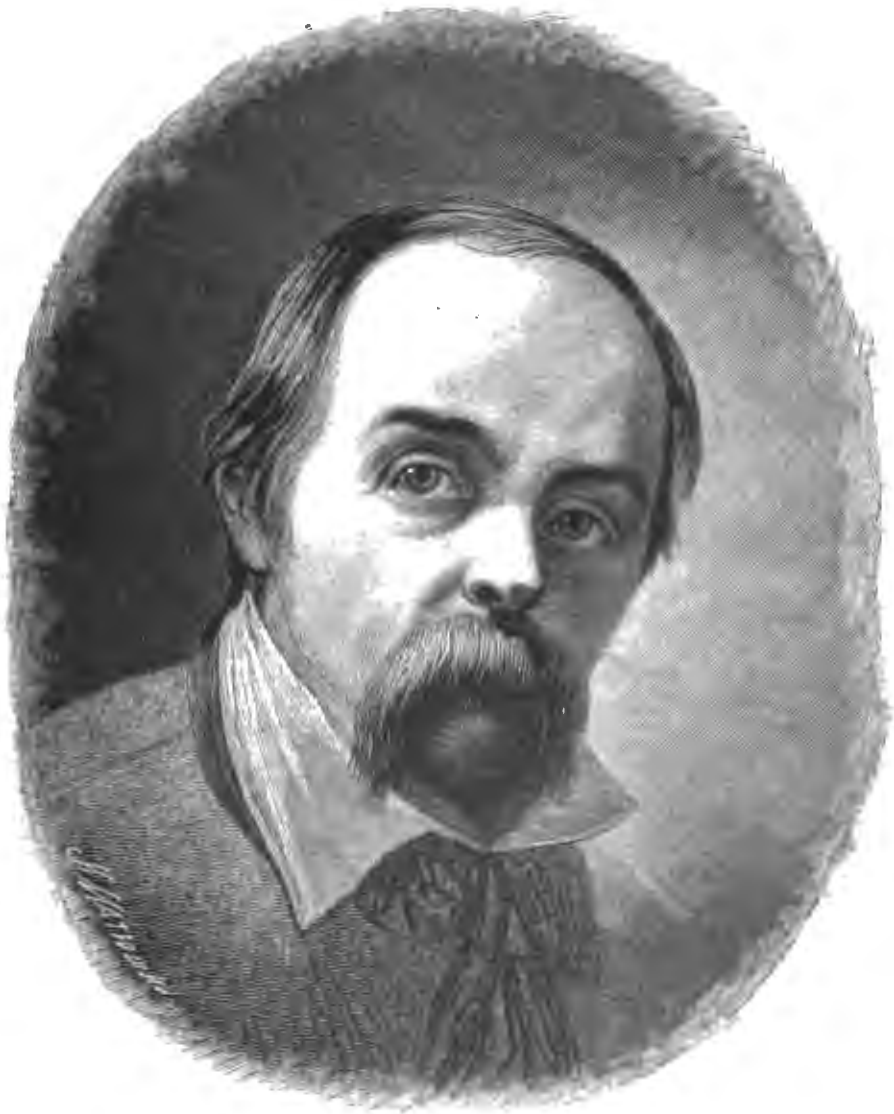
Основы судебной реформы (изъ 25-лѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. Гр. Джаншиева. Приложение: Опись „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“. Москва, 1891 г., 8 л., стр. XVI + 364 + 52. Цена 1 р. 50 к.

Живой и талантливый очеркъ одного изъ современныхъ, наиболее мыслящихъ и глубоко убивденныхъ, сторонниковъ новаго судебной реформы Царя-Освободителя. Авторъ выисываетъ въ вышней степени благоприятно что такое новый судъ, когда и почему судебная реформа получила радикальный характеръ; представляетъ историческій очеркъ составленія Судебныхъ Уставовъ; ясно отиываетъ отдѣленіе власти судебной отъ административной и останавливается, между прочимъ, на выборныхъ началъ изъ нововаго суда. Изъ другихъ составныхъ частей настоящаго извѣдыванія обращаетъ вниманіе читателей на судъ некаждъ надъ судебною реформою, на судъ присяжныхъ и его прагмы и проч. Вообще эта книга представляеть одну изъ наилучшихъ отиыковъ по поводу 25-лѣтія новаго суда. Весьма не-

затсально, дабы молодой посетитель бгурихихъ юристовъ, еще на скамьяхъ выискихъ учебныхъ заведеній, выисательво отвлеченно съ историко-юридическимъ этюдомъ Григоріа Львовича Джаншиева.

К. Ф. Харгулари. Итоги прошлаго—1866—1891 гг. (Очеркъ уголовныхъ процессовъ и судебныхъ рѣчей). Пестованіи дидактико-методическія судебныхъ учреждений. Сиб. 1891 г., 8 л., стр. XVII + 376. Цена 4 р. 50 к.

Въ ряду въ высочайшей степени замѣательныхъ отечественныхъ юристовъ-практиковъ, знавшихъ въ дѣлительности широкую судебную реформу К. Ф. Харгулари занимаетъ видное мѣсто. Имѣлъ онъ, негдѣ въ прекраснѣйшей обстановкѣ „Судебныхъ Рѣчей“ А. Ф. Кова, выисвети опыта прошлаго, въ выисвети степени симпатична. Эти итоги, выисвети въ обривныхъ рѣчей, посвященныхъ на наиболее замѣательныхъ процессахъ либо выисвети-нивами, либо обвинительныхъ, выисвети талантами русскими адвокатами и прокурорами, составляютъ выисвети аргументы на защиту судебной реформы 1864—1866 и 1868 гг. Въ настоящей книгѣ К. Ф. Харгулари собранъ 36 своихъ защитительныхъ рѣчей по процессамъ, которые мсикъ поръ еще памятамъ въ русскомъ обществе, таковымъ: по дѣлу объ отставн. выисвети секрет. Протопопова, обвинявшегося въ оскорбленіи дѣлительныхъ начальниковъ;—по дѣлу купца Вороса, обвинявшегося выисвети съ тайныхъ совѣтникомъ Гаврииломъ въ статекомъ совѣтникомъ Яковлевымъ въ растратѣ суммъ духовно-учебнаго управленія при епископѣмъ епископѣ;—по дѣлу о суммѣ выисвети епископа, Владислава Орлова, обвинявшегося въ государственномъ преступленіи (Невозвезд);—по дѣлу о суммѣ ремесленника Александръ Павловъ, обвинявшегося въ убійствѣ выисвети епископа;—по дѣлу о дивривнѣ Дивровѣ, обвинявшегося выисвети съ друзьями, въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени выисвети епископа епископа Андреева;—по дѣлу о епископѣ-адъютантѣ, капитанѣ 1-го ранга Н. М. Барановѣ, обвинявшегося на основаніи 97 и 173 ст. воен. морск. уставовъ, — и на выисвети другихъ весьма выисвети процессовъ.

М. Шевченко

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ четвертый ¹⁾).

ХІІІ.

о напечатаніи двухъ выше приведенныхъ нами повѣстей въ „Цвѣтникѣ“ 1810 года, имя В. Нарѣжнаго, насколько мы могли прослѣдить, — не встрѣчается въ печати до 1814 года, когда появились первая три части его романа „Россійскій Жилблазъ или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова“. Этотъ романъ Нарѣжнаго представляетъ вполнѣ самобытную передѣлку на русскіе нравы извѣстнаго сочиненія Лесажа „Histoire de Gilblas“, впервые переведеннаго на русскій языкъ Тепловымъ въ 1754 году. Подобная передѣлка была новостью въ нашей тогдашней романической литературѣ, и поэтому Нарѣжный въ предисловіи къ „Россійскому Жилблазу“ нашелъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Я вывелъ на показъ, говорить онъ, русскимъ людямъ русскаго же человѣка, считая, что гораздо сходиѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца. Почему Лесажъ не могъ того сдѣлать, всякій догадается. За нѣсколько десятковъ лѣтъ и

¹⁾ См., „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; томъ LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270; изд. 1890 г., томъ LXVII, сентябрь, стр. 469—527; изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 471—487. Портретъ В. Т. Нарѣжнаго приложенъ къ „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 225.

у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы“ и пр.

Но увѣренность В. Нарѣжнаго, что свободное или, какъ онъ называетъ „безпристрастное“, описаніе русскихъ нравовъ будетъ допущено въ 1814 году, оказалась ошибочною, потому что „Россійскій Жилблазъ“ былъ тогда-же запрещенъ „по вызову“ министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, вслѣдствіе чего остальные три части романа не могли явиться въ печати. При этомъ министромъ были указаны „предосудительныя и соблазнительныя мѣста на страницахъ: 46, 98, 125, 185 и слѣд. третьей части“, почему-то одобренной цензоромъ Яценковымъ раньше первыхъ двухъ, а именно 9 октября 1813 года.

По поводу сочиненія В. Нарѣжнаго „Россійскій Жилблазъ“, министр народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, въ своемъ отзывѣ высказалъ составленный имъ взглядъ на романы вообще: „Между издаваемыми вновь романами, писалъ онъ, выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣсть, явнымъ образомъ, противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но, вообще, по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя, повидимому, и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль“ (35).

Хотя графъ Разумовскій, въ своемъ отзывѣ, указываетъ только на нецензурныя мѣста напечатанныхъ частей „Россійскаго Жилблаза“, но его слова настолько же могли относиться къ тремъ задержаннымъ частямъ романа. Между прочимъ, на страницахъ 46 и 98 третьей напечатанной части, а на стр. 125 (ч. III) сверхъ того былъ затронутъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, въ видѣ примѣра вопіющаго злоупотребленія помѣщичьей власти, что и могло показаться предосудительнымъ министру. Начиная со страницы 185 и слѣд. третьей, равно и въ началѣ четвертой ненапечатанной части романа (остановленной цензурой), представлена весьма непривлекательная картина тайнаго „Общества благотворителей свѣта“, величавшихъ себя масонами. Но такъ какъ авторъ не дѣлаетъ никакой оговорки, то его описаніе, въ виду сообщаемыхъ имъ подробностей, могло быть отнесено къ масонству, вообще, и пока-

заться злонамѣреннымъ. Нападки на масонство, которое пользовалось покровительствомъ многихъ, участвующихъ въ немъ, вліятельныхъ людей, уже сами по себѣ были достаточны, чтобы навлечь гоненіе на книгу В. Нарѣжнаго. Подобное покровительство масонству, а равно и участіе въ немъ, не считалось тогда вреднымъ, такъ какъ масоны „ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической“ (36). Къ тому-же масонскія ложи съ 1809—1810 гг. были официально разрѣшены правительствомъ.

Мы не будемъ теперь касаться вопроса: насколько описаніе таинственныхъ собраній и дѣятельности „Общества благотворителей свѣта“, представленныя Нарѣжнымъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности и поговоримъ объ этомъ при дальнѣйшемъ разборѣ „Россійскаго Жилблаза“, гдѣ укажемъ также, какое значеніе это описаніе можетъ имѣть въ настоящее время. Въ этомъ случаѣ, мы отступимъ отъ принятаго нами хронологическаго порядка; и приложимъ разборъ этого сочиненія Нарѣжнаго къ концу статьи, въ виду того, что редакція „Русской Старины“ намѣрена напечатать всего „Россійскаго Жилблаза“, съ включеніемъ трехъ ненапечатанныхъ частей, одобренныхъ цензурой 13 февраля 1863 года.

По многимъ даннымъ, появленіе первыхъ трехъ частей „Россійскаго Жилблаза“ не могло пройти не замѣченнымъ. Помимо того, что это былъ первый болѣе или менѣе самобытный русскій романъ, гдѣ читатель впервые встрѣчалъ на каждомъ шагѣ знакомую ему обстановку, русскихъ людей и русскіе нравы, даже самыя недостатки „Россійскаго Жилблаза“ не были настолько ощутительны для него, какъ для насъ. Русская романическая литература, какъ было указано нами во второмъ очеркѣ, („Русск. Стар.“ 1888 г., июль и августъ), находилась тогда въ зачаточномъ видѣ и, такъ какъ вкусъ не былъ выработанъ въ этомъ направленіи, то и требованія не могли быть особенно строги. Съ другой стороны, въ „Россійскомъ Жилблзѣ“ слабыя и неудачныя страницы съ избыткомъ искупались прекрасными, вполне оригинальными сценами и описаніями, которыя должны были неизбѣжно произвести впечатлѣніе на публику, всегда болѣе или менѣе чуткую въ оцѣнкѣ истиннаго таланта.

Цензурное запрещеніе, разумѣется, въ свою очередь способствовало успѣху неоконченнаго романа и по свидѣтельству очевидца ¹⁾

¹⁾ Н. И. Гречъ, современникъ В. Нарѣжнаго, пишетъ по этому поводу: „Обстоятельства долгое время препятствовали изданію въ свѣтъ „Россійскаго Жилблаза“ и публика, слыша о томъ, что эта книга не можетъ быть напечатана, вообразила, что въ ней заключается не вѣсть что.

значительно усилило интерес публики, такъ что уже въ 1820 году „Русскій Жылблазъ“ считался библиографическою рѣдкостью (38).

Но временной успѣхъ книги, вышедшей въ первыхъ трехъ частяхъ, былъ плохимъ утѣшеніемъ для автора, потому что послѣднія три ея части остались не напечатанными, что должно было тяжело отразиться на немъ, какъ съ матеріальной, такъ и нравственной стороны, особенно, въ виду тѣхъ затрудненій, съ какими былъ связанъ тогда самый процессъ писанія романа. Но, тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ выразить нѣкоторыя сомнѣнія относительно извѣстія, сообщеннаго сыномъ романиста, въ краткой составленной имъ біографіи, что цензурное запрещеніе, постигшее „Россійскаго Жылблаза“, было причиною, что В. Нарѣжный почти оставилъ авторство“ (39). Между тѣмъ, на ряду съ этимъ извѣстіемъ, въ той же краткой біографіи сказано черезъ нѣсколько строкъ, что В. Нарѣжный до 1821 года „утро посвящалъ службѣ, а вечера исключительно литературѣ“...

Но и помимо этого видимаго противорѣчія, многое говоритъ въ пользу втораго извѣстія. Хотя, дѣйствительно, съ 1814 по 1822 г., мы почти не встрѣчаемъ имени Нарѣжнаго въ печати, но это еще не даетъ намъ права заключать о перерывѣ его литературной дѣятельности, и, вообще, едва-ли мыслимо, чтобы такой плодovitый и талантливый писатель, подъ вліяніемъ огорченія, добровольно осудилъ себя на многолѣтнее бездѣйствіе. Тутъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ, когда же были написаны повѣсти: Марія, Богатый бѣднякъ, Невѣста подъ замкомъ, Турецкій судъ, Заморскій принцъ, Запорожецъ и романы: Бурсакъ, Два Ивана или страсть къ тяжбамъ—вышедшіе въ короткій промежутокъ двухъ лѣтъ, 1824—1825 гг.?

Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы всѣ эти произведенія были написаны раньше 1814 года, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, являются несравненно болѣе зрѣлыми и законченными, нежели предъидущія сочиненія

Обнародованіе нѣкоторыхъ повѣстей Нарѣжнаго ее разочаровало. Справедливость побуждаетъ меня сказать, что первый русскій романъ написалъ и издалъ у насъ Оадей Булгаринъ“ и пр. (37).

Хотя въ этомъ отзывѣ Н. Гречъ, въ ущербъ истинѣ, усердствуетъ въ пользу своего друга и хочетъ выставить превосходство Булгарина надъ Нарѣжнымъ, но, тѣмъ не менѣе, сообщаемое имъ извѣстіе, при всей его неопредѣленности, имѣетъ для насъ значеніе, какъ единственное свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, какое произвело на публику запрещеніе „Россійскаго Жылблаза“.

Н. В.

В. Нарѣжнаго. Равнымъ образомъ, едва-ли можно отнести ихъ къ самымъ послѣднимъ годамъ Нарѣжнаго, когда, по свидѣтельству его сына, вполне правдоподобному, „сидячая жизнь, при напряженномъ трудѣ, оказала гибельное вліяніе на здоровье романиста“ (40).

Что касается матеріальной стороны, то если Нарѣжный связывалъ какія-либо надежды съ появленіемъ въ свѣтъ „Россійскаго Жилблаза“, то упомянутое цензурное запрещеніе было тѣмъ чувствительнѣе для него, что въ предъидущемъ 1813 году онъ вышелъ въ отставку и женился ¹⁾. Хотя первыя три части романа были напечатаны и, вѣроятно, тогда же раскуплены публикою; но едва-ли полученный отъ нихъ доходъ былъ особенно великъ, судя по тому, что въ началѣ 1815 года Нарѣжный снова поступилъ на службу и опредѣленъ столоначальникомъ въ инспекторскій департаментъ. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ утвержденъ въ этой должности при новомъ образованіи инспекторскаго департамента, поступившаго въ составъ главнаго штаба.

XIV.

Послѣ напечатанія первыхъ трехъ частей „Россійскаго Жилблаза“ и запрещенія остальныхъ частей въ 1814 году, наступилъ упомянутый перерывъ въ литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго, вслѣдствіе-ли его собственнаго нежеланія печатать свои произведенія или невозможности найти издателя. Такимъ образомъ, насколько мы могли прослѣдить, въ промежутокъ отъ 1814 до 1822 г., сочиненія В. Нарѣжнаго не встрѣчаются ни въ числѣ отдѣльно вышедшихъ книгъ, ни въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ, кромѣ двухъ упомянутыхъ нами „Славенскихъ вечеровъ“, напечатанныхъ въ „Соревнователѣ“, а именно: Любославъ (№ XI и XII, 1818) и Александръ (№ VII 1819 г.). Журналъ „Соревнователь“ или, точнѣе, „Соревнователь просвѣщенія и благотворительности“, какъ мы упоминали въ нашемъ первомъ очеркѣ (стр. 360), началъ издаваться въ 1818 году „Вольнымъ обществомъ любителей

¹⁾ Годъ женитьбы В. Нарѣжнаго указанъ въ краткой біографіи, сообщенной его сыномъ, который при этомъ не даетъ никакихъ свѣдѣній о своей матери (Ист. христ. А. Галахова т. II, стр. 292—293). Равнымъ образомъ, въ формулярномъ спискѣ В. Нарѣжнаго сказано только, что онъ былъ „женатъ на Александрѣ Ивановой дочери“, безъ обозначенія ея званія.

россійской словесности“, съ цѣлью оказывать матеріальную поддержку нуждающимся ученымъ, литераторамъ и художникамъ. Въ числѣ первыхъ пособій было выдано обществомъ 300 р. В. Т. Нарѣжному „за представленное имъ сочиненіе“, вѣроятно, за одну изъ упомянутыхъ повѣстей, напечатанныхъ въ „Соревнователѣ“, или за неизданную повѣсть Игорь, которая была прочитана авторомъ въ публичномъ засѣданіи общества 20-го мая того-же 1818 года. Обращеніе къ общественной благотворительности, со стороны Нарѣжнаго, могло быть вызвано какими нибудь исключительными, быть можетъ, семейными невзгодами, потому что въ это время, занимая должность столоначальника при главномъ штабѣ, онъ получалъ болѣе значительное жалованье, нежели когда-либо (1200 р.), и только въ сентябрѣ 1821 года окончательно вышелъ въ отставку.

Повѣсть Игорь, напечатанная послѣ смерти Нарѣжнаго, во второмъ дополненномъ изданіи „Славенскихъ вечеровъ“ 1826 года, любопытна въ томъ отношеніи, что на ней всего замѣтнѣе отразилось вліяніе „Слова о Полку Игоревѣ“, изданнаго въ 1800 году, изъ чего можно вывести заключеніе, что она, вѣроятно, была написана около этого времени. Въ повѣсти „Игорь“, какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, различныя знаменія предвѣщаютъ грядущую бѣду, равно и грозныя явленія природы соотвѣтствуютъ изображаемымъ событіямъ, что видно изъ слѣдующаго описанія:

„Туманомъ покрыты были власы востекающаго надъ градомъ Кіевомъ Свѣтовіда. Сизый Дѣпръ съ глухимъ ревомъ медленно катилъ въ берегахъ волны свои; умокло пѣніе птицъ сладкогласныхъ. Одинъ вранъ чернокрылый издавалъ вопли по дубравѣ и хищный волкъ вторилъ ему грознымъ завываніемъ...“

Юная княгиня Ольга, подобно Ярославѣ, тоскуетъ въ отсутствіи супруга своего Игоря:

„Друзья мои и совѣтники, вѣщала она къ избраннымъ старѣйшинамъ двора княжескаго: сердце мое ноетъ въ груди мутящеся и слезы текутъ изъ очей моихъ, дабы подобно перловому ожерелью узнать выю мою. Знаменія утра сего суть отголоски ночи той, въ которую узрѣлъ меня впервые Игорь воинственный. Ахъ, они были тогда предтечами моего счастья; теперь должны быть, по вѣщанію премудрыхъ, вѣстниками горести безутѣшныя...“

„Ревѣлъ мутный Волховъ въ берегахъ своихъ; молніи терзали покровъ неба ярящагося; градъ сбивалъ вѣтви съ дубовъ и елей долговѣчныхъ; громъ рычалъ среди областей небесныхъ ужасно и заглушалъ ревъ безчисленныхъ стай медвѣдей, обитателей лѣсовъ великаго Новгорода. Въ дождѣ безпредѣльномъ горько рыдала природа“ и т. д. (стр. 201—203, третье изд. 1836 г.).

Далѣе авторъ впадаетъ въ тонъ приведенныхъ нами (во второмъ очеркѣ) историческихъ повѣстей конца XVIII вѣка, и, не

стѣсняясь условіями времени и быта, а равно и лѣтописными данными о характерѣ Игоря Святославича и причинѣ его смерти, даетъ полную волю своей фантазіи:

„Вопли скорби и стѣванія, пишутъ онь, разлились на широкихъ стогнахъ Кіева“, при вѣсти объ убіеніи древянами князя Игоря; вонны и граждане оплакиваютъ смерть „мудраго“ повелителя, кроткаго и милосерднаго покровителя вдовъ и сиротъ, который ополчился на брань „не по личной злобѣ или пристрастію, но единственно для блага народа ему подвластнаго“...

Повѣсть „Любославъ“, напечатанная въ „Соревнователѣ“ того же 1818 года, по бѣдности содержанія и крайне вычурному языку, слабѣ остальныхъ „Славенскихъ вечеровъ“, и отличается отъ нихъ правоучительнымъ элементомъ, такъ какъ здѣсь авторъ поставилъ себѣ цѣлью объяснить наглядно, что задача государя заключается не въ славѣ военныхъ подвиговъ, а въ мудромъ управленіи и въ заботахъ о благѣ подданныхъ:

Герой повѣсти, молодой туровскій князь Любославъ, жаждетъ военной славы и, не смотря на мирное время, собираетъ войско, вторгается въ сосѣднюю муромскую землю, сжигаетъ пашни и хижины поселанъ. Но вскорѣ угрозы совѣсти начинаютъ мучить его; онъ отправляется въ пустыню къ отшельнику Іонну, въ надеждѣ найти у него облегченіе отъ душевныхъ страданій. Іоннъ говоритъ ему длинную наставительную рѣчь о назначеніи правителей, совѣтуетъ изгнать дурныхъ совѣтниковъ и щедро вознаграждаетъ раззоренныя имъ семейства муровцевъ.

Любославъ исполняетъ совѣтъ старца и въ непродолжительномъ времени „становится примѣромъ для вождей и повелителей“. Вездѣ разносится слава объ его мудромъ правленіи; а князь муромскій, который еще недавно отвѣтилъ отказомъ на его сватовство, теперь съ радостью выдаетъ за него свою прекрасную дочь Гликерію.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ слѣдующая и послѣдняя повѣсть „Александръ“, которая относится къ моменту вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ 31-го марта 1814 года. Главный интересъ ея заключается въ томъ, что она служитъ вѣрнымъ отраженіемъ тогдашняго общественнаго настроенія. Первенствующая роль русскаго императора въ событіяхъ 1813—1815 гг., торжественное слѣдованіе его по Европѣ, представлявшее рядъ триумфовъ, равно и великодушное отношеніе къ униженной Франціи, должны были тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе русскихъ, что льстили ихъ національному чувству.

Извѣстно, какими громкими оваціями и какими воодушевленными привѣтствіями нашихъ первоклассныхъ поэтовъ сопровождалось возвращеніе императора въ Россію; естественно, что и Нарѣжный, увлеченный общимъ движеніемъ, заплатилъ свою дань

поклоненія и не пожалѣлъ поэтическихъ красокъ для изображенія личности Александра I и его гуманнѣхъ космополитическихъ взглядовъ.

Повѣсть „Александръ“ начинается съ печальной картины Парижа, наканунѣ вступленія союзныхъ войскъ, расположенныхъ на ближнихъ холмахъ у безчисленныхъ огней. Глубокая полночь раскинула надъ воинствомъ черныя крылья. Мало по малу огни, сокращаясь, угасли.

Александръ медленно шествуетъ по долинѣ въ сопровожденіи вождя русскихъ дружинъ. „Устремленный на свѣтлый мѣсяцъ и звѣзды мерцающія взоръ его прояснился; умиленье разлилось по высокому челу его и кротость въ ангельской улыбкѣ“. Онъ обращается къ своему спутнику и, указывая на древнюю Лютецію, выражаетъ сожалѣніе объ ожидавшей ея участи: „Настанетъ утро, говоритъ онъ, и по манію перста моего раздадутся новыя громы, падутъ твердыя стѣны и гордыя башни, раздастся плачь и вопль, и сего града не станетъ. Путникъ съ трудомъ отыщетъ мѣсто бытія его, спроситъ потомство отдаленное: кто произвелъ гибель сію, сіе опустошеніе ужасное? — Александръ! будетъ отвѣтъ исторіи.—О, какъ ужасаюсь я сей мысли, столько для другихъ обольстительной!“

„Рекъ—и свѣтлая слеза заблестала въ небесныхъ очахъ его“.

Вождь дружинъ русскихъ возражаетъ ему, что и солнце „извлекаетъ изъ нѣдръ земли и водъ обильныя испаренія, даетъ имъ время совокупиться воедино, составить тучу черную и низринуться на устремленную землю въ дождь, громъ и молніи“.

...„Знаю обязанность сана моего къ моему отечеству и россиянамъ, отвѣтствовалъ самодержецъ... Но почему-жъ семейство мое осудитъ меня, если и хочу для его же пользы и славы усыновить еще постороннихъ? Любовь моя жаждетъ принять въ объятія свои всѣ племена и народы земные, благословить ихъ родительскимъ благословеніемъ и воззвать къ нимъ: дѣти, никогда не уклоняйтесь отъ закона правды—и вы благополучны!“

Настаетъ утро; румяная заря озлатила небосклонъ... поднимается русское войско съ сырой земли, собирается въ ряды „пространные“ и на вопросы Александра: — „Какую судьбу изречемъ мы древней столицѣ всея Галліи? Какъ встрѣтимъ мы ея обитателей? — громко требуетъ гибели галловъ и ихъ древней столицѣ“.

Александръ пребылъ въ недоумѣніи. Раны Москвы и Смоленска близко прилегли къ его сердцу... онъ даетъ слово войску воскресить древнюю столицу и достойно отомстить за нее...

„Но зазвучали врата желѣзныя града гордаго и разверзлись. Медленно извлекались граждане Лютеціи — съ новѣйшими главами шествовали они во срѣщеніе царю русскому и его воинству. Удержалъ царь за бразды коня ратнаго; вожди и воинство остановились...“

Далѣе слѣдуетъ длинная рѣчь старѣйшины галловъ, который взываетъ къ милосердію Александра и преклоняетъ передъ нимъ колѣна; прибывшіе съ нимъ граждане пали во прахъ; „слезы горькія, слезы кровавыя оросили чело земли отеческой.“ Царь обратился къ своимъ воинамъ и, видя умиленье на ихъ лицахъ, простеръ десницу къ старѣйшинѣ галловъ и повелѣлъ имъ идти за нимъ „во градъ осиротѣлый и тамъ во храмахъ принести благодарственные молебны Богу кротости и милосердія...“

Александръ пошелъ ко граду. Галлы и россияне ему послѣдовали. Съ волями радостными приняли граждане гостей своихъ въ стѣны Парижскія— и примиренные народы совокуно простерли къ Небу мольбы благодарности ¹⁾.

XV.

Повѣсть Александръ, помѣщенная въ „Соревнователь“ 1819 г., насколько намъ извѣстно, была послѣднимъ произведеніемъ В. Нарѣжнаго, напечатаннымъ въ журналѣ. Всѣ остальные—появились отдѣльными изданіями, начиная съ повѣсти Аристіонъ или перевоспитаніе, вышедшей въ 1822 году, съ слѣдующимъ посвященіемъ, которое почему-то выключено изъ втораго изданія, 1835—1836 года:

„Петру Алексѣвичу Ваметневу ²⁾).

„Около пятнадцати лѣтъ я пользуюсь твоею безпѣвной дружбой. Нерѣдко въ продолженіе сего времени надъ головою моею сбирались грозныя тучи и твое благоразуміе всегда умѣло отвращать гибельные удары, доставляло укромное пристанище. Ничѣмъ не въ силахъ отблагодарить тебѣ за всѣ одолженія... Но чтобы и дѣти дѣтей твоихъ знали сколько я обязанъ былъ твоей великодушной дружбѣ, посвящаю любезному имени твоему новое сочиненіе.

„Октября 5-го дня, 1821“.

Повѣсть „Аристіонъ или перевоспитаніе“, по содержанію и общему характеру, принадлежитъ къ правоучительнымъ произведеніямъ нашей подражательной романической литературы конца XVIII вѣка, съ такими-же длинными утомительными разсужденіями и сентенціями на тему нравственности и торжествомъ добродѣтели.

¹⁾ Въ „Revue Encyclopedique“ 1829 года, которая въ это время получала отъ одного изъ своихъ московскихъ корреспондентовъ „значительную часть лучшихъ произведеній русской прессы“, помѣщенъ краткій обзоръ сочиненій В. Нарѣжнаго, составленный Шоеномъ (остовге, р. 111—122). Авторъ статьи называетъ Нарѣжнаго „первымъ изъ русскихъ правописательныхъ романистовъ“ и, между прочимъ, съ похвалою отзываясь о „Славенскихъ вечерахъ“, кромѣ повѣсти Александръ, гдѣ, по его словамъ, „Нарѣжный слишкомъ увлекся патріотизмомъ и позволилъ себѣ пристрастные нападки, неумѣстные для первокласснаго писателя“.

²⁾ Петръ Алексѣвичъ Ваметневъ, авторъ довольно сухой и бездарной сатиры въ стихахъ „Польза медиковъ“. О службѣ Ваметнева въ департаментѣ удѣловъ упомянуто въ „Воспоминаніяхъ“ В. И. Панаева.

Н. В.

Въ „Аристонѣ“, какъ во многихъ романахъ и повѣстяхъ этого направленія, основой разсказа служитъ тогдашній избитый мотивъ о вредѣ новомоднаго воспитанія, гдѣ все обращено на вышнія преимущества, къ ущербу дѣйствительныхъ знаній и развитія душевныхъ качествъ.

Такое именно воспитаніе получаетъ герой повѣсти Аристонъ (сынъ отставнаго бригадира, живущаго въ Украинѣ), который, на шестомъ году жизни, отпращенъ въ Петербургъ и помѣщенъ „въ славнѣйшемъ тогда пансіонѣ, содержимомъ знаменитымъ иностранцемъ“.

По окончаніи ученія, Аристонъ, какъ „прилично дворянину“, поступаетъ въ Петербургѣ на военную службу, и вскорѣ подъ вліяніемъ дурнаго воспитанія предается пагубнымъ и дорого-стоящимъ столичнымъ развлеченіямъ, запутывается въ долгахъ и одновременно получаетъ вѣсть объ измѣнѣ любовницы и о своемъ выключеніи изъ службы. Вѣрный дядька Макарь, пользуясь отчаяніемъ своего господина, увозитъ его въ Украину. Здѣсь Аристонъ узнаетъ, что его родители умерли, раззоренные имъ, и что нѣкто Горгоній владѣетъ его наслѣдственнымъ имуществомъ. Горгоній нѣкто иной, какъ родной отецъ Аристона, который выдаетъ себя за мертваго, чтобы исправить своего блуднаго сына, принимаетъ его къ себѣ въ домъ и занимается его перевоспитаніемъ, съ помощью своего друга, мнимаго г. Кассіана (графа Радіона).

Въ распорядкѣ Аристона превосходная бібліотека; г. Кассіанъ ведетъ съ нимъ длинныя поучительныя бесѣды; изъ города выписаны „ученые мужи“, которые обучаютъ его философіи, исторіи и другимъ премудростямъ. Аристонъ незамѣтно привыкаетъ къ правильному образу жизни и настолько преуспѣваетъ въ наукахъ и добродѣтели, что мудрые воспитатели находятъ возможнымъ познакомить его съ прекрасной Людмилой, заранѣе приготовленной для него невѣстой, на которой онъ женится въ концѣ повѣсти. Людмила, въ довершеніе мистификаціи, является воспитанницей мнимой помѣщицы Зинаиды (матери Аристона).

Въ настоящее время повѣсть „Аристонъ или перевоспитаніе“ читается съ трудомъ, какъ всѣ сочиненія Нарѣжнаго, тѣмъ болѣе, что завязка разсказа совсѣмъ неправдоподобная. Нельзя предположить, чтобы Аристонъ, искусившійся въ развлеченіяхъ столицы, пріѣхавъ на родину въ зрѣлыхъ лѣтахъ, такъ легко поддавался незамысловатой мистификаціи, придуманной для его исправленія, и не открылъ ее до тѣхъ поръ, пока главныя дѣйствующія лица комедіи не нашли нужнымъ прекратить ее. Между тѣмъ авторъ изображаетъ своего героя человекомъ способнымъ, которому легко даются всякія науки, и вслѣдствіе этой несообразности весь разсказъ является крайне искусственнымъ и натянутымъ.

Но и въ Аристонѣ встрѣчаются мѣста, заслуживающія особеннаго вниманія, какъ, напримѣръ, страницы 138 и слѣд., гдѣ г. Кассіанъ вмѣстѣ съ Аристономъ посѣщаютъ сосѣднихъ помѣщиковъ

съ цѣлю назиданія. Передъ читателемъ, какъ и въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя, хотя еще въ грубомъ необработаннымъ видѣ, выступаютъ самобытные типы или, вѣрнѣе, смѣло очерченные наброски типовъ тогдашнихъ помѣщиковъ съ ихъ семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками: пана Сильвестра, страстнаго охотника, пана Парамона, проводящаго дни въ пьяномъ разгулѣ, и, наконецъ, пана Тараха, который, по замѣчанію историка В. И. Семевскаго, представляетъ собою „первообразъ Плюшкина“ (41).

Дѣйствительно, украинскій помѣщикъ Тарахъ и его жена, введенные Нарѣжвымъ въ повѣсти Аристіонъ, во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ безсмертный Гоголевскій типъ скупца. Мы видимъ здѣсь то-же неразборчивое накопленіе имущества, ставшее преобладающею страстью и единственною цѣлю жизни, передъ которой умолкаютъ всѣ нравственныя стремленія и даже животныя инстинкты. Панъ Тарахъ и его жена, обирая крестьянъ для собственнаго обогащенія, въ то-же время обрекаютъ самихъ себя на жизнь, исполненную лишеній, въ противоположность болѣе распространенному и болѣе мелкому типу скупцовъ, скарденныхъ только по отношенію къ другимъ, а не къ себѣ. Наконецъ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, „но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрагою“.

XVI.

Два года спустя послѣ „Аристіона“, а именно въ 1824 г., появились въ трехъ частяхъ „Новыя повѣсти“ В. Нарѣжнаго, съ слѣдующимъ краткимъ посвященіемъ К. Я. Командеръ:

„Сколько родственная между мною и вами связь, столько или болѣе отличное превосходство вашего нрава и неизмѣняемая никакими превратными случаями доброта сердца побуждаютъ меня посвятить вашему имени вновь написанныя мною повѣсти“ и пр.

„Августа 1-го дня, 1823 года“.

Изъ шести такъ называемыхъ „Новыхъ повѣстей“ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣсть Марія, единственное изъ сочиненій В. Нарѣжнаго, которое можетъ быть отнесено къ сентиментальнымъ произведеніямъ нашей романической литературы, съ неизбѣжными титудованными особами, насильственной разлукой влюбленныхъ, сумашествіемъ и смертью отъ любви и пр.¹

Однако, несмотря на безусловно подражательную форму, повѣсть Нарѣжнаго „Марія“ является болѣе законченной и, во многихъ отношеніяхъ, выше всего, что намъ приходилось читать въ этомъ родѣ изъ старыхъ романовъ и повѣстей. Мы не встрѣчаемъ здѣсь обычнаго безпочвеннаго разсказа, такъ какъ авторъ, на ряду съ изображеніемъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, рисуетъ окружавшую ихъ обстановку богатаго помѣщичьяго дома стараго времени, а также ихъ отношенія къ слугамъ, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, сочинители сентиментальныхъ повѣстей, говоря объ усадьбахъ, считаютъ лишнимъ не только упоминать о крестьянахъ, но и домашней прислугѣ. Кромѣ того, въ повѣсти Нарѣжнаго „Марія“ вмѣсто ходульных мелодраматическихъ героев выведены вполне реальныя типы, съ опредѣленной фізіономіей и характерами, какъ, напримѣръ: стараго добродушнаго графа, свободомыслящаго швейцарца аббата Бертольда, исполнявшаго въ домѣ роль воспитателя графскихъ дѣтей, а, также, высокоомѣрной графини, гордой своимъ происхожденіемъ и знатностью, которая, ради сословныхъ предразсудковъ, готова пожертвовать счастіемъ дѣтей. Она случайно узнаетъ о любви своего сына къ Маріи, дочери управляющаго, воспитанной вмѣстѣ съ ея собственною дочерью; приказываетъ по этому поводу позвать къ себѣ мужа и воспитателя Бертольда и, съ гнѣвомъ, объявляетъ имъ о своемъ рѣшеніи выдать Марію за своего крѣпостнаго камердинера.

Эта сцена несомнѣнно принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ повѣсти. Не менѣе характеренъ и остальной разсказъ старика управляющаго, повѣстующаго, случайно, заѣхавшему путешественнику, печальную исторію любви своей дочери Маріи. Разсказъ этого особенно производитъ впечатлѣніе простымъ безыскусственнымъ тономъ. Управляющій, бывший графскій крѣпостной, безронотно покоряется своей судьбѣ и не винитъ господъ въ постигшемъ его несчастіи, въ которомъ онъ самъ является совершенно пассивнымъ лицомъ. Если онъ рѣшился въ разговорѣ съ помѣщикомъ высказать свое мнѣніе противъ брака, грозящаго дочери, то вслѣдъ затѣмъ, со слезами благодарности, выслушиваетъ данное ему приказаніе уѣхать вмѣстѣ съ семействомъ въ самое дальнее изъ графскихъ украинскихъ помѣстій, хотя, отъ этой ссылки, у преданнаго слуги единственная дочь сходитъ съ ума отъ горя и умираетъ любимая жена.

Разсказомъ управляющаго кончается первая и наибольшая часть повѣсти: „Марія“. Вторая часть, начиная съ 40 стр. (см. изд. Соч. В. Нарѣжнаго, 1835—1836 гг.) далеко не представляетъ ни тѣхъ

достоинствъ, ни той цѣльности, такъ какъ авторъ, видимо, поддѣлывается подъ тонъ сентиментальныхъ произведеній нашей подражательной литературы, впадаетъ въ преувеличеніе и рисуетъ неестественныя сцены и положенія. Хотя здѣсь, какъ и въ первой части, рассказъ ведется отъ лица стараго управляющаго, но въ немъ уже слышатся фальшивыя ноты напускнаго паэоса, при описаніи безутѣшнаго горя молодаго графа.

Въ теченіи трехлѣтняго пребыванія за границей, молодой графъ не перестаетъ тосковать въ разлукѣ съ Маріей. Наконецъ, онъ узнаетъ о смерти матери и, съ разрѣшенія отца, спѣшитъ къ своей возлюбленной въ далекое украинское помѣстье; но пріѣзжаетъ въ моментъ погребенія Маріи и падаетъ безъ чувствъ. Обморокъ и здѣсь, какъ во многихъ сентиментальныхъ повѣстяхъ начала XIX вѣка, настолько продолжителенъ, что отецъ Маріи успѣваетъ похоронить ее и поставить у ея могилы деревянный крестъ. Но это не останавливаетъ влюбленнаго графа, который велитъ приготовить два великолѣпныхъ гроба въ деревянной бесѣдкѣ и въ одинъ изъ нихъ положить вырытый изъ земли прахъ Маріи, а другой оставить для себя. Съ наступленіемъ весны, вмѣсто бесѣдки, построена каменная церковь и въ нее перенесены оба гроба. Проходятъ годы послѣ смерти Маріи, но ничто не можетъ утѣшить молодаго графа, ни разсѣять его горести. Онъ ведетъ уединенную жизнь, рѣдко кого допускаетъ къ себѣ и то по необходимости; но такая жизнь не мѣшаетъ ему быть благодѣтелемъ не только крестьянъ, ему принадлежащихъ, но и постороннихъ. „Всѣ благословляютъ его, добавляетъ авторъ, всѣ хвалятся своимъ счастьемъ; одинъ онъ носитъ въ груди своей корень злополучія, который не прежде иссохнетъ, какъ во взорахъ страдальца потухнетъ послѣдняя искра жизни...“ (стр. 62).

Такимъ образомъ, въ повѣсти „Марія“, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ В. Нарѣжнаго, подражательный элементъ идетъ объ руку съ самобытнымъ; и на этотъ разъ съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдняго, чего нельзя сказать о слѣдующей большой повѣсти „Турецкій судъ“, которая является подражательною отъ начала до конца. Она принадлежитъ къ извѣстному роду переводныхъ и подражательныхъ произведеній, заимствованныхъ изъ западной литературы и обозначаемыхъ общимъ названіемъ „восточныхъ повѣстей“, гдѣ сочинители съ правоучительною цѣлью изображали добродѣтели отдаленныхъ народовъ. Соотвѣтственно съ этимъ и въ повѣсти „Турецкій судъ“ приведенъ примѣръ неподкупнаго турецкаго правосудія, въ лицѣ Ибрагима-паши, посланнаго турецкимъ султаномъ въ Каиръ по жалобѣ жителей на Ассана-

пашу. Но и здѣсь Нарѣжнѣй, подобно большинству сочинителей „восточныхъ повѣстей“, выказываетъ полное незнакомство съ нравами и обычаями жителей описываемой страны; и строить фабулу своей повѣсти на случайныхъ свѣдѣніяхъ, вычитанныхъ имъ изъ книгъ.

На ряду съ повѣстью „Турецкій судъ“, въ собраніи „Новыхъ повѣстей“ 1824 года, помѣщено не менѣе слабое, хотя, повидимому, до известной степени, самобытное произведеніе В. Нарѣжнаго, а именно „Невѣста подъ замкомъ“. Это не болѣе, какъ фарсъ въ драматической формѣ, довольно неправдоподобнѣй и лишенный всякаго остроумія, въ которомъ выставлены на смѣхъ недогадливость и резонерство нѣмцевъ. Старый ювелиръ Рупертъ держитъ взаперти, живущую у него, молодую племянницу, Розину, такъ какъ хочетъ жениться на ней и присвоить себѣ тридцать тысячъ приданнаго, оставленнаго ей покойнымъ отцомъ. Такіе же виды на Розину имѣетъ сосѣдъ ювелира, старый докторъ Аффенбергъ, выгодно продавшій свою первую жену какому-то богачу. Но Розина влюблена въ бѣднаго молодого чиновника Милона, который уговариваетъ ее бѣжать съ нимъ и захватить часть сокровищъ стараго ювелира, въ счетъ задержанныхъ имъ тридцати тысячъ, что удастся влюбленнымъ, съ помощью самой невѣроятной мистификаціи. Оба нѣмца, видя себя кругомъ одураченными, утѣшаютъ себя длинными разсужденіями и тяжеловѣсными остротами.

XVII.

Остальныя три повѣсти, напечатанныя въ упомянутомъ сборникѣ повѣстей 1824 года, а именно Богатый бѣднякъ, Запорожецъ и Заморскій принцъ, принадлежать къ правоописательнымъ и историческимъ сочиненіямъ В. Нарѣжнаго, гдѣ, какъ и въ „Россійскомъ Жилбазѣ“, онъ изображаетъ русскіе нравы и русскихъ людей, съ окружающей ихъ обстановкой; и въ этомъ отношеніи является вполне самобытнымъ. Но и здѣсь, онъ придерживается замысловатой завязки старыхъ „романовъ съ приключеніями“, на которыхъ воспитался въ молодости. Между тѣмъ, запутанныя похождения главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыми авторъ думалъ придать интересъ своему разсказу, производятъ непріятное впечатлѣніе на нынѣшняго читателя, который изъ-за нихъ готовъ игнорировать талантливныя сцены и описанія и прекрасно очерченныя типы.

Такое впечатлѣніе оставляетъ и талантливая бытовая повѣсть

В. Нарѣжнаго, „Богатый бѣднякъ“, которая, если мы не ошибаемся, имѣетъ, сверхъ того, автобіографическое значеніе. Повѣсть начинается съ краткаго описанія вечера, въ недалекомъ разстояніи отъ Полтавы; вдали раздается ревъ усталыхъ подъ ярмомъ воловъ и блеяніе овецъ, идущихъ съ паствы. Изъ пятилѣтняго похода возвращается молодой эсауль Ипполитъ, по прозванію Голякъ, сынъ бѣднаго шляхтича; товарищи его разбрелись по домамъ; ему одному негдѣ преклонить голову, такъ какъ его родная хата заустѣла, и „много понадобилось бы изживенія, чтобы сдѣлать ее похожей на жилище человѣческое: а у него въ карманахъ было пусто!“

Ипполитъ пускаетъ коня на траву; и рѣшается провести ночь подъ открытымъ небомъ. Передъ нимъ знакомая, но не забытая картина: вдали виднѣются села сосѣднихъ помѣщиковъ; справа стоитъ его заброшенная родовая хата, изъ которой, пользуясь наступающей темнотой, стали показываться кучи нетопырей. „Она заросла высокими бурьяномъ, окна выбиты градомъ и соломенная крыша снесена вѣтрами“..

Тутъ жилъ его отецъ, самый бѣдный шляхтичъ въ округѣ. Онъ имѣлъ во владѣніи небольшой участокъ земли и небольшую хату, въ которой помѣщался съ женой, сыномъ Ипполитомъ, дочерью Мариной, работникомъ и работницей. Шляхтичъ не лѣнился самъ ходить за плугомъ, жать и молотить хлѣбъ и косить сѣно. Отъ этихъ занятій никто изъ домашнихъ уволенъ не былъ. Однако Ипполитъ, съ самаго отрочества, охотнѣе ходилъ въ школу, въ ближнее село къ дьячку Сидору, чѣмъ въ поле или лѣсъ... Едва исполнилось ему двадцать лѣтъ, какъ „постигли его бѣдствія не мечтательныя“: въ короткое время лишился онъ отца и матери; сестра его Марина, избавившись ига родительскаго, склонилась на ласки проѣзжаго шинкаря, обвинчалась съ нимъ тайно и бѣжала ¹⁾), работники бросили опустѣвшую хату, „Ипполитъ остался одинъ во всей природѣ и вся природа показала ему безплодную пустыню“...

Совпаденіе приведенныхъ здѣсь подробностей съ данными о дѣтствѣ и семьѣ В. Нарѣжнаго приводятъ насъ къ догадкѣ, что, быть можетъ, авторъ, въ лицѣ Ипполита Голяка, до известной степени, изобразилъ самого себя. На двадцатомъ году жизни, какъ было сказано выше, В. Нарѣжный, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ,

¹⁾ О подобномъ романтическомъ бракѣ своей тетки Нарѣжной (сестры писателя) рассказывалъ сынъ Т. Нарѣжнаго однимъ знакомымъ въ Полтавѣ, гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ, занималъ должность воспитателя при Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ.
Н. В.

вѣроятно семейныхъ, обстоятельствъ, вышелъ, до окончанія курса изъ московскаго университета, несмотря на успѣшныя занятія; и поступилъ на службу. Если причина заключалась въ смерти родителей, то по прошествіи извѣстнаго времени, при посѣщеніи родины, на обратномъ пути изъ Кавказа, лѣтомъ 1803 года, Нарѣжный могъ застать такое-же запустѣніе роднаго гнѣзда. Небольшое хозяйство и хата, поддерживаемые трудами владѣльца, должны были неизбежно прійти въ упадокъ съ его смертью и быть оставлены работниками. При этихъ условіяхъ, такая же печальная судьба, какъ судьба Марины, (въ упомянутой повѣсти), могла постигнуть одинокую осиротѣлую дѣвушку, сестру В. Нарѣжнаго, въ отсутствіе брата, съ которымъ она не видѣлась нѣсколько лѣтъ.

Возможно также, что раззореніе родоваго гнѣзда было, отчасти, причиною, что В. Нарѣжный, во время многолѣтней службы въ Петербургѣ, ни разу не отлучался въ отпускъ, и умеръ вдали отъ родины, несмотря на разстроенное здоровье. Во всякомъ случаѣ, представленная имъ печальная несложная картина, — гдѣ трагизмъ заключается въ самомъ положеніи бѣдняка, поставленнаго въ извѣстныя условія, — едва-ли создана силою одного воображенія; а, въ виду указаннаго нами совпаденія подробностей, приведенныхъ въ повѣсти, съ обстоятельствами изъ жизни автора, скорѣе можно допустить, что нѣчто подобное было пережито имъ самимъ. Безыскусственная простота рассказа отчасти подтверждаетъ эту догадку, такъ какъ авторъ, противъ обычая сочинителей въ подобныхъ случаяхъ, даже не считаетъ нужнымъ описывать то, что думалъ и чувствовалъ бездомный эсаулъ Голякъ, сидя одинъ, подъ открытымъ небомъ, въ виду наступающей ночи, за которой долженъ былъ слѣдовать такой же нерадостный для него день.

Въ этомъ положеніи застаётъ героя повѣсти его бывший пріятель Вириландъ, растолгѣвшій до неузнаваемости, который навеселѣ возвращается домой въ сопровожденіи слугъ. Слѣдуетъ объясненіе, послѣ котораго Вириландъ приглашаетъ Голяка къ себѣ, поить и кормить его и, въ память ихъ прежней дружбы, оказываетъ ему самое радушное гостепримство.

Типъ добродушнаго и плутоватаго Вириланда, не особенно разборчиваго на средства, а равно и его отношенія къ окружающимъ вполне реально очерчены авторомъ. Особенно характеренъ, въ этомъ отношеніи, рассказъ самого Вириланда о своемъ постепенномъ обогащеніи; наскучивъ долгой нищетой, онъ, наконецъ, взялся за умъ, сталъ какъ можно чаще являться съ поклонами къ сосѣднимъ помещикамъ, разыгрывать передъ ними роль шута, „дозволялъ пускать себѣ въ глаза табачный дымъ, мять чубъ и ерошить усы“, и за

это, въ короткое время, получилъ отъ одного пана нарядное платье, а отъ другаго пару воловъ. Затѣмъ, „когда онъ увидѣлъ, что отравы лести, угожденія и униженія сильно подѣйствовали на сердца и души милостивцевъ“, то, при удобномъ случаѣ, началъ самъ выпрашивать у нихъ подачки.... и, продолжая усердно прислуживать панамъ, купилъ себѣ хуторъ и пр.

Такимъ-же практичнымъ является Вириландъ и въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ молодымъ есауломъ, который на его вопросъ: много-ли онъ привезъ добра изъ бусурманщины?—простодушно отвѣтилъ, что у него ничего нѣтъ кромѣ двухъ крестиковъ съ Аѳонской горы и другихъ рѣдкостей, подаренныхъ монахомъ. Вириландъ былъ настолько озадаченъ, что въ некоторое время молча смотрѣлъ на своего гостя, затѣмъ разразился неудержимымъ хохотомъ и, съ тяжелымъ вздохомъ, замѣтилъ ему, что „въ Малороссіи народъ началъ развращаться, такъ что и самый страстной охотникъ до рѣдкостей, а притомъ самой богатой и щедрой за всѣ твои диковинныя вещи и съ сумкою едва-ли дастъ болѣе одного злотаго“...

Что же касается собственно романической завязки повѣсти, то, несмотря на общій чисто реальный характеръ разсказа, о которомъ свидѣлствуютъ приведенныя нами выдержки, она является настолько же слабой, какъ и во многихъ сочиненіяхъ В. Нарѣжнаго.

Въ слѣдующей повѣсти—„Запорожець“ В. Нарѣжный выступаетъ на путь историческаго романа и начинаетъ разсказъ съ прекрасной, вполне реальной, картины Запорожской сѣчи:

На площади передъ храмомъ угодника Николая собралась толпа въ ожиданіи запорожскаго войска, которое возвращается изъ похода съ побѣдой и богатой добычей. Наконецъ, въ полѣ поднимается пыль высокая, еще одно мгновение—и всѣ увидѣли развѣвающуюся въ воздухѣ хоругвь запорожскую. Но вскорѣ радость смѣняется общимъ уныніемъ при видѣ храбраго атамана тяжело раненаго, который едва держится на конѣ, поддерживаемый казаками. Атаманъ говоритъ рѣчь народу и велитъ положить себя у вратъ церковныхъ, чтобы услышать,—быть можетъ въ послѣдній разъ,—слово Божіе и помолиться объ отпущеніи грѣховъ своихъ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе торжественнаго молебствія, по окончаніи котораго снамя запорожское внесено въ церковь, и всѣ распущены по куренямъ. Ослабѣвшаго атамана уносятъ въ его домъ, гдѣ уже дожидалъ его врачъ извѣстный во всемъ Запорожьѣ, „гдѣ каждый больной лечился, какъ зналъ...“ (стр. 74—79, изд. 1835—1836 гг.).

Не менѣе рельефной картиной авторъ кончаетъ свою повѣсть. Заслуженный, оправившійся отъ ранъ, атаманъ обращается съ прощальною рѣчью къ собравшимся запорожцамъ и проситъ, какъ милости, дозволенія сложить съ себя почетное званіе. Долго длится

общее молчаніе и, только по слову священника, запорожцы соглашаются отпустить своего атамана, который приглашаетъ всѣхъ куренныхъ атамановъ и все войсковое начальство къ себѣ на обѣдъ, а для простыхъ казаковъ въ каждый курень ставитъ побочкѣ вина.

Затѣмъ, на стр. 184—185, авторъ представляетъ краткій строго историческій очеркъ описываемой имъ Запорожской сѣчи:

Указанныя здѣсь мѣста повѣсти Запорожець, въ сравненіи съ прежними попытками русскаго историческаго романа (см. „Р. С.“. 1888 г., августъ, 249—257), ясно показываютъ, насколько В. Нарѣжный опередилъ своихъ предшественниковъ, не исключая и Карамзина, со стороны вѣрнаго пониманія задачи историческаго романиста, такъ что, въ этомъ отношеніи, его произведеніе до сихъ поръ не утратило своего значенія и не можетъ считаться отсталымъ. Если „Запорожець“ прошелъ незамѣченнымъ въ нашей литературѣ, то это объясняется тѣмъ, что авторъ, подъ видомъ разсказа стараго атамана о своей прошлой жизни, вставилъ въ рамки русской исторической повѣсти совершенно чуждое ей и едва ли не переводное сочиненіе какого-то иностраннаго романиста, исполненное эффектовъ, чѣмъ окончательно нарушенъ общій характеръ повѣсти.

XIX.

Шестая и послѣдняя повѣсть, напечатанная въ числѣ такъ наз. „Новыхъ повѣстей“ В. Нарѣжнаго, а именно Заморскій принцъ, написана въ драматической формѣ и, скорѣе, можетъ быть названа комедіей, чѣмъ повѣстью ¹⁾. Она принадлежитъ къ наиболѣе самобытнымъ произведеніямъ Нарѣжнаго и, несмотря на нелѣпость сюжета съ ннѣшней точки зрѣнія, многословіе и слабыя мѣста, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ со стороны рельефно набросанныхъ характеровъ, такъ комизма положеній и живости дѣйствія:

Панъ Златницкій, богатый малороссійскій помѣщикъ, кичится своими предками, изъ которыхъ многіе были гетманами; онъ выставилъ ихъ портреты въ особой комнатѣ, которую назвалъ „завѣтной палатой“, и никому не позволяетъ вступать въ нее, безъ особеннаго

¹⁾ Комедія эта передѣлана авторомъ изъ его собственной „вставной“ повѣсти Заморскій принцъ, помѣщенной въ четвертой неизданной части „Россійскаго Жилблаза“.

дозволенія. Онъ настолько проникнуть своимъ достоинствомъ, что, получивъ отъ губернатора письменный выговоръ за безцеремонное обращеніе съ крестьянскою собственностью на охотѣ, приходитъ въ негодование и считаетъ это „неслыханною дерзостью“ относительно себя, потомка гетмановъ.

У пана Златницкаго живетъ племянница Наталья, за которую сватается сынъ сосѣда, капитанъ Алексѣй Прилуцкій; но потомокъ гетмановъ объявляетъ, что не иначе выдастъ племянницу, какъ за принца или, по крайней мѣрѣ, за князя. Въ виду такого рѣшенія, отверженный женихъ выдаетъ себя за заморскаго принца, но самъ не показывается, а черезъ посла сватаетъ Наталью. Панъ Златницкій, польщенный такою честью, съ гордостью объясняетъ своему сосѣду, отставному маіору Прилуцкому, отцу Алексѣя, что вѣсть объ его рѣшеніи выдать племянницу за принца или князя разнеслась въ иностранныхъ земляхъ и Богъ послалъ ей достойнаго жениха.

Во второмъ дѣйствіи представленъ сѣздъ свадебныхъ гостей. Посолъ принца, отъ имени своего повелителя, проситъ пана Златницкаго отпустить Наталью въ церковь, для сочетанія бракомъ съ свѣтлѣйшимъ принцемъ. Златницкій нѣсколько разъ пытается отвѣчать, но безуспѣшно.

1-й гость. (Судья). Возможно-ли? Какая честь!

2-й гость. (Городничій). Отъ роду подобнаго не видывалъ, да и во снѣ не грезилось.

3-й гость. (Исправникъ). Не въ коня кормъ! не по нашему,—слова сказать не умѣть...

Наконецъ, маіоръ Прилуцкій выручаетъ сосѣда и вступаетъ въ бесѣду съ посломъ, который въ хвастовствѣ не уступаетъ Хлестакону въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“ и рассказываетъ всякія небылицы о богатствѣ и могуществѣ Заморскаго принца. Гости съ умиленіемъ слушаютъ его. Панъ Златницкій велитъ призвать племянницу, послѣ чего всѣ удаляются въ церковь, кромѣ самого хозяина и маіора Прилуцкаго.

Третье дѣйствіе начинается монологомъ дворецкаго, который бранитъ своего господина, пана Златницкаго, за его затѣи и пророчитъ, что отъ свадьбы Натальи съ Заморскимъ принцемъ нечего ждать добра. Входятъ: судья, городничій и исправникъ. Дворецкій, таинственно объявляетъ имъ, что Заморскій принцъ большой колдунъ и чародѣй и что въ церкви онъ, въ виду народа христіанскаго, началъ оборачиваться. Слушатели поражены неожиданною

новостью. Судья и городничій обращаются къ исправнику, такъ какъ дѣло происходитъ въ уѣздѣ.

Исправникъ (*весело*)... Когда такъ, то мы, по силѣ данной намъ инструкціи, знаемъ какъ поступить, въ такомъ казусномъ случаѣ.

Городничій. Крайне жаль, что это произошло въ уѣздѣ, а не въ городѣ! Право, и я не новичекъ въ своемъ дѣлѣ, и—самаго злаго оборотня умѣлъ бы такъ выворотить, что вся правда выпалась бы изъ кармановъ. Жаль, истинно жаль!...

Исправникъ. Мы и сами ѣзжали и учиться ни у кого не станемъ! Слава тебѣ, Господи!

Судья. Все же безъ меня не обойдется дѣло. Вы не больше, какъ слѣдователи, а же по благодти Господней—судья...

Дворецкій. Милосердые господа! Вы забыли, что не съ нами грѣшными будете имѣть дѣло. Представьте, вѣдь вы должны будете ратовать съ принцемъ, у котораго одна свита можетъ всю эту деревню поставить вверхъ дномъ, хотя бы онъ самъ и не былъ чародѣемъ.

Городничій. И впрямь! Мы о свитѣ его совсѣмъ не подумали...

Судья. Ты, другъ мой, насъ пугаешь. Почему тебѣ знать, что принцъ съ самымъ дѣлѣмъ вождунъ?

Городничій. И подлинно, не пустяки ли?

Исправникъ. Это совершенный вздоръ...

(*Входитъ пажъ Златницкій съ маіоромъ Прилуцкимъ*).

Златницкій. Что, дорогіе гости? Весело-ли проводите время, въ ожиданіи молодыхъ? Нѣтъ-ли отъ нихъ верховаго впередъ?

Судья... Позволь, любезный сосѣдъ, рекомендоваться тебѣ снова. Будете замолвишь у племянника своего за насъ словечко, то мы пресчастливые люди, мы,—т. е. я, судья, городничій и исправникъ.

Златницкій. Надѣйтесь на меня, какъ на сосѣда и пріятеля. Все, все, что только могу, готовъ сдѣлать въ вашу пользу. А въ чемъ дѣло?

Судья. Прежде дай обнять себя и нижайше поздравить. (*Обнимаетъ его*).

Городничій. Съ полною властью! (*Обнимаетъ*).

Исправникъ. Съ полною властью! (*Обнимаетъ*)!

Златницкій. Господа! Бога ради, уймитесь! Помилуйте, что съ вами сдѣлалось! (*Онъ бѣгаетъ вдоль и поперекъ горницы; они его преслѣдуютъ кто кланяясь, кто нарочаясь обнять его*). Съ чѣмъ вы меня поздравляете! Вамъ уже извѣстно все и вы меня поздравляли. Что еще за новость?...

Судья. Ахъ, Боже мой! Такъ ты ничего больше не знаешь? Возможно-ли! Совсѣмъ ничего?...

(*Всѣ трое трое устремляются къ нему съ распростертыми объятіями. Устрашенный Златницкій отступаетъ, отмахиваясь чубукомъ*).

Прилуцкій (*становится между ними*). Клянусь честью маіорскою, не позволю душить моего сосѣда... Говорите, господа, свои новости, хотя всѣ трое вмѣстѣ; я буду отвѣчать за сосѣда; видите, онъ едва дышитъ.

Судья. Изволь! Какъ ты думаешь, кто теперешній мужъ его племянницы?

Прилуцкій. Что за вопросъ? Безъ сомнѣнія, принцъ Заморскій!

Городничій. Вотъ то-то!

Судья. Не мѣшайтесь, господа, до времени; вѣдь я еще не смѣшался.— Ну, папъ Прилуцкій, такъ только что принцъ?

Прилуцкій. Чего жъ тебѣ больше?

Судья. То-то и штука, что мы кое-что и больше знаемъ! Этотъ принцъ мало того, что принцъ Заморскій; но онъ сверхъ того — слушайте внятнѣ — великій колдунъ!

Городничій. Чародѣй!

Исправникъ. Оборотень!

(*Прилуцкій и Златницкій пятятся назадъ. Молчаніе*).

Судья. Что теперь скажете?...

Прилуцкій. Что за бѣсовщина. Не даромъ когда я садился на коня, для поѣздки сюда, двѣ проклятыя вороны страшно каркали надъ моей головой. Тогда-же подумалъ я, что это не даровое...

Входитъ толпа гостей мужчинъ и женщинъ; затѣмъ является посолъ принцевъ и объявляетъ, что обрядъ бракосочетанія конченъ, и что молодые скоро придутъ. (Слышны выстрѣлы и удары роговъ).

Прилуцкій (*тихо*). Сколько я ни храбръ, а долженъ сознаться, что лучше бы сдѣлалъ, еслибъ теперь сдѣлалъ въ своемъ хуторѣ. Кто-же зналъ, что въ этомъ христіанскомъ домѣ встрѣчу принца, а притомъ колдуна и оборотня.

Златницкій (*со вздохомъ*). Панъ Прилуцкій! Не оставь сосѣда своего и друга въ эту рѣшительную минуту! Гдѣ бы мнѣ приличнѣе стать? — здѣсь? а? или здѣсь? — Ну, сказывай...

Наконецъ, новобрачные возвращаются изъ церкви; панъ Златницкій пораженъ не менѣе гостей, узнавъ въ особѣ Заморскаго принца отверженнаго жениха Натальи, Алексѣя Прилуцкаго. Хотя потомокъ гетмановъ глубоко возмущенъ бракомъ племянницы и объявляетъ, что „ему надобно умереть отъ стыда“, но тѣмъ не менѣе, уступая убѣжденіямъ майора Прилуцкаго и остальныхъ гостей, заключаетъ новобрачныхъ въ свои объятія.

При чтеніи этихъ, наиболѣе характерныхъ, выдержекъ изъ первобытной комедіи В. Нарѣжнаго „Заморскій принцъ“, нельзя не замѣтить, что она нѣсколько напоминаетъ Гоголевскаго „Ревизора“. Мы не беремся точно опредѣлить, въ чемъ именно заключается сходство, хотя оно частью проглядываетъ въ общемъ ходѣ пьесы, отчасти въ отдѣльныхъ, преимущественно вышнихъ, чертахъ. Неизвѣстно, было-ли это дѣло простой случайности или Гоголь, въ данномъ случаѣ, находился подъ впечатлѣніемъ вышеприведенной комедіи, такъ какъ онъ могъ читать ее въ ранней юности, вмѣстѣ съ другими сочиненіями В. Нарѣжнаго, еще довольно распространенными въ то время и которыя, вѣроятно, находились въ богатой бібліотекѣ Д. П. Трощинскаго, (бывшей въ полномъ распоряженіи молодого Гоголя). Такое вліяніе предшествующихъ писателей на ихъ преемниковъ—давно признано въ литературѣ. Въ области романа и драмы, какъ и во всякой другой области литературы, творчество, ни въ какомъ случаѣ, не является беспочвеннымъ, а представляетъ результатъ читаннаго, слышаннаго, видѣннаго и прочувствованнаго. Степень самобытности зависитъ отъ силы

таланта, который или ограничивается болѣе или менѣе фотографическимъ воспроизведеніемъ; или-же проявляется въ видѣ самобытнаго творчества, доведеннаго до высокой степени законченности и совершенства, какое мы видимъ въ произведеніяхъ Гоголя.

Въ настоящее время, сравненіе наивной комедіи Нарѣжнаго „Заморскій принцъ“ съ „Ревизоромъ“ Гоголя едва-ли возможно, равно какъ и выѣшнія требованія критики не могутъ въ одинаковой мѣрѣ примѣняться къ обоимъ писателямъ. О сочиненіяхъ Нарѣжнаго мы можемъ судить только въ связи съ предшествующей, а не послѣдующей литературой, уже достигшей извѣстной степени развитія; и при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду крайне невыгодныхъ и, такъ сказать, исключительныхъ условій его писательской дѣятельности.

Гоголь, который и самъ по себѣ, какъ художникъ, былъ неизмѣримо выше Нарѣжнаго, выступилъ, со своими первыми юношескими произведеніями, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, въ пору полного разцвѣта русской литературы, готовой формы, выработаннаго слога; и сразу попалъ въ кругъ первоклассныхъ писателей и образованнѣйшихъ людей того времени, которые были непосредственными критиками и цѣнителями его сочиненій. Не подлежитъ сомнѣнію, что они, въ значительной мѣрѣ, способствовали послѣдовательному развитію таланта Гоголя и даже, быть можетъ, отчасти той, почти болѣзненной, добросовѣстности, съ какою онъ относился къ задачамъ своей литературной дѣятельности и произведеніямъ своего пера. Между тѣмъ, Нарѣжный, по выходѣ изъ московскаго университета, очутился въ чуждой для него чиновничьей сферѣ, вдали отъ остальнаго литературнаго міра, внѣ всякаго, а тѣмъ болѣе благотворнаго, вліянія. Вслѣдствіе этого, онъ остался одинокимъ въ литературѣ, со всѣми хорошими и слабыми сторонами самоучекъ, которыя видны въ недостаточной отдѣлкѣ его романовъ и повѣстей, подчасъ, въ отсутствіи художественности и чувства мѣры, въ извѣстной грубости выраженій и даже цинизмѣ. Если Нарѣжный, въ послѣдніе годы своей жизни, — какъ мы узнаемъ изъ краткой біографіи, составленной его сыномъ (442) „любилъ читать вслухъ свои произведенія“, то читалъ ихъ въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей, такихъ-же чиновниковъ, какимъ онъ былъ много лѣтъ, въ силу необходимости, и, которые могли быть довольно плохими судьями въ литературномъ дѣлѣ. При этихъ условіяхъ, произведенія Нарѣжнаго должны были неизбѣжно явиться передъ публикой въ сыромъ, необработанномъ видѣ, со всѣми ихъ недостатками, а произведенія Гоголя, — въ такой-же мѣрѣ художественными и законченными.

Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ Гоголю и Нарѣжному, какъ намъ кажется, едва-ли можетъ быть прямо поднять вопросъ о подражаніи и заимствованіи, а скорѣе—слѣдуетъ признать большую или меньшую степень вліянія отжившаго писателя на его непосредственнаго преемника, въ извѣстномъ родѣ литературы. Этого вліянія нельзя поставить въ упрекъ Гоголю, такъ какъ оно не касается ни его самобытнаго творчества, ни значенія, признаннаго за нимъ въ русской литературѣ. Такое вліяніе двухъ другихъ сочиненій Нарѣжнаго, а именно „Запорожца“ и „Бурсака“ отразилось на „малороссійскихъ“ бытовыхъ и историческихъ повѣстяхъ Гоголя, равно какъ устарѣвшій романъ „Два Ивана или страсть къ тягбамъ“, помимо содержанія, напоминаетъ въ извѣстныхъ сценахъ и описаніяхъ гоголевскую „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Н. А. Бѣлозерская.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Примѣчанія.

21) „Исторія министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ Н. Варадинова. Спб., 1858 г., ч. I, стр. 22—69 и 104—187.

22) „Димитрій Самозванецъ“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Нарѣжнаго, соч. въ 1800 г., напечатана въ Москвѣ 1804 г.—Второе изданіе вышло въ Москвѣ въ 1830 году.

23) „Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семь сборникѣ“. Спб., 1812 г., изд. Н. Гречъ.

24) П. С. З., т. XXIX, 22, 208.

25) В. И. Семевскій. „Волисія горнозаводскихъ крестьянъ 1760—1764 гг.“, „Вѣстникъ Европы“, 1877 г., №№ 1 и 2.

26) „Высочайше утвержденные доклады и др. свѣдѣнія о новомъ образованіи Горнаго начальства и управленія горныхъ заводовъ“, ч. I: Историческое описаніе горныхъ дѣлъ въ Россіи, съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до нынѣшнихъ. Спб., 1807 г., стр. 155—157.

27) „Мѣсяцесловъ“ (адресъ-календарь), съ росписью чиновныхъ особъ или общій штатъ Россійской имперіи, на лѣто отъ Р. X.“ 1811—1813 гг.

28) Воспоминанія В. И. Панаева. См. „Вѣстникъ Европы“ 1867 года, сентябрь и декабрь, стр. 123—124.

29) а) И. Сѣряковъ: „Походъ Игоря противъ половцевъ“, Спб., 1803 г. Стихотворное переложение. — б) А. Палицынъ: „Игорь, героическая повѣсть“. Съ древней славянской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, перелож. стихами, Харьковъ, 1807 г. См. Исслѣдованіе Е. В. Барсова: „Слово о полку Игоревѣ и пр.“, т. I, Москва, 1887 г.

30) „Оссіавъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка, Галльскія стихотворенія“, перев. съ французскаго, Е. И. Костровъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1792 г.

31) П. Морозовъ, „Е. И. Костровъ, его живнъ и литературная дѣятельность“. Воронежъ, 1876 г.

32) „Цвѣтникъ“ 1809 г., изд. А. Е. Измайлывмъ и А. Бенцкимъ. Спб., июль, стр. 263—274.

33) Ibid, 1810 г., изд. А. Измайлввъ и П. Никольскій. Спб., февраль, стр. 123—147.

34) Ibid., июль, стр. 93—118.

35) М. И. Сухомлиновъ. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, въ царствованіе Александра I. См. „Ж. М. Н. П.“, 1866 г., ноябрь, стр. 28—29, а также М. Богдановичъ, „Царствованіе импер. Александра I“, т. V, Спб., 1871 г., стр. 194—195.

36) А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885 г., стр. 362.

37) „Чтенія о русскомъ языкѣ“, Н. Гречъ, ч. I, Спб., 1840 г., стр. 333.

38) В. С. Сопиковъ. „Опытъ русской библиографіи“. Спб. 1813—1821 гг.

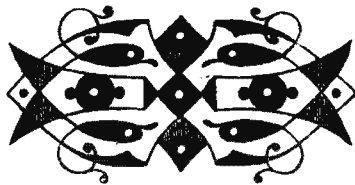
39) „Истор. Христ.“, А. Д. Галахова, т. II, стр. 297—293.

40) Тамъ-же.

41) В. И. Семевскій. „Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в.“. См. „Р. Стар.“ 1887 г., ноябрь, стр. 104 — 105.

42) „Ист. Христ.“, А. Д. Галахова, т. II.

Н. В.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ЮРДАНА

1800 $\frac{13\text{-го АВГУСТА РОД.}}{\text{УМ. 19-го СЕНТЯВРИ}}$ 1883.

Боже, благослови продолженіе моихъ
воспоминаній и дай мнѣ память ихъ
припоминать (1875 г.).

Ф. Юрданъ.

XII ¹⁾.

Прошли, наконецъ, эти желанныя три мѣсяца, и мой незабвенный другъ г. Робинсонъ возвратился. Онъ былъ очень доволенъ, что я, ознакомившись съ обстановкою, считалъ себя все время его отсутствія совершенно счастливымъ. Первый этажъ служилъ намъ мастерскою; взявъ окно для себя, г. Робинсонъ другое предоставилъ мнѣ. Эти двѣ комнаты были украшены эстампами и уставлены превосходною мебелью; во всемъ соблюдался удивительный порядокъ и чистота. Послѣ мастерской Раймбаха, казавшейся

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337.

мнѣ всегда мастерскою ремесленника, здѣсь я былъ всѣмъ очарованъ, глазамъ не вѣрилъ происшедшей переменѣ. Во время работы г. Робинсонъ давалъ мнѣ самыя дѣльные совѣты, и я началъ ясно видѣть свои недостатки, тогда какъ у добраго г. Раймбаха все было хорошо, затѣмъ между нами велись и совсѣмъ отвлеченные разговоры. Попавъ въ эту согласную съ моимъ характеромъ обстановку, я такъ полюбилъ работу, что не зналъ ни одного праздника, въ которые г. Робинсонъ, по обычаю страны, не работалъ, но мнѣ не мѣшалъ.

Нашъ день раздѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: около 9-ти часовъ мы начинали работать; въ часъ былъ легкій завтракъ изъ хлѣба, сыра и масла; въ 3 часа оставляли работу и дѣлали часовую прогулку; въ 4 часа обѣдъ изъ куска ростбифа, телятины и т. п. съ картофелемъ и кусокъ сыра. Г-нъ Робинсонъ при огнѣ не работалъ, я же зажигалъ лампу и работалъ до 8 часовъ, затѣмъ подавали чай съ хлѣбомъ и масломъ, затѣмъ толковали, пили иной разъ грогъ, при чемъ г. Робинсонъ курилъ всегда отличную сигару. За работою, съ утра, слѣдовало быть всегда чисто-одѣтымъ; въ 10 часовъ вечера мы ложились спать. Наша спальня состояла изъ двухъ комнатъ, расположенныхъ какъ и (всегда) въ первомъ этажѣ. Моя спальня выходила окнами на улицу, куда являлось очень рано солнце, почему въ этой комнатѣ Робинсонъ не любилъ спать, я же очень былъ доволенъ, такъ какъ, благодаря этому, могъ ранѣе вставать и поработать еще до 9 часовъ утра, къ которому часу спускался въ мастерскую г. Робинсонъ. Все, что я усвоилъ себѣ въ дѣлѣ гравированія, всѣмъ обязанъ я его добрымъ и правдивымъ совѣтамъ. Оставляя въ сторонѣ его практическую частную жизнь, она была такъ безукоризненна и благородна, что онъ могъ смѣло служить примѣромъ для всѣхъ труженниковъ гравернаго искусства въ его время. Я тѣмъ болѣе былъ счастливъ, что въ мое время пребыванія въ Лондонѣ въ немъ жили лучшіе граверы послѣднихъ годовъ: два брата Финденъ, Ридъ, Бёрнетъ, Бромлей, Раймбахъ, лучшій граверъ, также какъ и Робинсонъ, Коузенсъ, Дау, Вайаттъ и многіе друг. Нѣкоторыхъ не могу припомнить, но всѣ они уважали Робинсона.

У него я кончилъ „Св. Семейство“, также портреты Рафаэля съ Перуджино, на стали выгравировалъ сюжетъ знамени-

таго англійскаго живописца (Гогарта) „Лѣность и стараніе“, выгравировалъ малый портретъ англійскаго капитана, умершаго въ Индіи, для г. Коузенса, и почти кончилъ съ Чиголі гравюру: „Богородица съ Христомъ“; доску эту я потерялъ на Рейнѣ¹⁾. Господинъ же Робинсонъ пагравировалъ, какъ истинный художникъ, превосходный портретъ Вальтера Скота, съ картины сэра Томаса Лауренса,—портретъ, написанный для коллекціи великихъ людей и помѣщенный въ Виндзорскомъ замкѣ.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, парижская революція дала Лондону живой примѣръ работать для полученія реформы въ его конституціи, существовавшей со времени Кромвеля и требовавшей измѣненія. Веллингтонъ, какъ первый министръ, удерживалъ короля Вильгельма IV-го отъ этого шага, но лордъ Грей восторжествовалъ, и среди всеобщей радости и богатой иллюминаціи билъ реформы былъ принятъ. Во время происходившихъ преній, народъ два раза разбивалъ чудныя стекла во дворцѣ лорда Веллингтона. Много было также шума по поводу обзаведенія въ улицахъ Лондона, по мысли сэра Роберта Пила, постоянной полиціи, въ чемъ народъ находилъ стѣсненія своей личной свободы, со временемъ же оказалось, что народъ благословлялъ эту мѣру, и она послужила примѣромъ для всей Европы.

Итакъ, блаженствуя послѣдніе два года въ Лондонѣ, имѣя квартиру и общество у моего незабвеннаго друга и наставника, я началъ готовиться къ отъѣзду въ Италію, тѣмъ болѣе, что и г. Робинсонъ жаждалъ вкусить отдыхъ въ здоровомъ климатѣ своего роднаго края, въ Стафордширѣ, гдѣ онъ имѣлъ вліятельныхъ друзей. Климатъ Лондона, его сырость, вѣчный туманъ и убійственный запахъ отъ каменнаго угля и милліоновъ газовыхъ рожковъ, которымъ пропитаны небо и земля въ Лондонѣ (производятъ удручающее впечатлѣніе). Иной разъ поѣдешь въ Гриничъ, къ Раймбаху, или въ Гамптонкорть взглянуть на картины Рафаэля—въ обоихъ загородныхъ мѣстахъ отличные свѣтлые дни, а въѣзжая въ Лондонъ вамъ кажется, что вы въѣхали въ столицу смрада, гдѣ народъ обреченъ не видать

¹⁾ Кромѣ поименованныхъ произведеній, рѣзцу Фед. Из. за это время принадлежитъ гравюра сцены одной изъ каррикатуръ Гогарта.

никогда солнца и чувствовать какой-то невыносимый сырой холодъ. Сборы въ отъѣзду очень безпокоили нервнаго г. Робинсона и онъ просилъ меня прискаты, до его отъѣзда, себѣ квартиру, ибо онъ сдалъ уже свою г. Вайту. Затѣмъ въ скоромъ времени я съ нимъ разстался.

XIII.

Между всѣмъ, видѣннымъ мною въ Лондонѣ, восхищаясь умомъ англичанъ и ихъ подчиненію законамъ, меня удивляли шествія нѣсколькихъ тысячъ мастеровыхъ, направлявшихся съ просьбою къ какому-нибудь вліятельному лицу или министру; шествія эти тянулись по улицамъ по нѣсколько часовъ. Народъ боится, а правительство, имѣя для поддержанія порядка только извѣстное число полицейскихъ, разставленныхъ съ небольшими палочками, на которыхъ имѣется гербъ и написанъ законъ, не прибѣгая къ вооруженной силѣ, спокойно смотритъ на эту страшную массу народа. Депутація идетъ смирно и, придя къ дому министра, выслушиваетъ, какъ тотъ прехладнокровно отказываетъ принять ихъ просьбу, говоря: „съ такимъ угрожающимъ числомъ народа я не приму. Придите завтра съ должными выборными, и я приму вашу петицію“.

Эти слова, какъ молнія, облетаютъ народъ, и всѣ преспокойно расходятся по домамъ.

Затѣмъ меня удивлялъ горячо, даже до фанатизма, вѣрующій знаменитый пасторъ изъ Шотландіи m-r Irving (Ирвингъ), человекъ съ талантомъ, посвятившій себѣ служенію пресвитеріанской церкви; въ жару своей фанатической вѣры онъ началъ обличать въ Шотландіи высшее духовенство въ невѣріи и несправедливости. Ему было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, но онъ не прекращалъ своихъ проповѣдей, тогда были вынуждены отнять у него церковь и право въ ней проповѣдывать. Онъ переселился въ Лондонъ, здѣсь съ нимъ поступили также, какъ въ Шотландіи. Такъ какъ церковь у Ирвинга была отнята, то народъ нанялъ для его проповѣдей нѣсколько домовъ; раздѣлявшія ихъ стѣны были святы и образовалось одно огромное зало, съ каедрою съ одной стороны. И здѣсь собиралась масса народа по-

слушать его проповѣдь, которую онъ говорилъ съ жаромъ и въ изступленіи. Онъ началъ, наконецъ, учить съ кафедры, что Христосъ можетъ властію своею вновь сотворить чудо, что люди станутъ говорить на странныхъ языкахъ, какъ то случилось со святыми апостолами (въ Сіонской горницѣ) во время сошествія Св. Духа. „И вы, вѣрующіе, можете получить сію благодать свыше, дабы увѣровали невѣрующіе“, проповѣдывалъ онъ.

Лишь только эта мысль была съ изступленіемъ высказана народу, тотчасъ свершилось это явленіе. Желая быть свидѣтелемъ этого факта, столь страннаго въ XIX вѣкѣ, особенно въ образованномъ Лондонѣ, я отправился на мѣсто чудеса. Зало было полно народа, все однѣ женщины, и нѣсколько любопытствующихъ, какъ и я, мужчинъ. Ирвингъ—высокаго роста, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ, съ косыми глазами и длинными черными волосами, ниспадающими на плечи. Онъ взошелъ на кафедру и только что началъ говорить, какъ неожиданно послышался на переднихъ скамьяхъ ужасающій голосъ, какъ-будто кого рѣжутъ тупымъ орудіемъ. Всѣ присутствовавшіе вскочили на скамьи; въ отдаленіи виднѣлось что-то бѣлое; говорили, что это женщина. Она довольно долго кричала нечеловѣческимъ почти голосомъ, пока не успокоилась.

Присутствовавшіе мужчины и женщины начали требовать изъясненія: „Объясненіе! Объясненіе!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Пасторъ Ирвингъ, давъ время шуму успокоиться, спокойнымъ голосомъ сказалъ: „объявляю всѣмъ, что часъ суда близокъ, и горе вамъ, невѣрующимъ“.

Уставши отъ стоянія и напряженнаго любопытства, я оставилъ это домашнее духовное собраніе. Какъ ни страненъ былъ для меня этотъ неожиданный случай, но большое собраніе молящихся въ этомъ залѣ показало мнѣ, до какой степени англійскій народъ проникнуть вѣрою; все новое, что ни случится по духовной части, новый-ли проповѣдникъ или новое явленіе въ духовной жизни, привлекаетъ народъ, который спѣшитъ съ нимъ ознакомиться. Однажды, въ лѣтнее время, вечеромъ, идя гулять, я очутился на прелестномъ холмѣ, отстоявшемъ недалеко отъ моей квартиры и называемомъ Hampstead Hill (Гампстедъ Гиль); вижу, ѣдетъ коляска съ четырьмя мужчинами. Надобно сказать, что на этомъ холмѣ, посреди площади, стоитъ дубъ, обнесенный

вокругъ скамейкою, на которой гуляющіе могутъ днемъ отдохнуть, подъ тѣнью листьевъ. Коляска остановилась у дерева: изъ нея вышли четверо мужчинъ; въ одномъ изъ нихъ я узнаю пастора Ирвинга. Онъ становится на скамейку, трое спутниковъ его стоятъ внизу, у каждого въ рукахъ по маленькой церковной книжкѣ, и они начинаютъ пѣть изъ нея псаломъ. Я первый увидалъ, какъ они подѣхали. Не прошло и часу, какъ вся площадь была полна народомъ, а за нимъ стояла бездна господскихъ экипажей, обладатели которыхъ ѣдутъ на этотъ холмъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и по своей склонности ко всему духовному, видя проповѣдника, останавливаются послушать его. Пасторъ Ирвингъ изъ себя выходилъ, кричалъ, такъ какъ площадь была обширна, а ему хотѣлось, чтобы всѣ могли его слышать. Текстъ же его проповѣди былъ обычный: „Горе вамъ, невѣрующимъ, близокъ часъ, когда придетъ Судія судить васъ грѣшныхъ!“ Вся эта обстановка, чудный ландшафтъ, большая темнѣющая группа народа, изстуженный крикъ проповѣдника, все это вселяло въ сердца пріятное и возвышенное настроеніе. Мнѣ пришлось еще разъ увидать этого фанатическаго проповѣдника, въ улицѣ Portland Place (Портлендъ Плэсъ), когда онъ переносилъ маленькаго своего сына черезъ улицу, боясь, чтобы тотъ не замочилъ своихъ ножекъ, и продолжалъ путь, неся мальчика на плечахъ. Если не ошибаюсь, бѣдному пастору пришлось лишиться этого сына; мать въ отчаяніи оплакивала его смерть, а мужъ ея, пасторъ Ирвингъ, надѣялся теплою вѣрою и молитвою совершить чудо, ибо въ писаніи сказано: „Что ни попросите во имя Мое, дастся вамъ“; онъ началъ упрекать жену свою въ безвѣріи, говоря, что сынъ ихъ не умеръ, а спитъ. И она молилась около трупа отрока денно и ночью три дня, съ полною вѣрою, что онъ спитъ и встанетъ. Богу было угодно иначе. Трупъ началъ разлагаться, должны были предать его землѣ; тогда мужъ замѣтилъ женѣ своей: „въ тебѣ было мало вѣры“. Болѣе я не видалъ пастора Ирвинга. Чудеса, происходившія въ его молебняхъ, газеты сильно критиковали, и они мало по малу исчезли, какъ исчезаетъ все сверхъестественное въ виду цивилизаціи, для которой наука есть сильный рычагъ опоры.

Обычай проповѣдывать народу на площадяхъ и на улицахъ

очень развитъ въ Лондонѣ. Гуляя по обворожительнымъ лондонскимъ паркамъ въ воскресный день, вы встрѣтите, въ отдаленіи одна отъ другой, группы народа. Подходя ближе, увидите въ срединѣ толпы проповѣдника или проповѣдницу, спокойно толкующихъ священное писаніе; подойдя къ этой группѣ, нѣсколько времени спустя вы видите, что проповѣдникъ уже кончилъ свое разглагольствованіе, нюхаетъ табакъ и ведетъ веселый разговоръ со своими слушателями; эти проповѣдники большею частью изъ мастеровыхъ и другаго рода подобныхъ людей.

Если вечеръ воскреснаго дня занимаетъ человѣка разными проповѣдями, то раннее утро, того-же воскресенья, доставляетъ иностранцу интересное зрѣлище кулачнаго боя.

Въ Англіи существуетъ обычай производить плату за работу, за квартиру и за все съѣдомое, употребленное въ продолженіе недѣли,—въ концѣ недѣли, по субботамъ. Хозяйка дома, въ субботу утромъ, накрывъ столъ для завтрака, подаетъ и счетъ за истекшую недѣлю—за квартиру, стирку бѣлья, прислугу, молоко, хлѣбъ, масло и проч., и по этому счету съ нею расплачиваются. Въ субботній вечеръ Лондонъ весьма интересенъ. На рынкахъ бездна продавцевъ мужскаго и женскаго пола, и все это кричить: „Бу, бу!“ , т. е. „покупай! покупай!“ , рекомендуя свой товаръ. Весь трудящійся и трудившійся народъ получилъ плату и тысячами гуляетъ и покупаетъ, запасаясь къ воскресенью—мясомъ, зеленью, дѣтямъ-же, сопровождающимъ своихъ родителей, покупаютъ сласти или фрукты. Тутъ все можно найти: книги, карандаши, разныя фигурки и т. п. У каждаго продавца горитъ, около его столика съ товаромъ, огонекъ, такъ что рынокъ кажется издали богато иллюминированнымъ. Вся эта мелкая торговля помещается около большихъ мясныхъ лавокъ. Мясники, самодовольные, жирные, царствуютъ въ этотъ вечеръ, ибо трудно найти такого бѣдняка въ Лондонѣ, если онъ семьянинъ, который не купилъ-бы себѣ куска мяса на воскресный день. Вслѣдствіе этого, мясныя лавки бывають переполнены народомъ, народомъ средняго и низшаго классовъ. Повара богачей не беспокоятъ себя покупкою провизіи; они пишутъ въ лавки, и имъ все доставляется на мѣсто. Пока жены мастеровыхъ торгуютъ и покупаютъ провизію для завтрашняго праздника, мужья, оставивъ себѣ большую часть заработанныхъ денегъ, отправляются

въ портерныя, гдѣ, просидѣвъ до ранняго утра и пропивъ лучшую часть денегъ, затѣвають споръ и затѣмъ кулачный бой.

Этотъ бой происходитъ у нихъ дорогою, на пути къ себѣ домой. Проснувшись въ воскресенье утромъ, довольно рано, слышишь на улицѣ шумъ, взглянешь въ окно и видишь, идетъ кучка народа, съ трубками во рту, изъ серединѣ ихъ выступаютъ два окровавленныхъ бойца, которые, послѣ короткаго отдыха, вновь стараются одинъ другому выбить глазъ, зубъ или разбить носъ. Если противнику становится не въ мочь, онъ падаетъ, а лежачаго не бьютъ. Отдохнувъ, онъ встаетъ, и вновь начинается бой, пока полиція не разниметъ ихъ; тогда боецъ возвращается домой, гдѣ въ слезахъ встрѣчаетъ его жена, пострадавъ за него всю ночь, не зная, воротится-ли онъ или нѣтъ, и онъ, какъ дикій волъ, въ полномъ оупѣніи чувствъ, валится какъ огромный срубъ дерева возлѣ своей нѣжной и чувствительной жены. Этотъ кулачный бой—принадлежность каждаго англичанина. Простой народъ съ дѣтства привыкаетъ къ этимъ боямъ; то и дѣло видишь, какъ мальчишки, возвращаясь изъ школы домой, засучивъ рукава, вступаютъ между собою въ драку. Иной разъ видишь ихъ избитыхъ до крови, съ вырванными клочьями волосъ; мальчишка плачетъ, но драться не перестаетъ. Воспитанные молодые англичане берутъ уроки кулачнаго боя, чтобы быть готовымъ на всякій случай отразить толчекъ угольщика или другаго невѣжи.

Сестры просятъ брата взять ихъ въ театръ. Онъ ихъ беретъ, забывъ предупредить, что, сидя въ театрѣ, онѣ должны снять шляпки. Онѣ входятъ въ партеръ въ своихъ шляпкахъ, которыя мѣшаютъ сидящимъ позади нихъ видѣть сцену; начинается шумъ, дѣвицы просятъ снять шляпки, но англійская гордость не позволяетъ имъ сдѣлать этого, братъ ихъ молчитъ; начинаются обидчивыя замѣчанія. Замѣтивъ главнаго шумилу, братъ вызываетъ его изъ театра; спустя нѣсколько минутъ оба возвращаются, и братъ приказываетъ сестрамъ снять шляпки. Что происходило между ними внѣ театра—я не знаю, но я увѣренъ, что недовольные или подрались съ братомъ, или сѣумѣли уговорить его.

Говоря о театрѣ въ Лондонѣ, встаети могу сказать, что мѣста дѣлятся въ немъ на мѣста съ полною платою, которыя продаются

на все представленіе, и на мѣста съ половиною платою — на половину представленія, или на одну піесу. Тѣ, которые взяли билеты на остальное представленіе, массою стоятъ у входныхъ дверей; между ними, ради порядка, находится полицейскій. Видя въ толпѣ подозрительныхъ лицъ, онъ объявляетъ публикѣ: „Господа, здѣсь имѣются подозрительныя лица, берегите ваши карманы!“ Всякій тотчасъ за свой карманъ хватается. Умно и прилично.

Многихъ ворюшекъ ловятъ и передаютъ полицейскому, который проситъ явиться завтра въ полицію, но обвинитель, не желая видѣть свое имя въ газетахъ, не является: ворюшку выпускаютъ и онъ безнаказанно продолжаетъ свой промыселъ. Воровство въ Лондонѣ, особенно мелочей: часонокъ, платковъ и т. п., доведено до совершенства. Кварталь бѣдняковъ St. Giles (кварталь ирландцевъ), былъ знаменитъ своимъ трактиромъ, гдѣ вилки, ножи и ложки были прикрѣплены къ столу цѣпочками. Туда собирались по вечерамъ всѣ подозрительныя личности дневной порочной наживы, тутъ происходила мѣна ворованныхъ въ теченіе дня вещей; затѣмъ посѣтители спрашивали хорошій обѣдъ, въ концѣ-же вечера являлись шарманки, а съ ними танцы. И горе, если увидать между своими чужаго наблюдателя. Ему приходилось поплатиться своими боками.

Если англичанинъ примѣрно дѣятеленъ, держась пословицы, что время деньги, то воскресный день въ Англии можно считать днемъ истиннаго отдыха и днемъ, посвященнымъ духовной жизни. Шумныя и многолюдныя улицы пустѣютъ съ ранняго утра; всѣ магазины заперты; даже лавки, торгующія хлѣбомъ и зеленью, въ воскресный день не отворяютъ своихъ дверей. Даже господскіе экипажи, которые украшаютъ и оживляютъ прелестныя парки Лондона въ будничные дни, и тѣмъ дается отдыхъ ради ихъ лошадей. Бѣдности не видать; весь народъ одѣтъ чисто, и нѣтъ, или не видать, руки бѣдняка, такъ часто протягивающейся въ будни, къ прохожему, за подаваніемъ. Въ этотъ день всѣ равны и всѣ довольны. Всѣ спѣшатъ въ церковь; всѣ церкви полны. И если замолкла въ свѣтской жизни въ этотъ день страсть къ наживѣ, то для духовной жизни она открыта въ самой церкви, ибо, не имѣя своего годоваго мѣста въ церкви, при входѣ вы выжидаете обыкновенно старушку, которая, подойдя къ вамъ, знаетъ, что вамъ нужно, ведетъ васъ на свободное мѣсто, и вы

кладете ей въ руку одинъ шиллингъ, болѣе или менѣе—это будетъ зависѣть отъ вашей щедрости или отъ вашихъ средствъ. Театры въ воскресенье закрыты и, Боже избави, если-бъ кто рѣшился давать уличныя представленія. Даже въ домѣ m-me Love, гдѣ я жилъ, какъ сказано, на хлѣбахъ (воскресный день соблюдался съ величайшею строгостью); у нея были двѣ дочери, изъ коихъ старшая, m-me Anne, была чернорабочая, жила безвыходно на кухнѣ, а если иной разъ и являлась, то вся въ сажѣ, другая-же младшая, хворенькая собою, была воспитана для гостинной, съ хорошимъ знаніемъ музыки—и та въ воскресный день запирали свое фортепіано на замокъ до 7 часовъ вечера. Мнѣ говорили, что въ Шотландіи въ воскресный день даже не стригутъ себѣ ногти, въ Соединенныхъ же Штатахъ Америки въ этотъ день даже не ходятъ омнибусы. Тогда какъ вся аристократія сидитъ и молится въ церквахъ, гдѣ, главное, выслушиваютъ проповѣдь, о которой идутъ во время обѣда толки, средній классъ послѣ службы отправляется со всѣмъ семействомъ погулять и покушать за городъ, а рабочій народъ выжидаетъ открытіе пивныхъ и портерныхъ и, засѣвъ въ нихъ, выходитъ оттуда полупьянымъ уже въ поздній часъ ночи. Тѣмъ и оканчивается праздничный воскресный день, но, кромѣ его и дня Рождества Христова, въ Англіи не имѣется и не читается никакой другой праздникъ; работа въ праздникъ, по словамъ англичанъ, не плодотворна и не прибыльна. Истинный англичанинъ,—если его здоровье не испорчено пребываніемъ въ пагубномъ климатѣ ихъ отдаленныхъ колоній, какъ-то: въ Индіи, Австраліи, Африкѣ и др. мѣстахъ,—человѣкъ самый здоровый, не смотря на туманъ и сырость, отъ которыхъ, напротивъ, сильно страдаетъ женскій полъ. Внѣшній видъ англичанъ обоюга пола весьма красивый: мужской полъ дышетъ, при отличномъ цвѣтѣ лица, какою-то мужественностью, свободою и откровенностью; женскій же, при рѣдкой миловидности, чувствительности и рѣдкой бѣлизнѣ зубовъ; вообще деликатенъ и весьма нервиченъ.

Во время моего пребыванія въ Лондонѣ, по желанію А. Н. Оленина, я бралъ уроки работать *in aqua-tinta*; ему также было желательно, чтобы я узналъ способъ гравированія медалей машиною, чтò дѣлается въ одинъ штрихъ. Нашъ консулъ г. Бенкгаузенъ (Белингаузенъ?), отыскалъ мнѣ изобрѣтателя

г. Лесли, который обѣщаль приготовить эту машину въ понедѣльнику, показать ея употребленіе, а если нужно, то и продать. Это было въ субботу, когда же я пришелъ къ Лесли въ понедѣльникъ и постучаль, мнѣ отворила дверь дѣвушка вся въ черномъ и въ слезахъ рассказываетъ, что послѣ нашего отъѣзда, въ субботу, отецъ ея захвораль черезъ два часа холерою и умеръ, а вчера, въ воскресенье, былъ уже похороненъ. Время въ Лондонѣ было холерное и я испугался подобной неприятой новости.

XIV.

Насталь конецъ мая мѣсяца 1834 года; изготовивъ все, что слѣдовало, запасшись всѣмъ, что было необходимо для моего искусства, и отправивъ въ Россію все лишнее, чѣмъ я могъ запастись въ четыре съ половиною года пребыванія моего въ Парижѣ и Лондонѣ, я откланялся друзьямъ и, слыша много похвалъ Голландіи, какъ странѣ, которая была учительницею англичанъ, я взялъ билетъ на пароходъ въ Роттердамъ.

Утромъ, въ 8 часовъ, я былъ на пароходѣ. Общество состояло чисто изъ англичанъ. Въ четыре года пребыванія моего въ Лондонѣ я сдѣлался совершенно англоманомъ. Все на мнѣ было англійское, начиная отъ сорочки или отъ шляпы до каблуковъ сапога, я говорилъ порядочно по англійски, и всѣ путешественники были со мною какъ съ своимъ братомъ. Они предвѣщали мнѣ, что голландцы на нихъ сердиты, потерявъ Бельгію, одну изъ лучшихъ украшеній Голландіи, что и оказалось на дѣлѣ. Познакомившись на пароходѣ съ однимъ англичаниномъ которому нужно было по дѣлу посѣтить какого-то голландца, мы пошли къ нему вмѣстѣ. Нашедши домъ, стучимъ. Высовывается изъ окна голова; увидавъ, что это англичанинъ, съ презрѣніемъ и крикомъ отвѣтила: „нѣтъ дома!“ Тутъ увидаль я, что мой англичанинъ говорилъ правду.

Взявши номеръ въ гостинницѣ, подъ названіемъ „Библиа“, я нашель въ ней моего земляка полковника Устинова, что и обрадовало меня. Меня поразила здѣсь во всемъ сверхъестественная скупость или экономія; во всѣхъ вещахъ, которыя я видѣлъ

въ Парижѣ или Лондонѣ, вездѣ видно усовершенствованіе во вкусѣ, здѣсь же, что ни возьмишь, дышетъ стариною, кажется сдѣланнымъ лѣтъ 500 тому назадъ. Быть можетъ, 500 лѣтъ назадъ эти вещи и были хороши, но теперь, проживши въ двухъ столицахъ, видишь во всемъ застой, происходящій отъ какой-то примѣрной бережливости.

Городъ Роттердамъ показался мнѣ очень живописнымъ. Бульвары расположены случайно, канавы входятъ въ самый городъ; идя по улицѣ, видишь кое-гдѣ мачты, которыя вырастаютъ изъ сосѣдняго канала.

Не зная, какъ провести вечеръ, мой англичанинъ и я послѣдовали за нашимъ путеводителемъ, который повелъ насъ въ какое-то заведеніе; войдя, мы нашли тутъ огромный залъ, въ немъ много моряковъ, капитановъ и иностранцевъ. Спустия немного времени выходятъ до двадцати молодыхъ, краснощекихъ дѣвицъ, всѣ одинаково одѣтыя, и начинаютъ ходить въ кругъ; моряки начинаютъ съ ними разговаривать, нѣкоторые танцовать, на хорахъ сидятъ музыканты; я же сѣлъ на одну изъ лавокъ, которыя идутъ вокругъ всѣхъ четырехъ стѣнъ. Мой англичанинъ заговорилъ съ одною дѣвицею и ушелъ. Я сижу, скучаю, проходитъ много времени, его нѣтъ; посылаю за нимъ нашего чичероне, приноситъ отвѣтъ, что скоро будетъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе и желая отдохнуть послѣ вояжа, я узнаю отъ чичероне, что англичанинъ желаетъ меня видѣть. Вхожу въ дверь съ улицы и слышу его голосъ, который проситъ меня дать ему 10 шиллинговъ; я ихъ посылаю ему, и онъ бѣжитъ съ лѣстницы ко мнѣ, ругая свою возлюбленную и говоря: „вотъ мошенническое заведеніе, она меня совершенно обокрала. Я съ нею въ залѣ уговорился за должную плату, и она была все время очень ласкова. Когда-же я пришелъ въ ея комнату, то она представилась, какъ-будто меня не знаетъ, требуетъ деньги впередъ, затѣмъ требуетъ бутылку дорогаго вина, духовъ, помады, и такъ какъ у меня не было денегъ выплатить всѣ непредвидѣнныя издержки, она меня не выпускала. Я предполагалъ, что тутъ меня убьютъ, спасибо, что вы меня выручили“.

Я узналъ, что эти молодыя жепщины—потерянный народъ. Хозяйка, содержащая ихъ, ведетъ счетъ издержкамъ каждой изъ нихъ и онѣ весь вѣкъ остаются ея неоплатными должницами.

Когда онѣ состарѣются, хозяйка перепродаетъ ихъ низшимъ заведеніямъ этого рода, пока смерть не дастъ имъ свободы. Сильный швейцаръ стоитъ у входныхъ дверей, оберегая обитательницъ этого дома, но американскіе капитаны дѣлаютъ на нихъ охоту, отбрасываютъ швейцара въ сторону, а добычу свою увозятъ въ Америку.

На другой день я отправился каналами, въ крытой большой лодкѣ, въ Амстердамъ, гдѣ та-же скука; посѣтилъ картинную галерею, восхищался большою картиною Рембрандта „Ночной обзоръ солдатъ“ и картиною Фанъ-деръ Гельста, также большого размѣра, „Засѣданіе или угощеніе вліятельныхъ лицъ Голландіи“; эта картина высшаго достоинства—по экспрессіи многихъ засѣдающихъ лицъ. Здѣсь удивили меня дома съ большимъ крючкомъ у свѣтелки. Узнаю, что въ крючку прицѣпляется блокъ, на которомъ тянуть товары, и что складомъ ихъ служатъ чердаки домовъ, не то что у насъ, гдѣ для товаровъ имѣются сараи и лавки наравнѣ съ землею. Затѣмъ удивило меня здѣшнее кладбище, которое представляетъ собою огромное мѣсто, обнесенное заборомъ, гдѣ гробы съ тѣлами стоятъ въ видѣ огромной кучи, положенные одинъ на другой и пересыпанные пескомъ. Войдя въ ворота, я шелъ проходомъ, по обѣ стороны котораго возвышались на сажень вышиною гробы, поставленные одинъ надъ другимъ. Изъ нѣкоторыхъ гробовъ торчатъ волосы, вообще видишь частицу лица или другой части тѣла. Смердѣ невыносимый. Это кладбище такъ устроено: вслѣдствіе того, что вся Голландія, какъ и Амстердамъ, расположенъ ниже уровня моря и защищенъ со стороны его доками, или землянымъ валомъ; если этотъ валъ прорвется, то море немедленно затопляетъ часть города. Копать въ глубину земли невозможно, тотчасъ явится вода; дома-же строятся на сваяхъ, вслѣдствіе чего и мертвыхъ нельзя хоронить какъ у насъ, —выкопавъ могилу, а ихъ ставятъ на землѣ для истлѣнія, что очень поразило меня. Будь этотъ народъ неопрятенъ и равнодушенъ ко всему, какъ то случается у иныхъ народовъ, городъ Амстердамъ могъ-бы подвергаться чумѣ и разнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, здѣсь-же ничего подобнаго не бываетъ.

Меня удивлялъ приливъ и отливъ воды съ моря. Въ полдень, гуляя, видишь всѣ каналы полными воды, и на ней красуются суда, къ вечеру-же эти суда стоятъ на томъ-же мѣстѣ, только

на сухомъ днѣ канала. Такъ и постройки у берега; тутъ работа идетъ спѣшная, какъ скоро вода начинаетъ прибывать. Бѣднаго народа, нищенствующаго, не видать; здѣсь, въ Амстердамѣ, для всякаго жителя имѣется работа, а именно: возить соръ къ докамъ или валу, который предохраняетъ городъ отъ наводненія; кромѣ того, всегдашнюю работу бѣдняка составляетъ: плетение канатовъ и расчищеніе льна. Когда я ѣхалъ изъ Роттердама въ Амстердамъ, всѣ поля были наводнены отъ прилива; какъ люди, такъ и животныя стояли почти по колѣна въ водѣ, что представляло весьма странное зрѣлище.

По утру на рынокъ женщины выходятъ покрывшись платками сѣвѣжной бѣлизны. У женщинъ нашелъ весьма толстыя ноги, такъ что французы дали имъ названіе *pieds de vaches*. Гуляя по Амстердаму, вспоминаешь наши часы въ Петропавловской крѣпости съ курантами, здѣсь же слышишь ихъ на каждомъ шагу; кромѣ того, меня удивляли мужчины, стоявшіе въ церквахъ съ покрытою головою. Съ моимъ землякомъ, г. Устиновымъ, мы ѣздили въ знаменитое селеніе Брукъ, недалеко отъ Амстердама, которое славится своею неимоверною чистотою; даже нѣкоторыя двери открываются въ немъ въ извѣстную эпоху семейной жизни, какъ-то: въ день свадьбы, день смерти и т. д.

Насмотрѣвшись на все, что я могъ видѣть въ короткое время моего пребыванія въ Амстердамѣ, осмотрѣвъ въ галлерей рѣдкое собраніе гравюръ безсмертнаго голландскаго живописца Рембрандта, я желалъ ѣхать въ Бельгію, но слѣды войны едва начали усложиваться, и я поѣхалъ на Дункеркъ, въ которомъ остановился случайно, въ ожиданіи вечерняго diligensa. Вдругъ является передо мною французскій офицеръ; онъ былъ въ 1812 году у насъ въ плѣну и доброта русскихъ имѣла на него такое вліяніе, что онъ поставилъ себѣ, какъ обѣтъ, каждому русскаго, съ которымъ онъ встрѣтится, пригласить къ себѣ на малое угощеніе, чѣмъ Богъ послалъ; узнавъ, что я русскій, онъ просилъ меня къ себѣ, представилъ женѣ своей, угостилъ вофеемъ и виномъ, и рассказывалъ женѣ, можетъ быть, уже въ сотый разъ, о своемъ счастливомъ житіи во время плѣна. Поблагодаривъ его за радушное гостепримство и признательныя чувства къ моимъ землякамъ, я отправился въ тотъ же вечеръ въ Троя и затѣмъ въ Парижъ.

XV.

Парижъ, послѣ моего 4-хъ лѣтняго знакомства съ Лондономъ, показался мнѣ грязнымъ и воздухъ непріятнымъ отъ нечистоты, которая ваялась около домовъ и текла среди улицъ. Я остановился возлѣ театра Одеонъ, въ гостиницѣ „Вольтеръ“, тотчасъ отыскалъ А. К. Олецинскаго, его брата Владислава, и нашелъ въ нихъ большую пережѣну по случаю бывшей революціи и войны 1831 года съ поляками. Хвастовству его брата не было конца; поляки всюду побѣждали и пали только отъ измѣны. Затѣмъ критиковали извѣстную картину „Послѣдній день Помпей“, написанную К. П. Брюлловымъ, которому братъ Олецинскаго, какъ говорится, и въ подметки не годится. Я все слушалъ и съ презрѣніемъ смѣялся. Посѣтилъ г. Ришона; онъ видѣлъ мои работы, выравированныя въ Лондонѣ, и остался доволенъ. Вообще я замѣтилъ, что мои товарищи пріятель по студіи у Ришона относились къ Лондону болѣе симпатично, чѣмъ до моего отъѣзда. Кромѣ того, они не могли судить о Лондонѣ, не видавъ ничего кромѣ своего Парижа.

Во Франціи наше посольство дозволило мнѣ пробить только двѣ недѣли. Друга моего Людеритца не было; старички Logieux уѣхали къ своему племяннику въ St. Mandé. Къ Парижу я не могъ привыкнуть, и вечеромъ, гуляя въ Пале-Рояль и увидавъ красивый фонарикъ съ № 105-мъ, что означалъ домъ рудетки, посмотрѣвъ и подумавъ, я зашелъ туда. Войдя въ комнаты, нашелъ все по старому: тишина, около окаямленнаго стола сидѣли пресерьзные игроки, и голосъ крупье только и былъ слышанъ. Вынувъ изъ кармана 5-ти франковикъ, ставлю его на четное число; выигрываю, оставляю ихъ съ выиграннымъ 5-ти франковикомъ, вновь выигрываю и вновь оставляю. Ставя только на четъ и нечетъ, выигралъ такъ много, что у меня всѣ карманы были полны 5-ти франковиками. Народъ, стоя за моими плечами, говорилъ довольно громко, что я должно быть иностранецъ, и что я знаю извѣстный день въ жизни — день счастья. Боясь, чтобы кто-нибудь не подмѣтилъ, что у меня карманы полны денегъ, постоявъ немного у стола, я ретировался, взявъ кабриолетъ и подѣхалъ къ гостинницѣ; отыскивая ключъ

отъ дверей, у меня выпалъ изъ жилета 5-ти франковикъ; боясь наклониться, я оставилъ его мальчишкамъ и вошелъ въ свой номеръ. Вынувъ все серебро, нашелъ въ выигрышѣ около 1000 р. На другой день, взявъ одну треть выигрыша, я отправился вновь въ № 105 въ Пале-Рояль. Не прошло и четверти часа какъ я все проигралъ. То-же случилось и въ слѣдующіе два дня съ тою разницею, что въ послѣдній, четвертый день, кромѣ остатка выигрыша, я потерялъ еще нѣсколько своихъ денегъ.

Сильно страдая отъ жары, такъ какъ лѣто было несносно жаркое, и не будучи въ состояніи забыть Лондонъ, я, проходя однажды мимо Messagerie Lafitte et Gaillard, я взялъ прямо мѣсто на Лондонъ. Приѣхавъ въ мой возлюбленный Лондонъ, гдѣ шесть недѣль тому назадъ я уже со всѣми простился, и не желая вновь показаться тамъ среди друзей, я нанялъ себѣ уединенную квартиру, вынулъ работу и прилежно занимался, написавъ въ академію, что по причинѣ жаровъ, которые застигли меня въ Парижѣ, я не рѣшился ѣхать далѣе, на югъ, въ Римъ. На мое отношеніе я получилъ изъ академіи отвѣтъ, что она надѣется, что съ окончаніемъ жаровъ я не премину ѣхать въ Италію. Признаюсь, мнѣ жаль было оставить Лондонъ, я даже и забылъ, было, Римъ, и, чувствуя себя отлично на моей новой квартирѣ, занимался прилежно.

Былъ уже конецъ октября 1834 года, день субботній, и я присѣлъ работать. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, что если я останусь долѣе, то выкажу свою неблагодарность совѣту академіи. Эта мысль меня не оставляетъ; я рѣшаюсь, и часа не прошло, какъ я бросилъ работу, переодѣлся, явился въ посольство, затѣмъ въ иностранную контору, досталъ свой паспортъ, его прописали гдѣ слѣдуетъ; я отправился въ контору пароходства, взялъ мѣсто на Антверпенъ, вечеромъ отказался отъ квартиры, уложилъ чемоданъ и особенный ящикъ для большого рисунка съ Чиголи „Богородица, оплакивающая смерть Спасителя“; тутъ же вложилъ въ него доску и лучшія гравюры, нанялъ къ 6-ти часамъ утра кабриолетъ и въ 7 часовъ утра, въ воскресенье, былъ уже на пароходѣ. Въ 8 часовъ пароходъ тронулся, но какъ-то неловко, попавъ при отливѣ на мель, и тутъ, въ виду набережной со множествомъ народа, пароходу нашему пришлось стоять до 12 часовъ дня, когда настало время прилива; почувствовавъ

подъ вилемъ достаточно воды, онъ тронулся. Приятно было слышать органъ и пѣвнѣ псалмовъ на близъ стоявшемъ кораблѣ, гдѣ имѣлась церковь для моряковъ. Покуда мы стояли на мели, многіе изъ сосѣдей путешественниковъ, слыша происходившее богослуженіе, вынули свои церковныя книги и начали читать, т. е. молиться.

Пострадавъ морскою болѣзнію, мы прибыли въ Антверпенъ, отечество великихъ фламандскихъ живописцевъ. Осмотрѣвъ ихъ превосходныя произведенія въ прекрасной галлерей, какъ-то: Рубенса, Ванъ-Дейка и др., осмотрѣвъ соборъ и даже городъ, весьма живописный, расположенный на краю, можно сказать, самаго моря, я отправился въ Брюссель. Если Антверпенъ знаменитъ стариною, то Брюссель щеголяетъ новизною, особенно прекрасенъ дворецъ, бывший принца Оранскаго, гдѣ такая чистота пола, что посѣтителю надѣваютъ туфли во время осмотра. Видѣлъ богатую картинную галлерей, восхищался бульваромъ, ведущимъ въ городъ, но вообще я торопился въ Италію, чувствуя, что теряю много времени, и поэтому, пробывъ въ Брюсселѣ нѣсколько дней, я отправился взглянуть на знаменитое поле Ватерло. Посреди его я увидѣлъ памятникъ, который представляетъ собою огромнаго рычащаго льва, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ, заходилъ въ часовню, гдѣ похоронены жертвы этого сраженія и побѣды.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ Кельнъ. Осмотрѣвъ достроивавшійся знаменитый соборъ, я удивился этому городу, который снабжаетъ всѣ пять странъ свѣта своею „кельнскою водою“ (Eau-de-Cologne), коей запахъ услаждаетъ обонаніе населенія всего земнаго шара; самъ же городъ и его жители могутъ видѣть и обонять зловоніе своихъ улицъ. Эта несоотвѣтственность поражала меня. Я обрадовался, увидавъ воспѣтый и всѣми воспѣваемый Рейнъ, гдѣ столько пролито крови нѣмцами и французами, желавшими быть владѣтелями этой живописной и богатой рѣки, коей берега украшены виноградниками и коей вино услаждаетъ вкусъ богача, а подъ часъ и бѣдняка. Взявъ мѣсто на пароходѣ, я встрѣтилъ тутъ веселыхъ путешественниковъ. Тутъ уже не говорилось о торговыхъ дѣлахъ, всѣ ѣхали для удовольствія, восхищаясь видами живописныхъ береговъ. Свой чемоданъ я уложилъ посреди парохода, вмѣстѣ съ другими, также

кавъ и ящикъ, въ которомъ находился большой рисунокъ подъ стекломъ; боясь, чтобы чемоданы не раздавили стекла, его поставили сверху. Общество на пароходѣ состояло изъ англичанъ. Тутъ же на палубѣ находились и экипажи путешествующихъ англичанъ. Время шло весело, я восхищался всѣмъ вокругъ себя, а мысли мои были уже въ Итали. Вдругъ показывается вдали, идущій къ намъ на встрѣчу, пароходъ. Узнаю, что Рейнъ къ Мангейму отъ мѣстечка St. Goag становится мельче и что пароходъ, который идетъ намъ на встрѣчу, повезетъ насъ далѣе, а пароходъ, на которомъ мы ѣдемъ, воротится вновь въ Кельнъ, ибо у одного виль глубже и требуетъ болѣе воды, другое-же судно плоскодонное. Когда мы подъѣхали къ мѣстечку Goag, началась ужасная суматоха; намъ съ нашего парохода пришлось переходить на пароходъ, шедшій намъ на встрѣчу; пріѣхавшіе-же съ нимъ торопятся на нашъ пароходъ. Нѣкоторые англичане, ѣхавшіе со мною, видя, что я знаю нѣмецкій языкъ, и имѣя надобность переговорить съ таможенными, просили меня отправиться съ ними въ таможеню, что и лишило меня возможности усмотрѣть за своимъ ящикомъ.

Сдѣлавъ все, что слѣдовало въ таможенѣ, я продолжалъ восхищаться берегами Рейна, развалинами феодальныхъ замковъ и мѣстомъ, называемымъ „Эхо“, гдѣ, въ узкомъ мѣстѣ рѣки Рейна, обруженномъ высокими береговыми утесами, выстрѣлъ изъ пистолета повторяется нѣсколько разъ.

Среди сихъ развлеченій, вечеромъ, пріѣзжаемъ въ Кобленцъ; уходя съ парохода, не могу найти своего ящика съ рисункомъ; капитанъ и я ищемъ всюду и не можемъ найти. Капитанъ, спросивъ меня, куда я ѣду, и узнавъ, что я ѣду на Мангеймъ, началъ меня утѣшать, говоря, что, вѣроятно, ящикъ ошибкою перенесли на пароходъ, который теперь въ Кельнѣ, что онъ напишетъ туда и чтобы я былъ покоенъ, такъ какъ я получу его въ Мангеймѣ. Я успокоился, остановился на день въ отличномъ отелѣ „Belle Vue“ въ Кобленцѣ, прочелъ замысловатую надпись, сдѣланную на фонтанѣ какимъ-то русскимъ граверомъ, по мысли русскаго-же генерала. Этотъ фонтанчикъ воздвигли французы въ честь побѣды, одержанной ими надъ русскими, но затѣмъ русскіе побили французовъ, и нашъ генералъ въ насмѣшку французамъ „подтвердилъ“ ихъ побѣду, сказавъ,

что „русскіе, какъ хозяева этого мѣста, подтверждаютъ эту побѣду“, т. е. что французы, полные самолюбія, думали, что ихъ никто не побѣдитъ, а вышло иначе, что и доказываетъ надпись, сдѣланная русскимъ генераломъ.

На другой день я отправился въ Мангеймъ и здѣсь также остановился въ лучшемъ отелѣ „Zu Pfalz-Hoff“. Бездна англичанъ. Я радъ, что живу въ своей сферѣ, иду въ таможеню, спрашиваю свой ящикъ, не пришелъ-ли изъ Кельна? Получаю отвѣтъ, что нѣтъ, не пришелъ. Такъ продолжается нѣсколько дней. Кромѣ отличнаго помѣщенія, стола и чистаго воздуха, которые сдѣлали этотъ городъ любимымъ мѣстопребываніемъ англичанъ, для искусства въ немъ нѣтъ ничего. Передъ отелемъ стоялъ какой-то темный памятникъ, сдѣланный, кажется, изъ бронзы. Городъ чистенькій.

Англичане, замѣчая мое безпокойство и узнавъ причину его, желая пособить мнѣ своими совѣтами, уговорили меня вновь ѣхать въ Кельнъ, осмотрѣть всѣ береговые склады и хранящіяся въ оныхъ вещи, между которыми, можетъ быть, найдется мой потерянный ящикъ. Итакъ, взявъ съ собою столько денегъ, сколько по соображенію нашему было необходимо, остальные я оставилъ у хозяина отеля и пустился вновь по Рейну, оставаясь въ каждомъ мѣстечкѣ на правомъ и на лѣвомъ берегу, но ничего не могъ найти ни въ Кельнѣ, ни въ Кобленцѣ. Когда я доѣхалъ до Кобленца, то мой запасъ денегъ, взятыхъ мною, истощился, и я тотчасъ написалъ хозяину отеля въ Мангеймъ, съ просьбою выслать мнѣ денегъ. Отвѣта нѣтъ. Живу недѣлю, живу другую, пишу,—отвѣта нѣтъ. Меня перемѣщаютъ уже на другую, худшую квартиру; у меня бѣлье все износилось, у меня нѣтъ двухъ копеекъ, чтобы перейти мостъ, увидеть чудную крѣпость Eilgenbreitenstein. Однимъ словомъ, я въ отчаяніи; пишу, отвѣта нѣтъ, между тѣмъ счетъ моимъ издержкамъ растетъ. Всякій день я завтракаю, обѣдаю, ужинаю, комната, бѣлье и проч. Все порвано, сапоги отвазываются служить.

Въ отчаяніи я иду, однажды, послѣ завтрака къ конторѣ вельнера, который пишетъ счета издержкамъ путешественниковъ, подхожу и объясняю ему причину потери мною времени, спрашиваю его, нельзя-ли мнѣ сдѣлать кредитъ, обѣщая, что по пріѣздѣ въ Мангеймъ я ему вышлю все сполна. Кельнеръ измѣнилъ

прежнее ласковое обхождение со мною, сдѣлался строгимъ, началъ увѣрять, что этого невозможно сдѣлать, что много имѣется путешественниковъ, которые восхищаются Рейномъ, а денегъ въ карманѣ не имѣютъ. „Поживите, можетъ быть, деньги придутъ“, говорилъ онъ.

Я его успокаивалъ тѣмъ, что я ѣду на казенный счетъ и что деньги мои вѣрныя. Наконецъ, онъ замѣтилъ мнѣ, что хозяинъ отеля теперь на охотѣ, и что когда онъ придетъ, то онъ скажетъ ему о моемъ положеніи. Вечеромъ, когда я сидѣлъ за ужиномъ, кельнеръ подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что хозяинъ пріѣхалъ, и я могу передать ему мою просьбу. Вхожу въ его комнату возлѣ нашей общей столовой, вижу, хозяинъ сидитъ, какъ охотники сидятъ на картинахъ фламандской школы, уставшій, опершись руками на ноги, ружье между ногъ, сидитъ спортившись, и собаки возлѣ него усталыя спятъ.

— „Извините, что я не всталъ,—усталъ!“ говоритъ онъ мнѣ. Я рассказалъ ему о моемъ несчастіи, что я не могу получить денегъ отъ его сосѣда въ Мангеймѣ.

— „Крайне сожалѣю, что вы прежде не сказали о вашемъ странномъ случаѣ, который заставилъ васъ потерять столько времени. Г. кельнеръ, вы дайте имъ счетъ издержекъ и 5 талеровъ деньгами, чтобы они могли доѣхать и заплатить за мѣсто до Мангейма. По этому счету вы заплатите хозяину отеля въ Мангеймѣ, у насъ съ нимъ есть счеты, и затѣмъ завтра-же утромъ отправляйтесь въ Мангеймъ!“

Я не зналъ, какъ благодарить хозяина. Онъ былъ французъ и не усумнился въ моей честности.

XVI.

Пріѣхавъ въ Мангеймъ, нахожу весь отель полный гостями. Хозяинъ, увидавъ меня, крайне извинялся за свой поступокъ, но путешественники одолѣли его. Онъ тотчасъ рассчитался со мною, вычтя мой долгъ хозяину отеля въ Кобленцѣ, и на другое утро я отправился въ Швейцарію черезъ Страсбургъ, гдѣ все удивило меня. Оставивъ Германію, гдѣ все тихо, переѣхавъ длинный мостъ черезъ Рейнъ, по одну сторону котораго лежитъ

городъ Киль, а по другую—Страсбургъ, вы находите въ послѣднемъ, т. е. въ Страсбургѣ, веселую жизнь, шумъ, всюду огни, кафе полны народомъ. Я восхищался соборомъ, подымался на колокольню и на другой день отправился въ Кольмаръ и оттуда вступилъ, въ самое несносное время, среди дождя и снѣга, въ живописную Швейцарію, которую видѣлъ, закутавшись въ шинель и пальто; я останавливался въ Бернѣ, гдѣ у вѣзда въ городъ видѣлъ яму, обдѣланную камнемъ, съ поломъ, выложеннымъ плитами, и среди нея сухое дерево; все это приспособлено для помѣщенія двухъ медвѣдей, самца и самки, которыхъ содержитъ городъ, такъ какъ медвѣди составляютъ гербъ этого города. Въ Бернѣ, на платформѣ, возлѣ церкви, имѣется ужасная глубина (обрывъ?), гдѣ видна отличная дорога, и на платформѣ вы читаете, на мраморной доскѣ, надпись, что въ такомъ-то году такой-то упалъ съ этой ужасной высоты внизъ, сидя на лошади, и остался живъ. Мнѣ показалось это чудомъ изъ чудесъ.

Проѣзжалъ и и другіе города среди снѣга и холода, поза, наконецъ, мы не пріѣхали въ Женеву, отличный большой городъ. Здѣсь случайно, я увидалъ швейцарку, жившую со мною у m-me Love. Она меня узнала и мы посмѣялись надъ ея благодѣтелемъ англичаниномъ, который ее посѣщалъ и отъ благодѣяній котораго при ней была маленькая дочь трехъ лѣтъ. Въ мое время она была уже беременна, толковала всегда о своемъ мужѣ, котораго никогда не видала, (но за то видѣла) ея благодѣтеля. За столомъ она очень любила лососину, и я ей предсказывалъ, что имѣющійся у нея въ утробѣ плодъ вѣрно будетъ любить эту рыбу, она, смѣясь, говорила, что мое пророчество исполнилось и ребенокъ любить лососину. Про благодѣтеля она говорила, что онъ остался въ Лондонѣ, а мужъ ея скончался.

Здѣсь въ Женевѣ я взялъ мѣсто въ общей каретѣ до Пармы за 100 фр. со столомъ. Въ часъ дня, послѣ обѣда, всѣ мы, взявшіе мѣста въ каретѣ, собрались около отеля. Тутъ увидалъ я вновь старуху англичанку и двухъ ирландцевъ, одного изъ нихъ капитана, а другаго молодого ирландца. Въ Женевѣ я передалъ свой паспортъ слугѣ отеля, чтобы засвидѣтельствовать его у консуловъ сардинскаго и пармскаго. Будучи увѣренъ, что все сдѣлано, какъ слѣдуетъ, сажусь съ другими въ карету

и четверка лошадей по двѣ въ рядъ тронула. Ознакомившись между собою, мы двинулись въ благословенный край земли, въ Италию. Среди кромѣшной темноты подъѣзжаемъ къ небольшому домику. Карета останавливается и требуютъ наши виды. Это была граница Савойи. Нѣсколько минутъ спустя, вдругъ слышу свое имя и мнѣ говорятъ: „Вашъ видъ не прописанъ, вы не можете ѣхать“.

Я испугался, увѣрялъ, что слугѣ отеля было заплочено и свидѣтельство консула сардинскаго должно быть. Сколько ни толковалъ я со смотрителемъ станціи, какъ ни упрасивалъ, онъ былъ непреклоненъ. Что дѣлать? Ночь, страна для меня совершенно чужая; карета не будетъ меня ждать; спрашиваю совѣта: что мнѣ дѣлать? Мнѣ предлагаетъ женевскій извозчикъ ѣхать со мною въ Женеву къ сардинскому консулу, дать засвидѣтельствовать паспортъ и вновь сюда же доставить за 20 фр.

— „Здѣсь по пріѣздѣ вы наймете почту, и она васъ доставитъ туда, гдѣ ваша карета остановится ночевать“.

Дѣлать было нечего, другихъ средствъ поправить дѣло не предвидѣлось. Былъ день субботній и поздній часъ, я опасался, что консула не застаю дома, что онъ будетъ въ гостяхъ или въ театрѣ. Но Богъ помогъ мнѣ въ это отчаянное для меня время. Ёду, восхищаюсь вечернимъ освѣщеніемъ Женевы, застаю консула дома; подпись сдѣлана, и я ёду вновь къ непреклонному блюстителю пограничнаго дома. Онъ даетъ свободный пропускъ, но женевскій извозчикъ, получивъ мои 20 фр., не соглашается ни за какія деньги переѣзжать границу, избѣгая большихъ пошлинъ и издержекъ.

Одно я забылъ сказать про Швейцарію: народъ, который я встрѣчалъ, былъ плотный, здоровый и весьма учтивый. Какъ скоро вы видѣли поля воздѣланными и всюду довольство, такъ смѣло могли сказать себѣ: „это, вѣрно, протестантскій кантонъ“; напротивъ того, когда встрѣчалась вамъ бѣдность, неопратность, поля заброшены, церкви же открыты съ бездною мальчишекъ, играющихъ и валяющихся на паперти, тотчасъ узнаете, что это католическій кантонъ. Эта разница благоденствія и бѣдности въ одной и той-же странѣ, равно плодородной, поразила меня. Еще отмѣчу особенность: вода въ Женевѣ такъ чиста и прозрачна, что на порядочной глубинѣ видно все на днѣ ея.

Получивъ позволеніе переѣхать границу, я попросилъ совѣта у смотрителя: что мнѣ дѣлать. Не смотря на то, что была непроницаемая темнота и что все уже спало, онъ сказалъ мнѣ: „Постучитесь въ сарай и спросите почту, она васъ свезетъ до мѣста, это будетъ стоить немного“. Воспользовавшись его совѣтомъ, я кое-какъ добрался до сарая, стучу, слышу хриплый голосъ что-то говорить, затѣмъ отворяются огромныя двери сарая, и вижу полусонную фигуру въ родѣ нашего чухны, спрашиваю почты, онъ на варварскомъ французскомъ діалектѣ говоритъ: „Un cheval“. — Да, отвѣчаю. Онъ выдвигаетъ отчаянную телѣгу, кладетъ въ нее нѣсколько соломы, запрягаетъ лошадь, садится, и мы пустились въ дорогу; въ горахъ раздавались легкіе удары грома и сверкала молнія. Страхъ овладѣлъ мною. Нигдѣ не было видно ни души; вдали возвышались огромныя горы. Мысль, что я въ Италиі, въ странѣ разбойниковъ, пугала меня; на каждомъ шагу, при видѣ куста или камня, мнѣ чудились разбойники. Мой возница былъ безгласенъ, пока вдали не показался огонекъ и карета, стоявшая безъ лошадей, что и обрадовало меня, такъ какъ я полагалъ, что это, должно быть, нашъ возница; мой чухна также показывалъ на нее пальцемъ, кивая головою въ знакъ того, что это она. Подѣхавъ, вхожу въ комнату и нахожу моихъ спутниковъ-ирландцевъ, сидящихъ за столомъ и у каждаго по стакану грога. Они поздоровались со мною и поздравили меня съ успѣхомъ. Поужинавъ, мы разстались, а утромъ рано отправились въ дальнѣйшій путь. Вокругъ была зима, нигдѣ не виднѣлось ни листочка зелени, и вдоль дороги, по которой мы ѣхали, съ одной стороны тянулася рѣченка, на которой видно было много льда. Кутаясь все болѣе и болѣе отъ холода, чрезъ нѣсколько дней мы подѣхали къ подошвѣ горы Mont-Cenis, чрезъ которую намъ приходилось перебраться на другой день и быть уже въ настоящей Италиі, въ Сардинскомъ королевствѣ.

Не могу забыть, что во все время этого пути передъ нашими глазами возвышались альпійскія горы, на которыхъ лѣпились деревни, казавшіяся, въ сравненіи съ огромными горами, — птичьими гнѣздами; на этихъ горахъ имѣется нѣсколько наносной земли, на которой бѣдный народъ сѣетъ свои овощи. Меня удивляло трудолюбіе человѣка; крестьянинъ, поселившійся тутъ, имѣя

удѣломъ вмѣсто плодородной земли голый камень или гранитъ, въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ и семейству своему пропитаніе.

Подѣхавъ въ городу Кьюзи, который стоитъ у самой подошвы горы Mont Cenis, извозчикъ просилъ насъ поранѣе лечь спать, ибо завтра намъ предстоитъ трудный подъемъ на гору, для чего и нужно начать его съ ранняго утра. Мы исполнили его просьбу, и утромъ, въ 5 часовъ, насъ подняли на ноги; позавтракавши и садясь въ карету, мы увидали запряженными въ ней до пяти паръ сильныхъ воловъ, позади-же кареты были привязаны наши четыре лошади. На дворѣ было очень холодно, и мы поскорѣе усѣлись въ нашъ экипажъ. Волю тронулись при громкихъ крикахъ и понужденіяхъ со стороны ихъ хозяевъ, которые длинными шестами понукали ихъ то въ бокъ, то въ шею, и тѣмъ не давали имъ время лѣниться, а заставляли ихъ тащить на весьма крутую гору этотъ сильный грузъ: карету съ извозчикомъ и четырьмя сѣдовыми. Вокругъ все было мертво: камень и снѣгъ; жизнь слышалась только въ крикахъ и понуканіяхъ погонщиковъ воловъ. Это длилось 4 или 5 часовъ, пока, наконецъ, мы не взобрались на вершину горы, гдѣ намъ представилась небольшая площадка, съ бѣднымъ домишкою и съ небольшимъ озеромъ въ сторонѣ. Передъ нами появилась бѣдная женщина, почти въ лохмотьяхъ, съ вопросомъ—что мы желаемъ кушать. Мы узнали отъ извозчика, что у нея, кромѣ яичницы, ничего не достанешь, те и заказали ей яичницу. Вокругъ этой площадки во всѣ стороны не видать было ни малѣйшихъ признаковъ жизни; холодъ проникалъ черезъ наши теплыя одежды и мы должны были войти въ бѣдное жилище, чтобы согрѣться. Хозяйка изготовила намъ яичницу, дала немного кислаго вина, и при хорошемъ аппетитѣ мы все съѣли и выпили. Нашъ извозчикъ впрегъ уже свою четверку лошадей, волю-же стояли въ сторонѣ и отдыхали; каждый изъ насъ далъ погонщикамъ на чай по мелкой монетѣ. Нашъ извозчикъ сильно скрѣплялъ колеса для предстоявшаго крутаго спуска съ горы. Расплатившись, мы усѣлись на свои мѣста и я не предчувствовалъ, что съ вышины Mont-Cenis я распростился съ зимою на цѣлыя 15 лѣтъ.

При спускѣ, въ скоромъ времени мы почувствовали теплоту, начали помаленьку скидывать съ себя пледы, затѣмъ шинели.

Чудо перерожденія представилось моему взору: всюду зелень, голубое небо, палящее солнце. Долой пальто, жарко дѣлается въ каретѣ. Боже мой, что за прелесть! Вчера былъ холодъ, вокругъ все было мертво, обнаженные деревья стояли какъ черные истуканы и украшали мертвую природу. Теперь-же двѣ-тущее веселое лѣто, вся природа въ зелени и солнце радуется и живить пальцами своими лучами. Это перерожденіе дало мнѣ понять, отчего Италія называется садомъ Европы. Къ пяти часамъ вечера мы были въ гостинницѣ, гдѣ почувствовали себя немного разочарованными. Народъ показался мнѣ страждущимъ, неопрятнымъ и бѣднымъ, послѣ тѣхъ мѣстностей Европы, которыя я проѣзжалъ, особенно послѣ Швейцаріи, сосѣдки Италіи. Видъ поселянъ меня пугалъ: они стояли кое-гдѣ въ артистическихъ позахъ, плащи закинута на плечи ловко, художественно, но они всѣ изношены и въ заплаткахъ; характерныя лица, съ прекрасными, темными волосами, но двѣтъ лица желтый, лихорадочный,—они выглядятъ тщедушными. Вообще мнѣ показалось, что гдѣ природа такъ богата своими дарами, человѣкъ мало заботится о себѣ и какъ будто не соотвѣтствуетъ ей прелестямъ и красотамъ.

XVII.

Приѣхавъ въ Туринъ, столицу Сардиніи, я восхищался чистотою и отличными постройками города, былъ въ картинной галлерей и вечеромъ въ богато украшенномъ театрѣ. Здѣсь было для меня новостью: за обѣдомъ, вмѣсто хлѣба, даютъ сушенныя, длинненькія палочки отличной бѣлизны, съ которыми и кушаютъ супъ. Потомъ я удивлялся роскошнымъ мундирамъ офицеровъ, но для этой роскоши крестьянинъ сильно обложенъ податями.

Здѣсь также даю слугѣ отеля засвидѣтельствовать свой паспортъ у папскаго нунція, и въ полной увѣренности, что все сдѣлано какъ слѣдуетъ, уѣзжаю въ Парму. Здѣсь кончилось мое условіе съ извозчикомъ, который взялся довести меня изъ Женевы до Пармы и ѣхалъ съ другими сѣдовыми далѣе. Распростившись съ моими сотоварищами по путешествію и выплативъ должное извозчику, я остался въ Пармѣ, гдѣ находилась извѣстная, единственная во всей Италіи, гравировальная школа, руко-

видимая известнымъ профессоромъ гравированія г. Тоски, ученикомъ г. Бервика въ Парижѣ и другомъ Уткина. Я познакомился съ симъ достойнымъ профессоромъ, видѣлъ его работу и работы его учениковъ, которые стекались къ нему со всей Итали; между ними были нѣкоторые нѣмцы и даже французы. Онъ былъ красивый, дородный мужчина, любимъ и поощряемъ супругою Наполеона I-го, Марією Луизою, держался либеральной партіи въ Итали, за что даже пострадалъ, но при жизни Маріи Луизы ему все прощалось. Подъ ея правленіемъ искусства и науки въ Пармѣ процвѣтали и народъ былъ счастливъ.

Погостивъ въ Пармѣ, я отправился въ Болонію; на дорогѣ останавливаютъ нашего возницу, говорятъ: „Это мѣсто—граница папскаго владѣнія“. Среди поля стоятъ два, три солдата, съ таможеннымъ во главѣ, требуютъ паспорта. Боже мой, со мною повтореніе того-же случая, что было ночью на границѣ Савойи! Таможенный говоритъ: „Вашъ паспортъ не засвидѣтельствованъ въ Туринѣ папскимъ нунціемъ“. Вновь увѣренія съ моей стороны, что мною все сдѣлано и заплачено. Къ счастью, у папскихъ чиновниковъ нѣтъ той строгости, какъ у савойскихъ: давъ нѣсколько денегъ одному и другому, я могъ проѣхать, но они дали мнѣ замѣтить, что въ Болоніи я встрѣчу нѣкоторыя затрудненія; ихъ слова исполнились. Приѣхавъ въ городъ поздно вечеромъ, я узнаю, что въ томъ-же отелѣ, гдѣ я остановился, проживаетъ русскій художникъ Федоровъ. Я съ нимъ познакомился и узналъ, что онъ пенсіонеръ Демидовыхъ, ученикъ К. П. Брюллова, и приѣхалъ съ нимъ изъ Рима, такъ какъ Брюллову заказана копія съ знаменитой картины Рафаэля „Св. Сицилія“.

Къ 10 ч. утра зовутъ меня въ полицію, гдѣ начальникъ этого ужаснаго учрежденія во время владычества Итали австрійцами, встрѣтилъ меня съ грознымъ видомъ, такъ какъ мой паспортъ показывалъ, что я жилъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ; накинулся онъ на меня со словами, что мнѣ надобно немедленно оставить Болонію и папскую область. Я началъ доказывать совершенно противное, что „я посланъ правительствомъ, что у меня теперь денегъ нѣтъ, и если вы имѣете на то право, то дайте мнѣ средства возвратиться домой и представить ваше поведеніе съ лицомъ, посланнымъ правительствомъ.“

„Очень хорошо, я васъ представлю теперь къ его эминенцѣ

кардиналу нунцію“, и съ этими словами онъ вводитъ меня въ богатый залъ, обитый матерією, на окнахъ тяжелыя малиновыя занавѣси, по стѣнамъ картины и отличный коверъ подъ ногами. Является кардиналъ, весь въ пурпурѣ, съ косымъ глазомъ и сердитымъ взглядомъ.

— „Вы изволили у всѣхъ засвидѣтельствовать вашъ паспортъ, а на владѣніяхъ св. отца папы вы не удостоили его нунція въ Туринѣ получить его подпись?“

Я ему рассказалъ, какъ обманываютъ и обкрадываютъ слуги отелей иностранцевъ, особенно меня, какъ художника, недавно окончившаго свое воспитаніе и посланнаго правительствомъ для усовершенствованія. „Я этого не могу принять въ оправданіе“, былъ отвѣтъ косоглазаго кардинала.

— „Тогда буду просить снабдить меня средствами для возвращенія въ отечество, ибо ожидаю свое содержаніе получить здѣсь или въ Римѣ, теперь-же я не имѣю средствъ возвратиться въ отечество, ибо ожидаю своего содержанія“.

Онъ началъ думать и рѣшилъ: „Вы должны выплатить вашу пошлину, слѣдующую канцеляріи въ Туринѣ, и затѣмъ можете оставаться, сколько вамъ заблагоразсудится“.

Я получилъ свой паспортъ, съ радостью увидѣлся съ К. П. Брюлловымъ, началъ рисовать въ отличной галлерей картинъ болонской школы: тутъ была „Св. Сицилія“ Рафаэля; эта галлерей называлась „La Pinacoteca“. Вечеромъ я уговорилъ К. Брюллова ходить въ вечерніе классы рисовать съ натуры; на это онъ согласился, и болонскіе ученики были въ восхищеніи. Онъ нарисовалъ всего одну фигуру, и академія, взявъ его рисунокъ въ оригиналы въ граверный классъ, присудила ему серебряную медаль.

Федоровъ пріискалъ мнѣ отличную квартиру со столомъ, кажется за 15 скуди. Болонія—преоригинальный городъ: всѣ нижніе этажи домовъ состоятъ изъ прикрытыхъ арокъ, дождя нечего бояться и зонтиковъ не нужно, за то и неба не видать. Городъ украшенъ прекраснымъ фонтаномъ, работы Жанъ де Булоня. Соборъ, какъ и въ другихъ городахъ Италіи, не оконченъ. К. П. Брюллова уважали въ Болоніи, какъ нѣкогда Рафаэля въ Римѣ; его сопровождали всегда знакомые и художники, хватали каждое его слово. Онъ собирался купить дворецъ и поселиться въ Болоніи. Въ то время на театрѣ пѣла зна-

менитая пѣвица Паста, и Брюлловъ, будучи восхищенъ ея талантомъ, началъ съ нею портретъ во весь ростъ, который никогда не былъ оконченъ. Когда онъ пожелалъ начать писать копію съ Рафаэля „Св. Сицилія“, ему отвели особенный кабинетъ, сняли оригиналь, чего не дѣлали ни для кого другаго.

Между тѣмъ Брюлловъ прискалъ мнѣ отличную картину въ церкви Madonna de la Galliera, „Св. Семейство“, въ ростъ, со славою ангеловъ—лучшая работа Франческо Альбани. Къ сожалѣнію, оригиналь находился надъ алтаремъ, на которомъ все утро до 12 ч. дня происходила служба, и я могъ работать въ темные зимніе дни только отъ 12 до 3 часовъ, въ совершенно маленькой темной церкви, гдѣ отъ темноты не было почти ничего видно, а отъ холода руки кочевѣли. Такимъ образомъ, промучась все это время, я не могъ, къ сожалѣнію, кончить рисунка.

Во время карнавала я съѣздилъ изъ Болоніи на нѣсколько дней въ Венецію, радовался случаю увидеть этотъ весьма и вполне оригинальный городъ и талантливыя произведенія ея архитекторовъ, дворцы дожей и вліятельныхъ лицъ; на той-же степени совершенства находилась и ея живопись, которая украшаетъ какъ дворцы Венеціи, такъ и дворцы многихъ европейскихкихъ государей; ея каналы, площадь св. Марка и соборъ, дворецъ дожей и картинная галлерей производятъ удивленіе; но этотъ городъ навелъ на меня скуку, такъ какъ я во все время въ Венеціи не видалъ ни лошади, ни коровы, ни зелени. Осмотрѣвъ, что могъ, я возвратился въ Болонію.

Моиими хозяевами были отставной воевой бородобрей, у котораго была превѣсокая и претолстая жена, sig-га Тереза. У нихъ была прещедушная дочь. Кормили они меня отлично: каждый день куриный супъ, затѣмъ жаркое—опять курица: эти пернатые въ Болоніи ни по чемъ. Вино пили отличное. Но провинціальный говоръ жителей Болоньи, совершенно не схожій съ итальянскимъ, рождаетъ въ васъ скуку, не зная, какъ привыкнуть къ настоящему итальянскому языку.

Относительно Брюллова я началъ замѣчать, что Болонія, не смотря на всѣ его похвалы здѣшнимъ художникамъ и на его желаніе купить здѣсь дворецъ и совсѣмъ поселиться, начала ему надоѣдать, что совершенно согласовалось съ его непостояннымъ характеромъ, и я видѣлъ, что все это кончится мыльнымъ

пузыремъ. Онъ началъ, однажды, поговаривать въ кофейной, что ему слѣдуетъ съѣздить на недѣлю, на двѣ въ Римъ по своимъ дѣламъ; я тотчасъ разсмѣялся и сказалъ: „Въ Болоніи васъ не увидятъ болѣе, вотъ и вашъ дворецъ, который вамъ доставался такъ дешево. Хорошо еще, что не дали задатка, иначе вамъ-бы пришлось его потерять!“

— „Ну нѣтъ, отвѣчалъ онъ, возвращусь, — мнѣ Болонія и болонцы очень нравятся!“

Я радовался видѣть здѣсь каждое утро, на площади, знаменитаго композитора Россини, который въ мое время, въ 1835 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, торговалъ хлѣбомъ и имѣлъ карманы, полные фунтиками съ пробами разнаго хлѣба. Въ Болоніи всѣхъ разомъ удивилъ слухъ, что К. П. Брюлловъ уѣзжаетъ. Mad-me Pasta желаетъ видѣть оконченнымъ свой портретъ; академія-же не знаетъ, какъ поступить съ картиною Рафаэля „Св. Сицилія“: она снята, публики-же хочется ее видѣть, между тѣмъ его друзья говорятъ, что Брюлловъ скоро воротится.

Итакъ Брюлловъ уѣхалъ въ Римъ. Безъ него стало скучно. Ѳедоровъ былъ крестьянинъ, только одѣтый по модѣ. На третьей недѣлѣ великаго поста пишу въ Римъ покойному архитектору Н. Е. Ефимову, съ просьбою прислать мнѣ меблированную комнату. Н. Е. Ефимовъ, — архитекторъ-строитель Новодѣвичьяго монастыря въ Петербургѣ, двухъ домовъ на Исакиевской площади, департаментовъ удѣльнаго вѣдомства и государственныхъ имуществъ, строитель Эрмитажа, который сгубилъ его, отъ непростительныхъ взятокъ (онъ умеръ въ 1852 году), — Н. Е. Ефимовъ, какъ единственный товарищъ моего пенсіонерства и единственный художникъ, котораго я зналъ короче другихъ пенсіонеровъ нашихъ въ Римѣ, прислалъ мнѣ квартиру № 104, Via Gustina, у старушки sig-га Maddalena; получивъ этотъ адресъ, я простился съ Болоньей и отправился прежде во Флоренцію.

XVIII.

Флоренція, именуемая Новые Аѳины, — премилый городъ, съ прелестными архитектурными зданіями, съ единственными двумя картинными галереями: 1) gli Uffizii и 2) во дворцѣ Питти. Обѣ галереи полны превосходными произведеніями живописи, скульптуры и собраніями оригинальныхъ рисунковъ.

Каждый шагъ въ Флоренціи ознаменованъ, можно сказать, историческими воспоминаніями среднихъ вѣковъ: дома содержатся въ оригинальной чистотѣ; превосходныя церкви полны сокровищъ искусства и науки. Весь городъ вымощенъ плитою, имѣетъ отличныя набережныя съ перекинутыми каменными мостами.

Тутъ я встрѣтилъ нашего земляка Ивана Ильича Великанова, который, бывъ прежде крѣпостнымъ человѣкомъ князя Трубецкаго, сдѣлался богачемъ чрезъ своихъ путешествующихъ земляковъ, которымъ онъ продавалъ русское добро въ три-дорого, начавъ съ курительнаго табака Жукова. Жена его, француженка, была ему помощою въ его торговлѣ шитьемъ воротничковъ, шемизетокъ и т. п., чѣмъ они составили себѣ почтенный капиталецъ; затѣмъ онъ открылъ банкъ для своихъ же земляковъ, наконецъ, снялъ поставку мрамора для Исаакіевскаго собора и для московскаго храма Спасителя и тѣмъ уже совершенно округлилъ свой изрядный капиталецъ. Впрочемъ, И. И. Великановъ не долго могъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ: переѣхавъ въ Петербургъ, онъ купилъ каменный домъ, но грудная болѣзнь преждевременно свела его, въ лучшихъ годахъ, въ могилу. Въ его крохотномъ магазинѣ, на рѣкѣ Арно, я видался съ другими личностями, ибо по вечерамъ въ его магазинѣ собирались и русскіе, и иностранцы.

Тутъ жилъ еще другой богатый человѣкъ г. Маріотти, который изъ повара, служившаго у русскаго князя, сдѣлался впоследствии банкиромъ и имѣлъ прекрасный каменный домъ противъ дворца Питти. Онъ имѣлъ жену русскую и дочь, обѣ строго православныя.

Осмотрѣвъ все, что касается до художества всѣхъ родовъ, я отправился въ Римъ, какъ еврей въ обѣтованную землю. Дорогою у насъ случилось несчастіе: колесо соскочило съ мѣста и карета сильно накренилась; въ каретѣ были попы и они въ одинъ голосъ закричали: „S-ta Barbara, salve nos!“ („Святая Варвара, спаси насъ“). Когда мы въѣхали въ народныя ворота (Porta del Popolo), то Римъ поразилъ меня своею обширною площадью съ статуями и фонтанами съ обѣихъ сторонъ и зеленью. Съ лѣвой руки, поднимаясь вверхъ, приходишь на гору, именуемую Monte-Pincio, гдѣ разведенъ Пиемъ VII отличный садъ, называемый La Passegiata del Monte Pincio, и гдѣ публика совершаетъ свои вечернія прогулки, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ

и развлечься. Эта площадь имѣетъ что-то фантастическое, заставляющее сказать себѣ: „Вотъ столица искусствъ“. Посреди стоитъ обелискъ, у подножія его опять фонтанъ, итого три фонтана, при первомъ только въѣздѣ въ Римъ. Въ концѣ этой площади, противъ народныхъ воротъ (del Popolo), имѣются три улицы, которыя вводятъ путешественника въ Римъ; онѣ въ родѣ лучей ведутъ къ замѣчательнымъ мѣстамъ Рима, а именно съ правой руки Strada del Ripetto, улица Рипетто, ведетъ черезъ мостъ св. Ангела, набережную рѣки Тибра, къ св. Петру. Улица del Corso (Корсо), главная артерія Рима, какъ нашъ Невскій проспектъ, оканчивается кампидоліемъ, и передъ нимъ древній Римскій Foro Romano (римскій форумъ), можно сказать, нашъ главный штабъ. На этомъ форумѣ заключалось все: и храмы для молитвы, и увеселенія, и битвы въ коллизеѣ, и триумфальныя арки для воздаянія почестей возвращавшимся побѣдителямъ. Третья улица, Il Babuino (улица Бабуино) ведетъ къ испанской площади — мѣстопробываніе богатыхъ путешественниковъ. Она оканчивается Propaganda del Fede (пропаганда)—это строеніе знаменито не своею архитектурою, а какъ разсадникъ католической вѣры, въ которомъ воспитываются молодые люди всѣхъ частей свѣта кромѣ Россіи; это заведеніе дѣлаетъ честь папѣ и его сподвижникамъ іезуитамъ, но еще большая честь и удивленіе принадлежатъ Россіи. Она, окруженная со всѣхъ сторонъ дѣятельнымъ и проицательнымъ католицизмомъ, могла сохранить въ продолженіе десяти вѣковъ свою православную вѣру, что и должно удивлять cadaго.

Затѣмъ слѣдовали два знаменитыя заведенія, извѣстныя каждому художнику-иностранцу, какъ и посѣтителю Рима, это: трактиръ Лепре и кафе Греко; въ послѣднемъ вы отыщете всякаго художника. Туда приходятъ всѣ письма и завѣтныя ящичекъ, находящійся на полочкѣ за спиною кофейщика, котораго обязанность и разливать кофе, и подавать спрашивающему ящичекъ, въ которомъ находятся всѣ заграничныя письма, которыя каждый художникъ пересмотритъ. Этотъ ящичекъ былъ полонъ и радости, и неутѣшной скорби, въ случаѣ потери кого-либо дорогаго сердцу на родинѣ. Въ трактиръ-же Лепре вы найдете жителей всѣхъ странъ свѣта; за каждымъ столомъ слышенъ свой языкъ, изъ коихъ русскій царствуетъ надъ всѣми своимъ шумомъ и спорами.

По приѣздѣ въ Римъ, не смотря на его грязь и стертые стѣны домовъ, вы немедленно съ нимъ дружитесь. Все въ немъ грязно (1835 г.), но великолѣпно!

Я отыскалъ и г. Ефимова, и мою скромную комнату съ поломъ, имѣвшимъ огромную впадину по срединѣ, которая весьма часто заставляла меня опасаться, что мы со старухою хозяйкою, съ ея мебелью и всѣми пожитками рано или поздно задавимъ нижняго продавца окороковъ, провалившись въ его лавку. Моя хозяйка, в-га Maddalena, едва могла передвигать ноги, имѣя почти 80 лѣтъ, но была добрая и попечительная хозяйка, отнюдь не строгая въ посѣщенію женскаго пола. Помѣстившись, какъ слѣдуетъ, и сторговавъ цѣну по 3 скуди въ мѣсяць, я посѣтилъ кафе Греко и первымъ изъ встрѣтившихся мнѣ соотечественниковъ былъ Ѳ. Ѳ. Рихтеръ—пенсіонеръ архитектуры, котораго я сразу полюбилъ и мы остались друзьями до самой его смерти (1868 г.).

Тутъ встрѣтилъ я нашихъ знаменитостей: К. П. Брюллова и Ореста Ад. Кипренскаго, затѣмъ познакомился съ остальными товарищами, какъ-то: съ двумя братьями Марковыми, А. А. Ивановымъ, П. Н. Орловымъ и другими, коихъ именъ за давностію времени не припомню.

Невозможно описать той радости, какою я испыталъ при видѣ Форо Романо, при видѣ храмовъ, остатковъ великаго Рима, арки Септимія Севера, Тита, величественнаго колізея и даже римской мостовой временъ императоровъ, составленной изъ большихъ плитъ съ обозначившимися на нихъ впадинами отъ бѣга колесницъ. Тутъ вы чувствуете какое-то священное воспоминаніе тѣхъ школьныхъ страницъ изъ римской исторіи, изучая которую вы, какъ юноша, восхищались; теперь-же вы гуляете на священной землѣ побѣдителей всего почти извѣстнаго міра, гуляете и не можете отдать себѣ отчета въ этой радости; притомъ надъ вами простирается чудная лазурь неба и, не смотря на апрѣль мѣсяць, всюду тепло и зелено. Отъ Кампидоліо мало осталось древнихъ его строеній. Не вдалекѣ находится темница, въ которой былъ заключенъ апостоль Петръ и выведенъ оттуда ангеломъ. Колізей же, который сохранился, какъ и пантеонъ, лучше другихъ остатковъ древности, воскрешаетъ столько трогательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныхъ воспоминаній, гдѣ каждая пядь земли омыта кровью св. великомучениковъ за вѣру Христа

Спасителя! И сколько разъ являлась мнѣ затѣмъ мысль: „Боже, дай этимъ камнямъ гласъ и они повѣдаютъ и бывшія торжества этихъ мѣстъ форума и страданія св. мучениковъ и свяжутъ намъ то, что не могли передать намъ лѣтописи, ибо камни эти стоятъ еще въ томъ видѣ, въ какомъ были воздвигнуты торжествующимъ Римомъ“.

Осмотрѣвъ Форумо Романо, я отправился въ Ватиканъ, сокровищницу лучшихъ произведеній искусствъ, живописи и скульптуры. При видѣ богатѣйшихъ остатковъ греческой скульптуры, здѣсь также, какъ на Форумѣ, рождается мысль, что Ватиканъ есть тотъ-же Форумъ,—одинъ для архитектуры, другой для скульптуры.

Все, что мы видѣли у себя въ академіи, съ чего учились, чѣмъ восхищались, всѣ статуи, которыя были отлиты изъ гипса, которыя часто грязнились, ломались,—теперь въ Ватиканѣ вы все это встрѣчаете въ оригиналѣ, изъ мрамора, надъ кускомъ котораго сидѣлъ нѣкогда самъ Өидіасъ или Прокситель. Разсматривая эти чудеса искусства и переносясь мыслию въ мастерскія этихъ боговъ искусства, трудившихся двадцать два вѣка тому назадъ, вы видите ихъ какъ-будто передъ работою; ихъ произведенія, проживъ столько вѣковъ и бывъ свидѣтелями столькихъ превратностей въ искусствѣ, сохраняемыя какъ-будто богами, дошли, наконецъ, до нашихъ временъ, чтобы сдѣлаться наставниками дѣтей XIX столѣтія. Стоишь передъ ними, вспоминаешь художниковъ и благоговѣешь передъ ними. Не есть-ли Божій даръ видѣть предъ собою торсъ Аполлона Бельведерскаго, Лаокоона съ дѣтьми, Антиноя, Клеопатру и множество другихъ, которыми переполнено это дивное собраніе скульптурнаго богатства! Преисполненный восхищеніемъ, поднимаешься наверхъ, гдѣ имѣется собраніе картинъ. Ихъ немного, но всякая изъ нихъ можетъ быть перломъ любого европейскаго собранія. Между этими картинами хранится лучшая картина по рисунку и сочиненію, которую смѣло можно назвать безсмертною картиною Рафаэля, это—„Преображенье“; по сосѣдству помѣщена здѣсь-же картина Доминикино „Пріобщеніе св. Іеронима“ и мн. др. Осмотрѣвъ превосходныя произведенія Рафаэля Санціо и капеллу Сикстинскую съ страшнымъ судомъ и всѣмъ плафономъ работы Микель-Анджело. Всѣ эти дивныя произведенія служили

и будутъ служить рѣдкимъ образцомъ полного совершенства исторической живописи.

Осмотрѣвъ и познакомившись съ частными галереями, я нашель въ Ватиканѣ картину „Невѣріе Θомы“, работы Гверчинс, —поясныя фигуры, но К. П. Брюлловъ, услыхавъ отъ меня, что я остановилъ свой выборъ на Гверчино, разсердился и началъ совѣтовать взять для гравированія то, что есть лучшее въ Римѣ по части живописи, — „поэтому совѣтую вамъ приступить прямо къ рисунку съ „Преображенья“ Рафаэля, говорилъ онъ. Я удивился его неумѣстному совѣту, —совѣту даже несбыточному, что съ моей стороны было-бы дерзостью, „а такъ какъ около оригинала имѣется масса копировальщиковъ, то мнѣ придется ждать годъ или болѣе“, возразилъ я. „Это мое дѣло, отвѣчалъ К. П. Брюлловъ, черезъ два дня вы получите позволеніе“.

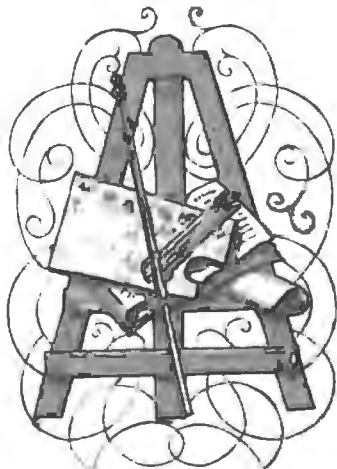
Это время, эти два дня, я скучаль, не зная, что со мною станется. Подобное грандіозное предпріятіе, въ то время, какъ мнѣ оставалось всего 18 мѣсяцевъ получать академическое содержаніе, пугало меня; а что я буду послѣ дѣлать? Думалъ, думалъ и, наконецъ, сказалъ себѣ: „Никто какъ Богъ, буду работать, о будущемъ-же не хочу думать, предоставляю все Провидѣнію“.

И дѣйствительно исполнилось такъ, какъ обѣщаль мнѣ К. П. Брюлловъ.

Ф. И. Юрданъ.

Сообщ. В. А. Юрданъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

XVIII ¹⁾).

Отъѣздъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ.—Приключенія на пути.—Письмо
отъ Макрины и ея откровеніе.

Всего я пробылъ въ Царьградѣ два мѣсяца. Въ началѣ февраля 1848 года я пустился въ путь верхомъ, въ сопровожденіи двухъ нанятыхъ мною людей, знающихъ турецкій языкъ, — поляка и босняка, чрезъ Ядринъ (Адрианополь), Татаръ-Базарджикъ, Средецъ (Софію) и Нишь въ Бѣлградъ. Бѣхалъ я въ свѣтскомъ платьѣ, подъ званіемъ доктора и за римскимъ паспортомъ. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ этомъ пути. Можно себѣ представить, какое это было путешествіе въ тѣ времена, при самыхъ примитивныхъ путяхъ сообщенія, когда еще не было и помину о желѣзной дорогѣ, и при отсутствіи общественной безопасности, въ мѣстности гористой, населенной различными племенами. Погода намъ не очень-то благоприятствовала: на второй или третій день подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и принесъ дождь съ градомъ. Такой холодъ не оставлялъ насъ и дальше. Дрожа отъ стужи, мы пробирались по обширной равнинѣ. Мой боснякъ увѣрялъ меня, что онъ хорошо знаетъ дорогу, и потому я не бралъ проводника; между тѣмъ, уже день клонился къ вечеру,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюль, стр. 1—26; сентябрь, стр. 559—578.

а еще предстояло переправляться чрезъ рѣку Марицу. Къ счастью, намъ попались на пути какіе-то провѣзжіе. Мы ихъ спросили: «такъ-ли мы ѣдемъ въ такое-то мѣстечко?» — «Вы сбѣлись съ пути! Поѣзжайте въ сторону: тамъ найдете тропинку, ведущую къ броду». Уже смеркалось, когда мы добрались до рѣки Марицы. Въ темнотѣ ѣздили мы долго, не зная, куда направиться. Наконецъ, заблестали огоньки, и мы направили туда нашихъ лошадей. Попали мы въ греческую деревню, ивѣющую, въ счастію, ханъ (постоялый дворъ), въ которомъ мы и переночевали. Отъ продолжительныхъ дождей дорога до того испортилась, что мѣстами грязь была лошадямъ по колѣно. Лошадь подо мною, купленная въ Царьградѣ, отказывалась идти дальше, поэтому я рѣшился въ первомъ мѣстечкѣ продать всѣхъ трехъ лошадей, и продолжать путь на почтовыхъ. Тѣмъ временемъ случилось одно забавное приключеніе. На ночлегъ мы остановились въ какой-то болгарской деревушкѣ. Ночью свѣталъ крѣпкій морозъ съ пронизывающимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Собираясь на слѣдующій день въ путь, мы послали за проводникомъ. Смычъ содержателя гана вызвался намъ показывать дорогу, и, закутавшись потѣплѣе отъ морознаго вѣтра, мы тронулись гуськомъ одинъ за другимъ. Спустившись въ оврагъ, въ которомъ была нѣкоторая защита отъ вѣтра, мы остановились, чтобы обогрѣться и собраться съ силами, какъ вдругъ мы замѣтили, что ѣхавшій позади насъ полякъ не оказался на лицѣ. Немедленно я послалъ болгарина проводника на розыски. Спустя часъ или полтора, онъ возвратился и доложилъ, что полякъ, увидѣвъ его издали, повернулъ лошадь и бѣжалъ. Я недоумѣвалъ по поводу случившагося и велѣлъ тронуться въ дальнѣйшій путь. Прибывъ къ вечеру въ какое-то мѣстечко, мы остановились на ночлегъ, рѣшившись дожидаться нашего бѣглеца. На слѣдующій день около полудня явился нашъ полякъ и рассказалъ намъ о причинѣ своей остановки и своего страннаго бѣгства. Оказалось, что у него два раза рвалась подпруга; поправляя ее, онъ отсталъ, крича намъ изъ всей мочи, чтобы мы остановились, но мы, должно быть, не слышали. Онъ уже насъ потерялъ изъ виду, какъ вдругъ замѣтилъ скачущаго стремительно на него турка. Тогда онъ, повернувъ свою лошадь, бросился опрометью бѣжать. Затѣмъ онъ сбѣлся съ пути и, пробродивъ то сюда, то туда, попалъ въ какую-то болгарскую деревушку, откуда его, послѣ небольшого отдыха, взялся проводить явившійся съ нимъ болгаринъ. Недоразумѣніе объяснилось тѣмъ, что нашъ проводникъ, выѣхавши изъ оврага на поиски за полякомъ, обмоталъ для защиты отъ вѣтра свою феску платкомъ: вышло что-то въ родѣ турецкой чалмы, и не удивительно, что нашъ полякъ принялъ мирнаго болгарина за воинственнаго турка и счелъ нужнымъ обратиться въ бѣгство. Въ этомъ мѣстечкѣ, между прочимъ, я продалъ съ значительною потерей своихъ лошадей и пустился въ дальнѣйшій путь уже на почтовыхъ, но, разумѣется, верхомъ.

Въ Ядринѣ (Адрианополѣ) я задержался на два дня. Тамъ меня дожи-

дались два письма: одно отъ Макрины, а другое отъ ксендза Яловицкаго. Макрина умоляла меня, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Римъ, принять на себя духовное управленіе обновляющагося за ея стараніями чина Василіанокъ и защитить ее отъ притѣсненій ксендза Яловицкаго, съ нагlostію при-
 нуждающаго ее принять латинскій обрядъ. Яловицкій точно также уговаривалъ меня возвратиться въ Римъ, такъ какъ орденъ смартвыхвстанцевъ принялъ уставъ св. Венедикта, весьма похожій на уставъ св. Василія, а Макрина, принявъ латинскій обрядъ, поступила подъ начальное управленіе ихъ ордена. Съ недоумѣніемъ читалъ я и сравнивалъ эти письма. По возвращеніи моемъ въ Римъ дѣло немножко выяснилось. Макрина дѣйствительно подвергалася притѣсненіямъ со стороны Яловицкаго и, не будучи въ силахъ устоять, согласилась принять латинскій обрядъ. Дѣло съ смартвыхвстанцами происходило слѣдующимъ образомъ. Наступило время избранія настоятеля. Выборъ палъ на ксендза Іеронима Кайсевича. Тогда Макрина, узнавъ объ этомъ, объявила монахамъ: «всю ночь я молилась, а въ полночь я услышала троекратно слова: Іосифу быть настоятелемъ; пусть орденъ приметъ уставъ св. Венедикта!» Патры смартвыхвстанцы, признававшіе Макрину святой, приняли ея слова за откровеніе Божіе, собираются вторично, низлагаютъ Кайсевича, которому уже успѣли дать обѣтъ послушанія, и избираютъ настоятелемъ Іосифа Губе, принявъ уставъ св. Венедикта. Исполнивъ это, они идутъ къ папѣ и просятъ его благословенія и признанія ихъ бенедиктинцами. Папа, однако, на тотъ разъ не повѣрилъ откровенію и не пожелалъ утѣрдать измѣненіе устава, сказавъ при этомъ, что «хотя уставъ св. Венедикта святой, но настоящее время имѣетъ свои потребности; поэтому устройтесь такъ, чтобы всѣ ваши труды были на славу Божію и на пользу церкви; тогда только можно вамъ будетъ просить объ утвержденіи чина». Спустя нѣкоторое время смартвыхвстанцы перессорились съ Макриною и ихъ взаимныя отношенія охладѣли совершенно, тогда она отказалась отъ бенедиктинскаго устава и возвратилась къ своему уставу, не многихъ отстоящему отъ іезуитскаго, настоятелемъ же избрали опять Кайсевича.

Послѣ этого небольшого отступленія возвращаюсь опять къ своему путешествію.

Дальнѣйшій путь шелъ чрезъ Пловдивъ (Филиппополь). Въ этомъ городѣ я задержался одинъ день у патровъ капуциновъ, наства которыхъ состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ латинизованныхъ болгаръ. Оттуда чрезъ Татари-Базарджикъ, Средецъ и Нишъ, мы добрались до сербской границы, задерживаясь на одинъ день только въ большихъ городахъ. На пути не случилось никакихъ приключеній. Въ Балканскихъ горахъ насъ задерживали глубокіе снѣга; голодъ былъ весьма чувствителенъ. Сербію отъ Турціи отдѣлялъ простой плетень. Подѣхавши къ воротамъ, мы должны были поступаться: сербскій стражникъ отперъ ихъ и впустилъ насъ. Сейчасъ-же за

воротами стоялъ высокій деревянный крестъ съ распятиемъ, а подлѣ него столбъ съ гербомъ сербскимъ. Нѣсколько человекъ стражи проводили насъ до Алексянца, небольшого мѣстечка, отстоящаго нѣсколько верстъ отъ границы, и завели въ карантинъ. Явился врачъ далматинецъ, превосходно говорящій по италіански, съ которымъ я быстро сошелся, какъ съ коллегой по врачебному искусству. Онъ меня спросилъ: «правда-ли, что въ Нишѣ были случаи чумы? Здѣсь объ этомъ всё толкуютъ, и если это правда, то вамъ придется долго сидѣть въ карантинѣ». На это я отвѣтилъ: «ничего подобнаго не слышалъ въ Нишѣ; вчера я тамъ пробылъ всего день, познакомился съ врачомъ и ни о чемъ подобномъ не слышалъ». — «Если такъ, то я, не желая васъ задерживать, пошлю сейчасъ-же нарочнаго въ Нишъ, чтобы провѣрить этотъ слухъ». — Слухъ оказался ложнымъ, и на другой день насъ выпустили. Докторъ любезно пригласилъ меня погостить у него; я согласился и, пробывъ у него одинъ день, посѣтилъ капетана, — т. е. уѣзднаго начальника.

Въ Сербіи уже въ это время существовали колесныя дороги; поэтому я Алексинцѣ нанялъ телѣгу и, усѣвшись съ моими товарищами, пустился въ дальнѣйшій путь. Во время пути у меня случайно вывалился изъ телѣги свертокъ съ моими вещами. На первомъ же ночлегѣ я замѣтилъ свою пропажу и сообщилъ объ этомъ полиціи. Меня увѣрили, что въ Сербіи нѣтъ воровства и что поэтому мои вещи непрекѣнно найдутся. Тогда я рѣшился продолжать свой путь. На второй или третій день, по прибытіи въ Бѣлградъ, я получилъ письмо отъ доктора изъ Алексинца, что потерянные на пути мои вещи найдены и сложены у капетана; что онъ, докторъ, по книгашъ, подареннымъ мнѣ-же мнѣ, узналъ, что онѣ составляютъ мою собственность, и поэтому пригласилъ капетана отправить мнѣ чрезъ курьера ко мнѣ въ гостиницу. Я ихъ получилъ въ полной исправности и, такимъ образомъ, добрая слава патріархальныхъ сербскихъ порядковъ вполне оправдалась.

Въ Бѣлградъ я прибылъ въ послѣдніе числа февраля. Въ это время Сербія была автономнымъ княжествомъ и мечтала только о своей политической независимости. Я виѣлъ письмо отъ Чайковскаго къ агенту Чарторыйскаго; но тотъ, подъ вліяніемъ, какъ кажется, полученныхъ имъ инструкцій, отнесся ко мнѣ съ большою сдержанностью. Въ Бѣлградѣ я оставался цѣлую недѣлю. Знакомствъ я сдѣлалъ мало, но представлялся сербскому князю Александру Карагеоргіевичу, которому я преподнесъ маленькій изъ чернаго дерева крестикъ, данный мнѣ при отъѣздѣ изъ Рима папой. Вообще въ Сербіи мнѣ чрезвычайно понравилась простота нравовъ и патріархальный образъ жизни. Конечно, это было въ тѣ времена, когда туда еще не успѣли проникнуть сѣмена извращенной западно-европейской культуры и исковеркать до неузнаваемости этотъ цѣльный и тогда еще совершенно здоровый народный организмъ.

XIX.

Изъ Бѣлграда въ Земунь.—Загребъ.—Возвращеніе въ Римъ.—Закрытіе восточнаго общества.—Докладъ папѣ и вторичная подача проекта.

Изъ Бѣлграда на лодкѣ я переправился въ Земунь (Землинъ), пограничный городъ Венгріи, населенный почти исключительно православными сербами. Какъ пріѣзжавшаго изъ-за границы, меня отправили въ карантинъ и вытребовали паспортъ. Вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ начальникъ карантина въ лицѣ майора и спрашиваетъ меня по польски, полякъ-ли я? Въ то время поляка, носящаго на себѣ какъ-бы клеймо записнаго революціонера, навѣрное не пропустили-бы. Сообразивъ все это, я поспѣшилъ отвѣтить по итальянски: «che dite, Signore?» Онъ повторилъ свой вопросъ по итальянски-же, но я заявилъ: «Я подданный папы, и мнѣ выданъ паспортъ папскими властями». — «Однако ваша фамилія польская», продолжалъ онъ. — «Какъ такъ? У насъ въ Италиі много подобныхъ фамилій, напримѣръ: Кордески, Одескальки, Тедески и др.». Долго онъ разсматривалъ паспортъ, наконецъ, спросилъ: «Куда же намѣрены ѣхать?» — «Черезъ Загребъ (Agram) и Рѣку (Fiume) въ Италию». — «Въ такомъ случаѣ вы можете ѣхать пароходомъ по Савѣ въ Загребъ». Я поблагодарилъ за совѣтъ и, съ его разрѣшенія, отправился въ городъ. Впрочемъ, его совѣтомъ не пришлось воспользоваться, такъ какъ пароходы еще не начинали своихъ рейсовъ. Я долженъ былъ нанять подводку и совершить на колесахъ длинный переѣздъ въ Диковоръ въ Хорватіи, мѣсто-пробываніе хорватскаго епископа. Я помѣстился въ семинаріи у учителя Толловича, котораго я зналъ по слухамъ, какъ рьянаго славянскаго патріота. Тамъ я узналъ о происшедшей во Франціи февральской революціи. Въ семинаріи я присутствовалъ на любительскомъ спектаклѣ, устроенномъ студентами семинаріи. Ставили какую-то хорватскую комедію, а въ антрактахъ — пѣли патріотическія пѣсни. Отдохнувъ въ этомъ городѣ два дня, я распростился съ радушнымъ хозяиномъ, котораго я искренно полюбилъ, и отправился въ Загребъ. Въ столицѣ Хорватіи я познакомился съ униатскимъ епископомъ въ Крижовцѣ Смичикласомъ и намѣревался войти въ сношенія съ разными духовными лицами на пользу предпринятаго мною дѣла. Отсюда уже я шѣлъ въ виду посѣтить униатскихъ епископовъ Венгріи и Галиціи и, при ихъ содѣйствіи, собрать кое-какія средства для предполагаемой миссіонерской семинаріи. Но случилось иначе. На третій или четвертый день моего пребыванія въ Загребѣ, пришла вѣсть о вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи и въ Загребѣ зашевелились политическія страсти. Быстро смѣнявшіяся событія поглощали все вниманіе населенія. Революціонная буря, начавшаяся въ Вѣнѣ, пронеслась вихремъ и по другимъ провинціямъ Австріи. Мрачныя тучи

сгустились надъ небосклономъ Венгріи; все предвѣщало близкую грозу. Австрійская монархія поколебалась въ своихъ основаніяхъ: одна ея половина готова была возстать на другую. При такихъ обстоятельствахъ нечего было думать о моемъ предпріятіи, и я рѣшился возвратиться въ Римъ.

На пути въ Римъ, я прибылъ въ приморскій хорватскій городъ Рѣку (Fiume). Тамъ я не нашелъ корабля, направлявшагося въ Италію, и поэтому долженъ былъ повернуть въ сторону, — въ знакомый мнѣ по прежнему невольному пребыванію Терстъ (Тріестъ). Оттуда я уже на пароходѣ прибылъ въ Анкону. На пароходѣ я встрѣтился съ бывшимъ адъюнктомъ виенскаго университета Горскимъ, съ которымъ я совершилъ дальнѣйшее путешествіе въ джиджансѣ. Въ Италіи тоже пало революціей. Повсюду народъ шумѣлъ, собирался на сходки и бурно толковалъ о политическихъ событіяхъ. По пути намъ попадались отряды національныхъ гвардейцевъ съ вышитыми на платьѣ красными крестами, неустоиво грозившіе варварамъ — tedesкамъ (нѣмцамъ). Не смотря на все это, мы прибыли благополучно въ отолину папства.

Въ Римѣ я не нашелъ и слѣда нашего восточнаго общества. Послѣ моего отъѣзда его еще поддерживалъ епископъ Люке; но съ его назначеніемъ нунціемъ въ Швейцарію общество пришло въ полное разстройство. Его устранили, держась, повидимому, пословицы: «*elevatur ut auferatur*». Монсеньоръ Граціози померъ, калуццнн о. Іосифъ былъ поставленъ въ епископы и отправленъ куда-то въ Сицилію, одни выѣхали изъ Рима, а другіе, и раньше этого не отличаясь особеннымъ рвеніемъ, охладѣли совершенно къ дѣламъ общества. Теперь я сталъ носить съ мыслью не дать многимъ заглохнуть идеѣ, руководившей основателями общества.

Прошло нѣсколько дней съ моего пріѣзда въ Римъ и я получилъ аудіенцію у папы. Лишь только я предсталъ предъ его святѣйшествомъ, папа, не давъ сказать мнѣ ни одного слова, обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— «Вы предприняли великое дѣло, но въ немъ, какъ видно по результатамъ вашего путешествія, нѣтъ воли Божіей; ступайте теперь въ Галичину; тамъ вы еще можете съ пользой трудиться для церкви».

— «Ваше святѣйшество, я, вѣдь, никому еще не говорилъ о томъ, успѣлъ-ли я въ моемъ путешествіи или нѣтъ, даже и не писалъ никому объ этомъ».

— «Можетъ быть; но я объ этомъ знаю, мнѣ уже съ этимъ докладывали. Отправляйтесь въ Галичину! Да благословитъ васъ Богъ на предстоящій путь!»

Сказавъ это, папа благословилъ меня и сталъ говорить о постороннемъ предметѣ. Когда я откланялся, то папа меня еще разъ благословилъ на дорогу. Тогда только открылись мои глаза: я понялъ, что мое предпріятіе нѣгдетъ тайныхъ, но вліятельныхъ недоброжелателей, готовыхъ мнѣ во всемъ ставить преграды. Я сознавалъ ясно, что мнѣ придется въ будущемъ бороться со многими препятствіями.

Впрочемъ, мнѣ было не до пути. Я прїѣхалъ въ Римъ почти безъ копейки, да еще въ Царьградѣ задолжалъ на нѣсколько сотъ шастровъ. Прїютился а при церкви, принадлежавшей прежде униатскимъ русскимъ монахамъ, гдѣ въ то время нѣбли прїюти и два бѣжавшихъ изъ холмской епархіи іеромонаха, но жить было нечѣмъ. Къ счастью, княгиня Волконская, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, предложила мнѣ давать уроки русскаго языка двумъ монахиамъ итальянкамъ, преподающимъ въ учрежденномъ ею училищѣ, съ платомъ по 15 фр. въ мѣсяцъ. Этого было довольно, чтобы не умереть голодною смертію.

Считаю необходимымъ теперь упомянуть объ одномъ учрежденіи, основанномъ незадолго до моего перваго появленія въ Римъ. Это такъ называемая греческая collegia graecum), нѣчто въ родѣ семинаріи для воспитанниковъ греко-униатской церкви. Туда опредѣлилось шестеро юношей изъ Галичины, нѣсколько грековъ изъ южной Италіи, остатковъ жителей древней Graeciae Magnae и мельхитовъ (арабовъ греческаго обряда). Она была основана еще въ то время, когда секретаремъ пропаганды былъ Брунелли, нѣвншій намѣреніе меня назначить ея ректоромъ. Вскорѣ же онъ былъ отправленъ нунціемъ въ Испанію. Преемникъ его въ должности секретари Барнобо завелъ въ ней совершенно латинскіе порядки: ректоромъ и префектами были назначены итальянцы, питомцы должны были совершать молитву по итальянски и по латыни, придерживаться григоріанскаго календаря, съ праздниками и постами латинскими, ихъ водили къ лазаристамъ, чтобы они пріучались правильному совершенію богослуженія. Сверхъ этого, проживающій въ collegiisъ католическій архіепископъ Миссиръ, грекъ изъ Смирны, происходящій изъ католической греческой семьи, оказывалъ дурное вліяніе на прочность убѣжденій воспитанниковъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ прелатѣ. Желая нѣтъ въ Римѣ представителя восточнаго обряда, чтобы онъ могъ фигурировать въ качествѣ такового при папскихъ богослуженіяхъ, папа повелѣлъ ему принять греко-восточный обрядъ, отпустить бороду и во время богослуженія надѣвать греческое облаченіе. Съ явной неохотой исполнялъ это Миссиръ. Не удивительно, что онъ относился безразлично къ дѣламъ восточной церкви, а находясь въ стѣнахъ вышеупомянутаго учебнаго заведенія, онъ не могъ не пріучать воспитанниковъ къ равнодушному отношенію къ восточному обряду. Чѣмъ болѣе я присматривался къ порядкамъ, водворившимся въ collegiisъ, тѣмъ болѣе я возмущался, видя всю ихъ несообразность, а присмотрѣться я имѣлъ полную возможность: каждую субботу, по просьбѣ секретари пропаганды, я являлся туда для того, чтобы исповѣдывать воспитанниковъ, не знающихъ еще итальянскаго языка. Негодуя по поводу всего этого, я имѣлъ твердое намѣреніе довести объ этомъ до свѣдѣнія папы. Къ сожалѣнію, я показалъ Барнобо заготовленный мною письменный докладъ. Тогда тотъ сталъ меня отговаривать отъ подачи его папѣ, такъ какъ онъ самъ-де лично это сдѣлаетъ.

— «Все равно, вы теперь ѣдете на востокъ, прибавилъ онъ,—и можете въ славянскія землягъ подыскать подходящее лицо; тогда я его непремѣнно назначу ректоромъ».

Желая исполнить это порученіе, я въ Загребѣ, при свиданіи съ епископомъ Смичкласомъ, просилъ его отрекомендовать подходящаго для этой должности человѣка. Епископъ отвѣтилъ, что у него есть человѣкъ, вполне способный занять эту должность, знающій въ совершенствѣ языки: латинскій, итальянскій, греческій и славянскія нарѣчія, получившій высшее духовное образованіе, за котораго онъ можетъ вполне поручиться. По возвращеніи въ Римъ, я поспѣшилъ доложить объ этомъ монсеньору, но каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ отвѣтилъ: «Очень жаль, надвѣлъ утверждать ректоромъ исправляющій эту должность», а это былъ италіанецъ. Такииъ образомъ, все осталось по старому.

Можно себѣ представить, каково было мое душевное настроеніе послѣ разочарованія, постигшаго меня въ Римѣ: я уже считалъ свое дѣло погибшимъ, какъ вдругъ пригласилъ меня къ себѣ кардиналъ Остини, занимавшій раньше постъ нунція въ Вѣнѣ. Онъ принялъ меня весьма пріятливо и сталъ подробно спрашивать о моихъ планахъ. Когда-же я ему рассказавъ оцѣли затѣяннаго мною дѣла, то онъ принялъ его горячо къ сердцу и сказалъ:

— «Это также и мое дѣло».

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ мнѣ покровительствовать и всячески хлопотать въ мою пользу.

Благодаря хлопотамъ Остини, а также и другихъ лицъ, папа пригласилъ меня къ себѣ, принялъ меня весьма пріятливо и велѣлъ представить проектъ по дѣлу соединенія церквей. Признаюсь, я былъ весьма огорченъ предшествовавшими неудачами и рѣшился предъ его святѣйшествомъ излить свое горе, по поводу страннаго рока, постигающаго каждый разъ всякое начинаніе по дѣлу о соединеніи церквей. Между прочимъ, я позволилъ себѣ намекнуть о закрытіи восточнаго общества, судьбу котораго взялъ его святѣйшество, предъ лицомъ всего христіанства, подъ свое покровительство. Папа, какъ видно, не вспомнилъ объ энцикликѣ, изданной по поводу этого общества, и поинтересовался узнать, когда именно о немъ говорилось. Къ счастью, я имѣлъ энциклику при себѣ и подалъ ее папѣ. Взглянувъ на нее, папа спросилъ, отчего-же общество теперь болѣе не существуетъ? Распространяться по поводу закрытія общества я считалъ теперь излишнимъ и ограничился только тѣмъ, что подалъ его святѣйшеству заготовленный мною уже заранее проектъ. Онъ отличался отъ проекта, подавнаго мною въ прошломъ году, только тѣмъ, что въ него вошли результаты наблюденій, сдѣланныхъ мною во время послѣдняго моего путешествія на Востокъ.

Для доклада по поводу моего проекта папа назначилъ комиссію, состоящую изъ четырехъ прелатовъ. Въ ея составъ вошелъ также ректоръ духовной

академіи. Дѣла подобнаго рода ведутся въ римской куріи съ сохраненіемъ величайшей тайны, и поэтому я ничего не могъ узнать о ходѣ дѣла. Однажды кардиналъ Остини сказалъ мнѣ, что хорошо было-бы мнѣ познакомиться съ монсиньоромъ Бардельи (Cardelli) ректоромъ духовной академіи (academia ecclesiastica) и поговорить съ нимъ о дѣлѣ. Сейчасъ я отправился къ ректору и, представившись ему, встрѣтилъ любезный пріемъ. Онъ сказалъ, что весьма радъ со мною познакомиться, такъ какъ весьма интересуется вопросомъ о соединеніи церквей. Затѣмъ онъ перешелъ къ подробностямъ моего проекта, и, наконецъ, сказалъ откровенно:

— «Я назначенъ вмѣстѣ съ другими дать отчетъ о вашемъ проектѣ. Вотъ у меня лежатъ на столѣ куча относящихся сюда книгъ: Алатій, Виссаріонъ, Гоаръ, Афананъ и другія. Все-же такъ я какъ въ лѣсу. Я очень радъ, что могу отъ васъ узнать болѣе обстоятельныя данныя, относящіяся до этого вѣковаго вопроса».

Нашъ разговоръ былъ довольно продолжительный. Исчерпавъ всесторонне эту тему, мы пришли къ соглашенію. Онъ вполне согласился съ моимъ мнѣніемъ. Мой проектъ съ постановленіемъ комиссіи былъ напечатанъ, по повелѣнію папы, въ нѣсколькихъ лишь экземплярахъ для раздачи членамъ назначенной для окончательнаго рѣшенія этого вопроса конгрегаціи кардиналовъ. Была это довольно объемистая брошюра. Къ сожалѣнію, она мнѣ только однажды попала на глаза, такъ что я ее не успѣлъ прочитать, ни даже просмотрѣть внимательно. Это случилось благодаря любезности кардинала Ферретти, секретаря конгрегаціи чрезвычайныхъ дѣлъ. О составѣ назначенной ad hoc комиссіи кардиналовъ я узналъ частію отъ того-же секретаря, частію-же отъ кардинала Остини, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, посоветовалъ мнѣ побывать у ея членовъ. Я послѣдовалъ его совѣту и нашелъ большинство изъ нихъ расположенными къ моему проекту. Нѣкоторые изъ нихъ просили меня даже побывать у нихъ за два или три дня до засѣданія, съ цѣлію болѣе основательнаго ознакомленія съ обстоятельствами дѣла. Кажется, только двое изъ нихъ оспаривали мои мнѣнія. Въ составъ этой комиссіи входили кардиналы: Остини, Ферретти, Ориольи, Кастракони, Бриньоле, Антонелли и Андреа. Весьма близко стоялъ къ моему дѣлу упомянутый выше кардиналъ Феррари. Бывая часто у него, я все его торопиль довести дѣло до желаннаго конца, руководимый, повиднмому, какимъ-то страннымъ предчувствіемъ всевозможныхъ препятствій, нагромоздившихся на пути къ осуществленію моего проекта. Кардиналъ, бывало, шутилъ, что я выкупанъ въ горячей водѣ, всѣ-де дѣла должны идти своимъ чередомъ. Въ продолженіе этого времени я былъ нѣсколько разъ удостоенъ аудіенціи у папы. На одной изъ нихъ его святѣйшество сказалъ мнѣ рѣшительно:

— «Назначу вамъ кардинала, назначу особаго патріарха!»

Все это произошло въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1848 года.

XX.

Вспыхнувший мятеж тормозитъ все дѣло.—Бѣгство папы и кардиналовъ.—Порученіе къ униатскимъ епископамъ Венгрии и Галиціи.—Поѣздка въ Парижъ.—Лионское общество распространенія христіанской вѣры.—Неожиданное пособіе.—Поѣздка въ Драздны (Дрезденъ).

Между тѣмъ революція и война охватили всю Италію. Австрійская армія оттѣснила Карла Альберта, сардинскаго короля, заставила его отречься отъ престола въ пользу Виктора Эммануила и потушила революціонный пожаръ, который съ тѣмъ большею яркостью разгорался тамъ, куда не досагало австрійское оружіе. И въ самомъ Римѣ стали бушевать революціонныя страсти. Это все подѣйствовало на папу и онъ сталъ относиться холодно къ либеральнымъ стремленіямъ римлянъ, а это раздражало еще болѣе нѣхъ страсти. И вотъ, за два дня до засѣданія кардинальской комиссіи по моему дѣлу, назначеннаго на 17-е ноября 1848 года, вспыхиваетъ революція въ самомъ Римѣ. Вооруженная толпа устремляется на квиринальскій дворецъ, въ которомъ проживалъ самъ папа. Посланники всѣхъ державъ собрались тѣда немедленно, чтобы въ случаѣ нужды защитить папу отъ разъяреннаго народа. Швейцарская гвардія дала сильный отпоръ атакующей толпѣ. Послѣдствіемъ мятежа было бѣгство папы изъ Рима. Вслѣдъ за нимъ вынеслась изъ Рима большая часть кардиналовъ, только три кардинала остаются въ Римѣ, составляя временное правительство.

Такимъ образомъ, все мое дѣло, бывшее такъ близко къ своему осуществленію, рушилось подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ. Насколько я былъ убѣжденъ въ достижимости всѣхъ цѣлей, видно изъ того, что когда конгрегація de propaganda fide, относившаяся съ самаго начала неблагоклонно къ моимъ начинаніямъ, желая, какъ говорится, меня славить, предложила мнѣ въ славянскихъ земляхъ Турціи апостольскую миссію, съ возведеніемъ въ санъ епископа-викарія, я счелъ нужнымъ отказаться не только отъ миссіи, но и отъ предложеннаго мнѣ сана. Итакъ, мое дѣло готово было если не рухнуть, то по крайней мѣрѣ отложиться ad calendae graecas. Тѣмъ не менѣе, чтобы начатое мною дѣло не было предано полному забвенію, оставшіеся въ Римѣ члены конгрегаціи, главнымъ образомъ, какъ кажется, по настоянію кардинала Ферретта, дали мнѣ порученіе отправиться къ русскимъ униатскимъ епископамъ Венгрии и Галиціи, и отъ нихъ папы требовать, чтобы они выразили свои мнѣнія касательно преднамѣреннаго дѣла; чтобы удостовѣрить владыкъ въ подлинности даннаго мнѣ порученія, меня снабдили письмами къ нимъ и двумя инструкціями, одною для предъявленія владыкамъ, а другой для меня лично.

Получивъ эти письма, я рѣшился отправиться въ Парижъ, съ цѣлю пріобрѣтенія тамъ средствъ къ дальнѣйшему путешествію. Однако, у меня не было денегъ на то, чтобы выѣхать изъ Рима. Къ счастью, какъ разъ въ это критическое время, я получилъ отъ лично мнѣ незнакомаго графа Ксаверія Браницкаго, сдѣлавшагося впоследствии истиннымъ благодѣтелемъ учрежденнаго мною парижскаго заведенія, пособіе въ нѣсколько сотъ франковъ. Изъ этихъ денегъ я уплатилъ свой долгъ въ Царьградѣ за купленныя тамъ лошади и небольшой должокъ въ Римѣ. Осталось какъ разъ только на предстоявшее путешествіе.

По пріѣздѣ въ Парижъ наканунѣ 1849 года, покровительствовавшій мнѣ монсеньоръ Форнари папскій нунцій, сталъ хлопотать въ ліонскомъ обществѣ распространенія вѣры (*oeuvre de la propagation de la foi*) о пособіи для меня.

Увѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ обществѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Ліонѣ, нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, добывавшихъ себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ, постановили отлагать отъ своего скуднаго заработка по одному су (*sous* — $\frac{1}{4}$ коп.) на благоу цѣль. Этотъ примѣръ нашель вскорѣ подражателей: стало влиывать въ общую кассу по нѣсколько тысячъ франковъ въ годъ. Необыкновенный успѣхъ привлекъ вниманіе ліонскаго архіепископа. По его почину, образовалось правильное общество, съ комитетомъ во главѣ, имѣющее два отдѣленія: одно въ Ліонѣ, а другое въ Парижѣ. Общество не замедлило распространиться по всей Франціи и даже за ея предѣлами. Такимъ образомъ, въ послѣдніе года сборы достигали цифры, превышающей 4 милліона франковъ въ годъ.

Ходатайство нунція имѣло успѣхъ въ парижскомъ отдѣленіи, который опредѣлилъ выдать мнѣ 3,000 франковъ; но главный ліонскій комитетъ отказалъ. Отчаяваясь въ успѣхѣ дѣла, я получилъ неожиданно пособіе въ 150 франковъ отъ одного изъ членовъ парижскаго комитета Теръ (Thauvère) французскаго богача, получавшаго полмилліона годового дохода и жеватаго на дочери генерала Бертрана, слутника Наполеона на островъ св. Елены. Имѣвшіе своихъ дѣтей, они обращали ежегодно десятую часть своихъ доходовъ на благотворительныя дѣла.

Намѣреваясь уже отправиться въ путь, я счелъ данный мнѣ революціоннымъ французскимъ правительствомъ паспортъ недостаточнымъ, поэтому я обратился къ нунцію о выдачѣ мнѣ папскаго паспорта на проѣздъ въ Дрезданы (Дрезденъ), откуда я намѣревался пробраться въ Галичину и Угорщину.

На пути я остановился на нѣсколько дней въ Брюсселѣ у генерала Ширжинецкаго. Оттуда я отправился дальше и благополучно прибылъ въ Дрезденъ.

XXI.

Дрезденъ 1840-хъ годовъ. — Поѣздка въ Будининъ. — Бытовыя черты лужицкихъ сербовъ.—Согласіе между католиками и протестантами.

Прибыль я въ Дрезденъ въ концѣ апрѣля мѣсяца и, не теряя времени, отправился въ австрійское посольство, чтобы вызрывать свой паспортъ. Въ посольствѣ я познакомился съ совѣтникомъ посольства графомъ Гоце (Gotze), далматинцемъ изъ Дубровника (Ragusa), славянофиломъ, но не долюбивающимъ Россіи. Я очень скоро сошелся съ этимъ человѣкомъ и даже подружился. Ему я рассказалъ подробно о цѣли моего путешествія. Онъ высказалъ горячее сочувствіе и доложилъ объ этомъ посланнику барону Куфликтейну. Это было время самого большого разгара натежа венгерцевъ и войны противъ нихъ австрійцевъ и русскихъ, почему посланникъ не рѣшался самъ дать мнѣ позволеніе на проѣздъ туда, но отнесся къ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ князю Шварценбергу. Отвѣтъ не заставлялъ себя ждать долго. Мнѣ совѣтовали дожидаться въ Дрезденѣ до тѣхъ поръ, пока венгерскій натежъ не будетъ усмирень. Вторичное мое по этому поводу прошеніе не имѣло лучшаго успѣха. Мнѣ оставалось только подчиниться необходимости.

По причинѣ удобствъ жизни и дешевизны, въ Дрезденѣ проживало много семействъ русеккихъ и польсккихъ. Это обстоятельство давало городу особенный колоритъ. Я искалъ знакомствъ по преимуществу среди семействъ польсккихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я встрѣтилъ сочувствіе къ моему дѣлу и даже нашелъ, въ виду затруднительности моего положенія, денежную помощь. Среди нѣмцевъ я не заводилъ знакомствъ, за исключеніемъ духовенства единственной въ Дрезденѣ католической церкви, считающейся придворной. Жители Дрездена, по большей части, протестанты; только королевская фамилія, съ избранія саксонскаго курфюрста Августа II королемъ польсккимъ, сдѣлалась католическою и осталась таковою до настоящаго времени. Среди духовенства этой церкви я болѣе всего сошелся съ каноникомъ Мильде, жившимъ довольно продолжительное время въ Варшавѣ и хорошо говорившимъ по польски. По воскресеньямъ и въ праздничные дни я служилъ въ этой церкви обѣдню на славянскомъ языкѣ, имѣя всѣ необходимыя церковныя книги и священныя одежды съ собою.

Пѣтый мѣсяцъ прожилъ я уже въ Дрезденѣ. Имѣя много свободнаго времени, я отправился въ Будининъ (Bautzen), столицу сохранившаго до сихъ поръ среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ волнъ нѣмецкаго моря племени славянскаго—лужичанъ. Сами они называютъ себя сербами, а нѣмцы ихъ зовутъ вендами. Говорятъ они на языкѣ, составляющемъ средину между чешскимъ и польскимъ, и живутъ не только въ Саксоніи, но и

въ прилегающихъ къ ней частяхъ Пруссіи. Саксонскіе лужичане католики, въ весьма незначительномъ числѣ (10,000 изъ 60,000 сербовъ), но все-таки католическій епископъ, въ вѣдѣніи котораго находится Дрезденъ, живетъ среди нихъ въ Будшинѣ. Въ то время былъ епископомъ Дитрихъ, которому я считалъ нужнымъ представиться. Такъ какъ саксонскій король со всѣмъ своимъ семействомъ католическаго вѣроисповѣданія, то лужицкіе сербы всегда находили въ немъ защиту, какъ единовѣрцы, противъ посягательства его лютеранскихъ подданныхъ нѣмцевъ. Пробудившійся среди сербовъ отъ недавняго времени духъ народности слотилъ послѣдователей обоихъ вѣроисповѣданій до такой степени, что они общими силами даютъ отпоръ натиску германизации. Умственное движеніе среди нихъ нашло свое выраженіе въ появившейся къ этому времени періодической печати и, если не очень-то многочисленныхъ, но расходящихся въ довольно значительномъ числѣ экземпляровъ изданій на родномъ языкѣ. Патріотизмъ этого небольшого отпрыска славянскаго племени возбуждаетъ, постигнѣ, удивленіе въ постороннемъ наблюдателѣ; изумляется, право, какъ это столь маленькая горсть народа, заброшеннаго среди чуждаго ему и враждебно къ нему настроеннаго племени, расчлененнаго при томъ между двумя государствами, могла сохранить свою индивидуальность! Во время моего пребыванія въ столицѣ лужичей, я имѣлъ случай присутствовать на народной сходкѣ, созванной съ цѣлю составленія петиціи о равноправности обоихъ народностей—сербской и нѣмецкой: я былъ пораженъ необыкновеннымъ единодушіемъ, царствовавшимъ въ собраніи, и даже призна, ками значительной политической зрѣлости. Я поселился въ зданіи капитулы-занимаемомъ епископомъ и его четырьмя канониками (по нашему, протоіерех—члены консисторіи). Одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ отправиться на свадьбу его родственника въ родномъ его селѣ. Это была свадьба крестьянская. Не смотря на то, что крестьяне-лужичане поддались вполне вліянію нѣмецкой культуры, что проявляется, конечно, во всей бытовой обстановкѣ народа, все-таки въ домашнемъ обиходѣ сохранилось много обычаевъ, чисто славянскихъ, сохранилось славянское гостепримство и славянскія задушевные народные пѣсни, обрядность свадьбы дышала славянскимъ духомъ. Я свелъ знакомство съ покойнымъ нынѣ Смоляромъ, тогда еще молодымъ кандидатомъ на пастора, но сдѣлавшимся впоследствии знаменитымъ лужицко-сербскимъ литературнымъ дѣятелемъ. Въ сопровожденіи Смоляра и еще одного молодого проповѣдника соборнаго храма, я посѣтилъ всѣ достопримѣчательности города и ближайшихъ къ нему окрестностей, навѣщая безъ всякаго различія какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. До чего вообще доходить согласіе между населяющимъ край католиками и протестантами, доводящими въ другихъ земляхъ свои раздоры до непримиримой вражды, видно изъ того, что кафедральный соборъ, храмъ величественный, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ готическаго зодчества, принадлежитъ безраздѣльно обоимъ вѣроисповѣ-

даніямъ: какъ тѣ, такъ и другіе въ опредѣленные дни совершаютъ въ немъ свое богослуженіе. И я воспользовался господствующей въ этомъ храмѣ вѣротерпимостью и отслужилъ въ немъ обѣдню по греко-славянскому обряду. Она произвела весьма большое впечатлѣніе какъ на католиковъ, такъ и на протестантовъ. Когда-же послѣдніе отъ меня узнали, что у насъ дуоуовенство женато и что св. причастіе совершается подъ двумя видами, то они стали твердить со всѣхъ сторонъ:

— «Вотъ къ такой церкви и мы бы не прочь присоединиться»¹⁾.

XXII.

Волненія въ Дрезденѣ.—Высокопоставленный любитель славянскаго обряда.—Баррикады.—Перестрѣлка съ войсками.—Арестъ.—Грубое обращеніе пьяныхъ солдатъ.—Бакунинъ.—Освобожденіе изъ тюрьмы послѣ мѣсячнаго заключенія.

Пробывъ въ Будишинѣ десять дней, я возвратился обратно въ Дрезденъ и сталъ дожидаться разрѣшенія мнѣ отправиться въ Австрію. Однако, Промыслъ Божій расположилъ иначе. Уже кончался мѣсяцъ моего тамъ пребыванія, когда сталъ распространяться повсюду слухъ о предстоящемъ и здѣсь революціонномъ движеніи. Между зачинщиками былъ и извѣстный Бакунинъ, который старался привлечь къ участію въ мятежъ и находившихся здѣсь польскихъ эмигрантовъ. Они собрались на совѣщаніе и меня пригласили туда. Откровенно я высказалъ имъ свое мнѣніе. Оно заключалось приблизительно въ слѣдующее: вообще я противникъ всякаго революціоннаго движенія, но въ настоящемъ случаѣ не вижу никакой разумной причины выѣзживать въ это дѣло, такъ какъ изъ всего этого не выйдетъ никакой пользы для польскаго дѣла; да и было-бы со стороны польскихъ эмигрантовъ большою благодарностью принимать участіе въ мятежѣ противъ правительства, пріютившаго ихъ у себя и позволившаго имъ жить въ краю свободно и безопасно; наконецъ, нѣтъ никакой надежды на успѣхъ революціи, такъ какъ, даже въ случаѣ неспособности здѣшняго правительства справиться съ мятежемъ собственными силами, чрезъ нѣсколько часовъ придутъ по желѣзной дорогѣ прусскія или австрійскія войска и подавятъ вспыхнувшій мятежъ. Моя рѣчь

¹⁾ Редакторъ этихъ записокъ имѣлъ случай быть въ Будишинѣ въ 1862 г., тринадцать лѣтъ спустя, но не нашелъ почти никакой перемѣны противъ изображаемыхъ авторомъ бытовыхъ чертъ сербо-лужицкаго народа. Въ настоящее время (1889 г.), къ сожалѣнію, народное развитіе этого симпатичнаго славянскаго народца пошло вспять подъ вліяніемъ побѣдоносныхъ войнъ, утвердившихъ германское единство, и извѣстныхъ бисмарковскихъ мѣръ къ вынародовленію иноземныхъ окраинъ Германіи.

подѣйствовала на поляковъ настолько, что они рѣшились не принимать участія въ мятежѣ; только двѣ или три болѣе горячія головы не выдержали и вѣшались въ вспыхнувшіе скорѣ послѣ этого беспорядки. Тѣмъ не менѣе, никому не было извѣстно время, когда долженъ быть поданъ сигналъ къ началу мятежнаго движенія.

Въ это время случилось со мною не безынтересное приключеніе. По случаю, не помню уже какого, праздника, я служилъ обѣдню. Придворная церковь была совершенно пуста; я займилъ только одного довольно скромно одѣтаго человѣка, съ большимъ любопытствомъ слѣдившаго за богослуженіемъ; я принялъ его за обыкновеннаго прихожанина Дрездена, видѣвшаго въ первый разъ греко-восточную литургію, отправляемую на непонятномъ для него славянскомъ языкѣ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ я объяснилъ себѣ его любопытство. Послѣ обѣдни, когда я въ ризницѣ снималъ съ себя священныя одежды, этотъ господинъ подошелъ ко мнѣ подѣ благословеніе и сказалъ по французски, что ему очень пріятно видѣть греко-славянское богослуженіе. Сказавъ это, онъ пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ. Мнѣ не пришло въ голову спросить его о томъ, кто онъ, и на пути къ нему я постоянно къ нему обращался «vous, monsieur». Онъ ведетъ меня въ королевскій дворецъ; тогда мнѣ пришло въ голову, что это кто-нибудь изъ придворныхъ чиновниковъ, да и то низшихъ. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что лакеи въ королевской формѣ, съ знаками величайшей почтительности, расплнуавъ дверь въ королевскія комнаты и внесли на серебряномъ подносѣ золотой и серебряный кофейный приборъ съ королевскими гербами. Личность хозяина подымалась сразу неизвѣрно выше: я его сталъ принимать за какого-нибудь министра или вообще какое-нибудь приближенное къ королю лицо, и сталъ его титуловать «Excellence». Мое удивленіе еще увеличилось, когда онъ мнѣ сказалъ, что хорошо знаетъ наше богослуженіе, любитъ его, знакомъ съ славянскою грамотою, что онъ въ окрестностяхъ Дрездена имѣетъ свою дачу съ домашнею церковью и что онъ желалъ-бы взять меня туда съ собою отслужить литургію, «Вѣрую» же и «Отче нашъ» онъ будетъ читать самъ по славянски. Я посѣдѣвши съ своей стороны выразить готовность явиться къ нему по первому требованію. Все время я чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи: такъ-таки я не нашелся спросить его объ его званіи. Нанпившись кофе, я откланялся. Только пройдя нѣсколько комнатъ, я могъ спросить придворнаго служителя, кто таковъ мой недавній хозяинъ, и узналъ, что это владѣтельный герцогъ Пармы, Лукки и Пяченцы Карлъ II Бурбонскій, родственникъ саксонскаго короля, выѣхавшій изъ своихъ владѣній въ Дрезденъ по случаю недавнихъ политическихъ событій въ Италіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ, отказавшись отъ престола въ пользу своего сына, устроилъ въ своемъ дворцѣ въ Луккѣ весьма изящную домашнюю церковь, въ которой совершалось богослуженіе по греко-славянскому

обряду приглашеннымъ изъ Венгріи священникомъ, самъ-же онъ неизменно присутствовалъ при каждомъ богослуженіи. Больше я уже не имѣлъ случая встрѣчаться съ герцогомъ, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней вспыхнулъ мятежъ.

Жилъ я все время въ домѣ, выходившемъ на площадь Юнгфрау, на квартирѣ у экипажного мастера, поляка, принявшаго саксонское подданство. Какъ-то разъ возвращаясь изъ церкви, зашелъ я въ мастерскую хозяина, чтобы взять ключъ отъ моей комнаты. Хозяинъ былъ навеселѣ и надѣвалъ какъ-разъ мундиръ національнаго гвардейца. Я посмотрѣлъ на него вопросительно; тогда онъ обратился ко мнѣ со словами:

— «Благослови, батюшка! иду драться!»

— Да куда и съ кѣмъ? спрашиваю его.

— «Нашъ революція необходима, положеніе наше невыносимо!»

— Не дурачься, братъ! — говорю ему. Богъ далъ тебѣ кусокъ хлѣба. Сиди смиренно и благодари Господа за Его дары!

— «Нѣтъ; какъ необходимо драться!» сталъ онъ кричать.

— Ну, хорошо! отвѣчалъ я, если ужъ нѣщимъ вздумалось сумасбродничать, то пусть себѣ сходятъ съ ума и обѣснуются; при чемъ же ты тутъ? Твое дѣло сторона! Тебя правительство пріютило, дано извѣстныя права: мой совѣтъ сидѣть смиренно и не показывать носа. — Но онъ твердилъ все свое. Видя, что съ пьянымъ человѣкомъ не поладишь, я ушелъ къ себѣ. Въ эту минуту поданъ былъ сигналъ къ возстанію, и на другой сторонѣ площади, какъ разъ противъ моихъ окошекъ, стали строить баррикады на улицѣ, ведущей къ центру города. Мой хозяинъ выбѣжалъ на улицу, сталъ неистово шумѣть и виѣшался въ толпу возставшихъ. Такъ онъ не возвращался два дня; должно быть, онъ, видя неусиѣхъ мятежа, куда-нибудь скрылся. Между тѣмъ, мятежники воздвигли баррикады на всѣхъ улицахъ, ведущихъ внутрь города. Войска заняли нашу площадь и стали перестрѣливаться съ скрывавшимися за баррикадами мятежниками. Двѣ пули попали чрезъ окошко и въ мою комнату. Я рѣшился не выходить изъ дому до тѣхъ поръ, пока не прекратятся беспорядки. Товарищемъ моего добровольнаго заключенія былъ уніатскій іеромонахъ Василевскій, бѣжавшій изъ холмскаго края, который съ самаго начала беспорядковъ пріютился у меня и не пожелалъ уже больше уходить. По всѣмъ вѣдомостямъ, начатое движеніе не могло разростись тамъ, какъ предполагали зачинщики. Мятежники, очевидно, рассчитывали на участіе простаго народа изъ окрестныхъ къ городу селеній; но въ этомъ отношеніи ихъ постигло полное разочарованіе. Напрасно звонъ, похожій на нашъ похоронный, призывалъ день и ночь къ оружію;—никто не являлся. Впрочемъ, помощь явилась на второй или на третій день, но не къ истерѣливо ожидавшимъ ея мятежникамъ! Вступило въ городъ ирусское войско, часть кото-

раго расположилась и на нашей площади. Перестрѣлка все продолжалась, хотя не съ прежней энергіей.

Наконецъ, сидѣть все безвыходно въ своей комнатѣ показалось тягостнымъ, и у меня явилась мысль уѣхать въ Будишинъ, чтобы тамъ переждать бурное время. Для этой цѣли нужно было заpastись выпускнымъ билетомъ отъ военнаго начальства, взявшаго въ свои руки управленіе городомъ. Поэтому я предложилъ своему сожителю Василевскому отправиться въ городъ за этимъ пропускомъ. Сначала онъ отпѣкивался подъ предлогомъ незнанія нѣмецкаго языка, но потомъ согласился. Въ его отсутствіе вбѣгаетъ ко мнѣ одинъ молодой полякъ и вдругъ за нимъ врывается саксонскій офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Онъ направляется прямо ко мнѣ и спрашиваетъ, кто я и откуда? Осмотрѣвши выданный мнѣ полиціей видъ, онъ велѣлъ сдѣлать обыскъ. Тщательно онъ осмотрѣлъ мой чемоданъ, перерывъ всѣ вещи, но не нашелъ ничего подозрительнаго. Въ стѣнѣ моей комнаты былъ шкафъ, въ которомъ мой хозяинъ держалъ свои вещи, грана ключъ при себѣ, что я, впрочемъ, сейчасъ-же объяснилъ офицеру. Онъ велѣлъ разбить шкафъ, и тамъ среди различнаго хлама оказалось небольшое количество ружейнаго пороку. Онъ потребовалъ отъ меня объясненія, на что я возразилъ, что я не зналъ, что хранится въ шкафу, такъ какъ мнѣ ключъ отъ него не давали. Возбудила-ли моя вѣнность, гражданское платье, съ длинной бородой, признакомъ, по тогдашнему мнѣнію, настоящаго революціонера, въ умѣ офицера подозрѣніе противъ моей личности, или, можетъ быть, то обстоятельство, что молодой человекъ искалъ у меня убѣжища, показалось ему вообще страннымъ, теперь рѣшать не берусь; достаточно того, что онъ грубымъ голосомъ приказалъ намъ обомъ слѣдовать за собою. Солдаты окружали насъ и повели въ арсеналъ. Не чувствуя за собой никакой вины, я былъ увѣренъ, что меня сейчасъ-же отпустятъ, почему не взялъ ничего съ собою. Насъ привели въ арсеналъ, отстоявшій недалеко отъ площади Юнгфрау, и велѣли войти въ большой залъ. Въ залѣ построили солдатъ полукругомъ, а насъ разиѣстали посрединѣ. Самъ офицеръ отошелъ въ уголь залы и сталъ тамъ разсуждать о чемъ-то съ группой офицеровъ. Мнѣ разсказывали о многихъ случаяхъ убійства въ эти дни солдатами людей, ни въ чемъ не повинныхъ, захваченныхъ гдѣ-нибудь на улицѣ, безъ всякаго допроса и суда. Я полагалъ, что это можетъ случиться и со мною, я вынулъ изъ кармана наперсный крестъ съ св. мощами и сталъ готовиться къ смерти.

Но Богъ пощадилъ и не допустилъ погибнуть грѣшнику безъ покаянія. По командѣ офицера насъ снова окружили солдаты и повели дальше. Мы очутились на каменномъ мосту чрезъ Лабу (Эльбу), который, какъ и всѣ выходившія къ нему улицы, былъ наполненъ солдатами, большею частью, пьяными. Увидѣвши насъ, они бросились на насъ, стали бить, чѣмъ попало.

Первый ударъ я получилъ кулакомъ въ лицо; этотъ ударъ былъ столь сильный, что у меня помутилось въ глазахъ. Я не сознавалъ, гдѣ я и что со мной дѣлается; только помню, что какой-то кавалеристъ подбѣжалъ ко мнѣ съ поднятой саблей и если бы находившійся подлѣ насъ офицеръ не оттолкнулъ его руки, то онъ навѣрное покончилъ-бы со мною, и безъ того сабля про- свистала мимо моего уха. Ковнолирующіе насъ солдаты не очень-то за насъ заступались, и удары кулаками и прикладами такъ и сыпались на насъ. Наконецъ, мы кое-какъ перебрались черезъ мостъ и, провожаемые свистками и враждебными криками окружавшей насъ толпы солдатъ, кое-какъ достигли тюрьмы, находившейся по той сторонѣ Лабы. Съ трудомъ только удалось запереть за нами ворота предъ бушевавшими и вламывавшимися туда солдатами. Въ корридорѣ подбѣжалъ ко мнѣ какой-то офицеръ, схватилъ за грудь и сталъ толкать объ стѣну, крича: „verfluchter Pfaff (нош)! Вотъ тебѣ!“ Я сталъ Бога призывать во свидѣтели своей невинности, увѣряя его, что я готовъ подвергнуться какому-угодно наказанію, если противъ меня будетъ что-нибудь найдено. Въ отвѣтъ на это онъ ударилъ меня кулакомъ въ шею и толкнулъ чрезъ двери въ тюремный дворъ. При этомъ онъ велѣлъ сторожу меня держать строже другихъ. И дѣйствительно, сторожъ буквально исполнялъ его приказаніе, за все время моего пребыванія въ тюремномъ, такъ называемомъ, маломъ дворѣ. Когда явился тюремщикъ, то онъ обыскалъ меня весьма тщательно, при чемъ забралъ наперсный крестъ, часы, кошелекъ съ нѣсколькими франками и даже карманный платокъ. Послѣ обыска онъ отвелъ меня въ третій этажъ и похѣстилъ въ небольшой камерѣ. Онъ сейчасъ-же ушелъ, заперевъ за мною на-крѣпко двери. Все убранство моей камеры состояло изъ наръ съ соломеннымъ тюфякомъ, небольшого столика, стула и кувшина съ водой. Окошко было заколочено досками и только сверху пропускало слабый свѣтъ. На слѣдующій день пришелъ тюремщикъ, велѣлъ мнѣ идти за водою, но на мои вопросы ничего не отвѣчалъ. Въ полдень онъ принесъ блюдо какой-то до такой степени грязно и невкусно приготовленной пицци, что я, не смотря на голодъ, не могъ взять ничего въ ротъ, даже нельзя было отрѣзать и куска хлѣбной корки. На пятый день явился тюремщикъ и велѣлъ взять шляпу, чтобы идти за нимъ, не удостоивъ меня отвѣтомъ на мой вопросъ о продолжительности заключенія. Меня отвели въ тюремный дворъ. Въ дворѣ стояло уже нѣсколько человѣкъ, взятыхъ на баррикадахъ; они были окружены солдатами и довольно многочисленной толпой народа, привѣтствовавшей каждого проводимаго плѣннаго визгомъ и разными насмѣшками. Насъ отвели въ другую тюрьму, — военную, и разлѣстили по камерамъ. Здѣсь было не много лучше; тюремщикъ былъ вѣжливѣе, да и пища была лучше. На второй или на третій день послѣ перемѣщенія въ эту тюрьму, пришелъ офицеръ и заговорилъ со мною по французски. Я ему представилъ

свое бѣдственное положеніе, выставляя ему на видъ, что меня держать нѣсколько дней безъ всякаго допроса и притомъ невинно, такъ какъ я въ нитежѣ совсѣмъ непричастенъ, — что я не имѣю съ собою ни молитвослова, чтобы Богу помолиться, ни бѣлья, чтобы переодѣться. Тогда онъ мнѣ посоветовалъ написать главнокомандующему Ширдинау съ изложеніемъ моего дѣла и, при томъ, вручилъ мнѣ карандашъ и лоскутокъ бумаги. Воспользовавшись его любезностью, я изложилъ вкратцѣ на этомъ лоскутѣ просьбу о скорѣйшемъ снаряженіи слѣдствія и освобожденіи меня, какъ ни въ чемъ неповиннаго. Записку я передалъ тутъ-же офицеру. Вечеромъ того-же дня входить ко мнѣ тюремщикъ съ фонаремъ и пригласилъ меня одѣться. Я обрадовался, думая, что мое прошеніе уже возымѣло свое дѣйствіе; но не тутъ-то было! я уже былъ одѣтъ, собравшись совсѣмъ уходить, когда тюремщикъ, стѣсняясь какъ будто, сказалъ: «извините, пожалуйста; мнѣ приходится исполнить требованіе закона: я долженъ васъ заковать въ кандалы!»

— «Дѣлайте, что вамъ велѣтъ!» былъ мой отвѣтъ. Онъ принесъ желѣзные кандалы и, наложивъ ихъ мнѣ на лѣвую руку и на правую ногу, повелъ меня во дворъ. Ночь была темная, но при свѣтѣ фонарей я разглядѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, окруженныхъ солдатами, и, подобно мнѣ, закованныхъ въ кандалы. Между ними обращалъ на себя вниманіе здоровый палый съ окладистою бородою; черты его лица напоминали русскаго человѣка и шинель была русскаго покроя. Подъ сильными конвоемъ насъ отвели въ городскую тюрьму и, снявъ кандалы, разлѣстили по камерамъ. Мнѣ пришлось сидѣть въ одной камерѣ съ двумя нѣмцами: одинъ изъ нихъ былъ членомъ революціоннаго триумвирата, стоявшаго во главѣ всего движенія, по фамиліи Стэйм перъ, а другой—какой-то адвокатъ. Они мнѣ рассказывали о событіяхъ, сопровождавшихъ послѣднюю революціонную вспышку, и также сообщили о томъ, что въ нашей партіи былъ полковникъ Гайнце, главнокомандующій военными силами нитежа, и русскій революціонеръ Бакунинъ. Послѣднимъ оказался то-же самое лице, которое обратило на себя мое вниманіе оригинальностью фізіономіи и костюма. На слѣдующій день меня перевели въ другую камеру, гдѣ помѣстили съ двумя простыми ворами. Признаться, они относились ко мнѣ съ уваженіемъ и я воспользовался своимъ тамъ пребываніемъ, чтобы имъ толковать священное писаніе. Черезъ три дня, т. е. на девятый день моего заключенія, меня въ первый разъ позвали къ допросу. Въ свидѣтели я пригласилъ двухъ латинскихъ священниковъ, каноника Мильде и Келлермана. По снятіи съ меня допроса, слѣдователь сообщилъ мнѣ, что я чрезъ день или два буду отпущенъ на волю. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ меня перевести въ болѣе приличную камеру, разрѣшилъ мнѣ свой столъ, перефѣнить бѣлье, получать книги, сигары и зажигать свѣчку. Въ этой камерѣ я нашелъ выше упомянутаго полковника Гайнце и чиновника изъ Ширны, нѣкоего Сольмана.

Однако, обѣщаніе судебнаго слѣдователя не сбылось. Меня продолжали держать въ тюрьмѣ, не смотря на отсутствіе какихъ-бы то ни было уликъ, свидѣтельства сосѣднихъ съ моей квартирой жильцовъ и пониженныхъ священниковъ. Не помогло мнѣ даже заступничество самого епископа, совѣтника австрійскаго посольства гр. Гоце, и даже французскаго посланника. Гражданскій судъ постановилъ меня отпустить на волю, но военное начальство, въ рукахъ котораго находилась въ это время вся власть, не выпускало меня изъ тюрьмы. Конечно, это объясняется осажденнымъ положеніемъ, въ которомъ находился городъ Дрезденъ, и той путаницей, въ которой очутилось саксонское правительство послѣ революціи; въ такія времена очень часто невинные погибаютъ вмѣстѣ съ виновными. Матеріальное мое положеніе, къ счастью, значительно улучшилось: каноникъ Мильде, сдѣлавшись для меня истиннымъ благодѣтелемъ, снабжалъ меня чрезъ тюремщика всѣмъ необходимымъ. Спустя нѣсколько дней, меня отвели подъ конвоемъ шести солдатъ, зарядившихъ на моихъ глазахъ ружья, въ военный судъ и тамъ, послѣ обычныхъ допросовъ о моей личности и происхожденіи, предъявили мнѣ какія-то бумаги и спросили, мои-ли онѣ? На мой отрицательный отвѣтъ аудиторъ (военный слѣдователь) говорить: «Пересмотрите ихъ хорошенько: это бумаги Терлецкаго; дѣло идетъ о наслѣдствѣ въ Галиціи!»

— «Я родомъ изъ Россіи, и въ Галиціи родственниковъ у меня нѣтъ!»

— «Тѣмъ не менѣе просмотрите бумаги!»

Я взялъ ихъ въ руки и сталъ просматривать. Оказалось, что это дѣйствительно бумаги Терлецкаго. Между этими бумагами я нашелъ отставку этого Терлецкаго, бывшаго полковника французскихъ войскъ, написанную на французскомъ языкѣ, но еще съ 1814 года.

— Вотъ вамъ доказательство, что это не мои бумаги! Въ 1814 году я не могъ быть полковникомъ французской службы, такъ какъ мнѣ тогда было только шесть лѣтъ.— Это показалось слѣдователю вполнѣ убѣдительнымъ, и онъ велѣлъ меня отвести опять въ тюрьму. Чрезъ нѣсколько дней меня опять привели туда тѣмъ-же порядкомъ, и послѣ обычныхъ разпросовъ представили мнѣ какого-то человѣка. Слѣдователь спросилъ его, показывая на меня, тотъ-ли это? Незнакомый отвѣтилъ, что у того не было бороды. Меня опять отвели въ тюрьму. Наконецъ, на 33-й день моего заключенія, 27-го мая мѣсяца, получило распоряженіе коменданта города освободить меня, но съ тѣмъ, чтобы я въ 24 часа оставилъ Дрезденъ, а въ 48 Саксонію. Это было крайнее время, такъ какъ я ослабъ совершенно тѣломъ и палъ, къ тому еще, духомъ. За мной забралъ каноникъ Мильде и мы отправились получать вещи, сданные при поступленіи въ тюрьму. У меня оказалось всего-на-всего 20 франковъ, и я былъ въ отчаяніи, вслѣдствіе неимѣнія средствъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Тогда добрѣйшій каноникъ сказалъ: «Не отчаивайся: Богъ послалъ деньги! У меня есть для тебя 800 франковъ».

— «Откуда это?» спрашиваю.

— «Иностранцы, твои знакомые, которымъ велѣно было выѣхать изъ города, узнавши о твоёмъ заключеніи, собрали кто 50, кто 100 фрялковъ, и, такимъ образомъ, составилаь сумма въ 800 фр.». Поблагодаривъ Бога и добрыхъ людей, я въ тотъ-же день уѣхалъ изъ Дрездена.

Архимандритъ Вл. Терлецкій.

Сообщ. Л. Лопатинскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

НИКИФОРЪ ВЯЗЕМСКІЙ,

воспитатель царевича Алексѣя Петровича.

1696 г.

[Письмо къ царю Петру I-му съ благодарностью за опредѣленіе учителемъ къ царевичу Алексѣю Петровичу].

Божіею ревностію ревнуя по благочестіи подражателю.

Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу.

Теплѣ поборая по святѣй католической вѣрѣ, и тщательно защищая соборную и апостолскую церковь и любезно заступая вся христіяны, отъ Бога врученныя Своея Царскія державы.

Странно сотворившегося дѣйства въ самый день Пятдесятный, въ онъ-же святымъ ученикомъ и апостоломъ отъ Безначалнаго Отца благодать Пресвятого Духа премудрость и разумъ дадеса.

Что нынѣ повелѣхся дѣломъ совершати, приступилъ къ свѣтлѣй Твоей десницѣ, отъ Тебѣ умна солнцѣ—изливающе свѣтъ благодати.

Благословенному и царскихъ чреслъ Твоихъ плоду свѣтлопорочному Великому Государю Царевичю и Великому Князю Алексѣю Петровичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, сотворилъ о безначалномъ Алоы начало, что да будетъ всегда во всемъ забрало благо.

Откуда-же и како мнѣ сіе бысть,—не вѣмъ!... но токмо „Сердце Царево въ руцѣ Божіи“. Повѣмъ: ниже мысль моя земленоревностная (sic) имѣяше, или когда смѣяше дерзати.

Желаю дабы Господь Богъ Тебѣ даровалъ Великому Государю здравіе Моисеево, лѣта вѣку его равныя, силу Самсонову, миръ Соломоновъ, обладаніе Августово, славу Александрову, побѣду надъ врагами яко царю Константину на Максентіа, яко Давиду на Галиафа, и вся благая желанія сердца Твоего царского да исполнить.

Твоего Царского Пресвѣтлого Монаршеского Величества малѣйшій и послѣднѣйшій рабъ Никишко Вяземской, къ стопамъ Твоимъ царскимъ принадая, кланяюся.

Съ Москвы, іюня 2-го числа 204 (1696) году.

Подлинникъ на столбцѣ, былъ сложенъ пакетомъ, запечатанъ краснымъ сургучомъ и имѣеть помѣту: „Государю Петру Алексѣевичю“. Хранится въ Государственномъ Архивѣ, въ кабинетныхъ дѣлахъ. См. книгу 53, стр. 166-ю.

Сообщ. А. Н. Трубецкой.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1856 г. ¹⁾.

Митава, 4-го января 1856 г. Начало новаго года весьма похоже на конецъ предшедшаго. Утѣшительнаго немного. Третьяго дня привезли сюда главнокомандующаго нашей Балтійской арміи. Бѣдный старикъ (ген. Сиверсъ) видно еще очень слабъ послѣ болѣзненнаго кризиса въ Іеве. Я его не видалъ, и вообще кажется, что штабъ старается скрывать до какой степени онъ ненадеженъ.

Мейендорфъ пишетъ разную чепуху. „Les slaves laissent prendre Poreille; on est décidé à les contenir et à en prendre ce qu'il y a de bon“. — „Guerre renforcée au printemps. Il est positif que les anglais vont tout brûler de Libau à Cronstadt“. Между тѣмъ Шеннингъ, изъ Берлина, сообщаетъ, что онъ начинаетъ надѣяться на миръ.

Вчера я получилъ первый циркуляръ по департаменту полиціи исполнительной за подписью, или точнѣе—скрѣпкою, новаго директора, Жданова. Въ немъ значитса, что надзоръ за книжною торговлею и соблюденіемъ цензурныхъ постановленій составляетъ „одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ управленія“. Видно, мы неисправимы. Неужели конгрегация index'a и полиція Меттерниха не надзирали, во время оно, за книжною торговлею? Этотъ надзоръ не помѣшалъ однако же курьерскимъ поѣздкамъ папы и всезнашаго дипломата въ 1848 году.

Начальникомъ Крымской арміи назначенъ Лидерсъ, на мѣсто Горчакова, который заступитъ въ Варшавѣ мѣсто фельдмаршала

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167—128; май, стр. 339—360.

(кн. Паскевича). Сей послѣдній, говорятъ, умеръ. На мѣсто Ридигера, который умираетъ, прочать гр. Сакена. Лидерса замѣнили Сухозанетомъ. Ген. Коцебу [Пав. Евст.] назначенъ командиромъ 5-го корпуса. Непокойчицкій на его мѣсто, Васильчиковъ на мѣсто Непокойчицкаго.

Говорятъ, что Барятинскій будетъ товарищемъ военнаго министра, гр. Ламбертъ — дежурнымъ генераломъ, Катенинъ — генераль-губернаторомъ въ Харьковѣ. Лишь бы не вышло *bonnet blanc et blanc bonnet*.

7-го января. Вчерашній день я провелъ въ Ригѣ. И тамъ все по старому. Только множество конногвардейскихъ офицеровъ со стучащими палашами.

8-го января. Шиллеръ писалъ:

Wo du auch wandelst im Raum, es knüpfe dein Zenith und Nadir
An den Himmel dich an, und an die Achse der Welt.
Wie du auch handelst in ihr, es berühre den Himmel dein Wille,
Durch die Achse der Welt gehe die Richtung der That.

На первый взглядъ — это *erhaben und richtig*. Но такъ-ли при ближайшемъ анализѣ? Не черезчуръ-ли много высокоумнаго тщеславія въ этомъ сопоставленіи человѣческаго индивидуума и всего человѣческаго міра? Можно-ли согласовать этотъ взглядъ съ евангельскимъ? Евангеліе сопоставляетъ каждаго отдѣльнаго человѣка „съ ближними“, а не съ міромъ.

9-го января. Вчера уже говорили газеты, что австрійскія университетскія предложенія нами приняты. Сегодня это извѣстіе подтверждено телеграфическою депешою изъ Петербурга. Итакъ, мы сдались!

Сотни тысячъ жертвъ пали на поляхъ сраженій, Севастополь превращенъ въ груды развалинъ, Черноморскій флотъ истребленъ, благосостояніе Россіи надолго поколеблено, вѣковая слава запятана, — и все это для того, чтобы обязаться впредь не имѣть ни Севастополя, ни Черноморскаго флота, или чтобы доказать, что наше правительство продолжительно и значительно ошибалось. — Дорого!

16-го января. Мирабо говорилъ о Неккерѣ: „*c'est une horloge qui retarde*“. Что можно сказать о нашихъ гг. министрахъ?

18-го января. Вчера я получилъ внезапное извѣстіе о кончинѣ брата (Родіона). Жизнь его, въ послѣдніе годы, была жизнь святаго и жизнь вольнаго мученика. Какъ мало во мнѣ силы къ добру, въ сравненіи съ силою, которую неизмѣнно обнаруживалъ и принималъ онъ.

19-го января. Третьяго дня я получилъ письмо отъ кн. Суворова; сегодня отъ Герингроса и Рудницкаго. Вѣсти изъ Петербурга неутѣшительны.... Энергія сверху не ознаменовывается.

Государь сказалъ кн. Суворову, что ему будетъ высочайшее замѣчаніе за употребленіе, въ его отчетѣ, выраженія „неосновательность“ въ отношеніи къ дѣйствіямъ министерствъ. Князь замѣнить Сиверса, немедленно по его удаленіи, или въ случаѣ его смерти.

20-го января. Сегодня вернулся Беклемишевъ, послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія. Замѣчательна способность нѣкоторыхъ людей, въ томъ числѣ и его, вѣрить всему безъ разбора. Точно критика слышаннаго для нихъ не существуетъ. Такимъ образомъ Беклемишева увѣрили, что по отъѣздѣ Тотлебена въ Севастополь водворилось безначаліе, что Горчаковъ помѣшалъ Хрулеву отбить Корниловскій бастионъ, что послѣднее бомбардированіе намъ стоило 80,000 человекъ, и т. п.

22-го января. Невыразимо грустно. Ни за что принятыя не хочется. Непрерывное ожиданіе чего-то, что не сбывается, подавляетъ и утомляетъ всѣ душевныя силы.

Илья Бибиковъ послѣдовалъ за братомъ въ чистую отставку. Не жаль. Языковъ пишетъ, что Мила играетъ роль въ Питерѣ и что черезъ нее—разумѣется не даромъ,—выпрошено было (у театральнаго вѣдомства) дозволеніе дать „l'Etoile du Nord“, гдѣ будто бы Петръ Великій является на сцену подъ именемъ Эрика, въ голубой лентѣ и мертвецки пьяный.

Сегодня былъ у меня ген. Рамзай, инспектирующій въ Митавѣ стрѣлковый баталіонъ. При разговорѣ о событіяхъ нынѣшней войны, онъ, между прочимъ, разсказалъ нижеслѣдующее.

Еще въ 1850 году, въ виду опытовъ Венгерской кампаніи, онъ представилъ военному министру о необходимости умножить наши стрѣлковыя войска.

— „Прекрасно, отвѣчалъ кн. (Ал. Ив.) Чернышевъ, я съ вами вполне согласенъ; но вы знаете государя и его довѣріе къ взглядамъ фельдмаршала. Поговорите съ кн. Паскевичемъ“.

Вскорѣ затѣмъ, при бытности въ Варшавѣ, Рамзай намекнулъ объ этомъ дѣлѣ стопобѣдному полководцу. При первомъ-же словѣ фельдмаршалъ нахмурился.

— „Croyez-vous donc, сказалъ онъ, que ce soit avec des tirailleurs que l'on gagne des batailles? C'est avec des masses, Monsieur.

„Je pense, M. le Maréchal, que les masses décident et achèvent la victoire, mais que des tirailleurs nombreux et bien armés la préparent et font beaucoup de mal à l'ennemi. D'ailleurs dans les autres armées on augmente le nombre des troupes munies de carabines à longue portée. Ne faudrait-il pas en agir de même chez nous?“

— „Понимаю, сказалъ тогда фельдмаршалъ, — вы инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и только хотите увеличить число войскъ, которыя вамъ подвѣдомы“.

Этимъ дѣло и кончилось.

26-го января. Фельдмаршалъ князь Паскевичъ умеръ. Сынъ его назначенъ генераль-адъютантомъ. Продолженіе системы императора Николая.

На дняхъ въ Петербургѣ давали трагедію Озерова „Дмитрій Донской“. При стихѣ:

„Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ миръ постыдный“

поднялась буря рукоплесканій. На слѣдующій день Дубельтъ поправлялъ поэзію Озерова.

28-го января. Кн. Суворовъ продолжаетъ приходить въ изступленіе коль скоро дѣло касается балтійскаго корпуса. Онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть отчетъ ген. Сиверса. Военный министръ прислалъ ему оный тотчасъ же. Князю показалось, что Сиверсъ, т. е. на дѣлѣ ** и *** не только хвалили себя, но и критиковали косвенно его. *Inde ira maxima*. Князь писалъ мнѣ, что онъ боленъ и золъ, а Рудницкому говорилъ разныя неистовства, между прочимъ, что Сиверсъ *est une vieille qu'on a oublié d'enterrer*.

9-го февраля. Записывать нечего. Все въ застоѣ. Гр. Орловъ уѣхалъ въ Парижъ. Съ нимъ посланъ, *pour ravager les coeurs des dames françaises*, флигель-адъютантъ гр. Шуваловъ.

19-го февраля. Наши дипломаты, судя по сочиняемымъ ими „депешамъ“, не имѣютъ понятія о соблюденіи приличій и чести. Кто же, кромѣ глупцовъ, вѣрить помѣщаемымъ тамъ фразамъ и почти на наглость похожимъ похваламъ миролюбію? Развѣ не видно въ каждомъ словѣ, что мы только изыскиваемъ способы *de nous exécuter avec chic*? Какъ мы льстимъ Луи-Наполеону, котораго прежде такъ бранили. Какъ мы маневрируемъ съ нимъ и, улыбаясь, глотаемъ все, что ему угодно намъ дать проглотить, напрямѣръ статью изъ „*Siècle*“, перепечатанную въ „*Moniteur*“, и угрозу, выраженную въ его рѣчи при открытіи его псевдо-парламента.

29-го февраля. Гернгросъ далъ знать по телеграфу, что Гану и мнѣ пожалованы станиславскія ленты. Необходимая принадлеж-

ность губернаторскаго мундира приобрѣтена. Отъ всякихъ другихъ лентъ на долгое время охотно отказываюсь.

Генералу Сиверсу объявили, черезъ доктора, о назначеніи ему преемникомъ кн. Суворова. Сначала старикъ не хотѣлъ вѣрить. Въ ожиданіи мира онъ даже изъявилъ сожалѣніе о томъ, что просилъ отпуска; но когда Бурзи напомнилъ ему, что онъ устааетъ даже отъ перехода съ постели къ кресламъ, то согласился, что пора было уходить отъ командирства.

Гернгротъ пишетъ (25 февраля), что ожидаютъ „хорошаго“ мира, и что источникъ этого свѣдѣнія благонадеженъ.

7-го марта. На-дняхъ министръ внутреннихъ дѣлъ далъ знать, что всеподданнѣйшіе годовые отчеты (начальниковъ губерній) впредь слѣдуетъ адресовать не „въ собственныя его величества руки“, а „по министерству внутреннихъ дѣлъ“. Поручилъ Рудницкому освѣдомиться, что это значитъ? Развѣ государь не желаетъ болѣе читать этихъ отчетовъ? Право, по крайней мѣрѣ однажды въ годъ, говорить государю прямо то, что сказать кажется нужнымъ, я всегда считалъ важнымъ правомъ, главнымъ и почти единственнымъ преимуществомъ начальниковъ губерній. Оригинально и притомъ характерично было бы лишить ихъ этого права простымъ приказаніемъ перемѣнить нѣчто въ надписи конверта.

12-го марта. Читалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ замѣчательную статью (Бориса Никол.) Чичерина о „Сельской общинѣ въ Россіи“. Эта статья равно замѣчательна по тому, что въ ней есть, и по тому, чего въ ней нѣтъ. Замѣчательно, и кажется справедливо, отрицаніе патріархальности, восхваляемой Гакстгаузеномъ, т. е. патріархальности будто-бы первобытной и будто-бы доселѣ сохранившейся въ общинныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Въ этихъ отношеніяхъ г. Чичеринъ, напротивъ того, видитъ послѣдствія вепервобытнаго укрѣпленія крестьянъ землѣ и дальнѣйшихъ затѣмъ учредительныхъ мѣръ со стороны правительства. Но указывая на послѣдовательный ходъ переворота, авторъ, кажется, забываетъ, что для разъясненія вопроса о томъ, что была издревле русская сельская община, недостаточно рѣшить вопросъ о раздѣльномъ или нераздѣльномъ владѣніи землею. О внутреннемъ устройствѣ и управленіи сельскихъ обществъ, которыя, конечно, существовали, хотя и были общинами въ учредительномъ, гражданственномъ, а не землевладѣльческомъ, частноправовомъ отношеніи, ничего, или почти ничего, не сказано. Слѣдовательно, и не опредѣленъ, съ надлежащею полнотою, древній бытъ нашихъ поселянъ. Если же въ концѣ статьи г. Чичеринъ говоритъ, что нынѣшняя сельская община

„не зародышь общественнаго развитія, а плодъ его“, — то читатель не знаетъ, въ какомъ смыслѣ принять эти слова, въ прямомъ или въ ироническомъ. Называть „развитіемъ“ укрѣпленіе землѣ, насильственное сосредоточеніе земледѣльцевъ въ большихъ селахъ и ежегодный передѣлъ земель, — т. е. именно три главнѣйшія препятствія къ развитію сельскаго сословія и сельской промышленности, — какъ-то походить на шараду, или, по крайней мѣрѣ, на крупный парадоксъ.

13-го марта. Видѣлъ третьяго дня ген. Сиверса. Очень измѣнился, похудѣлъ, слабъ и блѣденъ, — *mais la plus belle figure qui se puisse voir*.

14-го марта. И** говорилъ мнѣ, что черезъ поручика Ф—ва получены свѣдѣнія о какихъ-то тайныхъ связяхъ между польскою эмиграціею, здѣшними чиновниками польскаго происхожденія и многими офицерами войскъ балтійскаго корпуса, также изъ поляковъ, въ особенности въ Р—мъ полку. Кн. Суворовъ, кажется, пришлетъ сюда Шмидта, для секретнаго слѣдствія.

18-го марта. Въ „Revue des deux mondes“ (du 15 mars) двѣ весьма достопримѣчательныя статьи: „De l'esclavage en Amérique“ и „La cité de Dieu au XIX-me siècle“. Прочитавъ, въ первой, нѣсколько подробныхъ разсказовъ объ ужасахъ положенія невольниковъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, невольно самъ себя спрашиваешь, на какомъ основаніи Европа вопить противъ злоупотребленій нашего крѣпостнаго состоянія, а между тѣмъ гладитъ по головкѣ сѣверо-американцевъ? Во второй статьѣ (ея авторъ — Paul Janet), не смотря на нѣкоторую примѣсь философической болтовни, есть глубоко-здравыя мысли, между прочимъ, въ опроверженіе новѣйшей германской философіи.

24-го марта. Миръ заключенъ 18-го, въ день сраженія подъ Парижемъ и взятія этого города въ 1814 году, а объявленъ 19-го, въ день вступленія въ Парижъ. Миръ заключенъ въ Парижѣ и преимущественно благодаря Луи-Наполеону, котораго у насъ еще любятъ поругать изподтишка и кого графиня Ростопчина недавно, съ разрѣшенія цензуры, назвала „вороною“. Немного въ этомъ достоинства, вкуса и чувства приличій. Да и немного истины: овъ слишкомъ уменъ, и Провидѣніе слишкомъ, очевидно, ему благопріятствуетъ, чтобы на него поглядывать такъ свысока и такъ слегка о немъ велеглагольствовать.

О мирѣ ничего не скажу. Его русскій не забудетъ, и поэтому записывать о немъ на память не нужно. Хуже всего то, что скорбѣ

объ условіяхъ этого мира, нужно сознать его необходимость и радоваться тому, что хоть какой-нибудь да миръ состоялся.

Сегодня полученъ, частнымъ путемъ, манифестъ объ этомъ мирѣ. C'est un manifeste homélie. Много благочестивыхъ желаній, достаточно дипломатической риторики, мало энергіи. Онъ похожъ на переводъ съ французскаго, и, вѣроятно, написанъ первоначально на диалектѣ ростопчинскихъ „воронъ“, въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Напримѣръ, „невинные труды“, вѣроятно, значить „travail inoffensif“.

26-го марта. Въ своемъ отчетѣ кн. Суворовъ упоминалъ о несправедливомъ устраненіи Штевера отъ занятія должности предсѣдателя лифляндской казенной палаты. Государь пожелалъ узнать, точно-ли несправедливо Штеверъ обвинялся? По одному изъ странныхъ, но обыкновенныхъ процессовъ нашего высшаго дѣлопроизводства, представленіе нужныхъ объясненій было поручено обвинителю, т. е. министру финансовъ. Оцѣнивать объясненіе поручено коллегамъ этого же обвинителя, въ комитетѣ министровъ. Члены этого комитета, весьма естественно, не могли создать положенія, противорѣчащаго собственному интересу, ибо вопросъ, не совсѣмъ ловко возбужденный генераль-губернаторомъ, относился вообще до права избранія ихъ собственныхъ подчиненныхъ въ подвѣдомственные имъ должности. Министры признали „что Штеверъ не можетъ почитаться несправедливо обвиняемымъ“. Вслѣдствіе этого отрицательнаго осужденія Штевера и отрицательнаго оправданія статс-секретаря Брока, повелѣно внушить кн. Суворову, чтобы онъ „впредь былъ осмотрительнѣе въ своихъ выраженіяхъ“. Это повелѣніе объявлено князю, avec un tact tout particulier, черезъ кого-же? Черезъ самого г. Брока! Князь былъ взволнованъ, оскорбленъ и огорченъ en proportion. Онъ требовалъ моего совѣта, присылалъ ко мнѣ Гернгросса, и, наконецъ, остановился на слѣдующемъ: онъ пишетъ письмо государю, сочиненное Гернгроссомъ, и другое письмо, кн. Долгорукову, на трехъ листахъ, сочиненное имъ самимъ. Думаю, что на мѣстѣ князя я бы обратился къ самому г. Броку, и отдалъ бы ему на совѣсть оправдать Штевера передъ государемъ. Это необходимо и составляетъ долгъ чести со стороны князя. О себѣ же самомъ болѣе достоинства не говорить вовсе. Но каждый да будетъ вѣренъ своему характеру и самому себѣ. Оно, можетъ быть, и лучше.

29-го марта. Сегодня въ половинѣ 2-го часа утра родился у меня сынъ, Николай ¹⁾. Да благословить его Богъ на жизненный путь.

¹⁾ Графъ Николай Петровичъ Валуевъ — нынѣ гв. штабсъ-ротмистръ, состоящій при начальникѣ главнаго штаба. Ред.

13-го апрѣля. Рассказываютъ, что на парижскихъ конференціяхъ кто-то заговорилъ о возстановленіи Польши. — „Comme on commence à plaisanter, сказалъ гр. Алекс. Федор. Орловъ, je pense que la séance est finie“,—и затѣмъ всталъ и ушелъ.

24-го апрѣля. Былъ сегодня въ Ригѣ на похоронахъ Фелькерзама. Никогда не забуду лица Рен..н. Вальтеръ говорилъ надгробную рѣчь. Infinitement de talent, въ отношеніи къ нему слишкомъ мало. Онъ истинный, блистательный, опытный ораторъ. Объ его сегодняшней рѣчи будетъ много толковъ. Поняли ея внутреннюю и послѣдовательную связь—весьма немногіе. Я же не совсѣмъ понимаю направленіе Вальтера. Имѣеть-ли онъ въ виду роль духовнаго трибуна крестьянъ? Или роль духовнаго реформатора дворянъ? Или роль духовнаго сотрудника правительства и медиатора между властями и сословіями? Или, наконецъ, роль человѣка, пользующагося особымъ значеніемъ и вліаніемъ, съ тѣмъ, чтобы дѣли того и другого были впереди?

27-го апрѣля. Вечеромъ видѣлъ Рен..у, на шоссе. Она вѣхала съ Ф. въ Э. Съ 24-го прошло три дня,—и уже лицо другое.

28-го апрѣля. На-дняхъ видѣлся еще разъ съ Шеппингомъ (старшимъ). Несмотря на его умъ и общую основательность, онъ напомнилъ мнѣ о впечатлѣніи, уже столько разъ производимомъ на меня нашими дипломатами. Отчего англичане могутъ долго жить за границей, не переставая правильно смотрѣть на англійскія дѣла? Наши,—какъ поживутъ лѣтъ пять въ Европѣ,—словно надѣли безсмѣнные иностранные очки. Диву даешься, какъ начнутъ они толковать: баранъ въ Берлинѣ имъ кажется ростомъ съ быка, а быкъ въ Россіи—ростомъ съ барана. Наши внутреннія дѣла обсуживаются ими съ легкой руки или разсматриваются постоянно сквозь призму канцеляріи и салоновъ министерства иностр. дѣлъ. Притомъ какъ они важны, какъ они таинственны! какъ удлинняется или округляется лицо ихъ, когда они говорятъ о какихъ-нибудь продѣлкахъ въ высшихъ нашихъ сферахъ! Отъ нихъ пахнетъ библіотекой. Словно ожили мемуары du Duc de Saint-Simon, и каждый томъ, во фракѣ или въ пальто, съ вами заводитъ разговоръ. Только ума въ тѣхъ мемуарахъ больше, чѣмъ въ ихъ русскихъ представителяхъ.

30-го апрѣля. Видѣлъ вчера дерптскаго попечителя Брадке. Почтенный старикъ. Но, кажется, смотреть на дѣло, какъ будто-бы не было 1855 года.

1-го мая. Въ числѣ предположеній митавскаго городского управленія о мѣрахъ для приема государя, между прочимъ, было слѣдующее: Eine Ehrenwache aus Bürgern, im Frack, nebst Degen, wird

die Posten in den inneren Gemächern beziehen. Damit wird ein Vocal-Quartett verbunden, um Lieder zu singen beim Schlafengehen und beim Erwachen Seiner Majestät.

9-го мая. У меня все вверх дномъ. Долженъ очистить квартиру. Въ ней остановится государь. Кромѣ того, нужно приготовить массу другихъ квартиръ для свиты и набрать все то, что нужно для убранства этихъ квартиръ.

Гернгросъ пишетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ требуетъ объясненій по статьѣ моего отчета о раскольникахъ. Кажется, было довольно ясно высказано то, что я хотѣлъ высказать.

Дуббельнъ, 20-го іюля. Длинный пробѣлъ. Событій нѣтъ. Мыслится лѣниво. Живу здѣсь, благодаря Бога, нетревожною жизнью, въ водѣ, въ пескѣ и на солнцѣ.

Говорю, что событій нѣтъ. Однакоже свершилось одно весьма важное событіе. Снять съ русскаго народа высочайшій арестъ, наложенный на него императоромъ Николаемъ, въ отношеніи къ поѣздкамъ за границу. По моему мнѣнію, это величайшее дѣло, совершенное нынѣшнимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ со времени вступленія на престолъ.

Въ іюнь мѣсяцѣ кн. Вяземскій [П. А.] гостилъ у насъ въ Митавѣ 8 дней. Отъ него слышалъ утѣшительныя вѣсти насчетъ воспитанія нынѣшняго Цесаревича Николая Александровича. Воспитателемъ назначается (Влад. Павл.) Титовъ. Предполагается посѣщеніе университетскаго курса, затѣмъ временное занятіе административной должности, на примѣръ, генераль-губернаторской и т. п.

Митава 31-го августа. Кн. Суворовъ опять поговариваетъ объ оставленіи службы, потому что имѣлось въ виду производство кн. Барятинскаго въ полные генералы, мимо его, при случаѣ коронаціи. Приказъ вышелъ. Барятинскій дѣйствительно произведенъ, а Суворовъ нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ. Я думаю, что кромѣ (горячихъ) возгласовъ—ничего.

2-го сентября. Кн. Суворову даны алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. A quelque chose criier est bon.

5-го сентября. На-дняхъ полученъ коронаціонный манифестъ. Общее впечатлѣніе весьма благопріятное. Въ немъ дѣйствительно много добра. Жаль, что въ отношеніи къ польскимъ политическимъ преступникамъ дарованныя милости выражены весьма неопредѣлительно. Жаль также, что начало манифеста слабо писано.

Вчера полученъ изъ Москвы указъ сената объ отмѣнѣ загранично-паспортныхъ пошлинъ. Опять шагъ впередъ.

Замѣчательно, что доселѣ лучшія и важнѣйшія правительствен-

ныя мѣры государя Александра Николаевича заключаются просто въ отмѣнѣ (вышедшихъ въ предшествовавшее царствованіе) законодательныхъ распоряженій.

1. Отмѣна ограниченія въ числѣ обучающихся въ университетахъ.
2. принудительной отдачи въ военную службу дѣтей разночинцевъ и лицъ ученаго сословія.
3. ареста всей Россіи въ отношеніи къ выѣзду за границу.
4. пошлины съ заграничныхъ паспортовъ.
5. обременительныхъ законовъ о службѣ уроженцевъ западныхъ губерній.
6. обременительныхъ и жестокихъ постановленій о рекрутствѣ евреевъ.
7. части постановленій о кантонистахъ.
8. исключительнаго опредѣленія военныхъ лицъ въ воспитатели по нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ.

Сюда же можно прибавить имѣющее на дняхъ быть объявленнымъ упраздненіе V-го отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Вотъ уже нѣсколько статей моей „Думы Русскаго“¹⁾, которыя подлежали бы исключенію, если бы она писалась во второй половинѣ 1856-го, а не 1855-го года.

6-го сентября. Въ рескриптѣ новому князю Орлову наивная ошибка. Онъ извѣщается, что ему пожалованъ княжескій титулъ и что о томъ уже данъ сенату указъ, а между тѣмъ (рескриптъ начинается такимъ обращеніемъ): „Графъ Алексѣй Ѳедоровичь!“

3-го октября. Talleyrand сказалъ: *on peut s'appuyer sur les bayonettes, mais on ne peut pas s'y asseoir*. Справедливо, — потому что виѣзаконность есть первообразъ такой безпокойной точки опоры.

24-го октября. При упраздненіи Новгородскихъ военныхъ поселеній они взяты, *sans autre forme de procès*, въ составъ удѣловъ.

Одну изъ петербургскихъ улицъ, именно Грязную, наименовали Николаевскою.

Штабу предоставлено „на вѣчныя времена (?)“, по случаю коронаціи, содержаніе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы раздавать оное нижнимъ чинамъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 349—360.

25-го октября. Въ „Инвалидѣ“ отъ 20 числа, № 229, напечатана странная статья о празднованіи памяти фельдмаршала Суворова въ с. Кончанскѣ, Николаевскою военною академіею. Начальникъ академіи ген. Стефанъ „счелъ священнымъ долгомъ“ испросить на то разрѣшеніе и получилъ „благоклонное“ разрѣшеніе ген. Ростовцева. Было провозглашено нѣсколько тостовъ, въ томъ числѣ „седьмой за здоровье распорядителя праздника полковника Астафьева, на который онъ отвѣчалъ восьмымъ“. Что же былъ этотъ ораторскій отгылкъ? „.... Я былъ счастливъ прежде, что понималъ Суворова такъ, какъ умѣлъ изобразить его.... Я буду счастливъ, если съ нынѣшнимъ днемъ (sic!) начнется заря будущей его всемірной славы. Полный восторга (!) и счастья благодарю васъ за вниманіе, ура!“

Такъ упражняются милыя дѣти.

5-го ноября. Кн. Суворовъ былъ здѣсь на дняхъ три раза, по случаю прощанія съ войсками улетающаго Балтійскаго корпуса. Онъ показалъ мнѣ письмо, которое писалъ въ Москвѣ кн. Долгорукову, „для испрошенія дозволенія его величества на подачу въ отставку“. Невѣроятная путаница и всякаго рода чушь. „*Notre auguste maitre*“ и „*mon auguste maitre*“ встрѣчаются на каждой страницѣ по нѣскольку разъ. Тотъ вообще самый раболѣпный, а притязанія самыя нераболѣпныя. Наивно высказывается обиженность по случаю назначенія Кавказскимъ намѣстникомъ кн. Барятинскаго, а не кн. Суворова, напр.: „*j'ai toujours rêvé à l'Orient*“, и далѣе, послѣ перечня своихъ заслугъ: „*on récompense l'avenir dans le prince Variatinsky*“ и т. п. Однимъ словомъ, жалость, глубокая жалость, есть единственное чувство, которое возбуждаетъ чтеніе этого письма.

6-го ноября. Время проходитъ, бремя не становится легче. Третьяго дня писалъ Толстому: иду путемъ-дорогой; на головѣ форменная фуражка; подъ фуражкою свинцовая шапка.

12-го ноября. Съ введеніемъ желѣзныхъ дорогъ пора-бы приняться за серіозныя мѣры къ сбереженію строевыхъ лѣсовъ. Не запретить-ли всѣ деревянныя постройки въ городахъ и у большихъ дорогъ?

13-го ноября. Дней десять тому назадъ я отправилъ въ Петербургъ мою статью о воспитаніи ¹⁾).

Сегодня узналъ отъ Беклемишева, что прошлымъ лѣтомъ онъ

¹⁾ Напечатана въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1857 г., февраль.

нашелъ случай завязать переписку съ управляющимъ морскимъ м-вомъ, адмираломъ Врангелемъ, и черезъ него довелъ до свѣдѣнiя великаго князя генераль-адмирала записку о нѣкоторыхъ современныхъ вопросахъ, за которую его высочество велѣлъ его весьма благодарить. Въ запискѣ рѣчь о сословномъ бытѣ дворянства, о крѣпостномъ состоянiи и о преобразованiи администраціи. Беклемишевъ обѣщаль сообщить мнѣ свой трудъ. Автора характеризуетъ слѣдующее. Онъ отправилъ свою работу „не прочитавши“, потому что „не можетъ“ переработывать, и прочелъ свои черновыя только послѣ запечатанiя конверта съ бѣловою запиской. Система ненадежная.

22-го ноября. Предъ самымъ открытiемъ Лифляндскаго ландтага умеръ ландмаршалъ Штейнъ. На его похоронахъ Вальтеръ говорилъ рѣчь, у гроба, въ которой; какъ пишетъ Рудницкiй, заключалось слѣдующее ¹⁾:

Nicht das Interesse, welches ich für Stein hatte, vermochte es, dass ich gekommen bin, obgleich krank. Nein, ich that es weil die Ritterschaft verlangte dass ich kommen sollte, um dem Dahingeshiedenen das Geleit zu geben und an seinem Sarge zu sprechen. Dem Redner, der von der Kanzel gesprochen hat habe ich es zu verdanken, dass ich über den Dahingeshiedenen nichts zu zufügen habe. Er hat den Gegenstand erschöpfend besprochen, daher werde ich einen anderen Punkt berühren. Die Ritterschaft wollte dass ich reden sollte, so lass sie hören! Der Dahingeshiedene war kein Partei-Mann, daher konnte er nicht so gefeiert werden, wie die Partei-Männer es sein müssten. Er war aber auch nicht der Mann, der jetzt hätte die schwebenden Fragen zur Lösung bringen können, gerade weil er keiner Partei angehörte. Daher Ritterschaft, Du musst dir einen Landmarschall aus einer Partei wählen, —damit diese Fragen zur Lösung kommen. Es ist ein Schmach, dass das was Ihr schön und edel fandet, Ihr gleich darauf für schändlich hieltet; dass die Leute, die ihr aus den Aermern aus Eurer Mitte gewählt, um deren Geistesgaben willen, und welche Ihr zuerst gefeiert, bei euch keine Anerkennung gefunden. Es sind drei Männer gewesen, die ihr gewählt und die das Beste wollten. Diese sind im Grabe. Ein Nolcken, ein Fölkersahm und ein Stein sind es gewesen. Keiner von ihnen ist von Euch nach Verdienst gewürdigt worden. Ich ermahne Euch, beim Grabe dieses Mannes, besinnt Euch, wählt keinen Sprecher ohne Lehre, keinen der weder Kenntniss der Geschichte, noch Kraft und Muth besitzt. Vereint Euch um einen edlen Character zu wählen; vereint Euch um das Gute und Edle zu wollen! Seid einig, seid einander nicht Feinde, denn Eure Uneinigkeit ist schmachvoll: Euer Krieg ist ein Bruderkrieg, ein Brudermord!

¹⁾ Выписываю ее здѣсь, какъ характеристичный образецъ вмѣшательства протестантскаго духовенства въ область, ничего общаго съ религіознымъ назиданiемъ не имѣющую.

Прим. авт.

Ich bin krank, ich wollte und konnte nicht reden, die Kanzel habe ich einem Anderen überlassen müssen. Aber Ihr wolltet dass ich am Sarge reden sollte. Da habt Ihr meine Rede, da habt Ihr meinen Nachruf dem Verblichenen. Bauet Stein ein Denkmal einig-seiend, und das Edle und Gute welches Nolcken und Fölkersahm und andere Leute ihres Schlages gewollt, — fördernd und beherzigend!

(Переводъ). Не уваженіе къ личности Штейна заставило меня позабыть, что я боленъ, и привело меня сюда. Нѣтъ. Я пришелъ потому, что дворянство требовало моего появленія, дабы я напутствовалъ отошедшаго въ другой міръ и дабы я сказалъ надгробное слово. Благодаря оратору, говорившему съ церковной кафедры, мнѣ нѣтъ надобности распространяться о личныхъ качествахъ усопшаго. Предметъ достойнымъ образомъ исчерпанъ, и я поэтому коснусь другаго вопроса.

„Дворянство хотѣло меня слышать. Пусть же оно теперь меня слушаетъ! Покойный не принадлежалъ къ какой-либо изъ мѣстныхъ политическихъ партій, и потому его нельзя было и чествовать такъ, какъ того заслуживаютъ борцы партій. Но онъ не былъ и такимъ человѣкомъ, который бы могъ въ настоящее время привести къ разрѣшенію насущные вопросы, — именно вслѣдствіе того, что онъ не примыкалъ ни къ какой партіи. Поэтому, дворянство, ты должно теперь избрать себѣ предводителя изъ опредѣленной партіи, дабы вопросы эти могли быть разрѣшены. Стыдъ и срамъ, — что считаемое вами сегодня прекраснымъ и благороднымъ, вы завтра же находите позорнымъ. Люди, которыхъ вы избирали изъ бѣднѣйшихъ представителей вашей среды ради ихъ ума и дарованія, — тѣ, которыхъ вы сперва чествовали, — потомъ вами же не признавались достойными. Три дѣятеля трудились къ вашему благу. Ихъ болѣе нѣтъ въ живыхъ. То были Нолькенъ, Фелькерзамъ и Штейнъ. Вы не съумѣли ни одного изъ нихъ одѣнить по заслугамъ. Здѣсь, у гроба, убѣждаю я васъ опомниться. Не избирайте говоруна безъ образованія, человѣка не свѣдущаго въ исторіи, лишеннаго силы и мужества. Соедините ваши усилія, чтобы избрать мужа съ благороднымъ сердцемъ; стремитесь единодушно къ добрымъ и возвышеннымъ цѣлямъ. Будьте дружны, бросьте распри, — потому что рознь ваша позорна. Ваши несогласія — это междоусобица, — это братоубійство.

„Я боленъ. Я не хотѣлъ и не могъ говорить съ кафедры. Я долженъ былъ уступить ее другому. Но вы настояли, чтобы я высказался у гроба. Вотъ вамъ моя рѣчь, вотъ вамъ мое напутствіе усопшему. Да будетъ ему памятникомъ ваше единодушіе, настойчивое и согласное стремленіе къ достиженію тѣхъ благородныхъ

идеаловъ, о которыхъ мечтали Нолькенъ, Фелькерзамъ и другіе мужи ихъ закала!"

Послѣ этой рѣчи кн. Суворовъ говорилъ, при выходѣ изъ церкви: „это рѣчь не пастора, а пьянаго монаха“. Два дня спустя Вальтеръ говорилъ die Landtagsrede, въ другомъ, но не противоположномъ тонѣ,—и всѣ остались очень довольны.

27-го ноября. Такъ сказываемая „политическая свобода“ невозможна безъ средняго сословія.

3-го декабря. Читалъ часть Беклемишевскаго труда. Многое въ изложеніи очень удачно. Въ предположеніяхъ большая незрѣлость.

7-го декабря. У насъ одни увѣряютъ, что основанія „русской общины“ лежатъ „въ складѣ русскаго ума“ (г. Бѣляевъ, въ „Русской Бесѣдѣ“). Другіе утверждаютъ, что система маіоратовъ противна нашимъ нравамъ. Какая система? Чѣмъ доказана, что всякая? Развѣ драгоцѣннѣйшая изъ отцовскихъ иконъ не маіорать? Развѣ усадьба не маіорать? И у насъ-ли можно говорить о народныхъ учрежденіяхъ въ пространномъ смыслѣ? У насъ ничего нѣтъ народнаго кромѣ вѣры, любви къ Россіи, вѣрноподданничества и просто-народныхъ правовъ. Но это не формы гражданско-государственныхъ институтовъ.

П. А. Валуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1865 г. ¹⁾).

нварь 1. Пятница. Вотъ и 1865-ый годъ! Всѣ эти перемѣны и сентиментальныя сѣтованія на неблагопріятныя обстоятельства, на неблагосклонность къ намъ судьбы и проч. суть больше, чѣмъ малодушіе: они — глупость. Посреди неудачъ жизни одно изъ двухъ: ихъ или надо съ мужествомъ и благоразуміемъ превозмогать и искать путей къ лучшему, или, если это невозможно, сносить ихъ съ терпѣніемъ и мужествомъ, какъ подобаешь существу, не лишенному разума и воли.

Самая трудная борьба, которую я велъ въ прошедшемъ году и которую, безъ сомнѣнія, предстоитъ вести и въ этомъ—это борьба съ моимъ ничтожествомъ и при томъ съ ничтожествомъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; над. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; над. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; над. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май стр. 389—428.

всяческимъ: общественнымъ, нравственнымъ, матеріальнымъ и физическимъ.....

Но къ чему все это пишу я въ моемъ дневникѣ? А вотъ почему: меня одолѣвалъ ужасный пароксизмъ унынія, но съ той минуты, какъ я началъ набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, не смотря на то, что о веселомъ мало приходится говорить. И такъ часто со мной случается: дневникъ, играя роль моего повѣреннаго, почти всегда возстановляетъ во мнѣ нравственное равновѣсіе. Толкуйте это какъ хотите, психологи: это фактъ.

2. Суббота. Вчера вечеромъ на балѣ во дворцѣ. Приѣхалъ въ 9 часовъ. Гостей было уже довольно много. Государь вышелъ въ польскомъ лишь часъ спустя, и за нимъ потянулся рядъ паръ все почти изъ ветхихъ старушекъ и старичковъ. Красивыхъ женщинъ вообще здѣсь мало. Звѣздой первой величины сіяла наша родственница, бывшая Ш., нынѣ графиня Г., да еще госпожа Дубельтъ, дочь А. С. Пушкина ¹⁾. Государь ходилъ вездѣ и привѣтливо раскланивался. Улыбка этого человѣка полна неизмѣримой кротости и доброты. Мнѣ стало грустно отъ нея.... И этотъ человѣкъ имѣетъ враговъ, и сколько еще, и вашихъ— все почти „передовые“ люди!!!

За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть противъ красавицы Дубельтъ, за которой увивался Т**, и возлѣ генерала Монтрезора, который мнѣ рассказалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ эпохи двѣнадцатаго года. Онъ былъ адъютантомъ Кутузова.... Встрѣтилъ тутъ много знакомыхъ. Уѣхалъ послѣ часу. На этотъ разъ долго ждалъ кареты.

3. Воскресенье. Вчера празднованіе дня открытія „Общества сельскихъ хозяевъ“. Обѣдъ съ музыкою. Вечеромъ за джонкою князь Щербатовъ сказалъ спичъ, гдѣ выразилъ мысль, что общество должно вести себя умѣренно и сдержанно: подъ этимъ только условіемъ оно можетъ окрѣпнуть и приобрести вліяніе, и пр.—Меня очень занималъ Ш**. Красный, какъ піонъ, онъ пилъ и ѣлъ за столомъ отлично, а вечеромъ вливалъ въ

¹⁾ Наталья Александровна, нынѣ графиня Меренбергъ, по второму замужеству. морганатическая супруга брата бывшаго владѣтеля герцога Нассаускаго;—живетъ въ послѣдніе годы постоянно въ Висбаденѣ. См. „Альбомъ М. И. Семевакаго. Знакомые“, изд. 1888 г., стр. 302—303.

себя также отлично ужасную джонку. И ничего ему. А лѣтъ ему за семьдесятъ и кондрашка уже разъ къ нему стучался.

4. Поведѣльщикъ. „Фаустъ“ Гёте выше Байронова „Манфреда“ настолько, насколько человѣчество выше отдѣльной личности человѣка.

Законы не могутъ ни всего предвидѣть, ни всего установить. Что остается за вычетомъ этого, то устанавливается и хранится нравами.

7. Четвергъ. По утру у Тройницкаго и у Авр. Серг. Норова. Норовъ просилъ меня сдѣлать замѣчаніе на проектъ о печати, внесенный въ Государственный Совѣтъ. Онъ далъ мнѣ всѣ матерьялы для этого. М. А. Корфъ, видимо, склоняется въ пользу бѣдшей свободы печати, хотя и признаетъ необходимыми нѣкоторыя ограниченія, какъ-то: въ видѣ предохранительной мѣры—предварительную цензуру, но съ выборомъ редакторовъ журналовъ. Залоги онъ совершенно отвергаетъ. Онъ въ пользу карательныхъ законовъ. Требуетъ ограниченія власти министра и предоставленія большей самостоятельности совѣту. Онъ мыслить и пишетъ какъ государственный человѣкъ. (Гр. Вик. Ник.) Панинъ также соглашается съ мнѣніемъ объ ограниченіи власти министра. Самое слабое мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валова). Онъ возражаетъ противъ всѣхъ, но возраженія его такъ плохи и такъ смутно и тяжело изложены, что никого не могутъ убѣдить. Только и читаешь безпрестанно: „остаюсь при моемъ мнѣніи“. Онъ не выходитъ изъ тѣсной рамки бюрократизма.

Среди всѣхъ этихъ толковъ не доберешься до смысла и правды. Каткова призывали сюда; ему было объявлено, что если онъ не укротится, то газета будетъ отъ него взята и передана въ другія руки. Московскій университетъ объявилъ, что онъ не желаетъ перемѣнить редакторовъ (газета—его) и принимаетъ самъ на себя цензуру ея. Это совершенно неожиданная новость. Москва вообще сильно волнуется по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“.

8. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, былъ у меня (Мих. Александр.) Марковъ ¹⁾, бывший нѣкогда очень близкимъ

¹⁾ Скончался въ 1875 г. въ Вильнѣ.

лицомъ къ Я. И. Ростовцеву и съ которымъ я у него познакомился чуть-ли еще не въ 1828 году. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ своей комедіи: „Прогрессистъ самозванецъ“, которую театральная цензура не дозволила играть на театрѣ.

11. Понедѣльникъ. Онъ (?) думалъ упредить ими не какъ разумными существами, а какъ стадомъ барановъ—и въ этомъ состояла его главная ошибка, потому что хотя въ чело-вѣкѣ и есть много скотскаго, но это скотство всетаки особеннаго свойства, и какъ нельзя рыбу заставить пѣть, а птицу вѣчно молчать, такъ чело-вѣка нельзя заставить, напримѣръ, не мыслить.

14. Четвергъ. Московское дворянство составило адресъ, которымъ (просить) созванія земской думы. Маркъ (Ник. Любошинскій) читалъ копію съ него, которая ходитъ здѣсь по рукамъ. Адресъ еще однако не подписанъ и не поданъ, но рѣшеніе о немъ въ Москвѣ состоялось: триста два члена согласились на него, тридцать съ чѣмъ-то отвергли.

Графъ Евдокимовъ—весьма замѣчательная личность между нашими современными знаменитостями. Изъ писарей онъ дослужился до полнаго генеральства и графства, приобрѣтя на то и другое неотъемлемое право окончательнымъ довершеніемъ покоренія Кавказа. На дняхъ онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ князю Суворову, который, нося громкое имя, присоединяетъ къ нему имя добраго, но ограниченнаго чело-вѣка и неспособнаго генераль-губернатора. Онъ очень помнитъ, чей онъ потомокъ и считаетъ себя чистокровнымъ аристократомъ. Ему захотѣлось порисоваться передъ Евдокимовымъ. Говоря съ нимъ съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ, онъ давалъ ему разными намеками чувствовать свою свѣтлость и темноту его происхожденія. Но какъ то были намеки хотя и чувствительные, но не очень ясные, то Евдокимовъ сказалъ ему:

— „Ваша свѣтлость, кажется, затрудняетесь въ точныхъ свѣдѣніяхъ о моей родословной: я помогу вамъ. Отецъ мой былъ крѣпостной крестьянинъ, мать—крѣпостная крестьянка, а я началъ службу мою простымъ солдатомъ и писаремъ. Теперь я имѣю честь носить такіеже аксельбанты (генераль-адъютантскіе), какіе вижу на вашей груди. Само собою разумѣется, что мнѣ не могли доставить ихъ ни мой отецъ, ни моя мать“.

Московскій университетъ просилъ, чтобы ему, по примѣру прошлаго времени, предоставлена была цензура „Московскихъ Вѣдомостей“. Просьба эта разсматривалась въ комитетѣ министровъ, который положилъ по ней слѣдующую резолюцію: что прежнія „Вѣдомости“ не заключали въ себѣ политики и что онъ, комитетъ, вообще не считаетъ возможнымъ дѣлать изъятія изъ законовъ для одного изданія.

Вотъ, наконецъ, сегодня въ Совѣтѣ по дѣламъ печати рѣшился вопросъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу записки (Осипа Антоновича) Пржецлавскаго..... Суцность рѣшенія состояла въ томъ, что если „Московскія Вѣдомости“ и погрѣшали, то это было слѣдствіемъ ихъ увлеченія, „моральнаго настроенія“, а вовсе не политическихъ, преступныхъ намѣреній; что впрочемъ онѣ уже и подверглись взысканію и что вообще какъ заслуги ихъ превосходятъ проступки, то Совѣтъ не считаетъ справедливымъ подвергнуть ихъ еще болѣе строгому взысканію, какъ того требуетъ записка г-на Пржецлавскаго.

15. Пятница. Прискорбныя вѣсти о наслѣдникѣ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ: говорятъ, онъ боленъ и такую болѣзнью, которая заставляетъ опасаться за его жизнь.

Мысль о созваніи земской думы недурна. Жаль только, что это инициатива не отъ правительства, а только отъ мѣстнаго дворянства. Я остаюсь твердо убѣжденнымъ, что долженъ сохраняться неприкосновеннымъ принципъ правительства, дабы не впасть въ хаосъ, горшій настоящаго (1865 г.), когда оно будетъ въ конецъ ослаблено. Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ правительству всего разумнѣе было-бы объявить московскому дворянству, что сужденіе объ общихъ государственныхъ нуждахъ принадлежитъ ему, правительству, какъ представителю цѣлой страны, а не одному какому-нибудь мѣстному дворянству; что оно, правительство, вовсе не намѣрено въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство, отвергать пользы и надобности земской думы, такъ какъ та и въ прежнія времена не отвергалась самодержавною властью въ Россіи; но что оно предоставляетъ себѣ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшить время и способъ своихъ совѣщаній съ выборными, нравственное содѣйствіе которыхъ, въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, оно не считаетъ лишнимъ.

16. Суббота. Засѣданіе комиссія, которую академія назначила для выработки проекта празднованія столѣтняго юбилея Ломоносова со дня его смерти. Комиссія на этотъ разъ дѣйствовала вяло. Тутъ были члены все русскіе, кромѣ (Ариста Аристовича) Куника. Я предложилъ начать празднествъ обѣдней, такъ какъ это будетъ на Святой недѣлѣ — потомъ церковнымъ поминовеніемъ и закончить актомъ въ академіи. Всѣ приняли это очень холодно. Особенно противъ былъ В**. Я сказалъ:

— „Если я предлагаю присоединить къ нашему ученому торжеству религиозный элементъ, то, мнѣ кажется, я имѣю на это основательную причину. Мы празднуемъ память Ломоносова не просто какъ члена академіи, но какъ знаменитаго дѣятеля, которому обязана вся Россія и имя котораго повторяется изъ конца въ конецъ ея. Это настоящее національное, а не только академическое торжество. Поэтому, я полагаю, было-бы не лишнимъ сообщить ему печать народности, что и было-бы достигнуто тѣмъ, что я предложилъ. Или мы боимся, чтобы насъ не упрекнули въ клерикальномъ направленіи? Кажется, этого нечего опасаться. Ломоносовъ былъ настоящимъ русскимъ, и по русски слѣдовало бы и почитать его память“.

Срезневскій, который въ отдѣленія сильно поддерживалъ эту мысль, теперь молчалъ, какъ рыба. Потомъ перешли къ вопросу, какія рѣчи должны быть произнесены. На мою долю пришлось приготовить рѣчь о Ломоносовѣ, какъ о дѣятелѣ въ изящной словесности.

19. Вторникъ. Въ № 4 газеты „Вѣсти“, издаваемой Скарятинымъ, напечатанъ адресъ московскаго дворянства съ высокопарными примѣчаніями редактора, съ описаніемъ засѣданія 9-го января и съ рѣчью графа Орлова-Давыдова.

И адресъ, и рѣчь какъ бы обнаруживаютъ желаніе московскаго дворянства создать въ Россіи олигархію. Замѣчанія Скарятинна даже дерзки. Я сегодня встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ и, между прочимъ, замѣтилъ ему: „зачѣмъ вы это напечатали? Это большая ошибка“. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что послѣдствія всего были предвидѣны, что это дѣлалось обдуманно. Я поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ на свободѣ: слухи носились, что онъ арестованъ. — „Я лучшаго мнѣнія о правительствѣ“, отвѣчалъ онъ съ ироніей: „оно поступило со мною легально. Теперь производится только слѣдствіе“.

Между тѣмъ, говорятъ, что № 4 газеты „Вѣсть“ отпечатанъ въ пяти тысячахъ экземпляровъ и хотя они отбираются, однако говорятъ, что извѣстной партией приняты мѣры для распространенія ея въ Россіи и за границей.

По всему видно, что адресъ московскаго дворянства не простая демонстрація, а обдуманнй шагъ. Скарятинъ же, вѣроятно, купленъ. Дѣла его газеты шли очень дурно. Ему обѣщаны и даны деньги: ему было все равно — пасть-ли отъ нищеты или отъ запрещенія газеты. Въ послѣднемъ случаѣ онъ еще будетъ въ выигрышѣ: пріобрѣтетъ извѣстную популярность.

Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ московскаго дворянства встрѣтитъ сочувствіе дворянъ (?) и въ другихъ губерніяхъ. Извѣстная часть дворянъ восчувствовала (нерасположеніе) къ правительству послѣ отміны крѣпостнаго права.

„Вѣсть“ прекращена на восемь мѣсяцевъ.

Нѣкоторые открыто говорятъ, что ничего этого не случилось-бы, если бы Н. Н. не былъ назначенъ. Но я думаю, что дворянство и безъ того, такъ или иначе, выразило бы свое неудовольствіе, особенно послѣ земскихъ учрежденій, въ которыхъ народу даны права, равныя съ дворянствомъ.

Обѣдалъ въ клубѣ. Тамъ разсуждали очень тихо о дѣлахъ.

21. Четвергъ. У (Авр. Серг.) Норова по поводу проекта законовъ о печати. Онъ собирается отстаивать двѣ вещи: исключительно карательную систему и коллегіальность управленія. Валугеву очень хочется достигнуть полной власти. Норовъ всячески старается стать со мною въ прежнія дружескія отношенія. Пусть себѣ! Я не противлюсь. Онъ далъ мнѣ свою записку для исправленія и дополненія.

23. Суббота. Отнесъ записку Норову. Большія благодарности.

Когда я похвалилъ (М. Анд.) Корфа Марку (Николаевичу Любецинскому) за его записку по дѣламъ печати, Маркъ (Николаевичъ) мнѣ сказалъ:—„Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать въ совѣтѣ свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить“. Такъ и случилось. Когда Норовъ, человекъ по крайней мѣрѣ

безспорно честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отступается отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ: „Да изъ-за чего вы, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Въдъ все это пустяки“. Однако, есть признаки, что баронъ Корфъ не считаетъ этого такими пустяками, потому что добивается совершенной отдѣльности по дѣламъ печати и себя прочитъ въ начальники этого управленія. Все беззаконія мерзости человѣческія.

26. Вторникъ. Вечеромъ у Норова. Читалъ съ нимъ корректуру его мнѣнія для Государственнаго Совѣта о проектѣ по дѣламъ печати. Туда вошли и мои прибавки и измѣненія.

27. Среда. Теперь, когда я пишу о Ломоносовѣ—о художественномъ характерѣ его твореній, у меня вдругъ ожило воспоминаніе о томъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ во времена моего дѣтства даже среди массы простаго народа. Имя Ломоносова, какъ поэта, было извѣстно, по крайней мѣрѣ между малороссіянами, всѣмъ сколько-нибудь грамотнымъ людямъ. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать, когда однажды зашли къ намъ въ хату два бродячіе слѣпые пѣвца и просили у моего отца позволенія пропѣть гимнъ. Отецъ, конечно, согласился. Какъ теперь вижу ихъ: одинъ—высокій, плотный мужчина въ синей свиткѣ съ мужественнымъ и отчасти суровымъ выраженіемъ лица; другой—попуже ростомъ, рябоватый, съ очень подвижною фізіономіею. Оба держали въ рукахъ по длинному посоху, за который ихъ и велъ небольшой мальчикъ. Я сидѣлъ въ углу комнаты, и меня очень занимала игра ихъ лицъ, особенно высокаго слѣпца, когда онъ сильнымъ, густымъ басомъ выводилъ ноты, стараясь придать своему пѣнію выраженіе, которое, очевидно, выходило у него прямо изъ сердца. Съ того времени и до сихъ поръ затвердились у меня въ памяти слѣдующіе стихи Ломоносова, которые слѣпые бродяги пѣли къ великому удовольствію моего отца и всѣхъ домашнихъ:

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать;
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.

* * *

Никто не уной во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки
И вѣтъ спасенія отъ нихъ!

Сначала, какъ я сказалъ, меня занимала только игра ихъ лицъ, но потомъ не знаю какое-то особенное, невыразимое чувство овладѣло моимъ маленькимъ сердцемъ, и вотъ теперь я съ умилениемъ вспоминаю о томъ. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что это стихи Ломоносова, и съ тѣхъ поръ имя его мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ.

28. Четвергъ. Совѣтъ по дѣламъ печати. Проектъ законовъ о печати, наконецъ, рассмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ департаментѣ законовъ. Совѣтъ началъ и продолжалъ стремленіемъ ограничить неограниченную власть министра (внутреннихъ дѣлъ) и исправить многіе недостатки его проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый (М. А.) Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ своихъ мнѣній, изложенныхъ въ запискѣ, которая написана такъ умно и искусно—но написана, говорятъ, не имъ, а С**, состоявшимъ при немъ чиновникомъ, когда онъ управлялъ П-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріей. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ Корфа, однако это, какъ и слѣдовало ожидать, было гласомъ вопіющаго въ пустынь.—„Неужели“, спросилъ я у статсъ-секретаря (Сергѣя Ив.) Заруднаго: „у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются?“ (1865).—„А то какъ-же иначе: разумѣется, такъ“, отвѣчалъ онъ... Но выходитъ, что я преувеличивалъ мое недоумѣніе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ.

30. Суббота. Великолѣпнѣйшій рескриптъ государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ, подписанный 29-го января и напечатанный въ № 24 „Сѣверной Почты“ по поводу адреса московскаго дворянства. Весьма замѣчательна слѣдующая фраза: „прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго“.

31. Воскресенье. Вотъ чтó, между прочимъ, сказалъ остзейскій губернаторъ графъ (Петръ Андр.) Шуваловъ въ рѣчи своей въ Дерптѣ, обращенной къ представителямъ тамошняго университета, дворянства и прочее: „хотя я не уроженецъ этихъ провинцій, но знаю по опыту, что по многимъ отраслямъ дѣятельности на всемъ пространствѣ нашего обширнаго государства нѣтъ лучшей рекомендаціи, какъ образованіе, полученное въ Дерптѣ“.

Нечего сказать, очень лестно для Россіи и для русскихъ университетовъ. Неужели графъ, дѣйствительно, хотѣлъ сказать то, что сказалъ? Я думаю, онъ имѣлъ въ виду простой комплиментъ, но который неожиданно для него самого превратился въ эпиграмму на Россію. Выходитъ такъ, что за все лучшее, что мы имѣемъ въ нашей интеллигенціи, за все это мы обязаны однимъ нашимъ нѣмцамъ. Теперь при сепаратистскихъ стремленіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ это особенно встаетъ. (Рѣчь напечатана въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“, см. № 26).

Былъ у А. А. Кунява, просилъ у него нѣкоторыхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ. Онъ очень обязательно далъ мнѣ все, что имѣлъ.

Февраль 2. Вторникъ. Обѣдалъ у Владимірскаго. Къ чему такая роскошь обѣда? А всѣ жалуются на безденежье. Тутъ были (Никол. Мих.) Благовѣщенскій, (Н. Θ.) Щербина, (А. В.) Лохвицкій. Что за несимпатичная личность послѣдній! Щербина вмѣстѣ со мною возвращался домой и дорогою прочиталъ мнѣ нѣсколько своихъ эпиграммъ на А. В. Головнина и П. Л. Лаврова. Нѣкоторые изъ нихъ остроумны.

Сегодня происходило также годичное собраніе „Литературнаго фонда“. Какое-же маленькое собраніе! Всего было человѣкъ тридцать. Вообще въ настоящую минуту этотъ фондъ въ упадкѣ. Жертвовать никто вновь не хочетъ, а прежнихъ пожертвованій не много. Предсѣдателемъ избранъ опять (Егоръ Петр.) Ковалевскій. Мнѣ вмѣстѣ съ (А. Д.) Галаховымъ пришлось считать голоса.

4. Четвергъ. Страданія необходимы, чтобы осмыслить жизнь. Только они даютъ ей серьезный характеръ. Былъ-ли бы я или не былъ или вмѣсто меня родилась-бы какая-нибудь малороссійская скотина—не совершенно-ли это равно? Жизнь гадка не по страданіямъ, на которыя обречено всякое живое существо—напротивъ, это только одно придаетъ ей значеніе,—но жизнь гадка по ничтожеству всего, что ее составляетъ, что ее движетъ и къ чему она движется. Она есть глубочайшее ничтожество, ничтожиѣе самого ничтожества. И всего страшнѣе, всего страннѣе, что такъ необходимо и должно быть. Все живущее увлечено рокомъ—и единственное правосудіе рока въ томъ, что всѣ равно погибаютъ. Слишкомъ большая воспримчивость и

впечатлительность—два злѣйшіе мои врага. Воображеніе мое всегда слишкомъ забѣгаетъ у меня впередъ. Съ этимъ я постоянно борюсь и, разумѣется, какъ во всякой продолжительной борьбѣ бываю то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ. Хорошо уже и то, впрочемъ, что я знаю моихъ враговъ и могу не принимать ихъ за друзей.

5. Пятница. Вотъ уже съ недѣлю какъ двадцати-градусные морозы смѣнились самою мягкою погодою. Въ Петербургѣ сильно свирѣпствуетъ тифозная горячка, особенно въ бѣдномъ классѣ. Всѣ больницы переполнены. Подъ больныхъ отведены измайловскія казармы. Это родъ эпидеміи.

Литке начинаетъ обнаруживать свой „нѣмцизмъ“. Онъ рѣшительно отворачивается отъ русскихъ и, при своей сухости и холодности, дѣлаетъ это даже не совсѣмъ прилично. Такъ, напримѣръ, у него бывають собранія по понедѣльникамъ. Нѣмецкіе академики имѣють право на нихъ являться каждую недѣлю; нѣкоторымъ изъ русскихъ, еще не совсѣмъ ненавистнымъ или еще не успѣвшимъ опротивѣть, предоставлено посѣщать салонъ президента разъ въ двѣ недѣли; остальные вовсе не приглашены. Къ послѣднимъ принадлежу и я. Онъ, говорятъ, не можетъ мнѣ простить моей рѣчи, моей защиты русской національности и мнѣнія о томъ, что пора перестать выбирать членовъ изъ иностранцевъ.

8. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати на этой недѣлѣ съ четверга перенесено на понедѣльникъ. Я докладывалъ о статьѣ, которую московскій комитетъ не пропускаетъ для газеты „День“. Статья говоритъ о томъ, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе помѣщики терпятъ всевозможныя притѣсненія, наравнѣ съ поляками-повстанцами, особенно въ сношеніяхъ съ крестьянами, на которыхъ ни суда, ни управы нѣтъ. Я стоялъ за то, чтобы пропустить эту статью. Совѣтъ на это согласился, за исключеніемъ, однако, значительнаго мѣста.

9. Вторникъ. Въ театрѣ, въ русской оперѣ, вмѣстѣ съ Г. Давали „Марту“. Я до сихъ поръ ни разу не былъ въ русской оперѣ и прошу у ней прощенія за это невниманіе. Она очень недурна. У Платоновой пріятный голосъ и играетъ она хорошо. Шредеръ пѣла тоже очень недурно. У Комисаржевскаго голосъ слабый, но тоже очень пріятный. Наконецъ,

старикъ ветеранъ (Осипъ Аванасьев.) Петровъ и пѣлъ, и игралъ превосходно.

10. Среда. Разумъ человѣческій такъ много надумалъ всякихъ нелѣпостей, что потерялъ вѣру въ себя и сталъ вѣрить однимъ фактамъ. Но это лишь новая крайность, а слѣдовательно, и новая несообразность.

14. Воскресенье. Новыя идеи, потребности, реформы нахлынули такъ быстро и внезапно, что самому дѣятельному и даровитому уму трудно услѣдить за ними и поставить себя на такую точку зрѣнія, съ которой-бы онъ могъ правильно судить о нихъ. Тутъ мало одного желанія быть безпристрастнымъ; тутъ нужно еще знаніе, для того, чтобы одно принять съ убѣжденіемъ, другое отвергнуть по основательнымъ причинамъ. Не должно раздражаться шумомъ и дерзостью, съ какими новое хочетъ опрокинуть и вытѣснить старое. Надо смотрѣть не на то, какъ новое идетъ, а на то, что новое въ себѣ несетъ. Идетъ оно, большею частью, нелѣпо — да оно и не идетъ, а бѣжить или мчится сломя и очертя голову, какъ-бы опасаясь, что не успѣетъ занять себѣ мѣста. Но въ томъ, что оно несетъ съ собою, есть много необходимаго, вѣрнаго и справедливаго. Сопротивляться новому въ извѣстной мѣрѣ должно; иначе, распространяясь по безпредѣльному полю, оно само бесплодно разсѣется. Нужна сила противодѣйствующая, чтобы заставить его сосредоточиваться въ вѣрной идеѣ и дать ему возможность группировать около себя лучшія силы. Но только съ такими цѣлями и должно противодѣйствовать новому, а не съ озлобленіемъ и яростью потому только, что оно новое. Заблужденія новаго не хуже заблужденій стараго, и закоснѣлость, неподвижность грубаго и односторонняго консерватизма стоитъ бѣшенныхъ и безтолковыхъ скачковъ такъ называемаго прогресса.

19. Пятница. Люди простые, занимающіеся производительнымъ и механическимъ трудомъ, можетъ быть, и будутъ когда-нибудь въ состояніи составить изъ себя такую безмятежную, самое себя поддерживающую и благоустроенную общину, о какой мечтаютъ утописты и социалисты. Но что вы будете дѣлать со всѣми этими прогрессистами, людьми такъ называемыми развитыми—мудрецами всякаго рода, литераторами, учеными, разными талантами, мыслителями, и пр.,

и пр.? Вѣдь въ этихъ-то и сидитъ и вѣчно работаетъ бѣсъ всяческихъ страстей, честолюбія, зависти, властолюбія — словомъ, всего, что разъединяетъ людей, поселяетъ между ними раздоръ, устремляетъ ихъ другъ на друга. Или вы думаете, что ничего этого впередъ не будетъ, что они сдѣлаются такими разумными эгоистами, такими безстрастными существами, что въ состояніи будутъ, любя только самихъ себя, одновременно уважать и самолюбіе другихъ, обуздывать себя настолько, чтобы, желая расширения своей дѣятельности, въ то же время оставаться каждому на своемъ мѣстѣ, домогаться увеличенія своихъ благъ и не трогать ничего чужаго, когда оно имъ нравится? Вотъ это ужъ чистая утопія!

Всѣ эти дни я одержимъ былъ тѣмъ внутреннимъ безпокойствомъ, которое такъ часто меня посѣщаетъ и которое представляетъ мнѣ въ такомъ мрачномъ видѣ міръ, людей, самого себя.

20. Суббота. Прочь малодушничанье! Уваженіе къ самому себѣ—все прочее не стоитъ тѣни дыма, если тебѣ удалось избѣгнуть болѣзни и нищеты. А чтобы избѣгнуть ихъ, нужны трудъ и забота.

22. Понедѣльникъ. Проектъ законовъ о печати прогуливается въ Государственномъ Совѣтѣ. Изъ департаментовъ законовъ и экономіи онъ поступилъ сегодня въ общее собраніе, но отсюда его опять обратили въ департаментъ законовъ.

Вечеромъ заходилъ къ Норову еще поговорить о проектѣ. Но туда нашло такъ много какихъ-то господъ и госпожъ, что я поспѣшилъ обратиться въ бѣгство.

27. Суббота. Главы краснокожихъ либераловъ: Лавровъ, А**, Елисеевъ для торжества своихъ идей опять хотѣли было прибѣгнуть къ недостойной уловкѣ. Они уже давно собирались составить общество подъ какимъ-нибудь дозволеннымъ благовиднымъ предлогомъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сѣять свои сѣмена. Была подана мысль объ учрежденіи „Общества женскаго труда“. Этимъ господамъ, конечно, не позволили-бы составить никакого общества. Но за дѣло взялись люди солидные, дѣйствительно имѣвшіе ту цѣль, которая была объявлена, и правительство утвердило представленный ему проектъ общества женскаго труда. Однако, не успѣло оно еще организоваться, какъ по городу начали ходить билеты отъ имени временно-

составленной комиссiи общества, съ приглашенiемъ разнымъ лицамъ,—разумѣется, преимущественно извѣстнаго закала—явиться для выбора членовъ правленiя и проч. Комиссiю эту, безъ всякаго участiя учредителей, составили сами собою оныя Лавровъ, А**, Елисеевъ. Наглость эта, однако, была слишкомъ крупнаго и грубаго сорта. Никто не поддался на нее и настоящiе учредители напечатали въ газетахъ, что они пригласятъ въ собранiе лицъ только имъ извѣстныхъ и сами откроютъ общество.

Мартъ 1. Понедѣльникъ. Сказать, что нынѣшнее поколѣнiе ничтожно, что оно не въ состоянiи сдѣлать ничего важнаго, значитъ сказать истину. Весь смыслъ его въ томъ, что оно есть, оно фактъ; а какъ всякiй фактъ имѣетъ свою причину и причину внѣ себя, то и оно имѣетъ такую причину: оно не само себя создало. Оно есть логическiй продуктъ предъидущаго состоянiя вещей—и въ этомъ его историческое значенiе, а вовсе не въ томъ, чтобы оно полагало прочныя и незыблемыя основы будущаго.

5. Пятница. Засѣданiе въ академiи наукъ. Пренiе. II-е отдѣленiе, поддерживаемое нѣкоторыми академиками, сдѣлало представленiе о выбитii медали въ честь Ломоносова, по случаю празднованiя столѣтiя со дня его кончины. Воспротивился этому (Ф. П.) Литке. Очевидно, ему этого крѣпко не хотѣлось и онъ поспѣшилъ представить, по возможности, благовидныя причины своего нехотѣнiя. Главная состояла въ томъ, что академiи неприлично приглашать къ складчинѣ стороннихъ лицъ, а она должна выбить медаль сама отъ себя, но для этого у ней нѣтъ денегъ, а государственное казначейство не дастъ. И денегъ-то потребуется бездѣлица, всего рублей шестьсотъ. Возражали Литке—Гротъ, Срезневскiй и я. Кончили все-таки тѣмъ, что положено ходатайствовать о медали отъ имени академiи. Странно, право, что академiи такъ мало дѣла до Ломоносова. Положимъ, онъ не великiй человекъ наука въ общемъ смыслѣ, но для насъ онъ очень важенъ, какъ первый проложившiй у насъ путь наукъ и образователь нашего ученаго и литературнаго языка.

6. Суббота. Философъ Лавровъ предлагалъ литературному фонду просить правительство о помилованii Чернышевскаго или о смягченii его участи. Фондъ отказался ходатайствовать.

7. Воскресенье. Мнѣ уже попадались отрывки изъ сочиненія Наполеона III о Цезарѣ, и когда я ихъ читалъ, у меня мелькала мысль: не повредилъ-бы онъ себѣ этимъ сочиненіемъ. И вотъ теперъ мое опасеніе подтверждается, какъ я читаю въ корреспонденціи графини Салиасъ (Евгенія Туръ) изъ Парижа, напечатанной въ „Голосѣ“. Во Франціи книга принята дурно (т. е. I-я часть), особенно предисловіе. Друзья Наполеона считаютъ эту книгу или, лучше сказать, обнародованіе ея большою ошибкою.

Главный тезисъ книги, что великіе люди все на свѣтѣ и что они безупречны въ своихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ, конечно, невѣренъ. Но, судя по отрывкамъ, книга эта все-таки замѣчательное литературное произведеніе, что-бы ни говорили противъ нея враги Наполеона.

Въ газетахъ пишутъ, что и въ другихъ мѣстахъ Россіи появляется такъ называемая возвратная горячка, которая въ Петербургѣ уже больше мѣсяца жестоко свирѣпствуетъ. Всѣ больницы переполнены. Открываются повъя, но и въ тѣхъ не хватаетъ мѣста. Болѣзнь, притомъ, часто переходитъ въ тифъ и заразительна.

Для чего изслѣдуются, изучаются, объясняются факты? Конечно, не для того, чтобы поиграть въ нихъ, а для того, чтобы посредствомъ всего этого достигнуть правильнаго о нихъ понятія и приобрести опытъ. Итакъ выводъ составляетъ здѣсь цѣль. Опредѣлить смыслъ факта — вотъ задача его изученія. Иначе само изученіе не имѣло-бы смысла.

11. Четвергъ. Общество женскаго труда не устроилось, то есть учрежденіе его отложено на неопредѣленное время и внесшіе деньги приглашаются взять ихъ обратно. Учредители не хотѣли допустить въ него такихъ господъ, какъ Лавровъ, А** и пр. У нихъ были жаркія пренія, вслѣдствіе которыхъ учредители и положили приостановить открытіе, и сдѣлали хорошо.

13. Суббота. Вотъ и Амплій Очкинъ умеръ. Былъ честный человѣкъ, хорошо зналъ французскій языкъ, съ котораго перевелъ много книжекъ и статей, женился на женщинѣ, которая дала ему протекцію и кучу дѣтей, былъ однимъ изъ директоровъ Царскосельской желѣзной дороги—вотъ и все. Но, право, это

лучше многого, изъ чего иногда составляютъ цѣлыя страницы біографій и бездну полныхъ сожалѣвій, то есть фальшивыхъ фразъ.

Большая суматоха по случаю приготовленія къ празднованію столѣтія послѣ смерти Ломоносова. Въ академіи сегодня опять собиралась коммиссія и разсуждала о выбитіи въ честь его медали. Академія, хотя неохотно, но рѣшилась выбить ее отъ себя. Въ городѣ приготовляются тоже оваціи, въ чемъ дѣятельно участвуетъ Л. Ему, главное, хочется этимъ насолить нѣмцамъ, которыхъ онъ смертельно ненавидитъ, и я начинаю бояться, что изъ оваціи Ломоносову выйдетъ демонстрація противъ нѣмцевъ. Надняхъ былъ у меня Л. и много толковалъ о Ломоносовѣ, о славянахъ и нѣмцахъ. Изъ различныхъ городовъ, говорятъ, поступило уже болѣе двадцати просьбъ о дозволеніи и у нихъ празднествъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ тоже хотятъ выбить медаль. Что касается до меня, то я радуюсь этому проявленію національнаго чувства, которое всетаки доказываетъ, что мы—народъ. Рѣчь моя подвигается къ концу.

14. Воскресенье. Поутру у В. М. Княжевича. Тамъ познакомился съ А. М. Раевскою, состоящею въ родствѣ съ Ломоносовымъ. Она просила моего совѣта—какъ ей поступить, чтобы ознаменовать пожертвованіемъ день 4-го апрѣля. Она опредѣляетъ для этого 2,000 рублей, чтобы изъ нихъ были учреждены стипендіи для образованія въ университетѣ четырехъ молодыхъ людей изъ крестьянъ Архангельской губерніи, преимущественно Куроостровской волости. Мы съ Княжевичемъ присовѣтовали ей обратиться съ своимъ проектомъ къ президенту Академіи Наукъ. Я взялся написать ей объ этомъ бумагу.

Былъ у меня Апполонъ Ник. Майковъ и читалъ мнѣ свои стихи, написанные для прочтенія на обѣдѣ въ честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены противъ нѣмцевъ. Тутъ видно вліяніе Л. Я замѣтилъ Майкову: „Вы бросаете перчатку нѣмцамъ“. Безъ демонстрацій противъ нѣмцевъ Ломоносовскій праздникъ, кажется, не обойдется.

15. Понедѣльникъ. Глубокое презрѣніе къ людямъ и къ ихъ судьбѣ—вотъ, наконецъ, все, что выносишь изъ долговременнаго опыта жизни. Стоило-ли для этого жить!

Ужасно трудно вырабатывать себѣ характеръ: приходится отбрасывать много негоднаго матеріала, а хорошаго недостаетъ.

Бываютъ природныя расположенія и нерасположенія, изъ которыхъ одни такъ и тянутъ чортъ знаетъ къ чему, а другія оттягиваютъ отъ того, чему-бы слѣдовало быть—и это не смотря на глубокое убѣжденіе въ негодности одного и въ превосходствѣ другаго. А всетаки надо работать. Что-нибудь да сдѣлаешь и отъ чего-нибудь да отстанешь съ помощью безпрестанно повторяемыхъ усилій. Лучше всетаки хоть что-нибудь, чѣмъ ничего.

Быль у Раевской, читаль ей проектъ письма къ (Фед. Петр.) Литке о стипендіи въ память Ломоносова. Проектъ письма она одобрила.

16. Вторникъ. Умеръ Штаккельбергъ, мой товарищъ по университету, годомъ, впрочемъ, моложе меня. Это былъ истинно честный и умный, особенно честный человѣкъ. Самъ нѣмецъ, онъ питаль непримиримую вражду къ нѣмцамъ, то есть не ко всѣмъ нѣмцамъ, а къ нѣмцамъ остзейскимъ, которыхъ очень хорошо изучилъ во время своей продолжительной службы, при бывшемъ тамошнемъ генераль-губернаторѣ Суворовѣ.

17. Среда. Не тотъ властвуетъ надъ людьми, кто лучшаго о нихъ мнѣнія, а тотъ, кто худшаго.

Наука, говорятъ, должна освободить человѣчество отъ иллюзій: хороша услуга! Я не знаю въ состояннѣ-ли чистая, голая истина довести человѣчество до чего-нибудь другаго, кромѣ отчаянія? Къ счастью, она невозможна.

18. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ. Сегодня сильно поссорились Билярскій и С—ій. Послѣдній, впрочемъ, вель себя сдержаннѣе и умѣреннѣе, но Билярскій вышелъ изъ себя, какъ это очень часто съ нимъ случается. Причина ссоры самая пустая. Билярскій, по порученію академіи, составилъ сборникъ бумагъ, относящихся до Ломоносова и хранящихся въ академическомъ архивѣ. Этотъ сборникъ напечатанъ, но еще не пущенъ въ продажу, хотя по экземпляру и роздано уже нѣкоторымъ изъ членовъ. С. свой экземпляръ далъ кому-то на прочтеніе, кажется Л—му. Вотъ и все. Билярскій сталъ доказывать, что С. не имѣлъ права этого сдѣлать, тотъ возражалъ, что имѣлъ,—ну и пошло.

Засѣданіе въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ничего особенно важнаго. Я читаль мое мнѣніе о возможности пропустить статью „Самозарожденіе“, которую Спб. Цензурный комитетъ запретилъ. Совѣтъ согласился со мной.

19. Пятница. Хорошо—не кричать противу иноземцевъ, нѣмцевъ и пр., а противопоставлять ихъ труду свой трудъ, ихъ честности—свою честность, ихъ знанію—свое знаніе.

20. Суббота. По приглашенію Литке вмѣстѣ съ нимъ и съ прочими членами комиссіи занимался устройствомъ академической залы для предстоящаго торжества въ честь Ломоносова. День для празднованія назначенъ вторникъ на Святой недѣлѣ вмѣсто пятницы, потому что въ пятницу назначенъ парадъ.

Обѣдалъ у А. М. Раевской, которая окончательно опредѣлила для постоянной стипендіи 4,850 рублей. Я уже составилъ проектъ письма къ Литке по этому плану. Она совершенно одобрила его. Стипендія будетъ называться: „Ломоносовская стипендія Раевского“ и назначается для одного студента въ Московскомъ университетѣ. У Анны Михайловны я познакомился еще съ другимъ потомкомъ Ломоносова (Нив. Мих.) Орловымъ. Кромѣ того, хозяйка показывала мнѣ свой маленькій музей палеонтологическихъ вещей, собранныхъ ею во время путешествія за границую. Есть любопытныя вещи: разныя орудія, ножи, долота и проч. каменнаго и бронзоваго періодовъ, много вещей, добытыхъ изъ Швейцарскихъ озеръ: кусочки тканей, нитки, ленъ, зерна, яблоки, орѣхи и проч. Любопытная кость каменнаго оленя изъ бронзоваго періода съ зарубками ножомъ или топоромъ. Подлинность каждой вещи засвидѣтельствована французскими и швейцарскими учеными. Нашъ академикъ Беръ признаетъ это собраніе драгоценнымъ.

26. Пятница. А. М. Раевская прислала мнѣ прочитатъ письмо къ ней А. В. Головкина, съ извѣщеніемъ, что государь утвердилъ ея стипендію въ память Ломоносова точно такъ, какъ она желала. Стипендія будетъ названа, какъ я предложилъ, „Ломоносовская стипендія Раевского“.

Слухи, что (Мих. Никол.) Муравьевъ увольняется.

29. Понедѣльникъ. Вечеромъ собраніе изъ нѣсколькихъ членовъ академіи у президента для предварительнаго прочтенія рѣчей, предназначаемыхъ для Ломоносовскаго юбилея. Гротъ прочелъ свой біографическій очеркъ. Моя рѣчь: „Значеніе Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности“, кажется, нѣкоторымъ не понравилась. Я въ ней, между прочимъ, касаюсь буквѣдства въ наукѣ. С—ій объявилъ, что на счетъ языка

Ломоносовскаго онъ во многомъ со мною согласенъ, а въ другомъ несогласенъ, а потому его рѣчь не совсѣмъ сходилась-бы съ моею. Я отвѣчалъ, что тѣмъ лучше, чѣмъ многостороннѣе разсматривается предметъ. Однако, С—ій отмѣнилъ свое намѣреніе читать рѣчь и сказалъ, что напишетъ ее для напечатанія въ нашихъ актахъ. Рѣшено, что засѣданіе откроетъ секретарь официальнымъ заявленіемъ о поводѣ торжества и, кромѣ того, упомянетъ о стипендіи, учреждаемой Раевскою, и о высочайше назначенной тысячѣ рублей для ежегодной преміи за сочиненіе на академическую задачу. Потомъ (Я. К.) Гротъ прочтетъ свой біографическій очеркъ Ломоносова, а затѣмъ я мою рѣчь—тѣмъ все и кончится. Рѣчь Грота за сокращеніями, которыя просили его сдѣлать, будетъ продолжаться больше часу, моя немножко меньше того. Меня не просили сократить.

30. Вторникъ. Совсѣмъ неожиданно встрѣтился съ Ѳ. И. Тютчевымъ, который третьяго дня возвратился изъ Ниццы. Мы съ нимъ прошли по Невскому проспекту и долго бесѣдовали о современныхъ дѣлахъ, которыя, по связи его со дворомъ, съ княземъ (А. М.) Горчаковымъ и съ (М. Н.) Муравьевымъ ему хорошо извѣстны. Я спрашивалъ его о томъ, что дѣлается въ Ниццѣ. Наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу хотя лучше, однако, здоровье его вообще не изъ лучшихъ.

Государыня не совсѣмъ оправилась.

(Мих. Ник.) Муравьевъ дѣйствительно сильно колеблется и едва-ли останется въ Вильно. Враги его воспользовались его-же тактикою. Онъ обыкновенно во время пріѣзда въ Петербургъ жалуется на свое нездоровье и какъ-бы заставляетъ просить себя о продолженіи службы. Это обыкновенно и оканчивалось такъ, какъ онъ желалъ. На этотъ разъ ему, однако, дали замѣтить, что если онъ чувствуетъ себя такъ нездоровымъ и обремененнымъ, то, конечно, его удерживать не стануть.—„Московскія Вѣдомости“ свирѣпо ссорятся съ „Днемъ“. Однѣ стоятъ за дворянство, другой за земство. (Ѳ. Ив.) Тютчевъ очень недоволенъ „Московскими Вѣдомостями“. Я ему замѣтилъ, что мнѣ кажется, тутъ виноватъ не столько Катковъ, сколько Леонтьевъ. Вообще утѣшительнаго мало, особенно о польскихъ дѣлахъ. Толкуютъ о примиреніи. Тютчевъ полагаетъ, что подобные толки въ настоящую минуту или тупоуміе или измѣна.

Апрѣль 1. Четвергъ. Сегодня получилъ отъ Литке весьма любезную записку, съ изъявленіями опасеній, что у меня не хватитъ голосу для прочтенія въ день Ломоносовскаго юбилея моей „прекрасной“ рѣчи. Что это такое? Вѣроятно, ему или кому-нибудь моя рѣчь не понравилась. Я рѣшился объясниться съ Литке и поѣхалъ къ нему вечеромъ. Онъ принялъ меня очень ласково, сказалъ, что у него и въ помыслахъ не было критиковать мою опять „прекрасную“ (рѣчь) и что единственная причина его письма была та, которая въ немъ изложена. Признаюсь, мнѣ это не совсѣмъ ясно. Я успокоилъ Литке обѣщаніемъ читать погромче. Но успокоилъ-ли?

7. Среда. Легкія облачка, уже съ нѣкоторыхъ поръ туманившія въ моихъ глазахъ перспективу Ломоносовскаго праздника, въ самый день его сгустились настолько, что доставили мнѣ довольно крупную непріятность. Надъ моею рѣчью въ этотъ день я работалъ усердно, довольно осмотрительно и съ охотою: меня интересовало и лицо и торжество въ честь его. Окончивъ рѣчь, я, по обыкновенію, не былъ доволенъ своимъ произведеніемъ, чувствовалъ, что многое должно было-бы сказать лучше, но въ то-же время сознавалъ, что въ общемъ рѣчь годится, что въ ней есть кое-что, что могло затронуть мысль и чувство слушателей. Во всякомъ случаѣ, эта рѣчь, я полагалъ, была не хуже моихъ другихъ рѣчей. Но вотъ, когда я прочелъ ее на актѣ, она была встрѣчена холодно. По прочтеніи ея, была сдѣлана попытка къ рукоплесканію, но съ нѣкоторыхъ ступень раздались шикавья—тѣмъ все и кончилось. Очевидно, у меня были недоброжелатели въ публикѣ, да и въ самой нашей корпораціи, на что, должно быть, и намекала недавняя записка президента, съ опасеніемъ, что у меня не хватитъ голоса для чтенія на актѣ.

Неудача въ какомъ-бы то ни было дѣлѣ или случаѣ, разумѣется, не можетъ не огорчать — и я былъ огорченъ, очень огорченъ, что у меня есть враги, которымъ почему-то надо со всѣхъ сторонъ рвать въ клочки мою репутацію. Но мой „Дневникъ“—то есть бесѣда по совѣсти съ самимъ собою—меня, по обыкновенію, успокоилъ: все жесткое въ сердцѣ улеглось и я не доставлю моимъ недоброжелателямъ удовольствія — не стану на нихъ гнѣваться и въ этомъ, какъ и въ другихъ болѣе крупныхъ, случаяхъ.

Вчера получены самыя прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ: онъ умираеть. Государь вчера собирался ѣхать къ нему. Въ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ мало участія къ этой великой скорби отца и Царя-Освободителя, но народъ будетъ глубоко огорченъ.

Сегодня долженъ былъ быть обѣдъ въ честь Ломоносова. Я взялъ билетъ, но не пойду и по причинѣ недуга и по нерасположенію идти. Разъ надорванныя силы уже постоянно даютъ чувствовать свою надорванность.

Бѣда, какъ извѣстно, никогда не приходитъ одна, а всегда съ толпою своихъ сослуживицъ и всѣ онѣ атакуютъ васъ сообща. Какъ собаки, то та, то другая оскалитъ зубы и рветъ васъ за полы, за ногу, а иная, порьянѣе, норовитъ цапнуть за самую морду.

10. Суббота. Академія должна была напечатать наши рѣчи о Ломоносовѣ отдѣльною книжкою, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Но какъ къ этому не дѣлалось никакихъ распоряженій, то я отнесся къ секретарю съ просьбою увѣдомить меня, могу-ли я самъ отдѣльно напечатать мою рѣчь. Онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно. Между тѣмъ, во вчерашнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“ появилась рѣчь Я. К. Грота: значитъ, онъ самъ отъ себя сообщилъ ее Коршу? Мнѣ многіе изъявили желаніе видѣть мою рѣчь въ печати, и какъ я самъ считаю это по обстоятельствамъ необходимымъ, то я и рѣшился напечатать ее особою брошюрою и отдалъ ее для этого въ типографію Вл. Головина, находящуюся въ томъ-же домѣ, гдѣ квартирую я. Нужно только, чтобы это было сдѣлано скорѣе. Головинъ обѣщался во вторникъ доставить мнѣ корректуру.

12. Понедѣльникъ. Зайдя въ книжную лавку Базунова, впервые услышалъ я прискорбную вѣсть о смерти наследника цесаревича Николая Александровича. Потомъ появился и бюллетень, въ которомъ сказано, что кончина воспослѣдовала съ 11-го на 12-е апрѣля, въ 12 часовъ 50 минутъ ночи. Грустно, очень грустно...

Въ публикѣ страшное негодованіе противъ (графа С. Г.) Строгонова. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлалъ онъ эти три года, которые провелъ при Наслѣдникѣ? Почему скрылъ онъ его болѣзненное состояніе, если о немъ зналъ, и почему не зналъ, если не зналъ?

Государь съѣхался въ Дижонъ съ принцессою Дагмарою, которая, въ сопровожденіи матери своей, тоже ѣхала въ Ниццу. Они всѣ вмѣстѣ туда и отправились.

Наполеонъ отложилъ балъ при дворѣ въ тотъ день, когда больному сдѣлалось особенно худо.

У насъ начали хлопотать о траурѣ. Траурныя матеріи сильно вздорожали. А графъ (Г. А.) Строгоновъ сильно хлопочеть о похоронной колесницѣ....

13. Вторникъ. Безчисленные толпы объ общемъ горѣ и, какъ обыкновенно во всѣхъ такихъ толкахъ, много недѣлаго. Такъ, напримѣръ, одинъ генералъ, съ весьма важнымъ видомъ, высказалъ мнѣ мнѣніе, что (въ тяжкомъ горѣ) Россіи сильно повиненъ Наполеонъ.— „Какимъ-же это образомъ?“ спросилъ я. Говорившій не умѣлъ мнѣ этого объяснить, но остался при своемъ мнѣніи. Невольно вспомнишь Гоголя, въ „Ревизорѣ“ котораго одно изъ дѣйствующихъ лицъ, говоря о затрудненіяхъ, въ какія повергнуты чиновники присылкою къ нимъ ревизора, глубокомысленно замѣчаетъ, что это французъ все гадить.

Заходилъ къ Г.—Ничего! Онъ благоденствуетъ, а я думалъ, что онъ боленъ. Вмѣстѣ посѣтовали и побранили гр. С. Г. Строгонова.

14. Среда. Принялся за біографію Галича.

Вышли новыя законы о печати. Ихъ можно по справедливости назвать Валувевскими. Тутъ все подчинено произволу министра. Совѣтъ обреченъ играть жалкую роль. Сказано, что кругъ его дѣйствій и права тѣ-же, какъ и у прочихъ совѣтовъ министерствъ, т. е. онъ составляетъ полное ничтожество. Но Валувевъ хочетъ придать ему значеніе другимъ шарлатанскимъ образомъ. Онъ объявилъ, что совѣтъ долженъ состоять изъ юристовъ. Почему тутъ нужны юристы, а не люди, основательно знакомые съ наукою и литературою,—этого ни самъ онъ, вѣроятно, да и никто другой не знаетъ.

17. Суббота. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Линкольнъ убитъ. Этимъ, вѣроятно, сепаратисты хотѣли отмстить ему за свои пораженія. Когда убійца направляетъ свой ударъ на человѣка великихъ государственныхъ способностей, съ судьбою котораго соединена судьба многихъ, судьба миллионновъ, то это все равно, какъ еслибы онъ выжегъ, ограбилъ цѣлую страну и перерѣзалъ цѣлую массу народа.

Муравьевъ уволенъ и на мѣсто его опредѣленъ Кауфманъ. Мы ничего не дѣлаемъ послѣдовательно и съ сознаниемъ опредѣленной цѣли. Во всемъ скачки, попытки, шатанье вправо, влево, ожиданія, что скажутъ....

Былъ у Ѳ. И. Тютчева. Разговоръ о покойномъ наследникѣ цесаревичѣ.

18. Воскресенье. Ѳ. И. Тютчевъ послѣ извѣстнаго адреса московскаго дворянства о созваніи земской думы написалъ подъ названіемъ „Москвичамъ“ слѣдующее четверостишіе и послалъ его въ Москву:

„Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россією разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ?
Вы просто члены англійскаго клуба“.

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ москвичей:

„Вы ошибаетесь грубо
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили, видно, вмѣстѣ съ шубой
Вы память о землѣ родной,
Въ раю теріѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ;
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зими, тамъ вѣчный свѣтъ.
Но какъ-же быть въ странѣ увялой,
Гдѣ
И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтеръ, Головинъ?
Нѣтъ, намъ парламента не нужно,
Но почему-жъ насъ прокливать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать?“

Говорятъ, что скоро послѣ приѣзда сюда Муравьева было уже, по желанію партіи, рѣшено отозвать его изъ Вильны, но вдругъ оттуда получается донесеніе, что едва достигла туда вѣсть объ отзвѣѣ Муравьева, какъ польскій элементъ снова поднялся: появились конфедератки, траурныя одежды, русскія выѣски на магазинахъ опять замѣнились польскими и проч. Вслѣдствіе этого рескриптъ на имя Муравьева съ пожалованіемъ его при увольненіи графомъ и уже посланный для напечатанія въ „Сѣверной Почтѣ“ былъ задержанъ. Дѣла опять заколебались.

19. Понедѣльникъ. Вездѣ почти единогласно слышишь (укоризны гр. С. Г.) Строгонову. Достается также и доктору Шестову, который дѣйствительно, говорятъ, не такъ опытенъ и ученъ, чтобы могъ наблюдать за физическимъ состояніемъ и лечить.... Доктора этого рекомендовалъ Енохинъ, которому онъ доводится племянникомъ.

Не знаю, говорилъ-ли какой генералъ или нѣтъ, но все равно, что говорилъ слѣдующія слова: „стоитъ только передъ сраженіемъ подумать, что вотъ я буду разбитъ—и навѣрное будешь разбитъ“.

23. Пятница. Законъ о присоединеніи въ православію дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ въ остзейскихъ провинціяхъ (т. е. нетребованіе подисокъ при вступленіи въ бракъ, что дѣти будутъ православныя) находить и защитниковъ и порицателей. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что это не понравится народу.

24. Суббота. Читаю „Юлія Цезаря“ Наполеона III. Что бы ни говорили враги августѣйшаго автора, а сочиненія его нельзя не признать замѣчательнымъ. Положимъ, онъ не дѣлаетъ открытій въ этой части исторіи наравнѣ со специалистами науки, особенно у нѣмцевъ. Но объять въ такой обширности все, сдѣланное другими, такъ самостоятельно и глубоко изучить всѣ предшествующіе источники и изслѣдованія—это уже не малое достоинство. Потому въ авторѣ нельзя не признать художника: какъ мастерски группируетъ онъ подробности, какъ изящно и пластично управляетъ съ такими сухими вещами, какъ напримѣръ географическое описаніе мѣстностей въ началѣ первой части—и какое хорошее перо! И живо, и рельефно, и сжато. Словомъ, еслибы Наполеонъ не былъ правителемъ, онъ могъ-бы быть очень хорошимъ писателемъ. Но съ его философіей исторіи однако нельзя согласиться. Тутъ видна натяжка въ свою пользу. Что бы великія событія всегда происходили отъ великихъ причинъ, это рѣшительно невѣрно. Этому протворѣчить и его собственное сравненіе, что искра не производитъ пожара, если для него не приготовлены горючіе матеріалы. А потому несправедлива также и мысль, что великіе люди порождаютъ великія судьбы. Они ихъ рѣшаютъ—это такъ, но часто рѣшаютъ даже вопреки своимъ планамъ и ожиданіямъ, а часто и не сознаютъ, что рѣшаютъ. Всѣ событія, называемыя великими, суть слѣд-

ствія многихъ предшествующихъ причинъ, между которыми воля и гевій одного лица есть только одна изъ сильныхъ пружинъ въ механизмѣ цѣлой системы, или цѣлаго порядка и хода вещей.

25. Воскресенье. Поутру у С—ча. Онъ три года былъ преподавателемъ исторіи у покойнаго Наслѣдника. Наслѣдникъ, говорить онъ, учился очень хорошо и вообще былъ прекрасный человѣкъ. С—чь не можетъ вспоминать о немъ безъ глубокой скорби и умиленія. Онъ показывалъ мнѣ тетради, въ которыхъ царственный юноша записывалъ свои уроки изъ исторіи. Видна особенная тщательность въ занятіяхъ. (Графа С. Г.) Строгонова покойный Наслѣдникъ не любилъ, да и трудно любить этого холоднаго и сухаго человѣка...

Вотъ образчикъ того, какъ въ народѣ смотрятъ на кончину Цесаревича Николая Александровича. Во время Ломоносовскаго обѣда въ залѣ Дворянскаго собранія возлѣ С—ча сидѣлъ какой-то купецъ. Когда былъ провозглашенъ тостъ за Наслѣдника — тогда было извѣстно еще только, что онъ опасно боленъ — зала огласилась восторженными криками въ честь его и пожеланіями ему выздоровленія. Крики не умолкали въ теченіи пяти минутъ. С—ча это такъ тронуло, что у него показались слезы на глазахъ. Его сосѣдъ купецъ это замѣтилъ и спросилъ:— „Видно, вы очень любите Наслѣдника?“ — „Да“, отвѣчалъ С—чь, „потому что знаю его хорошо: я былъ его учителемъ“. — „Учителемъ?“ повторилъ купецъ: „Ну, хорошо, что вы были его учителемъ, а не дядькою, а то вась стоило-бы разорвать въ клочки“.

26. Понедѣльникъ. Уже напечатанъ рескриптъ о пожалованіи, графомъ, Муравьева и объ его увольненіи и также приказъ о назначеніи Кауфмана. Что-то скажутъ патриоты московскіе, да и другіе? Нѣмецъ въ Польшѣ для устройства русскихъ дѣлъ! Впрочемъ, онъ, говорятъ, православный. Да фамилія-то, возражаютъ, нѣмецкая, какой русскому человѣку и не выговорить.

У насъ все какъ-то странно дѣлается. Очень много, напримѣръ, шумѣли и нашумѣли о Ломоносовскомъ юбилей: онъ пришелъ—пообѣдали, покричали и, кажется, опять забыли человѣка на цѣлое столѣтіе.

27. Вторникъ. Въ газетахъ напечатано письмо убійцы

Линкольна — Буса. Письмо заключаетъ въ себѣ политическую исповѣдь убійцы и причины, объясняющія его преступное дѣло. Какая несповѣдимая наглость и высокоуміе этихъ непрошенныхъ и самозванныхъ благодѣтелей человѣчества и народовъ! Если вѣрить словамъ настоящаго убійцы, то онъ великій человекъ, предпринявшій великое дѣло во имя свободы и прогресса. Вотъ глубокая и пагубная болѣзнь нашего вѣка! Всякій мечтатель, фанатикъ или честолюбецъ, жаждущій всемірной популярности, считаетъ себя въ правѣ предпринимать дѣла, на которыя его никто не уполномочивалъ.

28. Среда. Въ Петербургѣ сильно распространяется спиритизмъ. Пусть его: это реакція противъ матеріализма. Пусть одно безуміе уничтожается другимъ, клинъ выбивается клиномъ.

Май 1. Суббота. Вечеръ у Ржевскаго. Меня очень занимали рассказы (Павла Ивановича) Мельникова (Печерскаго). Это настоящій типъ русскаго плутоватаго бывалаго человека. Но его пріятно слушать, хотя надобно слушать осторожно, потому что онъ не затрудняется прилгать и прихвастнуть.

3. Понедѣльникъ. Газета „Русская Лѣтопись“ запрещена до сентября. По полученіи официального извѣстія о смерти Наслѣдника, всѣ газеты вышли съ траурною каймою, „Лѣтопись“ — безъ нея. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась въ трауръ. Это ближайшая причина запрещенія. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались послѣдователи Чернышевскаго — А., Е., кажется, и Лавровъ и проч. Третье отдѣленіе, тотчасъ по основаніи газеты, обратило на нее вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ. А вотъ теперь при случаѣ она и прямо высказалась.

Сегодня вся Нева запружена льдомъ, но день былъ хорошей: 10 град. тепла. Я долго гулялъ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ теперь въ извѣстные часы собирается на прогулку наше, такъ называемое, лучшее общество.

4. Вторникъ. Между сенаторами есть престранные. Панинъ было нѣсколько притворилъ двери для входа въ сію храмину правосудія всякому, если онъ только военный генералъ или тайный совѣтникъ — но мудрый нынѣшній министръ юстиціи Замятнинъ опять широко распахнулъ оныя двери, и вотъ туда потянулись ряды что, какъ говорится, уму не постижимо....

6. Четвергъ. (Н. С.) Тихонравовъ отказался отъ предложеннаго ему II отдѣленіемъ академіи званія члена. Я предложилъ взамѣнъ его (Алексѣя Дм.) Галахова, но не встрѣтилъ сочувствія. Сильнѣе всѣхъ воспротивился (П. П.) Пекарскій.

8. Суббота. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана статья, извлеченная изъ отношенія нашего консула въ министерство финансовъ о нестерпимомъ мошенничествѣ нашихъ купцовъ, которые поставляютъ на заграничные рынки лень низшаго разряда, выдавая его за первый сортъ и беря за него деньги, какъ за первый. И подобное мелкое гнусное надувательство встрѣчается уже не въ первый разъ, такъ что иностранцы отказываются имѣть дѣло съ русскимъ купцомъ. Консулъ говорить, что это угрожаетъ закрытіемъ иностранныхъ рынковъ для нашей торговли.

Муравьевъ получаетъ изъ многихъ мѣстъ Россіи поздравленія съ графскимъ достоинствомъ и благодарственные адреса за его управленіе западными губерніями.

15. Суббота. Изъ всѣхъ живыхъ созданій нѣтъ такихъ, котормя-бы были такъ способны наносить вредъ себѣ и другимъ, какъ люди. Нѣтъ ничего лживѣе и несчастнѣе человѣческой породы. Тѣ, которые стараются истребить религіозное чувство въ человѣкѣ—величайшіе враги послѣдняго: вѣдь это его единственная опора. И какъ нетрудно было-бы пробудить и укрѣпить религіозное чувство въ людяхъ, особенно въ юношествѣ, если-бы ему было меньше толковано о догматахъ и обрядности, а больше о благодати и премудрости Высочайшаго Существа! И гдѣ можно найти больше для того матеріаловъ, какъ не въ христіанствѣ!

Исключительная вѣра въ такъ называемый историческій прогрессъ есть не иное что, какъ ловля тѣни, которая безпрестанно убѣгаетъ. Это одно изъ яркихъ и пагубныхъ заблужденій вѣка.

16. Воскресенье. Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Валувевъ достигъ своей цѣли: онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее „вполнѣ благонамѣренною“, т. е. сдѣлать то,

чего не въ состояніи были, да едва-ли и хотѣли, сдѣлать (до 1855 года). (Тогда люди власти) презирали литературу, но едва-ли считали возможнымъ сформулировать ее какъ-нибудь на свой ладъ. Валуевъ, повидимому, считаетъ это возможнымъ. Онъ должно быть такъ-же точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ предшествовавшее (время), и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли. Уставъ о печати, который долженъ быть введенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отдаетъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли. Изданіе журналовъ съ освобожденіемъ ихъ отъ предварительной цензуры, становится дѣломъ крайне затруднительнымъ. Прежде журналы зависѣли отъ произвола цензора, который все-таки не могъ вполне пренебрегать тѣмъ, что о немъ „скажутъ въ обществѣ“. Оттого онъ былъ до нѣкоторой степени принужденъ дѣйствовать умѣренно и снисходительно. Издатели въ извѣстной мѣрѣ освобождались отъ отвѣтственности подъ его покровомъ. Теперь не то. Цензора нѣтъ. Но замѣнь его надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ приостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ.... Понятно, что вся пишущая братія сильно переполошилась. Журналисты, по крайней мѣрѣ петербургскіе, какъ слышно, условились подчиниться по прежнему предварительной цензурѣ и это въ ихъ положеніи, можетъ быть, было бы самое разумное. Но вотъ что мнѣ сегодня говорилъ Ф—всѣ. ¹⁾), наперсникъ и эхо Валуева: „министру извѣстно на что намѣрены рѣшиться журналисты, но они жестоко ошибутся. Если они захотятъ остаться подъ цензурою, то и получать ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе (до-реформенной). Волею или неволею они должны будутъ эмансипироваться“. Какая удивительная эмансипація!—а тогда уже дѣло пойдетъ новымъ порядкомъ. Какимъ? —Валуевскимъ?

Разумѣется, этотъ великолѣпный планъ точно также разлетится дымомъ, какъ и всѣ великіе планы нашихъ великихъ

¹⁾ Нынѣ покойный.

государственныхъ и не государственныхъ людей. Россія тѣмъ отличается, что въ ней ни зло, ни добро не выдерживаются систематически и послѣдовательно: у насъ систематичны и послѣдовательны одинъ беспорядокъ и хаосъ (1865 г.). Но въ частности надѣлается много неприятностей, а тамъ дѣло повернетъ туда, куда направить его какаа-нибудь случайность, какой-нибудь вѣтеръ, и все-таки не туда, куда думали Валуевы и Ф**.

20. Четвергъ.... Всѣхъ умнѣе, кажется, вель себя докторъ Здекауеръ. Онъ еще въ январѣ объяснялъ государю и (графу С. Г.) Строгонову, какъ сомнительно положеніе Наслѣдника и какой осторожности и вниманія оно требуетъ. Н. Θ. Здекауеръ, между прочимъ, никакъ не совѣтовалъ ему купаться въ морѣ.

Вчера было настоящее наводненіе въ низменныхъ частяхъ города, въ Коломнѣ, на островахъ. Около Кокушкина моста даже по улицѣ плавали на лодкѣ. Одинъ господинъ на Каменномъ островѣ ѣхалъ въ каретѣ по водѣ, которая проникла сквозь дверцы.

22. Суббота. Сегодня думали, что будетъ привезено тѣло Наслѣдника и церемониально препровождено въ царственное жилище вѣчнаго покоя. Но это отложено до будущаго вторника. Между тѣмъ, дѣлаются приготовленія: дома на Англійской набережной и Большой Милліонной убираются трауромъ. На Сенатской площади воздвигается амфитеатръ для зрителей.

Въ пятницу былъ у князя (Петра Андреевича) Вяземскаго, надвяхъ пріѣхавшаго изъ Ниццы. Онъ показался мнѣ удивительно свѣжимъ и бодрымъ. Онъ остановился въ домѣ своего зятя, министра внутреннихъ дѣлъ, котораго я и встрѣтилъ тутъ. Я выразилъ Валуеву крайнее удивленіе, что въ похоронной процессіи не допущены депутаціи отъ корпорацій, напимѣръ, отъ Академіи наукъ и проч. Онъ отвѣчалъ, что это зависѣло отъ заявленій начальствъ различныхъ учрежденій и что, напимѣръ, московскій университетъ прислалъ своихъ депутатовъ.

Въ академіи Срезневскій говорилъ мнѣ, что и здѣшній университетъ назначилъ своихъ депутатовъ. Значить, одна академія наукъ не сдѣлала этого. Удивительно.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатаны въ переводѣ очень хорошіе стихи на смерть Наслѣдника одного финляндскаго поета.

23. Воскресенье! Ни одно свободное движеніе не бываетъ безъ уклоненій то вправо, то влѣво: на то оно и свободное. По прямой неуклонной идутъ только силы механическія, вслѣдствіе сообщеннаго имъ внѣшняго толчка. Итакъ при свободномъ движеніи всегда надо ожидать отступленій отъ извѣстныхъ принятыхъ или установившихся началъ—ожидать нѣкотораго замѣшательства. Зло не въ этомъ, а въ томъ, когда порывающіяся къ свободному движенію или дѣйствующія силы не встрѣчаютъ уравновѣшивающихъ ихъ другихъ силъ—когда свободное движеніе, свидѣтельствующее о жизненности, обилии и энергіи силъ, превращается въ дикое необузданное своеволие и не организуется, не ограничивается другими силами, которыя воздерживали-бы ихъ и не допускали бесплодно разсѣваться въ безпредѣльности и поглощать самихъ себя. Свободное движеніе всегда есть нѣчто могучее, но слѣпое, нуждающееся въ руководствѣ разума. Это—творчество, рождающее вещи, которыя требуютъ направленія, обработки, воспитанія. Оно столько-же способно разрушать, какъ и созидать, но оно неспособно останавливаться, чтобы сознательно уяснить себѣ для чего и что оно разрѣшаетъ или созидаетъ.

Вечеромъ навѣстилъ меня князь П. А. Вяземскій. Разговоръ о вѣчинѣ Наслѣдника.

25. Вторникъ. Печальный и торжественный день! Привезено тѣло Наслѣдника въ Петербургъ и препровождено въ церемональномъ шествіи къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ крѣпость. Погода соотвѣтствовала характеру событія. Небо обложилось тучами, каждую минуту угрожалъ дождь—но дождя не было и было тепло. Въ двѣнадцатомъ часу я вышелъ изъ дому. Невскій проспектъ былъ занятъ толпами народа, который спѣшилъ къ Исакиевской площади: процессія должна была слѣдовать отъ Николаевского моста мимо Исаакія по площади и набережной на Троицкій мостъ. Немного спустя раздался пушечный выстрѣлъ. На улицахъ уже не было ни души: все, весь Петербургъ столпился у площади и я съ Морской поворотилъ туда-же. Тутъ услужливый спекулянтъ предложилъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ за полтинникъ. Я съ трудомъ взгромоздился на нее и очень порядочно могъ видѣть церемональное шествіе. Мрачная и величественная картина. Войска съ обѣихъ сторонъ окаймляли площадь.

Сперва потянулись разные придворные чины, ордена на подушкахъ, безконечный рядъ духовенства въ черномъ облаченіи, отрядъ войскъ и потомъ колесница съ останками юноши, котораго оплакивала Россія. За нею государь верхомъ на лошади. Народъ стоялъ безмолвно, снявъ шапки, и съ появленіемъ колесницы крестился. Не было ни малѣйшаго шума, ни толкотни и беспорядка. Вокругъ царствовало полное безмолвіе, нарушаемое только колокольнымъ звономъ съ церквей и злобѣщими пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Всѣ магазины, лавки, кабаки были заперты. На всемъ Петербургѣ лежала какая-то печать унынія и скорби, а надъ нимъ, какъ черное покрывало, висѣло сумрачное небо.

26. Среда. Въ два часа отправился я поклониться праху Наслѣдника въ Петропавловскій соборъ. У воротъ крѣпости съ добрыхъ полчаса надо было ждать, пока разѣхались экипажи возвращавшихся съ панихиды. Народу видимо невидимо: кажется, опять весь Петербургъ собрался сюда. И вдругъ все это повалило въ крѣпость и стѣснило у входа въ церковь до такой степени, что нечего было и думать попасть туда, по крайней мѣрѣ скоро. Впускали только по нѣскольку человѣкъ разомъ, и затѣмъ запирали двери. Многіе на это ворчали, но мнѣ кажется это было и необходимо и благоразумно. Иначе церковь была-бы вдругъ переполнена и могъ-бы произойти страшный беспорядокъ. Къ выходу тоже пускали постепенно. И надо отдать справедливость полиціи: она распорядилась и ловко и учтиво. Я встрѣтилъ тутъ Чивилева, который отчаялся попасть въ церковь и уѣхалъ домой. Я тоже было колебался, но потомъ рѣшился подождать сколько возможно. Такъ-же поступилъ и (Андрей Степановичъ) Вороновъ, съ которымъ я тоже тутъ столкнулся. Наконецъ, пришла и моя очередь. Большая мрачная церковь лишь немногихъ вмѣщала въ себѣ. Посѣтители входили въ однѣ двери, но очереди въ одиночку допускались къ гробу, поклонялись ему и направлялись къ другому выходу. По обѣимъ сторонамъ катафалка стояли дежурные камергеры и генералы. Передъ гробомъ разложены были на золотыхъ подушкахъ ордена покойнаго, атаманская булава и водружены были казацкіе бунчики. Въ церкви господствовало мрачное величіе смерти. Тишина прерывалась только монотоннымъ унылымъ чтеніемъ Евангелія.

Съ глубокою грустью и я взошелъ на ступени катафалка, подѣловалъ холодную руку, предназначавшуюся для скипетра одного изъ величайшихъ въ мѣрѣ царствъ и теперь обреченную тлѣнню, взглянулъ на блѣдное лицо, сквозившее сквозъ покрывавшій его флеръ, на цвѣты, которыми усыпанъ былъ трупъ—и слезы невольно подступили къ глазамъ, и я вышелъ съ глубокою скорбію. Вся эта драма жизни и смерти, которую мы называемъ великою, конечно, ничто въ безконечномъ теченіи вещей; но если гдѣ есть мѣсто возбудиться человѣческому чувству, то, конечно, здѣсь, гдѣ нанесена такая глубокая скорбь сердцу одного изъ самыхъ благородныхъ государей и одного изъ самыхъ добрыхъ людей...

27. Четвергъ. Рескриптъ на имя генераль-губернатора съ изъявленіемъ благодарности государя жителямъ Петербурга за ихъ сочувствіе къ его великой скорби.

Графъ С. Г. Строгоновъ, говорятъ, игралъ самую жалкую роль во время всей похоронной церемоніи: къ нему никто не подходилъ, никто не заводилъ съ нимъ рѣчи.

28. Пятница. Бываютъ нравственныя уродливости, какъ и физическія. Иному недостаетъ отъ природы религіознаго, эстетическаго чувства или эти органы душевной жизни были у него какъ-нибудь овалѣчены въ дѣтствѣ. Но гордиться тутъ, право, не чѣмъ. Не слѣдуетъ этого выставить на всемірное зрѣлище, а еще менѣе слѣдуетъ провозглашать, что это красота, и желать, даже помогать, чтобы другіе были въ этомъ отношеніи на насъ похожи.

Ужасно трудно у насъ добывать историческіе матеріалы. Вотъ уже несчетное число разъ являюсь я въ университетъ, чтобы получить дѣло объ отрѣшеніи отъ должности профессора Галича—и все напрасно. Наконецъ, ректоръ обѣщался.

Рѣчь моя о Ломоносовѣ, однако, не смотря на свой провалъ на академическомъ актѣ, всетаки имѣетъ свою долю успѣха. До меня съ разныхъ сторонъ доходятъ благопріятныя о ней слухи. Я получилъ лестныя о ней отзывы и благодарственныя за нее письма изъ Архангельска, Кіева, Москвы, Харькова. Макарій, архіепископъ Харьковскій, написалъ мнѣ очень милое письмо. Здѣсь раскуплено въ книжной лавкѣ до ста экземпляровъ. Журналы хранятъ глубокое молчаніе, кромѣ „Сѣверной Почты“, которая отозвалась о моей „щеголеватости“, да „Рус-

скаго Инвалида“, сдѣланнаго изъ рѣчи выписки. Къ отзывамъ журнальнымъ всякимъ, похвальнымъ и ругательнымъ, я питаю глубокое равнодушіе и всегда питаю его. Меня не разъ хвалили и разъ только, давно какъ-то, выбрала „Сѣверная Пчела“, сначала похваливъ непомѣрно. Тогда я принужденъ былъ отвѣчать на ругательства, потому что оно нахло доносомъ и мнѣ, по обстоятельствамъ времени, необходимо было дать отпоръ. Но послѣ того я уже больше не обращалъ вниманія на то, что обо мнѣ писалось. Это совсѣмъ не изъ гордости или желанія прослыть неуязвимымъ: напротивъ, я вовсе не чуждъ удовольствія слышать себѣ одобреніе. Но дѣло въ томъ, что у насъ ни похвала, ни брань не вызываются обыкновенно никакими основательными литературными причинами, а всегда однимъ побужденіемъ лично насолить чело́вѣку или лично задобрить его. Тутъ большею частью все рѣшаются личныя отношенія, и какъ я всегда шелъ самъ своею особою дорогою, то у меня естественно было больше непріятелей, чѣмъ благопріятелей. Въ послѣднее-же время я окончательно, даже въ личныхъ моихъ отношеніяхъ, отдалился отъ такъ называемыхъ литературныхъ кружковъ, да и не скрывалъ и не скрываю, и устно и печатно, моего отвращенія отъ этой ультра-либеральной пустоты и умственной распущенности, въ которой тонутъ иные изъ нашихъ, такъ называемыхъ, передовыхъ журналовъ. Но это не потому, чтобъ я не признавалъ въ нынѣшнемъ направленіи его историческаго происхожденія и значенія, а потому что, по моему мнѣнію, никакое направленіе не должно сдѣлаться исключительнымъ и господствующимъ.

Половина перваго: сейчасъ раздался печальный звонъ колокола, возвѣщающій о погребеніи Наслѣдника. Я живу противъ самой Владимірской церкви и ясно слышу его грозный сворбный напѣвъ.

Онъ былъ чело́вѣкъ — Отецъ его Освободитель милліоновъ людей. Россія должна плакать, если у ней есть народное чувство, если она нація, а не случайное скопище — и въ настоящее время всеотрицающихъ разнородныхъ элементовъ.

08 Воскресенье. О, какъ не разработанъ еще русскій міръ! И какъ трудно разработать его одною силою мысли или знанія. Тутъ необходима еще другая сила, которая служила-бы проводникомъ первой. Россіи нуженъ новый Петръ. Тотъ Петръ

началь, другому слѣдовало-бы довершить. Народъ прежде нуждался въ возбужденіи, теперь онъ нуждается въ руководствѣ.

Вчера переѣхали на дачу въ Павловскъ, по примѣру прошлаго года—на дачу Мердера, по дорогѣ въ Царскую Славянку.

31. Понедѣльникъ. Охотники нивелировать человѣчество готовы превратить его въ одну грубую безразличную и безобразную массу, изъ которой уже не должно выростать ни одно дарованіе, ни одна умственная или нравственная заслуга.

Іюнь 3. Четвергъ. Отвага, говорятъ, свидѣтельствуешь о силѣ, но она свидѣтельствуешь также о безуміи.

8. Вторникъ. Въ городѣ. Экзаменъ въ Римско-католической академіи. Большія любезности. Впрочемъ, я всегда былъ доволенъ студентами: они всегда внимательны къ моимъ лекціямъ и вообще всегда выказывали мнѣ даже преданность. *

11. Пятница. По небу бродятъ какія-то грязно-сѣраго цвѣта тучи и ежеминутно угрожаютъ уже не дождемъ, а снѣгомъ. Вообще природа готовитъ намъ что-то скверное, въ родѣ польскаго возстанія или въ дополненіе къ нему. Отовсюду только и читаешь вѣсти о пожарахъ и о зловѣщихъ признакахъ всеобщаго неурожая. Прошлаго года былъ только мѣстный голодъ, напримѣръ, въ Самарѣ, а теперь вотъ угрожаетъ голодъ повсемѣстный. Дороговизна на всѣ предметы первой потребности увеличилась до того, что бѣдные люди лишь съ трудомъ могутъ жить. Что-жъ будетъ дальше?

13. Воскресенье. Осуждены мы навсегда дѣлать глупости или онѣ составляютъ только одну изъ переходныхъ ступеней нашего развитія? Вѣдь вотъ до сихъ поръ случалось такъ, что даже изъ всего, что мы возьмемъ у другихъ, мы непременно выберемъ самое худшее и спѣшимъ его усвоить себѣ такъ, какъ будто оно составляетъ единственную важнѣйшую сторону вещей. Встрѣтимся мы съ разными улучшеніями и благами внѣшняго быта—мы непременно позаимствуемъ отъ нихъ всякія излишества, блестящія, чрезмѣрную роскошь, и начнемъ съ неимовѣрною быстротою проматывать достояніе наше и отцовъ нашихъ. Научимся мы иностраннымъ языкамъ, мы прежде всего прочтемъ на нихъ самыя пустыя или забористыя статьи и начнемъ болтать на нихъ всякій вздоръ, забывая свой родной языкъ. Поѣдемъ-ли за границу, вмѣсто того, чтобы лицомъ въ лицу озна-

комляться съ плодами и успѣхами чужой образованности, мы постараемся побывать тамъ прежде всего во всѣхъ притонахъ иноземнаго разврата, проигратся до послѣдней нитки въ какомъ-нибудь Баденѣ или Висбаденѣ, да провести контрабандою нѣсколько запрещенныхъ книгъ или вещей, чтобы потомъ съ гордостью сказать дома своему пріятелю: „Ну, братъ, продулся я въ Парижѣ“ или тамъ-то и тамъ-то. Поѣдутъ наши юноши за границу съ благою цѣлью учиться — они начнутъ съ того, что окритикуютъ и обругаютъ тамошнихъ профессоровъ, а кончатъ тѣмъ, что, возвратясь домой, стануть съ видомъ всемірныхъ геніевъ и знатоковъ повторять поверхностно схваченное и вовсе не переваренное знаніе, заимствованное у этихъ-же профессоровъ,—и на томъ застынуть. Начнемъ мы заниматься публицистикою, политикою—мы тотчасъ дѣлаемся социалистами, коммунистами и съ необычайнымъ шумомъ и трескомъ словъ, требуемъ всевозможныхъ реформъ, не заботясь о томъ, является-ли это требованіе плодомъ и выраженіемъ народной жизни и народныхъ нуждъ, или только игрою нашей праздной фантазіи. Займемся-ли мы философіей—то немедленно съ головой такъ и окунемся въ атеизмъ и матеріализмъ и ослѣпнемъ и оглохнемъ для всего другаго. Хотѣлось-бы думать, что это только одинъ изъ фазисовъ нашего развитія, а не то, что намъ суждено дѣлать.

16. Среда. Опять былъ у меня (Авр. Серг.) Норовъ. Я стараюсь забыть, что онъ нѣкогда былъ министромъ народнаго просвѣщенія, и когда мнѣ это удастся, я опять вполне готовъ дружески отвѣчать на его дружескія попытки. Вчера онъ, между прочимъ, рассказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ А. С. Пушкинѣ. Норовъ встрѣтился съ нимъ за годъ или за полтора до его женитьбы. Пушкинъ очень любезно съ нимъ поздоровался и обнялъ его. При этомъ былъ пріятель Пушкина Туманскій. Онъ обратился къ поэту и сказалъ ему:

— „Знаешь-ли, Александръ Сергѣевичъ, кого ты обнимаешь? Вѣдь это твой противникъ. Въ бытность свою въ Одессѣ онъ при мнѣ сжегъ твою рукописную поэмку“.

Дѣло въ томъ, что Туманскій далъ Норову прочесть въ рукописи извѣстную непристойную поэмку Пушкина. Въ комнатѣ тогда топился каминъ и Норовъ, по прочтеніи пьесы, тутъ-же бросилъ ее въ огонь.

— „Нѣтъ, сказалъ Пушкинъ,—я этого не зналъ, а узнавъ теперь, вижу, что Авраамъ Сергѣевичъ не противникъ мнѣ, а другъ, а вотъ ты, восхищавшійся такою гадостью, какъ моя неизданная поэма, настоящій мой врагъ“.

17. Четвергъ. Самое скверное положеніе, когда человѣку не достаетъ ни мудрости, ни силы терпѣть, ни мужества дѣйствовать.

Неудовлетворительность положенія производитъ какое-то всеобщее раздраженіе, которое обнаруживается во всемъ — въ малыхъ и большихъ дѣлахъ. Каждый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ негодованія и досады, поводы къ которымъ носятя въ воздухѣ: поводовъ этихъ онъ и назвать не въ состояніи, но онъ чувствуетъ ихъ и ими одними одушевляется.

Говорятъ, что судебная реформа откладывается въ длинный ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда: всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ ее, какъ манны небесной. Но административная или бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти изъ своихъ рукъ.

Что если ко всему прочему сбудется еще угроза повсемѣстнаго голода! При совершенно непонятной инерціи власти, дѣйствительно, не настанетъ-ли время всеобщей сумятицы, грабежа, и не сдѣлается-ли это въ самомъ дѣлѣ началомъ насильственнаго переворота, о которомъ мечтаютъ поляки, заграничные наши враги и домашніе революціонеры.

А пожары идутъ своимъ чередомъ. Выгораютъ цѣлые или почти цѣлые города и селенія. И объ этомъ говорятъ уже, какъ о самой обыкновенной вещи. Поджоги дѣлаются даже съ нѣкоторымъ юморомъ. Въ какомъ-то уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи арестанты выпустили изъ острога голубя, привязавъ къ нему зажженные горючія вещества, и вотъ по домамъ и дворамъ пошелъ гулять уже не обычный красный пѣтухъ, а вроткій голубь, превращенный въ страшный бичъ. Видно, тутъ подшутилъ какой-нибудь грамотѣй, знавшій исторію княгини Ольги.

18. Пятница. Прекрасный лѣтній день, съ великолѣпнымъ теплымъ дождемъ. На музыкѣ бесѣда съ Егоромъ Федоровичемъ Тимковскимъ. Ему семьдесятъ два года и въ службѣ онъ

пятьдесятъ лѣтъ безъ малаго. Провелъ годъ въ Пекинѣ при тамошней миссіи. Разсказывалъ много любопытнаго объ отцѣ Іоакимѣ Бичуринѣ, съ которымъ я былъ довольно хорошо знакомъ. Тимковскій выручилъ его изъ Валаамскаго заточенія, гдѣ онъ пребывалъ послѣ разжалованія его изъ архимандритовъ въ монахи за его великія пекинскія проказы. Графъ Нессельроде, по просьбѣ Тимковскаго, исходатайствовалъ ему освобожденіе, съ причисленіемъ въ министерству иностранныхъ дѣлъ по китайскимъ дѣламъ, такъ какъ онъ превосходно зналъ китайскій языкъ, проведя въ Китаѣ четырнадцать лѣтъ, хорошо изучилъ и самую страну.

— „Такъ какъ вамъ хорошо извѣстно все, касающееся отца Іоакима, сказалъ я Тимковскому,—и вы съ нимъ были такъ близко знакомы, то скажите мнѣ: точно-ли онъ велъ себя въ Китаѣ такъ дурно, какъ о немъ разсказываютъ? Вѣдь про него разсказываютъ ужасы—что онъ никогда не служилъ въ церкви, что онъ даже распродалъ церковную утварь, что онъ пилъ и напропалую гулялъ съ китаянками въ неподобныхъ мѣстахъ, и проч. и проч.

— „Да“, отвѣчалъ Тимковскій,—все это большею частью справедливо. Онъ былъ очень даровитый, умный и даже добрый человекъ, но страшный эпикуреецъ и гуляка. Духовное званіе было ему противно, да онъ и попалъ въ него случайно. Онъ былъ побочный сынъ (нѣкоего) Амвросія, который доставилъ ему званіе архимандрита въ Иркутскѣ, когда ему было всего двадцать два года. Когда по интригамъ графа Головкина, назначеннаго посланникомъ въ Пекинъ, архимандритъ Апполокъ былъ уволенъ изъ китайской миссіи, то на его мѣсто, по ходатайству того-же Амвросія, былъ опредѣленъ Іоакимъ—и отсюда-то начинаются пекинскіе подвиги послѣдняго. На Валаамѣ онъ спалъ, гулялъ и попивалъ. Когда бывало поутру зайдетъ къ нему въ келью игумень и станетъ звать его къ утрени, онъ обыкновенно отвѣчаетъ ему:— „Отецъ игумень! идите ужъ лучше одни въ церковь, я вотъ болѣе семи лѣтъ не имѣлъ на себѣ этого грѣха“. — Потомъ его часто видѣли прогуливающимся у Симеонія въ монашескомъ подрясникѣ, но въ круглой шляпѣ съ двумя нимфами подъ руку. Таковъ былъ грѣховодникъ этотъ почтенный отецъ Іоакимъ! Когда я жилъ на

дату за Лѣснымъ корпусомъ, онъ довольно часто и у меня бывалъ. Тамъ за стаканомъ пунша онъ любилъ рассказывать про разные скандалы пекинскіе, не скрывая и своего участія въ нихъ. Однажды онъ сильно разсердился на меня, когда я выразилъ ему мое сомнѣніе на счетъ красоты китайскихъ женщинъ.—„Вы судите о нихъ, отвѣчалъ онъ, по картинкамъ на чайныхъ ящикахъ. Это такія красавицы и такого пріятнаго обхожденія, что подобныхъ имъ не найти въ Европѣ“. Вообще онъ питалъ какую-то страсть къ Китаю и ко всему китайскому и свое собственное лицо и бороду какъ-то ухитрился поддѣлать подъ китайскій ладъ. Во время войны англичанъ съ китайцами онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что первые побѣдили вторыхъ и постоянно утверждалъ, что англичане надуваютъ Европу ложными извѣстіями на манеръ наполеоновскихъ бюллетеней ¹⁾.

25. Пятница. Въ Виленской губерніи, кажется въ Завилейскомъ уѣздѣ, произошелъ пожаръ въ одномъ селеніи. При самомъ началѣ его схватили мальчика, лѣтъ шестнадцати, почти на самомъ мѣстѣ преступленія, то есть поджога. Онъ тотчасъ и признался. На немъ были найдены и зажигательные матеріалы: спички и проч. При дальнѣйшемъ допросѣ открылось, что помѣщикъ Бекаревичъ и нѣсколько другихъ помѣщиковъ, имена которыхъ я забылъ, подговорили мальчика за сорокъ четыре рубля поджечь селеніе. Въ задатокъ онъ получилъ одинъ рубль, а остальные ему обѣщаны. Одновременно произошли пожары и въ двухъ другихъ селеніяхъ того-же округа. Та же исторія: тѣ-же помѣщики подговорили къ поджогу другихъ. По изслѣдованіи оказалось, что нѣсколько помѣщиковъ образовали здѣсь комплотъ поджигателей. Они заманивали въ свою шайку молодыхъ людей, которымъ говорили: „Россію ожидаютъ всеобщій неурожай и голодъ—надо ее жечь, отмстить ей за нашихъ повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь“. О всемъ этомъ получены официальные донесенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Объ этомъ вчера въ совѣтѣ рассказывалъ намъ товарищъ министра.

Въ Рязанской губерніи, по словамъ того-же товарища министра, также схвачены поджигатели изъ поляковъ. Между тѣмъ

¹⁾ Объ Іакинѣ Бичуринѣ (р. 1777 † 1853 г.). См. „Воспоминанія Н. С. Моллеръ“ въ „Русской Старинѣ“ 1888 г., т. LIX, августъ и сентябрь.

во вчерашнемъ засѣданіи Совѣта (Осипъ Антоновичъ) Пржецлавскій заявилъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Юзефовичъ въ своей статьѣ употребилъ слова: „Поляки жгутъ Россію“—и что за это, по словамъ его, Пржецлавскаго, слѣдовало-бы сдѣлать замѣчаніе редакціи. И Валуевъ терпитъ такого господина, какъ Пржецлавскій, въ совѣтѣ по дѣламъ печати!

Отослалъ письмо къ Д. съ просьбою выдать мнѣ университетское дѣло о Галичѣ, Германѣ, Арсеньевѣ, поднятое нѣкогда Руничемъ. Дѣло это мнѣ нужно для біографіи Галича. Вотъ уже два мѣсяца или больше какъ я хлопочу, чтобы получить его—и не могу.

30. Среда. Сегодня ночью разразилась ужаснѣйшая буря въ Павловскѣ и Петербургѣ. Въ Павловскѣ поломало много деревь, а сучьями усѣяло аллеи. Въ Петербургѣ снесло и попортило деревянные мосты и нѣсколько деревянныхъ крышъ; на Невѣ разбило въ дребезги много барокъ съ дровами и другимъ грузомъ; въ Лѣтнемъ саду повыврало деревья съ корнями. Гозорять, нѣсколько человекъ погибло. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, только и было толковъ, что объ ураганѣ.

А. В. Нивитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Къ Запискамъ П. Д. Шестакова.

ЗАМѢТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, въ по- смертныхъ Запискахъ П. Дм. Шестакова о бывшемъ министрѣ на- роднаго просвѣщенія графѣ Толстомъ, на стр. 207, я прочелъ слѣ- дующія строки:

„Отраженіе нападеній на классическую систему, особенно въ по- слѣдніе годы, много отнимало времени у графа и сильно беспо- коило его. Графъ очень возмущался извѣстными статьями, выхо- дившими подъ заглавіемъ „Школьный вопросъ“, и при этомъ остро- умно замѣтилъ: За каждую статью „Школьный вопросъ“ ре- дакторъ „Голоса“ платилъ автору 150 руб.

Относительно подчеркнутыхъ мною строкъ этого заявленія я считаю себя обязаннымъ сдѣлать маленькую поправку.

Покойный графъ Дм. А. Толстой или намѣренно сообщилъ автору Записокъ—въ шутку-ли, съ другою-ли какою цѣлю,—это его дѣло—невѣрное свѣдѣніе о получавшемся мною за статьи, подъ за- главіемъ „Школьный вопросъ“, гонорарѣ отъ А. А. Краевского, или самъ былъ введенъ кѣмъ-нибудь въ заблужденіе: во всякомъ случаѣ, цифра полученнаго мною гонорара вполне вымыслена и не имѣетъ ничего общаго съ истиной. А отсюда и продолженіе „шутки“ по- койнаго министра, быть можетъ очень характеристичное для него самого, едва-ли можетъ назваться остроумнымъ, какъ это пока- залось покойному казанскому попечителю, человѣку, впрочемъ, очень почтенному.

В. И. Модестовъ.

Одесса,
15-го апрѣля 1891 г.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

III ¹⁾.

Жизнь студентовъ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ.— Студентъ Александровъ.— Праздникъ студентовъ на пароходѣ.— Студентъ князь Кочубей.— Студентъ извозчикъ.

писывая С.-Петербургскій университетъ конца 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, невольно возникаетъ вопросъ, какъ же жили и вели себя студенты въ то время? Не увлекались-ли они политическими бреднями и не навлекали-ли на себя правдивый гнѣвъ царя Николая Павловича?

Относительно вопроса о жизни скажу, что студенты моего времени, за исключеніемъ весьма немногихъ, были по большей части бѣдняки, пробивались они по преимуществу уроками и занимали углы и комнаты въ 5—10 и не болѣе 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, помѣщаясь по двое и трое вмѣстѣ. Само собою, что и пища соответствовала симъ средствамъ. Что же касается поведенія ихъ, то я смѣло говорю, что они вели себя хорошо и, главное, политическія и социальныя бредни не входили въ ихъ головы. Подъ словомъ „хорошо“ я вовсе не хочу сказать, что они вели себя

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43; май, стр. 449—469.

какъ дѣти, вышедшія недавно изъ-подъ строгаго надзора родительскаго дома, или какъ красныя дѣвицы, стыдящіяся и болящіяся произнести въ слухъ, особенно при маменькѣ, слово: любовь... Нѣтъ, они учились, жили, терпѣли, веселились и увлекались всѣмъ, что свойственно ихъ молодой натурѣ. Такъ, они пили при случаѣ и при средствахъ всякаго рода питья, не гнушались ничѣмъ, за исключеніемъ воды. Тутъ были и горькія, и сладкія, была и ратафія, доставалось и донскому, попадалось и шампанское, если оно приходилось по карману. Но зачастую и голодали, живя только на пеклеванномъ хлѣбѣ съ масломъ, а иногда и того не было; насыщались также пирогами на Апраксиномъ дворѣ по 3 копѣйки за штуку; но духомъ не падали, о богатствѣ не мечтали и никому ни въ чемъ не завидовали. Особаго имущества у студента на квартирѣ не было, все его достояніе было при немъ, и латинское выраженіе: *omnia mea pesum porto* оправдывалось на дѣлѣ. Носили трехъ-угольныя шляпы, мундиры съ петлицами и синимъ воротникомъ при шпагѣ, двухъ-бортные сюртуки, шаровары, шинели на распашку, а фуражки на бекрень. Влюблялись безъ разбора, начиная отъ швеи до свѣтской дамы. Каждая женская головка у окна служила предметомъ воздыханія, лѣтняя-же ночь оглашалась пѣсней подъ окномъ или балкономъ. Любовныя записки всегда были наготовѣ въ карманѣ. Поминали въ пѣсняхъ какую-то дѣву, начиная пѣсню такъ: „да здравствуетъ Марья Петровна и ручки и ножки ея“, и пѣли съ подобающимъ уваженіемъ *Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*, а почасту выкрикивали и такъ: *edite, bibite, collegiales, post multa secula pocula nulla*. Однимъ словомъ, жилось и жилось, а политическія бредни, или сходки соціальныя, не входили въ ихъ головы и о нихъ не было и рѣчи, а также не занимали ихъ домогательства о предоставленіи имъ разныхъ правъ. По понятіямъ студентовъ моего времени, декабристы, хотя были люди образованные, но сумасброды; не вѣдавшіе задачъ и блага Россіи, а потому они и понесли справедливое наказаніе.

Царь Николай Павловичъ въ глазахъ нашихъ былъ русскій богатырь невыразимаго величія, великодушень, строгъ и правдивъ безъ укора. Личность его была священна въ глазахъ современниковъ, и память о немъ останется на вѣки. Скажу, что въ началѣ 1830-хъ годовъ о декабристахъ не говорили уже, а тѣмъ менѣе писали, да и писать нельзя было, однимъ словомъ,—какъ будто о нихъ забыли. Ослабляющія ихъ вину причины выясняются только теперь, но исторія, въ свое время, скажетъ о нихъ правдивое слово!

Восхваляя студентов моего времени, долженъ, къ сожалѣнiю, повторить извѣстную истину, что нѣтъ правила безъ исключенiя, а потому не могу не разсказать одинъ прискорбный случай съ студентомъ Александровымъ. Впрочемъ, онъ былъ старше меня нѣсколькими курсами, а потому собственно я не считаю его товарищемъ; но исторiя о немъ заслуживаетъ быть разсказанною.

Въ Петербургѣ въ то время славился своимъ богатствомъ и скопленiемъ наличныхъ денегъ, безъ счета, желѣзнодорожникъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, имѣвшiй двухъ сыновей, Ивана и Савву. Послѣднiй въ особенности отличался безобразными кутежами, игрою въ карты и устройствомъ, такъ называемыхъ, Адамовскихъ ночей. Но тѣмъ не менѣе отецъ любилъ его, платилъ за него долги и давалъ средства вести и продолжать кутежную жизнь. Безобразная жизнь Саввы Алексѣевича была извѣстна правительству, а равно и императору Николаю Павловичу. Вотъ на любви отца къ сыну и на безобразiи жизни послѣдняго, Александровъ построилъ планъ своего обогащенiя. По его понятiямъ, стоило только захватить или арестовать Савву Яковлева, подъ предлогомъ высочайшаго указа о ссылкѣ его въ Сибирь за развратное поведенiе, а затѣмъ въ жандармскомъ офицерскомъ мундирѣ явиться къ отцу его, предъявить ему этотъ указъ, выразить при этомъ крайнее сожалѣнiе объ участи сына его и жестокости наказанiя, сжалиться надъ нимъ и въ концѣ концовъ предложить ему, отцу, средства спасенiя сына. Средства сiи, по замысламъ Александрова, состояли въ томъ, чтобы выѣхать съ Саввою бѣжать за границу, получивъ отъ отца Яковлева тотчасъ-же, по крайней мѣрѣ, миллионъ рублей, а тамъ? Тамъ отдѣлаться отъ него какимъ-нибудь ловкимъ образомъ. Къ исполненiю этого дерзкаго плана Александровъ подготовилъ себѣ товарища, нѣкоего Галлера, также бывшаго студента. Засимъ Александровъ заготовилъ фальшивый высочайшiй указъ съ печатью, заграничный паспортъ, спилъ себѣ и товарищу своему Галлеру мундиръ и назначилъ день и часъ для исполненiя. Оставалось только захватить Савву Яковлева; для сего условлено было время, когда онъ будетъ возвращаться изъ театра.

Но подъ самый конецъ исполненiя Галлеръ образумился, ужаснулся всѣхъ послѣдствiй задуманнаго плана, явился въ III-е отдѣленiе, покаялся и выдалъ своего товарища Александрова. Это отдѣленiе, что называется, наврыло Александрова въ послѣднiй часъ исполненiя задуманнаго плана и онъ очутился не въ гостяхъ у стараго Яковлева, для полученiя миллиона, а въ надежномъ мѣстѣ заключенiи, т. е. въ одиночной тюрьмѣ. Его, разумѣется, судили,

а Галлера простили; ему Савва Яковлевъ послалъ въ награду за свое спасеніе 10 тысячъ рублей, но самъ онъ, какъ говорили, не поѣхалъ къ нему и вообще отнесся къ его дѣйствіямъ съ презрѣніемъ. На судѣ, кажется въ сенатѣ, Александровъ позволилъ себѣ нахально оправдываться, при этомъ не выражалъ никакого раскаянія и даже, къ ужасу сенаторовъ, отрицалъ бытіе Божіе.

Не смотря на это, императоръ Николай, какъ къ безумному, а можетъ быть и потому, что это было дѣло не политическое, отнесся милостиво къ Александрову и наказаніе его ограничилось одною ссылкой.

Личность Александра до описаннаго дѣла была извѣстна уже полиціи по слѣдующему случаю: Александровъ, находясь въ крайней бѣдности и выгоняемый изъ квартиры своимъ хозяиномъ за неплатежъ, взялъ свое скудное имущество и книги, вывезъ на Семеновскій плацъ и оставилъ ихъ на произволь судьбы, написавъ, однакожъ, на особомъ лоскуткѣ бумаги: квартира студента! Штука эта разнеслась по городу, кой-кто смѣялся, а были такіе, что и пожалѣли, но помощи не было ни отъ кого.

Кто-же откликнулся на такую безотрадную бѣдность? А откликнулся приспомятанный великій князь Михайлъ Павловичъ! Рассказывали, что онъ велѣлъ разыскать Александра, позвалъ его къ себѣ и помочь ему. Много можно-бы рассказать случаевъ великодушной помощи Михайла Павловича офицерамъ русской арміи, но это особый предметъ, который еще ожидаетъ правдиваго біографа, мы же будемъ продолжать говорить о студентахъ С.-Петербургскаго университета. Есть люди, а такихъ не мало, кои въ студентахъ видятъ какихъ-то буяновъ, сорванцевъ и вообще людей дерзкихъ, отрицающихъ, пожалуй, бытіе Божіе, не чтящихъ и не уважающихъ никого и ничего. Вотъ такіе люди при всякомъ случаѣ пускаютъ въ ходъ про студентовъ всякія небылицы и даже кричатъ: караулъ, разбой! Въ подтвержденіе сего я расскажу нѣсколько происшествій.

Разъ позвали дѣлаю массу студентовъ въ III-е отдѣленіе для объясненія, по поводу жалобы одной чиновной барыни. Жалоба возникла по слѣдующему случаю: многіе студенты, въ томъ числѣ не мало было изъ лучшихъ фамилій, вздумали отпраздновать годовщину окончанія своихъ экзаменовъ и рѣшились поѣхать на пароходѣ, по Невѣ въ Шлиссельбургъ. Само собою разумѣется, они запаслись разною провизіею болѣе или менѣе деликатнаго свойства. Въ числѣ пассажировъ оказалась упомянутая барыня, нѣсколько богомольцевъ и я, пишущій эти строки. Не успѣли отвалить отъ бе-

рега, какъ одинъ студентъ, отличавшійся комизмомъ и смѣлостію рѣчи, принялъ на себя роль хозяина и началъ угощать всѣхъ. Для этого, вооружившись подносомъ или лоткомъ, онъ, съ подобающимъ смиреніемъ, подошелъ къ одному богомольцу, похожему на монаха, и сказалъ на распѣвъ: „отецъ духовный, благослови, прими и вкушай, чѣмъ Богъ послалъ!“ Монахъ, разумѣется, съ улыбкою, но безъ всякой церемоніи взялъ, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и благодарилъ. Затѣмъ хозяинъ студентъ подошелъ къ барынѣ и тоже со смиреніемъ произнесъ: „милостивая государыня, удостойте принять отъ насъ смертныхъ сіе малое, но вкусное угощеніе!“ Но чопорная барыня не поняла шутокъ, рѣзко и съ неудовольствіемъ отвергла предложеніе. Но это не остановило хозяина студента. Взявъ особый лотокъ съ другими лакомствами, онъ опять и съ мнимой лукавою вѣжливостію повторилъ свое предложеніе. Барыня уже съ нѣкоторою злобою опять отказалась отъ угощенія. Это произвело смѣхъ! Хозяинъ студентъ не унылся! Онъ настойчиво новое угощеніе предложилъ опять барынѣ. Барыня окончательно озлилась! Такимъ образомъ, опять со смиреніемъ, безъ всякой улыбки, хозяинъ-студентъ повторялъ предложеніе барынѣ съ каждымъ новымъ лоткомъ. Отвѣты получились тѣ-же. Въ концѣ концовъ, барыня пришла въ неистовство, начала кричать, говорила, что будетъ жаловаться, и скрылась, а хозяинъ студентъ во время угрозъ стоялъ передъ ней, молча, аки агнецъ неповинный.

На другой день, по возвращеніи въ городъ, студенты массою были приглашены въ III-е отдѣленіе. Выслушавъ обвиненіе барыни и оправданіе студентовъ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ—призналъ ихъ виновными, но виновными въ излишней угодливости благороднымъ женщинамъ, за что однакожь карающаго закона нѣтъ. А въ городѣ рассказывали, что на пароходѣ студенты обидѣли и избили одну барыню, затоптали ее ногами и чуть-чуть не бросили въ воду, но, къ счастью, одинъ монахъ за нее заступился и спасъ ее отъ гибели. Вотъ оно до чего дошло!

Разскажемъ еще другія недѣльности городскихъ слуховъ о шалостяхъ студентовъ.

Въ Петербургѣ Дворцовой части былъ частный приставъ, кажется, по имени Владиміръцевъ. Онъ имѣлъ высокій станъ, лице съ черными густыми бакенбардами, носилъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, на головѣ трехъ-угольную шляпу, какія были у студентовъ, и ѣздилъ на парочкѣ вятскихъ лошадей. По совершенной случайности, студентъ князь Сергій Викторовичъ Кочубей имѣлъ одинаковый ростъ и фигуру съ приставомъ Владиміръцевымъ, облакался

въ подобную-же шинель съ бобровымъ воротникомъ и трехъ-угольную шляпу и, въ довершеніе сходства съ нимъ, ѣздилъ также на парочкѣ вятскихъ коней.

Вотъ при такомъ сходствѣ въ костюмахъ и въ экипажѣ, князь студентъ позволялъ себѣ дѣлать такіа штуки: подѣзжая къ будкѣ и не раскрывая широко шинель, онъ спрашивалъ часоваго: есть-ли кто въ будкѣ пьяный? И въ случаѣ утвердительнаго отвѣта князь принималъ на себя роль частнаго пристава и отдавалъ таковой приказъ: выпустить сейчасъ! Подобныя продѣлки повторялись нѣсколько разъ; приставъ Владимірцева это ставило въ тупикъ, особенно, когда будочникъ настойчиво увѣрялъ его, что пьяный, бывший въ будкѣ, выпущенъ по его-же приказу. Само собою все отерлось, когда случайно въ одно и то же время къ будкѣ, что у Полицейскаго моста, подѣхали разомъ и Владимірцевъ и князь Кочубей. Произошла нѣмая сцена! Они озирали другъ друга, кланялись, не произнося ни одного слова, да такъ и разѣхались. Владимірцевъ догадался съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Лѣтъ чрезъ сорокъ послѣ сего, въ Кіевѣ, въ ложѣ нашего общаго товарища князя Дондукова-Корсакова, я встрѣтилъ князя Кочубей. Разумѣется, его черные волосы обратились въ сѣдые и самъ онъ уже былъ не тотъ, каковъ былъ во время оно.

— „А помните-ли, князь, студенческое время и продѣлки ваши съ приставомъ Владимірцевымъ?“—спросилъ я его.

„Да неужели вы помните?“—отвѣчалъ онъ. „Помню!“...

Что это такое? разумѣется шалость самаго невиннаго свойства.

А вотъ другой случай, надѣлавшій шуму на улицѣ.

Одинъ студентъ, князь, имѣя на конюшнѣ много лошадей безъ дѣла, забавлялся тѣмъ, что подъ вечеръ выѣзжалъ на улицу въ качествѣ извозчика и предлагалъ свои услуги въ особенности юнымъ женщинамъ. Вотъ разъ его наняли двѣ молодыя дамы и, помѣстившись въ сани, повели между собою интимный разговоръ на чисто французскомъ языкѣ о томъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ можно съ удобствомъ устроить свиданіе со своимъ кавалеромъ. Вдругъ нашъ извозчикъ тоже, на томъ-же языкѣ, вмѣшался въ разговоръ и сдѣлалъ имъ возраженіе. Мои дамы, услышавъ его и вообразивъ, что это былъ переодѣтый разбойникъ или мошенникъ, выскочили изъ экипажа, подняли крикъ, взывая: караулъ, разбойники и т. д. Маленькая суматоха на улицѣ кончилась, разумѣется, ничѣмъ. Герой этихъ забавъ не окончилъ курса и пробавляется до сихъ поръ за границей.

Въ числѣ товарищей моего курса была такя личность, которая

даже ходила въ народъ, чтобы прислушаться, что тамъ баять? Подъ именемъ „народа“ онъ разумѣлъ кабаки, гдѣ можно было видѣть и слышать простую мужицкую рѣчь и площадную брань. Но посѣщеніе это не имѣло у него никакой политической цѣли и было скорѣе послѣдствіемъ безпутства и отсутствіемъ у него всякой разумной дѣятельности. Это былъ человѣкъ, отверженный отъ науки и общества, но самъ онъ не пьянствовалъ и былъ, кажется, добрымъ. Къ числу таковыхъ я долженъ отнести бывшего студента моего времени Александра Алексѣевича Львова. Фигура его, при маленькомъ ростѣ, куда какъ была невзрачна: глаза подслѣповаты, почти безъ бровей, губы на устахъ не толще древеснаго листка, голова безъ волосъ, въ парикѣ весьма не искуснаго парикмахера, просто-напросто уродецъ, но характера онъ былъ не по росту задорнаго, крайне неуживчиваго и въ довершеніе — охотникъ-хвастунъ. Онъ окружилъ себя стаею собакъ и прислугою довольно многочисленною и вооруженною; одѣвалъ ихъ въ какую-то форму, выѣзжалъ въ города Псковской губерніи, въ сопровожденіи своей свиты, на коняхъ и съ собаками, при трубныхъ звукахъ, и тѣмъ поставлялъ всѣхъ въ недоумѣніе и наводилъ даже страхъ на сельскія и уѣздныя власти. Своимъ буйнымъ поведеніемъ онъ возбудилъ бездну уголовныхъ дѣлъ и, кажется, попалъ въ тюрьму. Вообще жизнь его прошла не хорошо; курса не кончилъ; но между товарищами онъ слылъ за добраго малаго, рассказывая имъ свои удалыя и темныя походы. Посѣщая кабаки съ подвязанною бородою и усами, онъ иногда возвращался оттуда оборваннымъ, избитымъ, съ окровавленною физиономіею, но все это его не останавливало, — онъ продолжалъ свое, хвалясь своими подвигами. Разъ онъ посѣтилъ Гельсингфорсъ съ такою огромною собакою, что при прогулкѣ съ нею отъ него публика сторонилась и пряталась. Это его веселило. На другой день явилась полиція съ депутаціею, чтобы онъ немедленно выѣхалъ. Съ крикомъ и бранью онъ долженъ былъ подчиниться этому требованію. Эта исключительная уродливая личность не можетъ служить образцомъ времени.

Заклучимъ эту главу тѣмъ, что въ 1838 году я окончилъ курсъ по юридическому факультету и затѣмъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи.

IV.

Петербургъ 1830-хъ годовъ.—Невскій проспектъ.—А. С. Пушкинъ. — И. А. Крыловъ и анекдоты о немъ.—Красавицы того времени. — Императоръ Николай Павловичъ.—Императрица Александра Феодоровна. — Великій князь Михаилъ Павловичъ.—Школьники и императоръ Николай.—Пушкинъ на балу на минеральныхъ водахъ.—Графъ Г. А. Строгановъ. — Открытіе памятника Александру I.—Императоръ Николай въ маскарадахъ. — Революція императора Николая Павловича по поводу подмоченныхъ дѣлъ въ губерскихъ мѣстахъ.—Дѣло графа Михаила Потоцкаго.

Городъ Петербургъ былъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, весьма невеликъ и немногочуденъ или, по крайней мѣрѣ, онъ такимъ казался, особенно для тѣхъ, кои жили въ срединѣ оного.

Начнемъ съ угла Невскаго проспекта, отъ главнаго штаба: тутъ былъ маленькій домикъ съ надписью: „Вольное экономическое общество“. Потомъ тянулись двухъ-этажные дома до самаго Полицейскаго моста, который былъ весьма узенькій. Домъ голландской церкви отстраивался, а зданій Петропавловской церкви и самой церкви не было. Казанскій мостъ былъ тоже узенькій, а Михайловской улицы не существовало. Тутъ былъ сплошной огородъ, на одной сторонѣ коего по улицѣ былъ домъ купца Рогова, а на другой — графини Строгановой. Аничкинъ мостъ, съ башеньками на цѣпяхъ, былъ тоже не широкій; лошади Кюдта на немъ явились много десятковъ лѣтъ послѣ. Конюшенная улица ничего не представляла собою: извозчичьи грязные двory далеко не были привлекательны. Около большаго дома Кассиновскаго, что нынѣ, кажется, Смурова, у Полицейскаго моста, было большое пустынное мѣсто, съ какимъ-то флигелемъ, оставшимся отъ временъ императрицы Елисаветы. Александровскаго парка, окружающаго нынѣ Адмиралтейство, и въ поминѣ не было; впрочемъ, была липовая аллея, окаймливавшая все зданіе Адмиралтейства, но вся площадь отъ дворца до сената во всю ширину была пуста. Около Исакиевскаго собора площадь была завалена камнями, а самъ соборъ только въ нижней части своей былъ отстроенъ. Маринскаго дворца и зданій министерства государственныхъ имуществъ и самаго Синяго моста въ томъ видѣ, какъ онъ теперь, не было. Желѣзной дороги въ Москву и вокзала не существовало; равнымъ образомъ, не было и Николаевского моста и набережной позади адмиралтейства. Все это явилось впоследствии и много лѣтъ спустя.

Не смотря на это, Невскій проспектъ и въ то время былъ самой оживленной улицей въ Петербургѣ.

Я жилъ, что называется, на самомъ яру, именно у Полицейскаго моста, въ домѣ графини Строгановой, а потому могъ ежедневно наблюдать что на этой улицѣ шло, двигалось и творилось. Такъ, около трехъ часовъ пополудни, каждый день являлся на Невскій, что называется „beau monde“. Экипажи всѣхъ видовъ, коляски и кареты въ запряжкѣ съ фореиторами и двумя лакеями позади постоянно сновали по улицѣ. Франты всѣхъ оттѣнковъ и просто въ длиннополыхъ бекешахъ и въ шинеляхъ съ нѣсколькими воротниками и въ альмавиво съ закинутою полою съ одного плеча на другое, поражали всѣхъ своею наружностью.

Въ числѣ гулявшей публики почасту можно было примѣтить и Александра Сергѣевича Пушкина, но онъ, останавливая и привлекая на себя взоры всѣхъ и каждого, не поражалъ своимъ костюмомъ, напротивъ, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекеша его, покрывавшая станъ, тоже была старенькая. Я не погрѣшу предъ потомствомъ, если скажу, что на его бекешѣ сзади на талии не доставало одной пуговицы. Отсутствие этой пуговицы меня каждый разъ смущало, когда я встрѣчалъ Александра Сергѣевича и видѣлъ это. Ясно, что около него не было ухода. Онъ жилъ недалеко отъ Невскаго, именно у Пѣвческаго моста, на Мойкѣ, въ домѣ Волконской, а потому прогулки его по Невскому были заурядны. Прогуливался онъ то съ графомъ Нессельроде, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, то съ Воронцовымъ-Дашковымъ, котораго, по улыбающейся фигурѣ, бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, называли вѣчнымъ имянинникомъ. Тутъ-же почасту гулялъ и отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ. Красноватое его лицо и, кажись, рябоватое было далеко не привлекательно, но то замѣчательно, что я никогда не встрѣчалъ его вмѣстѣ съ сыномъ. Непремѣннымъ и ежедневнымъ посѣтителемъ Невскаго былъ также и Булгаринъ, Фаддѣй Венедиктовичъ. Фигура его сутуловатая и вообще невзрачная, глаза съ большими бѣлками, лукавые, лицо красноватое и даже багровое, свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ былъ большой поклонникъ Бахуса, и вообще весь онъ былъ непривлекателенъ и даже что-то было въ немъ отталкивающее. Встрѣчая его и глядя на него, всегда припоминались извѣстные стихи Пушкина:

Не то бѣда, что ты полякъ,—
Костюшко ляхъ, Мицкевичъ ляхъ;
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда,
Будь жидъ—и это не бѣда,
Но то бѣда, что ты Булгаринъ!

Ежедневныя прогулки Булгарина по Невскому объясняются тѣмъ, что онъ жилъ за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Миняева.

Много было личностей, гулявшихъ по Невскому и кои уже давно отошли въ вѣчность, всѣхъ не перечесть, но мы остановимся еще въ особенности на одной изъ нихъ.

Вотъ медленными шагами она идетъ на лѣвой сторонѣ улицы, по направленію отъ Публичной бібліотеки къ Полицейскому мосту, въ синей шинели съ нѣсколькими воротниками. Голова его большая, съ вьющимися сѣдыми волосами, лицо бѣлое, широкое и съ доброю улыбкою на устахъ. Простой народъ и въ особенности извозчики, встрѣчая его, снимаютъ шапки и почтительно кланяются. Это Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ идетъ въ англійскій клубъ, помѣщавшійся тогда на Мойкѣ, за Краснымъ мостомъ, въ домѣ Демидова. Почасту по дорогѣ онъ заходилъ въ домъ графини Софіи Владиміровны Строгановой, чтобы объявить ей чрезъ швейцара, что въ такой-то день онъ будетъ у ней обѣдать. Но на дорогѣ онъ остановился, видимо заинтересованный слѣдующею сценою: ѣхалъ экипажъ и въ упряжи лошадей что-то испортилось. Кучеръ, правившій ими, закричалъ: „Эй, ты, землякъ! Подъ сюда, поправь тамъ, видишь?“ Встрѣчный охотно подошелъ къ нему и началъ, какъ зналъ, поправлять, но дѣлалъ какъ-то неумѣло. Кучеръ, видя это, безъ всякой церемоніи ругнулъ его: „Эхъ ты, говорить онъ: и этого-то не умѣешь сдѣлать, болванъ!“ прибавилъ онъ.

Поправка, однакожъ, кончилась благополучно; кучеръ уѣхалъ, не сказавъ пособнику даже спасибо.

Крылова это поразило.

Придя къ графинѣ, онъ рассказывалъ: „Вотъ какой народъ нашъ добродушный! Подозвалъ чужаго человѣка, заставилъ его дѣлать чужое дѣло, выругалъ и, не сказавъ спасибо, уѣхалъ! А вѣдь нѣмецъ не такой! заключилъ Крыловъ, тотъ даже и не подошелъ—бы поправлять“.

Кстати, въ одно изъ своихъ посѣщеній графини, Крыловъ рассказывалъ слѣдующее, что я своими ушами слышалъ: нѣкто Деларю, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за 1834 г., напечаталъ стихи, подъ заглавіемъ: „Красавицѣ“. Стихи эти надѣлали много шуму въ свое время; цензоръ, пропустившій ихъ, былъ подвергнутъ взысканію. Она начинались тѣмъ, что поэтъ за взглядъ красавицы готовъ былъ отдать державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру, а потомъ кончались такъ:

И если бы Богомъ былъ, селеніями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу
Райскихъ струй,

И сонмы Ангеловъ съ ихъ пѣснями
Живыми,
Гармонію міровъ я власть мою
Надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

Прочитавъ эти стихи, Крыловъ сказалъ графинѣ: „Вотъ что я сообщилъ автору“:

Мой другъ! Когда бы ты былъ Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ!“

Разсказъ о семъ былъ напечатанъ въ видѣ преданія („Русская Старина“ 1881 г., январь), но я подтверждаю это, какъ слышанный мною изъ устъ Ивана Андреевича Крылова.

Въ 1865 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатано было мною нѣсколько анекдотовъ объ И. А. Крыловѣ, но журналъ этотъ за то время теперь рѣдкость, а потому возобновлю въ своей памяти и расказу одинъ изъ нихъ. Но предварительно упомяну, что Иванъ Андреевичъ, въ домѣ графини Строгоновой, былъ искони въ числѣ друзей. Въ тотъ день, когда онъ заявлялъ о своемъ приходѣ, весь обѣденный столъ заготовлялся въ русскомъ духѣ: щи, каша, пироги, кулебяка и все прочее, что Русью пахло. Притомъ всѣ присутствовавшіе должны были непременно говорить по русски, въ противномъ случаѣ назначалось высканіе. Иванъ Андреевичъ, по обыкновенію, кушалъ съ большимъ аппетитомъ и въ началѣ обѣда мало говорилъ, хотя къ бесѣдѣ прислушивался внимательно. Обѣдъ происходилъ въ комнатѣ, въ коей надъ обѣденнымъ столомъ висѣла люстра, украшенная множествомъ хрустальныхъ призмъ. Въ тотъ день, о коемъ я веду разсказъ, солнечные лучи отражались въ граняхъ люстры различными цвѣтами. За обѣдомъ былъ споръ: одни присутствовавшіе говорили, что Петербургъ въ будущемъ будетъ обстраиваться и подвигаться вверхъ по Невѣ, другіе, напротивъ, возражали, объясняя, что постройки Петербурга пойдутъ къ морю внизъ.

„Вы чтоже?“ сказала графиня, обращаясь къ Ивану Андреевичу: „не принимаете участія въ нашемъ спорѣ?“

Крыловъ какъ будто очнулся отъ ѣды и, посмотрѣвъ на люстру, быстро сказалъ:

— „Какого цвѣта кажутся вамъ, графиня, вотъ эти грани?“— „Зеленоватаго“, отвѣчала она. „А вамъ?“ обратился онъ къ другому лицу, сидѣвшему за столомъ. Отвѣтъ былъ: „Желтоватаго“.— „А вамъ?“ снова спросилъ Крыловъ у сидѣвшаго противъ послѣдняго. „Розовый“, — „А мнѣ“, заключилъ Крыловъ: „фіолетоваго“.

„И таеъ“, присовокупилъ онъ: „все разные цвѣта, а предметъ одинъ и тотъ-же. Что-жъ это значить? А значить то, что всѣ смотреть на предметъ съ разныхъ сторонъ“.

Разговоръ прекратился, всѣ остались въ изумленіи, Крыловъ продолжалъ кушать.

Кстати, расскажу еще о двухъ случаяхъ, рассказанныхъ имъ графинѣ. Крыловъ говорилъ: „я сначала много писалъ по разнымъ предметамъ и всякій разъ меня критиковали; это меня крайне обезкураживало, но разъ я написалъ басню и критикъ меня похвалилъ, это меня подвигнуло и началъ я по преимуществу писать басни. Вотъ этому критику я и обязанъ всѣмъ“.

Въ другой разъ Крыловъ говорилъ: „я всегда радуюсь, когда меня упрекаютъ, зачѣмъ я не пишу? и былъ бы очень опечаленъ, если бы мнѣ сказали: зачѣмъ я пишу?“

Все это я слышалъ самъ изъ устъ Крылова. Ясно, что Иванъ Андреевичъ былъ острякъ до самой старости.

Но мы оставили Невскій проспектъ, не сказавши ничего про выдававшихся красавицъ того времени. Исчислять ихъ всѣхъ я не могу по весьма понятной причинѣ: я ихъ не зналъ, хотя и видѣлъ; но всетаки могу сказать о тѣхъ, кои привлекали взоры гудявшихъ.

Замѣчательными женщинами того времени были: княгиня Воронцова-Дашкова, роскошный экипажъ которой, да и сама она привлекали взоры всѣхъ гудявшихъ. Она, что называется, была львица, хотя по виду своему не могла считаться красавицею. Потомъ, графиня Самойлова, графиня Заводовская, урожденная Влодекъ, княгиня Радзивилова, урожденная княжна Урусова, и множество другихъ. Появленіе этихъ лицъ считалось чѣмъ-то необходимымъ для того, чтобы сказать, что день прогулки на Невскомъ былъ удачнымъ.

Но самымъ необходимымъ условіемъ столичной жизни было появленіе на улицѣ царя Николая Павловича и его фамиліи. Вотъ онъ ѣдетъ! Въ коляскѣ синяго цвѣта, парой, въ шинелѣ и въ киверѣ; весь станъ его обличалъ въ немъ величіе. Быстрымъ орлинымъ взглядомъ онъ озиралъ обѣ стороны улицы; военные спѣшили скинуть съ праваго плеча шинель, стать во фронтъ и отдать честь; штатскіе, становясь тоже лицомъ къ царю, скидали шляпы. Для различія отъ нынѣшняго времени скажемъ, что бороды и усы на штатскихъ положительно отсутствовали, усы и бакенбарды были принадлежностью нѣкоторыхъ военныхъ.

Почти въ одно и то же время императрица Александра Феодоровна, въ великолѣпномъ ладо синяго цвѣта, въ англійской упряжи.

цугомъ, въ сопровожденіи кого-либо изъ князей, показывалась на Невскомъ, привѣтливо отвѣчая на поклоны публики.

Не нужно было много ждать, чтобы видѣть, какъ появлялся на улицѣ почасту пѣшкомъ пѣсаревичъ, блаженной памяти Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ нему лица. Скромно отвѣчая на поклоны публики, встрѣчавшейся съ нимъ, онъ, своимъ добрымъ выраженіемъ лица, привлекалъ общее вниманіе.

Я не ошибусь, если скажу, что почти ежедневно, особенно въ хорошую погоду, можно было встрѣтить юныхъ тогда великихъ князей Константина, Михаила и Николая и великихъ князей: Марію, Ольгу и Александру.

Говоря о лицахъ царской фамиліи, нельзя забыть и великаго князя Михаила Павловича. Его тоже ежедневно, и даже нѣсколько разъ въ день, можно было видѣть то проѣзжающимъ по Невскому, то идущимъ пѣшкомъ. Отъ его взоровъ не ускользала ни одинъ юнкеръ или офицеръ; малѣйшее несоблюденіе ими формы, напримѣръ: пошеніе фуражки вмѣсто кивера или трехъ-угольной шляпы, или, наконецъ, пошеніе калошъ, не отданіе чести во-время кому слѣдуетъ, имѣло послѣдствіемъ взысканіе. А между тѣмъ, кто близко его зналъ всѣ свидѣтельствуютъ, что это былъ, въ душѣ своей, одинъ изъ милосерднѣйшихъ начальниковъ. Я былъ свидѣтелемъ одной сцены на улицѣ: шелъ отставной солдатъ и несъ большую бутылъ масла; одежда его, не смотря на фартукъ, была, разумѣется, замаслена до-нельзя. Вдругъ великій князь, что называется, налетѣлъ на него. Взглядъ его показывалъ, что онъ узналъ солдата издали и окликнулъ его по имени:

— „Стой!“—закричалъ онъ: „поди сюда, посмотри на себя, на кого ты похожъ? Свинья свиньей!“

„Да такая работа, ваше высочество, съ масломъ возусь!“

— „А другой нѣтъ?“ возразилъ великій князь.

„Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ солдатъ.

— „Приходи ко мнѣ во дворецъ“, продолжалъ великій князь: „я тебѣ сыщу работу“, и затѣмъ уѣхалъ.

Я подошелъ къ солдату. „Видно онъ тебя знаетъ!“ сказалъ я ему.

„Какъ-же,—я въ артиллеріи служилъ; да онъ насъ всѣхъ знаетъ!“

Мнѣ рассказывалъ еще бывший адъютантъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ, что память великаго князя была поразительна: онъ помнилъ имена не только каждаго солдата изъ своей артиллерійской роты, когда онъ ея въ молодости командовалъ, но даже имена ихъ женъ и крестниковъ своихъ, конхъ, по полкамъ, у него было безъ счету.

Ежедневныя встрѣчи народа и вообще публики съ царскою фамиліею единили ихъ между собою, укрѣпляли преданность къ ней и поселяли радость. Встрѣчи эти были попреимуществу на Невскомъ, Морской, на набережныхъ и въ Лѣтнемъ саду.

Не рѣдко можно было видѣть царя Николая Павловича шедшимъ пѣшкомъ по Морской и Невскому проспекту, по лѣвой сторонѣ. Разъ я помню такой случай: не успѣлъ онъ, идя пѣшкомъ, миновать Публичную библіотеку, какъ изъ-за угловъ Александринскаго театра и смежныхъ съ нимъ улицъ показалась толпа школьниковъ. По какой-то странности, свойственной, впрочемъ, школярамъ низшихъ сословій, они начали бѣжать рядомъ съ царемъ и вокругъ него, смотря прямо ему въ лицо. Уличная полиція видѣла все это, но не смѣла выказать свою распорядительность. Равнымъ образомъ, и публика съ другой стороны Невскаго съ любопытствомъ смотрѣла на это и удивлялась терпѣнію и благодущію царя. Съ такою толпою кружившихся около него школяровъ царь дошелъ до продавца, стоявшаго со своимъ лоткомъ пряниковъ, фруктовъ и разныхъ сластей, около рѣшетки Аничкина дворца... Государь остановился около него и, взглянувъ милостиво и съ улыбкою на своихъ преслѣдователей, велѣлъ раздавать все, что у него было на лоткѣ, и послѣ явиться во дворецъ. Началась раздача. Школьники тотчасъ приткнулись къ лотку, съ жадностію смотрѣли на гостинцы, дожидаясь съ нетерпѣніемъ каждый своей очереди. Царь величаво пошелъ далѣе. Публика въ недоумѣніи съ другой стороны улицы смотрѣла, а полиція, освободившись отъ страха, вздохнула свободно.

Разказы о царѣ, при посѣщеніи имъ корпусовъ, поражали всѣхъ отеческою его любовію. Маленькіе кадѣты, безъ церемоніи и боязни, окружали царя, карабкались на его могучіе плечи, вытаскивали у него платки изъ кармана, вырывали перы изъ его шляпы, похищали перчатки и т. д.—всего не перечтешь!

Раннею весною и лѣтомъ царская фамилія при Николаѣ Павловичѣ, въ первые годы его царствованія, почасту пребывала на Елагиномъ острову. Тогда эта мѣстность съ Каменнымъ островомъ, Новою деревнею, Строгановымъ садомъ, особенно была оживленною. Зданіе минеральныхъ водъ только что было выстроено и лучшая публика посѣщала ихъ. Являлась сюда и царица Александра Феодоровна утромъ для прогулокъ и вечеромъ во время баловъ. Тутъ-же было для царской фамиліи и особое отдѣленіе комнатъ. Помню: на одномъ изъ баловъ былъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ со своею красавицею-женою, Наталіею Николаевною. Супруги невольно останавливали взоры всѣхъ. Балъ кончился. Наталья

Николаевна, въ ожиданіи экипажа, стояла прислонясь къ колоннѣ у входа, а военная молодежь, по преимуществу изъ кавалергардовъ, окружала ее, разсыпаясь въ любезностяхъ. Нѣсколько въ сторону, около другой колонны, стоялъ въ задумчивости Александръ Сергѣевичъ, не принимая не малѣйшаго участія въ этомъ разговорѣ. Вглядываясь въ супруговъ и группу офицеровъ, проникательному и пытливому взору наблюдателя можно было прозрѣть и отгадать будущее. Это будущее было не вдалекѣ! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пушкинъ погибъ (29 января 1837 г.) отъ руки, вѣроятно, одного изъ окружавшихъ Наталію Николаевну на балу кавалеровъ. Это былъ Геккеріъ-Дантесъ.

На дачѣ въ Строгановомъ саду, на право съ мосту, на берегу, жилъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ († 7-го января 1857 г.); супругу его звали Юлія Петровна. Самъ онъ былъ слѣпецъ. У нихъ, на дачѣ, со стороны сада, на балконѣ часто можно было видѣть Александра Сергѣевича бесѣдовавшаго со старикомъ. Это отецъ графа Сергѣя Григорьевича, бывшаго попечителя московскаго университета и одесскаго—графа Александра Григорьевича—графъ Григорій Александровичъ. Фигура графа Григорія съ сѣдыми вьющимися волосами, въ бархатномъ длиннополномъ черномъ сюртукѣ, съ добродушною улыбкою, невольно останавливала вниманіе гулявшихъ въ саду. Особенно, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ и поэтъ. Пушкинъ считалъ старика Строганова своимъ другомъ, каковымъ графъ себя и на дѣлѣ выказалъ впоследствии, когда Пушкинъ умеръ. Извѣстно, что графъ Григорій былъ опекуномъ надъ дѣтьми поэта и его имуществомъ. Черезъ его ходатайство семья Пушкина получила отъ государя до 150 т. руб. серебромъ.

Описывая Петербургъ прошлаго времени, нельзя пройти молчаніемъ и его окрестности.

Павловскъ и Царское село тогда еще не были излюбленными мѣстами. Одинъ только Петергофъ, особенно въ день гулянья, что было 1-го іюля, подымалъ весь Петербургъ. Туда стекались въ экипажахъ, лодкахъ, на пароходахъ и даже пѣшкомъ. Вечеромъ 1-го іюля весь садъ верхній и нижній освѣщался безчисленными огнями, шкаликами съ разными сіяющими щитами, фонтаны металы и подымали воду неисчерпаемыми струями, а во дворцѣ шелъ маскарадъ. Сюда всѣ, сколько-нибудь въ приличномъ одѣяніи, допускались. Царь подъ руку съ дамой, украшенной вѣнками изъ васильковъ, открывалъ шествіе, пробивая себѣ и слѣдующимъ за нимъ дорогу. Украшеніе дамами своихъ головъ васильками было, кажется, общее. Это любимый цвѣтокъ императрицы Александры Феодо-

ровны, напоминавшій ей мать—королеву Луизу. Всѣ видѣли и слышали рѣчь царя и поражались его простотою и величіемъ. Послѣ сего царская фамилія, съ придворными, садилась въ линейки и каталась по аллеямъ сада. Самъ царь, стоя на подножкѣ одной изъ линеекъ, около козелъ, громко возглашалъ, обращаясь къ публикѣ: „осторожниѣе, берегитесь, тише-тише!“ Однимъ словомъ, царя слышали, видѣли, царь былъ вездѣ и повсюду въ виду народа.

Помню, въ Петергофѣ, въ день Ольгинъ, кажется 11-го іюля 1846 года, царь вышелъ на балконъ съ великою княжною Ольгою Николаевною и движеніемъ руки, глазами и громкою рѣчью представилъ ее народу, какъ невѣсту. Нужно было видѣть эту сказочную красавицу княжну, со своимъ величавымъ отцемъ, чтобы прійдти въ неописанный восторгъ, залиться отъ избытка чувствъ слезами и затѣмъ, во всю жизнь, не забыть этой сцены.

Съ такими усвоенными мыслями о царѣ, появлявшемся всюду среди народа и охраняемомъ любовію его, мы, современники, остались во всю нашу жизнь; но не могу не рассказать еще нѣсколько событій того времени и случаевъ о приснопамятномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ.

30-го августа 1834-го года послѣдовало открытіе памятника Александровской колонны. Войскъ собрано было множество и вся площадь Зимняго дворца, Адмиралтейства и Сената покрыта была ими. Погода была пасмурная и съ дождемъ, но народу была масса. Въ кругу главнаго штаба и около него, по окраинамъ, устроены были мѣста для публики.

Въ то время, когда государь, со свитою и лицами высшаго духовенства, былъ около памятника, а протодіаконъ Лебедевъ провозглашалъ, могучимъ басомъ, вѣчную память императору Александру I, вдругъ, надъ самымъ памятникомъ просвѣтлѣло небо, въ видѣ радужнаго круга, и въ срединѣ онаго, съ высоты небесъ, лучи солнца, широкою полосою, ярко озарили вершину колонны. Явленіе было поразительное, видимое для всѣхъ, и оставалось во все время, пока продолжалось молебствіе. Многіе, видя это, невольно крестились. Говорю это для того, что я не читалъ о семъ нигдѣ, а между тѣмъ, на нѣкоторыхъ гравюрахъ того времени, гдѣ изображается Александровская колонна, облачное небо представлено отверстымъ съ нисходящими на нее лучами солнца. Ясно, что художникъ видѣлъ это явленіе. Рассказывая о возможности видѣть царя Николая, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ былъ большой любитель театра и въ особенности маскарадовъ. Не одна новая пьеса во французскомъ или русскомъ театрѣ, а равно опера и ба-

дети не проходили без того, чтобы царь не осчастливил пьесу своимъ присутствіемъ. Всѣ лучшіе актеры того времени были извѣстны лично ему. Онъ удостоивалъ ихъ своею бесѣдою, шутками и вообще милостиво къ нимъ относился. Ходъ пьесы при царѣ видимо оживлялся; актеры наперерывъ другъ передъ другомъ старались выказать свои способности, играя на сценѣ безъ всякаго стѣсненія. Итальянская опера того времени была на высотѣ своего величія. Пѣвцы: Рубини, Тамбурини, Лаблашъ, Віардо и друг. сдѣлали эпоху въ музыкальномъ мірѣ всего свѣта.

Можно сказать безъ преувеличенія, что на всѣхъ маскарадахъ въ Большомъ театрѣ и дворянскомъ собраніи, царь Николай, если только находился въ столицѣ, былъ постояннымъ и непремѣннымъ посѣтителемъ. Эта любовь царя къ маскарадамъ дѣлала много заботъ бывшему оберъ-полиціймейстеру столицы Александру Павловичу Галахову. Онъ считалъ своею обязанностію, чтобы доставить удовольствіе государю, не только приглашать, но умолять знакомыхъ ему дамъ быть непремѣнно въ маскарадѣ, снабжая ихъ безплатно билетами. Отличавшіяся любезностію дамы были по преимуществу изъ круга французскихъ первоклассныхъ артистокъ; были, разумѣется, дамы и изъ высшаго круга, но какъ тѣ, такъ и другія безъ стѣсненія интриговали царя, отвлекали его отъ царственныхъ заботъ и почасту срывали улыбку съ его устъ.

Помню разъ, что одна маска, ведомая имъ подъ руку въ маскарадѣ, остановила его предъ группою генераловъ, кои, какъ на подборъ, были одинъ другаго толще и пузастѣе.

„Не знаю“, сказала маска: „храбры-ли или любезны твои генералы, но, глядя на нихъ, можно сказать навѣрно одно только, что они всѣ какъ будто въ интересномъ положеніи!“

Царь и генералы громко захохотали.

Много ходило разныхъ анекдотовъ по поводу посѣщенія царемъ маскарадовъ. Нѣкоторыя неумѣлыя дамы, какъ говорили, предлагали царю такіе вопросы, кои выходили изъ круга маскарадныхъ легкихъ разговоровъ. Такихъ дамъ царь обыкновенно безъ церемоніи оставлялъ, не удостоивая ихъ дальнѣйшею бесѣдою. Но были и такіе случаи, кои вызывали царя на доброе дѣло. Вотъ что рассказывала мнѣ одна дама, жившая въ Таврическомъ дворцѣ.

— „Вы видите“, произнесла она: „я далеко не хороша собою, даже можно сказать дурна, не правда-ли? Но тѣмъ не менѣе мнѣ страстно желалось интриговать царя въ маскарадѣ. Долго я думала, совѣтывалась со своимъ зеркаломъ, которое, хотя говорило мнѣ истину, но въ виду того, что я буду подъ маскою, я рѣшилась идти въ

маскарадъ. Само собою, я приготовилась къ той роли, которую задумала разыграть подъ маскою предъ царемъ. Это было въ Москвѣ. Насталъ день и я отправилась. Случай благопріятствовалъ мнѣ и я скоро овладѣла рукою царя. Скажу вамъ откровенно и не хвалясь, что въ разговорѣ съ нимъ, я превзошла сама себя: была умна, любезна и таинственна; однимъ словомъ, царь былъ завлеченъ мною. Но всему бываетъ конецъ!

„Довольно“, сказалъ царь: „прошу тебя познакомить меня съ собою, безъ маски!“

Какъ? снять маску, это значило-бы уничтожить то очарованіе, которое я навѣяла на него. Мнѣ стало жаль самое себя, столько трудовъ и вдругъ—все должно исчезнуть какъ дымъ! Нѣсколько одумавшись, я произнесла: позвольте мнѣ, государь, воспользоваться, на этотъ разъ, правами маски и остаться подъ покровомъ ея, въ неизвѣстности!

„Въ такомъ случаѣ, скажи, не могу-ли я быть тебѣ полезнымъ и снова видѣть тебя когда-нибудь. Напримѣръ, продолжалъ царь: видѣла-ли ты дворецъ? если нѣтъ, то я самъ берусь показать тебѣ его!“

Я согласилась, и царь назначилъ мнѣ на другой день приемъ. Вы можете себѣ представить, въ какомъ безотрадномъ положеніи была я, возвратившись домой. Первою мыслию моею было взглянуть снова на себя въ зеркало. Боже мой! какъ я была дурна! Я возненавидѣла всѣхъ красивыхъ женщинъ. Меня одолѣло раздумье—идти или не идти къ царю во дворецъ? Не идти нельзя, а идти, значило-бы сказать царю: смотри, какая дурнышка тебя интриговала! Но всякія размышленія тутъ были не причемъ. Я отправилась въ назначенный часъ во дворецъ и была представлена царю. Взглянувъ другъ на друга, смущеніе наше было полное: онъ — идеаль мужества; я—дама въ сознаниі своего безобразія. Но онъ быстро овладѣлъ собою, подалъ мнѣ любезно свою руку и повелъ меня по новому дворцу, тогда только что отстроенному. Подъ конецъ онъ спросилъ меня: не можетъ-ли онъ быть для меня полезнымъ въ чемъ-нибудь другомъ? Я откровенно отвѣчала, что желала-бы жить въ Петербургѣ и имѣть тамъ занятія. Представленіе кончилось, а чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, мнѣ предложено было прибыть въ Петербургъ и въ ожиданіи занятій поселиться въ Таврическомъ дворцѣ. Вотъ вамъ моя исторія, заключила дама“. Дальнѣйшая судьба ея мнѣ неизвѣстна.

Но не однѣ маскарадныя сцены свидѣтельствовали о великодушіи царя, какъ рыцаря мужчины, нѣтъ! Онъ во всѣхъ дѣлахъ,

кои доходили до него, вездѣ и всегда являлся достойнымъ того величія, которое присуще монарху.

Служа въ министерствѣ юстиціи, въ званіи начальника отдѣленія гражданскихъ дѣлъ, я имѣлъ много случаевъ, по производству оныхъ, видѣть и читать его резолюціи. Всѣ они свидѣтельствовали, что онъ былъ чуждъ всякаго пристрастія къ кому-бы то ни было.

По смерти царя Николая Павловича, бывшій тогда въ живыхъ, графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ возымѣлъ благую и добрую мысль: собрать всѣ собственноручныя его резолюціи. Ради сего онъ пригласилъ много дѣльцевъ и, кажется, работа была начата, но едва-ли при жизни получила окончаніе. Вышло, какъ извѣстно, его сочиненіе: „Восшествіе на престолъ императора Николая“— и только, но дальнѣйшіе труды его остались неизвѣстны.

Замѣчательно, что императоръ Николай, усматривая въ какомъ-либо вѣдомствѣ безпорядокъ, не освобождалъ себя отъ упрека въ томъ, что этотъ безпорядокъ не былъ устраненъ имъ своевременно. Такихъ случаевъ можно много привести, но я расскажу одинъ, который меня когда-то въ особенности поразилъ.

Вѣдомо всѣмъ, что въ 1824 году въ С.-Петербургѣ было наводненіе, во время котораго всѣ нижніе этажи зданій были наполнены водою, и что тамъ многое оказалось подмоченнымъ и испорченнымъ. Къ числу такихъ зданій принадлежалъ и домъ, находившійся на Адмиралтейской площади, занимаемый губернскими присутственными мѣстами. За нѣсколько лѣтъ до смерти императора, мѣстный петербургскій генераль-губернаторъ, кажется Шульгинъ, довелъ до свѣдѣнія государя, что подъ лѣстницею губернскихъ мѣстъ валяется въ безпорядкѣ масса дѣлъ, сваленныхъ сюда еще во время бывшаго въ 1824 г. наводненія и до сихъ поръ не разобранныхъ.

На донесеніи этомъ государь приблизительно, какъ помню, написалъ слѣдующее: „Позоръ для начальства и моему царствованію! Какъ!“—писалъ государь: „въ теченіи слишкомъ 20-ти лѣтъ дѣла остаются не разобранными въ зданіи, мимо котораго ежедневно ходятъ и ѣздятъ всѣ, а въ томъ числѣ и я!“

Министерство юстиціи этого царскаго упрека не приняло въ сердцу, считая безпорядокъ въ означенномъ зданіи дѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но однакожь, для отклоненія отъ себя упрека, командировало чиновника своего, нѣкоего Меншикова. Чиновникъ этотъ началъ съ того, что вошелъ съ представленіемъ о покупкѣ веревокъ, нужныхъ для связки дѣлъ.

Далѣе по дѣламъ министерства юстиціи было видно, что императоръ Николай, убѣдясь въ виновности какого-либо лица, не измѣ-

нялъ своихъ убѣжденій, не смотря на всѣ заискиванія, просьбы и ухищренія, и оставался твердъ и непоколебимъ, и былъ правъ. Въ подтвержденіе сего я расскажу про дѣло графа Михаила Потоцкаго. Личность эта принадлежала къ богатѣйшимъ помѣщикамъ Подольской губерніи. Ему принадлежали многолюдныя имѣнія Тульчинъ и Ольховатскъ съ нѣсколькими деревнями и селами. Самъ онъ былъ на худомъ счету у государя по многимъ дѣламъ, но мнѣ собственно извѣстно только два; первое: похищеніе имъ во время Вознесенскихъ маневровъ красавицы Мюллеръ-Закомельской, а второе: жестокое обращеніе его со своею женою, Дельфиною, урожденною Свейковскою. Съ нею у него не было ладу, и вотъ разъ онъ ее избилъ до-нелзя и она, растрепанная и оборванная, прибѣжала въ штабъ квартировавшей въ Тульчинѣ дивизіи, начальникомъ коей былъ генералъ Скарятинъ, прося у него защиты.

Графиня была молода и очень хороша собой, а потому, весьма естественно, что она скоро обрѣла эту защиту въ лицѣ генерала-воища. Но какъ и чѣмъ оказать ей покровительство? Недоумѣніе было полное. Къ счастью, въ это время, императоръ Николай былъ въ пути и ѣхалъ чрезъ Тульчинъ. Дѣло доложено было ему въ томъ смыслѣ, что графъ Потоцкій буйнаго характера, своеволенъ и стѣсняетъ жену и сына въ средствахъ жизни.

Рѣшеніе императора послѣдовало немедленно. Имѣніе взято въ вѣдѣніе III-го отдѣленія, съ назначеніемъ особаго администратора, а самъ Потоцкій сосланъ въ какой-то губернской городъ, вѣзется, Саратовъ.

Графъ, живя въ этомъ городѣ, для того, чтобы затруднить жену въ средствахъ, началъ выдавать на себя разныя обязательства съ обеспеченіемъ на имѣніи. Послѣдствіемъ сего было то, что для разбора сихъ обязательствъ учреждена была особая коммиссія. Это поудержало графа; но засимъ онъ пустился на разныя ухищренія, съ одной стороны, чтобы умиловитъ царя и снискать отъ него прощеніе, а съ другой—затруднить управленіе имѣніемъ,—увы! всѣ его подвохи оказались тщетными и онъ ничего не достигнулъ; но расскажем по порядку.

Перво-на-перво онъ пожертвовалъ: три тысячи ежегоднаго дохода въ пользу сиротъ Саратовскаго института благородныхъ дѣвицъ и одну тысячу въ пользу тамошняго пріюта. Пожертвованіе принято; его, можетъ быть, и благодарили тѣ, до коихъ дѣло касалось, но царь безмолствовалъ. Потоцкій задумался и началъ заискивать расположеніе царя со стороны православія: онъ, вдругъ, пожертвовалъ 12 тысячъ рублей въ годъ на поддержку и устрой-

ство православныхъ церквей въ своемъ имѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ обязался выстроить тамъ же, особо, 12 каменныхъ православныхъ церквей. Это пожертвованіе со стороны католика не могло не поразить всѣхъ, но увы! помилованія отъ царя опять-таки не послѣдовало, а этого-то онъ и домогался! Но графъ Потоцкій не унимался, продолжалъ испытывать великодушіе царя, и пошелъ далѣе. Представьте себѣ,—онъ составилъ отпускную всѣхъ крестьянъ Тульчино-Ольховотскаго имѣнія, въ количествѣ, кажется, 18 тыс. крестьянъ, однакожъ, безъ земли.

По случаю этой отпускной въ министерствѣ задумались: съ одной стороны принимали во вниманіе, что помѣщикъ Потоцкій—правоспособный, слѣдовательно имѣющій право располагать своимъ имѣніемъ и свободою крестьянъ, а съ другой: какъ отпускать крестьянъ безъ земли, въ такомъ количествѣ, да еще на границѣ имперіи и въ то время, когда мысль о свободѣ крестьянъ, такъ сказать, жила въ воздухѣ и пугала неимовѣрно правительство.

„Что дѣлать“, говорили въ министерствѣ, „и какъ быть? Вѣдь такъ можно, пожалуй, поднять общій вопросъ о свободѣ крестьянъ на всю имперію, а это, Боже сохрани, бѣда!“

Одинъ государь не затруднился! Онъ указалъ, что всего удобнѣе въ имѣніи Потоцкаго опредѣлить временно обязательное положеніе съ переложеніемъ натуральной повинности на денежную и съ назначеніемъ крестьянамъ извѣстнаго количества земли. Ради сего составлена была комиссія, въ коей, какъ мнѣ извѣстно, засѣдалъ и самъ государь и дѣлалъ собственноручно нѣкоторыя поправки.

Дѣло кончилось,—имѣніе осталось въ вѣдѣніи III-го отдѣленія, крестьяне переведены на оброкъ, графинѣ назначено содержаніе, кажется 18 тыс. въ годъ, но положеніе графа не измѣнилось!

Послѣ сего можно-бы успокоиться, но графъ Потоцкій все еще считалъ возможнымъ умиловить царя. Для этого онъ прибѣгъ къ послѣднему средству: онъ объявилъ и просилъ дозволить ему вмѣстѣ съ сыномъ принять православіе! И это ему было разрѣшено и засимъ онъ изъ Мечислава сталъ именоваться Михаиломъ, а сынъ его, по принятіи православія, опредѣленъ въ кадетскій корпусъ. Но и послѣ всего этого графъ Мечиславъ (Михаилъ) Потоцкій не получилъ свободы и царь, по отношенію къ нему, оставался непреклоннымъ.

Назначенное графинѣ Дельфинѣ Потоцкой комиссіею содержаніе показалось ей скуднымъ и она явилась въ Петербургъ, задумавъ подать жалобу на неправильное переложеніе комиссіею натуральныхъ

повинностей на денежную. Но кому подать жалобу, когда известно было, что въ этой комиссіи участвовалъ самъ царь? Она прибѣгла къ В. П. Буткову за совѣтомъ. Мужъ этотъ, какъ всѣмъ известно, былъ поклонникъ прекраснаго пола, а графиня была еще молода, хороша и даже въ свое время слыла красавицею. Онъ научилъ графиню подать лично государю жалобу, съ присовокупленіемъ, что она подаетъ жалобу царю на царя!

Царь великодушно и съ улыбкой принялъ эту жалобу и приказалъ препроводить оную въ министерство юстиціи съ порученіемъ разсмотрѣть дѣло во всей подробности и доложить ему: правъ-ли онъ или нѣтъ? Дѣло въ министерствѣ доложено было, въ качествѣ начальника отдѣленія, пишущимъ сіи строки и, разумѣется, царь оправданъ былъ вполне. Засимъ графиня выпровождена была изъ Петербурга.

Въ такомъ положеніи дѣло было до самой смерти государя императора Николая и, слѣдовательно, всѣ ухищренія графа Потоцкаго умилостивить его,—остались тщетными. По востшествіи же на престолъ Александра II, Потоцкій былъ освобожденъ и отпущенъ за границу. Тамъ, какъ говорили, онъ предался биржевой игрѣ и нажилъ десятки милліоновъ. Былъ-ли онъ за границею православнымъ или католикомъ?—неизвестно! Но не нужно быть мудрецомъ, чтобы отгадать, что онъ и не переставалъ быть католикомъ. Заключимъ исторію о Потоцкомъ, сказавъ, что въ 1869 году имѣніе Тульчинъ-Ольховотское съ деревнями и селами, перешло въ вѣдѣніе племянницы графа Михаила Потоцкаго, графини Маріи Болиславовны Строгановой, урожденной Потоцкой, а отъ нея, 1874 г. 9 декабря, поступило въ вѣдомство департамента удѣловъ за 3,500,000 руб.

Самъ графъ Михаилъ Потоцкій скончался въ Парижѣ, а сдѣланныя имъ пожертвованія въ пользу саратовскаго института, пріюта, на поддержку церквей 12 тысячъ р. и на постройку 12 каменныхъ церквей—остались безъ измѣненія.

Марія Строганова умерла въ Римѣ 18 марта 1882 года и похоронена въ Невскомъ монастырѣ. Дочь ея состоитъ въ замужествѣ за княземъ Щербатовымъ, сыномъ князя Григорія Алексѣевича Щербатова. Ей принадлежитъ имѣніе Немирово, Подольской губ.

Мужъ графини Маріи Строгановой, графъ Григорій Сергѣевичъ Строгановъ, пребываетъ постоянно въ Римѣ.

Разскажемъ еще одно преданіе объ императорѣ Николаѣ.

Многіе думали и говорятъ, что онъ при своемъ величій былъ недоступенъ; напротивъ, печатаемые про него теперь рассказы свидѣтельствуя совсѣмъ иное. Можно-бы въ подтвержденіе сего

сказать многое, но я повѣдаю только одинъ случай, гдѣ онъ выказалъ терпѣніе и великодушіе.

Дѣвица Билибина, остановивъ царя на улицѣ, во время прогулки, просила у него аудіенціи. Государь изъявилъ согласіе; она явилась во дворець и рассказала слѣдующее:

Графъ Разумовскій, владѣя многими имѣніями Черниговской губерніи, отдалъ оныя въ аренду купцу Билибину. Но вслѣдъ за симъ послѣдовалъ указъ, въ силу котораго дворянскія имѣнія запрещалось отдавать лицу не дворянскаго званія въ аренду, посему упомянутая аренда должна была прекратиться и между купцомъ Билибинымъ и наслѣдниками графа Разумовскаго, въ числѣ которыхъ былъ графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія), образовались многосложные расчеты. Дѣло это тянулось много лѣтъ и Билибинъ потерялъ оное, но дѣвица Билибина доложила царю, что дѣло это представлено было въ сенатъ не въ полномъ видѣ но при отсутствіи многихъ томовъ онаго, а потому результатъ рѣшенія вышелъ не въ пользу Билибина. При этомъ Билибина повѣдала царю, что исчезновеніе многихъ томовъ дѣла изъ сената слѣдуетъ приписать вліянію графа Уварова.

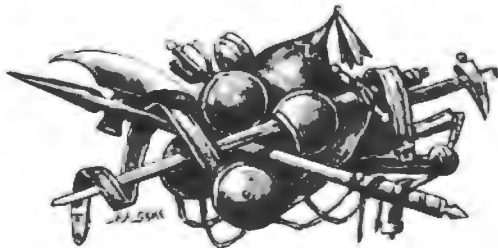
Царь принялъ слова Билибиной къ сердцу, повелѣлъ отыскать дѣла, кои вслѣдъ за симъ были подвинуты къ какому-то дому внѣ сената.

Дѣло, согласно высочайшему велѣнію, было вновь пересмотрѣно въ цѣломъ составѣ и графъ Уваровъ проигралъ оное.

Разсказывали тогда, что обстоятельство это имѣло вліяніе на дальнѣйшую судьбу графа Уварова.

Н. М. Колмазовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Гетманъ Мазепа

1704 г.

Помѣщенное нами въ „Русской Старинѣ“ над. 1891 г., т. LXX, май, стр. 498, письмо гетмана Мазепы интересно съ двухъ сторонъ—со стороны языка и внутренняго содержанія. Языкъ его составляется изъ смѣси словъ великорусскихъ, польскихъ и малорусскихъ, конструкція рѣчи немного напоминаетъ латинскую. Въ этомъ письмѣ, какъ и во многихъ другихъ памятникахъ, Мазепа является риторомъ. О внутреннемъ содержаніи письма позволю себѣ сдѣлать нижеслѣдующее замѣчаніе.

Въ октябрѣ 1702 года Петръ ваялъ у шведовъ Нотебургъ, переименованный потомъ въ Шлиссельбургъ; въ апрѣлѣ 1703 года русскіе полки осадили Канцы (Ніеншандъ) и 1-го мая взяли ихъ; 16-го мая Петръ заложилъ Петербургъ. Такъ быстро забираетъ онъ у шведовъ цѣлый край и забираетъ съ цѣлью оставить его за Россіей навсегда. Заботясь о благоустройствѣ новыхъ крайнихъ городовъ своихъ, онъ старается поставить во главѣ ихъ лучшихъ русскихъ людей, дать городамъ этихъ лучшихъ представителей своей земли. Первымъ губернаторомъ Шлиссельбурга былъ А. Д. Меншиковъ.

Увидѣвшись въ Москвѣ съ гетманомъ, государь приказываетъ ему найти двухъ разумныхъ и набожныхъ духовныхъ лицъ. Царь не объясняетъ, для чего они ему надобны. Меншиковъ-же, съ своей стороны, проситъ сыскать искуснаго въ дѣлахъ церковныхъ законника (т. е. монаха) или священника съ дьякономъ для шлиссельбургской церкви.

Очевидно, служителями русской церкви на новой окраинѣ надобно было ставить людей образованныхъ, опытныхъ, которые были-бы въ состояніи грозно и честно держать здѣсь вновь поднятое знамя православія. Такихъ людей можно было сыскать тогда только въ Кіевѣ. Здѣсь давно уже шла борьба православія съ западными исповѣданіями, она воспитывала и добрыхъ бойцовъ.

Прибывъ въ Малороссію, гетманъ Мазепа видѣлся съ митрополитомъ, передалъ ему царское повелѣніе и просьбу царскаго любимца. Владыка отписываетъ, что онъ нашелъ требуемыхъ лицъ. И вотъ гетманъ извѣщаетъ о томъ „вѣло любезнаго брата“ своего А. Д. Меншикова и проситъ увѣдомить, нужны-ли эти лица, чтобъ не беспокоить ихъ напрасною посылкою. Въ письмѣ его не безъ умысла повелѣніе государя сопоставлено съ просьбою Меншикова объ одномъ и томъ-же предметѣ. Ближній къ Петру человекъ просьбою своею только разъясняетъ повелѣніе великаго государя. Мазепѣ это казалось выше всякаго сомнѣнія.

Ив. Штаталовъ.

АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ АРБУЗОВЪ,

генераль-адъютантъ.

1796 — 1861 гг.

Къ „Воспоминаніямъ г.-л. М. А. Маркова о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку“.

Насколько сыну не подобаетъ быть панегиристомъ своего роднаго отца и его служебной дѣятельности, настолько же, если не болѣе, ему вмѣняется въ священную обязанность охранять память отца отъ неблаговидныхъ нареканій и отъ преувеличеннаго изображенія такихъ его недостатковъ, которые собственно свойственны всѣмъ смертнымъ, за исключеніемъ развѣ героевъ старыхъ романовъ и нѣкоторыхъ авторовъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Къ исполненію этой священной обязанности я вызванъ „Воспоминаніями стараго инвалида“, М. А. Маркова, помѣщенными въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ за 1890 г.

Прежде чѣмъ возражать противъ разсказовъ и анекдотовъ М. А. Маркова, предпосылаю краткія біографическія свѣдѣнія объ А. Ѳ. Арбузовѣ, заимствованныя изъ его формулярнаго списка и другихъ не менѣе достовѣрныхъ источниковъ; свѣдѣнія эти настолько характерны, что по прочтеніи ихъ, даже безъ всякихъ комментарій съ моей стороны, каждому станетъ ясно, куда отнести анекдоты „стараго инвалида“, къ области-ли правдиваго изложенія дѣйствительности или къ области игриваго вымысла.

Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ происходилъ изъ бѣдной дво-

рянской семьи. Отецъ его—дворянинъ Смоленской губерніи, служившій въ мелкихъ офицерскихъ чинахъ, будучи обремененъ огромнымъ семействомъ, не имѣлъ никакой возможности дать образованіе своимъ дѣтямъ ¹⁾, поэтому А. Ф. въ 1807 году былъ отправленъ, на счетъ дворянскихъ суммъ, во 2-й кадетскій корпусъ. Въ концѣ 1808 или въ началѣ 1809 г. онъ былъ уже фельдфебелемъ въ Дворянскомъ полку; въ августѣ 1810 г., по испытаніи, сдѣланномъ лично императоромъ Александромъ Павловичемъ, въ знаніи фронтальной службы, А. Ф. былъ произведенъ въ подпоручики по арміи, съ прикомандированіемъ къ л.-гв. Егерскому полку, въ который и былъ переведенъ въ томъ-же году и тѣмъ-же чиномъ. Тутъ наступило для А. Ф. время тяжелыхъ лишеній и испытаній. Не легко было существовать гвардейскому офицеру на одно весьма ограниченное жалованье, безъ всякой матеріальной поддержки отъ семьи, особенно въ тѣ времена. Щегольство, всегда присущее гвардіи, тогда было гораздо чувствительнѣе для бѣднаго офицера, такъ какъ производство мишуры не было еще извѣстно и всѣ принадлежности военной формы: шарфы, эполеты и т. п. дѣлались изъ канители чистаго серебра. Въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ находился А. Ф., можно видѣть изъ того, что нерѣдко пища его ограничивалась артельнымъ котломъ. Чай былъ для него недоступною роскошью; онъ не позволялъ себѣ пить его даже у своихъ товарищей, не имѣя возможности угощать ихъ тѣмъ-же у себя. Однимъ словомъ, если въ виду столь тяжелыхъ матеріальныхъ условий, А. Ф. не исполнилъ своего намѣренія перейти въ армію, то лишь благодаря доброму къ нему расположенію товарищей и полкового командира К. И. Бистрома, а главное, благодаря милостивому къ нему вниманію государя и пособіямъ отъ щедротъ его ²⁾. Черезъ 1½ года послѣ производства въ офицеры, А. Ф. выступилъ въ походъ и былъ во всѣхъ тѣхъ сраженіяхъ, дѣлахъ и перестрѣлкахъ, въ которыхъ участвовали лейбъ-егеря отъ Смоленска до Парижа. Въ 1814 году онъ возвратился съ полкомъ изъ Парижа штабсъ-капитаномъ, имѣя орденъ: св. Анны 4-й степени, съ надписью „за храбрость“, и 2-й ст. съ алмазами, св. Владиміра съ бантомъ, прусскій желѣзный крестъ (за Кульмъ) и орденъ за заслуги (Pour le mérite). Въ 1818 г. А. Ф. произведенъ въ полковники, въ 1820 году утвержденъ бата-

¹⁾ Дѣдъ былъ женатъ три раза и дѣтей у него было 24 человекъ.

²⁾ Свято и съ безпредѣльною благодарностью чтить отецъ память императора Александра Павловича. Между прочимъ, до послѣднихъ дней своей жизни онъ ежедневно, послѣ утренней молитвы, подходилъ къ портрету императора и съ благоговѣніемъ преклонялъ передъ нимъ голову. Д. А.

лионнымъ командиромъ, а въ 1825 г. назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и флигель-адъютантомъ. Въ 1826 году произведенъ въ генераль-маіоры. Въ этотъ періодъ службы и матеріальныя средства А. Ѳ. значительно возросли. Кромѣ гласныхъ и негласныхъ ¹⁾ пособій отъ блаженной памяти Александра Павловича, А. Ѳ. въ 1821 г. была пожалована пенсія; вскорѣ затѣмъ — 2,857 десятинъ земли въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи и для устройства тамъ хозяйства 50,000 р. (ассигнаціями), заемобразно, на продолжительный срокъ. Впослѣдствіи сумма эта всемилостивѣйше обращена ему въ даръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Лейбъ-гв. Павловскимъ полкомъ А. Ѳ. командовалъ безъ малаго 11 лѣтъ. 14-го декабря 1825 г. онъ былъ во главѣ той части полка, которая, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, подверглась дѣйствию картечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ противъ толпы мятежниковъ; онъ участвовалъ съ полкомъ въ двухъ кампаніяхъ: Турецкой 1828 г. и Польской 1831 г.; при немъ полкъ былъ возведенъ въ „старую гвардію“ и при немъ-же полкъ почтенъ назначеніемъ шефомъ полка наслѣдника великаго князя Александра Николаевича. Такъ какъ рассказы и анекдоты объ А. Ѳ. въ „Воспоминаніяхъ стараго инвалида“ касаются лишь вышеназложеннаго періода службы отца, то считаю излишнимъ описывать дальнѣйшій ходъ ея; добавляю только, что до назначенія командующимъ всею

¹⁾ Со словъ отца и нѣкоторыхъ его товарищей привожу примѣръ подобнаго негласнаго пособия. Объ этомъ событіи въ своей жизни отецъ нерѣдко вспоминалъ со слезами на глазахъ. Въ началѣ 1821 года, вслѣдствіе политическихъ усложненій на югѣ Европы, гвардія неожиданно была двинута въ западныя губерніи. Внезапный походъ поставилъ отца въ крайне затруднительное положеніе: у него не было ни времени, ни достаточно средствъ для устройства и обезпеченія жены и двоихъ дѣтей. По приходѣ въ Вильну, выяснилось, что гвардіи, вѣроятно, не предстоитъ дальнѣйшаго похода, но и возвращеніе въ Петербургъ едва-ли послѣдуетъ раньше года. Взявъ на короткое время отпускъ, отецъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы при помощи частнаго займа добыть денегъ и перевезти семью въ Вильну. Къ великому его огорченію, всѣ хлопоты были безуспѣшны и наканунѣ дня своего отъѣзда въ Вильну, въ самомъ отчаянномъ настроеніи духа, возвращается онъ домой. Его встрѣчаетъ камердинеръ императора и, передавая конвертъ, говоритъ: „Его Величество, узнавъ, что вы пріѣхали за вашей семьей, повелѣлъ мнѣ вручить вамъ лично настоящій конвертъ“. Въ конвертѣ оказалось 5,000 р. ассигн. Предоставляю каждому судить: чтó долженъ былъ перечувствовать въ этотъ моментъ мой отецъ!... Лишь не испытавшіе подобныхъ минутъ могли сомнѣваться въ искренности и глубокой скорби отца, когда его вынесли безъ чувствъ съ первой панихиды въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ по августѣйшемъ благодѣтелѣ его, императорѣ Александрѣ I-мъ. Д. А.

пѣхотою гвардейскаго корпуса, онъ послѣдовательно командовалъ всѣми частями ея: 4-й бригадой, 3-й бригадой, 3-й дивизіей и 1-й дивизіей.

Не считая для себя возможнымъ и удобнымъ входить въ оцѣнку дѣятельности А. Ѳ., какъ полковаго командира, мнѣ остается лишь сослаться въ этомъ отношеніи на отзывы самого автора „Воспоминаній“¹⁾ и на „Исторію л.-гв. Павловскаго полка“, составленную П. Н. Вороновымъ и В. Бутовскимъ (изд. 1875 г., стр. 272, 273, 278—280, 305, 309, 317, 327, 341, 346 и 369).

Вотъ извлеченія изъ этихъ отзывовъ: А. Ѳ. Арбузовъ, получивъ воспитаніе и образованіе въ „непроходимой труппѣ“ (такъ называетъ М. А. Марковъ — Дворянскій полкъ), былъ произведенъ въ офицеры л.-гв. въ Егерскій полкъ, гдѣ, окруженный обществомъ образованныхъ товарищей, сумѣлъ значительно сгладить угловатость пріемовъ, вынесенныхъ имъ изъ названной „труппы“, и приноровиться по возможности къ приличію и особенностямъ тѣхъ людей, между которыми жилъ: какъ человекъ умный и вполне способный понимать условія житейской практики, онъ скоро уразумѣлъ, что ему никогда не удастся стать вровень съ товарищами на свѣтской аренѣ, а потому всецѣло посвятилъ себя изученію строевыхъ тонкостей и вскорѣ обогналъ не одного полу-французика и „съ умѣлъ сдѣлаться положительно нужнымъ тамъ, гдѣ служилъ“. Затѣмъ, укоряя А. Ѳ. въ дикой и грубой фразеологіи, изученной имъ „въ омутѣ дворянскаго воспитанія“, М. А. Марковъ говоритъ: еслибъ возможно было уничтожить эти фразы и вычеркнуть ихъ вовсе изъ памяти, то нельзя не сознаться, что генералъ Арбузовъ былъ наотличѣйшимъ полковымъ командиромъ. Солдаты его любили. Онъ былъ неутомимъ въ попеченіяхъ о солдатѣ; ежедневно и своеглазно наблюдалъ онъ за пищею и помѣщеніемъ солдатъ, доставлялъ имъ разныя удобства, устроилъ имъ баня и пріемный покой для заболѣвающихъ; при зимнихъ походахъ у солдатъ было изобиліе полушубковъ и другихъ теплыхъ принадлежностей; каждый день обгонялъ онъ всѣ роты на походѣ, внимательно всматриваясь, не терпѣлъ-ли кто изъ людей отъ зимняго похода; приказывалъ отправлять слабыхъ немедленно въ полковой штабъ, гдѣ лично распоряжался удобствами для помѣщенія больныхъ и слабыхъ, для которыхъ никогда не было недостатка въ подводахъ для перевозки ихъ, пока поправятся.

Обогнавъ роты, онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ штабъ не къ себѣ на квартиру, а въ полковой лазаретъ, гдѣ находилъ все

¹⁾ Стр. 88, 89, 98, 115 и 116.

недостаточно исправнымъ: то не хорошъ воздухъ, то мало соломы, то недостаточно тепло, то вода не хороша ¹⁾. „Все это“, говоритъ М. А. Марковъ, — „показывало личность разумную, могущую стать въ примѣръ даже современнымъ гуманникамъ“.

Въ „Исторіи л.-гв. Павловскаго полка“ повторяются тѣ же добрые отзывы объ А. Ѳ. какъ о полковомъ командирѣ, съ нѣкоторыми прибавленіями не менѣе для него лестными, такъ, напр.: передъ штурмомъ Варшавы, для примѣрнаго обученія солдатъ: какъ переходить рвы, уничтожать палисады, взбираться на брустверь, по приказанію фельдмаршала Паскевича, были возведены укрѣпленія по образцу тѣхъ, которыми предстояло овладѣть; генераль Арбузовъ самъ одѣвалъ амуницію, бралъ ружье и лично продѣлывалъ передъ полкомъ подробности взбиранія на укрѣпленія.

„Ни одинъ періодъ не былъ такъ счастливъ для л.-гв. Павловскаго полка, какъ періодъ командованія полковника, вполнѣдствіи генераль-маіора, Арбузова. Во все время командованія полкомъ А. Ѳ. Арбузова, полкъ стоялъ на значительной высотѣ по фронтовой выправкѣ, чему чрезвычайно способствовала его большая строевая опытность“.

„Если принять во вниманіе духъ того времени и систему воспитанія, которую пришлось испытать на себѣ генералу Арбузову, то память его должна чтиться въ л.-гв. Павловскомъ полку, который въ его командованіе былъ осчастливленъ величайшими монаршими милостями“.

Наконецъ, въ день празднованія 25-лѣтняго юбилея ²⁾ со дня назначенія государя наслѣдника шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, генераль-адъютантъ А. Ѳ. Арбузовъ былъ осчастливленъ слѣдующимъ рескриптомъ:

„Алексѣй Ѳеодоровичъ! Сегодня исполнилось двадцать пять лѣтъ, что я имѣю честь быть шефомъ л.-гв. Павловскаго полка; состоя тогда подъ вашимъ начальствомъ, полкъ сей, вполнѣдствіи, въ двухъ достопамятныхъ походахъ, предводимый вами, отличился своими доблестями и удостоился причислиться къ старой гвардіи. Въ ознаменованіе сихъ событій и въ изъясненіе искренняго моего благоволенія, препровождаю къ вамъ при семь табатерку съ моимъ портретомъ, брильянтами украшенную. Съ отъѣздомъ уваженіемъ пребываю къ вамъ искренно доброжелательный Александръ“.

¹⁾ „Вотъ тутъ-то я натерпѣлся отъ заботливаго полковаго командира мѣки, что называется, по самое горло! восклицаетъ М. А. Марковъ, словомъ, поѣдомъ ѣлъ меня; но за то, надо сказать правду, и кормилъ на отваль“—и нервы М. А. Маркова успокоивались.

²⁾ „Исторія л.-гв. Измайловскаго полка“, стр. 369.

Настоящій рескриптъ и вышеприведенные отзывы безспорно подтверждаютъ, что А. Ѳ. не только не умалилъ, а напротивъ содѣйствовалъ къ усиленію славы доблестнаго л.-гв. Павловскаго полка и что анекдоты о немъ М. А. Маркова одинаково далеки какъ отъ правды, такъ и отъ добросовѣстности, ибо, въ противномъ случаѣ, А. Ѳ. не могъ-бы заслужить ни столь отличныхъ отзывовъ, ни признанія „наотличнѣйшимъ командиромъ“ и память о немъ не могла-бы „чититься“ полкомъ, такъ какъ это немислимо на той ступени, на которую онъ низводится „Воспоминаніями“ М. А. Маркова. Въ виду столь явныхъ противорѣчій между отзывами самаго автора объ А. Ѳ. и его-же анекдотическими разсказами, о послѣднихъ не стоило бы и говорить, если-бъ они не были раздуты до циннизма. Чтобы показать насколько „старому инвалиду“ Маркову иногда измѣняла память ¹⁾ и насколько онъ обладалъ способностью углубляться въ область фантазіи, жертвуя при этомъ правдой, ради краснаго и сильнаго слова, я, противъ собственнаго желанія, вынужденъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ его автобиографическихъ повѣствованій.

Будучи выпущенъ изъ Московскаго корпуса въ 1827 г., М. А. Марковъ, въ числѣ прочихъ, былъ прикомандированъ къ Дворянскому полку, „яко-бы для узнанія фронтальной службы, но вмѣсто того водили въ классы „писать по командѣ азы и получать колотушки въ лобъ за тупоуміе“ (!), а узнали они только то, „что въ этомъ полку каждый ротный командиръ, штабсъ-капитанскаго чина, имѣлъ полнѣйшее право пороть подчиненныхъ ему дворянъ, сколько угодно было его благоутробію“ (?); начальство не называло ихъ по фамиліямъ, а если нужно было кого-нибудь назвать, то оборачивало къ нему только свой носъ и произносило: „эй, ты, болванъ, оселъ! или еще какую-нибудь болѣе забористую кличку“ (!).

Наконецъ, въ первый день пасхи 1828 г., Марковъ былъ произведенъ въ офицеры и Я. И. Ростовцевъ, привезшій о томъ приказъ, предложилъ ему немедленно надѣть мундиръ и ѣхать къ нему обѣдать. „Но не тутъ-то было“,—восклицаетъ Марковъ,—оказалось, что высочайшій приказъ требовалъ санкціи приказа по Дворянскому полку:

„Въ то время—объясняетъ Марковъ—уже было почти правиломъ въ Дворянскомъ полку не объявлять воспитанникамъ, произведеннымъ въ офицеры, высочайшаго приказа по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, и не позволять въ это время надѣвать офицерскихъ мундировъ; малодушныхъ-же, нарушавшихъ этотъ запретъ, ловили и хватали, словно воровъ, при вечернемъ возвращеніи ихъ въ казармы, а наутро предавали ихъ энергическому стеганію, отпуская на порцію каждому не мевѣ ста розогъ и приговаривая съ

¹⁾ Воспоминанія написаны въ 1875 г. о событіяхъ 1828—1836 гг.

особенным зорядствомъ, что его-де благородію стыдно отпустить меньше; а если его благородіе возвращался домой не много навеселѣ или осмѣливался разсуждать объ офицерскихъ правахъ, то ему стеганіе производилось уже сугубое, доходившее до двухсотъ ударовъ и выше смотря по тому, въ какомъ духѣ былъ палачь,—виновать, я хотѣлъ сказать—полковникъ, потому что за офицерскими мягкими частями сохранялось то великое преимущество, что ихъ стегали по распоряженію штабъ-офицера, а ужъ никакъ не штабсъ-капитана (!)“

Но.... къ великому счастью Маркова, въ годъ его выпуска Дворянскій полкъ не воспользовался своимъ правомъ: игнорировать высочайшіе приказы и стегать ихъ благородій!—На другой-же день, въ полной парадной формѣ офицера л.-гв. Павловскаго полка, вмѣстѣ со своими товарищами, Марковъ представлялся уже во дворцѣ великому князю Михаилу Павловичу.

Однако и тутъ не обошлось безъ казуса: въ пріемный залъ, въ которомъ вновь произведенные офицеры ожидали выхода великаго князя, „влетѣлъ командиръ перваго баталіона Дворянскаго полка, полковникъ Бородинъ; онъ, окинувъ насъ какимъ-то надменно-презрительнымъ взглядомъ, закричалъ: „что вы какими дураками стоите!“

Молча проглотили столь лестный привѣтъ вновь произведенные, и лишь присутствовавшіе при этомъ гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ и должностей „фыркнули“.

Далѣе Марковъ говоритъ, что онъ распространился о Дворянскомъ полку въ томъ соображеніи, чтобы дать понятіе о той „непроходимой трущобѣ“, гдѣ получилъ воспитаніе и образованіе А. Ѳ. Арбузовъ. Между тѣмъ, изъ разсказовъ и воспоминаній самого А. Ѳ., бывшихъ его товарищей, одного изъ офицеровъ Дворянскаго полка ¹⁾ и по интереснымъ Запискамъ М. М. Кирѣева ²⁾ не подлежитъ сомнѣнію, что какъ ни сурова была дисциплина и какъ ни строги были взысканія въ Дворянскомъ полку въ 1807—1811 годахъ, но онѣ далеко не достигали тѣхъ невѣроятныхъ безобразій и беззаконій, которыя яко-бы творились въ „непроходимой трущобѣ“ во время пребыванія тамъ самого М. А. Маркова, т. е. въ 1827—1828 гг.

Насколько вообще М. А. Марковъ въ своихъ Воспоминаніяхъ руководствовался чувствомъ справедливости и безпристрастія, можно судить по слѣдующему его отзыву о бывшемъ полковомъ адъютантѣ:

¹⁾ Впоследствии нашего сосѣда по имѣнію—Григорія Викторовича Степанова.

²⁾ „Русская Старина“ 1890 г., т. LXVII, стр. 15—36.

А. А. Стахievъ ¹⁾, говоритъ онъ, былъ по природѣ человекъ съ хорошими началами, весьма неглупый и довольно начитанный; лично къ себѣ былъ безпеченъ до идиотизма; относительно службы строго исправенъ; съ младшими офицерами обходился деспотически, въ старшимъ относился заносчиво и былъ маленькимъ Аракчеевымъ, со всѣми замашками, присущими этому недавнему народному страшилищу: безграничнымъ себялюбіемъ, отвратительною мелочностью, неотразимою придирчивостью и беспощадною жестокостью⁴. Безъ всякихъ комментарій сопоставляемъ этотъ отзывъ съ отзывомъ объ А. А. Стахievѣ его товарищей-сослуживцевъ ²⁾.

„Къ числу лицъ, имѣвшихъ въ описываемое время сильное вліяніе и значение въ полку, слѣдуетъ отнести: полковаго адъютанта штабъ-капитана А. А. Стахievа. Онъ былъ строго исправенъ по исполненію служебныхъ обязанностей и считалъ ихъ преимущественно достойными вниманія. Своєю постоянною преданностью, а главное рвеніемъ къ исполненію службы вообще, онъ всегда обращалъ на себя вниманіе всѣхъ сослуживцевъ. Строго относясь къ самому себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ требовалъ того-же и отъ другихъ. По службѣ Стахievъ былъ неутомимъ. Командиръ полка выказывалъ ему постоянное расположеніе и полное неограниченное довѣріе. Онъ былъ человекъ весьма образованный и начитанный. Не смотря на свою силу, значеніе и вліяніе въ полку, Стахievъ былъ далекъ отъ всякихъ интригъ и былъ всегда пряמודушень, за что и заслужилъ по себѣ хорошую память“ ³⁾.

Переходя затѣмъ къ разсказамъ и анекдотамъ объ А. Ф. Арбузовѣ, прежде всего я долженъ замѣтить, что большая часть изъ нихъ не вяжется даже съ понятіемъ о человекѣ „умномъ, вполне способномъ понимать условія житейской практики, умѣвшемъ сдѣлаться положительно необходимымъ тамъ, гдѣ служилъ, могущемъ стать примѣромъ современнымъ гуманникамъ“—какимъ рисуетъ А. Ф. самъ же М. А. Марковъ. Обратимся къ его разсказамъ. Изъ всего груза неблагоприятныхъ обвиненій, взваленныхъ имъ на А. Ф., коснемся лишь главнѣйшихъ изъ нихъ.

Когда при первомъ представленіи вновь произведенныхъ офицеровъ А. Ф.—у, оказалось, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ состоянія, то генералъ скривился и плачевно произнесъ: „да когда-же, Боже мой, перестанутъ давать ко мнѣ въ полкъ только однихъ нищихъ, чтобы надѣдать о пособіяхъ, да о выдачахъ въ счетъ жалованья!“ Можно-ли повѣрить, чтобы человекъ „умный“, испытавшій на себѣ

¹⁾ Воспоминанія, „Русск. Ст.“ 1890 г., т. LXVIII, стр. 90—94.

²⁾ „Исторія л.-г. Павловскаго полка“ 1875 г., стр. 343—44.

³⁾ М. А. Марковъ сомнѣвается: былъ-ли маленький Аракчеевъ преданъ безъ лести своему патрону? Не подлежитъ сомнѣнію, что А. А. Стахievъ былъ и оставался до конца своей жизни безпредѣльно преданнымъ и глубоко уважавшимъ А. Ф. Арбузова. Семья наша имѣетъ на то достаточно доказательствъ.

тяжесть бѣдности, могъ столь цинично привѣтствовать вновь произведенныхъ въ его полкъ офицеровъ!? Несомнѣннымъ же подтвержденіемъ того, что фраза эта весьма безцеремонно придумана Марковымъ и неудачно имъ навязана А. Ѳ—чу, служатъ тѣ добрые отзывы благодарности и уваженія къ памяти его, которые нерѣдко слышатся и по настоящее время на его родинѣ за его посильное содѣйствіе и ходатайства объ опредѣленіи бѣдныхъ дворянъ въ корпусъ ¹⁾ и на службу.

Не было также причинъ молодымъ офицерамъ, предназначеннымъ въ турецкій походъ, „просить о выдачѣ имъ жалованья впередъ“, а А. Ѳ. „презрительно“ возражать имъ, такъ какъ всѣмъ офицерамъ, передъ выступленіемъ въ кампанію, выдавалась часть жалованья не взачетъ.

— „Что вы архіереемъ-то, сударь, развѣзжаете передъ баталіономъ“—фраза, лишь Марковымъ приписанная А. Ѳ—чу; въ свое время анекдотъ этотъ рассказывался про одного извѣстнаго кавалерійскаго генерала, которому впоследствии пришлось командовать пѣхотнымъ корпусомъ и который, какъ истый кавалеристъ, не могъ равнодушно видѣть пѣхотныхъ маіоровъ верхомъ на конѣ.

Иногда Марковъ считаетъ необходимымъ ослабить неприглядность и грубость выраженій, приписываемыхъ имъ А. Ѳ—чу, и тѣмъ какъ бы самъ признаетъ, что рассказъ его черезъ чуръ раздутъ или просто даже придуманъ. Такъ, напримѣръ, на одномъ ученѣ ошибка полковника заставила А. Ѳ. чуть не заревѣть: „святая заступница, отчего это нельзя и полковниковъ ваять палочьемъ!“ „Положимъ, что этого плачевнаго возгласа самъ виновный и не слышалъ, но довольно, что его слышали два—три офицера и два—три десятка разныхъ ротозѣвъ“... Остается непонятнымъ: какъ это „ревъ“ не дошелъ до виновнаго? А тѣмъ паче необъяснимымъ, какъ подобный „ревъ“, слышанный двумя—тремя офицерами, не вызвалъ справедливаго протеста со стороны всѣхъ офицеровъ полка? Впрочемъ, судя по словамъ Маркова, полковники равнодушно переносили и другія, не менѣ оскорбительныя, выраженія, адресованныя имъ во всеуслышаніе: „вамъ все мерещатся“... „не будьте передъ фронтомъ чопорною барынею!“ Какое невозможное и поистинѣ обидное равнодушіе въ оскорбленіямъ вынужденъ Марковъ приписать офицерамъ л.-гв. Павловскаго полка, чтобы затѣмъ имѣть возможность въ своихъ рассказахъ извращать до грубости всѣ вообще замѣчанія А. Ѳ—ча!

¹⁾ Что удавалось А. Ѳ. благодаря стѣнѣнному доброму расположенію къ нему Я. И. Ростовцева.

Въ увлеченіи, Марковъ обращаетъ въ укоръ А. Ѳ—чу даже и то весьма справедливое замѣчаніе его одному изъ полковниковъ, что въ строю нѣтъ „Иванъ Ивановичей, а есть только чины и фамиліи“, хотя ему, Маркову, болѣе чѣмъ кому-либо было извѣстно это правило: въ 1829 году, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ водосвятія на Невѣ, онъ относилъ знамя въ Зимній дворецъ; встрѣтившійся ему государь Николай Павловичъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ сказалъ: „подпоручикъ Романовъ, примите знамя и отнесите на мѣсто“¹⁾.

По поводу всѣхъ вышеприведенныхъ фразъ, Марковъ говоритъ, что онѣ приведены лишь для образца, какъ пришедшія ему на память скорѣе другихъ; случались-же и гораздо почище этихъ. Странно, что при столь сильномъ и безцеремонномъ стремленіи изобразить „дикость фразеологій и краснорѣчія“ А. Ѳ., изученныхъ имъ въ „омутѣ дворянскаго воспитанія“, у Маркова ускользаютъ изъ памяти наисильнѣйшія въ тому доказательства!..

„Руссишенъ и пруссишенъ брудеры“—шуточная фраза, бывшая въ ходу у нашихъ войскъ послѣ 1813—1814 гг. Быть можетъ, въ шутку и А. Ѳ. не разъ произносилъ эту фразу, но никакъ не притѣхъ неостроумно придуманныхъ обстоятельствахъ, которыми Марковъ украшаетъ свой рассказъ. Дѣйствительно, какимъ образомъ могли оказаться, особенно въ военное время, за 100 верстъ отъ границы, три всадника въ прусской военной формѣ?! Ради чего А. Ѳ., подѣвжая къ прусскому офицеру, „перекрестился“?! Наконецъ, почему Марковъ предполагаетъ, что А. Ѳ., „вѣроятно“, рассуждалъ: „какъ легко для умнаго человѣка справиться съ нѣмецкимъ языкомъ?“ Развѣ потому только, что авторъ самъ по себѣ зналъ весьма хорошо, какъ трудно справляться съ языками, которыхъ не знаешь²⁾?...

Въ концѣ повѣствованія Марковъ напрягаетъ всѣ свои литературныя способности дабы доказать, что на маневрахъ, „гдѣ требовались уже нѣкоторые научныя свѣдѣнія“, А. Ѳ. былъ „просто жалокъ“.

Въ подтвержденіе столь нелестнаго своего мнѣнія, Марковъ группируетъ всякія небылицы, несвязныя мелочи, пересыпаетъ ихъ разными неблагоприятными до цинизма сравненіями, предположеніями, такъ что въ совокупности повѣствованіе его отнюдь не уступаетъ,

¹⁾ Восп. Маркова „Русск. Ст.“ 1890 г., т. LXVIII, стр. 3.

²⁾ А. Ѳ. горько сожалѣлъ и понималъ, какъ много онъ проигрывалъ отъ незванія иностранныхъ языковъ; но усиленная дѣятельность, выпавшая на его долю съ первыхъ-же шаговъ вступленія на службу, не дозволила ему пополнять этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи.

по своей правдивости, рассказамъ барона Мюнхаузена, извѣстнымъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“.

Замѣтивъ, что недостатки первоначальнаго научнаго образованія, при умѣ и способностяхъ, значительно пополняются чтеніемъ ¹⁾, участіемъ въ кампаніяхъ и другими благопріятными условіями и способами самообразованія, перехожу къ изложенію фактическихъ данныхъ, далеко не согласующихся со словами Маркова.

Съ 1821 г., командуя еще баталіономъ, А. Ѳ. началъ получать высочайшія благоволенія за маневры; съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ во всѣхъ маневрахъ гвардіи, производившихся по нѣсколько разъ въ годъ; съ назначеніемъ въ 1837 г. дивизионнымъ командиромъ, А. Ѳ. ежегодно командуетъ уже значительными отрядами, а наконецъ и одною изъ сторонъ маневровъ, при чемъ случалось, что государь лично распоряжался другою стороною; даже и послѣ 1844 г., не командуя уже никакою частью, А. Ѳ. былъ назначаемъ командующимъ одною изъ сторонъ. Заслуживая постоянно царское одобреніе, однажды, по окончаніи продолжительныхъ маневровъ, когда къ государю обыкновенно собирались всѣ начальники для выслушиванія замѣчаній или одобреній, его величество, съ приближеніемъ А. Ѳ., скомандовалъ близъ стоявшей части войскъ, „на караулъ“,—въ знакъ особеннаго одобренія его распоряженій. Наконецъ, если личное и столь нелестное мнѣніе Маркова было-бы правдиво, то могъ-ли бы А. Ѳ. заслужить то высокое довѣріе, которое сказалось въ назначеніи его командующимъ всѣми войсками и ополченіемъ въ Петербургѣ, окрестностяхъ и въ Финляндіи, до Выборга включительно, въ 1854 году? Но, какъ видно, всѣ эти данныя не имѣли никакого значенія въ глазахъ Маркова, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что неокончившему курсъ, по крайней мѣрѣ, въ московскомъ корпусѣ невозможно не быть „жалкимъ на маневрахъ“.

Что же касается собственно до рассказа о маневрахъ, то въ немъ не подлежатъ лишь сомнѣнію: 1) полный вымыселъ; 2) безцеремонный подборъ мелочей, противорѣчащихъ другъ другу, и 3) желаніе во что бы то ни стало изобразить въ жалкомъ видѣ „воспитаннаго въ Дворянскомъ полку начальника“.

Прежде всего слѣдуетъ припомнить, что Марковъ вышелъ въ отставку въ 1835 году, т. е. въ то время, когда А. Ѳ. ни по чину, ни по мѣсту не могъ еще командовать „значительнымъ отрядомъ“.

¹⁾ Все, выходявшее на русскомъ языкѣ, особенно по военному быту и исторіи, внимательно прочитывалось А. Ѳ.—емъ. Д. А.

Впрочемъ, и самъ авторъ воспоминаній, включивъ сначала въ отрядъ нѣсколько баталіоновъ, бригаду кавалеріи и три батареи, нѣсколькими строками ниже ¹⁾ проговаривается, что у А. Ф. было лишь три баталіона и одна батарея. Не безъ причины также умалчиваетъ Марковъ объ именахъ начальниковъ частей, входившихъ въ составъ „значительнаго отряда“...

Несообразности всего сказанія и исключаящія другъ друга подробности не позволяютъ опредѣлить, какой собственно моментъ маневровъ Марковъ выбралъ для своихъ литературныхъ измышлений, но, во всякомъ случаѣ, неожиданное появленіе изъ опушки лѣса неприятельской кавалеріи, хотя-бы „съ полъ-взводика“, не только могло, но и должно было вызвать команду „на весь отрядъ ²⁾“: становись, а быть можетъ и нѣсколько выстрѣловъ, которые, благодаря необузданному воображенію Маркова, обратились въ пушечную „жарню“ и ружейный огонь трехъ баталіоновъ.

Болѣе чѣмъ съ излишнею самоувѣренностью, Марковъ придаетъ ироническій смыслъ словамъ, яко-бы сказаннымъ начальникомъ штаба: „но кто могъ знать, что за полу-взводомъ не скрывается большихъ силъ?“, объясняя при этомъ, что начальникъ штаба ограничился этими словами, лишь благодаря великодушной просьбѣ Маркова: „не конфузить генерала разспросами“.

Кромѣ великодушія, Марковъ обладалъ и сверхъестественною способностью видѣть и слышать одновременно происходящее въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ; такъ, напримѣръ, въ началѣ тревоги, онъ скачетъ „въ хвостъ и въ гриву“ четыре версты за конной бригадой, и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ до малѣйшихъ подробностей всѣ движенія и слышитъ дословно всѣ разговоры А. Ф., Стахіева и уланскаго офицера!!!... Правда, что при описаніи этихъ видѣній, Марковъ впадаетъ въ явныя несообразности, но это лишь потому, что онъ не принялъ въ соображеніе свойство миражей: отражать предметы въ превратномъ видѣ; иначе, безъ сомнѣнія, онъ додумался бы, что Стахіевъ могъ подѣхать, съ донесеніемъ объ отсутствіи войска за развѣдомъ, лишь со стороны неприятеля, а не съ тыла, не со стороны обоза, съ дерзкимъ восклицаніемъ: „что вы это срамитесь!“

— Не мѣшало-бы также Маркову принять во вниманіе, что Стахіевъ, хорошо понимавшій служебныя отношенія и искренно уважавшій А. Ф., не могъ произнести такое дерзкое замѣчаніе; къ тому-же и А. Ф. далеко не принадлежалъ къ числу людей спо-

¹⁾ Воспоминанія Маркова, стр. 126 и 128.

²⁾ Т. е. трехъ баталіонамъ и батареѣ.

собныхъ снисходительно выслушивать дерзости отъ кого-бы то ни было.

Надѣюсь также, что всѣ знавшіе А. Θ. подтвердятъ, что онъ никогда не слагалъ своихъ ошибокъ на другихъ ¹⁾, а напротивъ, не рѣдко принималъ на себя ошибки подчиненныхъ.

Что касается до шутовскихъ подробностей, выраженій и уподобленій, какъ напримѣръ: „листифониль“ ²⁾, „не по чину“, „граціозничающую ливретку“, „заигрывающимъ котомъ“, „отправился въ кусты, чтобы скрыть свой стыдъ, но мало что говорятъ, можетъ быть и вовсе не затѣмъ“ и т. п., то если столь площадной цинизмъ и можетъ набрасывать неблаговидную тѣнь, такъ развѣ лишь на память автора его. Въ опроверженіе упрековъ Маркова, что А. Θ. даже при частныхъ встрѣчахъ требовалъ подобострастныхъ къ себѣ отношеній, что онъ и въ чужихъ домахъ позволялъ себѣ говорить дерзости своимъ подчиненнымъ ³⁾, „что онъ очень любилъ“, когда за нимъ ѣздилъ офицеръ съ аксельбантомъ и т. п., ссылаюсь на многочисленныхъ бывшихъ подчиненныхъ, адъютантовъ, офицеровъ и вообще близко знавшихъ А. Θ.,—надѣюсь, они подтвердятъ, что въ фронтѣ и въ частной жизни онъ былъ безусловно обходителенъ и простъ.

Даже касаясь домашней жизни А. Θ. ⁴⁾, Марковъ не упускаетъ случая затемнить память о немъ неблаговидными предположеніями. Наряду съ справедливыми заявленіями о томъ, что А. Θ. былъ почитательнымъ отцемъ семейства, что у себя въ дому являлся радушнымъ хозяиномъ, отличался широкимъ хлѣбосольствомъ, Марковъ предполагаетъ, „что въ приглашеніи гостей онъ былъ очень расчетливъ, а можетъ быть—и не безкорыстенъ“.

Если Марковъ счелъ себя въ правѣ заподозрить А. Θ. въ корыстолюбіи, то обязанъ былъ и подтвердить это фактическими указаніями; авторъ-же, какъ-бы въ подтвержденіе столь неблаговиднаго заключенія, сразу продолжаетъ, что и онъ, Марковъ, „нерѣдко“ былъ приглашаемъ, преимущественно вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ.

Я. И. Ростовцевъ началъ службу въ л.-гв. Егерскомъ полку подъ ближайшимъ начальствомъ А. Θ. и съ тѣхъ поръ между ними сохранились до конца ихъ жизни наилучшія пріятельскія отношенія; не только съ семьей Я. И., но и съ братьями и съ близкими род-

¹⁾ Какъ рассказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Старый инвалидъ, „Русск. Ст.“ 1890 г., т. LXVIII, стр. 129.

²⁾ Слово—вновь придуманное Марковымъ.

³⁾ Воспоминанія Маркова, стр. 98 и 126.

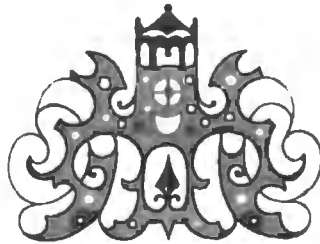
⁴⁾ Тамъ же, стр. 98 и 99.

ными его А. Ф. былъ постоянно въ отличныхъ отношеніяхъ ¹⁾. При подобныхъ условіяхъ, можно-ли хотя чѣмъ-нибудь оправдать предположеніе Маркова о „небезкорыстности“ въ приглашеніяхъ Я. И. Ростовцева.

Въ подтвержденіе своего „быть можетъ“ остается самъ Марковъ. Но какими-же корыстолюбивыми соображеніями могъ руководствоваться А. Ф., приглашая Маркова, занимавшаго незначительное мѣсто въ вѣдомствѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ положеніемъ А. Ф.? Не обладая сверхъестественными способностями, не могъ-же онъ предвидѣть, что черезъ десятки лѣтъ Марковъ вздумаетъ писать свои воспоминанія о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку и, въ виду этого, обѣдами подкупить снисходительные о себѣ отзывы!...

При этомъ, не ради платы тош-же монетою, а для того, чтобы возстановить истину и еще разъ показать насколько „старому инвалиду“ измѣняла память, долгомъ считаю заявить слѣдующее: вопреки утвержденію Маркова о томъ, что онъ „нерѣдко“ былъ приглашаемъ, „то на дикую козу, то на живую стерлядку“, я совсѣмъ не помню, чтобы онъ въ описываемое время обѣдывалъ у моего отца ²⁾.

Д. А. Арбузовъ.

¹⁾ Благодаря этому доброму и дружескому расположенію къ моему отцу, я самъ многимъ обязанъ Я. И. и сохранию къ памяти его искреннѣйшую признательность. При выѣздахъ семьи моей изъ Петербурга, въ отпускное время изъ корпуса, я находилъ самый радушный пріютъ въ семьѣ Я. И. Въ затруднительныя минуты по службѣ я постоянно пользовался его совѣтами и содѣйствіемъ, напр., въ то время, когда мнѣ внезапно приходилось оставлять л.-гв. Преображенскій полкъ и потомъ, когда вслѣдствіе завиднаго назначенія, выпавшаго на мою долю, на меня посыпались небывлицы, по своей правдивости и основательности не уступавшія анекдотамъ М. А. Маркова.

²⁾ Въ то время я былъ уже поручикомъ л.-гв. Преображенскаго полка и, за рѣдкими исключеніями, постоянно обѣдалъ дома: слѣдовательно, могъ бы помнить визиты Маркова, тѣмъ болѣе, что у отца многолюдныхъ обѣдовъ никогда не бывало.

Д. А.

БАНКРОТЪ.

СВОИ ЛЮДИ СОЧТЕМСЯ

Комедія А. Н. Островскаго.

АКТЪ ТРЕТІЙ ¹⁾.

3-й актъ. Все то, что приведено нами далѣе въ началѣ этого акта, со словъ Большова (зачеркнутыхъ авторомъ въ рукописи): „Ну что, Лазарь, ты хлопчешь все“, до словъ Лаз.: „...не сумнѣвайтесь-сь. Мой будетъ грѣхъ“, принадлежитъ первоначальному виду 3-го акта „Своихъ людей“,—ни одного слова изъ этого отрывка, написаннаго авторомъ на отдѣльномъ полулистѣ, мы не встрѣчаемъ въ печатномъ текстѣ этой комедіи. Но тѣмъ болѣе замѣчательнъ этотъ отрывокъ,—изъ него можно видѣть, какъ строился и округлялся типъ Подкалюзина. Побольше-бы подобныхъ отрывковъ изъ черновыхъ набросковъ 2-го и 3-го дѣйствія, а также весь первый актъ, котораго рукописи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ, и тогда бы весь процессъ постройки знаменитой комедіи представился бы намъ во всей полнотѣ и опредѣленности.

Лично отдавая намъ въ 1855 г. эту рукопись, А. Н. Островскій не нашелъ у себя первыхъ листиковъ этого акта, т. е. сцены, когда приходитъ Аграфена Кондратьевна съ Липочкой и убѣждаетъ мужа „приласкать, приголубить“ дочку и посовѣтывать ей чтонибудь такое житейское“ (см. въ печати явленіе 2-е 3-го дѣйствія). Также нѣтъ начала той сцены, въ коей является Устинья Наумовна, и поддуженная Подкалюзинымъ объявляетъ о мнимомъ отказѣ ея же нѣкогда отысканнаго жениха.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 219—248.

Далѣе, третій актъ находится въ принадлежащей намъ рукописи, но не въ первыхъ, черновыхъ наброскахъ, между нимъ и печатнымъ текстомъ все-же встрѣчаются нѣкоторыя разницы: между прочимъ, изъ фразъ и цѣлыхъ явленій, не вошедшихъ въ печать, но и не зачеркнутыхъ авторомъ, находятся здѣсь слѣдующія: **Оминнишна:** „а такого похабства не видывала“. — **Липочка:** „Да такъ во всѣхъ романахъ дѣлають“. — **Липочка:** „Зачѣмъ вы тятеньку кличете, Лазарь Елизарычъ, не кличете его“. — **Лазарь Елизарычъ:** „Отчего-же-съ, Алимпіада Самсоновна, не кликать-съ“. — **Лаз. Елиз.:** „Вы думаете, что я этого не вижу. А я вижу—все-съ“. — **Лаз. Елиз.:** „Алимпіада Самсоновна, неужели вы думаете, что я васъ дамъ въ обиду кому нибудь, этого никогда не бывать-съ“. Въ печати авторомъ пропущенъ разговоръ, отъ словъ Алимпіады Самсоновны: „Да вы такіе робкіе“... и пр. до словъ ея же: „Такъ смотрите-же, Лазарь Елизарычъ“. — Слова Самсонъ Силыча: „Наливай еще“...

Въ рукописи находится только начало того куплетца, который говоритъ Устинья Наумовна:

Ужъ и гдѣ-же это видано,
Ужъ и гдѣ-же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!

Въ концѣ этого акта написано: не „конецъ 3-го дѣйствія“, а „конецъ 4-го дѣйствія“—это объясняется тѣмъ, что авторъ предполагалъ, первоначально, раздѣлить комедію на 5 актовъ, какъ это уже было нами замѣчено.

На второй, рукописной, страницѣ третьяго акта, противъ словъ Липочки: „Стыдно сказать, тятенька“, на полѣ есть помѣтка автора, для памяти: „Тишка пляши“(ть), она объясняется первоначальнымъ желаніемъ автора—заклчить сговоръ общимъ весельемъ, въ коемъ-бы участвовалъ Тишка. По неизвѣстнымъ причинамъ авторъ не сдѣлалъ этого,

Объясненіе Подхалюзина съ Липочкой обратило на себя особенное вниманіе автора; не смотря на то, что эта рукопись есть уже второе или третіе черненіе (редакція) автора, но и здѣсь встрѣчаются большія поправки и вставки не только новыхъ словъ, но и цѣлыхъ выраженій, какъ это и указано нами далѣе при перепечатаніи рукописи болѣе мелкимъ шрифтомъ, скобками и черточками.

Первое явленіе третьяго дѣйствія написано авторомъ на отдѣльномъ лоскутѣ гораздо позже всего акта и въ томъ видѣ, въ ка-

комъ мы находимъ эту сцену въ печати. Внизу листка, со словъ Агр. Конд. „Что ты его слушаешь“, находятся вставки въ сцену Большова, жены, дочери и свахи.

Обращаясь затѣмъ къ подлинной рукописи автора—къ третьему, а по печатному изданію сочиненій А. Н. Островскаго — второму акту комедіи „Банкротъ“—„Свои люди—сочтемся“, считаемъ необходимымъ напомнить, что:

1) Мѣста, зачеркнутыя авторомъ въ рукописи, набраны у насъ болѣе мелкимъ шрифтомъ и заключены въ прямыя скобки.

2) Слова, добавленныя авторомъ въ рукописи къ первоначальному тексту комедіи, а также тѣ слова, которыя написаны по зачеркнутому, первоначальному тексту, заключены въ прямыя черточки.

1855 г.
1891 г.

М. И. Семевскій.

3-й АКТЪ.

Большовъ и Лазарь.

Большовъ.

[Ну что, Лаз., ты хлопочешь все.]

Ну что, Лаз., дѣлишки наши подвигаются? а? Али все на одномъ мѣстѣ?

Лаз.

Какъ же это можно-съ, чтобъ они были на одномъ мѣстѣ-съ. | Вышнырилъ мѣстечко, куда векселя сбыть-съ | . Вчера [нашелъ одного дурака] одинъ дуракъ попался-съ, даетъ по 20 копѣекъ за рубль-съ; говорить: будь на миліонъ [все] и то согласенъ купить-съ.

Больш.

Вотъ ужъ именно фалелей ! Ну да пускай нацѣпить обузу та на шею | самъ лѣзетъ, никто его тянетъ.—А денежки то когда же?

Лаз.

Да хоть сей часъ-съ! Вся [недостача] остановка за векселями-съ. Гдѣ они у васъ-съ. А деньги, какъ прикажете. Хошъ ужотко принесу-съ.

Больш.

Здѣсь въ бумажникѣ. Подай во чернилицу. Какъ же писать-то на кого.

Лаз.

Какъ угодно-сь,—это все равно.

Больш.

О, охъ! Вотъ они кровные то труды—вали въ яму, выручай одни проценты! Кто у тебя сторговаль-то?

Лаз.

Черезъ маклера, какой то мѣняло изъ золотокружнаго ряду-сь. Да коли ужъ передавать, такъ пишите одинъ бланкъ.

Больш.

Пожалуй—это все единственно.—А ты со мной послѣ рассчитаешься. Такъ безъ обороту.

Лаз.

Извѣстное дѣло-сь. Для васъ же будетъ покойнѣе.

Больш.

Хорошъ спокон, почитай даромъ бросаю. (*Пишетъ и пригов.*). Безъ оборота на меня, Моск. 1-й гил. куп. С. С. сынъ Большовъ. Всѣ порѣшилъ. Прощайте, голубчики! Бери, Лазарь!

Лаз.

Пожалуйте-сь; сколько ихъ всѣхъ-сь?

Больш.

3-и по 15000 сереб., 2 по 10 т., а остальн. 4 по полторы тысячи; вотъ маленькимъ-то и срокъ мѣсяца черезъ три.

Лаз. (*бер. и счит.*).

Что дѣлать-сь! видно ужъ имъ такъ на роду написано.

Больш.

Ну пропад. они и съ хозяиномъ! А что перевозишь товаръ.

Лаз:

Почитай все перевезъ-сь. Немного осталось-сь.

Больш.

Мѣста-то надежны-ли? Помилуй Богъ дознаются, да примутся искать!

Лаз.

Нѣтъ ужъ это опосля честь будетъ. Днемъ съ огнемъ не найдуть. Да вотъ кстати подпишите ужъ и продажный счетъ-съ.

Больш.

Въ 30 т. сер. На кого-жъ это подработано? Смотри ты!

Лаз.

Такой человекъ что честиѣ и желать нельзя.—Ужъ пишете, не сумнѣвайтесь-съ. Мой будетъ грѣхъ.

...должается ¹⁾.

Агр. Кон.

И въ самомъ дѣлѣ, что онъ ломается-то. Мы развѣ хуже его. Ну не хочеть, такъ наплевать. Мы на шею не навязываемся.

У. Н.

А лягушка его заклюй, нешто мы другаго не найдемъ.

[с. с.] Больш

Ну ужъ ты другога-то не ищи | а то опять тоже будетъ. | Ужъ другога-то я вамъ самъ найду.

Агр. Конд.

Да найдешь ты на печи-то сидя; ты ужъ и забылъ кажется, что у тебя дочь-то есть.

С. С.

А вотъ увидишь.

А. Н.

Что увидать-то? Увидать-то нечего. Ужъ не говори ты мнѣ пожалу-ста, не разстраивай меня. (*Садится*).

¹⁾ Начала этой сцены нѣтъ въ принадлежащей намъ рукописи. М. С.

Больш. (*хохочетъ*).

У. Н. (*къ Лип.*).

Ишь | ты какъ вырядилась | платьице-то на тебѣ какое аван-
тажное—[что] ужъ не сама ли [чтоль] смастерила?

Лип.

Вотъ ужасно нужно самой! Что мы нищіе что ли по твоему! А
мадамы-то на что?

Агр. К.

| Какже это быть-то, поди ты бѣда какая. |

У. Н.

Фу ты, ужъ и нищіе! Кто тебѣ говоритъ такія глупости! Тутъ
разсуждаютъ объ хозяйствѣ, [а коли по чему другому такъ] | что не
сама ль дескать шила а то | извѣстное дѣло и платье-то твое дрянъ.

Лип.

Что ты, что ты! Никакъ [рех.] съума сошла! Гдѣ у тебя глаза-то,
съ чего это ты конфузить вздумала.

[Фом.]

[Полю тебѣ, У. Н., дразнить то вотъ охота. Да и тебѣ то].

[У. Н.]

[Полю, полю. Что ты такъ разъерепенилась!]

Лип.

Вотъ оказія! Стану я терпѣть такую напраслину! Да что я
дѣвчонка что-ли какая необразованная.

У. Н.

Съ чего это ты взяла! Откуда нашель на тебя эдакой ва-
призь. Развѣ я хую твое платье. Чѣмъ не платье, и всякій скажетъ
что платье. Да тебѣ-то оно не годится, но красотѣ-то твоей совсѣмъ
не такое надобно. Исчезни душа, коли лгу! для тебя золотова мало;
подавай намъ шитое жемчугомъ. Вотъ и улыбнулась, изумрудная!
Я, вѣдь, знаю, что говорю. А вотъ садись-во да побесѣдуймъ.

Тишка (*входитъ*).

Сусой Псоичъ приказали спросить, можно ли дескать взойти? Они тѣмотка у Лаз. Елизарыча.

С. С.

Пошелъ зови сюда его и съ Лазаремъ (...)

Агр. К.

Что-жъ не даромъ же закуска то приготовлена, вотъ и закусимъ. А ужъ тебѣ, чай, У. Н., давно вод. хочется?

У. Н.

Извѣст. дѣло адмиральскій часъ, самое настоящее время.

Агр. К.

Ну, С. С., трогайся съ мѣста-то, что такъ то сидѣть.

С. С.

Погоди! вотъ тѣ подойдутъ, еще успѣешь!

Лип.

Я, маменька, пойду раздѣнусь.

А. К.

Погоди, дитятко, погоди.

С. С.

Погоди раздѣваться-то, женихъ пріѣдетъ.

А. К.

Какъ тамъ еще женихъ. [Что ты тамъ городишь.] Полно дурачиться-то.

С. С.

[Говорять тебѣ, что женихъ, такъ ужъ стало быть я знаю, что говорю.] Погоди, Липа, женихъ пріѣдетъ.

! Лип.

{ Кто же это? тятинька, знаю я его или нѣтъ? }

С. С.

| А вотъ увидишь такъ можетъ и узнаешь |

[А. Н.]

[Коли кто въ сам. дѣлѣ прїдетъ, такъ ужъ ты бы путемъ говор., а то прїдетъ, прїдетъ, а Богъ зна. кто прїдетъ, вотъ всегда такъ.]

Лип.

Ну такъ я, м., останусь (*подход. къ зеркалу и смот., потомъ къ отцу*). Тятенька!

С. С.

Что тебѣ.

Лип.

Стыдно сказать, тятенька ¹⁾

А. Н.

Что за стыдъ, дурочка, говори коли что нужно.

У. Н.

Стыдъ не дымъ, глаза не выѣсть.

Лип.

Нѣтъ. Ей Богу стыдно.

С. С.

Ну закройся, коли стыдно.

А. Н.

Шляпку что ли новую хочется?

Лип.

Вотъ не угадали; вовсе не шляпу.

С. С.

Такъ чего-жъ тебѣ?

¹⁾ Противъ этихъ словъ, рукою автора, написано сбоку: „Тяпка, пляш.“*

Лип.

Выйти замужъ за военнаго.

С. С.

Экъ вѣдь что вывезла!

А. Н.

Австись, безпутная, Христось съ тобой.

Липоч.

Что-жь! вѣдь другія выходятъ же.

С. С.

Ну и пускай ихъ выходятъ; а ты вотъ сиди у моря да жди погодки.

А. Н.

Да | ты у меня и заикаться не смѣй, | я тебѣ и родительскаго благословенія не дамъ.

СЦЕНА 3-я.

(Лаз. и Рисп.) *входятъ.*

Рисп.

Здрав., бат. С. С.! Здрав., мат. А. К., здр., А. С.

С. С.

Здравствуй брат., здрав., садись, мил. просимъ, сад. и ты, Лаз.
[Садись, и ты Фом.]

[Фом.]

[Спасибо, родимый! Въ кои то вѣки привелъ Господь вмѣстѣ съ ховянною компанствовать!]

[С. С.]

[Ну всѣ сѣли?]

[А. Н.]

[Что ты тамъ еще затѣваешь?]

[С. С.]

[А вотъ увидишь что.]

[А. И.]

[Ну, начинай С. С.]

Зак. неугод., а у меня закусочка приготов.

Рисп.

Отъ чего-жъ, мат., не закусить, я бы теперь рюмочку выпилъ.

С. С.

А вотъ сейчасъ пойдѣмъ всѣ вмѣстѣ. А теперь пока побесѣдуемъ маненько.

У. Н.

Отъ чего-жъ и не побесѣдовать! Вотъ, золотые мои, слышала я, будто | въ газетѣ напечатано | правда-ли нѣтъ-ли, что [новый] другой Бонапартъ народился, и будто, золотыя вы мои.....

С. С.

Бонапартъ, Бонапар., а мы пуше всего надѣемся на милосердіе Божіе; да и не о томъ теперь рѣчь.

У. Н.

Такъ о чемъ-же, яхонт?

С. С.

А о томъ, что лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что будетъ впередъ, — то и положили мы еще при жизни своей отдать въ замужество единственную дочь нашу, а въ разсужденіи приданого, то же можемъ надѣяться, что оно не остранимъ нашего капитала и происхожденія, — а равномѣрно и передъ другими прочими.

У. Н.

Ишь вѣдь какъ сладко рассказываетъ, бриліантовый.

С. С.

А такъ какъ теперь дочь наша здѣсь, на лицо, и при всемъ томъ будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности на-

шего будущаго зятя, что для насъ очинно чувствительно въ разсужденіи Божескаго благословенія, то и назначаемъ его теперича въ общемъ лицедрѣніи. Липа, поди сюда.

Лип.

Что вамъ, тятенька, угодно. (*Лип. подх.*).

С. С.

Поди ко мнѣ, не укушу, не бось.

С. С.

Ну теперь ты, Лазарь, ползи.

Лаз.

Давно готовъ-съ.

С. С.

| Ну, Липа, давай руку. |

Лип.

Какъ, что это за вздоръ! Съ чего это вы выдумали!

С. С.

Хуже какъ силой возьму.

| У. Н. |

| Вотъ тебѣ, баб., и юрьевъ день. |

| А. К. |

| Г., да что-жъ это такое. |

Лип.

Не хочу, не хочу—не пойду я за такого противнаго.

| Ф. |

| Съ нами крестна сила! |

С. С. (*береть ее насиль. за руку и Л.*).

Л.

Видно ужъ, тятенька, | не видать мнѣ счастья на эт. свѣтѣ, видно | не бывать-съ по вашему желанію.

С. С.

Какъ-же не бывать, коли я того хочу! На что-жь я и отецъ, коли не приказывать! Даромъ что-ль я ее кормилъ!

А. К.

Что ты! что ты! опомнись.

С. С.

Знай сверчокъ свой шестокъ. Не твое дѣло! Ну, Липа, вотъ твой женихъ, прошу любить да жаловать, садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ—а тамъ честнымъ пирекомъ да и за свадебку.

Лип.

Какже нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть!—вотъ оказія!

С. С.

А не сядешь, такъ и насильно посажу, да заставлю жеманиться.

Лип.

Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ! [Если же]

С. С.

Молчи лучше! Велю, такъ и за дворника увидешь. (*Молчаніе*).

У. Н.

Вразуми, А. К., что это за бѣда такая?

А. К.

Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось!

Фом.

Господи! 7-й десятъ живу, сколько свадебъ праздновала, а такого похабства не видывала!

А. К.

За что-жь вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

С. С.

Да очень нужно мнѣ слушать вашу фанаберію! Захотѣлъ выдать дочь за приказчика и поставлю на своемъ и разговаривать никто не смѣй; [захоу и его купцомъ сдѣлаю и капиталъ ему дамъ, и оиать таки никто мнѣ не уважь]. Я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусить пойдете; а они тутъ побалисничаютъ, можетъ быть и поладятъ какъ нибудь.

Р.

Пойдете С. С. и я съ вами для комп. рюмочку выпью. А [изв.] | ужъ | это | А. К. | перв. долгъ, чтобы дѣти слуш. родителей, это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встаютъ*).

А. К. къ Л.

[Ужь ты не спорь съ нимъ Липочка, ну тамъ послѣ, что Богъ дастъ,— авось какъ нибудь и такъ обойдется.] Не перечь ему.

[Лаз.]

Лип.

Да что-же это, мам., такое, что я имъ кухарка что-ли досталась! (*мач.*).

Лаз.

Маменька-съ, вамъ зятя такого, который бы васъ уважалъ и значить старость вашу покоилъ окромя меня не найтить-съ.

А. К.

Да какъ это ты, батюшка!

Лаз.

Маменька-съ, въ меня Богъ вложилъ такое намѣреніе, потому самому-съ, что другой васъ, маменька-съ, и знать не захочетъ, а я по гробъ моей жизни (*мачетъ*), долженъ это чувствовать-съ.

А. К.

Ахъ, бат., да какже это быть-то.

С. С.

Жена, поди сюда!

А. К.

Сейчасъ, бат., сейчасъ.

Л.

Вы, мам., вспомните это слово, что я сейчасъ сказа-сь (А. К. *угодить*).

Л. и Лип.

Молчаніе.

А. С.-сь! А. С.-сь! Но кажется вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-сь. Позвольте вашу ручку поцѣловать.

Липочка.

Вы дуракъ—необразованный.

Лазарь.

За что вы, А. С., [меня] обижать изволите-сь?

Лип.

Я вамъ одинъ разъ навсегда скажу, что не пойду я за васъ,— не пойду.

Лаз.

Это какъ вамъ угодн-сь. Насильно милъ не будешь. Только я вамъ вотъ что скажу-сь...

Лип.

Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня, какъ-бы вы были [хо] учтивый-го кавалеръ,—вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти, вы-бы должны отказаться.

Лаз.

Вотъ вы, А. С., изволите говор. отказаться. [Что-же] только если я откажусь, что-же потомъ будетъ-сь?

Лип.

А то и будетъ, что я выду за благороднаго!

Лаз.

За благород—сь, благородный-го безъ приданова не возьметъ.

Лип.

Какъ безъ приданова, что вы городите-то, посмотрите-ко какое у меня приданое-то,—въ носъ бросится.

Лаз.

Тряпки то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ-съ. Благородному-то деньги нужны-съ.

Лип.

Что-жь тятенька и денегъ дастъ.

Лаз.

Хорошо какъ дастъ-съ. А какъ дать-то, нечего! Вы дѣль-то тятинкиныхъ не знаете, а я ихъ очинно хорошо знаю; тятенька-то банкротъ-съ.

Лип.

Какъ банкротъ! А домъ-то, а лавки?

Лаз.

А домъ-то и лавки мои-съ.

Лип.

Ваши? Подите вы.—Что вы меня дурачить хотите, глупѣе себя нашли.

Лаз.

А вотъ [не угодно-ли посмотрѣть-съ]. У насъ законные документы есть! (*вынимаетъ*).

Лип (*чит.*).

[Тутъ сказано, что папенька купилъ у васъ, продалъ вамъ]. | Такъ вы купили у тятеньки? | Гдѣ-же вы денегъ взяли?

Лаз.

Денегъ! У насъ, слава Богу, | денегъ-то | побольше будетъ, чѣмъ у какого благороднаго.

Лип.

Что-же это [тят.] | такое | со мной дѣлаеть, воспитывали, воспитывали, а потомъ и обанкрут. (молч).

Лаз.

Ну, полож., А. С., что вы выдете и за благороднаго, да что-же въ эт. буд. толку-сь. Только [что] | одна | слава, что барыня, | а пріятности никакой нѣтъ-сь! | Вы извольте разсудить-сь: барыни-то часто сами на рынокъ | пѣшкомъ | ходять-сь. А если и выйдуть-то куда, такъ только слава что четверня- | то, | а хуже одной-сь хорошей, купеческой-то. | Ей Богу, хуже-сь | Одѣваются-то тоже не больно пышно-сь. [Это видит. у нихъ не пристойно-сь. Опять-же-сь у благородныхъ-то тамъ разные клобы заведены, да и то и другое. Мужъ-то-сь угрохъ на службѣ, а вечероухъ-то по клуб. патается, а жена-то должна одна дома сидѣть-сь, безо всякаго удовольствія]. А если за меня-то вы, А. С., выдете-сь, такъ | первое слово | вы и дома-то будете въ шолк. плат. ходить-сь, а въ [собраніе] гости или въ театръ—такъ, окромя бархат., никакихъ и надѣвать не станемъ. | Въ разсужд. | шляпокъ [то тоже] | или салоновъ, | не буд. смотрѣть, на | раз. двор. | приличіе; [тамъ что ни говори, это для насъ все равно-сь, ничего-сь], а надѣнемъ какую чуднѣй. — Лошад. заведемъ орловскихъ-сь [и будете вы жить во всяк. удовольствіи; на счетъ хозяйственности никто васъ не буд. безноконть, потому самому, что я самъ все это дѣло знаю]. Если-же вы на счетъ [меня сумнѣваетесь, т. е. на счетъ моего костюма] и | моей | физіономіи | сумнѣваетесь, | такъ это какъ вамъ буд. угодно-сь, мы пож. [бороду обрить-сь] и фравъ надѣн., да бород. обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ по модѣ-сь, это для насъ все [равно] одно. [А если на счетъ того-сь, что я на иностр. діалектахъ говорить не умѣю, такъ это намъ не для чего-сь].

Лип.

Да вы всѣ передъ свадьбой-то такъ говорите, а тамъ и обманете.

Лаз.

Съ мѣста не сойти, А. С! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-сь, А. С., нешто мы въ эд. домѣ буд. жить,—въ к. р. купимъ-сь [мебель]—распишемъ какъ-сь на потолокахъ это райскихъ птицъ, нарисуемъ сиреновъ, капидоновъ разныхъ,—поглядѣть только будутъ деньги давать.

Лип.

Нынче ужъ купидоновъ-то не рисуютъ[-сь].

Лаз.

Ну, таеъ мы пукетами пустимъ (молч.) [Ахъ, А. С., какъ я радъ, А. С. что дождался такого благополучія], было-бы только съ вашей стороны согласіе, а то мнѣ въ жизни ничего не надобно. (молч.). Какъ я несчастливъ въ своей жизни, что не могу я никакихъ компл. говорить.

Лип.

Для чего вы, Л. Е., по французски не говорите?

Лаз.

А для того, что это намъ не для чего-съ (молч.). Осчастливьте, А. С., окажите етакое [можно сказать] благоволеніе- | съ | (молч.). Прикажете на колѣни стать.

Лип.

Станьте.

Лаз. (станов.).

Лип.

Вотъ у васъ какая жилетка скверная.

Лаз.

Эту я Тиш. подарю-съ, а себѣ на Куз. мосту закажу; только не погубите (молч.). Что-же, А. С.-сна?

Лип.

Дайте подумать.

Лаз.

Да о чемъ-же думать-съ?

Лип.

Какъ-же [не] можно не думать!

Лаз.

Да вы не думамши, скажите.

Лип.

Знаете что, Л. Е.?

Лаз.

Что прикажете-съ?

Лип.

Увезите меня потихоньку.

Лаз.

Да зачѣмъ-же потихоньку-съ, когда такъ тятенька согласны.
[еще пож. полиція вмѣшается].

Лип.

Да такъ во всѣхъ ром. дѣлають. Ну, а какъ не хотите увезти, такъ ужъ, пожалуй, и такъ.

Лаз.

А. С., позв. ручку подѣл. (*имя., пот. вскак. и подбны. къ дверямъ*).
Тятенька, тятенька!

Лип.

Лаз. Е., Л. Е., подите сюда!

Лаз.

Что вамъ угодно-съ?

Лип.

Зачѣмъ вы тятеньку кличете? Л. Е., не кличте его!

Лаз.

Отчегоже-съ, А. С., не вливать?

Лип.

Ахъ, если-бъ вы знали, Л. Е. какое мнѣ житье съ ними! У мам.
7 пят. на недѣли, тят. какъ не пьянъ, такъ молчить, а какъ

пьянъ, такъ прибѣтъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ-бы я вышла за благород., такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдетъ по старому!

Лаз. Елиз.

Нѣтъ-съ, А. С., не будетъ этого. Вы думаете, что я этого не вижу! А я вижу все-съ. Мы, А. С., какъ только сыграемъ свадьбу, такъ переѣдемъ въ свой домъ-съ [и вы у меня будете полная хозяйка-съ]. А ужъ мы имъ-то командовать не дадимъ-съ! Нѣтъ ужъ теперь все кончено-съ! А. С. неужели вы думаете, что я васъ дамъ въ обиду кому нибудь. Этого никогда не бывать-съ [и не будетъ.] Будетъ съ нихъ—почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

А. С.

Да вы такіе робкіе, Л. Е. — Вы не посмѣете тятенькѣ ничего сказать, а съ благороднымъ-то они не много наговорили-бы.

Л. Е.

Отъ того и робѣлъ-съ, что было дѣло подначальное-съ. Нельзя-съ. Прекослов. не смѣю. А какъ заживемъ своимъ домомъ, такъ никто намъ не указъ. А вотъ вы все про благород. говорите. Да буд.-ли васъ такъ люб. благород., какъ я буду люб. Благород. то по утру на службѣ, а веч. по клуб. шатаются, а жена должна одна дома сидѣть | безо всяк. удовольствія. | А смѣю-ли я такъ-съ поступить-съ! Я всю жизнь долж. стар., какъ вамъ всякое удовольствіе доставить.

А. С.

Такъ смотрите-же, Л. Елиз., мы буд. жить сами по себѣ, а они сами по себѣ. Мы заведемъ у себя все по модѣ, а они какъ хотятъ.

Л. Е.

Ужъ это какъ и водится-съ.

А. С.

Ну теперь зовите тятиньку.—*(Встаетъ и охорашивается передъ зеркаломъ).*

Л. Е.

Тятеньва-съ! Тятенька-съ! (*идеть на встрѣчу С. С. | и бросает-ся къ нему въ объятія. |*) Маменька-съ, А. С. согласны-съ!

| А. К. |

| Бѣгу, бѣгу, бат., бѣгу. |

С. С.

Ну, вотъ и дѣло. То то же, я знаю, что дѣлаю, уже не вамъ меня учить!

Л. Е. къ А. К.

Маменька-съ, позвольте ручку поцѣловать.

А. К.

Цѣлуй, бат., обѣ чистыя. Ахъ-ты, дитятко мое (*цм. Лип.*), да казѣ же ты это давеча-то | такъ. Липочка! а! Ей Богу! Что-жъ это такое, | а ужъ я и не знала, какъ это дѣло и разсудить [то.] Ахъ, ненаглядная ты моя!

Л.

Я совсѣмъ, маменька, и не воображала, что Л. Е. такой учтивый кавалеръ! | А теперь вдругъ вижу, что онъ гораздо почтительнѣе другихъ. |

А. К.

Вотъ то то же, дур., ужъ отецъ тебѣ худа не пожелаетъ. [Сядьте-ка рядышкомъ, я погляжу на васъ]. | Ахъ ты, голубушка, ты моя! Ека вѣдь притча-то! а! Ахъ матушки вы мои! Что-жъ это такое! Фоми-нишна! Фом. |

| Фом. |

| Бѣгу, бѣгу, мат., бѣгу. |

С. С.

[И это дѣло, садитесь-ка, мы на васъ] | постой ты, таранта! Вотъ вы садитесь-ко рядкомъ; мы на васъ посмотримъ. Да подай[те] ты намъ, Ф., бут. шипучки. | (*Лип. сад., жем., Л. тоже бодрится.*)

Ф.

| Сейчасъ, б., сейчасъ | (*Вход. У. Н. и Рисп.*) [и Фом.]

А. Н.

Поздравь жениха-то съ невѣстой, У. Н., [посмотри-ка какая у насъ парочка-то]. [Вотъ Богъ привелъ на старости, У. Н., дожили до радости.]

[У. Н.]

[Да гдѣ-же это видано, чтобы такъ поздравляли, надобно шамп.—Ну дай вамъ Богъ жить да молодѣть, толстѣть да богатѣть, бриліантовья.]

[А. Н.]

[Принеси-ка поди, Фоминишна, бут , шампанскаго, прежде отчув.]

[Фом. (*примоситъ, начин. поздрав.*)]

[У. Н.]

[Богатѣть—горько, серебряныя].

[Рисп.]

[Поздр.].

[Лав. (*вст.*)]

[Я теперь пойду билеты заказывать].

У. Н.

Да чѣмъ же поздр.-то васъ, изумруд. Сухая ложка ротъ дереть.

С. С.

А вотъ мы тебѣ, пѣвчій соловушко, горлышко промочимъ. (*Лав. Тишка съ подн. и Фом.*).

У. Н.

Вотъ это дѣло другаго роду. Ну дай вамъ Богъ жить да молод. толст. да богат. (пѣть), горько, бриліантовья. [(*Цѣл. жеманно*)] [*вст. и кланяются*].

С. С.

Дай-ко я поздравлю [по своему] (*Беретъ бокалъ. А. С. и Л. встаютъ*). (бер. бут.), живите какъ знаете, свой разумъ есть. А чтобъ вамъ жить-то было нескучно—такъ вотъ тебѣ, Л., домъ и лавки пойдутъ вѣсто приданаго, да изъ наличнаго отщитаемъ [тысченокъ 50.]

Л. Е.

Помилуйте, тят., я и такъ вами много доволенъ.

С. С.

Что тутъ милос.-то, свое добро, самъ нажилъ. Кому хочу, тому и даю. (*Намивай еще*). Да что тутъ еще разговаривать-то. На милость суда нѣтъ. Бери все. Только насъ съ старухой корми, да кредиторамъ заплати коп. по 10.

Л.

Стоить-ли, тят., теперь объ эт. говорить-съ. Нешто я не знаю, пом., нешто я не чувствую.—Свои люди—сочтемся.

С. С.

Говорять тебѣ бери все, да и кончено дѣло. | И никто мнѣ не указъ. | Заплати только кредиторамъ. Заплатишь.

Л.

Пом., тятенька-съ—первый долгъ-съ.

С. С.

[То-то-же.] Только ты смотри, имъ много-то не давай. А то ты чай радъ съ дуру-то теперь все отдать.

Л.

Да ужъ тамъ, тят., какъ нибудь сочтемся-съ. | Помилуйте—свои люди. |

С. С.

Тото-же! Ты имъ больше 10 коп. не давай. Будетъ съ нихъ. Ну поцѣлуйтеса. [Ну теперь со мной]. (*А. К. подходитъ и нач. цѣлованіе*).

А. К.

Ахъ, голубчики, вы мои. Да какъ это такъ. Совсѣмъ вотъ какъ полоумная.

| У. Н. |

| Ужъ и гдѣ-же это видано. |

| Да и гдѣ-же—слыхано |

| Чтобы вур. . . . (*подх. къ Респ.*). |

[С. С. (*Стоитъ*).]

[Что-же ты, С. П., выпей за здор. жениха съ невѣстой. Что-жъ ты стоиши, аки не выпьешь за жениха-то съ невѣстой.]

[С. С.]

[Выпей-же, С. П., на радости.]

Рист.

Не могу, С. С., претить.

С. С.

Полно—ты! Выпей на радости.

У. Н.

Еще туда-же ломается.

Рисп.

Пр., С. С. Ей Богу пр. Вотъ я вод. рюмочку выпью. Этого натура не принимаетъ. Ужъ такая слаб. комплекція.

У. Н.

Ахъ ты проволоч. шея. Ишь ты у него натура не принимаетъ. Да давайте я ему за шив. вылью коли не выпьеть!

Рисп. (платится).

| Не прилич., У. Н., дамъ это неприлич. | С. С., не могу-съ. Развѣ бы я сталъ [гов., что не пью, коли пью] | отказываться. | Хе, хе, хе, да что-жъ я за дур., чтобы я такое невѣжество сдѣлалъ, видѣли мы люд. то знаемъ, какъ жить, а этого не могу, потому претить. | Вотъ я отъ воды никогда не откажусь—пож. хоть теперь рюмочку выпью. | А, вы С. С., безчинства не допускайте. Обидѣть не долге. А не хорошо, [можете отвѣчать за это.]

С. С.

Хорошенько его, У. Н., хорошенько (*С. П. уходитъ*).

У. Н. (став. вино на столъ. Приже его въ уюль и хват. за воротъ)

Врешь, купоросная [чернильная] душа, не уйдешь.

Рисп.

Карауль! (*всѣ хохочутъ*).

Сам. С. (*входитъ*).

Вотъ она жизнь-то; истинно сказано: суета суеть и всяческая суета. Чертъ знаетъ и самъ не разберешь чего хочется. Вотъ-бы и закусилъ что нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть одурь возьметъ (*садится*). Али чайкомъ-бы что-ль побаловать! (*смотря по уламъ*).

А. Н.

Что ты его слушаешь, какой тамъ еще шутъ пріѣдетъ. Такъ языкъ чесеть!

С. С.

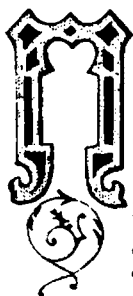
[Анъ вотъ] говорятъ тебѣ, что пріѣдетъ, такъ ужъ я стало быть знаю, что говорю.

конецъ 4-го (3-го) дѣйствія.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Черты изъ его жизни ¹⁾.

Молодой государь Александръ Николаевичъ, какъ въ сущности и всѣ члены царствующаго дома Романовыхъ, обладалъ замѣчательною памятью. Послѣдующіе два эпизода послужатъ тому довольно интересною характеристикой.

Его величество потребовалъ къ себѣ однажды флигель-адъютанта М. Л. Дубельта, во время его дежурства. Посадивъ его, онъ, съ обычною своею любезностью, взявъ со стола папиросницу, протянулъ ее къ Дубельту, сказавъ:

— „Хочешь папироску?“

— Я не курю, ваше величество, благодарю васъ, отвѣчалъ Дубельтъ.

Болѣе чѣмъ черезъ три года послѣ этого, въ Курскѣ, когда Дубельтъ былъ начальникомъ корпуснаго штаба, государь пригласилъ его въ свой кабинетъ, для отдачи нѣкоторыхъ приказаній, относя-

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ рассказы изъ жизни императора Александра Николаевича различныхъ лицъ:

Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г. Сообщ. А. Щербаковъ. „Русск. Стар.“ изд. 1883 г., т. XL, стр. 381—390.—Александръ II въ Курской губерніи въ 1861 г. Рассказъ Н. Давыдова. „Русск. Старина“ изд. 1885 г., т. XLV, стр. 419—430.—Александръ II въ Александрійскомъ институтѣ въ Новой Александріи. Сообщ. Л. „Русск. Ст.“ изд. 1887 г., т. LIV, стр. 241—243. — Императоръ Александръ Николаевичъ на звѣриныхъ охотахъ (съ 1849 по 1876 г.). Очерки очевидца. Сообщ. А. И. Михайловъ. „Русск. Ст.“ изд. 1838 г., т. LVIII, стр. 103—124.—Воспоминанія Теобальда: встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ. „Русск. Ст.“ изд. 1839 г., т. LXIV, стр. 94—102.—Александръ II въ Вологодской губерніи въ 1858 г. Сообщ. В. Т. Поповъ: „Русск. Старина“ изд. 1890 г., т. LXVIII, стр. 679—583, и проч.

щихся до смотра 4-й кавалерійской дивизіи, назначеннаго на слѣдующій день. Протянувъ Дубельту папиросницу, его величество ее быстро отдернулъ, сказавъ:

— „Ахъ, виновать, ты не куришь“.

Весною 1853 года Мих. Дубельтъ ходилъ иногда гулять на Дворцовую набережную, со своею женою, рожденною Пушкиною — дочерью поэта, и въ сопровожденіи огромной собаки, именуемой Татаромъ. Однажды они во время прогулки встрѣтили наслѣдника престола Александра Николаевича и при немъ была огромная собака Рогъ, сенъ-бернардской породы. Звѣри сдѣпились дракой, что, конечно, надѣлало много шума и визга. Во избѣжаніе подобной сцены, Дубельтъ не бралъ болѣе съ собою своей собаки, когда считалъ возможнымъ встрѣтить на прогулкѣ его высочество. Однажды отецъ Дубельта, Леонтій Васильевичъ, возвратившись домой и въ своей канцеляріи, часа въ три дня, сказалъ:

— „Бѣдный Наслѣдникъ. Онъ нездоровъ и ему сегодня ставили пивья“.

Натурально, М. Л. Дубельтъ полагалъ прогулку для его высочества въ тотъ день невозможною, пошелъ гулять съ женою и взялъ Татара. На набережной они встрѣтили наслѣдника, а за его высочествомъ шла его собака Рогъ, и баталія у Рога съ Татаромъ произошла болѣе ожесточенная, чѣмъ предыдущая. Его высочество кричить: „Рогъ!“, Дубельтъ кричить: „Татаръ!“, и во время этой суматохи Дубельтъ сказалъ:

— „Ахъ, ваше высочество, я думалъ, что я васъ сегодня не встрѣчу“.

Въ этотъ моментъ собаки отстали другъ отъ друга и хозяева ихъ поспѣшили уйти каждый въ свою сторону.

Послѣ этого прошло болѣе четырехъ лѣтъ времени и важныя перемѣны совершились. Императоръ Николай скончался, наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ сдѣлался императоромъ. Окончилась Крымская война и Михаилъ Дубельтъ, удостоенный званія флигель-адъютанта, служилъ въ Елисаветградѣ начальникомъ корпуснаго штаба. Его потребовали по служебнымъ дѣламъ въ Петербургъ, и, въ бытность свою дежурнымъ при его величествѣ въ Красномъ Селѣ, онъ имѣлъ счастье завтракать съ монархомъ. Приборовъ было всего четыре: государь, одинъ изъ великихъ князей,

командиръ гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ Плаутинъ и Мих. Дубельтъ. Во время завтрака его величество обращается къ Дубельту съ вопросомъ:

— „А что твой Татаръ живъ?“

Нѣтъ, ваше величество, Татаръ издохъ.

— „И мой Рогъ издохъ, — а помнишь, какъ они дрались на набережной? — Скажи, пожалуйста, продолжалъ государь, почему ты мнѣ во время ихъ послѣдней драки сказалъ, что ты не думалъ меня встрѣтить?“

Оттого, государь, что въ этотъ день мой отецъ, пріѣхавъ домой, сказалъ, что вы не совсѣмъ здоровы и что вамъ дома ставили пѣвки“.

— „И Леонтій Васильевичъ сказалъ правду, возразилъ государь, — меня тогда такимъ премудрымъ способомъ дѣйствительно лечилъ докторъ Мандтъ; поставить одну или двѣ пѣвки, а потомъ ступай гулять“.

Въ 1861 г., раннею осенью, покойный государь Александръ Николаевичъ, предпринявъ путешествіе въ Крымъ, въ Ливадію, произвелъ высочайшій смотръ въ Курскѣ 4-й кавалерійской дивизіи, начальникомъ которой былъ ген.-лейт. Столпаковъ. Начальникъ корпуснаго штаба, свиты его величества генер.-маіоръ Мих. Леонт. Дубельтъ, былъ на этомъ смотрѣ за старшаго, такъ какъ корпусный командиръ баронъ Оффенбергъ получилъ разрѣшеніе встрѣтить императора въ Чугуевѣ, гдѣ былъ назначенъ смотръ 6-й кавалерійской дивизіи. Дубельтъ привѣтствовалъ государя у строя и смотръ прошелъ блистательно. По окончаніи онаго его высочество, садясь въ коляску, предложилъ Дубельту возвратиться въ городъ вмѣстѣ съ нимъ. Во время дороги государь сказалъ Дубельту:

— „Дивизія славная и я смотромъ остался вполне доволенъ. Поздравь отъ меня Столпакова съ лентою Бѣлаго Орла“.

„Ваше величество, возразилъ Дубельтъ, — вы такой добрый, то вмѣсто ленты наградите генерала Столпакова арендой!.. Онъ состоянія никакого не имѣетъ, у него теперь дочь выходитъ замужъ, и я знаю, что онъ очень нуждается“.

Ничего не отвѣтивъ, государь ѣхалъ нѣсколько минутъ молча, такъ что Дубельтомъ овладѣло безпокойство, что не навлекъ-ли онъ на себя неудовольствіе государя императора за свое, быть можетъ,

неумѣстное ходатайство. Потомъ государь заговорилъ снова о постороннихъ предметахъ, и когда коляска остановилась у дворца, то его величество сказалъ Дубельту:

— „Пойдемъ завтракать“.

Въ залѣ былъ накрытъ столъ и тутъ ожидали государя графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, курскій губернаторъ Владиміръ Ивановичъ Денъ и курскій губернской предводитель дворянства Николай Яковлевичъ Скарятинъ. Государь, не останавливаясь, прошелъ въ свой кабинетъ; графъ Адлербергъ за нимъ послѣдовалъ, а Дубельтъ остался въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ графъ возвратился и, подойдя къ Дубельту, сказалъ ему:

— „Вамъ, конечно, Михаилъ Леонтьевичъ, будетъ пріятно узнать, что государь императоръ былъ весьма доволенъ смотрѣніемъ и назначилъ въ награду генералу Столпакову аренду на 12 лѣтъ— по 3 тысячи рублей въ годъ“.

Великодушіе и милость въ Божѣ почивающаго императора Александра Николаевича не требуютъ комментарія.

Дивный характеръ покойнаго императора Александра Николаевича, — кромѣ неимовѣрной доброты, отличался еще доступностію и дозволеніемъ возраженій, терпѣливо и милостиво выслушиваемыхъ. Когда же государь убѣждался въ справедливости и основательности ихъ, то онъ даже отмѣнялъ приказаніе, уже имъ отданное. Вотъ тому весьма интересное доказательство.

Въ 1862-мъ году, свиты его величества генераль-маіоръ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго своднаго кавалерійскаго корпуса, командиромъ котораго состоялъ знаменитый въ то время кавалерійскій генераль—баронъ Иванъ Петровичъ Офенбергъ. Корпусъ былъ значительный, и состоялъ изъ 30-ти восьми-эскадронныхъ полковъ, 23-хъ конныхъ батарей и конно-піонернаго дивизиона. Все это войско составляло пять кавалерійскихъ и одну конно-артиллерійскую дивизію.

Весною этого года Дубельтъ, жившій тогда въ Елизаветградѣ, получилъ депешу отъ своего брата Николая Леонтьевича, командира гвардейскаго драгунскаго полка, увѣдомлявшую его о крайне опасной болѣзни отца ихъ,—Леонтія Васильевича, желавшаго увидѣть своего отсутствовавшего сына. Депеша гласила, что доктора

не надѣялся, чтобы Дубельтъ могъ застать отца своего въ живыхъ. Дубельтъ, конечно, въ тотъ же день поскакалъ въ Петербургъ, и имѣлъ утѣшеніе найти отца своего еще въ полномъ сознаніи.

Послѣ кончины Леонтія Васильевича и похоронъ его, когда Дубельтъ уже собирался въ обратный путь, къ нему однажды вечеромъ пріѣхалъ фельдъегерь и доложилъ, что государь императоръ, имѣвшій тогда пребываніе въ Царскомъ Селѣ, проситъ его прибыть туда на другой день, съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Петербурга въ 10 час. утра, и прямо съ вокзала ѣхать во дворецъ, для чего и будетъ ожидать его придворный экипажъ, такъ что его величество будетъ ожидать Михаила Дубельта около 11-ти часовъ утра. Дубельтъ отправился по назначенію, совершенно не подготовленный и даже не зная и не подозрѣвая, для чего его требуютъ.

Государь съ обычною своею привѣтливостію принялъ Дубельта въ своемъ кабинетѣ, поздоровался, посадилъ, и затѣмъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— „Я хотѣлъ переговорить съ тобою по весьма важному дѣлу, — началъ государь, — скажи мнѣ, пожалуйста, какого ты мнѣнія о генералѣ С.“¹⁾?

„Мнѣ кажется, ваше величество, отвѣтилъ Дубельтъ, — что корпусной командиръ о немъ отличнаго мнѣнія, и что онъ дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ нашихъ начальниковъ дивизій“.

— „Нѣтъ, не въ строевомъ отношеніи, возразилъ государь, а знаю, что въ немъ онъ хорошъ, а въ политическомъ“?

„Я думаю, государь, что у него нѣтъ политическаго отношенія, онъ всецѣло занятъ ремонтами и обученіемъ своей дивизіи, и въ политику не вдается никогда. Но вамъ онъ человѣкъ вполне преданный, и всегда являетъ благоговѣнное уваженіе и полнѣйшую любовь“.

— „Такъ ты его плохо знаешь. Вотъ что онъ написалъ въ одномъ письмѣ: — „всѣ мы имѣемъ недостатки, но у нашего государя ихъ гораздо болѣе, чѣмъ у кого либо другого. Впрочемъ, не нуждайся я въ службѣ, какъ въ средствѣ къ жизни, я бы давно службу отправилъ бы къ ч...““.

При видѣ изумленной фізіономіи Дубельта, Государь продолжалъ: „Тебѣ это, быть можетъ, покажется смѣшнымъ, а мнѣ каково переносить подобныя вещи“.

„Ваше величество, по моему — просто невозможно, чтобы С. напи-

¹⁾ Генералъ С. былъ тогда начальникомъ 4-й кавалерійской дивизіи, расположенной въ Курской губерніи и входившей въ составъ отдѣльнаго своднаго кавалерійскаго корпуса.

салъ подобно письмо, и вѣрите, что тутъ кроется крупное недоразумѣніе“.

— „Недоразумѣніе, а если я скажу тебѣ, что я самъ читалъ это письмо, ты мнѣ повѣришь?“

„Конечно, повѣрю“?

— „Ну, такъ я самъ читалъ это письмо. Что ты скажешь на это?“

„Скажу, что если это письмо, дѣйствительно, писалъ генераль С., то это, вѣроятно, въ принадлежъ сумасшествія, или онъ просто былъ пьянъ, хотя я этого недостатка никогда за нимъ не замѣчалъ, или онъ сотворилъ это подъ вліяніемъ какого-нибудь номера газеты „Колоколь“, Герцена“.

— „Все это прекрасно, но я не могу допустить, чтобы въ настоящее тревожное время, при большомъ составѣ кавалерійскихъ дивизій и когда въ нихъ такъ много молодежи, во главѣ дивизіи стоялъ генераль, который такъ отзывается о службѣ, и я уже приказалъ военному министру смѣнить С.“.

„Ваше величество, — почтительно доложилъ Дубельтъ, — мнѣ кажется, что если вы меня удостоили великой чести призвать меня для объясненій по этому дѣлу, то ваше величество этимъ самымъ дали мнѣ право, и даже обязанность, откровенно высказать вамъ мое мнѣніе“.

— „Конечно, говори“.

„Ваше величество, не смѣняйте С.“.

— „Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ?“

„Дозвольте мнѣ, такъ какъ я дня черезъ три возвращаюсь въ Елизаветградъ, остановиться въ Курскѣ, осмотрѣть 4-ю кавалерійскую дивизію по полкамъ, постараться проникнуть въ духъ офицеровъ, и истинную правду вамъ донести. Avec le général S. je ferai même l'agent provocateur. Если это недоразумѣніе даже не разъяснится, но въ дивизіи окажется все благополучно, то вы, быть можетъ, по добротѣ своей, простите С. въ память его до сихъ поръ вѣрной службы и отличій въ Севастополѣ“.

Пристально посмотрѣвъ на Дубельта, въ продолженіе почти минуты, государь императоръ спросилъ: „А ты берешь-ли это дѣло на свою отвѣтственность?“

„Весьма охотно, тѣмъ болѣе, что оно, вѣроятно, разъяснится недѣли черезъ двѣ“.

— „Хорошо, займай къ военному министру и скажи ему, чтобы онъ мнѣ обо всемъ этомъ доложилъ“.

Послѣ этого государь еще съ четверть часа весьма милостиво разговаривалъ съ Михаиломъ Дубельтомъ, спрашивалъ его объ его

ожиданіяхъ по службѣ, такъ какъ осенью того же года предполагалось учрежденіе военныхъ округовъ и упраздненіе корпусныхъ штабовъ. Его величество даже предложилъ Михаилу Леонтьевичу Дубельту мѣсто губернатора въ Твери, въ виду того, что тогдашній тверской губернаторъ графъ Барановъ уже заявилъ объ оставленіи имъ этого поста, послѣ отпразднованія тысячелѣтія Россіи. Во время этого милостиваго разговора, его величество, вспомнивъ, что Дубельтъ, оправдывая генерала С., упомянулъ о газетѣ „Колоколъ“, поставилъ Дубельту вопросъ: котораго изъ двухъ онъ предпочитаетъ—Герцена или князя Долгорукова, въ то самое время издававшего также за границей газету „Правда“. На отвѣтъ Дубельта, что, по его мнѣнію, оба они одинаково дурные люди, его величество возразилъ, что онъ предпочитаетъ Герцена, который хотя постоянно бранится, но по крайней мѣрѣ хотя иногда что-либо и предлагаетъ дѣльное, между тѣмъ какъ князь (Петръ) Долгорукій только бранится.

Пріѣхавъ въ Курскъ и приступивъ къ выполненію возложеннаго на него его величествомъ порученія, Дубельтъ въ скорости доискался, что упомянутое письмо было написано не генераломъ С., но его сыномъ, молодымъ поручикомъ Вѣлорусскаго гусарскаго полка,—находившимся въ составѣ той же дивизіи. Недоразумѣніе становилось очевиднымъ. Письмо отъ С. изъ Курска, доложенное его величеству, натурально было принято какъ написанное генераломъ С., такъ какъ въ Петербургѣ въ ту минуту и не вспомнили, что въ той же дивизіи есть офицеръ того же имени.

Это интересное дѣло окончилось совершенно правильно. Молодой С. былъ удаленъ изъ службы, а отецъ его продолжалъ командовать дивизіей, вѣроятно, не подозрѣвая до самой своей смерти, какая грозная туча висѣла надъ его головою, но не разразилась изъ-за доступности, справедливости и милосердія незабвеннаго монарха.

Въ 1859-мъ году, во время высочайшихъ смотровъ въ Умани, флигель-адъютантъ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ былъ однажды дежурнымъ при покойномъ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Когда лица свиты начали уже собираться у подъѣзда дворца къ обѣду, то въ ожиданіи пріѣзда его величества, поѣхавшаго съ графомъ Ламбертомъ кататься въ знаменитый Уманьскій садъ

Софіувку,—Дубельтъ, какъ дежурный, сталъ отбирать прошенія отъ нѣкоторыхъ лицъ изъ публики. Между прочими стоялъ отставной унтеръ-офицеръ конно-гвардейскаго полка, довольно бѣдно одѣтый и державшій въ рукахъ сложенный листъ бумаги. На вопросъ Михаила Дубельта въ чемъ дѣло, проситель объяснилъ, что хочетъ просить у его величества пособія на бѣдность, и тутъ же добавилъ, что 14-го декабря 1825 года онъ служилъ вахмистромъ въ лейбъ-эскадронѣ конно-гвардейскаго полка, подъ командою графа Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, и ходилъ съ своимъ эскадрономъ въ атаку на мятежниковъ. Михаилъ Дубельтъ приказалъ ему стать поближе къ подъѣзду, желая обратить на него милостивое вниманіе императора. И дѣйствительно, когда государь, подъѣхавъ въ открытой коляскѣ, сталъ выходить изъ оной, то Дубельтъ, поддерживая его подъ руку, сказалъ: „ваше величество“, — государь остановился, и Дубельтъ продолжалъ: „дозвольте обратить ваше вниманіе на этого унтеръ-офицера, который, въ бытность свою вахмистромъ въ лейбъ-эскадронѣ конной гвардіи, ходилъ съ нимъ въ атаку на мятежниковъ, во время возмущенія 14-го декабря“. Его величество тотчасъ же подошелъ къ нему и сталъ задавать ему нѣкоторые служебные вопросы, во время которыхъ Дубельтъ стоялъ около императора. Діалогъ сложился слѣдующимъ образомъ: „а сколько лѣтъ ты состоялъ на службѣ“? Во время отвѣта унтеръ-офицера, Дубельтъ говоритъ государю, въ полъ-голоса, по французски: „*Donnez lui de l'argent, il est très pauvre*“.— „А Георгіевскій крестъ ты когда получилъ?“ И во время отвѣта, не смотря на Дубельта, Государь говоритъ ему: „*Donnez lui 50 roubles*“.

Подобное соединеніе императорской официальной важности съ безпредѣльною добротою всегда дѣлало величайшую честь обходительности и мягкости сердца покойнаго Царя-Освободителя.

Назначеніе Михаила Леонтьевича Дубельта тверскимъ губернаторомъ не состоялось, вслѣдствіе обрушившихся на него въ томъ же, 1862-мъ году, семейныхъ несчастій....

Императоръ Петръ II Алексѣевичъ.

Помѣщаемъ на стр. „Русской Старины“ подлинное письмо императора Петра II Алексѣевича своему дѣду по матери. Письма этого молодого государя, внука Петра Великаго, сколько мнѣ извѣстно, довольно рѣдки, въ особенности къ отцу Шарлотты-Софіи, матери Петра II-го. Содержаніе настоящаго письма довольно незначительно, тѣмъ не менѣе не лишено историческаго интереса.

Графъ С. Д. Шереметевъ.

Moscau, den 20 February 1728.

Durchlauchtiger Herzug Freundlich vielgeliebter Herr Grossvater.
 Ew. Durchl. und Liebden geben mir durch Dero werthestes Schreiben, so mir von Deroselben die ohnlängst alhier angekommene gräfin Golofkin mitgebracht, ein abermahliges und so verbindliches zeugniss Dero werthgeschätzten und wohlwollenden Andenkens, dass mein darob hegendes Vergnügen nicht vollkommener seyn kann, noch auch bie Erkentlichkeit, so Ich Ev. Durchl. und Liebden derfass aufrichtigst behalte. Ev. Durchl. und liebden wollen hievon ungezweifelt persuadirt seyn, und dass mir nichts angenehmeres begegnen könne, als die Gelegenheit, dermahleins zu Ev. Durchl. und Liebden und dero fürstlichen Hauses Vergnügen etwas gefälliges beyzutragen, und dadurch die Ihnen vollkommen gewiedmete verwandliche Freundschaft und Affection im Werke selbst an den Tag zu legen. Die anfangsgedachte Gräfin Golofkin hat nur die von Ev. Durchl. und Liebden genossene gar besondere Gnadenbezeugungen, dermassen angerühmet, dass Ich den darunter vor mich bezeugten grossväterlichen Egard factsam erkenne, und nicht umbhin seyn kan, Ihnen derfals absonderlichen Dank abzustatten wie auch vor das mir überschikte sehr angenehme Present von Gewehr, welches Ich als ein Andenken Ev. Durchl. und werthen Persohn jeder Zeit conserviren, und durch etwas gefälliges gelegentlich zu erwiedern suchen, auch übrigen und zu jeder Zeit mit aufrichtiger Eigebeheit seyn werde Ew. Durchl. und liebd. freundwilliger Enkel Petrus.

Сообщ. графъ С. Д. Шереметевъ.

Москва, 20-го февраля 1723 г.

[Переводъ]. Свѣтлѣйшій герцогъ, любезный многолюбимый господинъ дѣдущка! Ваша Свѣтлость и Милость даетъ мнѣ чрезъ ваше драгоцѣнное письмо, которое я получилъ чрезъ недавно сюда прибывшую графиню Головкину, новое и обязательное доказательство вашего почтеннаго воспоминанія, и мною испытываемое удовольствіе о томъ не можетъ быть совершеннѣе, равно какъ и благодарность, которую я искренно сохраняю къ Вашей Свѣтлости. Ваша Свѣтлость и Милость желаете, безъ сомнѣнія, быть увѣрены въ этомъ и ничего пріятнѣе не могъ бы я встрѣтить какъ случай услужить когда-нибудь Вашей Свѣтлости и Милости и вашему княжескому дому и доказать, такимъ образомъ, на дѣлѣ вамъ вполне посвященную родственную дружбу и привязанность.

Выше помянутая графиня Головкина такъ хвалила мнѣ особенно оказаннаго ей Вашею Свѣтлостью милости, что я въ томъ истинно вижу знакъ дѣдушкинаго ко мнѣ вниманія, и не могу не высказать вамъ за то мою особенную благодарность, равно какъ и за присланный мнѣ весьма пріятный подарокъ,—оружіе, которое я сохраню навсегда какъ память отъ Вашей Свѣтлости и Милости, и постараюсь воздать при удобномъ случаѣ.

Вмѣстѣ съ симъ остаюсь навсегда искренно почтительный Вашей Свѣтлости и Милости ввукъ благосклонный вамъ

„Петръ“.

ПЪОНЯ О ПОВЪГЪ ДВОРОВАГО ЧЕЛОВЪКА

въ 1787 году.

Охъ, какъ былъ-то я добрый молодецъ во неволюшкѣ,
 Во неволюшкѣ, въ домѣ господскимъ.
 Служилъ я своему князю вѣрой-правдою,
 Ужъ тому князю строгому
 Князю Николаю Сергѣичу Долгорукому;
 Служилъ я ему тринадцать лѣтъ,
 Не заслужилъ я себѣ славы добрыя,
 Славы добрыя, чести милости.
 Не видалъ я дней веселныхъ,
 А всегда я былъ во кручинушкѣ.
 Безъ резону онъ всегда гнѣвался,
 Безъ вины онъ насъ наказывалъ,
 Онъ наказывалъ насъ всегда палочьемъ.
 А послѣ того подъ караулъ сажалъ,
 Подъ караулъ сажалъ на хлѣбъ, на воду.
 Заставлялъ работать въ зеленомъ саду,
 По прешпехтамъ березовымъ,
 По дорогамъ зеленымъ.
 Что копали мы пруды глубокиѣ,
 Огораживали двory птичныѣ.
 Запретилъ онъ намъ по ночамъ гулять,
 По ночамъ гулить, въ хороводъ ходить,
 Заказалъ онъ намъ и пьянствовать;
 Сего я отъ роду не зналъ и за то я присягу принималъ.
 И тому князь вспыльчивый не увѣрился.
 Ужъ онъ сталъ склонять во массонію,
 Во массонію—вѣру проклятую.
 И за то меня хотѣлъ жаловать:
 Онъ давалъ мнѣ платья цвѣтныя,
 Награждалъ меня золотой казною;
 И онъ спмъ прахомъ не прельстилъ меня,
 За которое беззаконіе онъ прогнѣвался.
 Посадилъ меня на круглый столъ,

Надѣлъ на мени ожерелочекъ,
Еще сковалъ мнѣ ноги скорыя,
Ноги скорыя, руки бѣлыя.
И хотѣлъ меня наказывать.
И того мнѣ не случилось;
Всѣ желѣзцы съ меня свалилися,
Ожерелочекъ съ меня и такъ скочилъ.
Что съ того времени я гулять пошелъ,
На чужую дальнюю сторону,
Что во ту-ли землю шведскую,
Въ которой жилъ я ровно два года.

Примѣчаніе: Эта любопытная пѣсня напечатана въ „Нижегородскомъ Сборникѣ“, изд. 1890 г., т. X, стр. 555—556, въ интересной статьѣ В. И. Снѣжневскаго: „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ“, и извлечена составителемъ статьи изъ подлиннаго дѣла о побѣгѣ въ 1787 г. отъ князя Николая Сергѣевича Долгорукова двороваго его человѣка, по ремеслу живописца.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1891 г.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

А П Р Ъ Л Ъ , М А Й , І Ю Н Ъ .

Записки и Воспоминанія.

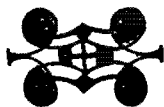
	СТРАН.
I. Москва и Казань въ началѣ XIX-го вѣка. Записки Ивана Алексѣевича Второва. Сообщ. А. Н. Яхонтовъ	1—22
II. Фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забал- канскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузенемъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	45—70, 267—304
III. Записки профессора и ректора императорской академіи художествъ Федора Ивановича Гор- дана, род. 13-го августа 1800 г., умеръ 19-го сентября 1883 г. Глава V—XVIII. 71—116, 305—337, 547—580 Письмо гравера Раймбаха къ А. Н. Олевину о Ф. И. Горданѣ	337
IV. Записки архимандрита Владиміра Терлец- каго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера, 1808—1858 гг. Гл. XVIII—XXII. Сообщ. Л. Лопатинскій	581—601

	СТРАН.
V. Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова съ 1816-го г. Гл. I—III. 23—43, 449—469, 657—679	657—679
VI. Императорская С.-Петербургская медико-хирургическая академія въ 1833—1863 гг. Записки поч. члена акад. Николая Федоровича Здекауера. Главы I—III. 117—135, 361—378	361—378
VII. Дневникъ графа Петра Александровича Валуева, 1847—1856 гг. . 167—182, 337—360, 603—616	603—616
VIII. Дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, 1864 и 1865 гг. 137—166, 379—428, 617—656	617—656
IX. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, какъ министр народнаго просвѣщенія. Посмертныя записки бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа, Петра Дмитриевича Шестакова, 1866—1880 гг. Гл. III—V. (Окончаніе) . 183—210	183—210
Замѣтка. Сообц. В. И. Модестовъ	656

Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. —
 Разказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Никифоръ Вяземскій, воспитатель царевича Алексѣя Петровича, 1696 г. Сообц. А. Н. Труворовъ	602
II. Гетманъ Мазепа, 1704 г. Сообц. И. Шатиловъ .	680
III. Императоръ Петръ II Алексѣевичъ, письмо его къ дядѣ 1728 года. Сообц. графъ С. Д. Шереметевъ .	727

	СТРАН.
IV. Донесеніе графа Толя императору Николаю I о кончинѣ гр. Ив. Ив. Дибича, 29-го мая 1831 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	499—500
V. Депутаты новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ, въ августѣ 1831 г. Сообщ. С. А. Тучкова.	511—514
VI. Поручикъ Александръ Нееловъ, уб. 8-го сентября 1854 г., на Альмѣ. Сообщ. Алексѣй Нееловъ	263—265
VII. Гродненская процессія 14-го августа 1861 г. Сообщ. всендзь I. Маевскій	489—498
VIII. Алексѣй Ѳеодоровичъ Арбузовъ, генераль-адъютантъ. Къ „Воспоминаніямъ г.-л. М. А. Маркова о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку“, 1796 — 1861 гг. Сообщ. Д. А. Арбузовъ	681—694
IX. Императоръ Александръ Николаевичъ. Черты изъ его жизни.	719—726
X. Петръ Александровичъ Степановъ, генераль-отъ-инфантеріи. Ред.	211—217
XI. Дворянскій полкъ, 84-я годовщина его учрежденія, 1807— ^{апрѣль} ₁₄ —1891 гг.	249—262
XII. Памяти въ Бозѣ почившей вел. княг. Ольги Ѳеодоровны. Сообщ. В. П. Желиховская	501—506
XIII. Его Императорское Высочество вел. князь Николай Николаевичъ Старшій	507—510
XIV. Замятки и поправки въ Запискамъ Н. В. Берга. Сообщ. П. А. и Ев. Бакунина	218, 266, 470

Исторія русской литературы.

- I. Василий Трофимович Нарѣжнѣй, род. 1780 г., † 21-го іюня 1825 г. Очеркъ четвертый. Сообщ. Н. А. Бѣлозерская. 471—487, 523—546
- II. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.
1. Къ его биографіи, 1847 г. Сообщ. В. Ѳ. Демищъ. 429—431
 2. Тарасъ Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ смерти поэта, 1861 ^{† февраля}₂₆ 1891. Сообщ. А. И. Родзевичъ. 432—446
 3. Замятка о портретѣ Шевченко 1859 г. Сообщ. С. Неклюдовъ. 447
- III. Николай Филиповичъ Павловъ, стихотвореніе его графу А. А. Закревскому 136
- IV. Николай Ѳедоровичъ Щербина: эпиграммы, шутки, экспромты 44, 448, 488
- V. Александръ Николаевичъ Островскій.
1. Его комедія: „Банкротъ“ [Свои люди сочтемся], собственноручная его рукопись, подаренная имъ М. И. Семевскому въ 1855 г., въ Москвѣ. 219—248, 695—718
 2. Портретъ А. Н. Островскаго. Гравюра на мѣди художника Ѳ. И. Веревкина. Ред. 249—250
- VI. Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ, его стихотвореніе. Сообщ. В. И. Розенгеймъ. 338
- VII. Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ, двадцатипятилѣтняя годовщина служенія его въ званіи присяжнаго повѣреннаго, 1866 ^{маѣ}₃₁ 1891 гг. 515—522
-
- VIII. Пѣсня о побѣгѣ двороваго человѣка въ 1787 г. 729—730
- IX. Пѣсня о городѣ Иркутскѣ. Замятка. Сообщ. А. Никольскій. 470
-

Портреты.

I. Портретъ Тараса Григорьевича Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 г. Копію съ портрета исполнилъ художникъ Жебровский, гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.

(При стр. 523).

II. Портретъ Александра Николаевича Островскаго, съ фотографіи, сообщенной Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ, гравироваль на мѣди художникъ Федоръ Ивановичъ Веревкинъ.

(При стр. 1)

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціею ген.-лейт. Г. А. Леера, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Сиб., 1883—1890 гг., въ 6. 8 д., въ два столбца, пять томовъ въ 17-ти выпускахъ, буквы: А — Наполеоны. (На оберткѣ IV кв. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
2. Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томъ шестой. Исторія академіи наукъ. Г. Ф. Миллера, съ продолженіями І. Г. Штриттера (1725—1743 гг.). Сиб. 1890 г., 6. 8 д., стр. 635 (составлено и издано на нѣмецкомъ языкѣ). (Тамъ-же).
3. Свѣтъ Азии (The light of Asia). Поэма Эдвина Арнольда. Переводъ А. Анненской, подъ редакціей В. Лесевича. Съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ-же. Сиб., 1890 г., 8 д., стр. СIII+238. (Тамъ-же).
4. Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности императорскаго вольнаго экономическаго общества, съ 1865 до 1890 г. Составленный по порученію общества секретаремъ его А. Н. Бекетовымъ. Сиб. 1890 г., 8 д., стр. 200. (Тамъ-же).
5. Генераль-маіоръ Левъ Львовичъ Кирпичевъ, † 1890 г., 17-го ноябри. Издалъ Павелъ Потоцкій (штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи 1-й артил. бригады). Сиб., 1891 г., 8 д., стр. 40. Съ двумя портретами Л. Л. Кирпичева. (Тамъ-же).
6. В. П. Авенариусъ. Три вѣнца. Романъ изъ временъ перваго Самованца. Въ трехъ частяхъ. Сиб., 1891 г., м. 8 д., стр. 537. (Тамъ-же).

7. Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ I. Состав. В. И. Межовъ. Издавъ И. М. Сибиряковъ. Сиб. 1891 г., 6. 8 д., стр. XII+485 въ два столбца. (На оберткѣ V кн. „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г.).
8. Городъ Холмъ (Псковской губерніи) и его уѣздъ. Историко-статистическій очеркъ. Исслѣдованіе Н. В. Затѣйщикова-Второго. Изданіе Холмскаго городского общественнаго управленія. Къ книгѣ приложены: изображеніе памятника Екатерины II (въ Сиб.) и портреты: императоры Александръ I и Александръ II, каковыя гравюры заданы иждивеніемъ почетнаго гражданина города Великихъ-Лукъ М. И. Семевского. Сиб., 8 д., стр. 380+VI и три таблицы. (Тамъ-же).
9. Н. Оглоблинъ. Семенъ Дежневъ, 1638—1671 гг. Новая данныя и пересмотръ старыхъ. Сиб. 1890 г., 8 д., стран. 60. (Тамъ-же).
10. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Выпускъ первый. Сиб., 1891 г., 6. 8 д., стр. 237. (Тамъ-же).
11. О наказаніи по законодательству Петра Великаго. Историко-юридическое исслѣдованіе Александра Филиппова, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва, 1891 г., 8 д., стр. X + 457. (На оберткѣ VI кн. „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г.).
12. Основы судебной реформы (къ 25-тилѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. Гр. Джаншіева. Приложеніе: Опись „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“. Москва, 1891 г., 8 д., стр. XVI+364 + 52. (Тамъ-же).
13. К. Ф. Хартуларн. Итоги прошлаго.—1866 — 1891 гг. (Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныхъ рѣчи). Посвящается двадцатипятилѣтію судебныхъ учреждений. Сиб., 1891 г. 8 д., стр. XVII+576. (Тамъ-же).
14. Изданіе Ф. Павленкова.—Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1800). А. М. Скабичевского. Сиб., 1891 г., 8 д., стр. 523 + III. (Тамъ-же).
15. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Н. П. Семенова. Томъ III, ч. I-я. Третій періодъ занятій. Съ портретами гр. Н. И. Панина и изображениями на двухъ таблицахъ 19-ти членовъ редакціонныхъ комиссій. Изд. М. Е. Комарова. Сиб., 1891 г., 6. 8 д., стр. 509. Трудъ посвященъ государю императору Александру Александровичу. (Тамъ-же).
16. Историческіе очерки города Саратова и его округа, составленные А. И. Шахматовымъ, подъ ред. Вл. Г. Вучетичъ. Вып. I-й. Саратовъ, 1891 г., 6. 8 д., стр. XI+205+15. (Тамъ-же).

Изданы Ф. Павленкова. — История русской прозаической литературы (1848—1890). А. М. Скабичевского. Сиб. 1891 г., 8 д., стр. 523 + XIII. Цена 2 р.

А. М. Скабичевский, уроженец Петербурга (род. в 1838 г.), воспитывался в Ларинской гимназии (1848—1856 гг.) и посылал курсы по естественному образованию в петербургского университета в 1861 году. Литературная деятельность его началась еще на студенческой скамье и первая статья его была напечатана, если не ошибаюсь, в «Разсвѣтѣ», в одном из вышедших журналов, посвященных задачам воспитания, записка в 1859 году. Одним из талантливых сотрудников «Отечественныхъ Записокъ» 1868—1864 гг. в некоторых других периодических изданий, А. М. Скабичевский весьма близко изучил историю русской литературы, для которой много потрудился в одном из ближайших отделов — критики. В настоящей книге обозревается история изящной литературы и находящейся в тесной связи с нею критики. Поэтому в книге этой, как объясняется в предисловии к ней, — говорится лишь о деятели литературы, которые или прямо относятся к изящной литературе, или так или иначе соотносятся к ней и лишь — насколько соотносятся.... «Такъ какъ дуть времени, идеи и все перипетии умственного движения разсмотрѣнной эпохи наиболее ярко выразились в критикѣ, то авторъ книги въ первыхъ ее главахъ соединилъ общій обзоръ эпохи съ историей критики въ лицѣ ее главныхъ представителей и затѣмъ уже излагаетъ историю самой изящной литературы, какъ продукта, разсмотрѣннаго предварительно умственного движения времени».

Въ характеристикахъ своихъ авторъ обрисовываетъ некихъ мало-мальски выдающихся русскихъ литературныхъ деятелей (въ области критики и изящной словесности) на ближайшемъ имъ периодъ послѣдняго сорока лѣтъ.

Книга А. М. Скабичевского пользуется большимъ и весьма заслуженнымъ успѣхомъ.

Освобождение крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника деятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Н. П. Семюкова. Титъ III. ч. I-я. Третій періодъ занятій. Съ портретами гг. Н. Н. Панина и изображеніями въ двухъ таблицахъ 19-ти членовъ редакціонныхъ комиссій. Изд. М. Е. Комарова. Сиб. 1891 г., 6. 8 д., стр. 500. Трудъ посвященъ государю императору Александру Александровичу.

Въ первой части III-го тома въ высокой степени интересной дѣлится трудная славною память редакціонныхъ комиссій (также заботливо и роскошно издана М. Е. Комаровымъ, какъ и предыдущія книги) заключается описаніе разработана Положеній 19-го февраля. Во второй части, какъ объясняетъ Н. П. Семюковъ, будутъ соединены заключительныя работы по выработкѣ проекта такъ же Положеній. Нельзя достаточно поблагодарить Н. П. Семюкова за воспроизведеніе, съ тщательностью, его подлинныхъ записокъ деятельности поминутныхъ комиссій; напечатанное лишь, когда еще живы, умъ уже немногіе, члены редакціонныхъ комиссій и когда истинность или ошибка этой дѣлится, буде таковыми бы оказались, могутъ быть исправлены, — наданіе это является апожее своевременное.

Историческіе очерки города Саратова и его округа, составленные А. П. Шахматовымъ, подъ ред. Пл. Г. Вучетича. Вып. I-й. Саратовъ, 1891 г., 6. 8 д., стр. XI+306+15. Цена 1 р. 25 коп.

Трехсотлѣтній юбилей славнаго города ознаменованъ славными же дѣлами, какъ напр., рѣшеніемъ мѣстной Думы соорудить памятникъ Петру I, открытъ три бездѣльныхъ пародическихъ чтецкихъ и проч. Юбилей, вызвалъ рядъ наданій, посвященныхъ старинѣ Саратова; этотъ рядъ открываютъ вышеназванные очерки Эпоха, заслуживая въ этомъ весьма почтенномъ трудѣ, простирается отъ первыхъ древнѣйшихъ извѣстій о Саратовской округѣ до настоящаго времени. Первый выпускъ книги объясняетъ время до 1764 года. Составителемъ книги претворенію цѣль подается матеріалами незначительными.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ф. ПИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К^о).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Дамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (69 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (36 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (16 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (71 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (65 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (69 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (95 экз.) съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

